
АРХЕОЛОГИЯ ВОЛГО-УРАЛЬЯ

Ранний железный век

ТОМ
III

КАЗАНЬ
2021

АРХЕОЛОГИЯ ВОЛГО-УРАЛЬЯ

УДК 902
ББК 63.443

Утверждено к печати Ученым советом
Института археологии им. А.Х. Халикова АН РТ

A87 Археология Волго-Уралья. В 7 т. Т. 3. Ранний железный век / Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ; под общ. ред. А.Г. Ситдикова; отв. ред. А.А. Чижевский. – Казань: Изд-во АН РТ, 2021. – 676 с.: ил.

ISBN: 978-5-9690-1951-6, 978-5-9690-0954-7

Третий том «Археологии Волго-Уралья» включает результаты новейших исследований раннего железного века. Том охватывает древности I тысячелетия до н. э., с IX в. до н. э. вплоть до II/III вв. н. э. и содержит описание основных археологических культур Волго-Уралья. В первой части книги основное внимание уделено первой фазе раннего железного века, когда в степной зоне были распространены ранние кочевники – скифы, савроматы и др., а в лесной зоне обитали носители ананьинской, городецкой и других археологических культур, входившие в периферию скифо-сибирского мира. Культуры второй фазы раннего железного века рассматриваются во второй части тома, которая включает сарматский мир в степной зоне и постананьинский в лесной. Подробно характеризуются поселенческие и погребальные памятники, жилые сооружения, хозяйство и социальные отношения населения раннего железного века как степной, так и лесной ландшафтных зон.

The third volume on the “Archaeology of the Volga-Urals” presents the results of the latest studies of the early Iron Age. The volume covers the antiquities of the 1st millennium BC, from the 9th century BC to the early 1st millennium AD until the 2nd/3rd centuries AD, and describes the main archaeological cultures of the Volga-Urals. The primary focus of the first part of the book is the first phase of the Early Iron Age, when the early nomads – the Scythians, Savromats, and others were widespread in the steppe zone, and the carriers of the Ananyino, Gorodets and other archaeological cultures, who were part of the periphery of the Scytho-Siberian world, lived in the forest zone. The cultures of the second phase of the Early Iron Age are addressed in the second part of the volume, which includes the Sarmatian world in the steppe zone and the Post-Ananyino world in the forest zone. The publication features detailed characteristics of the settlement and burial monuments, residential buildings, economy and social relations of the population of the early Iron Age both in the steppe and forest landscape zones.

ISBN: 978-5-9690-1951-6, 978-5-9690-0954-7

DOI: <https://doi.org/10.24852/978-5-9690-0951-6.2021.3>

*Многотомное издание «Археология Волго-Уралья» подготовлено
и издано за счет средств Государственной программы Республики Татарстан
«Сохранение национальной идентичности татарского народа (2020–2024 годы)»*

© Институт археологии АН РТ, 2021

© Изд-во АН РТ, 2021

АРХЕОЛОГИЯ ВОЛГО-УРАЛЬЯ

ПОД ОБЩЕЙ РЕДАКЦИЕЙ
ЧЛ.-КОРР. АКАДЕМИИ НАУК РТ
А.Г. СИТДИКОВА

РЕДКОЛЛЕГИЯ

А.А. ЧИЖЕВСКИЙ (ответственный редактор)

С.В. КУЗЬМИНЫХ

А.В. ЛЫГАНОВ (секретарь)

АРХЕОЛОГИЯ ВОЛГО-УРАЛЬЯ

Археология Волго-Уралья
в 7 томах

ТОМ I	КАМЕННЫЙ ВЕК
ТОМ II	ЭНЕОЛИТ И БРОНЗОВЫЙ ВЕК
ТОМ III	РАННИЙ ЖЕЛЕЗНЫЙ ВЕК
ТОМ IV	ЭПОХА ВЕЛИКОГО ПЕРЕСЕЛЕНИЯ НАРОДОВ
ТОМ V	ВОЛЖСКАЯ БУЛГАРИЯ ФИННО-УГОРСКИЙ МИР ТЮРКОЯЗЫЧНЫЕ КОЧЕВНИКИ (VIII – НАЧАЛО XIII ВВ.)
ТОМ VI	ПЕРИОД УЛУСА ДЖУЧИ (ВТОРАЯ ТРЕТЬ XIII – ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XV ВВ.)
ТОМ VII	ПОЗДНЕЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ (СЕРЕДИНА XV–XVII ВВ.)

Авторы тома III:

АСЬКЕЕВ И.В.
АШИХМИНА Л.И.
БАРЦЕВА Т.Б.
БЕРНЦ В.А.
БУГРОВ Д.Г.
ВАСКУЛ И.О.
ВОЛКОВА Ек.В.
ВОЛКОВА Ел.В.
ВОРОБЬЕВА С.Л.
ГАЗИМЗЯНОВ И.Р.
ГОЛДИНА Р.Д.
ГОЛУБЕВА Ю.В.
ГРИШАКОВ В.В.
ЗАВЬЯЛОВ В.И.
ЗУБОВ С.Э.
КИТОВ Е.П.
КОРЕНЮК С.Н.
КУЗЬМИНЫХ С.В.
ЛЕЩИНСКАЯ Н.А.
МЫШКИН В.Н.
МЯСНИКОВ Н.С.
ОЧИР-ГОРЯЕВА М.А.
ПАТРУШЕВ В.С.
ПЕРЕСКОКОВ М.Л.
САПРЫКИНА И.А.
САТТАРОВ Р.Р.
СКРИПКИН А.С.
СТАВИЦКИЙ В.В.
СТАШЕНКОВ Д.А.
ТАГИРОВ Ф.М.
ТАИРОВ А.Д.
ТЕРЕХОВА Н.Н.
ХОХЛОВ А.А.
ЧЕРНЫХ Е.М.
ЧИЖЕВСКИЙ А.А.

ВВЕДЕНИЕ

РАННИЙ ЖЕЛЕЗНЫЙ ВЕК В ВОЛГО-УРАЛЬЕ И НА СЕВЕРЕ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

Эра ранних металлов, протяженность существования которой достигала более четырех тысячелетий, сменилась железным веком, когда изделия, ранее вырабатывавшиеся из камня, меди и бронзы стали изготавливаться из железа.

Первые железные орудия появились задолго до начала железного века в эпоху энеолита в VI тыс. до н. э. Они изготавливались из метеоритного железа и отличались большой концентрацией никеля, что увеличивало твердость и хрупкость металла. Соответственно и методика обработки метеоритного железа была возможна с применением методов, выработанных при изготовлении каменных орудий, с помощью различных ударных техник и давления. В то же время известны предметы, полученные с помощью холоднойковки, а также отдельные изделия, обработанные по технологии горячейковки.

В Северной Евразии наиболее древние находки железных предметов относятся к раннему и среднему бронзовому векам. Они встречены в памятниках ямной, афанасьевской и катакомбной культур. И если в коллекциях ямной и катакомбной культур представлены орудия труда и оружие из железа, то среди находок афанасьевской культуры отмечены исключительно железные украшения (Корякова, Кузьминых, Бельтикова, 2011, с. 11).

Однако изделия из метеоритного железа не могли заместить медь и бронзу ввиду редкости используемого для его изготовления сырья, и только открытие технологии получения железа из руд способствовало началу этого процесса, который завершился сменой технологических эпох.

Первые свидетельства выплавки железа из руд относятся концу IV тыс. до н. э. – первой половине II тыс. до н. э. и связаны с Малой Азией (Архипов, 2009, с. 3; Медведская, 2012, с. 226). На территории Северной Евразии самые ранние попытки получения кричного железа предпринимались еще в эпоху средней бронзы носителями катакомбной культуры (Кузьминых, 2003, с. 156). К эпохе поздней бронзы на рассматриваемой территории относятся несколько десятков железных предметов – в основном это шилья, ножи и кинжалы из памятников срубной, сабашиновской и ноуа культур (Корякова, Кузьминых, Бельтикова, 2011, с. 11).

В финале бронзового века железные и биметаллические предметы отмечены в культурах валиковой керамики и еловской, отдельные изделия происходят из памятников маклашеевской культуры (Корякова, Кузьминых, Бельтикова, 2011, с. 11, 12; Чижевский, 2012, с. 384). Самое большое количество предметов выявлено в памятниках белозерской, бондарихинской и фракийского гальштата культур и представлено, в основном, кинжалами, шильями и фибулами, повторяющими по форме бронзовые образцы.

Долгое время изделия из железа сосуществовали с предметами из меди и бронзы, так как последняя обладала большими преимуществами по сравнению с железом. Среди них более низкая, чем у железа, температура плавления меди; лучшие литейные свойства цветного металла, в то время как до изобретения чугуна с железом были возможны только кузнечные технологии; высокие антикоррозионные свойства бронзы и, наконец, эстетические свойства меди и бронзы.

Изучение процесса освоения технологии обработки железа привело к появлению ряда периодизаций этого явления. Так, в соответствии с исследованиями Э. Снодграсса выделяются три стадии развития черной металлургии. На первой – изделия из железа были очень редки и имели элитарный и культово-ритуальный статус; на второй – железо использовалось в обиходе в меньшей или равной пропорции с медью и бронзой; на третьей – железо доминировало в производственном процессе над остальными металлами (Snodgrass, 1980, p. 335–374).

Существует и более дробная периодизация процесса освоения железа, разработанная Р. Плейнером. Первая фаза характеризуется временем, когда железо встречалось редко и имело ритуальное значение. На протяжении второй фазы железо уже научились получать из руд, но в небольшом количестве – это т.н. прото-железный век; собственно железный век относится к третьей фазе, когда основные орудия труда и оружие стали вырабатывать из железа. На четвертой фазе начинается массовое производство всех видов железных орудий труда и оружия (Pleiner, 2000).

Верификация этих концепций произошла в результате анализа переднеазиатских письменных источников, произведенного И.Н. Медведской. Это исследование позволило автору прийти к выводу о том, что железный век начался в то время, когда железо стало массово использоваться для изготовления орудий труда и оружия, а объем его потребления превзошел количество использовавшейся для этой же цели бронзы. Временные границы этого события на Ближнем Востоке относятся к X–IX вв. до н. э. (Медведская, 2012, с. 242).

На территории Северной Евразии этот процесс имел значительную протяженность по времени и свою специфику в различных регионах. На Северном Кавказе, в Северном Причерноморье и Волго-Камье он начался в IX–VIII вв. до н. э., в остальных областях значительно позже. В настоящее время можно утверждать, что технологический переход к использованию железа в умеренной зоне Северной Евразии произошел в промежутке между VIII и III вв. до н. э. (Корякова, Кузьминых, Бельтикова, 2011, с. 12).

Таким образом, рубеж II и I тысячелетий до н. э. и первые века I тысячелетия до н. э. являются границей, отделяющей эпоху раннего металла с характерным для нее господством меди и сплавов на ее основе от эпохи железа, продолжающейся до наших дней. Первая стадия этого нового исторического периода – от начала широкого использования железных изделий до эпохи Великого переселения народов, фиксирующей начало Средневековья, – называется в археологии ранним железным веком.

Периодизация древностей раннего железного века Волго-Уралья опирается на устоявшееся и общепризнанное представление о делении этой эпохи на два больших подразделения – две фазы, материальная культура которых резко отлична. Первая фаза связана с существованием скифо-сибирского мира в степной зоне и ананьинской культурно-исторической области в лесной, вторая с сарматским миром в степной зоне, а также городецкой и пьяноборскими культурами в лесных и лесостепных областях (Кузьминых, 2007; Kuzminykh, 2006; Кузьминых, Чижевский, 2014, с. 101).

Начало железного века в степной зоне ознаменовалось переходом от пастушеского и скотоводческо-земледельческого хозяйства к экстенсивному кочевому и полукочевому скотоводству. В обширной зоне степей Восточной Европы в предскифское время (IX– первая половина VII вв. до н. э.) сформировалось несколько археологических культур, хозяйство которых базировалось на кочевом скотоводстве. Наиболее известные из этих культур черногородовская и новочеркасская, кото-

рые существовали на Северном Кавказе и в Северном Причерноморье и традиционно связываются с историческими киммерийцами. В степях Волжско-Уральского междуречья к памятникам предскифского (переходного) времени относятся две группы погребений. Первая характеризуется захоронениями, в которых умершие лежали скорченно на левом боку; ко второй относятся погребения, в которых умершие располагались вытянуто на правом боку или на спине, вытянуто на спине с разворотом на левый бок, на правом боку с небольшой степенью скорченности. С первой группой погребений связана керамика нурского типа, известная по поселениям степного Поволжья (Коренько, 1978; Таиров, в данном издании). Аналогии этой керамике отмечены на памятниках предскифского времени Восточного Прикаспия, Приаралья, Центрального и Западного Казахстана (Качалова, 1989а, с. 43; 1989б). Наличие двух погребальных традиций в степной зоне Волго-Уралья свидетельствует о сложных процессах формирования населения начала раннего железного века, связанного с процессами трансформации культуры населения финала бронзового века и миграциями начала эпохи раннего железа. Эти процессы, вероятнее всего, были обусловлены изменениями климатических условий, а именно: аридизацией климата на рубеже II–I тыс. до н. э. (Таиров, 2003, с. 49).

К VII в. до н. э. в степном поясе Евразии от Минусинской котловины и Ордоса на востоке до Дуная на западе все многообразие различных племен, обитавших на этой территории, было объединено в рамках скифо-сибирского мира (Мартынов, 1980; Канторович, 2006, с. 308), скрепами которого была так называемая скифская триада – комплекс вещей, бытовавших у всех археологических культур на огромных просторах евразийских степей. В состав скифской триады входили морфологически и стилистически близкие типы оружия, конской упряжи и украшений в зверином стиле (Ольховский, 1997). Носителей этих скифо-сибирских культур специалисты относят к племенам, говорившим на разных диалектах иранских языков (Абаев, 1949; 1965; Эдельман, 2009).

В Волго-Уралье на рубеже VII–VI вв. до н. э. сложилась археологическая культура, которая, согласно античным письменным источникам, ассоциируется с савроматами – кочевым народом, жившим к востоку от р. Танаис (Смирнов, 1964). Несмотря на безусловное отношение данной культуры к скифо-сибирскому миру, эта культура имеет значительное своеобразие, выражающееся в наличии особого – савроматского – звериного стиля, который использовался для оформления рукоятей мечей, кинжалов, конской упряжи, зеркал, каменных алтарей-жертвенников и т.д. (Смирнов, 1976).

В Нижнем Поволжье в последние десятилетия выделяют скифскую культуру, отличную от савроматской, которую, по мнению М.А. Очир-Горяевой, можно отнести к провинциально-скифской культуре (Очир-Горяева, в данном издании).

К IV в. до н. э. в результате трансформации савроматской культуры окончательно сформировалась прохоровская (раннесарматская) археологическая культура, которая определяла основные тенденции в развитии материальной культуры степной зоны Волго-Уралья вплоть до II в. до н. э. (Скрипкин, 1990, с. 165–179; в данном издании). В этот период распространяются новые образцы материальной культуры, такие как тальковая керамика, железные мечи переходного типа с изогнутым или сломанным под тупым углом перекрестием, а также мечи и кинжалы с серповидным навершием и прямым перекрестием, бронзовые зеркала больших размеров с валиком по краю, сбруйные наборы с фаларами, покрытыми зооморфными, растительными и мифологическими сюжетами и др. Наследием предшествующей эпохи оставались мечи с бабочковидным перекрестием, антенным навершием и некоторые другие категории предметов.

Наряду с появлением новых черт облик прохоровской культуры в материальной и духовной области сохранил преемственность с савроматской археологической культурой, и этот факт позволяет говорить о непрерывности развития культуры ранних кочевников Волго-Уралья на протяжении как минимум VI–III вв. до н. э. (Скрипкин, 2017; Яблонский, 2015). Существенные различия в погребальном обряде и инвентаре свидетельствуют о сильной социальной стратификации сарматского общества, в котором доминировала кочевая знать, хоронившая своих умерших под большими курганами (Филипповка и др.) и сопровождавшая умерших богатыми погребальными дарами (Яблонский, 2008; Пшеничнюк, 2012; Скрипкин, 2017).

Лесную полосу Восточной Европы в раннем железном веке занимали три крупных культурно-исторических области: ананьинская, «текстильной» и «штрихованной» керамики.

На западе и северо-западе Русской равнины развивались культуры «штрихованной» керамики, названные так по распространенной в их ареале грубой толстостенной лепной керамике, покрытой орнаментальной штриховкой, а также близкая к ним днепро-двинская культура (Третьяков, 1966; Васк, 1991; Короткевич, Мазуркевич, 1992; Короткевич, 2004; Егорейченко, 2006; и др.).

Северо-запад и центр Русской равнины вплоть до Среднего Поволжья занимали культуры текстильной керамики (КТК), характерной особенностью материальной культуры которых была

глиняная посуда, покрытая отпечатками, имитирующими отпечатки ткани, и бронзовые кельты мелларского или аозинско-мелларского типа (Гурина, 1963; Кузьминых, 1983; Косменко, 1991а; 1993; Марков, 2007; Гусаков, Кузьминых, 2008; Новиков, 2018; и др.). Западные и северо-западные памятники КТК представлены исключительно поселениями – городищами и селищами. На востоке, на Нижней Оке и Средней Волге, кроме поселений известны и могильники (Младший Волосовский, Аозинский, Старший Ахмыловский, Козьмодемьянский, Убеевский) (Чижевский, 2008). Ввиду отсутствия в погребениях КТК керамики, диагностирующей чертой этой культуры на некрополях являются кельты аозинско-мелларского типа (Кузьминых, 1983, рис. 54; 1993а; Kuzmi-puch, 1996; Кузьминых, Чижевский, 2006).

Всю восточную часть лесной зоны и север Восточной Европы в раннем железном веке занимала ананьинская культурно-историческая область (АКИО) (Кузьминых, 2000, с. 107, 108). Центром ареала АКИО были две крупнейшие реки Русской равнины: Волга в ее среднем течении и Кама; по берегам этих рек на юге, в зоне широколиственных лесов, и на севере, в южнотаежной зоне, располагались городища, селища и могильники (Бадер, 1951; Воеводский, 1951; Збруева, 1952; Вечтомов, 1967; Халиков, 1977; Патрушев, 1984; Ванчиков, 1992; Черных и др., 2002; Марков, 2007; Чижевский, 2008; Ашихмина, 2014; Митряков, Черных, 2014; Коренюк и др., 2014; Новиков, 2018). В северной части ареала, по преимуществу в зоне темной тайги, в бассейнах Печоры, Вычегды, Мезени и Северной Двины были распространены сезонные поселения, «поселения-мастерские» и святилища (Ашихмина, Васкул, 1997; Жульников, 2005).

Формирование АКИО связано с миграциями маклашеевских, «текстильных», лебяжских (и других постгаринских) популяций в финале позднего бронзового века (ПБВ) и дальнейшей интеграции их в единое надкультурное образование, связанное близостью материальной и духовной культуры. В ареале АКИО выделяются четыре стержневые археологические культуры: аозинско-ахмыловская, постмаклашеевская, классическая ананьинская (шнуровой керамики) и вятско-ветлужская (гребенчато-шнуровой керамики), которые образуют ядро ананьинского мира. Взаимодействие этих культур и активные миграции внутри культурно-исторической области определили подвижные территориальные рамки АКИО в пределах лесной зоны Восточной Европы в различные хронологические периоды (Кузьминых, 2000; Кузьминых, Чижевский, 2009; 2015).

В IV–III вв. до н. э. на севере европейской части России продолжились процессы культурогенеза в рамках трех уже упоминавшихся культурно-исторических областей или ареалов.

Ареал культур «штрихованной» керамики заметно расширился в восточном и северо-восточном направлениях. Это привело к изменению всего облика культур текстильной керамики: «штрихованная» и заглаженная керамика становится неотъемлемой частью их керамического комплекса, круглодонные формы вытесняются плоскодонными. Эти процессы развивались в центре Русской равнины по преимуществу в широтном направлении. Безусловно, проявлялась региональная специфика. В верховьях Западной Двины и Днепра продолжилось развитие днепро-двинской культуры с характерной для этого региона керамикой, украшенной отпечатками гребенчатого штампа (Короткевич, Мазуркевич, 1992). В то же время здесь выявлено заметно больше «текстильной» и «штрихованной» керамики по сравнению с остальной территорией днепро-двинской культуры. Под воздействием волго-окских и прибалтийских традиций здесь складывается гибридный тип материальной культуры (Короткевич, 2004).

Эти процессы охватили также южную, юго-западную и северо-западную периферию КТК, где обособляются культуры гибридного типа: дьяковская в центре Русской равнины, городецкая и верхнеокская – в бассейне Оки (Горюнова, 1961; Гурина, 1963; Смирнов, Трубникова, 1965; Третьяков, 1966; Миронов, 1995; Вишневецкий, 1991; Сарапулкина, 2006; Сыроватко, 2009; Кренке, 2011), асваская – в Эстонии (Льугас, 1970; Lang, 2007), волховский тип памятников в Приволховье и Приильменье (Юшкова, 2011) и др. На западных памятниках дьяковской культуры «текстильная» керамика постепенно выходит из употребления. В Верхневолжье, Двинско-Сухонском междуречье, Заонежье и Карелии под восточным влиянием продолжился процесс трансформации «текстильных» культурных образований и обособления культур гибридного типа (лууконсари-кудома, позднекаргопольская и др.).

Судя по археологическим данным, вероятно, только в Костромском и Ярославском Поволжье «текстильный» компонент дольше всего доминирует в керамическом комплексе, несмотря на то, что в нем присутствует и ананьинская гребенчатощнуровая керамика, и ярко выраженные гибридные формы ананьинско-«текстильной» посуды. В остальной части прежнего ареала КТК доминируют гибридные формы керамики (Гурина, 1963; Третьяков, 1966; Косменко, 1993; Новиков, 2018).

Симбиоз ананьинских и «текстильных» традиций на северо-западе Европейской России зашел

настолько далеко, что провести четкие границы тех или иных культурных образований не представляется возможным. С этого времени такие культуры, как лууконсари-кудома, позднекаргопольская и др., с полным правом можно рассматривать в рамках АКИО.

На юге АКИО в ареале постмаклашеевской культуры в Усть-Камье, Самарском и Ульяновском Поволжье распространяются памятники белогорского типа с керамикой, украшенной подтреугольными и овальными вдавлениями (Матвеева, 1975; Чижевский, 2014). Продолжают функционировать и могильники, но в целом количество известных памятников в это время существенно сокращается по сравнению с предшествующим этапом. Та же ситуация наблюдается в Чувашском и Марийском Поволжье, где отмечены немногочисленные поселения и крайне редко могильники (Чурачикский), культурная принадлежность которых еще не до конца понятна (Каховский В.Ф., 1963; Каховский Б.В., 2006).

Сужение ареала АКИО на юге, по всей вероятности, связано с воздействием культур ранних кочевников, их активизацией в буферном лесостепном пограничье региона. Свидетельством тому находки керамики прохоровской культуры на памятниках постмаклашеевской культуры в Усть-Камье и классической ананьинской культуры Нижнего Прикамья (Ашихмина, 2014, рис. 50: 5, 6, 8; Чижевский 2017, рис. 18: 9, 10), а также гафурийских (раннесарматских) сосудов на постмаклашеевских поселениях р. Белой (Чижевский, 2013).

В Среднем и Верхнем Прикамье (включая Вятку) продолжили свое развитие без заметного внешнего воздействия вятско-ветлужская и классическая ананьинская культуры АКИО (Вечтомов, 1967; Ашихмина, 1985; 2014; Ванчиков, 1992; Марков, 1994; 2007; Черных и др., 2002; Митряков, Черных, 2014; Коренюк и др., 2014; и др.).

На второй – заключительной – фазе раннего железного века (III/II в. до н.э. – II/III в. н. э.) процессы культурогенеза в европейской части России развивались в русле дифференциации и перегруппировки сложившихся в предшествующую эпоху культурных образований.

Во II в. до н. э. под влиянием миграции центрально-азиатских номадов меняется облик культуры волго-уральских кочевников, исчезают погребения с дромосом, появляются новые образцы клинкового оружия: мечи без металлического навершия, близкие к китайским, мечи с кольцевым навершием, а также круговая керамика и алебастровые сосуды, бронзовые зеркала с умбоном в центре диска, фибулы среднелатенской схемы и ранние образцы лучковых фибул, распространя-

ются бусы из стекла и камня и т.п. (Скрипкин, в данном издании; Мышкин, в данном издании). Миграционные процессы фиксируются и по антропологическим исследованиям, которые отмечают появление на сарматских некрополях погребений с новым для региона антропологическим типом (Балабанова, 2010).

Анализ предметов материальной культуры, изменения в антропологическом составе населения и письменные источники позволили исследователям прийти к выводу о том, что во II–I вв. до н. э. в степях между Волгой и Уралом обитало смешанное население, включавшее потомков носителей прохоровской культуры и переселенцев из Центральной Азии (Скрипкин, 2017; в данном издании). В археологическом отношении это население относят к среднесарматской культуре, время существования которой ограничено II в. до н. э. – II в. н. э.

Во II–I вв. до н. э. произошло завоевание сарматами степей Северного Причерноморья и вытеснение скифов из Днепро-Донского междуречья в Крым, Нижнее Приднепровье и Буго-Днестровское междуречье (Полін, 1984; Дашевская, 1989; Максименко, 1997; Скрипкин, 2017). К I в. н. э. носители среднесарматской культуры распространились на протяжении всей степной зоны Восточной Европы на обширные территории между Днестром и Уралом.

В волго-уральских степях кочевое население по сравнению с предшествующим временем было малочисленным, так как регион в это время стал периферией сарматского мира, а лесостепные районы оставались, по сути, «диким полем» (Мышкин, в данном издании).

Во второй половине II в. н. э. процесс трансформации среднесарматской культуры привел к оформлению позднесарматской археологической культуры.

В результате процессов дифференциации в лесной полосе Восточной Европы произошел разрыв прежнего единого культурного пространства, которое занимала АКЮ, – от Камы и Печоры на востоке до Финляндии и Карелии на западе. Многими исследователями ананьинская культурно-историческая область (в широком понимании этого термина) рассматривается как колыбель предков прибалтийских и поволжских финнов и пермских народов. В постананьинскую эпоху восточное влияние теряет роль катализатора культурных и этнических процессов в северо-западных областях Европейской России, как это было в рамках АКЮ. Для предковых культур западных финнов доминирующим вновь становится балтийский вектор культурных связей.

В это время происходит размежевание культур Волго-Камья (кара-абызская, гафурийская, убаларская, гляденовская, чегандинская, худяковская) и крайнего Северо-Востока Европы (пиджская, джуджидьягская), с одной стороны (Поляков, 1967; Пшеничнюк, 1973; Генинг, 1988; Ашихмина, Васкул, 1997; Васкул, 1997; Голдина, 2004; Мельничук и др., 2013; Коренюк и др., 2014; Лещинская, 2014; Перескоков, 2018; Голдина, Лещинская, 2018; и др.), и Волго-Окского междуречья (дьяковская, городецкая), Верхневолжья, Заонежья, Белозерья, Карелии и Финляндии (позднекаропольская, лууконсаари-кудома, с керамикой «арктического» типа или кьельмо) – с другой (Косменко, 1991б; 1993; Манюхин, 1991; Жульников, 2005).

В пьяноборскую и последующие эпохи на севере и северо-западе Восточной Европы и в Финляндии все еще сохраняется мода на изготовление украшений в стиле, характерном для прикамских культур (Косменко, 1993, с. 123–129), но связано ли это с этнокультурными связями или торговлей, еще предстоит выяснить.

В дьяковской культуре западных и центральных районов Волго-Окского междуречья становится еще более заметным влияние западных культур «штрихованной керамики» (верхнеокской, днепро-двинской, юхновской и др.) (Горюнова, 1961; Вишневский, 1991; Сыроватко, 2009; Кренке, 2011; и др.). Вполне вероятно, что дьяковская культура на этом этапе является уже частью не финно-угорского, а балтского мира. «Текстильное» наследие сохраняется только на восточной и северо-восточной периферии этой культуры, в Ярославском и Костромском Предволжье и Заволжье (Гурина, 1963; Третьяков, 1966; Гусаков, Кузьминых, 2008; Новиков, 2018). В этих районах, особенно на Вологодчине, выявлен целый пласт погребальных памятников (трупосожжения, помещенные в «дома мертвых») (Башенькин, 1996), которые получают широкое распространение в раннесредневековых культурах западных и поволжских финнов. Вероятно, именно в этих районах сформировалось в раннем средневековье ядро археологических культур, с которыми связаны своими истоками предки поволжских финнов – меря и мари.

«Текстильное» наследие сохранилось также в среднем и нижнем течении Оки, в ареале ранней городецкой культуры (Халиков, 1962; Сыроватко, 2009). Этой культуре отводится, как известно, ключевая роль в формировании тех культурных образований раннего средневековья, с которыми связаны истоки других поволжско-финских народов – муромы и мордвы (Смирнов, Трубникова, 1965). В это время происходит существен-

ное расширение ареала городецкой культуры в юго-восточном и южном направлениях. Миграция направлена в правобережные и даже таежные (Ветлуга) районы Среднего Поволжья, в бассейны Суры и Свияги, в верховья Дона. Племена городецкой культуры занимают благоприятные для их жизнеобеспечения (прежде всего, придомного животноводства) лесные анклавы в глубине поволжской и донской лесостепи вплоть до Самарской Луки, Хвалынских гор и ленточных боров в районе Саратова и Воронежа (Халиков, 1962; Матвеева, 1975; Миронов, 1995; Медведев, 1999; Сарапулкина, 2006).

Археологические культуры Прикамья (за исключение гафурийской и убаларской) и Европейского Северо-Востока образуют ареал предковых культур пермских народов, объединенных в пьяноборскую культурно-историческую область (Генинг, 1988). Развитие камских культур пошло по пути концентрации племенных групп на крупнейших водных артериях в местах с обширными пойменно-луговыми угодьями. Освоение малых

рек и водораздельных пространств происходит в Прикамье только в мазунинское время (Останина, 1997), когда важную роль в системе жизнеобеспечения стало играть подсечно-огневое земледелие. В конце эпохи наметился сдвиг камских групп населения на запад. Племена азелинской культуры, которые отождествляются с носителями парапермского языка (Смирнов, 2014, с. 91, 98), дисперсными группами осваивают Вятско-Ветлужское междуречье (Никитина, 1999).

Северные группы парапермлян связаны с культурами гляденовской общности Пермского Прикамья и Северо-Востока Европы (Васкул, 1997; Мельничук и др., 2013; Перескоков, 2018), которые сформировались на базе шнурового и гребенчато-шнурового ананьина и при участии носителей зауральских культур. В Северном Приуралье сохраняется дисперсное расселение гляденовских групп, унаследовавших от своих предков охотничье-рыболовецкий уклад хозяйства (Васкул, 1997).

ТЕРРИТОРИАЛЬНОЕ ДЕЛЕНИЕ И ПРИРОДНО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ ВОЛГО-УРАЛЬЯ В РАННЕМ ЖЕЛЕЗНОМ ВЕКЕ

Началом раннего железного века (РЖВ) на территории Волжско-Камского края и прилегающих территорий считается период второй половины IX–VIII вв. до н. э. (Марков, 2001; 2007; Чижевский, 2008). Начало РЖВ приходится на последнюю фазу суббореального периода (SB-3). «Изменения комплекса материальной культуры и погребального обряда происходят в Волго-Камье очень быстро, вероятно, в течение одного-двух поколений, ... распространение технологии производства железа в IX–VII вв. до н. э. повлекло за собой изменение предшествующей материальной культуры населения и формирование нового набора культурных стереотипов ананьинской культурно-исторической области уже раннего железного века» (Чижевский, 2012).

В данном регионе в поздней фазе суббореала наблюдалась тенденция климатических изменений от тепло-сухой к более влажной и холодной, но были кратковременные инверсии (не более 5–10 лет) в обратную сторону. Среднегодовая температура была в пределах современных значений (1951–1980 гг.) на юге региона и ниже на 1°C на севере и в центре, среднегодовое количество осадков было в среднем на 50 мм больше современных значений (Аськеев и др., 2009). Конец суббореального периода на данной территории является одним из переломных этапов в развитии климата в сторону похолодания и увеличения влажности, а также поднятия уровня грунтовых вод. Видимо, в этот период происходит окончательное формирование современных типов почв. К концу среднего и началу позднего голоцена на территории края полностью оформляется современная лесная зона. Для первой фазы субатлантического периода были характерны весьма быстрые во времени ландшафтные перемены на крайнем востоке Европы. Началом заметного сокращения площадей «первичных» девственных лесов и изменение его состава в виде появления больших площадей вторичных формаций также относится к началу субатлантического периода (около 2500–2000 лет назад). Около 2600–2500 л. н. наступает глобальное похолодание, известное как неогляциал, поэтому он считается началом субатлантического периода. Климат первой фазы

субатлантического периода (SA-1) характеризуется как очень изменчивый. Периоды похолоданий в западной части Северной Евразии выявляются в 2500, 2200, 1900, 1700 л. н., а периоды потеплений – 2300, 2000, 1800, 1600 л. н. Согласно опубликованным данным (Климанов, 2002; Аськеев и др., 2009) в центральной части Волжско-Камского края в пик похолодания в самом начале субатлантика средние температуры июля (17,5–18,5 °C), среднегодовые температуры (2,0–2,5 °C), а также января (–14,5–15,5 °C) были ниже почти на 1–1,5 °C по сравнению с современными (1951–1980 гг.), но при этом годовая сумма осадков была меньше на 25–60 мм или близка к современным. В периоды потеплений климатические показатели были очень близки к современным показателям (1951–1980 гг.). Климат середины и конца первого тысячелетия до н. э. на данной территории отличался несколько повышенной влажностью и значительной прохладой: реконструкция количественных показателей климата по палеоботаническим и палеофаунистическим данным показала, что общая сумма годовых осадков составляла в центре края 590–650 мм, среднеиюльская температура 17–17,5 °C, среднеянварская –15,5–16,5 °C. Среднегодовая температура составляла (~ от +0,7° до 1,5–2 °C, количество дней с температурой выше 0 °C составляло не более 185–190 дней (Аськеев и др., 2009). Таким образом, климатические показатели второй половины I тысячелетия до н. э. на территории Среднего Поволжья имели заметный тренд в сторону повышения увлажнения и похолодания, границы леса продвинулись южнее, лесостепь сужала свои границы, отдельные степные участки сохранялись внутри обширных лесных территорий (Аськеев и др., 2009). В целом в эпоху раннего железного века в климатическом отношении проявлялось чередование холодных и влажных и теплых засушливых периодов, длившихся, как правило, не более 1–3 столетий.

С самым концом первого тысячелетия до н. э. и началом первого тысячелетия н. э. связаны значительные перемещения различных этносов, вызванные в первую очередь изменениями климата: наблюдалось минимальное увлажнение, аридиза-

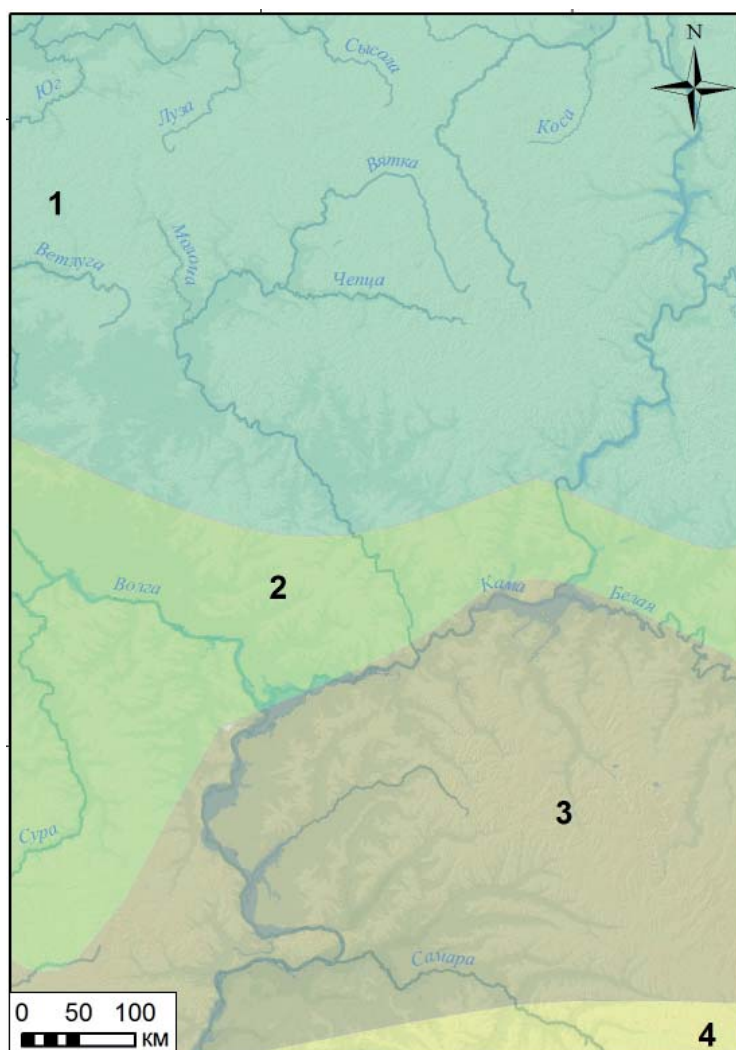

Рис. 1. Карта расположения природных зон в первой фазе раннего железного века (конец SB – 3) в Волжско-Камском крае

Условные обозначения: 1 – подзона южной тайги; 2 – подзоны хвойно-широколиственных и широколиственных лесов; 3 – зона лесостепи; 4 – степная зона

ция, особенно в Передней Азии, Средиземноморье и Центральной Азии.

Общий обзор природных обстановок в раннем железном веке Вятский край (57–61° с. ш., 46–54° в. д.)

Реконструкция растительности Вятского региона и использование её в качестве индикационных показателей эволюции климата в голоцене были исследованы Н.Г. Ивановой (1971), И.А. Жуйковой (1999) и О.М. Пахомовой (2004).

В начале раннего железного века (в конце позднего SB) похолодание вызвало резкое уменьшение роли сосновых лесов. В растительном покрове доминировали еловые леса с большой примесью березы. Начало субатлантического периода (2500 л. н.) характеризуется некоторым похолоданием климата (материалами И.А. Жуйковой (1999) показано, что в Вятском крае на границе суббо-

реала и субатлантика температурные показатели были ниже современных на 1–1,5 °С), что привело к сокращению роли широколиственных пород и появлению в растительности сибирского элемента флоры – пихты. Значительная миграция на территорию Вятского края пихты (*Abies sibirica*), согласно радиоуглеродным данным, началась около 2000 л. н. Вследствие этого в области широкое распространение получили темнохвойные пихтово-еловые леса (рис. 1). В группе травянистых растений торфяников для этого времени отмечается постоянное присутствие пыльцы кустарничков порядка *Ericales* (вересковых) – типичных компонентов травяно-кустарничкового яруса хвойного леса.

Таким образом, растительность позднего SB и начала SA была очень сходной: таёжной (средняя и южная тайга), где на территории области преобладали еловые леса с заметной долей сосны (*Pinus silvestris*) и березы (*Betula sect. Albae*) (рис. 1; 2,

табл. 1). Последние были распространены как в виде при меси к еловым лесам, так и образовывали отдельные лесные массивы. Отмечаются некоторые региональные различия в растительном покрове: на юге Вятского края большую роль в формировании ценозов играла сосна, на севере – ель (*Picea abies*), а на западе – береза (табл. 1).

**Верхнее Прикамье
(58–61° с. ш., 54–60° в. д.)**

К настоящему времени для территории Верхнего Прикамья проведено незначительное количество палеоэкологических исследований периода голоцена на основе палинологических, карпологических данных, подкрепленных результатами радиоуглеродного анализа (Немкова, 1976; Еловичева, 1991; Лаптева и др., 2017; Трофимова и др., 2019; Shumilovskikh et al., 2020).

На основе полученных данных для второй половины голоцена реконструируется следующая динамика растительного покрова Верхнего Прикамья.

В период 3400–1600 кал. л. н. произошло уменьшение роли широколиственных пород и леса приобрели подтаежный вид. Вероятно, к этому привело поздне-суббореальное похолодание в интервале 3400–2600 кал. л. н. (SB-3, 3200–2500 ¹⁴C лет). Преобладали пихтово-еловые либо елово-пихтовые формации с участием березы, сосны и в незначительном количестве широколиственных пород (таблица 2). В SB-3 произошло уменьшение роли широколиственных пород в составе древостоя и шло становление подтаежных и таежных формаций, близких современным средне-южнотаежным лесам данного региона (рис. 1). С этого времени и в течение SA-1 (2600–1800 кал. л. н.) пихта стала играть существенную роль в древостое, формируя южнотаежные пихтово-еловые или елово-пихтовые формации (рис. 2, табл. 2). На лесную растительность в раннем железном веке сильно повлияла антропогенная вырубка лесов и выпас скота.

**Южная часть
Вятско-Камского междуречья (ВКМ)
(55–57° с. ш., 51–54° в. д.)**

Природные обстановки и прежде всего динамика растительности в голоцене данного региона были достаточно подробно охарактеризованы в ряде работ (Ятайкин, Шаландина, 1975; Немкова, 1978; 1981; Бакин, 2008; Баранова, 2010; Чижевский и др., 2018).

Последующее похолодание и увеличение влажности в поздне-суббореальный период привели к смещению всех природных зон на юг, которое продолжалось и в начале субатлантического периода. В позднем суббореале и в первой фазе

субатлантического периода на большей части ВКМ господствовали темнохвойные леса из ели (*Picea abies* и *Picea obovata*) и пихты с большей или меньшей примесью широколиственных пород (рис. 1; 2, табл. 3), в то время как для юга ВКМ было характерно наличие сосновых лесов с небольшой примесью темнохвойных и небольшой долей широколиственных и с достаточно большими площадями лугово-степных экосистем, о чем свидетельствуют спорово-пыльцевые спектры (рис. 1; 2, табл. 3).

**Южное Предуралье
(53–56° с. ш., 54–56° в. д.)**

Первые работы по изучению голоценовых отложений Южного Предуралья были проведены сотрудниками лаборатории стратиграфии кайнозоя ИГ БФАН СССР в 70-х годах XX века. В дальнейшем исследования были направлены на сбор нового материала и детальное биостратиграфическое изучение опорных разрезов голоцена (Немкова, 1978; Данукалова, 2009; Danukalova et al., 2014). Кроме того, значительные работы по сопоставлению истории развития древних культур на территории Предуралья с этапами смены природных обстановок региона были проведены В.К. Немковой (1978), Г.А. Данукаловой и др. (2004), Р.Г. Курмановым с коллегами (2019).

Климат в данном регионе во второй половине суббореального периода был сначала теплым и влажным, а затем стал более аридным. На рубеже суббореала и в самом начале субатлантика климатическая обстановка сменяется на более влажную и теплую. Растительность во второй половине суббореала в данном регионе представляла собой широколиственные (липово-вязовые) с большим участием березовых насаждений и сосновые леса, и небольшие открытые пространства со злаками на севере и лесостепи на юге региона (рис. 1, табл. 4). В конце суббореала – начале субатлантика значительное развитие получают хвойные (сосново-еловые) и хвойно-широколиственные леса с березой на севере и открытые пространства, покрытые мезофильным разнотравьем, и ландшафты типичной лесостепи на юге (рис. 2, табл. 4). В первой половине субатлантика согласно палеоклиматическим данным, полученным для Южного Предуралья В.К. Немковой и В.А. Климановым (1988), этот период начинается с заметного похолодания, когда температуры стали ниже современных на 1,5 °С, а количество осадков увеличилось на 25 мм. Похолодание сменилось ранне-субатлантическим потеплением, в максимум которого среднегодовые температуры были выше современных на 0,5–1 °С, а количество осадков приблизилось к современному уровню. Спад потепления и начало похолодания приходится на начало нашей эры.

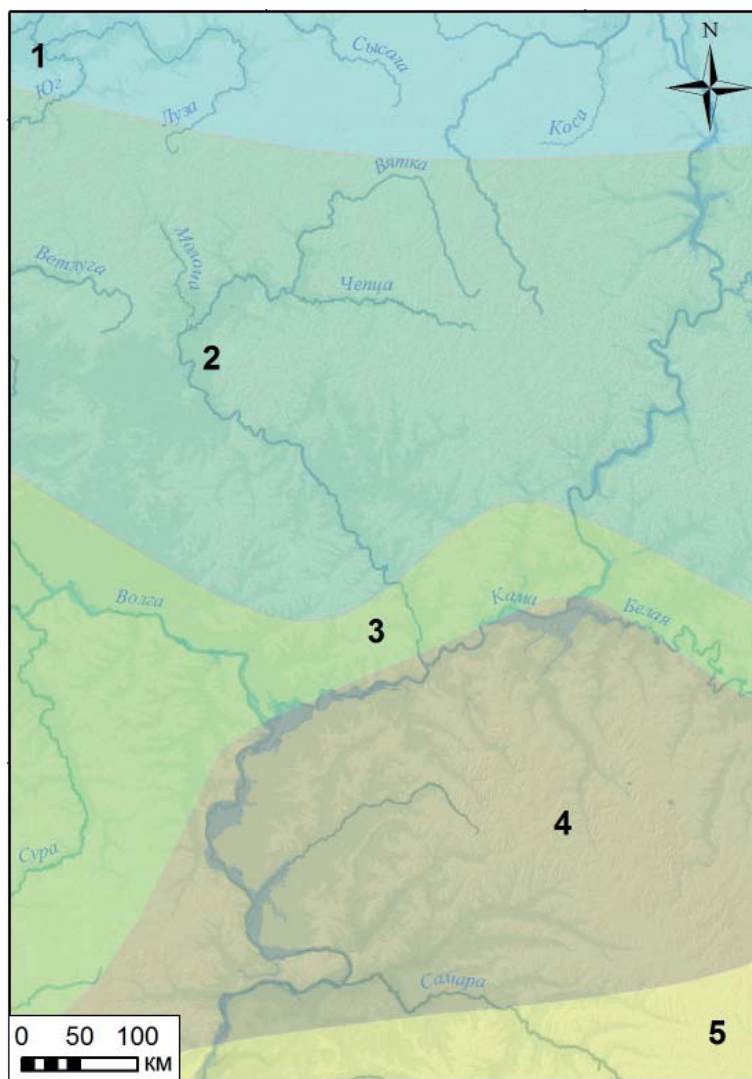

Рис. 2. Карта расположения природных зон в последней трети раннего железного века (начало SA 1) в Волжско-Камском крае

Условные обозначения: 1 – подзона средней тайги; 2 – подзона южной тайги; 3 – подзоны хвойно-широколиственных и широколиственных лесов; 4 – зона лесостепи; 5 – степная зона

**Предволжье
(53–56° с. ш., 45–50° в. д.)**

Природные обстановки в голоцене данного региона были достаточно подробно охарактеризованы в работах: «История...», 1980; Н.В. Благовещенской (2006; 2009; 2019).

*Палеорастиельность и палеогеография
позднесуббореального периода
(3200–2500 лет назад)*

На протяжении этого периода происходит дальнейшее похолодание климата, а в самом конце периода – и увеличение общей влажности. На всей территории повсеместно снижается роль широколиственных пород и березы и резко возрастает обыкновенной сосны, которая к концу периода достигает своего максимума. Похолодание климата приводит к сокращению площади лесов и расширению открытых участков. Пере-

ход от лесных (смешанные леса) к лесостепным обстановкам (рис. 1, табл. 5). Господство переходит сосново-березовым, сосново-широколиственным и сосновым лесам. На севере региона значительные площади занимали елово-широколиственные леса с участием сосны. В сообществах открытых пространств увеличивается роль дерновинно-злаковых ценозов и сокращается – разнотравных. Повышается роль сорных видов и ксерофилов (полыней (*Artemisia*) и маревых (*Chenopodiaceae*)).

*Палеорастиельность и палеогеография
раннесубатлантического периода
(2500–1500 лет назад)*

В растительном покрове на всей территории Предволжья около 2500 лет назад происходит возрастание в лесах роли *Pinus sylvestris* (на большей ее площади до максимальных за весь голоцен зна-

чений). Значительное падение роли *Betula pendula* и сокращение площади широколиственных лесов. Площадь лесов практически повсеместно значительно сокращается, а открытых пространств – возрастает, и район с этого времени приобретает лесостепной облик (рис. 2, табл. 5). На всей территории развитие пасторальной дигрессии травяного покрова, наличие первичных аргоценозов. Растительные сообщества открытых пространств: вторичные луговые степи с обилием сорных видов (рудеральных, пасквальных и сегетальных), вторичные типчаковые на месте дерновинно-злаковых, вторичные полынно-злаковые и полынные степи, вторичные песчаные степи на месте сведения сосновых лесов (табл. 5).

**Марийское Заволжье и Западное Предкамье
(55–57° с. ш., 46–51° в. д.)**

Реконструкции растительности голоцена данного региона достаточно обстоятельно описаны в монографии Л.М. Ятайкина и В.Т. Шаландиной (1975), коллективной монографии «История...» (1980) и статьях В.Т. Шаландиной (1972; 1985; 1986). Вместе с тем в последние два десятилетия активные археологические исследования данной территории с использованием естественно-научных методов, в том числе палинологии и сопряжения с абсолютными датировками, позволили значительно дополнить и более подробно провести реконструкцию растительности данного региона в голоцене (Николаева и др., 2007; Бакин и др., 2011а, б; Чижевский и др., 2014; 2017; Линкина, Петрова, 2018).

Похолодание и увеличение влажности в позднесуббореальный период и на протяжении первой фазы субатлантического периода привело на большей части Западного Предкамья к господству темнохвойных лесов из ели и пихты с большей или меньшей примесью широколиственных пород: дуб (*Quercus robur*), липа (*Tilia cordata*), вяз (*Ulmus*) (рис. 1; 2, табл. 6). В то время как для юга Западного Предкамья было характерно наличие сосновых лесов с небольшой примесью темнохвойных и достаточно большой долей широколиственных и весьма большими площадями лугово-степных экосистем. В Марийском Заволжье основной фон растительности составляли сосновые леса, имевшие высокое фитоценотическое разнообразие. Таким образом, основной фон растительности данного региона был постоянным на протяжении 1500 лет, относительно менявшийся только в сторону уменьшения или увеличения доли широколиственных и сосновых лесов и площадей открытых пространств (рис. 1; 2, табл. 6).

**Закамье и Самарское Заволжье
(53–56° с. ш., 48°30'–54° в. д.)**

Динамика развития растительности голо-

цена данного региона описана в монографии Л.М. Ятайкина и В.Т. Шаландиной (1975), коллективной монографии «История...» (1980) и в ряде статей (Шаландина, 1981; 1985; Кременецкий и др., 1998). За последние два десятилетия археологические исследования этой территории, сопряженные с абсолютными датировками и палинологическими исследованиями культурных слоев археологических памятников, значительно дополнили историю растительности региона в голоцене (Алешинская и др., 2008; 2009; Линкина, Николаева, 2011; Бугров и др., 2011 и др.).

В данном регионе в поздней фазе суббореала наблюдались климатические изменения от тепло-сухой к более влажной и холодной, а также были кратковременные инверсии в обратную сторону. В открытых ландшафтах в южной части лесной зоны, лесостепи и степи шло локальное развитие пасторальной дигрессии травяного покрова. На всей территории региона преобладал автоморфный режим развития почв. В начальной фазе SA-1 растительность Закамского региона свидетельствует о значительном увлажнении климата. Это четко фиксируется на различных палиноспектрах этого времени. Широкое распространение получают широколиственные леса с преобладанием в древостое липы с небольшим участием дуба, вяза и лещины (*Corylus avellana*) (рис. 1, табл. 7). В поймах рек среди древесных растений доминировала ольха. В северных регионах в лесах встречалась ель. Открытые пространства заселяются мезофильным разнотравьем. Границы леса продвинулись южнее, лесостепь суживала границы. В самом конце I тысячелетия до н. э. и в самом начале I тысячелетия н. э. отмечено изменение климата в сторону понижения увлажнения. Основную площадь занимала лесостепь: формации сосновых лесов и березняков с примесью липы, вяза и дуба перемежались с участками ксерофильной травянистой растительности с доминированием маревых, полыней и злаковых (*Poaceae*), на юге региона господствовали различные типы и варианты степей (рис. 2, табл. 7).

В заключение следует отметить, что население РЖВ вело активное природопользование. С этого времени в Волжско-Камском крае в значительной мере увеличивается количество городищ и селищ, особенно в лесной зоне. Вокруг городищ располагались селища, как правило, группами. Леса в округе селищ и городищ были сильно трансформированы под действием рубок, расчисток, пожаров, а также выпаса скота и заготовок веточного корма для скотины; увеличилась площадь открытых участков покрытых, кустарниками и травянистой вторичной луговой и степной растительностью с обилием сорных видов (рудераль-

ных, пасквальных и сегетальных). В данное время начинается значительное изменение облика пойм крупных и средних рек Волжско-Камского края: сокращение площадей пойменных лесов и формирование на их месте обширных пойменных, как правило, заливных лугов. Лес как ресурс в большом количестве шел на строительство хорошо укрепленных и защищенных городищ. Кроме основных видов хозяйствования (животноводство, охота и рыболовство), несомненно, что население РЖВ проводило сборы и заготовки ягод, грибов, орехов, желудей, различных съедобных, технических и лекарственных растений. На реках и озерах шла активная добыча крупных двустворчатых моллюсков. Следует отметить, что благодаря общим процессам усовершенствования обработки металла у местного населения появляются более совершенные и разнообразные охотничьи и рыбо-

ловные принадлежности, а также орудия и приемы деревообработки. Можно сказать, что система хозяйствования на поселениях раннего железного века в Волжско-Камском крае определялась, прежде всего, природным окружением каждого поселения.

На всём пространстве изучаемого края происходили серьезные изменения в естественной структуре растительности и ландшафтов. Шел активный процесс изменения качества биологического разнообразия и почвенного покрова. Система хозяйствования и природно-климатические изменения за весь период РЖВ привели к увеличению лесных площадей из пирогенных и вторичных формаций, и к началу 1 тысячелетия н. э. на территории края оформляется современная («новая») лесная зона.

ВВЕДЕНИЕ

Таблица 1

Характеристика растительности Вятского края в последнюю фазу
Суббореального и первую фазу Субатлантического периодов голоцена

Возраст границ зон по ^{14}C	Зоны	57–59° с.ш., 46–54° в.д. современная подзона южной тайги	59–61° с.ш., 46–54° в.д. современная подзона средней тайги
		Характеристика растительности	
2500	SA-1	Южнотаежные: елово-пихтовые леса с незначительной примесью широколиственных пород	Средняя тайга. елово-пихтовые леса
3200	SB-3	Южнотаежные: еловые леса с березой, уменьшение роли сосны	Доминирование сосновых и березовых лесов. Сократилась роль ели и широколиственных

Таблица 2

Характеристика растительности Верхнего Прикамья
в последнюю фазу Суббореального и первую фазу Субатлантического периодов голоцена

Возраст границ зон по ^{14}C	Зоны	59–61° с.ш., 54–58° в.д. современные подзоны средней и южной тайги	
		Характеристика растительности	
2500	SA-1	Средняя тайга. пихтово-еловые или елово-пихтовые леса	
3200	SB-3	Южная тайга: пихтово-еловые либо елово-пихтовые формации с участием березы, сосны и в незначительном количестве широколиственных пород	

Таблица 3

Характеристика растительности южной части Вятско-Камского междуречья
в последнюю фазу Суббореального и первую фазу Субатлантического периодов голоцена

Возраст границ зон по ^{14}C	Зоны	(55–57° с.ш., 51–54° в.д.) современная подзона хвойно-широколиственных лесов	
		Характеристика растительности	
3200; 2500	SB-3, SA-1	Смешанные леса: темнохвойные леса из ели и пихты с большей или меньшей примесью широколиственных пород. На юге региона сосновые леса с небольшой примесью темнохвойных и небольшой долей широколиственных пород, и достаточно большими площадями луговой степи.	

Таблица 4

Характеристика растительности Южного Предуралья
в последнюю фазу Суббореального и первую фазу Субатлантического периодов голоцена

Возраст границ зон по ^{14}C	Зоны	(53–56° с.ш., 54–56° в.д.) современная зона лесостепи	
		Характеристика растительности	
2500	SA-1	Хвойные и хвойно-широколиственные леса с березой на севере, лесостепь на юге.	
3200	SB-3	Широколиственные (липово-вязовые) с березой и сосновые леса и небольшие открытые пространства со злаками на севере и лесостепи на юге региона.	

ВВЕДЕНИЕ

Таблица 5

Характеристика растительности Предволжья
в последнюю фазу Суббореального и первую фазу Субатлантического периодов голоцена

Возраст границ зон по ¹⁴ C	Зоны	(53–56° с.ш., 46–50° в.д.) современные подзоны хвойно-широколиственных и широколиственных лесов и зона лесостепи.
		Характеристика растительности
2500–1600	SA-1	Лесостепная растительность: господство вторичных лесов: сосновых (травяных, остепненных), реже березово-сосновых лесов. Появление вторичных березняков, дубняков, липняков, осинников. Повсеместное развитие вторичных степных ценозов (луговых, поlynных, злаковых, песчаных и проч.)
3200–2500	SB-3	Сосново-березовые, сосново-широколиственные и сосновые леса. В последней фазе наблюдалось господство сосновых; изреживание и закат сосново-широколиственных лесов. На севере региона значительные площади занимали елово-широколиственные леса с участием сосны. В сообществах открытых пространств увеличивается роль дерновинно-злаковых ценозов и сокращается – разнотравных. Повышается роль сорных видов и ксерофилов (полыней и маревых).

Таблица 6

Характеристика растительности Марийского Заволжья и Западного Предкамья
в последнюю фазу Суббореального и первую фазу Субатлантического периодов голоцена

Возраст границ зон по ¹⁴ C	Зоны	(55–57° с.ш., 46–51° в.д.) современные подзоны южной тайги, хвойно-широколиственных и широколиственных лесов
		Характеристика растительности
2500; 3200	SA-1; SB-3	Темнохвойные леса из ели и пихты с большой примесью широколиственных пород (липа, вяз, дуб). На юге Западного Предкамья доминировали сосновые леса с небольшой примесью темнохвойных и достаточно большой долей широколиственных пород. Здесь также были большие площади занятые луговой степью. В Марийском Заволжье основной фон растительности составляли сосновые леса, имевшие высокое фитоценотическое разнообразие.

Таблица 7

Характеристика растительности Закамья и Самарского Заволжья
в последнюю фазу Суббореального и первую фазу Субатлантического периодов голоцена

Возраст границ зон по ¹⁴ C	Зоны	(53–56° с.ш., 46–50° в.д.) современные подзоны хвойно-широколиственных и широколиственных лесов и зона лесостепи.
		Характеристика растительности
2500–1500	SA-1	Во второй половине: Севернее 54° с.ш. основную площадь занимала лесостепь: формации сосновых лесов и березняков с примесью липы, вяза и дуба, перемежались с участками ксерофильной травянистой растительности с доминированием маревых, полыней и злаковых. В Высоком и Низменном Заволжье (на север до 54° с.ш.) господствовали злаковые, злаково-разнотравные степи (типчаково-ковыльные, разнотравно – ковыльные и др.). В долинах и поймах рек, по высоким берегам рек и на прилегающих участках водоразделов имелись большие площади лесов. В первой половине: основную площадь севернее 54° с.ш. занимали широколиственные леса из липы и участки с мезофильной травянистой растительностью. В Высоком и Низменном Заволжье (на север до 54° с.ш.) господствовали злаковые, злаково – разнотравные степи. В долинах и поймах рек, по высоким берегам рек и на прилегающих участках водоразделов имелись большие площади лесов (широколиственных, ольховые уремы). На всей территории развитие пасторальной дигрессии травяного покрова.
3200–2500	SB-3	Основную площадь севернее 54° с.ш. занимала типичная лесостепь, где луговые и злаково-разнотравные степные участки сочетались с широколиственными лесами с доминированием дуба в Западном и центральном (Низменном) Закамье. В Восточном (Высоком) Закамье севернее 54° с.ш. преобладал лесостепной ландшафт, где значительную площадь занимали дубовые и берёзовые леса в сочетании со степными участками. В Высоком и Низменном Заволжье (на север до 54° с.ш.) господствовали злаковые, злаково – разнотравные степи (типчаково - ковыльные, разнотравно – ковыльные и др.). В долинах и поймах рек, по высоким берегам рек и на прилегающих участках водоразделов имелись большие площади лесов (широколиственных, сосново-широколиственных, уремы). На всей территории развитие пасторальной дигрессии травяного покрова.

ТЕРРИТОРИАЛЬНОЕ ДЕЛЕНИЕ И ПРИРОДНО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ НА ЕВРОПЕЙСКОМ СЕВЕРО-ВОСТОКЕ В РАННЕМ ЖЕЛЕЗНОМ ВЕКЕ¹

Ландшафтно-климатические обстановки на Европейском Северо-Востоке в течение раннего железного века воссозданы на основе данных спорово-пыльцевого анализа. Записи ландшафтно-климатических изменений, как правило, сопровождаются результатами радиоуглеродного датирования, что существенно повышает корректность установления возрастной принадлежности осадков и палеогеографических реконструкций.

В научной литературе наряду с качественной характеристикой климатических условий приводятся сведения о количественных параметрах климата: температурных значениях (средние температуры января, июля и года) и количестве осадков (зимне-весенних и годовых). Среднеиюльские и среднегодовые температуры для Тимано-Печоро-Вычегодского региона в пределах современных средней и северной тайги установлены Ю.В. Голубевой (2010) по спорово-пыльцевым данным с помощью зонально-формационного метода реконструкции палеоклиматов голоцена (Савина, Хотинский, 1982). Температурные показатели (для января и июля) и количество осадков (годовые и зимне-весенние) в нижнем течении р. Вычегды получены О.К. Борисовой (Борисова, 2007; Sidorchuk et al., 2001) методом ареалограмм.

Ландшафтно-климатические условия на Европейском Северо-Востоке в раннем железном веке.

Ранний железный век, охватывающий позднесуббореальный (SB-3) и раннесубатлантический (SA-1) периоды, характеризуется похолоданием климатических условий, которое максимально проявилось на их границе 2300–2500 ¹⁴C л. н. Сокращение пыльцы ели и широколиственных пород на спорово-пыльцевых диаграммах, как для южных, так и для северных разрезов, указывает на смену благоприятных условий третьего голоценового термического максимума в среднем суббореале (SB-2) на похолодание в *финале суббореального* периода (SB-3) (рис. 1). В начале раннего железного века (на рубеже I и II тыс. до н. э.)

на юге Европейского Северо-Востока (бассейны рр. Вычегды, Сысолы и Мезени, верховья Вятки и Камы) произрастали елово-сосновые леса с незначительной примесью широколиственных пород (дуба, вяза и липы) (Андреичева и др., 2015; Пахомова, 2004; Жуйкова, 1999). В Верхнем Прикамье на протяжении SB-3 и SA-1 периодов были развиты южнотаежные пихтово-еловые и елово-пихтовые формации (Лаптева и др., 2017). Отложения периода SB-3 датированы в разрезах Вотча-1 (бассейн р. Сысолы) 3180±130 ¹⁴C л. н. (RGI-81 ЦИИ ВСЕГЕИ) (Марченко-Вагапова, 2014), Седкыр-кеш (бассейн р. Вычегды) 3160±140 ¹⁴C л. н. (ИГ РАН 3348) (Голубева, Буравская, 2009), скв. ДЕД 3 (Верхнее Прикамье) 2950±50 ¹⁴C л. н. (MKL-2657) и скв. ДЕД 7 (Верхнее Прикамье) 2610±50 ¹⁴C л. н. (ГИН-15048) (Лаптева и др., 2017). В разрезе Лычное в верхнем течении Вятки зафиксирована SB-3/SA-1 граница 2656±166 ¹⁴C л. н. (ИГ АН-1670) (Прокашев и др., 2003).

Севернее, в бассейне Ижмы (¹⁴C датировка 2500±30 л. н. (ИГ РАН-2749)), были развиты березово-еловые леса северотаежного типа, а в бассейне Печоры ерниковые заросли постепенно вытесняли лесную растительность. Летние и среднегодовые температуры по сравнению со средним суббореалом понизились на 1,5–2 °C (Никифорова, 1979; Андреичева и др., 2015). По данным палеогидрологических исследований на нижней Вычегде, на протяжении суббореального периода происходило медленное увеличение океаничности климата. Годовые осадки в то время составляли 570 мм, из которых 270 мм приходилось на долю зимне-весенних осадков (Сидорчук и др., 1999).

По результатам исследования разреза Ома-1 Л.Д. Никифорова (1979, с. 211) указывает, что на крайнем севере «значительное количество осадков способствовало увеличению увлажнения территории, что привело к росту нормы стока рек и активизации аллювиальных процессов. ...заболачивание начинает уменьшаться, а продолжитель-

¹ Исследования выполнены при частичной поддержке Программы УрО РАН № 18-5-5-50 «Биотические изменения в фанерозое и взаимосвязь длительных экологических кризисов природной среды и эволюции биосферы на Европейском Севере России».

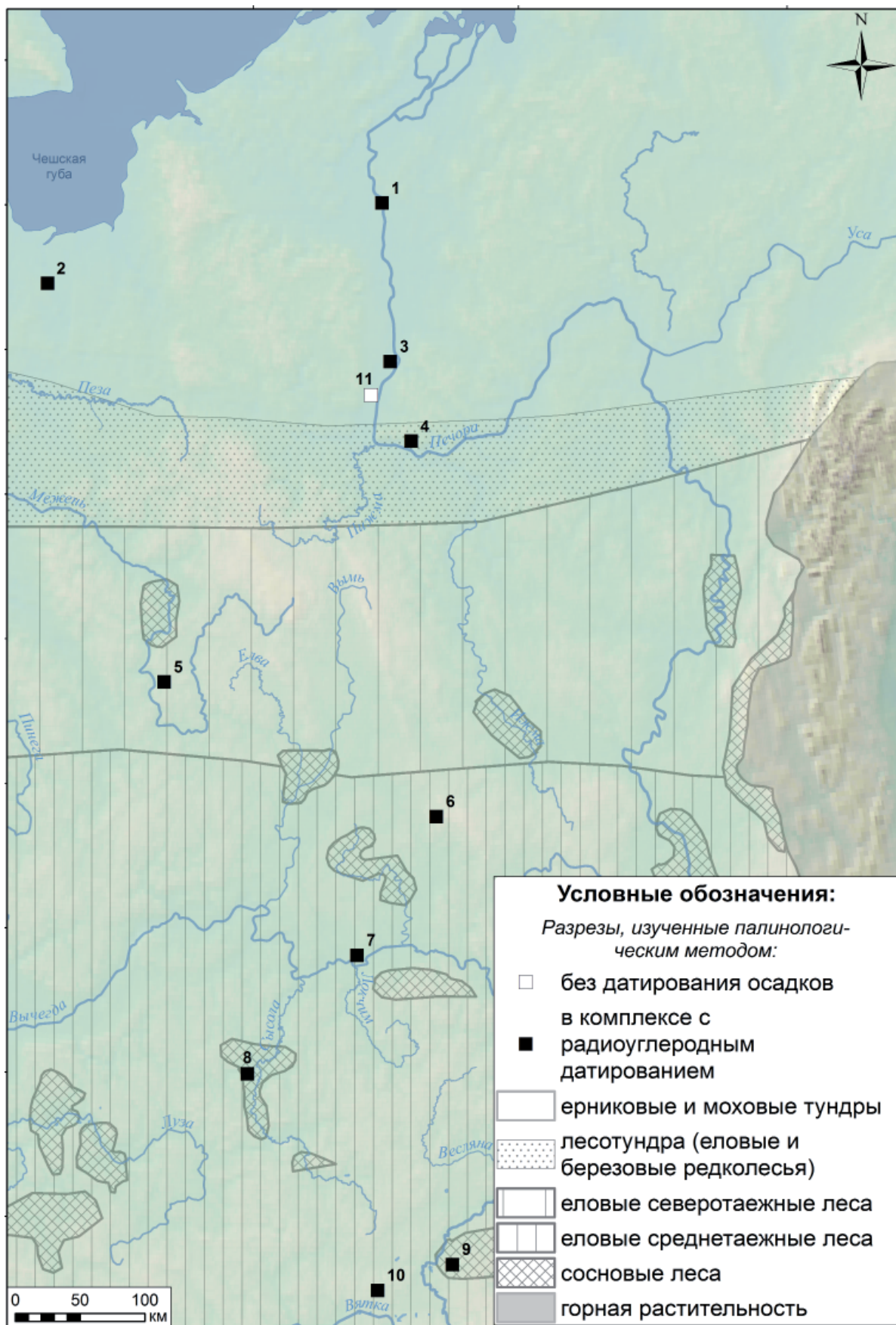

Рис. 2. Карта растительности на Европейском Северо-Востоке в начале субатлантического периода
 1 – Мархида, 2 – Ома-П, 3 – Окунев Нос, 4 – Карпушовка, 5 – Чернутьево, 6 – Синдорский, 7 – Каля, 8 – Вотча-1, 9 – Чус, 10 – Лычное, 11 – Нижняя Печора

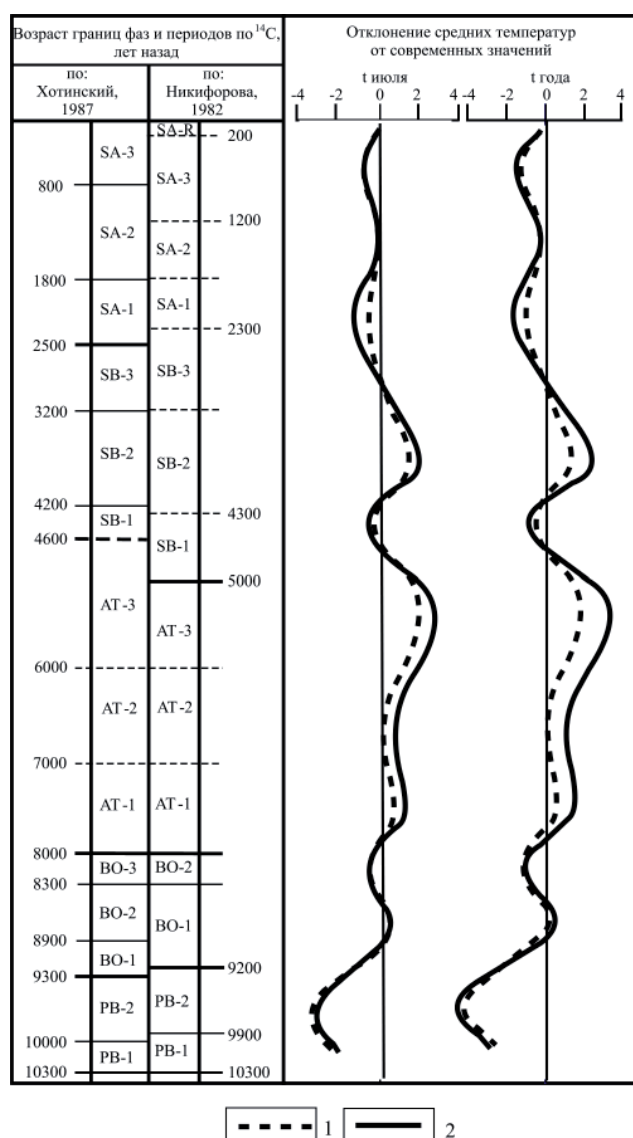

Рис. 3. Палеотемпературные кривые для подзон средней и северной тайги в Тимано-Печоро-Вычегодском регионе (Голубева, 2010)

Условные обозначения: 1 – средняя тайга; 2 – северная тайга

фиксируют по исчезновению пыльцы широколиственных пород, что указывает на дальнейшее достаточно сильное похолодание.

На юге Европейского Северо-Востока получили развитие елово-березовые и березовые леса. В древостое сократилась доля ели и возросла роль сосняков и березняков (Никифорова, 1979; Андреева др., 2015). Осадки этого времени датированы в разрезах Чус (верховье Камы) 2150 ± 100 ¹⁴C л. н. (ИГ АН-2636) (Пахомова, 2004) и скв. ДЕД 7 (Верхнее Прикамье) 2240 ± 50 ¹⁴C л. н. (МКЛ-2652) (Лаптева и др., 2017). Характерной особенностью состава растительного покрова на крайнем юге, в верховье Вятки, является появление $1800\text{--}2000$ ¹⁴C л. н. сибирского элемента – пихты (*Abies sibirica*). Здесь пихта внедрилась в древесные формации

наиболее поздно по сравнению с другими районами на территории Европейского Северо-Востока. И.А. Жуйкова (Прокашев и др., 2003) объясняет это двумя причинами. Первая причина кроется в том, что пихте было трудно проникнуть в состав высококонкурентных лесных сообществ из менее экологически требовательных сосны и ели, занимающих северо-восток Вятско-Камского Предуралья уже с бореального периода ($9200\text{--}9300$ ¹⁴C л. н.). Вторая причина связана с климатическими условиями. Распространение пихты на север Русской равнины остановилось приблизительно 4500 ¹⁴C л. н. вследствие похолодания на АТ/SB границе (Кременецкий, 1994). Более позднее общее похолодание в суббореале-субатлантике вызвало сокращение ареала *Abies sibirica* на севере и расширение в южном направлении. Наиболее оптимальные условия для расселения пихты сложились лишь в первой половине SA, на что указывает обнаружение ее пыльцы в разрезе Лычное 2000 ¹⁴C л. н. (Прокашев и др., 2003).

Северная граница лесных формаций, по предположению Л.Д. Никифоровой (1979), располагалась в $100\text{--}180$ км к югу от современной (рис. 2; табл. 1). Севернее, в бассейне Печоры, продолжали увеличиваться площади, занятые ерниковыми зарослями. В нижнем течении Омы (¹⁴C датировка по разрезу Ома-2 2320 ± 50 л. н. (Vib-98)) преобладала ерниковая и моховая тундровая растительность, а также сообщества из ольховника и папоротников (Никифорова, 1979). Температуры июля были ниже современных на $0,5$ °C в южных районах и на $1,5$ °C – в северных. Среднегодовые температуры были ниже на $1\text{--}1,5$ °C (Голубева, 2010, рис. 3). На крайнем юге все температурные показатели были ниже на $1\text{--}1,5$ °C, а осадков было примерно на 25 мм меньше, чем в настоящее время (Прокашев и др., 2003).

С началом субатлантического периода совпадает этап повышения уровня воды в р. Вычегде, на что указывает увеличение размеров русла по сравнению с палеоруками среднего голоцена. Рост размеров русла свидетельствует об увеличении мощности половодий. Увеличились продолжительность зим и количество среднегодовых и зимне-весенних осадков до 700 мм и 340 мм соответственно (Сидорчук и др., 1999; Зарецкая и др., 2007).

В Северном Предуралье в составе лесов доминировала ель. В качестве примеси присутствовали береза, сосна и местами пихта (Немкова, 1976; Панова, 1996). На западном макросклоне Приполярного Урала произрастали леса преимущественно из лиственницы и березы с незначительной примесью ели, сосны и пихты. К концу раннего субатлантика ель, сосна и пих-

ВВЕДЕНИЕ

та сохранились только в виде единичных деревьев (Kultti et al., 2003).

На Полярном Урале с началом субатлантического периода связано увеличение площади горных ледников, занявших практически все кары. Увеличение количества осадков, главным образом снежности, и похолодание способствовали

дальнейшему отступанию лесной растительности, которая полностью вытеснялась из горных долин в южной части Полярного Урала и в западной половине его северной расширенной части тундровыми зарослями из ерника (Сулова, Троицкий, 1971; Сулова, Троицкий, Пуннинг, 1975).

Таблица 1

Разрезы отложений SA-1 на Европейском Северо-Востоке,
исследованные с помощью спорово-пыльцевого анализа (к рис. 1.)

Название	Аналитик	¹⁴ C датировки
Разрезы, изученные палинологическим методом в комплексе с радиоуглеродным датированием		
Чус	О.М. Пахомова	2150 ± 100 л. н. (ИГ АН-2636) 9020 ± 50 л. н. (ИГ АН-2630) (Пахомова, 2004)
Лычное	И.А. Жуйкова	1330 ± 82 л. н. (ИГ АН-1671) 2656 ± 166 л. н. (ИГ АН-1670) 6120 ± 112 л. н. (ИГ АН-1669) 6028 ± 75 л. н. (ИГ АН-1734) (Прокашев и др., 2003)
Каля	Ю.В. Голубева	3970 ± 40 л. н. (ГИН-14035) 5020 ± 30 л. н. (ГИН-14036) 5900 ± 40 л. н. (ГИН-14037) 8550 ± 40 л. н. (ГИН-14038) (Голубева, 2010; Karmanov et al., 2011)
Синдор	Л.Д. Никифорова (1979)	7820 ± 80 л. н. 8610 ± 80 л. н. (Буров, 1967)
Синдорский	Ю.В. Голубева	5740 ± 50 л. н. (ГИН-13353) 8320 ± 120 л. н. (ГИН-13354) (Голубева, 2007; Зарецкая и др., 2007)
Вотча-1	Т.И. Марченко-Вагапова	3180 ± 130 л. н. (RGI-81) 4750 ± 120 л. н. (RGI-80) (Марченко-Вагапова, 2014)
Чернутьево-15	Т.И. Марченко-Вагапова	3500 ± 130 л. н. (RGI-85) (Марченко-Вагапова, 2014)
Карпушовка	Л.Д. Никифорова	1180 ± 60 л. н. (ЛГУ-565) (Никифорова, 1979)
Мархида	Л.Д. Никифорова	4260 ± 110 л. н. (МГУ-235) 9200 ± 130 л. н. (МГУ-ИОАН-213) 9990 ± 100 л. н. (ЛГУ-391) (Никифорова, 1979)
Ома-2	Л.Д. Никифорова	2320 ± 50 л. н. (Vib-98) 8620 ± 80 л. н. (Vib-97) 9925 ± 455 л. н. (Vib-99) (Никифорова, 1979)
Разрезы, изученные палинологическим методом без датирования осадков		
Нижняя Печора	Л.Д. Никифорова (1979)	
Окунев Нос	Л.Д. Никифорова (1979)	

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ПЕРВАЯ ФАЗА РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА ВОЛГО-УРАЛЬЯ

РАЗДЕЛ I

КУЛЬТУРЫ СЕВЕРА СТЕПНОЙ ЗОНЫ IX–VII – II ВВ. ДО Н. Э.

Глава 1

**Переходный период от бронзового века к железному
в степной зоне Волго-Уралья**

Глава 2

Кочевники предсавроматского и савроматского времени

Глава 3

**Культура кочевников скифской эпохи
степей Нижнего Поволжья (вторая пол. VI–IV вв. до н. э.)**

Глава 4

Прохоровская (раннесарматская) культура

Глава 5

**Цветная и черная металлообработка
в степях Волго-Уралья в раннем железном веке**

Глава 6

Антропология населения степной зоны Волго-Уралья

ГЛАВА 1

ПЕРЕХОДНЫЙ ПЕРИОД ОТ БРОНЗОВОГО ВЕКА К ЖЕЛЕЗНОМУ В СТЕПНОЙ ЗОНЕ ВОЛГО-УРАЛЬЯ¹

Понятия «переходные погребения», «погребения переходного типа» от эпохи бронзы к раннему железному веку были введены К.Ф. Смирновым в начале 1960-х годов. По его мнению, «в инвентаре и обряде этих погребений сочетаются черты, свойственные памятникам эпохи бронзы, с качественно новыми чертами, присущими савроматской культуре... Значительная часть их, конечно, оставлена прямыми потомками местного населения эпохи бронзы» (Смирнов, 1964, с. 26). Как отмечала Н.К. Качалова, выделяя памятники переходного типа, К.Ф. Смирнов «преследовал совершенно конкретную цель – наметить местные истоки сложения культуры савроматов. Тем самым термин «переходные» изначально нес смысловую нагрузку, подразумевающую некую культурную преемственность» (Качалова, 1989, с. 34). Однако дальнейшие исследования в степях Волго-Уралья показали не только отсутствие генетической связи между культурами финала эпохи бронзы и начала раннего железного века, но и наличие своеобразных культурных образований, занимающих место между эпохами бронзы и железа.

Заключительный этап эпохи бронзы в степной части Самарского Заволжья и Южного Приуралья представлен памятниками ивановской культуры, являющейся составной частью общности культур валиковой керамики (ОКВК) евразийских степей. По мнению Ю.И. Колева, ивановская культура локализуется в пределах степной территории от левобережья Днепра до Урала (Колев, 2000, с. 251–252; 2008, с. 208–209). Нижним ее хронологическим пределом является, скорее всего, рубеж XV–XIV вв. до н. э. или XIV – начало XIII в. до н. э. (Колев, 2000, с. 256; 2008, с. 225). Определение верхней даты существования культуры затруднительно вследствие того, что «она не находит продолжения ни в одной из известных культур, и судьба племен, оставивших ивановские памятники, остается неизвестной». Скорее всего, вследствие резкой аридизации климата в конце II тыс. до н. э. они вынуждены были покинуть традиционные места обитания. В целом время бытования ивановской культуры XV/XIV –

XIII–XII вв. до н. э. (Колев, 2000, с. 256; 2008, с. 226).

В Южном Зауралье памятники финала эпохи бронзы объединены А.В. Епимаховым в белоключевский археологический тип или белоключевскую культуру (Костюков, Епимахов, 2005, с. 74; Епимахов, 2010, с. 48; Епимахов и др., 2014, с. 146). Суммарная радиоуглеродная дата этих памятников укладывается в интервал 1400–1050 (1380–1150) гг. до н. э., т. е. в рамки XIV–XI вв. до н. э. (Епимахов и др., 2014, с. 144, 146).

Наступление железного века в Восточной Европе приходится на VIII–VII вв. до н. э. (Канторович, 2006, с. 282). В Южном Зауралье, Центральном и Восточном Казахстане раннесакские погребальные комплексы, включаемые в чиликтинский (шиликтинский) культурно-хронологический горизонт, появляются уже во второй половине VIII в. до н. э. (Бейсенов и др., 2014, с. 172; 2017, с. 217; Таиров, 2017, с. 20; Таиров, Васина, 2020).

Исходя из всего вышесказанного, для Волго-Уральских степей переходный период от эпохи бронзы к раннему железному веку можно ограничить рамками X – первой половины VIII в. до н. э. В целом степные волго-уральские комплексы этого времени синхронны памятникам предскифского времени Северного Причерноморья (Евразия..., 2005, с. 97–98), первого этапа раннего периода ананьинской культурно-исторической общности (Кузьминых, Чижевский, 2014, с. 101, 102, 107) или первого и второго этапов ананьинской культуры (Коренюк, 2000, с. 73–75; 2009, с. 266, 269), донгальской культуры Центрального Казахстана (Ломан, 2003), кеноткельского (берликского) типа Северного Казахстана, шульбинского типа Восточного Казахстана, а также памятникам позднего этапа ирменской культуры и поздней (красногорский этап) фазы бархатовской культуры Западной Сибири (Епимахов, Таиров, 2013, с. 221, 226; Молдин и др., 2014, с. 144, 148, 155).

Неоднородность памятников времени перехода от эпохи бронзы к раннему железному веку, как будет показано ниже, заставляет отказаться от тер-

¹ Исследование выполнено при частичной финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-09-00205.

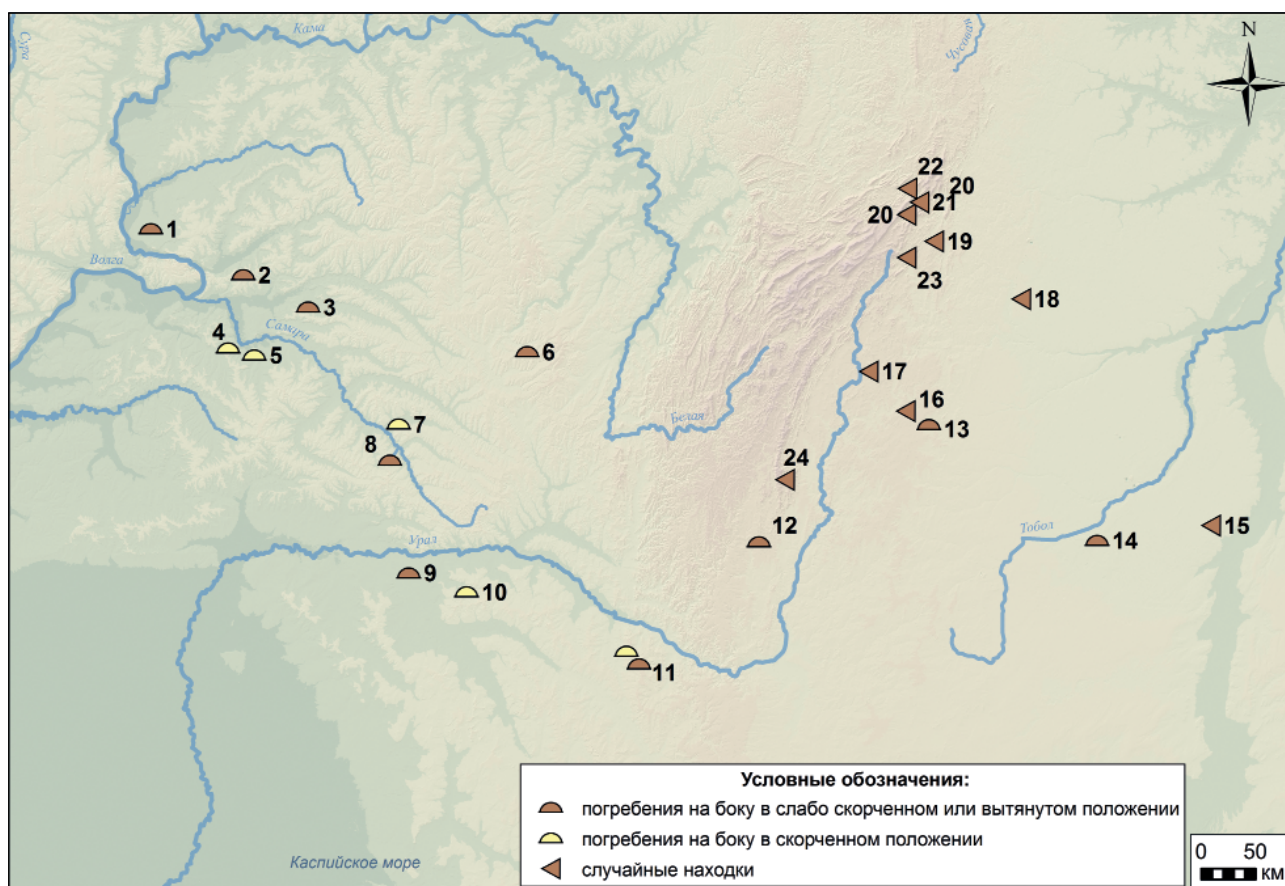

Рис. 1. Погребальные комплексы и случайные находки переходного периода от бронзового века к железному в степной зоне Волго-Уральского региона

1 – Ягодное, 2 – Нижняя Орлянка I, 3 – Полудни II, 4 – Спиридоновка II, 5 – Утевка IX, 6 – Шатмантамак I, 7 – Каменка, 8 – Новая Белогорка, 9 – Илекшар I, 10 – Покровка II, 11 – Танаберген II, 12 – Макан I, 13 – Верблюжья Горка, 14 – Лисаковский, 15 – Кушмурун, 16 – Анненское, 17 – Магнитогорск, 18 – Клястицкое, 19 – Ларино, 20 – Ильчигулово, 21 – Сулейманова (Сулейменево); 22 – Мулдашево; 23 – Рысаево; 24 – Баймакский район

мина «погребения переходного типа» и использовать более корректное определение «погребения переходного периода» или «погребения переходного времени», понимая под ними погребения, датированные в пределах X – первой половины VIII вв. до н. э.

Как известно, К.Ф. Смирновым в Нижнем Подонье, Поволжье и Приуралье было выделено «...46 погребений переходного типа и несколько случайных находок отдельных вещей, относящихся к VIII–VII вв. до н. э.» (Смирнов, 1964, с. 26; Смирнов, Петренко, 1963, с. 7, табл. 1). В это число включены безынвентарные погребения со слабоскорченными или вытянутыми на боку скелетами. Однако, как показал В.А. Кореняко, критерий «положение погребенного слабоскорченно на боку или на боку с вытянутыми или незначительно подогнутыми ногами» не является культурно или хронологически диагностическим (Кореняко, 1985, с. 55, 56). После критического анализа, проведенного им, из всех выделенных К.Ф. Смирновым погребений пере-

ходного времени в степях Самарского Заволжья и Южного Урала действительно таковыми могут, с определенной долей условности, считаться два – погребения у сел Ягодное и Новая Белогорка, которые датируются VIII–VII вв. до н. э. (Кореняко, 1982, с. 39, 42). Впрочем, как отмечал еще В.А. Кореняко, «часть безынвентарных погребений со слабоскорченными или вытянутыми на боку скелетами действительно могла быть совершена в переходное от бронзы к железу время, поскольку в серии идентичных по обряду могил был обнаружен хорошо датируемый инвентарь» (Кореняко, 1985, с. 56; Кореняко, 1982, с. 43).

На наш взгляд, основанием для датировки погребения «именно переходной эпохой может быть только выразительный инвентарь или четкое стратиграфическое положение» (Кореняко, с. 57), а также данные радиоуглеродного датирования. Исходя из этих достаточно жестких критериев в степной зоне Волго-Уралья выделено 15 памятников переходного периода, включающих 21 погребение, а также ряд случайных находок

(рис. 1). Немногочисленность выявленных комплексов дает основания для краткой характеристики каждого из них.

В степной части Южного Зауралья в число памятников переходного периода (X – первая половина VIII в. до н. э.) включены курганная группа Верблюжьих Горки, одиночный курган Макан I, погребение 2 кургана 1 (раскоп IV) Лисаковского могильника (Костюков, Епимахов, 2003, с. 279; 2005, с. 70; Епимахов, Таиров, 2013, с. 220).

Курганная группа Верблюжьих Горки находится в 4–5 км к СЗ от города Карталы Челябинской области. Состоит из двух курганов, расположенных на вершинах каменистых холмов гряды, протянувшейся вдоль правого берега реки Караталы-Аят (Костюков, Ражев, 2004, с. 129–149).

Курган 1 представлял собой насыпь диаметром 5,5 м и высотой 0,2 м, состоящую из камня, набросанного без видимого порядка в один-три слоя. Могильная яма, находящаяся в центре подкурганной площадки, в плане имела форму неправильно овала размерами 1,8×0,95 м, ориентированного широтно. Глубина ямы – 0,3 м от уровня материка, заполнение – камень и гумусированная супесь. На дне расчищены останки двух взрослых людей, погребенных одновременно (рис. 2: 4).

Первым был захоронен мужчина, умерший в возрасте 30–40 лет. В яму он был уложен на левом боку в слабоскорченной позе со связанными ногами, головой на запад. Когда мягкие ткани покойного разложились, могильная яма была вскрыта, часть костей погребенного выброшена и на их место помещены измельченные кремнированные останки мужчины, умершего в возрасте 25–30 лет. Кроме костей, никаких других находок в яме не было.

Курган 2 находился в 2 км южнее первого кургана. Представлял собой овальную в плане насыпь размерами 5,0×7,5 м и высотой 0,35 м, ориентированную широтно. Сооружен он из камня, набросанного без видимого порядка в один-три слоя (рис. 2: 1). Могильная яма глубиной 0,85 м находилась в центре подкурганной площадки. У дна она в плане имела форму удлиненного прямоугольника с сильно скругленными углами размерами 1,6×0,6–0,8 м (рис. 2: 3). На дне и в заполнении ямы обнаружены останки трех погребенных. Первый был уложен на дно ямы вытянуто, на левом полубоку, головой на запад. Руки, перевязанные в локтевых суставах, простерты вперед к коленям. Ноги, перевязанные в коленях, слегка согнуты. Слева от кистей рук и ног погребенного была положена задняя часть туши овцы, а слева от головы – три костяных наконечника стрел с лавролистной, ромбической в сечении, головкой и скрытой втулкой (рис. 2: 15).

В 0,2–0,3 м выше дна ямы у южной стенки ее восточной половины находились останки мужчины, умершего в возрасте 40–50 лет. От него сохранились лишь кости ног и фаланги правой руки. Судя по расположению костей, умерший был уложен вытянуто, головой на запад, лицом вниз. Руки вытянуты вдоль тела, ноги слегка согнуты в коленях. Слева от ног погребенного положена задняя часть туши овцы.

Третий погребенный, вероятно, женщина зрелого или старческого возраста, представлен двумя фрагментами больших берцовых костей и зубом, найденными в центре ямы в верхней части ее заполнения. Рядом с костями обнаружен короткий железный нож с выделенным с двух сторон черенком, выгнутым обушком, скругленным острием, неровным, сильно сработанным в прилегающей к острию половине лезвием (рис. 2: 14).

Оба кургана объединяет ряд сходных черт – одиночное размещение комплексов на вершинах холмов, конструкция надмогильных сооружений, форма, размер и ориентировка могильных ям, ориентировка, некоторые детали позы и особенности обращения с телами покойных при помещении в могилу, практика подзахоронений, бедность или же полное отсутствие инвентаря. Все это, несомненно, является отражением их синхронности и культурного единства (Костюков, Ражев, 2004, с. 138). Отнесение комплексов к переходному периоду основано не только на датировке инвентаря и особенностях их обрядовой составляющей (Костюков, Ражев, 2004, с. 140, 141), но и на данных радиоуглеродного датирования. Для комплекса Верблюжьих Горок по кости человека из погребения 1 кургана 2 получена ^{14}C датировка 2702 ± 50 л. н., калиброванная дата 896–813 (974–796) гг. до н. э.², т. е. вторая четверть X – рубеж IX–VIII вв. до н. э. (табл. 1) (Епимахов, Епимахова, 2005, с. 81, рис. 2; Костюков, Епимахов, 2005, с. 71; Епимахов, 2010, с. 46, рис. 4: 2; Епимахов, Таиров, 2013, с. 226, рис. 4: 1).

Одиночный курган Макан I располагался на пологом склоне невысокой надпойменной террасы левого берега реки Первый Макан, в 5 км к северо-западу от села Макан Хайбулинского района Республики Башкортостан (Гарустович, 2000, с. 123–128). Насыпь кургана земляная, диаметром 12 м и высотой 0,28 м. В западном секторе насыпи

² Для калибровки использована программа OxCal v4.3.2 с использованием калибровочной атмосферной кривой IntCal13 для северного полушария. Здесь и далее за скобками представлены результаты с вероятностью 68,2%, в скобках – 95,4%. (Bronk Ramsey, 2017; Reimer et al., 2013, pp. 1869–1887). Выражаем искреннюю признательность А.В. Епимахову (Институт истории и археологии УрО РАН, ЮУрГУ) за помощь в работе с радиоуглеродными датами.

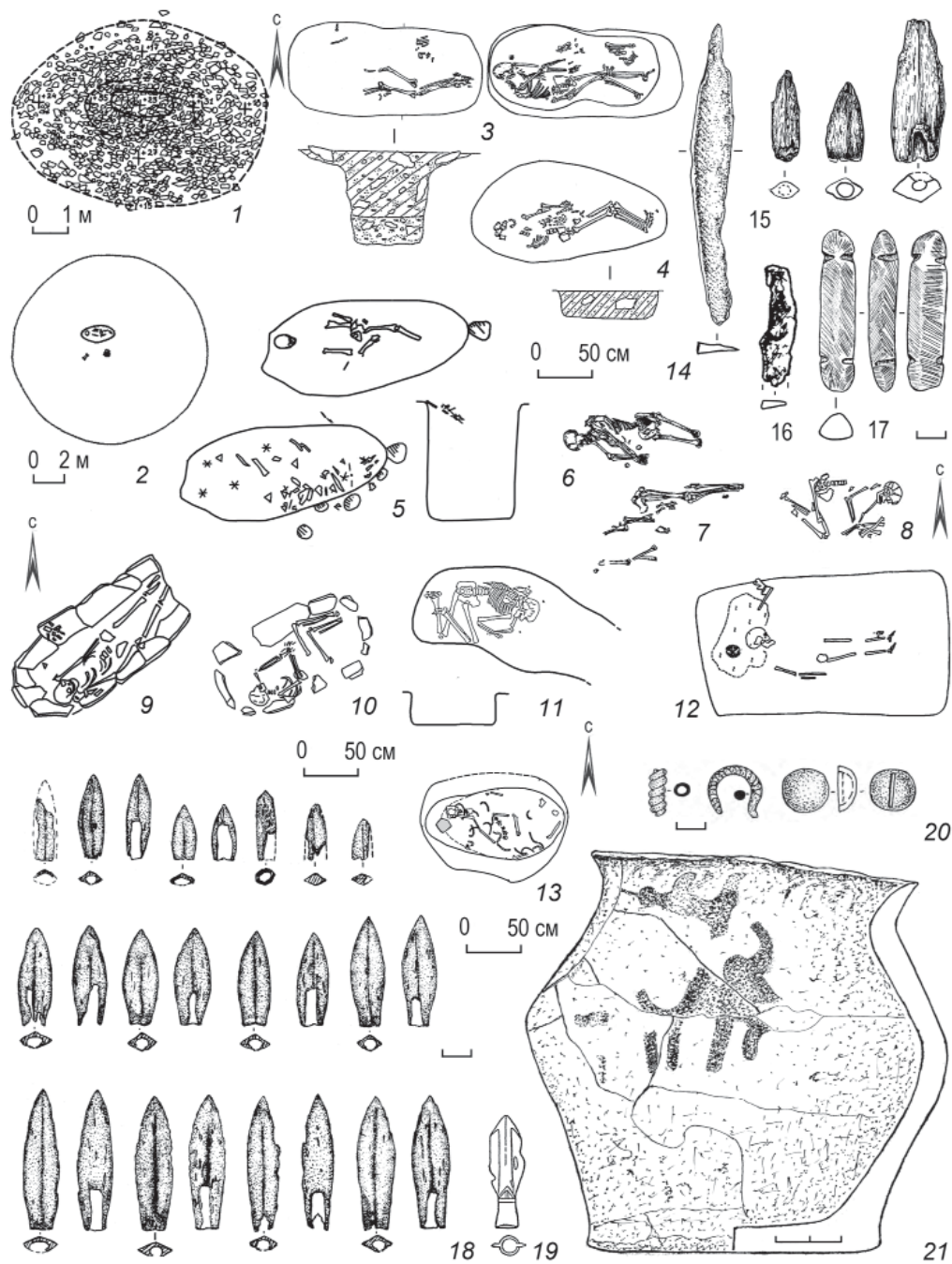

Рис. 2. Погребальные памятники переходного периода от бронзового века к железному на Южном Урале

1, 3, 4, 14, 15 – курганный группа Верблюжьей Горки (1, 3, 14, 15 – курган 2; 4 – курган 1) (по: Костюков, Ражев, 2004); 2, 5, 16 – одиночный курган Макан I (по: Гарустович, 2000); 6, 7, 18 – могильник Илекшар I, курган 6, могильная яма 10 (6 – погребение 4; 7, 18 – погребение 5) (по: Гуцалов, Бисембаев, 2005); 8 – курганный могильник у с. Каменка, курган 2, погребение 3 (по: Купцова и др., 2018); 9, 10 – могильник Танаберген II, курган 1, могильная яма 13 (по: Гуцалов, 2004); 11, 20 – II Покровский могильник, курган 24, погребение 1 (по: Моргунова, Халяпин, 2000); 12, 17 – Лисаковский могильник, раскоп IV, курган 1, вводное погребение 2 (по: Таиров, 1998); 13, 21 – могильник Шатмантамак I, курган 1, могильная яма 2; 19 – курган 2 у с. Новая Белогорка, погребения 38 (по: Смирнов, 1964). 14, 16 – железо; 15, 17, 18 – кость; 20 – бронза; 21 – глина

кургана найдены обломки трубчатых костей лошади или коровы (рис. 2: 2).

Широтно ориентированная, овальная в плане могильная яма размерами 2,05×0,6–0,93 м и глубиной 1,22 м находилась в центре подкурганной площадки. Над могильной ямой на уровне материка расчищены кости лошади или коровы, по-

мешенные первоначально на деревянный настил, опирающийся на известняковые плитки, сохранившаяся часть которых лежала в один ряд вдоль южной стенки ямы (рис. 2: 5)

Погребение частично разрушено крупными грызунами, однако положение неповрежденных останков свидетельствует о том, что умершая

была уложена на спину, с легким разворотом на левый бок, головой на запад. Руки, вероятно, были вытянуты вдоль тела. Полусогнутые в коленях ноги завалились влево. На правом виске черепа погребенной отмечено зеленое пятно бронзовых окислов диаметром 5–6 см от несохранившейся височной подвески (?). В центре могилы, справа от погребенной, найден фрагмент железного ножа с горбатой спинкой (рис. 2: 16).

Курган датирован X–VIII вв. до н. э. и отнесен к финальной бронзе или переходному периоду от эпохи бронзы к раннему железному веку на основании сосуда «саргаринско-алексеевского типа», найденного в центре насыпи, и железного ножа из могильной ямы (Гарустович, 2000, с. 124, 125).

К переходному периоду относится и погребение 2 кургана 1 (раскоп IV) Лисаковского могильника, находящегося на правом берегу реки Тобол на окраине города Лисаковск Кустанайской области Республики Казахстан (Таиров, 1998, с. 61–64; Епимахов, Таиров, 2013, с. 226, рис. 2: 12, 13). Погребение совершено на дне могильной ямы эпохи бронзы, на глубине 1,3 м от уровня материка. Умерший ребенок был уложен вытянуто на спину, головой на запад, лицом на север. За головой фиксировалось аморфное зольное пятно, в пределах которого расчищено скопление бараньих астрагалов (альчиков) и небольшая костяная поделка (рис. 2: 12, 17). Позднее в эту же могильную яму было впущено захоронение VII–VI вв. до н. э.

Курганы Верблюжьих Горки и Макан I объединяет ряд сходных черт – единичное размещение, форма, размер и ориентировка могильных ям, западная ориентировка и некоторые детали позы погребенных, в частности положение на спине с небольшим разворотом на бок со слегка согнутыми в коленях ногами. Близки и формы найденных здесь железных ножей (Костюков, Епимахов, 2003, с. 279; 2005, с. 70).

В Лисаковском могильнике погребенный, также как в комплексах Верблюжьих Горок и Макан I, был уложен вытянуто на спину, головой на запад. Отличительной особенностью всех погребения является отсутствие керамики непосредственно в могильных ямах.

По признакам погребального обряда вышеперечисленные комплексы кардинально отличаются от памятников финала бронзового века Южного Зауралья, объединенных А.В. Епимаховым в белоключевский археологический тип (Костюков, Епимахов, 2005, с. 74; Епимахов, 2010, с. 48; Молодин и др., 2014, с. 146). Для последних характерны очень мелкие и тесные могильные ямы, едва достаточные для размещения покойных. Стандартное положение погребенных – скорченно на боку с кистями рук у лица. Степень скорченности,

как правило, очень сильная. Ориентировка покойных головой в южный сектор. Инвентарь чаще всего представлен керамическим сосудом, установленным близ головы покойного в границах могилы или за ее пределами (Костюков и др., 1996, с. 158, 159; Костюков, Епимахов, 2003, с. 280; 2005, с. 70, 71; Епимахов, 2010, с. 42, 43). Суммирование вероятностей радиоуглеродных дат этих памятников укладывается в интервал 1400–1050 (1380–1150) гг. до н. э., т. е. в рамки XIV–XI вв. до н. э. (Молодин и др., 2014, с. 144, 146).

К переходному периоду относится и достаточно большое количество случайных находок металлических изделий. Это, прежде всего, кинжалы карасукского типа (рис. 3: 2–4) (Членова, 1973, с. 191–194, рис. 1: 1, 2; 1976, с. 50–55, табл. 9; 1981, с. 17, рис. 7: 1, 2; Васильев, Обыденнов, 1994, с. 95, рис. 1: 1; Епимахов, Епимахова, 2005, с. 79, 80, рис. 1: 4; Епимахов, Таиров, 2013, с. 225, рис. 3: 3), время распространения которых в Южном Зауралье ограничивается рамками XI–IX вв. до н. э. (Таиров, 2019, с. 214). Во-вторых, бронзовые «киммерийские» кинжалы из-под Магнитогорска и Кушмуруна (рис. 3: 1, 7), датированные соответственно в пределах второй половины IX–VIII в. до н. э. и VIII – первой половины VII в. до н. э. (Таиров, 2002). К переходному периоду относятся и своеобразные ножи из Южного Зауралья (рис. 3: 5, 6), находящие аналогии в восточных районах евразийских степей (Епимахов, Таиров, 2013, с. 222–224, рис. 3: 1, 2).

В казахстанской части Южного Приуралья комплексы переходного от эпохи бронзы к раннему железному веку выявлены в могильниках Илекшар I и Танаберген II.

Могильник Илекшар I находится на небольшой возвышенности левого берега реки Илек в 1,5 км к востоку от аула Ульгули (Илекшар) Чингирлауского района Западно-Казахстанской области. В самом северо-восточном кургане 6, в центральной могильной яме 10, относящейся к древнеямной культуре, исследованы два вводных захоронения X–VIII вв. до н. э. (Гуцалов, Бисембаев, 2005, с. 79–81).

В сильно потревоженном погребении 5, судя по сохранившимся в первоначальном положении костям, умерший был уложен вытянуто на боку, головой на запад или запад – юго-запад (рис. 2: 7). С этим погребением связаны 13–14 костяных ромбических в сечении втульчатых наконечников стрел (рис. 2: 18), самые близкие аналогии которым авторы раскопок видят в наконечниках из кургана 2 группы Верблюжьих Горки (Гуцалов, Бисембаев, 2005, с. 79).

Ниже находилось безынвентарное погребение 4, в котором умерший был уложен вытянуто на

правом боку, головой на запад. Руки, скрещенные в запястьях, вытянуты вправо от тела, кисти перед тазом. Правая рука при этом была согнута в локте (рис. 2: 6).

Могильник Танаберген II находится на первой надпойменной террасе левого берега реки Илек, в 4 км к югу от станции Каратугай (Каратогай) Мар-тукского района Актюбинской области (Гуцалов, 2004, с. 136, 139). В могильной яме 13 кургана I выявлено три погребения, которые, по мнению С.Ю. Гуцалова, совершены в три яруса, т. е. «совершены на разных уровнях в результате единовременного погребального акта» (Гуцалов, 2004, с. 135, 139). На наш взгляд, к переходному времени относятся лишь погребения 1 и 2, причем безынвентарное погребение 1 впущено в безынвентарное же захоронение 2.

Погребение 1 совершено в каменном ящике, сооруженном из вертикально установленных плит. Умерший укладывался вытянуто на спине, вероятно, с разворотом на левый бок³, головой на юго-запад. Левая рука вытянута вдоль тела, кисть правой, согнутой в локте, – на тазе. Ноги сведены в коленях и слегка согнуты. У правого плеча и справа от туловища найдены трубчатые и черепные кости овцы (рис. 2: 9).

Погребение 2 находилось на 0,3 м ниже первого, «в обрамлении из вертикально стоящих каменных плит». Умерший был уложен скорченно на левый бок, головой на юго-запад, лицом на северо-запад. Кисти рук, согнутых в локтях под прямым углом, сведены слева от таза. Ноги согнуты под прямым углом. Слева от груди погребенного расчищены позвонки и трубчатые кости овцы (рис. 2: 10).

В Западном Оренбуржье к переходному периоду относится погребение 3 кургана 2 курганного I могильника у села Каменка. Некрополь находится на водоразделе рек Большой и Малый Уран, являющихся правыми притоками Самары, близ села Каменка Сорочинского района Оренбургской области (Купцова и др., 2018).

Погребение 3 зафиксировано в насыпи кургана на уровне погребенной почвы, контуры могильной ямы не прослежены. Женщина 30–40 лет была уложена скорченно на левом боку, головой на восток (рис. 2: 8). Левая рука протянута к коленям. Предплечье согнутой в локте правой руки располагалось под прямым углом к локтевому сгибу левой руки. Кисти обеих рук отсутствовали. Перед грудной клеткой погребенной была положена часть туши барана: задний окорок с частью тазовой кости и до заплюсневого сустава (вместе

с астрагалом и пяточной костью). Здесь же находился резцовый зуб взрослой особи КРС (Купцова и др., 2018, с. 305, 306, рис. 3: 8).

Для погребения 3 по кости человека получена ¹⁴C датировка 2830±50 л. н., калиброванная дата 1050–916 (1126–844) гг. до н. э. (табл. 1), укладываемая в рамки последней четверти XII – середины IX вв. до н. э. (Купцова и др., 2018, табл. 1: 4). Ближайшие аналогии каменному погребению авторы публикации видят в погребении 1 могильника Утевка IX в Самарском Поволжье. Соответствия в погребальном обряде прослеживают в черноголовских комплексах бассейна Днепра и Дона, а также Северного Кавказа (Купцова и др., 2018, с. 308, 309).

Каменскому захоронению чрезвычайно близко погребение 1 кургана 24 могильника Покровка II (Моргунова, Халяпин, 2000). Некрополь находится в 5 км к ВЮВ от села Покровка Соль-Илецкого района Оренбургской области, на краю площадки второй надпойменной террасы левого берега реки Большая Хобда (левый приток реки Илек). Погребение выявлено под восточной полкой кургана с земляной, сильно расплывшейся насыпью диаметром 12 м и высотой 0,12 м. Захоронение совершено в могильной яме размерами около 1,5×0,8 м, глубиной 0,3 м (рис. 2: 11). Мужчина в возрасте около 45 лет был уложен в сильно скорченном положении на левый бок, головой на восток, лицом на север. Левая рука, согнутая в локте, направлена к коленям, на ее плече покоилась голова умершего. Предплечье правой, согнутой в локте руки подложено под запястье левой. Кисти обеих рук отсутствовали. Перед лицом погребенного на дне ямы находилась бронзовая подвеска в виде полукольца из перевитой проволоки, за головой – бронзовая пуговица полушаровидной формы с припаянной внутри проволокой, у левой лопатки – бронзовая спиралевидная пронизка из тонкой проволоки (рис. 2: 20) (Моргунова, Халяпин, 2000, с. 156, 157, рис. 6: 4–7).

Из всех выделенных К.Ф. Смирновым погребений переходного типа в степях Самарского Заволжья и Южного Урала после анализа, проведенного В.А. Кореняко (Кореняко, 1982, с. 39, 42), действительно таковыми могут, с определенной долей условности, считаться два – погребения у сел Ягодное и Новая Белогорка. На наш взгляд, оба погребения, датируемые VIII–VII вв. до н. э., относятся скорее уже к раннему железному веку.

Форма и размеры могильной ямы вводного погребения 38 кургана 2 у села Новая Белогорка Сорочинского района Оренбургской области не прослежены. Молодой мужчина был захоронен в положении вытянуто на спине, головой на запад. При нем был найден кусочек реальгара и

³ Как отмечает С.Ю. Гуцалов, «костяк сдавлен плитами и развернут на левый бок» (Гуцалов, 2004, с. 139).

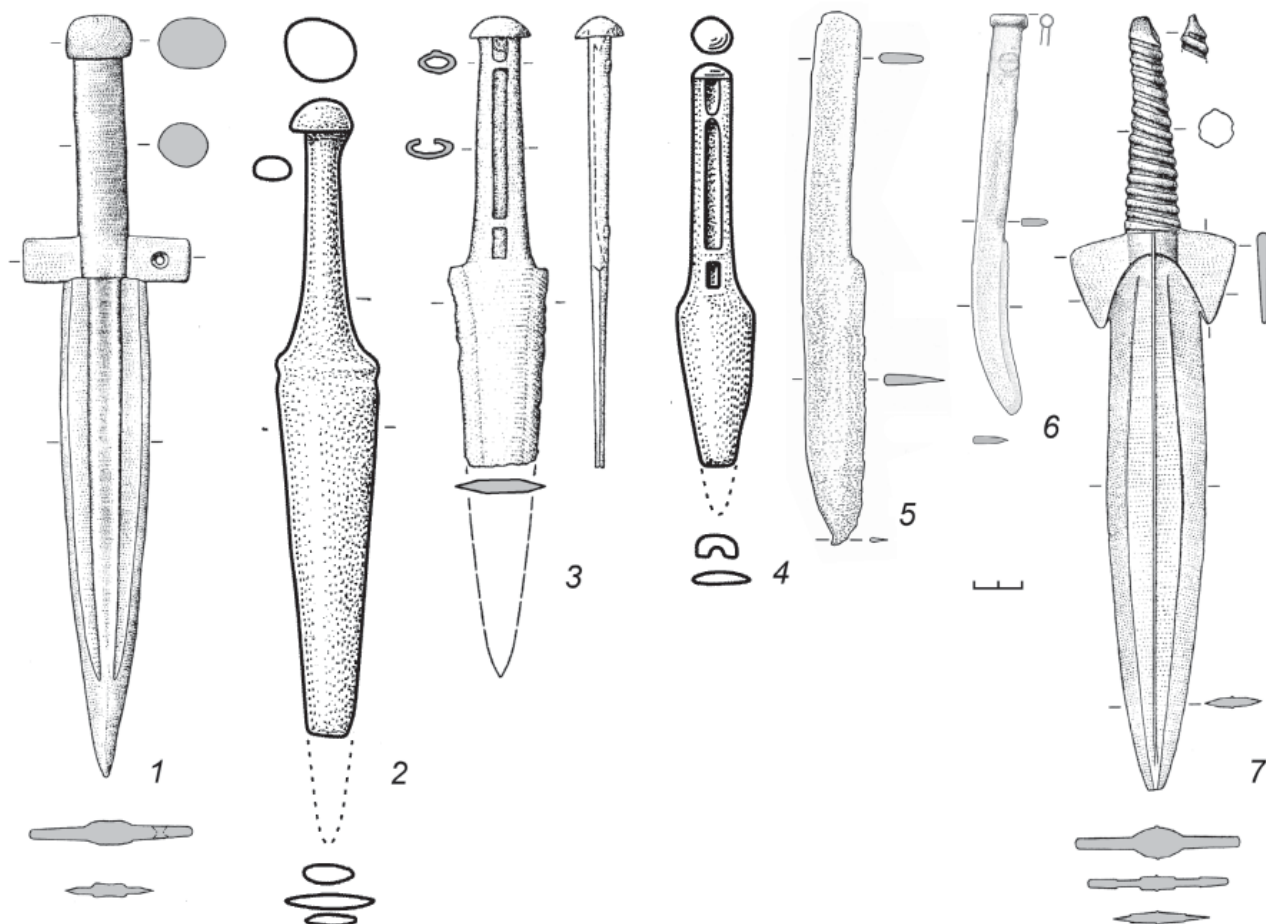

Рис. 3. Случайные находки переходного периода от бронзового века к железному в Южном Зауралье
 1 – Магнитогорск (по: Таиров, 2002); 2 – Сулейманова (Сулейменево) (по: Членова, 1973); 3 – Анненское (по: Епимахов, Епимахова, 2005); 4 – Ильчигулово (по: Членова, 1973); 5 – Ларино (по: Епимахов, Таиров, 2013); 6 – Клястицкое (по: Епимахов, Таиров, 2013); 7 – Кушмурун (по: Таиров, 2002) . 1–7 – бронза

бронзовый двухлопастной наконечник стрелы (рис. 2: 19), воткнувшийся в его тазовую кость (Смирнов, 1964, с. 39, рис. 8: 1; Кореняко, 1982, с. 39). К.Ф. Смирнов датировал погребение VII в. до н. э. (Смирнов, 1964, с. 39), а А.И. Тереножкин включил его в сводку памятников новочеркасской стадии киммерийской эпохи – 750–650 гг. до н. э. (Тереножкин, 1976, с. 53).

В Южном Приуралье нам известен еще один комплекс переходного периода – вводное погребение в могильной яме 2 кургана 1 могильника Шатмантамак I. Некрополь находится в 1 км к ЮВЮ от села Шатмантамак Миякинского района Республики Башкортостан, на высоком левом берегу реки Уязы, правого притока реки Дёмы. Захоронение ребенка, умершего в возрасте 4–6 лет, совершено в овальной могильной яме размерами в придонной части 1,3×0,65 м, глубиной 0,25 м от уровня материка. Погребение сильно повреждено грызунами, но судя по размерам ямы и расположению костей, тело было уложено на спине или с небольшой степенью скорченности, головой на запад. Справа за головой (?),

у западной стенки ямы, был поставлен небольшой плоскодонный слабо обожженный сосуд (рис. 2: 13).

Сосуд плоскодонный, его шейка и венчик достаточно сильно отогнуты, тулово раздуто в средней части. Край венчика приострэн. Внутренняя и внешняя поверхность сосуда красно-коричневого цвета. В глиняном тесте визуально определяется примесь шамота и небольшого количества дресвы. Высота сосуда – 11,9 см, диаметр по плечу – 11,7 см, по венчику – 10,0 см, по дну – 9,4 см. На сосуде присутствует частично сохранившееся изображение животного (?), выполненное черной краской (?) (рис. 2: 21).

Для погребения по кости человека получена AMS ¹⁴C датировка 2615±20 л. н., калиброванная дата 806–794 (817–786) гг. до н. э., т. е. конец IX – начало VIII вв. до н. э. (табл. 1).

В Самарском Заволжье к переходному периоду от эпохи бронзы к раннему железному веку относятся погребения, исследованные в могильниках Полудни II, Нижняя Орлянка I, Спиридоновка II, Ягодное и Утевка IX.

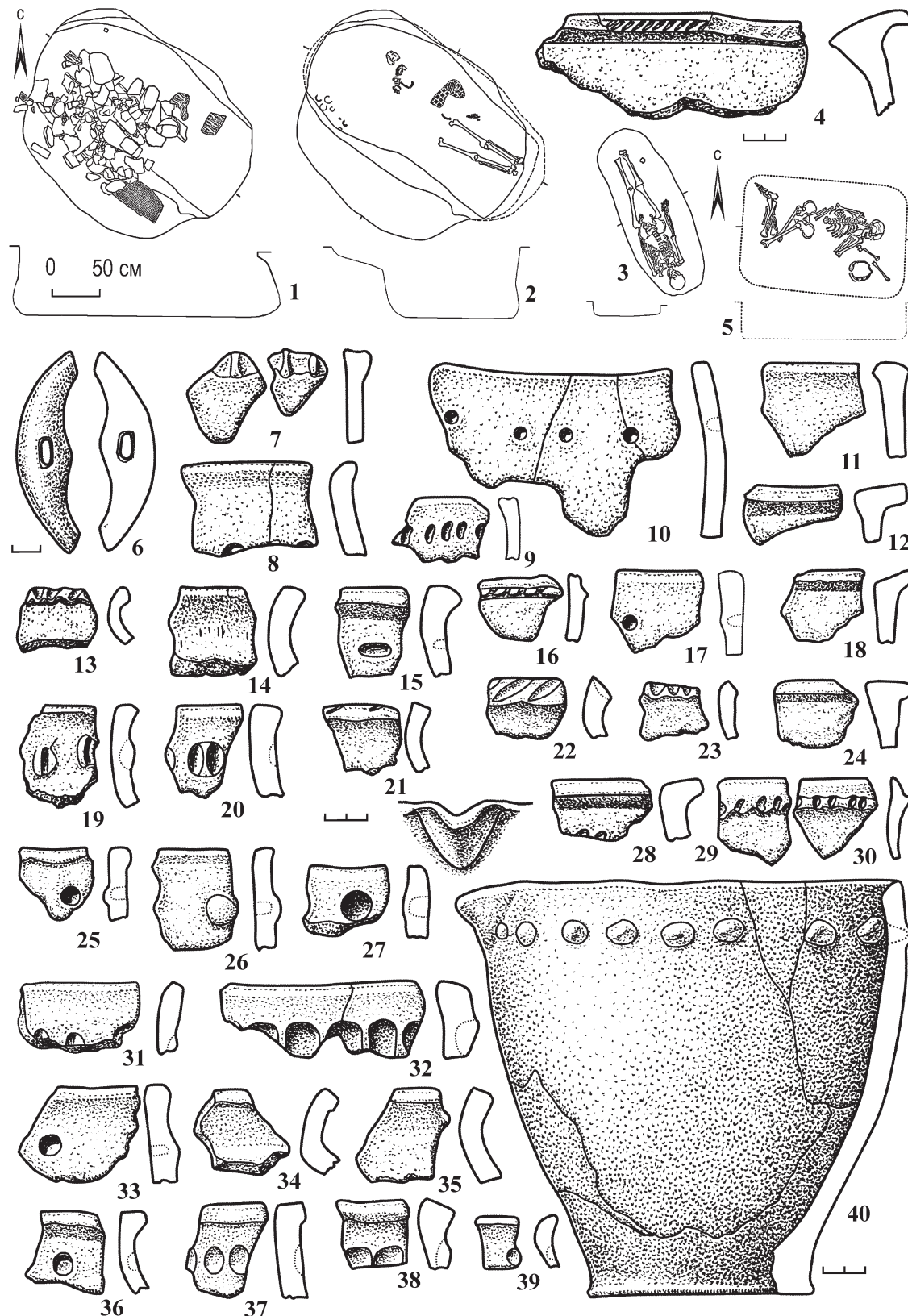

Рис. 4. Погребальные памятники переходного периода от бронзового века к железному в Самарском Заволжье 1–4 – Могильник Полудни II, курган 2 (1, 2, 4 – погребение 1; 3 – погребение 4) (по: Мышкин и др., 2010); 5, 40 – могильник Утевка IX, курган 1, погребение 1 (по: Кузнецов и др., 2015); 6 – курган 4 у с. Ягодное, погребение 1 (по: Мышкин, Скарбовенко, 2000); 7–39 – керамика нурского типа (7, 8, 10–12, 16, 17, 22, 23 – поселение Максимовское (по: Агапов, Васильев, 1976); 9, 21, 33, 37–39 – «керамика нурского типа» (по: Васильев, Матвеева, 1986); 13–15, 18–20, 24–32, 34–36 – поселение Нур (по: Агапов, Васильев, 1976). 4, 7–40 – глина; 6 – бронза

Курганный могильник Полудни II находился на краю первой надпойменной террасы левого берега реки Малый Кинель, близ села Полудни Кинель-Черкасского района Самарской области (Мышкин и др., 2010, с. 194). К переходному периоду от эпохи бронзы к раннему железному веку относятся впускные погребения 1 и 4 кургана 2.

Погребение 1 было впущено в центр насыпи кургана, а по ее периферии сооружено кольцо из камня. Могильная яма на уровне фиксации имела форму неправильного прямоугольника с сильно скругленными углами, размеры 1,84×2,44 м, ориентировку по линии СЗ–ЮВ. Вдоль юго-западной стенки прослежена ступенька шириной до 0,54 м, которая плавно переходила в дно ямы. Размеры погребальной камеры 1,15×2,73 м, глубина от уровня фиксации – 0,7–0,74 м (рис. 4: 1). В заполнении ямы, с уровня насыпи и до дна, встречались необработанные камни различной формы и размеров, являющиеся остатками какой-то конструкции на вершине насыпи или на перекрытии могилы, ограбленной впоследствии.

Среди камней обнаружены разрозненные кости человека, а также остатки деревянного перекрытия ямы в виде фрагментов плахи и коры. Здесь же найден фрагмент венчика лепного сосуда с примесью шамота в глине, орнаментированный наклонными вдавлениями (рис. 4: 4).

Погребение ограблено. На дне ямы сохранились останки двух человек – взрослого и младенца (рис. 4: 2). Судя по расположению костей, взрослый был захоронен в положении вытянуто на спине, головой на северо-запад. Слева от таза взрослого был положен младенец, кости которого лежали беспорядочно. В северо-западной части ямы на дне около стенки выявлены остатки пяти обуглившихся деревянных цилиндрических предметов с толщиной стенок 0,5–1,0 см (Мышкин и др., 2010, с. 198, рис. 8; 9; 10: 1).

Погребение 4 выявлено под СВВ полой кургана. Могильная яма на уровне материка имела форму вытянутого овала, ориентированного по линии СЗ–ЮВ. Размеры ее 0,71×1,78 м, глубина не более 0,15 м от уровня материка. Мужчина, умерший в возрасте 50–55 лет, был уложен в положении вытянуто на спине, головой на юго-восток (рис. 4: 3). Руки вытянуты вдоль тела, предплечье и кисть левой руки находились под тазом (Мышкин и др., 2010, с. 199, рис. 8; 11: 1).

Для погребения 1 по костям человека получена ¹⁴C датировка 2890±130 л. н., калиброванная дата 1257–916 (1402–821) гг. до н. э. (табл. 1) или XIV – последняя четверть IX вв. до н. э. По мнению авторов публикации, наиболее вероятным временем совершения этого захоронения является хронологический период около 800 г. до н. э.

Погребение 4 было, скорее всего, более ранним, чем погребение 1, так как его частично перекрывало каменное кольцо, связанное с погребением 1 (Мышкин и др., 2010, с. 198, 202).

К переходному периоду, судя по радиоуглеродным датам, относятся еще два погребения без сопровождающего инвентаря – погребение 3 кургана 1 могильника Нижняя Орлянка I и погребение 19 кургана 1 могильника Спиридоновка II. В первом случае умерший был уложен на правый бок со слегка согнутыми руками и ногами, головой на юго-запад. Во втором – скорченно на левый бок, головой на юго-восток (Мышкин, Скарбовенко, 2000, с. 11, 12). Погребение 3 кургана 1 могильника Нижняя Орлянка имеет ¹⁴C датировку 2870±70 л. н., а погребение 19 кургана 1 могильника Спиридоновка II – 2840±80 л. н. (Кузнецов, 1996, с. 57). После калибровки (табл. 1) для погребения из Нижней Орлянки мы получаем дату 1154–932 (1259–850) гг. до н. э., т. е. середина XIII – середина IX вв. до н. э., а для погребения из Спиридоновки II – 1127–898 (1258–816) гг. до н. э., или середина XIII – последняя четверть IX вв. до н. э.

Впускное погребение 1 в кургане 4 у села Ягодное в Ставропольском районе Самарской области (Мерперт, 1954, с. 51–53, рис. 5: 2, 3) К.Ф. Смирнов датировал в пределах VIII–VII вв. до н. э. на основании бронзовой уздечной застежки, тождественной костяным застежкам конца эпохи бронзы (рис. 4: 6). В могильной яме, форма которой не прослежена, захоронен юноша 16–18 лет. Он был уложен вытянуто на спине головой на юго-восток – восток. Руки свободно лежали вдоль тела, правая нога слегка согнута в колене. Неподалеку от погребенного (в 1,2 м восточнее и на 0,3 м выше) обнаружены зубы лошади и упомянутая выше бронзовая застежка (Смирнов, 1964, с. 29, рис. 3: 6; Кореняко, 1982, с. 39; Мышкин, Скарбовенко, 2000, с. 11, табл. 6: 1).

Могильник Утевка IX находится у северо-восточной окраины села Утевка Нефтегорского района Самарской области. Памятник занимает приподнятую площадку первой надпойменной террасы правого берега реки Утевка, левого притока реки Самары (Кузнецов и др., 2015, с. 52).

Впущенное в курган 1 погребение 1 совершенно в древнем почвенном слое, в могильной яме подпрямоугольной формы со скругленными углами. Размеры ее 1,68×1,15 м, ориентировка – по линии ВСВ–ЗЮЗ. Мужчина, умерший в возрасте 30–35 лет, был уложен скорченно на левый бок, головой на восток, лицом на юг. Его правая рука, согнутая в локте, была, вероятно, направлена к лицу. Левая рука, слегка согнутая в локте, вытянута к тазу (рис. 4: 5). Перед лицом погребенного обна-

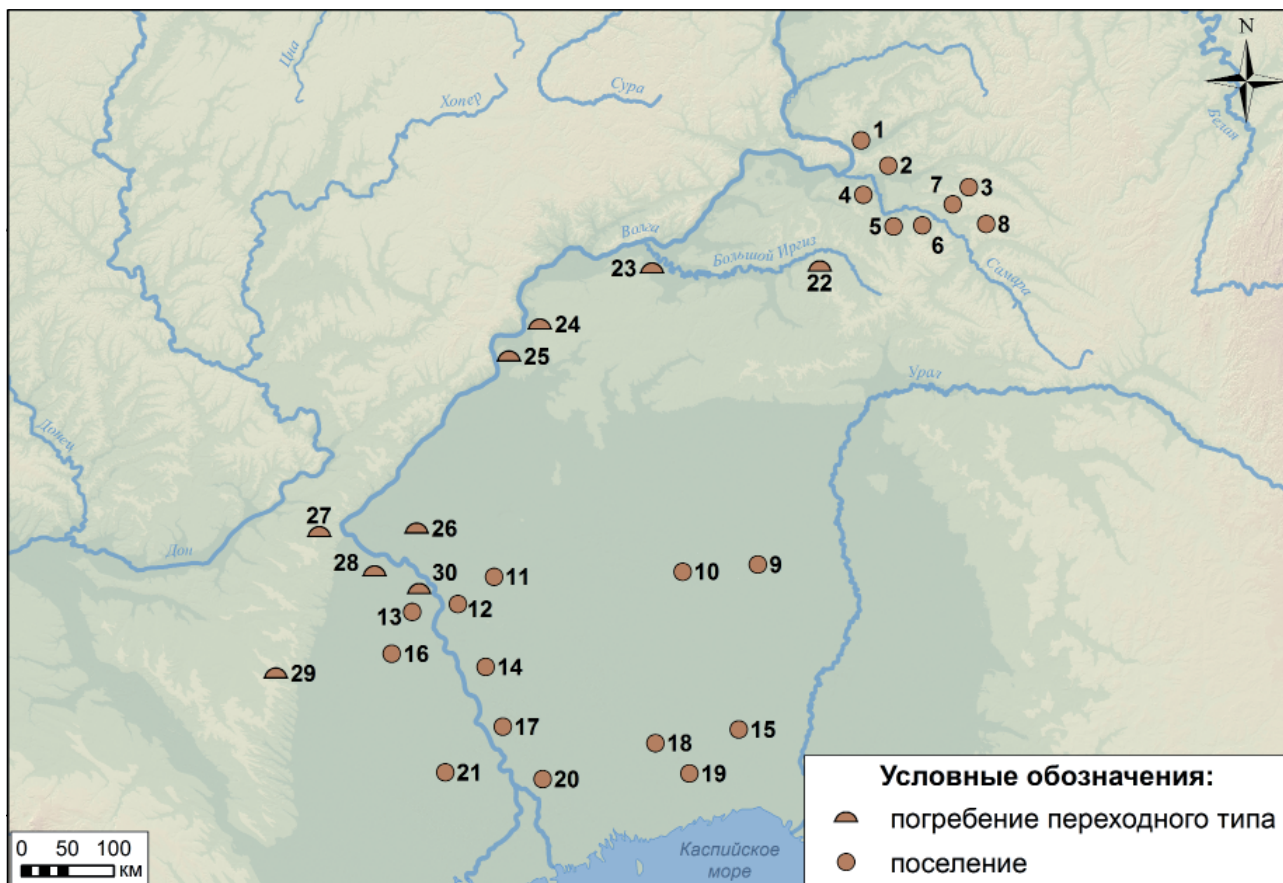

Рис. 5. Распространение нурских поселений (1–21) и погребений переходного типа (22–30) с нелощеной керамикой (по: Качалова, 1989)

1 – Царевщина; 2 – Белозерское; 3 – Коноваловка; 4 – Нур; 5 – Максимовка; 6 – Виловатое; 7 – Захар-Калма; 8 – Немчанка; 9 – Новая Казанка; 10 – оз. Сара-Дин; 11 – Урда; 12 – Болхуны; 13 – Заханата; 14 – Басинские дюны; 15 – Тюкей-Молла; 16 – Сарпа; 17 – Сероглазово; 18 – Конур-Кудук; 19 – Сазды; 20 – Досанг; 21 – Комсомольское; 22 – Максютово; 23 – Бородаевка; 24 – Бережновка; 25 – Быково; 26 – Заплавное; 27 – Химкомбинат; 28 – Старица; 29 – Чограй; 30 – Кривая Лука

ружены конечности, фрагмент черепа и фрагмент ребра мелкого рогатого скота. Рядом стоял сосуд баночной формы со сливом (рис. 4: 40). Он имеет выраженную закраину у дна и стянутое устье. Венчик сосуда скошен внутрь. Высота сосуда до 17,5 см, диаметр венчика – 19,8 см, тулова – 17,2 см, дна – 11,4 см. Сосуд украшен горизонтальным пояском крупных «жемчужин», проходящим в 1,7–2,2 см ниже среза венчика. Аналогии сосуду происходят из поселенческих памятников нурского типа степного Заволжья (Кузнецов и др., 2015, с. 53).

Нурский тип керамики выделен С.А. Агаповым и И.Б. Васильевым на основании находок на поселении Нур, находящемся на дюне в 200 м к югу от поселка Нур (Авангард) Волжского района Самарской области, на левом берегу реки Самары. Для керамики этого типа, представленной баночными и горшковидными плоскодонными сосудами, характерен хороший обжиг и примесь песка, шамота, иногда дресвы в глине. Профилировка горшковидных сосудов разнообразна – от слабо-

профилированных с прямым или чуть отогнутым венчиком и слабо раздутым туловом до сосудов с резким, под углом, переходом шейки в сильно раздутое тулово. Венчики в основном уплощенные, некоторые из них имеют грибовидные утолщения. Почти все сосуды украшены по венчику и шейке пальцевыми защипами, жемчужинами или ямками, выполненными концом палочки. Имеются также сосуды с наlepными валиками, разделенными глубокими защипами, насечками по внешнему краю венчика (рис. 4: 7–39) (Агапов, Васильев, 1976, с. 121, рис. 15; 16; Васильев, Матвеева, 1986, с. 101, 103; Качалова, 1989, с. 42, 43, рис. 3; Колев, 2000, с. 259, 260).

Помимо поселения Нур, керамика этого типа встречается и на ряде других памятниках степного Поволжья (рис. 5). Они представляют собой недолговременные дюнные стоянки со слабо выраженным культурным слоем и небольшим количеством керамики в нем. В Заволжье, за редким исключением, все они находятся южнее реки Большой Кинель и не заходят на север, в более

лесные районы (Агапов, Васильев, 1976, с. 121, рис. 2: IV; Васильев, Матвеева, 1986, с. 103; Колев, 2000, с. 259).

Особенности керамики нурского типа, сочетающей черты гончарных традиций финала эпохи бронзы и раннего железного века, позволили исследователям предположить, что нурские памятники демонстрируют один из моментов становления культуры ранних кочевников киммерийско-савроматского типа (Агапов и др., 1983, с. 28). Нурская керамика, по мнению И.Б. Васильева, «хорошо связывает население эпохи бронзы Поволжья с культурой племен раннего железного века в одну, непрерывную линию развития» (Васильев, Матвеева, 1986, с. 103). Однако, как убедительно показала Н.К. Качалова, вещевой инвентарь, керамика и погребальный обряд нурских комплексов резко отличаются от срубного и не имеют в нем никаких прототипов. В то же время, замечает она, «в технологическом отношении нурская и савроматская керамика имеют много общего» (Качалова, 1989, с. 40, 43).

Касаясь истоков памятников нурского типа, Н.К. Качалова отметила, что в подавляющем большинстве нурских поселений встречаются отдельные находки фрагментов керамики, типичной для памятников «хвалынского (ивановского) круга» (Качалова, 1989, с. 44). Но, как отмечалось выше, ивановская культура «не находит продолжения ни в одной из известных культур» (Колев, 2008, с. 226).

В Нижнем Поволжье керамика нурского типа по технологии изготовления, формам и орнаментации находит полное соответствие в посуде, обнаруженной в погребениях переходного типа (IX–VIII вв. до н. э.) этого региона (рис. 5) и по всем ведущим показателям имеет прямые соответствия в материалах IX–VIII вв. до н. э. Восточного Приуралья, Центрального и Восточного Казахстана (Качалова, 1989, с. 43).

В свое время Н.К. Качалова, проанализировав погребения переходного периода Нижнего Поволжья, разделила их на две группы. В первую она включила погребения, где умершие находились в скорченном положении на боку, в большинстве случаев на левом, изредка – на правом. Ориентировка погребенных неустойчива, но преимущественно в восточном направлении. Вторую группу составили захоронения, в которых умершие лежали в вытянутом положении на спине, на спине с подогнутыми ногами, вытянуто на левом боку. Ориентировка их также неустойчива, но преимущественно в западном направлении. Весьма немногочисленный вещевой инвентарь почти весь происходил из погребений первой группы. Представлен он бронзовыми ножами разной фор-

мы, украшениями и предметами быта (пряслица, оселки). Керамика, как лощеная, так и нелощеная, встречена в погребениях обеих групп. Нелощеная керамика, в основном неорнаментированная, из погребений обеих групп одинакова по глиняному тесту, формовке и обжигу. Памятники обеих групп, различия между которыми носят, возможно, хронологический характер, составляют, как считает Н.К. Качалова, единое культурное образование, в целом синхронизируемое с памятниками киммерийской эпохи Северного Причерноморья (Качалова, 1989, с. 36–40).

Разделение погребальных комплексов переходного периода, предложенное Н.К. Качаловой для Нижнего Поволжья, применимо и для степной зоны Волго-Уралья, где также отчетливо выделяются две группы погребений. Первая включает захоронения, где умершие укладывались в погребальную камеру скорченно на левом боку, головой на юго-запад или восток, вторую образуют погребения, в которых умершие укладывались в могильную яму вытянуто на правом боку или на спине, вытянуто на спине с разворотом на левый бок, на правом боку с небольшой степенью скорченности, головой на запад, юго-запад, северо-запад или юго-восток.

Как показало картографирование анализируемых комплексов (рис. 1), в степях Южного Зауралья встречены лишь погребения второй группы. Погребения являются как основными (Верблюжьи Горки), так и вводными в курганы более раннего времени (Макан I, Лисаковский). Пока только из этого региона происходят и случайные находки предметов карасукского облика. В степной части Самарского Заволжья и Южного Приуралья встречены как погребения первой⁴, так и второй⁵ групп. Все погребения этого региона – вводные в насыпи курганов более раннего времени.

Имеющиеся радиоуглеродные даты по двум выделенным группам погребений показывают, что различия между ними носят, очевидно, хронологический характер (рис. 6). По крайней мере, погребения первой группы, в которых умершие уложены скорченно на боку (Каменка I, Нижняя Орлянка, Спиридоновка II), датируются в пределах середины XIII – последней четверти IX в. до н. э. (рис. 6: 1), в то время как датировка захоронений второй группы, в которых умершие

⁴ Танаберген II, курган 1, могильная яма 13, погребение 2; Каменка I, курган 2, погребение 3; Покровка II, курган 24, погребение 1; Утевка IX, курган 1, погребение 1; Спиридоновка II, курган 1, погребение 19.

⁵ Илекшар I, курган 6, могильная яма 10, погребения 4 и 5; Танаберген II, курган 1, могильная яма 13, погребение 1; Шатмантамак I, курган 1, могильная яма 2; Полудни II, курган 2, погребения 1 и 4; Нижняя Орлянка I, курган 1, погребение 3.

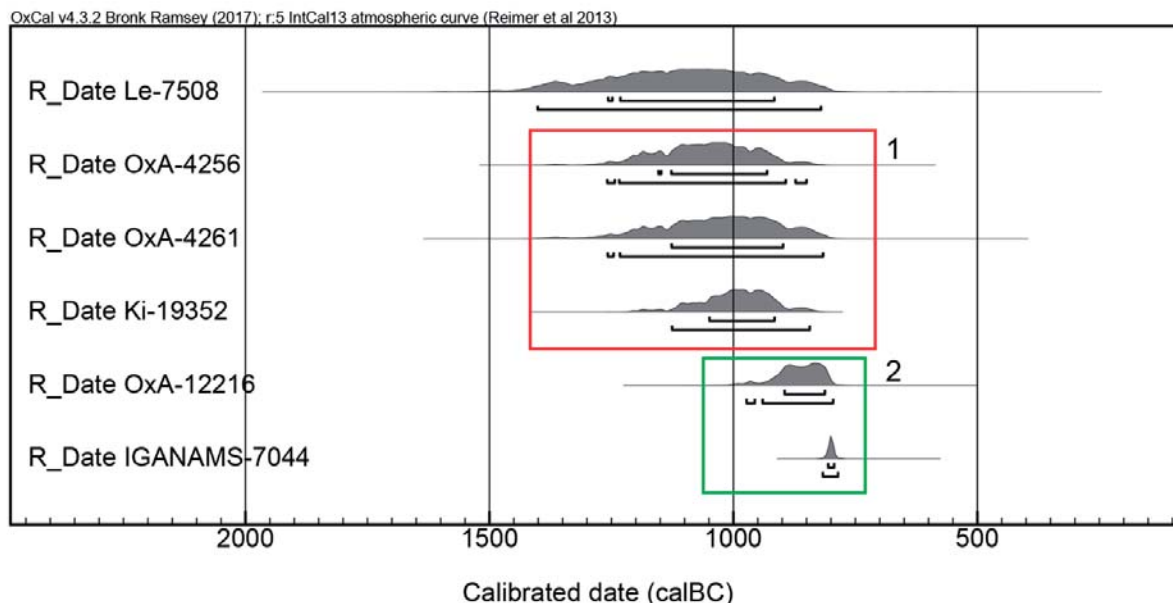

Рис. 6. Радиоуглеродная хронология памятников переходного периода от бронзового века к железному в степной зоне Волго-Уралья

1 – памятники первой группы (Нижняя Орлянка, Спиридоновка II, Каменка I); 2 – памятники второй группы (Верблюжья Горка, Шатмантамак I)

укладывались вытянуто на боку или на спине (Верблюжья Горка, Шатмантамак I), не выходят за пределы второй четверти X – начала VIII в. до н. э. (рис. 6: 2). Несколько особняком стоит погребение 1 кургана 2 могильника Полудни II, калиброванная дата которого достаточно широка – XIV – последняя четверть IX вв. до н. э. Однако, как уже указывалось выше, по мнению авторов публикации комплекса, наиболее вероятным временем совершения этого захоронения является хронологический период около рубежа IX–VIII вв. до н. э. (Мышкин и др., 2010, с. 202), что укладывается в хронологические рамки погребений второй группы.

Приведенные выше комплексы указывают на разнородность культурно-исторических процессов, протекавших на рубеже эпохи бронзы и раннего железа, и асинхронность становления традиций раннего железного века в степях Волго-Уралья. Малочисленность имеющихся данных не позволяет дать объективную реконструкцию культурно-исторических процессов, происходящих здесь в переходный период, или предложить их адекватную модель, можно лишь наметить общие контуры этих процессов.

Изменения в переходный период от эпохи бронзы к раннему железному веку в степной зоне Волго-Уралья, скорее всего, имели характер стимулированной трансформации. Причинами изменений были не только климатические колебания, но и вызванное ими повышение миграционной активности населения. Направление передви-

жений, вполне очевидно, было различным. Для Степного Зауралья наиболее отчетливо прослеживается восточный «след», о чем, в частности, свидетельствуют находки здесь предметов карасукского облика (Костюков, Ражев, 2004, с. 144; Костюков, Епимахов, 2005, с. 73, 74; Епимахов, Таиров, 2013, с. 228). Отмечается и проникновение «киммерийского» компонента степей Северного Причерноморья (Таиров, 2002; 2017, с. 108). Под значительным влиянием последнего проходило, очевидно, развитие населения степной зоны Самарского Заволжья и Южного Приуралья на начальном этапе переходного периода (Алексеев и др., 1993, с. 58, 59). В дальнейшем, на заключительном этапе этого периода, здесь, вероятно, усилилось воздействие восточного компонента, принесшего с собой традицию вытянутых погребений.

В Южном Зауралье, насколько позволяют судить немногочисленные материалы, в переходный период в погребальной обрядности очень рано отмечается полный разрыв с традициями эпохи бронзы. Здесь уже в VIII в. до н. э., так же как и на территориях к востоку от него, существует сложившийся хорошо узнаваемый раннекочевнический комплекс. В Самарском Заволжье и Южном Приуралье, видимо, достаточно долго сохраняются наследники традиций бронзового века. Здесь в определенный временной промежуток в погребальной обрядности отмечается сосуществование двух традиций – традиций, уходящих своими корнями в эпоху бронзы, с одной стороны и тра-

диций, привнесенных с востока евразийских степей, с другой. Во всяком случае, для этой зоны достоверно не выделены кочевнические комплексы VIII в. до н. э.

И если становление раннекочевнической культуры Южного Зауралья связано с миграционной волной середины VIII в. до н. э. (Таиров, 2017, с. 35, 36), то к западу от линии Южный Урал – Мугоджары – Северный Прикаспий миграция этого периода не оставила явных следов. Уяснение причин этого требует дополнительных полевых и аналитических исследований.

Вполне вероятно, что ситуация, отмеченная для переходного периода в Волго-Уралье, является частью глобальных процессов, происходящих в степях Евразии при переходе населения к подвижным формам скотоводства (Костюков, Епимахов, 2003, с. 282; 2005, с. 74).

В последней трети II тыс. до н. э. в степной зоне Евразии и прилегающих к ней областях лесостепи начинаются разнонаправленные подвижки населения, обусловленные различными факто-

рами, в том числе, очевидно, и климатическими. Среди направлений этих подвижек выделяется вектор движения по евразийскому степному коридору с востока на запад, с территории Внутренней Азии и прилегающих к ней районов Саяно-Алтая в сторону восточноевропейской степи. Возможно, первоначально движение по этому направлению происходило по «принципу домино» – представители того или иного этнокультурного образования переселялись на земли своих соседей, заставляя последних уходить в свою очередь на соседние территории. Не исключаются и миграции отдельных групп на достаточно далекие расстояния. Механизмы и пути передвижений остаются пока неясными. Очевидно, что они носили затухающий характер – чем далее с востока на запад, тем слабее проявления, тем сложнее их выявление. Но тем не менее результаты подвижек достаточно отчетливо фиксируются периодической сменой культурных стереотипов и, в частности, погребальной обрядности на обширных пространствах степей от Волги до Оби.

Таблица 1

Радиоуглеродные даты памятников переходного периода в степной зоне Волго-Уралья

№ п/п	Памятник	Материал	¹⁴ C л.н.	Калиброванная дата		Шифр лаборатории	Программа калибровки
				1 σ (68,2 %)	2 σ (95,4 %)		
1	Полудни II, курган 2, погребение 1	кость человека	2890 ± 130	1257–1248 BC (1.4 %) 1232–916 BC (66.8 %)	1402–821 BC (95.4%)	Le-7508	OxCal v4.3.2
2	Нижняя Орлянка, курган 1, погребение 3	кость человека	2870 ± 70	1154–1148 BC (1.4 %) 1128–932 BC (66.8 %)	1259–1244 BC (1.1 %) 1234–893 BC (92.9 %) 873–850 BC (1.4 %)	OxA-4256	OxCal v4.3.2
3	Спиридоновка II, курган 1, погребение 19	кость человека	2840 ± 80	1127–898 BC (68.2 %)	1258–1246 BC (0.8 %) 1233–816 BC (94.6 %)	OxA-4261	OxCal v4.3.2
4	Каменка I, курган 2, погребение 3	кость человека	2830 ± 50	1050–916 BC (68.2 %)	1126–844 BC (95.4 %)	Ki-19352	OxCal v4.3.2
5	Верблюжь Горки, курган 2, погребение 1	кость человека	2702 ± 50	896–813 BC (68.2 %)	974–956 BC (2.4 %) 940–796 BC (93.0 %)	OxA-12216	OxCal v4.3.2
6	Шатмантамак I, курган 1, могильная яма 2	кость человека	2615 ± 20	806–794 BC (68.2 %)	(817–786) (95.4%)	IGAN _{AMS} -7054	OxCal v4.3.2

ГЛАВА 2

КОЧЕВНИКИ ПРЕДСАВРОМАТСКОГО И САВРОМАТСКОГО ВРЕМЕНИ

Ранний железный век и формирование кочевого скотоводства

На начало I тыс. до н. э. (IX–VII вв. до н. э.) приходится период распространения и активного использования изделий из железа и стали в степях Восточной Европы. Железо стало постепенно вытеснять медь и бронзу из основных сфер человеческой деятельности. Этот процесс знаменовал наступление новой эпохи – раннего железного века, хронологические рамки которого для Восточной Европы ограничены VIII в. до н. э. – IV в. н. э.

В начале раннего железного века на территории горно-степного пояса Евразии окончательно оформилось и получило широкое распространение кочевничество – особый хозяйственный уклад, который обусловил специфический образ жизни большого количества человеческих социумов на протяжении последующих двух тысячелетий. Для кочевничества характерен ряд особенностей. Это: скотоводство как преобладающий род хозяйственной деятельности; экстенсивный характер скотоводства, связанный с круглогодичным внестойловым содержанием скота на подножном корму; сезонная подвижность скотоводческих коллективов (как правило, в пределах определенных пастбищных территорий) и участие в перекочевках большей части членов этих социумов (Хазанов, 1975, с. 6).

Распространение кочевничества на обширных пространствах аридной зоны Евразии могло быть обусловлено действием разных факторов. В число таких факторов включают изменение климатических условий в сторону большей засушливости или, наоборот, влажности; антропогенное воздействие на ландшафтную среду, в результате которого стало невозможным оседлое хозяйствование; развитие скотоводства, которое приводило к постоянному увеличению количества скота; развитие социально-имущественной дифференциации с накоплением скота в качестве богатства; развитие торговли и обмена с центрами цивилизации, которое стимулировало увеличение поголовья стад и необходимость освоения обширных пастбищных пространств. В качестве важного фактора рассматривается распространение железа, при-

ведшее к употреблению строгих металлических удили и введению многих военных новшеств, благодаря которым кочевники получили преимущество перед оседлым населением. Многие версии, особенно те, которые акцентировали внимание на каком-либо одном причинном факторе, имеют уязвимые стороны (Клейн, 1980, с. 30–36). Переход к кочевому скотоводству мог быть обусловлен целым комплексом разноплановых факторов, в том числе указанных выше.

Рассматриваемая территория

В данном разделе рассматривается культура кочевников, населявших в VIII–V вв. до н. э. степные и лесостепные районы Среднего Поволжья и Южного Приуралья (Предуралья) в пределах современных Самарской, Ульяновской, Оренбургской областей и Республики Башкортостан.

Предсавроматский период

Начало I тыс. до н. э. для степей Восточной Европы в археологической и исторической литературе традиционно рассматривается как киммерийская эпоха. Свое название эпоха получила в результате попыток совместить при ее исследовании данные, почерпнутые из письменных источников, и результаты археологических исследований. В древних ближневосточных текстах неоднократно упоминаются варвары-гимирри, которые активно действовали в Закавказье и Малой Азии, постоянно становясь угрозой для государств этого региона. В произведениях древнегреческих авторов гимирри фигурируют как киммерийцы. В качестве первоначальной территории расселения этого народа античные авторы называют Северное Причерноморье, откуда они были вытеснены скифами в Малую Азию. Таким образом, согласно сообщениям древних греков, киммерийцы в северопричерноморских степях являлись непосредственными предшественниками скифских племен (Латышев, 1992, с. 76, 77).

Поэтому памятники Северного Причерноморья, датируемые первыми веками I тыс. до н. э., рассматриваются как киммерийские. Они объединены исследователями в две группы: черногоровскую (или камышевахско-черногоровскую) и новочеркасскую. Согласно концепции, предложенной А.И. Тереножкиным, черногоровские

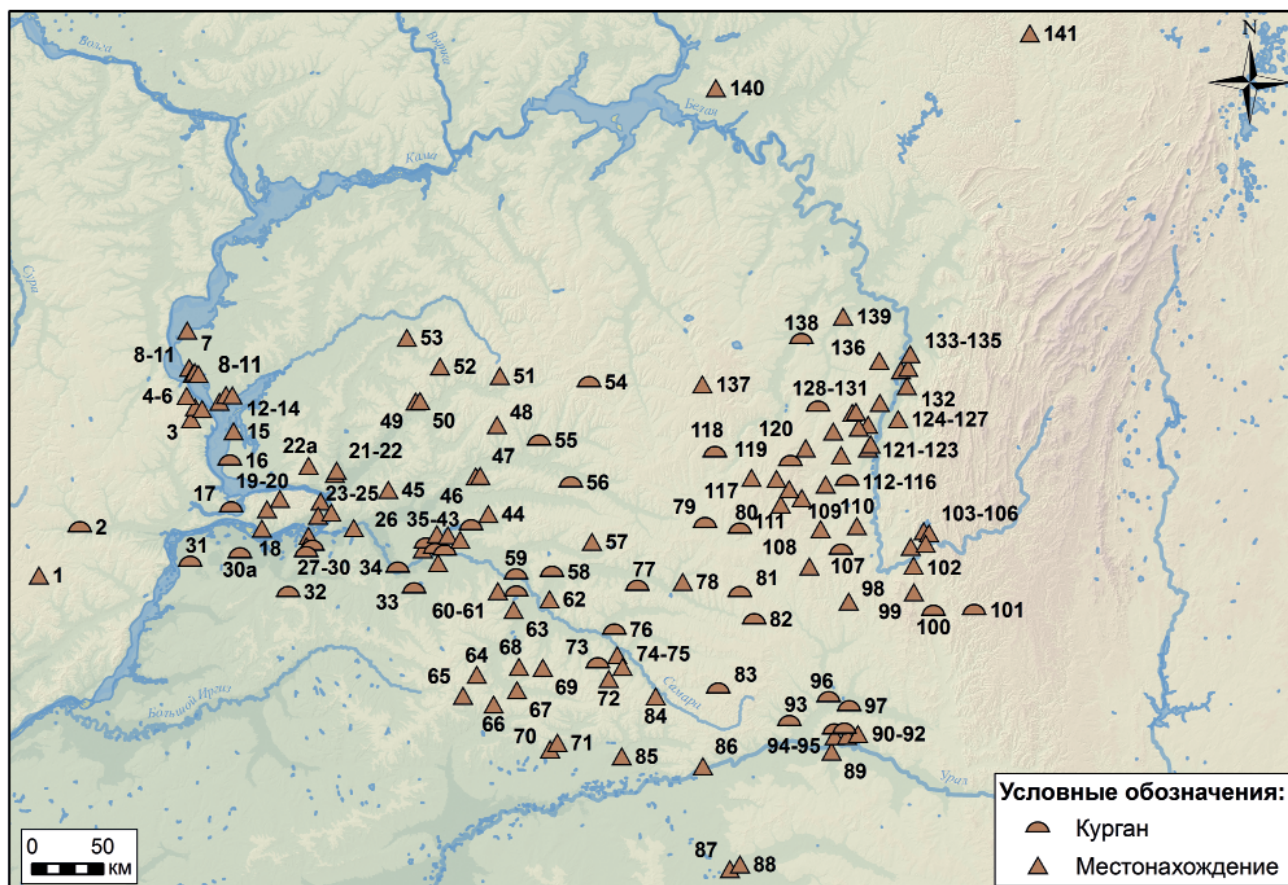

Рис. 1. Памятники предсавроматского и савроматского времени

и новочеркасские памятники отражают факт существования киммерийской культуры с IX до середины VII века до н. э. (Тереножкин, 1976). А.М. Лесков датировал черногоровскую группу памятников серединой VIII в. до н. э. – началом VII века до н. э. и связал ее с историческими киммерийцами. Он полагал, что новочеркасская группа оставлена скифами в период с конца VIII в. до н. э. по начало последней четверти VII в. до н. э. (Лесков, 1984, с. 147–152). Согласно еще одной версии, черногоровский и новочеркасский культурные комплексы существовали одновременно в VII в. до н. э., при этом первый из них связан со скифами, а второй – с киммерийцами (Членова, 1984, с. 41). В литературе высказано также мнение, что памятники как черногоровской, так и новочеркасской групп не связаны с киммерийцами исторических источников и не могут быть использованы как свидетельство длительного пребывания киммерийцев в Северном Причерноморье (Алексеев и др., 1993, с. 51–91).

В трудах античных авторов отсутствуют сведения о киммерийцах к востоку от Дона. В то же время памятники киммерийского времени Волго-Донского междуречья и Заволжья мало отличаются от одновременных им северопричерноморских комплексов. Это немногочисленные захоронения,

которые выглядят беднее северопричерноморских погребений, а также отдельные немногочисленные случайные находки. Следы оседлости в Поволжье отсутствуют, а редкость памятников может являться следствием перехода к кочевому образу жизни и новому способу ведения хозяйства. Материалы указывают на связи населения Поволжья и Подонья с населением степей Северного Причерноморья и Северного Кавказа (Дворниченко, Корняко, 1989, с. 148, 152).

Археологические памятники предсавроматского времени Среднего Поволжья и Южного Приуралья

В число памятников этого периода можно включить очень небольшое количество погребений и случайных находок на территории Самарского Заволжья и Южного Приуралья (Предуралья).

Временем в пределах VIII–VII вв. до н. э. датировано (Смирнов, 1961, с. 71; 1964, с. 29) погребение, раскопанное у с. Ягодное в Ставропольском районе Самарской области. Форма и конструкция могильной ямы этого погребения не были прослежены. Н.Я. Мерперт, исследовавший памятник, предположил, что погребенный был втиснут в узкую яму. Скелет юноши 16–18 лет лежал вытянуто на спине головой на юго-восток – восток. Его

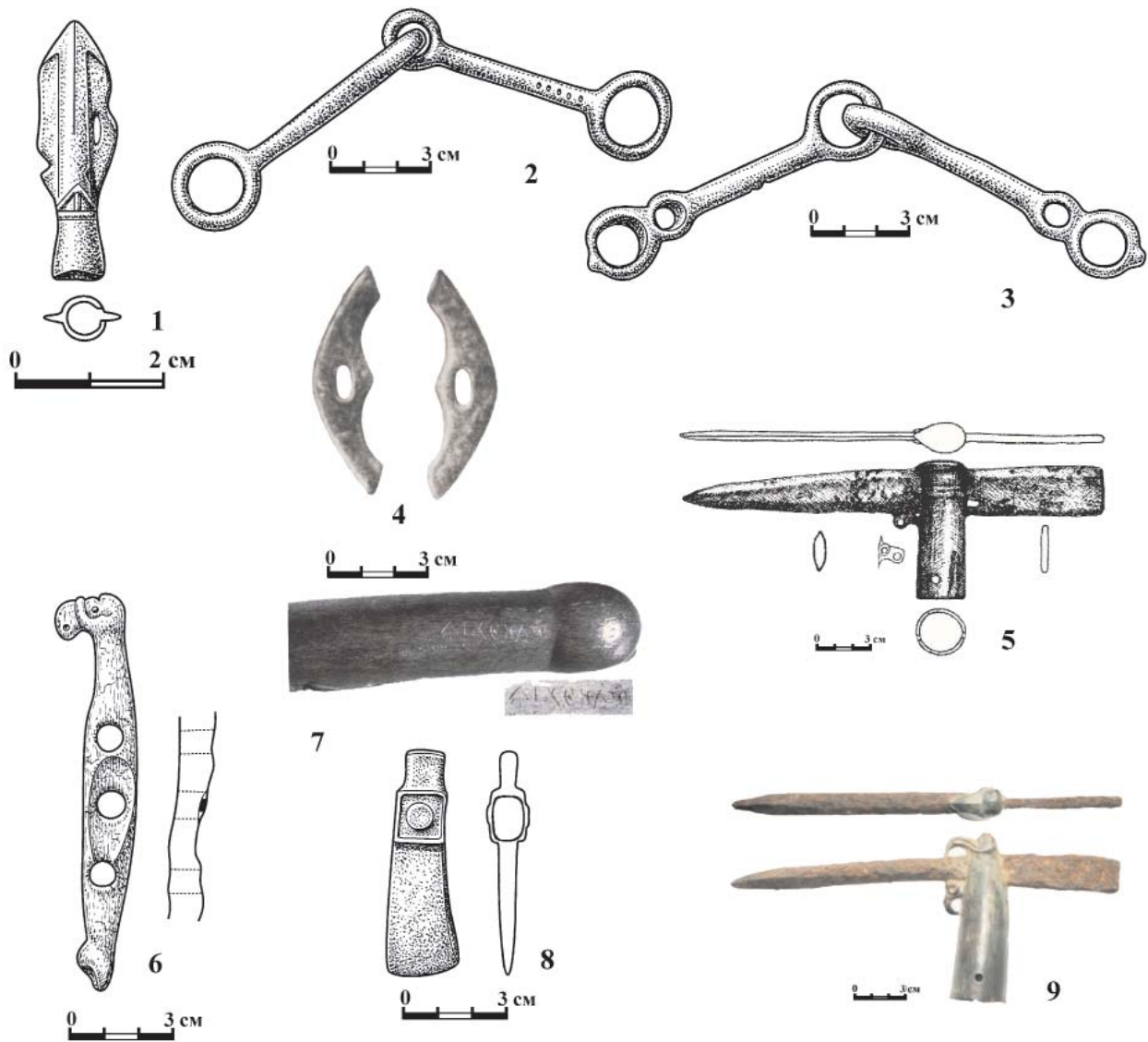

Рис. 2. Памятники предсавроматского времени

1 – наконечник стрелы, Новая Белогорка, курган 2, погребение 38; 2 – удила, случайная находка, станция Марычевка; 3 – удила, случайная находка, курган Железный Мар у с. Благодаровка; 4 – детали конской амуниции, с. Ягодное, курган 4, погребение 1; 5 – клевец, случайная находка, с. Молгачи; 6 – псалий, случайная находка, с. Рысайкино; 7 – надпись на псалии, найденном у с. Рысайкино; 8 – топорик, случайная находка, пос. Серноводск; 9 – клевец, случайная находка, Бугурусланский район Оренбургской области (1–4, 8 – бронза; 5, 9 – бронза, железо; 6 – кость)

правая нога была слегка согнута в колене. Неподалеку от погребенного были найдены бронзовые принадлежности конской упряжи (рис. 2: 4). Автор раскопок определил эти предметы как псалии (Мерперт, 1954, с. 51–53), К.Ф. Смирнов – как застежки уздечки (Смирнов, 1964, с. 29, рис. 3: 6).

К рассматриваемому периоду относится погребение 38 в кургане 2 могильника у с. Новая Белогорка Сорочинского района Оренбургской области. Погребение было впущено в насыпь, поэтому форма и конструкция ямы не прослежены. Погребенный лежал вытянуто на спине, головой на запад. В тазовой кости погребенного торчал бронзовый двухлопастной наконечник стрелы (рис. 2:

1) (Смирнов, 1961, с. 111, рис. 12; Кореняко, 1982, с. 39). К.Ф. Смирнов датировал наконечник VII вв. до н. э. (Смирнов, 1964, с. 39), А.И. Тереножкин отнес погребение к новочеркасской стадии (750–650 гг. до н. э.) киммерийской эпохи (Тереножкин, 1976, с. 53).

Остальные предметы, относящиеся к рассматриваемой эпохе, представляют собой случайные находки или происходят из разрушенных курганов.

К их числу следует отнести бронзовый топорик с плоским лезвием, овальным проухом и уплощенным обухом (рис. 2: 8), найденный около пос. Серноводск Сергиевского района Самарской

области. Наиболее близкой аналогией этой находке является экземпляр, найденный у с. Билярска в Татарстане. Билярский топор был отнесен А.Х. Халиковым к числу бронзовых топоров-секир второй половины VIII–VII вв. до н. э., т. е. киммерийской эпохи (Халиков, 1977, с. 179, 180, рис. 68: 1). Однако своей формой серноводский и билярский топоры больше похожи на некоторые образцы подобного оружия из раннескифских памятников, например, на парадную секиру из Келермесского 1-го кургана (Ильинская, Тереножкин, 1983, с. 57). Однако все скифские боевые топоры железные (Черненко, 1986, с. 142). Исключением является бронзовая секира из кургана конца VII – начала VI в. до н. э. у Цукар-Лимана в Крыму (Ильинская, Тереножкин, 1983, с. 107, 108).

В Бугурусланском районе Оренбургской области на левом берегу реки Малый Кинель, на распаханном поле между деревней Березняки и речкой Городецкая, был случайно найден биметаллический клевец (рис. 2: 9), имеющий изогнутый железный клинок, бронзовую коническую втулку. Верхняя часть втулки украшена скульптурной головой хищной птицы, еще одна птичья головка находится под бойком. Клевец датирован VII в. до н. э. (Балахванцев, 2014, с. 39, 43). Другой биметаллический клевец (рис. 2: 5) найден у с. Молгачи Красноярского района Самарской области. Он датирован VII – началом VI в. до н. э. (Кочкина, Сташенков, 2020, с. 188, 189, рис. 1: 4–5, илл. 5).

Около станции Марычевка в Богатовском районе Самарской области были найдены бронзовые удила с большими одинарными кольцами (рис. 2: 2), которые относятся к типу, распространенному в VII в. до н. э. на Северном Кавказе (Иессен, 1953, с. 104, 105). Временем в пределах VIII–VII вв. до н. э. могут быть датированы бронзовые двуколычатые удила (рис. 2: 3) из кургана Железный Мар у с. Благодаровка Борского района Самарской области (Иессен, 1953, с. 104). В Среднее Поволжье они могли попасть с территории Кавказа или Нижнего Дона (Смирнов, 1964, с. 78).

Концом VII – началом VI в. до н. э. был датирован костяной псалий (рис. 2: 6) с зооморфным изображением, найденный в раскопанном крестьянами в 1932 г. кургане у с. Рысайкино Похвистневского района Самарской области (Смирнов, 1961, с. 80, 81; 1964, с. 243, 259, рис. 77: 2). Много лет спустя после поступления псалия в Эрмитаж Е.Ф. Королькова обнаружила, что на нем есть надпись (рис. 2: 7), которая оставалась прежде незамеченной. Надпись сделана на арамейском языке и ее можно перевести как «крепко пригнанный (прилаженный) для жеребенка». Палеография рысайкинской надписи позволила датировать ее

сначала временем не ранее последней четверти VIII в. до н. э. и не позднее первой четверти VII в. до н. э., а впоследствии – концом VIII в. до н. э. (Балахванцев, 2012, с. 358–361; 2016, с. 15–24).

Вероятнее всего, в начале I тысячелетия до н. э. степные и лесостепные районы Южного Приуралья и Среднего Поволжья занимали крайне немногочисленные группы населения. Незначительность археологических данных и полное отсутствие письменных свидетельств не позволяют определить характер этих групп, их культурную и этническую принадлежность. При этом обращает на себя внимание, что эти группы были связаны с населением Северного Кавказа и Волго-Камья.

Савроматская культура

В VI веке до нашей эры в степях Поволжья и Южного Приуралья появились кочевые ираноязычные племена, создавшие культуру, существенно отличавшуюся от культуры населения киммерийской эпохи. Новую культуру можно рассматривать как часть обширного «скифо-сибирского мира», то есть ареала культур кочевых и полукочевых племен Евразии, объединяемых сходными формами оружия, конского снаряжения и звериного стиля в искусстве.

Раскопки, проводившиеся в 20-е годы XX века П.С. Рыковым, Б.Н. Граковым, П.Д. Рау в степях Поволжья и Южного Приуралья, позволили получить достаточно большое количество близких по своему облику кочевнических погребений раннего железного века. Основываясь на материалах из этих захоронений, П.Д. Рау выделил среди памятников Поволжья группу курганов VII–IV вв. до н. э. и связал их с племенем савроматов, которые упоминались в античных письменных источниках и могли населять в это время поволжские степи. Кроме того, П.Д. Рау отметил значительное сходство поволжских и приуральских погребальных комплексов, но вопрос об этнической атрибуции последних оставил открытым (Рау, 1928, с. 60). Отмеченное сходство позволило впоследствии Б.Н. Гракову объединить памятники Южного Приуралья и Нижнего Поволжья в одну савроматскую культуру (Граков, 1947, с. 100–125).

В настоящее время получило широкое распространение представление о том, что на территории Поволжья и Южного Приуралья следует выделять две археологические культуры кочевников VI–IV вв. до н. э., а не одну, пусть и представленную двумя локальными вариантами (Очир-Горяева, 1988, с. 18–20).

История изучения

Полевые исследования памятников савроматского времени на территории Среднего Поволжья и Южного Приуралья имеют более чем вековую историю. Они начались во второй половине

XIX века. В 1884–1888 годах Ф.Д. Нефедов раскопал ряд курганов в Оренбургской губернии около станицы Павловская, у сел Тамар-Уткуль, Осьмушкино, Преображенка и в местности Тара-Бутак. В конце XIX – начале XX века развернулась деятельность Оренбургской ученой архивной комиссии. Ее члены исследовали и описали значительное число курганов в Оренбургской губернии (Смирнов, 1964, с. 8–10). Полученные материалы, несмотря на несовершенство методики раскопок тех лет, имели большое значение для развития знаний о кочевниках Самаро-Уральского региона в I тыс. до н. э. Был очерчен определенный круг предметов материальной культуры и элементов погребальной обрядности, характерный для кочевого населения этого времени. В 1918 г. М.И. Ростовцев опубликовал результаты своего исследования древностей раннего железного века, происходивших из степных курганов Южного Приуралья. В труде «Курганные находки Оренбургской области эпохи раннего и позднего эллинизма» он проанализировал известные в то время материалы, датировал наиболее ранние курганы временем не позже V–IV вв. до н. э. и связал их с иранскими племенами сарматов (Ростовцев, 1918, с. 76, 81). В 20-е годы XX в. раскопки кочевнических курганов на Южном Урале были продолжены экспедицией под руководством Б.Н. Гракова, который исследовал курганы у села Нежинский (группы «Алебастровая гора» и «Горбатый мост») и с. Благословенский, в частности, группы Бис-Оба и «Маячная Гора» (Смирнов, Петренко, 1963, с. 16). В 20-е годы XX в. П.С. Рыковым в поволжских степях были раскопаны большие серии близких по своему облику погребений VI–IV вв. до н. э. Курганы скифского времени были открыты Б.Н. Граковым у пос. Нежинский и Благословенский (Смирнов, 1964, с. 12). В это же время на территории Самарского Поволжья полевые работы, в том числе раскопки курганов ранних кочевников, проводила В.В. Гольмстен. К савроматскому времени следует отнести впускное погребение в кургане № 3 у хутора Истомина близ железнодорожной станции Безымянка в черте современной Самары (Васильев, 1975).

Существенный вклад в исследование истории и культуры ранних кочевников сделали экспедиции ИА АН СССР, которые начали работать на Средней Волге и в Южном Приуралье в 50-е годы XX века. В 1952 г. третьим отрядом Куйбышевской экспедиции ИИМК АН СССР под руководством А.Е. Алиховой было исследовано погребение у с. Комаровка на правом берегу Волги в Шигонском районе Куйбышевской области (Алихова, 1955, с. 98). Экспедициями под руководством К.Ф. Смирнова в 50–60-е годы XX века были рас-

копаны погребальные комплексы в могильниках у хут. Барышникова, сел Любимовка и Липовка в Западном Оренбуржье (Смирнов, 1962; 1966; Смирнов, Попов, 1972).

Результатом стало окончательное оформление тех представлений о савроматской культуре, которые складывались в 20–40-е годы. Согласно этим представлениям, савроматская культура была распространена на значительных степных пространствах от левобережья Дона до верховьев рек Урал и Орь. Эта культура не была однородной. Различия в облике вещей и особенности погребальной обрядности позволили выделить два локальных варианта – Волго-Донской и Самаро-Уральский. Их существование было обусловлено разным этническим составом племен Поволжья и Южного Приуралья, а также их разнонаправленной культурной, экономической и социально-политической ориентацией. Если связи кочевников Поволжья и Подонья были ориентированы на Северное Причерноморье и Северный Кавказ, то скотоводы Самаро-Уральского региона были связаны преимущественно с населением Средней Азии (Смирнов, 1964, с. 289).

С начала 60-х годов начала разворачиваться деятельность региональных центров археологических исследований. А.Х. Пшеничнюк начал осуществлять полевые работы в юго-западных приуральских районах Башкортостана и раскопал курганы савроматского времени у деревень Елбулак-Тамак, Чумарово, Уязыбашево (Пшеничнюк, 1983, с. 8–18, 88). С конца 70-х годов XX века на территории Оренбургской области начались раскопки, осуществлявшиеся экспедициями Оренбургского государственного педагогического института (впоследствии педагогического университета). Ими были открыты погребальные комплексы савроматского времени в могильниках у сел Медведка, Ивановка, Болдырево, совх. Чкаловский, хут. Барышникова (Ледяев, 1983, с. 117–120; Краева, 1999, с. 176–191; Воронова, Порохова, 1992).

В 1969 г. на территории Самарского Поволжья начала работать Средневолжская археологическая экспедиция, представленная вначале отрядами Куйбышевского университета (сейчас Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королёва), а затем других научных и учебных учреждений, включавшихся в археологическое изучение региона: с 1973 года – областного историко-краеведческого музея, с 1974 года – Куйбышевского государственного педагогического института (ныне Самарского социально-педагогического университета). В 1970 г. И.Б. Васильев исследовал в курганном могильнике у с. Неприк погребение V в. до н. э. (Матвеева,

1972). В этом же году Г.И. Матвеева начала раскопки крупного курганного могильника в районе с. Гвардейцы, работы на котором продолжались в 1971–1972 гг. В 1994 г. раскопки этого могильника были продолжены (Матвеева, Скарбовенко, 1976; Мышкин и др., 1999, с. 147–176). В 70-е годы XX века захоронения савроматского времени были открыты И.Б. Васильевым при исследовании могильника Утёвка IV (Скарбовенко, 1976); Г.И. Матвеевой – в процессе раскопок могильника у с. Андреевка (Матвеева, 2006); В.А. Скарбовенко – в могильнике у с. Новопавловка (Мышкин, Скарбовенко, 1996). В 1979 году С.А. Агапов раскопал одиночный курган, расположенный в районе с. Спасского, у «Кашпирского поворота». В его насыпи было найдено бронзовое зеркало ольвийского типа и кожаный мешочек с веществом чёрного цвета внутри (Мышкин, Скарбовенко, 1996). В 1996–1997 годах В.А. Скарбовенко раскопала четыре кургана савроматского времени у с. Берёзки недалеко от г. Самары. В 1998 году В.Н. Мышкин раскопал курган этого же периода у пос. Новоберёзовского (Мышкин и др., 2000; Скарбовенко, 2005). В 2000 году В.А. Скарбовенко исследовала могильник Бобровка I в Кинельском районе, находившийся на второй правобережной террасе р. Самары. При раскопках кургана 2 было обнаружено впускное погребение савроматского времени (Скарбовенко, 2000).

Периодизация культуры ранних кочевников Поволжья и Южного Приуралья

Проблема периодизации культуры и истории кочевых племен Поволжья и Южного Приуралья в I тыс. до н. э. продолжает оставаться в настоящее время одной из наиболее актуальных. Представляется возможным выделить несколько концепций трансформаций культуры ранних кочевников этого региона.

1. *Концепция дискретной смены культур.* Ее основы были заложены в 1918 году М.И. Ростовцевым, который разделил раскопанные к тому времени курганы Оренбуржья на две группы. Одну из них – названную покровской – Ростовцев датировал VI–IV вв. до Р. Х. Вторая, в которую исследователь включил прохоровские курганы, была отнесена им к III–II вв. до н. э. По мнению М.И. Ростовцева, эти группы памятников появились в результате последовательных волн миграции иранских племен в южно-уральские степи. Кочевники каждой из этих волн имели выработанные на родине – в Иране – специфические культурные традиции и отличались от «савроматов» Геродота (Ростовцев, 1918, с. 76, 81). Таким образом, были сформулированы основные положения концепции существования кочевых сообществ в степях Поволжья и Южного Урала, сменяющих

друг друга в результате миграций и различающихся в культурном плане.

Эта концепция получила развитие в работах В.Ю. Зуева, который уделил особое внимание обоснованию идеи дискретного существования кочевнических культур во второй половине I тыс. до н. э. и наличия «хиатуса» между скифской и «сарматской» эпохами. Он полагает, что «реконструкция исторических процессов в этом регионе должна строиться на базе концепции дискретного хронологического напластования культур ранних кочевников...» (Зуев, 1999, с. 26). Предложенная этим исследователем канва культурно-исторических событий выглядит следующим образом. В VIII–VII вв. до н. э. на территории Южного Приуралья появились группы населения, оставившие памятники гумаровского типа, на рубеже VII–VI вв. до н. э. – среднеазиатские кочевники. Начало V в. до н. э. характеризуется воздействием импульсов культурного влияния из Южной Сибири и с Алтая. В сочетании с влиянием сакского среднеазиатского мира они привели к формированию самобытной культуры V–IV вв. до н. э. Эту культуру В.Ю. Зуев предложил назвать филипповской (Зуев, 1999, с. 16, 18–19). Филипповская культура прекратила существование на рубеже IV–III вв. до н. э. В последней трети II–I вв. до н. э. после значительного хронологического периода в степях Южного Приуралья появились памятники прохоровской культуры. Причину смены этих культур В.Ю. Зуев видит в миграциях различных групп евразийских кочевников.

2. *Концепция эволюционной смены культур.* Сформулирована Б.Н. Граковым. В статье «ГΥΝΑΙΚΟΚΡΑΤΟΥΜΕΝΟΙ: Пережитки матриархата у сарматов» он изложил свои представления о периодизации культуры кочевников Волго-Уралья в раннем железном веке. Б.Н. Граков выделил следующие культуры I тыс. до н. э.: савроматскую, или блюменфельдскую (VI–IV вв. до н. э.); савромато-сарматскую, или прохоровскую (IV–II вв. до н. э.); сарматскую, или суловскую (конец II в. до н. э. – II в. н. э.). По его мнению, эти культуры являлись ступенями развития кочевников, связанными между собой рядом переходных форм погребального ритуала и инвентаря (Граков, 1947, с. 100–125). Эта концепция длительное время являлась общепринятой и получила развитие в работах К.Ф. Смирнова, М.Г. Мошковой, А.С. Скрипкина и многих других исследователей (Смирнов, 1964; 1984; Мошкова, 1963; 1974; 2007; Скрипкин, 1990; 2007). В «савроматской» культуре были выделены памятники четырех хронологических периодов (Смирнов, 1964, с. 24–74), в раннесарматской (прохоровской) – двух (IV–III и III–I вв. до н. э.) (Статистическая..., 1997). Впоследствии

период, приходящийся на конец VI – начало V в. до н. э., то есть время существования савроматской культуры, по Б.Н. Гракову, стал рассматриваться как время формирования прохоровской культуры (Таиров, Гаврилюк, 1998, с. 141–159; Железчиков, Пшеничнюк, 1994, с. 5–8). В то же время А.С. Скрипкин датировал финальный период раннесарматской (прохоровской) культуры I в. до н. э. (Скрипкин, 1990, с. 169–175). Таким образом, в литературе прохоровская культура стала вырисовываться как феномен, занимавший в истории ранних кочевников середину и вторую половину I тыс. до н. э. – время, которое ранее рассматривалось как период существования трех культур.

3. *Концепция существования одной культуры.* Отмеченная выше тенденция привела к появлению концепции существования в середине – второй половине I тыс. до н. э. одной прохоровской культуры. Первые контуры такого подхода были изложены в совместной работе Б.Ф. Железчикова и А.Х. Пшеничнюка. Авторы видели процесс культурных трансформаций в Южном Приуралье следующим образом. Культура кочевников (какое-либо название они не приводят) появилась в этом регионе в готовом сложившемся виде не ранее второй половины VI или рубежа VI–V вв. до н. э. Вопрос об исходном районе миграции был оставлен исследователями открытым. Происходившие в V в. до н. э. трансформации привели к появлению ряда новых элементов. По мнению авторов, в IV–III вв. до н. э. происходило не формирование нового культурного комплекса, а лишь распространение появившихся ранее культурных элементов по всей территории южно-уральских степей (Железчиков, Пшеничнюк, 1994, с. 5–8). Эта идея была поддержана в исследованиях А.Д. Таирова для территории Южного Зауралья (Таиров, 2004, с. 3–21; 2009, с. 137–148) и С.Ю. Гуцалова – для всего региона южно-уральских степей (Гуцалов, 2004; 2007, с. 83–96). В прохоровской культуре они выделяют несколько этапов. По мнению С.Ю. Гуцалова, периодизация древностей кочевников должна «выглядеть следующим образом: 1 этап – VII – первая половина VI в. до н. э., 2-й этап – вторая половина VI–V в. до н. э., 3-й этап – конец V–IV вв. до н. э., 4-й этап – конец IV–III вв. до н. э.; 5-й этап – II–I вв. до н. э. (Гуцалов, 2007, с. 84). А.Д. Таиров разделил историю кочевников Южного Зауралья на шесть следующих этапов: бобровский (вторая половина VII – середина VI в. до н. э.), обручевский (вторая половина VI – третья четверть V в. до н. э.), переволочанский (последняя четверть V – третья четверть IV вв. до н. э.), 4-й этап (последняя четверть IV – середина (?) III в. до н. э.); солнцевский (вторая половина III – середина II в. до н. э.), стрелецкий (вторая

половина II – конец I в. до н. э.) (Таиров, 2009, с. 144). Эти этапы, по представлениям авторов, отражают изменения прохоровской культуры, происходившие в результате внутренних изменений общества и притока новых групп населения в степи Южного Урала (Таиров, 1998, с. 87–96; 2000; 2009, с. 143; Гуцалов, 2002, с. 115–124).

4. *Культурно-хронологические горизонты.* Особо следует выделить точку зрения Л.Т. Яблонского, предложившего ввести при изучении ранних кочевников Южного Приуралья понятия «культурно-историческая область» и «культурно-хронологический горизонт». В одной из своих работ Л.Т. Яблонский выделил по данным археологии Южно-Уральскую культурно-историческую область, которая географически включает степные районы Западно-Казахстанской и Челябинской областей, Оренбургскую область, степные и лесостепные районы Республики Башкортостан. Основанием выделения является сходство происходивших здесь культурообразующих процессов, которые привели к формированию раннесарматской археологической культуры. Под культурно-хронологическим горизонтом автор понимал географический регион, который значительно превышает размеры культурно-исторической области и практически не имеет географических пределов. Специфика горизонта состоит в том, что на определенном хронологическом этапе (фазе) получают широкое распространение артефакты и их комплексы, признаки духовной культуры, которые и маркируют данный горизонт (Яблонский, 2015, с. 17, 18).

Придерживаясь гипотезы о непрерывном развитии культуры ранних кочевников Южно-Приуральской культурно-исторической области в VI–III вв. до н. э. Л.Т. Яблонский предложил для нее следующую хронологическую схему (Яблонский, 2015, с. 20):

КХГ – «савроматский» – вторая половина VI – середина IV в. (III в.) до н. э.

– Фаза «А» – вторая половина VI – середина V в. до н. э.

– Фаза «В» – вторая половина V – третья четверть IV в. до н. э.

– Фаза «С» – третья четверть IV – III в. до н. э.

Таким образом, в настоящее время в археологической литературе отражено существование широкого спектра различающихся, иногда диаметрально противоположных взглядов на характер развития культуры кочевников Южного Урала. Предложены концепции дискретного характера смены некоторых кочевнических культур, формирования в обществе кочевников нескольких генетически связанных культур, существования одной культуры, изменения которой являются лишь ее определенными этапами.

Свидетельства письменных источников о территории расселения, этнической принадлежности и происхождении кочевников Поволжья и Южного Приуралья

Античные письменные источники сообщают лишь отдельные отрывочные сведения о происхождении савроматов и их соседей, населявших степи Поволжья и Южного Приуралья в VI–IV вв. до н. э. Согласно свидетельствам античных авторов, пространства степного Поволжья к востоку от Дона были заселены савроматами. По данным Геродота, земли савроматов начинались на левобережье реки Танаис. Эта река идентифицируется одними исследователями с Доном на всем протяжении его течения (Смирнов, 1984, с. 30), другими – с нижним течением Дона и Северским Донцом (Артамонов, 1949, с. 157, 161, 170; Рыбаков, 1979, с. 107; Максименко, 1997, с. 44). Согласно Геродоту, савроматские земли простирались на 15 дней пути к северу от Меотиды, то есть Азовского моря (Геродот, IV, 21). У Геродота есть также упоминание о том, что местность первоначального расселения савроматов находится в трех днях пути на восток от Танаиса и трех днях пути на север от Меотиды (Геродот, IV, 116). По мнению современных исследователей, несогласованность информации, исходящей от Геродота, можно объяснить тем, что в первом случае речь шла обо всей территории обитания савроматов, а во втором – о местонахождении их племенного центра (Мошкова, 1989а, с. 153; Железчиков и др., 1995, с. 62). Не исключено также, что отмеченные различия обусловлены тем, что сведения древнегреческого историка отражают различные этапы освоения кочевниками степных пространств Волго-Донского междуречья. Поэтому неслучайным является сообщение о меньшей территории расселения савроматов именно в связи с периодом их становления как отдельного этнического образования.

Согласно легенде, переданной Геродотом в его «Истории», савроматы произошли от браков скифских юношей и амазонок и говорят на искаженном скифском языке (Геродот, IV, 110–117). Диодор Сицилийский (ок. 90–21 гг. до н. э.), автор «Исторической библиотеки» в 40 книгах, написал, что могущественные скифские цари, подчинившие себе обширные земли до египетской реки Нила, восточного океана, Каспийского моря и Меотийского озера, переселили несколько племен. Одним из важнейших было переселение из Мидии, а переселенцы назывались савроматами (Кавказ и Дон..., 1990, с. 144, 145). Гай Плиний Секунд (23/24–79 гг.) в своем труде «Естественная история» при описании народов, проживающих у Меотийского озера, упомянул сарматов, которые, по

его сведениям, происходят от мидян и разделяются на несколько племен. Одно из них – «женовладеемые» савроматы, произошедшие от браков с амазонками (Кавказ и Дон..., 1990, с. 219).

Согласно античным источникам, номады VI–IV вв. до н. э., жившие на степных просторах к востоку от р. Танаис, достаточно устойчиво идентифицируются с савроматами. С большой долей вероятности можно говорить о том, что их северная территориальная граница проходила по лесостепному Среднему Подонью, а южная – в районе восточного Приазовья. Более проблематичным является определение границ расселения этого племени (или группы племен) на востоке, так как в исторических источниках информация по этому вопросу отсутствует. Учитывая кочевой образ жизни, предполагающий порой очень протяженные сезонные перекочевки, нельзя исключать того, что степное и лесостепное Поволжье также входило в число территорий, на которых проживали савроматы.

Определение этнической принадлежности скотоводческих племен Самаро-Уральского региона – проблема гораздо более сложная, что обусловило существование различающихся точек зрения. По мнению одних исследователей, это были исседоны (Шилов, 1975, с. 134; Мачинский, 1971, с. 30–37). Высказана гипотеза о заселении степей Южного Приуралья сначала массагетами, потом дахами (Пьянков, 1975, с. 46–70). Согласно еще одной версии, восточные области Южного Приуралья были заселены исседонами, а южные и юго-западные – племенами, относящимися к дахо-массагетскому миру (Смирнов, 1984, с. 14–17). Высказано предположение о принадлежности кочевников Южного Зауралья к сакскому миру (Таиров, 1991, с. 15, 25).

Происхождение кочевников Поволжья и Южного Приуралья савроматского времени и формирование их культуры по археологическим данным

Происхождение кочевых племен Поволжья и Южного Приуралья, а также истоки их культуры и сам процесс ее формирования относятся к числу проблем, которые далеки от окончательного решения.

М.И. Ростовцев, связывал памятники двух хронологически различающихся групп (покровской, дата которой приходится на время не позже V–IV вв. до н. э., и прохоровской, датируемой IV–II вв. до н. э.) с волнами миграций кочевников из Азии на запад (Ростовцев, 1918, с. 76, 81).

В 20-е годы XX века Б.Н. Граков, изучая многочисленные памятники, раскопанные к тому времени на территории степного Поволжья и Южного Приуралья, пришел к выводу об их зна-

чительном сходстве со скифскими комплексами Северного Причерноморья. Это послужило основанием для того, чтобы рассматривать кочевников поволжских и приуральских степей как скифов, оставшихся на этих территориях во время миграции скифов из Азии. Культура кочевников Волго-Уралья, по мнению Б.Н. Гракова, представляла собой локальный вариант северопричерноморской скифской культуры и была генетически связана с последней (Смирнов, 1964, с. 12, 13).

К началу 60-х годов XX века оформилась гипотеза о сложении культуры кочевников савроматского времени на территории Поволжья и Южного Приуралья на основе культур эпохи бронзы – срубной в Поволжье и андроновской в Приуралье. Савроматы при этом рассматривались как прямые потомки населения Волго-Уралья эпохи поздней бронзы (Смирнов, 1964, с. 182–188). Эта концепция была общепризнанной на протяжении достаточно длительного времени, но не получила подтверждения в археологических материалах, полученных в 80-е годы XX в. В это время появились исследования, которые показали, что основания для датировки памятников позднего бронзового века временем позднее XV в. до н. э. на территории Среднего и Нижнего Поволжья отсутствуют (Агапов и др., 1983; Малов, 1987). Более того, в этом регионе было выделено несколько культур эпохи финальной бронзы, в частности, такие как ивановская, сусканская, маклашеевская, которые комплексом своих традиций отличаются от срубных памятников. Время существования этих культур приходится на период с XIII–XIV вв. до н. э. по IX/VIII в. до н. э. (Черных, 1983, с. 81–99; Колев, 1988, с. 103, 2000). Достаточно проблематичной представляется этногенетическая связь культур эпохи финальной бронзы и культуры кочевников савроматского времени (Железчиков, 1997а, с. 12). Непосредственно савроматской культуре предшествовали памятники киммерийского времени (Дворниченко, Коренько, 1989, с. 148–152), которые по своему облику существенно отличаются от памятников кочевников савроматского времени. Поэтому, вероятнее всего, группы населения, оставившие памятники этого периода, принимали весьма незначительное участие в формировании культуры кочевников савроматского времени (Железчиков и др., 1995, с. 57, 58).

Отсутствие в степях Поволжья и Южного Приуралья значительного количества памятников VIII–VII вв. до н. э., с которыми можно было бы связать происхождение культуры кочевников савроматского времени, привело к пониманию того, что население региона в это время было невелико (Железчиков, 1986, с. 56; Железчиков, Пшенич-

нюк, 1994, с. 6), и разработке миграционных концепций этно- и культурогенеза.

В отечественной историографии представлены различающиеся между собой миграционные концепции. Одна из них предложена в работе Б.Ф. Железчикова и А.Х. Пшеничнюка. По мнению этих исследователей, культура ранних кочевников появилась в степях Южного Приуралья не ранее второй половины VI в. до н. э. или рубежа VI–VI вв. до н. э. в «сложившемся виде». В соответствии с этой точкой зрения, появление в степях Южного Урала нового культурного комплекса было связано с миграцией населения из нескольких регионов Евразии, в том числе из Приаралья. При этом исследователи высказывают различные мнения относительно Восточного Приаралья как одного из исходных районов миграции. По мнению Б.Ф. Железчикова и А.Х. Пшеничнюка, «заманчиво было бы связать племена очерченной выше территории (*Южное Приуралье – В.М.*) с населением, оставившим памятники типа Уйгарака и Тагискена, но вряд ли это будет правильным. К сожалению, недостаточно изучены районы, лежащие ближе к Приаралью, в том числе к северу от него. Поэтому вопрос о родине племен Южного Приуралья пока следует считать открытым» (Железчиков, Пшеничнюк, 1994, с. 6).

Несколько иной взгляд на проблему представлен в работах А.Д. Таирова и С.Ю. Гуцалова. По мнению А.Д. Таирова, многие характеристики погребальной обрядности кочевников Южного Зауралья не имели местных корней, но были характерны для памятников VII–VI вв. до н. э. (могильники Южный Тагискен и Уйгарака), оставленных племенами саков в низовьях Амударьи и Сырдарьи. Это позволило предположить, что часть этих племен мигрировала на Южный Урал и была включена в состав местного населения (Таиров, 2000а, с. 141, 143, 144). С.Ю. Гуцалов считает «донорской» культуру кочевников низовьев Сырдарьи и Присаракамышья для культурного комплекса кочевников Южного Приуралья: именно в могильниках конца VII–VI в. до н. э. кочевников низовьев Сырдарьи и Присаракамышья фиксируются многие черты, характерные для погребений приуральской кочевой элиты VI–V вв. до н. э. (Гуцалов, 2004, с. 116). В конце 90-х гг. XX века и в 2000-е гг. в бассейнах рек Самары и Урала были раскопаны курганы с захоронениями в мавзолеях из глиняных сырцовых кирпичей. Открытие данных памятников вызвало предположение о том, что фактором возникновения этой традиции у кочевников Поволжья и Южного Приуралья, является влияние среднеазиатского или переднеазиатского очагов цивилизации (Мышкин, Скарбовенко и др., 2000, с. 74; Мышкин, 2012, с. 157). Истоки

традиции возведения погребальных сооружений из сырцового кирпича, встречающейся у кочевников Самаро-Уральского региона, вероятно, связаны с обрядовыми традициями, представленными в могильнике Северный Тагискен (Мышкин, 2014, с. 154).

В отечественной историографии существуют гипотезы о сложении савроматской культуры Поволжья в результате миграции населения из регионов, находящихся к западу и юго-западу от поволжских степей. Б.Ф. Железчиков полагал, что истоки культуры скотоводческого населения Поволжья и Подонья следует искать на Кавказе и в протоскифском мире (Железчиков, 1997а, с. 12, 13, 22). Безусловный интерес представляет гипотеза о формировании савроматского этноса в результате проникновения в поволжские степи скифских воинов, вернувшихся из переднеазиатских походов и вступивших в контакты с местным населением. Впоследствии началось культурное обособление этого региона, которое завершилось во второй половине VI в. до н. э. (Погребова, Раевский, 1997, с. 82–85).

По мнению некоторых исследователей, часть погребальных комплексов Южного Приуралья также отражает этногенетическую связь какой-то части населения этого региона с группами племен, территория расселения которых находилась западнее, в частности, с савроматами и скифами (Таиров, Гаврилюк, 1988, с. 149; Гуцалов, 1998, с. 130, 131; 2004, с. 116). При этом нижневолжские кочевники испытывали влияние не только скифской культуры, но и южноуральских племен, а также их более восточных соседей (Дворниченко, Очир-Горяева, 1997, с. 112; Мышкин, 2015, с. 25–35).

Характер использования кочевниками степных и лесостепных районов Среднего Поволжья и Южного Приуралья

Результаты анализа письменных источников, содержащих данные о перекочевках скотоводческого населения заволжских и южноприуральских степей в золотоордынское время, а также в XVI–XIX вв., позволяют предположительно определить некоторые особенности использования степных и лесостепных районов Среднего Поволжья и Южного Приуралья ранними кочевниками, направление и протяженность их сезонных откочевок, расположение зимних пастбищ.

По всей видимости, степи и лесостепи Среднего Поволжья, так же как и Южного Приуралья, являлись органической составной частью системы пастбищных угодий ранних кочевников. Здесь располагались их летние пастбища.

Исследование археологических комплексов ранних кочевников на территории Самарской области позволило предположить, что основными

районами, которые они занимали в весенне-летний период, были степи и южная лесостепь в бассейнах рек Волга, Самара, Большой Кинель, Большой Иргиз, Чагра, Чапаевка. Предполагалось, что северная граница этой территории проходила по рекам Самара и Большой Кинель. Однако отдельные группы кочевников продвигались и далее на север – в бассейн верхнего течения р. Сок в лесостепные районы Заволжья, расположенные севернее Самарской Луки (Мышкин, 2007; 2009; Мышкин и др., 1999; 2000; Мышкин, Скарбовенко, 1996; 2010). Об этом свидетельствуют обнаруженные на этих территориях Самарской области погребение предсавроматского времени у с. Ягодное в Ставропольском районе (Мерперт, 1954, с. 51–53), раннесарматского – в могильниках у сел Калиновка и Карабаевка Сергиевского района (Стащенко, 1999; Мышкин, 2009) и среднесарматского – в могильнике у с. Хрящевка Ставропольского района (Мерперт, 1954, с. 51–53), а также довольно многочисленные случайные находки оружия и других предметов материальной культуры кочевников, в том числе и савроматского времени. Однако серия каменных алтарей, найденных на территории современной Ульяновской области, как на левобережье р. Волги в Чердаклинском районе около сел Кайбелы, Крестово-Городище, Белый Яр, Суходол, Пальцино, так и на правобережье в окрестностях г. Сенгилея, сел Шиловка и Новая Слобода Сенгилеевского района (рис. 14–15), позволяет предположить, что кочевнические группы освоили в качестве летних пастбищ и более северные районы лесостепи Среднего Поволжья в непосредственной близости от территории ананьинских племен. Не совсем понятными остаются маршруты проникновения ранних кочевников на правобережье Волги, которое фиксируется благодаря открытию погребения V в. до н. э. у с. Комаровка в бассейне р. Усы на территории Шигонского района Самарской области и захоронению у с. Канадей Николаевского района Ульяновской области.

Сложные климатические условия – низкие температуры, значительная толщина снежного покрова – препятствовали выпасу скота в этих районах зимой, поэтому скотоводы должны были откочевывать на юг. Один из маршрутов с территории Среднего Поволжья, судя по передвижениям монголов и ногаев, мог проходить вдоль левого берега Волги. Зимники же находились в районе волжской дельты. Такой маршрут был наиболее удобен для скотоводческих групп, чьи летние пастбища находились в долине р. Волги, низовьях р. Самары и бассейнах таких волжских притоков, как Чапаевка, Чагра, Безенчук. Логичным выглядит предположение, что кочевники, летние

пастбища которых находились в междуречье Самары и Большого Кинеля, в верховьях Большого Иргица, имели возможность, продвигаясь на юг по правобережью р. Урал, зимовать в его низовьях на побережье Каспийского моря. О возможности такой протяженности и направленности сезонных перекочевок свидетельствуют данные, которые содержатся в сообщениях западноевропейских путешественников XIII–XVI вв. (Плано Карпини, Г. Рубрук, Дженкинсон), восточных авторов периода распада Золотой Орды (Шереф-ад-дин Йезди), материалах о перекочевках ногаев с момента распада Золотой Орды до начала XVII века и сменивших их калмыков (Дубман и др., 2003, с. 46–81; Мышкин, 2007; Мышкин, Скарбовенко, 1996).

Характеристика памятников кочевников савроматского времени на территории Среднего Поволжья и Южного Приуралья

Памятники савроматского времени на территории Среднего Поволжья и Южного Приуралья представлены погребальными комплексами и случайными находками. Поселения неизвестны.

Среди погребальных комплексов значительную часть составляют впускные погребения в курганы эпохи бронзы или отдельные курганы в составе могильников, состоящих из курганов предшествующего времени – эпохи бронзы. Такие погребальные комплексы могут располагаться на террасах рек и водораздельных возвышенностях. Курганы, возведенные над погребениями представителей социальной элиты, иногда образуют отдельные небольшие могильники, которые расположены, как правило, на водораздельных возвышенностях. Встречаются захоронения в дюнах.

Захоронения совершались чаще всего в простых грунтовых могилах прямоугольной, подпрямоугольной, круглой или овальной в плане формы, редко – в могилах с подбоями. Известны также захоронения в могилах со входами-дромосами. Могильные ямы прямоугольной или вытянутой формы имели, как правило, широтную ориентировку. В некоторых случаях впускные погребения не прорезали материк, поэтому их конструкция и форма остались неустановленными (рис. 3: 1–11, 13). Могилы перекрывали деревянными плахами и/или травой, камышом. Эти перекрытия в некоторых случаях сжигали. Над могилами представителей социальной элиты кочевники часто возводили сложные деревянные постройки. Такая конструкция (рис. 3: 12) зафиксирована в кургане 1 при исследовании погребения 5 могильника «Лапасина» у с. Любимовка (Смирнов, Петренко, 1963, табл. 3: 3). В кургане 5 могильника Березки I погребение было совершено в мавзолее, возведенном с использованием сырцового кирпича и окруженном по периметру четырехугольным

фигурным рвом. Основу стен мавзолея составляла валообразная земляная конструкция, на которую опиралась плоская кровля – кладка из сырцового кирпича, уложенная на деревянный помост, покоившийся на радиально расходящихся от центра к стенам деревянных балках. Пол мавзолея был выложен кирпичной кладкой, оштукатурен и покрыт орнаментом, вдавленным в глиняную штукатурку. Выкопанная в полу мавзолея могильная яма имела вход-дромос, который вел внутрь мавзолея непосредственно с его крыши. Устье дромоса заложено слоями пахсы, а погребальная камера перекрыта деревянными жердями. Спустя какое-то время после сооружения мавзолеев сожгли и над его остатками возвели курган. Использование глины для сооружения надмогильных конструкций и сожжение их характерны для исследованных раннекочевнических курганов этого могильника (Мышкин и др. 2000, с. 71–73; Скарбовенко, 2005, с. 382–393).

Погребения преимущественно одиночные. Иногда совершались коллективные захоронения, когда в одной могиле хоронили двух и более человек. Умерших укладывали могилу рядом головами в одном направлении или иногда – ногами друг к другу, головами в разных направлениях. Преобладающее положение – вытянуто на спине, головой на запад, часто с отклонением к северу или югу. Встречается восточная (также часто с отклонениями) ориентировка погребенных (рис. 3: 1, 3–11, 13). В некоторых могильниках, как, например, в могильнике Березки I, преобладает южная ориентировка погребенных (Мышкин и др. 2000, с. 71–73). На дне могильных ям иногда фиксируются органические подстилки, вероятно, из травы или камыша.

На подкурганые погребальные площадки и в могилы кочевники укладывали вещи, которые использовались хозяевами при жизни и должны были служить им после смерти. Вместе с мужчинами помещали предметы вооружения: мечи и кинжалы, колчаны со стрелами, клевцы. К числу мужских вещей относилось снаряжение коня, представленное, как правило, сохранившимися металлическими деталями, такими как удила, псалии, чумбурные блоки, уздечные бляшки, ворворки, налобники, подпружные застёжки. Находят в погребениях мужчин также вещи, использовавшиеся в быту. Для женских захоронений типичны украшения (бусы, нашивные бляшки, серьги, браслеты), зеркала, принадлежности косметических наборов, каменные блюда, которые большим количеством специалистов рассматриваются как переносные алтари. В могилы умерших помещали также заупокойную пищу: части туши баранов, резе лошадей, а также жидкую пищу и напитки

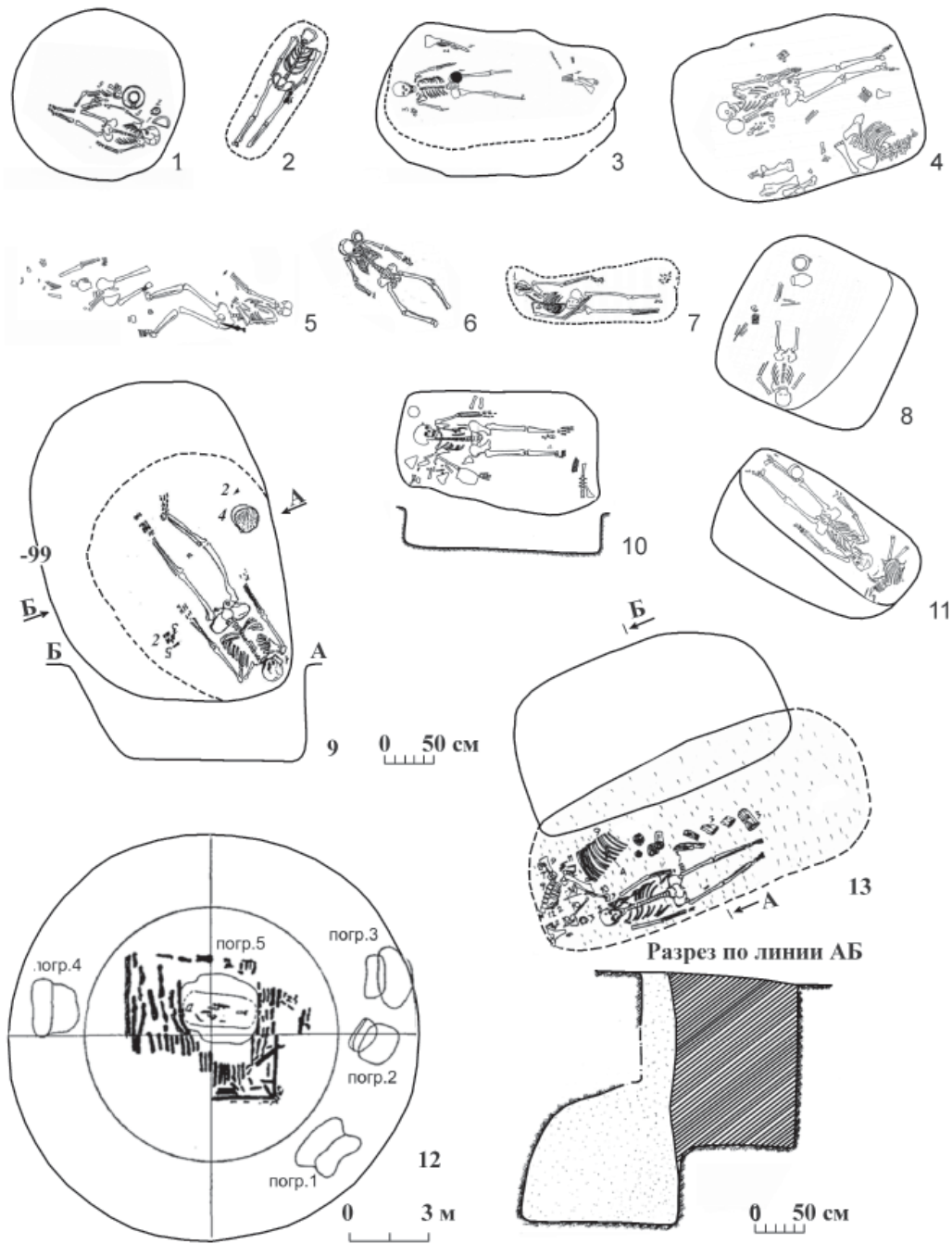

Рис. 3. Планы курганов и погребений савроматского времени

1 – хут. Барышников, курган 1, погребение 2; 2 – Болдыревский IV, курган 2, погребение 1; 3 – Болдыревский I, курган 9; 4 – Липовский, курган 5; 5 – Бурдыгинский, курган 8, погребение 2; 6 – Медведковский, курган 7, погребение 2; 7 – Болдыревский I, курган 10, погребение 1; 8 – Липовский, курган 3; 9 – Медведковский, курган 8, погребение 1; 10 – Неприк, курган 4, погребение 3; 11 – Липовский, курган 9, погребение 4; 12 – Любимовка, курган 1, погребение 5; 13 – Покровка 2, курган 17, погребение 1

в сосудах, изготовленных из глины. Для этих целей, вероятно, использовались также кожаные и деревянные сосуды, которые, как правило, не сохраняются.

Довольно часто вещи савроматского времени обнаруживают случайно. Это мечи, наконечники стрел и другие предметы вооружения, алтари, зеркала, детали конской амуниции, различные кате-

гории украшений. Все эти предметы происходят, вероятнее всего, из разрушенных курганов и погребений.

Характеристика предметов материальной культуры

Глиняная посуда представлена лепными, в большинстве, плоскодонными горшками (рис. 4: 1–9, 11–15), иногда их дно уплощено (рис. 4: 10).

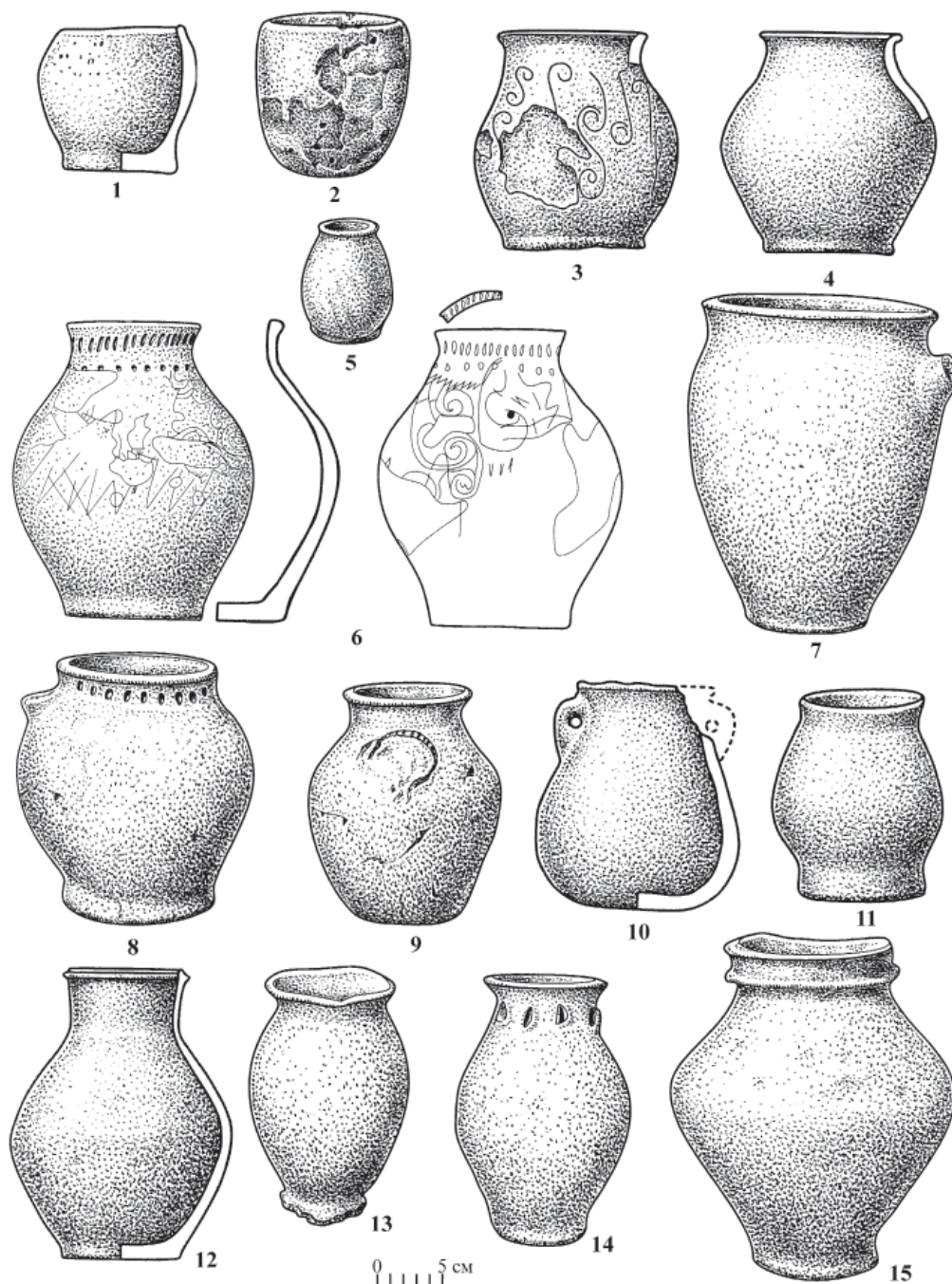

Рис. 4. Сосуды из погребений савроматского времени

1 – Медведкенский, курган 7, погребение 2; 2 – Комаровка, курган 5, погребение 1; 3 – Липовский, курган 10, погребение 2; 4 – Гвардейцы I, курган 25, погребение 1; 5, 8 – хут. Барышников, курган 1, погребение 2; 6 – Пятилетка, курган 4, погребение 1; 7 – Медведковский, курган 8, погребение 1; 9, 14 – хут. Барышников, курган 4, погребение 2; 10 – Болдыревский I, курган 6; 11 – Чкаловский, курган 4, погребение 2; 12 – Новопавловка, курган 9; 13 – Неприк, курган 4, погребение 3; 14 – хут. Барышников, курган 2, погребение 1 (1–4, 6–14 – глина; 5 – алебастр)

Сосуды, в основном, имеют шаровидную или яйцевидную форму тулова, выделенное дно и чаще всего невысокое горло с отогнутым наружу венчиком. Встречаются горшки баночной формы (рис. 4: 1–2). Некоторые сосуды имеют трубчатый носик-слив (рис. 4: 7, 8). Встречается посуда с ушковидными ручками (рис. 4: 10). Поверхность большинства сосудов неровная, плохо обработанная.

Попадаются экземпляры, аккуратно вылепленные из хорошо отмученной глины с лощеной поверхностью. Такой сосуд (рис. 4: 15) найден в погребении 1 кургана 2 у хутора Барышников в Западном Оренбуржье (Смирнов, 1966, с. 33, рис. 9: 1). Керамическая посуда савроматского времени часто вообще не орнаментирована (рис. 4: 4, 9, 12), иногда орнамент ограничен несколькими элементами, на-

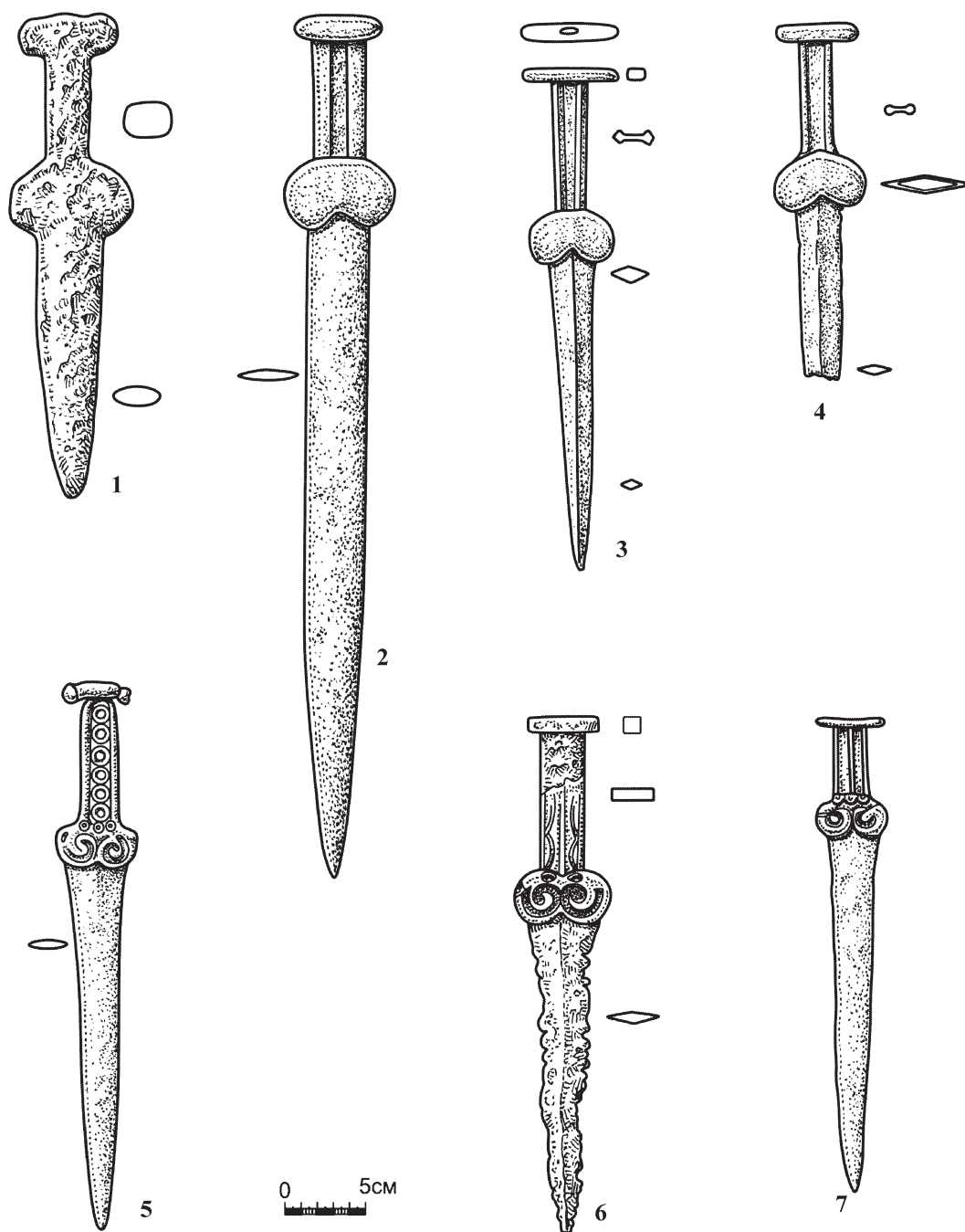

Рис. 5. Мечи и кинжалы

1 – Бурдыгинский могильник, курган 8, п.2; 2 – могильник в ур. Лапасина у с. Любимовка, курган 1, центральное погребение; 3 – Богатовский район; 4 – Жигулевский музей (место находки Самарская Лука); 5 – ст. Марычевка; 6 – с. Винновка; 7 – Бугурусланский музей (1–7 – железо)

пример, ямками по горловине, налепами, а также резными или прочерченными линиями (рис. 4: 1, 8, 14, 15). Некоторые сосуды украшены достаточно сложным орнаментом, который, не исключено, имеет символический характер. На горшке из погребения 2 кургана 10 могильника у с. Липовка по сырой глине были прочерчены значки в виде латинской буквы S и спиралей, занимающие половину поверхности тулова (рис. 4: 3). Сложный, явно символический характер имеет орнамент, на-

несенный на сосуд, обнаруженный в погребении 1 кургана 4 могильника у с. Пятилетка. Орнамент располагается тремя зонами. Верхняя часть тулова украшена ногтевыми вдавлениями, нанесенными на верхнюю часть венчика. Средняя состоит из ряда наколов или вдавлений на шейке сосуда. Нижняя зона, приходящаяся на плечики и верхнюю часть тулова, покрыта сложным рисунком, образованным прочерченными линиями, которые на отдельных участках читаются как изображения

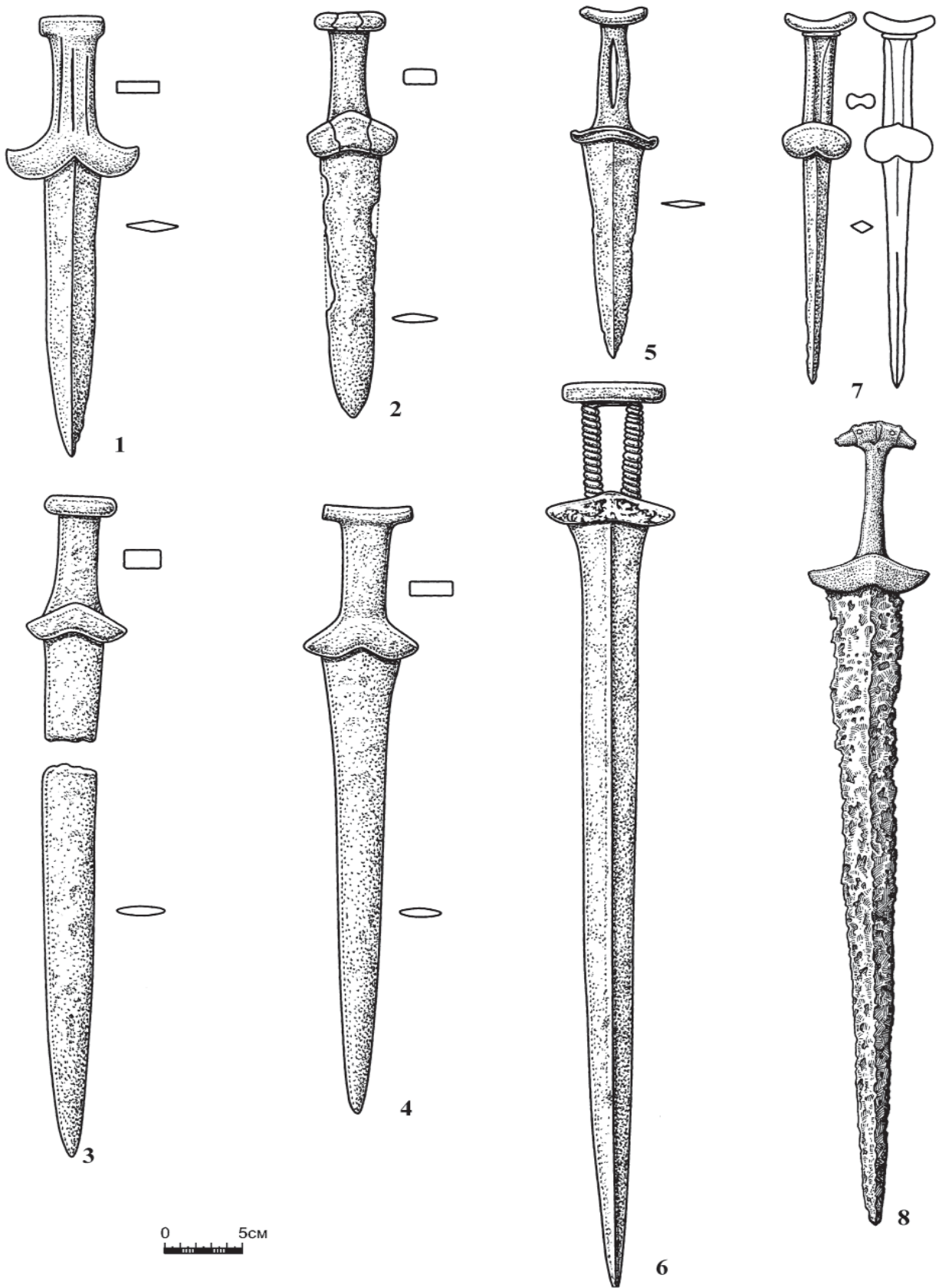

Рис. 6. Мечи и кинжалы

1 – с. Камышла; 2 – могильник Березки I, курган 1, погребение 2; 3 – могильник Березки I, курган 1, п.3; 4 – могильник Березки I, курган 3; 5 – пос. Новоберезовский (Аглос); 6 – с. Измайлово (Бугуруслан); 7 – с. Челно-Вершины; 8 – с. Петровка (1–8 – железо)

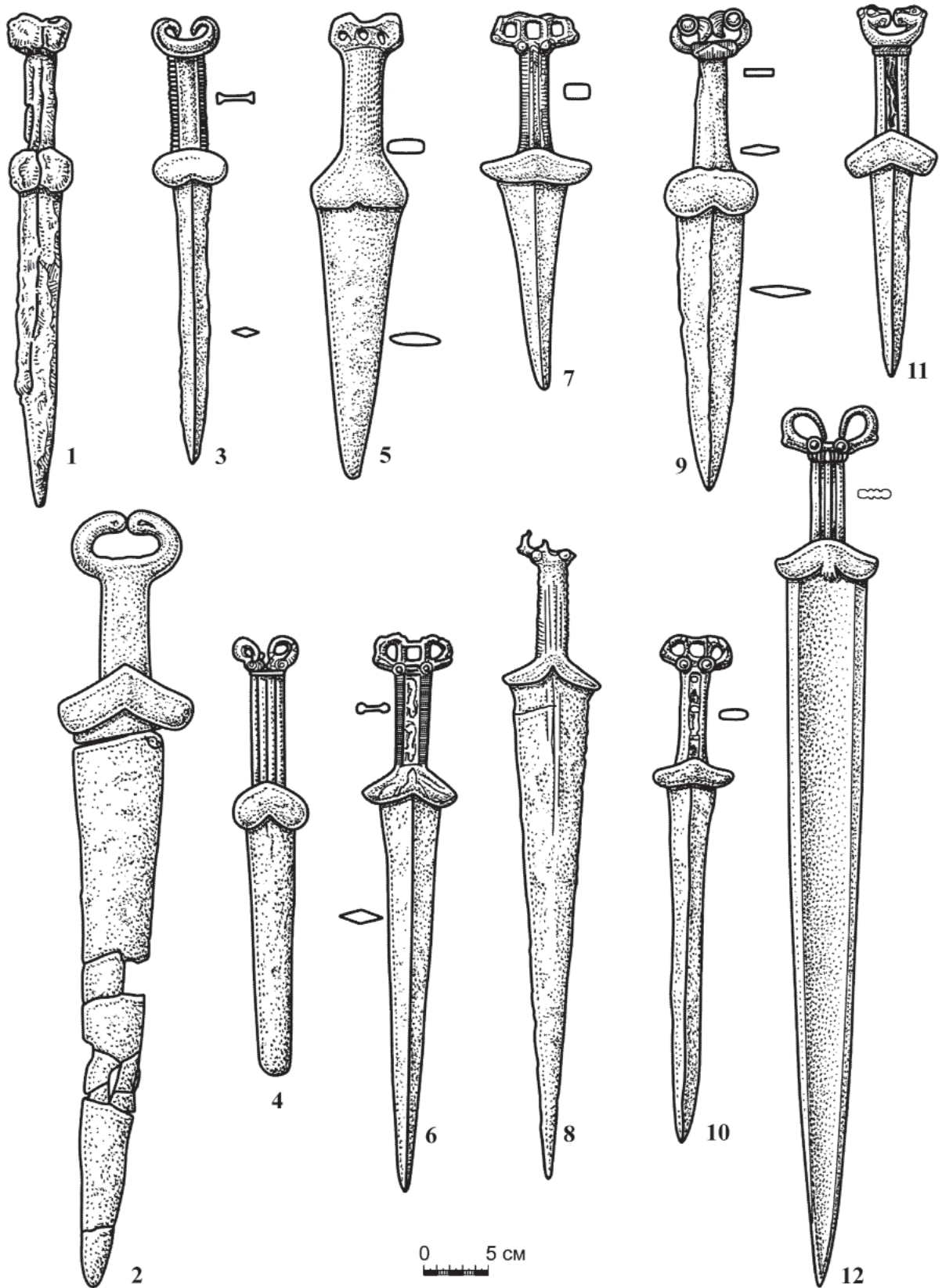

Рис. 7. Мечи и кинжалы

1 – Липовский могильник, курган 5; 2 – могильник Осьмушкино; 3 – с. Лбище; с. Винновка; 4 – имение Соловка; 5 – Кировский I могильник, курган 9, п. 20; 6 – с. Новая Богдановка; 7 – Студеный Овраг в г. Самаре; 8 – с. Безречье Кинель-Черкасского района; 9 – с. Большой Толкай; 10 – с. Ивановка Оренбургской обл., 11 – г. Самара, 116 км; 12 – совх. Серноводский (1–12 – железо)

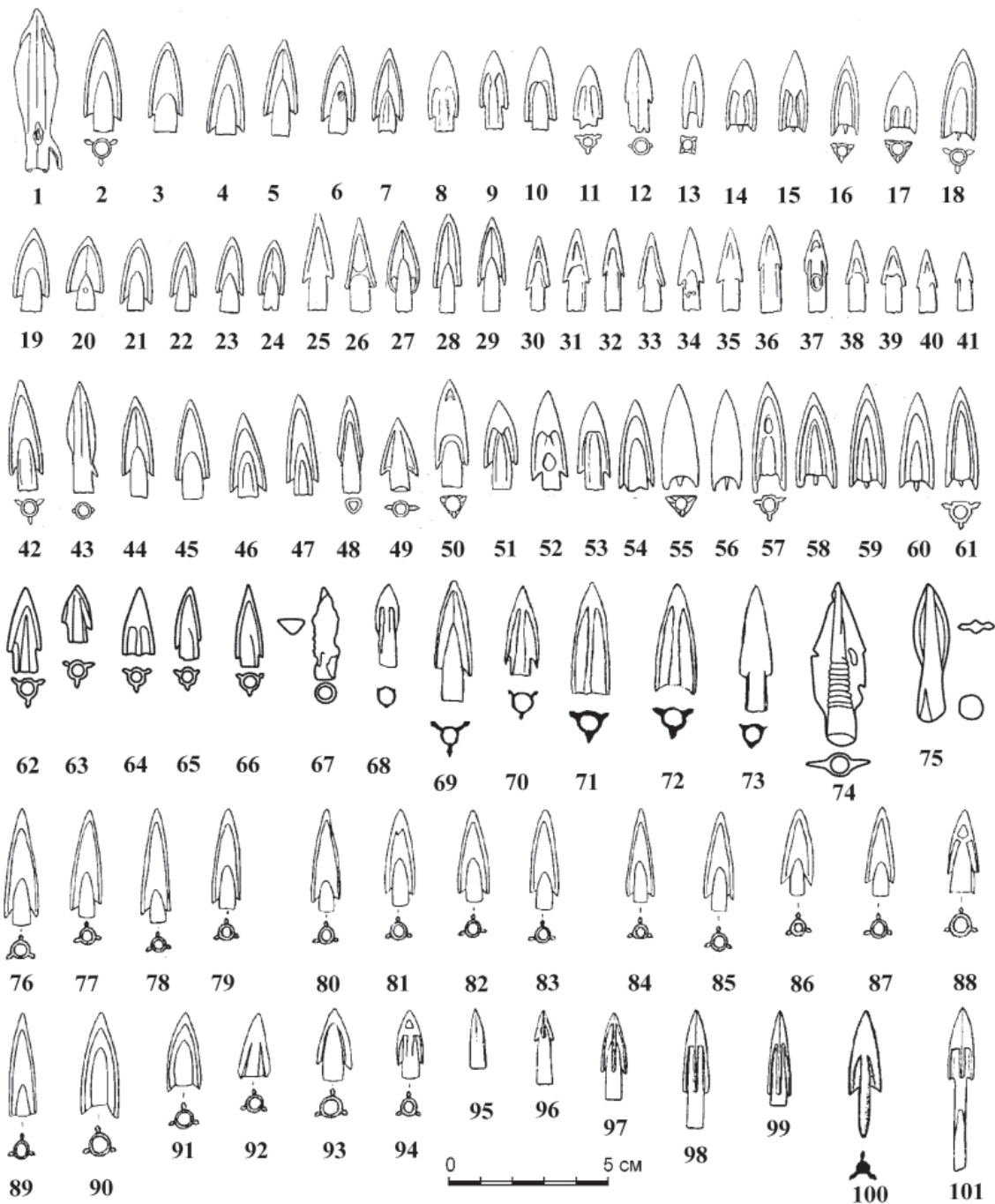

Рис. 8. Наконечники стрел

1–18 – Липовский могильник, курган 5; 19–41 – Липовский могильник, курган 9, погребение 4; 42–61 – Липовский могильник, курган 10, погребение 2; 62–67 – хут. Барышников, курган 4, погребение 2; 68–73 – Болдыревский IV, курган 2 погребение 1; 74 – Елбулак–Тамак, курган 2, погребение 1; 75 – одиночный курган у с. Канадей, погребение 4; 76–94 – Новопавловка, курган 9; 95–99, 101 – Покровка, курган 2 (1911 г.); 100 – Уязыбашево, курган 5, погребение 3 (1–66, 68–101 – бронза, 67 – железо)

птиц. Снизу этот рисунок ограничен прочерченным зигзагом, отдельные зубцы которого не соединены между собой, а некоторые перечеркнуты (рис. 4: 6). При изготовлении посуды в качестве примесей в глину добавляли шамот, навоз, жидкую органику, песок и иногда тальк.

В некоторых погребениях (Березки I, кург. 5, Покровка, кург. 2, 1911 г.) встречаются обкладки

краев деревянных сосудов (рис. 18: 11–14) в виде стилизованных изображений фигуры птицы, птичьей головы или крыла (Скарбовенко, Ломейко, 2012, с. 21; Трейстер и др., 2012, с. 57, 58).

В кургане 5 могильника Березки I был обнаружен импортный стеклянный косметический флакон усеченно-конической формы с уплощенным дном и отогнутым наружу венчиком в виде валика.

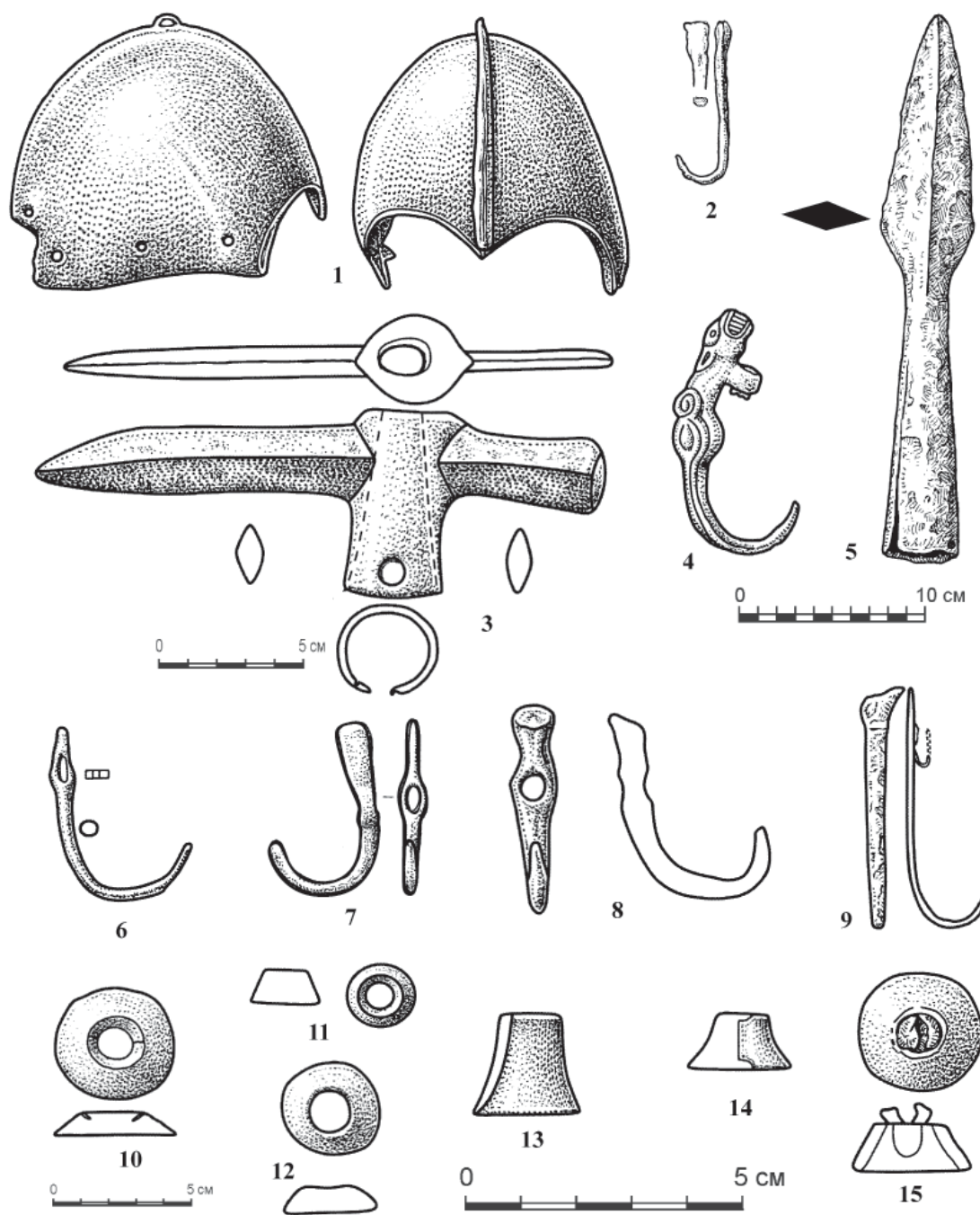

Рис. 9. Предметы воинского снаряжения

1 – шлем, случайная находка, с. Старый Печур; 2 – колчанный крючок, Липовский могильник, курган 9, погребение 4; 3 – клевец, случайная находка, с. Красный Яр; 4 – колчанный крючок, Липовский могильник, курган 3; 5 – копье, случайная находка, станция Марычевка; 6 – колчанный крючок, Елбулак–Тамак, курган 1, погребение 1; 7 – колчанный крючок, случайная находка Липовский могильник; 8 – колчанный крючок, Болдыревский IV, курган 2 погребение 1; 9, 12–14 – колчанный крючок, ворворки, Любимовка, курган 1 погребение 5; 10, 11, 15 – ворворки, Липовский могильник, курган 5 (1–4, 6–8, 12–14, 15 – бронза, 5, 9 – железо; 10 – золото; 11 – кость)

Флакн украшен нитевидным орнаментом, навитым по спирали на внешней поверхности (Скарбовенко, Ломейко, 2012, с. 19–23). Привозной сосуд из стекла синего цвета входил в состав погребального инвентаря в кургане 2 у с. Покровка, раскопки 1911 г. (Трейстер и др., 2012, с. 60).

Характерной особенностью обряда погребения представителей социальной элиты ко-

чевников является традиция помещения бронзовых котлов (рис. 11: 1, 3, 4) и жаровен (рис. 11: 2) в курганы и погребения.

Среди предметов вооружения, которое составляло неотъемлемую часть погребального мужского воинского инвентаря, преобладают колчаны с наборами стрел. Стрелы имели в массе своей бронзовые литые наконечники со втулками для

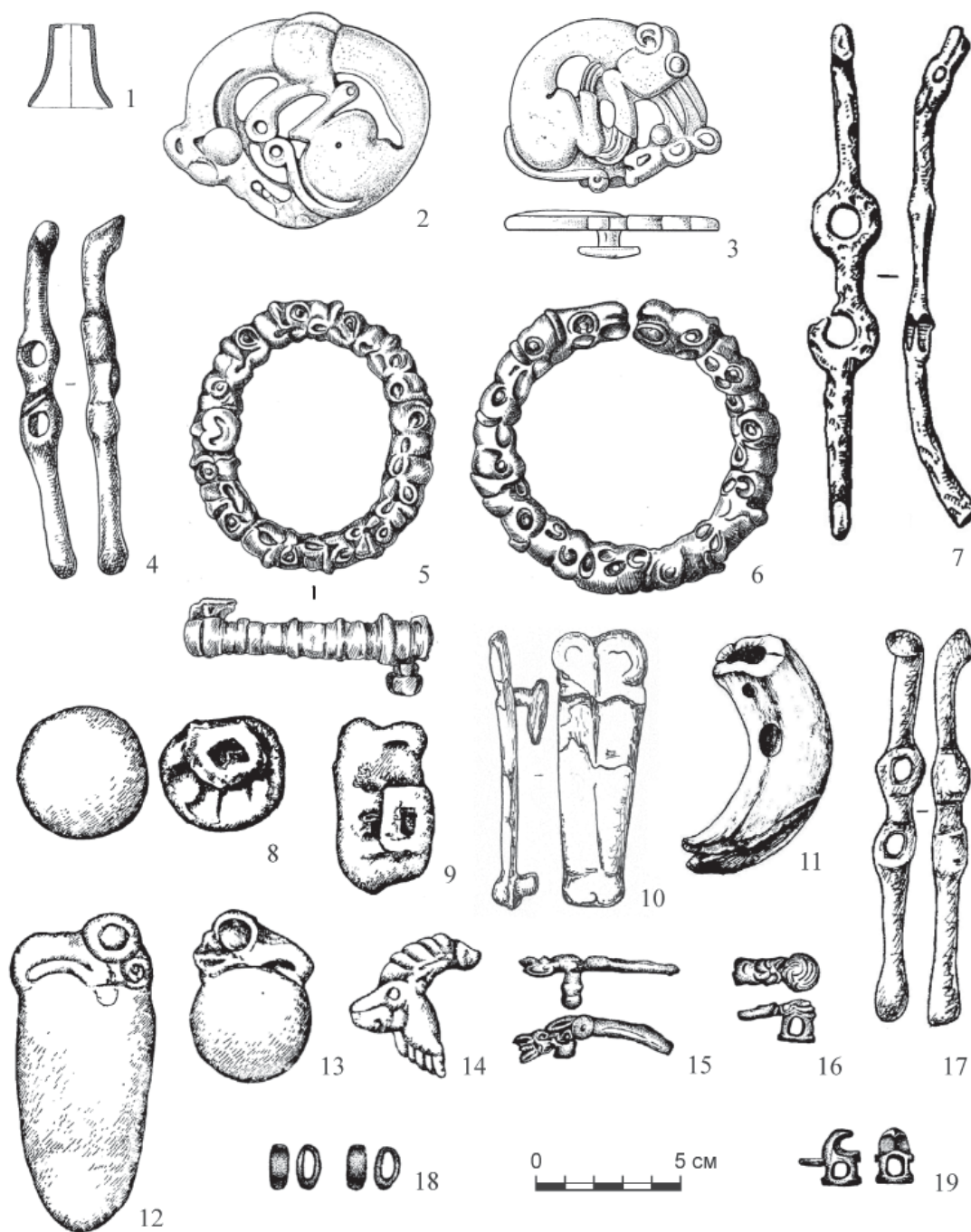

Рис. 10. Предметы конского снаряжения

1 – уздечная вороворка, с. Овсянка Бузулукского уезда; 2 – подпружия застёжка, с. Иркуль, случайная находка в кургане (1959 г.); 3 – подпружия застёжка, с. Пьяновка; 4, 17 – Чкаловский могильник, курган 4, погребение 2; 5–6 – подпружные застёжки, могильник Покровка 2, курган 2; 7 – псалий, могильник Бис-Оба у пос. Благословенский) курган 8; 8–9, 13, 14 – уздечные бляшки, Покровка, курган 1 (1911 г.); 10 – налобник, Покровка 2, курган 2; 11 – уздечная подвеска из клыка кабана, Утевский IV могильник, курган 1, погребение 8, 12 – налобник, Покровка, курган 1 (1911 г.); 15 – уздечная бляшка–подвеска, могильник Покровка 2, курган 2; 16, 19 – обоймы для уздечных перекрестных ремней, могильник Покровка 2, курган 2; 18 – уздечные обоймы, могильник Покровка 2, курган 2 (1–3, 8, 9, 12–16, 18, 19 – бронза, 4, 7, 17 – железо; 5, 6, 10 – бронза, золото; 11 – кость)

насаживания на древки (рис. 8: 1–99). Иногда кочевники использовали наконечники с черешками (рис. 8: 100, 101). Наибольшее распространение получили трехлопастные и трехгранные наконечники со сводчатыми головками. В наиболее ранних колчанных наборах встречаются двухло-

пастные стрелы (рис. 8: 1, 74, 75). Для скрепления колчанов с ремнями воинского снаряжения использовались крючки (рис. 9: 2, 4, 6–9). Такие же крючки служили для застегивания поясов.

Характерными находками являются короткие мечи-акинаки. На северной окраине заволжских

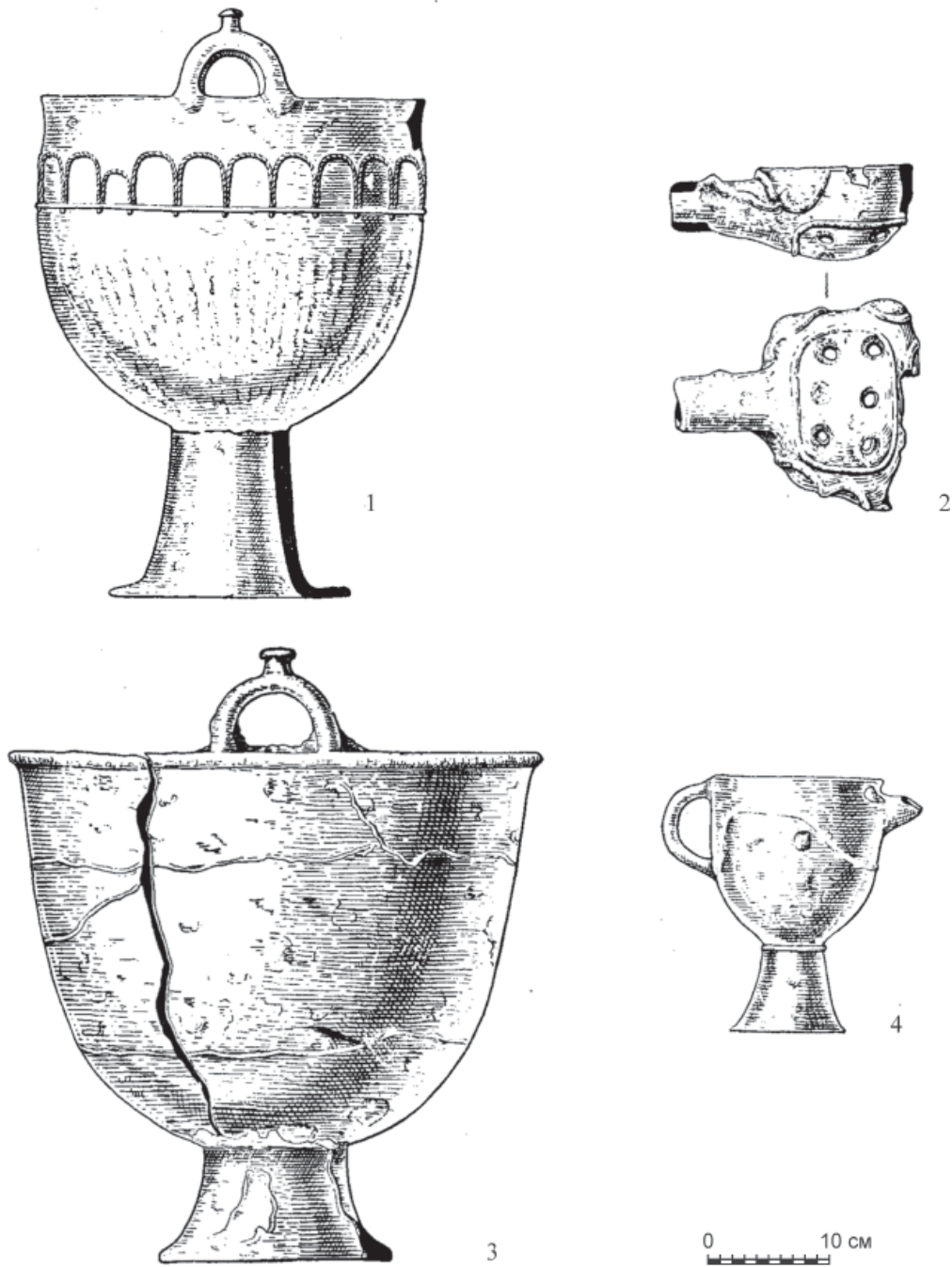

Рис. 11. Котлы и жаровня

1 – котел, Соболевская волость, курган, раскопанный крестьянами (1927 г.); 2 – жаровня, Соболевская волость, курган, раскопанный крестьянами (1927 г.); 3 – котел, с. Овсянка; 4 – котелок, Соболевская волость, курган, раскопанный крестьянами (1927 г.) (1–4 – медь)

степей, в степях Предуралья и на границе степи и лесостепи найдены мечи и кинжалы савроматского времени практически всех типов, выделенных К.Ф. Смирновым в 1961 году. Наиболее представительной является серия акинаков с когтевидным, усложненным перекладной наверху, и бабочковидным (иногда ложнотреугольным) перекрестьем (рис. 7: 5–8, 10). Кроме того, несколькими экземплярами представлены мечи и кинжалы с брусковидным наверху и почковидным, бабоч-

ковидным перекрестьем, а также перекрестьем, украшенным изображением голов грифонов (рис. 5: 1–7). Сочетание признаков, характеризующих эти группы, является достаточно устойчивым. Это подтверждается большим количеством аналогий среди оружия, найденного в других районах Волго-Уральских степей. Обнаружены также образцы, позволяющие выделить новые типы клинкового оружия кочевников. Это акинаки с серповидным (дуговидно изогнутым) наверху

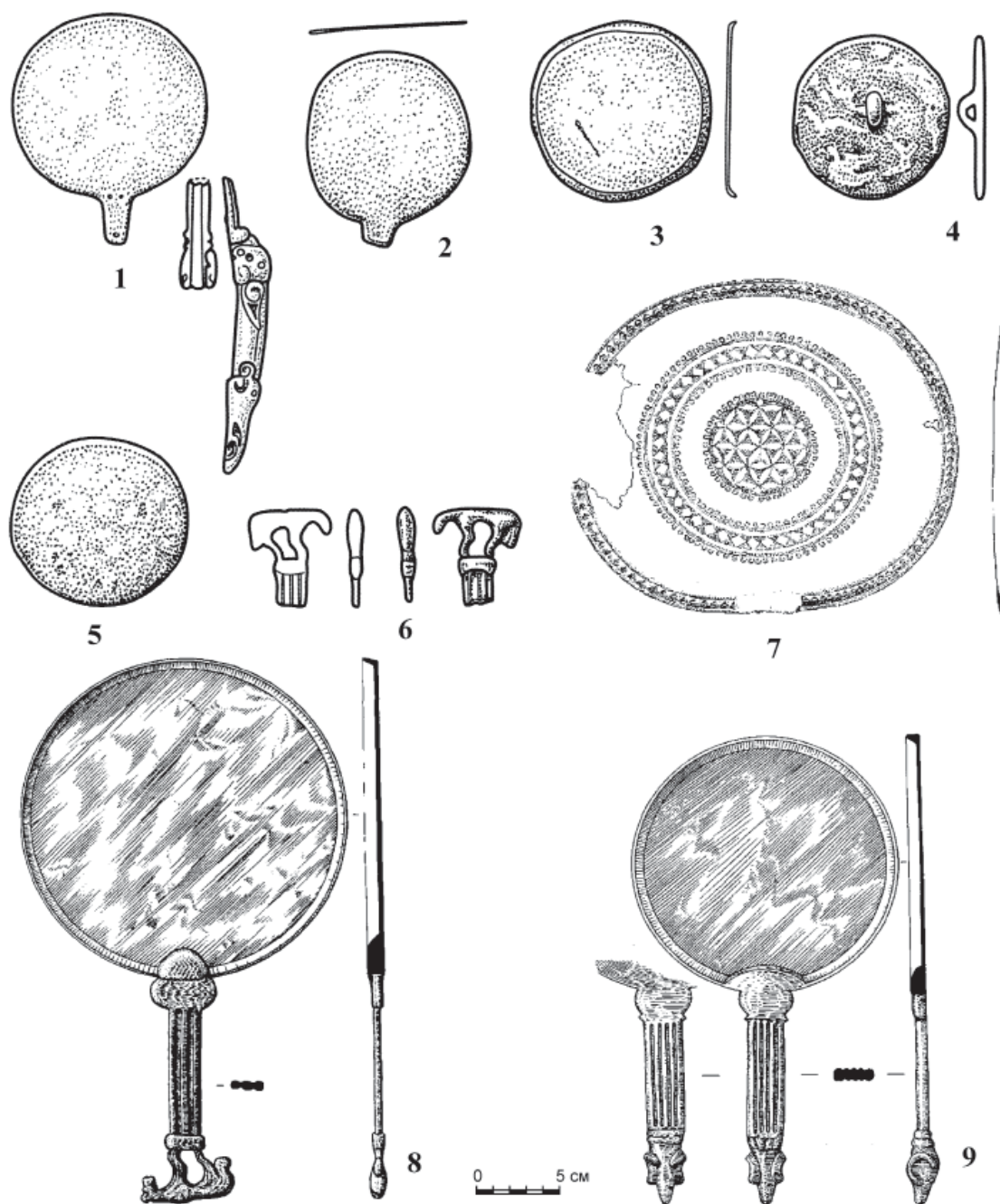

Рис. 12. Зеркала и фрагменты зеркал

1 – Соболевская волость, курган; 2 – могильник Пятилетка, курган 4, погребение 2; 3 – Ивановская дюна, погребение 1; 4 – Медведковский могильник, курган 9; Неприк, курган 4, погребение 3; 6 – с. Преображенка, курган 1 (Елга); 7 – Покровка 2, курган 3, погребение 2; 8 – Андреевка, курган 2, погребение 2; 9 – курган у с. Спасское, «у Кашпирского поворота» (все – бронза)

и сердцевидным, почковидным, а также бабочковидным перекрестьем (рис. 6: 5, 7). Некоторые находки свидетельствуют о том, что серповидные навершия могли появиться уже в VI в. до н. э. Изменения в оформлении клинкового оружия, которое использовалось скотоводческими группами, занимавшими пастбища на границе степи и лесостепи в Заволжье и Предуралье, следует охарактеризовать следующим образом. Группа наиболее ранних мечей и кинжалов, датируемая,

в целом, временем в пределах конца VII–VI в. до н. э., представлена экземплярами, которые имеют брусковидное навершие и снабжены перекрестьями почковидной, сердцевидной формы, а также перекрестьями, украшенными изображениями голов грифонов и морфологически близкими к почковидным. В эту же группу можно включить отдельные экземпляры с антенным, простым когтевидным и серповидным навершием, навершием в виде голов птиц, обращенных друг к другу.

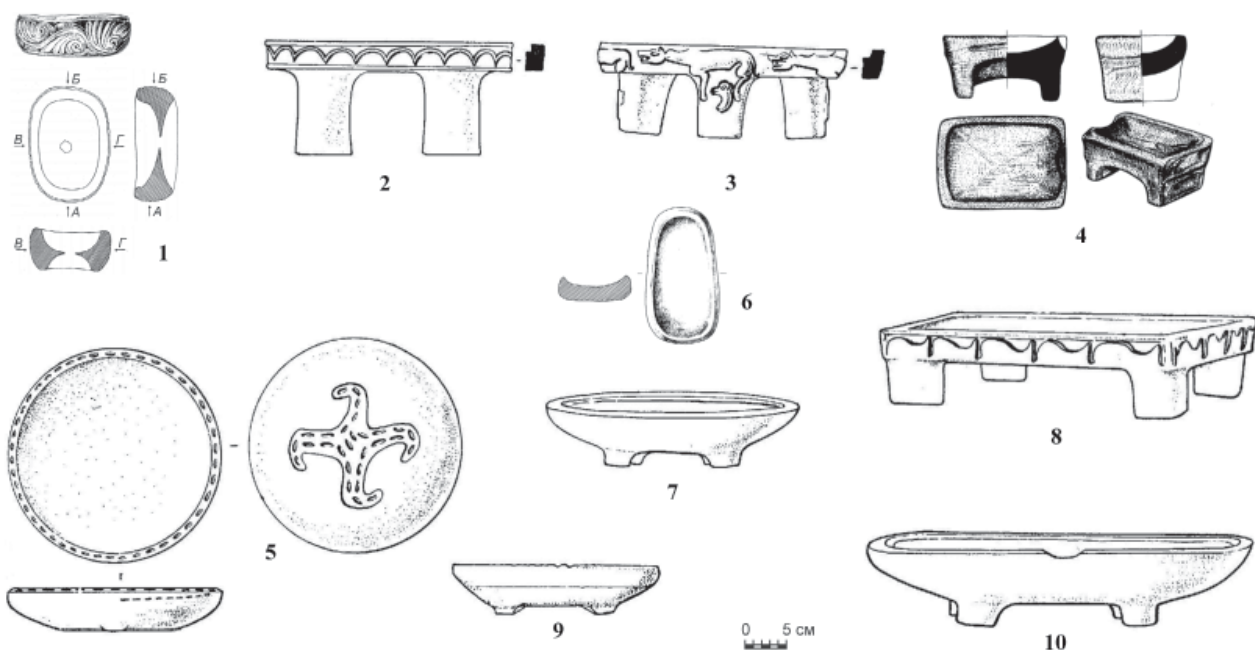

Рис. 13. Алтари

1 – хутор Барышников курган 8, погребение 2; 2–3, 11 – Крыловский, курган 1896 г.; 4 – Петропавловский, курган 4, погребение 2; 5 – бывший Самарский уезд; 6 – Андреевский I могильник, курган 2, погребение 2; 7 – Любимовский, курган раскопанный в 1927 г.; 8 – с. Преображенка, курган 1; 9 – г. Куйбышев (все – камень)

Перекрестья этих мечей сердцевидные или почковидные. В следующую группу следует включить акинаки с бабочковидными перекрестьями, брусковидными, когтевидными и серповидными навершиями. Дата этих акинаков приходится на конец VI–V в. до н. э. или V в. до н. э. Третья, наиболее поздняя, группа мечей и кинжалов может быть датирована V–IV вв. до н. э. либо концом V–IV в. до н. э. Большинство акинаков этой группы имеют когтевидное навершие, усложненное перекладиной. Навершия мечей и кинжалов этой группы серповидные и антенные, а также в виде голов грифонов, обращенных друг к другу, и голов животных, развернутых в разные стороны. Перекрестья бабочковидные (в том числе одно – ложнотреугольное) или в виде бруска, сломанного под тупым углом.

Единичны случаи обнаружения клевцов, наконечников копий и дротиков. В 1865 году у с. Красный Яр был случайно найден бронзовый клевец (рис. 9: 3), который, как полагал К.Ф. Смирнов, является оружием, типичным для тагарских древностей (Смирнов, 1961, с. 74).

В 1907 г. В.Ф. Миллером возле станции Марычевка (Богатовский район Самарской области) были собраны несколько железных предметов, в том числе наконечник копья савроматского времени. Найденный наконечник копья (рис. 9: 5) имеет короткое, ромбическое в сечении перо, резко переходящее в длинную и широкую

штулку с отверстием для закрепления древка (Смирнов, 1961, с. 72).

Среди предметов воинской амуниции следует назвать наборный пояс, обнаруженный в кургане 5 могильника Березки I, который состоит из кожаной основы и нашитых на нее тонких бронзовых пластин. Пластины пояса тонкие, слегка изогнутые вдоль продольной оси. Длина пластин варьирует от 5,5 см до 7,8 см, ширина – от 0,8 см до 1,2 см. Самые короткие и широкие пластины крепились на концах пояса. По направлению к средней части пояса длина пластин постепенно увеличивалась. При креплении к кожаной основе каждая последующая пластина примерно на треть перекрывала предыдущую. Пара правых концевых отверстий налегала на пару таких же, но левых отверстий нижележащей предыдущей пластины (Скарбовенко, 2005, с. 391; Мышкин, 2011, с. 3–6).

К.Ф. Смирнов предположил, что с кочевниками савроматского времени мог быть связан бронзовый шлем (рис. 9: 1), найденный около с. Старый Печеур в Павловском районе Ульяновской области на правом берегу Волги. Шлем имеет гребень, поднимающийся к верхушке от середины вырезки для лица, края выемки сзади шлема грубо обрезаны, по краям имеются три отверстия. По мнению К.Ф. Смирнова, шлем, вероятно, имеет северокавказское происхождение и может быть датирован VI в. до н. э. (Смирнов, 1961, с. 76). В настоящее

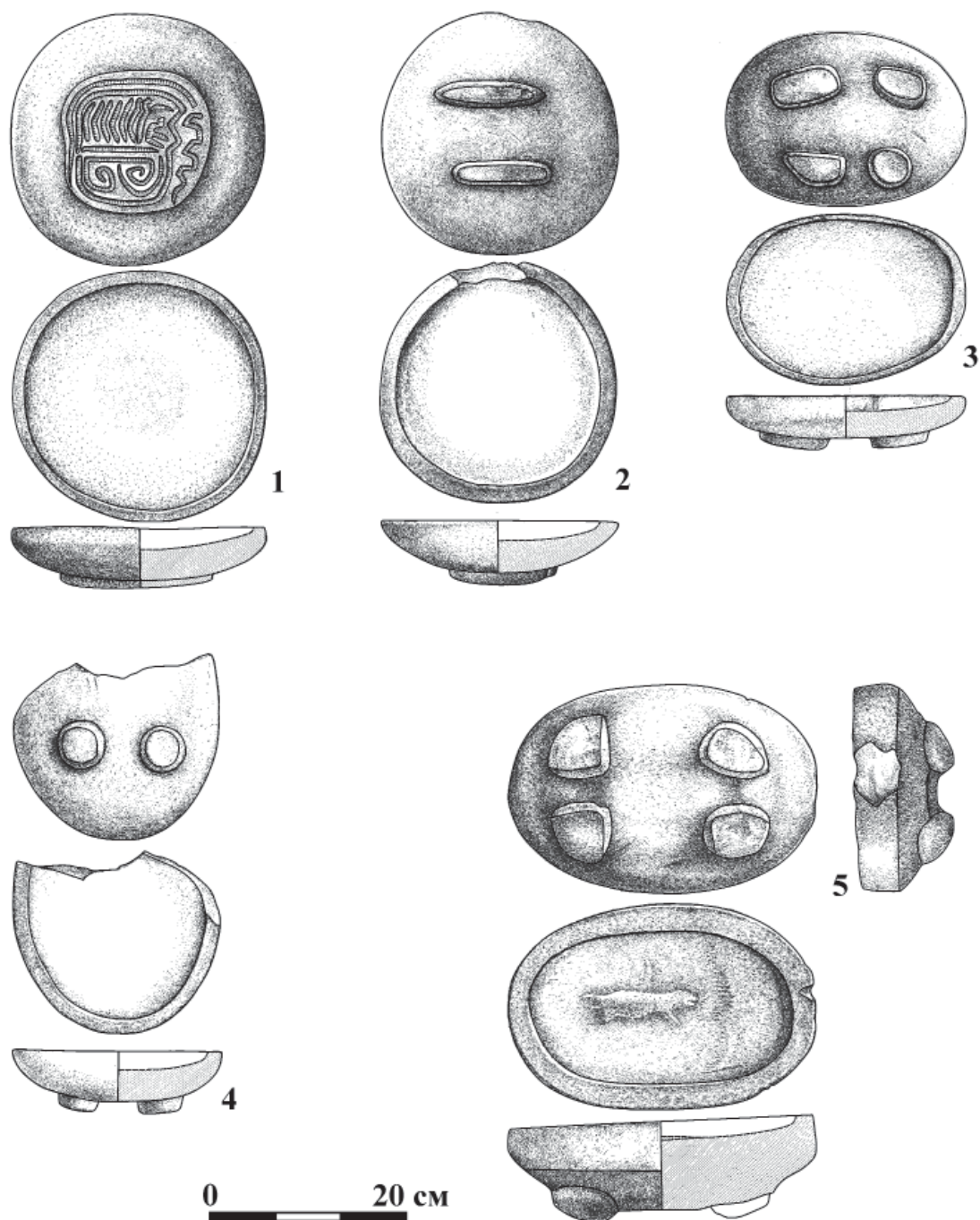

Рис. 14. Алтари, случайные находки

1 – с. Суходол; 2 – с. Крестово-Городище; 3 – с. Белый Яр; 4 – с. Шиловка; 5 – с. Новая Слобода (все – камень)

такие шлемы датированы VII–VI вв. до н. э. Они найдены, помимо Среднего Поволжья, на Северном Кавказе, в Приднепровье, Средней Азии, Монголии. В связи с этим сформировались три концепции происхождения шлемов «кубанского» типа, которые условно названы северокавказской, переднеазиатской и центральноазиатско-северокитайской (Галанина, 1985, с. 169–183; Алексеев, 2019, с. 224, 225, рис. 1–4).

Конское снаряжение представлено подпружными пряжками, удилами и псалями, налобниками, уздечными бляшками, подвесками, обоймами

для перекрестных ремней, пронизками, ворворками (рис. 10).

Подпружные застёжки имеют разную форму. Две из них выполнены в виде блях, щиток которых представляет собой изображение фигуры свернувшегося в кольцо хищника (рис. 10: 2, 3). Они случайно найдены около сел Пьяновка и Иркутль на западе Оренбургской области и датированы VI в. до н. э. (Смирнов, Петренко, 1963, с. 14, 15, 31, рис. 21: 2, 7). Пряжка и, возможно, петля левой двухчастной застёжки, выполненные из бронзы, покрытые золотой фольгой и украшенные рельеф-

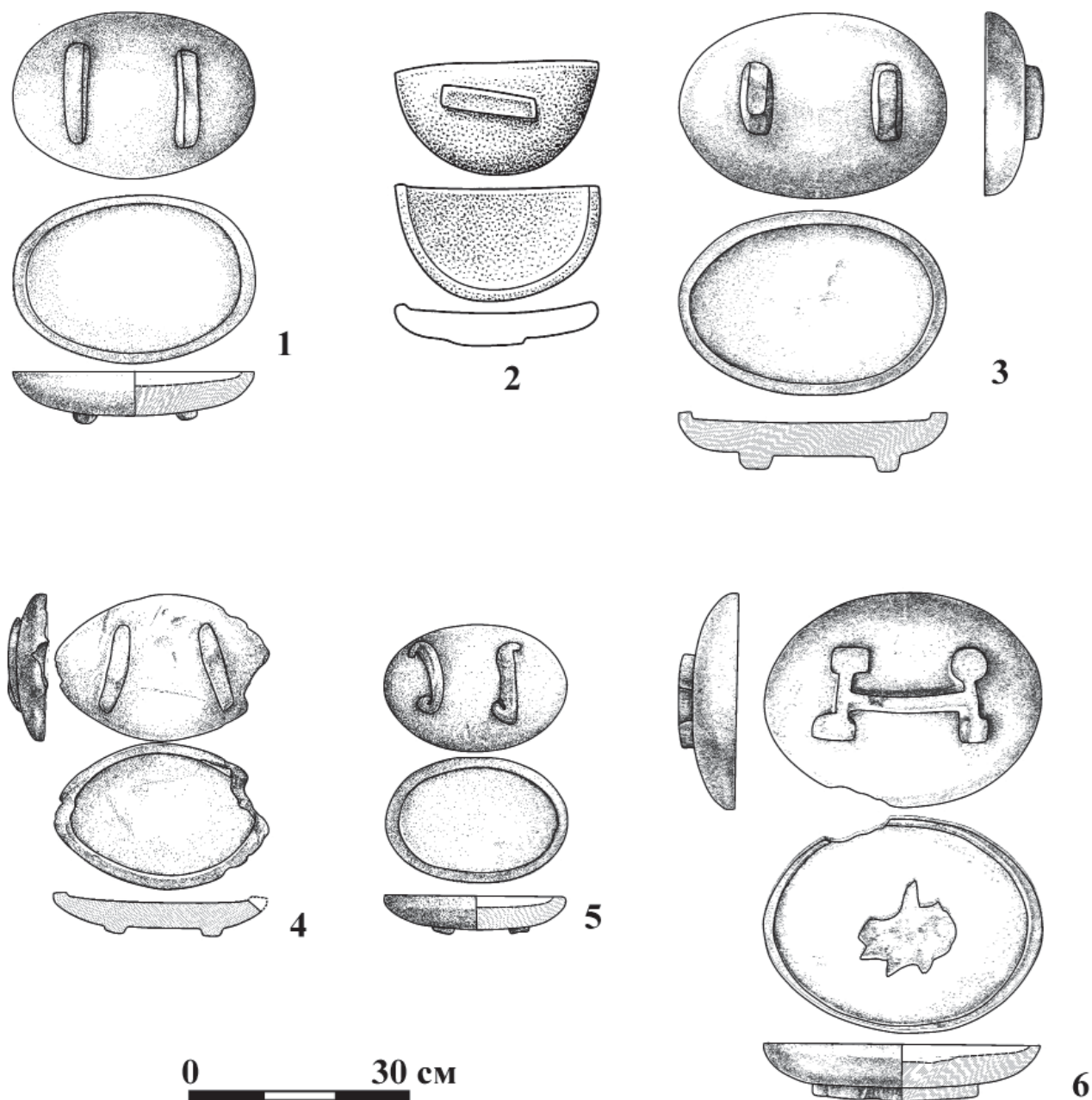

Рис. 15. Алтари, случайные находки

1 – с. Кайбелы; 2 – с. Суходол; 3–4 – район г. Сенгилей; 5 – с. Кайбелы; 6 – окрестности с. Хрящевка (все – камень)

ным изображением многократно повторенных голов хищных птиц или животных, расположенных одна за другой (рис. 10: 5, 6), найдены в кургане 2 могильника Покровка 2. Курган датирован авторами раскопок концом VI–V в. до н. э. (Моргунова, Трунаева, 1993, с. 16, 17).

Уздечные принадлежности представлены металлическими петельчатыми удилами и двудырчатыми псалиями разных типов. В кургане 8 могильника Бис-Оба у пос. Благодословенского обнаружен псалий (рис. 10: 7), стержень которого дуговидно

изогнут, а на одном из окончаний имеется зооморфное изображение. Псалий датирован V в. до н. э. (Смирнов, 1961, с. 85, рис. 48: 2). При исследовании погребения 2 кургана 4 Чкаловского могильника были найдены железные псалии в виде прямых стержней, одно из окончаний которого загнуто под прямым углом к центральной части (рис. 10: 4, 17). Бронзовый псалий в виде прямого стержня, окончания которого оформлены в виде скульптурных изображений голов хищных птиц или грифонов, являлся частью сопровождающего

Рис. 16. Украшения

1 – нашивная бляшка, Андреевский I могильник, курган 2, погребение 2; 2–3, 5, 6 – нашивные бляшки, могильник Покровка, курган 2 (1911 г.); 4, 8 – нашивные бляшки, могильник Покровка 2, курган 3, погребение 2; 7, 15–17 – бусины, Покровка, курган 2 (1911 г.); 9–10 – серьги, могильник Покровка 2, курган 3, погребение 2; 11–13 – подвески, Покровка, курган 2 (1911 г.); 14 – раковина-каури, Покровка, курган 2 (1911 г.) (1–6, 8–10, 17 – золото; 11 – золото, раковина; 13 – золото, клык животного; 13 – золото, халцедон; 14 – раковина; 7, 15–16 – стекло)

инвентаря в погребении 3 кургана 1 могильника Березки I (Мышкин и др., 2000, с. 72; Мышкин, 2014б, с. 308).

Четыре металлические пластины вытянутой формы с закругленным нижним коротким краем и верхним краем, украшенным рельефным изображением головы грифона в профиль (рис. 10: 12), происходят из кургана у

с. Покровка, раскопанного в 1911 г. Эти предметы интерпретированы как конские налобники и отнесены к раннему V в. до н. э. (Смирнов, 1964, с. 47, рис. 16: 1а). Среди предметов конской амуниции, полученных при исследовании погребений кочевников Среднего Поволжья и Южного Предуралья или найденных случайно, следует назвать также уздечные бляшки (рис. 10: 13, 14),

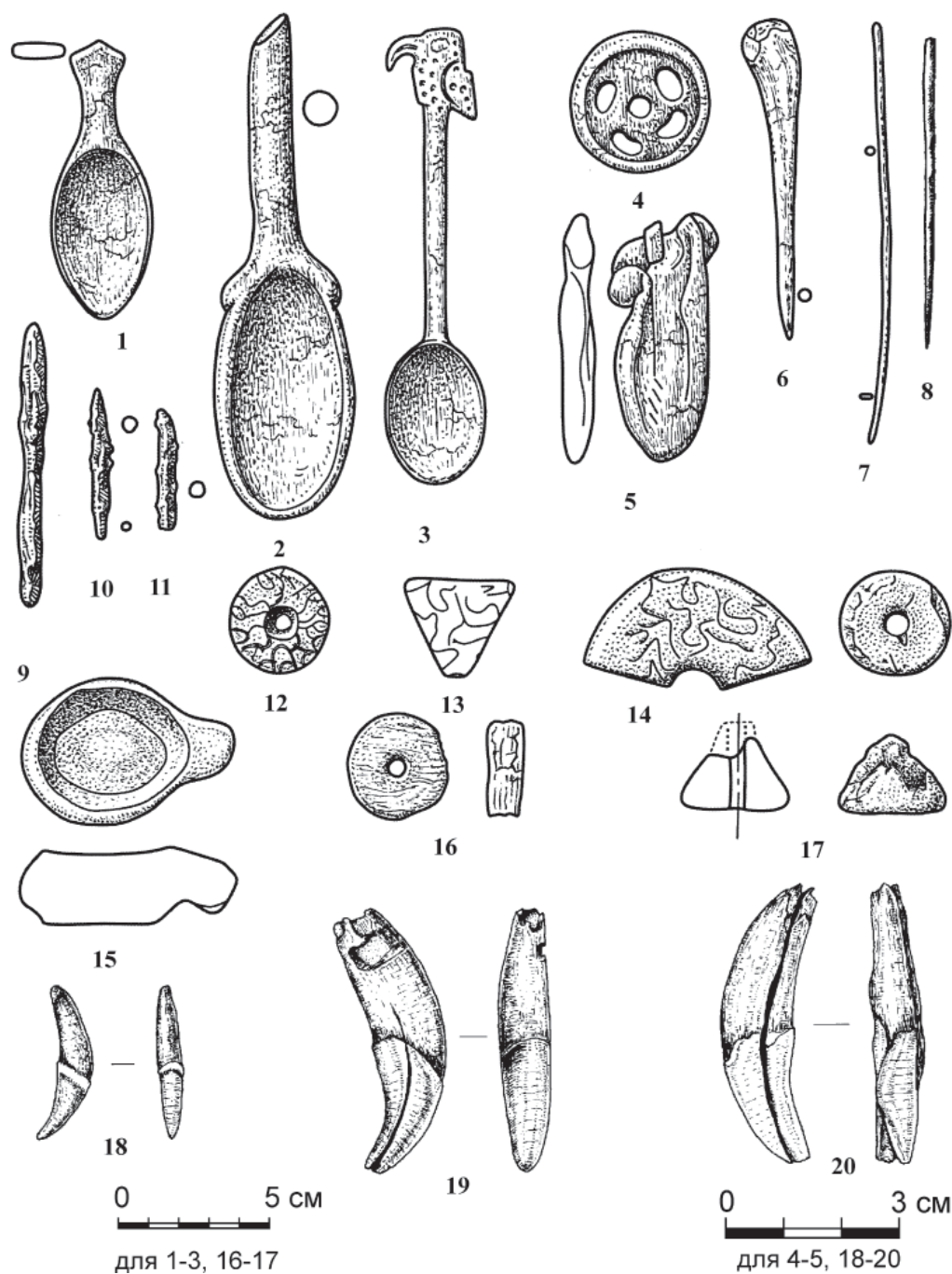

Рис. 17. Украшения, ритуальные и бытовые предметы

1 – ложка, Липовский могильник, курган 10, погребение 2; 2 – ложка, Липовский могильник, курган 9, погребение 4; 3 – ложка, Соболевская волость, курган, раскопанный крестьянами (1927); 4 – амулет-колесико, Андреевский I, курган 2, погребение 2; 5 – кожаный мешочек с черным веществом и палочкой, курган у с. Спасское, «у Кашпирского поворота»; 6 – проколка, Липовский могильник, курган 9, погребение 4; 7 – проколка, Липовский, курган 10, погребение 2; 8 – игла, Андреевский I, курган 2, погребение 2; 9–11 – шило и стержни, Чкаловский могильник, курган 4, погребение 2; 12–14 – пряслице и развертка орнамента, Пятилетка, курган 4, погребение 1; 15 – чашечка, Пятилетка, курган 4, погребение 1; 16 – пряслице, Болдыревский IV, курган 3, погребение 4; 17 – пряслице, Петропавловский курган; 18–19 – подвески, Покровка, курган 2 (1911 г.) (1–3, 6, 7 – кость; 4, 8 – бронза; 5 – дерево, кожа; 9–11 – железо; 14–17 – глина; 15 – камень; 18–19 – клыки)

пронизи (рис. 10: 18), обоймы для перекрестных ремней (рис. 10: 16, 19), ворворки (рис. 10: 1), подвески из клыка кабана (рис. 10: 11), бляшки-подвески наносного или налобного ремня (рис. 10: 15).

Находками, характерными для женских погребений, являются зеркала, каменные столики,

которые рассматриваются как переносные алтари, украшения (бусы, браслеты, кольца, серьги, височные подвески, нашивные бляшки), булавки, иглы или проковки, пряслица.

Кочевники этого времени использовали зеркала различной формы. Это зеркала так называемо-

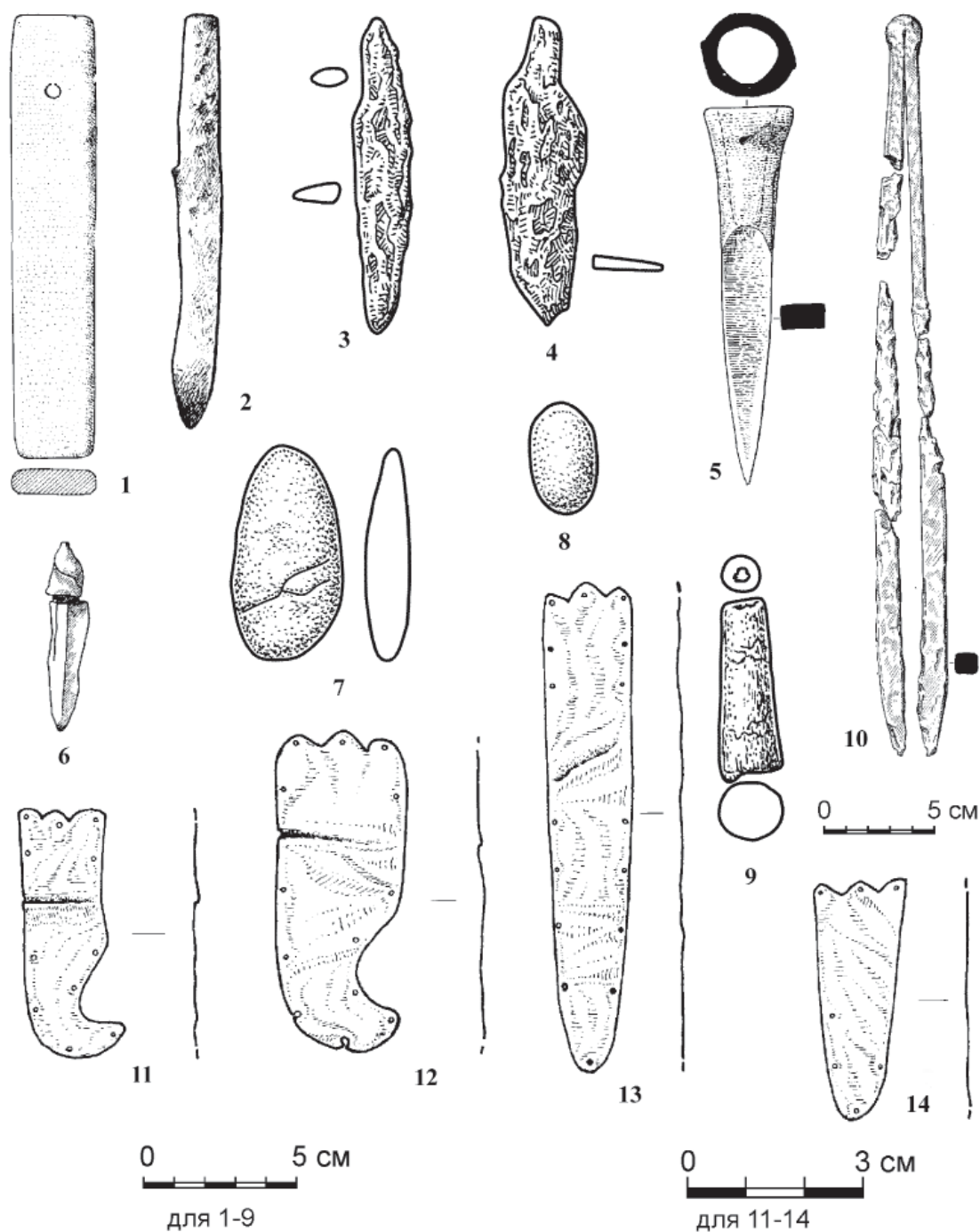

Рис. 18. Орудия труда и бытовые предметы

1 – оселок, Любимовка, группа «Лапасина», курган, раскопанный землеустроителями в 1927; 2 – нож, Андреевский I могильник, курган 2, погребение 2; 3 – нож, Пятилетка, курган 4, погребение 1; 4 – нож, Болдыревский I, курган 9; 5 – долото, Марычевка, собрание А. Миллера 1907 г.; 6 – шило, Бурдыгинский могильник, курган 8, погребение 2; 7 – галька, Пятилетка, курган 4, погребение 1; 8 – галька, Болдыревский I, курган 9; 9 – трубочка, Пятилетка, курган 4, погребение 1; 10 – щипцы, Любимовка, группа «Лапасина», курган 1, погребение 5; 11–14 – оковки сосудов, Покровка, курган 2 (1911 г.) (1, 7–8 – камень; 2–4, 6, 10 – железо; 5 – бронза; 9 – кость; 11–14 – золото)

го «ольвийского» типа, которые имеют вид достаточно крупных круглых дисков с вертикальными бортиками и рельефными боковыми ручками. Концы ручек украшены изображениями фигурки стоящего кошачьего хищника или головы барана (рис. 12: 6, 8, 9). В погребениях находят также

зеркала, представляющие собой круглый диск с петлей на обратной стороне (рис. 12: 4), диск без ручки с закраиной (рис. 12: 3) и без нее (рис. 12: 5). Найдены зеркала в виде дисков, отлитых вместе с длинной или короткой ручкой. На короткую бронзовую ручку насаживалась деревянная или

костяная ручка, которая могла украшаться изображениями, выполненными в зверином стиле (рис. 12: 1, 2).

Каменные блюда-алтари относятся к разным типам. В плане они имеют круглую, овальную или прямоугольную форму. Часть из них плоскодонные, без ножек (рис. 13: 1, 6). Встречены также алтари на двух, трех и четырех ножках, круглых или квадратных в сечении. Несколько экземпляров имеют валикообразные ножки (рис. 13: 3, 4, 7–10; 14: 2–5; 15: 1–6). Один из алтарей имеет подставку в виде выпуклого свастикаобразного креста, украшенного ямками (рис. 13: 5). Бортик алтаря из кургана 1 у с. Преображенка (рис. 13: 8) орнаментирован повторяющимся рельефом в виде волнистой линии. На бортике алтаря из кургана у хут. Крыловского (1896 г.) расположены изображения фигур хищных зверей, чередующихся с изображениями голов грифонов (рис. 13: 3). Бортик блюда из погребения 2 кургана 6 у хут. Барышникова украшен сложным спиралевидным орнаментом (рис. 13: 1). Жертвенник из кургана 5 могильника Березки I представляет собой круглое блюдо с бортиком по краю на трех ножках в виде скульптурных голов хищников. Внешняя сторона блюда украшена тремя парами припавших к земле и обращенных мордами друг к другу фигур волков (Скарбовенко, Ломейко, 2012, с. 21).

Среди украшений савроматского времени следует отметить несколько нашивных бляшек. Одна из них изготовлена из листа золотой фольги, которая представляет собой овальную пластину с отверстиями для крепления к одежде. Бляшка украшена изображением горного козла с повернутой назад головой и подогнутыми ногами (рис. 16: 1). Она найдена в погребении 2 кургана 2 Андреевского могильника (Матвеева, 2006, с. 377, рис. 1: 2). Не менее интересные находки происходят из кургана 2 у с. Покровка (раскопки 1911 г.). Это бляшки (4 экз.) овальной формы с изображением двух вывернутых голов на длинных шеях (рис. 16: 2), в форме головок льва (рис. 16: 3), с изображением розетты (рис. 16: 5), изготовленные из золота. Золотые бляшки (рис. 16: 4, 8), найденные в кургане 3 могильника Покровка-2, были выполнены в виде фигур пантер, припавших к земле (Трейстер и др., 2012, с. 62). В кургане 2 у с. Покровка (раскопки 1911 г.) была обнаружена халцедоновая печать в золотой оправе с петлей для подвешивания (рис. 16: 13), а также клыки в золотой пластинчатой оправе (рис. 16: 11, 12), тоже с петлями для подвешивания (Трейстер и др., 2012, с. 54–58). В кургане 3 могильника Покровка-2 была найдена пара золотых височных подвесок (рис. 16: 9, 10), представляющих собой широкие пластинчатые кольца с заходящими друг за друга концами, и

прикрепленных к ним полых конусов, запаянных снизу (Трейстер и др., 2012, с. 61). Частой находкой в женских погребениях являются ожерелья из пастовых, стеклянных, каменных и иногда золотых бусин (рис. 16: 7, 15–17).

Исследованные погребальные комплексы савроматского времени содержали также предметы быта: пряслица (рис. 17: 12–14, 16–17), ножи (рис. 18: 2–4), проколки, иглы, булавки (рис. 17: 7–11), шилья (рис. 18: 6), а также вещи, имевшие, возможно, какое-то ритуальное значение – гальки (рис. 18: 7, 8), колесики-амулеты (рис. 17: 4).

К числу предметов туалета традиционно относили костяные ложечки, очень часто украшенные изображениями, выполненными в зверином стиле (рис. 17: 1–3). Особо следует отметить, что к настоящему времени известно достаточно много случаев, когда костяные ложечки были встречены в мужских погребениях вместе с колчанами и стрелами. Скорее всего, эти предметы были связаны с выполнением каких-то ритуалов. Вместе с ложечками и зеркалами в женских захоронениях часто находят раковины *Grifea* с различными красками, которые могли использоваться в косметических целях или для нанесения татуировок.

Исторические судьбы

В IV в. до н. э. в степях близ Танаиса появились кочевники, о которых в V в. до н. э. не упоминал Геродот. Античные авторы называют эти племена «сирматами» и «сарматами», в их трудах, наряду с названием «Скифия», начинает встречаться название «Сарматия» (Латышев, 1947, с. 241, 245, 273, 275, 312). Таким образом, в письменных источниках нашли отражение серьезные этнополитические и культурные изменения, которые происходили в степях, простиравшихся на восток от Дона. В результате этих изменений на западном рубеже мира азиатских кочевников появилось новое объединение – сарматы. Появление этого нового кочевнического объединения исследователи связывают с формированием новой культуры, которая получила название раннесарматской или прохоровской. Ее формирование началось в восточных районах Южного Приуралья в V в. до н. э. (Железчиков, 1997б, с. 24) или даже в конце VI в. до н. э. (Таиров, Гаврилюк, 1988, с. 151, 152; Гаврилюк, Таиров, 1993, с. 66). В IV в. до н. э. прохоровская культура распространилась в степях Южного Приуралья уже повсеместно. При этом, по мнению К.Ф. Смирнова, старые савроматские родо-племенные группы не были уничтожены или вытеснены какими-то другими племенами, а послужили основой формирования новых объединений кочевников (Смирнов, 1964, с. 286–288).

Какие-то схожие социальные, этнические и культурные процессы, вероятно, происходили и на

территории Южного Средневожья. Археологические материалы позволяют предположить, что в V в. до н. э. или на рубеже V–IV в. до н. э. в Самарское Заволжье из южноуральских степей продвинулась воинская группа, оставившая курганный могильник Березки I. В могильнике Березки I зафиксировано сосуществование черт, присущих савроматской культуре (широтная ориентировка могильных ям и погребенных, акинаки с бабочковидным перекрестьем, каменный алтарь, изображения, выполненные в зверином стиле, некоторые типы массивных наконечников стрел, среди которых встречаются весьма архаические экземпляры), с чертами, которые станут доминирующими в раннесарматской культуре (южная ориентировка погребенных, дромосная конструкция могильных ям, некоторые типы керамических сосудов). Таким образом, первоначальное распространение элементов, характерных в будущем для про-

хоровской (раннесарматской) культуры, в степях Самарского Заволжья происходило в результате продвижения военных групп кочевников. Вслед за этими группами в средневожских степях появилось население, оставившее раннепрохоровские памятники приуральского облика, в том числе с характерной круглодонной тальковой посудой (Мышкин, Скарбовенко, 1996, с. 210; Мышкин и др. 2000, с. 74, 75). При этом следует отметить, что некоторые погребальные комплексы IV в. до н. э., в частности, погребения 1 и 3 кургана 25 могильника Гвардейцы I, имеют облик, специфичный для культуры кочевников савроматского времени (Мышкин и др., 1999, с. 147–149, рис. 3: 5, 6–16). Данное обстоятельство позволяет предположить, что в этот период на территории Самарского Поволжья сосуществовали группы населения, одни из которых являлись носителями «савроматских» культурных традиций, а другие – прохоровских.

ГЛАВА 3

КУЛЬТУРА КОЧЕВНИКОВ СКИФСКОЙ ЭПОХИ СТЕПЕЙ НИЖНЕГО ПОВОЛЖЬЯ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА VI–IV В. ДО Н. Э.)

Памятники Нижнего Поволжья, датирующиеся классическим скифским временем (второй половиной VI–IV вв. до н. э.), являются одной из региональных культур скифского круга, или скифского типа, степной зоны Евразии, протянувшейся от Черного моря до Алтайских гор. К названному кругу культур относятся памятники степей Нижнего Поволжья, Южного Приуралья, памятники сакской культуры степных долин Семиречья, Ишимских и Кулундинских степей, памятники степных долин Горного Алтая (пазырыкская культура) и степных долин Саянского нагорья (саглыноско-уюкская культура).

По наличию предметов скифской триады ряд археологических культур классического скифского времени лесостепной зоны также зачастую включается в круг культур скифского типа: памятники лесостепей Северного Причерноморья, лесостепей Среднего Дона, ананьинской культуры лесостепного Волго-Камья, саргатской культуры лесостепей Западной Сибири, большереченской культуры лесостепного Приобья и развитого этапа тагарской культуры Минусинской котловины Южной Сибири. Весь этот массив археологических культур степной и прилегающей лесостепной зоны традиционно делится на западный и восточный ареалы по расположению с западной или восточной стороны Уральских гор.

В специальной научной литературе этническим названием «скифы» определяются только памятники степной зоны Северного Причерноморья, где побывал в середине V в. до н. э. древнегреческий историк Геродот Галикарнасский и описал скифов в четвертой книге «Истории», своего фундаментального труда из девяти книг. Памятники других регионов степи и лесостепи строго научно определяют как культуры скифской эпохи, не распространяя на них этнического названия «скифы», согласно информации Геродота, называвшем их нескифскими племенами. В правильности именно этого подхода были глубоко убеждены исследователи, стоявшие у истоков скифской археологии, Б.Н. Граков и А.И. Мелюкова, утверждавшие, что «по праву времени и места» скифами можно называть только население, оставившее памятники степей Северного Причерноморья, так как только

они принадлежали «собственным скифам» (Граков, Мелюкова, 1954, с. 93).

История изучения, основные концепции, существующие периодизации

Историю изучения памятников скифской эпохи Нижнего Поволжья необходимо рассматривать по двум линиям: история накопления материала и история этнокультурного определения этой сравнительно небольшой группы памятников.

До двадцатого столетия в Нижнем Поволжье памятники скифской эпохи были неизвестны. Отдельные случайные находки и несколько погребений, раскопанных членами Саратовской археологической комиссии (Шахматов, 1902; Горизонтов, 1908; Зайковский, 1908; Баллод, 1923), а также раскопанных А.А. Спицыным в Камышинском уезде (Спицын, 1898), носили невыразительный характер и были недостаточны для скольких-нибудь серьезных выводов. М.И. Ростовцев, обобщивший результаты исследований русских археологов дореволюционного периода в области истории и культуры скифов, писал, что для востока России (имея в виду Поволжье и Приуралье) незначительное количество вещей скифского уклада являются случайными или, возможно, указывают на следы продвижения скифов на запад (Ростовцев, 1925, с. 6, 23).

В двадцатом веке, в 1920–1930-х гг., на территории Нижнего Поволжья были начаты регулярные полевые исследования. Археологические экспедиции были организованы Саратовским музеем, Нижневолжским институтом краеведения им. М. Горького при Саратовском университете, музеем г. Энгельса и Государственным историческим музеем. Во главе экспедиций стояли такие известные ученые как П. Рау, П. Рыков и Б.Н. Граков. Первые результаты этих работ были использованы Б.Н. Граковым при публикации известного коллективного воинского погребения из кургана Б-12 у с. Блюменфельд с комплектом оружия и богато украшенными в зверином стиле уздечными наборами (Граков, 1928, с. 27–60). Несколько десятков рядовых погребений были опубликованы П. Рау (Рау, 1929).

Следующий этап накопления материала связан с масштабными спасательными археологически-

ми раскопками в зонах строительства крупных строек послевоенного периода: Сталинградской ГЭС и Волго-Донского канала в 1951–1955 и 1957 г. (Древности..., 1959).

Наиболее крупные серии погребений скифского периода были открыты в курганных группах Бережновка I–II, Калиновка (Шилов, 1959, с. 323–522).

В последующие годы в ходе спасательных и бюджетных раскопок был открыт целый ряд погребений кочевников скифской эпохи в степях Нижнего Поволжья. Подавляющее большинство из них представлены одиночными или несколькими погребениями из одной курганной группы. Значительные серии погребений скифской эпохи были обнаружены только в курганной группе Восточный Маныч в зоне строительства Чограйского водохранилища в Республике Калмыкия (Синицын, 1978; Синицын, Эрдниев, 1987), а также в Аксеновских I–II курганных группах на р. Аксай в Волгоградской области, где 29 погребений скифского времени были основными и единственными в кургане (Шилов, Очир-Горяева, 1997, с. 127–153). На всей территории Нижнего Поволжья в 1988 г. мной было учтено 226 инвентарных погребений второй половины VI–IV вв. до н. э. (Очир-Горяева, 1988, прил. 1). В настоящее время количество погребений скифской эпохи в Нижнем Поволжье продолжает пополняться единицами и едва перевалило на сегодняшний день число 300.

Учитывая приблизительность расчетов, тем не менее именно эту цифру можно рассматривать как приемлемую для памятников классической скифской эпохи Нижнего Поволжья. Если сравнивать количество памятников других региональных культур, то Нижневолжские памятники оказываются самыми малочисленными по всей степной зоне. В сводке «Скифские погребальные памятники степей Северного Причерноморья», опубликованной в 1986 г., учтено 124 погребения конца VI–V вв. до н. э. и 2300 погребений, датирующихся IV – началом III вв. до н. э. (Черненко и др., 1986, с. 352). С учетом раскопок в последующие годы количество курганных погребений скифской эпохи Северного Причерноморья можно округлить в целом до 2600 погребений. Это количество только курганных захоронений. Скифы-степняки Северного Причерноморья оставили также немало количество грунтовых захоронений. В последнем издании труда по экономике Скифии Н.А. Гаврилюк оценивает общее количество погребений (курганных и грунтовых) приблизительно в 4000 (Гаврилюк, 2013, с. 85).

В Южном Приуралье в свое время мной было учтено 106 инвентарных погребений (Очир-Горя-

ева, 1988, прил. 1). Однако в последующие годы погребения скифской эпохи были раскопаны целыми сериями, и по моим прикидкам, в настоящее время там насчитывается около 500 инвентарных комплексов скифского времени (Очир-Горяева, 2006, с. 107–122; 2006б, с. 94–106). В Ишимских степях М.К. Хабдуллиной были учтены 165 погребений V–II вв. до н. э. (Хабдулина, 1994, с. 19). Это без учета семиреченских сакских погребений, количество которых явно превышает количество погребений северных степей. Согласно последним опубликованным данным, насчитывается почти 600 погребений пазырыкской культуры (Тишкин, Дашковский, 2003, с. 144). В степных долинах Саянского нагорья, согласно учету памятников, проведенному в 1989 г., насчитывалось 334 погребения саглынской культуры скифского времени (Савинов, 2002, с. 107). С учетом последующих раскопок в последние 24 года количество памятников должно достичь 400 погребений. Несмотря на то, что территория Нижнего Поволжья никак не меньше территории степных долин Саянского нагорья и во много раз больше территории степных долин Горного Алтая, количество памятников скифской эпохи здесь остается наиболее малочисленным во всей степной зоне.

История этнокультурного определения

Историю определения этнокультурной принадлежности памятников скифской эпохи степной зоны Нижнего Поволжья можно разделить на три исторических этапа, которые характеризуются преобладанием в научной литературе двух подходов по локализации савроматов. Один из них, названный мной традиционным, опирается на данные письменных источников, а второй, названный мной новым, опирается на смешение в одно письменных и археологических источников и их вольное истолкование.

Первый этап, характеризующийся выработкой традиционного подхода к локализации, а также оценке роли и места этнонима «савроматы» в истории древних кочевников представлен комментаторами Геродота, в основном дореволюционными. Первый этап истории изучения савроматов охватывает период с 1823 г., когда был издан «Археологический атлас Европейской России» Ивана Потоцкого, по 1925 г., когда был опубликован фундаментальный труд крупнейшего исследователя античной литературной традиции академика М.И. Ростовцева «Скифия и Боспор». Именно М.И. Ростовцевым были изложены ключевые положения традиционного подхода по вопросу о савроматах.

Первое положение. Касаясь территории расселения савроматов, М.И. Ростовцев отмечал, что Псевдо-Гиппократ, сам Геродот и, вероятно, все

ионийцы знают савроматов, живших на левом берегу Дона у Меотиды (Азовское море).

Второе положение. Вся античная литературная традиция считает савроматов ближайшими родственниками скифов. Именно в этой связи М.И. Ростовцев предлагает рассматривать факт отождествления савроматов с амазонками и легенду об их происхождении. Кроме того, в этой легенде он видел косвенное указание на возможное подчинение скифам ряда племен побережья Керченского пролива и всего Азовского моря. Тех племен, которые вошли в тесное общение со скифами, усвоили их культуру, может быть даже язык, но все-таки сохранили известную долю самостоятельности. Только поэтому они и не были включены в состав Скифского Царства.

Третье положение. Опираясь на то, что Деметрий Калатийский и Полиен размещают меотов близ Азовского моря, а также на то, что Помпониус Мела и тот же Полиен приписывают им, как и савроматам, особое положение женщин, М.И. Ростовцев рассматривал меотов и савроматов как чрезвычайно «близкие» племена (Ростовцев, 1925, с. 111).

И наконец, четвертое положение. М.И. Ростовцев, рассматривая савроматов как приазовское племя, устойчиво сидевшее у Меотиды, «начиная с древнейших времен вплоть до римской эпохи», писал, что «задача установления исторической этнографии южной и средней России, а также Поволжья и Приуралья не уместается в рамки моего труда» (Ростовцев, 1925, с. 74). Однако же именно с этими отдаленными от Азовского моря территориями авторы нового подхода связали этноним «савроматы».

Второй этап характеризуется господством нового подхода. Начало ему положил П. Рау, посчитавший возможным после тщательного анализа археологического материала привлечь к его интерпретации письменные источники без критического их осмысления и предположить, что памятники скифской эпохи Нижнего Поволжья могли быть оставлены савроматами Геродота (Рау, 1929). Согласно фундаментальной культурно-хронологической периодизации сарматской культуры, разработанной в трудах Б.Н. Гракова и К.Ф. Смирнова, памятники Нижнего Поволжья и Южного Приуралья скифской эпохи были объединены в одну археологическую культуру, названную ими савроматской (Граков, 1948; Смирнов, 1961, 1964, Смирнов, Петренко, 1963). Более того, савроматская культура рассматривалась как имеющая прямое генетическое отношение к сарматам, их истории и культуре. Не случайно основное исследование по нижневолжскому и южноприуральскому регионам называлось «Савроматы.

Ранняя история и культура сарматов» (Смирнов, 1964). Так было провозглашено новое «археологическое» территориально расширенное понимание этнонима савроматы, произвольно интерпретирующее сведения античных источников.

Для нового подхода характерен уклон в сторону археологических источников. При этом почти полностью игнорируются сведения античных авторов. Более того, сведения древних авторов не рассматривались как самостоятельный вид источника, что привело к использованию их в качестве иллюстративного материала к данным археологических памятников. Это привело к произвольным интерпретациям, в термин «савроматы» был вложен новый расширительный археологический смысл, не имевший основания в письменных свидетельствах. Именно такой подход позволил связать с этнонимом «савроматы» и савроматской культурой (что по логике вещей одно и то же) огромную территорию от дельты Дона на западе до верховьев р. Урал на востоке. Как показали дальнейшие исследования, объединение памятников Нижнего Поволжья и Южного Приуралья в одну археологическую культуру не подтвердилось на археологическом материале.

Третий этап открывает работа Д.А. Мачинского, в которой он на основе подробного анализа письменных источников подверг решительной критике расширенное «археологическое» понимание савроматов и выдвинул гипотезу о принадлежности самаро-уральской группы памятников исседонам (Мачинский, 1972). Восьмидесятые годы прошлого века характеризуются началом пристального внимания к античным источникам и критического разбора археологических памятников, отождествляемых с вышеназванными племенами. Такой подход позволил исследователям вернуться к положениям М.И. Ростовцева о савроматах как приазовском племени, а памятники Нижнего Поволжья отнести к племенам, этническое название которых не было известно Геродоту и другим греческим писателям (Очир-Горяева, 1988, с. 95–99; 1989). На основе комплексного сравнительного анализа был поставлен также вопрос о неправомерности объединения в одну археологическую культуру памятников Нижнего Поволжья и Южного Приуралья (Чежина, 1983, с. 16–30; Очир-Горяева, 1989; 1993, с. 83–85).

Последний, четвертый этап, характеризуется сосуществованием обоих подходов, когда часть исследователей восприняла только часть положений традиционного подхода, а именно положение о различной этнокультурной принадлежности памятников Нижнего Поволжья и Южного Приуралья, но не признавая факта, что памятники Нижнего Поволжья не могут идентифицировать-

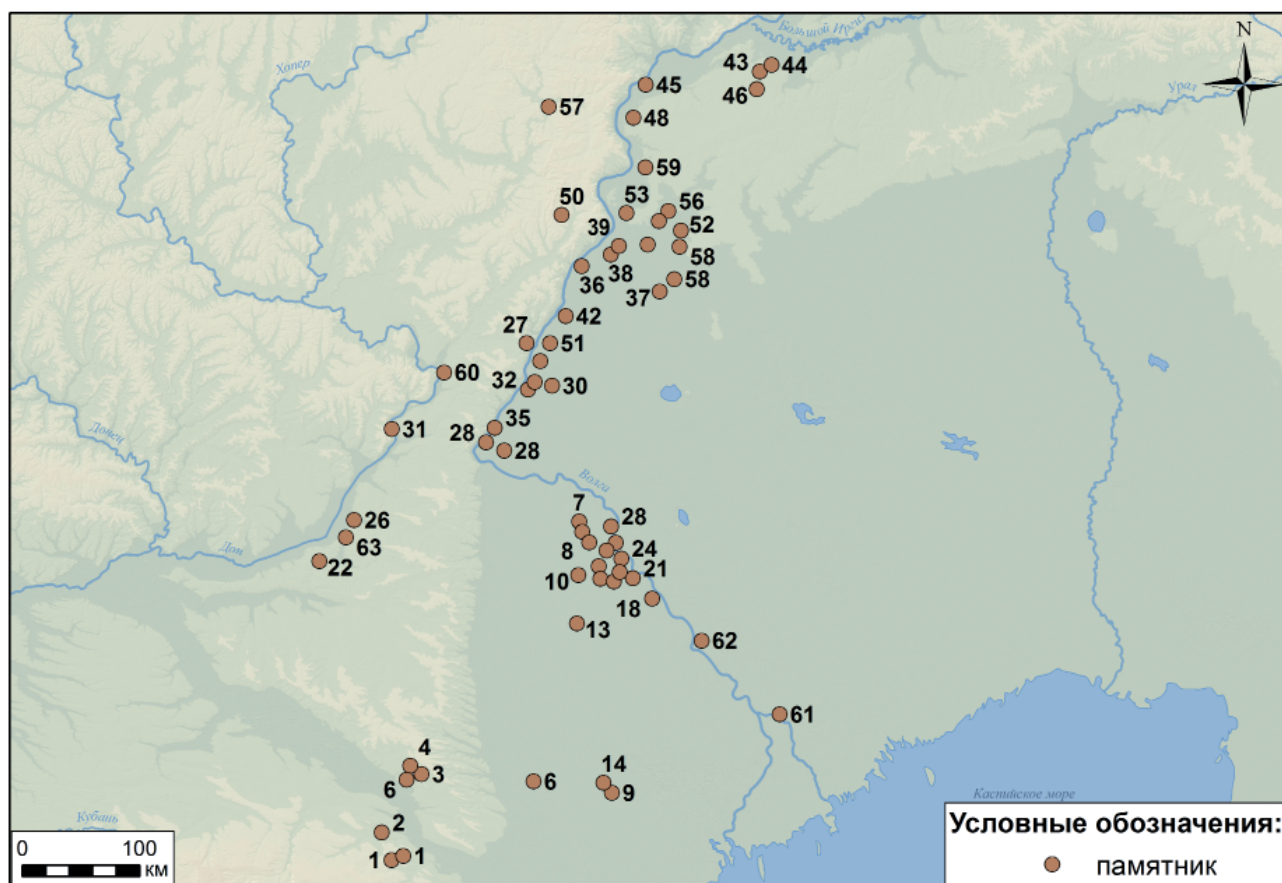

Рис. 1. Памятники скифской эпохи Нижнего Поволжья

1 – Восточный Маныч, 2 – Архаринский, 3 – Три Брата, 4 – Элистинский, 5 – Бичкин Будук, 6 – Улан Эрге, 7 – Балкин, 8 – Хохлацкий, 9 – Цаган Усн, 10 – Заханата, 11 – Гува, 12 – Купцын Толга, 13 – Эвдык, 14 – Гашунский, 15 – Ики-Зегиста, 16 – Кермен Толга, 17 – Дюкер, 18 – Никольское, 19 – Барановка, 20 – Старица, 21 – Сазонкин бугор, 22 – Верхнеяблочный, 23 – Жутово, 24 – Капитанский, 25 – Кривая Лука, 26 – Аксеновский, 27 – Горная Пролейка, 28 – Волжский, 29 – Царев, 30 – Вишневка, 31 – Ильевка, 32 – Верхнее Погромное, 33 – Ново-Никольское, 34 – Заплавное, 35 – 15-й поселок, 36 – Политотдельское, 37 – Шульц, 38 – Молчановка, 39 – Новая Молчановка, 40 – Бережновка, 41 – Калиновка, 42 – Быково, 43 – Суслы, 44 – Боаро (Бородаевка), 45 – Энгельс, 46 – Усатово, 47 – Визенмиллер (Луговое), 48 – Скатовка, 49 – Потемкино, 50 – Норка, 51 – Степан Разин, 52 – Блюменфельд (Цветочное), 53 – Иловатка, 54 – Комаровка, 55 – Фриденберг (Мирное), 56 – Харьковка, 57 – Меркель (Макаровка), 58 – Альт-Веймар (Старая Иванцовка), 59 – Зеельман (Ровное), 60 – Вертячий, 61 – Комсомольский, 62 – Аксай, 63 – Хошеутово, 64 – Адрыг

ся с савроматами Геродота и других греческих авторов. В то же время часть исследователей убедилась в правильности традиционного подхода, который был обоснован вновь проведенным анализом письменных источников и сравнительным анализом археологического материала с территории Нижнего Поволжья и Южного Приуралья.

Область расселения (рис. 1)

Памятники скифской эпохи Нижнего Поволжья распространены в степной и полупустынной части нижнего течения Волги. На правом берегу – от Каспийского моря до отрогов Ергенинской возвышенности и излучины Дона и Волги. На левобережье – от низовьев Волги до границы с лесостепью на широте современного г. Саратова. Очерченный регион укладывается в границы южной части бассейна реки Волги. Согласно географическому районированию, эти места определяются: правый

берег как Приволжье, а левый – Заволжье. Правобережье занято в основном Приволжской возвышенностью, высотой до 370 м. На левобережье – слабо возвышенная равнина, расчлененная сухими ложбинами, балками и ограниченная на востоке отрогами Общего Сырта (Мильков, Гвоздецкий, 1976, с. 263, 264).

Особенностью нижеволжских памятников является выявленная географическая приуроченность расположения памятников (Ochir-Goryaeva, 2005, р. 135–146; Очир-Горяева, 2005, с. 15–34). На левобережье памятники распределяются дисперсно, равномерно, образуя более или менее регулярную полосу вдоль течения Волги. На правом берегу памятники образуют несколько скоплений, оставляя значительные пространства почти пустыми. Одно скопление можно отметить на юге правобережья. Оно имеет вид более или менее

растянутой в широтном направлении цепочки от г. Элисты к яшкульским озерам. Другое скопление с более высокой плотностью памятников локализуется на севере Сарпинской низменности, очень близко подходя к побережью Волги. Еще одно, более слабо выраженное скопление наблюдается в месте наибольшего сближения Волги и Дона у побережья современного Цимлянского водохранилища, вдоль мелких речушек. Нетрудно заметить, что на правом берегу археологические объекты показывают строгую приуроченность – расположены кучно в определенных местах, а на остальной территории они встречаются очень редко, единичными комплексами (рис. 1). На правом берегу, на высокой нагорной стороне реки располагались места, удобные для содержания скота на подножном корму в течение всей зимы и ранней весны – бесснежные, открытые ровные пространства, окаймленные долинами мелководных степных речушек и мелких озер с густыми зарослями камыша, дающего защиту от холодных ветров скоту и топливо для кочевников. Как показал специальный анализ, скопления погребальных памятников скифской эпохи на правобережье локализируются в местах, наиболее удобных для зимовок¹, а скопление кочевнических некрополей – по берегам мелководных Яшкульских озер на юге, по течению небольших речек у излучины Дона и по ответвлениям сухих русел Волги и цепи уходящих в глубь степи, в Сарпинскую низменность, мелких степных озер. В этих же местах имелись также удобные переправы через Волгу. Весной и осенью кочевники вместе со скотом могли перебираться на левый луговой берег Волги, оставляя в сохранности траву на осенних и зимних пастбищах, и возвращаться на зимники.

Согласно описаниям карт и другим сведениям исторического времени, левый берег Волги является низкой луговой стороной реки с холмистым рельефом. В летнее время это были прекрасные пастбища, образующиеся после весеннего разлива Волги. Но в зимнее время глубина снежного

покрова в сочетании с холмистым рельефом, способствовавшим концентрации снега в низменных местах, не позволяет содержать скот на подножном корме.

На основе приведенных данных разница в географическом распространении археологических памятников скифской эпохи может быть объяснена спецификой экстенсивного скотоводства кочевников скифской эпохи. Получается, что оба берега Волги использовались ранними кочевниками скифской эпохи попеременно для сезонных миграций. При этом с максимальной выгодой учитывались географические особенности двух побережий. Скучность жизнеобеспечивающих ресурсов полупустынных степей на правом берегу, не позволявших выпасывать там скот круглый год, и высокий снежный покров степей на левом берегу Волги, препятствовавший использовать их под пастбища зимой, приводили к необходимости предпринимать сезонные меридиональные миграции в 300–700 км.

Поселения (городища, селища, стоянки)

В отличие от других регионов, в Нижнем Поволжье не исследовано до сих пор ни одного поселения или стоянки скифской эпохи. Имеются сведения о находках раннескифского и скифского времени на развеечных дюнах на юге Республики Калмыкия и Астраханской области, на Маныче, и на левом берегу Волги, основанные на разведках, проведенных в 1929–1947 гг. Они были указаны в своде памятников и в статье К.Ф. Смирнова «Производство и характер хозяйства ранних сарматов» (Смирнов, Петренко, 1963, с. 10–17; Смирнов, 1964, с. 45–63). Но в последующие годы, несмотря на масштабные раскопки ряда поселений среднего бронзового века (Малов, Филипченко, 1995, с. 52–61) и многочисленных поселений позднего бронзового века (Памятники..., 1993), ни разу не были зафиксированы слои скифского времени на левом берегу Волги. В указанных К.Ф. Смирновым местах на юге Республики Калмыкия и Астраханской области были проведенные разведки поселений в 1970-х годах (Кольцов, 1982, с. 100–107), в 1980–90-х годах (Малов, 1989; Шаральдинов, 1995), а также автором строк в 2002 и 2010 гг. (Очир-Горяева, 2003; 2011), тем не менее не удалось обнаружить ни одного местонахождения, которое можно было бы интерпретировать как поселение или стоянку скифского времени. Отдельные находки скифо-сарматской эпохи были сделаны В.И. Марковиным на территориях, граничащих с Республикой Дагестан (Марковин, 1980, с. 117, 118; 1991, с. 20–52). Похоже, что даже если поселения скифской эпохи и существовали, количество и размеры их были незначительными, соответственно они не играли существенной роли

¹ Аналогичная скученность по названным скоплениям характерна и для последующих эпох, прежде всего сарматской. Эти места маркируются наиболее богатыми «золотыми» погребениями сармат. Среди памятников первого скопления на юге республики, в районе Яшкульских озер, особо выделяется погребение воина из погребения Яшкуль, которое входит в число наиболее известных, выдающихся сарматских памятников (Очир-Горяева, Лапа, 2002, с. 200–205; Otchir-Goriaeva, 2002, p. 353–387). Известное погребение скептуха из Косики относится к продолжению описанного выше второго скопления в Сарпинской низменности (Дворниченко, Федоров-Давыдов, 1993, с. 141–174). Из описанного выше третьего скопления памятников в долине небольшой речки Есауловский Аксай происходят и знаменитый Жutowский курган, и Октябрьский-5 (Шилов, 1975; Мыськов, Кияшко, Скрипкин, 1999, с. 149–166).

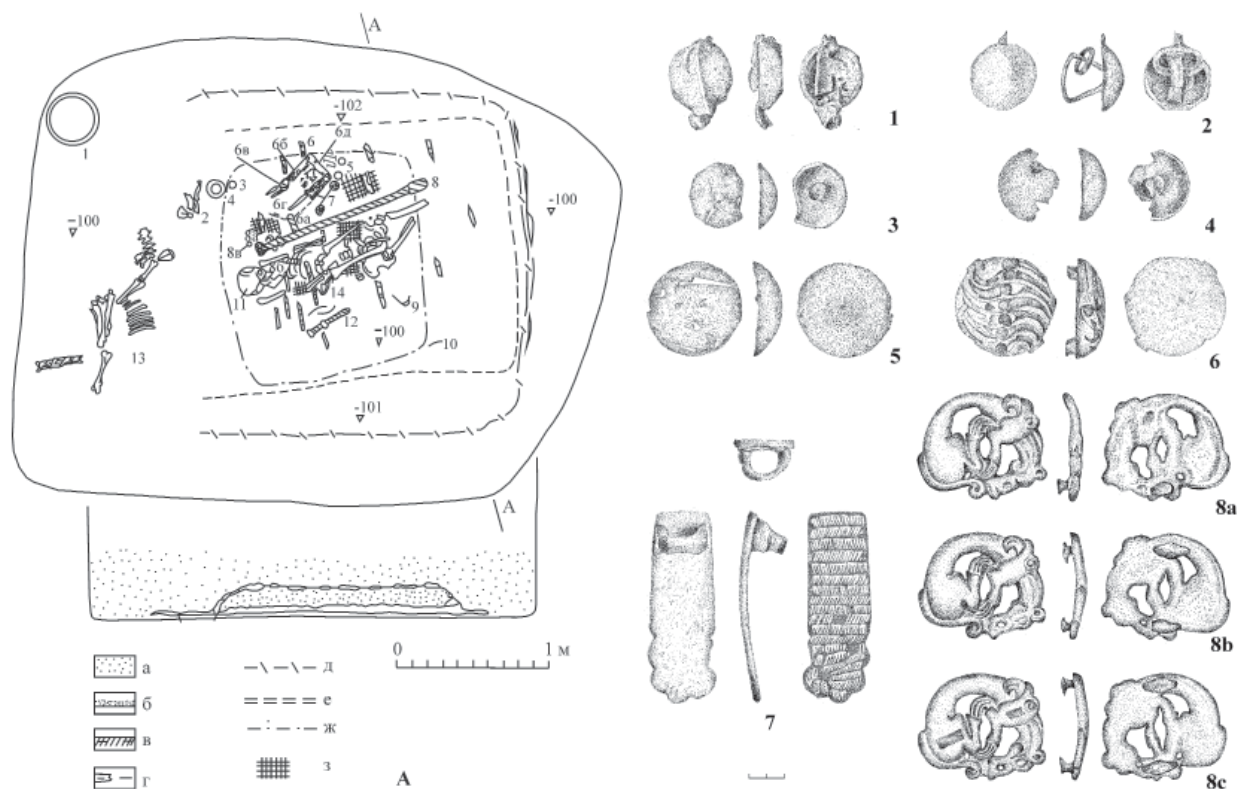

Рис. 2. Комсомольский, погребение 23 (Дворниченко, Очир-Горяева, Плахов, 1997, с. 127–141). План

в экономике племен скифского времени в Нижнем Поволжье.

Погребальный обряд

Памятники скифской эпохи степей Нижнего Поволжья были расположены в наиболее засушливой части евразийского степного пояса, поэтому заселенность региона в этот период не была столь интенсивной, как в остальных регионах, что сказалось на количестве памятников и скромных по масштабам погребальных памятниках.

В Нижнем Поволжье преобладают впускные погребения в курганы эпохи бронзы, они составляют 61,6% от общего числа. Впускных погребений в свои курганы очень мало, они составляют 4% от общего числа (Очир-Горяева, 1989, с. 35–54). Такое соотношение прослеживается во всех могильниках Нижнего Поволжья. Исключение составляют три могильника: курганный могильник у с. Усатово, Аксеновский I и Аксеновский II. В могильнике у с. Усатово из 5 погребений скифского времени 4 – основные и только одно впускное. Тем не менее получается, что в среднем только каждое третье погребение скифской эпохи в Нижнем Поволжье было основным.

Погребальный обряд населения скифской эпохи в Нижнем Поволжье не отличается большим разнообразием. В основном это захоронения в простых прямоугольных ямах (узких или широких). Преобладающее положение погребенных на

спине вытянуто (рис. 2: А; 3: А; 4: 1; 5: 1; 6: 2). Ориентировка погребенных головой в широтном направлении, в подавляющем большинстве на запад. П.Д. Рау, впервые выделяя в особую группу памятники культуры скифского времени Нижнего Поволжья, считал широтную ориентацию могил основным признаком, резко отличающим их от предшествующих погребений бронзового века и последующих сарматских меридиональных могил. Для нижневолжских погребений скифской эпохи характерны ямы прямоугольной формы с закругленными углами, с перекрытием из хвороста при редком использовании дерева. Покойники лежали в вытянутом положении на спине, головами на запад, реже на восток, часто правая рука погребенного находилась на нижней части живота. В качестве заупокойной пищи в могилы клали расчлененные и обезглавленные туши овцы, части туши лошади и коровы (Рау, 1929). Тщательному анализу был подвергнут погребальный обряд в трудах К.Ф. Смирнова и В.Г. Петренко. В них рассмотрены топография могильников и типы курганов; оборудование погребальных помещений и надмогильные сооружения; ориентировка и поза погребенных, различные формы проявления культа огня. Однако анализ погребального обряда Нижнего Поволжья и Южного Приуралья был выстроен так, что нивелировал особенности каждой группы (Смирнов, 1964, с. 75–100; Смирнов,

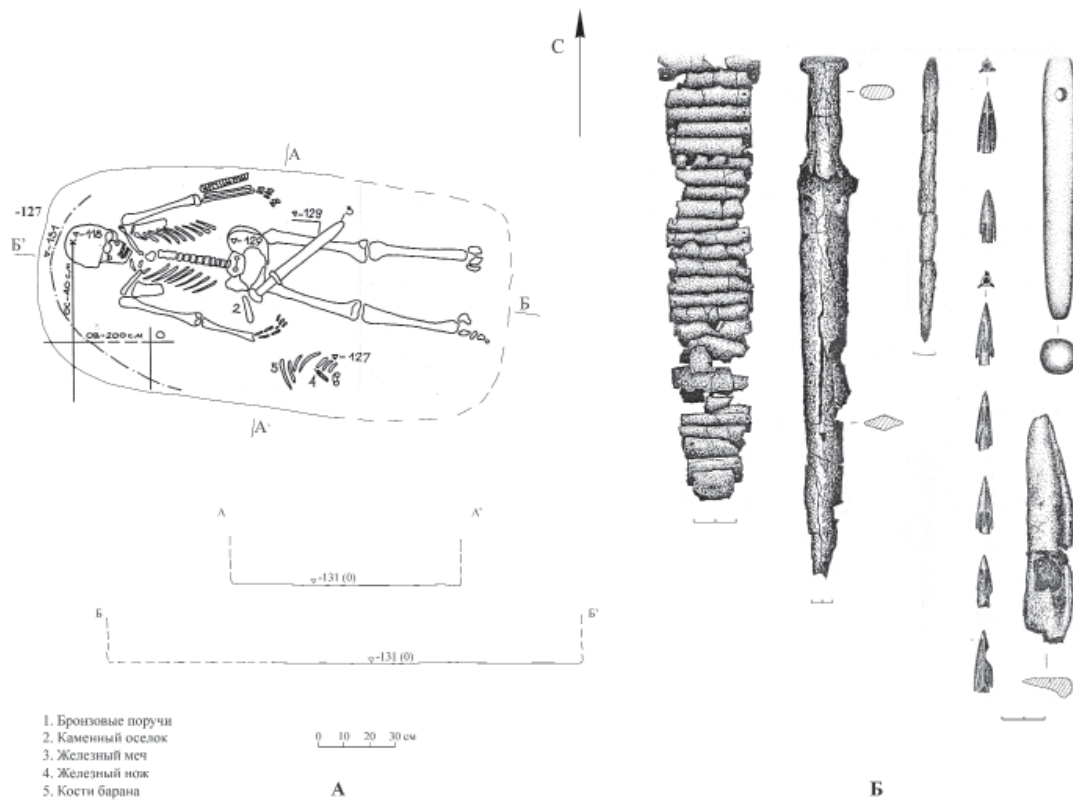

Рис. 3. Цаган Усн-VIII курган 1 погребение 8 (Очир-Горяева, 1994, с. 120–128). План

Петренко, 1963, с. 18, табл. II–VII). Анализ погребального обряда, проведенный мной, был нацелен, напротив, на выявление различий в погребальном обряде Нижнего Поволжья и Южного Приуралья (Очир-Горяева, 1988; 1989, с. 35–54). По данным всех исследований погребального обряда, тем не менее зафиксировано, что нижневолжские курганы (в случаях, когда погребение скифской эпохи было основным) содержали одно погребение и имели очень простое устройство. Высоты насыпей варьировали от 0,30 до 1,70 м². Малочисленность и простота курганных насыпей скифской эпохи не позволила использовать данные по Нижнему Поволжью для анализа планиграфии курганов.

При применении планиграфического анализа на памятниках других регионов скифского круга культур мной установлено, что в зависимости от вида ориентированности погребальных сооружений, широтной (по линии восток-запад) и меридиональной (по линии юг-север), устанавливается представление о месте расположения страны мертвых. При широтной ориентации устанавливается расположение страны мертвых в западной стороне, внизу, а при меридиональной – в северной стороне, наверху. Судя по различным деталям, можно полагать, что широтно ориенти-

рованные курганы строило то сообщество, которое ориентировалось на местности, стоя лицом на восток, а меридионально ориентированные курганы строили те, кто ориентировался, стоя лицом на юг или лицом на север (Очир-Горяева, 2012). Ориентированность погребальных сооружений носит системный характер и пронизывает погребальное сооружение от самого элементарного уровня до самого общего.

К археологическим культурам с широтной ориентацией погребальных сооружений: курганы Северного Причерноморья, сакские курганы³ и пазырыкские курганы Горного Алтая. Погребения кочевников Нижнего Поволжья обнаружили одинаковую с Северным Причерноморьем, Семиречьем и Горным Алтаем ориентировку и положение погребенных на спине, головой на запад, и одинаковое с Горным Алтаем расположение уздечных наборов с северной стороны, символизирующих захоронение коня за пределами ямы. На этом основании они были отнесены мной к археологическим культурам с широтной ориентацией погребальных сооружений (Очир-Горяева, 2012).

² Исключением был только один меморативный (без погребения) курган с каменной насыпью из могильника Горная Пролойка с насыпью высотой 2,5 м.

³ За исключением Сергеевского микрорайона, где расположен курган Байкара и подобные ему памятники. Особый характер памятников Сергеевского микрорайона и их отличие от окружающих сакских памятников многократно подчеркивала М.Х. Хабдулина (Хабдулина, 1994).

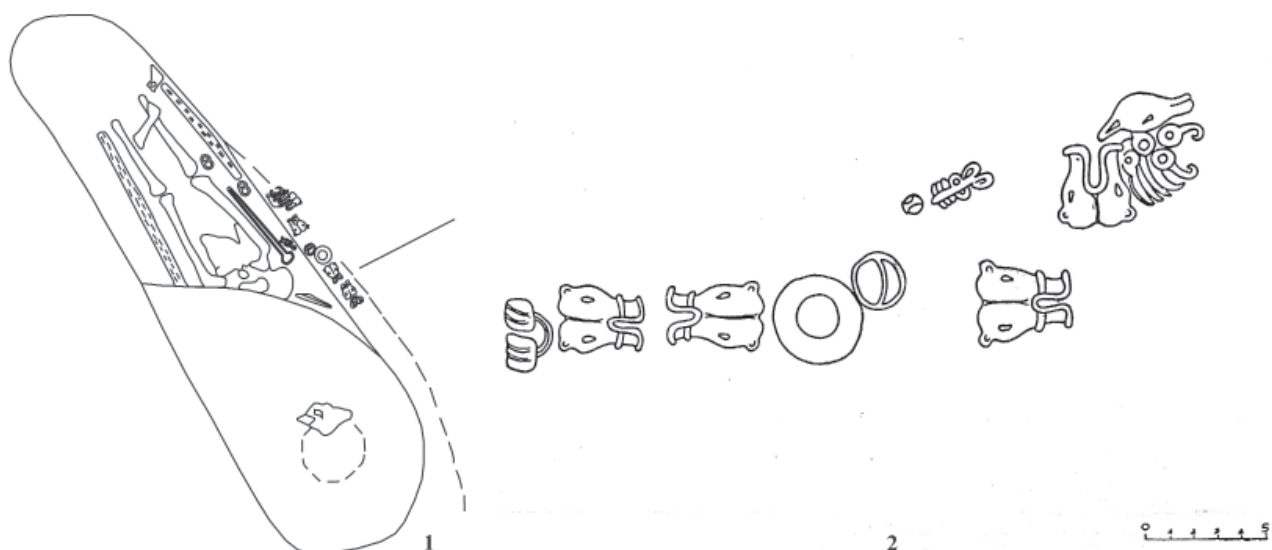

Рис. 4. Кривая Лука-III курган 5 погребение 16 (Очир-Горяева, Дворниченко, 2004, с. 169–178). План

Элитные погребения

Среди погребальных комплексов кочевников Евразии в каждом регионе особо выделяются наиболее богатые, или, как их еще определяют, «элитные» комплексы. В силу многочисленности, богатства, разнообразия погребального инвентаря и сложности могильных сооружений «элитные» комплексы играют ведущую роль в своем регионе и наиболее ярко выражают хронологические позиции и этнокультурные особенности своей группы. Погребения верховых коней и транспортные средства, наряду с трудоемкостью погребального сооружения, наличием захоронений сопровождающих лиц и количеством и качеством сопровождающего инвентаря, являются одним из основных признаков определения социального статуса погребенных (Курочкин, 1980, с. 105–117). Среди памятников скифской эпохи Нижнего Поволжья не удастся выделить ни одного погребения, которое можно было бы отнести к категории элитных. Наиболее знаменитым и богатым считается погребение А-12 могильника Блюменфельд. В обширной подквадратной яме было обнаружено погребение двух воинов с оружием и уздечными наборами (Смирнов, 1964, рис. 11а: 1). Погребения с золотыми предметами единичны. Это прежде всего нашивные бляшки из золотой фольги с изображением животного из трех женских погребений и двух случайных находок, которым автором строк была посвящена специальная статья (Очир-Горяева, 1993, с. 35–38). Бляшки эти были единственными золотыми предметами в погребении. Еще одной выдающейся золотой находкой является пара золотых серег из кургана Сазонкин Бугор (Берхин-Засецкая, Маловицкая, 1965, с. 143–153). При женском костяке найдены золо-

тые серьги в виде двух всадников на конях с колесницами и зеркало пелопонесского типа. Подобные серьги были найдены в женском погребении из Ахалгори и в погребении 6 на нижней террасе городища Вани в Грузии (Лордкипанидзе, 1977, с. 164, рис. 85–90; Очир-Горяева, 1992, с. 18, 19). В том же погребении кургана 2 Сазонкин Бугор и в кургане 3 Жутово были найдены обкладки деревянных сосудов из золотой фольги. В мужском погребении у с. Комсомольского железные уздечные бляшки и наносник были инкрустированы золотыми пластинками (рис. 2: Б). Этим исчерпывается список погребений с предметами из золота. В Нижнем Поволжье зафиксирована всего одна находка греческого импорта – это родосская расписная амфора, которая по аналогиям из Гермонассы и Ольвии датируется второй половиной VI в. до н. э. Амфора происходит из впускного погребения 3 кургана 3 у с. Аксай (Дьяченко и др., 1999, с. 108).

Инвентарь большинства нижеволжских погребений состоит из грубого лепного сосуда и железного ножа. Именно скудость инвентаря и отсутствие импорта, позволяющих выйти на абсолютные даты, были причиной установления периодизации культуры нижеволжских кочевников на основе типологии бронзовых наконечников стрел (табл. 1) (Очир-Горяева, 1996, с. 41–45; Ochir-Goryaeva, 1998, р. 129–132). Художественно оформленные предметы в скифском зверином стиле встречаются в отдельных погребениях, как правило, в виде единичных предметов, так же как и золотые предметы и украшения. Примерами могут служить погребение из группы Никольское, где была найдена костяная рукоять с изображением горного барана и кошачьего хищника, воин-

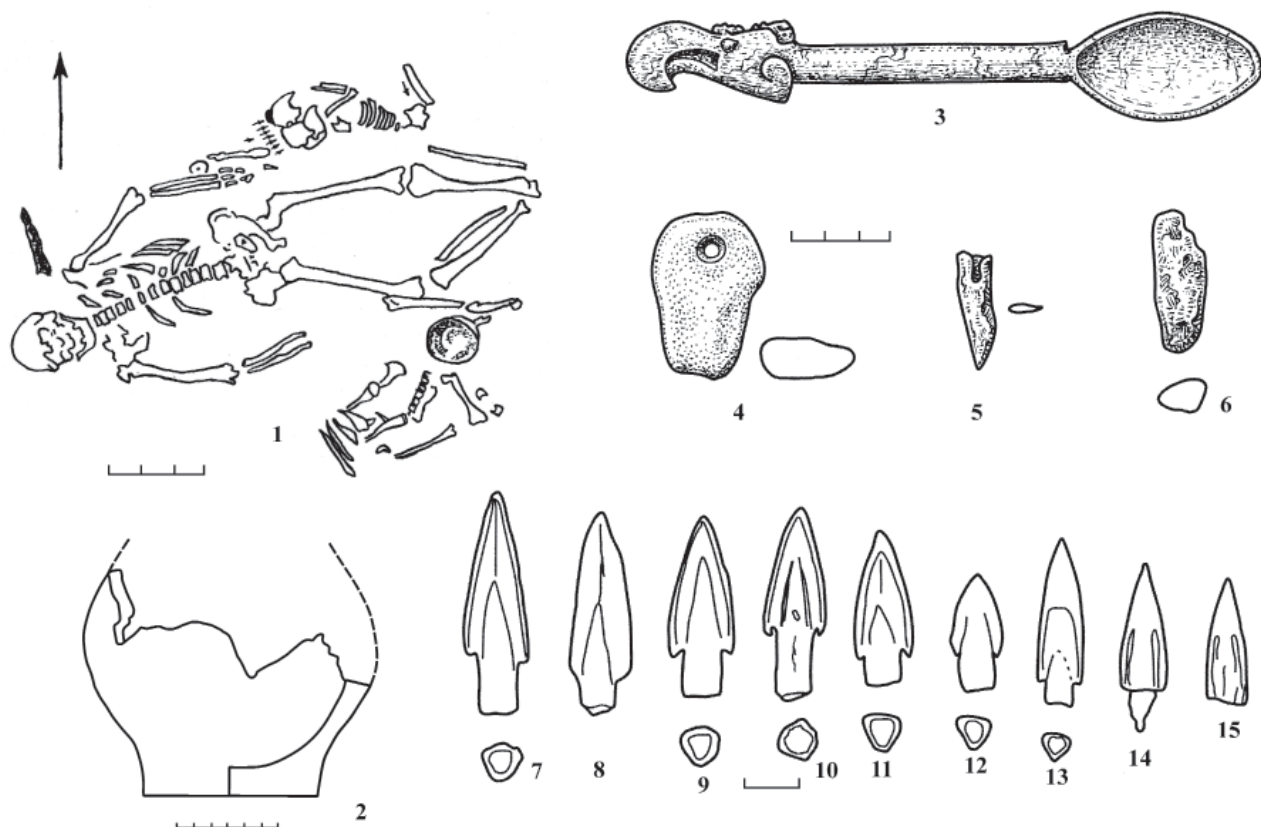

Рис. 5. Одиночный курган у с. Вишневка (Сергацков, 1983, с. 98–103). План

ское захоронение из группы Заханата с орнаментированным клыкком-подвеской к португее меча (рис. 6: 3).

Сопровождающие захоронения коней в Нижнем Поволжье неизвестны, но насчитывается 17 целых и разрушенных погребений с одним и более уздечным набором из художественной бронзы и резной кости (рис. 2: Б; 4: 2; 7: 1–3; 8: 1–4). Эти комплексы не относятся к элитным, но узда из художественной бронзы и резной кости выделяет эти комплексы из общей массы и указывает на наличие наряду с профанными (бытовыми) сакральных (церемониальных) конских уздечных наборов в обрядах и ритуалах данной этнокультурной группы.

В погребении у с. Хошеутово было обнаружено 326 предметов конского снаряжения, оформленных в пышном скифском зверином стиле (рис. 7; 8) (Очир-Горяева, Дворниченко, 1997). По стилю, сюжетам и расположению петель на обороте удалось реконструировать одиннадцать великолепных уздечных наборов (Ochir-Goryaeva, 2005). Три уздечных набора украшены бляшками с образами хищника. Псалии этих уздечек на концах имеют скульптурные головки хищников с оскаленной пастью. Бляшки следующих трех наборов украшены образами копытных – оленей, лосей и горных баранов. Псалии имеют окончания

в виде головок горного барана. Образы хищных птиц-грифонов, их массивные изогнутые клювы и пышное хвостовое оперение послужили мотивами декора еще трех уздечных наборов. Псалии этих наборов украшены копытом лошади в сочетании с головками хищных птиц. Два последних набора были декорированы бляшками простых геометрических форм – круглыми и треугольными. В наборах из Хошеутова практически все наборы имеют налобники, чаще в паре с наносниками, а также большое количество разнообразных нащечных украшений (рис. 9). Все это дает основание назвать все одиннадцать уздечных наборов из Хошеутова. церемониальными наборами, погребенными вместе с важным представителем племенного объединения, проживавшего в Нижнем Поволжье в скифское время. При этом не стоит упускать из виду, что, несмотря на то, что погребение из Хошеутова сопровождалось одиннадцатью выдающимися наборами конской узды, символизирующими захоронение одиннадцати коней, в самом погребении не был найден многочисленный инвентарь, а тем более изделия из драгоценных металлов или иные предметы роскоши. Вполне возможно, что столь скромный и отнюдь не роскошный погребальный инвентарь является еще одним свидетельством нерядового положения погребенного не в имущественном от-

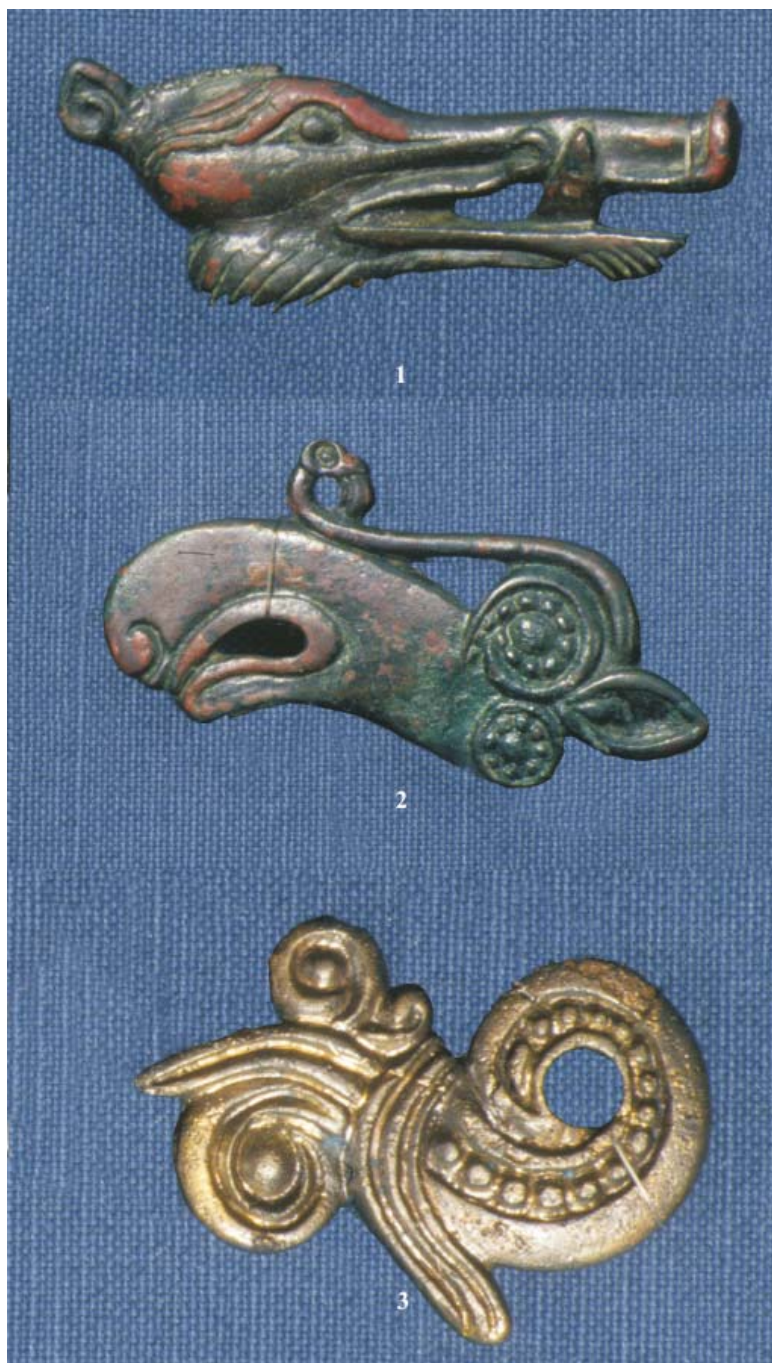

Рис. 7. Хошеутово погребение 1 (Ochir-Gorjaeva, 2005. Abb. 9, 10, 12). Фото

земный» характер, т. е. не содержит импортных предметов, так называемых хроноиндикаторов I уровня, имеющих выход на достаточно твердо фиксированные абсолютные даты. Все это чрезвычайно затрудняет хронологическое осмысление данной группы памятников и определение позиций отдельных комплексов. Неслучайно традиционно датирование нижневолжских комплексов велось по аналогии со скифскими памятниками Северного Причерноморья, опираясь на схему развития их инвентаря и даты греческого импорта. При таком подходе неизбежно теряются из вида возможные внутренние связи между самими ниж-

неволжскими комплексами. Малочисленность самих комплексов и скудость материала не оставляли исследователям другого пути.

Для получения объективных параметров была привлечена схема развития колчанных наборов (табл. 1) (Очир-Горяева, 1996). К ним был присоединен ряд комплексов по аналогии с инвентарем последних. Часть комплексов, тем не менее, осталась не включенной в эту схему.

На основе изучения колчанных наборов были выделены две хронологические группы – I и II. Выделение двух хронологических групп наконец-то подтверждается характером остальных

Рис. 8. Адрог, курган 7, погребение 2 (Буратаев, Очир-Горяева, 2015, с. 64–69). Фото

го инвентаря. Это позволило расчленить материал памятников скифского времени на два периода – ранний и поздний. И только после этого, рассматривая каждую хронологическую группу как нечто целое, мной сделана попытка каждую из них увязать с определенными датами. Возможности в этом направлении ограничиваются аналогиями из скифских комплексов, датирующихся по греческим импортным вещам, а также из твердо датированных памятников более восточных районов. При этом ведущую роль играют предметы конского снаряжения, некоторые виды оружия и вещи, оформленные в зверином стиле.

К сожалению, по остальным категориям инвентаря не удалось выявить сколько-нибудь существенных цепочек, сопоставимых со схемой развития наконечников стрел. В погребальном обряде также не прослеживаются особенности, присущие той или иной хронологической группе. Однако даже такое одноствольное расположение материала представляет интерес как для общей характеристики культуры, так и для датировки отдельных комплексов.

Ранний период (табл. 2) датируется нами концом VI – первой половиной V вв. до н. э. Поздний – второй половиной V в. до н. э. – первой четвертью IV в. до н. э. В свою очередь ранний период распадается как бы на два пласта – верхний и нижний. Нижний пласт образует инвентарь погребений с колчанными наборами, в которых представлены только массивные наконечники стрел без типа II 1б. К верхнему пласту мы относим комплексы с колчанными наборами, также входящими в 1 хронологическую группу, но уже имеющими в своем составе тип II 1б.

Несмотря на ряд особенностей колчанного набора и остального инвентаря, позволяющих рассматривать их как две следующие друг за другом во времени группы, необходимо подчеркнуть, что в целом комплексы двух пластов раннего периода достаточно близки по материалу и, вероятно, хронологически частично перекрываются.

К нижнему пласту ранней группы относятся 14 комплексов по наборам стрел и 9 комплексов по аналогии с инвентарем последних.

Особенность этой группы в некоторой неоднородности инвентаря. Наряду с предметами, распространенными в V в. до н. э., они содержат отдельные вещи более раннего времени: кубические пронизи для перекрестных ремней, подпружные желобчатые пряжки с прямоугольной или трапециевидной рамкой и неподвижным крючком-застежкой в виде конского копыта, плоские каменные блюда и др. Наиболее характерным этой группе является комплекс, состоящий из меча с брусковидным навершием и почковидным перекрестьем и клыка кабана с зооморфными изображениями (рис. 6: 1, 3). По форме меч датируется VI в. до н. э. Однако в комплексе отсутствует инвентарь, подтверждающий его датировку (Заханата, 5/22). В эту группу входит погребение, содержавшее уздечные бляхи с изображением свернувшегося в кольцо хищника (Три брата, 25/2), датирующееся по аналогии с ольвийской и басовской бляшками концом VI – первой половиной V вв. до н. э. (Засецкая, 1979). О высоком социальном статусе погребенных свидетельствует серия из пяти золотых нашивных бляшек с изображениями «скребущегося» хищника и лежащего копытного (лошади или кулана). Две из них хорошо известны в литерату-

Рис. 9. Реконструкции конской узды из могильника у с. Хошеутово, авторы реконструкции М.А. Очир-Горяева, Евгений Даль

ре. Ранее эти бляшки датировались VI в. до н. э. на основе их стилистического единства с раннеархаическими скифскими вещами типа серебряного зеркала из Келермесса. Однако три бляшки из более поздних раскопок происходят из комплексов, прочий инвентарь которых противоречит столь низкой дате. Ряд аналогий предметам, оформленным в зверином стиле, например, бляха в виде фигурки птицы с расправленным крылом и хвостом в виде многолепестковой розетки; головкам кабана и медведя дает привязки к таким скифским комплексам, как Золотой Курган, курган 400 у

с. Журовка в лесостепи, которые датируются по греческим импортам концом VI – первой половиной V вв. до н. э.

К верхнему пласту раннего периода относятся комплексы, колчаные наборы из которых составляют переходную зону между I и II хронологическими группами стрел. Кроме них, шесть погребений и набор предметов в зверином стиле из с. Новопривольного присоединены по аналогии с инвентарем названных комплексов. В этой группе погребений впервые зафиксированы наконечники копий. Они представлены экземплярами из

Блюменфельдского кургана А-12. Появляется сероглиняная, лощеная керамика северокавказского типа. Довольно многочисленны предметы конской упряжи, прежде всего это железные, двудырчатые псалии S-видной и С-видной схем, бронзовые псалии с зооморфным оформлением концов, также двудырчатые. Наиболее яркими, можно сказать, самобытными находками из этих памятников нам представляются кабаньи клыки-подвески в зверином стиле. Почти все они были украшением уздечек, за исключением одного экземпляра – из могильника у с. Калиновки.

Целый ряд погребений объединяется в единую стилистическую группу по бронзовым частям уздечных украшений. Показательны следующие предметы из этих наборов: бляшки, оформленные в виде голов хищных птиц; гладкие круглые и с рубчатым краем, усеченно-ромбические налобные пластины. Они типичны для скифских погребений во второй четверти V в. до н. э. (Алексеев, 1991). Это позволяет датировать названные ниже волжские погребения тем же временем.

Поздний период (табл. 3). К комплексам позднего периода относятся погребения, содержавшие наборы стрел II хронологической группы. К ним присоединены погребения, не содержавшие наконечников, но датирующиеся по другим категориям находок временем не ранее второй половины V в. до н. э. На этом этапе развитие идет под знаком усилившихся связей с Северным Кавказом, что выразилось в распространении привозной оттуда керамики, в формах мечей и наконечников копии. Яркой находкой, отражающей контакты с Кавказом, являются золотые серьги в виде двух всадников на конях с колесницами из кургана Сазонкин Бугор. В погребениях этого периода зафиксированы остатки оборонительных доспехов в виде чешуек от панциря и бронзового шлема с бармицей. Серия зеркал относится к типам, широко распространенным в Скифии. Зафиксированы находки деревянных чаш с золотыми обкладками, ближайšie аналогии которым известны на Нижнем Дону. Наиболее поздними являются погребения, содержавшие в своем колчанном наборе деградирующий тип II 1б. Позднее классические комплексы скифского времени в степях Нижней Волги сменяются комплексами несколько иного типа. С одной стороны, они продолжают традиции предшествующего времени, что выражается в дальнейшем измельчении наконечников стрел, в сохранении в некоторых случаях широтной ориентировки, а с другой стороны, они сочетают в себе различного вида новшества – катакомбы, южную ориентировку, керамику иного типа. Среди них имеется комплекс, дающий опорную дату. Это погребение 14 кургана 1 могильника Кривая

Лука III, в котором найдена гераклейская амфора с клеймом и чернолаковая мисочка. Дата, предложенная И.В. Яценко, не может быть принята, так как она опиралась на раннюю работу И.Б. Брашинского 1965 г. (Яценко, 1977, с. 78). По новой классификации того же И.Б. Брашинского клеймо датируется первой и началом второй четверти IV в. до н. э., что несколько расходится с хронологией Б.А. Василенко. Но в сочетании с мисочкой, датируемой по аналогии из Афинской агоры 380–350 гг. до н. э., в целом приемлема дата – вторая четверть IV в. до н. э.

Локальные варианты

Ряд исследователей пытаются вернуться к позиции Б.Н. Гракова и К.Ф. Смирнова путем утверждения, что памятники левого берега Волги действительно не могут относиться к савроматам. В то же время памятники правого берега Волги имеют больше западных аналогий и поэтому их можно наряду с нижнедонскими смело относить к савроматам (Скрипкин, 1988). Но в таком случае памятники двух берегов Волги должны демонстрировать различия, позволяющие интерпретировать их как показатели различной этнической принадлежности. Проведенное мной специальное исследование по распространению на обоих берегах типов керамики, наконечников стрел, золотых нашивных бляшек и предметов конского снаряжения выявило факты, позволяющие утверждать, что памятники обоих берегов показывают очень большую степень однородности и единства материальной культуры. Это хорошо прослеживается в распространении наиболее многочисленных типов керамики, наконечников стрел, особенностей погребального обряда и т. д. (Otchir-Goriaeva, 2001). Наиболее наглядно единство памятников обоих берегов Волги прослежено на украшениях конской узды в зверином стиле из трех комплексов Новопривольное (левобережье), Старица, к. 51, и Хошеутово (правобережье). Установленная монолитность памятников с обоих берегов Волги является твердым аргументом в пользу того, что одно и то же население оставило свои погребальные комплексы на обоих берегах Волги в скифское время. Различия выявлены только в расположении памятников – на левом берегу дисперсно, а на правом берегу в виде скоплений в определенных местах, что было, как показано выше, особенностями кочевого скотоводческого хозяйства носителей памятников Нижнего Поволжья скифской эпохи. Одно и то же население кочевало летом на левом холмистом берегу с обильной растительностью, а осенью перебиралось на правый берег р. Волги, где продуваемые ветром малоснежные просторы обеспечивали скоту подножный корм до ранней весны.

Историко-археологическая интерпретация (социальное устройство, исторические судьбы)

Памятники скифской эпохи Нижнего Поволжья расположены в одном из наиболее засушливых регионов Евразийского степного пояса. Регионы с более обильными жизнеобеспечивающими ресурсами, такие как степи Северного Причерноморья, Южного Приуралья, были заняты племенами более многочисленными и более могущественными в военном и политическом отношении. Это определило характер культуры нижеволжских кочевников, который по всем показателям указывает на скудость материальных и природных ресурсов и, как следствие, явное отставание в социально-экономическом и политическом отношении. Особенно наглядно это прослеживается при сравнении с памятниками соседнего Южного Приуралья, с которыми их объединяли в одну археологическую культуру одним этническим названием «савроматы». Как показывает вновь предпринятый анализ письменных источников (Очир-Горяева, 1989, с. 95–99), савроматы были наиболее близкими к скифам Северного Причерноморья, их ближайшими соседями и союзниками в войне с Дарием. Этот факт дает основание полагать, что уже в 514 г. до н. э. савроматы были достаточно сильны и стабильны, чтобы отважиться принять участие в крупном военном конфликте соседнего племени. Обращает на себя внимание и тот факт, что античные авторы, хорошо зная савроматов, по существу совсем не знают р. Волгу. В то время для расположенных по обеим берегам р. Волги племен Нижнего Поволжья эта крупная водная артерия, несомненно, играла жизненно важную роль.

Археологический материал позволил сделать следующие наблюдения. Общий облик памятников Нижней Волги вовсе не производит впечатления, что создателями их были те самые известные античным авторам савроматы – одно из наиболее приближенных и просто родственных скифам племен. Изучение погребального обряда и основных

категорий инвентаря позволило выявить хронологические позиции памятников нижеволжских кочевников. В степях Нижнего Поволжья памятники скифского типа вообще довольно позднее явление. Наиболее ранние погребения этой культурной группы датируются здесь самым концом VI – первой половиной IV вв. до н. э. Получается, что появление здесь памятников скифского типа и скифо-персидская война – события практически одновременные.

Не совсем понятно также то обстоятельство, что столь приближенное к скифам племя, подерживавшее с ними тесные связи, было лишено престижных импортных вещей, которыми так изобилуют памятники Северного Причерноморья. Изделия из драгоценных металлов встречаются в Нижнем Поволжье буквально единицами. В целом же характер культуры кочевников Нижнего Поволжья можно определить как провинциально скифский. Находясь на окраине Европейской Скифии, она была ориентирована на нее как на более могущественный в культурном и политическом отношении центр. Отсутствие элитных погребений, стандартность погребального обряда, сравнительная бедность и малочисленность инвентаря нижеволжских погребений может свидетельствовать о более слабом, нежели у самих скифов, социальном расслоении. Таким образом, не только территория и в какой-то степени хронология, но и сам общий облик культуры нижеволжских кочевников скифского времени не совпадает с представлениями античных авторов о савроматах. В свете изложенных фактов становится ясным, что и археологический материал подтверждает концепцию М.И. Ростовцева о локализации савроматов в Приазовье. Этническое название кочевников скифского времени из Нижнего Поволжья не попало в поле зрения Геродота и других античных авторов, так же как и кочевников других, более восточных регионов Евразийской степи.

Таблица 2

Хронологическая таблица, ранний период конец VI – первая половина V в. до н. э.
(Ochir-Goryaeva, 1998, s. 129–132)

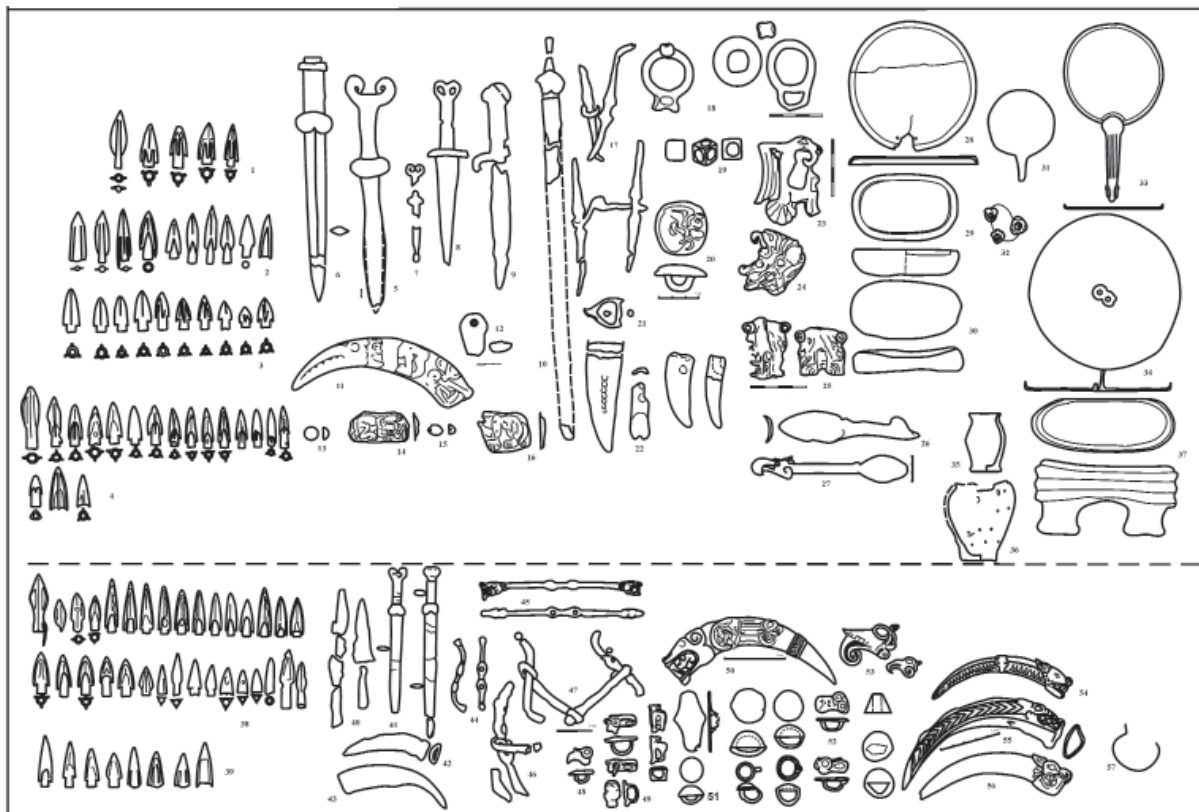
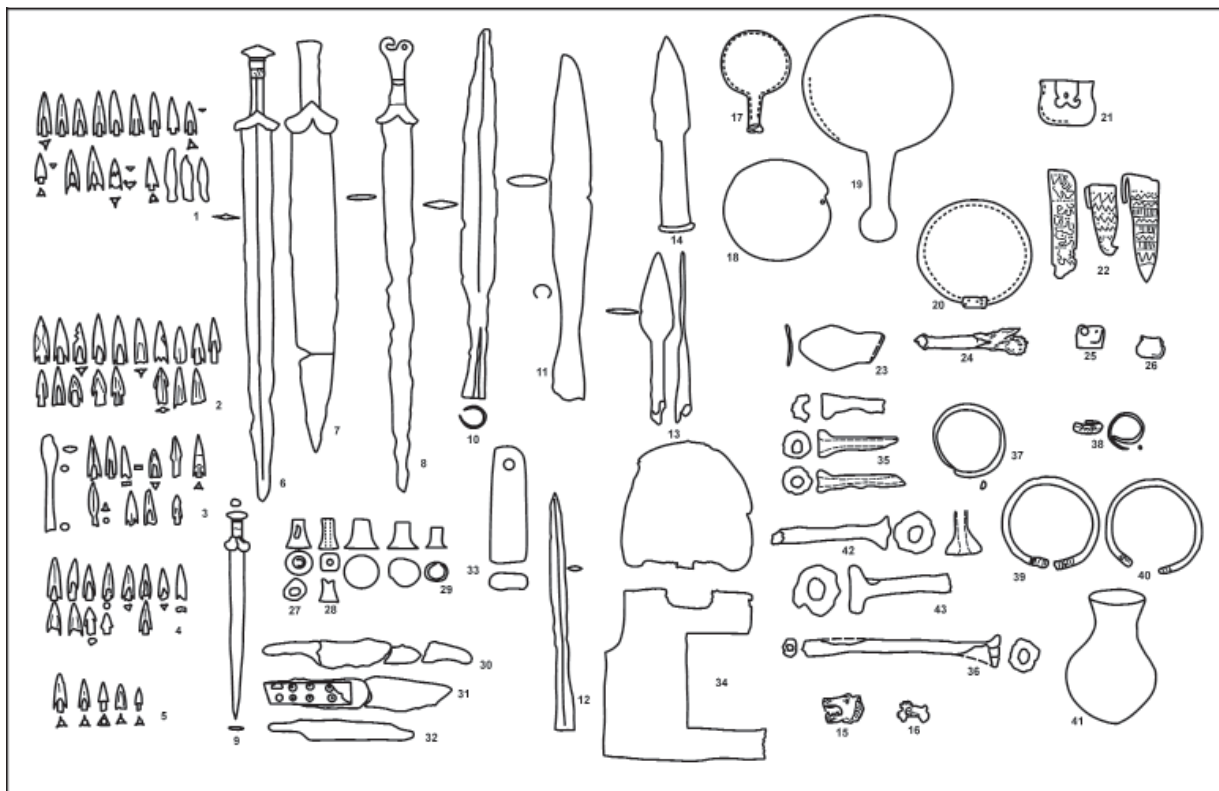

Таблица 3

Хронологическая таблица, поздний период вторая половина V – первая четверть IV в. до н. э.
(Ochir-Goryaeva, 1998, s. 129–132)

ГЛАВА 4

РАННЕСАРМАТСКАЯ (ПРОХОРОВСКАЯ) КУЛЬТУРА

История археологического изучения

Первые раскопки археологических памятников, относящихся к сарматской культуре, произведенные профессиональными исследователями, были осуществлены в конце XIX – начале XX вв. В результате полевой деятельности А.А. Спицына, В.А. Городцова, Н.И. Веселовского эти памятники были открыты в основном в южных районах России, на территории Нижнего Поволжья, Украины и Кубани.

В 20–30 гг. прошлого века постоянные археологические раскопки проводятся в Поволжье, которое оказалось весьма насыщенным памятниками сарматского времени. Главную роль в их организации играли ученые Саратова. Значительный вклад в исследование археологических памятников в данном регионе внес профессор П.С. Рыков, основатель саратовской археологической школы. Активная деятельность П.С. Рыкова и его учеников вплоть до второй половины 30-х годов способствовала интенсивному накоплению археологического материала по разным периодам сарматской истории. Важно было и то, что в результате деятельности саратовских археологов практически все районы Нижнего Поволжья: правый и левый берег Волги, междуречье Волги и Урала, Калмыкия были охвачены археологическими исследованиями (Рыков, 1936). Большой объем археологических исследований был выполнен П.Д. Рау, который за очень короткий срок, с 1925 по 1930 г., на территории бывшей Республики немцев Поволжья раскопал около двухсот курганов, содержащих преимущественно сарматские комплексы (Рау, 1927).

Активное изучение сарматских памятников в Волго-Уралье связано с именем Б.Н. Гракова, который с середины 20-х по начало 30-х гг. прошлого века осуществил раскопки ряда курганных могильников как в Поволжье, так и Южном Приуралье в окрестностях Оренбурга, в результате которых была открыта представительная группа погребальных комплексов, впоследствии отнесенных к раннесарматской культуре (Граков, 1928; Скрипкин, 2000).

В послевоенное время исследование сарматских древностей в Поволжье активизировалось

в связи со строительством Волжской ГЭС. В результате работ трех отрядов Сталинградской археологической экспедиции, возглавляемых К.Ф. Смирновым, В.П. Шиловым и И.В. Синицыным, счет открытым сарматским памятникам разных периодов пошел на сотни, значительная часть которых относилась к раннесарматскому времени (Памятники..., 1959; Древности..., 1960). С 1956 г. большой объем археологических исследований выполняла Оренбургская экспедиция Института археологии АН СССР под руководством К.Ф. Смирнова, сосредоточив свое внимание на раскопки древних курганов в бассейне Илека, левого притока Урала. В результате здесь в таких могильниках, как «Близнецы», Увакский, Мечетсайский, была выявлена большая группа погребений, относящихся к раннесарматскому времени (Смирнов, 1975; Моргунова, 2001, с. 8, 9).

Значительный вклад в проблему выявления памятников раннесарматского времени и изучения их культуры внесли башкирские исследователи. Большое значение имели раскопки курганного могильника у д. Старые Киишки, произведенные экспедицией Института истории, языка и литературы Башкирского филиала АН СССР под руководством М.Х. Садыковой в 1957, 1958 и 1960 гг. В семи раскопанных курганах в общей сложности было выявлено 124 погребения, в подавляющем своем большинстве относящихся к раннесарматской культуре (Садыкова, 1962, с. 242–273; Садыкова, Васильев, 2001, с. 55–80). Вплоть до настоящего времени это один из крупнейших курганных могильников по количеству обнаруженных в нем раннесарматских погребений.

Среди других исследователей Башкирии следует отметить активные раскопки, производившиеся экспедициями под руководством А.Х. Пшеничнюка, в результате которых в ряде курганных могильников, среди которых особенно следует выделить Бишунгарово, была выявлена представительная группа раннесарматских погребений (Пшеничнюк, 1983).

В Поволжье существенное увеличение памятников раннесарматской культуры связано с деятельностью Астраханской археологической экспедиции, организованной Ленинградским от-

Рис. 1. Раннесарматские памятники Урало-Поволжья

- 1 – Солнце III; 2 – Аландский II; 3 – Новый Кумак; 4 – Бурактал; 5 – Шиликтасый; 6 – Матвеевский; 7 – Жанаба 3; 8 – Уркач; 9 – Уметбаево; 10 – Переволочаны; 11 – Орск; 12 – Урал-сай; 13–15 – Акжар I-III; 16 – Болгарка I; 17 – Целинный; 18 – Близнецы; 19 – Увак; 20 – Мечет-сай; 21 – Филипповка; 22 – Чкаловский; 23 – Кардаилово; 24 – Черная II; 25 – Горбатый Мост; 26 – Башкирское стойло; 27 – Алебастровая гора; 28 – Пятилетка; 29 – Ново-Мурапталово; 30 – Якупово; 31 – Прохоровка; 32 – Старые Кишки; 33 – Веселый; 34 – Бишунгарово; 35 – Ильгуганово; 36 – Красные пески; 37 – Гвардейцы; 38 – Красноармейский; 39 – Липовка; 40 – Виловатое; 41 – Утевка; 42 – Новопавловка; 43 – Нижне-Озерное; 44 – Жарсуат; 45 – Барбастау; 46 – Покровка; 47 – Лебедев-ка; 48 – Челкар; 49 – Базар-Тюбе; 50 – Мамбет-алы; 51 – Тамбовка; 52 – Любимовка; 53 – Деркул; 54 – Новенький; 55 – Володарка; 56 – Вишневая Балка; 57 – Кушум I; 58 – Калмыково; 59 – Максютово; 60 – Осиновый Гай; 61 – Козловка; 62 – Алексашино; 63 – Питерка; 64 – Новоузенск; 65 – Курпе-Бай; 66 – Джангала; 67 – Кос-Оба; 68 – Карасу; 69 – Кара-Оба; 70 – Бородаевка; 71 – Яблоновка; 72 – Крутоярровка; 73 – Скатовка; 74 – Тонкошуровка; 75 – Краснополье; 76 – Макаровка; 77 – Усатово; 78 – Харьковка; 79 – Ровное; 80 – Черебаево; 81 – Белокаменка; 82 – Лятошинка; 83 – Альт-Веймар; 84 – Шульц; 85 – Торгун; 86 – Бережновка; 87 – Политотдельское; 88 – Рыбный; 89 – Совхоз Волжский; 90 – Быково; 91 – Красноселец; 92 – Могута; 93 – Верхний Балыклей; 94 – Торгунское; 95 – Новоникольское; 96 – Калиновка; 97 – Волжский; 98 – Эльтон; 99 – Венгеловка; 100 – Красная деревня; 101 – Сайхин; 102 – Средняя Ахтуба; 103 – Кияковка; 104–110 – Заплавное, 15 поселок, Бахтияровка, Солодовка, Царев курган, Журов курган, Колобовка; 111 – Дмитриевка; 112 – Батаевка; 113 – Успенка; 114 – Степная IV; 115 – Лебязье; 116 – Норка; 117 – Барановка; 118 – Петрунино; 119 – Красная Котлубань; 120 – Большая Ивановка; 121 – Петропавловка; 122 – Бердия; 123 – Желтухин; 124 – Авиловский II; 125 – Писаревка; 126 – Амелин I; 127 – Сидоры; 128 – хут. Короли; 129 – Антиповка; 130 – Левая Россошь; 131 – Левашовка; 132 – Ерзовка; 133 – Варламов; 134–142 – Котлубань, Ежовка, Россошинский, Новый Рогачик, Вертячий, Мариновка, Ильевка, Колпачки, Ляпичев; 143 – Первомайский; 144 – Верхний Рубежный; 145 – Шебалино; 146 – Спорный; 147–149 – Сарепта, Химкомбинат, Зakanальный; 150 – Старица; 151 – Кривая Лука; 152 – Черный Яр; 153 – Капитанский бугор; 154 – Сазонкин бугор; 155 – Соленое займище; 156 – Никольское; 157 – Заханта; 158 – Эвдык; 159 – Косика; 160–167 – Верхнеяблочный, Заливский, Чиков, Антонов, Генеральский, Жутово, Терновский, Нагавская; 168–174 – Попов, Столетовский, Романовский, Ясырев, Дубовской, Морозов, Подгорненский; 175 – Ажинов; 176 – Балабинский; 177 – хут. Веселый; 178 – Усман; 179 – Тузлуки; 180 – Алитуб; 181 – Койсуг; 182 – Койсуг «Три брата»; 183 – Высочино; 184 – Кулешовка; 185 – Ново-Александровка; 186 – Бичкин-Булак; 187 – Архара; 188 – Восточный Маныч; 189 – Чограй; 190 – Сазды

делением Института археологии АН СССР под руководством В.П. Шилова. Этой экспедицией был раскопан ряд крупных курганных могильников на территории Волгоградской, Астраханской

областей и Калмыкии, в которых были открыты достаточно представительные погребальные комплексы раннесарматской культуры (Скрипкин, 2009, с. 20).

Начиная с 70-х годов прошлого века и в последующее время широкие археологические раскопки производились в Поволжье, начиная от Самары и вплоть до Астрахани. Эта археологическая активность была обусловлена государственным решением строительства целого ряда оросительных систем в обширном Поволжском регионе, что создавало угрозу сохранности памятников археологии. В этих исследованиях активное участие приняли местные высшие учебные заведения, университеты и педагогические институты, в структуре которых имелись исторические факультеты, при которых были созданы археологические лаборатории. Раскопки, производимые сотрудниками этих лабораторий, существенно пополнили источниковую базу по истории и культуре сарматов, в том числе и раннего периода.

В эти же годы проводятся раскопки на территории Самарской области. Раскопки здесь производились местными археологами И.Б. Васильевым, В.А. Скорбобенко, В.Н. Мышкиным. Раннесарматские погребения были обнаружены в курганных могильниках Утевка, Гвардейцы, Красные Пески, Виловатовский и ряде других (Мышкин, Скарбобенко, 2000, с. 20–27).

В Нижнем Поволжье активные археологические раскопки проводились сотрудниками волгоградских вузов. Экспедициями под руководством В.И. Мамонтова, А.С. Скрипкина, И.В. Сергацкова, В.М. Клепикова в волгоградском Заволжье и междуречье Волги и Дона был исследован ряд крупных курганных могильников, содержащих погребения раннесарматского времени (Мамонтов, Скрипкин, 2013, с. 11–24).

В Южном Приуралье археологические исследования проводит экспедиция Оренбургского государственного педагогического университета, многие годы возглавляемая Н.Л. Моргуновой. В целом ряде курганных могильников экспедицией были открыты погребения разных периодов раннесарматской культуры (Моргунова, 1997, с. 8–43; Моргунова и др., 2003).

Особенно следует отметить раскопки курганных могильников у с. Лебедевка в Уральской области Казахстана, которые производились сотрудниками Уральского педагогического института и Института археологии АН СССР в период с 1969 по 1981 гг. с существенными перерывами. В этих могильниках была выявлена серия достаточно выразительных комплексов раннесарматской культуры (Железчиков и др., 2006).

Важными для изучения раннесарматской проблематики были раскопки курганного могильника в Южном Приуралье у д. Филипповка, принадлежащего кочевнической элите, и исследование эпонимного для раннесарматской куль-

туры курганного могильника у д. Прохоровка, подвергшихся раскопкам местного населения еще в начале XX в. (Яблонский, 2010; 2013; Пшеничнюк, 2012).

Выше перечислены наиболее важные археологические исследования, внесшие существенный вклад в пополнение источниковой базы по изучению раннесарматской культуры, хотя ежегодно работающих экспедиций в Волго-Уралье было значительно больше, которыми также открыты погребальные памятники, относящиеся к раннесарматской культуре. На конец прошлого века количество исследованных раннесарматских погребальных комплексов в пределах Поволжья и Южного Урала составляло более 1200 (Железчиков, 1997, с. 51–74, Скрипкин, 1997, с. 137–178), в настоящее время их известно значительно больше (рис. 1).

Происхождение сарматов и первые упоминания о них по данным письменных источников

История сарматов в основном изучается по данным письменных и археологических источников, в последнее время при изучении этой темы все чаще привлекаются антропологические материалы.

Под письменными источниками мы имеем в виду разную сохранность сочинения античных авторов. Античная письменная традиция отождествляла сарматов с их предшественниками савроматами. Достаточно определенно эта версия изложена Плинием Старшим (23/24–79 гг.). Он отмечал, что сарматы живут у Танаиса, своим происхождением они связаны с мидянами. Следует напомнить, что ранее Диодор Сицилийский писал о переселении савроматов скифами из Мидии на Танаис. Сарматы по Плинию разделялись на многие племена. Повествуя о расселении племен, обитавших от Истра вдоль северо-западного побережья Черного моря, он упоминает сарматов, которые по-гречески называются савроматами (Плиний, IV, 80). Таким образом, Плиний сарматов и савроматов считал одним и тем же народом, только, по его мнению, в греческой письменной традиции они именовались савроматами, а в римской – сарматами.

Дискуссионным является вопрос о времени появления таких названий, как «сарматы» или «Сарматия». Ранее высказывалось мнение, что хороним «Сарматия» впервые начинает фиксироваться с IV в. до н. э. А.Д. Мачинский считал, что впервые название «Сарматия» появилось в сочинениях Гераклида Понтийского (390–310 гг. до н. э.). Однако подлинный текст Гераклида не сохранился. Об этом, ссылаясь на Каллимаха (310–235 гг. до н. э.), сообщал Антигон Каристский, живший в III в. до н. э. Он отмечал, что Каллимах свиде-

тельствовал о том, что у Гераклида упоминается озеро с дурным запахом, находящееся в Сарматии, которое не может перелететь ни одна птица. Это озеро Д.А. Мачинский отождествлял с Сивашом (Мачинский, 1971, с. 45, 46).

К рубежу IV–III вв. до н. э. или началу III в. до н. э. относится сообщение Теофраста о животном таранде, способном менять цвет, которое, «как говорят, водится в Скифии или Сарматии...» (Теофраст, фр. 172). Конкретной локализации Сарматии Теофраст не дает. Из контекста следует, что эта область должна располагаться рядом со Скифией, надо полагать, к востоку от нее. Однако, как в случае с Гераклидом и его информаторами, так и Теофрастом, сообщения в их сочинениях о Сарматии подвергались сомнению, полагалось, что это более поздняя вставка, внесенная переписчиками (Тохтасьев, 2005, с. 292, 293).

Из ранних упоминаний о сарматах следует считать информацию, которая относится к самому концу III в. до н. э., содержащуюся в перипле Псевдо-Скимна и переданную по Деметрию Каллатийскому. Он сообщает: «На Танаисе, который служит границей Азии, разделяя материк на две части, первыми живут сарматы, занимая пространство в 2000 стадий» (Псевдо-Скимн, 874–885).

Интересные сведения по рассматриваемому вопросу дает эпиграфический материал. В конце прошлого века Ю.Г. Виноградовым была предпринята попытка нового прочтения эллинистического декрета «о несении Диониса», обнаруженного в 1906 г. в Херсонесе и датированного В.В. Латышевым III в. до н. э. Из варианта перевода декрета, принадлежащего Ю.Г. Виноградову, следует, что сарматы обитали в непосредственной близости от Крыма. Ю.Г. Виноградов уточнил время его создания. Он называет широкую дату декрета – в пределах первой четверти III в. до н. э., и более узкую – 280 г. до н. э. (Виноградов, 1997, с. 107–124). Если вариант прочтения данного декрета Ю.Г. Виноградовым верен, то тогда следует, что сарматы уже в первой половине III в. до н. э. были известны населению античных городов, по крайней мере, северо-восточного Причерноморья, и Крым был в зоне их досягаемости.

О том, что сарматы в III в. до н. э. обладали значительным военным потенциалом, свидетельствует сообщение Диодора Сицилийского об опустошении сарматами Скифии. Повествуя о переселении скифами савроматов из Мидии на Танаис, Диодор отмечал, что «эти последние много лет спустя, сделавшись сильнее, опустошили значительную часть Скифии и, поголовно истребляя побежденных, превратили большую часть страны в пустыню» (Диодор, II, 43). В тексте Диодора виновниками этого события называются савро-

маты, но савроматы к тому времени уже сошли с исторической арены. Специалисты видят в этом сюжете отождествление сарматов с савроматами, что было характерным для времени, когда Диодор создавал свой труд (Тохтасьев, 2005, с. 296).

Имеют отношение к рассматриваемой проблеме и лаконичные упоминания, относящиеся к IV в. до н. э., о сирматах, обитавших у Танаиса (Эвдокс, кн. 1; Скилак, 68). Существует мнение о том, что сообщение о сирматах у Эвдокса может быть датировано первой половиной IV в. до н. э. (Мачинский, 1972, с. 44).

Раннее упоминание сарматов в письменных источниках неоднократно подвергалось сомнению отдельными специалистами в области археологии, которые полагали, что на исторической арене они могли появиться не ранее II в. до н. э. (Полин, 1992, с. 120–123; Симоненко, 2018, с. 28–49). Однако, что касается анализа и трактовки письменных источников, то приоритет следует отдать специалистам по классической лингвистике, а они, кстати, не исключают в отдельных названных выше документах упоминание сарматов, по крайней мере, с III в. до н. э. (Виноградов, 1997, с. 104–124; Тохтасьев, 2005, с. 291–306).

Формирование раннесарматской культуры по данным археологических источников

История начала выделения раннесарматской культуры связана с самовольными раскопками местными крестьянами курганов в 1911 г. у с. Прохоровка в Оренбургской губернии. При посредстве известного ученого М.И. Ростовцева несколькими годами позже исследование на этих курганах провел С.И. Руденко. Материалы раскопок были опубликованы М.И. Ростовцевым, который тщательно проанализировал находки из этих курганов. Он обосновал принадлежность погребений из этих курганов сарматам и датировал их III–II вв. до н. э., отмечая в их культурном укладе мощное влияние иранских традиций (Ростовцев, 1918, с. 79, 80).

Археологические раскопки 20–30-х гг. прошлого века, произведенные в Поволжье П.Д. Рау, П.С. Рыковым, в Южном Приуралье Б.Н. Граковым, привели к увеличению открытых сарматских памятников, что дало возможность приступить к разработке их общей периодизации. Во второй половине 40-х годов появляются работы, в которых обосновываются периодизационные схемы развития сарматской культуры с выделением ее раннего этапа. К.Ф. Смирнов выделял раннесарматскую стадию, датировав ее IV–II вв. до н. э. (Смирнов, 1947, с. 75). Б.Н. Граков раннесарматские памятники относил к II ступени, общей периодизации памятников савромато-сарматского времени, дав им наименование савромато-сарматская, или про-

хоровская, культура, датировав ее также IV–II вв. до н. э. (Граков, 1947, с. 104, 112–119).

Особо важной для дальнейшего развития сарматской археологии имела названная выше статья Б.Н. Гракова, четко обоснованная в ней четырехчленная периодизация памятников савромато-сарматского времени сохраняет свою актуальность вплоть до настоящего времени. В этой работе получила обоснование преемственность савроматской и прохоровской культур, что нашло отражение в одном из названий последней – савромато-сарматская культура. Генетическая связь сарматов с савроматами, по мнению Б.Н. Гракова, подтверждалась сохранением высокого статуса их женщин, что находило отражение в погребальном обряде и являлось продолжением савроматских традиций. В доказательство он приводит ряд раннесарматских женских погребений, происходящих в основном из районов Южного Приуралья, с оружием, представленным наконечниками стрел, что, по мнению Б.Н. Гракова, могло свидетельствовать о причастности женщин к военным акциям. В рассматриваемой статье приведено лаконичное описание погребального обряда и основных категорий вещевого материала прохоровской культуры. Для ее погребального обряда характерным было наличие длинных широких ям, перекрытых бревнами или жердями, реже ям с заплечиками или ям катакомбной конструкции. Ориентировка погребенных головой к югу. Нахождение костей овцы или частей коня, коровы. Из вещей: мечи и кинжалы с серповидным навершием; втульчатые бронзовые и железные наконечники стрел; бронзовые зеркала с валиком по краю диска; общее сокращение находок вещей, выполненных в зверином стиле; различные формы плоскодонной и круглодонной керамики. После выхода названной статьи Б.Н. Гракова термин «прохоровская культура» широко стал использоваться в археологическом лексиконе.

В дальнейшем значительный вклад в разработку проблемы происхождения раннесарматской культуры внес К.Ф. Смирнов. Длительные археологические раскопки, проводимые им в Южном Приуралье, в значительной мере увеличили количество исследованных памятников раннесарматского времени. Используя весь накопленный материал, он разработал концепцию, по которой ведущая роль в становлении первой сарматской культуры – прохоровской отводилась Южному Приуралью (Смирнов, 1964, с. 286–290; 1971, с. 69–76; 1977, с. 129–137).

К началу IV в. до н. э., по мнению К.Ф. Смирнова, нарушается стабильное сосуществование двух племенных объединений единой савроматской культуры, одно из которых занимало волго-

донские, а другое – южно-уральские степи. Происходит формирование новых племенных союзов. Эти события совпадают со становлением в Южном Приуралье прохоровской культуры и началом ее распространения на запад, в сторону Волги и Дона.

К.Ф. Смирнов считал, что в Южном Приуралье прохоровская культура складывается в начале IV в. до н. э. на многокомпонентной основе. Она была генетически связана с предшествующим населением самаро-уральского варианта савроматской культуры, кроме того, в ее формировании приняло участие население Зауралья, Казахстана и, возможно, Приаралья. Наличие зауральского этнического компонента в формировании прохоровской культуры объяснялось появлением в южно-уральских погребениях круглодонной керамики с примесью талька в тесте. Аналогичная керамика была известна в памятниках V–IV вв. до н. э. Южного Зауралья и Казахстана. Распространение подбойно-катакомбных погребальных ям в Южном Приуралье в раннесарматское время К.Ф. Смирнов связывал с влиянием населения северных районов Казахстана, где такие конструкции были известны с V в. до н. э. Основываясь на археологическом и антропологическом материале, он не исключал связь южно-уральского населения рассматриваемого времени с населением Приаралья. Ведущую роль в становлении прохоровской культуры, по мнению К.Ф. Смирнова, сыграли могущественные роды кочевников, обитавших в бассейне реки Илек, левого притока Урала, где уже в V в. до н. э. появляются подбойно-катакомбные ямы с южной ориентировкой погребенных, получившие широкое распространение в раннесарматское время.

Распространение раннесарматской культуры в Поволжье К.Ф. Смирнов связывал с проникновением сюда в IV в. до н. э. носителей раннесарматской культуры из Южного Приуралья, что привело к распаду савроматского племенного объединения. В течение какого-то времени здесь продолжают еще в определенной мере сохраняться традиции савроматской культуры. Со второй половины IV–III в. до н. э. прохоровская культура становится общей для кочевников Волго-Уралья. Вновь появившиеся сарматские группировки были неоднородными в антропологическом отношении, они были связаны с савроматским населением Поволжья, кочевниками Южного Приуралья и Казахстана.

Проблеме происхождения раннесарматской (прохоровской) культуры было посвящено специальное монографическое исследование М.Г. Мошковой, в котором изложены идеи, близкие концепции К.Ф. Смирнова, только с большей

их конкретизацией и отдельными уточнениями (Мошкова, 1974). Она также считала, что первоначальным районом формирования раннесарматской культуры было Южное Приуралье. Здесь впервые начинают фиксироваться основные признаки этой культуры: распространение южной ориентировки погребенных; увеличение узких прямоугольных, подбойных, ям с заплечиками; наличие мела и белой глины в погребениях; в качестве напутственной пищи обычно помещение ноги овцы с лопаткой. Существенные изменения происходят в вещевом материале. В значительной мере меняется керамический комплекс. Возрастает разнообразие типов керамики, особо выделяются сосуды, украшенные по плечикам орнаментом, с примесью талька в тесте. Распространяются новые типы клинкового оружия. Мечи со сломанным под углом перекрестием, характерные для переходного периода, выходят из употребления и замещаются мечами и кинжалами с серповидным навершием и прямым перекрестием. Появляются бронзовые зеркала с валиком по краю диска и штырем для оформления ручки. В формировании раннесарматской культуры, по М.Г. Мошковой, существенное значение имели внешние влияния. Появление круглодонной керамики с тальком в сарматских памятниках IV в. до н. э. она связывала с влиянием традиций лесостепного населения Зауралья, оставившего памятники воробьевской, иткульской и гороховской культур. Поскольку новые типы керамики в Южном Приуралье распространяются с новой технологией ее изготовления, она допускала частичное переселение в этот район из Зауралья населения гороховской культуры. Дромосные ямы, известные ранее в Южном Приуралье и сохранившиеся в раннесарматское время, могли появиться здесь под влиянием приаральских саков. Отметив целый ряд параллелей в культурах Южного Приуралья, Казахстана и Приаралья, М.Г. Мошкова допускала возможность участия отдельных групп населения этих районов в формировании прохоровской культуры.

В 80-е годы прошедшего века рядом авторов было высказано мнение о том, что отдельные признаки раннесарматской культуры появляются в Зауралье начиная с VI в. до н. э., А.Х. Пшеничнюк полагал, что такие признаки раннесарматской культуры, как южная ориентировка погребенных, подбойные ямы, круглодонная керамика с тальком появляются в зауральских районах Башкирии уже с конца VI–V в. до н. э. Этот факт он объяснял проникновением кочевого населения на территорию лесостепных районов, занятых оседлым населением, что привело к смешению традиций и формированию новых признаков культуры (Пшеничнюк, 1983, с. 76–86, 128). В Южном Зауралье

такие элементы обряда, как южная ориентировка погребенных, наличие дромосных, подбойных и катакомбных ям, появляются со второй половины VI в. до н. э., являются своеобразными маркерами, определяющими элитарный статус военно-жреческой знати нового общества. В V – начале IV в. до н. э. на территорию Зауральской степи из лесостепи проникают племена гороховской культуры, принесшие с собой так называемую тальковую керамику. В дальнейшем престижные черты погребального обряда начинают восприниматься рядовым населением, что и знаменует собой завершение формирования новой культуры, получившей название прохоровской (Таиров, Гаврилюк, 1988, с. 141–152).

Практически всеми исследователями признается многокомпонентная основа формирования раннесарматской культуры. Общепризнанно мнение о влиянии местного и лесостепного зауральского этнического компонентов в сложении раннесарматской культуры, не исключается участие в этом процессе и сакского населения Приаралья. По крайней мере, эти версии в большей мере соответствуют данным археологии и антропологии (Яблонский, 2017, с. 248). Что касается других мнений об участниках этого процесса, например, северопричерноморских скифов или кочевников, мигрировавших от северо-западных границ Китая, то они требуют дальнейшего изучения.

Существенное значение для решения проблемы происхождения раннесарматской культуры имели раскопки Филипповских I и II курганных могильников А.Х. Пшеничнюком и Л.Т. Яблонским и исследование Прохоровских курганов Л.Т. Яблонским. Было выявлено, что в филипповских курганах и других памятниках V–IV вв. до н. э. Южного Приуралья, представленных рядом элитных захоронений, в погребальном обряде и материальной культуре присутствуют те элементы, которые фиксируются в погребальных комплексах прохоровских курганов IV–III вв. до н. э. Таким образом, находит подтверждение тезис о том, что признаки прохоровской культуры первоначально начинают формироваться в погребальной практике элиты кочевого общества Южного Приуралья, которые затем распространяются на остальную часть населения данного кочевого общества (Яблонский, 2011, с. 234–240).

Проблемы периодизации раннесарматской культуры

Первая датировка памятников, которые мы теперь относим к раннесарматской культуре, была предложена М.И. Ростовцевым по результатам раскопок Прохоровских курганов крестьянами в 1911 г. и исследования их С.И. Руденко в 1916 г. В его распоряжении были материалы четырех по-

гребений их четырех курганов. Находки из этих погребений он датировал в основном III–II вв. до н. э., хотя отмечал, что первые сведения о сарматах относятся к IV в. до н. э., «когда они продвигаются вплоть до берегов Дона» (Ростовцев, 1918, с. 79–81).

К середине прошлого века в результате предшествующих раскопок, проводившихся П.С. Рыковым и П.Д. Рау в Поволжье, Б.Н. Граковым в Южном Приуралье, утвердилось мнение о датировке раннесарматской (прохоровской) культуры IV–II в. до н. э. (Смирнов, 1947, с. 75; Граков, 1947, с. 104, 105). Первая попытка дробной периодизации погребальных памятников раннесарматской культуры была предпринята М.Г. Мошковой. Среди общего количества погребальных комплексов данной культуры, датируемых IV–II в. до н. э., она выделила группу наиболее ранних погребений конца IV – начала III вв. до н. э., относя остальные комплексы к III–II вв. до н. э. (Мошкова, 1963, с. 17, 18).

В дальнейшем хронологические рамки раннесарматской культуры были существенно раздвинуты. Б.Ф. Железчиков пришел к выводу о том, что в Южном Приуралье со второй половины VI по III в. до н. э. существовала и развивалась одна археологическая культура, а не две, как это традиционно считалось ранее, савроматская и раннесарматская. Он считал, что в процессе развития этой единой культуры идет становление тех черт, которые характеризуют археологический раннесарматский комплекс. Какого-либо специального названия этой единой культуре Б.Ф. Железчиков не давал, именуя ее культурой ранних кочевников Южного Приуралья (Железчиков, 1995, с. 30–32). А.Д. Таиров, занимаясь изучением хронологии памятников раннего железного века Южного Зауралья, пришел к выводу о том, что отдельные элементы раннесарматской культуры в этом регионе появляются достаточно рано. Им была предложена следующая хронологическая схема зарождения и развития здесь раннесарматской культуры, включающая древнепрохоровский (вторая половина VI – середина V в. до н. э.), раннепрохоровский (вторая половина V–IV в. до н. э.) и прохоровский (III–II вв. или середина II в. до н. э.) этапы (Таиров, 2004, с. 2–22).

С учетом раскопок Филипповских курганов и исследования в 2003–2005 гг. Прохоровского курганного могильника Л.Т. Яблонский более полно обосновал идею, которая исследователями высказывалась и ранее, о непрерывном развитии культуры ранних кочевников Южного Приуралья в течение VI–III вв. до н. э., выделив в рамках этого времени три фазы: «А», «В», «С». С фазой «А» (вторая половина VI – середина V в. до н. э.) он

связывал миграционную волну ранних кочевников, во главе которых состояли элитарные группы номадов. Более правдоподобной он считал версию о миграции кочевого населения из Южного Зауралья в Южное Приуралье. Во время фазы «В» (вторая половина V – третья четверть IV в. до н. э.), которую он именовал переходным периодом, происходит формирование погребального обряда, не связанного с внешними миграциями, а как результат внутренних эволюционных процессов и возможных контактов с другими группировками кочевников. Типологически к этой фазе Л.Т. Яблонский относил погребальные комплексы из могильников Филипповка I и II, Переволочаны, которые «можно относить уже к раннесарматской археологической культуре, то есть ко времени формирования этнического сознания предполагаемых археологических ранних сарматов». Наряду с элитарными в это время начинают распространяться и могильники рядового населения с элементами новой культуры. Фаза «С» (третья четверть IV–III в. до н. э.) – окончательное оформление всех признаков раннесарматской культуры (Яблонский, 2015, с. 17–24; 2016, с. 304–311).

Для нашей темы важно культурно-хронологическое определение фазы «В» по Л.Т. Яблонскому. В определении даты этой фазы существенное значение имели материалы Филипповского I курганного могильника. А.Х. Пшеничнюк, руководитель экспедиции, начавшей раскопки этого памятника, относил начало сооружения курганов этого могильника к самому началу IV в. до н. э. Что касается культурной принадлежности погребальных комплексов могильника, то он относил их к раннесарматской (прохоровской) культуре (Пшеничнюк, 2012, с. 87).

В конце прошлого века была сформулирована версия о сохранении ряда ведущих черт раннесарматской культуры вплоть до рубежа эр (Скрипкин, 1990, с. 165–179). Затем выделен хронологический пласт сарматских памятников II–I вв. до н. э., в которых сохраняются многие элементы раннесарматской культуры как в вещевом материале, так и в погребальном обряде. Погребальные памятники этого времени хорошо представлены на территории Южного Приуралья, в Поволжье и на Дону. Для материальной культуры этого этапа характерно наличие серии категорий вещей, явно связанных с культурными традициями центральноазиатского населения. В сарматских погребальных комплексах появляются новые типы клинкового оружия, ажурных поясных пряжек, обнаруживающих аналогии в памятниках того же времени на территории Северного Китая и Южной Сибири. В Поволжье и на Дону датирующим материалом для выделения погребальных комплексов этого

времени являются фибулы среднелатенской схемы и ранние типы лучковых фибул, в отдельных случаях римско-италийская металлическая посуда (Скрипкин, 2000, с. 137–149).

В погребениях II–I вв. до н. э. продолжают встречаться вещи, имевшие распространение в предыдущее время, являющиеся культурообразующим ядром прохоровской культуры: мечи и кинжалы с серповидным навершием; бронзовые зеркала с валиком по краю, чаще во фрагментарном состоянии; лепные горшки, украшенные по тулову пучками вертикальных полос. Сохраняется расположение погребений по кругу под курганной насыпью, преобладают могильные ямы преимущественно прямоугольно-удлиненной или подбойной формы, как и прежде продолжает доминировать ориентировка погребенных в южный сектор. Таким образом, есть основания погребальные памятники этого времени от Южного Приуралья до Дона относить к заключительному этапу раннесарматской культуры, а весь период существования этой культуры датировать с IV по I вв. до н. э.

В течение всего этого времени раннесарматская культура претерпевала изменения, находившие отражение в погребальном обряде и материальной культуре. Эти изменения вызывались как внутренним развитием этой культуры, так и внешним влиянием, не исключая миграции. Для Волго-Уралья в развитии раннесарматской культуры можно выделить три хронологических периода: 1) IV в. до н. э.; 2) III в. до н. э.; 3) II–I вв. до н. э. (Клепиков, Скрипкин, 2002, с. 47–81; Скрипкин, 2017, с. 65–100).

Материальная культура и погребальный обряд раннесарматской культуры

В IV в. до н. э. идет процесс формирования раннесарматской культуры, который завершается к концу этого века. Как уже отмечалось выше, начало становления данной культуры происходило в пределах Южного Приуралья, в связи с чем значительная часть археологических памятников, имеющих отношение к формированию раннесарматской культуры, сосредоточена в этом регионе. Основным археологическим объектом изучения данной культуры являются захоронения в курганах. Для раннего периода характерно сочетание в отдельных могильниках небольших и достаточно крупных курганов, высота которых достигала 6–7 м, а диаметр более 100 м. Большинство курганов имело высоту от 1,5 м и ниже, диаметр от 15 до 40 м.

Преобладающей формой ямы были прямоугольные от узких до широких, подбойные. Отличительным признаком этого времени являются дромосные ямы прямоугольной, круглой или кре-

стовидной формы с коллективными захоронениями, которые в большей мере были характерны для больших курганов. Над дромосными ямами сооружались шатровая конструкция из бревен (рис. 2: 1). Особенностью этого периода является также распространение погребений в широких прямоугольных ямах, в которых умершие были положены по их диагонали (рис. 2: 2–4). Дромосные ямы являлись обычно основными под курганными насыпями. Ограбление этих курганов не дает возможность во всех случаях установить количество погребенных в них. Так, в непогребенном кургане Филипповка I, курган 7, было погребено восемь человек. Положение погребенных в ямах обычно на спине, вытянуто. Ориентировка преобладала в южный сектор и составляла около 80%.

В качестве жертвенных животных в погребениях преобладали кости овцы, в отдельных случаях кости лошади. Видимо, иной ритуальный характер носило захоронение целых костяков лошадей под насыпью курганов, принадлежащих элите кочевого общества. Они известны в таких могильниках, как Филипповка I, Переволочаны. Так, в кургане 3 Филипповского могильника на уровне древнего горизонта находилось 20 скелетов лошадей (Пшеничнюк, 2012, с. 63).

Непосредственная причастность мужского населения кочевников раннего железного века к военному делу находит яркое отражение в погребальном обряде периода формирования раннесарматской культуры. Почти каждое мужское погребение сопровождало предметы оружия, в отдельности или совокупно. Это мечи и кинжалы, стрелы, копыя, в отдельных случаях боевые топоры.

Из клинкового оружия преобладают мечи и кинжалы так называемого переходного типа, отличительной чертой которых является изогнутое или сломанное под тупым углом перекрестие, зачастую со слегка изогнутым навершием. В качестве пережиточных форм встречаются мечи с бабочковидным перекрестием (рис. 3: 1–5). Находки мечей обычно сопровождаются ворворками, изготовленными чаще из бронзы (рис. 3: 7, 8). Наконечники стрел, обычно бронзовые, втульчатые трехлопастные, часто встречаются в колчаных наборах, в отдельных случаях около двухсот или более экземпляров. Наконечники копий железные массивные, втульчатые (рис. 3: 11–13).

Из конской упряжи преобладают находки деталей узды, представленные железными двусоставными удилами и псалиями, изготовленными из железа или бронзы (рис. 3: 6, 7).

Отличительной чертой материальной культуры раннего периода раннесарматской культуры являются глиняные лепные круглодонные сосуды с

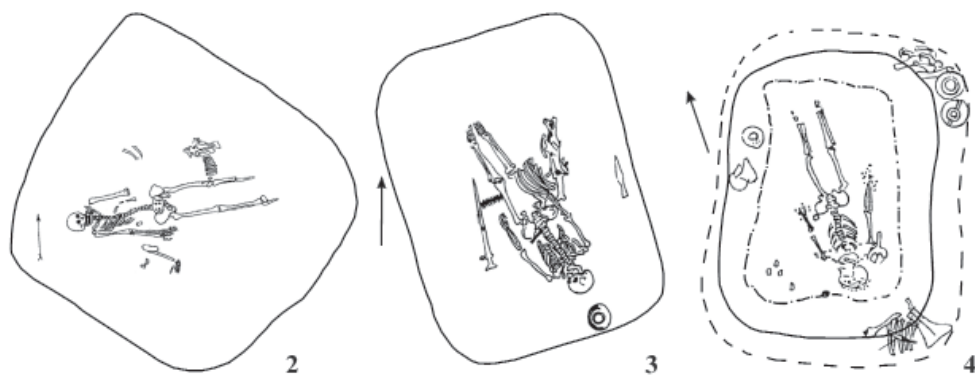
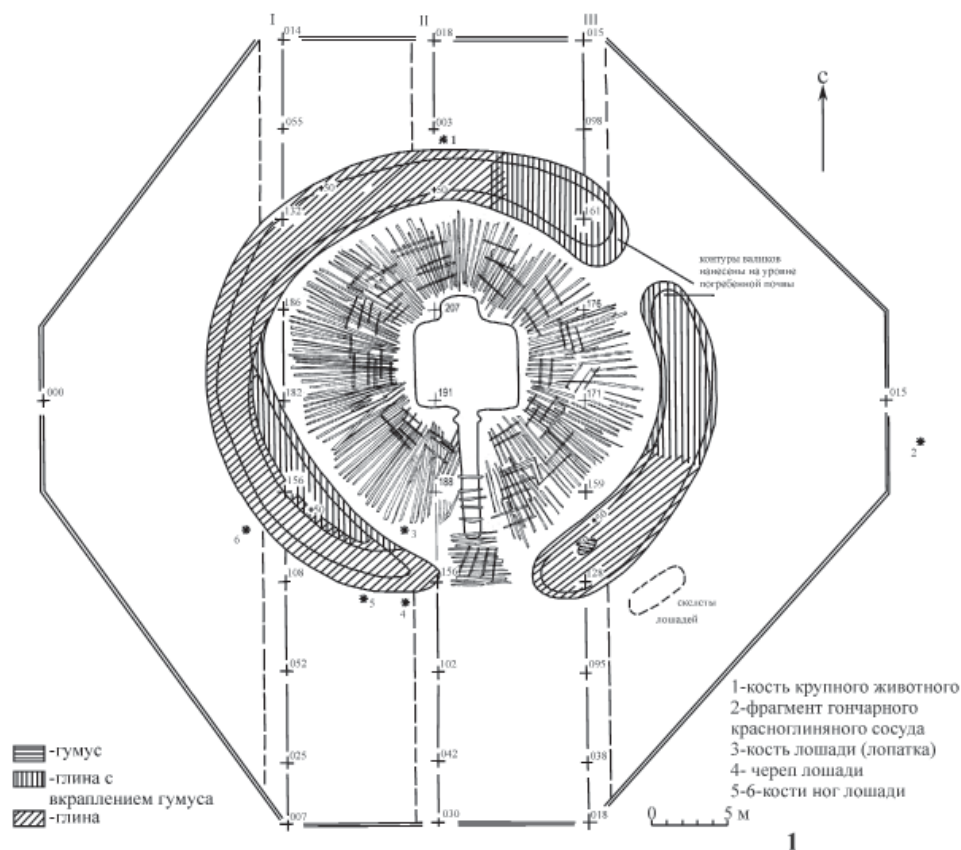

Рис. 2. Раннесарматские погребальные сооружения IV в. до н. э.

1 – Филипповка, кург. 6; 2 – Орск, кург. 3; 3 – Новоузенск, кург. 1, погр. 13; 4 – Высочино, кург. 13 погр. 3

примесью талька в тесте, с орнаментальным фризом по верхней части тулова (рис. 4: 9–14).

Обнаруженные бронзовые зеркала в погребениях этого периода отличаются большими размерами, диски, в отдельных случаях достигающие 18 см в диаметре, отлиты вместе с ручками. В ряде случаев диски таких зеркал с обратной стороны украшены круговыми валиками с небольшим умбоном в центре (рис. 4: 1–3).

В престижных погребениях находят бронзовые котлы с дугообразными ручками по верхнему

краю с конусообразными поддонами. Отдельные из них имели большие размеры, более полуметра в высоту (рис. 4: 15, 16).

В Филипповском могильнике I в нескольких курганах обнаружена деревянная посуда, известна она и в могильнике Переволочаны. Особым разнообразием отличается посуда этого типа, происходящая из филипповского кургана 1. Большое количество деревянных чашеобразных сосудов было украшено золотыми и серебряными обкладками, выполненными в зверином стиле (рис. 4: 5–8).

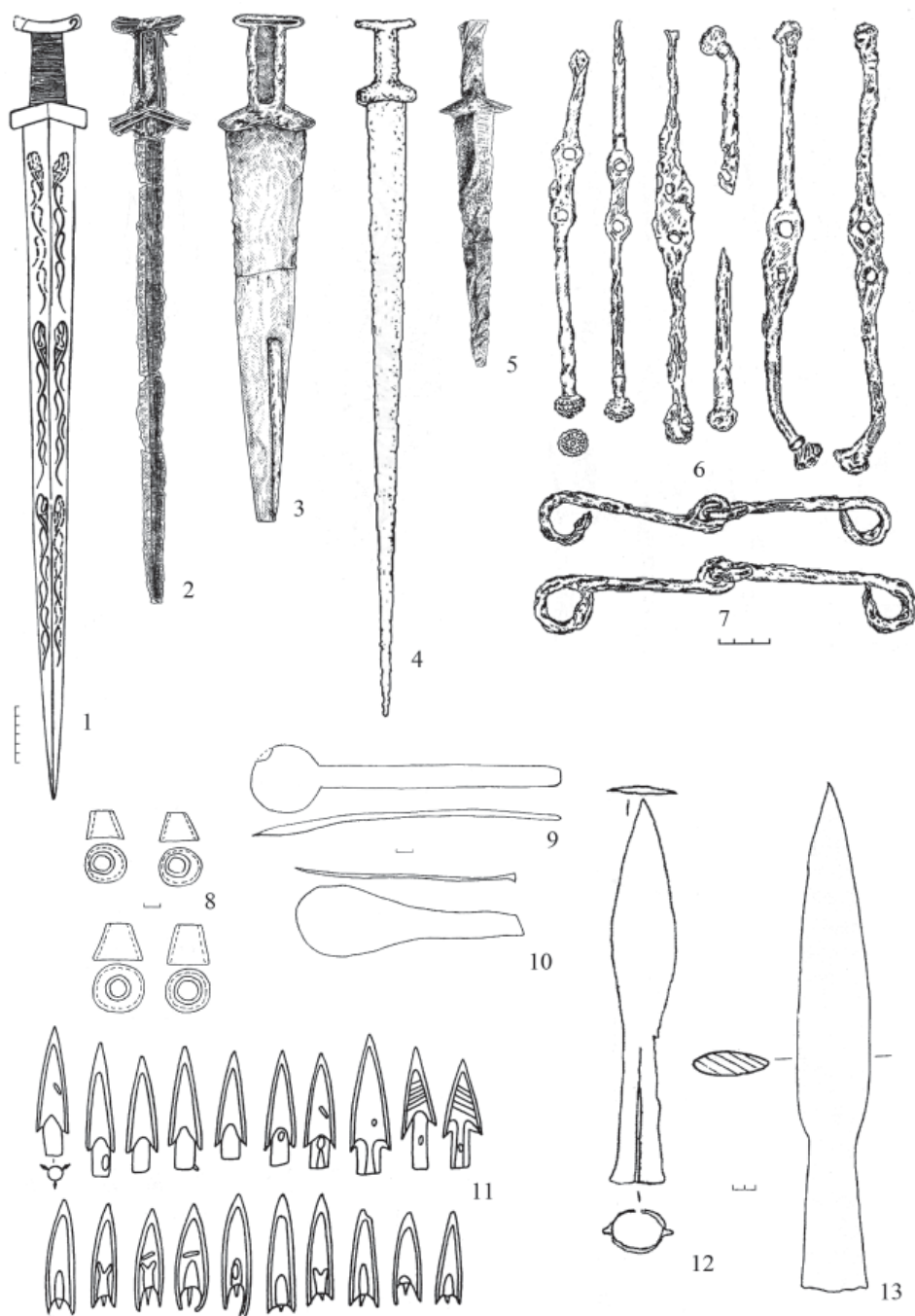

Рис. 3. Предметы вооружения и другие вещи из погребений раннесарматской культуры IV в. до н. э.

1–5 – мечи; 6, 7 – детали конской узды; 7–8 – ворворки; 9–10 – ритуальные ложечки; 11 – наконечники стрел; 12, 13 – наконечники копий.

1 – Филипповка, кург. 1; 2 – Филипповка, кург. 3; 3 – Филипповка, кург. 10; 4 – Новоузенск, кург. 1, погр. 19; 5, 6, 7 – Филипповка, кург. 6; 8 – Новоузенск, кург. 1, погр. 17; 9 – Новоузенск, кург. 1, погр. 19; 10 – Новоузенск, кург. 2, погр. 17; 11 – Лебедёвка V, кург. 9, погр. 2; 12 – Эльтон, кург. 10, погр. 9; 13 – Новоузенск, кург. 1.

1–7, 12, 13 – железо; 8, 11 – бронза; 9, 10 – кость

В женских погребениях встречались различные украшения: височные подвески; бусы, изготовленные из стекла, сердолика, агата, горного хрусталя.

В этот период, относящийся к формированию раннесарматской культуры, на археологическом материале очевидно просматриваются существенные различия в

погребальном обряде и материальной культуре по социальному признаку. Кочевая племенная знать погребалась под насыпями больших курганов, со сложными внутренними конструкциями. Их сопровождал дорогой вещевой материал; золотые гривны, являвшиеся символами власти; золотые браслеты; золотые нашивные бляшки на

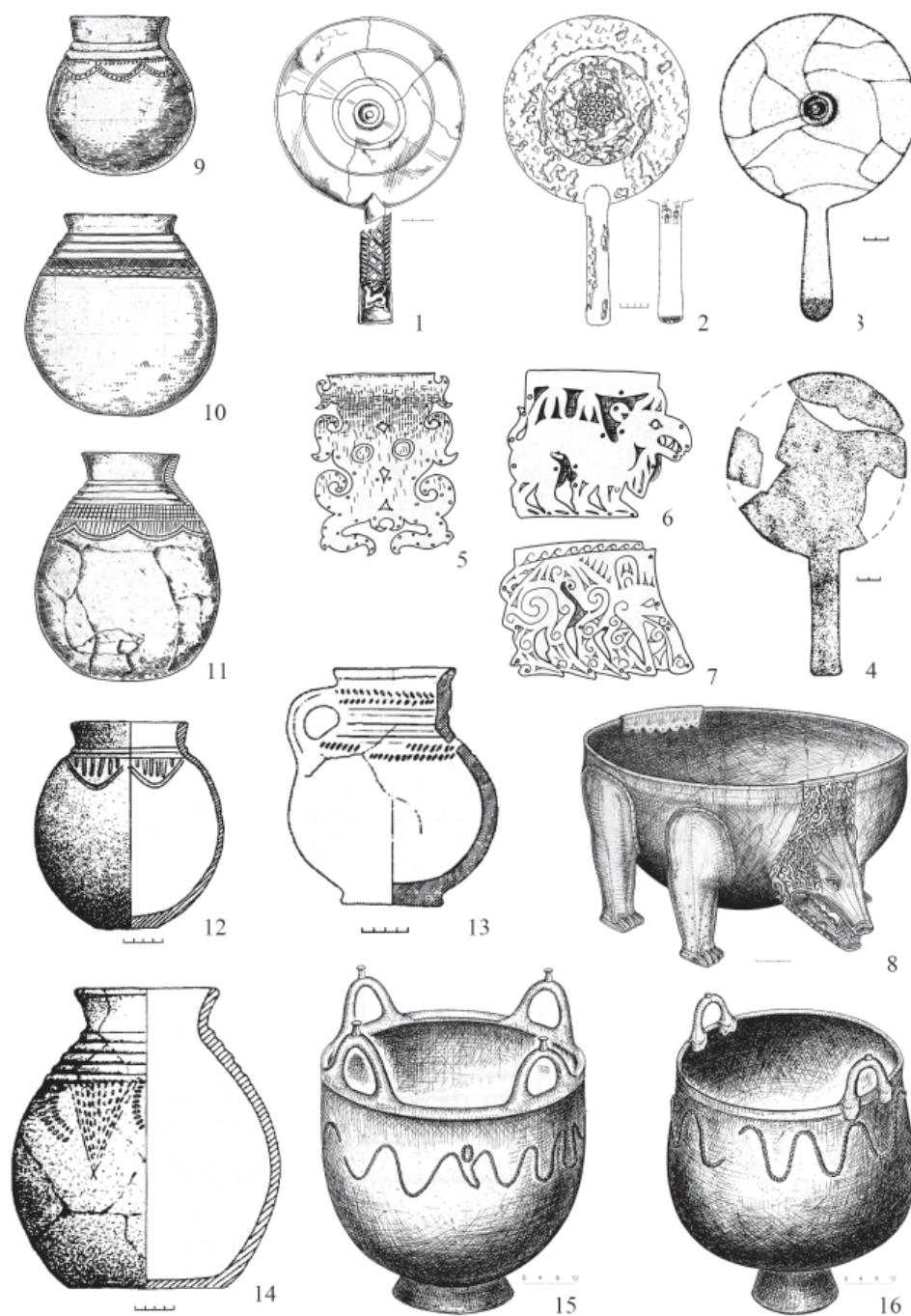

Рис. 4. Находки вещей из раннесарматских погребений IV в. до н. э.

1–4 – зеркала; 5–7 – оковки на деревянные сосуды; 8 – чаша; 9–14 – глиняные сосуды; 15, 16 – котлы.

1 – Филипповка кург. 14, погр. 2; 2 – Филипповка, кург. 3; 3 – Лебедёвка V, кург. 9, погр. 5; 4 – Лебедёвка V, кург. 27, погр. 5; 5–8 – Филипповка, кург. 1; 9 – Мечет-сай, кург. 8, погр. 2; 10 – Новый Кумак, кург. 21, погр. 2; 11 – Мечет-сай, кург. 8, погр. 1; 12 – Лебедёвка VI, кург. 25, погр. 2; 13 – Новый Кумак, кург. 12 погр. 1; 14 – Лебедёвка V, кург. 48, погр. 3; 15, 16 – Филипповка, кург. 1.

1–4, 15, 16 – бронза; 5–7 – золото; 8 – дерево, золото; 9–14 – глина

одежду; богато оформленные клинковые оружие и конская упряжь, вещи импортного происхождения. Особенно в этом плане выделяется курганный могильник Филипповка I (Пшеничнюк, 2013).

В то же самое время в целом ряде курганных могильников погребения, которые с большей ве-

роятностью датируются IV в. до н. э., не отличались таким богатством. В них обычно находилась глиняная лепная посуда, предметы вооружения и конской упряжи, иногда бронзовые зеркала. Для мужских захоронений характерно нахождение железных мечей или кинжалов, бронзовых наконечников стрел, деталей конской упряжи; для

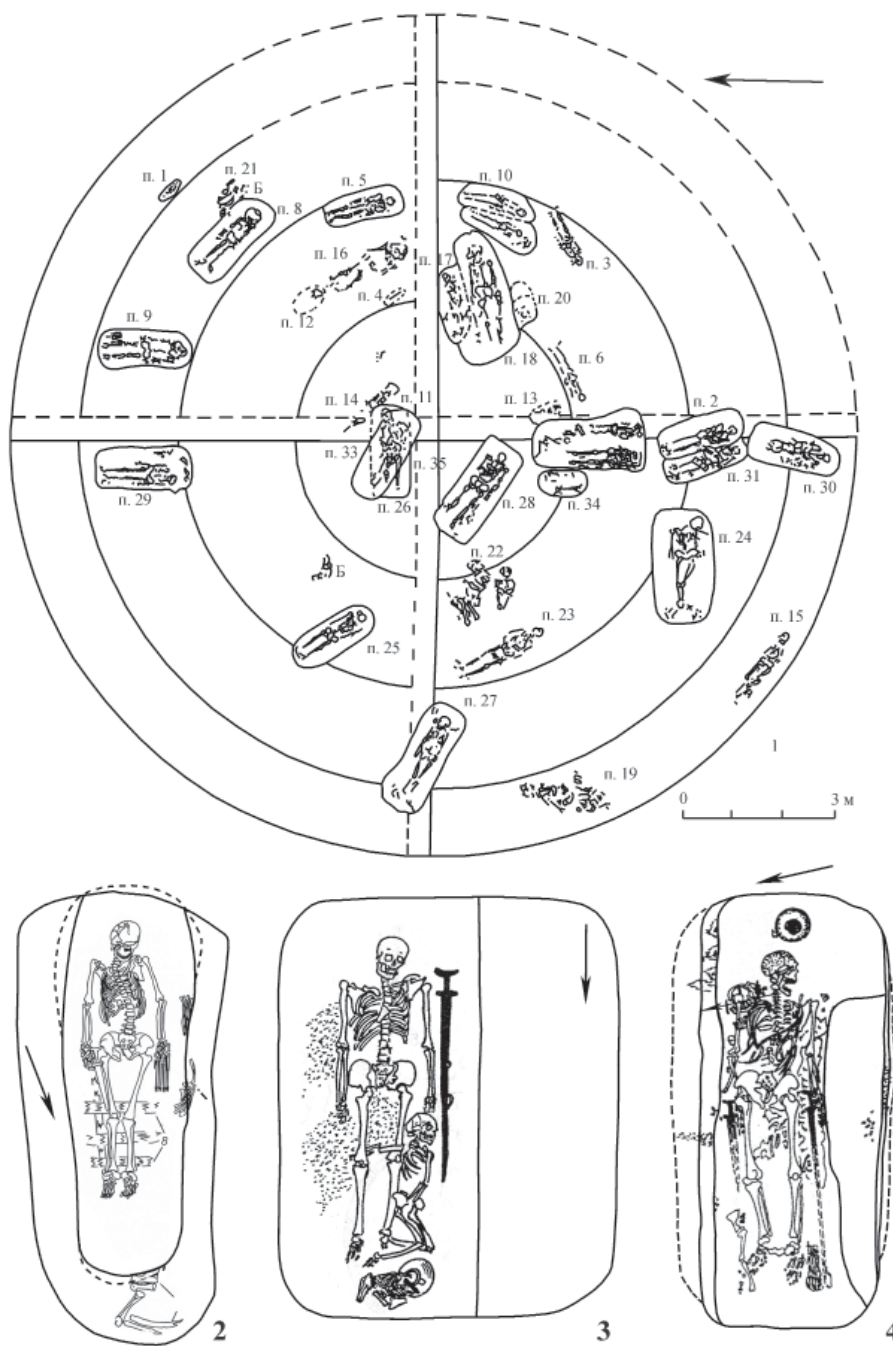

Рис. 5. Раннесарматские погребальные комплексы III в. до н. э.

1 – план кургана; 2 – 4 – планы погребений. 1 – Старые Кишки, кург. 18; 2 – Прохоровка, кург. «б», погр. 4; 3 – Венгеловка, кург. 2, погр. 8; 4 – Старые Кишки, кург. 15, погр. 1

женских – украшений (разнообразных бус, зеркал). Керамические изделия встречаются как в тех, так и в других захоронениях (Мошкова, 1972, с. 27–48; Пшеничнюк, 1983; Железчиков и др., 2006).

С конца IV или начала III вв. до н. э. происходят определенные изменения в погребальном обряде. Исчезают захоронения в дромосных ямах и диагональные погребения в широких прямоугольных ямах. Обряд погребения значительно унифицируется, преобладают захоронения в простых прямо-

угольных ямах и ямах подбойной конструкции. Реже встречаются ямы с заплечиками и катакомбы, сооруженные в торцовых стенках входных ям. Существенно преобладает ориентировка погребенных в южный сектор. Практикуется сооружение одновременных погребений в одном кургане с расположением могильных ям вокруг его центра, обычай, зарождавшийся еще в предшествующий период. Перестают сооружаться большие курганы с богатыми захоронениями, равными филипповским (рис.5: 1–4).

Рис. 6. Вещи из раннесарматских погребений III в. до н. э.

1–5 – мечи и кинжалы; 6–9 – зеркала; 10 – чаша; 11–15 – сосуды; 16–18 – наконечники стрел.

1–5, 12, 16–18 – Покровка 10, кург. 6; 6 – Прохоровка, кург. «б», погр. 2в; 7 – Старые Кишки, кург. 15, погр. 10; 8 – Старые Кишки, кург. 10, погр. 11; 9 – Прохоровка, кург. «б», погр. 3; 10 – Прохоровка, кург. «Б», погр. 3; 11 – Покровка 10, кург. 6, погр. 7; 12 – Прохоровка, кург. 1, погр. 6; 13 – Прохоровка, кург. «б», погр. 5; 14 – Прохоровка, кург. «в», погр. 3; 15 – Прохоровка, кург. «б», погр. 3; 16–18 – Покровка 10, кург. 6, погр. 7, 8.

1–5, 18 – железо; 6–9 – бронза; 10 – серебро; 11–15 – глина; 16, 17 – бронза

В погребальном инвентаре ведущее место среди предметов вооружения занимают мечи и кинжалы с прямым перекрестием с серповидным навершием, в колчаных наборах обычно находятся бронзовые втульчатые и железные трехлопастные черешковые или втульчатые наконечники стрел (рис. 6: 1–5). Прекращает встречаться круглодонная керамика, преобладают

лепные плоскодонные горшковидной формы сосуды, часто орнаментированные по тулову вертикальными пучками из прочерченных линий (рис. 6: 11–13). Встречаются и другие типы сосудов, в том числе кувшинных форм (рис. 6: 14, 15). В находках преобладают бронзовые зеркала с валиком по краю диска и штырем для оформления ручки (рис. 6: 6–9).

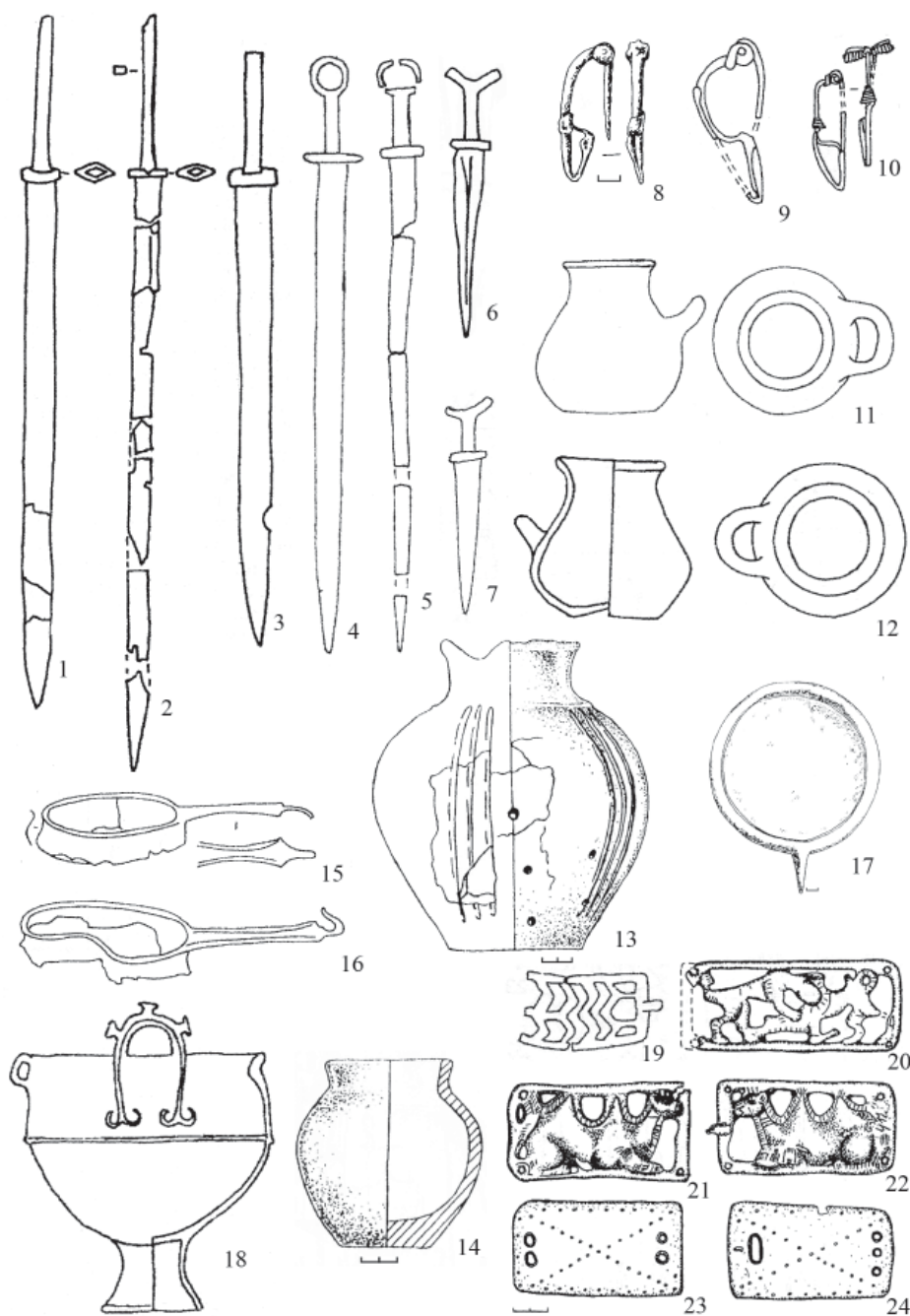

Рис. 7. Вещи из раннесарматских погребений II-I вв. до н. э.

1-7 – мечи, кинжалы; 8-10 – фибулы; 11-14 – глиняные сосуды; 15, 16 – ковши; 17 – зеркало; 18 – котел; 19-24 – поясные пряжки.

1 – Мечет-сай, кург. 3, погр. 11; 2 – Курпе-Бай, кург. 2; 3 – Чкаловская, кург. 3, погр. 7; 4 – Белокаменка, кург. 7, погр. 3; 5 – 6 – Рыбный, кург. 3, погр. 12; 7 – Быково, кург. 2, погр. 4; 8 – Петрунино, кург. 1, погр. 9; 9 – Калиновка, кург. 27, погр. 3; 10 – Арпачин, кург. 40, погр. 10; 11 – Бережновка I, кург. 35, погр. 17; 12 – Балабинский, кург. 27, погр. 20; 13 – Петрунино, кург. 1, погр. 9; 14 – Петрунино, 1, погр. 14; 15 – Алитуб, кург. 3, погр. 20; 16 – Косика, погр. 2; 17 – Петрунино, кург. 1, погр. 9; 18 – Донской, кург. 1, погр. 21; 19 – Питерка, кург. 1, погр. 9; 20 – Петрунино, кург. 1, погр. 14; 21-22 – Белокаменка, кург. 7, погр. 3; 23, 24 – Жутово, кург. 27, погр. 4.

1-7 – железо; 8, 10, 15 – 22 – бронза; 23, 24 – гагат

Во II-I вв. д. н. э. погребальные традиции предшествующего времени в своей основе продолжают сохраняться, за исключением отдельных локальных районов. Так, на Нижнем Дону и в бассейне левого притока Дона Иловли в погребениях этого времени увеличивается ориентировка

погребенных в северный сектор. На территориях, прилежащих к Иловле, часто встречались захоронения в деревянных колодах.

В этот период, наряду с мечами и кинжалами прежних типов, появляется несколько новых типов клинкового оружия: длинные мечи с ром-

бическим железным или бронзовым коротким перекрестьем и обычно длинным штырем для оформления рукояти. Ширина их лезвий часто составляла 4–4,5, реже 5 см. Штыри ручек обычно в сечении квадратные. Длина таких мечей колеблется в диапазоне от 0,80 до 1,10 м, штыри рукояти иногда превышали 20 см в длину. На перекрестьях сверху у основания рукояти у ряда мечей этого типа имелись прямоугольные вырезы (рис. 7: 1–3). В это же время в волго-уральских степях начинают достаточно часто встречаться мечи и кинжалы с прямым перекрестьем и кольцевым навершием, которые в последующее время занимают ведущее положение среди сарматского клинкового оружия (рис. 7: 4, 5).

Со II в. до н. э. в сарматских погребениях появляются бронзовые поясные, так называемые ажурные, пряжки с изображением заключенных в рамку лежащих верблюдов или сцен терзания верблюда хищником кошачьей породы. Известны находки пряжек этого типа с другими композициями (рис. 7: 20–22). Встречаются пряжки, уникальность которых состоит в том, что они были изготовлены из гагата. Две такие пряжки от одного ремня были обнаружены в погребении 4 из кургана 27 у станции Жутово Октябрьского района Волгоградской области, и одна найдена в погребении 9 из кургана 1 у с. Питерка Саратовской области (рис. 7: 23, 24). Известны в ряде случаев находки пряжек с решетчатой конструкцией, ранее не встречавшихся в кочевнических погребениях Волго-Уралья (рис. 7: 19).

В Волго-Донском районе в погребальных комплексах в рассматриваемое время начинают встречаться фибулы среднелатенской схемы и ранние образцы лучковых фибул (рис. 7: 8–10). В ряде случаев отмечены находки провинциальной римской металлической посуды (рис. 7: 15, 16). Распространена лепная и гончарная керамика, в Поволжье и на Дону чаще встречается глиняная посуда северокавказских производственных центров, в том числе и меотского производства (рис. 7: 11–14).

Территория распространения памятников раннесарматской культуры

Северная граница распространения раннесарматских памятников, начиная от Волги, проходит по Самарской области. Ее памятники здесь располагаются преимущественно на левобережье Волги в основном в южных и восточных районах области. Представлены они курганными захоронениями и случайными находками. Большая часть их концентрируется в бассейне Самары. Погребальные комплексы с элементами раннесарматской культуры появляются здесь на рубеже V–IV вв. до н. э. или в начале IV в. до н. э. Наиболее из-

вестные курганные могильники с погребениями раннесарматской культуры: Утевка, Гвардейцы, Тамбовка, Красные Пески, Виловатовский и другие (Мышкин, Скарбовенко, 2000, с. 20–27).

Памятники раннесарматской культуры широко представлены на территории Башкирии, особенно в ее южных степных районах. Крупные курганные могильники с большим количеством раннесарматских захоронений известны под Уфой (Старые Киишки, Бишунгарово). Присутствие здесь сарматов в ранний период ощущается по их контактам с местным населением кара-обызской культуры, обитавшим в лесостепной части Башкирии. Исследователи предполагают наличие здесь ассимиляционных процессов с участием кочевого компонента. На поселениях этой культуры встречается керамика тождественная прохоровской, известны находки мечей и кинжалов прохоровского типа (Савельев, 2014, с. 204, 205).

Раннесарматские памятники были распространены на территории Южного Зауралья, причем это район считается тем местом, где раньше всего начинают формироваться те элементы, которые станут характерными для прохоровской культуры (Таиров, 2004, с. 3–21). Здесь пограничная зона кочевников раннесарматского круга определялась зоной контактов с лесостепными культурами: воробьевской, иткульской и гороховской (Мошкова, 1974, с. 29–38).

Сложней определить восточные границы распространения раннесарматских памятников. Отдельные элементы раннего ее этапа фиксируются вплоть до Оби, где открыты диагональные погребения под курганами (могильник Камень II), обнаружены длинные мечи с серповидным навершием, отдельные типы бронзовых зеркал, обнаруживающих аналогии в южноуральских погребениях. Наличие этих элементов в погребальном обряде и материальной культуре может свидетельствовать о проникновении небольших групп кочевников из Южного Приуралья и Северного Казахстана (Могильников, 1997, с. 104).

Раннесарматские памятники достаточно хорошо известны на территории Западного Казахстана, с востока их распространение ограничивается памятниками тасмолинской культуры, западной границей которой являются горы Улытау.

На юге границей распространения раннесарматских памятников являются северные районы Приаралья и плато Устюрт. На плато обнаружено несколько святилищ с изваяниями воинов, экипировка которых идентична воинским захоронениям раннесарматского времени. Есть веские основания считать, что Южное Приуралье и Устюрт со-

ставляли единую территорию кочевий населения, хорошо известного по южноуральским памятникам савромато-сарматского времени. Устюрт и Приаралье использовались в качестве зимовий (Скрипкин, 2017, с. 117–120).

Зоной наибольшего распространения погребальных памятников раннесарматской культуры являются Южное Приуралье и Нижнее Поволжье. В этих районах раннесарматские памятники представлены всеми ее периодами в рамках общей даты IV–I вв. до н. э. В Южном Приуралье особо крупные курганные могильники этой культуры сосредоточены в бассейне левого притока Урала Илека: Увак, Мечет-Сай, Филипповка, Покровка и другие. В Поволжье курганные могильники с погребениями раннесарматской культуры распространяются от Самарской до Астраханской области. Причем большая их часть располагается на левобережье Волги. На правобережье раннесарматские погребения практически не встречаются на территории Самарской и редко в Саратовской области. Видимо, это связано с тем, что эта территория входила в зону обитания племен городецкой культуры.

На Нижнем Дону известны памятники IV в. до н. э. с элементами формирующейся раннесарматской культуры, представленные подкурганными захоронениями, по погребальному обряду находящие аналогии в Южном Приуралье. В большом количестве здесь известны захоронения заключительного этапа раннесарматской культуры, исчисляющиеся несколькими сотнями. На Среднем Дону раннесарматских погребальных памятников немного, представлены они преимущественно заключительным этапом (II–I вв. до н. э.).

Южные границы распространения раннесарматских памятников на территории между Нижним Доном, Азовским морем с одной стороны и Нижней Волгой и Каспием с другой ограничиваются естественной зоной обитания кочевников – степью. Раннесарматские памятники известны на территории Калмыкии, Ставропольского края. Элементы раннесарматской культуры присутствуют в погребальных памятниках Прикубанья и ряде районов Предкавказья (Марченко, 1996; Керэфов, 1988).

В Северном Причерноморье раннесарматская культура представлена только некоторыми категориями вещественного материала: мечами, отдельными типами бронзовых зеркал. К раннесарматскому времени здесь относят подкурганные погребения, располагающиеся преимущественно в Поднепровье, Приазовье и Крыму, датируемые второй половиной II в. до н. э. – первой половиной I в. н. э. Однако погребальный обряд их резко отличается от прохоровского комплекса призна-

ков. Для них характерна северная ориентировка погребенных, единичные впускные погребения в курганах, в отличие от многоразовых захоронений в одном кургане в раннесарматское время в Волго-Уралье (Кропотов, 2019, с. 154–160).

Поскольку памятники раннесарматской культуры распространены на огромной территории, разработка проблем ее хронологии и особенностей развития требует регионального подхода. Особенно сложными и в то же время актуальными являются вопросы, связанные с изучением данной культуры в контактных зонах, характеризующихся взаимодействием кочевого населения раннесарматской культуры с другими народами и их культурами в эпоху раннего железного века (Региональные..., 2007).

Этноисторические процессы в раннесарматское время

Ранее, как уже отмечалось выше, погребальные памятники кочевников Южного Приуралья и Поволжья VI–IV вв. до н. э. объединяли в одну археологическую культуру, именуемую савроматской. В настоящее время утвердилось мнение, что памятники этого времени двух указанных регионов существенно отличаются между собой по многим культурообразующим признакам и их не следует относить к одной археологической культуре и одному этноплеменному объединению. Более убедительно с савроматами могут отождествляться только поволжские памятники VI–IV вв. до н. э.

Что касается памятников того же времени Южного Приуралья, то чаще всего выдвигались версии об их принадлежности даям (дахам) или исседонам, упоминаемым в письменных источниках. Убедительней выглядит версия о принадлежности южноуральских памятников рассматриваемого времени племенному объединению во главе с даями. Наиболее подробные сведения о месте обитания даев приводятся в «Географии» Страбона, написанной на рубеже эр, но в которой используются сведения и более ранних авторов. Страбон в разделе, посвященном северной части Азии, описал земли, прилежащие к Гирканскому (Каспийскому) морю, и народы, обитавшие на них. Каспийское море он представлял заливом Северного океана. По этому поводу он писал следующее: «Каспийское море представляет собой залив, простирающийся от океана к югу; вначале море довольно узкое, но, расширяясь по мере удаления вглубь и в особенности в области самой отдаленной части, ширина его достигает около 5000 стадий». При такой интерпретации Каспийского моря за его узкую часть можно принять Волгу, впадающую в него с севера. Далее Страбон отмечал, что при входе в Каспийское море с одной стороны между ним и

Танаисом живут «скифы или сарматы», а с другой, противоположной, азиатской стороны обитают «кочевники, которых наши современники называют даями с прозвищем апарнов» (Страбон, XI, 6, 1, 2; 7, 1). Даев Страбон относил к числу восточных скифов. Они отличались своей большой численностью, поскольку Страбон отмечал, что «большинство скифов, начиная от Каспийского моря, называются даями. ... Из даев одни назывались апарнами, другие – ксанфиями и третьи – писсурами». Восточнее даев обитали массагеты и саки (Страбон, XI, 8, 2). Перечисленные Страбон народы и другие, не названные им, по всей вероятности, входили в племенной союз, во главе которого стояли даи.

Существует и другая привязка территории, занимаемой даями. Страбон, повествуя о даях-апарнах, захвативших Парфию, называет их «переселенцами из области даев, живущих над Меотидой» (Страбон, XI, 9, 2). Под Меотидой в данном случае подразумевалось Аральское море, такое представление сложилось со времен Александра Македонского, о чем писал и сам Страбон. Река Иаксарт (Сырдарья) отождествлялась с Танаисом (Доном), впадающим в Меотийское озеро. Страбон считал, что Иаксарт впадает в Каспийское море. В действительности Сырдарья впадает в Аральское море. Приаралье входило в зону кочевий южноуральских кочевников, здесь находились их зимники, а на Устюрте святилища.

Политический центр племенного союза даев, по всей вероятности, располагался в Южном Приуралье на землях, прилегающих к реке Илек. Именно здесь сосредоточена большая часть крупных курганных могильников с погребениями V–IV вв. до н. э., в том числе и знаменитые Филипповские курганы с богатейшими захоронениями, принадлежащими кочевой знати (Яблонский, 2013).

Одним из первых среди античных авторов о даях упоминает Геродот в том месте его «Истории», где речь идет о подготовке Киrom II восстания против мидян (Геродот, I, 125). Существует версия, основанная на данных вавилонского историка Бероса и несколько отличная от сведений Геродота, о том, что основатель Персидского царства Кир II погиб в битве не с массагетами, а с даями на берегах Окса (современная река Амударья)¹. Во времена завоевания Александром Македонским Персии даи выступали на стороне персов. Они участвовали в битве при Гавгамелах, поддерживали Бесса, когда он пытался оказать сопротивление Александру в Средней Азии, сражались на сторо-

не Спитамена. После завоевания Персии Александром даи уже в составе македонской армии принимают участие в его индийском походе. Активное участие даев в военных событиях, особенно во время подчинения Александром Средней Азии, свидетельствует об их определенных политических интересах в этом районе и их проживании в непосредственной близости от театра военных действий (Гаибов, Кошеленко, 2005, с. 119–123). Одним из доказательств активного участия южноуральских кочевников, в которых следует видеть даев, в событиях древневосточной истории является наличие в их захоронениях вещей восточного (ахеминидского) происхождения (Влияния..., т. I, II, 2012).

На территории Средней Азии, в Южном Приаралье, Согде известны погребения, которые находят близкие аналогии в памятниках прохоровской культуры Южного Приуралья. Причем степень этой близости настолько велика, что позволяет говорить о переселении кочевого населения, входившего в состав южноуральских прохоровцев, на юг в районы Средней Азии. Эта миграция имела место в IV в. до н. э. (Балахванцев, 2005, с. 64–67). Позже даи-апарны участвовали в захвате Парфии.

В IV в. до н. э. в связи с рядом причин политического, демографического и экологического характера начинается миграция южноуральских кочевников в другие районы. Одним из наиболее изученных направлений этой миграции было западное и юго-западное, в сторону Волги и Дона, а также Северного Кавказа. Эта миграция от Южного Приуралья до Нижнего Дона прослеживается по распространению коллективных погребений в дромосных ямах и диагональных захоронений. Ранее в таком сочетании они были характерны исключительно для Южного Приуралья. Это событие положило начало формированию раннесарматской прохоровской культуры в Поволжье.

Продвижение южноуральских кочевников в районы Поволжья и Подонья носило военный характер, о чем свидетельствует нахождение большого количества вооружения: мечей, наконечников стрел и копий в погребениях с южноуральскими элементами. Местное население Волго-Донского региона, вероятно, частично было инкорпорировано в состав нового объединения, в котором ведущие позиции занимали южноуральские кочевники. Об этом, в частности, свидетельствует влияние новых традиций южноуральского происхождения на местное население, отразившееся в погребальной обрядности (Клепиков, 1992, с. 125–140).

Дата ряда памятников с элементами прохоровской культуры в саратовском и волгоградском Заволжье, да и в самарском левобережье, позво-

¹ Геродот, 1972. Прим. 92 к I книге.

ляют утверждать, что продвижение сюда южноуральских кочевников началось в IV в. до н. э., в Нижнем Поволжье, возможно, в первой половине или середине этого века, несколько раньше в Самарском крае. На Нижнем Дону и в Прикубанье появление новых кочевников с востока начинает ощущаться с середины этого века. Оно фиксируется как погребальными памятниками, так и дестабилизацией ситуации в этих районах, развившейся в возведении оборонительных сооружений на Елизаветовском городище в дельте Дона и на правобережных меотских городищах на Кубани (Марченко, 1996, с. 117, 118; Виноградов и др., 1997, с. 97–103).

На Нижнем Дону появление кочевников с востока по времени практически совпадает с фиксацией в античных источниках этнонима «сирматы». Видимо, с сирматами связано становление сарматского этноса в Волго-Донском регионе. По крайней мере, с сирматами может отождествляться начальный этап утверждения здесь южноуральских кочевников, для которого в археологическом материале характерно сочетание раннепрохоровских культурных элементов. С III в. до н. э. с унификацией составных признаков прохоровской культуры, с исчезновением традиций савроматской культуры и наступившей стабилизацией в Волго-Донском регионе начинают упоминаться сарматы. Можно предполагать, что ранее в рамках крупного южноуральского объединения кочевников, гетерогенность которого подтверждается антропологическими исследованиями (Яблонский, 2007, с. 143), находились отдельные подразделения кочевников, имевшие свои собственные названия. В случае отождествления этого объединения кочевников с даями (дахами) версия о его сложном составе, как было отмечено выше, подтверждается и письменным источником. Таким образом, можно полагать, что предшественники сарматов ранее входили в состав кочевого объединения, возглавляемого даями. В начавшейся миграции они достигают Дона. В это же время погребения с элементами прохоровской культуры появляются и на Кубани. С наступившей стабилизацией в III в. до н. э. в волго-донских степях, видимо, оформляется кочевое объединение, в котором стали доминировать кочевники, которых античные авторы стали называть сарматами. Не следует забывать, что «сарматы» – это экзоэтноним, то есть не их самоназвание, а данное им другим народом – греками, которые придавали ему весьма расширительное толкование.

Новые кочевники, пришедшие с востока, заняли какую-то часть территории к западу от Дона, ранее принадлежавшую скифам, о чем свидетельствует появление здесь погребений в дромосных

ямах. Анализ бронзовых изделий, в том числе и бронзовых наконечников стрел, в одном из них свидетельствует об их волго-уральском происхождении (Скрипкин, 2009, с. 172–192). Это событие привело к дестабилизации политической ситуации в Северном Причерноморье еще в IV в. до н. э. К началу III в. до н. э. происходит запустение Скифии, еще ранее перестают сооружаться «царские» курганы, прекращают использоваться старые родовые кладбища. На 70–60 гг. III в. до н. э. приходится гибель эллинских и варварских поселений от Дона до Побужья и Поднестровья. Выявлены одновременные разрушения городищ среднедонской культуры в лесостепной зоне между Доном и Днепром. Большинство исследователей эти события связывают с масштабной военной акцией сарматов (Щукин, 1994, с. 83–87; Виноградов и др., 1997, с. 93–103; Медведев, 1999, с. 145–152). Не исключено, что сарматами было нанесено несколько ударов по Скифии. Первый из них был направлен непосредственно против скифов на рубеже IV–III вв. или в самом начале III в. до н. э., не затрагивая оседлого эллинского и варварского населения. Повторный удар в конце первой – начале второй трети III в. до н. э. сарматы наносят по оседлому населению Северного Причерноморья, в результате которого на большой территории от низовий Дона до Поднестровья одновременно гибнет большинство торгово-ремесленных и сельскохозяйственных поселений греков и варваров. Эти события могут быть сопоставлены с упоминанием Диодора о тотальном опустошении Скифии савроматами, поскольку в его время сарматов часто отождествляли с савроматами.

Таким образом, археологическая культура, которая первоначально начала формироваться в Южном Приуралье, еще на стадии своего становления в IV в. до н. э. распространилась в Поволжье, на Нижнем Дону. Видимо, к III в. до н. э. из погребальной практики кочевников на всей этой территории исчезают захоронения в дромосных ямах и диагональные погребения. Ведущее место занимают погребения в простых вытянутых прямоугольных ямах и ямах с подбоями, с южной ориентировкой костяков, со стандартным набором вещевого материала. Из вооружения – это мечи или кинжалы с серповидным навершием и прямым перекрестием; обычно лепная посуда, горшки или кувшины, украшенные пучками вертикальных линий по тулову; бронзовые зеркала с валиком по краю диска.

С завершением становления раннесарматской культуры в III в. до н. э. отмечено продвижение кочевого населения, носителей прохоровской культуры, в лесостепные районы Южного Приуралья вплоть до среднего течения р. Белой, о чем свиде-

тельствуют находящиеся там крупные курганные могильники Старые Киишки и Бишунгарово. В них находились захоронения прохоровской культуры. Так, в курганах могильника Старые Киишки их было обнаружено 124. Исследователи отмечают происходившие здесь культурные и этнические контакты пришлого кочевого и местного оседлого населения (Овсянников, 2014, с. 168–177; Савельев, 2014, с. 204, 205).

К самому концу III в. до н. э. относится сообщение Деметрия Каллатийского, в передаче Псевдо-Скимна, о сарматах, живущих за Танаисом в Азии. Их территорию он определял в 2000 стадий – это примерно 370–390 км (Псевдо-Скимн, 874–885). Вряд ли это реальные размеры территории, занимаемой сарматами, поскольку античные авторы вплоть до Клавдия Птолемея о землях к востоку от Дона не имели никаких сведений. Не исключено, что первоначально сарматами называлась одна группировка кочевников, в более позднее время этот этноним античными авторами стал использоваться как собирательный для различных кочевых объединений, обитавших на территории Европейской и Азиатской Сарматий.

Начиная со II в. до н. э. в материальной культуре кочевников Волго-Уралья появляются типы вещей, находящие аналогии в центральноазиатских памятниках раннего железного века. Это мечи с железным или бронзовым перекрестием обычно ромбовидной формы, обнаруживающие сходство с образцами китайского клинкового оружия. Мечи этого типа получили распространение не только в сарматских памятниках, их находки известны в низовьях Камы в памятниках пьяноборской и чегандинской культур, на Иртыше в объектах саргатской культуры. В это же время в волго-уральских степях начинают достаточно часто встречаться мечи и кинжалы с прямым перекрестием и кольцевым навершием, которые в последующее время занимают ведущее положение среди сарматского клинкового оружия. Наиболее ранние находки такого типа оружия известны в памятниках Центральной Азии начиная с раннескифского времени (Скрипкин, 2000а, с. 17–40).

Со II в. до н. э. в сарматских погребениях широкое распространение получают бронзовые поясные ажурные пряжки с изображением заключенных в рамку лежащих верблюдов или сцен терзания верблюда хищником кошачьей породы (рис. 7: 20–22). Ажурные поясные пряжки, изготовленные из бронзы, были распространены на территориях Среднего Енисея, Забайкалья, Монголии, Ордоса в памятниках, датированных последними веками до н. э. (Дэвлет, 1980, с. 14–17, 38). По экспрессии изображений наиболее близкие сарматским являются пряжки из центральноази-

атских памятников со сценами борьбы кошачьего хищника с копытным животным или куланов и коней. Пряжки из сарматских погребений, являясь подражанием восточным аналогам, не могли попасть на территорию степной части Восточной Европы ранее этого времени. Предположительно мода на рассматриваемые ажурные поясные пряжки могла зародиться на территории Северного Китая, о чем свидетельствуют яркие ордосские находки. Это предположение, в частности, подтверждает находка в сарматском погребении рассматриваемого времени, могильнике Донгулюк, располагавшемся на правом берегу реки Урал в Западном Казахстане, двух поясных рамчатых пряжек с изображениями крылатых драконов – образа, весьма популярного в искусстве Древнего Китая (Гуцалов, Марьксин, 2011, с. 192–206).

В сарматских погребениях, датированных тем же временем, встречаются уникальные поясные пряжки, изготовленные из гагата (рис. 7: 23, 24). Пряжки были украшены бронзовыми клепками, образующими линии в виде косоугольного креста, такие же клепки располагались по краям пряжек, с двух сторон пряжек имелись отверстия для застегивания и крепления к ремню. Практически идентичные аналогии этим пряжкам происходят из тех восточных районов, где были распространены бронзовые ажурные пряжки: на Енисее, в Забайкалье и Китае. Самые крайние находки гагатовых пряжек происходят из хуннских памятников конца II–I вв. до н. э. Наибольшим сходством с поволжскими находками обнаруживают гагатовые пряжки из тесинских памятников на Енисее. В упомянутом выше погребении у с. Питерка была найдена вместе с гагатовой пряжкой еще и бронзовая пряжка с решетчатым орнаментом, вторая пряжка этого типа происходит из Астраханской области. Значительное количество находок аналогичных пряжек известно в Южной Сибири и на территории Ордоса, где их принято датировать II–I вв. до н. э. (Скрипкин, 2019, с. 20–34).

Наличие названных выше и некоторых других инноваций в материальной культуре сарматов рассматриваемого времени в определенной мере объясняют данные антропологических исследований. Анализ краниологического материала свидетельствует о появлении на территории Волго-Уралья нового населения, для которого была характерна долихокrania, в отличие от местного населения, отличающегося брахикранной черепной коробкой (Балабанова, 2010, с. 67–77).

Совокупность археологических, антропологических и письменных данных позволяет говорить о существенных миграционных процессах в этот период, охвативших евразийские степи и приведших к значительным изменениям этнополитиче-

ского характера на значительной территории, от Китая до Северного Причерноморья.

В 221 г. до н. э. завершается длительная междоусобная война в Китае, в результате происходит объединение всей его территории в рамках единой империи во главе с династией Цинь, а затем и сменившей ее династией Хань.

В конце III в. до н. э. к северу от Китая, как ответная реакция на централизацию Китая, возникает достаточно сильное объединение кочевников, часто именуемое державой или империей хунну. Хунну уже при первом их объединителе, шаньюе Модэ, начинают проводить политику военной экспансии не только против Китая, но и против других своих соседей. Одними из объектов экспансии хунну были их западные соседи, обитавших в Южной Сибири и Восточном Туркестане. Победы хунну на этих направлениях привели к изменению политической обстановки в этих районах, к отходу на запад ряда народов, ранее живших на пограничных с Китаем территориях. Первыми потерпевшими поражение были юэчжи, они вынуждены были уйти на запад и в конце концов обосноваться в Бактрии. Вслед за юэчжами на запад в район Семиречья переселяются бывшие их соседи усунь, вытеснив отсюда сакские племена. Все эти события были описаны древнекитайскими историками Сыма Цянем и Бань Гу (Восточный..., 1988, с. 233–241).

Уход ряда кочевых объединений от границ Китая на запад существенно изменил этнополитическую обстановку в Средней Азии. Античные авторы также отмечают появление ряда новых наименований кочевников, появившихся в Средней Азии, приурочивая их к событиям, связанным с падением Греко-Бактрийского царства. Страбон, например, называет ряд кочевнических объединений, «которые отняли у греков Бактриану, именно асии, пасианы, тохары, сакаравлы» (Страбон, XI, 8, 2).

Вторжение кочевников в центральные и южные районы Средней Азии, приведшее к падению Греко-Бактрийского царства, обычно относят к 140–130 гг. до н. э. (Ставиский, 1977, с. 96–101). Некоторые исследователи его начало датируют 145 г. до н. э., с момента нападения кочевников на восточные рубежи этого государства (Бернар, Абдуллаев, 1997, с. 68–84). Таким образом, давление кочевников на Греко-Бактрию начинается приблизительно с середины II в. до н. э. В это же время в отдельных районах Средней Азии появляются курганные могильники, в которых насчитывают сотни насыпей с достаточно выраженной кочевнической культурой. Исследователи не раз уже отмечали появление восточного фона в этих памятниках Средней Азии после падения Греко-Бак-

трии, обнаруживающего близкие параллели в алтайских и хуннских древностях (Абдуллаев, 1998, с. 86, 87). Археологические новации, выявленные в памятниках Средней Азии, вслед за событиями, связанными с падением Греко-Бактрии, находят соответствие в материальной культуре сарматов волго-донских и уральских степей. Это позволяет утверждать, что появление в сарматских памятниках вещевого материала, своим происхождением связанного с центрально-азиатскими районами, происходит примерно в одно и то же время, что и в Средней Азии.

Что касается восточноевропейской степи, то впервые и наиболее полно изменения этнической ситуации в этом регионе нашли отражение в «Географии» Страбона. Он называет ряд народов, занимавших территорию от Каспийского моря до Днепра, которые ранее в источниках не упоминались. Между Каспийским морем (Страбон, XI, 6,1)² и Меотидой он поселял верхних аорсов, аорсов и сираков, ведших кочевой образ жизни. Верхние аорсы владели «почти что большей частью побережья Каспийского моря», аорсы обитали «по течению Танаиса», сираки занимали территорию «по течению Ахардея, который вытекает с Кавказских гор и впадает в Меотиду». На равнинах «между Танаисом и Борисфеном» Страбон помещал роксоланов (Страбон, VII, 3, 17; XI, 5, 8). Если соотнести расселение этих народов с современной картой, то верхние аорсы должны были занимать территории Северного Прикаспия и, видимо, Нижнего Поволжья, поскольку по Страбону они владели значительно большим участком земли, чем аорсы и сираки. Учитывая единство культуры, представленной погребальными археологическими памятниками II–I вв. до н. э. на территории Поволжья и Южного Приуралья, не исключено вхождение в зону кочевания верхних аорсов и Южного Приуралья. Аорсы должны были обитать на значительной части Нижнего Дона, видимо, в большинстве своем на его левобережье, так как земли между Доном и Днепром должны были принадлежать роксоланам. Сираки занимали районы Прикубанья.

Археологический и антропологический анализ погребальных памятников II–I вв. до н. э. Волго-Уральского региона позволяет сделать вывод о том, что кочевое население на этой территории включало два основных этнических компонента: прежнее население носителей прохоровской культуры и мигрантов, принесших сюда центрально-

² Следует иметь в виду, что Каспийское море Страбон считал заливом Северного океана, соединенным с ним узким проливом (География, XI, 6,1).

азиатские культурные традиции. Есть основание считать, что мигранты в большей мере были представлены мужским населением (Балабанова, 2010, с. 72, 73). Учитывая пассионарность мигрантов, выходцы из их среды возглавили вновь образованные этнополитические объединения кочевников, которые уже отличались от объединений предшествующего времени (IV–III вв. до н. э.). Судя по письменным источникам, таких объединений в степях Восточной Европы по крайней мере было четыре. От Южного Урала до Дона и Кубани: верхние аорсы, аорсы, сираки; между Доном и Днепром – роксоланы. Они были самостоятельны в политическом отношении, в каждом из них был свой правитель, опиравшийся на дружину. В определенной мере они отличались и в этническом отношении, о чем свидетельствуют определенные различия в погребальном обряде между кочевническими памятниками на территориях Волго-Уральского региона, Кубани и междуречья Дона и Днепра.

Таким образом, сохранение прохоровских черт в погребальном обряде и материальной культуре в значительной мере было характерно для двух аорских этноплеменных объединений, нежели сираков Кубани и роксоланов междуречья Дона и Днепра.

Кочевники раннесарматского времени, занимая огромные степные пространства на стыке Азии и Европы, играли важную роль трансляторов культурных достижений многих народов на огромные расстояния. На юге территория обитания сарматов граничила с раннегосударственными образованиями Средней Азии, народами Кавказа, через которые осуществлялись контакты с древними цивилизациями Востока, с античными центрами Приазовья и Северного Причерноморья. На севере естественной границей сарматских кочевий была лесостепная зона, простирающаяся от Зауралья до Самарской области и Среднего Дона. Кочевники осуществляли связь между народами, обитавшими на южных и северных границах их территории. Сарматы с ранних периодов своей истории участвовали в различных политических акциях в качестве наемников или союзников противоборствующих сторон, например, в период утверждения Ахеменидской Персии в Средней Азии и ее борьбе с Македонией. Полученные или захваченные ценности затем достигали районов Южного Приуралья.

Были и другие пути контактов между пограничными территориями кочевников. Есть основания полагать, что маршруты кочевий сарматов в Поволжье охватывали огромные расстояния.

Отдельные группы ранних сарматов могли осуществлять сезонные перекочевки от Северного Прикаспия до территории современной Самарской области (Очир-Горяева, 2005, с. 15–33). В результате таких перекочевок отдельные изделия северокавказских центров и причерноморских античных городов могли доставляться в достаточно отдаленные северные территории. Так, например, широко по степи распространялась керамика северокавказских производственных центров, достигая северных границ сарматских кочевий, а в могильнике Ново-Мусино на территории Башкирии была найдена гераклейская амфора начала III в. до н. э. В одном из курганов у с. Иштуганово на р. Белой были найдены две монеты понтийского царя Митридата VI Евпатора, чеканенные во время его правления (120–63 гг. до н. э.) (Кропоткин, Обыденнов, 1985, с. 242–246). Это время заключительного этапа раннесарматской культуры. Известно, что сарматские воинские контингенты привлекались Митридатом в борьбе против Рима.

Массовым материалом, свидетельствующим о разнообразных связях сарматов со странами Древнего Востока и античным миром, являются бусы, изготовленные из разных пород камня (Аникеева, 2012, с. 168–188). При посредстве сарматов бусы попадали к их северным соседям.

Осуществлялись связи и по другому направлению: Восток – Запад. Выше уже отмечалось поступление в степные районы Волго-Уралья разного типа вещей центральноазиатского происхождения со II в. до н. э. Особо следует отметить клинковое оружие, мечи без металлического навершия, в оформлении близкие аналогичному китайскому оружию, а также мечи с кольцевым навершием, тип которых сложился в Центральной Азии, которые при посредстве кочевников поступают в северные лесостепные районы.

На культуру раннесарматского населения оказывало влияние и лесостепное население Зауралья и Предуралья. Это, например, широкое распространение, вплоть до Нижнего Поволжья, на раннем этапе прохоровской культуры тальковой керамики, которая была заимствована кочевниками у своих северо-западных соседей (Мошкова, 1974, с. 29–38). Большое количество мечей и кинжалов прохоровского типа, происходящих из случайных находок, на территории Башкирии (Исмагилов, 2001, с. 117–147), может свидетельствовать о том, что где-то в этих районах располагались ремесленные центры по изготовлению этого типа клинкового оружия, которое при посредстве кочевников распространялось на обширную степную территорию.

ГЛАВА 5

ЦВЕТНАЯ И ЧЕРНАЯ МЕТАЛЛООБРАБОТКА В СТЕПЯХ ВОЛГО-УРАЛЬЯ В РАННЕМ ЖЕЛЕЗНОМ ВЕКЕ

ЦВЕТНАЯ МЕТАЛЛООБРАБОТКА У РАННИХ КОЧЕВНИКОВ ЮЖНОГО ПРИУРАЛЬЯ (САВРОМАТО-САРМАТСКАЯ ЭПОХА)¹

Источниковой базой настоящего исследования являются материалы памятников савроматской², сарматской (прохоровской) и позднесарматской археологических культур Центрального Оренбуржья (бассейны рек Ори, среднего течения Урала и Илека) и Западно-Казахстанской (до 1992 г. Уральской) области Казахстана (по лево- и правобережью р. Урал). Довольно полно изучены материалы могильников, раскопанных в 1960–1970-е гг. археологическими экспедициями Института археологии АН СССР под руководством К.Ф. Смирнова в бассейнах Ори и Илека (Мечет-Сай, Близнецы, Увак, Тара-Бутак, Новый Кумак, «Три мары», Новоорский). В 1980-е гг. экспедициями Волгоградского пединститута и Института археологии АН СССР под руководством Б.Ф. Железчикова и М.Г. Мошковой в Западно-Казахстанской области раскопано несколько курганных групп в урочище Лебедевка (группы I–VIII), у сс. Жарсуат и Тау. Привлечены также материалы раскопок Б.Н. Гракова 1920-х гг., проведенных в окрестностях Оренбурга (Бис-Оба, Нежинский, Благословенский).

В лаборатории естественнонаучных методов Института археологии РАН методом полуконического спектрального анализа исследована представительная выборка – 1145 образцов меди

и бронз из трех основных районов скопления савромато-сарматских могильников на территории Южного Приуралья. Самым восточным кустом памятников оказался бассейн Ори, далее на запад – группа в среднем течении Урала и, наконец, огромный Лебедевский могильник на левобережье Урала.

Весь материал, согласно имеющимся датировкам савромато-сарматских памятников (Смирнов, 1961; 1964; Мошкова, 1963; 1974; Железчиков, 1980; 1986), был разбит на дробные хронологические группы. Погребения VII–VI вв. до н. э. представлены 89 образцами из районов среднего течения Урала; VI–V вв. до н. э. – 84 из бассейна р. Ори; V–IV вв. до н. э. – 77 из районов среднего течения р. Урал, 7 – Илек, 249 – Ори и 97 – Западно-Казахстанской (далее – ЗК) области; IV–III вв. до н. э. – 66 из бассейна Илека, 99 – Ори, 241 – ЗК область; III–II вв. до н. э. – 39 из ЗК области; I–III вв. н. э. – 97 из той же области. В итоге наиболее полными выборками представлены материалы V–IV и IV–III вв. до н. э. – 430 и 406 образцов, а из географических районов – бассейн р. Ори и левобережье Урала в пределах ЗК области (432 и 474 образца). Неравномерность сборов отражает как состояние источников к середине 1980-х гг., так и своеобразие региональных групп. Малочислен-

¹ В 1985–1987 гг. Т.Б. Барцева (см. о ней: Черных и др., 2013) на базе ранее собранных материалов взялась за разработку плановой темы «Цветной металл кочевников Южного Приуралья савромато-сарматской поры». Работа опиралась на блестящие образцы типолого-морфологических исследований цветного металла савроматской и сарматской археологических культур, выполненные известными российскими сарматологами К.Ф. Смирновым (1961; 1964), М.Г. Мошковой (1956; 1963), А.Х. Пшеничноком (1983) и Б.Ф. Железчиковым (1980; 1986). М.Г. Мошкова и я были рецензентами данного труда Т.Б. Барцевой, высоко его оценили и рекомендовали к скорейшему изданию. Тяжелые семейные обстоятельства, к сожалению, вынудили Т.Б. Барцеву рано оставить научную деятельность. В печати нашли отражение лишь отдельные аспекты изучения ею сарматского цветного металла (Барцева, 1984; 1987; 1993).

Публикуемая в настоящем издании глава включает в себя основные результаты рукописи «Цветной металл кочевников Южного Приуралья савромато-сарматской поры». Важно отметить, что историко-металлургическое исследование Т.Б. Барцевой вышло за пределы традиционных подходов к изучению цветного металла в сарматской археологии. Результаты труда Тамары Борисовны оказались весьма важными: удалось выявить рецепты сплавов и динамику их использования в географическом и хронологическом аспектах не только у кочевников Южного Приуралья, но и в целом в пределах Евразийского степного и лесостепного пояса. В работе рассмотрены вопросы об импульсах сложения и развития цветной металлообработки у ранних кочевников Южного Урала, о своеобразии данного производства в кочевнических обществах раннего железного века (С.В. Кузьминых).

² Здесь и далее использование терминов «савроматы», «савроматский» не является синонимом терминов, известных по письменной античной традиции. В каждом случае речь идет о савроматской археологической культуре и ее носителях (С.В. Кузьминых).

ность аналитических образцов V–IV вв. до н. э. из памятников бассейна Илека связана с условиями музейного хранения богатого инвентаря могильника Пятимары – он остался недоступным для аналитического исследования³. Тем не менее, выборка, которая легла в основу настоящей работы, дала возможность проследить динамику развития и смену цветных сплавов на каждом хронологическом этапе, обрисовать специфику локальных вариантов и поставить вопросы об исходных импульсах появления тех или иных сплавов у ранних кочевников Южного Приуралья. Результаты аналитического изучения савромато-сарматского металла этого региона рассматривались на широком фоне материалов тасмолинской культуры Центрального Казахстана, саков Приаралья и Семиречья, памятников степи и лесостепи Западной Сибири и Алтая, а на западе – Кавказа и юга Восточной Европы.

*Металл рубежа VI–V вв. до н. э.*⁴ Металл архаических комплексов (84 ан.) представлен в группах Новый Кумак (к. 26, п. 2; к. 19, п. 1, 2) и «Три Мара» (к. 3, п. 1) близ Орска, на самой восточной окраине расселения «савроматов». Ведущими здесь являются сплавы на медной основе: оловянные бронзы (48%) и группа мышьяковых бронз (31%), в которую объединены собственно мышьяковая медь или бронза (11%), сплавы Cu+Sn+As (9%), Cu+Sn+Pb+As (7%), Cu+Pb+As (3%) и Cu+Sb+As (1%). Разнобой вариаций в группе мышьяковых бронз в сочетании с низкими количественными показателями и индифферентным соотношением с типологическими характеристиками свидетельствует, вероятно, о случайности выявленных типов сплавов и о существовании единой мышьяковой химико-металлургической группы. По 11 и 10% приходится на долю изделий из «чистой» меди и оловянно-свинцовых бронз.

Данные о сплавах архаических комплексов, сопоставленные с типологическими характеристиками, некоторыми деталями погребального обряда и всего сопровождающего инвентаря, позволили ближайшим химико-металлургическим параллелям выявить в древностях казахстано-алтайско-сибир-

ского круга. Имеются в виду аналогии уздечным наборам из могильника «Три Мара», яркому колчанному набору четырехгранных наконечников стрел (к. 19, п. 2) и зеркалам-дискам с бортиком и центральной петлей-ручкой (к. 26) из Нового Кумака.

Покомплексное изучение материала показало неоднородную насыщенность различных памятников тем или иным типом сплава. В результате проведенных расчетов и сопоставлений с синхронными материалами смежных областей можно считать установленным, что ранний савроматский металлургический комплекс складывался под сильным воздействием мира восточных кочевников, что не противоречит положению о доминировании в савромато-сарматской историко-культурной общности на начальных этапах этногенетической системы связей. Не исключена и частичная инфильтрация кочевых казахстано-алтайских племен на территории, занятые савроматскими племенами). С другой стороны, неоднородность химико-металлургических показателей, рассчитанных для отдельных закрытых комплексов, свидетельствует о многоплеменном составе савроматского общества. При общем высоком коэффициенте химико-металлургической близости (S) с сакскими комплексами Приаралья и Семиречья (S 0.7-0.79) наблюдаются большие расхождения внутри самой орской группы (S 0.4-0.59). По мере продвижения к западным границам савроматской территории степень связи ослабевает, и с комплексом к. А-12 Блюменфельда она не выше 0.38-0.49. Зато с частью архаических скифских памятников связь Блюменфельда весьма существенна: 0.70 с Келелмесом и Нартаном и 0.55-0.60 с древностями днепровской Лесостепи, но неожиданно низко с Красным Знаменем (0.40). Расчеты наглядно демонстрируют все многообразие межплеменных и родоплеменных взаимоотношений внутри кочевых обществ. По мере поступательного развития древних обществ изменяется характер и направление связей с окружающим миром.

Металл V и V–IV вв. до н. э. Эти века были временем наиболее широкого распространения памятников раннесарматской культуры, свидетельствуя, вероятно, о своеобразном «демографическом взрыве». Отмечается несколько крупных скоплений курганных групп (своеобразных «герросов», по М.К. Кадырбаеву), нередко расположенных в местах погребений предшествующей поры (по Ори – Новый Кумак, «Три Мара»; по Илеку – Пятимары, Мечет-Сай). Обширные курганные группы (Лебедевка) открыты по левобережью Урала. Имеются они и в районе Оренбурга (Бис-Оба, Нежинка, Благодословенский). В Западном Казахстане скопление больших курганных

³ В 1980–1990-е гг. большие сборы образцов цветного металла савромато-сарматского времени были проведены из памятников Башкортостана (раскопки А.Х. Пшеничнока) и восточных районов Оренбуржья (Новоорский 1 и 2 могильники, раскопки С.Н. Заседателевой). К сожалению, в силу технических проблем большая часть этих материалов не прошла аналитическую обработку (С.В. Кузьминых).

⁴ В рукописи присутствовал раздел, посвященный характеристике металла раннескифского Гумаровского могильника. Он был передан В.Ю. Зуеву, тогда сотруднику Государственного Эрмитажа, готовившему публикацию Гумаровского могильника в АСГЭ, и утрачен.

полей отмечено по верховьям Илека в районе Актюбинска.

Изменения той эпохи коснулись и металла. Статистическая обработка 357 образцов позволила выделить несколько химико-металлургических групп или типов сплавов: Cu, Cu+Sn, Cu+Sn+Pb, Cu+Sb+As, Cu+As, Cu+Sn+As, Cu+Sn+Pb+As, Cu+Pb+As, Cu+Pb+Sb. Следует особо отметить заметное увеличение доли «чистой» меди, особенно среди восточных памятников бассейна р. Ор: Новый Кумак – 65%, «Три Мара» (45%), Ново-Орский (79%) (исключение здесь к. 7 – 10%). Однако главенство «чистой» меди и количественное распределение многокомпонентных искусственных рецептов в неповторяющихся сочетаниях представлены в каждом из изученных географических районов. В среднеуральской группе ведущее положение оказалось у оловянных бронз (Нежинка – 78%, Бис-Оба – 48%), в лебедовской – у сурьяно-мышьяковых (исключения – к. 25, п. 5; к. 6, п. 6, 7). Перекрестных межгрупповых совпадений немного: к. 27, п. 5 Лебедевки V близок к. 8 Бис-Обы (0.76), к. 26, п. 3, 4 (0.61) и к. 11, п. 2 (0.58) Нового Кумака; к. 7 Ново-Орского близок к. 6 Лебедевки V (0.85). Произведенные расчеты химико-металлургической близости по отдельным комплексам подтверждают сложность и многообразие племенных и, возможно, семейно-родовых отношений. По данным расчетов появилась возможность наметить сферу воздействия новокумакского союза по восточным и северо-восточным пограничным областям савроматской территории, на юге – с пограничными савроматскими материалами из Кумис-Сая и Хлебодаровки. Сильны и внутренние связи в орской группировке (S 0.70-0.82). Затухают связи с сакским (S 0.22-0.30) и скифским миром (S 0.17-0.22). Воздействия новокумакского союза наиболее выразительны в вертикальном срезе (S с Березовкой в бассейне р. Уй – 0.80-0.89; с Кумис-Саем, Хлебодаровкой – 0.70).

В Лебедевском союзе, вероятнее всего, образованном пришлыми племенами, разрушившими могилы предшествующей поры и захватившими междуречье левобережья Урала и Илека (по М.Г. Мошковой), сильны восточные связи, ярко проявившиеся в типологических и химико-металлургических сходствах (уздечки из к. 17 Лебедевки VII). В мир восточных (сибирско-алтайских) древностей уводят и четырехгранные в сечении наконечники стрел из колчаных наборов к. 48, п. 3 и к. 6 Лебедевки V, отлитые преимущественно из сурьяно-мышьяковых бронз. Внутренняя взаимосвязь лебедевских комплексов, хотя и уступает по абсолютным показателям новокумакским, все же довольно высока (S 0.64-0.76) (исключение к. 27, п. 5 Лебедевки V). С комплек-

сами Нового Кумака стабильной картины связей не обнаружено: от низких 0.29-0.36 до вполне ощутимых 0.58-0.61. С внешним скифским миром сходства почти нет (S 0.25 для днепровской Лесостепи, 0.35 с Тау), сакский круг памятников показал также незначительную связь (0.32). Столь же невысоки связи и с металлом среднего течения р. Урал: Нежинка – 0.21-0.36, Бис-Оба аул 1 – 0.22-0.37. Значительна она лишь с комплексом к. 8 Бис-Обы (0.55-0.75) у двух погребений Лебедевки V (к. 27, п. 5) и Лебедевки VII (к. 16, п. 6, 7).

Для группы среднего течения р. Урал наблюдается сходная чересполосица связей, что и у лебедевской группы. В качестве ее своеобразия нельзя не отметить довольно высокую связь к. 3 Нежинского со скифами днепровской Лесостепи (0.51-0.64) и саками Казахстана (0.59), кургана у аула I Бис-Обы также со скифами (0.75-0.88) и саками (0.58). Отсутствие какой-либо системы в выявленных связях, вероятнее всего, отвечает многоплеменности состава кочевых обществ со своими сферами влияний, особенно ярко проявившихся в финале сарматской поры, особенно на востоке сарматского мира.

Металл IV, IV – III вв. до н. э. В IV в. до н. э. с распространением в степях Южного Приуралья прохоровской культуры происходят значительные изменения, коснувшиеся всех сторон материальной культуры кочевников, в том числе и металла. Среди погребального инвентаря увеличивается количество железных изделий, которые представлены в равных соотношениях с бронзовыми. Нередки находки украшений, импортной посуды, среди которой на первое место выдвигается круглодонная керамика. Центры формирования основного ядра культуры находились в степях Южного Приуралья, где открыты и самые ранние ее памятники.

Аналитическому исследованию были подвергнуты 270 изделий из раннесарматских погребальных комплексов бассейна Илека (52 ан.), левобережья Урала (117), среднего течения Урала (40) и Ори (61). К рубежу IV–III вв. до н. э. относятся 182 образца из бассейнов Ори (38) и Илека (20), левобережья Урала (124). Выборка довольно представительная, охватывает материалы ведущих памятников прохоровской поры всех локальных вариантов. Важно отметить, что качественный состав химико-металлургических групп остался прежним. И хотя номенклатура сплавов не изменилась, происходят радикальные изменения в их количественном распределении, особенно заметном для бассейнов Илека, Среднего и левобережного Урала

Как и в предшествующее время, металлургически «чистая» медь доминирует в металле бас-

сейна Ори (82% в IV в. до н. э. и 79% в IV–III вв. до н. э.). Столь же незначительна здесь доля оловянных бронз (13% в IV в. до н. э., к IV–III вв. до н. э. сходят на нет). Несколько увеличивается процент сурьмяно-мышьяковых сплавов (от 5% в IV в. до н. э. до 15% в IV–III вв. до н. э.). Редки оловянно-свинцовые сплавы (2% в IV в. до н. э., 6% в IV–III вв. до н. э.). В целом для орской группы можно отметить плавную линию развития. Иначе выглядят коллекции среднего течения Урала, где доли ведущих типов сплавов изменились полностью. Если для периода V–IV вв. до н. э. мы отмечаем господство оловянных бронз при равных долях «чистой» меди и оловянно-свинцовых рецептов, то для прохоровской поры отмечается фактическое отсутствие первых (3%), возвышение доли медных сплавов (до 57%) и появление сурьмяно-мышьяковых бронз (40%). В коллекциях левобережья Урала (в лебедевских группах) IV в. до н. э. наблюдается равновесие между медными (41%) и сурьмяно-мышьяковыми сплавами (44%), а в IV–III вв. до н. э. – небольшой перевес «чистой» меди (58%) над сплавами Cu+As и Cu+As+Sb. Доля оловянных бронз в среднеуральской (3%) и левобережной группах (6%) очень невыразительна. Столь же невелик и процент оловянно-свинцовых бронз (2% в IV–III вв. до н. э. для Левобережья). Новшеством в илехских коллекциях явилось употребление серебряных изделий.

Последний рецепт заслуживает особого внимания, ибо из него чаще всего отлиты редкие у кочевников типы украшений (гривны, височные кольца, прорезные нашивные бляхи), но очень близкие по типологическим схемам к изделиям ближневосточного круга. Встречались и бесспорно импортные (иранские) вещи, в частности, зеркало из к. 8, п. 5 могильника Мечет-Сай (Смирнов, 1968). Исследование высокооловянного иранского зеркала с насыщенным микросоставом по висмуту, железу, никелю, кобальту позволило связать с восточным производством еще ряд зеркал новокумакских (ан. 33051, 33047, 33086) и лебедевских (ан. 29135, 29291, 29272, 29208, 29201) комплексов.

Не расходятся с гипотезой о сильных влияниях со стороны восточного (переднеазиатского?) мира типологические схемы трехлопастных наконечников стрел с косыми срезами лопастей по отношению к втулке, сходные с изображением негатива на литейной форме из Мосула. Сопряженность наконечников этого типа со сложным сурьмяно-мышьяковым сплавом позволяет считать их отлитыми в единых производственных центрах, отличных от тех, где изготавливались наиболее привычные у сармат трехлопастные наконечники (типа VIA и

XII) из «чистой» меди. Определенным доказательством чуждого состава наборов большинства изученных лебедевских погребений может служить и их крайне низкий показатель сходства с новокумакской группой (S 0.17-0.43), хотя внутренние связи как в лебедевской (0.58-0.73), так и в новокумакской группе (0.8-1.0) очень высоки.

Те же расчеты позволили наметить и контуры сфер влияний главенствующих политических союзов. Группа Нового Кумака наибольшее проявление находит в вертикальном срезе, что уже было установлено по материалам савроматской поры. В IV–III вв. до н. э. сфера воздействий расширяется за счет материалов Уметбаевского могильника в Башкирском Приуралье (под Стерлитамаком) (S 0.8-0.84). Заключение по территории Башкирии носят предварительный характер в силу выборочности исследованных материалов. Контакты с соседями по широтным направлениям незначительны. Среди памятников среднего течения Урала под Оренбургом и далее в левобережье из общего массива выделяется лишь к. 27, п. 5 Лебедевки V. Сфера воздействий лебедевского союза сильнее всего отмечена с частью комплексов группы Илека (S 0.56-0.82), Благословенского (S 0.62-0.72), в Башкирии – Рычковский, к. 2 на пограничье с Оренбургской областью по правому берегу Урала (S 0.70-0.82 с Лебедевкой). Далее на запад влияние лебедевской группы распространяется до уральского правобережного могильника Жарсуат, ближе расположенного к волжскому бассейну (S 0.55-0.67-1.0).

Металл позднесарматского периода. Значительный период сарматской истории на территории Южного Урала отмечен отсутствием сколько-нибудь значительных комплексов позднесарматской поры, что объясняется отливом населения на запад. В 1980-е гг. значительное количество позднесарматских погребений открыто в Лебедевских курганных группах. Пока что это единственная изученная позднесарматская серия металла Южного Приуралья.

Рецептура позднесарматского периода представлена в широком диапазоне, без видимого преобладания в качестве ведущего какого-либо одного из рецептов. Из 98 статистически обработанных образцов их распределение по сплавам выглядит так: «чистая» медь – 9% (11 экз.), Cu+Sn – 7% (7 экз.), Cu+Sn+Pb – 20% (20 экз.), Cu+As – 2% (2 экз.), Cu+Sn+Pb+As – 3% (3 экз.), Ag – 8% (8 экз.), биллоны Cu+Ag – 18% (17 экз.), Cu+Pb – 3% (3 экз.), латуни Cu+Zn – 19% (18 экз.), многокомпонентный сплав Cu+Zn+Sn+Pb – 11% (11 экз.). Произошла фактически полная смена качественно-количественных рецептурных показателей. Из старых в очень незначительных пропорциях пред-

ставлены медные и оловянные сплавы и рецепты с примесью мышьяка (по 7, 9 и 5 %). На первые места выдвинулись сплавы на медной основе с лигатурой цинка (ок. 30%), оловянно-свинцовые бронзы (ок. 23%) и серебряные изделия (ок. 26%).

Смена рецептурно-химического состава изделий тесно взаимосвязана с изменениями инвентарного набора погребений. Теперь ведущее место среди бронзового инвентаря занимают разнообразные виды застежек-пряжек, фибул, бляшек, пронизок-обоймиц, многообразные детали, украшавшие конскую упряжь, зеркала. Кардинальные изменения в номенклатуре сплавов связаны не столько с производственными причинами, сколько реально отражают изменения внутри сарматского общества в начале I тыс. н. э. Следует отметить, что изученная коллекция происходит из погребений Лебедевских групп II, IV, V, VI, занимавших степной прикаспийский коридор, соединявший Европу с Азией, по которому шли караванные торговые пути, в том числе и Великий шелковый путь древности, находившийся под контролем племенного объединения, оставившего Лебедевский некрополь (Мошкова, 1982, с. 80, 85, 86).

Истинную роль участия сарматов в этот период смогут раскрыть лишь дальнейшие сборы и обработка материалов памятников начала I тысячелетия Нижнего Поволжья и Северного Причерноморья. В нашем же распоряжении оказалась выразительная коллекция из 16 бронзовых фибул, имеющих точные хронологические привязки и ареалы, часто с указанием производственных центров. Наиболее широкое распространение получили фибулы с изогнутой треугольной пластинчатой спинкой, плоским приемником с завитком на конце (Смирнов, 1961, рис. 16 Б: 57; 21 А: 13, 33; Табл. II В: 16, 17) (Лебедевка VI, к. 16, ан. 29182; к. 22, ан. 29207; Лебедевка IV, к. 1, ан. 29189; к. 19, ан. 30361; Лебедевка II, к. 2, ан. 30352; Лебедевка V, к. 39, ан. 39392; к. 49, ан. 30429, 30424). Примыкает к ним серия фибул северопричерноморского типа с крючком-тетивой из к. 25 Лебедевки VI (ан. 29275) с ромбовидной спинкой. Реже встречаются подвязные лучковые фибулы (Амброз, 1966, с. 45–47, табл. 5: 15, 21, 22): Лебедевка V, к. 23, п. 1, 2, ан. 25782, 25783; Лебедевка VI, к. 33, ан. 29260; к. 39, п. 1, ан. 29284; к. 28, ан. 29259; Лебедевка IV, к. 2, ан. 29123).

Все найденные в Лебедевских комплексах фибулы были широко представлены в первые века нашей эры в городских центрах Северного Причерноморья, на Кубани, в Нижнем Поволжье. Скорее всего, из этих районов данные изделия попадают к сарматам Южного Приуралья. Именно с ними связаны и многосоставные сплавы с добавками цинка, неизвестные на этой территории в

более ранних комплексах. При этом пластинчатые фибулы предпочитали лить из латуней (ан. 30392) и многокомпонентного сплава с преобладанием цинка над остальными лигатурами (ан. 30424). Редко использовали серебро (ан. 30429), один раз – сложный оловянно-свинцово-мышьяковый рецепт (ан. 29122). Лучковые фибулы изготавливали из оловянно-свинцовой бронзы (ан. 25783, 25782, 29260, 29123), один раз отмечена оловянная бронза (ан. 29259) и сложный многокомпонентный сплав (ан. 29284). Расхождения рецептурно-типологического характера, безусловно, свидетельствуют о работе нескольких центров или мастерских. Следует учитывать и хронологическое размежевание: имеются данные о широком распространении фибул с пластинчатой спинкой в более позднее время (III–IV вв.) (Амброз, 1966, табл. 5).

Ханьские зеркала из поздних комплексов (к. 39, п. 2 Лебедевки VI, ан. 32192; к. 23, п. 2 Лебедевки V, ан. 32193) отлиты из оловянно-свинцового сплава с насыщенным микросоставом (висмут, никель, кобальт в сотых долях процента). Маленькое зеркальце из к. 35 Лебедевки VI с центральной петелькой близко ханьским по химическому составу, но, скорее всего, изготовлено из оловянной бронзы. Зеркало-диск с коротким отростком для прикрепления ручки (ан. 30428) из к. 49 Лебедевки V изготовлено из местной уральской меди по рецепту оловянной бронзы, повторяя химико-металлургические схемы простых дисковидных зеркал предшествующего периода.

К кругу оловянно-свинцовых бронз относится массивный колокольчик (ан. 29286) из к. 39, п. 2 Лебедевки VI, но менее насыщенного химического состава.

Уздечные наборы из позднесарматской коллекции обычно серебряные, из серебра изготовлены и мелкие пронизки (ан. 30430), многогранная и круглая бусины (ан. 29247, 30350), мелкие пряжки овальной и прямоугольной формы (ан. 32195, 32194). Часть круглых пряжек (ан. 29181, 29183) из к. 16 Лебедевки VI сделана из оловянной бронзы. Характерно, что в небольшой коллекции лебедевских пряжек ни одна не отлита из сплавов с добавками цинка, преобладающих в изделиях городского производства (Черных, Барцева, 1972). Скорее всего, это продукция мастерских, не связанных с центрами северопричерноморского (городского) круга.

Металлическая посуда из Лебедевских курганов группы VI представлена котлами яйцевидной формы на небольших поддонах, с боковыми ручками – гладкими либо с тремя отростками на них. По тулову (в верхней трети сосуда) проходит валик-веревочка. Большинство котлов изготовлено из «чистой» уральской меди, ножики – свинцовые,

что, вероятно, отражает определенные технологические приемы их изготовления (ан. 30370, 29282, 29245; ножки – ан. 29277, 30427). Существует мнение об изготовлении подобных котелков в Зауралье (доклад М.Г. Мошковой о раскопках Лебедевки в 1980 г. на секторе скифо-сарматской археологии 4.02.1981 г.), в иткульском очаге металлургии. В иных центрах отлит из свинцовой бронзы котел бокаловидной формы на невысоком коническом поддоне (ан. 29278, 29280) из к. 37 Лебедевки VI.

ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ЖЕЛЕЗНЫХ ИЗДЕЛИЙ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ I ТЫС. ДО Н. Э. С ТЕРРИТОРИИ ЮЖНОГО ПРИУРАЛЬЯ И ПОВОЛЖЬЯ

Внедрение в исследование археологических материалов методов технических наук, в частности металлографии, позволяет значительно расширить наши представления о многих сторонах истории кочевников степного Поволжья и Приуралья, территории, традиционно связываемой во второй половине I тыс. до н. э. с сарматскими племенами.

Одной из ключевых проблем в этом плане является существование местного производства и обработки чёрного металла. До сих пор эта проблема остаётся дискуссионной. Ряд исследователей допускают такую возможность. Например, К.Ф. Смирнов считал кочевников Поволжья и южного Приуралья искусными металлургами, кузнецами и литейщиками (1964, с. 60–62). Противоположного мнения придерживается М.Г. Мошкова, которая полагает маловероятным, чтобы кочевники «занимались бронзолитейным или железоделательным промыслом, не говоря уже о добыче и выплавке металла» (1989, с. 205). Мы разделяем точку зрения М.Г. Мошковой и для обоснования этой точки зрения приведём сначала общие соображения.

Прежде всего, следует отметить трудоёмкость таких производств, как металлургия и металлообработка, требующих длительных затрат времени на поиск и разработку рудопоявлений, подготовку и обработку сырья и топлива, а также возведение сложных пиротехнических конструкций и т. д. Всё это подразумевает стационарные условия для работы, а это никак не соотносится с образом жизни и менталитетом кочевников. Из сказанного следует, что ремесленными товарами, и прежде всего железными изделиями, степняки обеспечивались за счёт обмена или военной добычи.

В связи с этим встаёт вопрос об источниках поступления железных изделий к сарматским племенам. Решению этого вопроса во многом могут помочь такие объективные данные, как аналитические исследования, характеризующие технологию производства (металлография) и химический состав (рентгенофлуоресценция) артефактов.

При этом интересно отметить, что котлы обычно сочетаются в комплексах с уздой и не сочетаются с предметами туалета, фибулами, пряжками. Вероятно, здесь будет уместно вспомнить мнение М.Г. Мошковой о продвижении какой-то части сарматских племен в позднесарматское время с территории Средней Азии, но говорить о значительном среднеазиатском компоненте преждевременно (Железчиков. 1980, с.127, 128).

В настоящее время база археометаллографических данных второй половины I тыс. до н. э. по изделиям из степной зоны Поволжья и Приуралья составляет около сотни анализов. Основу этой коллекции составляют исследования, проведённые авторами в Лаборатории естественнонаучных методов Института археологии РАН (Завьялов, 2010; Терехова, 2011; Завьялов, Терехова, 2019). Ранее исследования отдельных предметов из сарматских памятников с различных территорий проводились Б.А. Шрамко с группой металлургов (Шрамко и др., 1974). Проанализировано пять мечей и кинжалов, относящихся к разным периодам сарматской истории. Позднее появились работы В.Н. Порох (1999), Г.А. Вознесенской (Вознесенська и др., 2002), С.В. Рязанова (2006).

Исследованные нами предметы представлены мечами и кинжалами. Значительная часть артефактов – это случайные находки с территории Башкирии (сборы Р.Е. Исмагилова, см.: Терехова, 2011). Кроме того, исследованы материалы из могильников Филипповка 1, Прохоровка (Завьялов, 2010), Гумаровский и некоторых других. В коллекцию включены также два наконечника копий (из могильников Филипповка 1 и Прохоровка). Отнести конкретный артефакт к тому или иному периоду сарматской истории позволяет хорошо разработанные типология (Смирнов, 1961) и хронология (Граков, 1947) сарматского оружия. Позже рядом исследователей на конкретном материале в эти разработки были внесены определённые коррективы (Горбунов, Исмагилов, 1976; Зуев, 1998; Хазанов, 2008).

В исследованной коллекции представлены предметы, которые могут быть распределены по трём хронологическим периодам (по Б.Н. Гракову): скифо-сарматский (савроматский) период (VI–IV вв. до н. э.), раннесарматский (прохоровский) период (IV–II вв. до н. э.) и среднесарматский (суловский) период (конец II в. до н. э. – II в. н. э.).

Самым ранним из исследованных артефактов является фрагмент савроматского меча второй по-

ловины VII в. до н. э., найденный близ г. Камышин Волгоградской обл. Меч имеет бронзовую рукоять с брусковидным навершием и почковидным перекрестием. К сожалению, от клинка сохранилась лишь небольшая часть у перекрестия. По структуре металла (феррит) можно говорить о том, что по крайней мере эта часть клинка была изготовлена из железа (Порох, 1999, с. 319). Использовались ли способы улучшения механических свойств клинка, сказать невозможно.

Анализ археометаллографических данных, полученных при исследовании клинкового оружия скифо-сарматского периода, демонстрирует достаточно развитый для этого времени уровень металлургии и металлообработки. Наряду с изделиями, выполненными в простых технологиях (откованных целиком либо из железа, либо из сырцово-стали⁵), существенную долю составляют артефакты, изготовленные с использованием высокотехнологичных для раннего железного века операций, таких как разнообразные виды цементации (искусственное получение стали), наварка и термическая обработка. Подобные технологические схемы зафиксированы на трети исследованных изделий этого времени (табл. 1). Примечательна высокая доля термообработанных клинков – около четверти артефактов, что относительно много для раннего железного века. Причём обращает на себя внимание, что использовались особые виды термической обработки: мягкая закалка и нормализация. Мягкая закалка предполагает нагрев стального изделия до определённой температуры (750–900 °C)⁶ и относительно медленное охлаждение в таких средах, как масло, жир и т. п. Нормализация – это нагрев стального изделия до температуры 900 °C, выдержка при этой температуре и охлаждение на открытом воздухе. Цель таких приёмов термической обработки – повысить твёрдость и при этом избежать хрупкости стального изделия. Использование мягкой закалки и нормализации свидетельствует о хорошем знании мастерами свойств чёрного металла, изменяющихся под воздействием различных температурных процессов, что в свою очередь свидетельствует о длительном опыте работы кузнецов с подобным металлом.

В настоящее время хорошо известно, что такие высокие технологии были распространены не позднее VIII в. до н. э. на Северном Кавказе. Эти технологические приёмы зафиксированы на

материалах из Тлийского могильника (Вознесенская, 1975), Сержень-Юрта и Ульских курганов (Терехова, 2002; 2015). В VII–V вв. до н. э. использование особых видов термообработки (мягкой закалки и нормализации) распространяется в среде средневожских памятников ананьинской культурно-исторической области (Завьялов, Розанова, Терехова, 2009, с. 66). Примечательно, что именно из этого региона, по утверждению В.Н. Васильева, к савроматам поступали мечи с почковидным перекрестием (2001). Таким образом, есть все основания рассматривать территорию аозинско-ахмыловской и постмаклашевской культур как источник снабжения номадов железными изделиями.

Обратимся к следующему хронологическому периоду – раннесарматскому. Коллекция исследованных железных предметов этого времени (прохоровская культура) состоит из 41 экземпляра, происходящих в основном с территории Южного Приуралья. Как свидетельствуют археометаллографические данные, в технологии производства клинкового оружия происходят кардинальные изменения. Характерным технологическим приёмом в прохоровское время становится многослойная сварка заготовок из нескольких полос железа и сырцово-стали (семь экз.). Практически исчезают изделия, выполненные с использованием высокотехнологичных приёмов (использование искусственно полученной стали и особых видов термообработки). Возрастает по сравнению с предшествующим периодом доля изделий, изготовленных в простых технологиях, то есть откованных целиком из железа (44%) или сырцово-стали (27%).

Изменение технологических характеристик железных предметов в этот период, по всей вероятности, связано со сменой источника производства кузнечных изделий.

В пользу этого предположения свидетельствует и такой показатель, как изменения в структуре шлаковых включений. По данным польского исследователя Е. Пясковского, структура шлаковых включений отражает их химический состав, который в свою очередь зависит от состава руды, использованной при плавке (Piaskowski, 1976). Структурный анализ показал, что в раннесарматское время типы шлаковых включений резко отличаются по сравнению с предшествующим периодом (Терехова, 2011, с. 70). То есть мы можем говорить о разных сырьевых источниках для производства скифо-сарматского и раннесарматского оружия.

Для проверки высказанного предположения о различии в составе металла савроматских и раннесарматских клинков мы провели анализ распре-

⁵ Сырцовая сталь – сталь, полученная непосредственно в ходе металлургического процесса. Отличается неравномерным и, как правило, невысоким содержанием углерода.

⁶ Температура металла определялась по цвету каления заготовки.

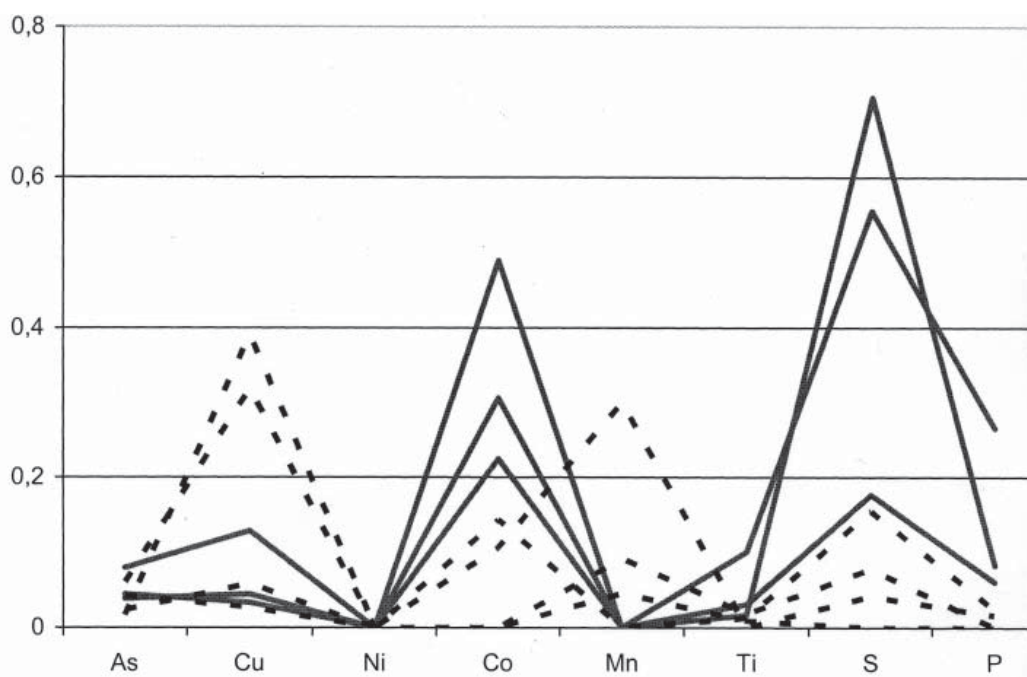

Рис. 1. Распределение микропримесей (в %%) в металле скифо-сарматской (сплошная линия) и раннесарматской (пунктир) культур

деления микропримесных элементов в железных изделиях, относящихся к указанным периодам (всего исследовано семь предметов скифо-сарматского периода и 12 предметов прохоровской культуры). Определения осуществлены в лаборатории реставрации Института археологии Академии Наук Чешской Республики (Прага) на рентгенофлуоресцентном анализаторе NITON XL3t GOLDD+. Анализ выявил присутствие в металле в виде микропримесей таких элементов, как As, Cu, S, P, Ni, Co, Mn, Ti. Среди них диагностирующими можно считать Ni, Co, Mn, процентное содержание которых демонстрирует определённые различия в составе скифо-сарматского и раннесарматского металла (рис. 1). Этот вывод подтверждает предположение о происхождении металла изделий из различных источников. Соответственно, и о различных центрах производства кузнечных изделий в скифо-сарматский и раннесарматский периоды. К сожалению, в настоящее время у нас нет достаточных аналитических данных для локализации этого центра или центров.

Следующий хронологический период, среднесарматский (суловская культура), представлен незначительным количеством анализов – всего 20 предметов. Малочисленность исследованной коллекции не позволяет сделать вывод о характерных особенностях обработки чёрных металлов в этот период. Тем не менее можно говорить о тенденции в сохранении приёмов металлообработки, характерных для прохоровского времени. Клинки откованы из железных и стальных (сырцовая сталь) заготовок, по-прежнему используется мно-

гослойная сварка, высокотехнологичные приёмы (цементация готового изделия и термообработка) встречены на единичных образцах. На близость суловского и прохоровского металла указывает также и распределение типов шлаковых включений (Терехова, 2011, с. 70). Таким образом, традиция, отмеченная на материалах прохоровского времени, продолжается, что, вероятно, свидетельствует о поступлении железных изделий из того же источника, что и для прохоровской культуры.

Итак, мы рассмотрели технологические особенности производства железных изделий, распространённых в разные периоды у степного населения Поволжья и Южного Приуралья. В результате выявлены существенные различия в технологии изготовления и химическом составе артефактов. Мы увязываем это с поступлением кузнечной продукции в среду кочевников с разным уровнем развития технологии обработки чёрных металлов. К сожалению, из-за недостатка аналитических данных не во всех случаях мы можем локализовать эти источники. Однако, что касается скифо-сарматского времени, то по всем параметрам в изготовлении железной продукции довольно чётко прослеживаются кавказские производственные традиции. Памятниками, наиболее близко расположенными к территории савроматов, где широко представлены изделия из чёрного металла, выполненные в подобных традициях, является ареал ананьинской культурно-исторической области. Отметим, что с прекращением бытования ананьинских памятников в Поволжье в V в. до н. э. в сарматской среде исчезают

РАННИЙ ЖЕЛЕЗНЫЙ ВЕК

железные предметы, выполненные в подобных традициях.

В целом приходится констатировать, что в производстве железных изделий, распространённых в

среде сарматских племён в IV–II вв. до н. э., наблюдается негативная динамика, которая обусловлена технологическими особенностями нового источника поступления изделий из чёрного металла.

Таблица 1

Распределение технологических схем изготовления железных предметов из сарматских памятников по хронологическим периодам

Период	Технология						Всего	Из них термообработано
	Из железа	Из сырцово-вой стали	Из многослойной заготовки	Из цементированной стали	Цементация	Наварка		
скифо-сарматский	6	14	1	6	2	1	30	7
раннесарматский	18	11	7	1	4	-	41	2
среднесарматский	2	9	6	-	3	-	20	3

ГЛАВА 6

АНТРОПОЛОГИЯ РАННИХ КОЧЕВНИКОВ «САВРОМАТО-САРМАТСКОГО» ОБЛИКА ВОЛГО-УРАЛЬЯ

В период поздней бронзы степи и лесостепи Волго-Уралья были населены срубными и алакульскими племенами. Условной линией, разделяющей две общности являлась горная гряда Уральских гор и Мугоджары (каз. Мугалжар) – южный отрог Уральских гор в Казахстане, к югу от Губерлинских гор. В раннем железном веке практически по тому же принципу разделились сакские и савромато-сарматские общности. В основе разделения находятся экологические, географические, исторические и др. факторы. Однако распространение ранних кочевников савромато-сарматского облика связано не только с территорией Волго-Уралья. Подвижный образ жизни способствует расширению ареала, с включением районов Северного Приаралья и Устюрта, которые входили в маршруты их сезонных миграций. Изучение ранних кочевников савромато-сарматского облика в связи с большой территорией выявило несколько основных регионов их расселения:

– Западный Казахстан, Волго-Уралье, а также Северное Приаралье – в основном памятники, тяготеющие к реке Урал и ее притокам;

– Регион Нижнего Поволжья и Подонья – памятники на рр. Волга и Дон;

– Пустынная территория Устюрта и полуостров Мангышлак (территория между Аральским и Каспийским морями, где до границ с Древним Хорезмом распространены памятники ранних кочевников «савромато-сарматского» облика).

Территория Западного Казахстана и Волго-Уралья, находящаяся на пересечении различных путей, является основной частью ареала распространения ранних кочевников «савромато-сарматского» облика, на которой широко представлены очень яркие могильники кочевой элиты. В связи с этим фактом изучение населения VI–II вв. до н. э. Западного Казахстана и степной части Волго-Уралья рассматривается как одна из наиболее интересных задач для решения вопросов расо- и этногенеза ранних кочевников на большой территории их распространения.

Самой ранней работой по антропологии раннего железного века (Прохоровские курганы) рассматриваемого периода с территории Западного Казахстана является публикация С.И. Руденко

(1918), автором рассматриваемые черепа описываются, как брахикранные и не соотносятся с черепами андроновской культуры эпохи бронзы. В ходе археологических работ в Актюбинской области антропологическим отрядом Казахстанской экспедиции Академии Наук был получен и исследован один череп из могильника Урал-сай (к. 2, м.я. 2), как и в работе С.И. Руденко, авторами отмечено отличие его от черепов эпохи бронзы с той же территории. Однако при этом зафиксирована морфологическая близость к черепам из прохоровских курганов (Комарова, 1927, с. 236, 237).

Г.Ф. Дебеч в своей обобщающей на тот период работе по палеоантропологии СССР пересматривает данные полученные С.И. Руденко и М.Н. Комаровой, объединяет их по физическим особенностям с черепами из могильников Бис-оба и Матвеевка (к. 3) и соотносит с сарматами Поволжья. Все эти черепа имеют брахикранный черепную коробку и широкое лицо. Однако они выделяются на фоне европеоидных и очень высоколицых черепов из Алебастровой горы и Матвеевки (к. 5). Подобные черты, по данным автора, могут быть индивидуальным отклонением от «андроновского варианта», однако не исключается и их возможная близость с памиро-ферганским типом усуней Семиречья. Таким образом ранние кочевники Волго-Уралья представлены двумя антропологическими вариантами. Первый является потомком местного населения эпохи бронзы, происхождение второго на то время не было выяснено. Черепа раннего железного века с территории Нижнего Поволжья по хронологическим периодам не различаются, а при разделении по территориальному признаку имеющиеся серии представлены двумя вариантами, один обнаруживает такие же физические особенности, что и население Западного Казахстана, в связи с этим делается вывод о перемещении групп населения на территорию Поволжья с Западного Казахстана и второй неясного происхождения, возможно связанный с населением, которое являлось потомками катакомбной культуры (Дебеч, 1936; 1948, с. 146–148, 167–171).

После фундаментального труда Г.Ф. Дебеча имел место некоторый перерыв в изучении антропологических материалов савромато-сармат-

ского времени, связанный с необходимостью накопления материала. В конце 50-х годов XX в. начинаются систематические археологические исследования памятников ранних кочевников, в результате чего появляется ряд работ, посвященных антропологии данного периода.

В 1958 г. М.М. Герасимовой была опубликована статья «Савроматский череп из Нижнего Поволжья», посвященная исследованию черепа, найденного у д. Комаровка. Череп, по мнению автора, обнаруживает очевидное сходство с черепами андроновцев Казахстана (Герасимова, 1958).

В.В. Гинзбург и Б.В. Фирштейн исследуя черепа сарматов Западного Казахстана (современная Западно-Казахстанская область) из могильников раскопанных И.В. Сеницыным и Т.Н. Сениговой а также 3 черепа из могильника Ак-Жар с территории Актюбинской области отмечают, что сарматы Западного Казахстана неоднородны. Несмотря на краниологическую неоднородность сарматов, проживающих на разных территориях, авторы отмечают морфологическое сходство между ними. По их мнению, несомненны связи как приуральских, так и поволжских сарматов с населением Средней Азии. Физический облик населения раннего железного века был промежуточным между андроновским и типом Среднеазиатского Междуречья. Также отмечается, что население эпохи бронзы более раннего периода принимало непосредственное участие в сложении физического облика ранних кочевников региона, причем племена андроновского облика играли в этом ведущую роль (Гинзбург, Фирштейн, 1958).

В 1959 году В.В. Гинзбург исследовал серию из Калиновского могильника, раскопанного на территории Нижнего Поволжья. Дифференцировав серию по хронологическому принципу, автор отмечает, что основным расовым типом для всех периодов, являлся европеоидный, внутри которого выделяются различные антропологические типы. Поиски генетических связей указывают на два пути: один направлен на запад и юго-запад – в Подонье и на Северный Кавказ, в частности, Прикубанье; второй – андроновский свидетельствует о происхождении части населения, преимущественно, из северо-восточных и восточных областей (Саратовское Заволжье, Западный Казахстан). Наличие типа Среднеазиатского Междуречья свидетельствует о связях с сарматами Астраханского района, исследованного Дебецем, а возможно и с населением Средней Азии (Гинзбург, 1959).

Н.М. Глазкова и В.П. Чтецов изучили 8 черепов из могильников у сел Быково и Иловатка (раскопки К.Ф. Смирнова), пришли к выводу о близости черепов савроматов к срубным сериям, с возмож-

ным влиянием и андроновского компонента (Глазкова, Чтецов, 1960).

Б.В. Фирштейн, анализируя антропологические материалы ранних кочевников, делает заключение о том, что предками носителей раннесарматской культуры были племена различных культур эпохи бронзы: срубной культуры Нижнего Поволжья, племен эпохи бронзы Казахстана, а также возможно синхронные савроматам племена. Черепа савроматов характеризуются европеоидным обликом. На одном из черепов фиксируется монголоидность, которая появилась в период либо савроматский, либо непосредственно предшествующий ему (Фирштейн, 1961).

В 1962 году Т.С. Кондукторова ввела в научный оборот новые материалы по раннему железному веку. К савроматскому периоду (VI–IV вв. до н. э.) относятся 8 черепов с территории Оренбургской области (мог. Увак, Близнецы, Тара-Бутак и Новый Кумак). Все они характеризуются брахикранией, средневысоким и среднешироким хорошо профилированным по горизонтали лицом с большим выступанием носовых костей. По результатам анализа женская часть серии ближе к серии срубной культуры, чем к серии андроновской. Однако мужская часть не образует очевидной близости с серией срубной культуры, скорее она ближе андроновским черепам. Черепа из сарматских памятников Оренбургской области (Любимовка, Буруктай, Увак. Близнецы) сходны между собой, они брахикранные с низким, широким, хорошо профилированным лицом и выступающим носом. Находят наибольшее сходство с черепами из сарматских памятников Саратовского Заволжья (Кондукторова, 1962).

С территории Башкирии М.С. Акимовой изучена серия сарматской культуры из могильника Старые Кишки. Серия отличается европеоидным обликом, брахикранной черепной коробкой, низким и широким, среднепрофилированным по горизонтали лицом с большим выступанием носовых костей. На черепах, возможно, фиксируется небольшая примесь монголоидности. Отличие сарматского населения от синхронных групп северных районов Башкирии и близость сармат к населению Астраханской области Нижнего Поволжья, подтверждает приход населения на территорию южной части Башкирии с Юга (вероятно автор имел ввиду общую территорию Волго-Уралья и Казахстана) (Акимова, 1964). В 1968 году М.С. Акимова опубликовала данные по черепам савроматского периода из могильников Новый Кумак и Аландское. По мнению автора исследований, савроматы имеют в своем составе два антропологических компонента: первый имеет крупные размеры, широкое лицо и сильно выступающий

нос. Второй имеет менее длинную черепную коробку, более узкое, высокое и несколько уплощенное лицо и меньший угол выступания носовых костей, который связывается с влиянием населения с монголоидными элементами, вероятно из-за миграции с Востока. По своим особенностям они близки населению срубной культуры. Сравнение черепов раннесарматского периода из могильников Мечет-Сай, Новый Кумак и Старые Кишки позволило автору сделать вывод о разных антропологических вариантах в пределах большой европеоидной расы представленных в анализируемых могильниках, на некоторых черепах отмечается монголоидная примесь (Акимова, 1968).

Анализируя антропологические материалы ранних кочевников с территории Заволжья Т.А. Тот и Б.В. Фирштейн характеризуют их как европеоидные с небольшой примесью монголоидности. Сарматы разных территорий Урала и Поволжья при небольшой вариабельности отдельных признаков весьма близки между собой и связаны с предшествующим савроматским населением. Небольшая морфологическая разница, зафиксированная между группами связаны с разной долей участия в их сложении племени различных культур эпохи бронзы: срубной, андроновской, а также частично катакомбной. (Тот, Фирштейн, 1970).

В 1992 году Р.М. Юсупов опубликовал средние данные по небольшой раннесарматской серии из могильника Ново-Мурапталово и отметил смешанный монголоидно-европеоидный облик сармат Приуралья (Юсупов, 1992).

Под руководством А.Х. Пшеничнюка в 1986–1990 гг. исследовался Филипповский могильник. В результате археологических работ была получена и опубликована Р.М. Юсуповым небольшая краниологическая серия (Юсупов, 1996; 2001), затем серия была дополнена краниологическими данными (Юсупов, Нечвалода, 2012). По данным автора/ов серия характеризуются крупными размерами, развитым костным рельефом. Расовый тип – смешанного происхождения, в основе которого европеоидный комплекс признаков протоевропейского типа, несколько сглаженного примесью монголоидных особенностей в строении лицевого скелета и носовых костей. Сравнение серии из Филипповки с другими синхронными сериями Южного Урала показывает их относительную близость. При относительной стабильности основного ядра населения в савромато-сарматское время можно отметить усиление монголоидной примеси в физическом облике ранних сарматов по сравнению с савроматами, что проявилось в ослаблении профилированности лицевого скелета и угла выступания носа. По результатам проведенного анализа автор приходит к выводу о близости

серии из Филипповки с сериями Южного Урала, что говорит о единстве расогенеза, связанного с сако-массагетскими племенами Приаралья и Семиречья, причем монголоидная примесь связывается с территорией Алтая (Юсупов, 1996; Юсупов, 2001; Юсупов, Нечвалода, 2012).

Л.Т. Яблонский, анализируя краниологические серии из Покровских могильников¹, также фиксирует их промежуточное положение между сериями с монголоидной примесью и без таковой, отмечая, что серии из могильников Покровка 2 и Покровка 8 отклоняются в сторону усиления европеоидности (Яблонский Л.Т., 2000, с. 253). По мнению автора, «основу физического типа ранних кочевников Южного Приуралья составили брахикранные относительно низколицие и относительно широколицие европеоиды с хорошо профилированным в горизонтальной плоскости лицом, иногда с более или менее выраженной монголоидной примесью». Автор отмечает, что данный тип не имеет прямых аналогий среди синхронных серий других регионов (Яблонский, 2012).

Краниологическая серия из могильника Прохоровка² представлена европеоидными черепами с мезобрахикранной мозговой коробкой и средними размерами лицевого скелета, при относительно широким лице, с большим выступанием носа. Мужская серия неоднородна, женская серия суббрахикранная и высокая, лицо широкое, низкое, угол выступания носа небольшой. Так, в результате сравнительного анализа на фоне серий эпохи бронзы-раннего железного века савроматские и раннесарматские коллективы находят аналогии с населением Зауральской лесостепи, Приуральской лесостепи и Южного Приаралья. С точки зрения автора необходимо искать прародину ранних кочевников на территории восточнее территории Южного Предуралья. Вопрос о близости прохоровской серии к сериям савроматского и раннесарматского времени из Волго-Уралья решается наличием специфического очага расообразования на данной территории. При этом относительный краниологический полиморфизм связан с разновременными и разнонаправленными миграциями и антропологическими диффузиями в условиях подвижного кочевого образа жизни (Яблонский, 2003).

С территории Западного Казахстана С.Г. Ефимовой был исследован могильник Лебедевка, имеющий в своем составе погребения ранних

¹ Данные по краниологии не опубликованы

² К сожалению в таблицы, вероятно, закрались ошибочные значения, которые выходят за пределы индивидуального размаха изменчивости отдельных краниометрических признаков. В средние по женщинам добавлены два подростка.

кочевников от VI по III вв. до н. э. На имеющихся материалах была отмечена гетерогенность по сравнению с предшествующим периодом эпохи бронзы и выделено три основных компонента:

– массивный брахикранный европеоидный, по мнению автора соотносящийся с андроновским населением эпохи бронзы;

– узколикий долихо-мезокранный, имеющий аналогии в среде срубного населения Южного Урала и Заволжья, а также на территории Средней Азии;

– низколикий монголоидный компонент, локализуемый в лесной полосе Урала и Зауралья.

С.Г. Ефимова, аргументируя тезис о преемственности населения савроматского и раннесарматского хронологических горизонтов, отмечает тот факт, что данные антропологические варианты сохраняются на протяжении всего рассматриваемого времени (Ефимова, 2006).

Одонтологические особенности населения, оставившего могильник Лебедевка (изученный по краниологии С.Г. Ефимовой), были изучены С.П. Сегедой. Серия была изучена по широкому комплексу расово-диагностических признаков. Выделенный им грацильный компонент автор объясняет возможным влиянием южного грацильного одонтологического типа, связанного со Средней Азией. По частотам расовых признаков (так называемые «восточные» признаки) серия в целом отнесена к европеоидным формам с несколько завышенными в европеоидном масштабе частотами лопатообразных резцов, шестибугорковых нижних моляров и затеков эмали. Подобное описание связывается с древним и современным «уралоидным» одонтологическим комплексам. Исследуемая серия близка к могильнику Казыбаба с территории Устюрта (Сегеда, 2006).

Материалы из могильника Переволочан³ на территории Приуралья, близкие по данным археологии к материалам из могильников Филлиповка и Прохоровки по краниологическим материалам также близки перечисленным могильникам, относятся к «дружинным» памятникам и встраиваются в систему населения степной части распространения савромато-сарматской общности (Нечвалода, 2014).

Антропологические серии из могильников Черная II и Кардаилово, датируемые IV–III вв. до н. э. раскопанные в Илекском районе Оренбургской области Л.Н. Коряковой изучены А.Н. Багашевым. Автор отмечает, что серия не отличается от других сарматских серий региона. При этом фиксирует-

ся своеобразный морфологический комплекс, в котором несколько нарушена историческая корреляция. Данный комплекс имеет брахикранный черепную коробку, широкое уплощенное по горизонтали лицо в сочетании с профилированным переносьем и средне-сильно выступающим носом, причем на мужских черепках он выражен более отчетливо, а на женских в несколько ослабленном виде. Возможно, этот антропологический компонент связан с населением Западной Сибири раннего железного века. Европеоидный компонент антропологического типа оренбургских сарматов генетически связан с кочевыми племенами Южного Приуралья и Нижнего Поволжья сарматского времени (Багашев, 1997).

Краниологическая серия, полученная при археологических работах близ города Орск Оренбургской области V–III вв. до н. э. (Ново-Орские I и II, Ново-Кумакский), несмотря на то, что составляют искусственно собранную серию, по мнению авторов является относительно однородной. Причем метисация имеет давнюю историю, корнями уходящую в эпоху бронзы Волго-Уралья – региона, который являлся мощным очагом расогенеза (Хохлов, Фризен, 2004). Впоследствии краниологические материалы из того же региона изучены М.А. Балабановой и Е.В. Перервой (мог. Ново-Орские I и II, Ново-Кумакский, Новопетропавловка, «У телевышки»). Сборная серия савромато-сарматского времени гетерогенна, близка синхронным краниологическим сериям Волго-Уралья и Нижнего Поволжья. На некоторых черепках фиксируется монголоидная примесь, схожая с черепками из Ново-Орского могильника, опубликованными А.А. Хохловым, и С.Ю. Фризенем (2004). Подобные монголоидные особенности часто встречаются на синхронных материалах Южного Приуралья (Балабанова, Перерва, 2008).

Два черепа из Ивановского могильника Оренбургской области савроматского времени относятся к разным антропологическим типам, имеющим широкое распространение в раннем железном веке. По мнению авторов, один связан с населением Среднего Поволжья, другой – с кочевническим миром степной полосы, конкретнее с территорией Приуралья савромато-сарматского времени (Фризен, Боруцкая, 2009). Исследования Николаевского курганного могильника в Стерлитамакском районе Башкирии помимо погребений эпохи бронзы, дали несколько погребений сарматского времени III–I вв. до н. э. Черепа смешанного монголоидно-европеоидного, с преобладанием европеоидного компонента. Черепа не выходят за рамки краниотипа, характерного для раннесарматских групп Волго-Уралья (Нечвалода, Куфтерин, 2006)

³ По мужским черепкам опубликованы лишь средние краниометрические данные, несмотря на то, что по женщинам даны индивидуальные.

Ранние кочевники с территории современной Самарской области немногочисленны и не отличаются от кочевников Приуралья, что подтверждает близость и возможное единство протекающих процессов на территории Волго-Уралья. Имеющиеся материалы не говорят о гомогенности ранних кочевников степной части региона, однако они укладываются в имеющееся разнообразие морфологических вариантов савромато-сарматского населения (Хохлов, 2000; 2003).

Публикационная работа по могильнику Талдысай 1 с территории Актюбинской области несмотря на малочисленность серии позволяет сделать лишь общий вывод о том, что мужская и женская выборки из могильника Талдысай I демонстрируют закономерную, на наш взгляд, близость к группам савроматского и раннесарматского времени Волго-Уралья (Китов, Фризен, 2007). Также были опубликованы материалы из могильников Майтубек и Жусандьой, которые показали близость к «савромато-сарматскому» населению региона (Китов, 2011а; Китов, 2011б).

Серия степного Приуралья из могильника Яковлевка немного отличается от основных серий к западу от Приуралья и близка серии из могильника Мечет-Сай, которую М.С. Акимова отличала по некоторым особенностям от всех из известных черепов савромато-сарматских памятников. Несмотря на это, савроматская серия из яковлевского могильника в принципе, не выходит за рамки краниологических форм, характерных для степного населения Приуралья этого же времени. Вместе с тем она тяготеет к своеобразному грациальному типу (Нечвалода, 2002). По предварительным результатам анализа сборной серии из Южного Зауралья, опубликованным Е.П. Китовым, она оказывается близкой Яковлевскому могильнику, находящемуся рядом и географически. В целом, особенностями многих черепов серии, судя по размерам, является заметная грациальность, уплощенность лицевого отдела в сочетании с несильным выступанием носа (Китов, 2007). Подобные характеристики в комплексе ранее отмечались А.А. Хохловым и С.Ю. Фризенем для некоторых серий савромат Южного Урала. К примеру, для женской серии из новоорских курганов. Данные исследователи интерпретируют подобные черты, как принадлежащие уралоидному комплексу, таким образом, подразумевая участие в расогенезе южно-уральских савромат какого-то северного населения. Вместе с тем, они отмечают, что уралоидность на новоорских черепах савромат не обязательно является следствием протекающих на тот момент контактов. Возможно, это может быть интерпретировано как сохранившееся наследие тех физических особенностей, которые форми-

ровались в данном регионе среди некоторых до-савроматских групп населения, при активных контактах европеоидных и уралоидных групп еще в эпоху бронзы (Хохлов, Фризен, 2004).

Анализ сборной серии из могильников ранних кочевников Западного Казахстана С.Ю. Фризенем и А.И. Нечвалодой позволили сделать выводы об отсутствии резких различий облика населения савроматского и раннесарматского горизонтов, что свидетельствует о генетической близости двух периодов и подтверждает вывод о том, что они были не только предшественниками, но и близкими родственниками. На протяжении IV–II вв. до н. э. население степей Южного Зауралья является крайне гетерогенным, с присутствием здесь как минимум 2-х антропологических вариантов: европеоидного и с монголоидной примесью. Результаты межгруппового сопоставления свидетельствуют о контактах ранних кочевников Южного Зауралья как с сакским населением Южного Приаралья, так и с населением лесостепи Западной Сибири. А женская серия тяготеет к лесостепному населению Западной Сибири. Основной импульс, по мнению авторов, связан с Южным Приаральем (Фризен, Нечвалода, 2007). Итогом работы с антропологическими коллекциями Южного Урала стала защита кандидатской диссертации С.Ю. Фризена «Население степей Южного Приуралья в раннесарматское время» в 2011 году.

Следующим активным этапом работы с антропологическими коллекциями Волго-Уралья стало обобщение и активная обработка массового антропологического материала, уже накопленного в профильных организациях. Достаточно крупным обобщением всех имеющихся данных региона явилась монографическая работа Е.П. Китова и А.М. Мамедова «Кочевое население Западного Казахстана в раннем железном веке» (Китов, Мамедов, 2014). Авторами были приведены достаточно обширные данные по памятникам, откуда происходят антропологические материалы; как индивидуальные, так и суммарные данные по краниологии, одонтологии, а также палеопатологии и травматологии. Впервые были обобщены краниологические характеристики населения «савромато-сарматского» облика по периодам (конец VI – 1 половина IV; конец IV – 1 половина III; конец III–I вв. до н. э.). Проведение сравнения особенностей населения по периодам, показало отсутствие значимых различий в краниологических признаках разных этапов всего периода существования ранних кочевников, что говорит о преемственности населения на территории Волго-Уралья на ранних этапах железного века. В сложении антропологических особенностей населения участвовал высоколицый степной компо-

нент с уплощенными, несколько разнесенными в стороны скуловыми костями. Этот особый степной антропологический тип (условно его можно было бы именовать «степной казахстанский») складывается в степной части Азии еще в эпоху энеолита-бронзы (Хохлов, Китов, 2013; 2014; 2015). Также можно предположить, что на протяжении IV–III вв. до н. э. происходило смешение брахикранного, широколицевого европеоидного населения с большим углом выступления носа с пришлыми брахикранными монголоидными группами, также характеризующимися широколицем, но при этом малым выступанием носовых костей (Китов, Мамедов, 2014, с. 195–197).

Женская сборная серия IV–III вв. до н. э. отражает присутствие монголоидных элементов, наличие которых, видимо, обусловлено притоком брахикранного низколицевого населения с малым углом выступления носовых костей, вероятно, с территории Зауралья и Западной Сибири. Это подтверждается и наличием черепов монголоидного облика лесостепного и, возможно, таежного происхождения с территории Зауралья и Южной Сибири. В качестве примера можно привести женские черепа из могильников Домбаровский и Облавка II, погребения 3 кургана 1. Судя по краниометрическим характеристикам, близкие им черепа происходят и из других серий региона, например, из могильников Лебедевка (Ефимова, 2006), Шумаево II (Хохлов, 2003) и др. Также по своеобразному сочетанию признаков, среди остальных серий выделяются черепа из могильника Облавка, вероятно, отражающие недавнее смешение степного и прошлого для данной территории населения низколицевого таежного монголоидного облика. Интересно проанализировать археологические материалы могильника Облавка на предмет их соотношения с территориальными особенностями зауральских групп. В IV–III вв. до н. э. возможно незначительное усиление монголоидной/уралоидной примеси в связи с притоком населения из Зауралья, что находит подтверждение и по данным археологии (Китов, Мамедов, 2014, с. 195).

По данным одонтологии также фиксируется преемственность населения с VI по III вв. до н. э. и делается вывод о возможном сложении антропологического покрова раннего железного века Волго-Уралья, Мангышлака и Устьурта на антропологической основе степного европеоидного, лесостепного и лесного уралоидного населения эпохи поздней бронзы (Китов, Мамедов, 2014, с. 209).

Работа с большим количеством антропологических серий с территории Волго-Уралья в различных хранилищах и лабораториях на территории России, Казахстана и Узбекистана привела к серии статей, где были опубликованы краниологи-

ческие, остеометрические, палеопатологические и травматологические данные по ранним кочевникам степной полосы Волго-Уралья и Западного Казахстана.

Обобщение по частоте встречаемости, характеристике и локализации травматических повреждений на 551 черепе ранних кочевников степной полосы Волго-Уралья и Западного Казахстана позволило сделать ряд интересных выводов. В результате обработки большого массива краниологических коллекций выявлено 37 травм на черепах, что составляет 6,7 % от общего количества исследованных индивидов. Из них четыре трепанации (0,72 %), три из которых можно считать возможным последствием травм (0,54 %). Компрессионные травмы встречены на восьми черепных коробках (1,45 %), травмы носа – 15 (2,72 %), повреждения клинковым оружием – в шести случаях (1,1 %), проникающие (вероятно, от удара клевцом) – дважды (0,36 %), и поражения стрелами – в четырех случаях (0,73 %). Практически все травмы прижизненные и имеют следы заживления. Только в двух случаях (0,36 %) у индивидов фиксируются следы травматических повреждений, несовместимых с жизнью. Оба случая находятся на северной периферии территорий кочевания номадов савромато-сарматского облика (могильники Журавлиха – Самарская область, и Старые Кишки – Республика Башкирия). Анализ распределения травм по полу в общей серии показывает, что травмы отмечены в основном на черепах мужчин (86,5 % всех травм). Лишь в пяти случаях отмечены травмы у женщин. У детей и подростков они не выявлены. Анализируя географическое распределение серий с травмами, можно отметить, что их количество несколько возрастает к северу от территории их распространения. При этом могильник Старые Кишки, находящийся неподалеку от современного г. Уфа на р. Белой, демонстрирует пик травматизма у населения, оставившего данный памятник. Вероятно, можно отметить, что между населением лесостепной и степной территорий были обостренные взаимоотношения, которые приводили к сравнительно частым конфликтам. Данный факт подтверждает и череп из могильника Журавлиха из Самарской области. В остальных случаях летальных травм не зафиксировано. Таким образом, был сделан вывод о том, что кочевники Южного Приуралья савромато-сарматского круга в V–II вв. до н. э.⁴ принимали участие в различных военно-политических конфликтах и столкновениях за пределами бассейна р. Урал. Это, в свою оче-

⁴ Вероятно можно расширить эти рамки с конца VI по I в. до н. э.

редь, отвлекало часть активного военного населения этого региона и снижало уровень внутренних вооруженных конфликтов. Все эти процессы нашли отражение в особенностях травматических повреждений на костных останках населения этого региона, указывающих на сравнительно низкий процент смертности от получения боевых травм, повлекших летальный исход (Китов, Хохлов, Иванов, 2019). Впоследствии на черепе из погр 1, к. 2 могильника Утвинка (Западный Казахстан) была обнаружена сквозная травма черепа, в результате удара оружием (чекан), возможно приведшая к гибели индивида, сложность точного датирования данного погребения привела к выводу о возможности появления социальной напряженности в период, когда арридизация степной полосы Евразии запустила процесс перемещения сарматских племен с территории бассейна р. Урал и обострению конфликтов внутри племенного союза (Китов, Хохлов, Китова, 2020).

Анализ краниометрических данных 26 черепов раннесарматского периода из могильников: Бердянка V, Кардаилово I, Медведка, Нижняя Павловка, Привольное I, Пятилетка, Тамар-Уткуль VII и VIII привел к выводу о том, что она очень близка суммарным сериям Волго-Уралья или точнее бассейна р. Урал и не выбивается из общей картины представления о физическом облике ранних кочевников региона (Китов, Капинус, 2018). Подобную картину показывает и результаты сравнения краниологической серии Филлиповка I на фоне серий ранних кочевников (Myshkin, Khokhlov, Kitov, 2020).

Небольшая серия из могильника Мортык I с территории бассейна реки Эмба на сегодняшний день является одной из самых южных географически исследованных памятников раннесарматского времени. По итогам анализа краниологических и остеометрических данных, несмотря на небольшую численность индивидов, представленная серия находит ближайšie аналогии с населением бассейна реки Урал конца VI–IV вв. до н. э. По результатам анализа можно отметить, что памятник Мортык I входит в общий массив савромато-сарматских памятников, которые занимают не только бассейн р. Урал и плато Устюрт, но и регион на севере от Аральского моря (Китов, Григорьев, 2020).

Серия из могильника Кос-Оба из Западно-Казахстанской области составляет 27 черепов, которые были проанализированы по краниологической и палеопатологической программам. По результатам анализа данная серия имеет общую генетическую основу с ранними сарматами бассейна р. Урал, что подтверждается близостью и материальной культуры, и погребальных традиций для савромато-сарматских групп. По данным

палеопатологии, изученная выборка незначительно выделяется на фоне данных по другим группам сарматского времени. Некоторые патологии зубной системы указывают на возможные различия в рационе между мужчинами и женщинами (в частности, приуроченность случаев кариеса в основном к женской части серии). Травмы, выявленные в процессе исследования, прижизненные, зажившие. Ранее уже указывалось, что на территории бассейна р. Урал присутствуют лишь прижизненные травмы со следами заживления, в том числе и боевые (отсутствуют травмы, которые могли повлечь за собой смерть индивида). Также можно отметить, что представленная нами серия достаточно однородна по краниологическим характеристикам (Китов, Карапетян, 2021).

Анализ небольшой серии из могильника Уркач I савроматского времени, ранее уже представленной в работе Е.П. Китова и А.М. Мамедова (Китов, Мамедов, 2014) на фоне синхронных серий Волго-Уралья и смежных регионов привел к интересным выводам, в частности, о промежуточном ее положении между сериями Волго-Уралья и сакскими группами Приаралья, что позволяет говорить о возможном происхождении ранних кочевников на территории Приаралья при смешении с населением сакских традиций региона, что подтверждается и культурными аналогиями в погребальных традициях и материальной культуре (Гуцалов, Мамедов, Китов, 2021). Подобный вывод был сделан и при анализе как археологических, так и антропологических материалов из могильника Сапибулак I (Мамедов, Китов, 2015). Оба могильника территориально происходят с территории Западного Казахстана.

Необходимо также остановиться и на вопросе наличия трепанационных отверстий на черепах. Отмечены случаи трепанаций на черепах ранних этапов РЖВ – Булдуурты I, Буланово, Бердянка, Покровка VIII и среднесарматского времени из могильника Кос-Оба (Китов, Хохлов, Иванов, 2019; Китов, Капинус, 2018; Китов, Мамедов, 2014; Китов, Карапетян, 2021). Подобные манипуляции с черепами ранних кочевников неоднократно описывались в научной литературе и вызывают интерес. Наиболее часто трепанации на краниумах географически локализуются в Сибири и на территории расселения сакских племен в Казахстане и Киргизии. Причем большой массив данных происходит из крупных курганов этого региона, что приводит исследователей к выводу о наличии искусственной мумификации лиц, занимавших высокое социальное положение в обществе ранних кочевников (Китов, 2013; Китов, Китова, Оралбай, 2016; Китов, Тур, Иванов, 2020 и др.). В то же время на территории рассе-

ления савромато-сарматских племен подобная практика выполнения трепанаций встречается редко. Она могла быть связана либо с традициями, принятыми в сакских культурах, или с лечебными целями (Китов, Мамедов, 2014; Перерва, Березина, Кривошеев, 2020; Китов, Карапетян, 2021). В одном случае на черепе из царского некрополя Филипповка I, на затылочной части краниума локализуется отверстие, похожее на трепанационные отверстия, встречаемые на мужских черепках из крупных курганов сакских культур Казахстана и Киргизии. Однако общая сохранность данного черепа не позволяет однозначно высказаться в пользу подтверждения подобной аналогии (несмотря на желание распространить традицию искусственной мумификации в сакских обществах и на более западные территории, в нашем случае савромато-сарматской общности) (неопубликованные данные А.А. Хохлова и Е.П. Китова).

Одонтологические данные прохоровского времени из могильника Покровка 10 были опубликованы Н.А. Суворовой. По ее мнению, прохоровская серия (IV–II вв. до н. э.) относится к представителям западного одонтологического ствола с низкими значениями восточного компонента и близостью к скифским сериям (Суворова, 2010).

Территория Устюрта долгое время являлась неизученной. Исследования по Южному чинку Устюрта кочевнических курганных могильников дали представительные антропологические коллекции, к сожалению, не полностью до сих пор опубликованные.

Одной из первых работ с которой начинается анализ антропологии из раннекочевнических памятников с Юго-Восточного чинка Устюрта является работа Т.К. Ходжайова. По его мнению, один череп из мог. Мыс Безымянный, к. 3, датированный IV–II вв. до н. э. имеет смешанный европеоидно-монголоидный облик и близок черепам тагискенско-уйгаракской группы, выделенной Т.А. Трофимовой в составе сакских групп Приаралья. Такими же морфологическими особенностями, по мнению автора, характеризуются черепа из курганов VI–V вв. до н. э. Султануиздага. Автор связывает появления населения (из курганных могильников) с проникновением сакских племен казахстанских степей (Ходжайов, 1978).

Изучение антропологических особенностей ранних кочевников Устюрта изучалось Н.А. Багдасаровой. В 1993 году ею была защищена кандидатская диссертация «Кочевники Юго-Западного Приаралья в I тыс. до н. э. – I тыс. н. э.». Диссертация была посвящена в основном изучению антропологических данных ранних кочевников и

позднесарматской культуры с территории Устюрта, однако была опубликована (по краниологии) лишь серия ранних кочевников из могильника Казыбаба⁵, датируемая VI–IV вв. до н. э. Серия гетерогенна и многокомпонентна, при преобладании европеоидных черт. Неоднородность населения, захороненного в могильнике – результат значительной метисации, в меньшей степени механического смешения. Анализ серии на фоне различных групп синхронного времени обнаружил ориентацию насельников Юго-Восточного Устюрта к приуральской части степного кочевнического массива. Отмеченная мезоморфность серии, а также выделенный компонент близкий памиро-ферганской расе, ставят перед исследователем вопрос о возможном участии населения Устюрта в ее формировании (Багдасарова, 2000а).

Одонтологические особенности савроматской и позднесарматской серий показали близость к западному одонтологическому стволу, при менее выраженных восточных признаках. При этом по данным савроматской серии более четко выделяется так называемый «уралоидный комплекс», а на позднесарматской – южный грацильный тип. При сопоставлении серий с современными и древними одонтологическими сериями раннекочевническая серия с Устюрта тяготеет к приуральским и южносибирским группам, а позднесарматская к южным (Багдасарова, 2000б).

Территория среднего и нижнего Поволжья раннего железного века на сегодняшний день изучена гораздо лучше Волго-Уралья и Западного Казахстана. Усилиями М.А. Балабановой долгое время идет сбор антропологического материала и его изучение. Защита в 1998 г. кандидатской диссертация «Антропологический состав и происхождение ранних кочевников Южного Приуралья и Нижнего Поволжья VI в. до н. э. – первой половины II в. н. э.» а затем и публикация монографии (2000) явилось итогом анализа достаточно большого по объему материала (344 мужских черепов и 180 женских). Используя различные статистические методы, автор приходит к заключению о неоднородности населения савромато-сарматского периода и отсутствии преемственности от срубной культуры эпохи бронзы, при этом подчеркивается родство носителей савроматской культуры и ранних прохоровцев (Балабанова, 2000). Затем был опубликован целый ряд работ по ранним и поздним сарматам, подведением итогов работы на тот момент стала диссертация «Позднесарматское население Нижнего Поволжья и сопредельных территорий в антропологическом контексте раннего

⁵ Были опубликованы лишь средние данные по серии

железа и раннего средневековья», защищенная в 2013 году (Балабанова, 2013).

Территория Нижнего Подонья была изучена и обобщена Е.Ф. Батиевой. Ранняя серия IX–VII вв. до н. э., характеризующаяся массивностью и круглоголовостью при некотором уплощении лица, связывается с со среднебронзовыми степными культурами, при этом ряд признаков был привнесен в результате контактов с восточными группами степного населения. По мнению автора, серия занимает особое место в цепи кочевых племен южнорусских степей (Батиева, 2011, с. 22.). Кочевники скифского времени при разнообразии антропологических вариантов в составе населения региона показывают наибольшую близость к карасукской культуре, савроматским курганам Поволжья и группам предшествующего культурно-хронологического периода (Батиева, 2011, с. 33).

Таким образом всеми исследователями подчеркивалась неоднородность антропологического покрова «савромато-раннесарматского» периода. Все авторы подчеркивали наличие в краниологических сериях кочевников разных морфологических вариантов, с европеоидными и переходными европеоидно-монголоидными чертами. На основе этого, с целью поиска прародины савромато-сармат, решались вопросы преемственности физического облика от предшествовавших им популяциям эпохи бронзы.

Несомненно, что на территории региона Западного Казахстана и Волго-Уралья фиксируется специфический очаг расообразования. При этом относительный краниологический полиморфизм связан с одновременными и разнонаправленными миграциями и антропологическими диффузиями в условиях подвижного кочевого образа жизни (Яблонский, 2003). Возможно, основной импульс для появления ранних кочевников в районах Центральной Азии следует связывать с некоей прапопуляцией, обитавшей восточнее Южного Предуралья. Параллельно, можно признать участие в расогенезе ранних кочевников потомков носителей алакульских и срубных племен. Также в среде савромато-сармат фиксируется влияние уралоидного антропологического компонента, который в небольшой доле проявлялся в краниологических сериях эпохи бронзы Волго-Уралья и менее Западного Казахстана. По крайней мере, фиксируемое влияние уралоидных популяций возможно было унаследовано от групп эпохи бронзы, хотя этот пласт не был основным для формирования физических особенностей населения в раннем железном веке. Так, Л.Т. Яблонский вслед за А.Д. Таировым и А.Г. Гаврилюком соглашается с предположением, что краниологические материалы позволяют предположить два этапа прерыви-

стых, пульсирующих миграций в двух направлениях. Первый – на запад в раннесакское время, что подтверждается особенностями населения Южного Зауралья сакского облика (Китов, Хохлов, 2012) второй – на юго-запад в савромато-сарматский период, с расширением культурно-генетического ареала распространения кочевников, сопровождающегося антропологической диффузией в пределах древнепрохоровского (Яблонский, 2012).

Нельзя также забывать, что становление облика сарматского населения происходило на стыке с лесостепным и даже лесным населением Волго-Уралья, Западной Сибири, имеющим уралоидные и где-то монголоидные черты. Нахождение савромато-сарматских групп на пограничных территориях с инородными этносами и, в определенной мере, контакты с ними, оказывали влияние на их физические особенности.

Таким образом можно подвести итоги изучения антропологического облика населения Волго-Уралья.

Население бассейна реки Урал (или Волго-Уралья) имеет смешанный облик, где основу составляют «постсрубное» и «посталакульское» население эпохи бронзы, также на его сложение по всей видимости влияют сакские группы пришедшие с территории Восточного Казахстана и Алтая, и группы с территории Зауралья уралоидного облика. Причем процессы сложения облика кочевников Западного Казахстана складываются вероятно в Приаралье и, возможно, параллельно в Зауралье, причем данные группы не теряют между собой связей. Со сменой на территории степей Западного Казахстана и Волго-Уралья экологической ситуации, происходит значительный приток населения на данную территорию. В бассейне реки Урал и Северном Приаралье формируется крупное племенное объединение савромато-сарматского облика (Китов, Мамедов, 2014). При этом большая концентрация памятников в бассейне реки Урал и Северном Приаралье подтверждают данный факт. Распространение ранних кочевников с Волго-Уралья на Нижнюю Волгу показывает близость археологических и антропологических данных.

Формирование кочевого населения на территории смешения антропологически разных степных групп (носителей культурных традиций срубной и андроновских культур) и групп уралоидного облика лесостепного и лесного происхождения на территориях Приуралья и Зауралья могло привести к морфологически специфическому облику населения на территории этой контактной зоны. Надо отметить, что контактная территория смешения срубных и алакульских племен в эпоху бронзы занимает огромную площадь Приуралья и Зауралья и доставляет много хлопот при выявлении степе-

ни участия слагающих компонентов в эпоху бронзы. При этом фиксируются и особенности по линии Север – Юг, по степени участия разных групп в составе двух больших культур (общностей) – срубной и алакульской (Китов, 2007). По мнению А.А. Хохлова, важную роль в становлении физического облика населения, возможно, следует отнести группам древнеуральской антропологической формации (Хохлов, 1996), которые, по всей видимости, начинают проникать в степную полосу еще в эпоху неолита-энеолита. Можно предположить, что данные группы являлись изолятами и сформировали свои морфологические особенности в лесной полосе Зауралья и Приуралья, диффузионно распространяясь в лесостепную и степную полосы Евразии. Уралоидное население имеет особенности физического облика, который часто по краниометрическим характеристикам можно охарактеризовать как европеоидный с элементами монголоидности. При смешении его со степными группами, что часто фиксируется в группах эпохи бронзы (наиболее ярко выражено в синташтинско-петровское время), можно отметить доминирование особенностей уралоидного комплекса над «степным». Вероятно, такой алгоритм смешения действовал на протяжении ряда столетий применительно к различным группам населения степи и лесостепи. Интенсивность контактов увеличилась со сменой типа хозяйствования на кочевой, а также с изменениями климатической обстановки.

Анализ травм на скелетных материалах позволяет подтвердить данные исторических источников, что воины-сарматы принимают участие в войнах на территории Малой Азии, вплоть до Египта. На скелетных материалах фиксируется большое количество боевых травм, полученных прижизненно. Причем наличие травм, несовместимых с жизнью, ничтожно мало и фиксируется лишь на северных границах распространения кочевников савромато-сарматского облика (Китов, Хохлов, Иванов, 2019). Сами ранние кочевники в VI в. до н. э. практически сразу осваивают территорию Устюрта и включают её в систему маршрутов кочевания, достаточно крупные группы перемещаются на Нижнюю Волгу и Подонье, где начинают

влиять на исторические процессы в Предкавказье, Приазовье и Причерноморье. Распространение ранних кочевников происходит по бассейну реки Урал в Нижнее Поволжье, на Устюрт к границам древнего Хорезма. В Подонье, Приазовье и в Причерноморье ранние сарматы вероятно теснят и частично ассимилируют скифское население.

Общность культурная и биологическая для кочевнического населения степной полосы вышеперечисленного населения на раннем этапе раннего железного века отражается как по данным археологии, так и антропологии. При этом наибольшую гомогенность она отражает для бассейна реки Урал (Южный Урал, Западный Казахстан), при этом огромные территории не должны смущать, так как часть кочевников могли сезонно кочевать с территории Южного Урала до границ Древнего Хорезма. Такие длинные маршруты кочевания порой составляли до 1500–2000 км. Вероятность подобных сезонных миграций подтверждается этнографическими данными по казахам XVIII–XIX вв.

В среднесарматский период ранние кочевники смешаются с территории Волго-Уралья (верхнее и среднее течение бассейна реки Урал) и северного Приаралья, также исчезают и памятники на территории Устюрта. При этом увеличение памятников в Нижнем Поволжье, Подонье и Предкавказье, возможно, отражает значительный приток населения. Отток населения с территории Волго-Уралья и Западного Казахстана, вероятно, обусловлен изменением климатической ситуации и усиливающейся аридизацией, что повлекло за собой сокращение территорий пригодных для выпаса скота и нарушению устоявшихся маршрутов кочевания.

Начало раннего железного века характеризуется развитием в районах Центральной Азии кочевого скотоводства, позволившемуномадам наметить и освоить новые маршруты передвижения. Это способствовало значительному расширению их ареала, активизации миграционных процессов и в целом предопределило процесс, который в конце этого периода ознаменуется «великим переселением восточных народов».

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

РАННИЙ ЖЕЛЕЗНЫЙ ВЕК

РАЗДЕЛ II

КУЛЬТУРЫ ЛЕСНОЙ И ЛЕСОСТЕПНОЙ ЗОНЫ ВОЛГО-УРАЛЬЯ

Глава 1

Ананьинская культурно-историческая область.
История изучения и историография

Глава 2

Ананьинская культурно-историческая область.
Акозинско-ахмыловская культура

Глава 3

Ананьинская культурно-историческая область.
Постмаклашеевская культура. Памятники белогорского типа

Глава 4

Ананьинская культурно-историческая область.
Ананьинская классическая культура (шнуровой керамики)

Глава 5

Ананьинская культурно-историческая область.
Вятско-ветлужская культура
(ананьинская культура гребенчато-шнуровой керамики)

Глава 6

Памятники ананьинского времени
на территории Европейского Северо-Востока

Глава 7

Кара-абызская культура. Ранний этап. Гафурийский и убаларский типы

Глава 8

Городецкая культура

Глава 9

Памятники городецкой культуры в Самарском Поволжье

Глава 10

Чурачикский могильник

Глава 11

Цветная и черная металлургия в лесной и лесостепной зоне
Волго-Уралья (IX–II вв. до н. э.)

РАЗДЕЛ II

КУЛЬТУРЫ ЛЕСНОЙ И ЛЕСОСТЕПНОЙ ЗОНЫ ВОЛГО-УРАЛЬЯ

ГЛАВА 1

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ И ИСТОРИОГРАФИЯ АКЮ

1. Конец XVIII в. – начало 1920-х гг.

Наиболее ранние упоминания о памятниках раннего железного века в Волго-Камье относятся ко второй половине XVIII в. Прежде всего это касается Уфимского «Чортова» городища, описанного известным историком и краеведом П.И. Рычковым в 1762 г. Несколько позже топографическую съемку и обследование ряда городищ эпохи раннего железа в Нижнем Прикамье (Елабужское «Чортово»), реках Вятке (Никульчинское, Чижевское) и Белой (Бирское «Чертово», Кара-Абызское) произвел его сын Н.П. Рычков, руководитель отдельного отряда «Второй академической экспедиции» академика П.С. Палласа (Рычков П.И., 1762, с. 194; Рычков Н.П., 1770, с. 44–50, 56, 140, 141, 148–151; 1772, с. 55, 56; Ашихмина и др., 2006, с. 9–11; Чижевский, 2013, с. 40, рис. 1–3; Оруджов, Глушков, 2018, с. 246, рис. 3). В 1772 г. стал известен еще один памятник этого времени – Галкинское городище на Средней Каме (Georgi, 1775, s. 619).

В 1844 г. в печати выходит небольшая заметка о древностях раннего железного века на р. Вятке (Древности, 1844, с. 514; Чижевский, 2013, с. 40), а в 1849 г. появились первые сообщения об Ананьинском могильнике (Зеленин, 1917, с. 6, 7). Эта информация вызвала возрастание интереса к древностям Волго-Камья и осознание научной общественностью необходимости проведения полевых исследований на выявленных памятниках. В 1858 г., после трех лет переговоров с удельным ведомством Вятской губернии, профессор Московского университета К.И. Невоструев (рис. 1) и городской голова г. Елабуги И.В. Шишкин (рис. 2) организовали проведение археологических исследований на «Могильнике» (рис. 3) (Невоструев, 1871, с. 595–632). Непосредственно работы на Ананьинском некрополе осуществлял П.В. Алабин – помощник управляющего Вятской Удельной конторой (рис. 4), при содействии И.В. Шишкина (Алабин, 1860; Чижевский, 2013, с. 42, 43).

В последующие годы П.В. Алабин выявил и обследовал целый ряд городищ раннего железно-

го века в Нижнем и Среднем Прикамье, а в 1865 г. осуществил первые раскопки Пижемского городища (Алабин, 1859; 1865, с. 1–9; Спицын, 1893, с. 55, 57). Не оставлял интереса к городищенской тематике и К.И. Невоструев, который дал описание ряда городищ раннего железного века и, в частности, опубликовал план «Чортова» городища, который подготовил для него художник И.И. Шишкин (Невоструев, 1871в, с. 545, 546, 573, 576–592; Чижевский, 2013, с. 44, 45, рис. 7). В Уфимской губернии подобные исследования проводил Р.Г. Игнатъев (1871, с. 156).

В 60–80 гг. XIX в. увлечение археологией охватило широкие слои коллекционеров. Наиболее крупные коллекции древностей раннего железного века были сосредоточены в собраниях Казани (А.Ф. Лихачев, В.И. Заусайлов, Н.Ф. Высоцкий) и Перми (В.А. Волегов, А.Е. и Ф.А. Теплоуховы, М.Н. Зеликман и др.) (Чижевский, 2013, с. 45).

В ходе подготовки к IV Археологическому съезду и особенно после создания Общества истории, археологии и этнографии при Казанском университете в 1878 г. география изучения древностей раннего железного века в регионе существенно расширяется. Выделяются два основных направления исследовательских интересов: 1) Ананьинский могильник и подобные ему древности; 2) «костеносные» городища.

Изучение Ананьинского могильника проводилось в основном в виде научных экскурсий, которые сопровождались закупками у крестьян предметов, найденных на его территории. Такие экскурсии организовывали П.Д. Шестаков, Ф.Д. Нефедов, барон Дж. де Бай, А.А. Штукенберг, А.М. Тальгрэн и др., а несколько ранее П.И. Лерх, К.И. Невоструев и И.Р. Аспелин (Штадлер (Денисова) Т.В., 1992, с. 66–68). Однако наибольший вклад в изучение Ананьинского некрополя сделал П.А. Пономарев, который в 1881 г. провел здесь первые профессиональные раскопки (Пономарев, 1892; Чижевский, 2013, 2013а).

Долгое время Ананьинский могильник рассматривался как уникальное явление, не имеющее аналогов в Волго-Камье, и лишь начиная

Рис. 1. Невоструев Капитон Иванович

Рис. 2. Шишкин Иван Васильевич

Рис. 3. Ананьинский могильник. Этюд И.И. Шишкина, 1868 г.

Рис. 4. Алабин Петр Владимирович

Рис. 5. Пономарев Петр Алексеевич

Рис. 6. Спицын Александр Андреевич

Рис. 7. Тальгрэн Арне Михаэль

Рис. 8. Худяков Михаил Георгиевич

с 90-х гг. XIX в. исследователи начинают фиксировать новые некрополи такого типа. К началу 1920-х гг. были известны следующие могильники: Зуевский, Каракулинский, Котловский, Младший Волосовский, Морквашинский, Релка (Чижевский, 2013а, с. 71, 84, 86, 87).

Несмотря на то, что гипотезу об особом, не связанном с Ананьинским могильником, статусе «костеносных» городищ в 1889 г. высказал А.А. Спицын (1889, с. 11, 12), он всегда подчеркивал, что честь открытия этих памятников принадлежит П.А. Пономареву (рис. 5) (Спицын, 1893, с. 47; Чижевский, 2013а, с. 83). Возможно, именно поэтому начиная с 80-х гг. XIX в. Казань становится одним из центров исследования городищ раннего железного века; здесь этой проблематикой занимались П.А. Пономарев (с 1879 г.), С.К. Кузнецов, М.В. Малахов и др. (Чижевский, 2013; 2013а, с. 88, 89).

В Вятской губернии сложилась своя школа изучения «костеносных» городищ, безусловным лидером которой был А.А. Спицын (рис. 6). В отличие от большинства археологов XIX – начала XX вв., для которых публикация коллекций не стояла на первом месте, А.А. Спицын опубликовал большой корпус источников, полученных в результате исследования вятских городищ. Эта работа не потеряла актуальности и в настоящее время (Спицын, 1893). Кроме Спицына, исследованием «костеносных» и близких к ним городищ в Вятской губернии занимались Н. Савельев, Л.А. Беркутов, А.С. Лебедев и др. (Черных, 2010; Чижевский, 2013; 2013а).

Единство материальной культуры «чудских» городищ Нижнего Прикамья и Ананьинского могильника обосновал П.А. Пономарев, который пришел к выводу об идентичности керамики и металлических изделий этих поселений с металлическими изделиями и керамикой, происходящей из «Могильника» (Пономарев, 1884,

с. 325). Впоследствии эту точку зрения поддержали А.А. Штукенберг, И.Н. Смирнов, Д.Н. Анучин, М.Г. Худяков, А.М. Тальгрэн, А.В. Шмидт, а под конец жизни и А.А. Спицын (Чижевский, 2013а, с. 80, 84).

Логичным развитием концепции единства могильников типа Ананьинского некрополя и «костеносных» городищ стало выделение А.М. Тальгреном (рис. 7) в 1919 г. ананьинской культуры и отнесение ее к переходной эпохе от бронзового к раннему железному веку (Tallgren, 1919). В то же время А.М. Тальгрэн не смог до конца разрешить проблему единства городищ и могильников и остановился на схеме, согласно которой «различия» в материальной культуре этих категорий памятников объяснялись социально-экономическими причинами. На «костеносных» городищах, по его мнению, жили бедные обитатели, а некрополи оставили богатые их соплеменники, жившие вне городищ (Tallgren, 1919, p. 77).

Монография А.М. Тальгрена завершает первый этап исследований АКИО. Сформулированные им представления о материальной культуре ананьина, определили основной вектор изучения ананьинских памятников более чем на сорок лет вперед.

Несколько позже к таким же выводам пришел М.Г. Худяков (рис. 8), который будучи незнаком с монографией А.М. Тальгрена, тем не менее фактически повторил основные положения работы финского исследователя (Худяков, 1923, с. 122–124). Учитывая недоступность монографии А.М. Тальгрена, именно эта статья М.Г. Худякова стала той работой, которая обосновала необходимость выделения ананьинской культуры для большинства советских ученых.

2. Начало 1920-х гг. – 1960 г.

После революции 1917 г. количество археологов, занимающихся проблемами ананьинской культуры, существенно сократилось, уменьши-

лись и объемы полевых исследований. В 20-е гг. XX в. известны лишь единичные факты подобного рода работ. Среди них следует отметить разведки: В.В. Гольмстен 1922–23 гг. на Самарской Луке, которые позволили ей выделить белогорский тип керамики (Гольмстен, 1925, с. 5–14; Чижевский, 2014, с. 211); В.В. Егерев 1925 г. на территории приустьевом Прикамья, где было осмотрено поселение «Курган» (Егерев, 1925, с. 153); А.В. Шмидта на Средней Каме и р. Белой, исследовавшего Галкинское и Кара-Абызское городища и окрестности д. Большой Скородум (Шмидт, 1928, с. 287, 288, 295, 296, табл. II; 1929, с. 5–15; Иванов, 2010). В 1927 г. небольшие раскопки на месте известного еще до революции Морквашинского могильника провел В.Ф. Смолин (Збруева, 1952, с. 307, 308).

К систематическим работам удалось приступить лишь во второй половине 20-х гг., когда Антропологической комплексной экспедицией Антропологического института 1-го МГУ, возглавляемой Б.С. Жуковым (рис. 9), в числе прочих памятников были исследованы и городища ананьинской культуры, расположенные на Ветлуге и Вятке, и проведено дообследование Ананьинского могильника (Жуков, 1926, с. 248, 249; Вараксина, 1929, с. 111, прим. 1; Збруева, 1935; 1937; 1940; 1940а; 1947а; Бадер, 1951; Воеводский, 1951). А.В. Збруева отмечала, что в результате этих работ была определена стратиграфия и конструкция валов ряда городищ (Збруева, 1952, с. 11, 12). Однако в связи с арестом Б.С. Жукова в 1931 г. работы Антропологической экспедиции были свернуты.

Одновременно с полевыми изысканиями шла работа по обобщению материалов дореволюционных исследований. Таковы работы Ю.В. Готье и Л.И. Вараксиной (Готье, 1925; 1930; Вараксина, 1929). По своей научной значимости эти работы сильно отличаются: Ю.В. Готье, основываясь на публикациях конца XIX в., пересказал представления прошлого века.

Несколько в ином ключе работала Л.И. Вараксина, опубликовавшая коллекции из раскопок и сборов ряда городищ ананьинской культуры, материалы которых хранились в археологическом музее ОАИЭ. Развитием дореволюционных взглядов о существовании в бронзовом веке прафинской урало-алтайской культуры был вывод Л.И. Вараксиной об изначальном единстве культуры «костеносных», ветлужских, дьяковских и зауральских городищ, которое впоследствии распалось на несколько культур (Вараксина, 1929, с. 103, 108; Чижевский, 2013а, с. 80).

В середине 20-х гг. точку в проблеме отождествления некрополей типа Ананьинского могильника и «костеносных» городищ поставил А.В. Шмидт (рис. 10), который убедительно дока-

зал сходство материальной культуры этих памятников, расположенных к тому же на одной территории (Шмидт, 1924, с. 303). В более поздней работе 1935 г. он провел анализ социально-экономических условий жизни носителей ананьинской культуры, именно изменениями в экономике раннего железного века объяснив перемены в топографии ананьинских памятников, располагавшихся на высоких террасах, в то время как в бронзовом веке они размещались в пойме. Причины этому явлению он видел в развитии земледелия и скотоводства, а также в социальном расслоении общества (Шмидт, 1935, с. 73, 80–93).

С 1933 г. начала работу Камская экспедиция Государственной Академии истории материальной культуры под руководством сначала А.В. Шмидта, а затем Н.А. Прокошева. Деятельность ее продолжалась вплоть до 1937 г. Один из отрядов этой экспедиции возглавляла А.В. Збруева (рис. 11) (Лычагина, 2011, с. 140, 141). Основное внимание было уделено памятникам, оказавшимся в зоне затопления будущего Камского моря, и в частности раскопкам Конецгорского селища и Галкинское городища (Прокошев, 1936, с. 264, 265; Збруева, 1940; 1952, с. 216–260). Этими работами были выявлены выразительные материалы позднеананьинского времени, а также получены убедительные свидетельства, подтверждавшие тезис А.В. Шмидта о широком развитии скотоводства у ананьинского населения (Збруева, 1952, с. 12).

В предвоенный период Н.А. Прокошевым (рис. 12) были также осмотрены несколько городищ в окрестностях г. Кирова (Прокошев, 1939, с. 21, 22), А.В. Збруевой проведены небольшие раскопки на поселении Царев Курган недалеко от Самары (Збруева, Смирнов, 1947), а Н.Ф. Калинин исследована Казанская стоянка финала бронзового и раннего железного веков (Калинин, 1948).

В эти же годы к проблемам раннего железного века обратился А.П. Смирнов. Ананьинская культура рассматривалась им как основа для формирования пьяноборской и более поздних культур Прикамья (Смирнов, 1939). Хозяйство ананьинского населения базировалось, по его мнению, на охоте, в том числе пушной, скотоводство стояло на втором месте, а мотыжное земледелие играло вспомогательную роль (Смирнов, 1939, с. 138). В области социально-экономических отношений А.П. Смирнов следует за А.В. Шмидтом, предполагая у носителей ананьинской культуры расслоение общества и возникновение частной собственности (Смирнов, 1939, с. 141).

В 1938–1940 гг. А.В. Збруева возглавила Камский отряд Куйбышевской экспедиции ИИМК АН СССР и провела раскопки Луговского могильника,

Рис. 9. Жуков Борис Сергеевич

Рис. 10. Шмидт Алексей Викторович

Рис. 11. Збруева Анна Васильевна

Рис. 12. Прокошев Николай Афанасьевич

Рис. 13. Шокуров Анисим Павлович

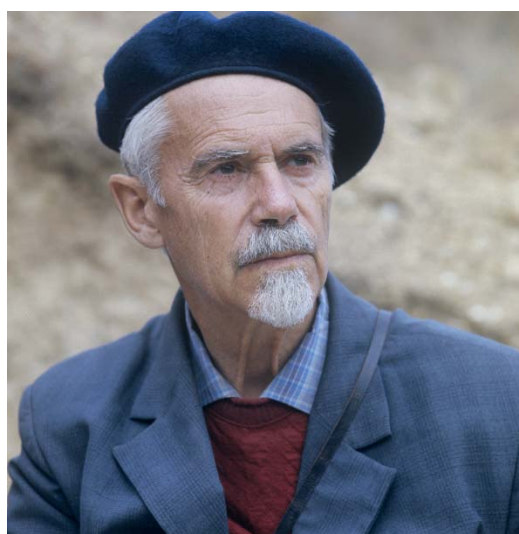

Рис. 14. Бадер Отто Николаевич

первого крупного некрополя ананьинской культуры, исследованного в XX в. (Збруева, 1947; 1947б; 1960, с. 72–95). В 1943 г. работы на Луговском могильнике продолжил П.П. Ефименко (1948).

Отдельным направлением было исследование памятников финала бронзового века, причем наиболее широко изучались Луговские стоянки, эти работы были прерваны Великой Отечественной войной (Збруева, 1960, с. 33). В послевоенное время раскопки на Луговских стоянках были продолжены в 1946–1948 гг. (Збруева, 1948а; 1949; 1950; Лыганов и др., 2019, с. 40).

В 1948 г. вышла посмертная статья Н.А. Прокошева, в которой он попытался дать общий обзор состояния изученности ананьинской эпохи в Среднем Прикамье. Здесь же им был дан подробный анализ материалов Котловского могильника и доказана одновременность погребений данного некрополя и выявленных на нем жилищ, отнесенных к Средневековью. Тем самым была опровергнута фактологическая основа гипотезы, которая позволила А.М. Тальгрену выдвинуть тезис о различии обитателей поселений, связанных с могильниками, и жителей «костеносных» городищ (Прокошев, 1948, с. 196). Другой проблемой, которую на основе стратиграфических наблюдений разрешил Н.А. Прокошев, было доказательство генетического родства ананьинской и пьяноборской культур (Прокошев, 1948, с. 198). Кроме того, на основе анализа имевшихся данных он выдвинул предположение о том, что ананьинская культура не имела локальных различий и была гомогенна на всем протяжении ее ареала (Прокошев, 1948, с. 202).

В конце 40-х – начале 50-х гг. XX в. широко-масштабное исследование памятников археологии позднего бронзового и раннего железного веков начинается в Татарии. За это время было обследовано 105 объектов позднего бронзового и 10 раннего железного веков (Калинин, Халиков, 1954, с. 3). Материалы, полученные в ходе этих работ, позволили Н.Ф. Калинин и А.Х. Халикову выделить приказанскую культуру эпохи бронзы и предположить ее значительное влияние на сложение ананьинской культуры (Калинин, Халиков, 1954а, с. 246).

Расширилась и география изучения поселенческих памятников раннего железного века: она охватывала Среднее Поволжье и Прикамье, Вятку, Белую и Ик (Ахмеров 1952; Калинин, Халиков, 1954, с. 39–42; Генинг, 1958; Черных, 1959; Юсупов, 1959; Троицкая, 1959; Трубникова, 1960; Бадер, 1960а; Архипов, 1962; Денисов, 1968; Шокуров, 1970; Ванчиков, 1992, с. 73). Результативные разведочные работы в Иско-Бельском междуречье проводил А.П. Шокуров (рис. 13), открывший

только на Белой 234 новых памятника, среди них более 20 поселений эпохи поздней бронзы и начала железного века (Шокуров, 1970, с. 131). На основании изучения памятников Гафурийского района Г.В. Юсупов выделил уфимскую культуру, включающую, кроме того, Кара-Абызское и Чертово городища и Уфимский могильник (Юсупов, 1959, с. 84–86), эта концепция вызвала критику со стороны В.Ф. Генинга, последовательно доказывавшего ананьинское происхождение этих памятников (Иванов, 2010, с. 16).

В 1954 г. была образована Удмуртская археологическая экспедиция (1954–1957 гг.) под руководством В.Ф. Генинга, которая обследовала правобережье р. Камы в ее среднем течении, а также провела раскопки на ряде городищ АКЮ; на городище Каменный Лог были выявлены три периода его функционирования в ананьинское время (Генинг, 1958, с. 25, 26; 1970, с. 128–132; Ашихмина, 2014, с. 12). В 1958–1959 гг. отрядами Татарской экспедиции, возглавляемыми А.Х. Халиковым и В.Ф. Генингом, были обследованы оба берега р. Камы ниже устья Белой, левобережье р. Белой до впадения в нее р. Сюнь, открыты ряд новых поселений ананьинского времени (Ашихмина, 2014, с. 12, 13).

В 50-е гг. XX в. были выявлены новые могильники ананьинской культуры: Акозинский, Гулькинский, Подгорно-Байларский, Скородумский, мог. на ул. Тракторной в Уфе (Ахмеров, 1952; Збруева, 1954; Бадер, 1960; Халиков, 1962, с. 26–91; 1977, с. 87).

С накоплением археологических источников в послевоенные годы усиливается интерес к проблеме происхождения ананьинской культуры. Историкографический интерес представляют в связи с этой проблемой взгляды П.П. Ефименко, который связывал происхождение этой культуры с Западной Сибирью (Ефименко, 1948, с. 41), и О.Н. Бадера (рис. 14), предложившего гипотезу о том, что ананьинская культура возникла на Средней Каме «на основе памятников борского типа» (Збруева, 1952, с. 190, прим.).

А.П. Смирнов, в свою очередь, говорил о трех культурах бронзового века, послуживших основой сложения для ананьина – луговской, приволжской и среднекамской, испытавших воздействие абашевской и сейминской культур (Смирнов, 1949, с. 55). В более поздних работах он выделил абашевскую культуру в качестве основного компонента в сложении ананьинской культуры (Смирнов, 1952, с. 13; 1961, с. 68). С этим мнением согласились А.Х. Халиков и Г.А. Архипов (Халиков, Архипов, 1959, с. 118), а также К.В. Сальников (Сальников, 1954, с. 12, 13; 1967, с. 384). Последний выделил предананьинские памятники на две локаль-

ные группы: западную и восточную. На западную группу, по его мнению, воздействовали срубно-хвалынские и «текстильные» элементы, а восточная сохранилась в большей чистоте, эту группу он предложил называть культурой курман-тау (Сальников, 1954, с. 20–22, 24). В дальнейшем влияние абашевской культуры К.В. Сальников фиксировал только у культуры курман-тау, которая являлась, по его мнению, одним из компонентов формирования бельского варианта ананьинской культуры (Сальников, 1967, с. 385, 386; 1967а, с. 92; 1968, с. 9).

В 1952 г. А.В. Збруева подвела итог изучения ананьинской культуры за почти 40-летний промежуток времени. Отталкиваясь от взглядов А.М. Тальгрена, она существенно расширила его представления о системе признаков, характеризующих данную культуру. А.В. Збруева дала подробное описание материальной культуры, погребального обряда и топографии поселений. Таким образом, окончательное оформление получила концепция единой ананьинской культуры, которая используется иногда и в современных работах (Збруева, 1952). В то же время она фиксировала и различия в материальной культуре ананьинского населения, что было обусловлено, по ее мнению, разными условиями формирования культуры на севере и юге ареала. В свою очередь, это послужило причиной выделения А.В. Збруевой в пределах территории ананьинской культуры на рр. Белой, Ветлуге, Вятке, Нижней и Верхней Каме и Чусовой локальных групп, отличавшихся культурным своеобразием (Збруева, 1952, с. 163).

Значительное место в монографии отведено проблеме происхождения ананьинской культуры. Несмотря на то, что эта проблематика интересовала ее давно (Збруева, 1936, с. 421; 1941, с. 39–42), окончательные выводы были сделаны, лишь после публикации материалов исследованных ею памятников эпохи бронзы (Збруева, 1948; 1952; 1960). С выходом указанных работ, где доказывалась генетическая преемственность «племен» финала эпохи бронзы Прикамья (турбинских, луговских или приказанских) с ананьинскими, концепция А.В. Збруевой об автохтонности ананьинской культуры приобрела законченный вид (Збруева, 1952; 1957, с. 36; 1960, с. 33).

На следующем этапе изучение АКЮ развивалось уже в рамках концепции А.В. Збруевой, которая задавала направление исследовательского процесса на всю вторую половину XX в.

3. 1961 – начало 2000-х гг.

В начале третьего этапа изучения тема происхождения ананьинской культуры по-прежнему оставалась актуальной. В.П. Шилов считал возможным говорить о формировании данной культуры на основе взаимодействия прикамских и зауральских «племен» при вероятном участии в этом процессе абашевской культуры (Шилов, 1961, с. 123–126).

А.Х. Халиков (рис. 15), анализируя материалы собственных раскопок и исследований предшественников, отказался от гипотезы формирования ананьинской культуры на основе абашева, так как между ними присутствует «хронологический разрыв» в несколько столетий. Однако он не отрицает опосредованного участия абашевской культуры в сложении памятников типа Курман-Тау (Халиков, 1962, с. 9). Выделенные А.В. Збруевой локальные группы воспринимаются им как части ананьинской культурной общности, которая формируется на основе приказанской культуры, испытавшей в начале I тыс. до н. э. зауральское влияние (Халиков, 1960, с. 166, 167; 1962, с. 9, 11).

Широкое обсуждение проблемы происхождения и выделения локальных вариантов «ананьинской культурной области» происходило на заседаниях IV Уральского археологического совещания (Оборин, 1967, с. 3).

В.Н. Марков сводил выступления, представленные на УАС, к трем точкам зрения (Марков, 2007, с. 12). Первая была наиболее последовательно изложена в докладе А.Х. Халикова, выступление которого было одним из основных на совещании. Он отмечал, что на последнем, маклашеевском, этапе приказанской культуры ее носители освоили территорию, на которой в дальнейшем располагались памятники ананьинской культуры, а многие поселения и могильники и вовсе продолжили свое существование в раннем железном веке. По его мнению, это яркое свидетельство генетической преемственности между приказанской и ананьинской культурами (Халиков, 1967, с. 25, 26; 1969, с. 321). Эта информация нашла подтверждение в докладах ряда исследователей казанской школы археологии (Ишмуратова, 1967, Старостин, 1967; Халиков, 1967).

Вторую точку зрения высказал В.П. Денисов (рис. 16), считавший возможным «не распространять термин «приказанская культура» на все Прикамье. Он предложил выделять в ее пределах самостоятельные археологические культуры – луговскую и малмыжскую на Вятке и в Нижнем Прикамье, ерзовскую в Среднем Прикамье и курман-тау в бассейне р. Белой (Денисов, 1967, с. 30). Эту точку зрения поддержал и В.А. Оборин. А.Х. Халиков, в свою очередь, апеллировал к ним фактами сходства материальной культуры ерзовской и приказанской культур и утверждал, что среднекамское ананьино имеет «ту же приказанскую основу» (Халиков, 1967, с. 8).

Третью точку зрения изложили В.Ф. Генинг (рис. 16) и Н.И. Совцова, которые в развитие те-

Рис. 15. Халиков Альфред Хасанович

Рис. 16. Денисов Владимир Петрович и Гениг Владимир Федорович, студенты Пермского университета, конец 1940-х гг.

Рис. 17. Полянский II могильник, погр. 3, маклашевская культура, 1962 г.

Рис. 18. Новомордовский могильник, 1967 г.

Рис. 19. Пшеничнюк Анатолий Харитонович и Морозов Юрий Алексеевич, 1964 г.

зиса А.Х. Халикова о существовании ананьинской культурной общности (Халиков, 1962, с. 11), предложили выделить ананьинскую этническую общность, оговорив, что она может включать несколько культур (Генинг, Совцова, 1967, с. 55, прим. 1). Эта общность, по мнению авторов, генетически связана с предананьинской общностью позднего бронзового века, включавшей несколько культур,

спаянных между собой воздействием западносибирского населения (Генинг, Совцова, 1967, с. 60, 66).

Широкомасштабные исследования в зонах затопления Нижнекамского и абразии Куйбышевского водохранилищ, а также работы в Марийском Поволжье и Башкирии способствовали тому, что к концу 1970-х гг. были выявлены, раскопаны или обследованы как малые могильники АКЮ: Базяковский II, Березовогривский II, Нижнемарьянский III, Новомордовский VII и VIIIa, Полянский II (рис. 17), Семеновский VI, Старший Шиповский, Таш-Елгинский, так и крупные некрополи, такие как Мурзихинский I, Морквашинский, Новомордовский I (рис. 18), Тетюшский и самый большой из выявленных – Старший Ахмыловский (Халиков, 1963; 1975; 1977, с. 30–75, 77–82, 84, 87; Патрушев, Халиков, 1982; Пшеничнюк, 1982).

Продолжалась работа и на поселениях ананьинского времени. В период с 1964 по 1969 гг. в зоне затопления Нижнекамского водохранилища П.Н. Старостиним и Е.П. Казаковым была выявлена серия неизвестных ранее поселений ананьинской культуры (Ашихмина, 2014, с. 13, 14). В зоне Куйбышевского водохранилища казанскими археологами в 60–70-е гг. XX в. проводились работы на городищах (Гремячий ключ, Казанка I, Маклашеевское II, Троицко-Урайское I) и селищах (Ишмуратова, 1967; 1975; Старостин, 1967; 1977; Габяшев и др., 1976, с. 14, 15). В 1971 г. С.В. Кузьминых открыл неизвестное ранее городище Сухой Берсут в Мамадышском районе Татарии.

Рис. 20. Иванов Владимир Александрович

Рис. 21. Патрушев Валерий Степанович

Рис. 22. Кузьминых Сергей Владимирович

Рис. 23. Марков Владимир Николаевич

В конце 1950-х–1960-ые гг. начались исследования АКИО на территории Европейского Северо-Востока (ЕСВ). Работы В.И. Канивца, В.Е. Лузгина, Г.М. Булова позволили выявить здесь стоянки и святилища ананьинского времени (Булов, 1967, с. 122–130; Лузгин, 1972, с. 87–114; Канивец, 1974, с. 52–120), отдельные памятники (Канинская пещера) получили монографическое освещение (Канивец, 1964).

В 1970-е гг. на территории ЕСВ осуществляются широкие полевые работы. Наиболее интересным открытием в этот промежуток времени была находка К.С. Королевым на поселении

Шойнаты II одиночного погребения ананьинского времени, совершенного по обряду трупосожжения (Королев, 1997, с. 97, 99, рис. 32). На ананьинских поселениях ЕСВ работали также Э.А. Савельева, В.Е. Лузгин, В.С. Стоколос, В.А. Семенов, А.М. Мурыгин, Э.С. Логинова (Ашихмина, Васкул, 1997, с. 316, 317).

В конце 1960-х гг. в археологию раннего железного века вошла Л.И. Ашихмина. В составе Нижнекамской экспедиции она проводила раскопки на ряде поселений предананьинского и ананьинского времени в Каракулинском районе Удмуртии и Елабужском районе Татарии (Ашихмина, 1977;

Рис. 24. Мурзихинский II могильник, стела № 24, 1999 г.

2014, с. 13). В течение нескольких сезонов ею, совместно с В.Ф. Генингом и Р.Д. Голдиной, осуществлялись масштабные раскопки (было вскрыто около 5000 кв. м) на Зуевключевском I городище – эталонном памятнике ананьинской культуры шнуровой керамики АКЮ (Ашихмина, 2014, с. 14).

Серия исследований на памятниках АКЮ Самарской Луки проводилась в 1960-х–1970-е гг.; раскопками были изучены городища Задельная Гора, Каменная Коза, Коптево, Лысая Гора, Манчиха, Торновское (Чижевский, 2014).

В 1960–1970-ые гг. небольшие работы на ананьинских памятниках Вятки, попутно с основными исследованиями, проводили В.А. Семенов и С.В. Ошибкина (Ванчиков, 1972, с. 73, 74). С середины 1970-х в бассейне р. Вятки начала работу Камско-Вятская археологическая экспедиция под руководством Р.Л. Голдиной: на ананьинских памятниках работали Н.И. Леконцева (Шутова), В.М. Королев. В 1976, 1978–1981 гг. раскопками Буйского городища руководила Л.И. Ашихмина, а в 1977 г. Н.И. Леконцева (Шутова). В 1979 и 1981 гг., впервые после раскопок Л.П. Гуссаковского, Л.Д. Макаровым возобновлены исследования на Никульчинском городище (Ашихмина и др., 2006, с. 16).

В конце 70-х гг. Л.И. Ашихмина опубликовала материалы городища Каменный Лог (Ашихмина, 1977); его стратиграфия была положена в основу пятичастной схемы хронологического развития керамики ананьинской культуры Среднего Прикамья, разработанной с привлечением керамических комплексов ряда других памятников, прежде всего Зуевключевского I городища (Ашихмина, 1985; Черных, 2009). Эта схема актуальна и в настоящее время.

В 1960–1970-ые гг. широкие исследования памятников раннего железного века осуществлялись и в Башкирии (Археологическая, 1976; Иванов, 1976; 1978, с. 27–34; 1978а, с. 166; Ашихмина, 2014, с. 13). Во многом это предопределило выделение кара-абызской культуры, в состав которой была включена и часть ананьинских памятников (Пшеничнюк, 1964; 1967). На основании этих работ территория распространения ананьинской культуры была ограничена средним течением р. Белой (Генинг, 1971, с. 45; Пшеничнюк, 1971, с. 89), а полученные коллекции позволили А.Х. Пшеничнюку (рис. 19), вслед за А.В. Збруевой, выделить особый – бельский вариант ананьина, который генетически связывался с культурой курман-тау (Пшеничнюк, 1973, с. 222–225). Этот вывод, после изучения материалов Бирского поселения, был поддержан И.Б. Васильевым и В.С. Горбуновым, однако А.Х. Халиков отнес ана-

ньинскую керамику этого поселения к нижнекамскому варианту ананьинской культуры (Кама II) (Васильев, Горбунов, 1975, с. 156; Халиков, 1977, с. 239; Иванов, 1978, с. 32). Одновременно В.А. Иванов (рис. 20), по материалам раскопок стоянки им. Касьянова в 1975–1976 гг., пришел к выводу о сосуществовании курмантауской и ананьинской керамики в пределах раннего железного века (Иванов, 1977, с. 98, 100; 1982; Васильев, Иванов, Обыденнов, 1985, с. 39).

В 1977 г. вышла монография А.Х. Халикова, в которой были обобщены материалы исследований послевоенного времени. Этой книгой автор открыл для исследователей своеобразие памятников раннеананьинского времени, ранее плохо изученного и потому почти не затрагивавшегося в этапных работах А.М. Тальгрена и А.В. Збруевой. Ананьинская культура рассматривается им как «ананьинская общность» (Халиков, 1977, с. 4), состоящая из девяти локальных вариантов. В схему А.В. Збруевой А.Х. Халиков ввел неизвестные ранее западновожский (Волга I), средневолжский (Волга II), нижнекамский (Кама I), среднекамский (Кама III) варианты ананьинской общности (Збруева, 1952, с. 163; Халиков, 1977, с. 6–19, рис. 1, 2, табл. 1). Тем не менее, как справедливо указывал В.А. Иванов, развернутого обоснования специфики этих вариантов А.Х. Халиков не представил (Иванов, 1983, с. 265). Значимо, что существенная часть данной работы была посвящена материалам раннеананьинских могильников, а также характеристике материальной культуры и хронологии. Происхождение ананьинской общности А.Х. Халиков по-прежнему связывал с приказанской культурой, эту концепцию он поддерживал и в последующих работах (Халиков, 1977, с. 257; 1980, с. 53). Несмотря на широкий охват источников, монографией не была охвачена АКЮ в целом, а концепция «о начальных этапах развития» ананьинской культуры (общности) носила корректирующий характер и не выходила за пределы исследовательской модели А.В. Збруевой.

В 1970-е гг., когда полевые работы на памятниках раннего железного века Волго-Камья достигли своего максимума и состав накопленных коллекций существенно вырос, появился запрос на исследования, в центре которых были бы отдельные отрасли хозяйства АКЮ. В это время появляются первые публикации С.В. Кузьминых, посвященные исследованию ананьинской цветной металлургии (Кузьминых, 1977, 1977б). Факт наличия двух очагов металлургии и металлообработки в пределах постулируемой ананьинской культурно-исторической общности, установленный и обоснованный им, позволил выдвинуть гипотезу о сосуществовании в ее составе двух культурных

групп: местной – ананьинской, сформировавшейся на основе традиций маклашеевского населения, и пришлой – аозинской, связанной с носителями «текстильной» керамики (Кузьминых, 1977а, с. 4; 1983, с. 7, 8). Исследователь пришел к выводу, что встречающиеся в могилах ананьинские и аозинско-меларские кельты являются «племенными символами», которые соотносятся с ананьинской и аозинской культурами (Кузьминых, 1983, с. 158–167; Черных, Чижевский, 2012, с. 21). В монографии 1983 г. исследователь представил развернутую публикацию результатов спектрального исследования цветного металла, а также типологию ананьинских изделий из цветного металла. Значительную часть работы занимало исследование хронологии выделенных типов металлических изделий (Кузьминых, 1983, с. 56–156). Эта работа является единственной в своем роде по широте охвата источников и не потеряла своего значения в настоящее время.

В 80-х – начале 90-х гг. XX в. оформились еще две гипотезы о содержании понятия АКЮ. Первая была выдвинута марийскими исследователями В.С. Патрушевым (рис. 21) (1984; 1992, с. 53–103) и Г.А. Архиповым (Архипов, 1985), в работах которых памятники Марийско-Казанского Поволжья, сочетающие «текстильную» и ананьинскую керамику, стали рассматриваться в рамках единой ахмыловской культуры прамарийцев. Сюда же они предложили включить и некрополи, в погребениях которых были выявлены ананьинские и меларские кельты.

С решительной критикой данной концепции выступили С.В. Кузьминых (рис. 22), В.Н. Марков (рис. 23), В.В. Напольских, Б.С. Соловьев. Они справедливо отмечали отсутствие специфических черт в погребальном обряде ахмыловской культуры (по сравнению с ананьинской и аозинской), а также различную локализацию погребений с ананьинскими и меларскими кельтами (Кузьминых, Напольских, 1994, с. 148, 149). Та же картина наблюдается и в материалах поселений, так как встречаемость ананьинской и «текстильной» керамики в культурных слоях, по мнению авторов, также не является доказательством сложения единой культуры, а скорее свидетельствует о процессе взаимодействия между их носителями (Кузьминых и др., 1993, с. 41).

Основные положения второй гипотезы были изложены В.А. Ивановым (1983; 1991) и В.Н. Марковым (1988; 1994), настаивавших на отличиях в материальной культуре отдельных территорий ананьинской культурно-исторической общности. В.А. Иванов указал на существование в раннеананьинское время двух областей – с ямочно или ямочно-гребенчатой керамикой на западе

и ямочно-шнуровой на востоке (Иванов, 1983). В.Н. Марков, в развитие идей В.А. Иванова, предполагал разное культурное происхождение кельтов с овальной и шестигранной фаской и связал их с ареалами распространения ямочно-гребенчатой и шнуровой керамики (Марков, 1988; 1994; 2007). Эта гипотеза была поддержана С.В. Кузьминых. С 1994 г. начинают использоваться введенные В.Н. Марковым названия этнокультурных групп: постмаклашеевская, шнуровая, гребенчато-шнуровая (постлебяжская) (Кузьминых, Напольских, 1994, с. 148).

В 1984 г. появляется монографическое исследование В.А. Иванова, в котором рассматриваются военное дело и фортификация АКЮ (Иванов, 1984). И если в области развития военной организации ананьинцев в дальнейшем появлялись отдельные исследования (Овсянников, 1994), то в части, касающейся фортификационного дела, эта работа до сих пор является единственной, более ранние и поздние исследования такого рода, как правило, посвящены изучению оборонительных сооружений отдельных городищ. Несмотря на достоинства работы, вывод В.А. Иванова об отсутствии практического оборонительного значения укреплений ананьинских городищ, вызвал вполне оправданную критику (Борзунов, 1997, с. 163, 164).

Специфика полевых исследований в 80–90-е гг. XX в. характеризуется отходом от практиковавшегося ранее тотального обследования территорий к выборочной разведке местности. Полевые исследования в этот промежуток времени проводились в Среднем Поволжье (Республики Марий Эл, Татарстан, Самарская и Ульяновская области); в Нижнем Прикамье, включая р. Белую (Республики Башкортостан, Татарстан, Удмуртия), и Среднем Прикамье (смежных территорий Удмуртской Республики и Пермского края), а также на Европейском Северо-Востоке (Республика Коми).

В Нижнем Прикамье и Казанском Поволжье активно работал В.Н. Марков, основные усилия которого были сосредоточены на изучении поселений. Им были проведены раскопки на городищах Антоновское, Гремячий ключ, Макарьевское, Сорочьегорское, Черепашье, открыт ряд неизвестных ранее (Свиногорское II, Тихогорское II) или «забытых» (Кашанская Шишка) городищ (Марков, 1987; 1992; 2007 и др.). Совместно с Е.А. Беговатым в начале 80-х гг. XX в. он произвел небольшие раскопки Мурзихинских I и II могильников (Беговатов, Марков, Патрушев, 1991; Беговатов, Марков, 1992). Только в 90-е гг. работы на этих некрополях были возобновлены в связи со строительством мостового перехода через р. Каму (рис. 24). Исследование этих могильников по-

зволило получить богатейшие материалы раннеананьинского времени, усилившие позиции сторонников выделения самостоятельной постмаклашевской культуры АКИО (Беговатов и др., 1993; Чижевский, 2005; 2008).

Наиболее масштабные исследования в приустьевой части Прикамья проходили на Сорочьегорском городище, на котором в 1990–1991 гг. работала экспедиция Казанского университета под руководством А.Х. Халикова (Халиков и др., 1991; Бугров и др., 1994).

Исследования памятников АКИО в Марийском Поволжье в эти годы существенно сократились. Наиболее крупными были работы С.В. Большова на Козьмодемьянском могильнике в зоне Чебоксарского водохранилища (Большов, 1988) и В.С. Патрушева на городище Малахай (Патрушев, 1984а; 1985).

На Самарской Луке в 80–90-е гг. производились раскопки на городищах Царев Курган и Лбище, Муромский Городок и селище Новый Путь (Чижевский, 2014).

Работы в Башкирском Приуралье в эти годы также были сосредоточены на поселениях АКИО: городищах Какры-Куль, Камышинском II, Ново-Кабановском, Нагаевском I и II, Серенькино и селищах Акаваз I и др. (Обыденнова, Обыденнов, 1998; Агеев, Овсянников, 2000; Овсянников, Тагиров, 2000; Гарустович, Савельев, 2004).

В конце 80-х работы на ананьинских памятниках начинает Е.М. Черных; ее раскопки таких городищ, как Аргыжское на Вятке, Степановское, Зуевключевское I на Каме и др., с последующей серией публикаций дали возможность поновому оценить материальную культуру вятских и частично среднекамских памятников АКИО, показать динамику развития домостроительных традиций ананьинских культур Прикамья в I тыс. до н. э. (Черных, 1992; 2000; 2008; Черных и др., 2002; и др.).

Следует отметить эвристические исследования ананьинских памятников в бассейне р. Вятки В.В. Ванчиковым и работы Н.Л. Решетникова в Удмуртском Прикамье (Ванчиков, 1992; Голдина, Черных, 2011, с. 76).

Наиболее крупные исследования, связанные прежде всего с паспортизацией объектов археологического наследия и хозяйственными работами, проводились в 80–90-е гг. XX в. в Пермском Прикамье. Исследование поселений АКИО в этом регионе связано с именами В.А. Борзунова, С.Н. Коренюка, А.Ф. Мельничука, В.П. Мокрушина (Борзунов, 1997; Коренюк, 1988; 1990 и др.; Мельничук, 1985 и др.; Мельничук, Оборин, 1989 и др.; Мокрушин, 1989). Работы на городище Алтен-Тау позволили В.А. Борзунову доказать

функциональность оборонительных сооружений АКИО и обосновать наличие на ананьинских поселениях сложных военно-инженерных сооружений (Борзунов, 1997). Кроме поселений, в Среднем Прикамье были открыты прежде неизвестные здесь могильники АКИО – Залазнинский, Заозерский, Першинский, Протасы, Оханский, Усть-Очерский, в чем велика заслуга С.Н. Коренюка (2012). В результате его работ стала очевидной большая распространенность обряда погребения умерших людей в землю в ареале АКИО, чем это представлялось ранее, так как все изученные прежде могильники, за исключением Каракулинского, располагались в Нижнем Прикамье и Среднем Поволжье.

В 1980–1990 гг. в результате исследований Л.И. Ашихминой, Т.В. Истоминой, К.С. Королева, А.М. Мурыгина, Н.Н. Чесноковой и др. удалось существенно расширить ареал распространения АКИО на ЕСВ. В 1980-е гг. к ананьинской археологии обращается И.О. Васкул, его работы на поселениях Ибское, Китостав, Сынявом, Шиховское II и др. позволили предметно представить керамические комплексы позднеананьинского времени ЕСВ (Ашихмина, Васкул, 1997, с. 316, 317).

В 1990-е и начале 2000-х гг. в течение пяти лет (1993–1995, 2000, 2002 гг.) на Европейском Северо-Востоке в Республике Коми И.О. Васкулом был исследован Шиховский могильник, ранняя часть которого связана с АКИО (Ашихмина, Васкул, 1997, с. 322, 323; Васкул, 2002, с. 7–17). Он является единственным могильником в регионе, существовавшим продолжительное время. Все известные до его открытия одиночные погребения АКИО на Европейском Северо-Востоке были выявлены на поселениях (Королев, 1997, с. 97–99; 1999, с. 60–61) и интерпретировались как обрядовые, совершенные с культовыми целями (Ашихмина, Васкул, 1997, с. 323, 324). В настоящее время Шиховский могильник рассматривается как один из реперных памятников позднеананьинского времени (Чижевский, 2017, с. 197–200).

В 1997 г. совместная публикация Л.И. Ашихминой и И.О. Васкула подвела итоги исследования АКИО на территории ЕСВ за более чем сорок лет. В работе были показаны особенности размещения поселений, рассмотрены жилища, дана характеристика керамических комплексов (Ласта, Перный, Чаркабож, Ямашор) и кремневого инвентаря ананьинского времени, рассмотрен погребальный обряд, разработана хронология и периодизация ананьинских комплексов (Ашихмина, Васкул, 1997).

К началу XXI века многокомпонентный характер ананьинского мира уже был общепризнанным. К этому времени внутри ананьинской культуры разными авторами было выделено несколько этно-

культурных групп, таких как аозинско-ахмыловская, гребенчато-шнуровая, постмаклашеевская, шнуровая и др. (Иванов, 1982; 1983; Патрушев, 1984; Кузьминых, 1983; Марков, 1994; Кузьминых, Напольских, 1994), и само понятие археологическая культура для такого сложного объединения стало неприемлемым. В сложившейся ситуации С.В. Кузьминых вынес на рассмотрение вопрос о необходимости ревизии существующего названия. Для синтеза всех этих столь разных компонентов в рамках единого образования он предложил ввести новое понятие – ананьинская культурно-историческая область (Кузьминых, 2000, с. 107, 108). В данном контексте отмечался разный генезис культурных групп, входящих в АКИО, и в то же время подчеркивалось наличие признаков, которые выделяют это образование из числа других культур раннего железного века Восточной Европы (Черных, Чижевский, 2012).

Исследование погребальной обрядности АКИО позволило в дальнейшем отождествить выделенные культурные типы с отдельными археологическими культурами, которые, кроме сво-

еобразной керамики, имели отличающийся друг от друга погребальный обряд, инвентарь и территорию (Чижевский, 2008). В настоящее время выделены следующие археологические культуры в составе АКИО: 1) аозинская или аозинско-ахмыловская, 2) постмаклашеевская, 3) шнуровой (классическая ананьинская) и 4) гребенчато-шнуровой (вятско-ветлужская) керамики (Кузьминых, Чижевский, 2017, с. 24).

4. Начало 2000-х гг. – до наших дней

Дальнейшее развитие исследований АКИО связано с циклом ананьинских конференций (рис. 25–29) (2008, 2012, 2016, 2018), которые обеспечили оперативный научный обмен и ввод новых источников в научный обиход, способствовали сближению позиций специалистов, работающих на ниве ананьиноведения. Кроме того, такая форма научной интеграции различных исследовательских программ открывает более широкие возможности для рассмотрения ананьинского культурного феномена на фоне историко-культурной динамики в Северной Евразии.

Рис. 25. Первая конференция «Ананьинский мир», лекция К.И. Корепанова на Луговской II стоянке, 9 сентября 2008 г.

Рис. 26. С.В. Кузьминых, М.Г. Гусаков, Л.Т. Яблонский, первая конференция «Ананьинский мир», Елабуга, 10 сентября, 2010 г.

Рис. 27. Участники второй конференции «Ананьинский мир» на фоне городища Сорочьи Горы, 18 ноября 2012 г.

Рис. 28. Участники третьей конференции «Ананьинский мир», г. Болгар, 30 ноября 2016 г.

Рис. 29. Участники четвертой конференции «Ананьинский мир», Ананьинская дюна, 23 мая 2018 г.

ГЛАВА 2

АНАНЬИНСКАЯ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКАЯ ОБЛАСТЬ. КУЛЬТУРА ТЕКСТИЛЬНОЙ КЕРАМИКИ (АКОЗИНСКО-АХМЫЛОВСКАЯ)

Акозинско-ахмыловская культура названа по двум крупнейшим в Среднем Поволжье некрополям раннего железного века (РЖВ) – Акозинскому и Старшему Ахмыловскому, исследованным в 50–70-е гг. XX в. Р.В. Чубаровой, А.Х. Халиковым и В.С. Патрушевым. В 1970-е и начале 1980-х гг. она была выделена из состава ананьинской в отдельную культуру, названную акозинской (Кузьминых, 1977; 1983; 2000), а затем как часть ахмыловской культуры, которая объединяла все средневолжские древности конца II – начала I тыс. до н. э. (Патрушев, 1984). В настоящее время название модифицировано как акозинско-ахмыловская культура.

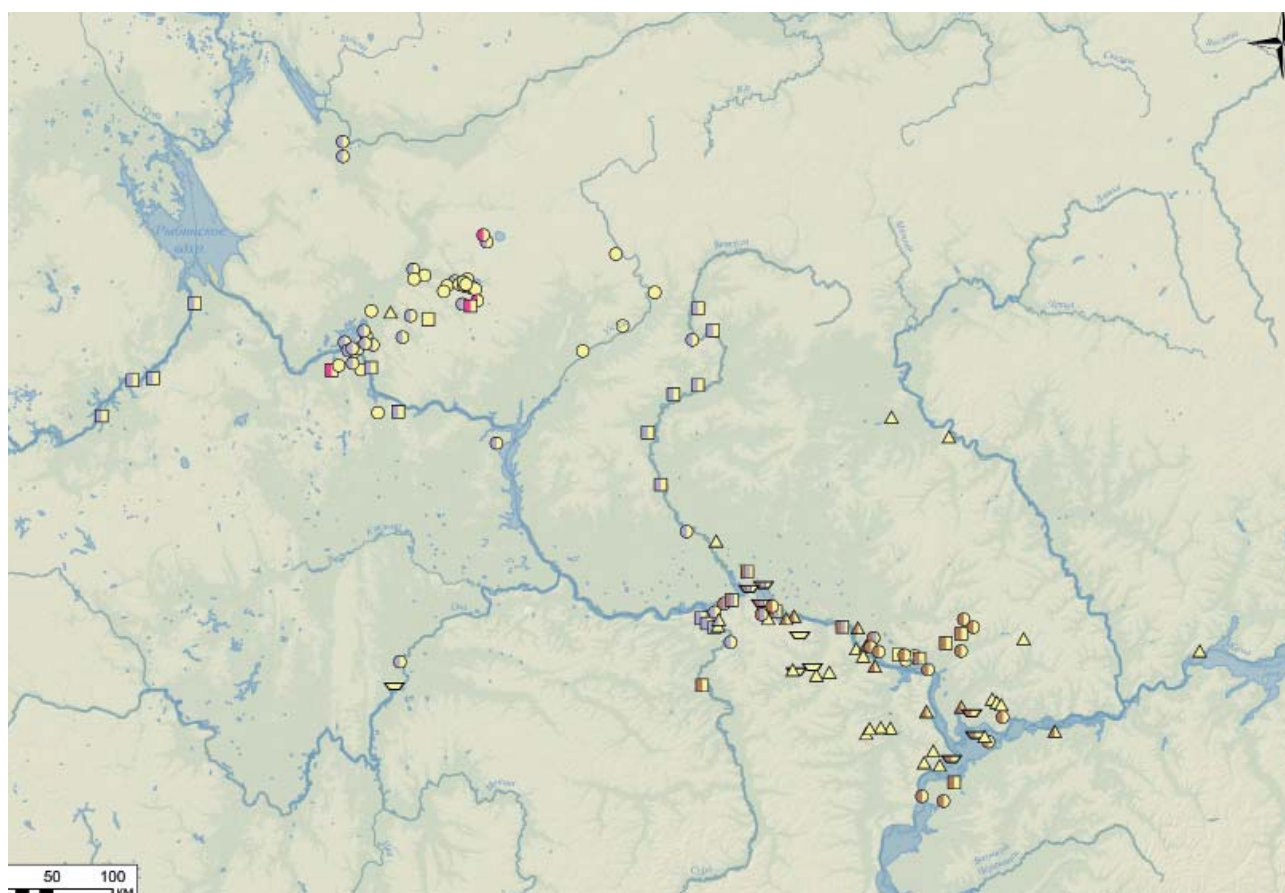
Генезис культуры. Начало проникновения носителей культуры текстильной керамики (КТК) в Среднее Поволжье относится к XVII–XV вв. до н. э. В XIV–XIII вв. до н. э. КТК распространяется вплоть до устья Камы. В это время местные обитатели, носители маклашеевской культуры, и пришлые, носители культуры текстильной керамики, зачастую обитали или обживали одни и те же поселения. В конце атабаевского этапа маклашеевской культуры как отражение процесса начала взаимной ассимиляции появляются первые образцы маклашеевской керамики с текстильными отпечатками (Чижевский и др., 2019, с. 102). В XII–X вв. до н. э. на всей территории средневолжской КТК складывается традиция украшения керамики текстильным раппортом, сочетающимся с маклашеевскими орнаментальными мотивами, а на маклашеевских могильниках появляются отдельные погребения, сопровождавшиеся «текстильными» сосудами (Халиков, 1980, табл. 15–17, 20; Чижевский и др., 2021, с. 580–600). С этого момента средневолжская КТК окончательно вошла в состав предананьинской (маклашеевской) КИО. Длительный процесс слияния местного, маклашеевского, и пришлого, населения с текстильной керамикой, начавшийся в XII в. до н. э., привел в начале РЖВ к формированию особой археологической культуры, сочетающей традиции текстильного и ананьинского миров (Кузьминых, 1977; 1983; 2000; Патрушев, 1984; 1986; 1989; 2000; Кузьминых, Чижевский, 2009).

Ареал акозинско-ахмыловской культуры АКИО охватывал несколько ландшафтных зон:

южнотаежную и подтаежную на севере и широколиственно-лесную, переходящую в лесостепную ландшафтную подзону, на юге (рис. 1) (Милюков, 1953, с. 202; Исаченко, 1985; Исаченко, Шляпников, 1989; Ермолаев и др., 2007; Дедков, 2008). Центральная часть ареала с основными памятниками охватывала Среднее Поволжье между реками Сурой (правый приток Волги) и Казанкой (левый приток Волги) с заходом в Приустьевое Прикамье. В Верхнем Поволжье, на территории Ярославской, Ивановской и Нижегородской областей, акозинско-ахмыловские памятники малочисленны, что, вероятно, связано со слабой изученностью региона и нерасчлененностью материалов известных здесь «текстильных» поселений. Их большая часть априори отнесена к позднему бронзовому веку (ПБВ) или к дьяковской культуре. Значительно больше их отмечено на Ветлуге, Унже и в Костромском Поволжье. На северо-западе границей акозинско-ахмыловской культуры выступают городища Тверского Поволжья, а на севере – поселения Вологодской области типа Вёкса 1.

Поселения акозинско-ахмыловской культуры. В ареале акозинско-ахмыловской культуры известно 103 поселения с керамикой с текстильными отпечатками на поверхности. Но лишь 22 из них монокультурны, т. е. содержат исключительно текстильную керамику; на остальных она выявлена в одних слоях и комплексах с постмаклашеевской и гребенчато-шнуровой. Это явление накладывает дополнительные трудности для исследования, поэтому памятники, на которых встречены единичные фрагменты текстильной керамики, не учитывались при анализе поселенческой структуры акозинско-ахмыловской культуры.

К настоящему времени насчитывается 30 городищ акозинско-ахмыловской культуры (рис. 2). Их наибольшая концентрация (9) приходится на Марийско-Чувашское Поволжье. Все городища являются мысовыми, а их оборонительные сооружения привязаны к рельефу и размещались на береговых террасах (мысах) крупных рек или их притоков. Выделено два морфотипа городищ, в основу классификации которых положены размещение памятников относительно реки и высота площадки от поверхности воды. Городища 1 типа

Условные обозначения:

- селище аkozинско-ахмыловской культуры АКИО
- городище аkozинско-ахмыловской культуры АКИО
- △ местонахождение аkozинско-ахмыловской культуры АКИО
- ▽ могильник аkozинско-ахмыловской культуры АКИО
- ■ смешанные памятники с керамикой аkozинско-ахмыловской культуры АКИО и дьяковской культуры
- □ △ смешанные памятники с керамикой аkozинско-ахмыловской и вятско-ветлужской культур АКИО
- ■ △ ▽ смешанные памятники с керамикой аkozинско-ахмыловской и постмаклашеевской культур АКИО
- ■ ▽ смешанные памятники с керамикой аkozинско-ахмыловской, постмаклашеевской и вятско-ветлужской культур АКИО

Рис. 1. Памятники аkozинско-ахмыловской культуры АКИО

размещались на невысоких террасах (17–30 м от уровня реки) между двумя оврагами, городища 2 типа – на высоких водораздельных мысах (30 м и выше) между рекой и боковым оврагом (Хисяметдинова, Чижевский, 2018, с. 112, 125, 128).

В абсолютном большинстве случаев (86%) они располагались по одному, но иногда на соседних мысах строились два городища (напр. Казанка I и II), как правило, одно маленькое, а другое – большее по площади (рис. 2: 1, 2). От основной части мыса площадка городища отделялась рвом и валом (рис. 3). По краю видимые оборонительные сооружения отсутствуют, но, возможно, по аналогии с городищами других культур АКИО площадка ограждалась забором или частоколом. Возведение валов приурочивали к естественным западинам и седловинам, которые дополнительно углублялись. При сооружении вала предваритель-

но устанавливали подпорные стенки, между которыми насыпали грунт; гребень вала, по всей вероятности, дополнительно укреплялся деревянными конструкциями (забором или бревенчатой стеной) (рис. 3). Размеры жилых площадок аkozинско-ахмыловских городищ небольшие – от 364 до 7500 м². Судя по наличию жилых построек на городищах и значительной толщине культурного слоя (до 1–1,5 м на склонах; Васильсурское II) (рис. 2: 3) (Халиков, 1962, с. 142), они использовались не только как убежища, но и для постоянного проживания.

Селища располагались в поймах крупных и малых рек на не затопляемых весенним половодьем вторых и третьих пойменных террасах, а также на коренных мысах. По всей видимости, их обустройство диктовалось производственной специализацией той или иной общины. Размеры не-

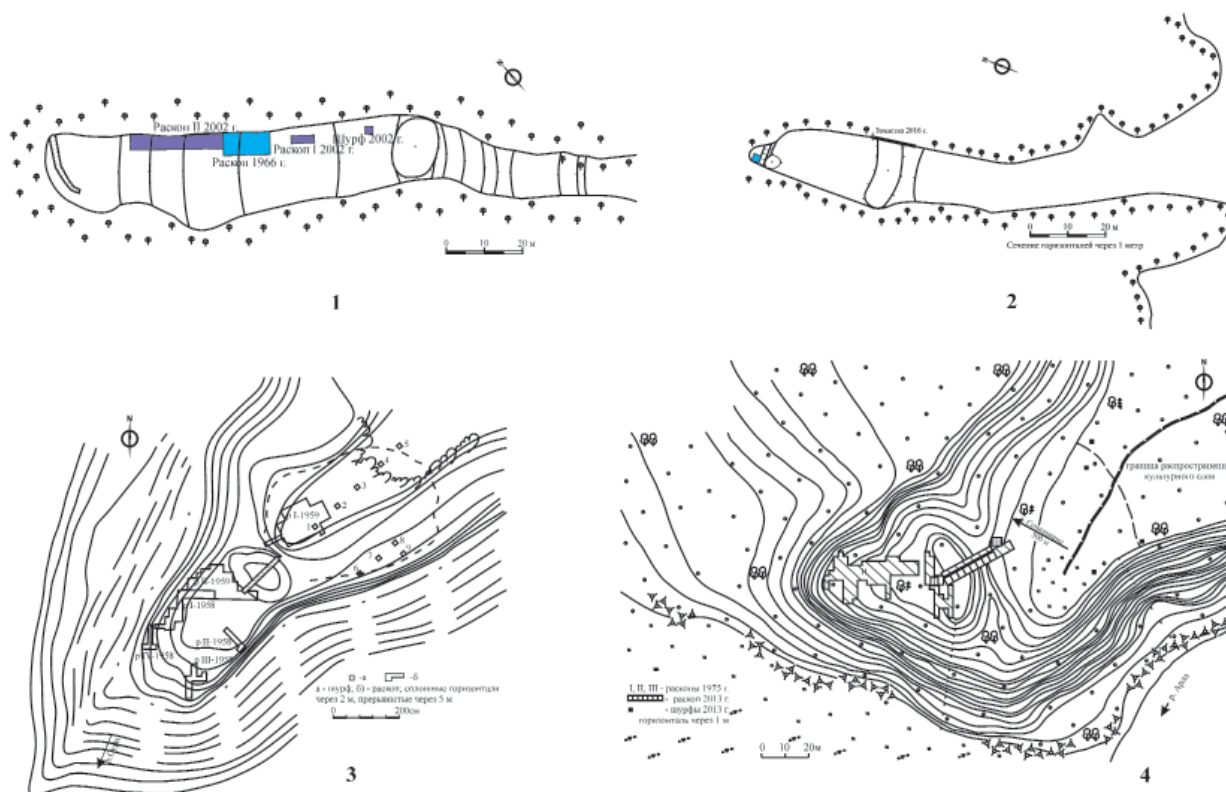

Рис. 2. Планы поселений аказинско-ахмыловской культуры АКИО

1 – Казанка I городище; 2 – городище Казанка II; 3 – Васильсурское II городище (по: Халиков, 1962); 4 – Ардинское городище (по: Михеев, 2017)

укрепленных поселений примерно соответствуют площади городищ.

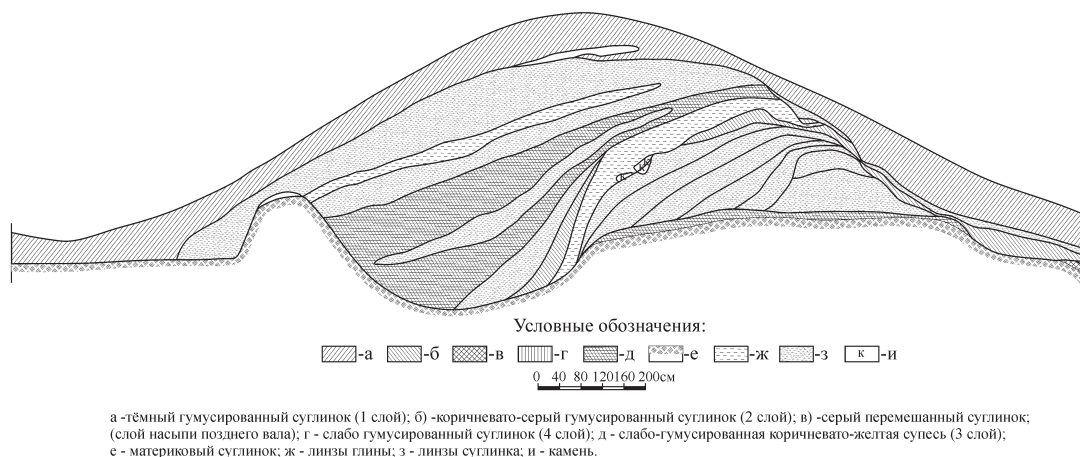
Исследованные стационарно поселения подразделяются на временные – охотничьи стоянки (Казанская) и постоянные – селища (Малахайское, Сиухинское и др.) (Халиков, 1962, с. 98–102; Чижевский, Галимова, Губайдуллина, 2019, с. 124–164). На охотничьих стоянках наблюдается преобладание костей диких животных, а в коллекции присутствуют керамика, каменные скребки и абразивы, заготовки орудий (прежде всего наконечников стрел). На постоянных поселениях, в том числе и на городищах, преобладают кости домашнего скота, многочисленны керамика, заготовки костяных и каменных орудий, выявлены свидетельства металлообработки и ткачества.

Постройки аказинско-ахмыловской культуры изучены на городище Казанка I и Малахайских городище и поселения – всего четыре сооружения (Халиков, 1977, с. 8, 12, рис. 3: 1, 2; Патрушев, 1986; 2017, с. 109, 110, рис. 8). Возможно, к их числу относится также жилище Минского городища (Патрушев, 1992, с. 58; Леонтьев, 1997, с. 99). Постройки располагались как по одной линии, вдоль городищенского мыса (Казанка I), так и в виде небольшого ряда, поперек жилой площадки

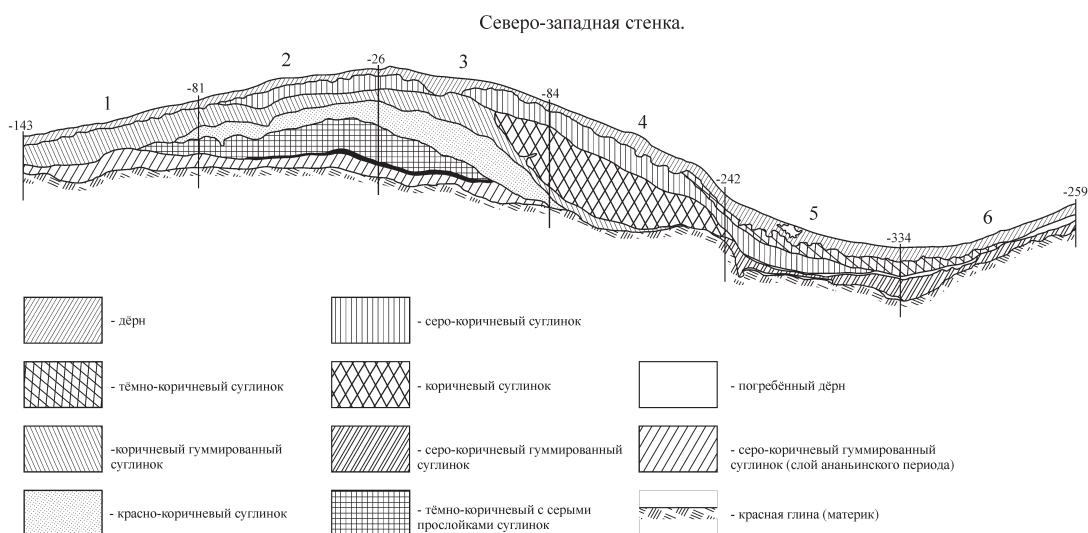
(Малахайское пос.). Все сооружения однотипны – это наземные постройки с заглубленным полом.

На городище Казанка I было изучено сооружение подпрямоугольной формы (6,5×13 м) с полом, углубленным на 20 см от дневной поверхности сооружения (рис. 4: 2). Возле всей северо-восточной стенки выявлена сплошная полоса из золы и угля, а по длинной оси котлована размещались столбовые ямки. На полу тремя группами располагались очажные пятна. На Малахайском городище раскопана постройка подпрямоугольной формы (3,4×12,4 м) со слабо углубленным в землю котлованом, вдоль стенок отмечена сплошная полоса золы и угля. На поверхности пола зафиксированы два очага, причем один из них по периметру был обложен каменными плитами. С севера к сооружению примыкал пристрой или навес, который фиксировался по выложенному плитками известняка кругу диаметром 1,4–1,5 м; от пристроя к жилищной постройке шла выложенная каменными плитками дорожка.

На Малахайском поселении были изучены остатки двух поврежденных склоновой эрозией подпрямоугольных построек с углубленным на 15–20 см полом (Патрушев, Лавенто, 2019, с. 111, 112, рис. 67). Первое жилище – шириной 4,7–5,1 м, второе – 4–5 м, в неповрежденном состо-

1

2

Рис. 3. Разрезы валов аозинско-ахмыловской культуры АКЮ

1 – Васильсурское II городище (по: Халиков, 1962); 2 – Ардинское городище (по: Михеев, 2017)

янии их размеры, по предположению В.С. Патрушева, составляли 5×10 м (рис. 4: 3). В верхней части котлована сооружения 2 отмечены поперечные углистые полосы и не до конца сгоревшее дерево. Вдоль стенок располагались углистые полосы с кусочками обожженной глины, столбовые ямы отсутствовали. На поверхности пола сооружения 2 сохранился очаг, вытянутый вдоль длинной оси котлована (рис. 4: 1).

Исходя из имеющихся данных, возможна следующая реконструкция внешнего вида и конструкции жилых построек аозинско-ахмыловской

культуры. Это были сооружения прямоугольной формы, срубной (бревенчатой) конструкции, наземные со слабо углубленным земляным полом, посыпанным песком, площадью от 50 до 85 м². Дома имели беспотолочное двускатное или односкатное перекрытие из нетолстых бревен, обмазанных глиной. Внутри жилых построек вдоль стен на грунте располагались очаги от одного до 5–7. Отмеченная на Малахайском городище выкладка из плиток известняка интерпретирована автором раскопок как жертвенник.

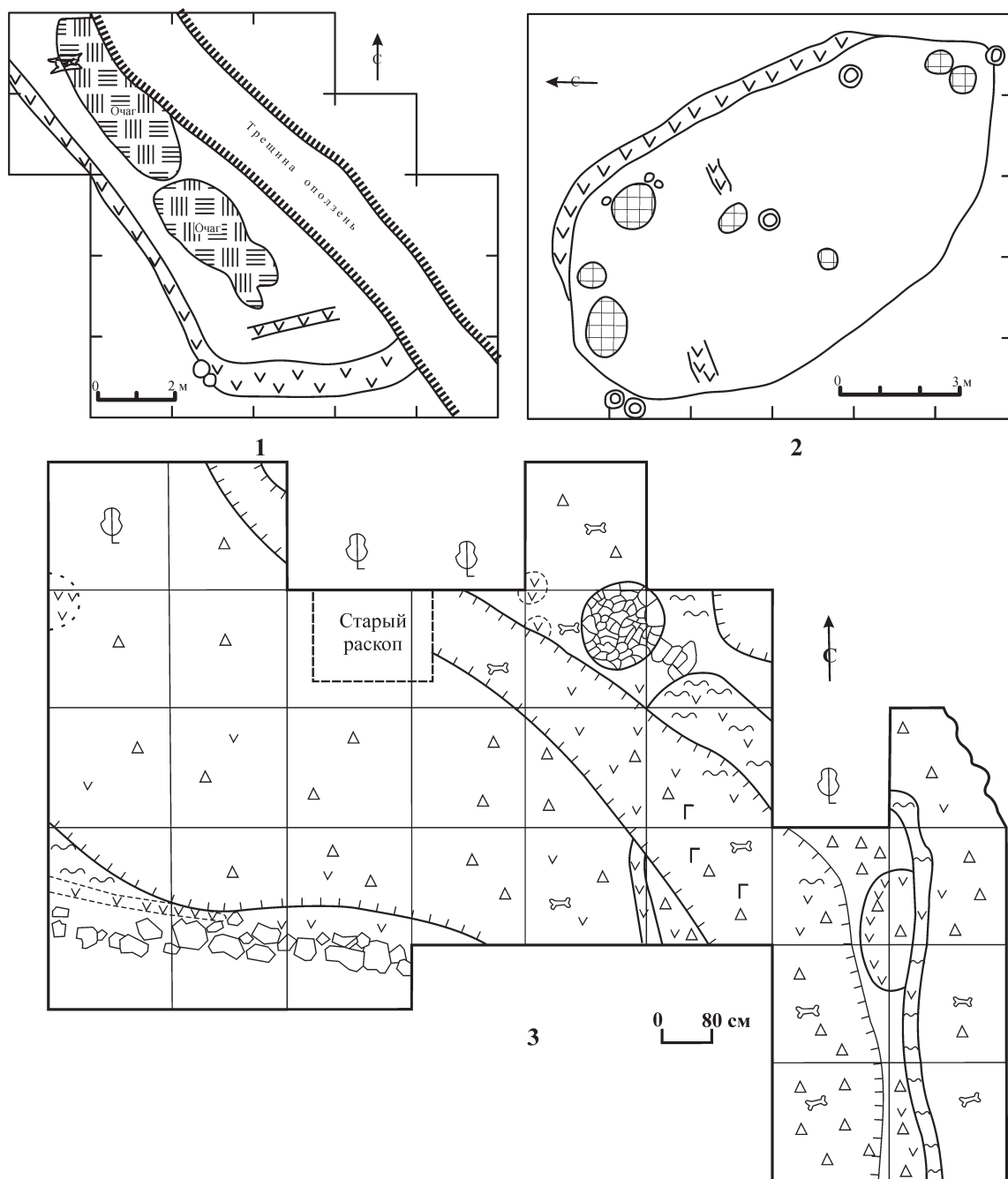

Рис. 4. Сооружения акозинско-ахмыловской культуры

1 – селище Малахай, жилище 2 (по: Халиков, 1977); 2 – городище Казанка I, жилище (по: Халиков, 1977); 3 – селище Малахай, жилище 1 (по: Патрушев, 2017)

Наличие хозяйственных ям на памятниках акозинско-ахмыловской культуры подтверждается материалами раскопок Минского городища: ямы закладывались внутри жилищ и использовались для хранения продуктов питания (Патрушев, 1992, с. 58; Леонтьев, 1997, с. 99).

Характеристика керамики (рис. 5). Значительная часть посуды акозинско-ахмыловской культуры встречена на поселениях смешанного типа. Анализу подвергались все доступные керамические комплексы, составляющие на памятни-

ках от десятых долей процента до 72% (Казанка I). Глиняная посуда акозинско-ахмыловской культуры – круглодонная, плотная, хорошо обожженная, с неорганическими примесями в глиняном тесте (в основном песок), однако встречаются сосуды с примесью раковины и песка и раковины одновременно (Марков, 2007, с. 40). Последние две группы керамики отнесены к так называемой «гибридной» посуде. Цвет сосудов: коричневый и темно-серый. Внутренняя поверхность гладкая, но иногда покрыта расчесами, выполненными

ми гребенчатым штампом. Толщина стенок 0,3–1,0 см. Размеры сосудов различны: более всего распространены емкости с диаметром горловины 20–35 см, но встречаются также небольшие (5–10 см) и крупные (более 40 см) (Ишмуратова, 1975, с. 54). Выделяется семь вариантов венчиков: закругленный, плоский, приостренный, с напылом с внешней стороны (Г-образный), с напылом с внутренней стороны, с напылом с внешней и внутренней стороны (Т-образный), отогнутый (Патрушев, 2016, рис. 3).

Сосуды аозинско-ахмыловской культуры по форме шейки подразделяются на две группы (Патрушев, Лавенто, 2019, с. 126–134): с профилированной горловиной (горшковидные) и непрофилированные (чашевидные). Горшковидные сосуды с закрытой, открытой или прямой горловиной составляют основу керамического комплекса культуры – от 69% (Богородское) до 93–100% (Малахай, Казанка I). Чашевидные сосуды закрытых и открытых форм встречаются заметно реже – от 4–10,5% (Сомовское I, Васильсурское II и др.) до 31% (Богородское) (Патрушев, 2017, с. 113). Шейка на аозинско-ахмыловской керамике раннего периода резко переходит в тулово, на сосудах среднего периода переход плавный; изредка встречается валик – 2,33–2,45% (Борань, Богородское), воротничок – 2,33–2,45% (Борань, Богородское) и напыль с внешней стороны (нечто среднее между валиком и воротничком) – 2,56–6,54% (Казанка I, Сомовское I).

Большая часть керамики покрыта раппортом в виде текстильных отпечатков, покрывающих орнаментальное поле сосуда целиком или частично, образуя фон, на котором возможно размещение дополнительных элементов орнамента (Патрушев, Лавенто, 2019, с. 124–133, рис. 83, 87–93, табл. 3). Выделяется два основных варианта текстильных отпечатков (Патрушев, 1989, с. 61–65, табл. 4): рябчатые – 42,03–96,05% (Ардинское, Богородское), ниточные – 32,46–55,76% (Казанка I, Сомовское I), которые иногда соседствуют на одном сосуде – 0,56–20,56% (Казанка I, Ардинское и др.). Рябчатые отпечатки в зависимости от способа нанесения раппорта были разной формы: дуговидные, клиновидные, линзовидные, овальные. Иногда они могли имитировать веревочку или капли дождя, размещаясь в шахматном порядке. Характер расположения ниточных отпечатков также разнообразен: хаотично, в виде параллельных

нитей редких или близко расположенных, в виде перекрещивающихся нитей.

В качестве орнаментиров для нанесения рябчатых отпечатков могли использоваться шишки ели с частично утраченными чешуйками, резные штампы с треугольными ячейками, витые шнуры (Лопатина, 2017, с. 288, 290, рис. 1: 1–6; 6: 1–3; Патрушев, 2017, с. 112, 113; Сыроватко, 2017). Орнаментами для нанесения ниточных отпечатков могли быть различные валики, обмотанные нитями или веревочками, или же палочки с намотанной на них веревочкой (Лопатина, 2009, с. 208, рис. 7: 1–2; 2017, с. 288, 289, рис. 2: 1–9).

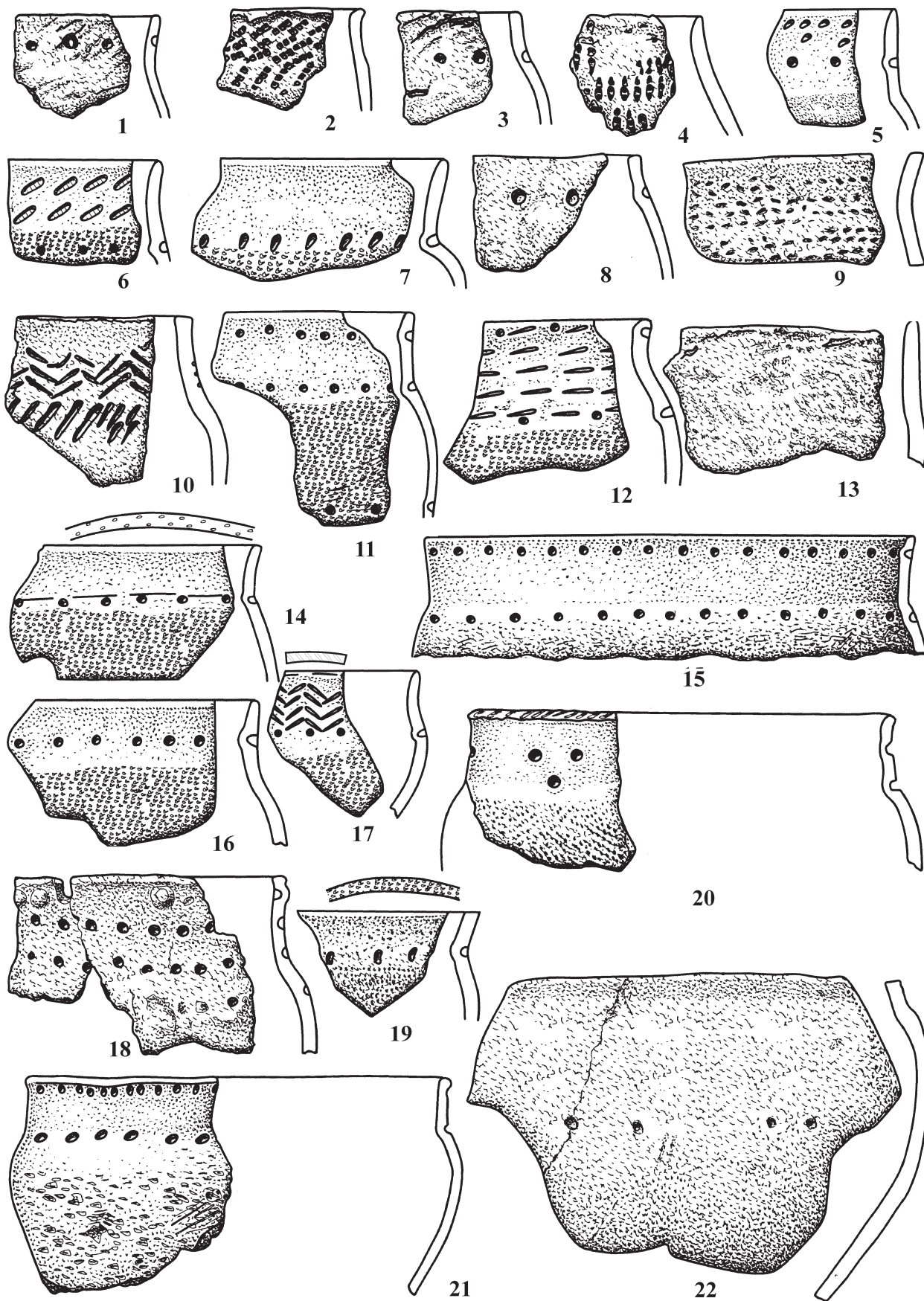
Текстильные отпечатки в большинстве случаев покрывали только тулово сосуда, оставляя придонную часть, донце и шейку гладкими, но известны экземпляры, где раппортом покрывались также шейка сосуда и даже срез венчика. Основным элементом орнамента были ямки: округлые и неправильной формы (Патрушев, Лавенто, 2019, с. 122–137, рис. 64, табл. 4). В то же время керамический комплекс аозинско-ахмыловской культуры во многом основывался на наследии средневожжской КТК эпохи бронзы, в практике которой было заимствование орнаментальных традиций местного населения (Патрушев, 1989, с. 68–72, рис. 29, табл. 6). Именно таким образом носителями аозинско-ахмыловской культуры были приобретены характерные элементы орнамента АКЮ: клиновидные вдавления, оттиски зубчатого штампа и шнура.

Наиболее распространенной орнаментальной композицией являлись ряды ямочных вдавлений, покрывающих весь сосуд от среза венчика до придонной части (Патрушев, 1989, с. 61–67, табл. 5). Некоторые сосуды украшались только одним рядом ямок по шейке. По срезу венчика наносились косые ногтевые насечки или гребенчатые вдавления. Часто ямки сочетались с зубчатым штампом и шнуром, которые размещались на сосудах раннего периода АКЮ на шейке, а на керамике среднего периода – на шейке и плечиках. Шнуровые отпечатки обычно имеют наклон в одну сторону, разнонаправленные (елочные) вдавления очень редки. Как правило, они образовывали комбинацию из 2–3 горизонтальных линий шнуровых оттисков, поставленных в несколько рядов; иногда на сосудах присутствует волна, также выполненная шнуром.

Основными орнаментальными мотивами с ис-

Рис. 5. Поселенческая керамика аозинско-ахмыловской культуры АКЮ

1–4, 8, 10, 18 – Сиухинское поселение (по: Ефремова, Соловьев, 2014); 5, 11, – Маклашеевское II городище; 6, 7, 10, 12, 14, 16, 17, 19 – городище Казанка I (Большое); 9, 22 – Васильсурское II городище (по: Халиков, 1962); 13 – Одоевское городище (по: Новиков, 2021); 15 – поселение Зольное; 20, 21 – Нижнеуслонское поселение (по: Халиков, 1961). Масштаб разный

пользованием гребенчатого штампа являлись горизонтальный зигзаг, а также ряды наклонных и прямых отпечатков штампа (Патрушев, Лавенто, 2019, рис. 64: 43–64, 89, табл. 4). Распространены гребенчато-шнуровые композиции, в которых сочетаются линии горизонтального шнура и выполненные гребенчатым штампом ряды зигзагов, наклонных и прямых линий штампа; в ряде случаев они комбинировались с ямочными вдавлениями. К концу среднего периода АКИО, вероятно, относится керамика без текстильного раппорта, но с типично аозинско-ахмыловской ямочной орнаментацией, покрывающей тулово сосуда. Сосуды с текстильным раппортом после VI в. до н. э. на территории Марийского и Казанского Поволжья неизвестны.

Характеристика вещевого комплекса (рис. 6). Большая часть поселений аозинско-ахмыловской культуры относится к памятникам смешанного типа с комплексами материальной культуры других археологических культур АКИО – постмаклашеевской и гребенчато-шнуровой керамики. По этой причине для анализа вещевого комплекса нами использовались лишь материалы поселений, в керамическом комплексе которых текстильная посуда превышала 40%. На поселениях аозинско-ахмыловской культуры выявлены изделия из камня, глины, цветного и черного металла, кости (Патрушев, Лавенто, 2019, с. 63–88, 136–143).

Характеристика каменного инвентаря наиболее показательна по материалам Казанской стоянки (Чижевский, Галимова, Губайдуллина, 2019), дополненным находками из городищ Ардинского и Казанка I, а также поселения Малахай. Обитатели Казанской стоянки использовали в хозяйственной деятельности разнообразное каменное сырье: преимущественно кремнистые породы разного качества (82,7%), в гораздо меньшей степени кварцит (14,1%), в редких случаях опоку (2,2%) и мелкокристаллические породы (1,0%).

Наиболее многочисленная категория находок – технологические отходы. К ним относятся отщепы и аморфные сколы-отходы, фрагменты сколов, пластины случайных форм, а также фрагмент микронуклеуса, оставленного в начальной стадии расщепления.

Вторую по количеству категорию составляют заготовки и неудачные экземпляры бифасов, брошенных на разных стадиях формирования. Они подразделяются на две группы. Первая – заготовки бифасов (наконечников стрел?) в начальной стадии (22 экз.) (рис. 6: 30). Вторая – заготовки тонких бифасов (18 экз.); их форма и технологические особенности обработки отчетливо указывают на то, что это были наконечники стрел (рис. 6: 7, 8, 17, 25). К ним относятся: 1) заготовки листовидных наконечников, оставленные в средней стадии бифасиального утоньшения, еще довольно массивные; 2) заготовки наконечников в начальной стадии, основой для которых стали отщепы или пластины подходящей формы, которые не требовали длительного утоньшения и оформления в несколько этапов.

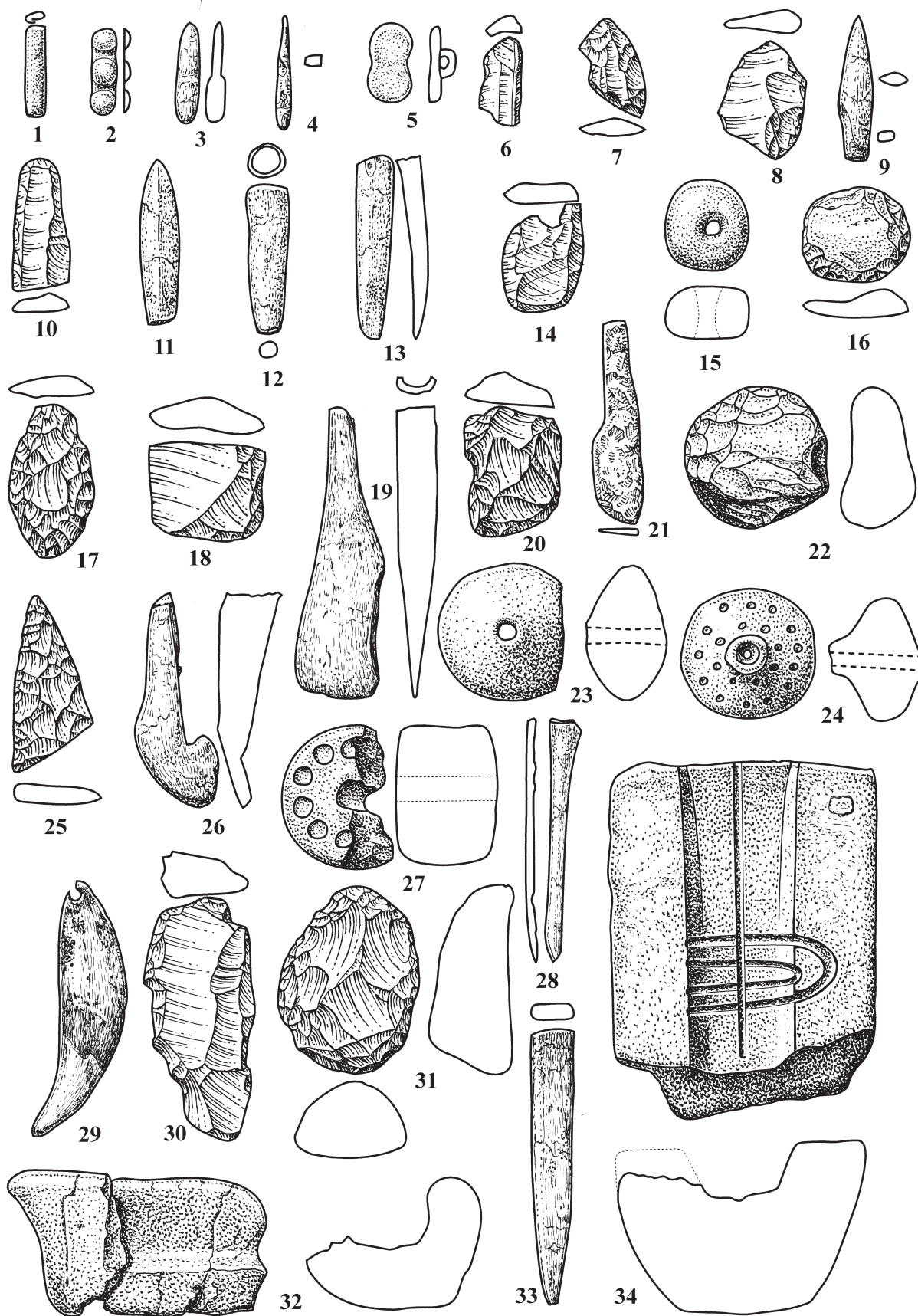
Следует отметить, что на некоторых стационарных поселениях (Ардинское, Казанка I, Малахай и др.) встречены не заготовки, а целые предметы вооружения: кремневые черешковые наконечники стрел с треугольным пером (Патрушев, 1992, с. 56; 2017, с. 108) и каменный топор-молот с боковыми цапфами из опочного кремня (Казанка I).

Третью по количеству категорию каменных изделий Казанской стоянки составляют орудия, которые использовались в разных трудовых операциях. Среди экземпляров, имеющих выраженную форму и признаки вторичной обработки, наиболее представительны скребки (8 экз.) (рис. 6: 14, 16, 31). Они изготавливались на отщепах (округлые с лезвием на $\frac{3}{4}$ периметра или с концевыми и боковыми лезвиями) и аморфной массивной пластине (концевой скребок, лезвие которого не нашлось в ретуши). Многочисленны скребки и на Ардинском городище (Михеев, 2017, с. 36, рис. 11: 1–4, 9).

В отдельную группу инвентаря Казанской стоянки выделяются «ножи-ложкари» (3 экз.) – многофункциональные орудия резьбы по дереву (резцы, скобели, строгальные ножи и т. д.) (рис. 6: 6, 10). Это пластины с изогнутым или скругленным концом и нерегулярной ретушью по краю. К ним относятся нож, оформленный приостряющей ретушью с двумя боковыми лезвиями и округлым концом, и две рабочие части сломанных ножей-пластин с изогнутым концом и нерегулярной ре-

Рис. 6. Поселенческий инвентарь аозинско-ахмыловской культуры АКИО, масштаб разный

1–3, 9, 11–13, 15, 19, 21, 26–29, 33 – поселение Малахай; 4, 5 – Копаньское городище; 7, 8, 10, 14, 16–18, 20, 22, 23, 30, 31 – Казанская стоянка; 32 – Сиухинское поселение; 34 – городище Казанка I (Большое)
1 – пронизь; 2 – трехчастная бляха; 3, 9, 11 – наконечники стрел; 4, 28 – проколка; 5 – «восьмерковидная» бляха; 6, 10 – многофункциональные орудия резьбы по дереву; 7, 8, 17, 25 – заготовки наконечников стрел; 12 – вток; 13, 33 – долота; 14, 16, 31 – скребки; 15, 23, 24, 27 – пряслица; 18, 20 – долотца; 19 – лопатка-тупик; 21 – нож; 22 – абразивное орудие; 26 – заготовка гарпуна; 29 – медвежий клык; 30 – заготовка наконечника стрелы в начальной стадии; 32 – тигель; 34 – литейная форма (реконструкция)
1, 2, 5 – медь и бронза; 3, 9, 11–13, 19, 26, 28, 29, 33 – кость; 4, 21 – железо; 6–8, 10, 14, 16–18, 20, 22, 25, 30, 31 – кремний; 15, 23, 24, 27, 32 – глина; 34 – известняк

тушью по краю. Скребок-нож и резцы известны также на Ардинском городище (Михеев, 2017, с. 36, рис. 11: 5, 7, 8).

К долотовидным орудиям отнесены три небольших долота (т. н. «долотца») с отломанной в ходе работы рукояточной частью, выполненные на отщепках, и два долотца с выпуклым лезвием (рис. 6: 18, 20). К их числу отнесена также стамеска на аморфном кремневом сколе и долото, изготовленное из неудачной заготовки мелкого бифаса. Обломок стамески отмечен и в материалах Ардинского городища (Михеев, 2017, с. 36, рис. 11: 6).

В качестве абразивных инструментов (3 экз.) в комплексе каменных орудий Казанской стоянки использовались гальки из мелкокристаллических пород камня и кварцита (рис. 6: 22). Необходимо отметить, что на Ардинском городище фиксировались и специально изготовленные из плотного сливного песчаника оселки подчетыреугольной формы (Патрушев, 2017, рис. 5: 9, 11).

Кроме того, с учетом наличия на некоторых отщепках нерегулярной ретуши утилизации, была выделена особая группа орудий (15 экз.) случайных форм – «подручных» сколов с острыми ровными краями, которые служили недолгое время скобелями, резцами, ножами.

Количество изделий из глины, достоверно относящихся к аозинско-ахмыловской культуре, невелико, – это тигли (рис. 6: 32) и пряслица: линзовидные двояковыпуклые и вогнуто-выпуклые, а также грибовидные в сечении, иногда с орнаментом, нанесенным трубочкой, ногтевыми насечками и шнуром (рис. 6: 15, 23, 24, 27).

Изделия из металла (бронзы и железа) очень малочисленны – это оружие, украшения и предметы быта. О наличии предметов вооружения свидетельствуют литейные формы для отливки бронзовых аозинско-меларских кельтов из городища Казанка I (рис. 6: 34), поселений Вагажка и Вёкса I (Халиков, 1977, рис. 43: 2, 3; Кузьминых, 1983, с. 84; Никитинский, 1995, рис. 3: 12; Новиков, 2018, рис. 100) и наконечника копья из Ардинского городища (Патрушев, 1986, рис. 8). Известны также немногочисленные украшения – пронизи, нашивные трехчастные бляхи и «восьмерковидные» бляшки с петлей на обороте (рис. 6: 1, 2, 5), фрагменты пластин из бронзы, причем одна из них с треугольными узорами. К предметам быта, выявленным на поселениях, относятся железные ножи с горбатой спинкой (рис. 6: 21) и проколки (рис. 6: 4) (Патрушев, 2017, рис. 5: 1, 2, 7).

Изделия из кости и рога представлены предметами вооружения, охоты, быта, конской упряжи и культового значения (Патрушев, Лавенто, 2019, с. 143). Предметы вооружения единичны –

это костяные черешковые наконечники стрел из Ардинского городища и поселения Малахай (рис. 6: 3, 9, 11). Об изготовлении конской упряжи из кости свидетельствует фрагмент псаля с двумя отверстиями (Казанка I). К изделиям охотничьего промысла относятся немногочисленные заготовки гарпунов (рис. 6: 26). Более многочисленны предметы быта – это проколки, выработанные из различных костей крупных копытных животных (рис. 6: 28), лопаточки-тупики (иногда с рельефным орнаментом) (рис. 6: 19), долота (рис. 6: 13, 33) и втоки (мотыжки?) (рис. 6: 12). К предметам культового назначения отнесены сверленные медвежьи клыки (рис. 6: 29) и лопаточная кость крупного животного с вырезанным на ней узором в виде двойной линии зигзага (Ардинское городище). Судя по многочисленным находкам фрагментов и отходов рогового сырья, а также аморфных заготовок, костяные и роговые предметы изготавливались непосредственно на поселениях.

Хозяйственная деятельность аозинско-ахмыловской культуры реконструируется по материалам поселений Среднего и Верхнего Поволжья (Патрушев, Лавенто, 2019). Судя по данным анализа археозоологических остатков из Ардинского городища и поселения Малахай, хозяйство носителей данной культуры базировалось на скотоводстве (89,1–90,2%), охота была вспомогательной отраслью хозяйства (9,8–10,9%) (Петренко, 2007, табл. 26–28).

В составе стада преобладала лошадь (33,5–44,1%), второе место занимала свинья (21,2–41,6%), на третьем был крупный рогатый скот (20,5–33,5%), мелкий рогатый скот занимал самую маленькую нишу в скотоводческой деятельности (0,7–0,9%). По мнению А.Г. Петренко (2007, с. 67), значительная поврежденность костей лошади свидетельствует об использовании конины в пищу. Вместе с тем фрагменты конской упряжи, выявленные на поселениях, подтверждают и использование лошади в качестве транспортного средства. Коровы, быки, лошади забивались на мясо в возрасте 3–9 лет, свиньи – 1,5–2 лет. Собак, которых, судя по сохранности костей, не употребляли в пищу, известно немного (0,5–0,6%).

Охота имела ярко окрашенное «мясное» направление. Она велась на крупных копытных (например, лося; до 65,1% от общего количества диких животных) на Ардинском городище или в ритуальных целях на медведя (71,3%) на поселении Малахай, что, впрочем, не уменьшает его пищевого значения, на третьем месте по популярности идет бобр (12,2–32,5%). Охота на остальных животных шла менее интенсивно: для добычи мяса на поселении Малахай охотились на север-

ного оленя (6,1%) и косулю (1,7%), ради мехов – на кунных (куниц) (5,2%), выдру (0,9%) и зайца (0,9%), на Ардинском городище, кроме того, отмечены кости лисы (1,2%).

Археоботанические свидетельства земледелия у носителей аозинско-ахмыловской культуры не выявлены, но, судя по наличию такового в постмаклашеевской культуре, его существование вполне возможно, особенно в зоне широколиственных лесов и лесостепи Среднего Поволжья.

Рыболовный промысел подтверждается находками заготовок гарпунов из рога, а также рыбьей чешуи на ряде памятников аозинско-ахмыловской культуры.

Помимо производства керамики, которое, как и обработка камня, было широко распространено и практиковалось практически на каждом поселении, также повсеместно было распространено ткачество, о бытовании которого свидетельствуют пряслица, проколки и иглы, а также многочисленные отпечатки тканей на глиняных сосудах (Патрушев, Лавенто, 2019, с. 134–137, рис. 94). Судя по находкам бронзовых кочедыков (погр. 625, 892 Старшего Ахмыловского могильника), практиковалось плетение из луба и лыка.

С аозинско-ахмыловской культурой связан аозинский очаг металлообработки, который использовал особые производственные навыки и технологические традиции, выработал своеобразный набор типов орудий труда и оружия, отличных от ананьинского очага металлургии. Аозинский очаг работал на привозном сырье – это в основном оловянные и оловянно-мышьяковые бронзы из разных (прежде всего казахстанско-алтайских) горно-металлургических центров Северной Евразии (Кузьминых, 1977; 1983, с. 157–159, 167–170).

О функционировании цветной металлообработки непосредственно на поселениях свидетельствуют тигли и литейные формы (рис. 6: 32, 34), найденные на городищах и селищах (Казанка I, Ардинское, Ватажка, Вёкса I и др.), а также находки плоскородных тиглей в погребениях литейщиков Старшего Ахмыловского и Убеевского могильников (Кузьминых, 1977; 1977а; Патрушев, Халиков, 1982; Чижевский, 2008, с. 38).

Находки железных вещей в культурных слоях городищ и, главное, их обилие в некрополях свидетельствуют о развитой железообработке у носителей аозинско-ахмыловской культуры. Об этом же говорят и данные металлографических исследований, которые отмечают среди железных предметов не только импорты, но и изделия сугубо местных форм и технологии (Терехова, Розанова, 2009, с. 199, 200).

Косторезное дело, судя по находкам многочисленных изделий из кости и рога, практиковалось

в основном в поселках постоянного проживания. Безусловно, была широко распространена и деревообработка – свидетельством тому развитое домостроительство и обширный набор инструментов для работы и резьбы по дереву (Патрушев, Лавенто, 2019, с. 110–117, рис. 67–73).

Могильники (рис. 7). У носителей средневожской культуры текстильной керамики ПБВ обряд захоронения в землю почти неизвестен. С большой осторожностью с ней связывают захоронения на месте Ошутьяльского II и Ясачного III поселений и отдельные погребения на маклашеевских могильниках позднего периода (Чижевский, 2008, с. 34). Появление обряда захоронения в землю у носителей аозинско-ахмыловской культуры обусловлено воздействием маклашеевской культуры на средневожскую КТК в финале бронзового века, а затем постмаклашеевской культуры АКИО в начале раннего железного века.

Исследование погребального обряда затруднено размещением погребений аозинско-ахмыловской культуры на некрополях, использующихся совместно с другими культурами АКИО: постмаклашеевской и вятско-ветлужской (гребенчато-шнуровой керамики) (Младший Волосовский, Аозинский, Козьмодемьянский, Старший Ахмыловский) (Чижевский, 2008, с. 34; Патрушев, 2011). Лишь один из пяти исследованных раскопками некрополей (Убеевский) содержит в себе исключительно аозинско-ахмыловский комплекс погребального инвентаря, а именно: кельты аозинско-меларского типа. В остальных могильниках выявлены также погребения с кельтами ананьинских типов.

Все некрополи размещались на вторых пойменных террасах Волги и на низких и средних террасах ее притоков. Они располагались неподалеку от поселений, и в каждом отдельном случае с ним связан, по всей вероятности, свой могильник. Предполагается, что Старший Ахмыловский могильник – самый крупный некрополь АКИО – был межплеменным и использовался общинами разных археологических культур (рис. 7: 3).

Все погребения входили в состав бескурганых могильников, в которых учтено 564 захоронения. На территории поликультурных некрополей аозинско-ахмыловские погребения размещались скоплениями без выраженной рядности и преимущественно концентрировались отдельно от могил других культур АКИО (Кузьминых, 1983, с. 158; Чижевский, 2008, с. 42, рис. 27).

Очертания могильных ям удалось зафиксировать для 484 погребений. Могильные ямы подразделяются на три типа: тип 1 – ямы с соотношением длины и ширины от 1,4:1 до 3,4:1 (371); тип 2 – широкие и короткие ямы, с отношением

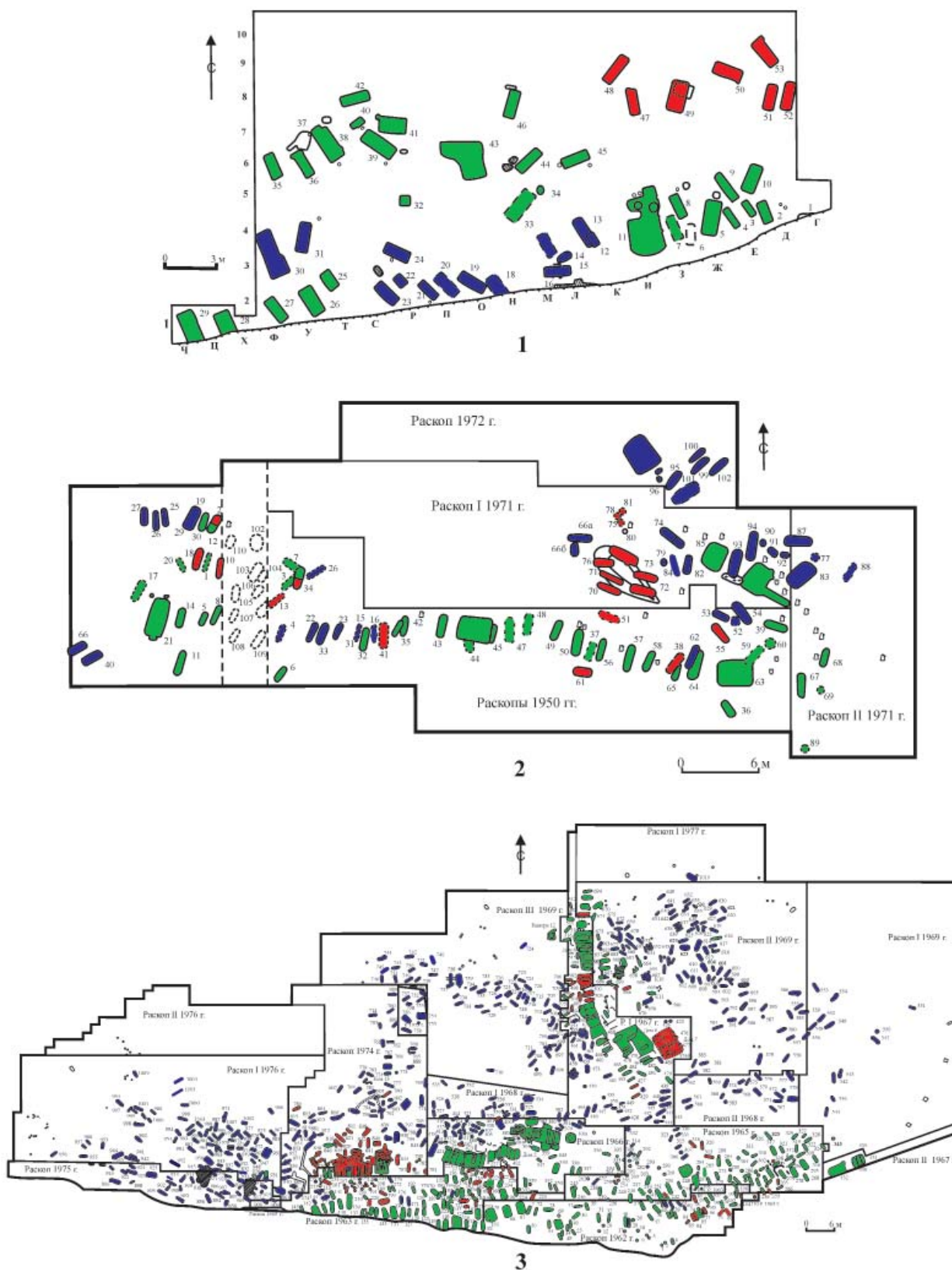

Рис. 7. Некрополи аkozинско-ахмыловской культуры АКЮ, культурная ситуация

1 – Козьмодемьянский могильник; 2 – Аkozинский могильник; 3 – Старший Ахмыловский могильник.
 1 – погребения аkozинско-ахмыловской культуры (синий цвет); 2 – погребения постмаклашевской культуры (зеленый цвет); 3 – погребения вятско-ветлужской культуры (красный цвет)

длины и ширины от 1,3:1 и меньше (60); тип 3 – узкие ямы-траншеи, длина которых превышает ширину в 3,5 раза и более (53). 24 погребения ахозинско-ахмыловской культуры были оборудованы в виде деревянных гробниц – погребальных сооружений, внутреннее пространство которых организовано с помощью деревянных конструкций. Все они были сожжены и фиксировались в виде полос угля и столбовых ямок. Всего следы воздействия огня были отмечены в 201 могильной яме. В 27 погребениях ахозинско-ахмыловской культуры выявлены внутримогильные ниши, причем в двух из них таких ниш было по две.

Несмотря на то, что в погребениях ахозинско-ахмыловской культуры учтены останки 327 человек, состояние антропологического материала позволило произвести определение пола только для четырех мужских костяков и одного женского из Ахозинского могильника (Халиков, 1962, с. 73, 74, 84, 85).

Подавляющее большинство погребений ахозинско-ахмыловской культуры совершены по обряду ингумации, но в пяти случаях (Убеевский) отмечена кремация умерших, причем только в двух из них, бесспорно, погребения людей.

Ввиду плохой сохранности костей и неполноты описания 14% ахозинско-ахмыловских погребений не использовались для атрибуции способа погребения. Судя по остальным данным, в 3% случаев ахозинско-ахмыловское население осуществляло частичные погребения (голова людей), а в 44% хоронило умершего человека целиком. 39% погребений не содержало костей человека, однако достоверно определить, были ли они кенотафами, не представляется возможным из-за общей плохой сохранности костей на данных могильниках.

Большая часть захоронений – одиночные (152), парные (16) встречаются значительно реже. Коллективные погребения (6) также нехарактерны для этой культуры: в четырех из них размещено по три человека, а в двух – по четыре. Поза прослежена у 237 погребенных, которые располагались в вытянутом положении на спине. Позиция рук выявлена лишь в 19 погребениях, причем в 13 случаях они лежали на тазовых костях, в шести – вытянуты вдоль тела.

Ориентировка установлена для 236 погребений, причем здесь представлены все стороны света с преобладанием западного направления, включая северо-запад и юго-запад. Не выявлено предпочтений и с речной ориентировкой: численно преобладают погребения ногами к реке (44%), однако захоронений, размещенных к ней боком (31%) и головой 22%), также довольно много. Умерших помещали на дно могильной ямы, на ко-

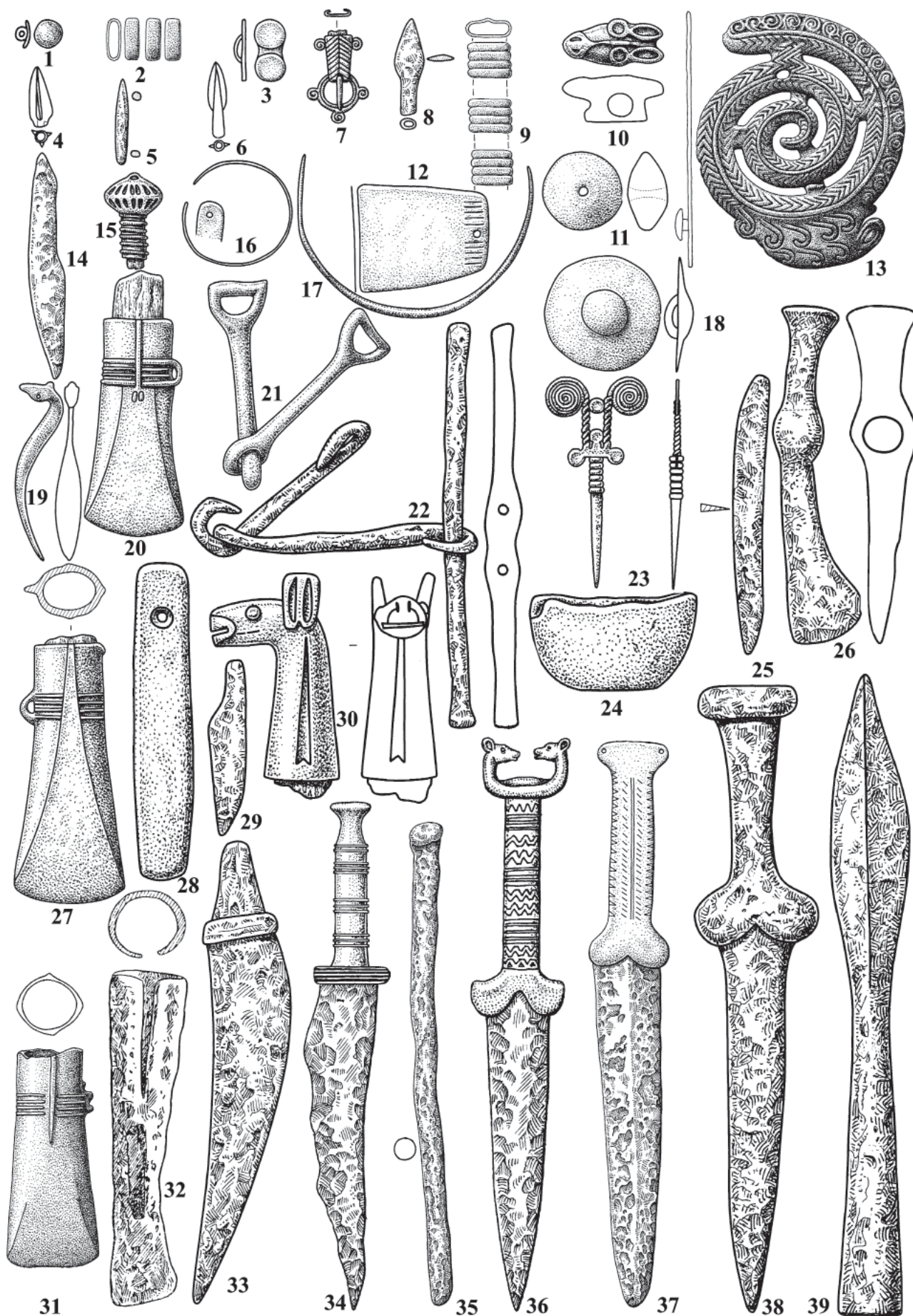
торое предварительно устанавливали деревянный настил (41 случай), иногда с тканевым покрытием (7 случаев).

В погребениях ахозинско-ахмыловской культуры зафиксировано 36 категорий вещей, которые представлены орудиями труда, оружием, украшениями, остатками одежды, предметами туалета, погребальными сосудами, бытовыми предметами и др.

Орудия труда в погребениях встречаются нечасто, среди них доминируют однолезвийные железные ножи (рис. 8: 14, 25, 29), что, вероятно, определяется их многофункциональным назначением (эта традиция восходит к эпохе бронзы), затем идут предметы, связанные с ткачеством и шитьем – глиняные (рис. 8: 11) и бронзовые пряслица, проколки из железа (рис. 8: 5) и бронзовые иглы. На третьем месте по встречаемости рубящие орудия: железные пешни (рис. 8: 32) и пробойник, тесла из камня и железа. В девяти случаях отмечены оселки (рис. 8: 28), а в двух погребениях выявлены бронзовые кочедыки, один из них с завершением рукояти в виде лошадиной головки (рис. 8: 19). В могилах оселки, проколки и ножи размещались в изголовье в составе сопровождающего вещевого комплекса, но значительная часть ножей отмечена также у пояса.

Предметы вооружения найдены примерно в трети ахозинско-ахмыловских погребений. Доминирует рубящее оружие, представленное бронзовыми ахозинско-меларскими кельтами (рис. 8: 20, 27, 31), а также железными секирами и топорами (рис. 8: 26). Колющее оружие (наконечники копий) является второй крупнейшей категорией: преобладают железные экземпляры (рис. 8: 39), редки бронзовые и биметаллические. Метательное оружие выявлено в 52 погребениях – это наконечники стрел из дерева (в одном погребении), кости, кремня, бронзы (рис. 8: 4, 6) и железа (рис. 8: 8). Во всех случаях бронзовые наконечники – втульчатые двух- и трехлопастные, железные двухлопастные – втульчатые и черешковые. Отмечено сочетание костяных наконечников с железными и бронзовыми, а в погр. 750 Старшего Ахмыловского могильника еще и с деревянными. Как правило, в могилы помещали по одному наконечнику, но в Старшем Ахмыловском могильнике встречаются наборы, состоящие из 9–10 (погр. 578, 949), 21 (погр. 750) и 45 наконечников стрел (погр. 926).

Единственной категорией длинно-клинкового колюще-рубящего оружия, зафиксированной в ахозинско-ахмыловских погребениях, были кинжалы. Двулезвийные кинжалы были как цельножелезными (рис. 8: 38), так и биметаллическими (рис. 8: 36, 37) с железным клинком и бронзовой рукоятью (Патрушев, Халиков, 1982, табл. 105: 1г;

Патрушев, 1982, рис. 24; Кузьминых, 1983; Чижевский, 2008, рис. 29: 1, 3, 7, 9). Однолезвийные кинжалы изготавливались в основном из железа (рис. 8: 33), но в одном случае такой кинжал был биметаллическим (рис. 8: 34) (Кузьминых, 1983, табл. ЛП: 15; Чижевский, 2008, с. 37, рис. 29: 2, 4, 5, 6, 8, 10). Отмечена находка железного стилета, круглого в сечении (рис. 8: 35).

Исключительно редки находки булав – оружия, более распространенного в Волго-Камье в эпоху бронзы. Каменная булава подтрапещевидной формы обнаружена лишь однажды в погр. 3 Младшего Волосовского могильника (Кузьминых, Чижевский, 2006, рис. 3: 1). Не менее редки находки защитного вооружения. В погр. 704 Старшего Ахмыловского, а также в погр. 3 и 9 Младшего Волосовского могильников найдены бронзовые бляхи-«умбоны» от щита; в первом случае в форме свернувшейся змеи с двумя заклепками на задней части (рис. 8: 13), в двух других – в виде уступчатых блях (Патрушев, Халиков, 1982, табл. 105: 1ж; Кузьминых, Чижевский, 2006, рис. 2: 1, 2, 7; 3: 2). Основа щита, как удалось установить по ахмыловскому «умбону», деревянная с окованным железом краем, поверх дерева была натянута кожа.

Наконечники копий и кинжалы размещались в изголовье погребенного, и лишь изредка они отмечены у ног. Подобное расположение связано с тем, что наконечники копий клали в могилу вместе с древком, а кинжалы помещались в составе сопровождающего вещевого комплекса. Кельты и наконечники стрел также могли располагаться в изголовье и у ног в составе вещевого комплекса, но фиксируются они и у пояса; вероятно, кельты подвешивались к поясу, как и колчаны. Щиты зафиксированы у ног погребенных и у локтя, в последнем случае он был, вероятно, надет на руку.

Бронзовые украшения представлены шестью категориями. Это, прежде всего, дровые гривны (рис. 8: 17), бусы (в том числе стеклянные), которые выявлены в 27 погребениях. Среди ожерелий известен кулон на ремешке с подвешенными на нем умбоновидными бляхами и пронизками, а также цепочка из проволоки. Широко представлены пластинчатые височные кольца (рис. 8: 16) и спиральные подвески. Значительно реже встречаются браслеты проволочные (3 погр.) и пластинчатые в

виде манжеты (погр. 62 Акозинского могильника). Из этого же погребения происходят пластинчатые кольца, найденные на пальцах обеих рук женского костяка. Кольцо из проволоки и перстень из пластины со спиральным щитком известны в двух погребениях Старшего Ахмыловского могильника (погр. 646, 837).

Украшения обычно располагались на теле погребенного так, как они носились при жизни. Одежда реконструируется по фрагментам ткани и кожи, а также по расположению украшений костюма. Непосредственно фрагменты ткани найдены лишь в двух комплексах (погр. 929, 972) Старшего Ахмыловского могильника. Значительно больше выявлено украшений одежды (39 погребений), в шести случаях – это украшения пояса, иногда сохраняются и сами кожаные пояса, на которых фиксируются поясные наборы из медных пронизей с гофрированной и гладкой поверхностью (рис. 8: 2, 9), подвески (рис. 8: 7). Интересны ворворки-пронизи поясной гарнитуры из погр. 2 Убеевского могильника, выполненные в виде головок лошади (рис. 7: 10). В декоре костюма также использовались восьмерковидные бляшки (рис. 8: 3), пронизи, подвески-бубенчики. Многочисленны круглые бляхи с петлей на обратной стороне: плоские (рис. 8: 1) и с умбоном (рис. 8: 18). Ее ярким элементом были крупные круглые нагрудные бляхи.

Украшения, связанные с головными уборами, найдены в 67 погребениях. Как правило, это налобные венчики, которые изготавливались из нашитых на тканевую (1) или кожаную основу накладок (рис. 8: 12) и трубчатых пронизок, хотя известен и венчик, расшитый бисером. Иногда в составе головного убора присутствовали одновременно украшения на кожаной и тканевой основе. Среди налобных венчиков наиболее интересен экземпляр из погр. 800 Старшего Ахмыловского могильника с накладками, вырезанными из боевого закавказского (урартийского) пояса, на которых присутствуют изображения древа жизни и крылатые львы (Патрушев, Халиков, 1982, табл. 114: 3; Чижевский, 2008, с. 39).

Конская упряжь встречена только в 10 погребениях – это бронзовые стремечковидные удила (рис. 8: 21) и железные однокольчатые (рис. 8: 22), в двух случаях сопровождавшиеся стержне-

Рис. 8. Погребальный инвентарь акозинско-ахмыловской культуры АКИО. Масштаб разный
1–7, 9, 11–23, 25–35, 37–39 – Старший Ахмыловский могильник; 10, 24 – Убеевский могильник; 36 – Акозинский могильник.

1, 18, 27, 28 – погр. 441, Старший Ахмыловский могильник; 2, 4, 6, 9, 13, 26, 31, 35, 37 – погр. 704, Ст.А.; 3, 14, 22, 32 – погр. 1002, Ст.А.; 5 – погр. 534, Ст.А.; 7 – погр. 900, Ст. А.; 10 – погр. 2, Убеевский могильник; 11, 12, 29 – погр. 557, Ст. А.; 15, 21 – погр. 524, Ст.А.; 16, 17 – погр. 743. Ст.А.; 19 – погр. 625, Ст.А.; 20 – погр. 775, Ст.А.; 23 – погр. 1000, Ст.А.; 24 – погр. 6, Убеевский могильник; 25, 34 – погр. 568, Ст.А.; 30 – погр. 925, Ст.А.; 33 – погр. 604, Ст.А.; 36 – погр. 98, Акозинский могильник; 38 – погр. 543, Ст.А.; 39 – погр. 447, Ст.А. 1–4, 6, 7, 9, 10, 12, 13, 16–21, 27, 31 – медь и бронза; 5, 8, 14, 22, 25, 26, 29, 32, 33, 35, 38, 39 – железо; 11, 24 – глина; 15, 23, 30 – бронза и дерево; 28 – песчаник; 34, 36, 37 – бронза и железо

выми железными псалями с двумя отверстиями. Трех- и двудырчатые железные псалии найдены и отдельно без удил. Кроме того, к конской упряжи отнесены также бронзовые пронизи для перекрестных ремней (2).

В погр. 524, 925 Старшего Ахмыловского (рис. 8: 15, 30) и погр. 83 Акозинского могильников выявлены бронзовые навершия со сферической или оформленной в виде головки животного верхней частью; во втулках сохранились остатки деревянных рукоятей. По всей вероятности, навершия надевались на окончания рукоятей плетей, так как они были найдены в погребениях, в составе инвентаря которых имелись конские удила и скребок для ухода за лошастью.

Остальные категории погребального инвентаря немногочисленны – это, прежде всего, предметы туалета, к которым относятся бронзовые зеркала, стержневидные булавки (рис. 8: 23), бронзовые шести- и семизубые гребни с ажурными рукоятками, иногда украшенные зооморфным литьем. К бытовым предметам относятся терочки, огнива, состоящие из трута и кремня, и скребки для ухода за лошастью.

Сосуды с текстильным раппортом на поверхности в погребениях данной культуры не зафиксированы. Тем не менее, в захоронениях с акозинско-меларскими кельтами керамика все же известна. Один из этих сосудов – со шнуровой орнаментацией – характерен для вятско-ветлужской культуры, два относятся к постмаклашевской культуре. Все они были найдены в разрушенных погребениях или в захоронениях без костяков. Плоскодонный сосуд из погр. 3 Убеевского могильника связан профессиональной деятельностью литейщиков и является, скорее всего, тиглем (рис. 8: 24). Кроме глиняной посуды, как минимум в одном случае известна и берестяная.

В акозинско-ахмыловских погребениях распространены остатки ритуальных изделий и следы очистительных обрядов. К числу последних относятся остатки огненных ритуалов, внешним проявлением которых являются угли и кусочки обожженных костей, зафиксированные в 202 погребениях. Чаще всего это кости животных, но в двух случаях отмечены и кости людей. В засыпи трех погребений вместо углей оказались кусочки охры. С обрядовой практикой связаны фрагменты черепов лошади (20) и остатки жертвенной пищи (6) – плечевые кости крупных животных; в одном случае кость была определена как лошадиная.

Ограниченное количество антропологических определений не позволяет проследить распределение инвентаря по половому признаку. Можно предположить, что предметы вооружения и инструменты помещались в мужские погребения, а

головные уборы и предметы, связанные с ткачеством и шитьем, – к женским. Но есть и исключения, например, погр. 62 Акозинского могильника, где кельт лежал на нижней челюсти женского костяка.

Все акозинско-ахмыловские могильники были грунтовыми. Однако, судя по большой редкости асинхронных захоронений (лишь четыре были перекрыты более поздними могилами, а восемь перекрывали более ранние), они все же имели какие-то наземные конструкции, отмечающие их на местности. Археологически наземные сооружения прослеживаются в виде остатков столбовых ямок, выявленных рядом с могильной ямой. Они встречаются в виде одиночной ямки (41), нескольких расположенных с одной стороны (15) или же располагались по периметру (23).

Кроме простых столбовых конструкций, над некоторыми акозинско-ахмыловскими погребениями были зафиксированы более сложные наземные сооружения – «дома мертвых». Собственно, погребения этой культуры были изучены в двух домах мертвых. Но все они располагались в этих сооружениях совместно с захоронениями, относящимися к другим культурам АКИО. Судя по всему, помещение умерших в дома мертвых не было типичным для акозинско-ахмыловской культуры (Чижевский, 2008, с. 41). Отдельным типом погребальных сооружений являлись жертвенные комплексы (42) в ямах небольшого размера; иногда в них встречаются берестяные туески для размещения инвентаря.

Хронология и периодизация. Хронология акозинско-ахмыловской культуры построена в основном на материалах погребальных памятников с опорой на предметы-хроноиндикаторы. Хронологический ряд культуры подразделяется на два периода, совпадающих с общей периодизацией АКИО.

Опорным памятником для раннего периода является Старший Ахмыловский могильник. Первый, переходный от бронзового века этап раннего периода представлен погребением 695, в котором зафиксирован бронзовый однолезвийный нож с прямой спинкой типа Н-14¹ (Патрушев, Халиков, 1982, табл. 104: 1а; Кузьминых, 1983, с. 148–150). Подобные ножи были распространены на памятниках АКИО и Северного Кавказа и датируются в пределах IX – начала VIII в. до н. э. (Кузьминых, Чижевский, 2014, с. 103).

Обращает на себя внимание уникальность могилы, содержащей предмет-хроноиндикатор переходного этапа в Старшем Ахмыловском могиль-

¹ Здесь и далее все ссылки на те или иные типы орудий и оружия из бронзы АКИО даны по: Кузьминых, 1983.

нике, и полное отсутствие таких захоронений в других некрополях. Это может свидетельствовать о том, что в IX – начале VIII в. до н. э. процесс освоения обряда погребения в землю носителями аозинско-ахмыловской культуры только начал распространяться, и такие погребения не были массовыми.

Материалов второго этапа раннего периода заметно больше, и все они также связаны со Старшим Ахмыловским могильником. Большая часть предметов-хроноиндикаторов этого этапа относится к конской упряжи (Патрушев, 2011, с. 21–27). Среди них погр. 524, в вещевой комплекс которого наряду с железным наконечником копья, кельтом КАМ-8 и навершием входили стремевидные удила 2 пол. VIII – 1 пол. VII в. до н. э. (Халиков, Патрушев, 1982, с. 74, табл. 82: 1; Кузьминых, Чижевский, 2014, с. 121). В погр. 605 вместе с предметами вооружения (железные и костяные наконечники стрел, однолезвийный кинжал и кельт КАМ-20) находились трехчастные удила с одной петлей (Халиков, Патрушев, 1982, с. 84, табл. 92: 6). Они бытовали в конце VIII – 1 пол. VII в. до н. э. или даже исключительно во 2 пол. VIII в. до н. э. (Кузьминых, Чижевский, 2014, с. 120). С элементами конской упряжи связана и бляха с четырехлепестковым солярным орнаментом из погр. 798, датированная 2 пол. VIII – 1 пол. VII в. до н. э. (Халиков, Патрушев, 1982, с. 107, табл. 114: 1в; Кузьминых, Чижевский, 2014, с. 122). В этих же границах (2 пол. VIII – 1 пол. VII в. до н. э.) определена дата погр. 800, в комплексе которого имелся налобный венчик с накладками, вырезанными из закавказского боевого пояса с изображениями древа жизни и крылатых львов (Халиков, Патрушев, 1982, с. 107, табл. 114: 3; Чижевский, 2006, с. 57).

К первому этапу среднего периода АКИО относится наибольшее количество погребений с предметами-хроноиндикаторами. Они содержались в четырех могильниках аозинско-ахмыловской культуры – Аозинском, Козьмодемьянском, Старшем Ахмыловском и Убеевском.

Наконечники стрел, ввиду их широкого распространения, являются одними из наиболее точных хроноиндикаторов – они выявлены в девяти погребениях Старшего Ахмыловского могильника, причем в ряде случаев в одном колчане сочетаются наконечники разных типов (Патрушев, 1984, с. 87–96).

Чаще всего в погребениях встречаются втульчатые двухлопастные наконечники типа С-6 – 7 экз. (погр. 359, 623, 704, 926, 949) с лавролистным пером и выступающей втулкой (иногда с боковым шипом). Судя по находкам в комплексах савроматских, сакских и скифских погребений, а также в

материалах основного слоя Тейшебаини, данные наконечники правомерно датировать VII – началом VI в. до н. э. (Придик, 1911, рис. 12: а; Смирнов, 1961, табл. IV; Мелюкова, 1964, с. 11, табл. 6: Л5–8; Литвинский, 1972, с. 93; Вишневская, 1973, табл. XIII: 9; Петренко и др., 2006, с. 395, рис. 3: 3–5; Рябкова, 2009, рис. 2: 7, 8).

На втором месте по встречаемости в погребениях, но наиболее массовыми по количеству экземпляров были трехлопастные наконечники стрел со сводчатым пером типа С-34 (погр. 578, 704, 750) – 25 экз. Наконечники этого типа подразделяются на две группы: ранние, больших размеров, к которым относится и данная серия наконечников, и мелкие – поздние. Первые образцы наконечников стрел этого типа появляются еще в предскифское время (Исмагилов, 1988, рис. 7: 80–88), но широкое распространение получают позже (Смирнов, 1961, с. 46, 47).

Находки подобных стрел в колчаных комплексах «младшей» группы Келермесских и Мельгуновского курганов, а также в Тейшебаини позволяет отодвинуть раннюю границу их существования на скифской территории до середины – 2 пол. VII в. до н. э. (Галанина, Алексеев, 1990, рис. 5: 30; Дараган, 2011, рис. 46: I–II; Рябкова, 2009, рис. 1: 15). Общая протяженность времени существования наконечников типа С-34 первого периода лежит в пределах середины – 2 пол. VII–VI в. до н. э.

Несколько меньше по количеству наконечников типа С-26 (12 экз.) – втульчатых трехлопастных с пером лавролистной формы (погр. 585, 704, 926). Подобные наконечники были широко распространены в европейских степях от Северного Причерноморья до Урала и датируются серединой VII–VI вв. до н. э.; верхняя дата наконечников этого типа также определяется по находкам в заполнении помещений Тейшебаини (Рябкова, 2009, рис. 3: 31–41).

Другая группа наконечников – трехгранные типов С-58 и С-84; они встречены в погребениях аозинско-ахмыловской культуры по одному разу. Аналогии наконечникам С-58 (погр. 950) в раннескифских могильниках Глинице, Келермесском, Краснознаменском и Мельгуновском позволяют датировать их 2 четв. VII – 1 пол. VI в. до н. э. (Галанина, 1997, рис. 27: 44; Петренко, табл. 54: 73д; Дараган, 2011, рис. V: 46). Аналогии наконечнику типа С-84 (погр. 578) также чрезвычайно широки – это савроматские и скифские некрополи 2 пол. VII–V вв. до н. э. (Придик, 1911, рис. 12: е, табл. I; Смирнов, 1961, с. 57; Черненко, 1980, рис. 1; Дараган, 2011, рис. V: 46: II). Однако с учетом находки наконечника этого типа вместе с крупным образцом типа С-34 дату

можно скорректировать в границах 2 пол. VII–VI вв. до н. э.

Яркой категорией предметов-хроноиндикаторов являются кинжалы из погр. 98 Акозинского и погр. 543, 568 Старшего Ахмыловского могильников. Биметаллический кинжал типа К-24 из погр. 98 с протомами травоядных животных на окончании бронзовой рукояти, которая покрыта выпуклой орнаментацией, был найден в комплексе с железными предметами: стержневидной булавкой (стиллетом?), двухлопастным втульчатый наконечником стрелы, однокольчатыми удилами и трехдырчатыми псалиями. Кроме того, здесь же обнаружена бронзовая гривна с раскованными концами (Патрушев, 1982, с. 28, рис. 24). Кинжал относится к своеобразной ранней разновидности оружия с антенновидным навершием. По совокупности датировок сопутствующего комплекса вещей датируется 2 пол. VII – началом VI в. до н. э.

Зональной, выпуклой или гофрированной орнаментацией покрыта также и рукоять биметаллического кинжала из погр. 568 Старшего Ахмыловского могильника. Это однолезвийный кинжал с прямой спинкой и выпуклым лезвием типа К-12. У него бронзовая трубчатая гофрированная рукоять и прямое навершие (Патрушев, Халиков, 1982, табл. 86, 1а–г; Кузьминых 1983, табл. LIII: 15). В комплекс предметов этого погребения также входил кельт типа КАМ-2, железные наконечник копья и нож с горбатой спинкой. Данный кинжал, вероятно, изготовлен местными мастерами в подражание однолезвийным кинжалам, бытовавшим на Северном и Центральном Кавказе во 2 пол. VII–VI вв. до н. э. (Техов, 1972, рис. 2: 308; 1980, с. 62. 10: 19, 19: 3). Согласно этим аналогиям, время существования кинжала из погр. 568 может быть определено в рамках середины VII–VI вв. до н. э.

Еще один кинжал – с брусковидным навершием и почковидным перекрестием, выполненный из железа, – обнаружен в погр. 543 Старшего Ахмыловского могильника. В составе вещевого комплекса этого погребения были бронзовые бляхи: ажурная с семью полукруглыми выступами и петельчатая с круглым плоским щитком. Кроме того, здесь же найден железный топор, обух которого оформлен в виде чекана (Патрушев, Халиков, 1982, с. 79, табл. 88, 1а–г). Ранние образцы подобных кинжалов появляются во 2 пол. и конце VIII – 1 пол. VII в. до н. э., однако наибольшее распространение они получают в середине VII–VI вв. до н. э. (Смирнов, 1961, с. 10–16; Мелюкова, 1964, с. 47, табл. 16: 1–11; Пиотровский, 1970, рис. 53; Техов, 1972; 1980; Ковпаненко, 1981, с. 105, рис. 36: 13; Иванчик, 2001, рис. 21: 13).

В погребениях Старшего Ахмыловского могильника известны три железных топора, которые имеют хронологическое значение и относятся к трем типам боевых топоров по А.Х. Халикову (1977, с. 177, рис. 67: 1).

К типу 1 относится железный топор-чекан из погр. 743 (Патрушев, Халиков, 1982, табл. 108: 4б), который по скифским и северокавказским аналогиям датирован в пределах 2 четв. VII – рубежа VI/V вв. до н. э. (Іллінська, 1961, рис. 6: 6–14; 1961а, с. 38; Ильинская, 1968, с. 48, 92, табл. I: 8; Виноградов, 1972, с. 251, рис. 29: 3, 5, 31: 4–7; Батчаев, 1985, табл. 53: 1; Козенкова, 1995, с. 72, табл. XIX: 1–6; Галанина, 1997, с. 186, табл. 10: 6; Алексеев, 2003, с. 295; Брюяко, 2005, с. 249).

К типу 2 – топор-клевец с приостренным обухом из погр. 909 (Патрушев, Халиков, 1982, табл. 128: 4а); аналогии ему известны в скифских и кавказских древностях. Они позволяют датировать этот тип боевых топоров АКЮ серединой VII–VI вв. до н. э. (Крупнов, 1960, с. 157, табл. XXXVI: 1; LXI: 5; Іллінська, 1961а, с. 39, рис. 7: 1; Мелюкова, 1964, с. 68, табл. 21: 2; Виноградов, 1972, рис. 13: 2; Техов, 1980, с. 55; Козенкова, 1995, с. 73, табл. XIX: 9)

К типу 3 – боевой двусторонний железный топор-лабрис из погр. 808 (Патрушев, Халиков, 1982, табл. 116: 3а), который по северокавказским аналогиям датируется 2 четв. VII–VI вв. до н. э. (Виноградов, 1972, рис. 32: 4; Козенкова, 1995, с. 73, табл. XIX: 10).

Яркими предметами-хроноиндиктарами являлись навершия с головой оленя из погр. 83 Акозинского и 925 Старшего Ахмыловского могильников (Патрушев, 1982, рис. 16: 4; Халиков, Патрушев, 1982, табл. 129: 1а). Подобные изделия соотносятся с навершиями I типа (с изображением головы животного), по Е.В. Переводчиковой. На данных предметах голова животного изображалась на высокой цилиндрической втулке (Переводчикова, 1980, с. 26, рис. 1: 1–9). В.А. Ильинская относила подобные изделия к группе втульчатых наверший без бубенцов, известных на Кубани. К ним относятся навершия с головкой оленя из кургана № 1 Келермесского могильника (2 экз.), из Майкопского, Новочеркасского и Краснодарского музеев (Іллінська, 1963, рис. 1: 1, 2: 4, 5, 11; Ильинская, 1967, с. 296, рис. 2, 3; Волков, 1983, рис. 1; Галанина, 1997, табл. 6: 204, 205).

Л.К. Галанина отмечала, что большая часть таких предметов относится к скифской архаике (1997, с. 156). Е.В. Переводчикова также пришла к выводу о том, что все кубанские навершия с головами оленей относятся к раннему времени (VII–VI вв. до н. э.) в отличие от остальных наверший первого типа, доживающих

до IV в. до н. э. (1980, с. 31, 42). Уточнить данную датировку могут погребальные комплексы с наверхиями из 1 Келермесского курганного могильника, который датируется, как и остальная «младшая» группа Келермесских курганов, в пределах 660/650–580 гг. до н. э. (Алексеев, 2003, с. 35, 295).

Две категории предметов-хроноиндикаторов относятся к конской упряжи (удила и псалии). Железные трехпетельчатые псалии (видимо, с шишечкой, в настоящее время утраченной) зафиксированы в погр. 525 Старшего Ахмыловского и 87 Акозинского могильников (Патрушев, 1982, рис. 18: 11–15; Патрушев, Халиков, 1982, рис. 82: 2а). Аналогичные экземпляры из курганов 6 и 7 Краснознаменского могильника датированы в пределах 3 – начала 4 четв. VII в. до н. э. (Петренко, 2006, с. 113, 114, табл. 64). Кроме того, подобные железные и бронзовые псалии известны в материалах «младшей» группы Келермесских курганов, датированной в том числе и радиоуглеродным методом 650–580 гг. до н. э. или 660–620 гг. до н. э. (Галанина, 1997, с. 120, табл. 17: 86, 18: 113, 19: 142, 20: 160, 243, 22: 274, 278, 23: 284, 24: 401, 414, 25: 338, 346, 372; Алексеев, 2003, с. 35, 109, табл. 3: 1–5; 2008, с. 9). Известны железные трехпетельчатые псалии с шишечкой и в кургане 20 Нартановского могильника, датированного 670/650–620 гг. до н. э. (Батчаев, 1985, с. 42, табл. 48: 5–12, 14, 15, 17; Алексеев, 2003, с. 108, 295). Многочисленная коллекция трехпетельчатых псалиев происходит из Ульского кургана 1/1910 2 пол. VII в. до н. э. (Галанина, 1999, с. 64, рис. 2: 1–3, 3: 1–4). Отмечены такие находки и в курганах на юге Украине – у сел Журовка, Константиновка, Макеевка, Аксютинцы, Волковцы, у х. Поповка, Солодка (Ильинская, 1968, табл. XII: 5, 20, XIV: 14, XVIII: 13, XIX: 10, XXI: 1, 3, XXXV: 2, XXXVI: 2, 8, L: 1, 12, 16, LI: 3, LII: 5; 1977, табл. VIII: 17, 18, XIII: 10; XVIII: 6).

Исходя из этих аналогий, железные трехпетельчатые псалии АКИО необходимо датировать в рамках 2 пол. VII – 1 пол. VI в. до н. э. Эту датировку подтверждают и другие археологические свидетельства, так как уже во 2 пол. – конце VI и в начале V в. до н. э. на юге Восточной Европы распространяются псалии с двумя отверстиями на стержне (Грязнов, 1947, с. 9, 10; Иессен, 1953, с. 106; Смирнов, 1961, с. 81; Мелюкова, 1989, с. 96; Махортых, 1991, с. 70).

Второй категорией конской упряжи были железные удила с одноколычатыми петлями из погр. 83 и 97 Акозинского могильника (Патрушев, 1982, рис. 16: 16; 22: 7). Удила такого типа появились во 2 пол. VII в. до н. э. и существовали на Северном Кавказе и в азово-черноморских степях вплоть до

конца скифского периода (Махортых, 1991, с. 68; Галанина, 1997, с. 120), поэтому основанием для отнесения их к первому этапу развитого периода АКИО является сопровождающий вещевой комплекс.

К сожалению, погр. 97 не содержало предметов-хроноиндикаторов, поэтому опорой для датирования удил с одноколычатыми петлями может быть только вещевой комплекс погр. 83. Он содержал бронзовые ложновитую гривну, накладку с выпуклинами, спиральную височную и цилиндрическую подвески, пронизи, подтрапециевидную подвеску, кельт КАМ-22, костяной предмет с широкой щековицей, железные два ножа с горбатой спинкой и черешковый двухлопастной наконечник стрелы, стеклянные матового цвета бусы, каменный тёрочник и два наверхия – серебряный с гофрированной поверхностью втулки и завершением в виде прорезного бубенчика и бронзовый, также с гофрированной втулкой, но завершением в виде головки животного (олень?).

Хронологическую позицию данного комплекса определяют наверхия. Бронзовое относится к наверхиям I типа, по Е.В. Переводчиковой (1980, с. 26, 39), 2 пол. VII – 1 пол. VI в. до н. э. Серебряное относится к наверхиям VI типа, по Е.В. Переводчиковой, бытовавшим в VII–VI вв. до н. э. В этих же пределах (2 пол. VII – 1 пол. VI в. до н. э.) должен датироваться и весь комплекс предметов погр. 83 Акозинского могильника.

Другим ярким типом предметов-хроноиндикаторов являются зеркала из погр. 332, 663 Старшего Ахмыловского (Патрушев, Халиков, 1982, табл. 54: 36, 99: 2а) и погр. 12 Убеевского могильников (Каховский, 1982, рис. 20: 1). Ахмыловские относятся к односоставным зеркалам с центральной ручкой в виде петельки и бортиком по периметру диска – тип I-I-I-1, по классификации Т.М. Кузнецовой (2002, с. 33). Аналогичные экземпляры известны в комплексах курганов архаической Скифии (Роменские, № 2 у с. Герасимовка, № 6 у хут. Поповка, № 407 у с. Журовка), датированных 2 пол. VII – серединой-концом VI в. до н. э. (Ильинская, 1968, с. 152, рис. 41: 4, 5, табл. XLVI: 1, L: 14; 1975, табл. X: 3). Близкие находки из памятников Саяно-Алтая, Южной Сибири, Казахстана, Южного Урала и Северного Кавказа также указывают на существование данного типа зеркал в пределах 2 пол. VII–VI в. до н. э. (Кузнецова, 2002, с. 33, 39).

Убеевский экземпляр относится к зеркалам с ручкой в виде двух столбиков, перекрытых кружком (Кузнецова, 2002, с. 74). По аналогии с зеркалом из Пустоморквашинского могильника (Tallgren, 1919, fig. 48) возможна датировка его в пределах 2 четв. VII – 1 пол. VI в. до н. э. Сопровождающий комплекс погребения позволяет уточ-

нить его хронологическую позицию. Датирующее значение здесь имеет лишь булавка с петлевидной головкой, подобные которым встречены в комплексах многих культур Восточной Европы – высококой, западного варианта кобанской, лужицкой, протомеотской, чернолесской, предскифских и раннескифских древностей и датированы в рамках середины VIII – середины VII в. до н. э. (Дараган, 2011, с. 441, 442, рис. IV, 52: 1–12). Исходя из этих данных, зеркало из погр. 12 Убеевского могильника может быть отнесено к наиболее ранним зеркалам такого типа и датировано 2 четв. – серединой VII в. до н. э.

Ко второму этапу среднего периода АКЮ принадлежит значительно меньше погребений. К ним относятся два вещевых комплекса из погр. 42 Козьмодемьянского и 563 Старшего Ахмыловского могильников с железными двудырчатыми псалиями S-овидной формы. В обоих случаях они сопровождалась железными однокольчатыми удилами с загнутыми не приваренными окончаниями; другие предметы-хроноиндикаторы в этих погребениях отсутствуют.

Псалии S-видной формы появились в конце VI в. до н. э. (Смирнов, 1961, с. 84; Ильинская, 1968, с. 117) и, по мнению К.Ф. Смирнова, были самой популярной формой двудырчатых псалиев у евразийских кочевников. Их наибольшее распространение приходится на V в. до н. э. как у скифов, так и савроматов (Смирнов, 1961, с. 85, рис. 46: 1–4, 47: 1–6; Ильинская, 1968, с. 117, табл. V: 23, VII: 6, XVII: 8, XXXI: 1, 13, XLIX: 1, 6, LIII: 1).

Верхней хронологической границей S-видных псалиев является IV в. до н. э., как свидетельствуют комплексы скифских курганов Волковцы, Солоха (лошадь № 2), Чмырева могила и др. (Ильинская, 1968, с. 79, 118, 123, рис. 34; Манцевич, 1987, с. 43, кат. 24) и раннесарматского могильника Филипповка I (курган № 2, погр. 1, курган № 3, жертвенный комплекс № 1), датированного концом V – 3 четв. IV в. до н. э. (Яблонский, 2013, с. 53, 54, с. 61, кат. 14, 15, с. 67, кат. 34).

Памятники аозинско-ахмыловской культуры, относящиеся к позднему этапу АКЮ, неизвестны.

Локальные варианты аозинско-ахмыловской культуры не выявлены, хотя определенная специфика материальной культуры северных и южных районов присутствует.

Историко-археологическая интерпретация. Реконструкция социального устройства носителей аозинско-ахмыловской культуры возможна на основе погребального обряда и сопровождающего погребального инвентаря (Патрушев, 2011, с. 76–80). Большая часть погребений осуществлялась в простые грунтовые могилы, однако 24 мо-

гилы представляют собой деревянные гробницы, трудозатраты на обустройство которых значительно превосходят усилия, затраченные на остальные погребения (Чижевский, 2008, с. 34). Наблюдаемая неравномерность приложенных сил выделяет умерших, погребенных в деревянных гробницах, из массы рядовых погребений.

Та же картина наблюдается и в неравномерном распределении погребального инвентаря. По количеству встречаемых в могилах категорий инвентаря выделены 3 группы погребений (Чижевский, 2008, с. 40):

1. Рядовые захоронения 1 уровня (284) с 1–2 предметами либо не имеющие инвентаря вовсе. Наиболее часто встречаемая категория вещей этой группы – кельты и ножи.

2. Рядовые захоронения 2 уровня (175), содержащие от 3 до 7 категорий инвентаря. В погребениях этой группы появляются социально значимые категории вещей, такие как кинжалы, щиты и конская упряжь.

3. Богатые погребения, содержащие значительное количество категорий предметов (от 9 до 11). К ним относятся погребения 704 и 900 Старшего Ахмыловского могильника, набор инвентаря которых включал кинжал, щит, конскую упряжь и другие категории предметов.

Таким образом, на фоне массы простых общинников из населения, оставившего аозинско-ахмыловскую культуру, выделяется небольшая группа людей (около 5%), для которых изготавливали особые погребальные сооружения, а в могилы отдельных представителей социума помещали значительно большее количество вещей, чем рядовым общинникам. Эта неравномерность в распределении погребального инвентаря и изготовлении погребальных сооружений может свидетельствовать о начале социальной стратификации аозинско-ахмыловского общества.

Основным направлением культурных и экономических связей аозинско-ахмыловской культуры вне АКЮ в начале раннего железного века были Кавказ (кобанская и раннескифская культуры) и Закавказье (в широких географических рамках), позже, в средний период, сменившиеся на Северное Причерноморье, Подонье (скифская культура), Южный Урал (савроматская археологическая культура).

Имеющиеся к настоящему времени данные свидетельствуют о прекращении существования памятников аозинско-ахмыловской культуры к концу второго этапа среднего периода АКЮ. Погребения аозинско-ахмыловской культуры, относящиеся к позднему этапу АКЮ (конец V–III/II вв. до н. э.) неизвестны (Чижевский, 2017, с. 230, 231). Таким образом, поздней границей

существования аозинско-ахмыловских погребений Старшего Ахмыловского и других могильников этой культуры в широких пределах являются VI–V в. до н. э. (Патрушев, 2011, с. 13–39, табл. вкладыш). В.Н. Марков, анализируя коллекции поселений Казанского Поволжья и Нижнего Прикамья, предположил, что аозинско-ахмыловское население обитало в этом регионе на ранних этапах РЖВ; со временем его численность сокращалась, а к VI в. до н. э. оно покинуло пределы этой территории (Марков, 2007, с. 44, 45, 63). В целом соглашаясь с данной точкой зрения, уточним только дату завершения этого процесса – V в. до н. э. О прекращении существования аозинско-ахмыловской культуры в это время свидетельствуют также материалы некоторых поселений (Казанка I и др.), в поздних слоях которых появляется керамика с типично аозинско-ахмыловским ямочным орна-

ментом, покрывающим все тулово сосуда, но без текстильного раппорта.

По всей видимости, процесс культурогенеза привел не только к оттоку части аозинско-ахмыловского населения к северо-западу от Среднего Поволжья, но и к ассимиляции оставшихся общин и заимствованию ими местных традиций изготовления керамики. На основе этого взаимодействия складывается новое население Среднего Поволжья и Нижнего Прикамья, которое обитало здесь во время позднего периода АКИО – оно отождествляется с постмаклашеевской культурой на поздних этапах ее развития (Марков, 2007, с. 63; Чижевский, 2014).

Большинство исследователей относят аозинско-ахмыловскую культуру к числу предковых культур современных поволжских и западных финнов.

ГЛАВА 3

АНАНЬИНСКАЯ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКАЯ ОБЛАСТЬ. ПОСТМАКЛАШЕЕВСКАЯ КУЛЬТУРА. ПАМЯТНИКИ БЕЛОГОРСКОГО ТИПА

Постмаклашеевская культура как обособленный этнокультурный компонент была выделена В.Н. Марковым из единой ананьинской культуры в результате анализа коллекций, происходящих из памятников Нижнего Прикамья (Марков, 1988; 2007; Кузьминых, Напольских, 1988, с. 148). Характерными чертами этой культуры, по мнению В.Н. Маркова, были кельты с линзовидным сечением втулки (КАН-I, по Маркову) и горшковидные сосуды, украшенные ямочным орнаментом, который располагался преимущественно на шейке (Марков, 1995, с. 6; 2007).

Генезис культуры. Формирование постмаклашеевской культуры АКИО происходило на рубеже бронзового и раннего железного веков на основе маклашеевской культуры финала бронзового века (Халиков, 1960, с. 166, 167; 1967, с. 23–28; 1980, с. 53; Денисов, 1967, с. 30; Ишмуратова, 1967; Старостин, 1967, с. 115; Халикова, 1967, с. 129, 132; Кузьминых, Чижевский, 2009). Переход от маклашеевской культуры к постмаклашеевской хорошо прослеживается по материалам могильников, на которых в непрерывной последовательности происходили погребения людей в финале бронзового века и в начале раннего железного, к таковым следует отнести Березовогривский II, Измерский VII, Мурзихинский II, Тетюшский, Полянский II (Чижевский, 2012, с. 119–126).

Перемены, диагностирующие переход к раннему железному веку, проявляются в погребальном обряде и вещевом комплексе. На уровне погребального обряда происходит изменение ориентировки погребенных по сторонам света и относительно реки. На уровне материальной культуры эти изменения касаются прежде всего появления предметов из железа, наряду с этим меняется форма многих бронзовых изделий (наконечников копий, кельтов и др.).

В форме глиняных сосудов сохраняются маклашеевские традиции, изменения в керамическом комплексе касаются в основном орнаментации. Маклашеевский орнамент, сгруппированный по две-три ямки, украшал только шейки сосудов, в то время как на постмаклашеевской посуде ямочные отпечатки образуют сплошные пояски, появляются простые виды шнурового узора в виде

сдвоенных и строенных линий, а сам орнамент с шейки начинает опускаться ниже, на тулово сосуда. Изменения керамических традиций прослежены на материалах ряда поселений, таких как пос. Курган, гор. Гремячий Ключ, Казанка I, Троицко-Урайское I и Черепашье (Марков, 2007, с. 15–43; Чижевский, 2012, с. 393, 395).

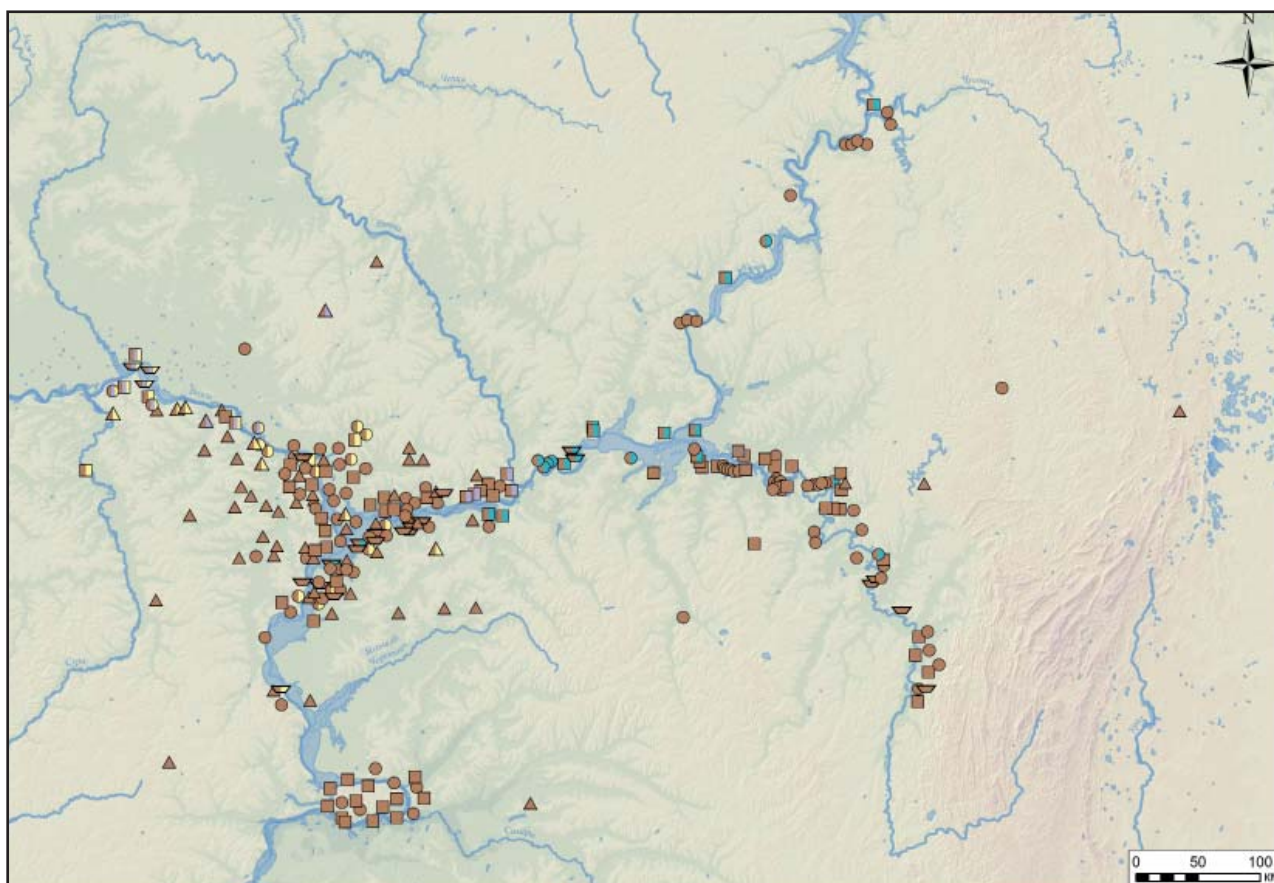
Область расселения постмаклашеевской культуры АКИО были территории, расположенные в Среднем Поволжье и Нижнем Прикамье (рис. 1). Они входят в состав широколиственно-лесной ландшафтной подзоны, переходящей в южной части ареала в типичную и южную лесостепную ландшафтную подзону (Исаченко, 1985; Исаченко, Шляпников, 1989; Ермолаев и др., 2007; Дедков, 2008; Ясюк, 2017, с. 14).

Центром области расселения данной культуры было Приустьевое Прикамье и прилегающие участки Волги. В Среднем Поволжье она занимала территории от рр. Казанки и Свияги, левого и правого притоков Волги, до Самарской Луки, которая была областью локального сосредоточения поселений постмаклашеевской культуры. В Ульяновском Поволжье памятники данной культуры немногочисленны, что обусловлено, вероятно, слабой изученностью региона. В Нижнем Прикамье постмаклашеевская культура распространялась на Предкамье от устья Камы до р. Вятки, а в Закамье на территории от устья Камы до р. Белой. На Белой памятники постмаклашеевской культуры занимали области от устья до среднего течения реки.

Поселения. В настоящее время известно 82 городища и 194 селища постмаклашеевской культуры (рис. 1). Городища размещались на мысах (береговых террасах) Волги, Камы и Белой. Оборонительные сооружения (валы и рвы) сооружались применительно к рельефу с использованием природных седловин, трещин, карстовых провалов и сужений мыса (рис. 2: 1–2) (Чижевский, Хисметдинова, 2020).

Городищенские мысы, на которых размещались постмаклашеевские городища, подразделяются на четыре морфотипа, отличающиеся по морфологии, морфометрии и происхождению.

Наибольшее число укрепленных поселений приурочено к мысам I морфотипа, среди изучен-

- Условные обозначения:**
- селище постмаклашеевской культуры АКИО
 - городище постмаклашеевской культуры АКИО
 - ▲ местонахождение постмаклашеевской культуры АКИО
 - ▼ могильник постмаклашеевской культуры АКИО
 - ▲ смешанные памятники с керамикой постмаклашеевской и аозинско-ахмыловской культур АКИО
 - ▼ смешанные памятники с керамикой постмаклашеевской и ананьинской классической культур АКИО
 - ▲ смешанные памятники с керамикой постмаклашеевской и вятско-ветлужской культур АКИО
 - ▼ смешанные памятники с керамикой постмаклашеевской, аозинско-ахмыловской и вятско-ветлужской культур АКИО

Рис. 1. Памятники постмаклашеевской культуры АКИО

ных археологически необходимо отметить такие городища, как Маклашеевское II и Гремячий Ключ (рис. 2: 1). Мысы I морфотипа выработаны во II–VI надпойменных аллювиальных террасах Волги и Камы с относительной высотой от уровня реки 10–40 м. В отдельную подгруппу I морфотипа выделяется Кирбинское городище, расположенное на отсевшем блоке аллювиальной террасы.

Мысы II морфотипа выработаны в структурно-денудационных террасах, сложенных коренными пермскими породами. По высоте и местоположению относительно главных рек этот тип мысов не отличается от мысов I морфотипа, а с точки зрения поселенцев они были равноценными для размещения укрепленных поселений. Из изученных городищ к данному морфотипу относятся Черепашь и Сорочьегорское (рис. 2: 2).

Мысы III морфотипа расположены в верховьях протяженных оврагов, на удалении от русла глав-

ной реки. Укрепленные поселения на этих мысах не просматриваются ни с поймы главной реки, ни с водораздельной поверхности. Городища расположены на сниженной поверхности водораздельной гряды, выработанной между двумя составляющими оврага. Эти городища немногочисленны, из изученных памятников к ним отнесен Сухой Берсут.

Мысы IV морфотипа располагаются на правом коренном борту р. Волги на участке от р. Свяги до Самарской Луки, сложенном коренными пермскими, юрскими и меловыми породами. Городища этого морфотипа располагаются на мысах, возвышающихся над поймой на высоту от 64 до 240 м. К укрепленным поселениям этого типа относятся такие хорошо известные памятники, как Лысая Гора и Задельная Гора на Самарской Луке (Матвеева, 1975; Зудина, 2010, с. 103), а также Карамышихинское, Сокол II и др., располагающиеся в

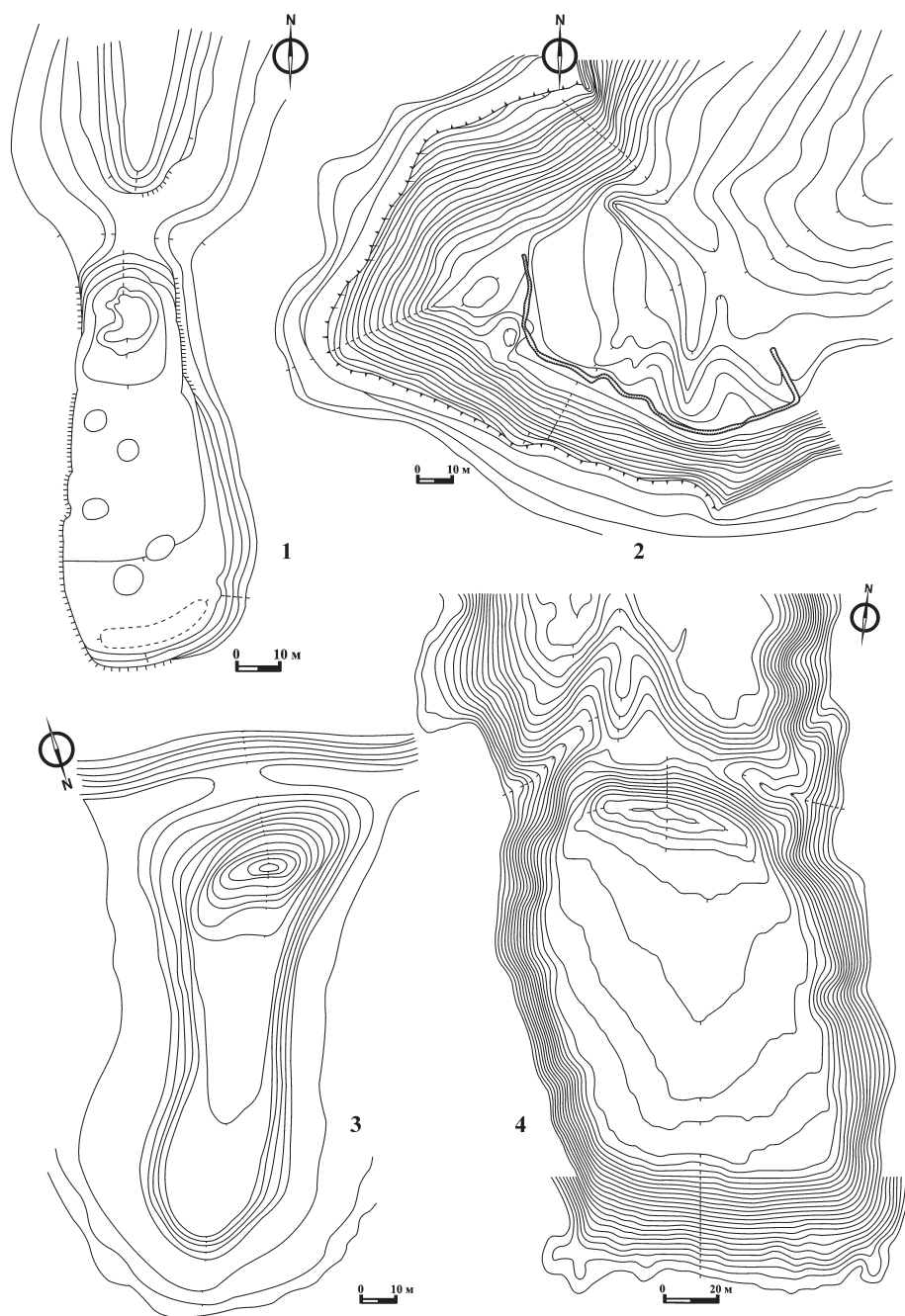

Рис. 2. Планы городищ постмаклашеевской культуры АКИО
1 – Маклашеевское II; 2 – Сорочьегорское; 3 – Именьковское; 4 – Троицко-Урайское I

Казанском Поволжье (Чижевский, Хисяметдинова, 2020).

Как правило, городища располагались по одному (90%), но в ряде случаев они размещались парами на соседних мысах (Секинеськое I и II), причем так же как и в других культурах АКИО, одно городище было больше другого по площади.

Большая часть городищ постмаклашеевской культуры АКИО одноплощадочные и укреплялись одной линией оборонительных сооружений, расположенной поперек мыса; укрепленные поселения с двумя (Петер Тау) и более (Бирское (Чор-

тово) валами исключительно редки. Как правило, такие городища многослойны и наличие дополнительных валов может быть связано с более поздними археологическими культурами.

Для АКИО в целом и постмаклашеевской культуры в частности характерно использование валов двух типов: кокошниковидных и дугообразных. В ряде случаев (гор. Гремячий Ключ и Грахань) они имели форму тупого угла с приостренной средней частью. Такая конфигурация вала (в плане) могла возникнуть, если он начинал строиться одновременно с двух концов в направлении центра.

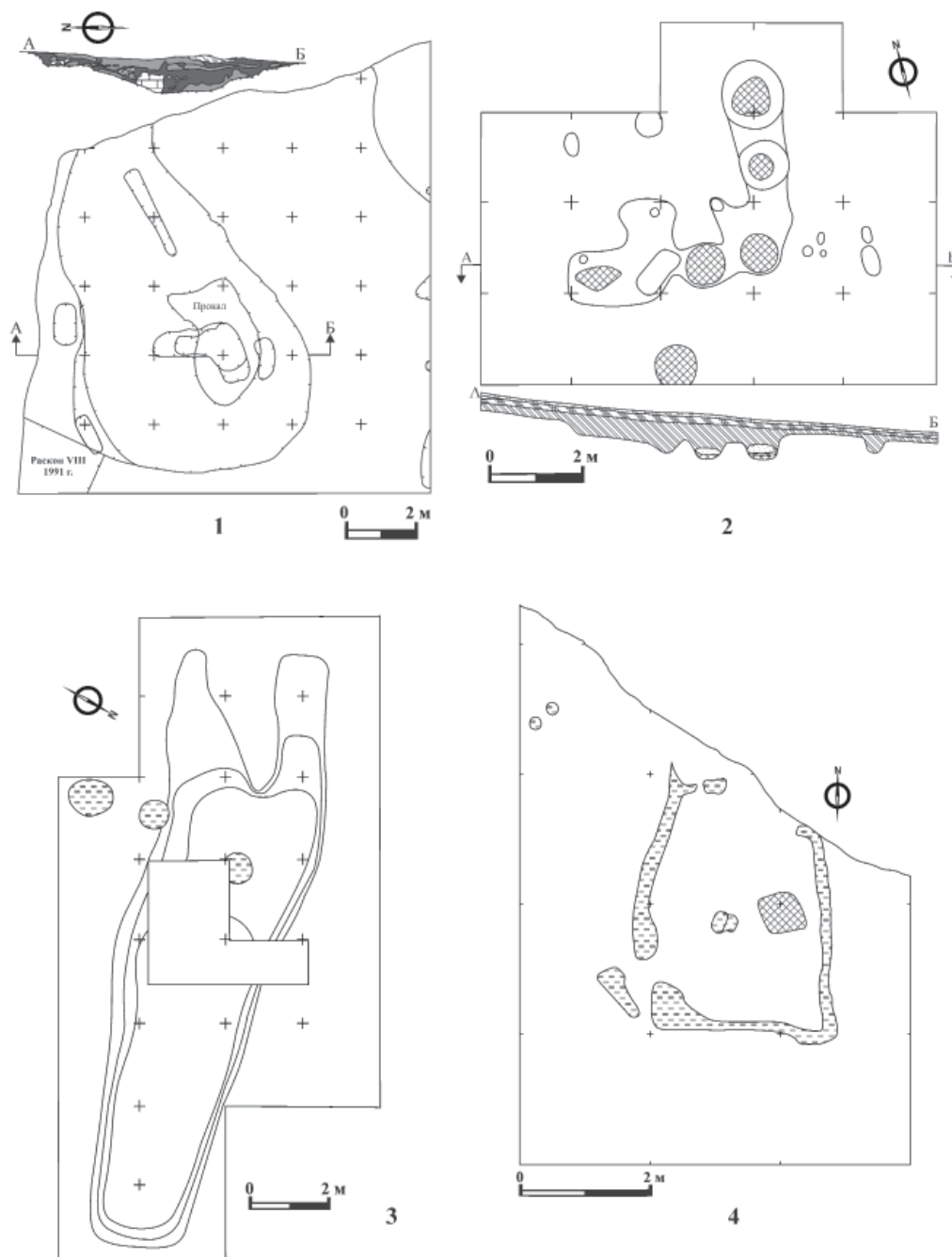

Рис. 3. Котлованы жилых сооружений на поселениях постмаклашеевской культуры АКИО

1 – Сорочьегорское городище, сооружение 1, 2007 г.; 2 – городище Гремячий Ключ, сооружение, связанное с бронзолитейным производством (по: Марков, 1987); 3 – городище Черепашье, сооружение 1 (по: Марков, 1984а); 4 – Маклашеевское II городище, сооружение 1, 2014 г.

Подтверждением этого тезиса является вал на городище Грахань, на котором один фланг мыса отсыпан песчаным грунтом, так как в этой части мыс сложен эоплейстоценовыми аллювиальными породами. Второй фланг выложен суглинисто-щебне-глыбовым материалом, который выбирался из коренных пермских пород, залегающих *in situ* в другой части мыса (Чижевский, Хисяметдинова, 2020).

Возведение валов носителями АКИО производилось путем отсыпки сухим способом рыхлых

грунтов, слагающих верхнюю часть городищенского мыса, а также с использованием культурного слоя поселенческой площадки. Поверхность насыпи закреплялась доломитовой мукой (Сорочьи Горы) или обжигалась (Гремячий Ключ). Зафиксированы также следы ритуальных действий в виде выкладки частей тела жертвенных животных, которые по представлениям древних строителей, также способствовали укреплению вала.

Самым значительным техническим приемом укрепления насыпи при строительстве вала явля-

лась установка подпорных стенок из бревен или плетней с двух сторон – напольной и внутренней (Гремячий Ключ, Именьковское и др.), а в каких-то случаях только с напольной стороны (Сухой Берсут). Подобные подпорные стенки (крепиды) из жердей и бревен отмечены также на Новокабановском и Аначевском городищах (Борзунов, Новиченков, 1988, с. 91; Чижевский, Хисяметдинова, 2020).

Размеры жилых площадок постмаклашеевских городищ 390–33000 кв. м, городища, имеющие большую площадь, являются многослойными и многоплощадочными, поэтому оценить размеры части поселения, относящегося собственно к АКЮ, не представляется возможным.

Котлованы жилищ, зафиксированные на ряде городищ, и значительная толщина культурного слоя (50–60 см, по склонам – 150 см), свидетельствуют о том, что укрепленные поселения использовались для постоянного проживания.

Селища постмаклашеевской культуры располагались на мысах коренных террас за валами укрепленных поселений, отдельно от городищ на коренных террасах и в поймах рек Волги и Камы и их притоков, на вторых и третьих пойменных террасах.

Судя по насыщенности культурного слоя и количеству сооружений, неукрепленные поселения подразделяются на временные и постоянные. Раскопки Казанской стоянки позволили установить отсутствие жилых сооружений и охотничью специализацию временных поселений (Чижевский, Галимова, Губайдуллина, 2019, с. 136). Исследования стационарных поселений, таких как Курган и др., показали наличие мощного культурного слоя (до 130 см), а также выявили на них жилые и хозяйственные постройки (Старостин, 1967). Данные остеологического анализа материалов раскопок поселения Курган показывают скотоводческую специализацию этого стационарного поселения (Петренко, 1992, табл. IV, V).

Постройки. Постмаклашеевские постройки реконструируются как наземные сооружения с углубленным полом (Чижевский, 2007, с. 99). Выделяются жилые сооружения и производственные.

Жилые постройки (рис. 3: 1, 3, 4) имели подпрямоугольную и подквадратную в плане форму, площадью около 60 кв. м. Как правило, они имели каркасный тип несущих конструкций, но отмечены котлованы сооружений без столбовых ям, вероятно, они предназначались для зданий срубной конструкции. Иногда в котлованах имелся тамбурный вход.

Многочисленные очаги в жилищах были обычными кострищами и не имели какого-то постоянного месторасположения. В редких случаях для

очага вырывалась специальная яма, дополнительно укрепленная глиняной обмазкой.

Производственные сооружения реконструируются по постройке, изученной на гор. Гремячий Ключ (Марков, 1987). Внутри этого сооружения располагались ямы с золой и углями, стенки которых были подвергнуты обжигу (рис. 3: 2). Наличие в постройке фрагментов тиглей и сплесков цветного металла свидетельствует о функционировании в ней производства по изготовлению изделий из бронзы.

Вне построек располагались ямы хозяйственного назначения и столбовые конструкции, которые В.Н. Марков интерпретировал как лабазы «для хранения и защиты от грызунов пищевых продуктов» (Марков, 1987, с. 106).

Характеристика керамики (рис. 4; 5). Керамика постмаклашеевской культуры АКЮ круглодонная с примесью раковины в глиняном тесте, в массе своей желтого и серого цвета. Наиболее распространенной формой посуды были горшки, значительно реже встречаются чаши (рис. 5: 1–18) (Ишмуратова, 1975, с. 54; Марков, 2007, с. 18, 26, табл. 1). Редкой деталью оформления шейки сосуда были воротничок и валик, широко распространенные у носителей ананьинской классической и вятско-ветлужской культур АКЮ.

Постмаклашеевская глиняная посуда была украшена орнаментом по шейке и плечу сосуда, однако известны сосуды и без орнамента (рис. 4: 1–27; 5: 1–18). Орнамент состоял из ямок, различных вдавлений, отпечатков гребенчатого штампа и шнура, причем, безусловно, преобладала ямочная орнаментация. Орнаментальные композиции были представлены различными сочетаниями ямок и вдавлений, отпечатками шнура в два-три ряда, гребенчатый штамп наносился в виде елочек и горизонтальных линий. Известны и немногочисленные сложные композиции в виде спиралей, волны, треугольников и ромбов, выполненных шнуром (Марков, 2007, табл. 16; Чижевский, Антипина и др., 2019, с. 93, 94, 96).

При доминировании на всем протяжении существования постмаклашеевской культуры простого орнамента, в котором преобладающую роль играла ямка, сложные орнаментальные композиции, изредка встречавшиеся на ранних этапах, полностью исчезают в конце среднего периода АКЮ.

Характеристика вещевого комплекса. Материальная культура поселений постмаклашеевской культуры включала изделия, изготовленные из камня, и отходы их производства. Наиболее многочисленной категорией орудий из кремня были скребки (рис. 6: 7), которые чаще всего изготовлялись на отщепках, иногда на фрагментах пластин. Орудия из кварцита вырабатывались на

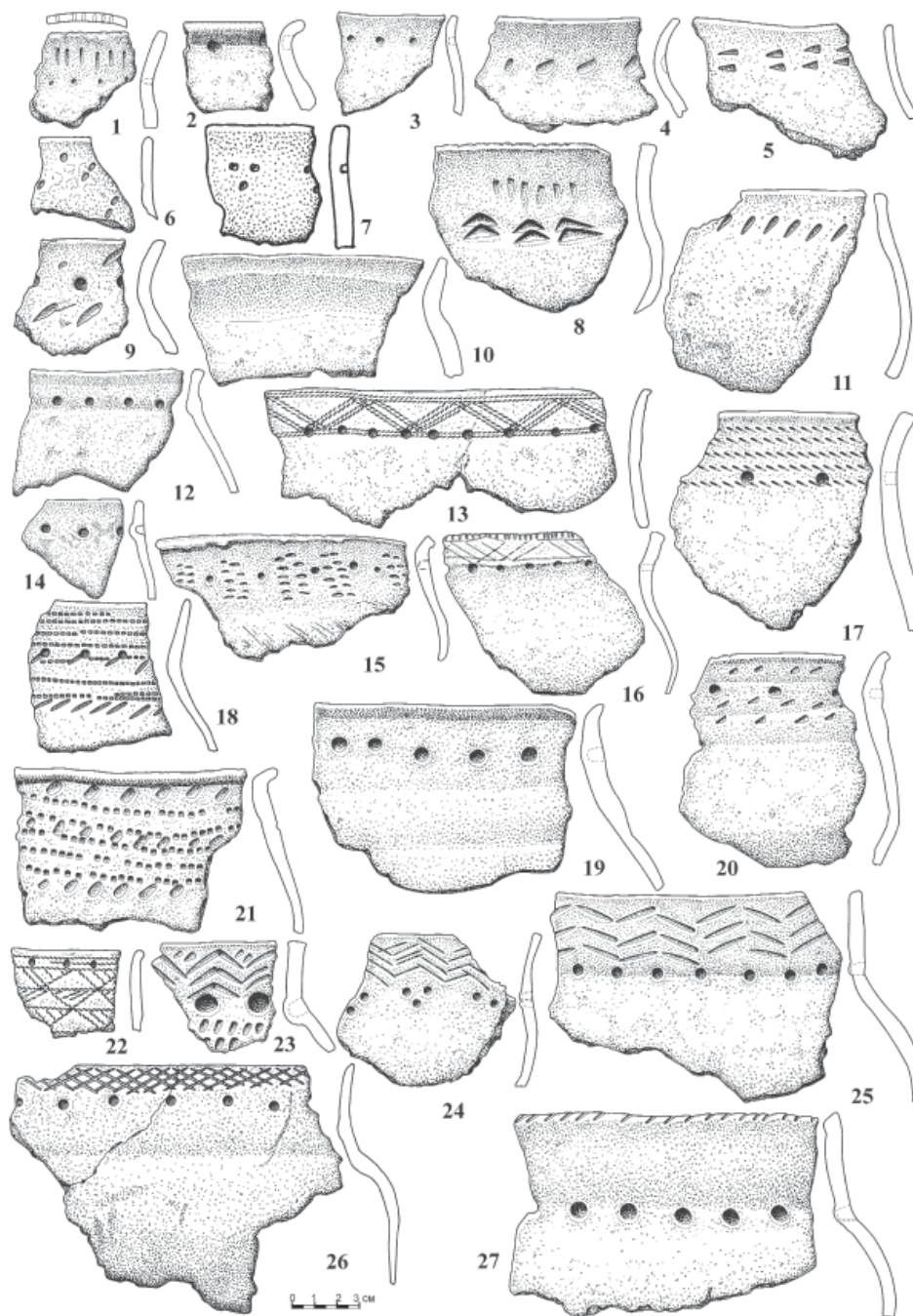

Рис. 4. Поселенческая керамика постмаклашеевской культуры АКИО

8, 10, 15, 19, 21, 25, 27 – Маклашеевское II городище; 1–4, 16, 23, 24 – городище Гремячий Ключ; 5, 6, 9, 11–14, 18, 22, 26 – Сорочьегорское городище; 7 – Воронки селище; 17, 20 – Троицко-Урайское I городище

массивных сколах с ретушью по краям, они использовались в основном как скреблы (Галимова, 2014, с. 189).

Кроме того, в состав орудийного комплекса постмаклашеевской культуры входили: абразивные плиты (зернотерки); грузила; диски; кремальные камни (рис. 6: 16); ножи; оселки прямоугольно-овальной формы (рис. 6: 9); отбойники; проушные топоры (рис. 6: 31); пряслица (рис. 6: 18–21). На поселениях зафиксированы наконечники стрел (рис. 6: 25). На городищах Гремячий

Ключ и Сорочьи Горы выявлены каменные чаши (рис. 6: 41). Довольно часто на поселениях встречаются находки каменных литейных форм для изготовления наконечников копий, кельтов, ножей и др. (рис. 6: 8, 23, 39, 40) (Халиков, 1977; Чижевский, Хисяметдинова, 2020).

Глиняные изделия чаще всего представлены пряслицами (рис. 6: 5, 6), многочисленны тигли и льячки (Халиков, 1977, с. 154; Кузьминых, 1977, с. 135; Чижевский, Хисяметдинова, 2020).

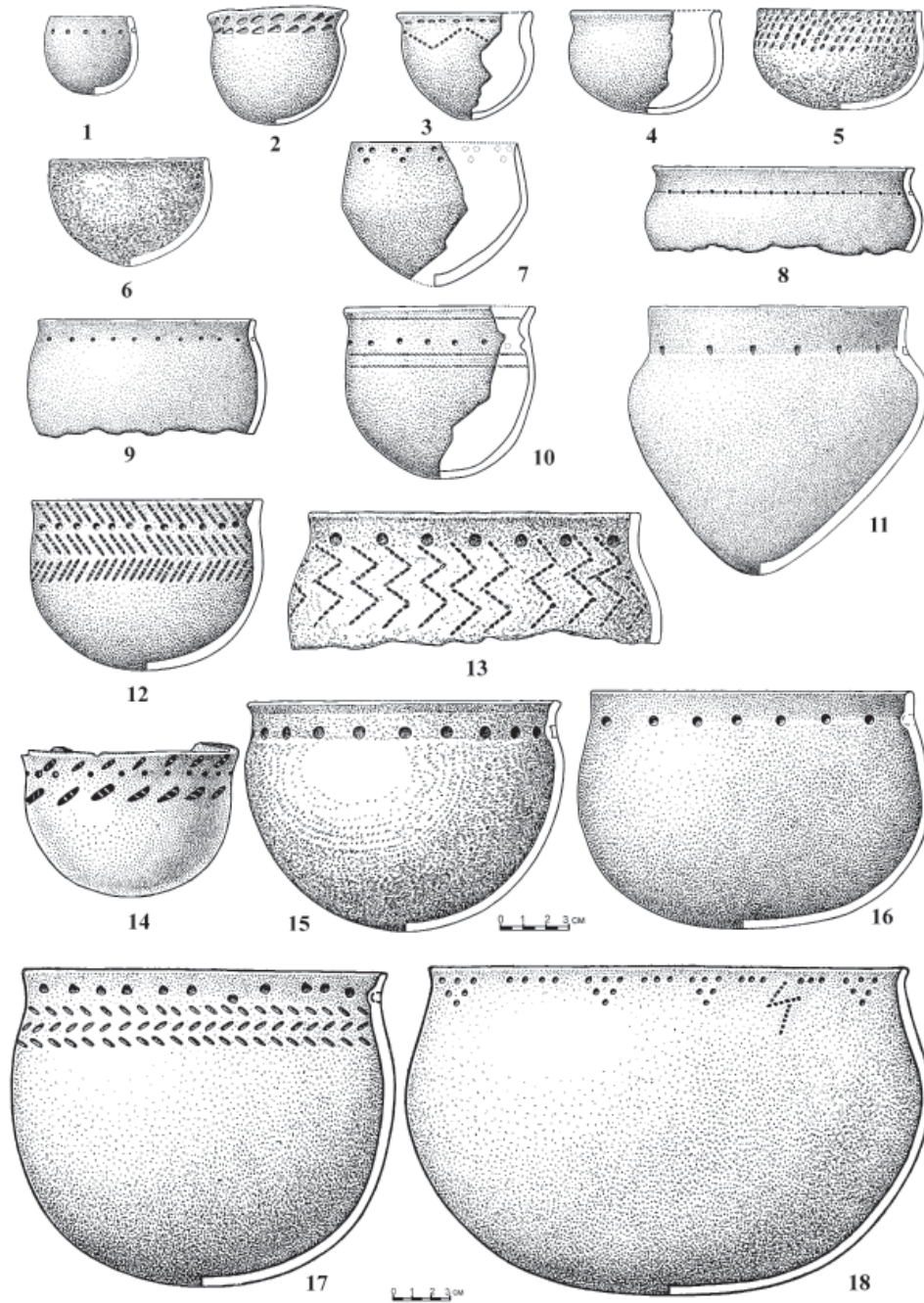

Рис. 5. Целые и реконструируемые формы керамики и постмаклашеевской культуры АКИО

1 – Тетюшский могильник, погр. 261; 2 – Гулькинский могильник, погр. 7; 3, 4, 7 – Новомордовский I могильник, подъемный материал; 5, 6 – Мурзихинский I могильник, погр. 1; 8 – Ново-Кабановское городище; 9 – Какры-Куль, городище; 10 – Новомордовский I могильник, погр. 6; 11 – Тетюшский могильник, погр. 260; 12 – Старший Ахмыловский могильник, кв. П/4; 13 – Мурзихинский I могильник, погр. 7; 14 – Луговской могильник, погр. 5; 15 – Мурзихинский II могильник, погр. 181; 16 – Аозинский могильник, погр. 34; 17, 18 – Сорочьегорское городище.

Вещи из металла на поселенческих памятниках представлены изделиями из меди, бронзы и железа, они включают предметы вооружения, быта и фурнитуру одежды.

К предметам вооружения относятся кельты с линзовидной и с шестигранной втулкой (рис. 6: 34, 37, 38). Литейные формы для отливки кельтов типа КАН-28, КАН-66 (рис. 6: 8, 39), выявленные

на ряде городищ, подчеркивают местное производство этих изделий (Кузьминых, 1983; Чижевский, 2008; Чижевский, Пономаренко и др., 2019; Чижевский, Хисяметдинова, 2020).

Реже встречаются бронзовые наконечники копий, известна только одна находка такого предмета и литейные формы из Сорочьегорского и Троицко-Урайского I городищ (рис. 6: 23) (Кузьминых,

1983; Чижевский, Пономаренко и др., 2019, с. 142; Чижевский, Хисяметдинова, 2020).

Немногочисленны находки наконечников стрел, на поселениях постмаклашеевской культуры встречены как двулопастные, так и трехлопастные наконечники (рис. 6: 1, 13; 10: 1–12) (Кузьминых, 1983; Чижевский, 2008а, с. 94; 2017; Чижевский, Хисяметдинова, 2020).

К бытовым изделиям относятся ножи и ложка. Свидетельства применения бронзовых ножей крайне скудны, в ряду таких изделий можно отнести ручку от биметаллического ножа из гор. Грахань и литейную форму из гор. Гремячий Ключ (рис. 6: 40) (Чижевский, Хисяметдинова, 2020). Редкой находкой является бронзовая ложка со скульптурным изображением головы коня (рис. 10: 24) (Мясников, 2014, с. 276; Чижевский, 2017, с. 228).

Фурнитура и украшения одежды немногочисленны, к ним относятся накладки: с парными выпуклинами (восьмерковидные), полуовальные (рис. 6: 2, 3), в форме лука (Омарский починок) (рис. 10: 18), а также бронзовые пластины с отверстиями для крепления (рис. 6: 24). Кроме того, из гор. Грахань происходит зооморфный поясной крючок в виде сдвоенных голов волков с общей пастью и крючком в виде головы хищной птицы (рис. 6: 10), а из Питишевского городища бронзовые ножны (рис. 10: 32) (Мясников, 2014; Чижевский, 2017; Чижевский, Хисяметдинова, 2020).

В единственном числе представлен металлический сосуд – медная ваза, найденная у с. Атабаево (Халиков, 1977, с. 227).

Изделия из железа представлены в основном ножами с горбатой спинкой и шильями (рис. 6: 36), единичны втульчатый наконечник стрелы (рис. 6: 14) и рыболовный крючок (Чижевский, Хисяметдинова, 2020).

Многочисленны изделия из кости, по своему назначению они подразделяются на бытовые вещи, вооружение, конскую упряжь, фурнитуру одежды и сельскохозяйственный инвентарь.

Больше всего на постмаклашеевских поселениях зафиксировано бытовых вещей, среди них: лопатки-тупики (рис. 6: 33), стамески и пробойники, долота, кочедыки (рис. 6: 35), ложки, пряслица, многочисленные различные острия (рис. 6: 28, 30) и проколки, рукояти из рога с зооморфным скульптурным оформлением (рис. 6: 11, 12). В ряду бытовых вещей известны изделия с изображениями в технике граффито: стамеска с рисунком копытного животного и острие с изображением людей и копытных животных (Чижевский, Хисяметдинова, 2020, рис. 198: 20; 202: 12).

Немногочисленны вещи, относящиеся к фурнитуре одежды, все они принадлежат к подвескам-

натуралиям, в их числе: клыки медведя и бобра, кости *os penis* медведя и волка, челюсти мелких хищников. К подвескам-натуралиям относится, вероятно, и фаланга свиньи (рис. 6: 17), покрытая орнаментом в виде двух рядов заштрихованных треугольников, обращенных друг к другу вершинами (Старостин, 1977; Чижевский, Хисяметдинова, 2020).

К предметам вооружения и охоты относятся многочисленные черешковые наконечники стрел, известен и один втульчатый наконечник (рис. 6: 15). На ряде городищ встречены гарпуны и остроги (рис. 6: 42). Втоки (рис. 6: 29), изготовленные из пястных костей крупных копытных животных, зафиксированы практически на всех изученных поселениях.

Конская упряжь представлена стержневыми трехдырчатыми, с овально-подчетыреугольными отверстиями псалиями из городища Гремячий Ключ (рис. 6: 26, 27), а на городище Сорочьи Горы зафиксированы пронизь-распределитель от конской упряжи (рис. 6: 4) и подпружная пряжка.

К орудиям, связанным с сельским хозяйством, отнесены мотыги из лосиного рога (рис. 6: 43), топоробразные и клиновидные предметы, выявленные на гор. Гремячий Ключ, Сорочьи Горы и Черепашье (Чижевский, Хисяметдинова, 2020).

С ритуальной практикой предположительно можно связать таранную кость лося с киммерийским орнаментом из гор. Гремячий Ключ (рис. 6: 22) (Марков, 1987, рис. 9: 6; Чижевский, Хисяметдинова, 2020).

Хозяйственная деятельность. Скотоводство было одной из основных отраслей хозяйства постмаклашеевской культуры. Это подтверждают данные археозоологии, которые свидетельствуют о безусловном преобладании костей домашних животных (90,1–96,7%) над дикими в культурных слоях поселений.

Главное место в стаде постмаклашеевского населения занимала лошадь, далее по нисходящей шли крупный рогатый скот, свинья, мелкий рогатый скот и собака (Петренко, 1992, табл. V; 2007, табл. 27; Богаткина, 1992, табл. 1; Чижевский и др., 2014, с. 258).

Судя по данным археозоологического анализа, скотоводство постмаклашеевской культуры имело ярко выраженное мясо-молочное направление.

В табунах преобладали лошади лесного тонконового типа, но встречается отдельные особи степного типа (Богаткина, 1992, с. 134, табл. 4; Чижевский и др., 2014, с. 259).

С молочным направлением скотоводства у носителей постмаклашеевской культуры было связано разведение крупного рогатого скота, с мясным – свиней, причем две трети особей забивались в

возрасте до одного года (Богаткина, 1992, с. 133; Чижевский и др., 2014, с. 259).

Выращивание мелкого рогатого скота практиковалось в незначительных количествах, в основном для выработки шерсти.

Охота была второстепенным направлением хозяйства, об этом говорит количество костей диких животных, которые фиксируются на поселениях – 3,3–9,9%. Охотились на крупных и средних по размерам животных: лося, медведя, бобра и северного оленя, остальные виды животных на поселениях встречаются редко (Петренко, 1992, табл. IV; 2007, табл. 26; Чижевский, 2014, с. 258).

Находки костей и чешуи рыб, а также орудия лова: гарпуны, грузила от сетей, рыболовные крючки – свидетельствуют о развитом рыболовстве (Чижевский, Пономаренко и др., 2019; Чижевский, Хисяметдинова, 2020).

Археоботанические и полевые исследования последних лет подтвердили существование земледелия у носителей постмаклашеевской культуры, они выращивали зерновые и хлебные злаки, такие как полба и просо, и технические культуры: коноплю и лен (Обыденнов, Обыденнова, 1998, с. 6; Чижевский и др., 2014, с. 259; Спиридонова, Алешинская, Кочанова, 2016; Чижевский, Пономаренко и др., 2019). Орудиями обработки почвы выступали, по всей вероятности, массивные мотыги из лосиного рога, топоробразные и клиновидные предметы, подобные найденным на городищах Гремячий Ключ и Сорочьи Горы (Марков, 1987, рис. 7: 12; Чижевский, Хисяметдинова, 2020).

Практически на всех поселениях постмаклашеевской культуры фиксируются находки пряслиц, проколов и металлических игл, а в погребениях выявлены кусочки ткани, все это свидетельствует о развитом ткачестве у постмаклашеевского населения. В качестве сырья для производства ткани использовалась овечья шерсть, конопля и лен. Обилие волосков крапивы в слоях ананьинского времени Троицко-Урайского I городища может свидетельствовать об использовании волокон крапивы в ткачестве (Чижевский, Пономаренко и др., 2019, с. 136).

В ранний период АКИО еще продолжалась выделка орудий и оружия из камня. Широко было распространено домашнее производство керамики и резьба по кости. Выявленные на поселениях котлованы домов свидетельствуют о наличии домостроительства и одновременно о существовании обработки дерева.

Постмаклашеевская культура обладала высоко развитой металлургией бронзы и меди и входила в состав ананьинского очага металлургии (Кузьминых, 1983, с. 170–180), в который кроме нее включены ананьинская классическая и вятско-ветлужская культуры АКИО.

Свидетельства производства изделий из цветных металлов отмечены на многих поселениях – это находки кусков медной руды, слитков и сплесков металла, тиглей и даже производственных сооружений, таких как на гор. Гремячий Ключ. Указанием на местное производство кельтов ананьинского типа (КАН-28, КАН-66) и наконечников копий (КД-32, 42, 44) являются находки литейных форм на городищах Гремячий Ключ, Касьяновское, Сорочьегорское, Троицко-Урайское I, Черепашье (рис. 6: 8, 23, 39).

Об объектах, связанных с металлургией железа, можно судить по горну ямного типа, выявленному на Архангельском поселении в Ульяновской области, рядом с которым было зафиксировано скопление сидеритовой руды. Добыча такой руды, по всей вероятности, осуществлялась в береговых обнажениях на правом берегу Волги, участке от с. Ундоры до с. Захарьевский Рудник (Семькин, 2014, с. 168).

О наличии развитой металлургии железа у носителей постмаклашеевской культуры свидетельствуют оригинальные типы изделий местного происхождения, которые были выделены на основании анализа конструктивной схемы Н.Н. Тереховой и Л.С. Розановой (2009, с. 198, 199).

К ним относятся железные (I тип по Халикову) и биметаллические наконечники копий с продолжением втулки по центральной оси пера до острия, прототипы которых присутствуют среди бронзовых наконечников копий постмаклашеев-

Рис. 6. Поселенческий инвентарь постмаклашеевской культуры АКИО

1, 13–15, 25 – наконечники стрел; 2 – накладка с парными выпуклинами; 3, 24 – накладки; 4 – принизь-распределитель; 7 – скребок; 8, 39 – фрагменты литейных форм; 9 – оселок; 10 – поясной крючок; 11, 12 – ручка от ножа; 16 – кресальный камень; 17 – фаланга свиньи с орнаментом; 5, 6, 18–21 – напряслица; 22 – таранная кость лося, орнаментированная; 23, 40 – литейная форма; 26, 27 – псалии; 28, 30 – острия; 29 – вток; 31 – фрагмент топора; 32, 34, 37, 38 – кельт; 33 – лопатка-тупик; 35 – кочедык; 36 – проколка; 41 – фрагмент чаши; 42 – гарпун, 43 – массивное мотыгообразное орудие.

1, 10, 11, 16, 18, 19, 24, 28–30, 32, 37, 38 – городище Грахань; 2, 3, 22, 26, 27, 31, 33–35, 39–41 – городище Гремячий Ключ; 4–7, 9, 13–15, 20, 21, 25, 36, 42, 43 – Сорочьегорское городище; 8, 17, 23 – Троицко-Урайское I городище; 12 – Маклашеевское II городище.

1, 2, 3, 10, 13, 24, 32, 34, 37, 38 – медь и бронза; 4, 11, 12, 15, 22, 26–30, 33, 35, 42, 43 – кость и рог; 5, 6, 18, 19 – глина; 14, 36 – железо; 7, 16, 25 – кремь; 20, 21, 31 – известняк; 8, 23, 39, 40 – песчаник; 9, 41 – камень.

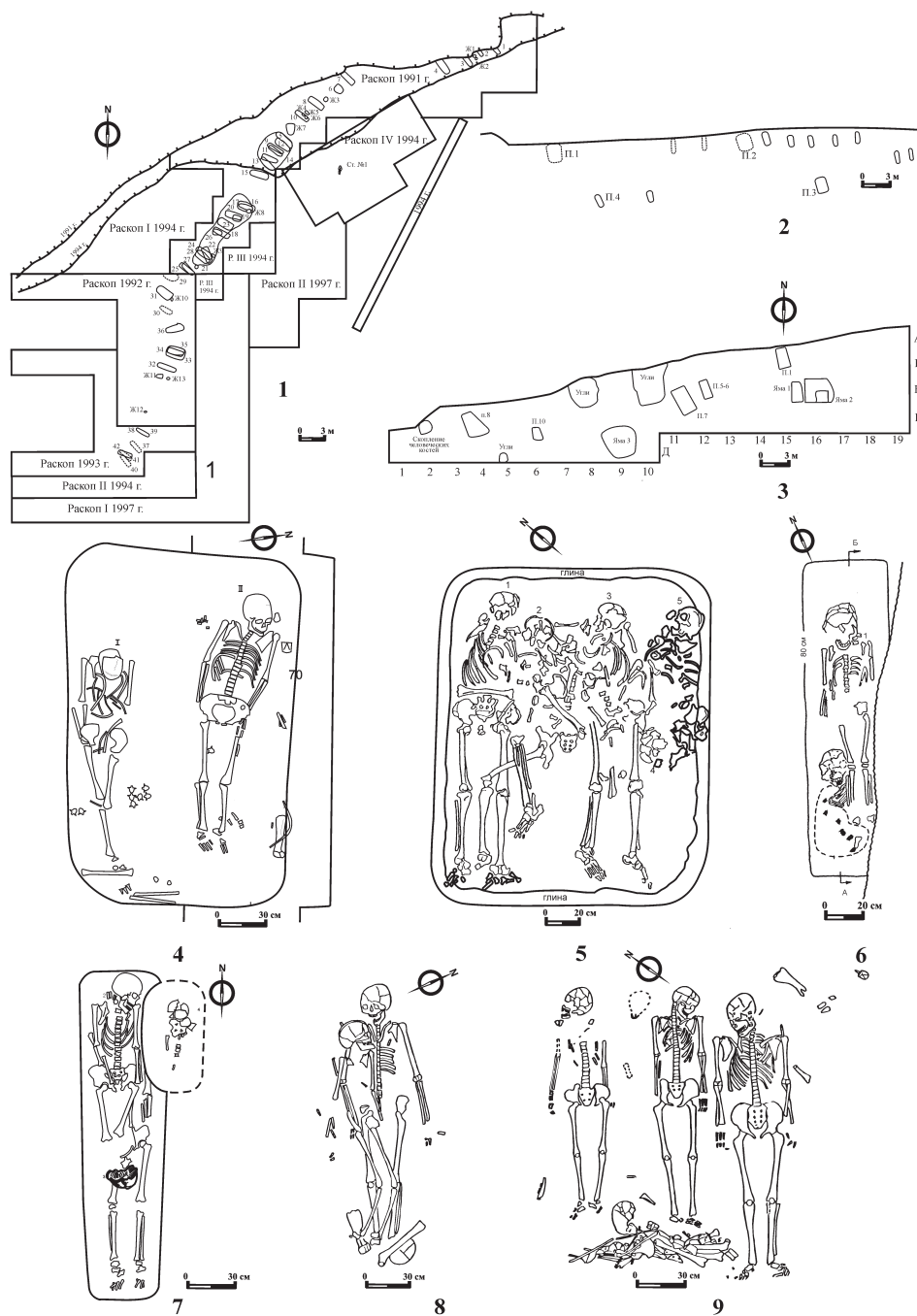

Рис. 7. Планиграфия некрополей и погребения постмаклашевской культуры АКИО

1 – Мурзихинский I могильник; 2 – Березовогривский II могильник, номерами отмечены погребения постмаклашевской культуры; 3 – Гулькинский могильник; 4 – Мурзихинский II могильник, погр. 163; 5 – Тетюшский могильник, погр. 105; 6 – Тетюшский могильник, погр. 56; 7 – Тетюшский могильник, погр. 52; 8 – Мурзихинский II могильник, погр. 81; 9 – Мурзихинский II могильник, погр. 56

ской культуры АКИО (Халиков 1977, с. 189–192). Конструктивная схема этой группы изделий очень сложна и трудоемка в изготовлении, так как является попыткой повторить традиционные бронзовые наконечники копий в новом металле. Данные спектрального анализа биметаллических наконечников свидетельствуют о том, что их бронзовая часть изготовлена из волго-уральских сплавов (Кузьминых 1983).

Другой группой изделий местного происхождения являются кинжалы, форма которых заимствована с Северного Кавказа. По типологии А.Х. Халикова, это кинжалы с брусковидным или валикообразным навершиями (Халиков 1977, с. 163–167), типы К-18, К-34 по С. В. Кузьминых (рис. 8: 27, 28 (1983, с. 128, 130, 131)). Технология изготовления этих предметов заметно отличается от кавказских образцов по способу изготовления

рукояти, когда железный черенок надрубался на две части, а затем к этой основе по восковой модели приливалась бронзовая рукоять (Шрамко и др., 1977, с. 67). У северокавказских изделий рукояти отливались отдельно (Завьялов и др., 2009, с. 70). Кроме того, согласно данным спектрального анализа, для производства рукоятей использовался цветной металл Волго-Камского происхождения (Кузьминых 1983, с. 122, 126, табл. LIII: 1, 14). Имеющиеся различия позволили Б.А. Шрамко утверждать, что Волго-Камье являлось одним из центров производства биметаллических кинжалов киммерийского времени (Шрамко и др., 1977, с. 74; Чижевский, 2012).

Могильники. На текущий момент насчитывается 28 некрополей постмаклашеевской культуры АКИО (рис. 1). Большая часть из них располагается в Нижнем Прикамье и Среднем Поволжье, но известны могильники и на р. Белой. В Марийском Поволжье некрополи постмаклашеевской культуры использовались совместно с носителями акозинско-ахмыловской и вятско-ветлужской культур, а в восточной части Нижнего Прикамья вместе с носителями классической ананьинской культуры (Чижевский, 2008).

Некрополи постмаклашеевской культуры были грунтовыми и часто размещались на месте более древних могильников маклашеевской культуры. Могилы располагались рядами от одного до шести, вдоль береговой полосы, иногда один из рядов размещался перпендикулярно остальным (рис. 7: 1–3). В междурядьях закладывали вещевые погребения (поминальные дары), которые были помещены в берестяные туески или деревянные ящички, остатки поминальной трапезы и стелы.

Постмаклашеевские (ананьинские) стелы представляют собой плиты подпрямоугольной формы, лицевая сторона их уже, чем тыльная, что объясняется наличием у них характерного закругленного скоса боковой поверхности. Каменные изваяния были выявлены на девяти могильниках: Ананьинском, Измерском VII, Морквашинском, Мурзихинских I и II, Новомордовских I и VIIIa, Семеновском VI, Тетюшском. Постмаклашеевские стелы устанавливались в междурядьях поодиночке или группой по три в ряд, часто вокруг них лежали черепа и зубы животных, таких как крупный рогатый скот, лошадь, медведь, остатки поминальной трапезы и фрагменты керамики (Чижевский, 2005).

По оформлению верхней части они подразделяются на стелы: 1 – новомордовского типа (77 экз.), с полукруглым завершением верхней части (рис. 8: 20, 29, 50; 9: 64); 2 – стелы ильичевского типа (6 экз.), с подпрямоугольным завершением верхней части. Отличаются они и размерами: сте-

лы новомордовского типа крупные – 78–256 см, ильичевские небольшие – 39–80 см. Стелы новомордовского типа имеют два варианта оформления нижней части: 1 – с расширяющимся основанием, 2 – с клиновидным основанием. Все стелы ильичевского типа имеют клиновидное основание (Чижевский, 2005; 2005a; 2009).

На стелах новомордовского типа имеются изображения, выполненные в технике рельефа, контррельефа и граффито. Рельефом изображено оружие: топоры, кинжалы, мечи, молоты. В этой же технике исполнен и арковидный бордюр, который размещен в верхней части стелы. Контррельефом переданы подтреугольные и каплевидные изображения (капающей крови?), которые располагались под кинжалами и мечами. Техникой граффито нанесены одиночные изображения креста, незавершенной восьмерки и пояса из зигзага, заключенного в две прямые линии (Чижевский, 2007a; 2009).

На сегодняшнее время учтено 963 погребения постмаклашеевской культуры АКИО. На поверхности их обозначали небольшими земляными насыпями, деревянными столбами или же помещали в «дома мертвых».

«Дома мертвых» являлись наземными срубно-каркасными сооружениями подчетыреугольной формы, которые размещались в котловане или непосредственно на поверхности почвы. Все подобные сооружения содержали асинхронные захоронения, то есть предназначались для многократного погребения умерших людей и использовались в качестве склепа. После заполнения они сжигались.

«Дома мертвых» выявлены на пяти некрополях постмаклашеевской культуры: Козьмодемьянском, Морквашинском, Мурзихинском I, Старшем Ахмыловском и Тетюшском. Общее количество подобных сооружений на постмаклашеевских некрополях достигает 21.

Известно два типа «домов мертвых»: однокамерные и многокамерные.

Однокамерные «дома мертвых» – это одиночные наземные срубно-каркасные постройки, иногда с котлованом, размерами от 1,75×2,5 до 4,1×4,8 м, в которых помещали от 1 до 16 погребений основных и впускных.

Многокамерные «дома мертвых» также строились в срубно-каркасной технике, они состояли из трех и более (до 10) соединенных камер, основной объем которых приходился на наземную часть. Размеры «домов мертвых» второго типа составляют от 2,2×4 м до 5–9×20,6 м. Как правило, в камерах этих сооружений размещалось 15–20 основных погребений, а также 1–9 более поздних, впускных, погребений.

Над «домами мертвых» Старшего Ахмыловского (№ 1, 4, 8) и Тетюшского (объект № 1) могильников были отмечены небольшие возвышения (10–15 см). По всей видимости, они связаны с остатками наземных деревянных конструкций, которые в ряде случаев могли присыпаться землей, образуя что-то вроде длинных курганов маклашевской культуры эпохи бронзы (Чижевский, 2008).

Исследователи Старшего Ахмыловского могильника предполагали, что новые камеры пристраивали к ранее установленным по мере размещения в них новых погребений (Халиков и др., 1967, с. 9). В пользу этой версии говорят угловатые и неровные очертания камер, что может быть связано с одновременной застройкой разных секций «домов мертвых». В то же время известны постройки, которые представляют собой единовременные конструкции, камеры которых образуются внутренними перегородками.

Обустройство погребений постмаклашевской культуры не отличалось разнообразием и совпадает с таковым в остальных культурах АКИО – это простые могильные ямы, погребения с отдельными камнями обкладки стенок, деревянные гробницы и каменные ящики.

Наибольшее количество погребений с установленным типом погребального сооружения приходится на могильные ямы (96,57%). Наиболее распространенными были ямы средних пропорций (тип I – 73,41%) (рис. 7: 4), реже использовались широкие ямы (тип II – 15,17%) (рис. 7: 5) и узкие ямы-траншеи (III тип – 7,99%) (рис. 7: 6, 7). Ям с отдельными камнями обкладки стенок немного – 1,3%, тем не менее они распространены на всей территории постмаклашевской культуры АКИО (Чижевский, 2008, с. 118, 119).

Деревянные гробницы – погребальные сооружения с деревянными конструкциями, которые располагаются полностью под землей, немногочисленны, к ним относится 1,78% погребений.

Три из них являются срубными, остальные срубно-каркасными сооружениями.

Погребения в каменных ящиках встречаются очень редко, известно лишь две таких конструкции, они выявлены на Морквашинском (погр. 15) и Мурзихинском II (погр. 140) могильниках. Стенки их были сложены из крупных слабо обработанных камней, а сверху они были перекрыты каменными плитами. Перекрытие погр. 140 Мурзихинского II мог. было украшено орнаментом в виде соединенных между собой ромбов, выполненных в технике граффито (Чижевский, 2008).

Все погребения постмаклашевской культуры были совершены по обряду ингумации, однако (рис. 7: 4–9) в некоторых случаях отмечено частичное сгорание костяка в результате сожжения погребального сооружения.

По способу подготовки умершего человека к погребению из основной массы труположений выделяются вторичные погребения. В этом случае кости человека складывали кучкой у черепа погребенного (рис. 7: 8, 9), подобным образом размещали кости умерших носители маклашевской культуры (Чижевский, 2008, с. 15). Все погребения с вторичными захоронениями относятся к раннему периоду АКИО, позднее эта традиция прерывается и на смену ей приходит обряд частичного погребения. К погребениям такого типа относятся захоронения черепа и скелета без черепа.

Одиночные захоронения преобладали (77%) (рис. 7: 6, 7), кенотафы (9,76%), парные (8,37%) (рис. 7: 4, 8) и коллективные (4,87%) (рис. 7: 5, 9) представлены значительно меньшим количеством погребений.

В семи коллективных могилах выявлены погребения социально подчиненных людей. Зависимое положение подчеркивалось местом, занимаемым ими внутри могильной ямы (в ногах и изголовье

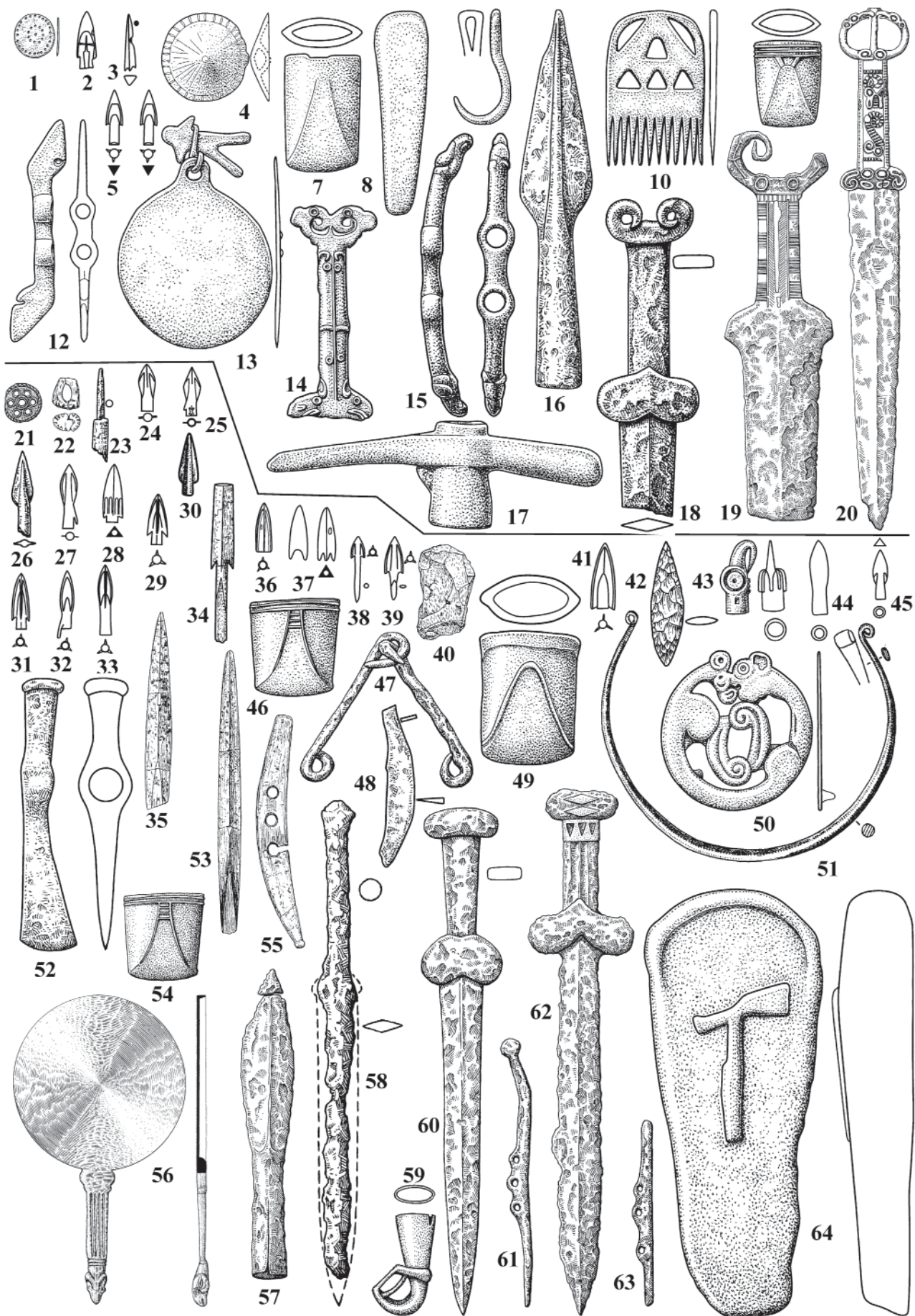
Рис. 8. Погребальный инвентарь первого периода постмаклашевской культуры АКИО

1–32 – предметы второго этапа; 33–50 – предметы первого этапа

1–3 – фурнитура; 4, 7 – накладки; 5, 14, 17, 25 – бляхи; 6, 10, 12, 15, 16, 21, 22, 35 – наконечники стрел; 8, 9, 19, 23, 37, 41 – псалии; 11, 13 – удила; 24 – нож; 33, 34 – височные спирали; 36 – кольцевидная пряжка с перемычкой; 18, 38 – оселки; 39, 40 – пластины с отверстием; 42 – шлемовидная бляха; 43 – лунница; 31, 44 – кельты; 46 – стилет; 30, 32, 45, 47 – наконечники копий; 26, 27, 28, 48, 49 – кинжалы; 20, 29, 50 – стелы.

1–3, 5, 10, 15, 18, 21, 22, 24, 26, 32 – Старший Ахмыловский могильник, погр. 383; 4 – Старший Ахмыловский могильник, погр. 218; 6 – Старший Ахмыловский могильник, уч.З-6, 1962 г.; 7 – Мурзихинский I могильник, погр. 13; 8 – Мурзихинский I могильник, погр. 5; 9, 11, 25 – Мурзихинский II могильник, погр. 186; 13 – Мурзихинский II могильник, погр. 153; 12 – Мурзихинский II могильник, погр. 176; 16 – Мурзихинский II могильник, погр. 143; 17, 23, 30, 31 – Мурзихинский I могильник, погр. 14; 19 – Мурзихинский I могильник, погр. 7; 20 – Новомордовский могильник, стела №1; 27 – Полянский II могильник, погр. 1; 28 – Мурзихинский II могильник, погр. 76; 29 – Мурзихинский II могильник, стела №22; 33, 34, 38 – Тетюшский могильник, погр. 260; 41 – Тетюшский могильник, погр. 261; 35 – Мурзихинский II могильник, сборы; 36 – Тетюшский могильник, погр. 95; 37, 39, 40 – Измерский VII могильник, погр. 10; 42–44 – Тетюшский могильник, погр. 183; 45 – Мурзихинский II могильник, погр. 97; 46–48 – Тетюшский могильник, погр. 272; 49 – Измерский VII могильник, жертвенный комплекс; 50 – Тетюшский могильник, раскоп XIII, стела №1.

1–9, 12, 13–16, 21–23, 25, 30, 31, 33–37, 41–45, 49 – медь и бронза; 10, 11, 24, 26, 32, 46, 47 – железо; 17 – медь, стекло, золото; 18, 38 – песчаник; 39, 40 – кость и рог; 27, 28, 48 – железо и бронза; 20, 50 – известняк

основных погребенных), иной ориентировкой (поперек общего направления главных захоронений), иногда способом погребения (частичные и вторичные костяки) и позой (скорченно на боку) (рис. 7, 8, 9) (Чижевский, 2008, табл. 6).

Размещение тела умершего внутри могильной ямы определено для 634 погребенных. В 619 случаях они лежали вытянуто на спине, 15 костяков располагались на боку в скорченном положении. Подобная поза использовалась преимущественно при захоронении женщин. Положение рук определено для 238 случаев. Чаще всего руки были вытянуты вдоль тела, реже одна или обе руки размещались на костях таза.

Преобладает северное и южное с отклонениями направления ориентировки, восточное и западное редки. Ориентация относительно реки не была устойчивой, ногами к реке ориентировано 59% погребений, головой 31%, боком 7%, погребения с разной ориентировкой в одной яме составляют 3%.

Мертвых в подавляющем большинстве случаев укладывали непосредственно на дно могильной ямы, причем в семи захоронениях зафиксированы остатки органической подстилки. Из основной массы выделяются 37 захоронений, в которых умерших размещали на деревянных настилах. В девяти погребениях отмечены следы деревянного перекрытия.

В погребениях постмаклашеевской культуры АКЮ насчитывается 51 категория инвентаря, включающего орудия труда, оружие, украшения, предметы туалета, погребальные сосуды и др. В 15% погребений инвентарь отсутствовал (Чижевский, 2008).

Среди орудий труда первое место по распространенности занимают железные ножи, некоторые из них были с костяными рукоятками (рис. 8: 24; 9: 48). В погр. 370 Старшего Ахмыловского могильника зафиксирован бронзовый однолезвий-

ный нож. Широко распространены были оселки (рис. 8: 18, 38; 9: 8).

С шитьем и ткачеством связаны находки проколов и игл (рис. 9: 23), а также пряслица. С плетением – кочедыки с зооморфными рукоятками, которые зафиксированы в погр. 263 и 457 Старшего Ахмыловского могильника.

Предметы, связанные с другими отраслями хозяйства, немногочисленны – это костяные лощила, тесла из камня, бронзы и железа, железные пешни.

Немногочисленны и свидетельства металлургии, в трех погребениях были обнаружены тигли, форма для отливки кельта, наковальня, слиток бронзы.

Оружие было найдено в 40% погребений постмаклашеевской культуры АКЮ. Самой распространенной категорией являются кельты из бронзы с линзовидной в сечении втулкой (рис. 8: 31, 44; 9: 7, 11, 46, 49, 54). Как правило, погребенного сопровождало по одному кельту, но известны случаи размещения двух кельтов. Иногда вместе с кельтом или же вместо него в погребения помещали каменные или железные топоры (рис. 9: 52).

В 109 случаях выявлены наконечники копий из железа и бронзы (рис. 8: 30, 32, 45, 47; 9: 16, 57), известны также биметаллические и кремневые наконечники. В двух случаях вместе с наконечниками копий лежали костяные втоки. Обычно в могилу для одного погребенного помещалось одно копьё, и лишь в погр. 2 Полянский II могильника лежали 3 копья.

В 56 погребениях были найдены наконечники стрел из кремня, бронзы, кости и железа (рис. 8: 6, 10, 12, 15, 16, 21, 22, 35; 9: 2, 3, 5, 6, 24–34, 35–39, 41, 42, 44, 45, 53). Количество стрел в погребальном инвентаре варьирует от 1 до 22. Находки колчана, наверхий лука и колчаных крючков единичны, все они найдены в Старшем Ахмыловском могильнике (рис. 9: 9, 43).

Рис. 9. Погребальный инвентарь и случайные находки второго периода постмаклашеевской культуры АКЮ

1–20 – предметы второго этапа; 21–65 – предметы первого этапа. Масштаб разный

1 – накладка; 2, 3, 5, 6, 24–34, 35–39, 41, 42, 44, 45, 53 – наконечники стрел; 4, 21, 50 – бляха; 7, 11, 46, 49, 54 – кельты; 8 – оселок; 9 – крючок с петлевидным ушком; 10 – гребень; 12, 15, 55, 61, 63 – псалии; 13, 56 – зеркало; 14, 18–20, 58, 60, 62 – кинжалы; 16, 57 – наконечники копий; 17 – чекан; 22 – подвеска; 23 – проколка; 40 – кремальный камень; 43 – навершие; 47 – удила; 48 – нож; 51 – шейная гривна; 52 – топор; 59 – бутероль; 64 – стела. 1, 7, 10, 11, 13 – Старший Ахмыловский могильник, погр. 194; 2 – г. Сенгилей; 3, 20 – Мурзихинский I могильник; 4, 8, 9, 16, 18 – Старший Ахмыловский могильник, погр. 226б; 5, 6 – Уфимский по ул. Трастовой; 12 – с. Билярск; 14 – Грахань; 15 – с. Шиловка; 17 – Ново-Уфимский могильник; 19 – б. Свяжский уезд; 21, 46, 57, 62 – Луговской могильник, погр. 57; 22, 34, 35, 40, 53, 55 – Мурзихинский II могильник, погр. 140; 23, 52, 59, 60 – Старший Ахмыловский могильник, погр. 336; 24, 25, 27–29, 31–33, 36–39, 41–45, 48, 50 – Старший Ахмыловский могильник, погр. 926; 26, 47, 61, 63 – Старший Ахмыловский могильник, погр. 509; 30, 51 – Старший Ахмыловский могильник, погр. 357; 56 – Камаевское городище; 49, 58 – Полянский могильник, погр. 2; 64 – Мурзихинский II могильник, стела № 18.

1–7, 9, 11–13, 15, 17, 21, 24–33, 36–39, 41, 43, 45, 46, 49, 50, 51, 56, 59 – медь и бронза; 8, 40, 42, 64 – камень (известняк, кремень); 10, 22, 34, 35, 53, 55 – кость; 16, 18, 19, 44, 47, 48, 52, 57, 58, 60, 61, 63 – железо; 14, 20 – бронза и железо; 23 – железо и кость; 62 – железо и золото

В 23 погребениях и жертвенных комплексах были обнаружены кинжалы биметаллические (рис. 8: 27, 28, 48; 9: 14, 20; 10: 34), железные (рис. 8: 26, 46; 9: 18, 19, 58, 60; 10: 29) и бронзовые (рис. 8: 49; 10: 33). Один железный кинжал был инкрустирован золотом (рис. 9: 62). Иногда они сопровождалась остатками ножен и портупей. Все кинжалы были двулезвийными.

Очень редки находки каменных молотов и топоров, они происходят из двух погребений, а один найден на размываемой части Мурзихинского II могильника (Беговатов, Марков, 1992, рис. 6: 11; Чижевский, 2008, рис. 32: 7).

Защитное вооружение встречается чрезвычайно редко. В частности, в погр. 513 Старшего Ахмыловского могильника обнаружены остатки деревянного щита размером 50×60 см с круглым уступчатым умбоном из бронзы. Вероятно, умбоном является и зооморфная бляха из погр. 926 Старшего Ахмыловского могильника (рис. 9: 50). В ряде случаев свидетельством наличия защитного вооружения могут служить крупные нагрудные бляхи со ступенчатым орнаментом или без него.

Внутри могильной ямы предметы вооружения размещались в изголовье в составе поминального комплекса и у пояса. В ногах помещались втоки и колчан, изредка здесь фиксируют кельты и наконечники стрел и лишь однажды – наконечник копья. В четырех случаях предметы вооружения (наконечники стрел, кельт, акинак) были воткнуты в землю внутри могильной ямы (Чижевский, 2008).

Украшения зафиксированы лишь 18% погребений. Наиболее популярны были височные подвески из золота, серебра, бронзы и железа (рис. 8: 33, 34). Чаще всего встречаются простые спиральные подвески в 2–9,5 оборотов, реже спиральные подвески с полыми коническими окончаниями – т. н. тип «граммофон». В двух погребениях выявлены спирали из толстого крупного дрота, также с коническим завершением т. н. «улитковидные» подвески.

Несколько реже встречаются металлические серьги из бронзы и железа. В восьми случаях это простые проволочные серьги, в остальных – пластинчатые.

Бусы и пронизи, изготовленные из золота, стекла, бронзы, камня, кости и скорлупок ореха, были выявлены в 33 погребениях. Они использовались в основном в ожерельях, но в двух случаях стеклянным бисером была расшита женская шапочка.

В 33 погребениях обнаружены бронзовые и железные гривны (рис. 9: 51). Чаще всего они были дроватыми, круглыми и четырехгранными в сечении, иногда встречаются и ложновитые. В трех погребениях зафиксированы пластинчатые гривны, в одном – бронзовая цепь.

Значительно реже встречаются бронзовые браслеты: дроватые, наборные из пронизей и пластинчатые.

Количество пластинчатых медных колец варьировало от одного до трех у одного костяка.

Украшения располагались так, как они носились при жизни: височные подвески и серьги у головы, бусы и гривны на шее, кольца на пальцах рук. Лишь браслеты отмечены у черепа или в ногах и ни разу на костях рук.

Часть украшений связана с одеждой. Непосредственно остатки одежды встречаются редко. Шерстяные ткани известны из Мурзихинского II (погр. 137) и Пустоморквашинского (погр. 6, 42) могильников, кроме того, ткань была обнаружена и в Ананьинском (погр. 20) могильнике. В остальных случаях об одежде можно судить на основании находок украшений: блях, накладок, пронизок, пряжек, «восьмерковидных» бляшек и накладок (рис. 8: 4, 36; 9: 1, 4, 21; 10: 13, 14, 22).

Пояса фиксируются в виде ткани и кожи с украшениями на них (9 погр.), в качестве накладок могли использоваться фрагменты боевых кавказских поясов с гравировкой (погр. 13 Мурзихинский I мог.). Некоторое распространение получили бронзовые ременные пряжки.

Круглые бляхи крупных размеров фиксируются чаще всего на груди. Накладки из крупных бронзовых пластин подпрямоугольной формы отмечены у ног женских костяков (рис. 8: 7).

Обувь ни разу не была зафиксирована в могильниках постмаклашевской культуры. Однако украшения в виде бронзовых «восьмерковидных»

Рис. 10. Погребальный и поселенческий инвентарь и случайные находки третьего периода постмаклашевской культуры АКИО. Масштаб разный

1–12 – наконечники стрел; 13, 14, 22 – бляхи; 15, 16, 19, 20 – ритуальные фигурки; 17 – поясной крючок; 18, 30 – подвеска; 21, 25–27, 28, 31 – поясные крючки; 23 – булавка; 24 – ложка; 29, 33, 34 – кинжал/меч; 32 – ножны. 1–3, 5–12 – Саузовское (Бельский Шихан) городище; 4 – Царев Курган городище; 13, 25, 31 – Чурачикский могильник; 14 – Мариинско-Посадская находка; 15 – Подгорно-Байларская III стоянка; 16 – Аначевское городище; 17 – Климкинское местонахождение; 18 – Омарский починок местонахождение; 21, 23 – Новомордовский I могильник; 22, 28 – Новочурашевское местонахождение; 24 – Тюлькой, местонахождение; 26 – Большая Таяба, местонахождение; 27 – Кырнышский могильник; 29 – Касьяновское городище; 30 – Андреево-Базарская находка; 32 – Питишевское городище; 33 – Студеный овраг местонахождение; 34 – Петровка, местонахождение. 1–14, 17, 18, 21–28, 30–32 – медь и бронза; 15, 16, 19, 20 – глина; 29, 33, 34 – железо

накладок в районе стоп были обнаружены в погр. 101 Старшего Ахмыловского могильника (Патрушев, Халиков, 1982, табл. 16: 6а).

Все находки, связанные с головными уборами (налобными венчиками?), относятся к металлическим украшениям, под которыми иногда сохраняется ткань. Для нашивания на головной убор использовались различные бронзовые украшения: пронизки, «восьмерковидные» и иные накладки, колоколовидные украшения, бляхи, клыки хищных животных (рис. 8: 4).

В четырех женских погребениях были выявлены остатки шапочек, судя по погр. 479 Старшего Ахмыловского могильника, они имели высокую конусовидную форму. Шапочки из погр. 22 Пустоморквашинского и погр. 195 Мурзихинского II могильников были расшиты бисером. Поверх головных уборов надевали налобные венчики, украшенные накладками и бляхами. В состав головных уборов входили также накосные украшения, наиболее ярким элементом которых были трубчатые украшения. Головные уборы чаще всего размещали так, как они носились при жизни – на голове, но известны случаи, когда их укладывали в изголовье, у плеча в свернутом виде или же в ногах.

Конская упряжь представлена удилами: бронзовыми двукольчатыми и стремечковидными и железными однокольчатыми (рис. 8: 11, 13; 9: 47); стержневыми псалиями (бронзовыми, железными, костяными) с лопастью, трех- и двудырчатыми, зооморфными и без украшений (8: 8, 9, 19, 23, 37, 39–41; 9: 12, 15, 55, 61, 63).

Кроме того, в состав конской упряжи входили различные типы бронзовых блях: плоские без орнамента, выпуклые, украшенные солярным орнаментом (рис. 8: 5, 14, 17, 25, 42) и муфты для перекрестных ремней (Чижевский, 2006; Чижевский, 2008; Чижевский, Шаталов, 2012).

Посуда широко представлена в могильниках постмаклашеевской культуры АКИО, целые формы глиняных круглодонных сосудов зафиксированы в 201 погребении (рис. 5: 1–7, 10–16). В 40 погребениях отмечены фрагменты керамики, связанные, вероятно, с тризной. В двух случаях выявлены туески из бересты, в одном – деревянный сосуд. Как правило, в погребении размещали по одному или два сосуда, редко три, и лишь в погр. 35 Морквашинского могильника найдено четыре горшка. Сосуды чаще всего размещали в изголовье, реже ногах и у пояса.

Бытовые предметы представлены астрагалами, терочниками и огнивами (рис. 9: 40).

К предметам культа в погребальном инвентаре отнесены мел и охра, остатки кострищ и угли, бронзовые фигурки идолов (рис. 9: 13), жертвенная пища и черепа животных. Амулеты

могли изготавливать и из стенки человеческого черепа (погр. 136 Тетюшского мог.). К предметам туалета относятся немногочисленные гребни (рис. 9: 10).

Жертвенная пища выявлена в 21% захоронений, в ее составе в основном плечевые кости лошади или коровы, иногда дополнительно в погребение клали ребра, фрагменты грудины и таранные кости. Реже фиксируются плечевые и бедренные кости свиньи и барана, единично представлены плечевая кость лося, кости цапли и других диких птиц.

В 56 погребениях отмечены черепа животных, как правило, лошадей и медведя. По одному разу выявлены фрагменты черепов барана, куницы, хомяка и волка. Кроме того, отмечены нижние челюсти свиньи и кабана, челюсти крупного рогатого скота. В одном случае отмечен скелет байбака без черепа. В жертвенных комплексах отдельно от погребений человека захоранивали черепа лошади, медведя и байбака, известно также совместное захоронение кабана и коровы (Чижевский, 2008).

Хронология и периодизация. В рамках постмаклашеевской культуры выделяется три периода, отличающиеся направлением внешних контактов и развитием технологических возможностей, определяющих различный набор предметов материальной культуры. В основных чертах периодизация постмаклашеевской культуры совпадает с общей периодизацией АКИО (Кузьминых, Чижевский, 2014, с. 102; Чижевский, 2017).

Период I (ранний), этап I-1 (IX – сер. VIII вв. до н. э.) является переходным от финала бронзового к раннему железному веку (рис. 8: 33–50).

С этапом I-1 связано несколько предметов-хроноиндикаторов. Наиболее ранними были бронзовые однолезвийные ножи с прямой Н-12 и горбатой Н-16 спинкой, которые датируются IX – нач. VIII в. до н. э. (рис. 6: 40) (Членова 1967, с. 125, 126; Махортых, 1997; Кузьминых, Чижевский, 2014). Близка к ним по времени существования кольцевая бляха с перемычкой (погр. 95 Тетюшский мог.) (рис. 8: 36), датированная последней третью IX в. до н. э. (Андреева, Козенкова, 1986, с. 255; Алексеев и др., 2006, с. 68; Кузьминых, Чижевский, 2014, с. 107; Смирнов, 2015, с. 106).

В пределах всего времени существования этапа I-1 датируется единственный известный бронзовый двулопастной наконечник стрелы с подтреугольным пером из Мурзихинского II могильника (рис. 6: 35) (Кузьминых, Чижевский, 2014, с. 102).

Заметно больше клинкового оружия, к нему относятся бронзовые и биметаллические кинжалы и мечи. Мечи с крестовидной рукоятью типа К-14 (с. Билярск; стела № 1 Тетюшского мог.) (рис. 8: 50) и кинжал из Татарского Бурнашева (тип К-2)

наиболее ранние в этом ряду – IX – 1 пол. VIII в. до н. э.

Несколько более поздним временем – начало – 3 четв. – середина VIII в. до н. э. – датируется серия кинжалов К-18 и изображение кинжала с крестовидной рукоятью и грибовидным навершием на стеле № 1 Новомордовского I могильника (рис. 8: 20, 49) (Кузьминых, Чижевский, 2014).

Конская упряжь этапа I-1 представлена уздечным набором в составе шлемовидной бляхи и лунницы из погр. 183 Тетюшского мог. и трехдырчатыми псалиями (погр. 10 Измерского VII и погр. 261 Тетюшского мог.) (рис. 8: 37, 41–43) (Махортых, 1999; Кузьминых, Чижевский, 2014).

Ранние связи постмаклашеевской культуры АКИО с Кавказом документируются находкой кобанской фибулы в погр. 14 Акозинского могильника, время ее существования определено IX–VIII вв. до н. э. (Козенкова, 1998, с. 73, табл. XXIV: 16, 17; Кузьминых, Чижевский, 2014).

Для этапа I-1 имеется серия дат на ¹⁴C. Даты, полученные традиционным радиоуглеродным методом (табл. 1: 1–2), показывают широкий диапазон значений, захватывающий и финал бронзового века. АМС дата (табл. 1: 3) укладывается в рамки IX – сер. VIII вв. до н. э.

Второй этап I-2 (сер. VIII – первая четв./первая пол. VII в. до н. э.) раннего периода характеризуется распространением кавказских импортов в Волго-Камье (рис. 8: 1–32).

Хронологические границы этапа определены значительным количеством предметов-хроноиндикаторов. Среди них выделяются двулопастные наконечники стрел типа С-2, С-4 (рис. 6: 12, 16), которые соотносятся с раннекочевническими новочеркасского типа и наконечники типа С-10 (рис. 6: 6, 15, 21, 22), сопоставимые с жабогинскими наконечниками стрел Северного Причерноморья (Кузьминых, Чижевский, 2014).

На этапе I-2 появляются новые типы клинкового оружия – биметаллические кинжалы К-34 с рамочной рукоятью, покрытой двухрядным гравировано-кольчатый орнаментом (рис. 6: 27, 28). Близки к ним по форме и времени существования кинжалы типа К-36 и К-32, железные кинжалы с прямым брусковидным навершием с перекрестием (рис. 6: 26), серия изображений на постмаклашеевских стелах (рис. 6: 29) (Кузьминых, Чижевский, 2014).

Связи с культурами степной зоны отражают находки бронзовых кинжалов К-6 и кинжала из Больших Тархан (Кузьминых, Чижевский, 2014; Чижевский, Гисматуллин, Храмченкова, 2021).

Линейка рубящего оружия представлена секирами с изображением четырехлепестковой розетки на щечниках (рис. 6: 20) и топорами ко-

бано-колхидского типа (Кузьминых, 1983, с. 156, Кузьминых, Чижевский, 2014).

Распространяются бронзовые стрежневые трехпечельчатые и трехмуфтовые псалии (рис. 6: 8, 9, 19), но встречаются изделия из рога с отверстиями овально-подчетыреугольной формы (Халиков, 1977; Вальчак, 2009; Кузьминых, Чижевский, 2014). Значительным своеобразием отличается вариант трехмуфтовых псалиев из погр. 14 Мурзихинского I могильника (рис. 6: 23), которые сопровождалась бронзовыми бляхами с золотыми вставками, инкрустированными перегородчатой эмалью (рис. 6: 17) (Кузьминых, Чижевский, 2014).

Удила на памятниках постмаклашеевской культуры встречаются редко, известны три типа подобных изделий: бронзовые двукольчатые, бронзовые со стремевидными окончаниями, железные однокольчатые (Кузьминых, Чижевский, 2014).

Важнейшими хроноиндикаторами являются импортные украшения из Нижнего Подунавья и Северного Причерноморья: бронзовая поясная подвеска с ажурным орнаментом (погр. 465 Старшего Ахмыловского мог.) и плакированная золотой фольгой «улитковидная» бронзовая подвеска (погр. 68 Старшего Ахмыловского мог.), датированные 2 пол. VIII в. до н. э. (Кузьминых, Чижевский, 2014).

Связи с Закавказьем в пределах всего этапа I-2 отражают многочисленные детали налобных венчиков и поясные бляхи, изготовленные из кавказских боевых поясов (рис. 8: 4, 7) (Чижевский, 2006; Кузьминых, Чижевский, 2014).

Период II (средний), этап II-1 (вторая четв./сер. VII – первая пол. VI вв. до н. э.) характеризуется сменой векторов культурных связей с Кавказа на степную зону Северной Евразии скифов, савроматов и саков (рис. 9: 21–65).

Число предметов-хроноиндикаторов на первом этапе среднего периода заметно увеличивается. Широко представлены втульчатые наконечники стрел из бронзы: двулопастные С-6 (рис. 9: 24, 26, 27), С-8, С-10 (поздняя группа) (рис. 6: 25), С-14, С-23; трехлопастные С-26 (рис. 9: 32, 33), С-34 (крупные) (рис. 9: 29, 31), С-50 (крупные) (рис. 9: 36, 41); трехгранные С-58 (рис. 9: 45), С-68 (рис. 9: 28), С-74, С-84, С-92 (рис. 9: 37), датированные по аналогиям в пределах всего этапа II-1 (Толстов, 1948; Смирнов, 1961; Акишев, 1963; Мелюкова, 1964; Ильинская, 1968; Ильинская, 1968; Медведская, 1972; Кузьминых, 1983; Скуднова, 1988; Полин, 1998; Алексеев, 2003; Дараган, 2011).

В начале этапа II-1 в единичных экземплярах появляются бронзовые черешковые наконечники стрел: трехлопастные С-118 (рис. 9: 38, 39) и трехгранные С-120, С-126 (Смирнов, 1961; Акишев,

1963; Кадырбаев, 1966; Медведская, 1972; Вишневская, 1973; Кузьминых, 1983; Итина, Яблонский, 1997).

Мечи и кинжалы этапа II-1 представлены бронзовыми (К-6) и железными изделиями с брусковидным навершием и почковидным перекрестием (рис. 9: 60) (Горбунов, Исмагилов, 1976, рис. 1: 1; Кузьминых, 1983; Денисов, Мышкин, 2008, рис. 2: 6). Один из железных мечей из погр. 57 Луговского могильника покрыт по рукояти инкрустацией золотом (рис. 9: 62).

Чеканы, биметаллический (КЧ-30) и бронзовые (КЧ-6, КЧ-13), являются редкой находкой в коллекциях постмаклашеевской культуры АКИО, все они найдены случайно и связаны с южной частью ее территории – ареалом распространения белогорского варианта этой культуры (Кузьминых, 1983; Кочкина, Сташенков, 2020, илл. 3).

На памятниках постмаклашеевской культуры АКИО железные боевые топоры очень редки (рис. 9: 52). Скифские и северокавказские аналогии позволяют датировать их в пределах второй четв. – сер. VII–VI вв. до н. э. (Халиков, 1977).

Конская упряжь спорадически встречается в наборах погребального инвентаря этапа II-1. Использовались псалии трехпетельчатые бронзовые (с. Янада), костяные (погр. 140 Мурзихинский II мог.) и железные (Акозинский и Старший Ахмыловский мог.) (рис. 9: 55, 61, 63) (Халиков, 1962; 1977; Патрушев, Халиков, 1982; Патрушев, 1982; Кузьминых, 1983), а также однокольчатые удила из бронзы и железа (рис. 9: 47) (Tallgren, 1916; Иессен, 1953; Халиков, 1977; Патрушев, Халиков, 1982; Патрушев, 1982).

Зеркала очень редки, известны три типа подобных изделий: односоставные, с ручкой в виде двух столбиков, с боковой ручкой (рис. 9: 56) (Збруева, 1952; Фахрутдинов, 1983; Кузнецова, 2002).

Для этапа II-1 имеется серия дат на ¹⁴C. Результаты, полученные по традиционному радиоуглеродному методу, имеют широкий диапазон значений (табл. 1: 4–6), АМС датировки располагаются в диапазоне сер. VII – сер. VI вв. до н. э. (табл. 1: 7–9).

На этапе II-2 (вторая пол./конец VI–V вв. до н. э.) продолжают усиливаться связи с кочевым миром, кавказские вещи повсеместно выходят из обращения (рис. 9: 1–20).

Сужается ассортимент наконечников стрел, на этом этапе полностью выходят из обихода двулопастные втульчатые и все типы черешковых наконечников. В то же время продолжают свое бытование втульчатые трехлопастные наконечники стрел С-34 (рис. 9: 5, 6). Уменьшается разнообразие втульчатых трехгранных наконечников, использовались как ранее суще-

ствующие С-84, так и новые – С-78, С-80 (рис. 9: 2), С-100 (рис. 9: 3).

Наиболее распространенным типом мечей и кинжалов были на данном этапе железные мечи с антенновидным навершием и почковидным перекрестием (Патрушев, Халиков, 1982, табл. 38: 26; Денисов, Мышкин, 2008, с. 65, рис. 4: 3). Использовались и биметаллические мечи с изображением голов хищных птиц типа К-28 (рис. 9: 14), К-30 (Кузьминых, 1983, с. 128, 129; Беговатов, 1989, рис. 1, 2; Денисов, Мышкин, 2008, с. 66, рис. 4: 11).

Чеканы на этапе II-2 практически выходят из употребления и встречаются только в восточной части территории постмаклашеевской культуры. В настоящее время известно два таких изделия типа КЧ-18: бронзовый из Ново-Уфимского могильника (рис. 9: 17) и железный из городища Кара-Абыз (Baye, 1897; Ахмеров, 1959; Кузьминых, 1983).

На этапе II-2 произошел переход от трехдырчатых псалиев к двухдырчатым (Смирнов, 1961; Ильинская, 1968, с. 110; Мелюкова, 1989, с. 96; Махортых, 1991, с. 70). На территории постмаклашеевской культуры АКИО такие находки немногочисленны (Халиков, 1977, рис. 81: 2, 8). В их числе псалии из бронзы с секировидными окончаниями (рис. 9: 12), который находит аналогии в Нижнем Поволжье, Предкавказье и Северном Причерноморье, где подобные изделия датированы концом VI–V вв. до н. э. (Ильинская, 1968; Лесков и др., 2005, с. 76; Лимберис, Марченко, 2012, с. 63; Очир-Горяева, 2012). В этих же пределах датируются бронзовый псалий с орнитоморфными головками на окончаниях из Шиловки (рис. 9: 15) и С-видный псалий из рога (пос. Курган) (Смирнов, 1961; 1989).

Зеркала на памятниках этапа II-2 очень редки, в настоящее время известно только одно зеркало «медалевидного» типа (рис. 9: 13), которое обнаружено в погр. 194 Старшего Ахмыловского могильника (Патрушев, Халиков, 1982, табл. 33: 16). Такие зеркала появляются в V в. до н. э. и существуют вплоть до II в. до н. э. (Кубарев, 1987, с. 91).

Количество датировок по ¹⁴C для этапа II-2 невелико (табл. 1: 10, 11), все они получены по керамике из поселения Курган. Большой диапазон калиброванных дат, возникающий при датировании по керамике, при вероятности 95,4% вынуждает нас обратиться к калиброванным датам со значениями вероятности 68,2%. В этом случае мы получаем диапазон датировок в пределах середины VI – конца V вв. до н. э.

Период III-1 (поздний) (конец V–III/II вв. до н. э.) состоит из одного этапа – III-1. На рубеже V и IV вв. до н. э. исчезают характерные для АКИО

предметы вооружения из бронзы, такие как кельты, наконечники копий и чеканы. На этом этапе начинается проникновение импортов из ареала обитания среднедонских скифов, савроматские изделия и их подражания замещаются раннесарматскими.

По сравнению с предшествующим этапом снизилась роль стрелкового вооружения, на памятниках этапа III-1 постмаклашеевской культуры встречены лишь три типа бронзовых трехлопастных наконечников стрел: С-34 (грацильный) (рис. 10: 1–3, 5–7, 9), С-40 (крупный) (рис. 10: 10, 12), С-50 (рис. 10: 4, 11) (Чижевский, 2014, рис. 3: 21; 2017, рис. 9: 19; 13: 12; 17: 8).

Клинковое оружие также немногочисленно, оно представлено железными изделиями с бабочковидным перекрестием: мечом с когтевидным навершием (Студеный овраг), мечом с навершием в виде противостоящих голов животных (Петровка), железным кинжалом (Касьяновское гор.) (рис. 10: 29, 33, 34) (Денисов, Мышкин, 2008; Чижевский, 2017, рис. 13: 19; 17: 11, 12).

К категории вооружения относятся и бронзовые литые ножны с рельефным изображением медведя из Пятишевского городища (рис. 10: 32) (Мясников, 2014; Чижевский, 2017, рис. 17: 9).

Значительной серией представлены украшения из бронзы: зооморфные и орнитоморфные крючки (рис. 6: 10; 10: 17, 21, 25–28, 31), орнитоморфные и крестовидные бляхи (рис. 10: 13, 14), подвеска в виде лука (рис. 10: 18), булавка с зооморфным окончанием (рис. 10: 23), украшение в виде колеса с восемью полушарными выступами по краю (рис. 10: 22), бронзовая ложка со скульптурным изображением головы коня на ручке (рис. 10: 24), массивная литая зооморфная подвеска (рис. 10: 30) (Мясников, 2017, рис. 2: 2; 3: 55, 56; Чижевский, 2017, рис. 9: 1; 3, 8; 17: 1–7). Широко распространены глиняные ритуальные фигурки (рис. 10: 15, 16, 19, 20), которые являются одним из диагностирующих признаков позднего периода АКИО.

Для памятников этапа III-1 постмаклашеевской культуры существуют две даты по ^{14}C , выполненные по керамике из Мурзихинского II могильника и поселения Курган. К сожалению, калиброванные даты со значениями вероятности 68,2% лежат в широких пределах VI–IV/II вв. до н. э. (табл. 1: 13, 14) и не позволяют уточнить границы данного этапа.

Локальные варианты. В пределах постмаклашеевской культуры выделен только один локальный вариант – белогорский, названный так по эпонимному Белогорскому городищу (Гольмстен, 1925, с. 6, 7, 16). В.Н. Марков предлагал выделять белогорский тип керамики как особую стадию развития постмаклашеевской культуры, образовав-

шуюся в результате синтеза постмаклашеевской и «текстильной» керамических традиций (Марков, 2007, с. 42, 61). Эта точка зрения на сегодня является преобладающей. Оформление белогорского орнамента со всеми его характерными чертами происходит на этапе II-2 постмаклашеевской культуры АКИО (Чижевский, 2014).

Ареал белогорского локального варианта постмаклашеевской культуры охватывает территории по обоим берегам Волги от Самарской Луки до юга современной Республики Татарстан (рис. 1). Наряду со сходством его материальной культуры с вещевым комплексом постмаклашеевской культуры АКИО, наблюдаются и некоторые отличия, проявляющиеся в орнаментации керамики. Белогорский орнамент состоял из рядов вдавлений или ямок подтреугольной или овальной формы и, как правило, размещался на шейке сосуда, в ряде случаев он опускался на плечики в виде треугольных фестонов (рис. 4: 5; 5: 2) (Чижевский, 2014).

В настоящее время на территории Самарской и Ульяновской областей известно около 30 памятников, содержащих керамику белогорского типа, в их числе насчитывается 15 городищ (Волкова, 2009; 2017; Зудина, 2010; Чижевский, 2014).

Городища располагаются на высоких мысах коренного берега, мысах позднеплейстоценовых террас (Старомайновское) и их останцах (Царев Курган). Оборонительные сооружения белогорского локального варианта тождественны постмаклашеевским, насыпи валов содержат обгоревшие деревянные конструкции, в основании фиксируются глиняные подсыпки с угольными прослойками и прокалами над ними, иногда вал укреплялся камнями (Гольмстен, 1925; Пятых, 1975; Зудина, 2008, с. 33; Волкова, 2017).

Наличие на Гулькинском могильнике сосуда с характерным орнаментом в виде двух рядов треугольных вдавлений, размещенных по шейке (рис. 5: 2), позволяет соотнести позднюю часть этого некрополя с белогорским локальным вариантом. Погребальный обряд и предметы материальной культуры данного могильника в целом соотносятся с погребальным обрядом постмаклашеевской культуры.

Время существования белогорского типа керамики укладывается в рамки VI–III вв. до н. э.

Историко-археологическая интерпретация Социальное устройство древних обществ, реконструируемое на основании изучения археологических культур, является одной из самых неизученных проблем археологии. Эта проблематика слабо затрагивается и в исследованиях, связанных с постмаклашеевской культурой АКИО.

Некоторые выводы о социальном устройстве общества носителей постмаклашеевской куль-

туры позволяет сделать погребальный обряд. Значительная часть погребений этой культуры представляла собой простые могильные ямы, не требующие значительных трудозатрат в выкапывании. Наряду с этим известны более сложные сооружения: деревянные гробницы, однокамерные «дома мертвых», а также погребения в каменных ящиках. Трудозатраты на строительство этих сооружений были значительны.

Таким образом, наблюдается явная неравномерность в использовании трудовых ресурсов, объяснить которую можно начавшимся процессом стратификации в обществе, позволяющим выделять значительные материальные и трудовые ресурсы на похороны отдельных выдающихся людей.

Различие наблюдается и в количестве категорий погребального инвентаря, сопровождающего умерших. Большая часть погребений – рядовые захоронения 1 уровня (63%) – либо не имела вещей в составе погребального инвентаря, либо обходилась одним-двумя предметами. Вторая по количеству группа погребений (36%) – рядовые погребения 2 уровня – содержала от трех до семи категорий погребального инвентаря. Данная группа содержит такие же категории погребального инвентаря, что и первая, отличается лишь количеством вещей, помещаемых в могильную яму. На эту группу приходится основное количество мечей и кинжалов. К третьей группе, к условно богатым погребениям, содержащим более 7 категорий инвентаря, относится лишь 1% погребений. Почти все захоронения этой группы одиночные мужские и лишь одно парное женское. Набор инвентаря в мужских погребениях этой группы воинский и представлен предметами вооружения.

Все эти факты свидетельствуют о выделении особой группы лидеров-воинов, составляющих 1–2% от общего количества населения, обитавшего в ареале распространения постмаклашевской культуры АКИО. Это предположение, на наш взгляд, подтверждают каменные стелы, которые устанавливались на постмаклашевских могильниках. По некоторым оценкам, они являлись олицетворением родоначальников или военных вождей (Халиков, 1963; Казаков, 1994).

Наряду с выделением небольшой прослойки выдающихся людей, в обществе постмаклашевской культуры сохранялась патриархальная семейная община, об этом свидетельствуют многокамерные «дома мертвых», в которых хоронили умерших на протяжении нескольких поколений.

Основными направлениями культурных связей постмаклашевской культуры АКИО вне ананьинского мира в ранний период были Кавказ и Закавказье, Северное Причерноморье, постепенно усиливаются связи с Казахстаном и Центральной Азией. В средний период векторы культурных связей окончательно смещаются с Кавказа на степную зону Северной Евразии, Казахстан и Центральную Азию. В конце существования АКИО связи постмаклашевской культуры замыкаются на ранних сарматах и среднедонских скифах.

Самые поздние памятники постмаклашевской культуры АКИО относятся к IV–III вв. до н. э., а затем исчезают, вероятно, под влиянием давления ранних сарматов (Чижевский, 2013). На востоке своего ареала постмаклашевская культура трансформируется в пьяноборскую культуру второй фазы раннего железного века.

ГЛАВА 3. ПОСТМАКЛАШЕЕВСКАЯ КУЛЬТУРА АКИО

Таблица 1

Датировки $^{14}\text{C}^1$ постмаклашеевской культуры АКИО

№ п/п	Шифр лаборатории	Материал	Памятник	Date BP	Calib. date (probability)	
					68,2%	95,4%
1	ГИН 9429	Кость	Мурзиха II погр.97	2830±40	1046–1030 (7,25%) 1019–923 (61%)	1121–897 (94,7%) 866–856 (0,7%)
2	SPb_763	Керамика	Мурзиха 2 погр.10	2867±100	1200–1141 (12,3%) 1133–917 (55,9%)	1371–1356 (1%) 1296–819 (94,5%)
3	УОС-8135	Уголь	Черепашье	2619±35 АМС	811–781 (68,3%)	895–875 (2,3%) 835–762 (93,1%)
4	ГИН 10047	Кость	Мурзиха 2 погр.116	2580±	810–751 (47,2%) 684–668 (7,1%) 634–621 (4,5%) 614–590 (9,5%)	830–720 (54,4%) 708–662 (11,3%) 653–543 (29,7%)
5	SPb_760	Керамика	Мурзиха 2 погр.137	2540±100	804–541 (68,3%)	895–875 (1%) 837–402 (94,1%)
6	SPb_764	Керамика	Мурзиха 2 погр.140	2452±70	750–685 (18,7%) 667–636 (8,7%) 588–579 (2,3%) 571–457 (31,8%) 443–418 (6,7%)	769–406 (95,4%)
7	ETH 60650	Уголь	Маклашеевское 2 гор.	2524±26 АМС	776–750 (20,3%) 685–667 (13,1%) 637–588 (30,9%) 579–571 (4%)	789–735 (27%) 696–662 (17,5%) 650–546 (50,9%)
8	ETH 60652	Уголь	Маклашеевское 2 гор.	2492±26 АМС	758–740 (8,8%), 693–678 (7,2%), 647–549 (48,5%)	774–539 (95%) 527–522 (0,5%)
9	ETH 60653	Уголь	Маклашеевское 2 гор.	2525±24 АМС	777–750 (21,4%) 685–667 (13,5%) 636–588 (30,3%) 579–572 (3,2%)	788–741 (27,4%) 693–633 (17,6%) 648–548 (50,4%)
10	SPb_756	Керамика	Курган пос.	2440±70	748–699 (17%) 666–643 (6,5%) 566–411 (44,7%)	766–403 (95,4%)
11	SPb_757	Керамика	Курган пос.	2430±70	747–689 (16,2%) 665–644 (6,1%) 563–407 (46%)	763–400 (95,4%)
12	SPb_759	Керамика	Курган пос.	2418±70	746–590 (15,2%) 665–645 (5,5%) 551–402 (47,5%)	761–395 (95,4%)
13	SPb_758	Керамика	Курган пос.	2348±70	719–709 (2,2%) 662–653 (1,8%) 543–361 (62%) 272–266 (1,2%) 241–236 (1%)	753–683 (9,8%) 669–632 (4,7%) 624–611 (0,9%) 593–348 (66,8%) 313–206 (13,2%)
14	SPb_761	Керамика	Мурзиха 2 погр.170	2277±120	516–165 (68,3%)	756–680 (5,9%) 671–606 (4,2%) 597–47 (85,4%)

¹ Калибровка OxCal v4 осуществлялась по уточненной калибровочной кривой Северного полушария IntCal20. Та же дата в Чижевский, Хисяметдинова, 2020, с.93 дана по предыдущей IntCal13.

ГЛАВА 4

АНАНЬИНСКАЯ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКАЯ ОБЛАСТЬ. КЛАССИЧЕСКАЯ АНАНЬИНСКАЯ КУЛЬТУРА (ШНУРОВОЙ КЕРАМИКИ)

Ананьинская культура (классическая культура шнуровой керамики) получила название по самому первому изученному погребальному памятнику – Ананьинскому могильнику, раскопанному П.В. Алабиным и И.В. Шишкиным в 1858 г. (Алабин, 1859а–г; 1860). Долгое время исследователям были известны лишь коллекции вещей из этого некрополя, которые рассматривались в качестве классических ананьинских древностей.

К этой культуре относятся также такие известные памятники, как Елабужское «Чортово» городище, план которого был снят Н.П. Рычковым в 1769 г. (Рычков, 1770), Тихогорское I городище, обследованное П.В. Алабиным в 1859 г. (Алабин, 1859 г, с. 206; 1865, с. 1–9), Зуевключевское I городище, обнаруженное А.А. Спицыным в 1888 г. (Спицын, 1893, с. 7, 120–121), и другие (Чижевский, 2013) (рис. 1). Большое внимание ареалу этой археологической культуры было уделено в монографии А.В. Збруевой (1952), а материальная культура данных памятников стала рассматриваться в качестве некоего эталона для всей территории, занимаемой АКЮ.

В 1987 г. В.Н. Марков предложил для керамики, происходящей с территории Среднего Прикамья, название «ананьинская керамика с классической шнуровой орнаментацией» (Марков, 1987, с. 118), а через год, в 1988 г., выделил из общего массива ананьинских памятников классическую ананьинскую культуру (Марков, 1988; 2007, с. 8). Позднее в научной литературе использовалось как это, так и второе название, также предложенное В.Н. Марковым, – ананьинская культура шнуровой керамики (Кузьминых, Чижевский, 2008; 2017 и др.).

Генезис культуры. Происхождение классической ананьинской культуры в настоящее время носит дискуссионный характер. Активно этот вопрос обсуждался на Уральском IV совещании 1964 г., материалы которого были опубликованы в 1967 г. в Ученых записках Пермского государственного университета № 148. К концу XX в. осталось три гипотезы о происхождении данной культуры.

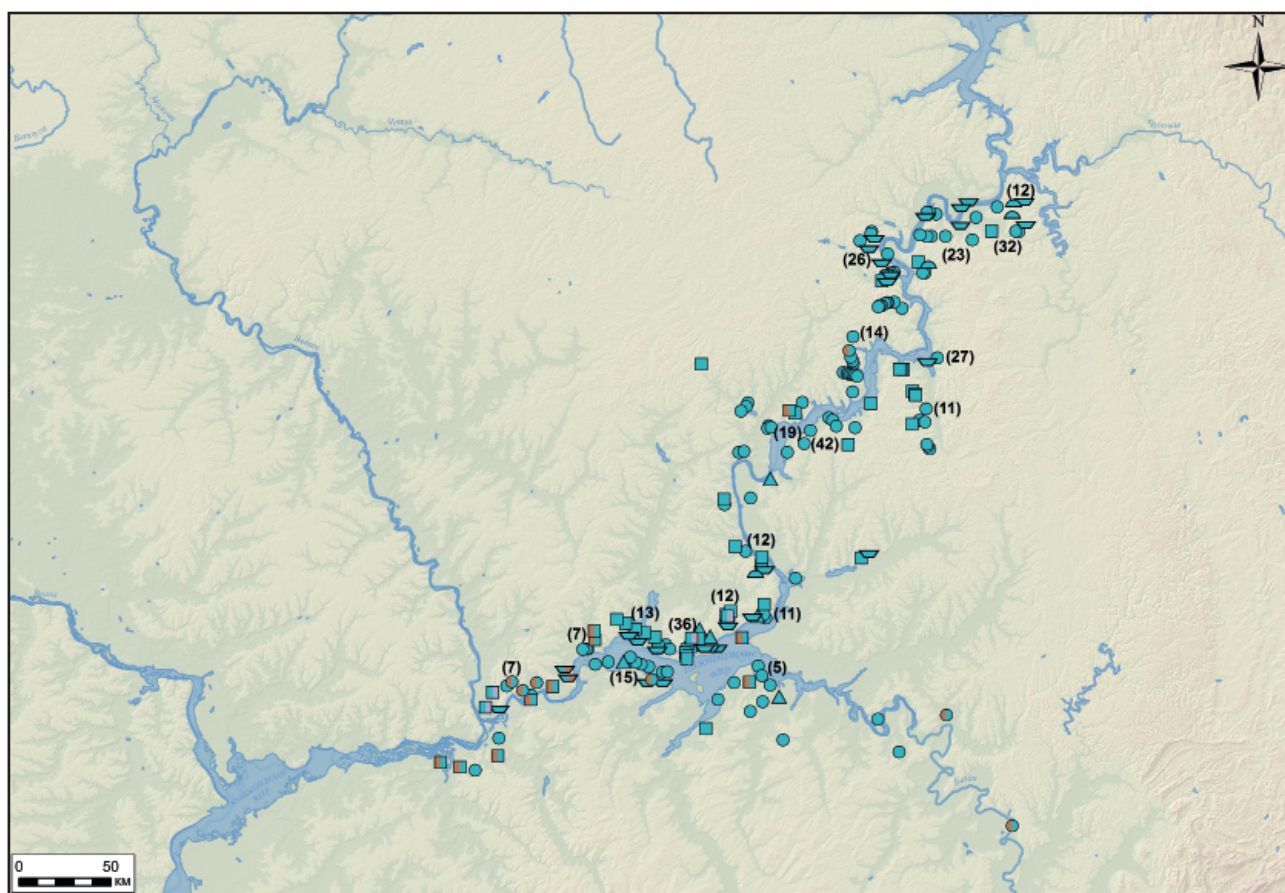
Первая точка зрения, высказанная Л.И. Ашихминой, предполагает, что основой ее формирования была т. н. быргындинская культура финально-

го бронзового века (Ашихмина, 2014, с. 62). Эта гипотеза неоднократно подвергалась критике и в настоящее время не поддерживается большинством исследователей.

Вторая точка зрения была предложена В.Н. Марковым, предполагавшим проникновение носителей ананьинской классической культуры в Среднее Прикамье в VI в. до н. э. в уже сформировавшемся виде из малоисследованных северных районов Среднего Урала (Марков, 2007, с. 56).

Нам более близка гипотеза о том, что ананьинская классическая культура сформировалась на территории Среднего Прикамья (возможно, и Вятка какой-то частью входила в этот ареал) на основе маклашеевской культуры позднего бронзового века. Особенностью среднекамского варианта маклашеевской культуры на позднем этапе было сохранение архаичных черт керамического комплекса раннего (атабаевского) этапа, обусловленное затуханием движения групп населения средневожской культуры текстильной керамики на территории выше течения р. Вятки (Кузьминых, Чижевский, 2008, с. 32). Одним из таких атабаевских архаизмов была керамика со шнуровой орнаментацией (Лыганов и др., 2019, с. 56, рис. 27: 2; Чижевский и др., 2019, с. 102, рис. 4: 3, 5, 14, 16; 5: 3, 19), которая исчезла на позднем этапе существования маклашеевской культуры на западе ареала, но сохранилась на территории Среднего Прикамья. На основе этих местных групп маклашеевского населения в начале раннего железного века оформилась классическая ананьинская культура, ярким признаком которой на ранних этапах была сложн шнуrowая керамика. Наиболее ранние ее проявления фиксируются на памятниках северной агломерации данной культуры.

Ареал классической ананьинской культуры включал подтаежную зону на юге и южнотаежную в северной части области расселения (рис. 1) (Исаченко, 1985; Ландшафтная, 1988; Исаченко, Шляпников, 1989; Атлас, 1999; Ермолаев, 2007; Воронов и др., 2008; Кашин, Стурман, 2012). Памятники располагаются в Среднем и Нижнем Прикамье, очень компактно по берегам р. Камы и ее притоков. Северной границей культуры является р. Обва, южной – участок Камы от устья р. Белой

- Условные обозначения:
- селище ананьинской классической культуры
 - городище ананьинской классической культуры
 - ▲ местонахождение ананьинской классической культуры
 - ⚓ костыще, святилище ананьинской классической культуры
 - ▼ могильник ананьинской классической культуры
 - /■ смешанные памятники с керамикой ананьинской классической и постмаклашеевской культур АКИО
 - /● смешанные памятники с керамикой ананьинской классической и вятско-ветлужской культур АКИО
 - (10) количество памятников

Рис. 1. Памятники классической ананьинской культуры шнуrowой керамики (АКШК) АКИО

до р. Вятки. Согласно современному административному делению, территория классической ананьинской культуры занимала северо-восточную часть Республики Татарстан, северо-запад Республики Башкортостан в приустьевой части Белой, прикамские районы Удмуртской Республики и юг Пермского края.

Поселения ананьинской классической культуры (рис. 1). В пределах территории ананьинской классической культуры известно 415 поселений, группирующихся в трех крупных агломерациях: северная, от р. Обва до р. Ошоп в Пермском крае, насчитывает 144 поселения, из них 13 городищ и 131 селище (Пермская и Оханская группы по: Вечтомов, 1967); центральная, от р. Пизьмы до р. Коноваловки – 159 поселений, в которой присутствует 18 городищ и 141 селище (Осинская, Еловская и Сайгатская группы по: Вечтомов, 1967); южная, от р. Коноваловки до левого берега р. Вятки – 112 поселений, в составе которой

39 городищ и 74 селища. Поселения северной и центральной агломерации большей частью монокультурны, хотя и содержат в небольшом количестве гамаюнскую, а затем и иткульскую керамику. Иная картина наблюдается на памятниках южной агломерации, количество инокультурных включений (постмаклашеевская и вятско-ветлужская культуры АКИО) на этих памятниках возрастает по мере приближения к Вятке. Наибольшее количество укрепленных поселений приходится на южную агломерацию (38).

Возведение городищ на территории ананьинской классической культуры происходило не одновременно, сначала они возникли в ареале южной агломерации в Нижнем Прикамье в IX – середине VIII вв. до н. э. (Тихогорское I гор. и др.) и лишь спустя длительное время, в VI в. до н. э., распространились в Среднем Прикамье (рис. 2–6).

Городища размещались на мысах р. Камы и ее притоков, а оборонительные сооружения валы

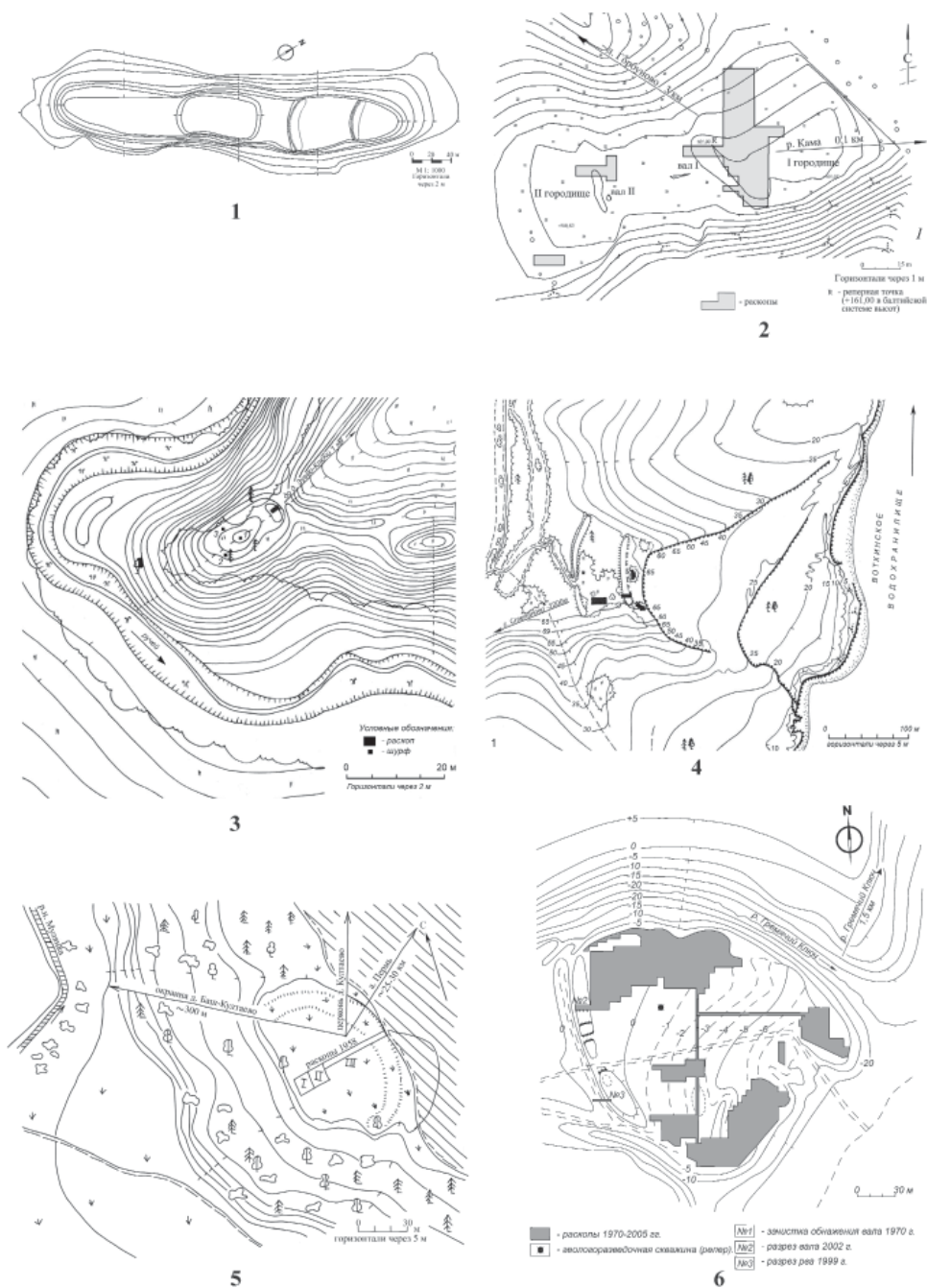

Рис. 2. Топографические планы городищ классической ананьинской культуры (АКШК) АКЮ
 1 – Саузовское (Бельский Шихан) городище; 2 – Усть-Нечкинские городища; 3 – Зуевоключевское III (Хижняковское) городище; 4 – Степановское городище; 5 – Алтен-Тау городище (по: Борзунов, 1997); 6 – Зуевоключевское I городище

и рвы сооружались с учетом рельефа местности в местах сужения мысовой площадки или у природной седловины мыса. Форма площадки городища не имела для строителей принципиального значения, а зависела от наличия природного мыса случайной формы (рис. 2: 1–6).

Городища относятся к трем основным морфотипам и располагаются на надпойменных аллювиальных или структурно-денудационных террасах (I и II морфотипы) или в верховьях овра-

гов (III морфотип) (рис. 2: 3–6; 3; 4) (Чижевский, Хисьяметдинова, 2020, с. 241, 242). В отдельную подгруппу I и II морфотипов выделяются Усть-Нечкинские I, II и Саузовское (Бельский Шихан) городища (рис. 2: 1, 2), которые обустроивались на отдельно стоящих холмах-останцах.

Высота городищ относительно реки сильно варьирует – от 3 до 65 м, это зависело, по всей видимости, от наличия удобного мыса, на котором можно было обустроить укрепленное поселение.

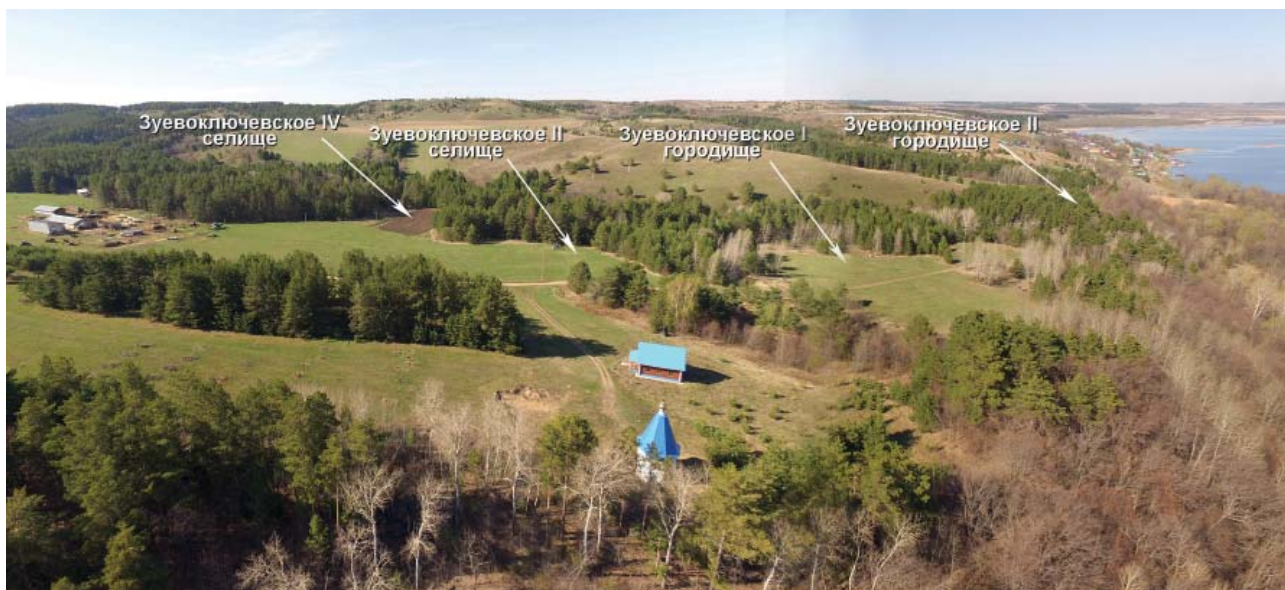

Рис. 3. Вид на памятники Зуевоключевского комплекса с юго-запада, фото 2018 г.

Чаще всего городища располагались поодиночке (81%), но в ряде случаев известно размещение укрепленных поселений парой на соседних мысах (Тихогорское I и II и др.) или же в устье и глубине оврага (Муновское I и II), во всех этих случаях одно городище значительно превышало другое по площади.

Так же как и в остальных археологических культурах АКЮ, носители ананьинской классической культуры строили валы двух типов: дугообразные и кокошниковидные (рис. 5; 6), которые сопровождались рвами, размещавшимися в различных природных углублениях, или, исключительно редко, без приспособления к рельефу местности (Чижевский, Хисяметдинова, 2020, с. 243–245). Многорядные фортификации для ананьинских городищ не характерны, однако известны случаи строительства оборонительных линий из двух (Саузовское и др.) и даже трех валов (Сухаревское и др.), впрочем, в последнем случае, возможно, мы имеем дело с позднейшей достройкой насыпей в постананьинское время. Валы сооружались как дерево-земляные укрепления в виде двух параллельных стен из бревен или плетней, пустое пространство между которыми заполнялось землей, иногда они дополнительно укреплялись каменными крепидами (Алтен-Тау, Зуевоключевское III, Степановское I, Усть-Нечкинские) и выкладкой из блоков срезанного дерна (Степановское I) (Борзунов, Новиченков, 1988, с. 91; Борзунов, 1997, с. 171, 173, 175, рис. 7, 9а; Черных, 2000, с. 7; Перевозчикова, Черных, 2015, с. 120–124, рис. 5; Чижевский, Хисяметдинова, 2020, с. 247, 248). Дополнительно валы укреплялись сооружениями в виде бревенчатых стен, заплота или тына(?), располагавшимися непосредственно на

валу; подобные конструкции зафиксированы и по периметру мысов (Алтен-Тау, Степановское) (Борзунов, Новиченков, 1988, с. 92; Борзунов, 1997, с. 171, 175, рис. 7; Черных, 2000, с. 9, 10; Чижевский, Хисяметдинова, 2020, с. 248).

Размеры жилых площадок городищ ананьинской классической культуры составляют от 1200 до 33000 кв. м. Согласно существующей классификации, 26% укрепленных поселений этой культуры относится к малым городищам, 41% – к средним, 33% – к большим (Чижевский, Хисяметдинова, 2020, с. 20). В настоящее время можно утверждать, что городища ананьинской классической культуры в среднем больше по площади, чем городища других культур АКЮ. Судя по наличию насыщенных находками культурных слоев и многочисленных котлованов жилищ, городища использовались носителями ананьинской классической культуры в качестве мест постоянного обитания.

Неукрепленные поселения – селища располагались по берегам Камы и ее притоков, где занимали незатапливаемые участки пойменных (второй и третьей) и коренных террас. Селища могли размещаться в непосредственной близости от городищ за пределами оборонительных сооружений или же отдельно от укрепленных поселений; известны как одиночные селища, так и группы близко расположенных поселений.

Размеры селищ составляют от 612 (Межновское) до 40000(?) (Усть-Нечкинское) кв. м. Специальные исследования по производственной специализации селищ отсутствуют, но есть предположение, что размещение селищ в пойме и на коренных террасах обуславливало разную производственную специфику поселений, связанную с

Рис. 4. Момылевское городище. Вид на памятник с северо-запада, фото Т.Р. Сабирова 2016 г.

развитием скотоводства, охоты и металлопроизводства.

В конце V–III вв. до н. э. в северной части ареала ананьинской классической культуры АКЮ на основе ряда поселений возникают общинные святилища, которые в более позднюю эпоху (II–I вв. до н. э.) были преобразованы в жертвенные места – костыща (Вечтомов, 1967, с. 144; Коренюк и др., 2017, с. 150, 151).

Постройки ананьинской классической культуры на Еловском I (1), Заюрчимских I (19) и VI (2), Конецгорском (1), Половинном I (2), Тарасовском (3) поселениях и селищах, Зуевключевском I (более 60), Калиновском (2), Момылевском (2) городищах и др. (рис. 7) (Черных, 2008, с. 39, 41–46, 48, прил. 1).

Планиграфия застройки поселения лучше всего реконструируется по материалам раскопок Зуевключевского I городища. Сооружения нижнего (первого) строительного яруса ананьинского поселка располагались в северной части городища тремя рядами, вытянуто вдоль мыса по линии северо-запад – юго-восток, застройка разреженная, расстояние между рядами 15–18 м (Черных, 2009, с. 80).

Характер застройки второго строительного яруса Зуевключевского I городища более сложен, в этот период началась застройка центральной части городищенской площадки, активно застраивается южная оконечность мыса. Большая часть сооружений ориентирована торцевой частью с северо-востока на юго-запад. В северо-западном секторе застройка приобретает гнездовой характер, причем семь построек образуют в плане полукруг, располагаясь на расстоянии 4–6 м друг от друга. В центральной и южной части поселенческой площадки выявлены лишь

котлованы одиночных сооружений (Черных, 2009, с. 80).

Третий, самый верхний строительный ярус ананьинского культурного слоя в северо-западной части городища застраивался пятью-шестью рядами построек, которые размещались на расстоянии 1–4 м друг от друга. Ряды располагались поперек жилой площадки по линии северо-восток – юго-запад. В северной части городища отмечено четыре ряда построек, а в юго-восточной – два (Черных, 2009, с. 80, 81).

Большое количество исследованных построек на городищах и селищах ананьинской классической культуры позволяет реконструировать традиции строительства жилых сооружений. Это были наземные прямоугольные постройки с бревенчатой кладкой стен, размерами 60–100 кв. м. По некоторым косвенным признакам (например, четкой фиксации углов сооружений, отсутствию столбовых ям по периметру стен, определенной стандартизации в размерах) можно говорить об использовании местными строителями срубной техники, то есть жесткой связи бревен в углах построек. Внутри жилища устанавливались один-два ряда опорных столбов для балок перекрытия, на которые настилали сгни, образующие обрешетку двускатной крыши. Материалом для покрытия, по всей видимости, служили тонкие жерди, ветки деревьев, пласты коры, луба и бересты.

Внутреннее помещение отапливалось несколькими очагами (от 2–3 до 5), размещавшимися почти всегда строго по центральной оси постройки. Часть очагов служила для приготовления пищи; возле них фиксируются крупные скопления керамики, костей животных, рыбьей чешуи и косточек, створок раковин речных моллюсков *Unio*, использовавшихся в пищевом рационе.

Рис. 5. Вал Малиновского Большого городища, вид с напольной стороны, фото 2017 г.

Устройство очагов было различным. Одни представляли собой открытые костры, другие благоустраивались за счет создания глиняных площадок-вымосток, иногда весьма обширных. Приподнимая с помощью глинобитной «подушки» основание очага, обитатели ананьинских жилищ облегчали кухонные работы; в какой-то мере это способствовало и поддержанию порядка в жилище.

Около очагов иногда фиксируются атрибуты ритуальной практики – глиняные антропоморфные фигурки, встречаются и очаги – домашние алтарики с выложенными на них лапами (когтями) медведя либо миниатюрными сосудиками из глины.

Вдоль боковых стен дома устраивались нары-лежанки. Вход в жилое помещение находился в одной из торцевых стен, но прежде чем попасть в него, необходимо было пройти через тамбур – небольшое помещение, прикрывавшее вход и служившее для дополнительной теплоизоляции жилья.

По периметру стен отмечены хозяйственные ямы, заполненные обломками керамических сосудов, сырыми и кальцинированными костями, золой, впрочем, ямы хозяйственного назначения располагались и в стороне от жилищ.

На памятниках северной агломерации ситуация с устройством жилищ обстояла по-другому.

Здесь отмечена традиция устройства стен в каркасно-столбовой технике (Коренюк, 1990), когда по углам и периметру строящегося здания устанавливали вертикальные столбы-стояки, в них выдалбливались пазы, в которые укладывались горизонтальные бревна или плахи. Большая вариативность прослеживается в форме и размерах жилищ (Черных, 2008, с. 39–46, рис. 3–11).

По своему назначению выделяется несколько типов построек ананьинской классической культуры АКИО: жилые, производственные и культовые. В котлованах жилых построек, как правило, фиксируются кухонные остатки, целые и разбитые сосуды, очаги для отопления жилища и приготовления пищи, иногда удается проследить нары-лежанки, располагавшиеся у одной или двух длинных стен.

Все производственные постройки на поселениях связаны с металлопроизводством, они выделяются по наличию в них тиглей и льячек, медных и железных шлаков, слесков металла, литейных форм, плавильных печей. Возможно, постройки с большим количеством обрезков кости и костяных изделий были косторезными мастерскими. Культовые сооружения характеризуются наличием в них ритуальных кострищ, вымосток из галечника и камней, жертвенных погребений людей, черепов лошадей и медведей, медвежьих лап и амулетов, скоплений костей животных, а также

Рис. 6. Вид северо-запада на вал Быргындинского II «Каменный Лог» городища со стороны площадки

глиняных антропоморфных статуэток; известны и случаи человеческих жертв (Вечтомов, 1967, с. 146, 147; 1968, с. 79; Черных, 2008, с. 45; 2013, с. 164; Коренюк и др., 2017).

Характеристика керамики (рис. 8–12; 15: 57, 59, 60, 61, 63). Ярким признаком ананьинской классической (шнуровой) культуры на ранних этапах ее существования была сложношнуровая керамика, которая на памятниках южной агломерации часто сосуществовала вместе с посудой, выполненной в постмаклашевских традициях (Митряков, 2008, с. 115; Митряков и др., 2010, с. 27). На памятниках северной агломерации в это время встречается керамика типа Ласта. Керамика ананьинской классической культуры, как правило, с примесью толченой раковины, обжиг однородный, который приводил к кальцинации раковины в глиняном тесте, цвет поверхности коричневый и черный. Наружная часть стенки сосуда гладкая, нередко лощеная, внутренняя иногда обработана щепой или гребенчатым штампом. Размеры сосудов, судя по данным городища Каменный Лог, по горловине составляли 7–40 см (Ашихмина, 1977, табл. 2). Насчитывается пять вариантов оформления венчика: заостренный, округлый, плоский, скошенный внутрь, скошенный наружу (Ашихмина, 2014, табл. V–11).

Значительная часть керамики ананьинской классической культуры была горшковидной, но

встречаются и чашевидные сосуды (Марков, 2007, с. 49). Глиняная посуда имела в основном низкие и средние шейки, высокогорлых сосудов существенно меньше. Абсолютно преобладает керамика с прямой или слегка наклоненной горловиной, но изредка встречаются и сосуды закрытых форм (Ашихмина, 2014, табл. V–3). Несмотря на то, что большая часть керамики (от 44,6 до 98,1%) не имеет дополнительных деталей оформления горловины, на ряде сосудов отмечены валик (0,5–37,3%) (рис. 9: 4, 5, 8, 10, 12, 17; 10: 15, 17–19) или воротничок (1,9–45,8%) (рис. 10: 2, 4, 5, 7, 10, 13; 11: 1, 2, 5, 10, 12, 15, 18, 19). Судя по коллекциям Зуевключевского I городища, число валиков и воротничков в поздних слоях существенно превышало их количество в ранних (Ашихмина, 2014, табл. V–12).

Большая часть сосудов орнаментировалась по шейке и плечикам. Для оформления узора в основном использовались два элемента орнамента: шнуровые отпечатки и глубокие круглые ямки, оставлявшие на внутренней поверхности «жемчужины».

Однако сложношнуровая орнаментация характерна только для ранних этапов существования ананьинской классической культуры. В дальнейшем орнаментальные композиции и мотивы стали более редуцированными, использование шнура сократилось, стали превалировать сосуды с ям-

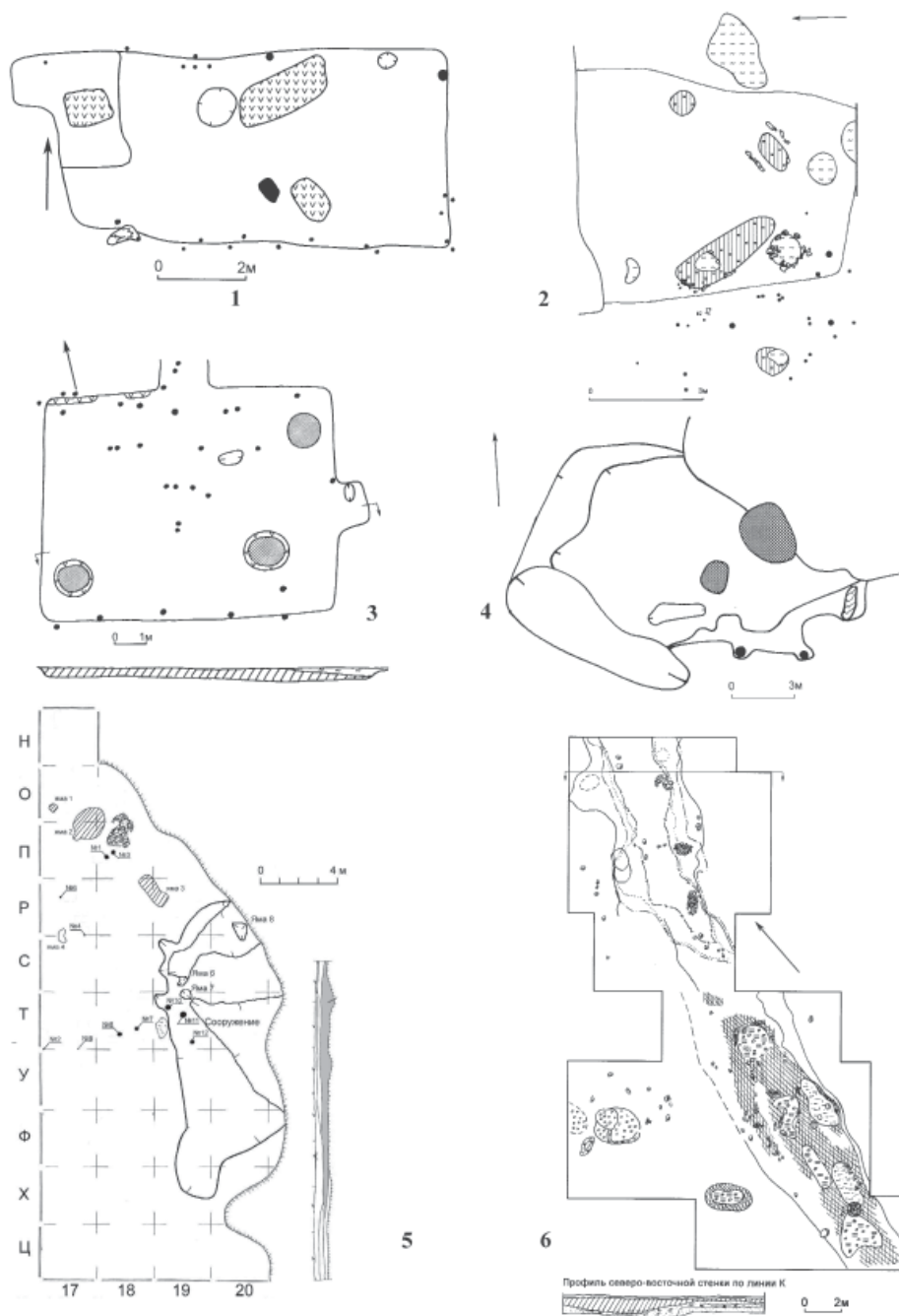

Рис. 7. Жилища классической ананьинской культуры (АКШК) АКИО

1 – Тарасовское поселение, жилище 1; 2 – Момылевское городище; 3 – Заюрчимское I поселение, жилище № 1/86; 4 – Зуевоключевское I городище, жилище № 5, 6; 5 – Усть-Нечкинское поселение, план сооружения и раскоп; 6 – Конецгорское поселение, остатки сооружения

ками, без шнуровых отпечатков. Именно по этой причине для данной археологической культуры предпочтительнее использовать название «ананьинская классическая культура», а не «ананьинская культура шнуровой керамики».

Л.И. Ашихминой удалось отобразить этот процесс в построенной ею периодизации керамических комплексов Среднего Прикамья (Ашихмина, 2014).

Самая ранняя зуевоключевская стадия характеризуется сосудами со сложношнуровой орнамен-

тацией (рис. 8). Основными орнаментальными мотивами были двух- и трехрядные горизонтальные линии, горизонтальная волна, короткие наклонные и перекрещивающиеся линии, «лесенки», треугольники.

Композиции орнамента образовывали горизонтальные отпечатки шнура, состоящие из полос по две, три и более линий в каждой, часто с заключенными между ними наклонными оттисками шнура, зигзагом, ромбами, решеткой, взаимопроницающими треугольниками, дополненными на

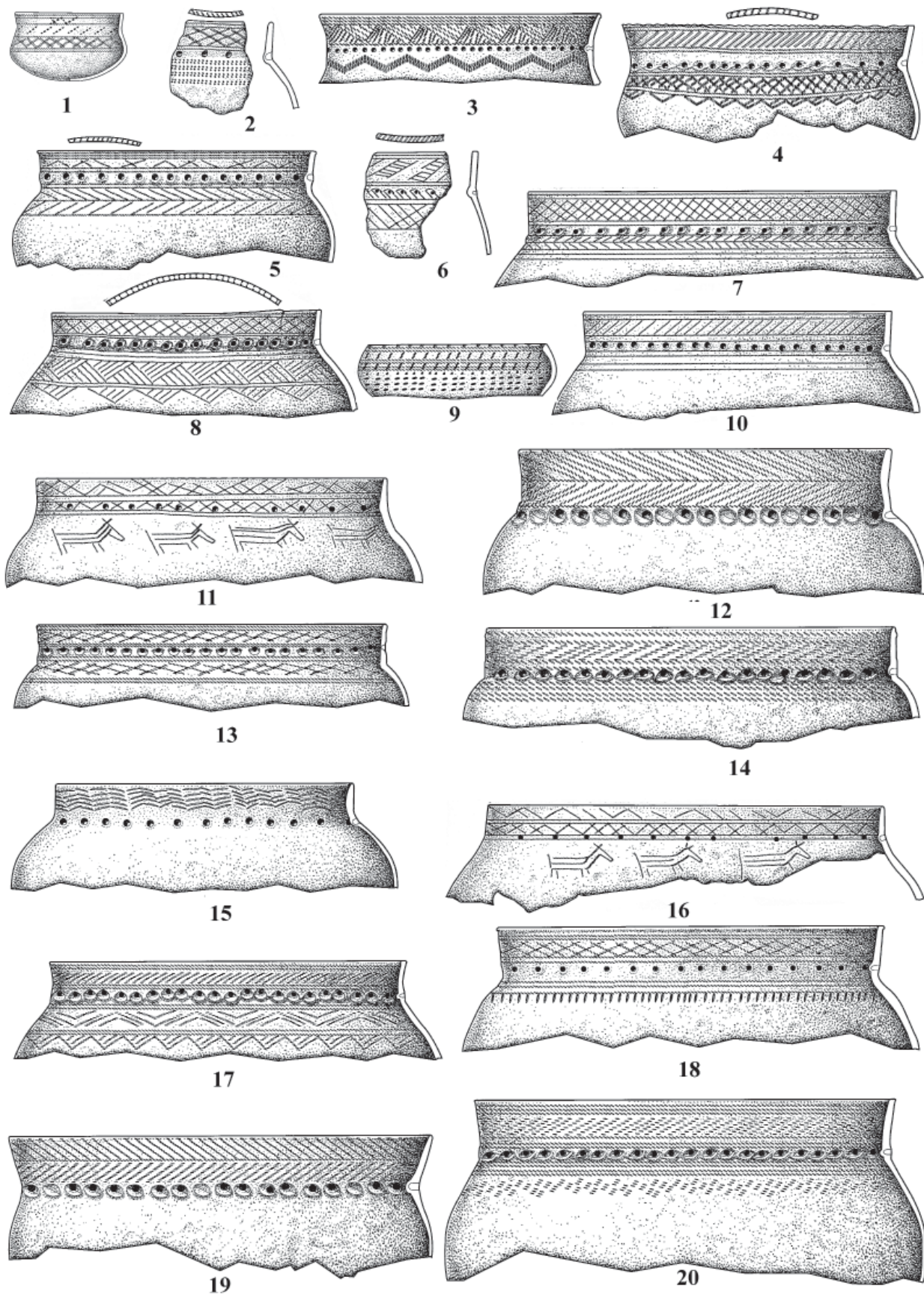

Рис. 8. Поселенческая керамика классической ананьинской культуры (АКШК) АКИО. Масштаб разный
 Зуевоключевская стадия. 1–10, 12–15, 17–20 – Зуевоключевское I городище; 11, 16 – Быргындинская стоянка.
 1, 2, 4–8, 10, 11, 16 – по: Ашихмина, 2014

месте перехода венчика в тулово ямками, образующими горизонтальный ряд.

К раннему этапу ананьинской классической культуры относятся и сосуды из жилища II Быргындинской стоянки (рис. 8: 11, 16), на которых представлена сложная композиция, состоящая из двух орнаментальных зон (Ашихмина, Генинг, 1977, рис. 10: 1, 2; Ашихмина, 2014, рис. 26). На шейке располагаются две полосы горизонтальных двойных шнуровых линий, между которыми размещены короткие шнуровые отрезки, образующие горизонтальный зигзаг или решетку. На нижней полосе, в месте перехода к тулову, располагался ряд круглых глубоких ямок. На плечиках размещены стилизованные изображения животных, выполненные оттисками шнура, они обращены головами направо, образуя еще один горизонтальный ряд композиции. Сосуд с аналогичной орнаментальной композицией известен по погр. F Ананьинского могильника (рис. 15: 63) (Tallgren, 1919, fig. 29; Чижевский, 2008, рис. 44: 4; Кузьминых, Чижевский, 2014, с. 8). В конце этапа появляются отдельные сосуды с валиками на шейке.

На каракулинской стадии увеличивается количество сосудов с валиками, появляются сосуды с воротничками (рис. 9). Орнаментация стала более разреженной, наибольшего распространения достигли орнаментальные мотивы, состоящие из многорядных горизонтальных линий, образованных двойными и тройными отпечатками шнура. Сокращается количество сложных мотивов, таких как треугольники, ромбы, появляются сосуды, украшенные исключительно ямками.

Для каменноложской стадии характерно широкое распространение керамики с воротничками, хотя наряду с ними еще продолжают встречаться сосуды с валиками (рис. 10). По-прежнему преобладают композиции в виде многорядных горизонтальных линий из двойного и тройного шнура, использование сложношнуровых узоров еще более сокращается, увеличивается количество сосудов, орнаментированных ямками без использования шнура.

На ныргындинской стадии еще встречаются сосуды с «воротничками», но большая часть из них не имеет дополнительных деталей оформления горловины (рис. 11). Орнамент редуцируется сильнее, для него становятся характерны композиции из двойных горизонтальных оттисков шнура, составляющих два или три ряда, в сочетании с неглубокими ямками. Значительная часть сосудов украшена исключительно ямками, образующими горизонтальный ряд в месте перехода от шейки к плечу.

На переходной стадии распространяются сосуды с отогнутой наружу горловиной и слабо-

пуклым туловом (рис. 12). Шейки сосудов преимущественно изогнутой формы, воротнички встречаются редко. Подавляющее количество сосудов украшено только ямками, шнуровой орнамент характеризуется дальнейшим упрощением, основным элементом становится двойной или одиночный шнур, образующий разреженное орнаментальное поле, состоящее из одного, двух или трех горизонтальных рядов, дополненных неглубокими ямками.

На памятниках ананьинской классической культуры отмечено небольшое количество керамики с примесью талька, а также посуда, орнаментированная крестовым, «эсовидным» и волнистопрокатанным штампом, которая находит свои аналогии на поселениях гамаюнской культуры Зауралья (Вечтомов, 1967, с. 138; Борзунов, 1992, с. 57–59, рис. 12–17; Митряков и др., 2010, с. 27, 28, рис. 6: 1–7).

Характеристика вещевого комплекса. На поселениях раннего периода ананьинской классической культуры присутствуют изделия из камня, изготовленные из кремня плохого качества и галечника, многочисленны технологические отходы (отщепы и сколы). В состав орудийного комплекса входят: скребки боковые и концевые, выполненные на отщепах (рис. 13: 25); оселки из галечника, иногда с отверстиями для подвешивания; терочные плиты (зернотерки); наконечники стрел двух типов: листовидные и вытянуто-треугольные с плоским или слабовыемчатым основанием; каменные пряслица биконической и низкоцилиндрической формы; ножи на пластинах, долота, грузила (Вечтомов, 1967, с. 138, табл. I; Мокрушин, 2008, рис. 1: 7, 8; 2: 7; Черных, 2009, рис. 8: 4; Митряков и др., 2010; Голдина и др., 2013, табл. 20: 1; Ашихмина, 2014, рис. 62: 6, 7; 68: 1–14; Васильева и др., 2015, рис. 4: 1, 2).

Глиняные изделия чаще всего представлены бусами и пряслицами, последние имеют биконическую, линзовидную (двояковыпуклую и плоско-выпуклую) и низкоцилиндрическую форму, иногда украшались почерченным орнаментом (рис. 13: 13, 29). Известны также пряслица, изготовленные из стенок сосудов. Многочисленны чашевидные и ладьевидные тигли и льячки (рис. 13: 39). На памятниках позднего периода появляются зооморфные и антропоморфные (женские) фигурки (рис. 13: 18, 21) (Збруева, 1952, табл. XVIII; Мокрушин, 2008, рис. 1: 2; 2: 19; Голдина и др., 2013; Черных, 2004, рис. 11; 12; Черных, 2013, рис. 4: 1–10; Ашихмина, 2014, рис. 53–55; 56: 2, 3; 58; Коренюк и др., 2017, с. 148).

Изделия из металла на поселениях представлены медными, бронзовыми и железными предмета-

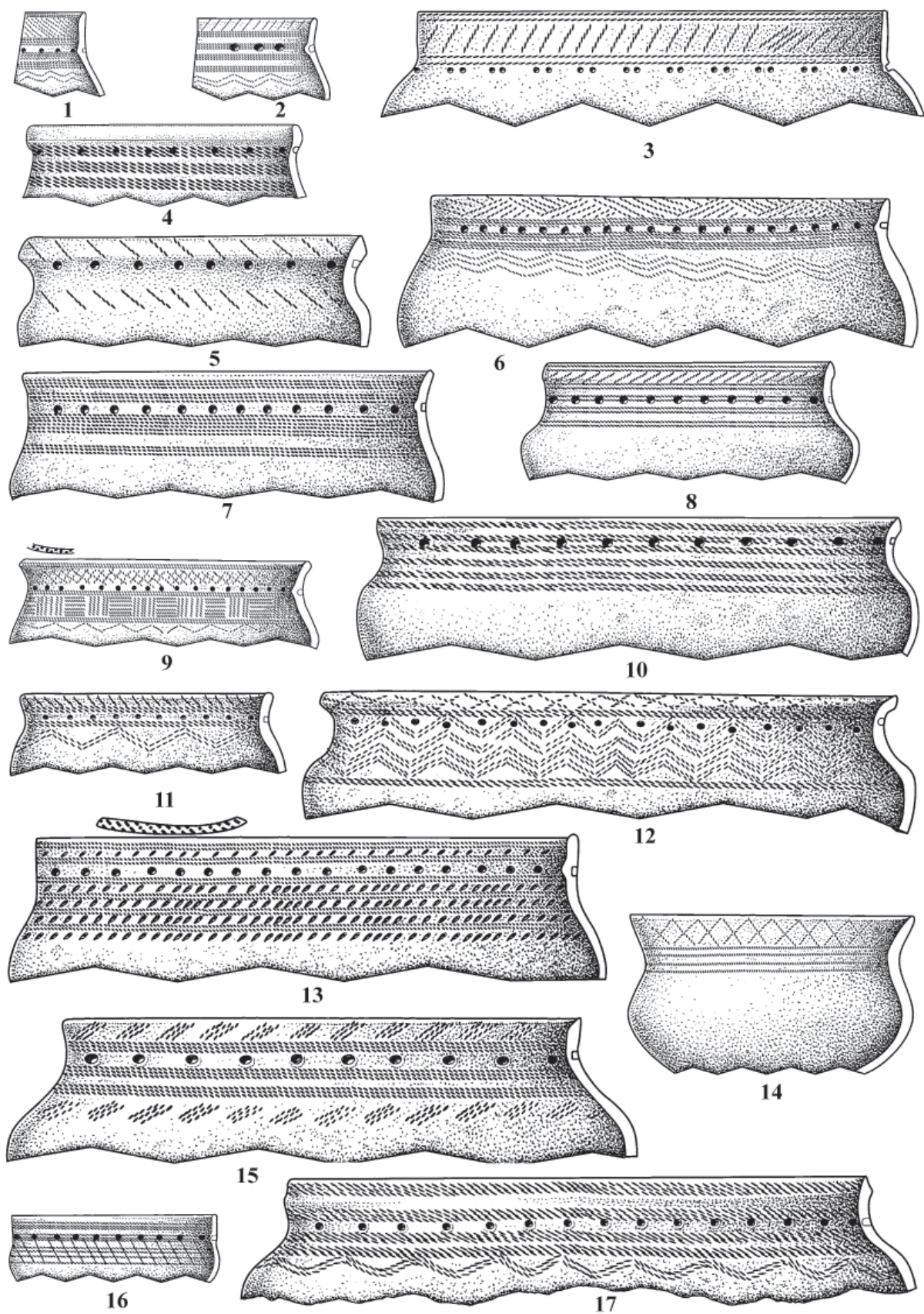

Рис. 9. Поселенческая керамика классической ананьинской культуры (АКШК) АКЮ. Каракулинская стадия
Масштаб разный

1, 2, 6, 7, 9, 13, 14 – Икское I поселение; 3 – Зуевключевское I городище; 4, 5, 8, 10–12, 15–17 – Быргиндинское II (Каменный Лог) городище. 1, 2, 4–17 – по: Ашихмина, 2014

ми, которые относятся к оружию, конской упряжи, украшениям и фурнитуре одежды.

Среди изделий из цветных металлов преобладают украшения, многочисленны пронизы, парные бляшки и накладки, бусины, подвески (в виде гребня, колокольчика и S-видные и т. д.), фигурки змей. На Быргындинском II (Каменный Лог) городище обнаружена гривна из округлого прутка (рис. 13: 29). Особый интерес вызывают зооморфные и орнитоморфные подвески и бляхи в виде бобра и хищной птицы, медведя, коней, оленей и лося, горного козла и лягушки (рис. 13: 19, 20, 26). В составе Скородумского клада и коллекции Заюрчимского I селища имелись поясные крючки в зооморфном стиле со сдвоенным изображением голов хищных животных птиц и зверей (рис. 13: 17). Есть вероятность того, что бляхи с изображениями хищных птиц с человеческой личиной на груди, которые известны по находкам из Гляденовского костяка и Скородумского клада, также относятся к ананьинскому времени (Денисов, 1961, рис. 5: 13; Коренюк, 1998, рис. 1: 4; 2: 2–4; 3: 2, 3; 4: 3, 4; 2006, рис. 13; Коренюк, Майстренко, 2011, рис. 2: 2, 3, 4, 7; 3: 1–99; Голдина, Черных, 2011, рис. 26: 4; Чижевский, Шаталов, 2012, рис. 4: 2–4; 7: 3, 4; Голдина, 2013, табл. 24: 1; Чижевский, 2017, рис. 6: 4, 5, 7, 10). Редкими находками были подвески: в виде лука из Заосиновского I поселения и височная проволочная кольцевидная с конусовидным завершением с городища Алтен-Тау (рис. 13: 23, 35). В единственном экземпляре представлена бляшка, состоящая из двух соединенных клювами стилизованных головок хищных птиц, которые образуют S-видную фигуру из Зуевключевского I городища (Борзунов, 1997, с. 177, рис. 5: 19; Мокрушин, 1989, с. 82; Черных, 2009, рис. 10: 8; Чижевский, 2017, рис. 9: 9). Редкой находкой были медные шилья и рыболовные крючки (рис. 13: 22) (Коренюк и др., 2017, с. 147).

Среди предметов вооружения из меди и бронзы наиболее распространенными являются наконечники стрел трехлопастные (С-28, С-34, С-40, С-41, С-44, С-46, С-50, С-52¹) и трехгранные (С-64, С-66, С-94, С-98) (рис. 13: 1–4, 6–11), встречаются также кельты (рис. 13: 32, 40) и наконечники копий (рис. 13: 42) (Черных, 1959, рис. 7: 8; Борзунов, 1997; 1997а; Черных, 2000, рис. 5: 8; 2013, рис. 5: 1; Перевозчикова, Черных, 2015, рис. 9: 2).

По всей видимости, рукоятью кинжала, оформленной в зооморфном стиле, была находка из Скородумского клада (Коренюк, Майстренко, 2011, рис. 4: 7; Чижевский, 2017).

¹ Типология всех изделий из цветного металла дана по: Кузьминых, 1983.

Ананьинские бронзовые парадные секиры являются одним из наиболее ярких элементов материальной культуры АКИО (рис. 14). К сожалению, все они найдены случайно, вне комплексов и соотнесение их с ананьинскими древностями основывается на совпадении ареалов находок секир и памятников АКИО, а также стиля зооморфной металлопластики. Выделяется два типа парадных секир: пинежский (рис. 14: 1) и галановский (рис. 14: 2). К пинежскому типу относятся секиры с выступающей втулкой, верхняя часть которой завершается головкой хищной птицы, клюв которой смотрит в направлении бойка, обухок завершается изображением волка или молоточком (Штукенберг, 1903, с. 64, 65; Шмидт, 1929, с. 12, табл. I: 15; Tallgren, 1937, p. 3–8, fig. 1–5; Оборин, 1969, с. 22; Рябцева, Семенов, 1988, рис. 1; Берлин, 2010, табл. 1: 1–6). К галановскому типу принадлежат секиры с внутренней сквозной втулкой, которая не имеет выступающих частей, они украшены изображением хищного животного, а галановская секира – еще и филина (Киржнер, Арматынская, 1990, рис. 1, 2; Берлин, 2010, с. 152, табл. 2).

Наиболее многочисленными железными изделиями были шилья и ножи (рис. 13: 15, 38). Форма ножей разнообразна: с прямой спинкой (тип I, по: Халиков, 1977), дуговидно выпуклой (горбатой) спинкой и прямым лезвием (тип II), с выпуклой спинкой и вогнутым лезвием (серповидные) (тип III). Единично встречены втульчатые наконечники копий (рис. 13: 33), мечи и кинжалы (рис. 13: 43–46), предметы конской упряжи: уздечная подвеска с изображением головы хищной птицы (рис. 13: 34), стержневой двудырчатый псалий (рис. 13: 37) (Вечтомов, 1967, с. 142, 144, табл. I: 99; Черных, 2009, рис. 10: 11–13, 18; Голдина, Черных, 2011, с. 39; Ашихмина, 2014, рис. 51: 11; 59: 3, 8; Перевозчикова, Черных, 2015, рис. 9: 6; Чижевский, 2017, с. 202).

Предметы из кости и рога на поселениях ананьинской классической культуры АКИО очень многочисленны, они подразделяются на бытовые вещи, вооружение и конскую упряжь.

Среди бытовых изделий преобладают проколки, острия, кочедыки, лопатки-тупики с плоской рукоятью (рис. 13: 41), причем одна лопатка из Гремячанского святилища украшена прочерченным изображением лося, а лопатка из Зуевключевского I городища напоминает антропоморфную фигурку. Также многочисленны предметы, связанные с фурнитурой одежды: пронизки, застежки, поясные крючки простые и выполненные в зверином стиле (рис. 13: 30), амулет в виде головки лосихи, трапециевидная подвеска с геометрическим орнаментом, подвески-натуралии в

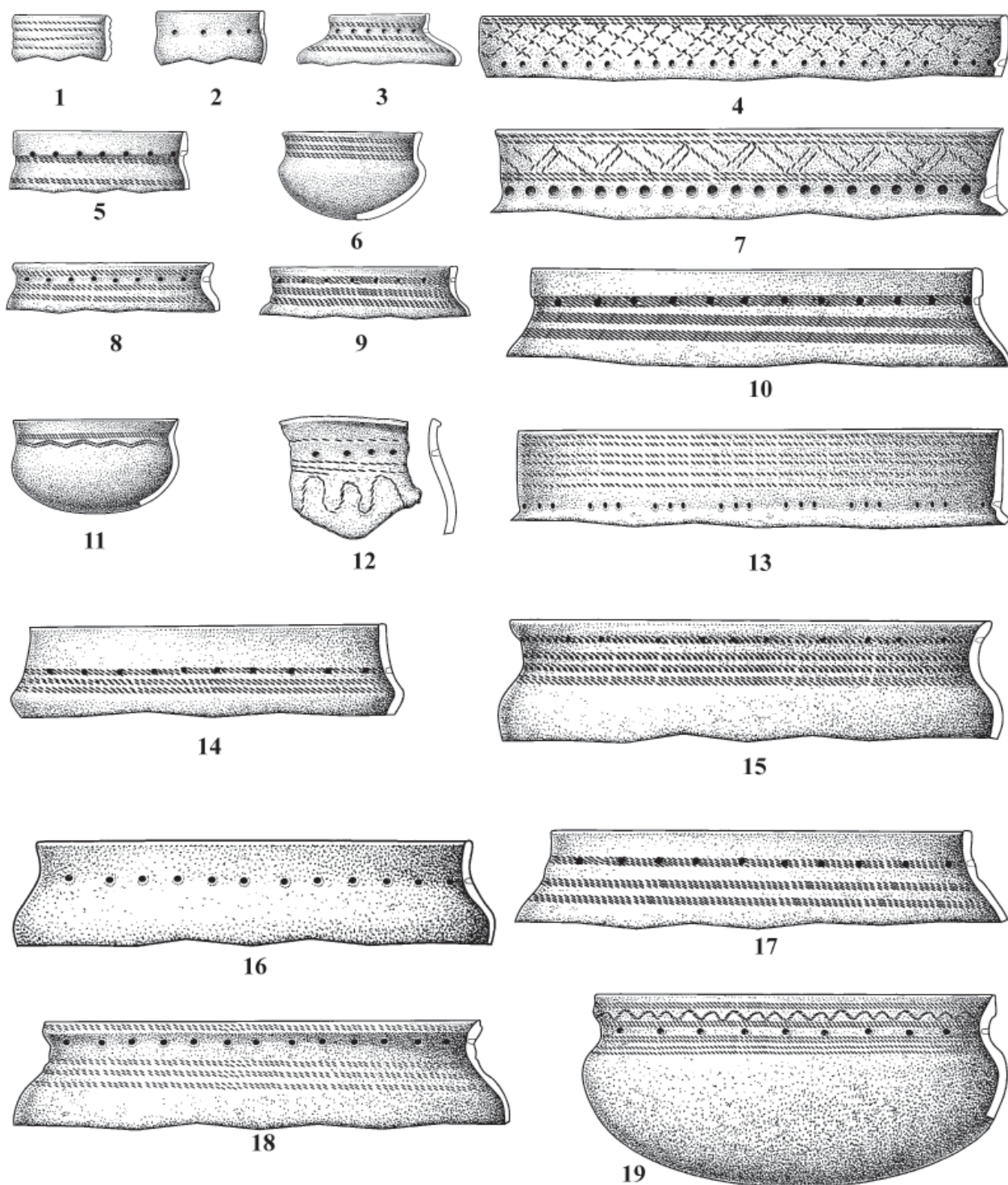

Рис. 10. Поселенческая керамика классической ананьинской культуры (АКШК) АКЮ. Каменноложская стадия.
Масштаб разный

1–3, 5, 6, 8, 9, 14–18 – Быргындинское II (Каменный Лог) городище; 4, 7, 13 – Усть-Нечкинские городища; 11, 19 – Верхнемошкарское городище; 12 – Барановское III поселение. 1–3, 5, 6, 8–11, 14–19 – по: Ашихмина, 2014

виде фаланг лошади и свиньи с отверстиями, зубы медведя с отверстием в корневой части, челюсти мелких хищников со сверлением для подвешивания. Выделяются гребни в зооморфном стиле с изображением медведей (рис. 13: 36), лежащего коня и лося, кроме того, известен гребень с прочерченным изображением лося и гребень, покрытый стилизованным орнаментом. Возможно, к ананьинской эпохе относятся гребни с изображением птиц и человеческой личины из Заюрчимского I поселения и Гремячанского святилища (Вечтомов, 1967, с. 142, табл. I: 90, 157, 159; Борзунов, 1997а, рис. 6: 1; Коренюк, 1998, рис. 1: 1–3; 2: 1; 3: 1; 4: 1, 3; Черных, 2004, рис. 8: 1–4; 10: 1–6; Черных, 2009, рис. 10: 16; Мокрушин, 2009, рис. 1: 6; 2: 22; Голдина, Черных, 2011, рис. 26: 3; 27: 6; 31: 6; 34: 3, 4; Черных, 2013, рис. 5: 5–6; Черных и др., 2013, рис. 7: 1–3; Чижевский, Шаталов, 2012, рис. 1; Ашихмина, 2014; Васильева и др., 2015, рис. 4: 12).

На поселениях зафиксированы рукояти для ножей и их заготовки из кости и рога; отдельные экземпляры оформлены в зооморфном стиле с завершениями в виде скульптурных головок медведей и стилизованных изображений хищных животных и лошадей (рис. 13: 12, 16) (Коренюк, 1998, рис. 3: 1; Черных, 2004, рис. 8: 1–3; Черных и др., 2013, рис. 8: 4, 5; Чижевский, Шаталов, 2012, рис. 7: 2; Ашихмина, 2014, рис. 52: 1, 5, 8; 59: 1). Единичны находки ложек (Зуевключевское I гор.) (рис. 13: 14) (Черных, 2018, рис. 8: 7).

Предметы вооружения и охоты представлены в массе своей черешковыми (отдел А)² наконечниками стрел (рис. 13: 5). По сечению они подразделяются на несколько групп: четырехгранные, трехгранные, овально-линзовидные, дугообразные, многогранные (Вечтомов, 1967; Мокрушин, 2009; Голдина и др., 2013; Ашихмина, 2014; Чижевский и др., 2018; Кириллов, Кириллова, 2018, с. 16–17). Широко распространены гарпунообразные орудия, которые, вероятнее всего, использовались в качестве охотничьей снасти (Вечтомов, 1967, с. 142, табл. I: 85, 151; Галимова и др., 2019, с. 202, 203; Чижевский, Хисяметдинова, 2020, с. 182).

Втоки (мотыжки) известны по случайной находке на Зуевключевском I городище и предметам из Пермского Прикамья. Существуют две версии использования подобных вещей, первая предполагает, что они предназначались для обработки земли, вторая – эти изделия были втоками копий или иных древковых орудий (Вечтомов, 1967, табл. I: 86, с. 140; Ашихмина и др., 2006, с. 48).

Конская упряжь представлена трехдырчатым и двухдырчатым псалиями, а также многочисленными псалиями конецгорского типа (рис. 13: 14). Кроме того, на Зуевключевском I городище найдены рамчатая пряжка трапецевидной формы и кольцо от подпружных ремней (рис. 13: 31), а на Барановском III поселении фрагмент рамчатой пряжки (Голдина, Черных, 2011, рис. 2: 8; Ашихмина, 2014, рис. 51: 8, 10, 12, 13; Чижевский, 2017; Чижевский и др., 2018, рис. 1: 9).

Хозяйственная деятельность. Судя по данным археозоологии, кости домашних животных составляют 81,5–97,3%³ от общего количества костей животных на поселениях первой фазы раннего железного века Среднего Прикамья (Андреева, 1967, табл. 1; Петренко, 2007, табл. 24). Таким образом, можно утверждать, что основой хозяйственной жизни носителей ананьинской классической культуры АКИО было скотоводство. В составе стада преобладали лошадь (44,3–65,2%) и крупный рогатый скот (34,9–87,8%), значительно меньше свиньи (3,1–15,2%) и мелкого рогатого скота (1,7–11,9%). Особняком стоит Свиногорское I городище, в котором на первом месте находится свинья (92,5%), на втором – лошадь (5,7%), далее идет крупный рогатый (1,6%) и мелкий рогатый скот (0,2%). Очень мало костей собаки от 0,1 до 2,5% (Андреева, 1967, табл. 2; Петренко, 2007, табл. 23, 25, 27).

Судя по этим данным, носители ананьинской классической культуры специализировались на мясном скотоводстве, около половины костей на поселениях принадлежало крупному рогатому скоту и свинье. Однако превалировало разведение лошади, которую не только употребляли в пищу, но и выращивали для использования в хозяйстве и на войне. Мелкий рогатый скот разводили, видимо, для получения шерсти, это подтверждают находки шерстяной ткани из погр. 20 Ананьинского и погр. 138 Зуевского могильников (Збруева, 1952, с. 63; Кононов, 1952, с. 320).

Охота играла вспомогательную роль, так как количество костей диких животных на поселениях незначительно – 2,7–18,5% (Андреева, 1967, табл. 1; Петренко, 2007, табл. 24). Соотношение наиболее популярных видов диких животных на поселениях таково: лось (2,2–69,2%), бобр (14,3–53,8%), северный олень (2,7–39,4%), медведь (2,1–33,3%), заяц (1,5–23,6%), куницы (2,8–8,3%), лисица (1,5–7%), другие виды встречаются единично или не на всех памятниках (Андреева, 1967, табл. 4; Петренко, 2007, табл. 23, 26). Широкая амплитуда данных по количеству диких животных на разных поселениях свидетельствует об отсут-

² Классификация костяных наконечников стрел дана по: Ашихмина и др., 2006.

³ Здесь и далее процентное содержание рассчитывалось по количеству костей.

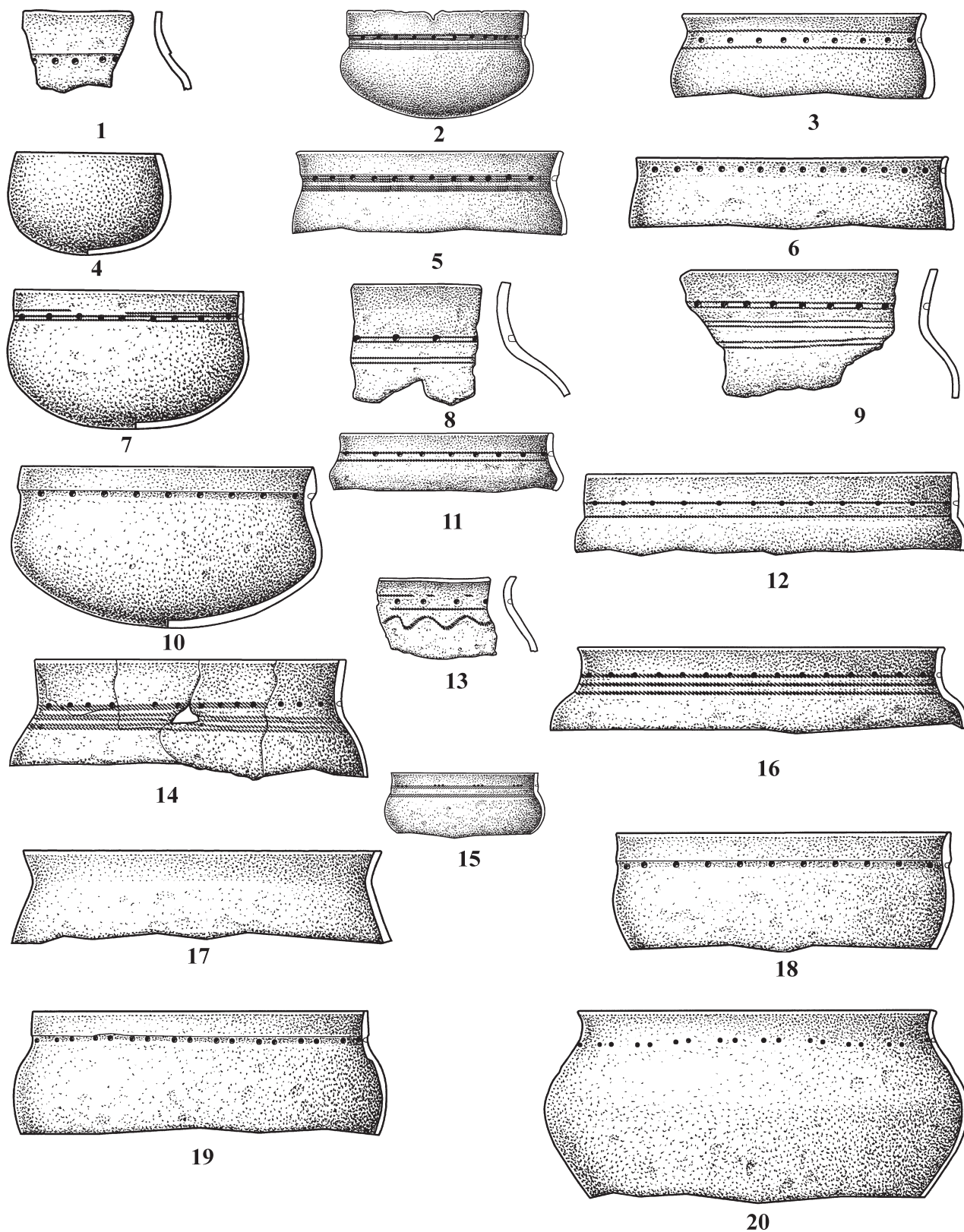

Рис. 11. Поселенческая керамика классической ананьинской культуры (АКШК) АКИО. Нырғындинская стадия.
Масштаб разный

1, 3, 6, 11, 12, 16, 17 – Быргындинское II (Каменный Лог) городище; 2, 5, 13, 15, 18–20 – Зуевкловческое I городище; 4, 10 – Верхнемошкарвовское городище; 7–10, 14 – Нырғындинское городище.
1–4, 6–14, 16, 17 – по: Ашихмина, 2014

ствии устойчивых традиций специализированной охоты на зверя и подтверждает вспомогательную функцию этого вида деятельности у носителей ананьинской классической культуры АКИО.

Свидетельства существования рыбной ловли фиксируются на большинстве изученных поселений: это кости осетров, рыба чешуя и орудия лова (рыболовные крючки, грузила от сетей и от части гарпуны).

Специальные археоботанические исследования по изучению существования земледелия у носителей ананьинской классической культуры не производились, поэтому земледелие у населения Среднего Прикамья пока не доказано.

Судя по многочисленным находкам пряслиц, проколов, игл и кусочков ткани, а также изобразительным источникам, таким как глиняные антропоморфные фигурки, отображающие женщин в одежде, здесь было широко распространено ткачество.

Процветало керамическое и косторезное производство, а на ранних этапах существования – изготовление каменных орудий. Судя по развитому домостроительству, высокого уровня достигла и обработка дерева.

Значительным было развитие металлургии. С.В. Кузьминых выделяет ананьинский очаг металлургии, в который помимо посмакляшевской и вятско-ветлужской входит и ананьинская классическая культура (Кузьминых, 1983, с. 170–180).

Изделия из цветных металлов изготавливали непосредственно на поселениях, об этом свидетельствуют находки углубленных в землю очагов, в ряде случаев обложенных каменными плитами, вокруг которых фиксируются ошлакированные тигли, сплески меди и изделия из бронзы и меди. Подтверждают этот факт также находки литейных форм для отливки наконечников стрел типа С-44, кельтов КАН-14 и накладок, кельтов КАН-84 (Вечтомов, 1967, с. 138; Кузьминых, 1977, с. 129, 130; 1983, с. 61, 71, табл. XLVI: 58; Черных, 2004, рис. 12; Чижевский, 2017, с. 207).

Значительно меньше свидетельств производства железа, железные шлаки были выявлены лишь при раскопках Гремячанского селища (Вечтомов, 1968, с. 79), очевидно, черная металлургия в Среднем Прикамье была менее развита, чем цветная. Этот факт подтверждает меньший процент распространения железных изделий (15%) в могильниках ананьинской классической культуры АКИО по сравнению с другими культурами АКИО (Чижевский, 2012, с. 391).

Могильники. Погребальные памятники ананьинской классической культуры многочисленны, в настоящее время насчитывается 23 некрополя данной культуры. В Нижнем Прикамье (южная

агломерация) выявлено четырнадцать могильников: Ананьинский, Вятский (Мошкаровский), Гремячключинский, Зуевский (Зуевключевской I), Зуевключевской II, Каракулинский, Котловский, Мензелинский, Муновский (Релка), Подгорно-Байларский, Рысовский I и II, Таш-Елгинский. К данной культуре также относятся отдельные погребения Луговского могильника (Генинг, 1958, № 278; Чижевский, 2008, с. 62; Голдина, Черных, 2011, с. 87, 88; Чижевский, 2020, в печати).

Только два некрополя ананьинского времени известны в группе памятников средней агломерации (Петухово, Устиново) (Список, 2010, № 1258).

Семь могильников в настоящее время известны в группе памятников северной агломерации: Залазинский, Оханский, Першинский, Протасы, Ремзавод, Скородумский и Усть-Очерский (Чижевский, 2008, с. 63; Список, 2010, № 1263; Кореньков, 2012; Красноперов, 2017, с. 167).

Кроме того, следует отметить еще 8 погребальных памятников, в рамках АКИО присущих в основном только ананьинской классической культуре, это следы человеческих жертвоприношений, которые размещались на поселениях Гляденовское, Гремячанский, Заосиновское I, Загорчимское I, Зуевключевское I, Нырғындынское, Половинное I, Тарасовское. Все человеческие захоронения в них интерпретируются как жертвы ввиду анатомической неполноты скелетов, наличия следов воздействия огня и размещения их в сакральных сооружениях. Таковыми на поселениях были выкладки черепов животных, костей бобра, медведя и др., вымостки из галечника, глинобитные площадки, культовые рвы, зольники, которые содержали целые формы сосудов, костяные предметы (изделия с изображением животных и наконечники стрел), пряслица, покрытые орнаментом. Некоторые захоронения совершались в пределах жилых и культовых построек. Большая часть, изученных костяков принадлежала детям (Кореньков и др., 2017).

Все могильники ананьинской классической культуры АКИО располагались по берегам р. Камы на коренных террасах либо в пойме на высоких дюнах. По всей вероятности, все они были привязаны к синхронным им поселениям. Об этом, в частности, свидетельствуют комплексы, в которых сочетаются поселения и могильники: Рысовский комплекс, могильник Релка и городища у Муновского оврага и т. д.

Все известные погребения (учтено 390 захоронений) входили в состав грунтовых могильников, лишь шесть погребений на Ананьинском могильнике предположительно были подкурганными. Курганные насыпи не сохранились, однако их

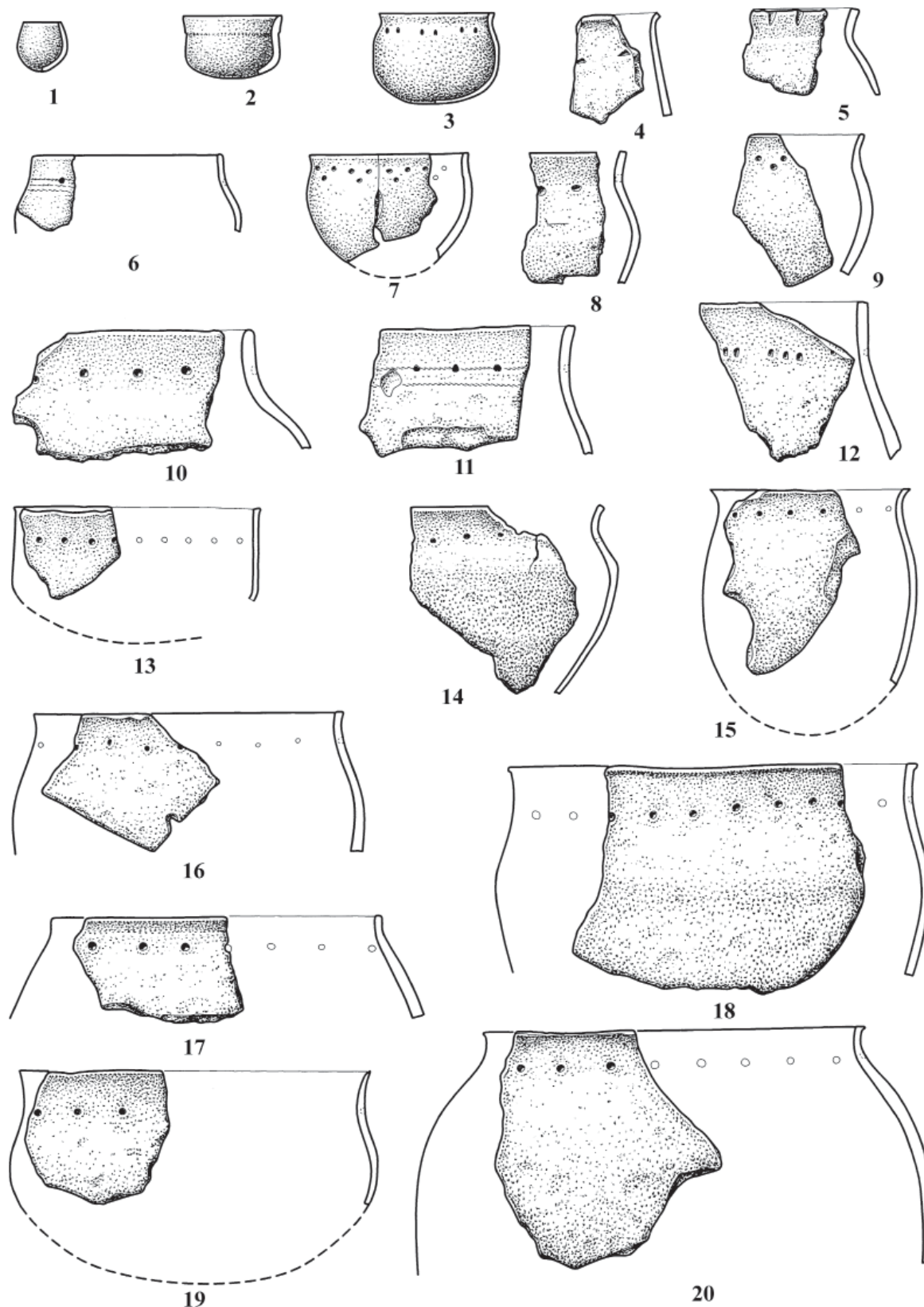

Рис. 12. Поселенческая керамика классической ананьинской культуры (АКШК) АКЮ. Переходная стадия.
Масштаб разный

1–3, 6, 7, 9, 15–17, 20 – Зуевключевское I городище; 4 – Верхнемошкарское городище; 5 – Зуевключевское III (Хижняковское) городище; 8, 14 – Барановское III поселение; 10, 18 – Юньгинское II городище; 11, 13, 19 – Ныргындинское I городище; 12 – Степановское городище. 4, 7, 9–11, 13, 15–20 – по: Ашихмина, 2014

наличие можно предположить исходя из зафиксированных на территории некрополя трех каменных колец, сложенных из известняковых плит, диаметром 16–25 м. Внутри колец располагались: 1) погр. G; 2) погр. 1, 2, 3; 3) погр. 41, 42 (Чижевский, 2008, с. 67, 68).

Погребения ананьинской классической культуры образуют вытянутые вдоль берега группы, иногда оформленные в ряды не очень четко (рис. 15: 10, 11). Количество рядов может достигать четырех. В Луговском и Ананьинском могильниках погребения ананьинской классической культуры располагались небольшими компактными группами от двух до шести захоронений. Иногда захоронения данной культуры совершались поверх постмаклашеевских, при этом хорошо видны различия в ориентировке. У более поздних погребений ананьинской классической культуры она отличается от ранних постмаклашеевских на 20–30°. В междурядьях отмечены следы кострищ и остатки погребальной трапезы (Чижевский, 2008, с. 69).

Выделено четыре категории погребальных сооружений: простые могильные ямы, погребения с отдельными камнями обкладки стенок, деревянные гробницы и каменные ящики.

Больше всего могильных ям – 94% от всех погребальных сооружений. Преобладают ямы средних пропорций (тип I – 85%) (рис. 15: 1, 2), широких ям значительно меньше (тип II – 11%) (рис. 15: 3), еще меньше узких ям-траншей (III тип – 4%) (рис. 15: 4). В девяти могильных ямах выявлены камни, используемые как конструктивные элементы погребального сооружения. Они обнаружены в трех могильниках нижнекамской агломерации: Ананьинском, Зуевском и Котловском.

Деревянные гробницы составляют 5% погребальных сооружений, внутреннее пространство их было образовано срубными и срубно-каркасными конструкциями (рис. 15: 5, 6). Все погребальные сооружения этой категории сожжены.

Самой выразительной категорией погребальных сооружений были каменные ящики. Они выявлены на Ананьинском (погр. 23, 39–1, 43, без № 1, С и G) и Заозерском могильниках (погр. 8). Каменные ящики были накрыты плоскими бревенчатыми перекрытиями. Дно грунтовое, и только в погр. 23 Ананьинского могильника дно выложено камнем (Чижевский, 2008, с. 63).

Среди погребений ананьинской классической культуры АКИО велик процент асинхронных погребений: зафиксировано 36 основных и 50 впускных захоронений.

В погребальном обряде широко применялся обычай ингумации погребенного (358), причем в ряде случаев это были вторичные и частичные

погребения. Среди частичных преобладали погребения голов, и лишь в четырех случаях отмечены захоронения костяка без черепа.

Сравнительно широко был распространен обычай сжигания деревянных конструкций погребального сооружения, вследствие чего некоторые костяки подвергались частичному обжигу. Однако обряд полной кремации зафиксирован лишь в пяти захоронениях и «домах мертвых», содержащих 20 погребенных (рис. 15: 7). В деревянных гробницах трупосожжения представляют собой кучки кальцинированных костей, которые были помещены в берестяные туески. В погребениях 22, 23 Залазнинского могильника остатки трупосожжения были рассыпаны по всему дну могильной ямы.

Абсолютно преобладают одиночные (341) захоронения. Парные (23), коллективные (13) и кенотафы (4) встречаются крайне редко. Столь же редки вещевые погребения (жертвенные комплексы) (7). В 321 погребении выявлены захоронения людей, лежащих вытянуто на спине. В трех отмечены костяки в положении на боку со слегка подогнутыми ногами. Расположение рук вследствие плохой сохранности костяков удалось установить лишь для 24 погребенных. В 15 случаях руки располагались вдоль тела, в девяти – кисти одной или обеих рук находились в области таза.

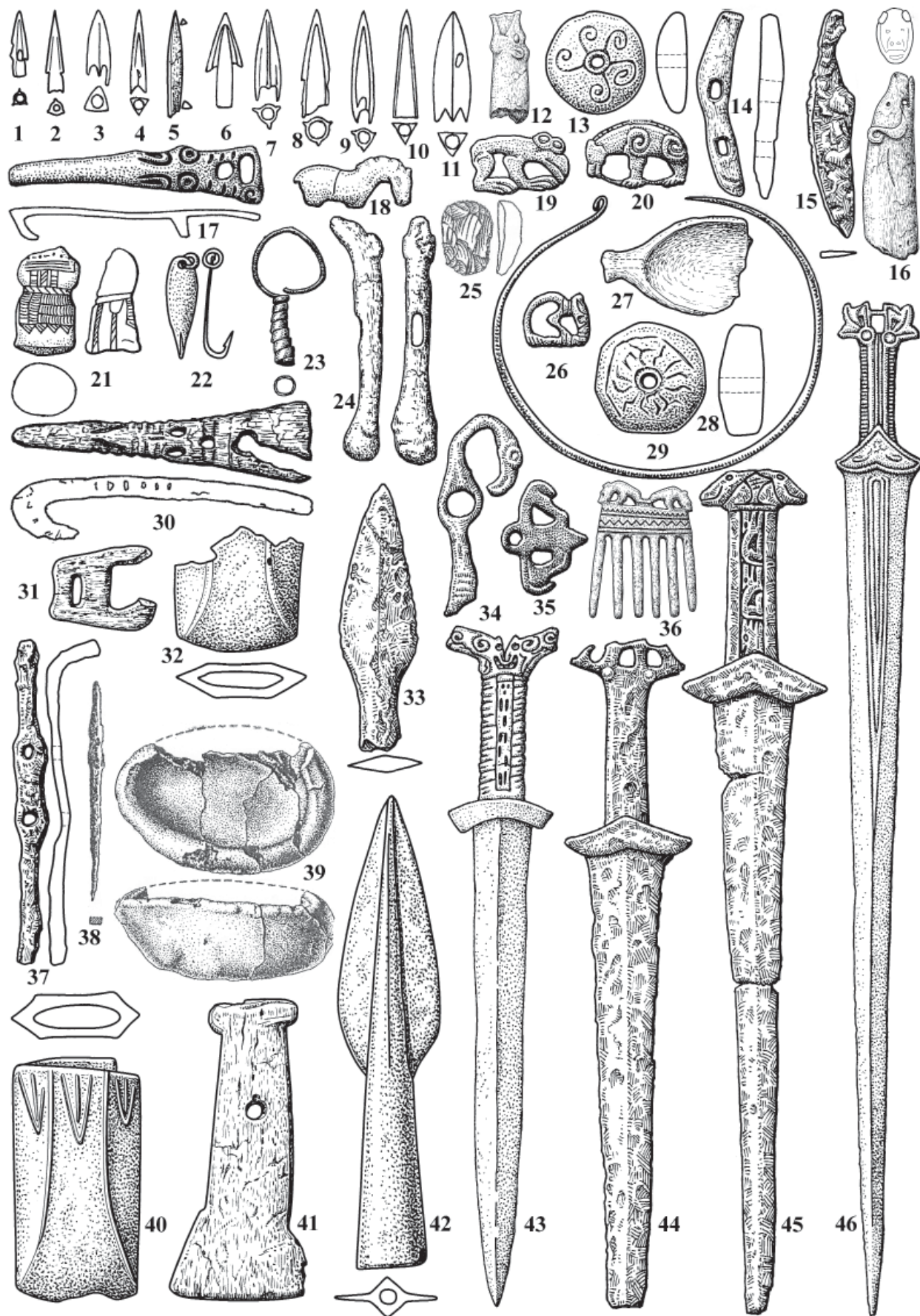
Ориентировка по сторонам света довольно разнообразна. Преобладают западное и северное направления, остальные стороны света представлены значительно меньшим количеством захоронений. В речной ориентации абсолютно преобладают захоронения ногами к реке, ориентировка головой и боком практиковалась редко.

Погребенных укладывали непосредственно на грунт, на дно могильной ямы, но в 12 случаях на дне зафиксировано обустройство бревенчатого настила (Чижевский, 2008, с. 64).

Бескурганые погребения ананьинской классической культуры на поверхности были отмечены столбами, и лишь некоторые из них совершались в «домах мертвых». В настоящее время известно семь «домов мертвых», происходящих из Першинского и Залазнинского могильников. По количеству камер они подразделяются на два типа.

Тип I. Однокамерные «дома мертвых» (рис. 15: 7). Известно четыре сооружений этого типа на двух некрополях – Залазнинском и Першинском (Коренюк, 1997, с. 60, 61). Все они подчетыреугольной в плане формы и представлены срубно-каркасными конструкциями. Размеры колеблются от 3,5–5,8 м в длину до 2,9–3,3 м в ширину.

В отличие от «домов мертвых» постмаклашеевской культуры, они обладают рядом своеобразных

черт: 1) внутри сооружений № 1 и 2 Першинского могильника имелся центральный столб; 2) внутри всех сооружений Першинского и Залазнинского могильников выявлены кострища; 3) «дома мертвых» Залазнинского могильника имели тамбурный вход; 4) захоронения в «дома мертвых» этого типа совершались исключительно по обряду кремации. Сожженные останки людей помещали в берестяные туеса в том случае, если это были основные погребения, или в грунтовые ямы, если это были впускные захоронения.

Тамбурный вход, кострища, наличие поставленных вдоль стен туесков – все это указывает на многократное использование этих сооружений. Таким образом, «дома мертвых» I типа из некрополей ананьинской классической культуры можно отнести к особому варианту «домов мертвых» АКИО. Подобные «дома мертвых» с остатками трупосожжений известны на памятниках дяковской культуры.

Тип II. Многокамерные «дома мертвых» представлены тремя сооружениями (рис. 15: 8, 9). Это подчетырехугольные многокамерные срубно-каркасные конструкции, сожженные после определенного периода существования. Размеры «дома мертвых» из Першинского могильника составляли 2,25×5,1 м. Внутри него было выявлено шесть основных и три впускных погребения.

На территории Залазнинского могильника было обнаружено два «дома мертвых» типа II. ДМ 1 имел размеры 2,7×6,0 м, ДМ 2 – 12×12 м. Внутри ДМ 1 изучено шесть могил, в ДМ 2 – 19. Кроме того, над «домом мертвых» № 2 выявлена насыпь высотой до 25 см. Аналогии «домам мертвых» II типа из некрополей ананьинской классической культуры АКИО прослеживаются в постмаклашевской культуре, откуда они, вероятно, и были заимствованы.

В межмогильном пространстве ананьинских некрополей отмечено семь вещевых комплексов, которые содержали керамику, предметы вооруже-

ния и одежды. Следы погребальных тризн фиксируются в виде фрагментов разбитых сосудов и зубов животных. С поминальными ритуалами связаны, вероятно, следы кострищ, зафиксированные на Луговском могильнике (Чижевский, 2008, с. 69).

В погребениях ананьинской классической культуры АКИО выявлено 43 категории погребального инвентаря, включающего орудия труда, оружие, украшения, предметы туалета, погребальные сосуды и др. 20% захоронений были безынвентарными.

Среди орудий труда преобладают железные однолезвийные ножи с костяными и деревянными ручками (рис. 16: 27, 43). Бронзовые однолезвийные ножи отмечены лишь в погр. 121 Зуевского и погр. 2 Котловского могильников. Два ножа из погр. 13 Ананьинского и погр. 6/1894 Котловского могильников относятся к биметаллическим образцам (с бронзовой рукоятью и железным лезвием). В погр. 176 Зуевского некрополя был обнаружен нож из кремня. Среди ножей присутствует бронзовый нож с навершием в виде кольца-пятиугольника из погр. 7 Першинского могильника (рис. 16: 52) (Голдина, 1999, рис. 82, 14; Коренюк, 2000, рис. 1: 3; Чижевский, 2008, с. 64).

Оселки найдены в 36 погребениях (рис. 16: 39), это вторая по встречаемости категория орудий труда. Далее следуют предметы, связанные с ткачеством и шитьем, каменные, костяные и бронзовые пряслица, проколки – железные и медные. Предметы, принадлежащие деревообработке (каменные тесла), и рыболовству (медный рыболовный крючок) немногочисленны. Также редки свидетельства металлургического производства: в погребениях найдены куски медной руды, слитки бронзы и железа.

Оружие отмечено в 38% погребений ананьинской классической культуры. Наиболее часто встречаются кельты с шестигранным сечением втулки типов КАН 60, 62, 66, 74–84, 88, 92, 98,

Рис. 13. Поселенческий инвентарь классической ананьинской культуры (АКШК) АКИО. Масштаб разный
 1–11 – наконечники стрел; 12, 16 – рукояти; 13, 29 – напярслица; 14, 24, 37 – псалии; 15 – нож; 17, 30 – поясной крючок; 18, 21 – ритуальные фигурки; 19, 26 – бляшка; 20, 35 – подвеска; 22 – рыболовный крючок; 23 – височная подвеска; 25 – скребок; 27 – ложка; 29 – шейная гривна; 31 – пряжка; 32, 40 – кельты; 33, 42 – наконечники копий; 24 – уздечная подвеска; 36 – гребень; 39 – проколка; 40 – тигель; 41 – лопатка-тупик; 43–46 – мечи и кинжалы.
 1–4, 6–11, 17, 19, 20, 23, 26, 29, 32, 35, 40, 42, 43 – медь и бронза; 5, 12, 14, 16, 24, 27, 30, 31, 36, 41 – кость и рог; 13, 18, 21, 28, 39 – глина; 15, 33, 34, 37, 38, 44–46 – железо; 22 – бронза и железо; 25 – кремь.
 1 – Зуевключевское IV селище; 2 – Степановское городище; 3, 7, 19 – Тарасовское святилище; 4, 8, 9, 11, 23, 30 – городище Алтен-Тау; 5, 27, 36 – городище Ермаша; 6 – Юго-Камское костыще; 10, 24 – Гремячанское селище; 12–16, 22, 28, 31, 33, 37, 38 – Зуевключевское I городище; 17, 34 – Заюрчимское I селище; 18, 21 – Юшковское городище; 20 – Гляденовское городище; 25 – Икское I поселение; 26 – Галкинское городище; 29, 39 – Быргындинское II (Каменный Лог) городище; 32 – Нырғындынское IV городище; 35 – Заосиновское I поселение; 40 – Заюрчимское VI селище; 41 – Нырғындынское I городище; 42 – Верхние Муллы микрорайон г. Пермь; 43 – Висимская дача; 44 – Усть Качка; 45 – поселок Юг; 46 – урочище Малая Чеганда.
 5, 27, 36 – по: Мокрушин, 2009; 12, 14, 16, 22, 25, 31, 33, 37–39, 41 – по: Ашихмина, 2014; 40, 42 – по: Кузьминых, 1983

1

2

Рис. 14. «Парадные» ананьинские секиры. 1 – находка у Воткинского завода; 2 – Галановская секира

104, 106, 108 и кельты с овальной втулкой, специфически камских (КАН 2, 8, 12, 18, 36, 38, 44, 50) и общеананьинских типов (80 экземпляров) (рис. 16: 35–37, 45, 47, 49).

Реже встречаются наконечники стрел (61 погребение): бронзовые, костяные, кремневые и железные (рис. 16: 1, 14–24, 29, 30). В одном колчанном наборе могут сочетаться наконечники, изготовленные из разного материала. Наконечники стрел в основном встречались по 1–2 в одной могиле, но отмечены случаи размещения по 6–10 и даже 18 наконечников (Зуевский мог., погр. 94) у одного погребенного. Бронзовые, костяные и кремневые наконечники стрел встречены как по

одному, так и сериями по 2 и более экземпляров, железные наконечники – лишь в единичных экземплярах.

Третьей по встречаемости категорией погребального инвентаря были наконечники копий (44 погребения) – железные и бронзовые (рис. 16: 41, 48, 58). Все они встречены по одному экземпляру. Втоки отмечены в двух погребениях: костяной в погр. 112 Зуевского и бронзовый в погр. 1 Гремячеключинского могильников (рис. 16: 26) (Чижевский, 2008, с. 64; 2020, рис. 2: 4; 4: 2).

Кинжалы выявлены в 15 погребениях. Они обнаружены в Ананьинском, Гремячеключинском, Зуевском и Котловском могильниках. От-

мечены бронзовые, железные и биметаллические экземпляры (рис. 16: 53, 64, 65). Предложенные А.В. Збруевой и С.В. Кузьминых аналогии связывают большую часть бронзовых кинжалов со степным скифским, тагарским и сакским мирами (Збруева, 1952, с. 99, 101–103; Кузьминых, 1983, с. 126, 131). Однако очевидно местное изготовление некоторых типов клинкового оружия (Кузьминых, 1983, с. 134; Чижевский, 2012).

Чеканы выявлены на четырех некрополях ананьинской классической культуры (Ананьинском, Зуевском, Релке и Першинском). Непосредственно в погребениях найдено 10 экземпляров, среди них железные, биметаллические и бронзовые образцы (рис. 16: 51, 62). Аналогии данной категории вооружения присутствуют на памятниках алды-бельской, раннесакской и тасмолинской культур (Чижевский и др., 2019, с. 109, 110). Появление этих изделий в АКЮ было обусловлено культурными и торговыми связями с кочевниками казахстанско-центральноазиатского региона, однако затем на основе импортных изделий были выработаны новые образцы, базирующиеся на местных традициях металлообработки. Это прежде всего чеканы с завершением обушковой части в виде голов медведя, волка и т. д. (Кузьминых, 1983, с. 137).

Боевые топоры зафиксированы в двух погребениях: погр. 30 Зуевского могильника и погр. 25 Луговского могильника (рис. 16: 50) (Чижевский, 2008, с. 65).

Внутри могильной ямы оружие ближнего боя помещалось у пояса и в изголовье, причем кинжалы в основном лежали у пояса. Наконечники стрел и кельты изредка фиксировались возле ног, но чаще всего встречены у пояса и в изголовье.

Украшения в ананьинских погребениях встречаются значительно реже, чем оружие. Бронзовые пластинчатые и проволочные кольца выявлены в пяти погребениях. Причем во всех случаях они выявлены парами: по одному кольцу на правой и левой руке или два кольца на одной руке. Широ представлены бусы: стеклянные, бронзовые и костяные, и пронизи, они обнаружены в 22 погребениях. Бусы использовались в ожерельях, пронизи иногда применялись для украшения одежды. Стеклянные бусы были как монохромными (в основном синего стекла), так и глазчатыми.

В 24 погребениях были найдены бронзовые и железные гривны (рис. 16: 55). Они представлены дрововыми, пластинчатыми и ложновитыми экземплярами. Иногда пластинчатые гривны покрыты орнаментом. В погр. 27 Зуевского могильника было две гривны, в остальных случаях – по одному украшению.

Реже встречаются золотые, серебряные, медные и костяные серьги и подвески. Они были двух

типов: пластинчатые (рис. 16: 39) и проволочные, причем отдельные экземпляры проволочных серег украшены скульптурными головками животных (погр. 6 Ананьинского мог.). Одна серьга или амулет (?) изготовлена из рыбьего позвонка (погр. 177, Зуевский мог.).

Височные подвески, бронзовые и серебряные, встречены в 13 погребениях. Чаще всего они имели спиралевидную форму в 2,5–7 оборотов (рис. 16: 3, 4, 10). В двух погребениях найдены S-видные височные подвески, дважды обнаружены трапециевидные и конусовидные. В погр. 180 Зуевского могильника найдено височное украшение, состоящее из восьмерковидных бляшек, подвешенных на бронзовых цепочках.

В погр. 128 Першинского могильника встречено медное нагрудное пластинчатое украшение с солярными знаками (рис. 13: 54) (Чижевский, 2008, с. 66).

Часть металлических украшений связана с остатками одежды. Такие изделия были обнаружены в 56 погребениях. В семи погребениях отмечены украшения, оставшиеся от поясов. Поясной набор включал железные и бронзовые поясные крючки, набор блях и накладок – до 50 в одном комплекте. Некоторые крючки оформлены в зверином стиле. Наиболее распространенными украшениями одежды являются пронизи и накладки, часто встречаются круглые бляхи с петлей на обратной стороне и нашивные. Нередки бляхи в зверином стиле, в виде трапеций, восьмерковидные и накладки и т. д. (рис. 16: 8, 9, 11, 12, 25, 33, 40, 56). Украшения обуви не выявлены.

Остатки украшений, связанных с головными уборами, обнаружены в 49 погребениях. Они могли быть выполнены в виде одиночных блях или налобных венчиков, которые состояли из круглых блях, восьмерковидных и подчетырёхугольных накладок и бляшек, пронизей и подвесок разной формы (рис. 16: 2, 5, 6–9, 28, 32–34). Все они отмечены у черепов погребенных. В погр. 86 (12) Луговского могильника обнаружены остатки ткани от головного убора без бронзовых украшений (Чижевский, 2008, с. 66).

Конская упряжь зафиксирована в четырех погребениях и представляет собой наборы сбруи, состоящие из одного-двух трехдырчатых или двухдырчатых псалиев или двухкольчатых удил, изготовленных из железа, бронзы и кости. Особый интерес вызывает костяной двухдырчатый псалий в виде всадника из погр. 82 Луговского могильника (рис. 16: 42). Не менее интересна, а для АКЮ уникальна, находка плети из кости со скульптурными изображениями медведей (рис. 16: 38) (Смирнов, 2021). Сопровождают псалии наборы круглых бронзовых блях, иногда с солярным орнаментом.

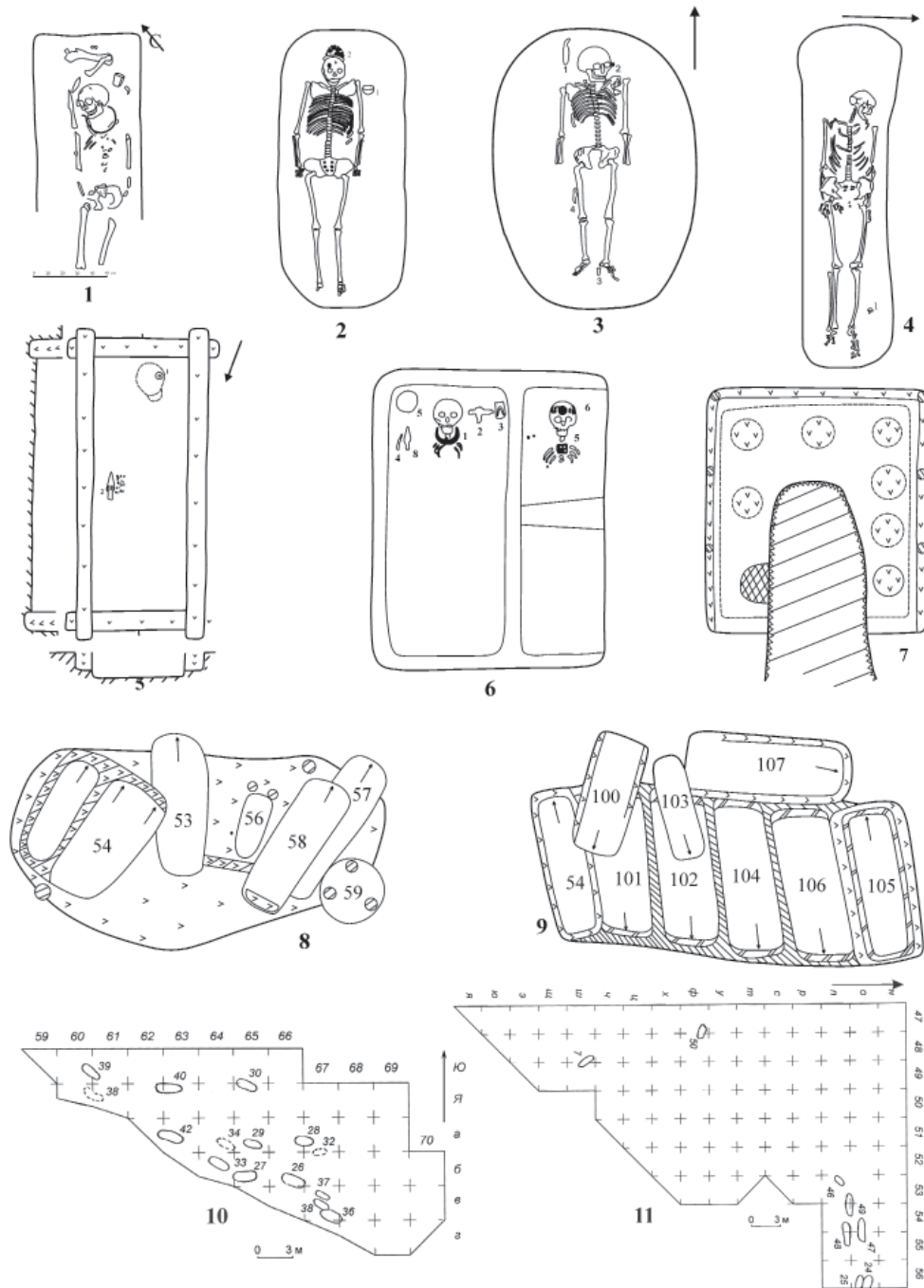

Рис. 15. Погребения, деревянные гробницы и «Дома мертвых» классической ананьинской культуры (АКШК)

1 – Ананьинский могильник погр. 1/1930; 2 – Луговской могильник погр. 86; 3 – Луговской могильник погр. 82; 4 – Зуевключевский II могильник, погр. 48; 5 – Першинский могильник погр. 166; 6 – Першинский могильник погр. 63, 64; 7 – Першинский могильник «Дом мертвых» №4; 8 – Залазнинский могильник «Дом мертвых» № 2; 9 – Першинский могильник «Дом мертвых» №1; 10 – раскоп XI Зуевключевский II могильник; 11 – раскопы VIII, IX, XIII Зуевключевский II могильник.

1, 2 – погребения в ямах I типа. 3 – погребение в яме II типа. 4 – погребение в яме III типа. 5, 6 – погребения в деревянных гробницах. 7–9 – «дома мертвых»

В подъемном материале Мензелинского могильника обнаружена своеобразная ложковидная подвеска из белой бронзы, которая также связывается с конской упряжью (рис. 16: 13). Кроме того, в засыпке девяти погребений обнаружены зубы и фрагменты челюсти лошади (Чижевский, 2008, с. 67; Черных, 2019).

Глиняная лепная круглодонная посуда встречается в 107 ананьинских погребениях, в 16 погребениях отмечено по два сосуда, а в одном – три (рис. 16: 57, 59, 60, 61, 63). Наибольший интерес представляет погр. 20 Ананьинского могильника, в котором было обнаружено 11 сосудов разных размеров. В 74% случаев керамика располагалась

в изголовье костяка, в 14% – в ногах, 1% у поясицы и 6% – в изголовье и ногах. Существовал также обычай помещать в погребальное сооружение не целый сосуд, а лишь его фрагменты. Как правило, они фиксируются в засыпи могильной ямы.

Известны в погребениях фрагменты бронзовых импортных чаш (погр. 198, Зуевский могильник), однако, судя по фрагментированности, они использовались как украшения налобного венчика.

Жертвенная пища (плечевые кости быка, лошади и мелкого рогатого скота) имела в 12% погребений. Две трети жертвенной пищи размещалось в изголовье погребенного.

Остальные категории погребального инвентаря немногочисленны: бытовые предметы представлены астрагалом лошади из погр. 157 Зуевского могильника, четыремья терочниками и 11 огнивами; предметы туалета – бронзовыми зеркалами без рукоятей (рис. 16: 44, 46) и булавкой из Муновского могильника «Релка».

В погребениях ананьинской классической культуры отмечены ритуальные находки и следы очистительных обрядов. К числу ритуальных находок относятся следы охры, зубы медведя, металлические украшения орнитоморфные (погр. 2 мог. Релка; погр. 54 Луговского мог.) и антропоморфные (погр. 2 мог. Релка), а также амулет из черепа человека (погр. 4/1894, Котловка).

Остатки очистительных обрядов фиксируются по прокалам от кострищ и уголькам в засыпке погребальных сооружений.

Хронология и периодизация. Хронология ананьинской классической культуры построена на материалах погребальных и поселенческих памятников с опорой на предметы-хроноиндикаторы и радиоуглеродные даты. Время существования культуры подразделяется на три периода, совпадающие с общей периодизацией АКИО (Кузьминых, Чижевский, 2014, с. 102; Чижевский, 2017).

Период I. Наиболее ранние предметы-хроноиндикаторы ананьинской классической культуры принадлежат к этапу I-1 (IX – сер. VIII вв. до н. э.) раннего периода АКИО. Предметы, относящиеся к этому времени, немногочисленны – это бронзовые ножи с прямой (типа Н-14) и горбатой (типа Н-16) спинкой и кольцевая бляха с перемычкой.

Нож типа Н-14 был выявлен в погр. 55 Першинского мог. (Коренюк, 2009, рис. 1: 23), аналогии ему прослеживаются на Северном Кавказе, где подобные предметы датируются IX – нач. VIII в. до н. э. (Махортых, 1997, с. 7, рис. 1: 1–3, 5; Кузьминых, Чижевский, 2014а, с. 103).

Ножи типа Н-16 происходят из Половинного I и Концгорского селищ (Кузьминых, 1983, с. 150; Збруева, 1952, табл. 42: 1). Близкие изделия из-

вестны по находкам в киммерийских погребениях Балкано-Карпатского региона, Волго-Донского междуречья, Северного Кавказа и Северного Причерноморья. Время существования ножей типа Н-16 определено в рамках IX – 1 пол. VIII в. до н. э. (Махортых, 1997, с. 9; Кузьминых, Чижевский, 2014а, с. 103).

К этапу I-1 раннего периода АКИО относится также кольцевая бляха с перемычкой из погр. 21 Першинского мог. (Коренюк, 2009, рис. 1: 7), время существования которой по северокавказским аналогиям укладывается в рамки IX – сер. VIII в. до н. э. или более узко по аналогии с находкой из камеры № 2 кургана Аржан-1 – в пределах последней трети IX в. до н. э. (Андреева, Козенкова, 1986, с. 255; Алексеев и др., 2006, с. 68; Кузьминых, Чижевский, 2014а, с. 107; Смирнов, 2015, с. 106).

Ко второму этапу I-2 (сер. VIII – первая четв./первая пол. VII в. до н. э.) раннего периода относятся следующие предметы-хроноиндикаторы: бронзовые двулопастные наконечники стрел типа С-2 и С-4, бронзовая бляха с солярным орнаментом, кинжал с крестовидной рукоятью и бутероль с весловидным гребнем, бронзовый топор.

Оба наконечника: С-2, зафиксированный в погр. 7 Першинского мог., и С-4, который был обнаружен в погр. 20 Ананьинского мог., соотносятся с раннекочевническими наконечниками стрел новочеркасского типа. Аналогичные изделия на Северном Кавказе и Крыму датируются сер. VIII – нач. VII в. до н. э. (Кузьминых, Чижевский, 2014а, с. 108).

Из погр. 7 Першинского мог. также происходит бронзовая бляха с четырехлепестковым солярным орнаментом, время существования подобных предметов относится ко второй пол. VIII–VII в. до н. э. (Кузьминых, Чижевский, 2014а, с. 122, 123).

Таким образом, по совокупности дат погр. 7 Першинского мог. датируется второй пол. VIII – сер. VII в. до н. э. Это комплекс в составе бронзового однолезвийного ножа сакского типа со слабоизогнутой спинкой, прямым лезвием и навершием в виде кольца-пятиугольника, наконечником стрелы типа С-2, круглыми бляхами с солярным орнаментом и без него, наконечником копья КД-12 и кельтом КАН-32 является эталонным для этапа I-2 ананьинской классической культуры АКИО (Коренюк, 2000, рис. 1: 3; Кузьминых, Чижевский, 2014а, с. 112).

В качестве второго эталонного комплекса можно рассматривать разрушенное погребение Гремячеключинского мог., в котором был зафиксирован бронзовый двулезвийный кинжал с крестовидной рукоятью, покрытой гравированно-кольчатым орнаментом (рис. 16: 53) (Чижевский и др., 2020).

Данное изделие сочетает признаки кинжалов типа К-16 с однорядно-кольчатый и К-18 с трехрядно-кольчатый орнаментом и датировано серединой – второй половиной VIII в. до н. э. Кроме того, в состав вещевого комплекса входили бутероль с весловидным гребнем, кельт КАН-28 и наконечник копья КД-32 (рис. 16: 26, 35, 58), которые дают более широкую дату погребения в пределах сер. VIII – первой четв./первой пол. VII в. до н. э.

Еще один предмет-хроноиндикатор происходит из собрания Строгановых с территории б. Пермской губ. – проушной топор с опущенным лезвием и прямым закругленным обухом, по бокам проходят два глубоких параллельных желобка. На Северном Кавказе и в Закавказье подобные орудия являются этнокультурными маркерами кобанской и колхидской культур и в массе своей датируются в пределах последней четв. VIII – первой четв. VII вв. до н. э., отдельные изделия зафиксированы в комплексах второй пол. VII – нач. VI вв. до н. э. (Кузьминых, Чижевский, 2014а, с. 113).

Период II. Этап II-1 (вторая четв./сер. VII – первая пол. VI вв. до н. э.). Количество предметов-хроноиндикаторов, которые относятся к первому этапу II-1 среднего периода значительно возрастает. Особенно велико число наконечников стрел.

На этом этапе происходит процесс перехода от двулопастных к трехлопастным наконечникам стрел. Этот процесс хорошо прослеживается по количеству трехлопастных наконечников стрел, которые превосходят двулопастные в шесть раз.

Двулопастные наконечники стрел представлены типами С-6, С-8, С-10 (поздняя группа), С-16, С-22, которые по кавказским, казахстанским, северо-причерноморским и др. аналогиям датируются в пределах сер. VII – первой пол. VI вв. до н. э. (Придик, 1911, табл. I; рис. 12: а; Смирнов, 1961; Акишев, 1963, с. 167; Мелюкова, 1964, с. 11, табл. 6: Л5–8; Членова, 1967, табл. 13: 14; Литвинский, 1972, с. 93; Вишневская, 1973, табл. XIII: 9; Кызласов, 1977, рис. 2: 4; Вайнберг, 1979, табл. XII: 4; Грязнов, 1980, рис. 11: 12; Кузьминых, 1983,

с. 105, 106; Ахинжанов и др., 1987, рис. 34: 3; Галанина, Алексеев, 1990, рис. 5: 22–26; Алексеев, 2003, с. 295; Петренко и др., 2006, с. 395, рис. 3: 3–5; Яблонский, 2007; Рябкова, 2009, рис. 2: 7, 8; Дараган, 2011, с. 584–589).

Новым явлением стали трехлопастные наконечники стрел. Наибольшее распространение в ананьинской классической культуре АКИО получили ранние (крупные) наконечники стрел со сводчатым пером типа С-34. Существующие аналогии позволяют датировать наконечники этого типа в пределах сер. – второй пол. VII–VI в. до н. э. (Чижевский и др., в данном томе).

Прочие трехлопастные наконечники стрел фиксируются реже и датируются в пределах первого этапа (II-1) – С-26, С-38, С-40 (грацильные) – или всего II периода АКИО – С-36, С-48, С-50 (Смирнов, 1961, с. 48, 49, табл. II; Мошкова, 1962, с. 79, рис. 29; Мелюкова, 1964, с. 11, 21; Ильинская, 1968, табл. XXX: 9–16; Медведская, 1972, табл. II, IX; Скуднова, 1988; Галанина, 1997; Полин, 1998, с. 60; Алексеев, 2003, рис. 15).

По сравнению с трехлопастными трехгранные наконечники немногочисленны. Здесь также имеются две группы изделий: первая (С-58, С-60, С-68, С-70, С-74) датируется узко, в пределах первого этапа II периода, вторая (С-76, С-84, С-88) – широко в пределах всего II периода (Придик, 1911, рис. 12: е, табл. I; Смирнов, 1961; Черненко, 1980, рис. 1; Батчаев, 1985; Галанина, 1997, рис. 27; 108: 14; Алексеев, 2003, с. 295; Петренко, 2006; Дараган, 2011, рис. V.46).

К этапу II-1 относятся ромбовидные в сечении наконечники стрел С-102, выявленные на могильниках Релка и Котловский, время существования которых ограничено рубежом VII–VI–VI в. до н. э. (Толстов, Итина, 1966, с. 162, рис. 9; Кадырбаев, 1966, с. 378, 379; Медведская, 1972, с. 89; Вишневская, 1973, с. 91, 96).

С VII до н. э. появляются черешковые наконечники стрел трехлопастные (С-112, С-114, С-116, С-118) и трехгранные (С-120, С-122, С-124), кото-

Рис. 16. Погребальный инвентарь классической ананьинской культуры (АКШК) АКИО. Масштаб разный

1, 3, 6, 8, 9, 24, 28, 33, 34, 36, 51, 52, 54, 59, 61 – Першинский могильник (по: Голдина, 2004); 2, 11, 21, 13, 22, 27, 37, 39, 48, 60 – Мензелинский могильник; 4, 5, 7, 14–21, 23, 25, 29–32, 38–41, 44–47, 49, 50, 55, 56, 58, 64, 65 – Зуевский (Зуевключевский I) могильник; 10, 42, 43 – Луговской; 26, 35, 53, 58 – Гремячключинский могильник; 57, 63 – Ананьинский могильник; 62 – могильник Релка.

1 – погр. 108; 2, 11, 13, 25, 37, 39 – п.м.; 3 – 170; 4, 5, 32, 65 – погр. 27; 6 – погр. 108; 7 – погр. 157; 8, 28, 33, 34, 36, 51, 61 – погр. 63–64; 9 – погр. 153; 11, 42, 43 – погр. 82; 14 – погр. 79; 15, 16, 40, 55, 56 – погр. 94; 17, 54 – погр. 128; 18 – погр. 15; 19 – погр. 200; 20 – погр. 90; 21, 30 – погр. 123; 22, 27, 48, 60 – погр. 1; 23 – погр. 217; 24, 52 – погр. 7; 25, 38 – погр. 168; 26, 35, 53, 58 – погр. 1; 29 – погр. 144; 31 – погр. 59; 41 – погр. 48; 44 – погр. 29, 45 – погр. 6; 46 – погр. 141; 47 – погр. 54; 49 – погр. 1; 50 – погр. 30; 57 – погр. Е, F, G; 59 – погр. 175; 62 – погр. 2; 63 – п.м.; 64 – погр. 143.

1, 3, 6, 8, 9, 24, 28, 33, 34, 36, 51, 52, 54 – по: Голдина, 2004; 38, 40, 44 – по: Худяков, 1933; 50, 62, 64 – по: Збруева, 1952.

1 – кремь; 2–26, 28–37, 40–49, 51–56, 58, 62 – медь и бронза; 26 – бронза и кожа; 27, 65 – железо; 38 – кость; 50, 64 – железо и бронза; 39 – камень; 59–61, 63 – глина

рые по аналогиям отнесены к этапу II-1 (Смирнов, 1961, рис. 22: 18; Акишев, 1963; Толстов, Итина, 1966, с. 162; Кадырбаев, 1966; Литвинский, 1972, табл. 32; Медведская, 1972, с. 89; Вишневская, 1973).

Большое значение для хронологии этапа II-1 имеют кинжалы.

Бронзовые двулезвийные кинжалы типа К-4 (погр. С Ананьинского мог.) и К-8 (погр.1/1893 Котловского мог.), судя по металлу, группы ВК были изготовлены мастерами АКИО (Tallgren, 1919, рис. 18; Нефедов, 1899, табл.10: 1; Збруева, 1952, табл. XXI: 1). Объединяет их использование в качестве элемента орнамента запятой для украшения рукояти и перекрестия. По казахстанским и среднеазиатским аналогиям датируется в пределах второй пол. VII – первой пол. VI в. до н. э. (Тереножкин, 1940, с. 30; Збруева, 1952, табл. XXI: 3; Грязнов, 1956, рис. 3: 1–4; Кадырбаев, 1966, рис. 66: 10, 11, 15, 17, 18; 1968, рис. 1; Медведская, 1972, с. 89).

В рамках первого этапа второго периода по савроматским и раннескифским аналогиям датируются железные мечи и кинжалы с бабочковидным, сердцевидным или почковидным перекрестием и брусковидным навершием, выявленные в Ананьинском, Зуевском и Луговском могильниках. Несмотря на то, что они появляются еще в предскифское время, основной срок их существования относится к раннескифскому периоду (Чижевский и др., в данном томе).

Наиболее ранним в этой группе (вторая половина VII – начало VI вв. до н. э.) является кинжал типа К-48 из погр. 57 Луговского могильника, навершие и рукоять которого оформлены инкрустацией, выполненной золотой проволокой.

Этими же пределами ограничены рамки бытования кинжала с брусковидным навершием и бабочковидным перекрестием типа К-46 из Ананьинского могильника, рукоять которого обложена медной жостью с рифлением.

Чеканы являются одним из характерных признаков материальной культуры ананьинской классической культуры, не получивших широкого распространения в других культурах АКИО.

Наиболее ранними были биметаллические чеканы с бронзовой втулкой с головкой хищной птицы, железным клинком и обухом, которые были выявлены исключительно в Ананьинском мог. Все они относятся к типу КЧ-30 и датируются второй – третьей четвертью VII в. до н. э. (Итина, 1992, с. 41; Иванчик, 2001, с. 56, 57, рис. 19: 1–11; Алексеев, 2003, с. 50, 52, 295). В этих же пределах датируется и железный чекан из погр.18 Ананьинского могильника.

Бронзовые чеканы с опущенной втулкой, головкой хищной птицы под клинком или без нее представлены 14 экз. Возраст части экземпляров определен вещевым комплексом погребений – вторая четверть – конец VII в. до н. э. К таким относятся: КЧ-10 (погр. С Ананьинского мог.); КЧ-16 (погр. 1 мог. Релка); КЧ-20 (погр. 2 мог. Релка).

Время существования других чеканов, также датированных второй четвертью VII – началом VI вв. до н. э., установлено по аналогиям с биметаллическими клевцами Передней Азии и бронзовыми чеканами Хакасии и Тувы: КЧ-4 (ПОКМ); КЧ-8 (погр. 18 Ананьинский мог.); КЧ-22 (Британский музей, Ананьинский мог.); КЧ-25 (УОКМ, частная коллекция г. Пермь); КЧ-26 (р. Сарабаиха) (Крупнов, 1960, табл. XXXVI: 4; Смирнов, 1964, рис. 77, 16; Членова, 1967; Вишневская, 1973, табл. XX: 1; Итина, 1992, с. 41; Курочкин, Субботин, 1993, с. 60, рис. 1: 29, 30; Козенкова, 1995, табл. XX: 4; Иванчик, 2001, рис. 22: 5, 9, 11; Алексеев, 2003, с. 52; Ćugunov и др., 2010, s. 174; Чижевский, Гисматуллин и др., 2019).

Примерно в этих же пределах – вторая пол. VII – начало VI в. до н. э. – датируются бронзовые чеканы КЧ-6 (Красный Яр), КЧ-12 (ПОКМ) и КЧ-13 (с. Засечное), КЧ-14 (Ананьинский мог.) (Членова, 1995, с. 91–93; Кирюшин, Тишкин, 1997, с. 84, 85; Ćugunov и др., 2010, s. 174, taf. 95: 1). В широких рамках всего этапа II-1 датирован чекан КЧ-2 из погр. 22 Зуевского мог.

К сожалению, все экземпляры «парадных» секир, одной из самых ярких категорий материальной культуры ананьинской классической культуры АКИО, найдены вне комплексов, прямые аналогии им неизвестны. Не является таковой и секира с мордой волка из Новогрозненского могильника, датированная серединой VI–V вв. до н. э., которая имеет серьезные конструктивные различия с ананьинскими парадными секирами (Виноградов, 1976, рис. 1: 27; Вольная, 2009, с. 267, 268, рис. 4: 4). По оформлению к секирам пинежского типа наиболее близок чекан из Ананьинского могильника КЧ-22. Совпадает и видовая принадлежность изображаемого животного – это хищник, волк. Датируется чекан КЧ-22 второй четвертью – концом VII – началом VI вв. до н. э., вероятно, в этих же пределах можно датировать и секиры пинежского типа.

В могильниках ананьинской классической культуры отмечены три железных топора, которые имеют хронологическое значение и относятся к I типу боевых топоров, по А.Х. Халикову (1977, с. 177, рис. 67: 1). Это топоры-чеканы с узким обухом и нашлепкой-расширением на конце, по скифским и северокавказским аналогиям они датирова-

ны в широких пределах второй четв. VII – рубежа VI/V вв. до н. э. (Чижевский и др., в данном томе).

Группа предметов, связанных с конской упряжью, является одной из опор для хронологии ананьинской классической культуры. К этой группе относится и фрагмент бронзового псаля (Мокинское сел.) с боковым приостренным отростком, близкий к У-образным и шпеньковым псалям Алтая, Казахстана и Тувы, по аналогиям его можно датировать второй пол. VII – первой пол. VI вв. до н. э. (Членова, 1994, с. 20, 21; Бородаев, 1998, с. 73; Марсадолов, 1998, с. 9; Коренюк, 2000, рис. 1: 8; Шульга, 2008, с. 67, рис. 52).

С конской сбруей связаны находки бляшек-обойм для перекрестных ремней в виде запятой (Оханский мог.) и щитка (Мокинское сел.), бляшки с кольцевым держателем на штырьке и полусферической головкой, а также подпружной пряжки, выполненной как кольцо со щитком в виде кошачьего хищника (г. Чердынь). По аналогиям эти изделия датированы VII–VI вв. до н. э. (Кадырбаев, 1966; Толстов, Итина, 1966, рис. 17: 9, 19; Арсланова, 1972, с. 254–256, рис. 1: 10; Вишневская, 1973; Мандельштам, 1992; Итина, Яблонский, 1997, с. 43, 62; Коренюк, 2000, рис. 1: 1, 4–7; Васильев, 2002, рис. 9: 3; Шульга, 2008, 2010).

Аналогии налобнику от конской упряжи в виде головы коня на стержне с кольцом для подвешивания (Ананьинский мог.) находятся на Северном Кавказа, где подобные предметы датируются серединой VI в. до н. э. (Козенкова, 1989, табл. XLIV: 7; 1995, с. 112; Чижевский, Шаталов, 2012, с. 31, рис. 6: 1).

Зеркала. К односоставным зеркалам с центральной ручкой в виде петельки и бортиком по периметру диска принадлежат все зеркала ананьинской классической культуры, выявленные на Ананьинском и Зуевском мог. Аналогии из памятников степной зоны Северной Евразии указывают на существование данного типа зеркал в пределах второй пол. VII–VI вв. до н. э. (Кузнецова, 2002, с. 33, 39).

Этап II-2 (вторая пол./конец VI–V вв. до н. э.). Наиболее массовыми предметами-хроноиндикаторами, диагностирующими этот этап, остаются наконечники стрел.

На этом этапе существования ананьинской классической культуры двулопастные втульчатые наконечники стрел встречаются только в единичных экземплярах. К ним можно отнести лишь наконечники типа С-18 (погр. 217 Зуевского мог.) и С-20 (погр. 3 Ананьинского мог.), по вещевому комплексу погребений и западносибирским аналогиям время существования этих изделий определяется концом VI–V вв. до н. э. (Нефедов, 1899, табл. 18: 14; Кузьминых, 1983, с. 106).

Подавляющее большинство наконечников стрел этого этапа относится к втульчатым трехлопастным и трехгранным наконечникам.

Появляются новые типы трехлопастных наконечников С-28, С-30, С-32, С-42, которые по колчаным наборам, а также казахстанским, ольвийским и савроматским аналогиям датированы серединой/концом VI–V вв. до н. э. (Zakharov, 1932, f. 15; Ильинская, 1954, с. 26; Смирнов, 1961; Кадырбаев, 1966, рис. 66: 4; Медведская, 1972, с. 89; Скуднова, 1988; Алексеев, 2003, с. 296).

Крупные наконечники типа С-34 ввиду того, что они широко представлены на раннем этапе второго периода, можно датировать этапом II-2 только в случае сочетания их в одном колчанном наборе с другими наконечниками. Сходные проблемы возникают с наконечниками типа С-36, С-48, С-50, время существования которых охватывает ранний и поздний этапы II периода.

Трехгранные наконечники стрел представлены типами С-56, С-64, С-78, С-80, С-82, С-96, судя по аналогичным наконечникам, распространенным в Европейской степи у скифов и савроматов, датируются сер. VI–V вв. до н. э., отдельные наконечники доживают до первой пол. IV в. до н. э. (Ильинская, 1957, рис. 2: 14д; Смирнов, 1961, с. 51; Мошкова, 1963; Мелюкова, 1964; Ковпаненко, 1967, рис. 49: 13; Медведская, 1972, табл. 2; Скуднова, 1988; Алексеев, 2003, с. 296).

Время бытования наконечников типа С-84 охватывает ранний и поздний этапы II периода, поэтому отнесение их этапу II-2 возможно только по сопровождающим комплексам вещей.

Промежуточную позицию между II и III периодами АКЮ занимают наконечники стрел С-92, которые по аналогиям датированы V–IV вв. до н. э. (Мошкова, 1962, табл. 30; Мелюкова, 1964, с. 24, табл. III; 1989, с. 113; Кадырбаев, 1966, рис. 66: 19; Медведская, 1972, табл. 2; Алексеев, 2003, с. 296).

В единичных экземплярах на втором этапе среднего периода существуют черешковые наконечники С-108 и, возможно, С-110, аналоги которым неизвестны. С-108 по колчанному набору из общей могилы Котловского мог. датирован VI в. до н. э. (Медведская, 1972, с. 89; Кузьминых, 1983, с. 115, 116).

В VI в. до н. э. в степной зоне появляются железные мечи и кинжалы с антенновидным навершием (Мелюкова, 1964, с. 60). По оформлению перекрестия они подразделяются на изделия с прямоугольным и с почковидным (сердцевидным) перекрестием.

На памятниках ананьинской классической культуры выявлено 11 подобных кинжалов, из них один биметаллический, время их существования

определено в пределах второй пол./конца VI–V вв. до н. э.

С горы Кереметь, располагающейся к северу от Зуевключевского I городища, происходит кинжал, который знаменует собой переход от бочковидных перекрестий к брусковидным с перегнутыми посередине перекрестиями, у савроматов такой переход происходит во второй пол. V в. до н. э. Время существования кинжала определено в рамках второй пол. V – начала IV в. до н. э. (Чижевский, 2017, с. 217).

Большой интерес представляет железный кинжал с почковидным перекрестием (погр. 143 Зуевского мог.) в бронзовых ножнах (тип НК-4), на которых нанесены изображения стоящих оленей. По аналогиям он может быть датирован концом этапа II-2 – началом этапа III-1, в пределах второй пол. – конца V – начала IV вв. до н. э. (Мелюкова, 1964, с. 60; Скрипкин, 2007, с. 48, рис. 3: 10; Клепиков, 2007, рис. 1: 12; Чижевский, 2017, с. 217).

Отдельную группу предметов-хроноиндикаторов составляют бронзовые и биметаллические ножи.

Наиболее яркие из них, биметаллические ножи типа Н-28 с изображениями волков на рукояти, по центральноазиатским аналогиям относятся к концу этапа II-1 и этапу II-2 – VI–V вв. до н. э. (Членова, 1967, с. 183, табл. 34: 48, 50; Богданов, 2006, с. 92, табл. СХ: 1–12).

Бронзовые (Н-8) и биметаллические (Н-24) ножи с кольцевым навершием по материалам Барнаульского Приобья и тагарским аналогам отнесены к этапу II-2 и к началу III периода АКИО – VI–V/первой пол. IV вв. до н. э. (Членова, 1967, с. 185, табл. 39: 24, 25; Дэвлет, 1968, рис. 3: 1, 2; Кузьминых, 1983, с. 148, 150; Полин, 2012, с. 510, рис. 756; Фролов, 2018, с. 208, рис. 1: 2, 4).

Во второй половине VI в. до н. э. в ананьинской классической культуре АКИО практически прекращает свое существование традиция использования чеканов. На сегодняшний день в ареале данной культуры известен лишь один бронзовый чекан с короткой втулкой и обухом в виде кабаньей головы, который происходит из окрестностей г. Елабуги (Aspelin, 1877, fig. 242; Вауе, 1897, fig. 16; Tallgren, 1937, fig. 16).

К этапу II-2 относятся ананьинские парадные секиры галановского типа, которые датированы VI–V вв. до н. э. (Киржнер, Арматынская, 1990, с. 258).

Во второй половине – конце VI – начале V вв. до н. э. в Евразийских степях вошли в обиход псалии с двумя отверстиями. В ареале ананьинской классической культуры известны псалии из железа и кости.

Железные псалии по форме подразделяют-

ся на изделия с прямым стержнем, S-видной и Г-образной формы и датируются в пределах второй пол. – конца VI–V в. до н. э., однако отдельные экземпляры существуют вплоть до IV в. до н. э.

Двудырчатые псалии из рога немногочисленны, известна лишь одна находка такого рода, которая происходит из погр. 82 Луговского мог. Она изображает фигурку скачущего на коне человека и относится к псалиям S-видной формы. Датируется луговской псалией второй пол. VI в. до н. э. (Чижевский, Шаталов, 2012, с. 29).

В широких пределах V–III вв. до н. э., т. е. конца этапа II-1 и всего III периода, определено время существования зеркала из Каракулинского мог. (Смирнов, 1895, с. 264, 265). Оно относится к т. н. «медалеvidному» типу, широко распространенному на Алтае, в Забайкалье, Казахстане, Монголии, Ордосе, Туве и др. (Чижевский, 2017, с. 212).

Период III. Третий период существования ананьинской классической культуры ограничивается одним **этапом III-1** (конец V – III/II вв. до н. э.). В материальной культуре в это время происходят существенные изменения по сравнению со средним периодом АКИО, начинается проникновение импортов из ареала обитания среднедонских скифов, савроматские изделия и их подражания замещаются раннесарматскими. На рубеже V и IV вв. до н. э. происходит трансформация ананьинского очага металлургии, исчезают характерные для АКИО предметы вооружения из бронзы, такие как кельты, наконечники копий и чеканы (Кузьминых, 1981, с. 180; Чижевский, 2017).

Для данного периода было получено две даты по ¹⁴C, которые характеризуют время существования Зуевключевского I гор. – 2245±25 (390–350 CalBC) Ле-6493; 2280±30 (400–360 CalBC) Ле-6494 (Черных, 2009, табл. 1, 2, 3).

Значительная часть предметов-хроноиндикаторов приходится на наконечники стрел. На этом этапе существовали лишь трехлопастные (С-40, С-41, С-44, С-46, С-50, С-52, С-54) и трехгранные (С-66, С-92, С-94, С-98) наконечники стрел. В массе своей они датируются IV–III вв. до н. э., иногда IV–II вв. до н. э. (Чижевский, 2017).

Железные мечи позднего периода ананьинской классической культуры представлены мечами с навершиями в виде голов животных, которые происходят из Висимской дачи и пос. Юг (Пермский край). Рукояти кинжалов рамчатого типа, центральная часть покрыта стилизованным орнаментом, перекрестие дуговидное (изогнутое брусковидное) с намеченным переломом в центре. Мечи и кинжалы с перекрестиями подобной формы относятся к мечам т. н. переходного типа и встречаются в раннепрохоровских древностях, где

они датированы IV в. до н. э. (Чижевский, 2017, с. 210, 211).

Еще два меча – из урочища Малая Чеганда и пос. Усть-Качка – представлены изделиями с навершием в виде лап хищных птиц (тип Солоха), соединенных поперечной перекладиной. В основании навершия располагаются два кружка, гарда узкая, бабочковидная, рукоять псевдорамчатая. По скифским, позднесавроматским и прохоровским древностям датированы в рамках конца V–IV вв. до н. э. (Чижевский, 2017, с. 212).

Особое место среди памятников позднего периода АКИО занимает погр. 6 Котловского мог., в составе погребального инвентаря которого присутствуют: глиняный сосуд, биметаллический нож типа Н-26 с рукоятью, выполненной в виде хищной птицы, восьмерковидное украшение, бляшка с изображением хищника, литой переходник для ремня с четырьмя отверстиями, две конусообразные височные подвески, бляха в виде хищной птицы, нашивная бляха с изображением животного, а также бляха с изображением человеческого лица. По совокупности датирующих предметов время существования погр. 6 Котловского мог. может быть определено в рамках IV – начала III вв. до н. э. (Чижевский, 2017, с. 218–220).

Предметы-хроноиндикаторы в составе конской упряжи представлены многочисленными костяными псалиями концеворского типа, которые использовались на протяжении всего позднего периода АКИО и железным налобником из Заюрчимского I сел. Аналогичные налобники известны у среднедонских и причерноморских скифов, а также у ранних сарматов, где они датируются в рамках V–IV вв. до н. э. (Чижевский, 2017, с. 202, 203, 205).

К позднему периоду ананьинской классической культуры АКИО относятся поясные зооморфные крючки-застежки, металлические и костяные (Чижевский, 2017). Металлические крючки близкой формы известны на Среднем Дону, в Прикубанье, степной Скифии и Крыму (Гуляев, 2016, с. 8).

Остальные хроноиндикаторы связаны с украшениями, все даты даны по аналогиям (Чижевский, 2017). В первую очередь к ним относится подвеска в форме лука с наложенной на него стрелой и круглой петлей для подвешивания в средней части тетивы, которая датирована IV в. до н. э., происходит из Заосиновского I поселения.

Височная проволочная кольцевидная подвеска с конусовидным завершением из закрученного спиралью конца проволоки, раскованной в плоскую ленту, была найдена на городище Алтен-Тау. Время ее существования определено рамками IV–III/II вв. до н. э.

S-видные височные подвески или подвески в виде проволочных восьмерок, по А.В. Збруевой

(Збруева, 1952), известны по находкам в Ананьинском, Зуевском и Оханском могильниках, в позднеананьинском жилище Зуевключевского I городища, датированы IV–III/II вв. до н. э., но массовое распространение получили уже в пьяноборское время.

Датирующее значение имеют крупные цилиндрические бусы низких пропорций из синего стекла, украшенные глазками, в глазках синий диск окружен белым кольцом, которые известны по материалам Зуевского могильника, Концеворского селища и Турбинского клада. Наиболее близкие аналоги относятся к типу 78а (по Алексеевой) античных бус, судя по наличию в глазках следов керамической основы, на которой формировалось ядро; они относятся к ранним экземплярам, датируемым V–III вв. до н. э. (Алексеева, 1975, с. 68, табл. 15: 11).

В III в. до н. э. завершается поздний период существования ананьинской классической культуры. Выразительных комплексов II в. до н. э., связанных с данной культурой, не выявлено.

Локальные варианты не выделены, имеются некоторые различия между памятниками северной и южной агломераций, обусловленные, вероятно, влиянием на население южной агломерации вятско-ветлужской и постмаклашевской культур АКИО, а также воздействием кочевников Приуралья.

Историко-археологическая интерпретация. Социальное устройство общества носителей ананьинской классической культуры реконструируется на основе данных погребального обряда.

Основная часть умерших была погребена в могильных ямах, подготовка которых не требовала значительных усилий. Однако выделяются могильные ямы с введенным в них срубом – т. н. деревянные гробницы (19 погр.) и каменные ящики (7 погр.), которые требовали значительно больших трудозатрат для их сооружения. Еще больших трудозатрат требовалось для возведения трех каменных колец вокруг шести погребений Ананьинского могильника, над которыми, вероятно, сооружались земляные насыпи.

По количеству фиксируемых в погребениях категорий погребального инвентаря выделено три группы захоронений⁴.

1. Рядовые захоронения I уровня (211). Данная группа представлена безынвентарными погребениями или погребениями с 1–2 вещами. Наиболее частой находкой здесь является керамика, причем встречены захоронения с двумя и даже тремя сосудами. Кельты и ножи также встречаются

⁴ В данном случае учитывались только неразрушенные погребения 342 из 390.

достаточно часто. Среди находок отмечены также кинжалы, конская упряжь и другие социально значимые вещи.

2. Рядовые захоронения 2 уровня (122), которые содержали от 3 до 7 категорий вещей. Чаще всего в захоронениях второй группы присутствуют глиняные сосуды и кельты, причем в ряде случаев вместо кельтов помещались чеканы. Достаточно частой находкой являются наконечники стрел и элементы одежды. Большая часть находок кинжалов также приходится на вторую группу захоронений. Зафиксирована здесь и конская упряжь.

3. Богатые погребения (9), которые содержали от 8 категорий вещей до 11. Самой представительной категорией предметов этой группы являются остатки одежды, чуть менее часто встречаются наконечники стрел и керамика, а также наконечники копий, кельты, гривны и височные подвески. Здесь найдены кинжалы и конская упряжь.

В целом можно говорить о примерно одинаковом составе погребального инвентаря у всех выделенных групп погребений, что может свидетельствовать о слабой имущественной стратификации носителей ананьинской классической культуры АКЮ. В то же время существующая неравномерность в трудозатратах на обустройство места погребения, вероятно, отражает структуру ананьинского социума, в котором одним членам общины полагались простые погребальные сооружения, а другим более сложные и затратные. По всей видимости, это явление отражает процесс выделения

небольшой прослойки людей, не отличающихся от других по своему богатству, но выделяющихся по своему положению в социуме и, соответственно, требующих оказания им больших почестей при погребении, чем рядовые общинники.

На протяжении всей своей истории существования ананьинская классическая культура взаимодействовала не только с культурами АКЮ, но и имела культурные и экономические связи с другими регионами. В начале раннего железного века основным направлением таких связей был Северный Кавказ (кобанская культура), в средний период – территория Казахстана и Центральная Азия (алды-бельская, сакская и тасмолинская культуры), Северное Причерноморье (скифская культура), Западная Сибирь (гамаюнская, иткульская и красноозерская культуры) и приуральские степи (савроматская культура). В поздний период круг внешних связей сужается, на юге поддерживаются контакты со среднедонскими скифами и ранними сарматами, на востоке – с Западной Сибирью.

В конце позднего периода, вероятно, под влиянием внешних факторов происходит трансформация ананьинской классической культуры АКЮ и возникновение на ее основе во II в. до н. э. новых археологических культур второй фазы раннего железного века – пьяноборской и гляденовской (Голдина, 2004, с. 202, 203; Останина, 2007, с. 167; 2013а; Перескоков, 2018, с. 5; Иванов, 2021, с. 217; 2021а, с. 95).

ГЛАВА 5

АНАНЬИНСКАЯ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКАЯ ОБЛАСТЬ. ВЯТСКО-ВЕТЛУЖСКАЯ КУЛЬТУРА (ГРЕБЕНЧАТО-ШНУРОВОЙ КЕРАМИКИ)

О необходимости выделения вятско-ветлужской культуры в составе ананьинской общности впервые высказался В.Н. Марков в 1988 г.; им же были предложены границы ее территории, в пределах рр. Ветлуги и Вятки, а также областей, прилегающих к устьям этих рек по Волге и Каме (1988). В развитие идей В.Н. Маркова последовало выделение ананьинской культуры гребенчато-шнуровой керамики (АКГШК) в пределах ананьинской культурно-исторической области (АКИО) (Чижевский, 2002; Кузьминых, Чижевский, 2009). Однако в дальнейшем анализ керамических комплексов показал приуроченность гребенчато-шнуровой керамики лишь к ограниченному отрезку времени существования культуры и выявил, таким образом, несоответствие между названием – ананьинская культура гребенчато-шнуровой керамики и ее внутренним содержанием (Чижевский, Оруджов, 2021). В настоящее время в названии зафиксирован территориальный признак данной археологической культуры – вятско-ветлужская культура АКИО.

Генезис культуры. В.Н. Марков связывал происхождение гребенчато-шнурового керамического комплекса с Пермским Прикамьем, где на памятниках начала раннего железного века сочетается гребенчатая (лебяжская) и сложношнуровая керамика. По его мнению, именно здесь в результате смешения носителей ананьинской классической культуры сложношнуровой керамики и лебяжской культуры Северного Приуралья возникла традиция украшения глиняной посуды гребенчато-шнуровыми отпечатками (Марков, 1988а, с. 103; 2007, с. 57).

Существует и другая точка зрения, представители которой предполагают формирование практики изготовления гребенчато-шнуровой керамики севернее, на территории Европейского Северо-Востока (ЕСВ) (Савельева, 1971, с. 177–178; Лузгин, 1972, с. 112, 113; Ашихмина, Васкул, 1997, с. 320).

По наблюдениям исследователей, сложение традиции изготовления гребенчато-шнуровой керамики относится к VIII в. до н. э., ко времени после исчезновения лебяжской культуры позд-

него бронзового века (Ашихмина, Васкул, 1997, с. 318–320).

Население, в составе материальной культуры которого была гребенчато-шнуровая керамика, освоило территории в бассейнах Вятки и Ветлуги позже и уже в сформировавшемся виде, после миграции из места первоначального формирования (Марков, 1988а, с. 105; 2007, с. 57, 63). С этого момента и начинается собственно история вятско-ветлужской культуры.

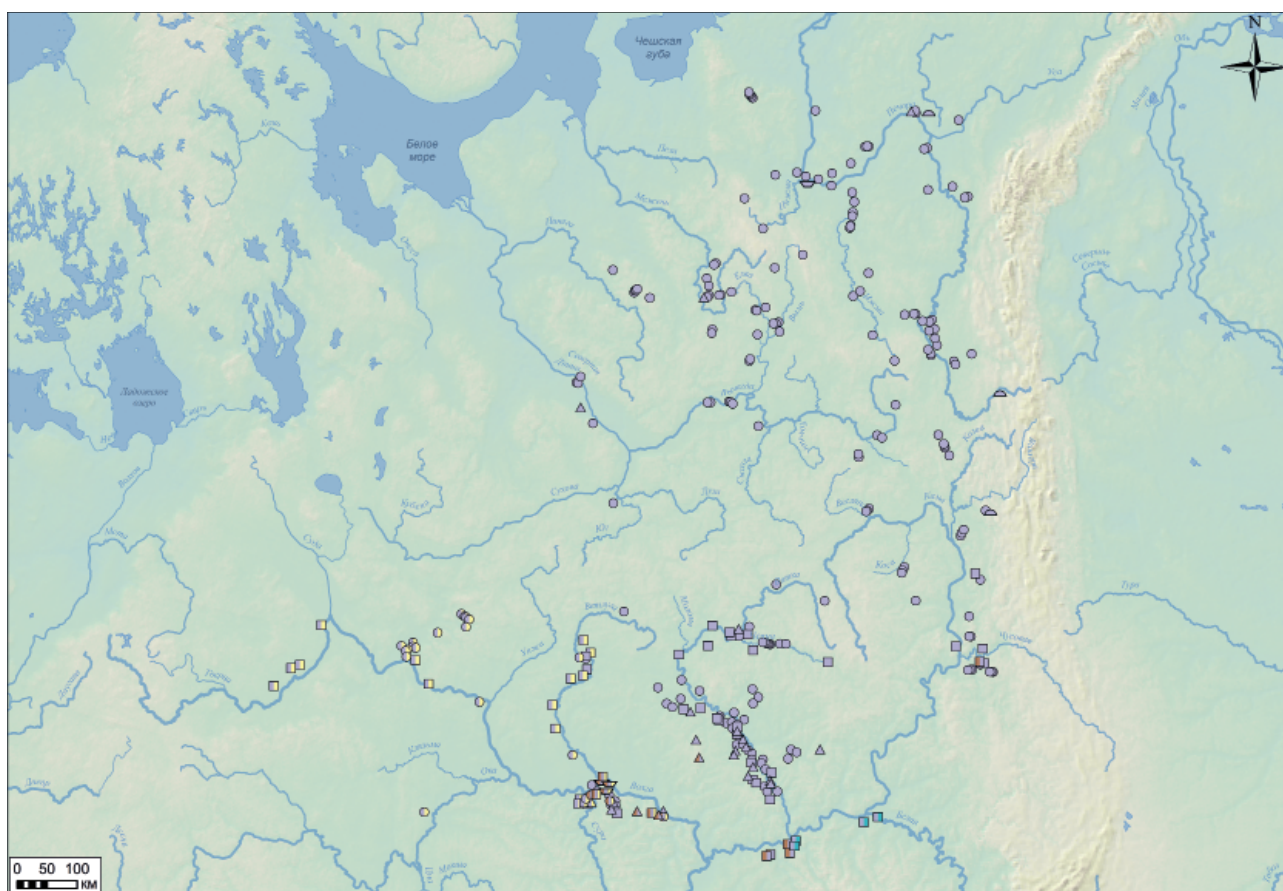
Однако имеющиеся свидетельства существования ананьинских популяций на территории Вятки до появления гребенчато-шнуровой керамики (Черных и др., 2002, с. 28–31) позволяют предположить участие в формировании вятско-ветлужской культуры и местного, постмаклашеевского населения.

По разным оценкам окончательное оформление вятско-ветлужской культуры произошло в VIII – середине VII вв. до н. э. или же во второй половине VII в. до н. э. (Черных и др., 2002, с. 183; Чижевский, Оруджов, 2021, с. 12).

Ареал. Центральными регионами вятско-ветлужской культуры АКИО были две реки – Вятка и Ветлуга, где наблюдается максимальная концентрация памятников с гребенчато-шнуровой керамикой. Однако влияние вятско-ветлужской культуры не ограничивалось указанными реками, оно простиралось на территории севера Средней Камы и ее верховий, Европейского Северо-Востока и Верхнего Поволжья (рис. 1) (Кузьминых, Чижевский, 2020, с. 248, 249, илл. 2; Чижевский, Оруджов, 2021, с. 18).

Ареал вятско-ветлужской культуры АКИО охватывал различные ландшафтные зоны: на юге – подтаежную и южнотаежную, на севере – среднетаежную, северотаежную и лесотундровую (Исаченко, 1985; Исаченко, Шляпников, 1989).

Поселения вятско-ветлужской культуры представлены 225 памятниками. Монокультурные поселения располагались в основном на востоке и севере, а смешанные – на западе и юге ареала распространения (рис. 1). Это явление связано с условиями формирования культуры на северо-востоке ее территории и постепенным движением

Условные обозначения:

- ▲ пещера
- селище вятско-ветлужской культуры АКИО
- городище вятско-ветлужской культуры АКИО
- ▲ местонахождение вятско-ветлужской культуры АКИО
- ▼ могильник вятско-ветлужской культуры АКИО
- ▲ смешанные памятники с керамикой вятско-ветлужской и ананьинской классической культур АКИО
- ▲ смешанные памятники с керамикой постмаклашеевской и вятско-ветлужской культур АКИО
- ▲ смешанные памятники с керамикой вятско-ветлужской и аозинско-ахмыловской культур АКИО
- ▼ смешанные памятники с керамикой вятско-ветлужской, постмаклашеевской и аозинско-ахмыловской культур АКИО

Рис. 1. Памятники вятско-ветлужской культуры АКИО

носителей гребенчато-шнуровой керамики на юг и запад в зоны контроля других археологических культур.

На данный момент известно 54 городища вятско-ветлужской культуры, но наиболее изученными являются укрепленные поселения, расположенные в бассейне р. Вятки (рис. 2: 1–6). В настоящее время их количество достигает 24. Городища здесь известны лишь в нижнем и среднем течении Вятки (рис. 3–6). Выше устья р. Чепцы городищ нет (Митряков, Черных, 2014; Оруджов, 2017).

Вятские городища подразделяются на два морфотипа: укрепленные поселения первого типа (высота 13–20 м от уровня реки) размещались на невысоких террасах; памятники, относящиеся ко второму морфотипу, – на высоких водораздельных мысах (30 м и выше) (Хисяметдинова, Чижевский,

2018, с. 112, 125, 128; Чижевский, Хисяметдинова, 2020).

В расположении поселений на р. Вятке наблюдается определенная система: они как бы вытянуты вдоль основного русла реки, на расстоянии от 20 до 40 км друг от друга. Такой линейный принцип расселения демонстрирует, вероятно, особенности процесса освоения региона, предполагавшего установление контроля над главной речной магистралью и закрепление территории за определенными группами. Очевидно, не случайным выглядит и появление традиции строительства городищ именно в среднем и нижнем течении Вятки, где освоенность территории на этапе финала бронзового века и до появления носителей АКИО была заметно выше, нежели на Верхней Вятке (Сенникова, 2006). На притоках Вятки известно шесть городищ: на Ашланке (Сабуяль-

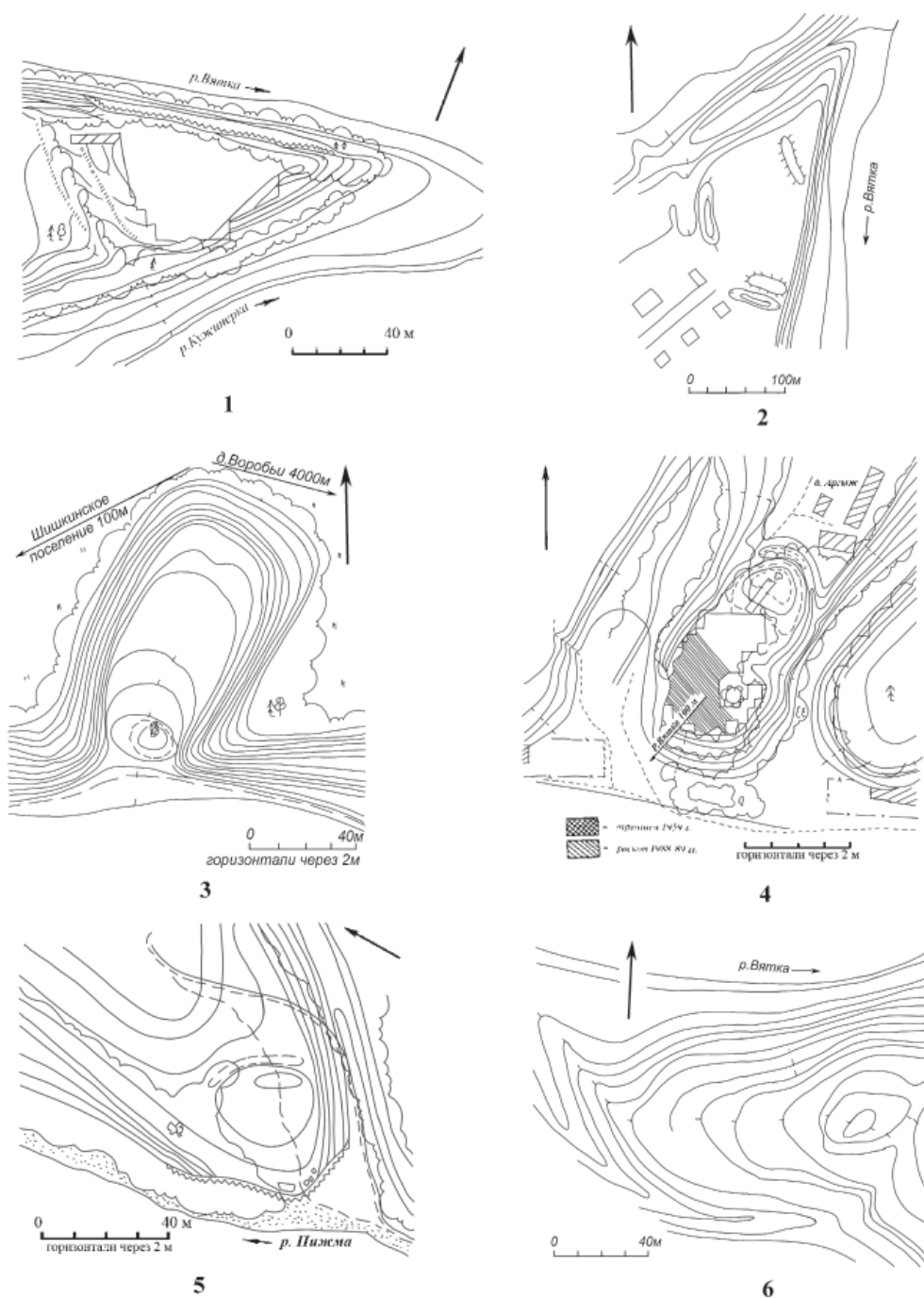

Рис. 2. Топографические планы вятских городищ
1 – Буйское; 2 – Никульчинское; 3 – Ройское; 4 – Аргыжское; 5 – Пижемское; 6 – Белоглазовское

ское), Пижме (Горское), Чепце (Кривоборское и Кушманское), еще два – на Шошме (Чутайские I и II) (рис. 3).

Городища, расположенные выше устья Пижмы, занимают, как правило, узкие стрелки мысов треугольной в плане формы. Для их размещения выбирались открытые к реке высокие террасы, имевшие стратегическое для данной местности значение. Для таких городищ, как Никульчинское, Скорняковское (рис. 4), Истобенское, важную роль играл, по-видимому, фактор близости крупных вятских притоков. Для их устройства были

выбраны мысы, развернутые стрелкой против течения Вятки.

Как правило, городища размещались по одному, но в двух случаях (Чутайские I и II, Свиногорское I и II) – парой, занимая соседние мысы. Выделяются также своеобразные «пары» городищ, расположенных на небольшом (до 10 км) расстоянии одно от другого – Чижевское и Наговицынское (рис. 5), Лебяжское и Белоглазовское. За таким размещением исследователи обычно склонны усматривать различные социально-экономические факторы, но здесь важно помнить, что время

Рис. 3. Вид на Чутайское I городище с северо-востока. Фото А.Л. Кряжевских 2012 г.

функционирования вятских городищ определяется широко, а это означает, что они могли существовать не одновременно.

С напольной стороны городища укреплялись одним валом и рвом. По форме в плане выделяются короткие прямые валы, а также насыпи курганообразной и дуговидной формы (Ванчиков, 1992, с. 77). Судя по материалам Аргыжского городища, вал сооружался в виде конструкции из двух рядов бревенчатых стенок, с заполнением пространства между ними землей и камнем (Стоянов, 1959; Черных и др., 2002, с. 13). На Скорняковском городище была зафиксирована только одна подпорная стенка (рис. 7) (Чижевский, Черных, Хисяметдинова и др., 2016, с. 78, 81, 88). Такая технология строительства валов была широко распространена в ареале культур АКИО; известны и исторические свидетельства строительства таких дерево-земляных укреплений на территории современной Российской Федерации вплоть до I в. н. э. (Чижевский, Хисяметдинова, 2020, с. 247, 248). Дополнительно насыпь могла укрепляться каменными выкладками, блоками дерна или отсыпкой глины. В насыпи вала присутствуют следы строительных ритуалов – черепа лошадей и крупного рогатого скота, уложенные параллельно оси вала (Митряков, Черных, 2014, с. 155; Чижевский, Черных, Хисяметдинова и др., 2016, с. 70, 83).

Анализ планиграфической ситуации на Аргыжском городище позволил выявить также присутствие укреплений по периметру городищенской площадки (Черных и др., 2002, с. 14), по всей видимости, такие укрепления практиковали и на других вятско-ветлужских городищах. Верхняя часть вала могла дополнительно укрепляться бревенчатой стеной, забором или плетнем (Митряков, Черных, 2014, с. 155).

Размеры жилых площадок вятских городищ составляют от 400 до 10147 кв. м. Присутствие на них различных построек и культурный слой мощностью до 1,5–2 м (Пижемское, Буйское, Аргыжское, Мальковское городища и др.), насыщенный золой и костями животных, свидетельствуют об их использовании для постоянного проживания (Ванчиков, 1992, с. 77; Митряков, Черных, 2014, с. 151).

Селища располагались в поймах рек на не затопляемых весенним половодьем участках вторых и третьих пойменных террас, дюнных всхолмлениях, пойменных останцах, мысовых участках коренных террас крупных рек и их притоков, обычно в более низком рельефе, чем городища, а также на берегах озер (Ванчиков, 1992, с. 78, 79; Новилов, 2018, с. 40).

Селища вятско-ветлужской культуры полностью не исследовались, поэтому все оценки их

Рис. 4. Скорняковское городище, вид с севера – северо-запада, фото 2012 г.

площадей условны. Тем не менее примерная оценка показывает, что в среднем площадь селищ в вятском бассейне составляет около 4000 кв. м (почти половина из них не превышает 1000 кв. м) (Ванчиков, 1992, с. 79), а в Костромском Поволжье около 2000 кв. м (Оруджов, 2017, рис. 1; Новиков, 2018, табл. А5).

Среди неукрепленных поселений вятско-ветлужской культуры выделяются стационарные поселения (селища) и кратковременные стоянки. Селища характеризуются наличием жилых сооружений, кострищ, ям и культурным слоем мощностью до 0,3 м, слабо насыщенным костями животных, створками раковин, фрагментами керамики и кремневых изделий. Следует отметить, что в культурном слое селищ существенно меньше находок костей и керамики, приходящихся на единицу площади по сравнению с городищами (Ванчиков, 1992, с. 79; Митряков, Черных, 2014, с. 157, 158).

Стоянки или, по В.В. Ванчикову, «места посещения», как правило, выявляются случайно при раскопках широкими площадями памятников иных эпох. На них фиксируются лишь отдельные обломки ананьинских сосудов либо, как на энеолитическом Усть-Курьинском поселении, одна очажная яма с фрагментами керамики от двух-трех сосудов (Ванчиков, 1993, с. 19; Митряков, Черных, 2014, с. 158).

Постройки вятско-ветлужской культуры среднего периода наиболее полно изучены при исследовании Аргыжского городища (рис. 8: 1, 2). Для этого памятника характерны наземные жилища площадью 80–100 кв. м, представлявшие собой прямоугольные бревенчатые постройки с двухскатной крышей и небольшими сенями-тамбуром перед входом (рис. 8: 4).

Застройка в пределах городищ характеризуется жилыми, хозяйственными, производственными и культовыми сооружениями, в размещении которых доминирует рядовой принцип (рис. 8: 5). Так, поселок на Аргыжском городище состоял из трех рядов сооружений, причем жилые постройки размещались в крайних рядах. Центральный ряд включал крупную хозяйственную постройку и культовое здание. Вблизи вала находилась постройка (площадь около 8 кв. м), возможно меднолитейная мастерская. Хозяйственные ямы, служившие для хранения продовольственных запасов, были вынесены за пределы жилой застройки и занимали отдельный ряд вдоль мысового склона (Черных и др., 2002, с. 57, рис. 6).

Подобным же образом, как показывают результаты раскопок, было организовано поселение на Буйском городище. Единственное изученное на нем ананьинское жилище было развернуто под углом к внешним рубежам. Хозяй-

Рис. 5. Вид на вал Наговицынского городища с юго-запада. Фото А.Л. Кражевских 2012 г.

ственные ямы размещались отдельно, вблизи вала, а святилище – на южной периферии укрепленного мыса. Пример этих двух поселений позволяет говорить о некоторой общности принципов застройки городищ вятско-ветлужской культуры (Митряков, Черных, 2014, рис. 7: 2).

Жилища позднего этапа исследованы в 1960 г. Л.П. Гуссаковским на Никульчинском городище. Своеобразие их заключается в малых размерах жилого помещения (около 10 кв. м) и наличии глиняной подмазки полов (Черных, 2008, с. 228).

Среди вятских жилищ выделяется своей формой постройка, раскопанная В.В. Ванчиковым на Грехневском поселении и интерпретированная им как одно большое жилище размером 18,5×8–13 м, площадью 175 кв. м. (рис. 8: 3). По мнению Е.М. Черных, это были остатки двухкамерного жилища. Меньшая камера отапливалась очагом в центре, большее помещение – двумя угловыми очагами. По всей видимости, постройка совмещала функции жилья и производственного помещения: в очагах и рядом с ними обнаружены многочисленные капли бронзы, более двух десятков развалов глиняных сосудов, фрагменты железных вещей и каменных орудий (Ванчиков, 1996, с. 19–21; Черных, 2008, с. 41; Митряков, 2015, с. 107; рис. 1).

Характеристика керамики (рис. 9–11). Керамика вятско-ветлужской культуры представлена горшковидными и чашевидными сосудами с невысокими слабовыпуклыми плечиками и низкими, иногда сильно отогнутыми горловинами на Вятке и цилиндрошейными на Ветлуге, изготовленными из глины с примесью толченой раковины, реже дресвы или шамота, а также органики из навоза жвачных животных. Цвет сосудов: коричневый и темно-серый, толщина стенок составляет 0,3–1,0 см. В тесте фиксируется примесь средне-толченой раковины, изредка встречаются включения шамота. Цветовая гамма поверхности сосудов неравномерна: на фоне серого или коричневого часто выделяются темные и красноватые пятна, что говорит о неравномерности обжига сосудов. Довольно часто, как с внешней, так и с внутренней стороны, встречается нагар. При заглаживании поверхности сосудов использовались гребенчатый штамп, кожа и ткань, известны сосуды с подлощенной поверхностью (Черных и др., 2002, с. 29; Марков, 2007, с. 47, табл. 28; Оруджов, 2017, с. 89; Новиков, 2018, с. 49–69, 136, табл. А.7; 2021, с. 135–149; Швецова, 2021, с. 164–169).

Судя по материалам Аргыжского городища, наибольшее распространение имела керамика с диаметром горловины 16–25 см (42,4%), однако встречаются и маленькие сосуды размером до

Рис. 6. Городище Грахань, вид с северо-запада, фото 2019 г.

10 см, и очень большие, более 36 см (Черных и др. 2002, с. 29, табл. 5). По оформлению среза венчика выделяется девять вариантов: плоский, округлый, приостренный, с наплывом с внешней и внутренней стороны (Т-образный), с наплывом с внешней стороны (Г-образный), с краем, скошенным вовнутрь, округло-приостренный, округло-утолщенный с валиковым наплывом, слегка скошенный наружу или гофрированный (Черных и др. 2002, с. 29; Новиков, 2021, с. 137).

Как уже отмечалось, керамика вятско-ветлужской культуры по форме шейки делится на горшковидные и чашевидные сосуды. В свою очередь, по степени отогнутости шейки среди сосудов горшковидной формы выделяются сосуды с сужающимся горлом (I тип), с вертикальной или слабо отогнутой горловиной (II тип), со средне отогнутой горловиной (III тип) (по: Марков, 2007). Чаще всего на поселениях встречаются сосуды II (46,4–64,8%) и III (34,1–51,6%) типов, с преобладанием керамики с вертикальной или слабоотогнутой горловиной. Значительно реже встречались горшковидные сосуды I типа с сужающимся горлом (0,4–2,6%). Находки чашевидных сосудов (IV тип) также редки (1,6–4,6%) и представлены не на всех памятниках (Черных и др., 2002, с. 29; Марков, 2007, табл. 27).

Наряду с непрофилированной, без дополнительных рельефных элементов шейки керамикой, начиная с первого этапа среднего периода, появляются профилированные – с валиками (рис. 9: 6, 8, 9, 12, 13, 15, 17, 18, 20), а затем и сосуды с воротничком на шейке (рис. 10: 2–4, 6, 8, 9, 13–16, 19–21). Интересны сосуды с ушками для подвешивания (рис. 11: 5), а также миниатюрные сосудики (рис. 11: 1–3) (Черных и др., 2002, с. 31; Митряков, Черных, 2014; Чижевский, Оруджов, 2021).

Орнаментация сосудов вятско-ветлужской культуры на разных этапах имела значительные различия и развивалась от сложного гребенчато-шнурового орнамента к простому – ямочному.

На ранней вятской керамике преобладает гребенчатая и шнуровая орнаментация. Судя по данным публикации Одоевского городища, близкая картина наблюдается и на Ветлуге, но количество шнуровой керамики здесь значительно меньше (Марков, 2007, с. 47; Новиков, 2021, с. 140). Почти всегда гребенчато-шнуровые отпечатки на Вятке сопровождаются ямками (зачастую глубокими, иногда сквозными с «жемчужинами» с внутренней стороны или т. н. «глазчатými»), расположенными обычно пояском на шейке или в ее основании; на Ветлуге значительная часть посуды ямочного орнамента не имеет.

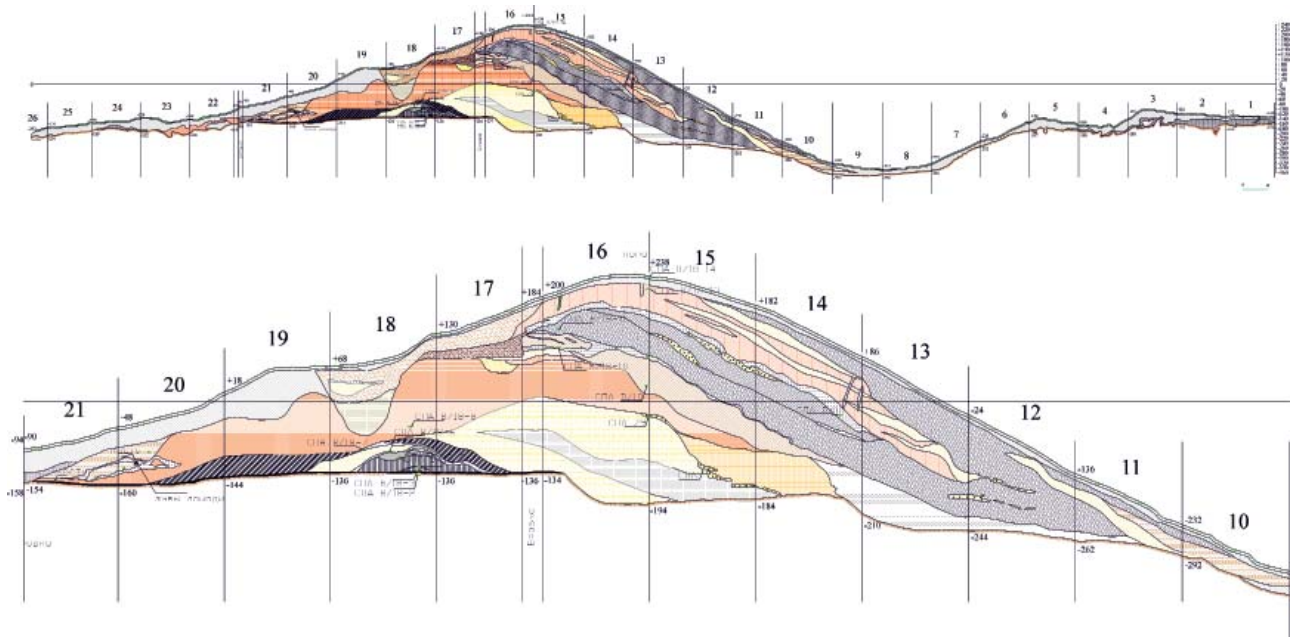

Рис. 7. Скорняковское городище, разрез (профиль) юго-восточной стенки

Для гребенчато-шнуровой керамики характерны оттиски шнурового орнамента, сгруппированные по две-четыре и более линий. Нередко они чередовались с гребенчатым штампом, который располагался короткими наклонными и горизонтальными линиями. Однако часть сосудов орнаментировалась исключительно гребенчатым или только шнуровым орнаментом.

В шнуровой орнаментации наряду с простыми горизонтальными линиями использовался шнур, нити которого были направлены в разные стороны, образуя «косичку», изредка шнуровые отпечатки образовывали волну, зигзаг и наклонные линии.

Для гребенчатой орнаментации характерны, как уже упоминалось, короткие наклонные и горизонтальные линии, а также зигзаг, горизонтальная елочка, перекрещивающиеся линии. Изредка встречаются элементы орнамента в виде лесенки и «гусиной лапки». В ряде композиций используются фестоны (Марков, 2007, с. 47, 48; Митряков, Черных, 2014; Новиков, 2021, с. 140–144, рис. 14).

Сочетание гребенчатых и шнуровых элементов на одном сосуде придает им необычный и исключительно изысканный вид.

На поздних этапах существования культуры орнаментация становится более скудной, происходит упрощение композиций, отказ от сложных орнаментальных мотивов, распространяются сосуды без орнамента или с бедной орнаментацией, украшенные исключительно ямками, разреженным шнуром и редким гребенчатым штампом (Митряков, Черных, 2014; Оруджов, Чижевский, 2021).

Характеристика вещевого комплекса. Самой многочисленной группой предметов вятско-ветлужской культуры были костяные изделия (рис. 12). Наиболее полная информация имеется лишь по вятской кости, которой посвящена отдельная монография, ассортимент готовых изделий в которой представлен более чем 30 категориями предметов (Ашихмина и др., 2006). Авторы предложили деление материала на три больших группы, дающие довольно полное представление о частоте использования костного сырья в различных сферах жизни обитателей городищ: 1) оружие, охотничье-промысловое и конское снаряжение; 2) орудия труда и их детали, предметы домашнего обихода; 3) украшения, детали одежды и предметы культа (Ашихмина и др., 2006).

Самую многочисленную и представительную часть в первой группе составляют наконечники стрел (266 целых и более 100 обломков) (рис. 12: 2–6; 8, 9, 12). Согласно статистике, наиболее массовыми для вятских городищ являются наконечники стрел с трехгранным сечением пера, узким пером и едва намеченным переходом к черешку. Такие стержневидные наконечники преобладают и среди четырехгранных в сечении стрел. Характерной деталью для вятских стержневидных наконечников является оснащение их одним или двумя шипами (Ашихмина и др., 2006, с. 26–34; Митряков, Черных, 2014; Чижевский и др., 2018, рис. 1: 11, 12).

С категориями рыболовного и охотничьего инвентаря связаны одно- и двушипные наконечники острог и гарпуны (рис. 12: 10, 11), а также сви-стульки-манки (Ашихмина и др., 2006, с. 34–38;

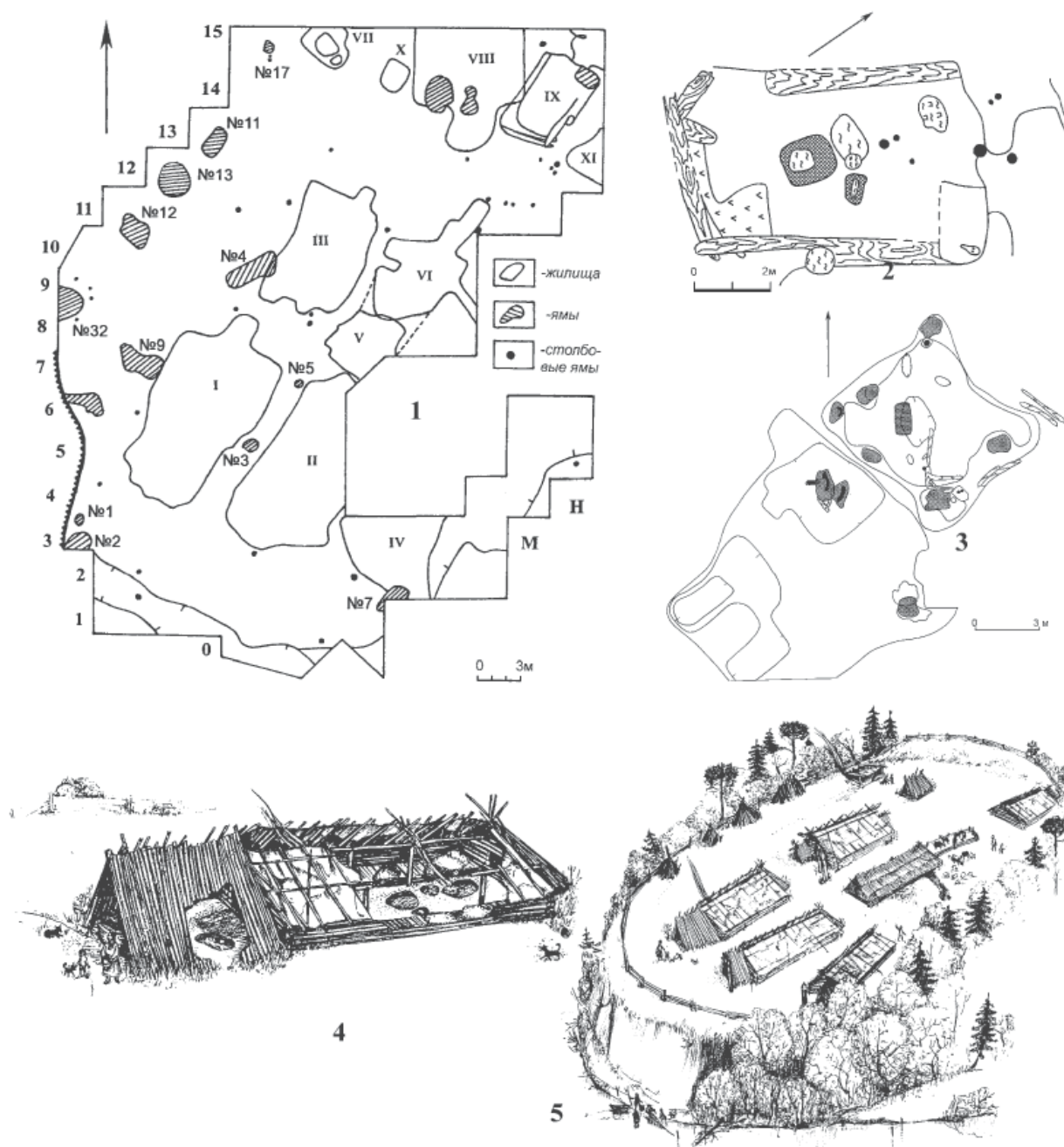

Рис. 8. Жилища АКИО в бассейне р. Вятка

1 – план раскопа 1988–1989 гг. Аргыжского городища; 2 – план жилища IX Аргыжского городища; 2 – план остатков постройки Грехневского I поселения; 3 – реконструкция жилища I Аргыжского городища; 4 – реконструкция ананьинского поселка на Аргыжском городище. 3, 4 – рисунки Л.И. Липиной

Чижевский, Черных, Хисяметдинова и др., 2016, рис. 47: 6).

Конская упряжь представлена трехдырчатыми, двухдырчатыми и однодырчатыми концегорского типа псалями (рис. 12: 7, 16–20) и подпружными пряжками прямоугольной, трапециевидной и кольцевидной формы. Иногда двухдырчатые (рис. 12: 18, 20) и концегорские псалям (рис. 12: 16, 17) украшались изображениями в зверином стиле в виде голов лося и медведя (Вараксина, 1928, табл. 6: 1, 3–6; Ашихмина и др., 2006,

с. 38–41, рис. 28: 4; 29: 7; Чижевский, 2017, рис. 15: 8, 9). Известны также детали оленьей и собачьей упряжи.

Второй категорией по количеству костяных изделий были различные острия (195 экз.): острия-проколки (рис. 12: 23, 24), острия-кочедыки, острия ножи и «ножички», острия скребки по коже и т. д., которые относятся ко второй группе предметов, предназначенных для использования в домашнем обиходе и в качестве орудий труда (Ашихмина и др., 2006, с. 42–47).

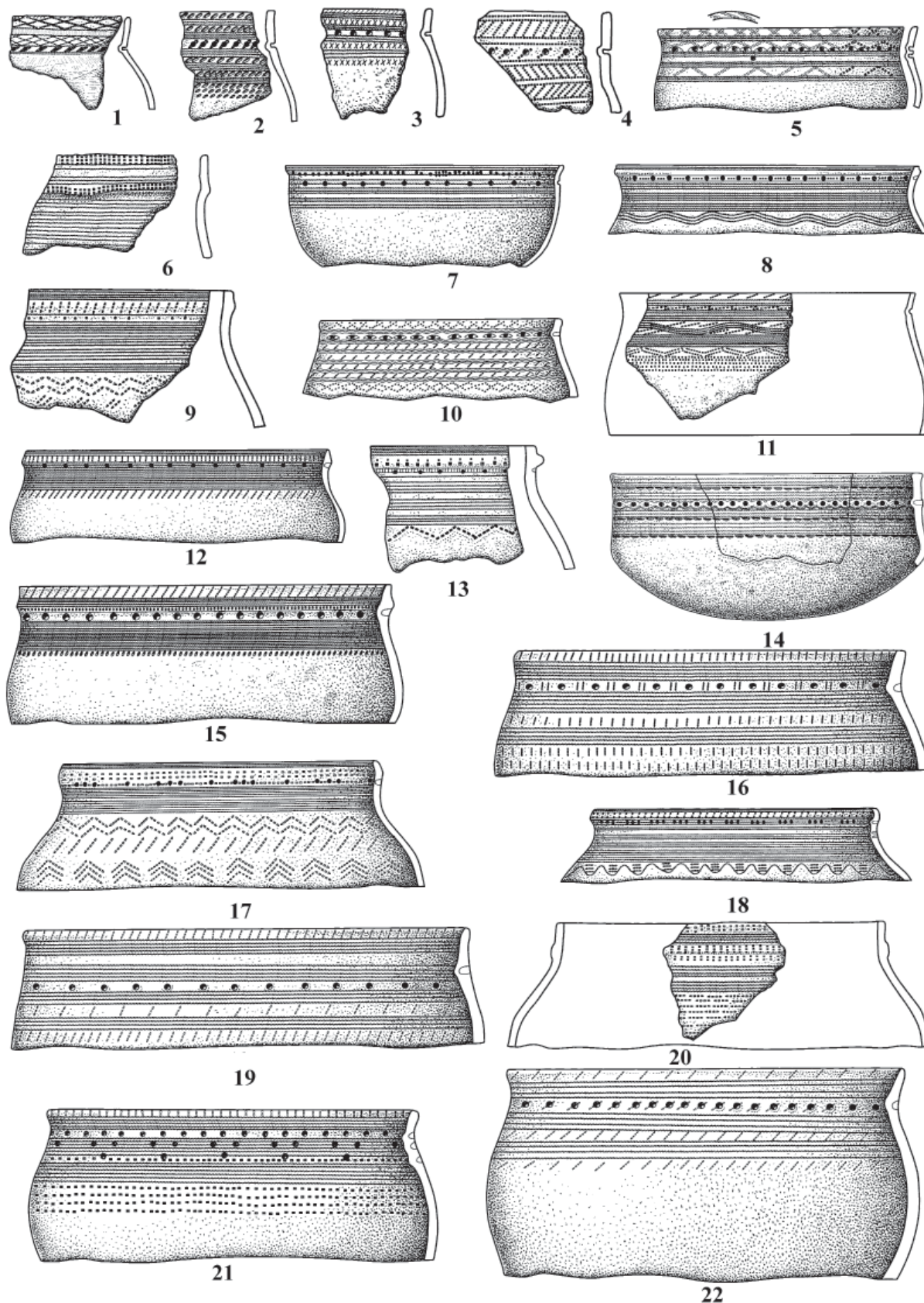

Рис. 9. Керамика вятско-ветлужской культуры АКЮ. Первый этап среднего периода. Масштаб разный
 1–4, 6, 14 – Богородское городище; 5, 8, 10, 12, 17, 18 – Аргыжское городище; 7, 11 – Грехневское I поселение; 9, 13 – Белоглазовское городище; 15 – Буйское городище; 16, 19 – Копаньское городище; 20 – Русенихинское городище; 21 – Сиухинское поселение; 22 – Васильсурское II городище.
 1–4, 6, 14, 20 – по: Стоянов, 1959а; 1959б; 9, 13, 16, 19, 21, 22 – по: Марков, 2007

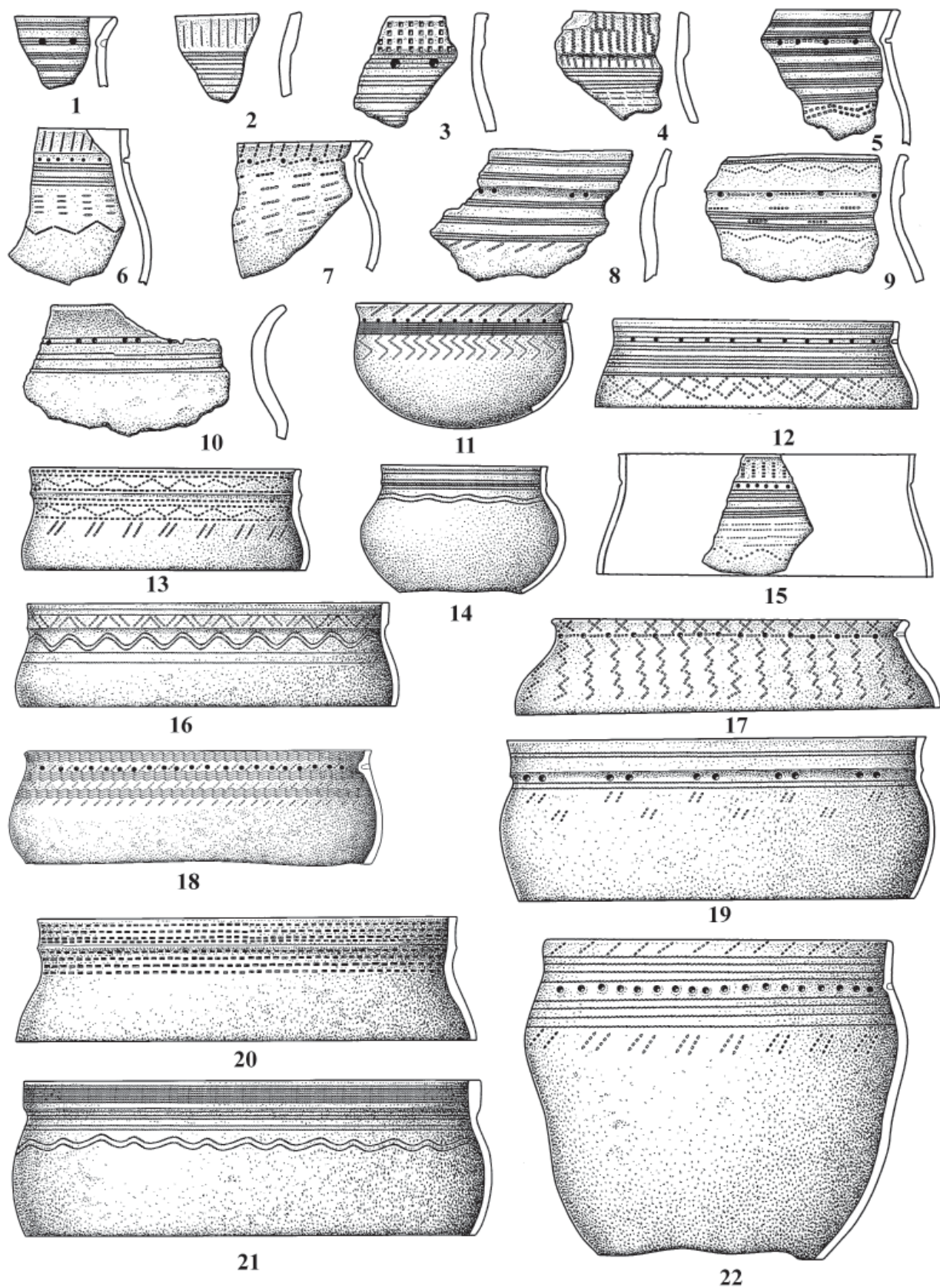

Рис. 10. Керамика вятско-ветлужской культуры АКИО. Второй этап среднего периода. Масштаб разный
 1, 12, 17, 18 – Аргыжское городище; 2–4, 6, 15 – Русенихинское городище; 5 – Ройский Шихан; 7 – Белоглазовское городище; 8–10 – Пижемское городище; 11 – Грехневское I поселение; 13, 14, 16, 19–21 – Буйское городище; 22 – Васильсурское II городище.

1, 5–7, 22 – по: Марков, 2007; 2–4, 15 – по: Стоянов, 1959а; 1959б

Наконечники мотыгообразных орудий (втоки) (98 экз.), как правило, изготавливались из берцовых и бедренных костей, один из концов которых заострен, а часто и заполирован. На противоположной части, а иногда и в центре, просверливались отверстия для крепления (рис. 12: 35, 36). Существует обширная литература о возможности использования данных изделий в качестве земледельческих орудий – мотыг (подробно: Ашихмина и др., 2006, с. 48). Однако находка такого орудия в погр. 19 Мурзахинского II могильника, где оно лежало на одной линии с бронзовым наконечником копья, заставляет предположить возможность его использования в качестве втока (Чижевский, 1997, рис. 55). В.Н. Марков выдвигал предположение о том, что данные изделия применялись в качестве наконечников лыжных палок (личное сообщение В.Н. Маркова). Е.М. Черных высказано предположение об использовании этих предметов в ритуалах, связанных с почитанием медведя (Ашихмина, Черных и др., 2006, с. 49).

Значительна коллекция лопаток-тупиков (52 экз.), которые использовались, вероятно, не только в кожевенном деле; выделяются втульчатые, стрежневые с круглой рукоятью и стержневые с плоской рукоятью изделия (рис. 12: 21, 25, 33, 34). Треть из них (17 предметов) украшены различными изображениями, использовался геометрический орнамент, зооморфные образы, а также прорезные и рельефные изображения ног и обуви (рис. 12: 21, 33, 34) (Вараксина, 1929, табл. 5: 4–8; Ашихмина и др., 2006, с. 50–54).

Многочисленны и разнообразны рукояти орудий, которые использовались для шильев и ножей. Некоторые из них украшены скульптурными изображениями, выполненными в художественном зооморфном стиле: в виде головы или головы и передних лап медведя, кошачьего хищника, волка, лося. Среди находок известны также плоскостные полнофигурные рельефные изображения хищников (рис. 12: 14, 22, 26, 28–30) (Вараксина, 1929, табл. 7: 12; Ашихмина и др., 2006, с. 54–57, рис. 63: 5–7; 89: 8; Чижевский, 2017, рис. 15: 11, 14, 15; Чижевский, Хисяметдинова, 2020, рис. 174: 12).

Остальные категории орудий труда из кости немногочисленны: это долота и стамески, представленные единичными экземплярами (Ашихмина и др., 2006).

К третьей группе костяных изделий относятся поясные крючки (рис. 12: 31, 32), бабки (покрытые рельефным орнаментом или сверленные) (рис. 12: 13), застежки, ложки (рис. 12: 27), гребни (рис. 12: 15), пронизки, подвески (рис. 12: 1) и т. д. Некоторые изделия, такие как поясные крючки и гребни, украшались рельефными сти-

лизованными орнитоморфными и зооморфными изображениями (Ашихмина и др., 2006, с. 59–67; Чижевский, 2017, рис. 15: 13, 16–22).

Судя по материалам городищ, носители вятско-ветлужской культуры на ранних этапах своего существования активно использовали кремневые орудия и оружие (рис. 13): наконечники стрел из камня (рис. 13: 12), кремневые ножи (рис. 13: 14) и пластины с ретушью, скребки (рис. 13: 1–10, 21–31), проколки, отбойники (рис. 13: 11). Кроме того, известна находка каменного топора. О местном производстве каменных изделий свидетельствуют многочисленные сколы и отщепы, заготовки различных орудия, в частности, заготовка бифаса в начальной стадии на пластине (рис. 13: 13). Другие приспособления из камня, такие как зернотерки, кресальные камни, терочники, отбойники, оселки и др., использовались, вероятно, на всем протяжении существования АКЮ (Бадер, 1951, рис. 13: 36; Черных и др., 2002, рис. 48, 49; Митряков, Черных, 2014, рис. 15: 1–10; Чижевский, Хисяметдинова, 2020, рис. 174: 13).

Среди предметов из камня наибольшей выразительностью отличаются пряслица, орнаментированные и без орнамента (рис. 14: 1–8, 11). Орнамент на каменных пряслицах представлен в виде зооморфных и геометрических гравированных рисунков. Популярностью пользовались изображения свернувшихся хищников, а также многофигурные композиции: животные, идущие по кругу; хищники, терзающие копытных; хищники в геральдической позе (Бадер, 1951, рис. 12: 1, 2; Збруева, 1952: табл. XXV: 3–11; Черных и др., 2002, рис. 57: 3; 59: 7; 60; Черных, Тищенко, 2006, с. 125; Митряков, Черных, 2014, с. 166, 167, рис. 11: 1–8; Чижевский, Хисяметдинова, 2020, рис. 174: 14, 15).

Каменные литейные формы представлены обломками створок, изготовленных из песчаника и плитчатого известняка. Среди двустворчатых образцов выделяются формы, предназначенные для отливки шестигранных кельтов КАН-64, 76, 78, 84¹ (рис. 15: 15, 16, 20, 22, 23, 33, 34) (Збруева, 1952, XI: 6, 7; Кузьминых, 1983, с. 69–71; Черных и др., 2002, рис. 63: 3–5, 7, 8). Створки форм достигают толщины 1,5–3,0 см (Митряков, Черных, 2014, с. 167). С Пижемского городища происходят обломки форм для отливки украшений, известны также формы для изготовления шильев (?) (Збруева, 1952, табл. XI: 3).

Глиняные изделия представлены пряслицами, льячками и тиглями (рис. 4: 9, 10; 15: 17, 21, 32) (Вараксина, 1929, табл. 7: 4, 9, 10; Бадер, 1951,

¹ Типология металлических изделий дана по С.В. Кузьминых, 1983.

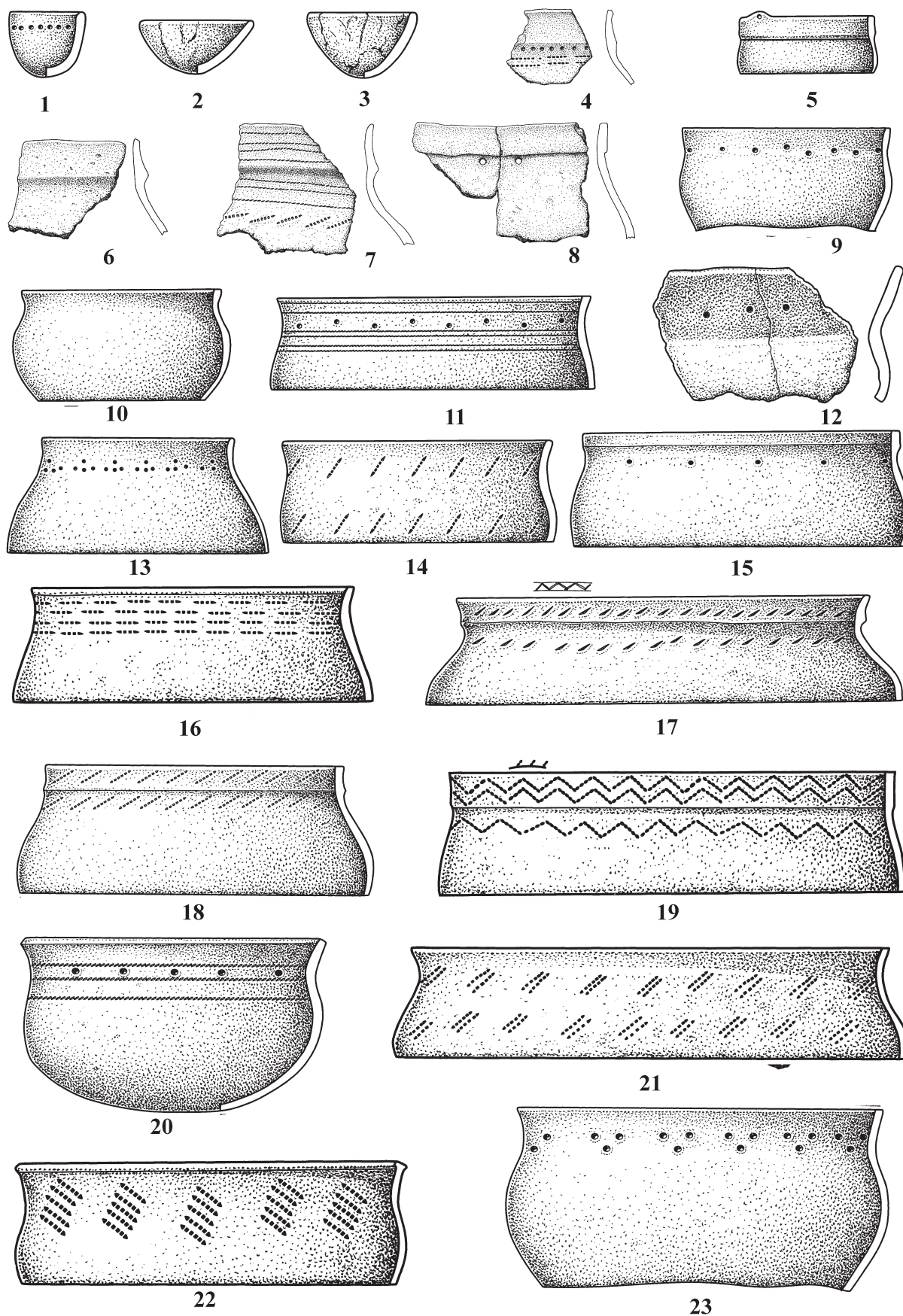

Рис. 11. Керамика вятско-ветлужской культуры АКЮ. Поздний период. Масштаб разный
 1–3, 5, 11, 14, 15, 16, 18, 19 – Буйское городище; 4, 6–8 – Скорняковское городище; 9, 10, 13, 17, 21 – Никульчинское городище; 12 – Пижемское городище; 20, 22, 23 – Аргъжское городище

рис. 12: 3, 4; Збруева, 1952, табл. XI: 1; Архипов, 1962, табл. XXXIX: 8–10; Черных и др., 2002, рис. 57: 4–11; 58, 59, 61; Митряков, Черных, 2014, с. 167, рис. 12: 14, 15; Чижевский и др., 2018, рис. 1: 5, 8; Чижевский, Хисяметдинова, 2020, рис. 174: 2). Все найденные тигли, как правило, имеют следы использования – ошлакованную ноздреватую поверхность, на некоторых сохранились капли меди. Тигли ладьевидной формы, плоскодонные, диаметром 5–8 см, округлой или овальной формы, с вертикальным или слегка отогнутым наружу краем, высотой 2–4 см (Збруева, 1952, табл. XI: 1; Кузьминых, 1977, рис. 2: 30; 6: 1–3, 6).

Наиболее многочисленными металлическими изделиями на вятских памятниках вятско-ветлужской культуры были наконечники стрел (рис. 15: 1–8, 13). В настоящее время известно более двух десятков таких изделий, большая часть из них происходят из Аргыжского, Буйского и Свиногорского городищ (Збруева, 1941, рис. 2: 3, 9–11; Митряков, Черных, 2014, рис. 12: 2, 3, 6, 7, 11–13; Чижевский, 2017, рис. 15: 3–7, 12; Чижевский, Хисяметдинова, 2020, рис. 174: 1). Наконечники стрел в основном трехлопастные С-40, С-50 и трехгранные с треугольной головкой С-82, но известен и двулопастной наконечник С-6 (Архипов, 1962, табл. XXXIX: 5; Кузьминых, 1983, с. 104, 108, 110, 113, табл. XLVII: 59).

Многочисленны также кельты линзовидной (КАН-28, 38, 40) и шестигранной (КАН-62, 66, 92, 104, 106, 108) в сечении формы, численность которых достигает двадцати экземпляров (рис. 15: 18, 19, 24, 25, 29–31). В основном это случайные дореволуционные находки, достоверно известно происхождение кельтов из городищ Ройский Шихан и Грахань (Збруева, 1952, с. 294, 295, табл. LI: 13; Кузьминых, 1983, с. 62, табл. VI: 21; VII: 20; VIII: 8; XIII: 8, 18; XXII: 8, 14; Митряков, Черных, 2014, рис. 13: 1–10; Чижевский, Хисяметдинова, 2020, рис. 174: 16–20).

Бронзовые наконечники копий известны по двум находкам у с. Марушино (КД-6) и в Нововятском районе г. Кирова (КД-28) (рис. 15: 35) (Кузьминых, 1983, с. 94; Митряков, Черных, 2014, с. 172, рис. 13: 11).

Наиболее ранние металлические украшения представлены находками с Ройского городища: это литая бляшка с изображением «киммерийской» розетки, плоская бляха с антропоморфным

изображением, восьмерковидная и трехчастная штампованные бляшки (Архипов, 1962, табл. XXXIX: 1–4). Коллекция украшений Буйского городища содержала восьмерковидную бляшку с ушком, а также подвеску в виде лука (рис. 15: 11). Фрагмент подобной подвески, но больших размеров, был найден на Аргыжском городище (рис. 15: 12) (Черных и др., 2002, рис. 36: 16; Митряков, Черных, 2014, рис. 12: 8, 10; Чижевский, 2014, с. 226). Кроме того, здесь были обнаружены уздечная бляшка в зооморфном стиле (рис. 15: 10), фрагмент спирального украшения, пронизка и др. (Черных и др., 2002, рис. 36: 10–12). Интересна находка бронзового зооморфного поясного крючка на городище Грахань (Чижевский, Хисяметдинова, 2020, рис. 174: 10); подобные зооморфные и орнитоморфные поясные крючки из кости имели широкое бытование на вятских памятниках АКЮ (Васильев, 2002; Ашихмина и др., 2006; Чижевский, 2017, с. 225).

Из числа медных и бронзовых орудий бытового назначения следует назвать бронзовый нож и иглу из Аргыжского городища (Черных и др., 2002, рис. 36: 13, 14).

В коллекции городища Грахань известен биметаллический кинжал типа К-28 с навершием в виде голов ушастой хищной птицы и гардой, оформленной головами лосей (Збруева, 1947, рис. 21: 3; 1952, табл. XXXII: 8; Кузьминых, 1983, с. 128, 129). Это единственная находка биметаллического меча на поселениях вятско-ветлужской культуры.

Количество железных изделий невелико, чаще всего встречаются железные ножи (рис. 15: 26, 27). Они представлены экземплярами с прямой и горбатой спинкой, с выделенным черенком и бесчеренковые (Бадер, 1951, рис. 13: 18; Архипов, 1962, табл. XXXIX: 11, 12; Черных и др., 2002, рис. 37: 1–13; 38: 1, 5, 6–10; Митряков, Черных, 2014, рис. 14: 2, 4). Вторыми по количеству идут шилья круглого и четырехгранного сечения (Черных и др., 2002, с. 36; Митряков, Черных, 2014, с. 172).

Предметы вооружения, изготовленные из железа, единичны, это прежде всего чекан со сквозным проухом (рис. 15: 36) и колчаные крючки из Аргыжского городища (рис. 15: 14), наконечник копья и меч с тремя продольными нервюрами без гарды из городища Ройский Шихан (Архипов, 1962, табл. XXXIX: 6, 13, 14; Черных и др., 2002, рис. 39: 9, 10, 12).

Рис. 12. Изделия из кости вятско-ветлужской культуры АКЮ. Масштаб разный

1 – подвеска; 2–6, 8, 9, 12 – наконечники стрел; 7, 16–20 – псалии; 10, 11 – наконечники гарпунов; 13 – «бабка»; 14, 22, 26, 28–30 – рукояти; 15 – гребень; 21, 25, 33, 34 – лопатки-тупики; 23, 24 – проколки/острия; 27 – ложка; 31, 32 – поясные крючки; 35, 36 – втоки.

1–8, 10–13, 15–19, 23, 24, 28, 29, 33, 35, 36 – Буйское городище; 9, 20, 26, 30 – Аргыжское городище; 14, 21, 22, 25, 27, 31, 32, 34 – Пижемское городище; 17 – Свиногорское I городище

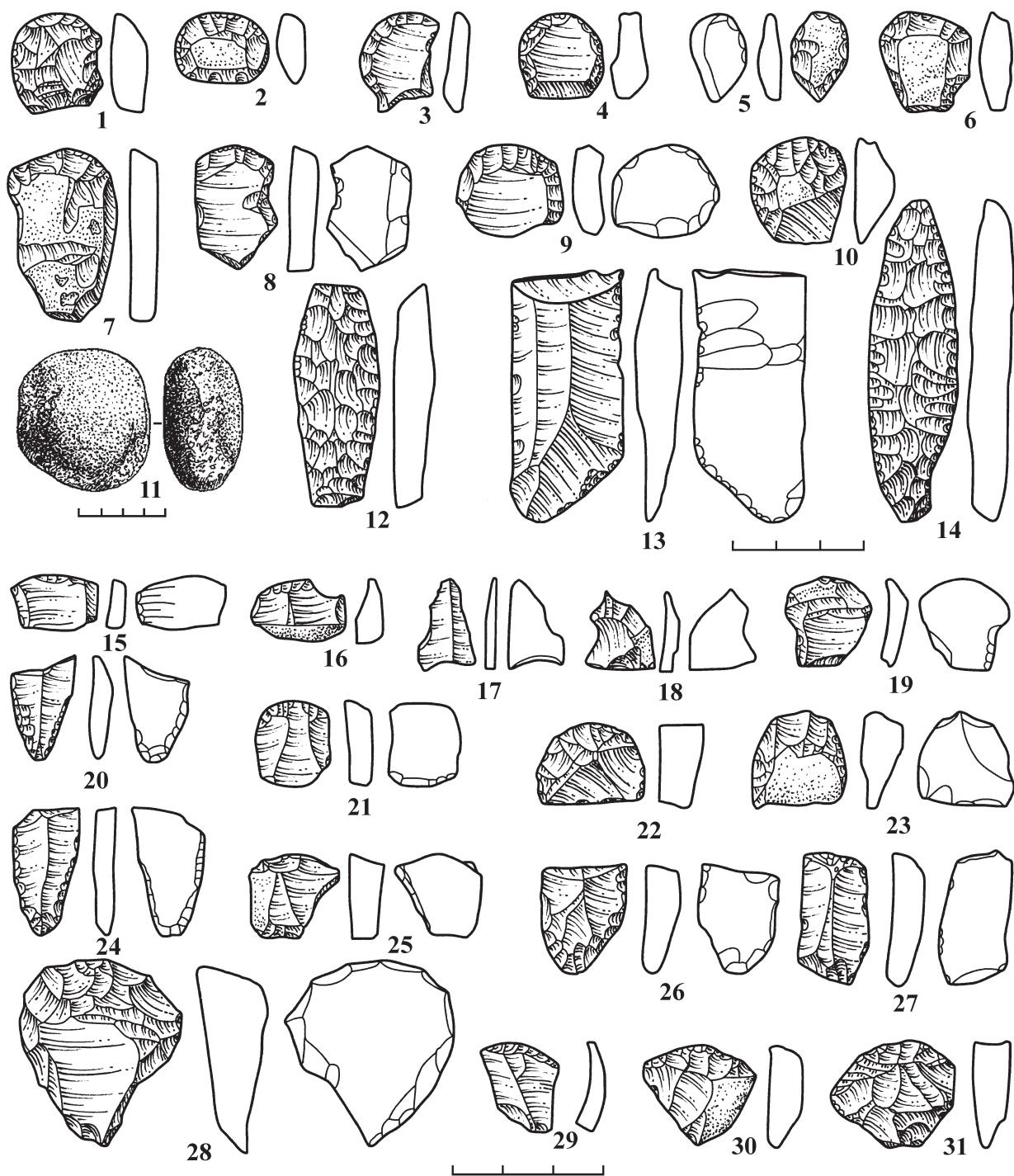

Рис. 13. Каменные орудия АКГШК бассейна р. Вятки
1–14 – Аргыжское городище; 15–31 – Грехневское I поселение

Из числа железных изделий, связанных с конской упряжью, следует упомянуть находки двухдырчатых псалиев из Буйского с секировидным окончанием (рис. 15: 28) и стреловидного, слабоизогнутого, из Аргыжского городища (Митряков, Черных, 2014, рис. 14: 3).

Хозяйственная деятельность носителей вятско-ветлужской культуры, судя по материалам вятских поселений, базировалась прежде всего

на скотоводстве: количество костей домашних животных по отношению к диким составляло от 71,8 до 97,3%, выращивалась свинья (1,5–92,4%), лошадь (5,8–69%), крупный рогатый скот (1,6–18,5%), мелкий рогатый скот (0,8–18,5%) (Формозов, 1951; Петренко, 2007, табл. 27, 28; Чижевский и др., 2016, с. 153). Наибольший вклад в рацион питания древнего населения Вятки и Ветлуги, учитывая массу тела животных, оказывали лоша-

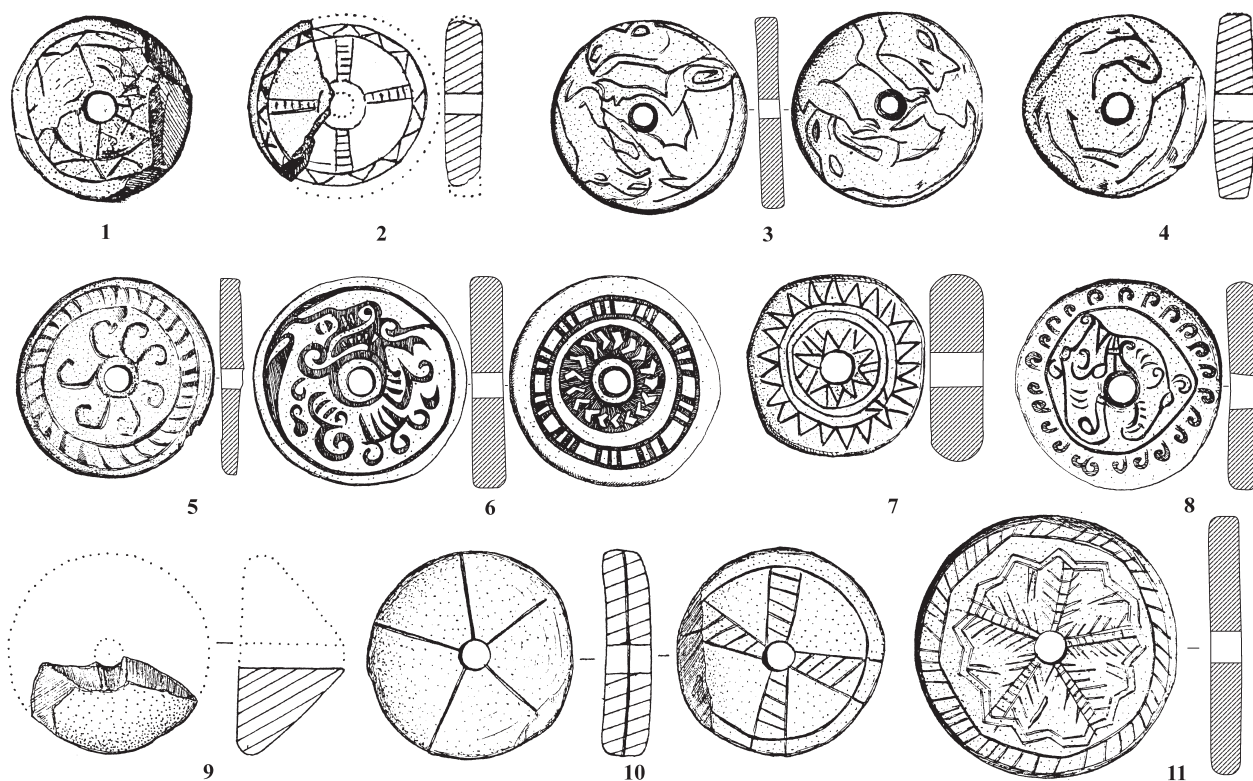

Рис. 14. Каменные (1–8, 11) и глиняные (9, 10) пряслица вятско-ветлужской культуры АКЮ. Масштаб разный
1–5, 9–11 – Аргыжское городище; 6–8 – Буйское городище

ди, крупный рогатый скот, в отдельных случаях свинья (городища Свиногорское и Ройский Шихан).

Наличие земледелия для носителей вятско-ветлужской культуры пока не доказано.

Значительные серии наконечников стрел, выявленные на поселениях, свидетельствуют о большом значении охоты в хозяйстве вятско-ветлужской культуры, объектами охоты были медведь, лось, косуля, северный олень, кабан, бобр, куница, выдра, рысь, заяц и др. (Формозов, 1951, с. 181–186; Андреева, Петренко, 1976, табл. 16, 17; Петренко, 2007, табл. 26; 28; Чижевский и др., 2016, с. 153; Новиков, 2021, с. 153, 154). Исследования А.Г. Петренко и О.Г. Богаткиной остеологических коллекций вятских городищ показало, что на долю костей диких животных приходится от 28 до 37,7%. Причем основные промысловые животные от памятника к памятнику отличались, например, на Буйском городище первое место принадлежало диким копытным, прежде всего лосю, а на Аргыжском – медведю (55% костей диких млекопитающих) (Митряков, Черных, 2014, с. 161).

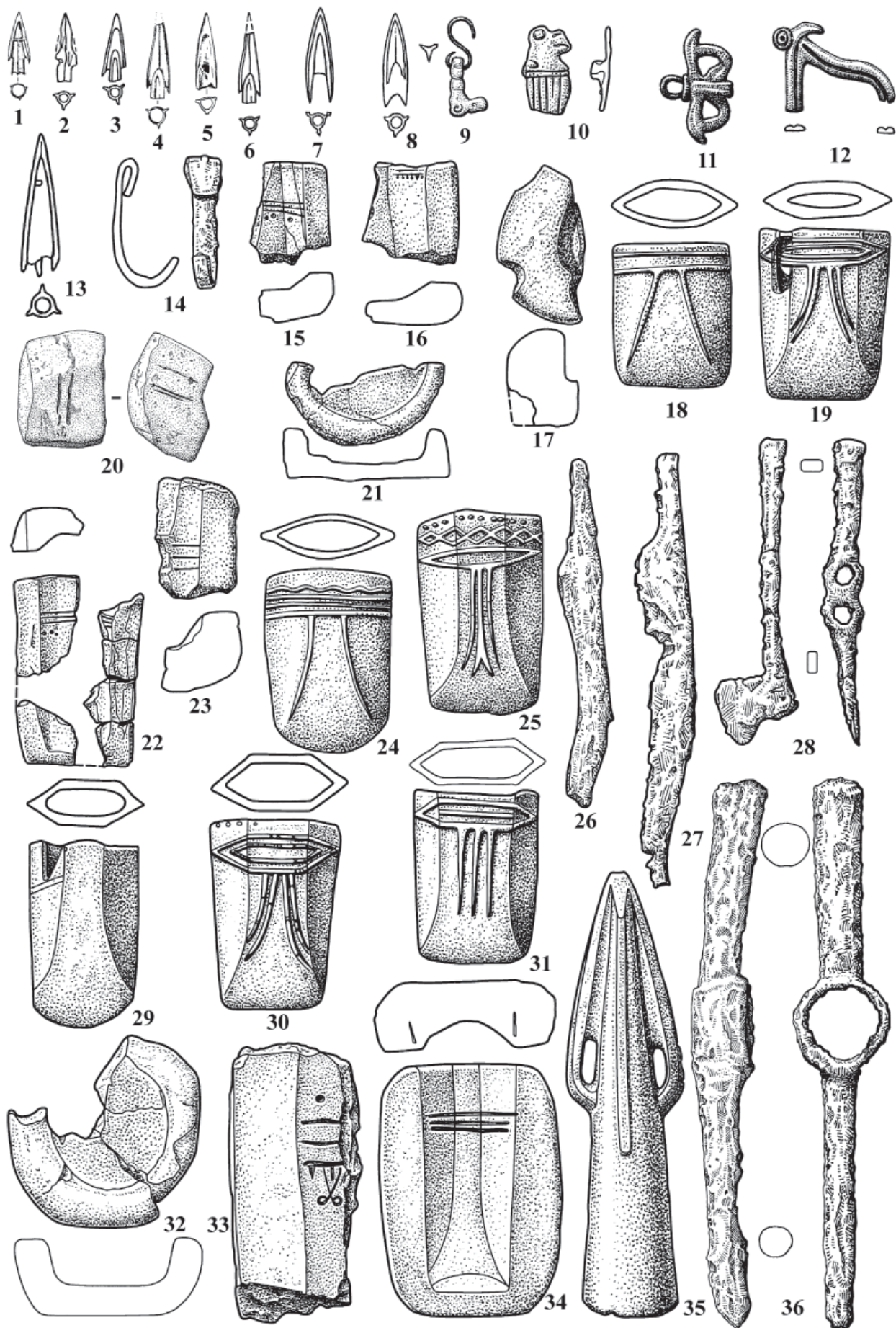
Значительное место в хозяйственном укладе ананьинского населения принадлежало рыболовству. Неслучайно в составе инвентаря вятско-ветлужских городищ выделяются разнообразием орудия и приспособления для рыбной ловли. О

развитом рыболовстве свидетельствуют находки наконечников гарпунов и острог из кости и рога, а также металлических крючков, глиняных грузил от сетей, костяных игл для их плетения и кости самих рыб (Бадер, 1951, с. 133, рис. 13: 6–11; Ашихмина и др., 2006, с. 34–37; Митряков, Черных, 2014, с. 163; Новиков, 2021, с. 153, рис. 15: 15; Чижевский, Черных, Хисяметдинова и др., 2016, с. 69, 83–85, 88, рис. 47: 6).

Наибольшего распространения у носителей вятско-ветлужской культуры достигло производство керамики, которая изготавливалась в каждом поселении. На ранние этапы существования приходится развитая обработка камня, которая со временем исчерпала свою полезность и исчезла. Широко было распространено и ткачество, о чем свидетельствуют находки пряслиц, металлических и костяных игл на поселениях.

Косторезное производство у ананьинского населения, обитавшего на р. Вятке, достигло высокого уровня, ярким свидетельством чему является большая серия высокохудожественных изделий из кости и рога, выполненных в зверином стиле.

Изученные на городищах остатки построек и фортификации, в сооружении которых использовалось дерево в различных вариантах, позволяют говорить о развитой деревообработке.

Вятско-ветлужская культура вместе с классической ананьинской (АКШК) и постмаклашеевской входили в состав ананьинского очага металлургии, который был металлургическим, однако следов непосредственной выплавки металла из руды на поселениях Вятки и Ветлуги не зафиксировано, по всей вероятности, они работали на привозном сырье и занимались только металлообработкой (Кузьминых, 1983, с. 170). Тигли и литейные формы, а также сплески металла найдены в культурном слое почти всех исследованных поселений. На Аргыжском городище фрагменты литейных форм были найдены почти в каждом жилище, была выявлена здесь и специализированная мастерская по изготовлению металлических изделий (Черных и др., 2002, с. 18, 19, 57).

Мастера-литейщики вятско-ветлужской культуры наряду с изготовлением широкого круга изделий, характерных для ананьинского очага металлургии, изготавливали и присущие только им виды продукции, такие как кельты типа КАН-90, распространенные в приустьевой части Ветлуги и прилегающих районах Волги (Кузьминых, Чижевский, 2009, с. 35; Чижевский, Оруджов, 2021, с. 17).

Следы производства и обработки железа в виде шлаков и железных предметов отмечены на целом ряде поселений. Однако наиболее полно они проявились на Грехневском I поселении, на котором была выявлена яма, заполненная кусками железной руды, железными шлаками, керамикой и кремневыми изделиями (Ванчиков, 1992, с. 79; 1996, с. 18, рис. 30: 2; Митряков, Черных, 2014, с. 158).

Могильники. Все известные могильники вятско-ветлужской культуры сосредоточены в устье Ветлуги, в бассейне р. Вятки могильники не выявлены. Погребения данной археологической культуры располагались на некрополях совместно с могилами других культур АКИО: акозинско-ахмыловской и постмаклашеевской. В настоящее время известны три могильника с погребениями вятско-ветлужской культуры – это Акозинский, Козьмодемьянский, Старший Ахмыловский. Отмечена приуроченность вятско-ветлужских погребений к местам размещения постмаклашеевских погребений, на Старшем Ахмыловском могильнике, например, они встречены в одних и тех же

могильных рядах в прибрежной зоне и в районе «домов мертвых» (Чижевский, 2008).

Могильники вятско-ветлужской культуры размещались на второй пойменной террасе р. Волги и низких и средних террасах ее притоков. Предполагается приуроченность Акозинского и Козьмодемьянского могильников к конкретным поселениям, а статус Старшего Ахмыловского могильника рассматривается как межплеменной.

Все известные погребения (129) вятско-ветлужской культуры – грунтовые. Как правило, они размещались вытянутыми вдоль берега реки рядами. На поверхности некоторые из них отмечались столбами, одиночными или множественными, размещенными по периметру могильной ямы.

Очертания могил удалось установить в 129 случаях, все они относятся к грунтовым ямам, стенки одного погребения обложены камнями (рис. 16). По соотношению длины и ширины выделено три типа могильных ям: тип 1 – ямы с соотношением длины и ширины от 1,4:1 до 3,4:1 (72); тип 2 – широкие и короткие ямы, с отношением длины и ширины от 1,3:1 и меньше (38); 3 – узкие ямы-траншеи, длина которых превышает ширину в 3,5 раза и более (19) (Чижевский, 2008, с. 72).

Случаи перекрытия могильных ям единичны, что указывает, по всей видимости, на наличие каких-то обозначений на местности насыпей, столбов или иных сооружений. Такими сооружениями были в частности «дома мертвых». Они зафиксированы в составе семи подобных сооружений Старшего Ахмыловского могильника. В двух случаях погребения вятско-ветлужской культуры были впускными в «дома мертвых» постмаклашеевской культуры. В одном случае «дом мертвых» использовался ими совместно, и лишь четыре «дома мертвых» принадлежали собственно носителям вятско-ветлужской культуры (Чижевский, 2008).

«Дома мертвых» представляют собой срубные и срубно-каркасные конструкции, нижняя часть которых размещалась внутри погребальной камеры, а верхняя выше дневной поверхности. Конструктивно «дома мертвых» вятско-ветлужской культуры такие же, как и у постмаклашеевской культуры. В настоящее время известны два типа «домов мертвых»: однокамерные и многокамерные. В «домах мертвых» размещались погребения

Рис. 15. Предметы материальной культуры из поселений. Масштаб разный

1–8, 13 – наконечники стрел; 9, 11, 12 – подвески; 10 – уздечная бляха; 14 – колчанный крючок; 15, 16, 20, 22, 23, 33, 34 – литейные формы; 17, 21, 32 – тигли; 18, 19, 24, 25, 29–31 – кельты; 26, 27 – ножи; 28 – псалий; 35 – наконечник копья; 36 – чекан. 1–13, 18, 19, 24, 25, 29–31, 35 – медь и бронза; 14, 26–28, 36 – железо; 15, 16, 20, 22, 23, 33, 34 – песчаник; 17, 21, 32 – глина.

1–7, 10, 12, 14–17, 22, 23, 36 – Аргыжское городище; 8, 9, 11, 13, 21, 26–28, 32–34 – Буйское городище; 18 – Марушинская находка; 19, 30, 31 – Тюм-тюмские находки; 20 – Скорняковское городище; 24, 25 – р. Пижма (Якасурские находки?); 29 – Лопьяльская; 35 – Нововятская находка

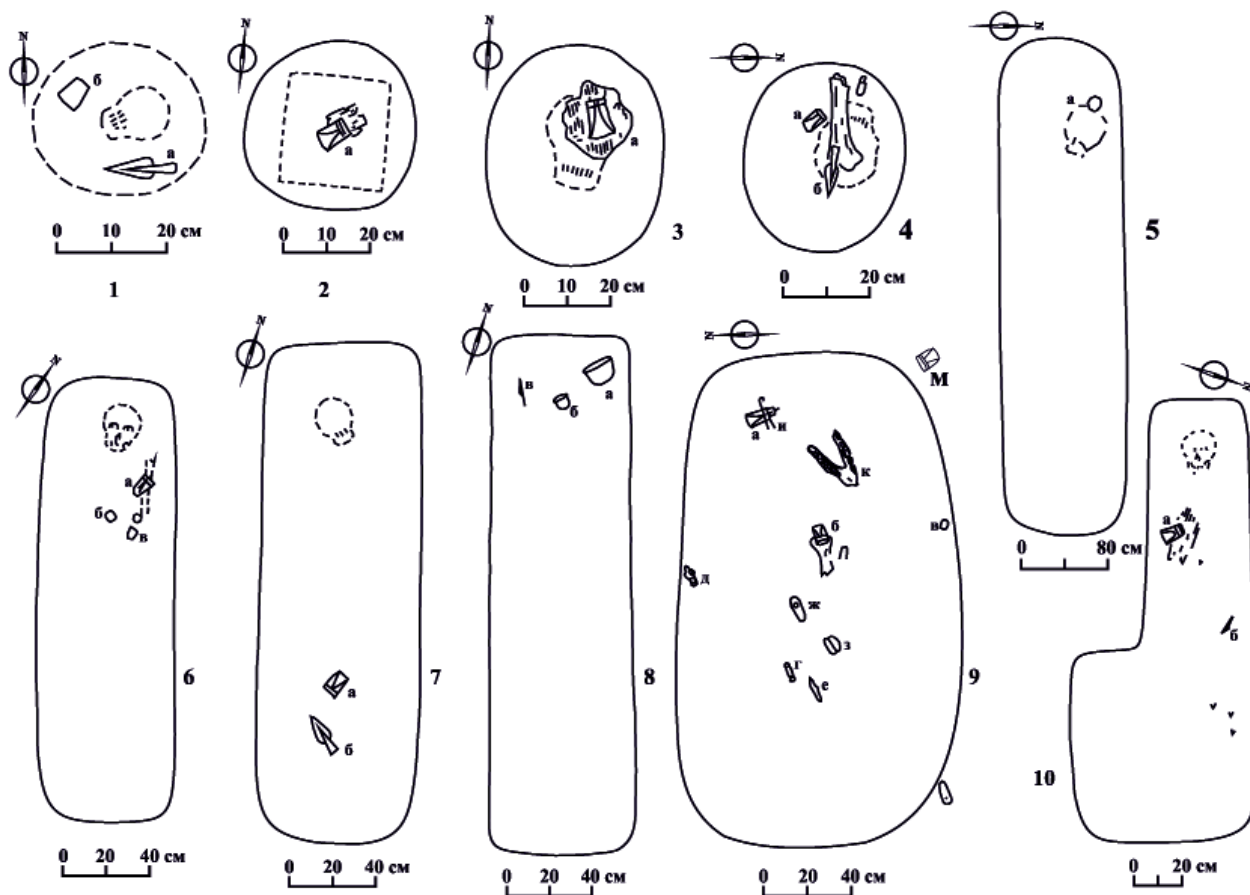

Рис. 16. Погребения вятско-ветлужской культуры АКИО, Старший Ахмыловский могильник
 1 – погр. 134; 2 – погр. 202; 3 – 261; 4 – 828; 5 – 502; 6 – 104; 7 – 80; 8 – 318; 9 – 161; 10 – 474. 1–4 – погребения в ямах I типа. 6, 7, 9 – погребения в ямах II типа. 5, 8, 10 – погребения в ямах III типа

и жертвенные комплексы, причем отмечены как основные, так и более поздние впускные погребения. После заполнения все «дома мертвых» были сожжены (Чижевский, 2008).

Сохранность костяков на вятско-ветлужских некрополях плохая, что позволило определить пол всего у шести костяков: четыре мужских, женский и детский. Все погребения совершены по обряду ингумации: выделяются полные труположения (66), вторичные погребения (1), когда кости умершего человека укладывали кучкой, и частичные погребения черепов (23), причем в последнем случае людей хоронили в коробах. Кроме того, выделяются погребения без следов костяка – кенотафы (?) (32), ямы которых были длиной в рост взрослого человека.

Большую часть погребений вятско-ветлужской культуры составляют одиночные захоронения (73%) и кенотафы (22%), количество парных (3%) и коллективных погребений (2%) невелико.

В тех могилах, где останки человека были зафиксированы, погребенные лежали вытянуто на спине и были ориентированы чаще всего головой в северо-западный сектор. Как правило, умершие

были уложены ногами (60%) или параллельно к реке (25%), значительно меньше погребенных, ориентированных к реке головой (11%), и в разных направлениях (4%) в коллективных погребениях.

Умерших людей помещали на деревянный настил или органическую подстилку на дно могильной ямы.

Погребения вятско-ветлужской культуры АКИО содержали 29 категорий погребального инвентаря, 10% погребений были безынвентарными (Чижевский, 2008).

Орудия труда. Чаще всего в погребениях встречаются ножи, все они однолезвийные и изготовлены из железа, рукояти их деревянные и костяные (рис. 17: 17, 19). Второй по численности категорией орудий труда являются оселки (рис. 17: 15, 38), многочисленны также железные проколки. Глиняные пряслица происходят лишь из двух захоронений (рис. 17: 22). Железная пешня (рис. 17: 13) и тигель зафиксированы в единичных случаях.

Оружие. Наиболее частой находкой из предметов вооружения являются кельты, они зафиксированы в 55 погребениях (рис. 17: 16, 20, 21, 23–25,

27). В основном это кельты с шестигранной втулкой типа КАН-90, но встречаются также КАН-64, 72, 88, 94, 104.

В трех погребениях обнаружены железные топоры-секиры с молотковидным обухом (рис. 17: 30).

Наконечники копий из бронзы и железа зафиксированы в 22 погребениях. Все они относятся к типичным для АКИО формам и встречены в могилах по одному экземпляру (рис. 17: 14, 36, 37).

Кремневые, бронзовые и костяные наконечники стрел найдены в могилах по одному экземпляру (рис. 17: 6, 7, 12). Железные наконечники, втульчатые и черешковые, зафиксированы в двух погребениях и встречаются в наборах, состоящих из 2 и 9 наконечников стрел (рис. 17: 1–5).

В составе комплекса вооружения в погребениях вятско-ветлужской культуры известен только один железный кинжал или большой нож из погр. 780 Старшего Ахмыловского могильника с однолезвийным клинком и костяной рукоятью (рис. 17: 32).

Конская упряжь немногочисленна, она выявлена в трех погребениях. В погр. 509 Старшего Ахмыловского могильника зафиксированы бронзовые двукольчатые удила с витым стержнем и уздечная бляха (рис. 17: 9, 28). В погр. 51 Акозинского могильника бронзовые двукольчатые удила сочетались с костяными трехдырчатыми псалиями. В погр. 110 Старшего Ахмыловского могильника был помещен набор, состоящий из железных трехдырчатых псалиев и однокольчатых удил (рис. 17: 29, 31).

Украшения и головные уборы в погребениях вятско-ветлужской культуры представлены бронзовыми и железными гривнами, височными кольцами и многовитковыми подвесками из бронзовой и серебряной проволоки и т. д. (рис. 17: 8, 10, 11, 33).

В 10 погребениях отмечены ожерелья, состоящие из сердоликовых и стеклянных бус, а также бронзовых пронизей. Стеклянные бусы синего и красного цвета, шаровидной и линзовидной формы. В двух погребениях Старшего Ахмыловского могильника в качестве ожерелий использовали металлические предметы. В одном случае основу ожерелья составляли бронзовые пронизы, к которым были прикреплены височные кольца (погр. 188), во втором – на нитку стеклянного бисера была подвешена бронзовая бляха с ушком (погр. 840).

Наиболее выразительным элементом одежды являются большие круглые бляхи, которые располагались на груди (рис. 17: 42). Как нагрудные могли использоваться также бляхи небольших размеров (рис. 17: 10). Кроме того, для украшения

одежды использовались различные накладки, в том числе «восьмерковидные» (рис. 17: 8).

Головные уборы (25) представляют собой тканевые и кожаные покрытия с различного вида украшениями на них, расположенные на черепе. В погр. 150, 203 Старшего Ахмыловского могильника это шерстяные шапочки, на которые надевались налобные венчики из кожи, с нашитыми на них бронзовыми накладками. В остальных случаях это были налобные венчики, на кожаную основу которых крепились украшения: накладки, бляхи, пронизы (рис. 17: 26).

Предметы туалета немногочисленны. К ним относятся биметаллическая булавка с железным стержнем и бронзовой головкой и две железные булавки со спиральными окончаниями из Старшего Ахмыловского могильника (погр. 477 и 500) и бронзовый десятизубый гребень с ажурной верхней частью из погр. 110 Акозинского могильника.

Керамика представлена круглодонными сосудами с гребенчато-шнуровым и шнуровым орнаментом, встречены сосуды с уплощенным дном, а в погр. 318 из Старшего Ахмыловского могильника – плоскодонный сосуд (рис. 17: 34, 35, 39–41, 43).

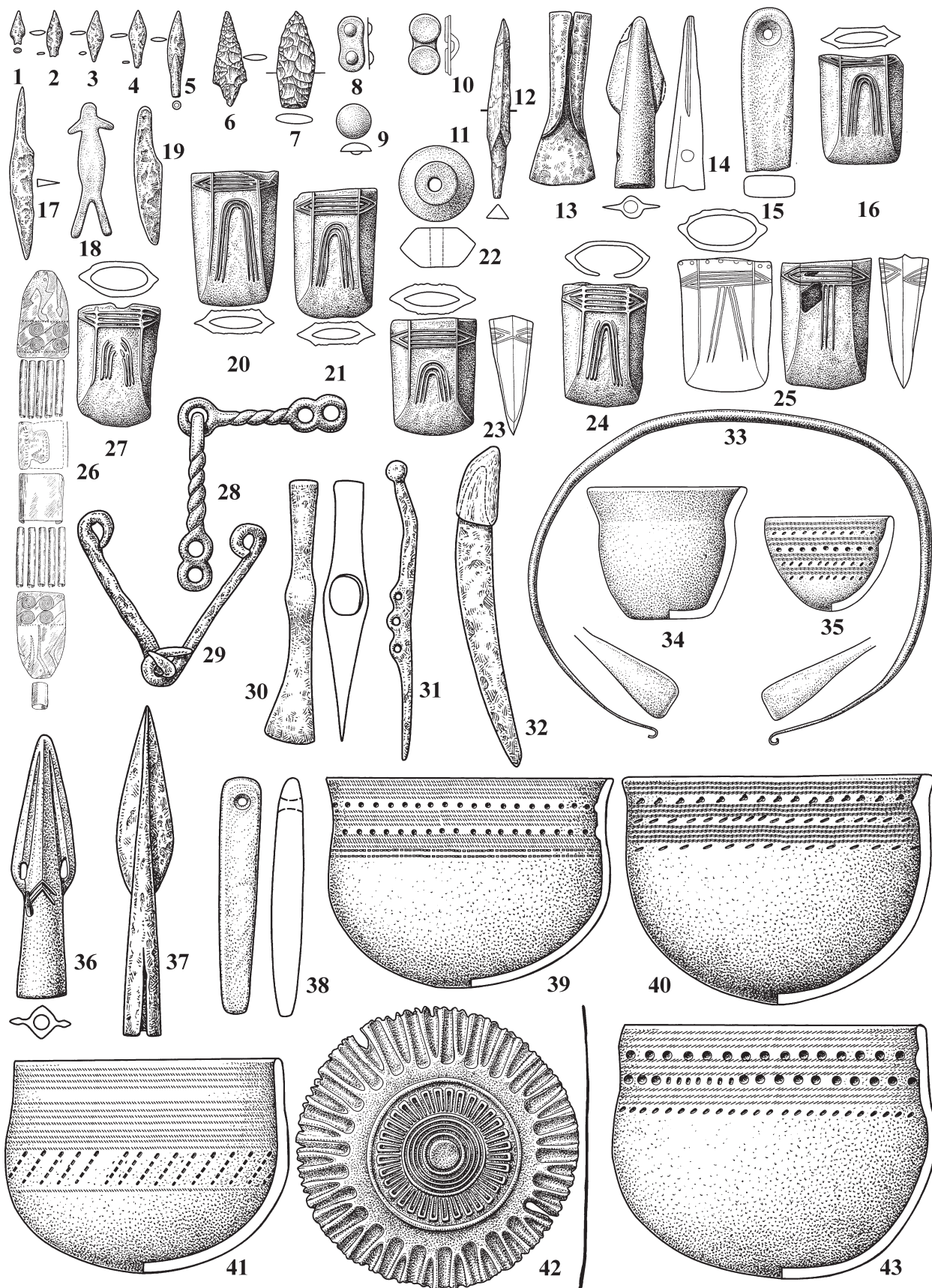
Предметы быта представлены двумя категориями инвентаря: терочники и огнива. Терочники в вятско-ветлужских погребениях представлены пестами, каменными плитами и небольшими камнями. В состав огнив входили: кремни, кремь и тлен от трута, кремь, тлен от трута и окиси железа.

К предметам культа отнесена охра и угольки, которые найдены в основном в засыпи могильных ям. К этой категории вещей относятся также антропоморфные амулеты из погр. 225 и 245 Старшего Ахмыловского могильника (рис. 17: 18).

Жертвенная пища. Во всех случаях это плечевые кости крупных домашних животных. К сожалению, из-за плохой сохранности остеологического материала их видовое определение провести не удалось (Чижевский, 2008).

Хронология и периодизация. Хронология вятско-ветлужской культуры основывается на материалах поселенческих и погребальных памятников, а также результатах радиоуглеродного анализа. Периодизация культуры совпадает с общей периодизацией АКИО.

Самые ранние предметы-хроноиндикаторы вятско-ветлужской культуры немногочисленны, все они относятся ко второму этапу раннего периода **I-2** (середина VIII – 1 четв./1 пол. VII в. до н. э.) (Кузьминых, Чижевский, 2014). В числе этих предметов конская упряжь, в составе которой были двукольчатые удила с гладким (погр. 51 Акозинского могильника) или витым (погр. 509 Старшего Ахмыловского могильника) стержнем

(рис. 17: 28). В первом случае они сопровождались костяными трехдырчатыми псалиями с овальными отверстиями (Халиков, 1962, табл. VIII: 2, 3; Патрушев, Халиков, 1982, табл. 77: 1а–д; Кузьминых, Чижевский, 2014, рис. 7: 11, 12, 14). Другие хроноиндикаторы были выявлены в погр. 840 Старшего Ахмыловского могильника: в составе налобного венчика отмечены две пластины, вырезанные из кобанского боевого пояса (рис. 17: 26) (Патрушев, Халиков, 1982, табл. 120: 2а–г).

С этапом I-2 следует связывать также круглую выпуклую бляху с изображением «киммерийской» розетки из Ройского городища (Архипов, 1962, табл. XXXIX: 1).

Керамический комплекс раннего (I) периода АКИО на вятских и ветлужских поселениях пока до конца не выделен. По всей вероятности, к этому времени относится комплекс непрофилированной – «гладкой РА» – керамики, изготовленной в постмаклашевских традициях и зафиксированной в материалах раннеананьинского слоя Аргыжского городища (Черных и др., 2002, с. 28–31; Чижевский, Оруджов, 2021, с. 12). Существуют также аргументы в пользу отнесения ко второму этапу раннего периода I-2 непрофилированной керамики с «глазчатыми» отпечатками (рис. 9: 1–5, 22). Данный элемент орнамента создавался при нанесении оттиска гребенчатого штампа на ямку (Митряков, Черных, 2014, с. 180, 181).

К сожалению, дата, полученная по керамике из ямы 22 Аргыжского городища – 2899±70 ВР, после калибровки показала более ранние значения Spb_659 – 1288 CalBC (95,4%) – 903 CalBC и не может рассматриваться как релевантная.

К первому этапу среднего периода II-1 (вторая четверть/вторая половина VII – конец VI вв. до н. э.) относится ряд предметов-хроноиндикаторов из могильников и поселений. К таковым следует отнести железные топоры I и II типа (по: Халиков, 1977, с. 177). С первым типом связаны топоры-чеканы из погр. 71 и 508 Старшего Ахмыловского могильника (рис. 17: 30) (Патрушев, Халиков, 1982, с. 72, табл. 13: 2а–г; 80: 19). Ко второму относится топор-клевец из погр. 73

Акозинского могильника (Патрушев, 1982, с. 21, рис. 15: 17).

Еще три предмета-хроноиндикатора первого этапа среднего периода II-1 отмечены в погр. 110 Старшего Ахмыловского могильника, все они относятся к конской упряжи в составе однопетельчатых удил и двух трехпетельчатых псалиев (рис. 17: 29, 31) (Патрушев, Халиков, 1982, рис. 19: 3б–г).

На поселениях вятско-ветлужской культуры фиксируются крайне немногочисленные находки предметов-хроноиндикаторов, которые можно отнести к данному этапу. Это прежде всего наконечники стрел из бронзы: двулопастной С-6 и трехлопастные С-40, С-50 (Архипов, 1962, табл. XXXIX: 5; Кузьминых, 1983, с. 104, 108; Черных и др., 2002, с. 32, 33), а также костяные трехдырчатые псалии из Буйского и Пижемского городищ (рис. 12: 7) (Ашихмина и др., 2006, рис. 28: 5; 30: 10).

Этап II-1 характеризуется наличием непрофилированной и профилированной, валиковой, керамики с богатым гребенчато-шнуровым, шнуровым и гребенчатым орнаментом (рис. 9). На этом этапе активно использовались различные ямки и вдавления в сочетании с остальными элементами орнамента. Горизонтальные поля, разделяющие отдельные блоки элементов (мотивы), узкие. Орнамент покрывает шейку и плечики сосуда плотно насыщенным узором, почти раппортом (Чижевский, Оруджов, 2021).

Для этого этапа имеется AMS ¹⁴C дата UOC-11941 – 651 CalBC (95,4%) – 543 CalBC, полученная по углю из основания культурного слоя Чижевского городища (Оруджов, Кайсин, 2020, с. 202).

Начиная со второго этапа среднего периода (II-2) все датирующие предметы происходят исключительно из поселений. Из предметов вооружения хронологическое значение имеют наконечники стрел, мечи и кинжалы, конская упряжь.

С этим этапом связаны несколько категорий из числа предметов вооружения, прежде всего это некоторые трехлопастные С-40, С-50 и трехгранные С-82 наконечники стрел (рис. 15: 1, 6, 8, 13). Находки клинкового оружия единичны, они пред-

Рис. 17. Погребальный инвентарь вятско-ветлужской культуры АКИО. Масштаб разный

1–7, 12 – наконечники стрел; 8 – накладка; 9, 10 – бляха; 11 – пронизь; 13 – пешня; 14, 36, 37 – наконечники копий; 15, 38 – оселки; 16, 20, 21, 23–25, 27 – кельты; 17, 19 – ножи; 18 – идол; 22 – напряслице; 26 – налобный венчик; 28, 29 – удила; 30 – топор-секира; 31 – псалий; 32 – кинжал; 33 – гривна; 34, 35, 39–41, 43 – керамика; 42 – бляха нагрудная; 1–5, 13, 17, 19, 29–31, 37 – железо; 6, 7 – кремень; 8–11, 14, 16, 18, 20, 21, 23–28, 33, 36, 42 – медь и бронза; 12 – кость; 15, 38 – сливной песчаник; 22, 34, 35, 39–41, 43 – глина; 32 – железо и кость. Масштаб разный. 1–11, 13–15, 17–22, 24, 26, 28–38, 40, 41 – Старший Ахмыловский могильник; 12, 16, 23 – Акозинский могильник; 25, 27, 39, 47 – Козьмодемьянский могильник. 1–5, 14, 32, 33 – погр. 780; 6, 11, 38 – погр. 206; 7, 13, 17, 30, 37 – погр. 71; 8, 41 – погр. 188; 9, 28 – погр. 509; 10 – погр. 94; 12 – погр. 13; 15 – погр. 227; 16 – подъемный материал; 18, 35, 43 – погр. 225; 19 – погр. 474; 20 – погр. 79; 21 – погр. 89; 22 – погр. 216; 23 – подъемный материал; 24 – подъемный материал; 25 – погр. 104; 26 – погр. 840; 27 – подъемный материал; 29, 31 – погр. 110; 34, 40 – погр. 318; 36 – погр. 360; 39, 42 – погр. 47

ставлены биметаллическим кинжалом К-28 из городища Грахань и железным мечом из Ройского Шихана. Уникален для АКЮ железный чекан со сквозным проухом из Аргыжского городища (рис. 15: 36).

Конская упряжь данного этапа многочисленна, в числе находок такого рода железный двудырчатый псалий с секировидным окончанием из Буйского городища (рис. 15: 28) и стрежневой, слабоизогнутый, из Аргыжского. В значительном количестве известны двудырчатые стержневидные и С-видные псалии из кости (Буйское, Пижемское, Ройское городища) (рис. 12: 18–20). Единичны сбруйные украшения – можно отметить лишь уздечную бляшку в зооморфном стиле из Аргыжского городища (рис. 15: 10).

На этапе II-2 (2 пол./ конец VI–V вв. до н. э.) появляется новый тип профилированной посуды – керамика с воротничком, валиковая посуда выходит из употребления, продолжает бытовать непрофилированная керамика (рис. 10). Используется гребенчато-шнуровой, шнуровой, гребенчатый орнамент, появляются сосуды, орнаментированные исключительно ямками. И хотя количество гребенчато-шнуровых сосудов даже увеличивается, наблюдается процесс упрощения орнаментальных композиций. Орнамент уже не образует сплошные ленты раппорта, орнаментальная зона распадается на отдельные орнаментальные блоки (мотивы), разделенные широкими пустыми горизонтальными полями (Чижевский, Оруджов, 2021).

Поздний III период АКЮ насчитывает только один этап III-1 (конец V–III вв. до н. э.). Характерной особенностью позднего периода является полное прекращение изготовления кельтов на всей территории АКЮ.

Разнообразие датирующих предметов вооружения, фиксируемых на памятниках вятско-ветлужской культуры, резко сокращается. Продолжают использоваться бронзовые наконечники стрел С-40, но их размеры увеличиваются, и С-50 (рис. 15: 2–5, 7), размеры которых уменьшаются по сравнению со стрелами II периода (Чижевский, 2017, с. 226). Некоторое представление о конструкции сложного лука вятско-ветлужской культуры дают такие предметы-хроноиндикаторы, как подвески в виде лука из Аргыжского и Буйского городищ (рис. 15: 11, 12). Выразительным хроноиндикатором является проволочная S-видная височная подвеска с зооморфной привеской из Буйского городища (рис. 15: 9).

Высокое датирующее значение имеют поясные крючки из бронзы (Грахань) и кости в зооморфном и орнитоморфном оформлении и костяные рукояти в виде голов лося, допол-

нительно украшенные изображением медведя (рис. 12: 14, 22, 26, 31, 32).

В качестве диагностирующих поздний период АКЮ предметов следует рассматривать псалии концеворского типа, которые были зафиксированы на Свиногорском I и Буйском городищах (рис. 12: 16, 17).

На протяжении позднего (III) периода использовалась воротничковая и непрофилированная посуда, распространяются сосуды без орнамента, а орнаментальные мотивы окончательно упрощаются (рис. 11). Для этого периода характерны разреженный одиночный шнур, редкий гребенчатый штамп и керамика, орнаментированная исключительно ямками, все элементы орнамента выполнены очень небрежно. Изредка встречаются отдельные сосуды с гребенчато-шнуровым орнаментом без ямок.

Для позднего периода имеется AMS ¹⁴C дата ETH 60648 – 428 CalBC (68,2%) – 384 CalBC, полученная по углю из догородищенского слоя Скорняковского городища (Чижевский и др., 2016, с. 46).

Локальные варианты вятско-ветлужской культуры не выявлены.

Историко-археологическая интерпретация. Реконструкция социального устройства вятско-ветлужской культуры осложняется немногочисленностью исследованных погребений. Тем не менее некоторое представление о вятско-ветлужском социуме они все же дают.

подавляющее большинство погребений было сделано в грунтовые ямы, однако известно пять погребений, которые совершались в дополнительно оборудованные сооружения – деревянные гробницы. Силы и ресурсы, затрачиваемые на их изготовление, значительно превышали объем работ для рытья и обустройства обычной грунтовой могилы. По все вероятности, этими мероприятиями подчеркивалась значимость социального положения данных людей, которое выделяло их из остальной массы общинников.

Наличие «домов мертвых» на некрополях, в которых хоронили людей в течение длительного времени, заставляет предположить у носителей вятско-ветлужской культуры наличие больших семейных коллективов типа патриархальной семьи, которые использовали такие сооружения в качестве своеобразных семейных склепов.

Подсчет распространенности основных категорий погребального инвентаря позволил выделить три группы погребений, количество и качество инвентаря внутри которых было различным (Чижевский, 2008):

1. Рядовые погребения I уровня (71) без инвентаря либо с набором от одного до двух предметов,

в том числе наконечники копий и кельты, как по отдельности, так и вместе.

2. Рядовые погребения 2 уровня (45) с набором из 3–7 предметов. Здесь к кельтам и топорам в мужских погребениях добавлялись стрелы (по 1–2 экз.), а также украшения одежды и головных уборов. К данной группе погребений относится также единственное погребение с кинжалом.

3. Богатые погребения (2), в которых насчитывалось от 9 до 11 категорий инвентаря. Обращает на себя внимание, что в обоих захоронениях присутствовало по два кельта у одного погребенного (погр. 161, 220 Старшего Ахмыловского могильника). Наличие второго кельта, вероятно, подчеркивало более высокий социальный статус умершего.

Несмотря на примерно одинаковый состав погребального инвентаря, резкая диспропорция в количестве сопровождающих умерших предметов, а также наличие небольшого количества сложных по своему устройству деревянных гробниц свидетельствуют, вероятно, о начавшихся процессах социальной стратификации общества носителей вятско-ветлужской культуры.

Направления культурных связей вятско-ветлужской культуры вне АКИО в разные периоды различны. На втором этапе раннего периода **I-2**,

так же как и для других культур АКИО, зафиксированы связи с кобанской культурой Кавказа.

На всем протяжении **II** периода заметно усиление связей со скифо-сибирским миром, скифами Северного Причерноморья, савроматами и, видимо, опосредованно с территориями Алтая, Памира и Тувы.

На заключительном этапе **III-1** существования вятско-ветлужской культуры отмечены контакты с донскими скифами и ранними сарматами.

Самые поздние предметы материальной культуры вятско-ветлужской культуры АКИО относятся к III в. до н. э., а на территориях Европейского Северо-Востока ко II в. до н. э.

Последующие судьбы этой культуры остаются еще во многом дискуссионными. По всей видимости, какая-то часть носителей вятско-ветлужской культуры вошла в состав гляденовской культуры Предуралья и Европейского Северо-Востока (Кузьминых, Чижевский, 2020, с. 255; Иванов, 2021, с. 217; 2021а, с. 95). В то же время остается неизвестной судьба населения, обитавшего в бассейне р. Ветлуги, не подтверждена окончательно и связь вятских памятников пьяноборского времени непосредственно с вятско-ветлужской культурой. Все эти проблемы еще ждут своего исследования.

ГЛАВА 6

ПАМЯТНИКИ АНАНЬИНСКОГО ВРЕМЕНИ НА ТЕРРИТОРИИ ЕВРОПЕЙСКОГО СЕВЕРО-ВОСТОКА

История изучения, основные концепции, существующие периодизации

Первые находки рассматриваемого времени на территории Европейского Северо-Востока (кельт из окрестностей д. Усть-Лыжа и бронзовый клевец из бассейна р. Усы) были сделаны в начале XX в. (Канивец, 1964, с. 95). В 1940–1950-е гг. несколько пунктов с глиняной посудой ананьинского времени выявил геолог Г.А. Чернов (Чернов, 1985). Это было время первых открытий, благодаря которым получена информация о наличии древностей ананьинского периода на Европейском Северо-Востоке (далее ЕСВ).

С конца 1950-х годов начинается планомерное целенаправленное изучение региона профессиональными археологами, что знаменует начало нового периода в изучении древней и средневековой истории региона по археологическим источникам (Савельева, Павлов, 2018). В первую очередь эти исследования связаны с именами Г.М. Бурова и В.И. Канивца.

Первый из них с 1957 по 1966 г. проводил интенсивные полевые исследования в бассейне р. Вычегды. Им открыты десятки памятников различных археологических эпох (Буров, 1967). Это позволило Г.М. Бурову разработать культурно-хронологическую схему развития археологических культур в Вычегодском крае от эпохи мезолита до эпохи Средневековья. На основании сходства с керамическими комплексами верхнего Прикамья и последней стадии беломорской культуры исследователь выделил мыелдинский этап в развитии культур раннего железного века, датировав его VIII–III вв. до н. э. К этому этапу он отнес поселения Вис I–III, Лебязское, Мыелдино (Буров, 1961; 1965; 1967).

С 1959 по 1971 г. полевые исследования на территории Европейского Северо-Востока проводил В.И. Канивец. Наиболее интенсивные полевые изыскания были осуществлены в бассейне р. Печоры. Им обследованы берега этой великой северной реки и ее притоков на участке от Малой Печоры до с. Усть-Цильма, а также ее наиболее крупного притока р. Усы в пределах Усинского и Интинского районов Республики Коми (Ашихмина, Васкул, 1997, с. 315, 316). В результате этих

работ открыты памятники каменного века, эпохи неолита-бронзы, раннего железа, Средневековья (Савельева, 1997, с. 16). Древности ананьинского времени В.И. Канивец разделил на четыре культурно-хронологических типа: ластва, чаркабож (VIII–VI вв. до н. э.), перный и ямашор (VI–III вв. до н. э.) (Канивец, 1974). Наиболее представительные материалы были получены в ходе раскопок поселений Перный и Ямашор.

Значительный вклад в изучение памятников интересующего нас периода внес В.Е. Лузгин. В 1960-е гг. им выявлены ананьинские материалы на поселениях и стоянках в долинах рр. Илыч и Северной Мылвы (верхняя Печора), на нижней и средней Ижме (Лузгин, 1965, с. 109–138; 1972). Поселения ананьинского времени у д. Весляна и в устье р. Коин на Выми были обнаружены Э.А. Савельевой (Канивец, 1974, с. 132, 136).

Таким образом, благодаря открытиям археологов в конце 50–60-х гг. прошлого столетия на территории ЕСВ были обнаружены десятки памятников ананьинского времени. Это позволило Г.М. Бурову, В.И. Канивцу, В.Е. Лузгину создать первые обобщающие работы по этому периоду раннего железного века. Исследования конца 1950–1960-х годов подготовили базу для следующего этапа в изучении древностей раннего железного века в целом и ананьинского периода в частности. Основным его содержанием стало специализированное изучение памятников эпохи железа. Связан этот процесс прежде всего с именами Л.И. Ашихминой и К.С. Королева. Расширяется география исследований, открываются новые типы памятников, раскопки ведутся широкими площадями.

К.С. Королев в 1970–1980-е годы выявил ананьинские комплексы на средневычегодских памятниках в окрестностях оз. Шойнаты (поселения Джуджыдыяг, Шойнаты II–III) и на левом притоке р. Вычегды реке Угдым (поселения Угдым II–IV). Особо следует отметить, что на этих поселениях изучены также погребения ананьинского времени. Материалы этих памятников введены в научный оборот (Королев, 1997; 2002).

В этот же период Л.И. Ашихминой проведены блестящие раскопки поселений интересую-

щего нас времени на Нившере (поселения Боргангель I–II) и Выми (поселение Ягу-яр). В ходе этих работ впервые в археологии ЕСВ выявлены ананьинские наземные жилища. На этих же памятниках изучены выразительные комплексы эпохи энеолита – бронзы. В результате исследований поселения Чойновты IV на Мезени, начатых В.С. Стоколосом и продолженных Л.И. Ашихминой, получены выразительные керамические комплексы переходного облика от лебяжской культуры к раннему периоду ананьинской (Ашихмина, 1985). Л.И. Ашихминой также введены в научный оборот материалы ананьинских памятников, открытых в 1973–1974 гг. В.С. Стоколосом (Ашихмина, 1977, с. 37–47). В итоге, опираясь на собственные разработки, привлекая материалы исследований других археологов, Л.И. Ашихмина предложила новую периодизацию ананьинских памятников на территории нашего региона, их историко-культурную интерпретацию (Ашихмина, 1985, с. 20–34).

Северо-Двинской экспедицией Сыктывкарского университета в 1975–1976 гг. под руководством Э.А. Савельевой было исследовано поселение-мастерская по кремнеобработке Весляна IV на Выми (Савельева, Васкул, 2000). Отрядом В.А. Семенова обнаружено несколько памятников с ананьинской керамикой в верхнем течении этой реки (Семенов, Васкул, 2018, с. 98–106). Ананьинское поселение в 1987 г. выявлено Т.В. Истоминой во время раскопок средневекового Нерицкого могильника. В межмогильном пространстве обнаружены фрагменты раннеананьинской керамики, кремневые изделия. По своему облику глиняная посуда сходна с керамическими комплексами бассейна р. Ижмы. Н.Н. Чесноковой в 1987–1988 гг. в верховьях р. Цильмы (левый приток р. Печоры) открыто поселение Чирки, в среднем течении – поселение Нонбург, предварительно датированные эпохой бронзы – раннего железа. К ананьинской ИКО относится также поселение Ямное II. В 1992 г. проведены раскопки поселения Старые дворища, где также найдена глиняная посуда ананьинского времени. В 7 км южнее впадения р. Лабазики в Лабазный Шар найдено поселение Лабажское. Здесь расчищен очаг из крупных камней, в котором найдена керамика, декорированная шнуром, оттисками гребенки и ямками.

Л.Л. Косинская в 1975 г. обнаружила позднеананьинское поселение Ягу-яр в окрестностях д. Половники, раскопки которого были позже осуществлены Л.И. Ашихминой.

Э.С. Логиновой в 1979 г. на р. Нившере в бассейне средней Вычегды обнаружено поселение Боргангель I с раннеананьинской керамикой и бронзовой личиной. На верхней Вычегде глиняная

посуда ананьинского облика была найдена на поселении Сынкулима в низовьях р. Северной Кельтмы.

А.М. Мурыгиным в 1981–1982 гг. на р. Вашке открыты поселения раннеананьинского времени Смолокурный II–V и Вендинга. В 1988 г. на р. Малой Лоптюге (левый приток Мезени) выявлено поселение Мичачой III, содержащее ананьинский и ванвиздинский комплексы, и Мичачой I переходного от ананьинского к гляденовскому времени (Ашихмина, Васкул, 1997, с. 317).

В 1969–1970 гг. В.Е. Лузгиным на водораздельных озерах Центрального Тимана ананьинская керамика найдена на поселениях Пижма II, Пижемский Гумежек, Кыско, Ружникова. В 1975 г. в районе Урдюжского озера и в долинах рек Урдюжской Виски, Соймы и Сулы в Малоземельской тундре В.Е. Лузгиным и А.М. Мурыгиным на поселениях Большой Гусинец I, Минина Виска I и Сударма I были обнаружены материалы интересующего нас времени (Лузгин, Мурыгин, Карманов, 2015, с. 54–57).

В 1983, 1985, 1996 гг. комплексы ананьинского времени выявлены В.С. Зеленским на поселениях в нижнем течении р. Цильмы в окрестностях пос. Синегорье, на поселении Старые дворища напротив с. Усть-Цильма. На поселении Синегорье 2 в 1990 г. исследователем проведены раскопки (Археологическая карта..., 2014, с. 285, 286, 289).

В 1980-е годы новые материалы ананьинского времени получены также во время раскопок поселений Вис I у д. Синдор, Ибского на Сыsole и Китостав на верхней Печоре (Ашихмина, Васкул, 1997, с. 316, 317).

В бассейне Печоры в начале 1990-х гг. были проведены раскопки поселения Сынявом I у д. Сынянырд на р. Усе, относящегося к культурному типу Ямашор, перныйского поселения Корольки II на Средней Печоре. Однако наиболее значимым событием стало открытие и исследование Шиховского могильника в окрестностях Усть-Цильмы, раскопки которого продолжались с перерывами с 1993 по 2011 г. В процессе полевых исследований Шиховского могильника в бассейне нижней Печоры получены новые данные, позволяющие охарактеризовать погребальный обряд населения региона в ананьинское время (Васкул, 2002). В 2020 г. Т.Ю. Туркиной исследовано жилище с керамикой типа Чаркабож на поселении Топыд-нюр II.

В 2000 г. В.Н. Кармановым были возобновлены раскопки поселения Вис II у д. Синдор, где была обнаружена глиняная посуда ананьинского облика. В 2005 г. им же в ходе разведочных работ выявлено поселение Вис VI. И.О. Васкулом во время исследований поселений Мыелдино и Себъяг I в

бассейне верхней Вычегды изучены выразительные комплексы ананьинского времени. Сравнение глиняной утвари поселения Мыелдино с глиняной посудой памятников бассейна р. Вычегды и керамикой поселения Перный на Печоре позволило поставить вопрос о локальном своеобразии вычегдских памятников позднеананьинского времени.

Итак, за более чем полувековую историю изучения древностей ананьинского времени создана достаточно надежная база для реконструкции историко-культурных процессов в регионе в этот период.

Первые схемы развития культуры населения Европейского Северо-Востока в I тыс. до н. э. были предложены Г.М. Бутовым и В.И. Канивцом.

Взгляды Г.М. Бутова на развитие культур ЕСВ в раннем железном веке были изложены в диссертации на соискание кандидата исторических наук (Буров, 1963, с. 11–13, 16, 17) и развиты в монографических исследованиях (Буров, 1965; 1967; 1989) и ряде отдельных статей. Первоначально памятники VIII–III вв. до н. э. были выделены исследователем в мыелдинский этап (Буров, 1965, рис. 19, с. 111–118). Позже древности этого периода исследователь разделил на два этапа: позднелебяжский (VIII–VI вв. до н. э.) и собственно ананьинский (V–III вв. до н. э.). Если культура населения региона на первом этапе являлась дальнейшим развитием лебяжской культуры эпохи бронзы, то появление памятников второго этапа он напрямую связывал с переселением из Прикамья. На базе ананьинской сформировалась культура следующего, гляденовского периода (Буров, 1967). Окончательное оформление концепции исследователя происходит в монографии «Железный век Крайнего Европейского Северо-Востока (от начала до VIII столетия н. э.)» (Буров, 1989). Для первого периода раннего железного века он выделяет три культуры – позднелебяжскую (ласта), чаркабож, ананьинскую и ружниковский культурный тип. Чаркабож и ружниковский культурный тип напрямую связаны с археологическими культурами Зауралья и Западной Сибири, памятники ананьинской АК появились на территории ЕСВ в результате переселения из Прикамья. Ластинские (позднелебяжские), чаркабожские и ружниковские памятники исследователь датирует VIII–VI вв. до н. э., ананьинские – VI–III вв. до н. э. (Буров, 1989, с. 2–5). В целом на территории региона исследователь выделяет две различные группы культур эпохи бронзы и раннего железного века. В одну из них входят лебяжская, бичевницкая и ванвиздинская культуры, в другую – ананьинская (в понимании Г.М. Бутова), гляденовская и вымская АК. На протяжении раннего железного века, как правило, в результате миграций, происходит сме-

на этих АК друг другом. Развитие культур первой группы приводит к сложению угорских племен, второй – заканчивается формированием предков коми. Одна группа культур была ориентирована на связи с Западной Сибирью, другая – Волго-Камьем (Буров, 1967, с. 170–184). Нестабильность этнических границ на ЕСВ, периодическую смену пермского населения угорским он объясняет доминированием охоты и рыболовства в хозяйстве, полуоседлым образом жизни и «рассеянным» расселением древних обитателей региона (Буров, 1989, с. 31, 32).

Отличную от Г.М. Бутова позицию в вопросе генезиса культур эпохи железа на ЕСВ и роли этнокультурных связей в этом процессе занимал В.И. Канивец. Прежде всего, это касается интерпретации древностей первого, ананьинского периода на территории нашего региона. Взгляды исследователя на формирование культуры населения ЕСВ в ананьинское время нашли свое отражение в статьях, посвященных разведочным исследованиям на верхней Печоре (Канивец, Лузгин, 1963, с. 79; Канивец, 1965, с. 97, 98), и монографии, в которой отражены итоги изучения Канинского пещерного святилища (Канивец, 1964, с. 94–96). Свой окончательный вариант схема развития археологических культур ананьинского времени на ЕСВ, разрабатываемая В.И. Канивцом, приобретает в монографии «Печорское Приполярье. Эпоха раннего металла» (Канивец, 1974). В этой работе он разделяет древности этого периода на четыре культурно-хронологических типа: Ласта, Перный, Чаркабож и Ямашор. Каждый из них характеризовался керамическими комплексами с характерными, присущими только ему признаками. Наряду с глиняной посудой учитывались топография поселений и их размеры, кремневый инвентарь, металлические изделия. Был проведен сравнительный анализ с памятниками соседних регионов (Канивец, 1974, с. 52, 129–145).

Керамический комплекс памятников типа Ласта формируется, по мнению В.И. Канивца, на основе глиняной посуды лебяжской АК. Об этом свидетельствуют форма и орнаментация сосудов. В.И. Канивец отмечает также близость ластинской керамики раннеананьинской, что позволяет определить время существования этого культурного типа в пределах VIII–VI вв. до н. э. (Канивец, 1974, с. 129–136). В результате усилившегося влияния ананьинских племен на население, оставившее памятники типа Ласта, на ЕСВ приблизительно в VI вв. до н. э. формируются памятники типа Перный (Канивец, 1974, с. 136). Анализ имеющихся на тот момент материалов привел В.И. Канивца к убеждению, что они не могут быть включены в круг памятников собственно ананьинской культу-

ры, так как различаются хозяйственные занятия населения, типы археологических памятников, добавки к глиняному тесту и орнаментация керамики, кремневый инвентарь. Все это привело его к выводу, что «поселения типа Перный представляют культуру, родственную ананьину, но не тождественную ему». Датировка перныйских древностей устанавливалась в пределах VI–III вв. до н. э. (Канивец, 1974, с. 136–138).

Ареал памятников типа Чаркабож – верхняя и средняя Печора, верхняя Вычегда. Отличительным признаком чаркабожской керамики является наличие в орнаментации крестообразных оттисков в сочетании с зубчатыми, шнуровыми и фигурными отпечатками. Этот тип керамики В.И. Канивец называет «уральским в прямом смысле слова». Генезис этой группы памятников исследователь связывал с одной стороны с лебяжской АК, а с другой – с гамаюнской АК Зауралья. Причем гамаюнские элементы были решающими в сложении древностей этого типа. Наряду с лебяжскими и гамаюнскими компонентами прослеживается ананьинское влияние (воротничок, органические примеси, шнуровые отпечатки). Датировка памятников чаркабожского культурного типа – VIII–VI вв. до н. э. (Канивец, 1974, с. 142–145).

Ямашорские поселения были выявлены В.И. Канивцом на средней Печоре и Усе. Основной отличительной чертой глиняной посуды ямашорских памятников является использование в орнаментальных композициях змеевидных линий, фигурных оттисков, мелких ямок различной формы. Керамика позволяет синхронизировать эту группу памятников с перныйской (Канивец, 1974, с. 138, 139). В.И. Канивец полагает, что ямашорская керамика с зауральскими элементами в общем представляет собой восточную параллель комплексу Перного (Канивец, 1974, с. 139). На основе древностей ананьинского времени, как и в Прикамье, складывается культура следующего, гляденовского периода (Канивец, Лузгин, 1963, с. 80; Канивец, 1964, с. 97; 1965, с. 98, 99). Тщательно разработанная культурно-хронологическая схема В.И. Канивца была принята другими исследователями (Савельева, 1971, с. 177, 178; Лузгин, 1972, с. 86).

В.Е. Лузгин разделил керамические комплексы памятников бассейна р. Ижмы на три группы. В керамике первой группы (X–VIII вв. до н. э.) исследователь фиксировал сохранение традиций предшествующего периода, но отмечал появление шнуровых отпечатков. Вторая группа (VIII–VI вв. до н. э.) характеризуется глиняной посудой с «воротничком». В третью группу исследователем были включены сосуды, декорированные волни-

стыми и змеевидными линиями (Лузгин, 1972, с. 87, 112–114).

В.А. Оборин в публикации, посвященной изучению культурных связей населения Верхнего Прикамья и Европейского Северо-Востока в эпоху железа, памятники ананьинского времени Верхнего Прикамья, бассейнов рек Вычегды и Печоры по количеству поселений считает явной периферией обширной ананьинской культурной области, отмечая, что на ряде поселений «в керамике прослеживаются переходные формы от посуды эпохи поздней бронзы к типичной ананьинской» (Оборин, 1969, с. 157). В вопросах генезиса культур первого этапа раннего железного века на территории ЕСВ исследователь придерживается положений, близких концепции В.И. Канивца. При этом В.А. Оборин подчеркивает, что «процесс развития местных племен эпохи поздней бронзы, приведший к формированию ананьинской культурной общности... не исключал, очевидно, отдельных миграций и торговых связей» (Оборин, 1969, с. 158). Свидетельством этого является, по его мнению, распространение на Севере ананьинского металла, сходство керамических комплексов ЕСВ и северного варианта АКЮ, что говорит о постоянных контактах и проникновении камского населения на север, печоро-вычегодского – на запад и северо-запад. Одним из объяснений этого он считает давление со стороны зауральских племен. Через бассейн р. Печоры керамика со струйчатым и крестовым орнаментом проникала на территорию Северного Прикамья. Кроме того, на севере Прикамья и в бассейне р. Печоры известна керамика заюрчимского типа, сформировавшаяся на основе ерзовской АК эпохи бронзы под влиянием керамического комплекса гамаюнской АК. Отмечается присутствие на прикамских памятниках позднелебяжской керамики. Дальнейшее развитие керамических комплексов ананьинского времени проходит параллельно в обоих регионах. При этом «типичная керамика развитого камского варианта» АКЮ с воротничком, украшенная гребенчато-шнуровым орнаментом, и позднеананьинская, декорированная рядом ямок под воротничком и отпечатками зубчатого штампа, встречается, по его мнению, на Печоре и Вычегде, а глиняная посуда мыелдинского типа (по Г.М. Бурову), сформировавшаяся на лебяжской основе, для которой характерно отсутствие воротничка, изредка наличие неширокого валика, богатая орнаментация отпечатками шнура, узкого зубчатого штампа, прочерченным волнистым зигзагом, ямками, – на поселениях Верхнего и реже Среднего Прикамья (Оборин, 1969, с. 158, 159). В.А. Оборин полагает, что приведенные им факты свидетельствуют о постоянных контактах и взаимопроникновении

родственного по своему происхождению населения соседних регионов. Основной формой были сезонные перемещения охотников и рыболовов и иногда заключение браков между представителями различных родов. Последнее предположение базируется на тезисе о том, что ананьинские поселения, располагающиеся группами, удаленными на значительное расстояние друг от друга, следует рассматривать как родоплеменные территории (Оборин, 1969, с. 160).

А.Х. Халиков, неоднократно обращавшийся к ананьинской проблематике, северные памятники эпохи раннего железного века обычно не включал в ареал племен носителей ананьинской культуры. В то же время в монографии, посвященной культурам Волго-Камья в начале раннего железного века, исследователь обращает внимание на то, что памятники ананьинской культуры на Средней Волге прекращают функционировать не позже конца VI в. до н. э., что было вызвано политическими событиями конца VI в. до н. э., скифо-персидской войной 514 г. до н. э. А.Х. Халиков предполагал, что Дарий, преследуя скифов, остановился недалеко от западных поволжских земель ананьинцев – фиссагетов (тиссагетов). Это вызвало передвижение волжских ананьинцев в Прикамье, Поветлужье, а также в бассейн Вычегды и более северные районы (Халиков, 1977, с. 258).

Новую периодизацию памятников ананьинского времени на территории ЕСВ предложила Л.И. Ашихмина. Опираясь на разработанную ею хронологию и периодизацию ананьинских памятников Среднего Прикамья (Ашихмина, 1985; 2014), исследователь предложила трехчленную периодизацию древностей бассейнов Вычегды, Мезени и Северной Двины (Ашихмина, 1985а, с. 32, 33): 1 стадия датировалась VIII–VII вв. до н. э., 2 стадия, переходная, VII–VI вв. до н. э., 3 стадия – VI–III вв. до н. э. (Ашихмина, 1985 а, с. 32; Ашихмина, Васкул, 1997, рис. 15). В основу выделения положены наиболее характерные черты керамики. При этом в периодизацию не были включены памятники типа Ластва и Перный, ряд комплексов которых содержат зауральские черты в орнаментации. Говоря о культурной принадлежности памятников ЕСВ VIII–III вв. до н. э., Л.И. Ашихмина относит их к ананьинской этнокультурной общности, отмечая, что на Печоре обитает «население, для которого характерна керамика со смешанными ананьинско-зауральскими чертами типа Чаркабож и Ямашор» (Ашихмина, 1985 а, с. 33). По мнению исследователя, формирование культур эпохи раннего железа (ананьинской культурной общности) происходило в результате передвижек населения, вызванных начавшимся в конце II тыс. до н. э. похолоданием.

Происходит отток населения в Волго-Камье и за Урал. В итоге межкультурного взаимодействия образуется обширная предананьинская общность эпохи бронзы – основа для формирования ананьинской историко-культурной общности. Климатические изменения и появление зауральского населения в бассейне р. Печоры, а также вероятная миграция на север родственных ананьинских групп из Прикамья привели к миграциям некоторых групп северных ананьинцев на территорию Волго-Камья и Карелии. По мнению Л.И. Ашихминой, можно говорить о двух таких миграционных волнах (из Зауралья и с территории Волго-Камья). На середину I тыс. до н. э. приходится эпоха повышенной увлажненности. Свидетельством этого, как полагает исследователь, являются мощные зольные слои на камских ананьинских городищах. На севере свидетельством похолодания является отсутствие находок позднеананьинского времени среди материалов святилища в Адакской пещере на р. Усе (бассейн Печоры), крайняя малочисленность ананьинской керамики в Большеземельской тундре. В начале эпохи раннего железа отмечается перемещение гамаюнского населения с Северного Урала на Средний. Возможно, в результате этого передвижения появляется население с керамикой с крестовой и змеевидной орнаментацией. Часть местного населения смешивается с пришельцами, не исключено, что какая-то часть отходит на малые вычегодские притоки, в бассейн Мезени, Северной Двины. Последующее появление около VI в. до н. э. населения с посудой типа Ямашор могло вызвать новые миграции ананьинского населения на северо-запад, где ананьинцы вместе с дьяковцами выступают в качестве одного из слагаемых компонентов в формировании каргопольской культуры середины I тыс. до н. э. (Ашихмина, 1991, с. 13, 14). Полемизируя с В.Н. Марковым по поводу миграции раннеананьинских племен с территории ЕСВ на Унжу, Ветлугу и Вятку, она отмечает, что в керамических комплексах поселений на этих территориях нигде не встречается в качестве примеси к глине дресва, а только раковина. Керамика с примесью раковины и гребенчато-шнуровой орнаментацией изготавливалась населением Верхнего Прикамья (Васюковские стоянки). Видимо, именно с этим регионом следует связывать появление гребенчато-шнуровой орнаментации на указанных выше территориях. Это привело к передвижкам потомков луговских племен, с одной стороны, в бассейны Вычегды и Печоры, и с другой – в Прикамье.

В целом Л.И. Ашихмина приходит к выводу, что различия в орнаментации и технологии изготовления керамики на северных и прикамских

памятниках свидетельствуют об особом вычужденско-печорском локальном варианте в культуре ананьинских племен. Если на глиняной посуде ластинского типа отражено как влияние зауральского, так и прикамского населения, то формирование перныйского керамического комплекса связано с проникновением родственных ананьинских племен из Прикамья. Сосуды типов Чаркабож и Ямашор зафиксировали контакты зауральского и ананьинского населения и последующее смешение традиций.

Проблемы взаимодействия с населением ЕСВ носителей гамаюнской археологической культуры исследовал В.А. Борзунов (Борзунов, 1992, с. 104–107). Поддерживая в целом концепцию об этапах заселения ЕСВ выходцами из Зауралья и Западной Сибири в бронзовом и раннем железном веке, предложенную Л.И. Ашихминой, он исходит из того, что в керамике с фигурно-штамповой орнаментацией на территории Европейского Северо-Востока проявились черты, характерные не только для гамаюнской, но и для других приобских культур эпохи поздней бронзы – раннего железа. Так, часть керамики с водораздельных озер Центрального Тимана он предлагает сравнивать с керамическим комплексом белоярской археологической культуры раннего железного века в Сургутском Приобье. Гамаюнское влияние проявилось в таких деталях формы и орнаментации сосудов, как резко отогнутая плоская шейка со скошенным наружу венчиком, выпуклые плечики, прокатанные волнистые узоры, ямки в шахматном порядке и пояски мелких крестов, а воздействие приобского комплекса выразилось в гребенчатых и змейчатых оттисках, иной группировке круглых ямок, отпечатков фигурно-штампованного крупного креста, в особых вогнутых шейках с приостренными венчиками (Борзунов, 1992, с. 105, 106). По мнению В.А. Борзунова, находки глиняной посуды приобского и зауральского типа на территории ЕСВ являются следами не просто культурных контактов населения двух регионов, а отражают ряд миграций «в системе общего этнокультурного сдвига обского таежного населения конца II – середины I тыс. до н. э. Переселение гамаюнских групп из бассейна Тавды и Лозьвы было только частью этого потока и не самой ранней» (Борзунов, 1992, с. 106). Пик этих миграций приходится на X–VIII вв. до н. э., что было связано с наиболее неблагоприятной обстановкой в северной тайге (Борзунов, 1992, с. 134, 135). Северные миграции приуральского населения были в определенной степени спровоцированы движением приобских и зауральских общин. Со временем, как полагает исследователь, они вызвали подвижку лебяжского населения на юг, в бассейн р. Вятки в том числе. Более сложно,

по его мнению, установить причины переселения из Северного Приуралья в VI в. до н. э. Возможно, оно были частью общих миграций конца VI в. до н. э., вызванных скифо-персидской войной 514 г. до н. э. На Вятке северные мигранты встретились с ананьинским населением, отошедшим на север из районов Среднего Поволжья. В.А. Борзунов подчеркивает, что, несмотря на локальное своеобразие, материалы свидетельствуют о культурном единстве вятского, волжского и камского населения (Борзунов, 1992, с. 107).

Одним из дискутируемых является вопрос о возникновении керамики со шнуровой техникой орнаментации, поскольку подавляющее большинство ананьинской посуды украшено либо только шнуром, либо шнуром в сочетании с гребенкой. Чисто шнуровая орнаментация характерна для керамики на всем протяжении ее бытования только в Среднем Прикамье (участок от низовьев Вятки до Сайгатки), а гребенчато-шнуровая – для населения ЕСВ. Л.И. Ашихминой была предпринята попытка поиска истоков шнуровой орнаментации в комплексах эпохи бронзы Прикамья (Ашихмина, 1985в). В.А. Иванов полагает, что в эти районы керамика со сложношнуровой орнаментацией попадает уже в сложившемся виде, и видит ее наиболее вероятные истоки в лебяжской культуре (цитируется по: Ашихмина, Васкул, 1997, с. 320).

Новая концепция генезиса ананьинских древностей в нижнем Прикамье предложена В.Н. Марковым (Марков, 1988; 1997, с. 3–24; и др.). Окончательное оформление его гипотеза нашла в вышедшей уже посмертно монографии «Нижнее Прикамье в ананьинскую эпоху (об этнокультурных компонентах ананьинской общности)» (Казань, 2007). В своих построениях он исходит из того положения, что североприуральское население играло одну из ведущих ролей в этих процессах уже на первом этапе существования нижнекамских памятников раннего железного века (рубеж IX–VIII – VIII вв. до н. э.). Именно в это время в культурном слое памятников Нижнего Прикамья, Вятки и Ветлуги фиксируется лебяжская керамика (Марков, 2007, с. 44, 45, 57). Со следующей волной переселенцев в VI в. до н. э. он связывает формирование культур сложношнуровой и гребенчато-шнуровой керамики, не имеющих, по мнению исследователя, истоков в археологических культурах предшествующего периода. Керамика со сложношнуровой орнаментацией формируется, как гипотетически предполагает В.Н. Марков, в малоисследованных районах севера Среднего Урала. Возможно, на единой основе с керамикой первой группы гамаюнской культуры, с которой она обнаруживает некоторую близость (Марков, 2007, с. 56). Вместе с глиняной посудой

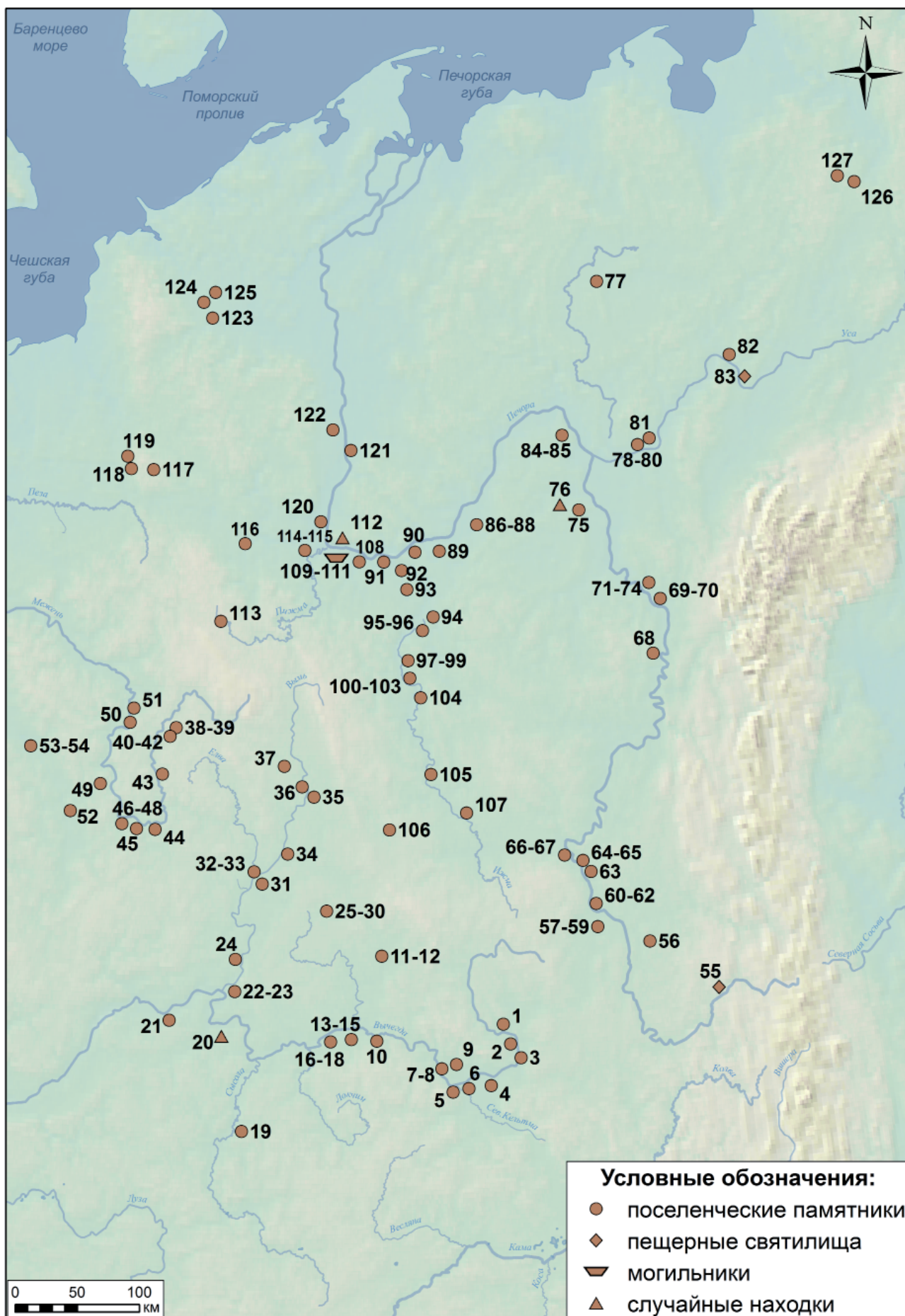
распространяются кельты КАН-II. Свидетельством притока нового населения являются краниологические серии черепов с монголоидными признаками в ананьинских могильниках Среднего Прикамья. Появление в волго-камских могильниках погребений с шестигранными кельтами и сосудов со сложношнуровой орнаментацией, как считает этот исследователь, следует рассматривать как результат взаимосмешения и культурного влияния постмаклашеевского населения на прошлое. В целом отношения между местным и пришлым населением складывались мирным путем и, видимо, выражались в установлении брачно-родственных контактов (Марков, 2007, с. 59, 60). Носители культуры гребенчато-шнуровой керамики появились на нижней Каме в результате миграции позднелебяжского (по Г.М. Бурову) населения с территории ЕСВ (Марков, 2007, с. 56, 57). В своем движении в более южные районы позднелебяжские группы населения увлекли за собой носителей керамики чаркабожского типа, также фиксирующейся на нижнекамских памятниках (Марков, 2007, с. 57). Формирование керамического комплекса, украшенного гребенчато-шнуровой орнаментацией, произошло, по его мнению, на территории Пермского Прикамья, где на памятниках присутствуют «как «классические» сложношнуровые, так и гребенчатые (лебяжские) керамиче-

ские комплексы». В результате взаимодействия племен лебяжской культуры и населения, изготавливавшего глиняную посуду со сложношнуровой орнаментацией, сформировалась культура гребенчато-шнуровой керамики (Марков, 2007, с. 57, 63). С носителями этой культуры, так же как и с населением культуры сложношнуровой керамики, он связывает распространение кельтов с шестигранным сечением втулки (КАН-II), считая их этническим показателем этого населения (Марков, 2007, с. 59). По его мнению, заселение северо-западных областей шло с территории ЕСВ, через бассейны северных восточноевропейских рек (Вычегды, Сухоны, Мезени, Северной Двины). Как полагает В.Н. Марков, «население Северного Приуралья своей мобильностью и широким расселением по северо европейской части России... и является тем звеном, которое позволило говорить о едином ананьинском мире» (Марков, 1997, с. 10).

Концепция В.Н. Маркова вызвала оживленную дискуссию. Одни исследователи поддержали концептуальные построения этого ученого (Иванов, 1991, с. 7; 2007, с. 31–34; Кузьминых, 2000, с. 107, 108; 2007, с. 43, 44; Савельева, 2000, с. 46; Чижевский, 2008; Белавин и др., 2009, с. 123, 259). Другие подвергли критике (Ашихмина, Васкул, 1997, с. 320, 333; Борзунов, 1992, с. 106, 107; Голдина, 1999, с. 190, 193; Черных, Останина, 2007,

Рис. 1. Памятники ананьинского времени на территории Европейского Северо-Востока

1 – стоянка Мылва; 2 – поселение Мыелдино; 3 – поселение Дынь-нюр; 4 – стоянка Лебяжская; 5 – поселение Сынкулима; 6 – поселение Себьяг I; 7 – поселение Усть-Кулом I; 8 – поселение Усть-Кулом III; 9 – поселение Дон; 10 – местонахождение Подты; 11 – поселение Борганьель II; 12 – поселение Борганьель I; 13 – поселение Шойнаты II; 14 – поселение Шойнаты III; 15 – поселение Джуджыдыяг; 16 – поселение Угдым IV; 17 – поселение Угдым III; 18 – поселение Угдым II; 19 – Ибское поселение; 20 – находка бронзовой секиры, Слудка(?); 21 – стоянка Ревью I; 22 – поселение Ниремка I; 23 – поселение Ниремка 5; 24 – поселение Ягу-яр; 25 – поселение Вис I; 26 – поселение Вис II; 27 – поселение Вис III; 28 – стоянка Вис VI; 29 – стоянка Синдорское озеро I; 30 – стоянка Синдорское озеро III; 31 – поселение Весляна IV; 32 – местонахождение Запань; 33 – поселение Елва; 34 – стоянка Усть-Коин I; 35 – поселение Шомвуква II; 36 – поселение Усть-Кедва I; 37 – стоянка Усть-Ворыква (Кордон); 38 – поселение Нимейчой I; 39 – поселение Нимейчой V; 40 – поселение Елва II; 41 – поселение Елва V; 42 – поселение Елва III; 43 – поселение Руччой; 44 – поселение Мичачой III; 45 – поселение Чойновты II; 46 – стоянка Ус III; 47 – поселение Ус I; 48 – поселение Усогорск II; 49 – поселение Ошчой II; 50 – поселение Лекчойди; 51 – поселение Силкина; 52 – стоянка Вендингга; 53 – поселение Смолокурный II; 54 – поселение Смолокурный III; 55 – Канинская пещера; 56 – поселение Палью IV; 57 – поселение Китостав; 58 – стоянка Усть-Сойва; 59 – стоянка Мартюшевская IV; 60 – поселение Пипутыньское; 61 – поселение Пидж IX; 62 – поселение Усть-Пидж I; 63 – поселение Судострой I; 64 – поселение Керес-Нюр; 65 – стоянка Нижне-Петрушинская; 66 – поселение Усть-Нибель I; 67 – стоянка Сотчемьель II; 68 – поселение Корольки II; 69 – поселение Концебор VIII; 70 – поселение Концебор III (Ямашор); 71 – поселение Медвежская I; 72 – стоянка Топыд-нюр II; 73 – поселение Топыд-нюр IV; 74 – поселение Топыд-нюр I; 75 – поселение Лыжа; 76 – Усть-Лыжа, находка бронзового кельта; 77 – стоянка Сандибей-ю 7; 78 – поселение Сынявом III; 79 – поселение Сынявом II; 80 – поселение Сынявом I; 81 – поселение Сынянърд II; 82 – поселение Адзья II; 83 – Адакская I пещера; 84 – поселение Щельябож II; 85 – поселение Щельябож III; 86 – поселение Питюяг II (Чаркабож); 87 – поселение Питюяг I; 88 – поселение Питюяг IV; 89 – поселение Перный; 90 – поселение Щельяюр IV; 91 – поселение Коршак II; 92 – местонахождение Диюр I; 93 – поселение Лиственничная I; 94 – поселение Ижма I; 95 – поселение Ласта IV; 96 – поселение Ласта X; 97 – поселение Баляягнюр V; 98 – поселение Баляягнюр II; 99 – поселение Баляягнюр III; 100 – поселение Туруннюр II; 101 – поселение Картаель III; 102 – поселение Картаель II; 103 – поселение Вылыс-Том 2; 104 – поселение Лек-Ижман I; 105 – стоянка Дресвашор; 106 – поселение Веселый кут 2; 107 – поселение Седью; 108 – поселение Нерицкое; 109 – поселение Шиховское I; 110 – Шиховской могильник; 111 – местонахождение Шиховское VI; 112 – Усть-Цильма, находка бронзовых ножен; 113 – поселение Пижма II; 114 – поселение Синегорье 2; 115 – поселение Курья 5; 116 – поселение Нонбург 5 (Ямный II); 117 – поселение Ружникова; 118 – поселение Кыско; 119 – поселение Пижемский Гумежек; 120 – поселение Старые дворища; 121 – поселение Лабажское; 122 – поселение Медвежка; 123 – поселение Минина Виска I; 124 – поселение Сударма I; 125 – поселение Большой Гусинец; 126 – поселение Падимейская 7; 127 – поселение Падимейская 32

с. 160, 161; Мельничук, Коренюк, Перескоков, 2009, с. 112–114).

А.Ф. Мельничук, исследуя этнические процессы и освоение Северного Прикамья в раннем железном веке – позднем Средневековье с позиций концепции «археологической непрерывности» (Мельничук, 2002, с. 101–109), исходит из того, что в Верхнем Прикамье и Печоро-Вычегодском крае протекали общие процессы, которые в результате взаимодействия лебяжских, ерзовских и гамаюнских культурных традиций привели к образованию ананьинской культуры, «визитной карточкой» которой является классическая ананьинская гребенчато-шнуровая керамика. Область распространения глиняной посуды этого типа – территория ЕСВ и Прикамья до устья р. Чусовой. По его мнению, раннеананьинское население вело относительно подвижный образ жизни, связанный с охотничьим промыслом, что приводило к миграциям из Северного Прикамья на Вычегду и Печору и обратно (Мельничук, 2002, с. 102, 103; Майстренко, Мельничук, 2010, с. 195). Общность древностей Северного Прикамья и ЕСВ, как полагает исследователь, сохраняется и в позднеананьинское время (вторая половина I тыс. до н. э.). В Прикамье это памятники с керамикой типа поселения Конецгор, ареал которых охватывает бассейн р. Камы «до устья р. Чусовой, включая районы г. Перми». В Печорском крае – древности типа Перный. В орнаментации сохраняются зубчатые и шнуровые отпечатки, на шейке сосудов появляется утолщение в виде воротничка. Исследователь отмечает роль поселения Скородум как пограничного между районами с присваивающей и производящей экономикой во второй половине I тыс. до н. э. – середине I тыс. н. э., подчеркивает, что в материалах поселения наблюдается «яркое совмещение северных и южных традиций ананьинской и гляденовской культур» (Мельничук, 2002, с. 103).

Динамичную картину культуро-и этногенеза на севере Восточной Европы в финале бронзового и раннем железном веке рисует С.В. Кузьминых (Кузьминых, 2000, с. 107, 108; 2007, с. 41–47; Кузьминых, Чижевский, 2017, с. 22–36). В развитии культур эпохи раннего железа он выделяет три фазы. На ранней фазе (IX/VIII–VI вв. до н. э.), по его мнению, идет процесс формирования ананьинской КИО, связанный с внутренней интеграцией и миграциями носителей маклашевской, «текстильной» керамики, лебяжской культур, а стержнем и движущей силой выступает взаимодействие культур акозинской, постмаклашевской, шнуровой и гребенчато-шнуровой керамики (Кузьминых, 2000, с. 108). Большая роль в период формирования культур ананьинского

мира отводится миграционным процессам в начале раннего железного века. Все это обусловило подвижные территориальные рамки АКЮ. Как полагает исследователь, подвижки населения во многом были вызваны палеоклиматическими и палеоландшафтными изменениями в бореальной зоне Северной Евразии. В ходе этих процессов на территории Европейского Северо-Востока появляются памятники типа Ластва, керамические комплексы которых развивают традиции лебяжской культуры, а наличие в орнаментации шнуровых и змеевидных отпечатков свидетельствует о взаимодействии с прикамскими и зауральскими культурами. Палеоклиматические и палеоландшафтные изменения вызвали миграции групп населения (носителей культур шнуровой и гребенчато-шнуровой керамики) из таежной зоны на юг – на Каму, Вятку и Ветлугу, на запад – по Вычегодско-Двинскому пути. Одновременно из-за Урала в бассейны Печоры, верхней и средней Камы, Белой проникает население гамаюнской и иткульской культур (Кузьминых, 2000, 107; 2007, с. 43).

На второй фазе (VI/V–IV/III вв. до н. э.)¹ на «севере и северо-востоке, от Онеги и до полярного Урала, появляются памятники типа Перный, Чаркабож, Ямашор и др.». Формирование памятников типа Перный С.В. Кузьминых связывает с миграцией из Прикамья. Древности типа Чаркабож и Ямашор отражают процессы взаимодействия и взаимоассимиляции местных, прикамских и зауральских коллективов (Кузьминых, 2007, с. 44; Кузьминых, Чижевский, 2017, с. 25, 26).

Крайне важен для исследуемой темы вывод С.В. Кузьминых о том, что «интеграционные и миграционные процессы в северных – таежных широтах шли более плавно, скорее, в рамках трансформации и адаптации мигрантов к определенным экологическим, хозяйственным и социальным доминантам, укоренившимся в аборигенной среде» (Кузьминых, 2007, с. 47; Кузьминых, Чижевский, 2017, с. 29).

Таковы основные концепции по генезису и развитию культуры населения Европейского Северо-Востока в VIII–III вв. до н. э. Как видим, большинство вопросов, связанных с ананьинской проблематикой на ЕСВ, остаются дискуссионными. Отсутствуют публикации монографического характера, обобщающие накопленные к настоящему времени источники. Требуется ввод в научный оборот материалов из раскопок 1980–2000-х гг., проведение новых полевых исследований с целью пополнения источниковедческой базы.

¹ В работе 2017 г. обе фазы объединяются в одну (Кузьминых, Чижевский, 2017, с. 25).

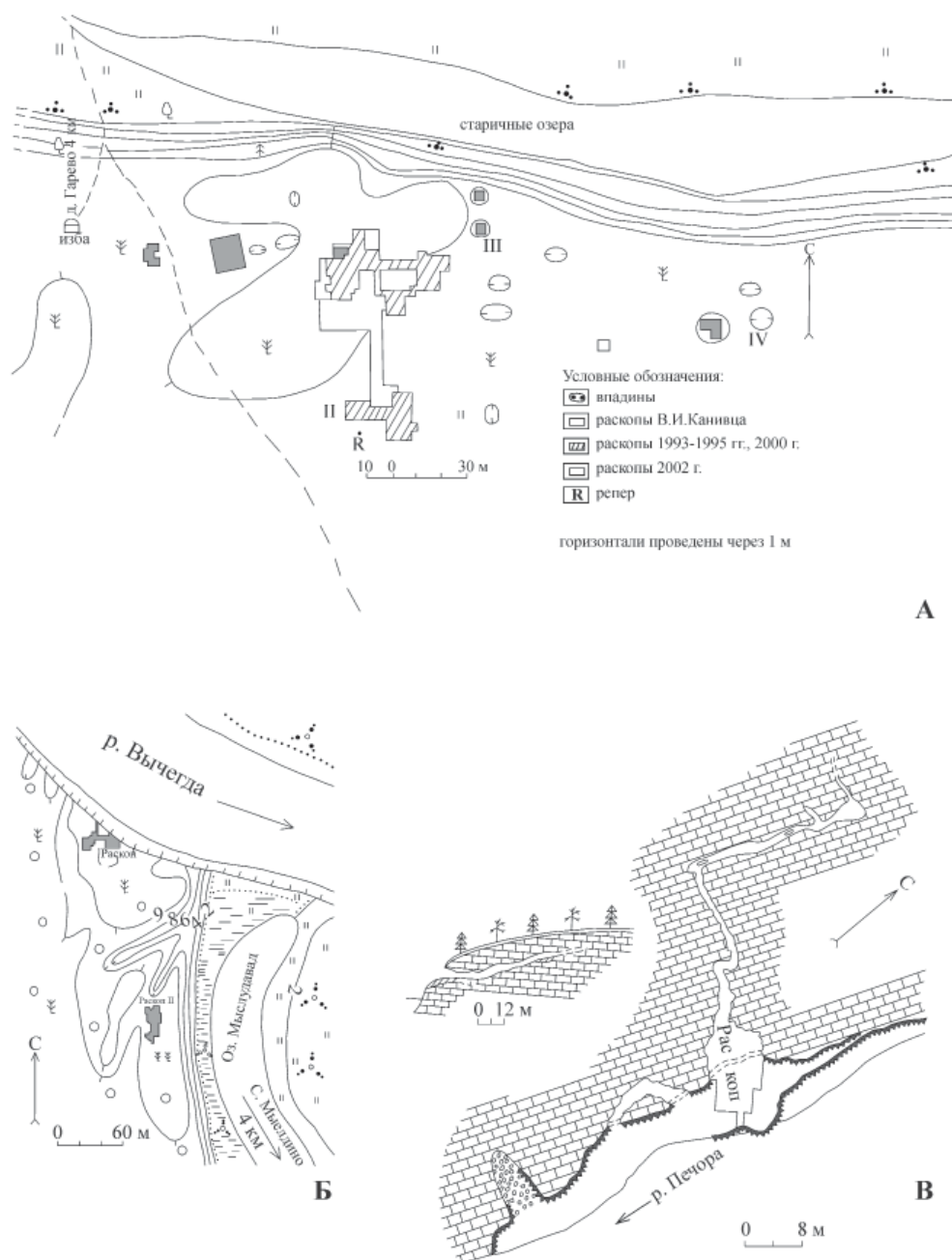

Рис. 2. Планы памятников ананьинского времени на территории Европейского Северо-Востока
 А – Шиховской могильник; Б – поселение Мыелдино; В – Канинская пещера

Общая информация о памятниках АКЮ на ЕСВ содержится в обобщающих работах как по археологии, так и по истории Республики Коми в целом (Археология Республики Коми, 1997; Савельева, 2011; Археологическая карта..., 2014).

Генезис культуры

Несмотря на продолжающиеся дискуссии по вопросу о генезисе культуры населения региона, о роли в этом процессе местных традиций и миграционного фактора, большинство исследователей полагает, что формирование культуры происходило на лебяжской основе, активную роль играли

зауральские и прикамские импульсы, что отразилось в разнообразии культурных типов, выделенных В.И. Канивцом (Канивец, 1974).

Область расселения. Поселения

В настоящее время на территории ЕСВ известно 128 археологических объектов, датирующихся ананьинским временем (рис. 1, место нахождения бронзового чекана из бассейна р. Усы на карте не отмечено ввиду отсутствия точных координат). Среди них выделяются поселения, пещерные святилища, могильник, местонахождения, погребения на поселениях, случайные

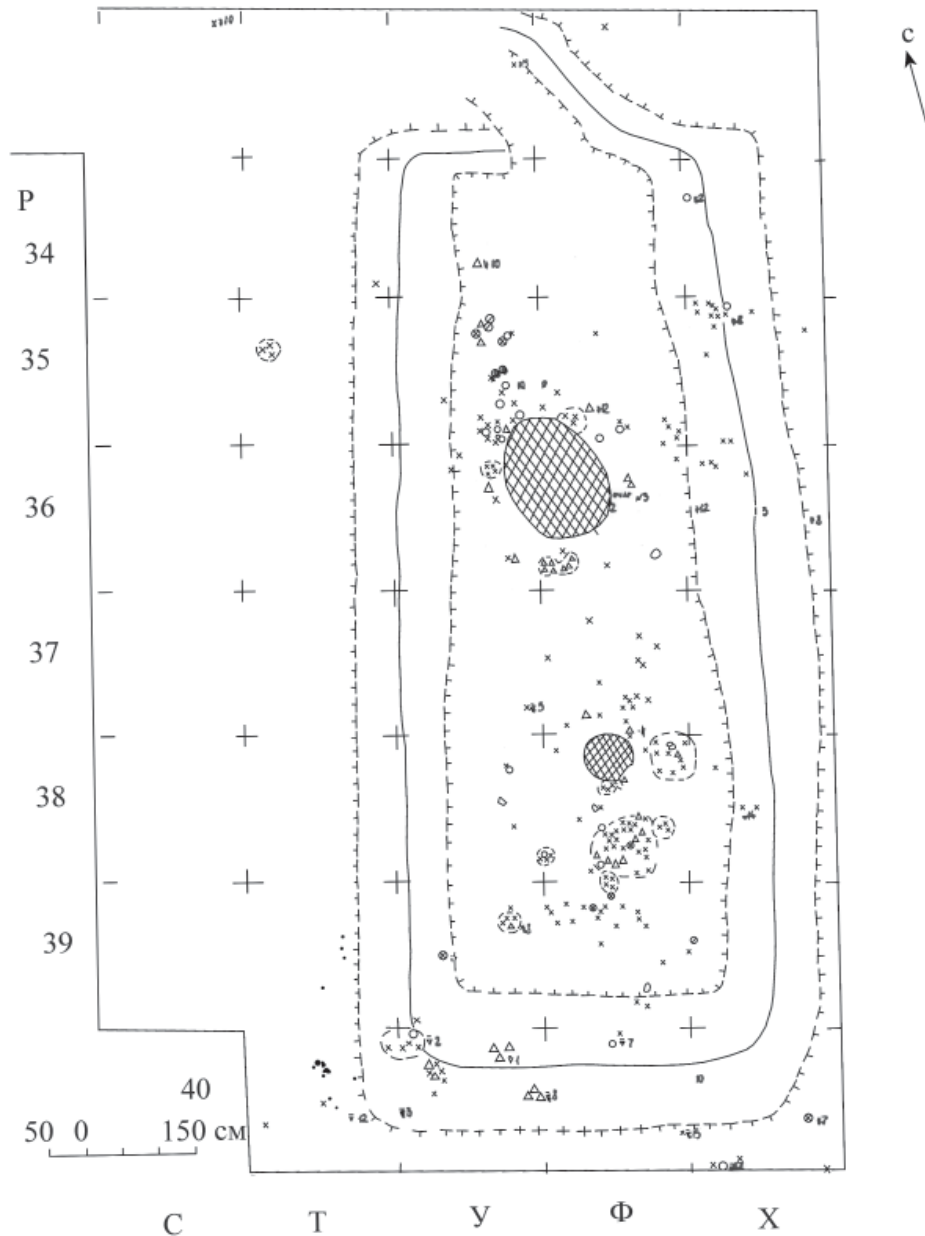

Рис. 3. Поселение Борганьель I. План жилища VIII (по: Ашихмина, Васкул, 1997, рис. 2)

находки. Основным типом памятников интересующего нас периода являются поселения. Они расположены по берегам озер и рек на I–III бортовых террасах или их останцах, иногда на уровне, соответствующем высокой пойме, в пределах северо-таежной (рис. 2Б) и на яреях в тундровой зоне региона. Степень изученности поселений различна. Наиболее хорошо они исследованы в бассейне р. Вычегды, где на многих памятниках проводились стационарные раскопки. В бассейнах рек Мезени и Печоры, Большеземельской и Малоземельской тундрах большинство материалов ананьинского времени получено в результате разведочных работ. Как правило, территория памятников ограничена с одной или двух сторон

логами с ручьём, вытекающим из болот, верховыми болотами. Площадь поселений различна в пределах 50–5000 тыс. кв. м. Выделяются места обитания охотников и рыболовов и «поселения-мастерские». Для поселений характерна незначительная мощность слоя, содержащего культурные остатки. Находки сосредоточены в растительном слое и верхней части оподзоленного песка. Исключение составляют памятники на водораздельных озерах, где мощность слоя больше (Лузгин, 1973, табл. 1). Проведенные исследования свидетельствуют, что находки концентрируются в жилищах, а при их отсутствии – в очагах или рядом с ними (Ашихмина, Васкул, 1997, с. 321).

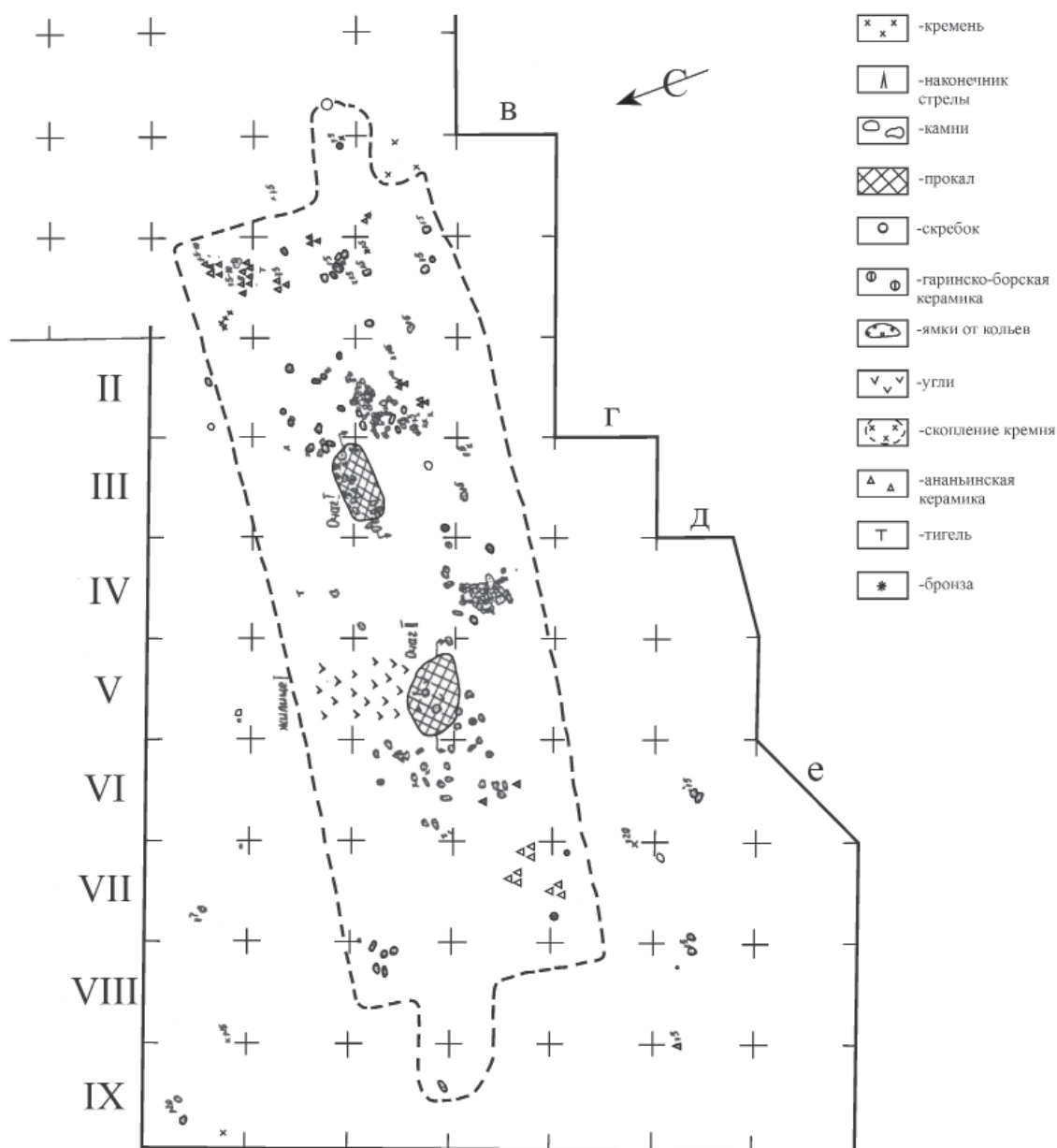

Рис. 4. Поселение Ягу-Яр. Раскоп V. План жилища (по: Ашихмина, Васкул, 1997, рис. 3)

В ходе раскопок выявлены жилища, очаги-ко-стрища, ямы, каменные вымостки, погребения.

Жилые сооружения изучены на памятниках в бассейне средней Вычегды (Борганьель I–II, Ягу-Яр), на Ижме (Ласта IV) и на Печоре (Топыд-Нюр II). На поселении Шомвуква II на Выми зафиксировано использование населением ананьинского времени жилища эпохи энеолита – бронзы (Семенов, Несанелене, 1997).

На средней Вычегде жилища исследованы Л.И. Ашихминой (Ашихмина, Васкул, 1997, с. 321, 322). Жилые постройки подпрямоугольной формы с одним (Борганьель I–II) или двумя выходами (Ягу-Яр) ориентированы параллельно реке. Площадь сооружений составляет 60–67,5 кв. м.

Вокруг стен прослежены «завалинки» (рис. 3–4). В жилищах на поселениях Борганьель I и Ягу-Яр по осевой линии располагались по два очага, на поселении Борганьель II зафиксированы дополнительные очаги.

В ходе раскопок жилища № 2 эпохи энеолита – бронзы на поселении Шомвуква II зафиксировано использование «ананьинцами» жилой постройки этого времени. Автор раскопок полагает, что это жилое сооружение подчетырёхугольной формы, размером 5×12,5 м, первоначально имело меньшие размеры, затем в раннем железном веке оно было расширено и углублено. О вторичном использовании жилища, по мнению В.А. Семенова и В.Н. Несанелене, свидетельствует тонкая

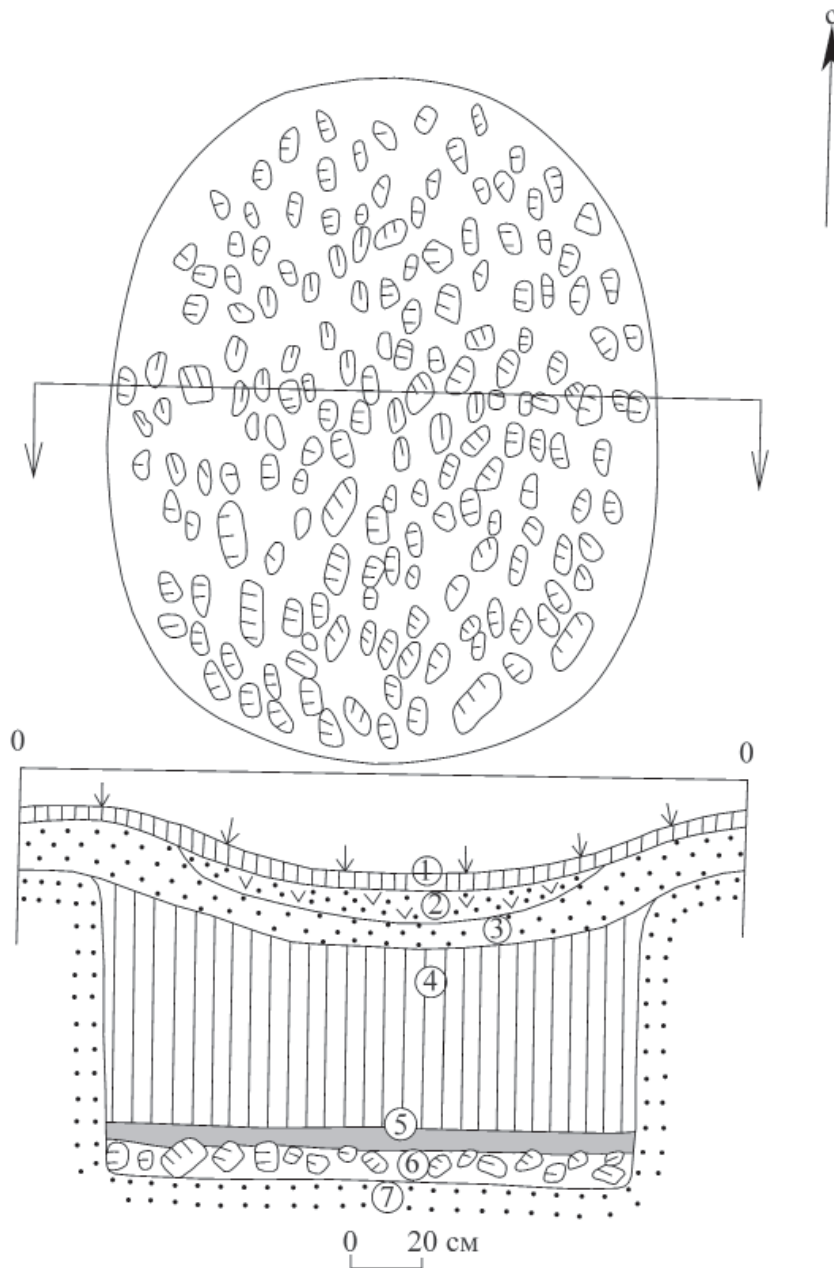

Рис. 5. План и профиль погребения ананьинского времени на поселении Шойнаты

Условные обозначения 1 – растительный слой; 2 – поверхностный углистый слой; 3 – подзол; 4 – смешанный углистый слой (заполнение ямы); 5 – зольно-углистый слой; 6 – камни; 7 – материк (по: Королев, 1985, рис. 1)

прослойка белесого с угольками песка в желтом смешанном (Семенов, Несанелене, 1997, с. 63, рис. 44). Коллекция раннего железного века включает обломки «сковородкообразного» тигля с плоским дном, обломок бронзовой пластинки, мелкие фрагменты глиняной посуды. Керамика обнаружена во время снятия верхнего слоя в местах очагов-кострищ.

В.Е. Лузгиным в ходе раскопок поселения Ла-ста IV изучено прямоугольное наземное сооружение размером 4,4×2,5 м с обкладкой из круглых камней по периметру, отапливавшееся одним очагом (Лузгин, 1972, с. 100, 101).

На поселении Топыд-Нюр II экспедицией под руководством Т.Ю. Туркиной в 2020 г. исследована прямоугольная слабоуглубленная в землю постройка площадью около 30 кв. м. В центре находился очаг с каменной кладкой. Пол был деревянным с берестяным настилом. Внутри жилища размещалась хозяйственная яма. В сооружении обнаружены фрагменты керамических сосудов, металлический лом, фрагменты тиглей, керамическое пряслице, каменные орудия труда и отходы их производства, разрушенные зубы и мех неопределенного млекопитающего, обломки костей. Керамика позволяет

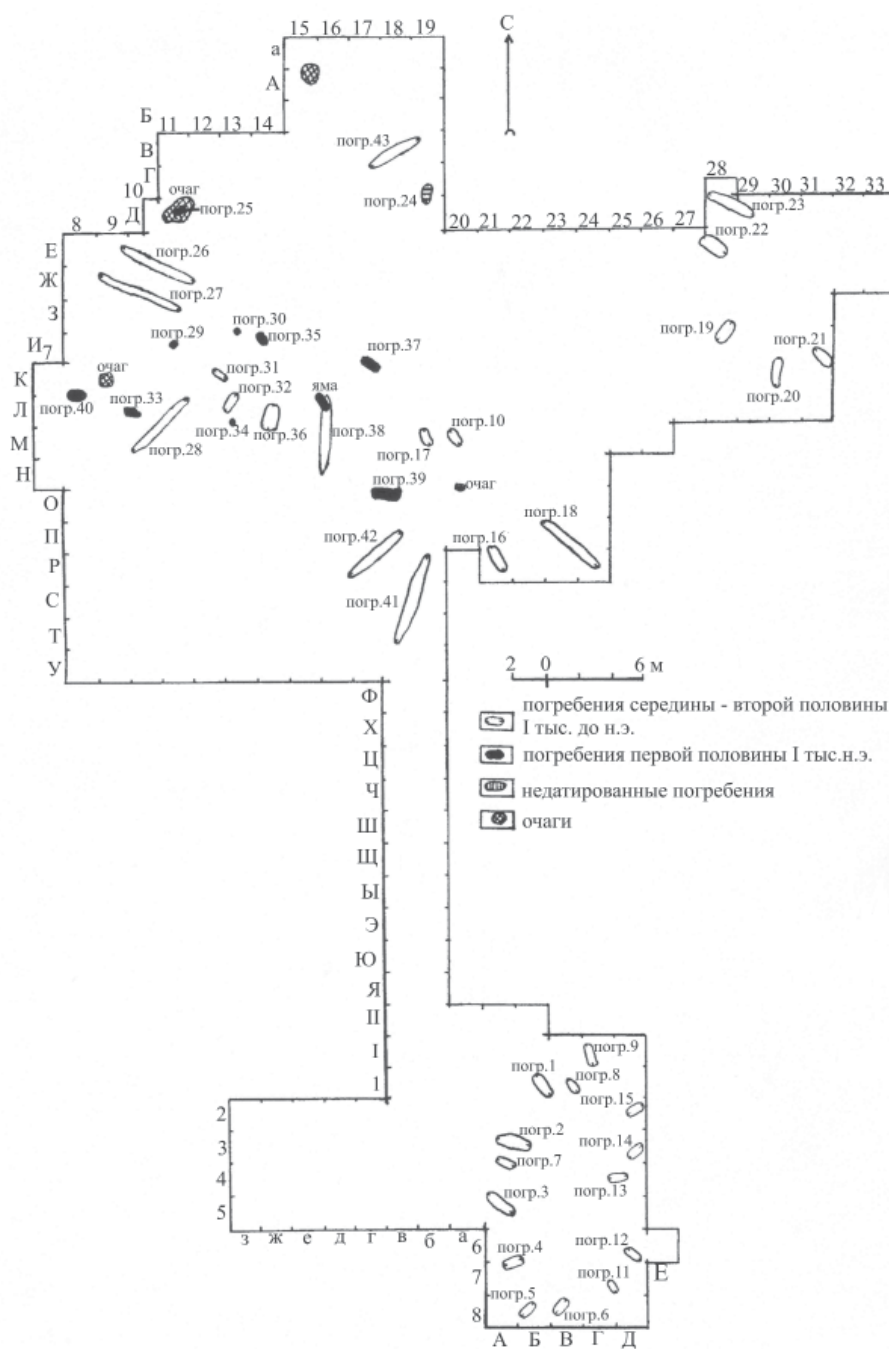

Рис. 6. Шиховской могильник. Расположение погребений на плане раскопа

датировать объект VIII–VI веками до н. э. (Две стоянки... , 2020).

Вышесказанное свидетельствует о различиях площади жилых сооружений в бассейнах Вычегды и Печоры. Однако это предположение требует проверки новыми раскопками.

Очаги овальной, округлой или подпрямоугольной в плане и линзовидной в сечении формы размерами 70–170×30–120×6–40 см. Известны также очажные ямы, очаги с каменной обкладкой. В них найдены кальцинированные кости, фрагменты керамики, кремневые изделия и отходы кремнеобработки, капельки бронзы, металлический лом,

фрагменты тиглей, иногда целые бронзовые изделия. Зачастую на очагах и вблизи них встречаются камни, остатки каменных вымосток, предназначенных для более долгого сохранения тепла, а также для установки посуды с округлым или приостренным дном.

По мнению Л.И. Ашихминой, в домостроительстве вычегодского населения прослеживается преемственность с эпохой поздней бронзы (лебяжская АК): наземные сооружения с очагами по осевой линии (Ашихмина, Васкул, 1997, с. 322). Как полагает Л.И. Ашихмина, охотничье-рыболовческий уклад хозяйства и подвижный образ

населения свидетельствуют о сезонности поселений. О длительности функционирования жилых сооружений позволяют судить размеры очагов. На этом основании, по мнению исследователя, можно предполагать кратковременный характер жилищ на поселении Борганъель I, более длительный – на поселениях Борганъель II и Ягу-Яр. Зимние жилища реконструируются в виде сруба в 3–5 венцов. Летние – как шалашеобразные постройки из жердей с покрытием из бересты и срубом в один венец в основании. Вокруг всех жилищ прослеживается «завалинка» (Ашихмина, Васкул, 1997, с. 322).

Характеристика вещевого инвентаря памятников

Глиняная посуда. Керамика является одной из наиболее массовых находок на памятниках ананьинского времени на ЕСВ. Именно на анализе этого вида источников построены все концепции развития культуры населения региона в рассматриваемый период. В то же время необходимо отметить, что на большинстве памятников найдено крайне незначительное количество сосудов. Статистически репрезентативные коллекции происходят в основном из раскопок в бассейне Вычегды, менее представительны комплексы глиняной посуды в Печорском крае и на Мезени. Незначительны коллекции из Малоземельской тундры, единичны сосуды на памятниках Большеземельской тундры. В бассейне р. Печоры В.И. Канिवцом выделены четыре культурно-хронологических типа – Ластва, Перный, Ямашор и Чаркабож (Канивец, 1974, с. 129–145). Г.М. Буров, наряду с этими типами, выделяет еще один – ружниковский, относящийся к раннеананьинскому периоду (Буров, 1989, с. 4). Типология, предложенная В.И. Канивцом, может быть распространена на все керамические комплексы ананьинского времени ЕСВ. Хотя необходимо отметить, что Л.И. Ашихмина исключила памятники бассейна р. Печоры ввиду прослеживающихся зауральских черт в керамических комплексах из предложенной ею хронологической схемы развития культуры населения ЕСВ, включив в нее только вычегодские и мезенские древности (Ашихмина, 1985, с. 32). Сосуды всех выделенных типов изготовлены вручную, ленточным налепом. В качестве отощителя в глину добавлялась мелкотолченая дресва, реже раковина. Поверхность сосудов заглажена кожей или рукой, реже травой, щепкой и гребенчатым штампом.

Тип Ластва (позднелебяжский по Г.М. Бурову). Сосуды круглодонные с прямой или слегка отогнутой наружу шейкой с плавным переходом к тулову, открытые и закрытые чаши (рис. 11–12). Орнаментировалась только верхняя часть сосуда – шейка и верхняя часть плечика. Узоры состоят из

наклонных, вертикальных, перекрещивающихся, зигзагообразных отпечатков гребенчатого штампа и горизонтальных оттисков шнура в сочетании с ямками. На ряде поселений отмечается появление на керамике змеевидных отпечатков, расположенных параллельно шнуровым оттискам. Ластинский тип наследует и продолжает развитие традиций лебяжской посуды. В орнаментации продолжают использоваться все лебяжские мотивы, добавляется новый технический прием: орнаментация шнуровыми оттисками. Благодаря исследованиям Г.Н. Лысюк и Ю.В. Паршукова эта гипотеза получила подтверждение в ходе изучения формовочной массы керамических комплексов бассейна р. Вычегды (Лысюк, Паршуков, Семенов, 2003, с. 135). Керамика ластинского типа датируется ранним периодом – VIII–VI вв. до н. э. (Канивец, 1974, с. 129–136; Буров, 1989, с. 2, 3).

На поселениях Борганъель I и II в среднем течении Нившеры (бассейн Вычегды) встречается только посуда ластинского типа с гладкими горловинами (Ашихмина, Васкул, 1997, рис. 5: 5–8), змеевидные узоры отсутствуют. Аналогичная керамика известна на поселениях бассейна Мезени (Ашихмина, Васкул, 1997, рис. 5: 1–4) и ее притока Вашки (Ашихмина, 1977; 1985в), лишь в одном случае отмечен фрагмент сосуда со змеевидным элементом на мезенском поселении Ус I (Ашихмина, 1977, рис. 2: 18). На средней Вычегде, на поселении Угдым III в обнаруженных на этом поселении погребениях (рис. 12) и на Висских поселениях наряду с сосудами с гладкими шейками (Буров, 1967, табл. XXV: 1, 4–8, 10–13, 14–19; XXVI) есть также посуда с «валиками» (Буров, 1967, табл. XXV: 2, 3, 9; XXVII: 5), в орнаментации повсеместно распространен змеевидный узор (Буров, 1967, табл. XXV: 3, 4, 5, 9, 11, 14; XXVI: 1, 7, 8, 12, 14–16; XXVII: 5).

Тип Чаркабож. Своеобразную группу памятников ананьинского времени представляют поселения с керамикой типа Чаркабож. Для нее характерно присутствие в глиняном тесте примеси дресвы, орнаментация крестовыми узорами (рис. 14–15), а также их сочетание со шнуром. Этот культурный тип сосудов В.И. Канивец рассматривает как родственный гамаюнской (каменогорской) культуре с крестовой посудой. Крестовый орнамент отмечается и на посуде поселений Мьелдино и Себъяг I в бассейне Вычегды, а также на поселении Борганъель I, относящемся либо к финалу эпохи бронзы, либо ко времени, переходному к раннему железному веку. На поселении Себъяг I найден фрагмент сосуда типа Чаркабож с примесью талька в глиняном тесте. Чаркабожский тип синхронен ластинскому (Канивец, 1974, с. 139–145). Ареал памятников типа Чаркабож

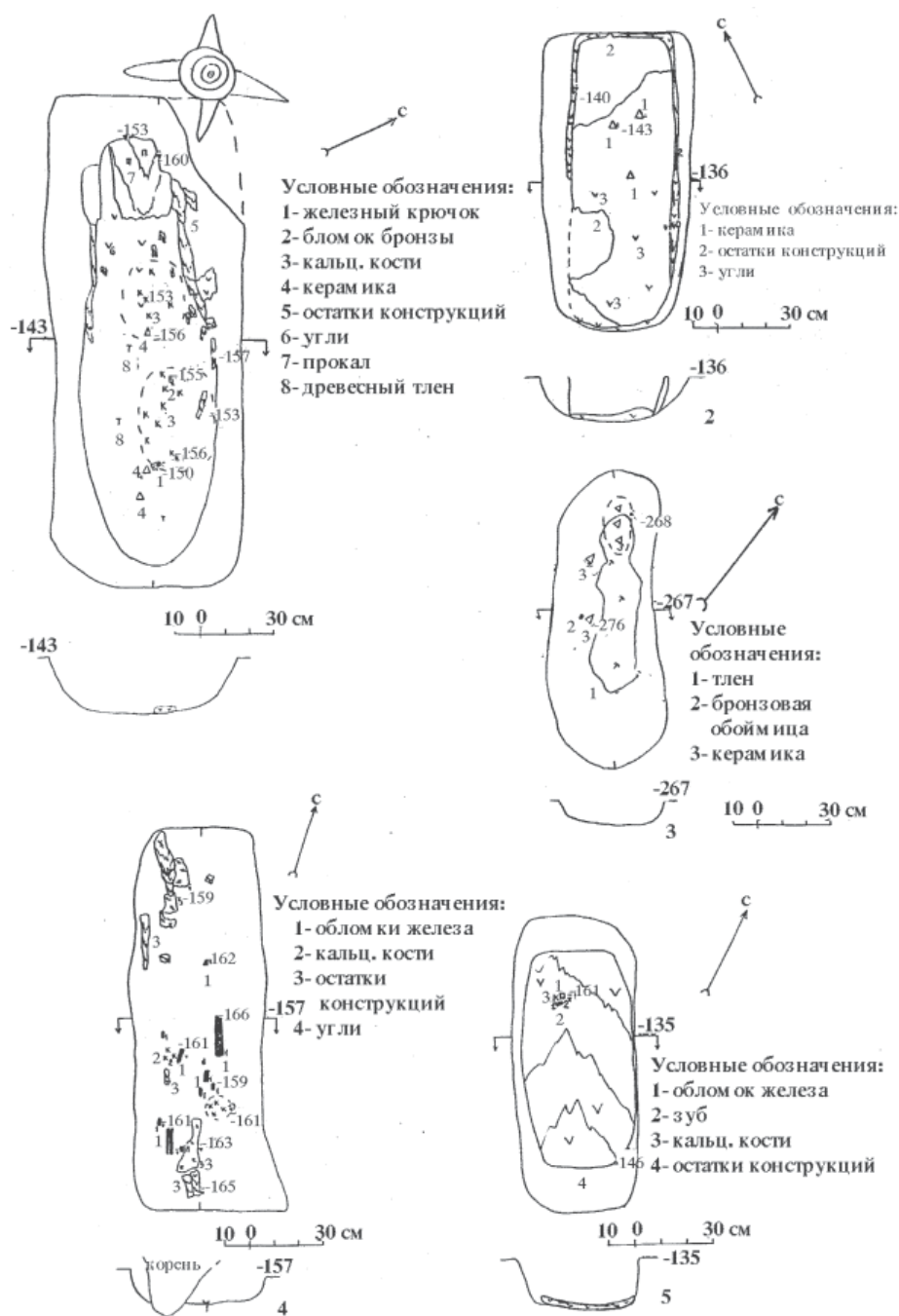

Рис. 7. Шиховской могильник. Планы и профили погребений
 1 – погр. 2; 2 – погр. 6; 3 – погр. 10; 4 – погр. 9; 5 – погр. 11

включает бассейн верхней и средней Печоры, Верхней Вычегды. Один памятник известен в бассейне р. Выми (поселение Елва, раскопки Л.Л. Косинской), еще один – поселение Вонгода II В (раскопки И.В. Верещагиной) на нижней Вычегде. Г.М. Буров приводит сведения о наличии чаркабожского поселения в Западной Сибири (Буров, 1989, с. 3), что также является свидетельством взаимодействия населения двух регионов. Керамика с крестовыми узорами найдена также в бассейне р. Вятки (Марков, 2007, с. 57). Между вычегодски-

ми и печорскими памятниками раннего железного века с крестовой керамикой, как представляется, имеются хронологические различия. На Вычегде они датируются первой четвертью I тыс. до н. э., на Печоре, судя по коллекции поселения Чаркабож, присутствию сосудов с «псевдокрестовой» орнаментацией в материалах поселения Перный, они существуют до VI в. до н. э. (Канивец, 1974, с. 102, рис. 53: 2–4; рис. 65: 1–10).

Тип Перный. Сосуды со специфическим налепом на горловине в виде «воротничка». Орнамент

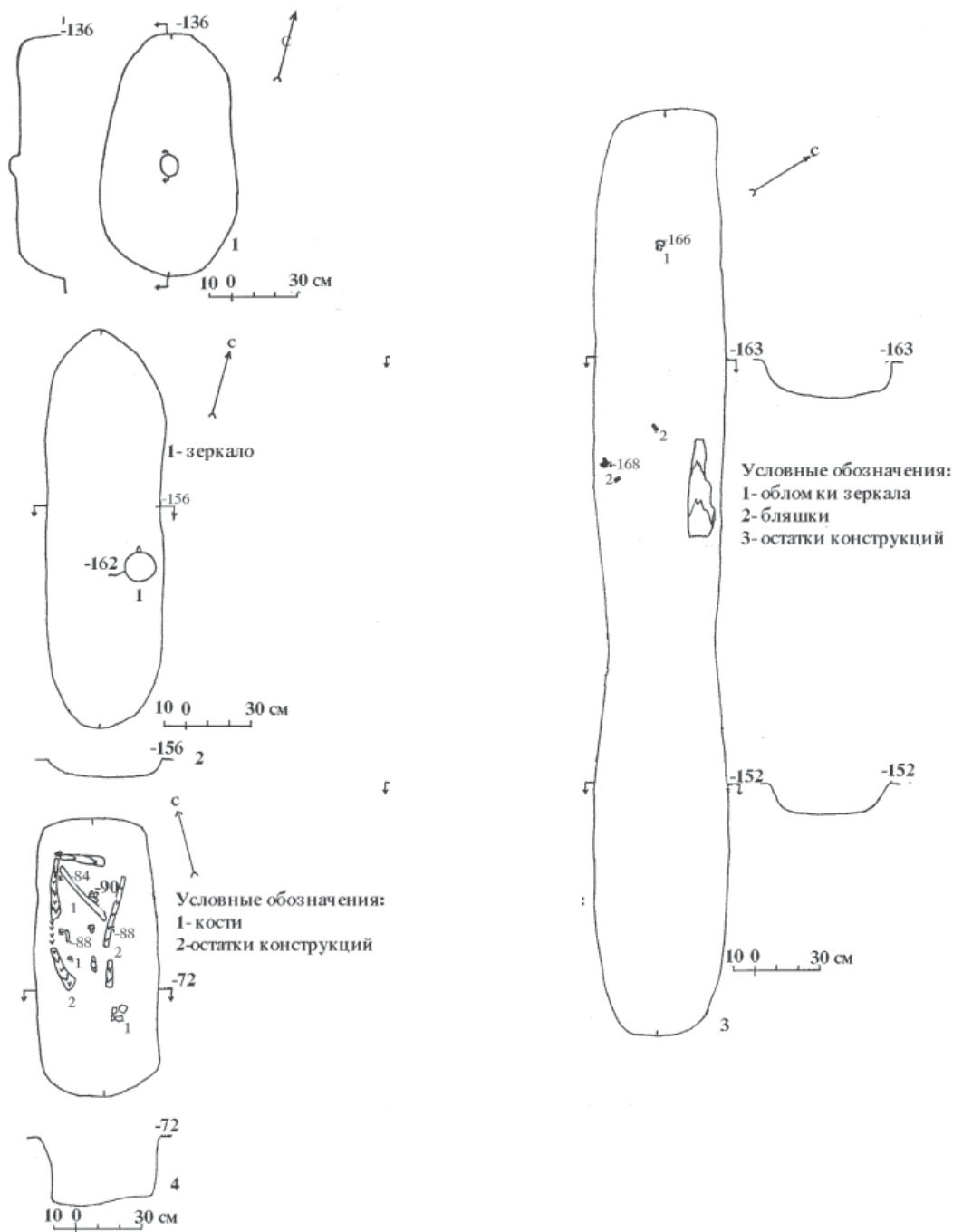

Рис. 8. Шиховской могильник. Планы и профили погребений
1 – погр. 17; 2 – погр. 16; 3 – погр. 18; 4 – погр. 24

предельно прост и часто состоит только из гребенчатых отпечатков, нередко использование двузубого штампа). Продолжается применение шнуровых оттисков (рис. 16, 17). В целом по сравнению с ластинским периодом орнаментация сосудов предстает более обедненной. Памятники типа Перный В.И. Канивец считает культурой, родственной ананьинской и испытавшей ее влияние, но не тождественной ей, в частности из-за существенных различий в керамике, определяя время бытования этих комплексов VI–III вв. до н. э. (Канивец, 1974, с. 136–138). Он отмечал, что для глиняной посу-

ды типа Перный нетипична примесь раковины, характерен строгий и прямолинейный орнамент, восходящий к лебяжской культуре, основным элементом узора в отличие от Прикамья являются зубчатые оттиски (до 90% сосудов), имеются оттиски фигурных штампов, отсутствуют резные узоры и др. (Канивец, 1974, с. 138).

Керамика типа Перный часто встречается и на поселениях в бассейне Вычегды (рис. 17). Чистый комплекс перныйского типа раскопан в среднем течении Выми (бассейн Вычегды) на поселении Ягу-Яр (рис. 17: 4) (Ашихмина, Васкул, 1997,

рис. 6). Обращает на себя внимание орнаментация коротким гребенчатым штампом, в частности двузубым. Керамический комплекс Шойнаты III на средней Вычегде характеризуется переходными чертами. Здесь фиксируются архаичные черты, восходящие к лебяжской посуде (Королев, 1997), кроме того, имеются сосуды с «воротничками», орнаментированные шнуром в комбинации с двузубым гребенчатым штампом и наклонными оттисками из короткого (четырёхзубого) штампа. На этом же поселении вскрыто одиночное погребение с сосудами, с одной стороны, тяготеющими к ластинской, а с другой – к перныйской манере орнаментации (Королев, 1985, рис. 2). Погребение датируется тем же временем, что и поселение. Оформление горловины сосуда в первом случае «воротничком», в другом – «валиком», а также наличие на поселении «воротничковой» керамики дает возможность отнести эти керамические к VI вв. до н. э.

Г.М. Буров писал о переселении носителей перныйских древностей с территории Волго-Камья, предлагая называть их собственно ананьинскими (Буров, 1989, с. 4, 5). Эта миграция вызвала, по его мнению, отток позднелебяжского (ластинского) населения на северо-запад, где в материалах из раскопок археологических памятников присутствует ластинская керамика (Буров, 1989, с. 29). Л.И. Ашихмина полагает, что формирование памятников типа Перный связано с проникновением родственного населения из Прикамья (Ашихмина, Васкул, 1997, с. 333). С ее позицией солидарен С.В. Кузьминых (Кузьминых, 2007, с. 44). Несомненно, керамические комплексы ЕСВ, объединенные В.И. Канивцом в культурный тип Перный, отражают усилившиеся связи с Камским регионом. Как было отмечено еще Г.М. Буровым, увеличивается доля сосудов с примесью раковины в глиняном тесте, на шейках сосудов появляются валик и воротничок (Буров, 1967, с. 122, 125), причем на керамике с поселения Ружникова фиксируется двойной воротничок, что характерно для позднеананьинских комплексов и памятников переходного времени от ананьинской КИО к гляденовской в верхнем Прикамье (Мельничук, 2002, с. 103). Л.И. Ашихмина полагает, что исходным районом этих инноваций в керамическом производстве был бассейн р. Вятки (Ашихмина, Васкул, 1997, с. 333). А.Ф. Мельничук отмечает, что традиция оформления шейки налепом в виде воротничка известна на керамике ерзовской АК эпохи бронзы в пермском Прикамье (Мельничук, 2002, с. 103). Как было отмечено выше, во второй половине 1990–2000-х гг. коллекция глиняной посуды перныйского типа пополнилась материалами из раскопок поселений Мыелдино,

Себьяг I и Шиховского могильника. Для керамики этих памятников характерен наплыв в виде воротничка, а на двух сосудах поселения Себьяг I зафиксированы валики. Сравнение керамических коллекций поселения Мыелдино, в ходе раскопок которого была получена наиболее статистически представительная выборка глиняной посуды, с эпонимным для культурного типа поселением Перный показало, что между этими памятниками имеются различия в добавках к глиняному тесту, орнаментации сосудов (Васкул, 2003, с. 41, 42). Было установлено, что если для перныйского керамического комплекса характерна зубчато-ямочная орнаментация (Канивец, 1974), то для мыелдинской керамики – ямочно-гребенчато-шнуровая. Сравнение глиняной посуды поселения Мыелдино с опубликованными коллекциями других вычегдских памятников показало, что для них характерна ямочно-гребенчато-шнуровая или шнуровая техника орнаментации. Исключения составляют висские поселения, которые по таким признакам как примеси к глиняному тесту, орнаментация сосудов, близки перныйским памятникам. На различия в орнаментации глиняной посуды печорских и вычегдских памятников обращала в свое время внимание и Л.И. Ашихмина (Ашихмина, 1985, с. 25, 26, 32). Подводя итог всему вышесказанному, следует отметить, что имеющиеся материалы свидетельствуют о локальных различиях между керамическими комплексами памятников типа Перный и поселений верхней и средней Вычегды (прежде всего, поселения Мыелдино). Наличие в коллекции поселения Мыелдино сосудов с примесью дресвы в глиняном тесте, декорированных зубчатым штампом, а также украшенных шнуром и фигурными оттисками, является отражением внутрорегиональных связей населения бассейнов рек Вычегды и Печоры.

Тип Ямашор. Ямашорская группа памятников занимает относительно северное положение (выше 65° с. ш.) и находится в непосредственном соседстве с Нижнем Приобьем. Керамика обычных ананьинских форм. На многих сосудах венчик утолщен в виде «воротничка» (рис. 18), в глиняном тесте – примесь дресвы, в единичных случаях встречена раковина. В орнаментации верхней части сосудов, наряду с ямками, шнуровыми и зубчатыми отпечатками, присутствуют волнистые линии и фигурные оттиски (в виде шевронов короткого вертикального зигзага, вопросительного знака, запятой, русской буквы Б, латинской S, подковообразных и серповидных вдавлений), характерные для археологических культур западной Сибири (Чемякин, 2008, рис. 54: 1–4, 7, 9, 10, 12, 13; 56: 6, 11, 14, 16; Чиндина, 1984, рис. 1–3). Л.И. Ашихмина связывает появление этих эле-

Рис. 9. Шиховской могильник
 План и профиль погр. 28

Рис. 10. Шиховской могильник
 План и профиль погр. 42

ментов в орнаментации ямашорской керамики с притоком нового населения из-за Урала. Она также полагает, что появление населения с керамикой типа Ямашор могло вызвать отток ананьинцев с территории ЕСВ на Северо-Запад европейской части России (Ашихмина, Васкул, 1997, с. 333). Точку зрения этой исследовательницы в целом поддерживает В.А. Борзунов (1992, с. 107). Хронологическое положение памятников типа Ямашор соответствует прикамской ананьинской керамике с «воротничком». Ямашорская керамика с ее зауральскими чертами, по мнению В.И. Канивца,

представляет в общих чертах восточную параллель комплексам типа Перный (Канивец, 1974, с. 138, 139). Создается впечатление, что глиняная посуда типа Ямашор носит гибридный характер. Наряду с отмеченными признаками для нее характерна такая деталь шейки, как воротничок, шнуровые и зубчатые отпечатки в орнаментации, что характерно для керамических комплексов АКЮ на всей территории ее распространения. На ямашорских памятниках фиксируется перныйская керамика, а в комплексах типа Перный – ямашорская. На Шиховском могильнике в погребени-

ях имеются сосуды культурных типов Перный и Ямашор. Следует также отметить, что короткий вертикальный волнистый штамп присутствует в орнаменте глиняной посуды древностей ЕСВ начиная с эпохи бронзы (Стоколос, 1973, рис. 3: 1, 2, 6, 9, 10, рис. 5: 1). Подобная орнаментация керамики, по мнению В.С. Стоколоса, является свидетельством миграций западносибирского населения (атлымская АК) на крайний северо-восток Европы в бронзовом и на рубеже бронзового и железного веков (молчановская АК) (Стоколос, 1997, с. 254, 255). Волнистые (змеевидные) линии и короткий вертикальный зигзаг имеются в орнаментации керамики типа Ластва (Ашихмина, Васкул, 1997, рис. 8: 6, 9, 10; Буров, 1967, табл. XXV: 3, 6, 9, 11, XXVI: 1, 7, 8, 12, 15, XVII: 5; Канивец, 1974, рис. 31: 10–12, 34: 3, 6). Присутствие их в декоре ямашорских сосудов является свидетельством традиций, сложившихся в керамическом производстве на территории ЕСВ в результате взаимодействия местного и пришлого населения и восходящих к кругу культур позднебронзового века в Зауралье и Западной Сибири. Подводя итог сказанному, необходимо отметить, что, как совершенно справедливо полагают исследователи (Л.И. Ашихмина, В.А. Борзунов, Г.М. Буров, В.И. Канивец и др.), наличие «фигурных» штампов в ямашорской керамике является отражением устойчивых связей с археологическими культурами Приобья, откуда глиняная посуда с фигурно-штамповой орнаментацией распространялась на территорию ЕСВ.

Кремневый инвентарь. Значительную часть материалов, полученных при раскопках ананьинских поселений, составляет довольно однообразный кремневый инвентарь. Обработка и сравнительный анализ кремня с поселений эпохи бронзы (лебяжский и крестовый комплексы) и ананьинского времени в среднем течении р. Нившеры (бассейн Вычегды) позволили Л.И. Ашихминой и Л.Л. Косинской проследить некоторые тенденции в кремнеобработке (Ашихмина, Косинская, 1995, с. 10–12).

Типологическая классификация орудий выполнена по морфологическим признакам. Номенклатура позднебронзовых орудий разнообразна: это скребки и скребла, скобели, ножи, резчики, проколки и сверла, наконечники стрел и дротиков, долотовидные орудия, отжимники и ретушеры, комбинированные орудия. В раннеананьинских же жилищах крупными сериями представлены только скребки, отсутствуют скребла, долотовидные орудия и резчики, остальные орудия встречаются единично либо небольшими сериями. Во всех комплексах основным приемом вторичной обработки является краевая ретушь; сплошная двусторонняя

обработка характерна только для наконечников. Последние представлены в позднебронзовых комплексах листовидными и иволистными типами с узким усеченным (прямым или скошенным) основанием. Лебяжские наконечники более массивны в поперечном сечении, среди них имеются экземпляры с краевой ретушью и с пильчатыми краями. Единственный ананьинский наконечник – листовидный с усеченным основанием – найден в жилище поселения Борганьель I, раскоп II.

Основная масса орудий представлена скребками (47–86% от общего числа орудий). Ведущие типы – одно- и двулезвийные скребки на укороченных заготовках, трехлезвийные подпрямоугольные и трапециевидные. Изделия с дополнительной подтеской тыльной части встречены единично в комплексе с крестовой керамикой поселения Борганьель I и на ананьинском поселении Борганьель II. Если для позднебронзовых скребков характерно наличие выраженных, зачастую оттянутых углов при переходе от лезвия к боковому краю, то ананьинские, наоборот, отличаются плавными очертаниями; встречены округлые и овальные скребки (Ашихмина, Васкул, 1997, рис. 12: 1, 4, 13, 18, 19). Скобели – отщепы с короткой или длинной пологой выемкой – более характерны для позднебронзовых комплексов.

Ножи составляют 4,5–8% орудий (в комплексе с крестовой керамикой поселения Борганьель I – 14,4%). Большинство имеют прямое или слегка дуговидное лезвие на длинном крае заготовки, встречаются двулезвийные с параллельными или смежными рабочими краями. Проколки и сверла на небольших отщепах (Ашихмина, Васкул, 1997, рис. 12: 12, 16) имеют 1–3 жальца на дистальном конце или углу заготовки, оформленные дорсальной или противолежащей мелкой крутой ретушью. Характерны изделия как с плечиками, так и без них.

Результаты анализа показали, что в раннеананьинских комплексах поселения Борганьель I намечаются изменения в приемах расщепления и номенклатуре орудий, а на поселении Борганьель II отличия от комплексов поздней бронзы уже ясно выражены. Сохранение массовой кремнеобработки в ананьинское время на Вычегде, в отличие от Прикамья, вероятно, связано с особенностями хозяйственно-культурного типа северных ананьинцев и слабым развитием металлургии. Обращает внимание и отличие типологии скребков рассмотренных комплексов от северодвинских поселений Пермогорье II, Кулига II, Приозерное II и др. (Верещагина, Ашихмина, 1980, с. 46, рис. 3, с. 52, рис. 5, с. 69, 70), датирующихся этим же временем, и определенное сходство с кремневым инвентарем поселений в бассейне р. Печоры (Канивец,

1974, с. 52–120). Те и другие вполне сопоставимы с лебяжскими кремневыми орудиями поселений бассейна Вычегды и Печоры. В то же время по типологии наконечников стрел все они отличаются от гамаюнских памятников Зауралья (Борзунов, 1992, с. 69–77, 183, рис. 20), что, как полагает Л.И. Ашихмина, еще раз доказывает сложный процесс формирования комплексов с крестовой керамикой на Европейском Северо-Востоке (Ашихмина, Васкул, 1997, с. 327, 328).

Кремнеобработку населения ЕСВ в середине – второй половине I тыс. до н. э. характеризуют материалы поселений-мастерских Весляна IV на Выми (Савельева, Васкул, 2000) и Питюяг I на Печоре (Канивец, 1974, с. 113–116). Коллекция первого из них насчитывает 890 предметов, среди которых выделяются нуклеусы, скребки, проколки, скребла, заготовки, наконечников копий и стрел. Практически все орудия изготовлены на отщепках. Заготовки орудий скалывались при помощи галек-отбойников с нуклеусов призматической и аморфной формы (рис. 20: 3). Среди орудий преобладают скребки (рис. 20: 6, 7). Подавляющее большинство из них изготовлено на отщепках. Скребки имеют прямое, выпуклое или полукруглое лезвие. Рабочий край орудий обработан крутой ретушью. Выделяются однолезвийные (концевые, угловые, боковые) и комбинированные орудия (криволинейные и конвергентные). Изделия характерны для памятников эпохи железа ЕСВ и по своим морфологическим характеристикам близки аналогичным орудиям раннеананьинского времени. Проколки изготовлены на отщепе и пластинчатом сколе. Со стороны спинки один из краев ретуширован (рис. 20: 2). Скребла выделаны на крупных отщепках. Заготовки наконечников копий и стрел, обломки ножей выполнены на отщепках различных размеров, обработанных двусторонней ретушью (рис. 20: 1).

Коллекцию поселения-мастерской Питюяг I составляют 1785 предметов, из них только 32 орудия. Большинство – скребки. Меньшую группу составляют обломки ножей или наконечников копий или дротиков. В.И. Канивец полагает, что на поселении происходила в основном отделка орудий, а не первичная обработка сырья (Канивец, 1974, с. 116).

Необходимо отметить, что на большинстве памятников середины – второй половины I тыс. до н. э. каменные орудия представлены либо только скребками, либо они составляют подавляющее большинство орудий (Канивец, 1974, с. 85–87, 103–108; Васкул, 1995).

Во время раскопок поселений VIII–III до н. э. помимо орудий труда и оружия из кремня найде-

ны гальки-отбойники, каменные плитки для заточки орудий (рис. 20: 4–5).

Металлические орудия труда представлены обломками бронзовых кельтов из раскопок поселений Угдым III (Королев, 2002, рис. 26: 15), поселения Себъяг I, в составе склада металлических изделий со стоянки Синдорское озеро I (Буров, 1967, с. 127, 128, табл. XXI: 18). Наиболее полно сохранившийся предмет происходит из склада со стоянки Синдорское озеро I (пункт III). Кельт шестигранный прямоугольной формы. Средние грани украшены «усиками» в виде парных параллельных рельефных линий, боковые края средних граней орнаментированы двумя параллельными линиями (рис. 22: 3). Автор раскопок полагает, что орудие принадлежит к ананьинскому типу кельтов (Буров, 1967, с. 128).

Предметы, связанные с металлообработкой, характеризуются обломками льячек с носиком для слива металла толстостенных ладьевидных тиглей с округлым или уплощенным дном (Канивец, 1974, рис. 42: 15, 53: 1), обломком формы для отливки бронзового кельта с поселения Вис I.

Вооружение. На поселениях обнаружено два бронзовых наконечника стрелы. Один из них, бронзовый плоский черешковый листовидный наконечник стрелы, найден на поселении Весляна IV. Общая длина изделия 8,8 см, длина черешка 3,3 см. Черешок круглый в сечении, имеет приостренный конец (рис. 23: 14; Савельева, Васкул, 2000). Второй найден на поселении Шойнаты III (Королев, 1988, рис. 1: 5). Наконечник трехгранный с головкой трехгранной формы и внутренней втулкой, грани пера гладкие, дуговидные с опущенными вниз шипами. А.А. Чижевский относит его к типу С-94 по С.В. Кузьминых (Чижевский, 2017, с. 201).

К категории **украшений** относятся разнообразные бронзовые бляхи и бляшки, бронзовые и стеклянная бусы.

Бляхи. В составе склада со стоянки Синдорское озеро I (пункт III) обнаружены фрагменты нескольких блях (Буров, 1967, с. 127, 128). Часть из них, возможно, является обломками бронзовых зеркал.

Бляшки. Круглая бляшка-пуговица с петлей на обороте найдена на раннеананьинском поселении Боргангель I (рис. 24, 25). Подобные изделия известны в памятниках эпохи поздней бронзы и раннеананьинского периода в Волго-Камье (Ашихмина, 1985б, с. 29). Биспералевидная бляшка с небольшим умбоном происходит из состава склада вещей, предназначенных для переплавки, со стоянки Синдорское озеро I (рис. 24, 29) (Буров, 1967, табл. XXI: 15).

Бусы. Во время раскопок поселения-мастерской Весляна IV найден обломок прозрачной голубой глазчатой бусины (Савельева, Васкул, 2000). Голубой глазок овальной формы окружен белым кольцом, которое в свою очередь окружено тонким голубым ободком. Аналогичное изделие обнаружено в погребениях Шиховского могильника (рис. 24: 12). Подобные бусы относятся к типу 100 по Е.М. Алексеевой (Алексеева, 1978). Аналогии, в том числе и с территории ЕСВ (Шиховский могильник), позволяют датировать эту бусину в пределах V–III вв. до н. э. Причем самые близкие из аналогий относятся к V–IV вв. до н. э. (Савельева, Васкул, 2000).

Бронзовые литые бусы (обоймочки) в количестве 2 экз. найдены во время раскопок Ибского поселения на одном участке с ананьинской керамикой (рис. 24: 27–28).

Культовые изделия. К этой категории относятся три бронзовых предмета. Два из них датируются раннеананьинским временем и найдены на территории Борганьельского археологического микрорайона на р. Нившере. Одно (поселение Борганьель II) выполнено в технике плоского литья (рис. 25: 20). Нижняя часть изделия представляет собой изогнутый стержень с глубокой продольной бороздой. Верхняя часть предмета состоит из двух половин – антропоморфной и серповидной. На нижней границе серпа заметны по четыре небольших выступа и по три выступа и углубления с другой стороны стержня. Изделие является моделью древа жизни. Ствол дерева искривлен. Эта кривизна передана ползущим по дереву змеем, изображенным в виде глубокой борозды. Верхний ряд кроны изогнут и представляет собой месяц – личину рогами вверх. Параллельно ему расположен нижний ярус серповидной формы. Выделяются три зоны, связанные с тремя вертикальными уровнями вселенной – верхним (крона), средним (ствол) и нижним (ползущий змей). Изогнутость ствола соотносится с горизонтальной плоскостью и символизирует четыре стороны света (Ашихмина, 1992, с. 9).

Бляшка-личина, обнаруженная на поселении Борганьель I, выполнена в технике плоского литья и имеет подквадратно-округлую форму (рис. 25: 17). Квадрат со стороной 3,5 см как бы вписан в круг. Его углы подчеркнуты небольшими, отходящими в стороны ответвлениями, маркирующими стороны света. На бляшке переданы черты двух лиц (две пары бровей, две родинки, два носа, раздвоенный подбородок). В центре «головы» – небольшой уступ, от которого отходили вверх и в стороны несохранившиеся три отростка. Изделие также является моделью вселенной (Ашихмина, 1992, с. 7–9).

Во время раскопок поселения-мастерской Весляна IV, относящегося к VI–III вв. до н. э., обнаружена бронзовая бляшка с петлей для подвешивания, отлитая в технике плоского литья (рис. 25: 16). Изделие представляет собой изображение двух противостоящих друг другу животных. В верхней части помещен хищник (волк?). Переданы оскаленная пасть, глаза, уши, хвост. На туловище, в верхней части фигуры, две горизонтальные линии, от которых отходят четыре наклонных «зубчатых отпечатка». Еще две линии на шее животного. В нижней части плакетки изображен лось (?). Отчетливо переданы морда и уши зверя, туловище – схематично. Ноги животных смыкаются (Савельева, Васкул, 2000). На территории ЕСВ это самая ранняя находка со сценой противостояния двух животных.

Возможно, культовый характер имеют костяное изображение головы животного с поселения Борганьель I (рис. 25: 18; Ашихмина, Васкул, 1997, рис. 13: 3), глиняные фигурки водоплавающих птиц с поселений Сынявом I (рис. 25: 19) (Канивец, 1974, рис. 39: 4; Ашихмина, Васкул, 1997, рис. 13: 6), Угдым III (Королев, 2002, рис. 26: 1, 2), Себьяг I.

Хозяйственные занятия

Расположение поселений на боровых террасах по берегам озер и рек характерно для населения, основу хозяйства которого составляли охота и рыболовство. Фаунистические остатки, полученные при раскопках поселений и святилищ, показывают, что объектами охоты были бобр, лось, северный олень, заяц, лисица, соболь или куница (определения П.А. Косинцева). Количественное соотношение костных остатков свидетельствует, что первое место среди них занимают кости бобра, затем лося и северного оленя. К сожалению, в нашем распоряжении есть только суммарные характеристики костных остатков, принадлежащих птицам и рыбе. Из имеющихся данных следует, что охота велась при помощи лука и стрел с костяными и бронзовыми наконечниками. Рыбу ловили при помощи удочек с металлическими рыболовными крючками, сетей, заголов.

Основным видам производственной деятельности были подчинены другие хозяйственные занятия.

Изготовление каменных изделий (главным образом скребков) документируется орудиями для раскалывания кремня (гальки-отбойники), нуклеусами (относятся к типу аморфных) и нуклевидными обломками, отходами кремневой индустрии. Орудия изготовлены на отщепях серого, реже коричневого, черного, розового кремня. В бассейне р. Выми исследовано поселение-мастерская по изготовлению кремневых орудий (Савельева, Ва-

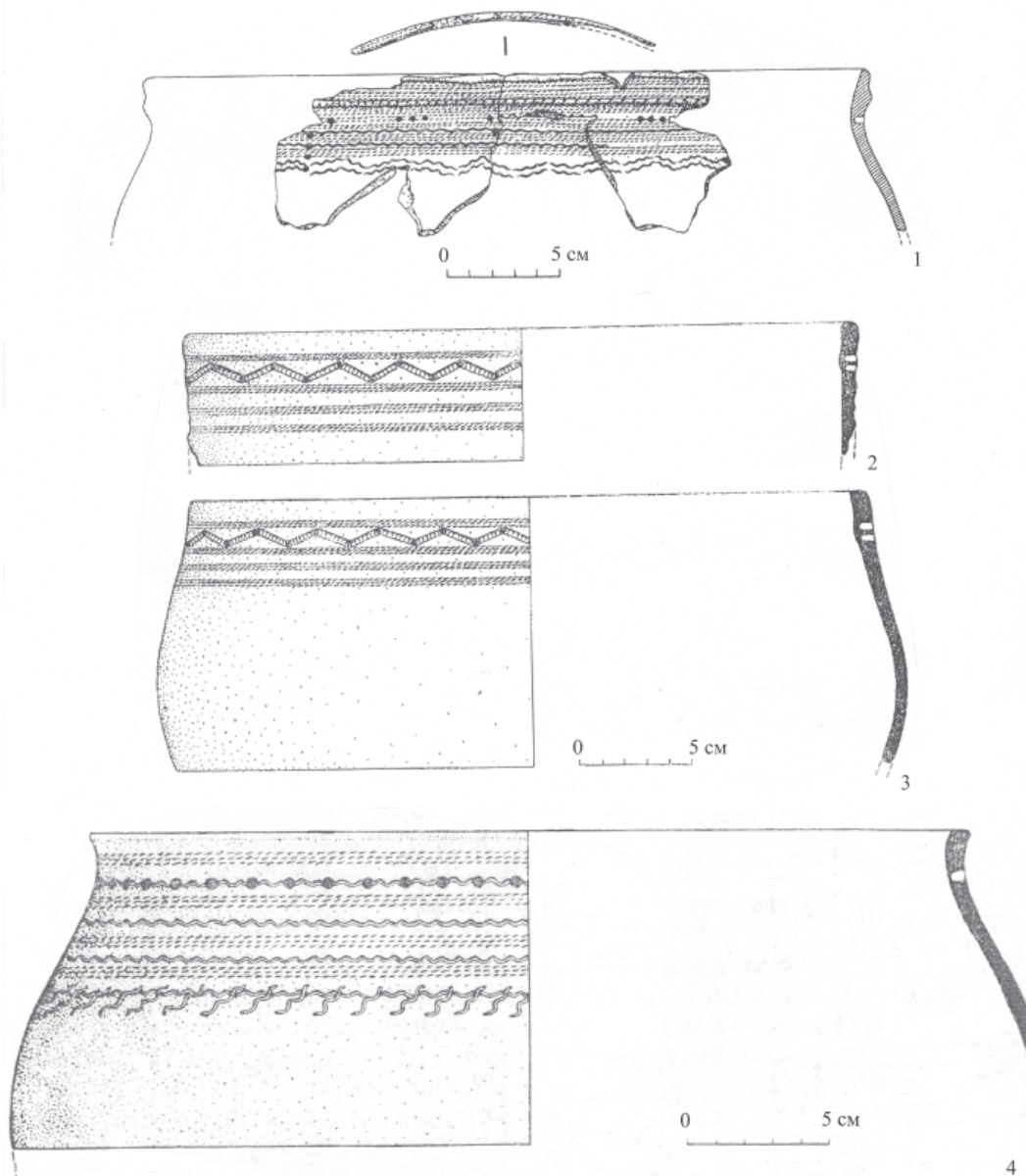

Рис. 11. Керамика типа Ластва

1 – поселение Вис I (по: Буров, 1967, табл. XXVII: 5); 2–3 – поселение Ластва IV (по: Лузгин, 1972, рис. 29); 3 – поселение Питюяг IV (по: Канивец, 1974, рис. 31: 12)

скул, 2000). Подобное поселение-мастерская Питюяг I раскопано В.И. Канивцом на Печоре (Канивец, 1974, с. 113–116).

Одним из основных занятий населения была обработка цветных металлов. К поздней стадии развития АКЮ на ЕСВ относятся поселения-мастерские, связанные с бронзолитейным производством (Канивец, 1974, 81, 85, с. 87–107). Так, на поселении Сынявом И.О. Васкулом в 1993 г. расчищен крупный очаг с каменной обкладкой, в котором были обнаружены керамика, ошарованные обломки ладьевидных тиглей, капли и сплески бронзы, металлический лом, предназначенный для переплавки. Вместе с бронзовыми найдены обломки железных изделий, что может свидетельствовать о том, что здесь произ-

водилось также изготовление железных орудий (Васкул, 1995). Плавка металла производилась в тиглях ладьевидной формы в кострищах. На берегу Синдорского озера на стоянке Синдорское озеро I (пункт III) обнаружен склад сломанных металлических изделий: обломок шестигранного кельта прямоугольной формы с орнаментом из двойных линий (рис. 22: 3), бляшки и бляхи. Вещи залежали в пределах круга диаметром 60 см вместе с двумя обломками ананьинского сосуда (Буров, 1967, с. 127, табл. XXI). На основании аналогий материалы датируются предположительно VI в. до н. э. (Ашихмина, Васкул, 1997, с. 331). Обломок формы для отливки кельта найден на поселении Вис I. Подобные находки свидетельствуют, по всей видимости, о том, что при изго-

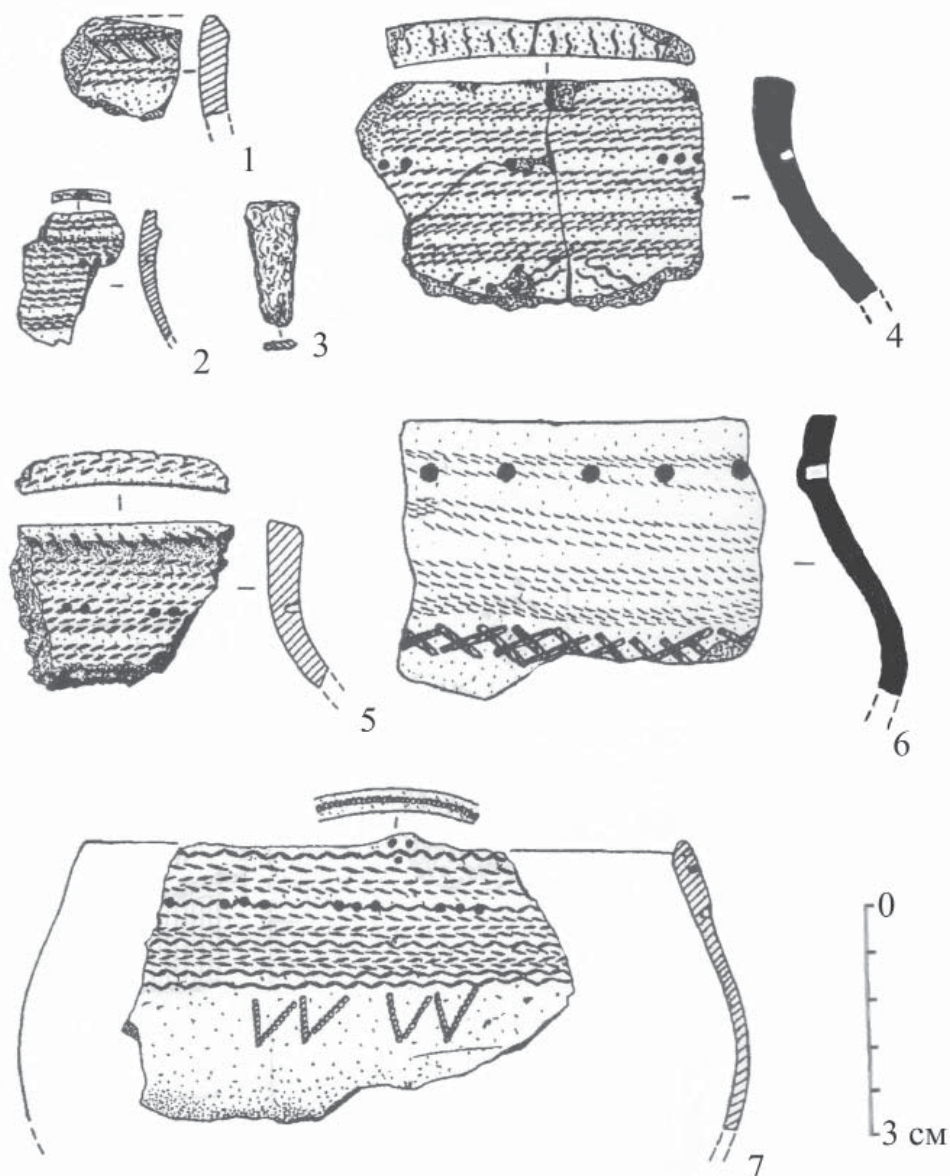

Рис. 12. Инвентарь ананьинских погребений на р. Угдым
1–2, 4–7 – керамика; 3 – железное изделие (по: Королев, 2002, рис. 34)

товлении металлических изделий использовался металлический лом. Это затрудняет поиск рудных источников. Анализ химического состава изделий с памятников ананьинского времени показывает, что эти предметы, как и в Волго-Камье, изготовлены из оловянистых и сурьяно-мышьяковистых бронз, «чистой» меди (Ашихмина, Каликов, Васкул, 1990; Буров, 1967, с. 130; Каликов, Васкул, 1999, с. 105, 106; Канивец, 1964, с. 88, 89; Канивец, 1974, с. 69, 91, табл. 2; Семенов, Кузьминых, Филиппов, Васкул, 2005, с. 102). В целом находки изделий из цветных металлов свидетельствуют об устойчивых связях с ананьинским металлургическим очагом.

Значительно меньше сведений имеется о других видах хозяйственных занятий. В условиях

лесной зоны значительное место в хозяйстве занимала деревообработка, о развитии которой говорят внутримогильные деревянные конструкции, в том числе в виде лодок, Шиховского могильника (Васкул, 2000). О косторезном деле свидетельствуют находки костяных антропоморфных и зооморфных фигурок и наконечников стрел.

Погребальные памятники

Одиночные захоронения на поселениях

К.С. Королевым при раскопках поселений Шойнаты II и Угдым III были вскрыты три погребения: одно на первом, два – на втором. Погребение на территории поселения Шойнаты II совершено в могильной яме размером 1,85×1,5×0,8 см, ориентированной в направлении С–Ю. На дне – скопление камней различного раз-

мера и формы (более 200 экз.), на них – сплошной зольно-углистый слой толщиной 4–5 см (рис. 5) (Королев, 1985, рис. 1). В северо-западном секторе ямы зафиксировано небольшое скопление кальцинированных костей, у противоположной стенки – развал части ананьинского сосуда с органической (видимо, раковинной) примесью в глиняном тесте (рис. 7: 9). По мнению исследователя, отсутствие следов прокала в яме позволяет предположить, что в яму ссыпаны остатки кремации, произведенной на стороне (Королев, 1985, с. 35–37). Позднее К.С. Королевым были исследованы еще два погребения с ананьинской керамикой на поселении Угдым III (Королев, 2002, с. 35, 36). Погребение I подчетыреугольной формы (1,4×0,85×0,6 м) ориентировано С–Ю. Так же как и в предыдущем погребении, на дне могилы расчищена каменная вымостка (около 200 камней), на которой фиксируется углистый слой мощностью около 4 см. В этом слое найдены фрагменты от двух сосудов ананьинского типа с органикой (раковинной) в глиняной массе, орнаментированных ямками, шнуровыми и змеевидными оттисками (рис. 12: 5, 7). Погребение 2 совершено в яме овальной формы (1,2×0,8×0,6 м), ориентированной в направлении ССВ–ЮЮЗ. На дне его зафиксировано кострище округлой формы, толщина углистого слоя – до 6 см, в нижней части зафиксировано пятно прокаленного песка. В кострище извлечены мелкие фрагменты плохо сохранившейся керамики от двух ананьинских сосудов с органикой (раковинной) в глиняном тесте, декорированных ямками, шнуром, змеевидными оттисками и гладким штампом, а также сильно коррозированный железный предмет (рис. 12: 1, 2, 4, 3). Под растительным слоем вблизи погребений отмечены камни, которые интерпретированы как возможные остатки простейших надмогильных сооружений (Королев, 2002, с. 36). Исследователь датирует захоронения VIII–VII вв. до н. э. (Королев, 2002, с. 37). К.С. Королев высказывает также предположение, что ямы 2, 3 и 4, исследованные на поселении Угдым II (раскоп IV), в одной из которых найден фрагмент раннеананьинского сосуда, по своим параметрам и топографическому положению вполне сопоставимы с вышеописанными захоронениями и также могут быть погребениями (Королев, 2002, с. 37). По мнению Л.И. Ашихминой, исследованные погребения, возможно, являются культовыми. Вероятно, на поселениях совершались погребения людей с высоким социальным статусом и связаны с культом предков (Ашихмина, Васкул, 1997, с. 324).

В то же время необходимо отметить, что в ходе раскопок поселения Мьелдино изучены три ямы,

относящиеся к культурно-хронологическому комплексу ананьинского времени. Они образуют на плане раскопов линию, вытянутую с юга на север. В плане ямы имеют подпрямоугольную (две) или овальную форму. Ориентированы эти сооружения по линии С–Ю, СВ–ЮЗ, СЗ–ЮВ. Дно ям выложено камнями. Над ямами и в них обнаружена ананьинская керамика. Еще одна подобная яма исследована на поселении Себьег I. Интерпретации их как погребальных противоречит тот факт, что в ямах найдены только кости животных. Более правомерным представляется предположение, что ямы являются жертвенными.

Могильники

На территории Европейского Северо-Востока в настоящее время известен один могильник ананьинского времени – Шиховской. Он расположен на бортовой террасе левого берега старицы р. Мача (левый приток р. Печоры) в 4-х км к югу от с. Гаревое в Усть-Цилемском районе Республики Коми (рис. 2А). Примерная площадь памятника – 3000 кв. м, протяженность могильника с севера на юг составляет около 70 м. На поверхности террасы над частью могил прослеживались небольшие западины. Захоронения этого периода выявлены на всей территории памятника в раскопах 1993–1995, 2000 и 2002 гг. Всего к середине – второй половине I тыс. до н. э. относится 33 погребения. Судя по имеющимся данным, могилы располагались на площади кладбища группами (рис. 6). Некоторые могилы имели, по всей видимости, внешние признаки. Столбовая ямка зафиксирована в центре погр. 17 (рис. 8: 1), погр. 38 располагалась между двумя столбовыми ямками, столбовая ямка отмечена рядом с могилой 8, ямки прослежены между погр. 11–12, 41–42. Рядом с последними расчищены две ямы. Могильные ямы имеют различную ориентировку. Преобладает СЗ–ЮВ и СВ–ЮЗ. Погребения сильно различаются размерами могильных ям, которые колеблются в пределах 106–550×38–90 при глубине 7–30 см от уровня фиксации (рис. 7–10). Различия в длине могильных ям позволяют выделить три группы захоронений: 1) погребения, длина которых колеблется от 100 до 153 см; 2) могильные ямы длиной 169–205 см; 3) 305–550 см. Преобладают погребения первой группы, вторая и третья – менее представительны. Наблюдаются различия в расположении выделенных групп погребений в различных частях кладбища. Так, в южной части могильника распространены в основном захоронения первой группы, а в северной – увеличивается число могил, отнесенных ко второй и третьей группам. Могилы имеют прямоугольные или овальные в плане очертания, с прямыми или наклонными стенками, уплощенным, изредка неровным дном.

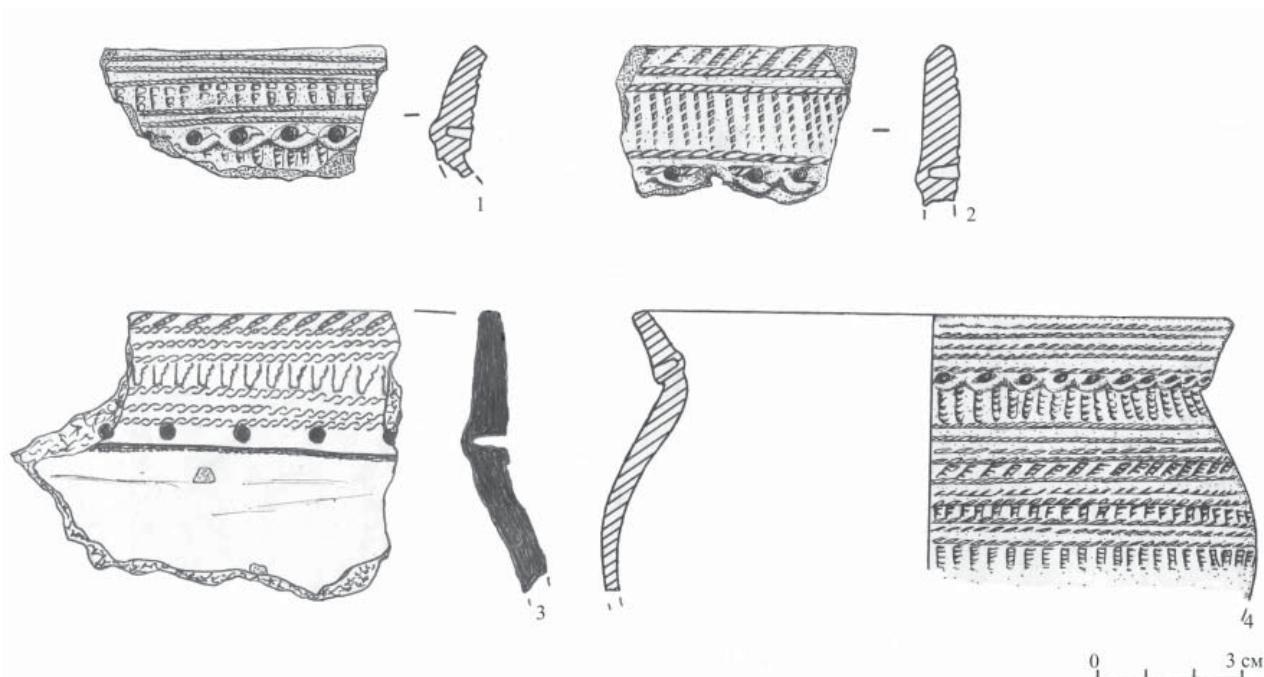

Рис. 13. Поселение Себьяг I. Керамика типа поселения Заюрчим VI

Могильная яма погребения 32 имела в плане форму лодки. В погребениях прослежены остатки внутримогильных конструкций. В большинстве захоронений – это настилы или остатки плах от них. В погребениях 1, 6 и 13 расчищены остатки колод, а в погребениях 26–28, 38, 41, 42 – остатки лодок-долбленок (?) (рис. 9–10). Судя по размерам могил, лодки находились также в могилах 18, 23 и 43 (Васкул, 2002, рис. 7: 3, 8: 2). Дно одной из лодок было выстлано тканью. Обряд погребения определяется в 15 захоронениях. В четырех случаях зафиксировано труположение, в 11 – трупосожжение. Кремация проводилась на стороне. По определению А.П. Бужиловой, степень кремации средняя при температуре 400–600°. В 14 могилах обряд погребения не определяется в связи с отсутствием костных остатков. Большинство захоронений – одиночные. Только погр. 26 и 32 – парные.

Из захоронений изучаемого времени ориентировка погребенных определяется в погребениях 4, 11, 26, 27, 31. В погребении 4 усопший был ориентирован головой на СВ, в погребении 11 – на СЗ, в погребении 31 – на ВЮВ. Северо-западную ориентировку, судя по расположению черепных костей, имели также погребения 26–27. Особо следует сказать о погребении 26. Оно было совершено по обряду трупосожжения. В могиле были найдены фрагменты черепов двух взрослых людей. Рядом с ними была обнаружена основная масса вещевого инвентаря. Это позволяет предположить, что захоронение 26 являлось погребением черепов.

Вещевой инвентарь обнаружен в 25 могилах. Наиболее «богатыми» из них являются захоронения в лодках. Здесь найдены культовые изделия, украшения, предметы вооружения, керамика, кремневые скребки. В одну группу с ними по богатству и разнообразию состава инвентаря входят погребения 1, 19 и 36. В то же время есть могилы, в которых обнаружены одна-две вещи. Погребальный инвентарь зафиксирован в засыпи и на дне могильных ям. Вещи располагались либо вдоль продольной оси могил, либо концентрировались в одной из половин могильной ямы. Строгих закономерностей в размещении в могилах тех или иных категорий инвентаря не наблюдается. Так, в тех случаях, когда в могилах присутствовали целые сосуды, прослежено их следующее расположение. В погребении 3 развал сосуда расчищен на дне в ЮВ части могилы. В захоронении 13 скопление фрагментов глиняного сосуда зафиксировано в центре могилы, рядом со скоплением лежал обломок бронзовой бляхи. В погребении 19 сосуд находился над северо-восточным краем могилы. В захоронениях 22 и 23 – на дне в СЗ частях могильных ям. В погребении 26 развал сосуда расчищен практически в центре могилы на ее дне. В захоронении 28 сосуд находился в ЮЗ части погребения на дне могильной ямы (рис. 9; Васкул, 2002, рис. 4: 4, 6: 5, 8: 1–3, 9: 1, 10). В расположении предметов вооружения также не прослежено четких закономерностей. В могиле 1 железный кинжал лежал на дне вдоль стенки ямы (Васкул, 2002, рис. 4: 1). В погребении 19 согнутый пополам железный кинжал был воткнут в верхнюю

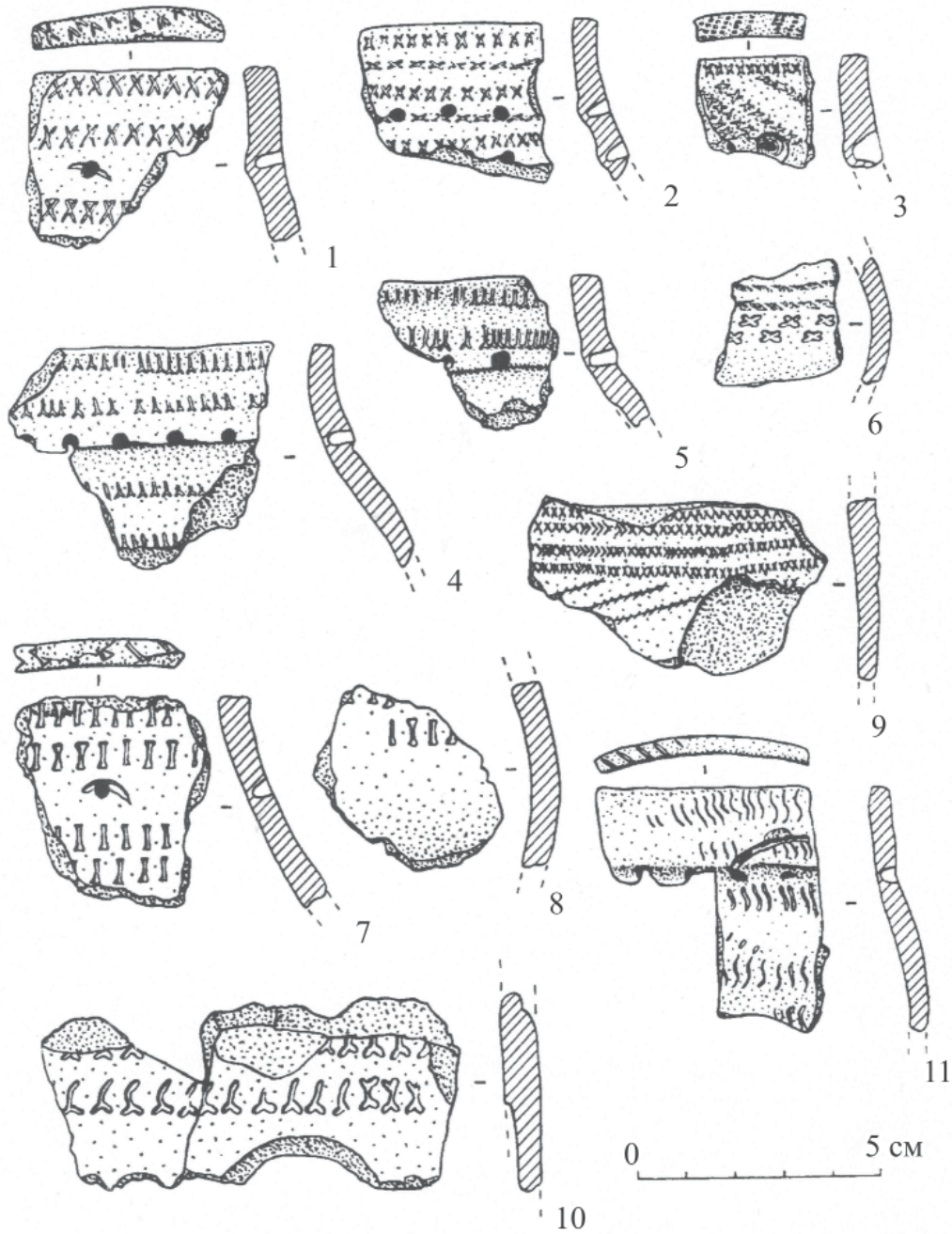

Рис. 14. Керамика типа Чаркабож. 1–11 – поселение Чаркабож (по: Ашихмина, Васкул, 1997, рис. 11)

часть могильной ямы (Васкул, 2002, рис. 8: 3). В захоронении 28 рукоять кинжала находилась у края лодки на дне могильной ямы, а обломки клинка – в центре погребения (рис. 9). Наконечник копья в погребении 3 находился в ЮВ части могилы, рядом с ножом и сосудом, а в погребении 19 – в ЮЗ части возле бронзовой бляхи (Васкул, 2002, рис. 6: 5, 8: 3). Наконечники стрел в этом же захоронении обнаружены в СВ части могильной ямы. Украшения, предметы личного пользования, поясные принадлежности в наиболее богатых находках погребениях располагались следующим образом. В погребении 1 поясные бляшки лежали

на дне могилы, вдоль ее продольной оси (рис. 4: 1). В захоронении 18 – в центральной части могилы (рис. 8: 3), а в погребении 23 – вдоль продольной оси в ЮВ части могильной ямы так же, как и остальные украшения и культовый предмет (Васкул, 2002, рис. 7: 3, 8: 2). Подобное расположение украшений прослежено и в погребении 27 (Васкул, 2002, рис. 9: 2). В погребении 28 пояс с прямоугольными бляшками был положен поперек лодки-долбенки в СВ части могильной ямы (рис. 9), а в погребении 38 вдоль могильной ямы. В погребении 22 гривна и бусина находились в СЗ половине могилы, рядом с ними был положен

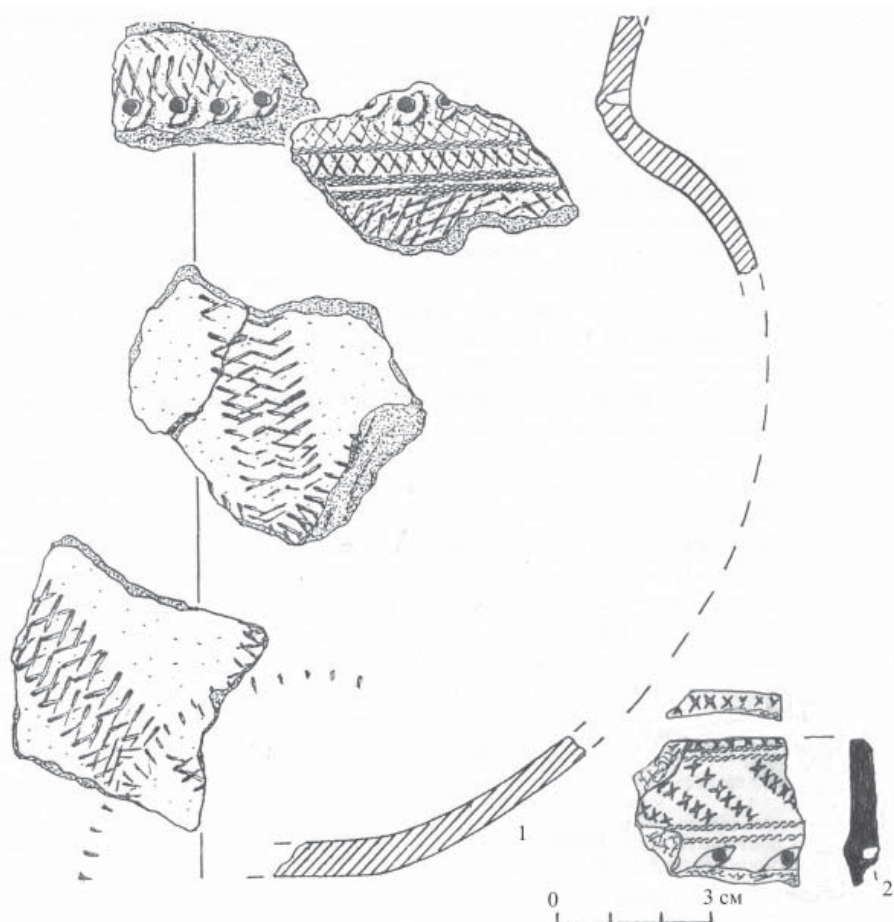

Рис. 15. «Крестовая» керамика в бассейне р. Вычегда. 1 – поселение Себьяг I; 2 – поселение Мыелдино

железный нож (Васкул, 2002, рис. 8: 1). Особо следует сказать о наиболее богатом захоронении 26 (Васкул, 2002, рис. 9: 1). Практически все украшения, культовые предметы были сконцентрированы здесь в СЗ части могилы у черепа. Поверх этих вещей лежала бронзовая бляха (зеркало?) с прочерченными изображениями в зверином стиле. Несколько бронзовых литых пронизок и обломки железной гривны и стержня обнаружены в ЮВ части могилы. В центре погребения, как отмечено выше, находился глиняный сосуд.

Погребальный инвентарь

Предметы вооружения представлены обломками пяти железных кинжалов, наконечниками копий и стрел.

Кинжалы (погр. 1, 19, 20, 28 и 36). Все изделия железные, однолезвийные. Кинжалы из погребений 1 и 28 имели бронзовые зооморфные рукояти (рис. 23: 10, 12). Кроме того, кинжал из могилы 28 имел ножны с бронзовым наконечником в виде головы грифона (рис. 23: 13). Кинжал из погр. 19, сохранившийся наиболее полно, имел железную, раздваивающуюся (?) в верхней части, линзовидную в сечении рукоять, прямую спинку (рис. 23: 1). Общая длина сохранившейся части изделия 31,6 см (рукоять – 8,7 см, клинок – 22,9 см).

Наконечники копий (2 экз.), погр. 3 и 19 (рис. 23: 2, 3). Копье из погребения 3 изготовлено из железа. Оно имело листовидное в плане и ромбическое в сечении перо и округлую втулку. Длина пера – 15,2 см, сохранившейся части втулки – 17,5 см. Как удалось зафиксировать в ходе разборки погребения, копьё находилось в футляре (чехле?) из железных пластин. Наконечник копья из погребения 19 – бронзовый с пером листовидной формы и округлой втулкой. Изделие крепилось к древку при помощи штифтиков или гвоздиков, от которых на втулке сохранились отверстия. Кроме того, на втулке прочерчено изображение втульчатого наконечника стрелы. Общая длина сохранившейся части изделия 17,7 см (перо – 8,1, втулка – 9,6).

Наконечники стрел (четыре бронзовых и один костяной) найдены в погребении № 19 (рис. 23: 5–9). Все они втульчатые трехлопастные. Единственный полностью сохранившийся экземпляр относится к типу трехлопастных наконечников со скрытой втулкой (КТР С-50 по С.В. Кузьминых; Кузьминых, 1983, с. 110).

К этой же категории изделий относится бронзовый зооморфный колчаный крючок из погребения 36 (рис. 23: 11).

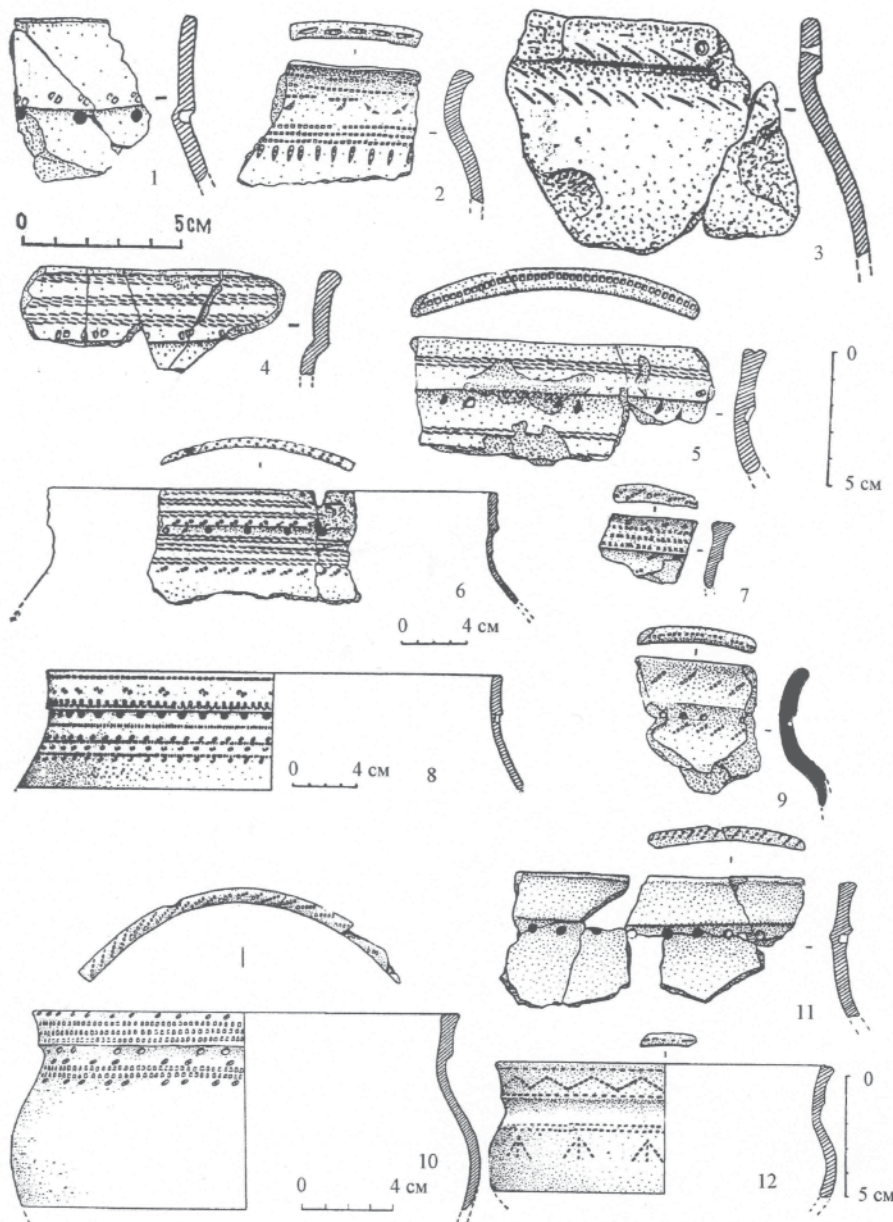

Рис. 16. Керамика типа Перный в бассейне р. Печора

1 – поселение Палью IV; 2, 4–5, 7, 9–12 – поселение Перный; 3 – поселение Китостав; 6 – поселение Судострой I; 8 – поселение Согчемель II (по: Ашихмина, Васкул, 1997, рис. 9)

Украшения, предметы личного пользования представлены височными кольцами, гривнами, стеклянной бусиной, бронзовыми пронизками и обоймами, бляхами и бляшками, браслетом, наконечником ремня, подвесками, зеркалами, поясными застёжками.

Височные кольца (3 экз.) (рис. 24: 5, 15) подразделяются на два типа: 1 – простое круглопроволочное кольцо (погребение 23); 2 – круглопроволочные кольца с трубицей-спиралью (погребение 26).

Гривны найдены в четырех погребениях (5, 19, 22 и 26). Четыре из них железные, в обломках. Реконструировать изделия невозможно. Они изготовлены из округлого или трапециевидного в се-

чении дрота (рис. 24: 1, 13, 16, 21, 24). Единственное целое изделие – бронзовое (погребение 22). Оно имело овальную в сечении форму, плоские концы, заходящие друг на друга. Внешняя поверхность изделия покрыта ложновитым орнаментом. Размеры гривны 21,2×18,3 см (рис. 24: 1).

Стеклянная голубая глазчатая (три глазка окружены белыми кольцами) бусина, обнаруженная в погребении 22 (рис. 24: 12), наиболее близка типу 100 по классификации Е.М. Алексеевой (Алексеева, 1975, с. 70, табл. 16: 29).

Бронзовые бусы (пог. 26, 27, 31 и 32), (8 экз.). Все изделия – литые. Выделяются колесовидные (3 экз.), цилиндрические (4 экз.) и биконические (1 экз.) бусы (рис. 24: 4).

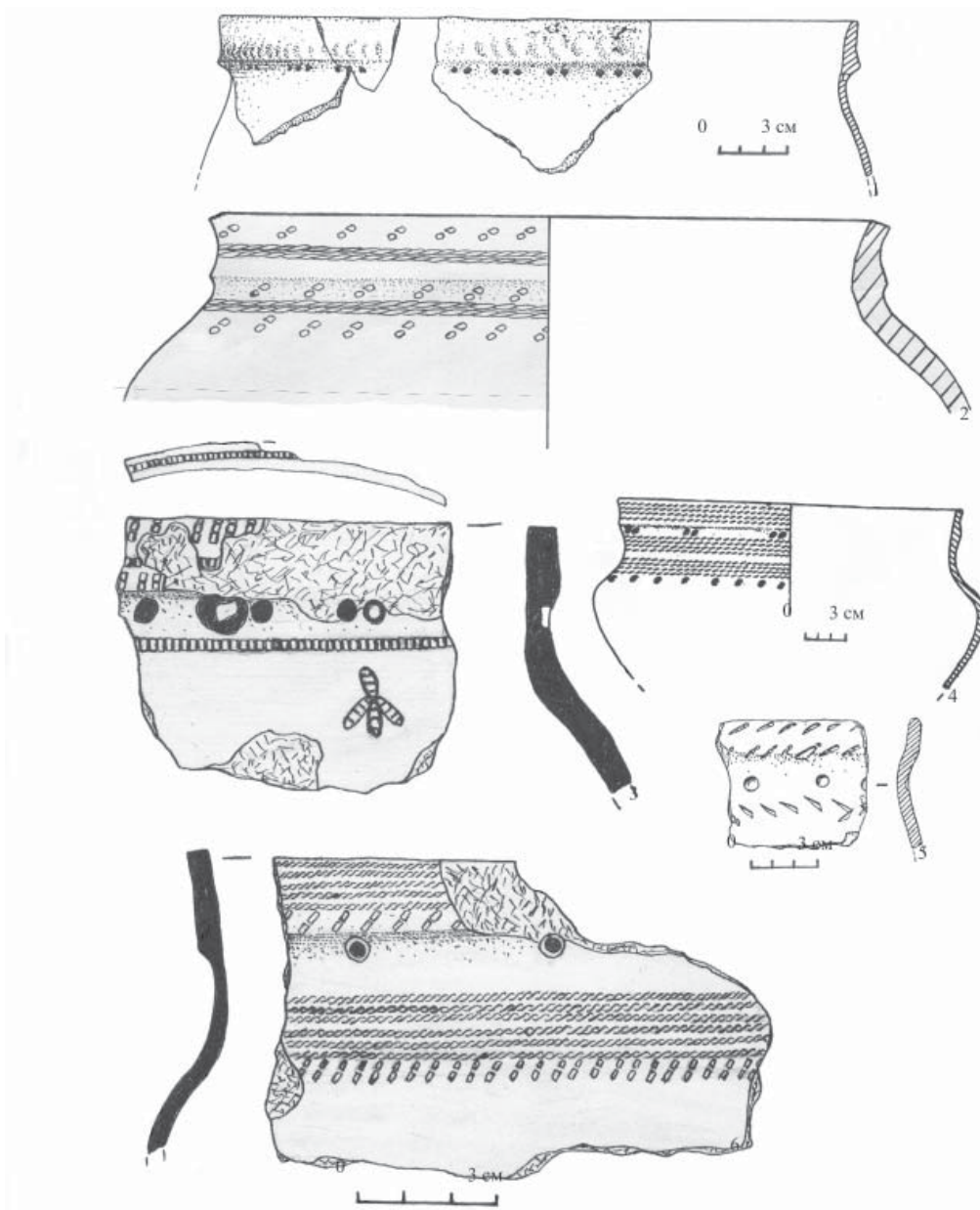

Рис. 17. Керамика типа Перный в бассейне р. Вычегды

1 – поселение Вис II (по: Буров, 1967, табл. XXVII: 4); 2 – Ибское поселение; 3, 6 – поселение Мьелдино; 4 – поселение Ягу-яр (по: Ашихмина, Васкул, 1997, рис. 6: 2); 5 – поселение Вис I (по: Буров, 1967, табл. XXVIII: 2)

Подвески (6 экз.), (погр. 23, 26 и 27) (рис. 24: 6, 9, 17; 26: 6). Все эти украшения – литые. По форме выделяются четыре типа подвесок. 1 – арочной формы, с ушком для привешивания в верхней части (1 экз.). Внутри арки – две вертикальные полосы, концы арки загнуты вверх. 2 – объемная, рельефная, овальная в сечении с ушком для привешивания в верхней части (1 экз.). 3 – трапециевидные (2 экз.). 4 – колоколовидные (2 экз.).

В захоронениях 23 и 26 найдены одиночные литые овальной и округлой в сечении формы *пронизки*, нанизывавшиеся на кожаный шнурок (рис. 24: 7, 11). В комплект украшений из погребения 23 входили многочастные пронизки из согнутой пополам пластины.

В погребениях 10, 26 и 27 найдены одиночные и многозвеньевые литые *обоймы* овальной формы (рис. 24: 8, 10, 20). По размерам выделяется три разновидности этих украшений: большие, средние и маленькие. Часть предметов декорирована поперечными насечками.

Бляхи (погребения 13, 19, 26) (рис. 24: 22, 23; 26: 3). По форме выделяется два типа изделий. Тип 1 – круглые (2 экз.). Одна бляха целая, от второй сохранилась половина. По форме изделий в профиль выделяются два подтипа: а) плоские (1 экз.); б) выпуклые (1 экз.), края бляхи этого подтипа – волнистые. На бляхе типа 1б прочерчены изображения людей и животного, на второй – два круга.

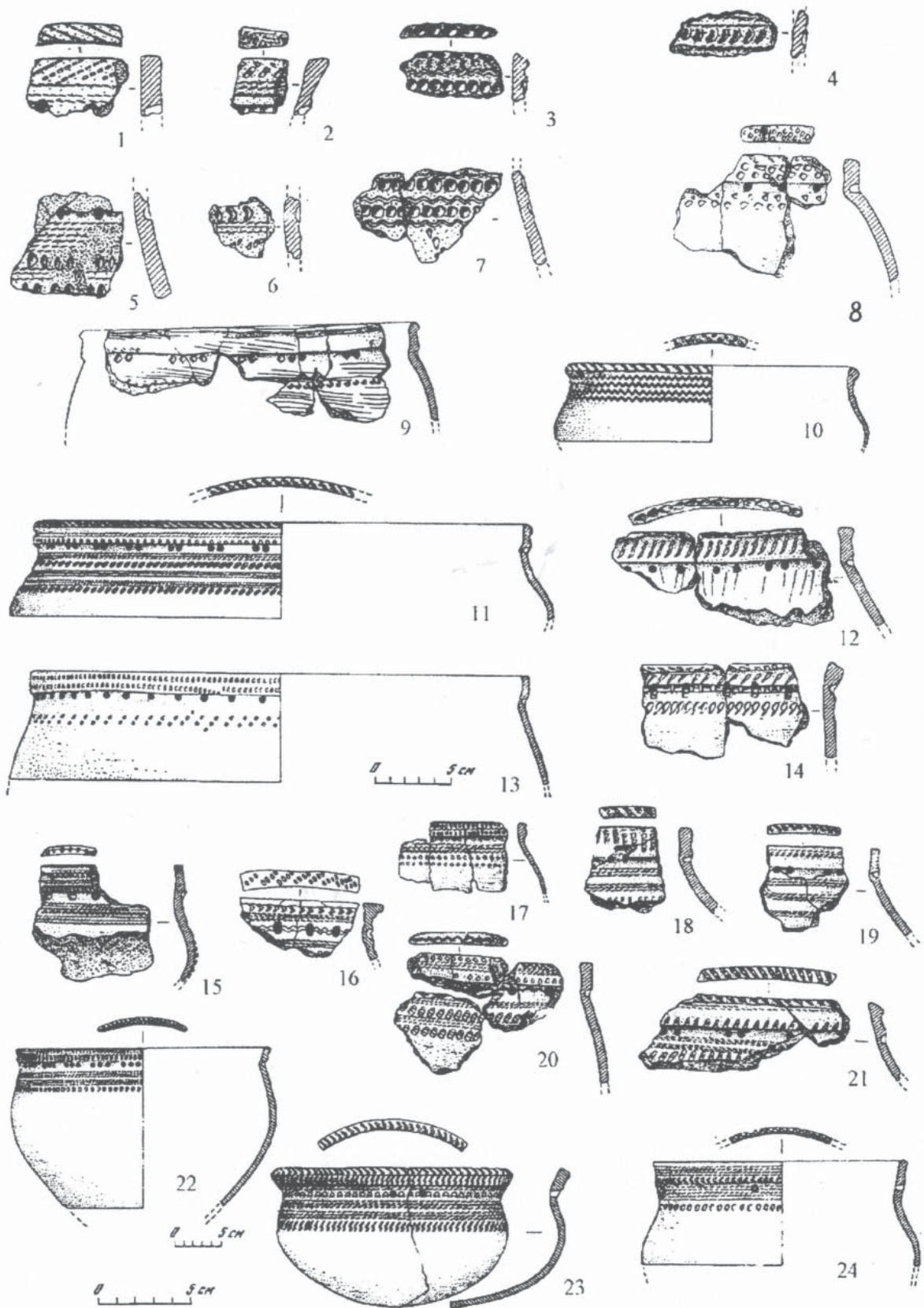

Рис. 18. Керамика типа Ямашор

1–7 – поселение Шиховское I; 8–15, 17–21 – поселение Сынявом; 16 – поселение Сынявом, участок III; 22, 23 – поселение Ямашор; 24 – поселение Сынявом I (по: Ашихмина, Васкул, 1997, рис. 10)

Тип 2 – овалы, представлены 1 экземпляром из погребения 26. Изделие слабовыпуклое в сечении, имеет в центре отверстие для крепления к основе. Размер бляхи 5,9×4,2 см.

В могилах 1, 18, 23, 26, 27, 28, 38 и межмогильном пространстве найдено более ста бронзовых бляшек (рис. 24: 2, 3, 18, 26). Все изделия литые. С обратной стороны – петли для крепления к основе. По форме они подразделяются на 3 типа: 1) прямоугольные; 2) S-видные с окончаниями, увенчанными головками животных с обратной стороны петли для крепления к основе (рис. 27: 1); 3) четырехлепестковые. Бляшки типа 1 по размерам и орнаментации делятся на два подтипа. Бляшки из погр. 18, 23, 27 и 28 – небольших размеров, украшены двумя рядами треугольного орнамента. В захоронении 1 и межмогильном пространстве изделия более крупные, украшены двумя рядами (по три) вписанных друг в друга треугольников. Бляшки типов 1–2 относятся к поясным наборам.

К поясным принадлежностям относятся комплект из железных кольца и крючка из погр. 2, бронзовый зооморфный наконечник ремня из погр. 4, поясная бляха из погр. 28 (рис. 24: 19, 25: 3, 13). Поясной крючок подтреугольной формы, с пластиной с отверстием в центре для крепления к ремню. Лицевая сторона наконечника украшена головой хищной птицы (?) и гофрирована, тыльная – полая, с двумя перекладами для крепления ремня. Лицевая сторона поясной бляхи украшена мелкими треугольниками и изображением медведя. С обратной стороны припаяны три петли. Две – для крепления к ремню, одна – для фиксации поясного крючка.

В пяти захоронениях (погр. 7, 16, 18, 26, 42) найдены бронзовые зеркала (рис. 26: 1, 2, 4, 5, 7). Три из них в обломках, два – целых. У одного изделия была отпилена ручка-штырь (использовалось в качестве бляхи?). Зеркало из захоронения 7 имело валик по краю и принадлежит к типу 3 отдела II (по М.Г. Мошковой) и типу IV (по классификации А.М. Хазанова) (Мошкова, 1963, с. 42, табл. 28; Хазанов, 1963, с. 62). Три других зеркала относятся к отделу I типу 3 (зеркала без валика или с едва заметным утолщением) по классификации М.Г. Мошковой (Мошкова, 1963, с. 41, табл. 27). Зеркало из погребения 16 имело диаметр 13,6, длину ручки 2,9, ширину 1,5 см. На внутренней поверхности изделия прочерчено профильное изображение медведя. На зеркале из погребения 26 (диаметр изделия 14 см) прочерчены сложные зооантропоморфные фигуры (рис. 26: 4).

Интересной категорией находок являются *культурные изделия* (погр. 16, 23, 26–28, 36). Предметы изготовлены из бронзы и кости. Костяная фигурка мужчины имела овальное лицо, на котором

изображены нос и рот, древовидное туловище. Трехпалые руки сложены на груди. Ноги также трехпалые, одна короче другой. Все изделия из бронзы литые. Представлены изображения медведя, бобра, пчелы (?), крадущегося хищника семейства кошачьих (?), ящера с человеческой личиной на спине, лося, грифона, быка (?). К категории культовых изделий относятся бронзовая модель игровой кости из пог. 19 (рис. 24: 14) и модель лыж из пог. 36. Лыжи украшены изображением лосиных (?) голов, носки лыж соединены перекладной (рис. 25: 7).

По всей видимости, к этой же категории изделий относятся литые полые пронизки в виде фигур медведя, бобра, кошачьего хищника и водоплавающей птицы (рис. 25: 2, 4–6), зооморфные подвески (рис. 25: 8, 9), птицевидные бляхи с петлями для крепления к основе с обратной стороны (рис. 25: 11, 14) и изображение насекомого (пчелы?) с отверстием для крепления в центре (рис. 24: 10).

В погр. 26 и 36 найдены *металлические стержни* (булавки?). Изделие из могилы 26 – железное, длина сохранившейся части – 6,7 см. Верхняя часть предмета – плоская, с отверстием для привешивания, нижняя – округлая в сечении (Васкул, 2002, рис. 17: 2). Стержень из захоронения 36 – бронзовый, литой, круглый в сечении. Общая длина изделия – 11,7 см. Верхняя часть предмета оформлена в виде головы медведя, рядом с головой расположена петля для привешивания стержня. Нижняя часть изделия приострена (рис. 25: 1).

Интересной находкой является бронзовая лопаточка (ложечка?) из могилы 32. Верхняя часть ручки изделия имеет «ушки» (схематическое изображение головы животного?) (рис. 25: 15).

Кремневые скребки однолезвийные, изготовлены на отщепках преимущественно серого цвета (Васкул, 2002, рис. 17: 4). Изделия имеют выпуклый рабочий край, обработанный крутой ретушью (найжены в погр. 19, 23, 28 и межмогильном пространстве). По своим характеристикам они близки скребкам, найденным на поселениях ананьинского времени в регионе (рис. 20: 6, 7).

Бронзовый шестигранный в сечении *кельт* с прямоугольной фаской обнаружен в погр. 41. Во втулке сохранились остатки древесины от рукояти (рис. 22: 1; 27: 2).

Керамическая коллекция памятника насчитывает обломки не менее чем от 34 сосудов чашевидной формы (рис. 19). У 29 из них сохранилась верхняя часть, что позволяет судить о технике орнаментации венчика и шейки. Большинство сосудов содержит минеральные (дресва) примеси в глиняном тесте. Только у одного из них зафиксированы органические добавки в глиняное тесто. Диаметр сосудов 15–30 см. Они имеют прямую

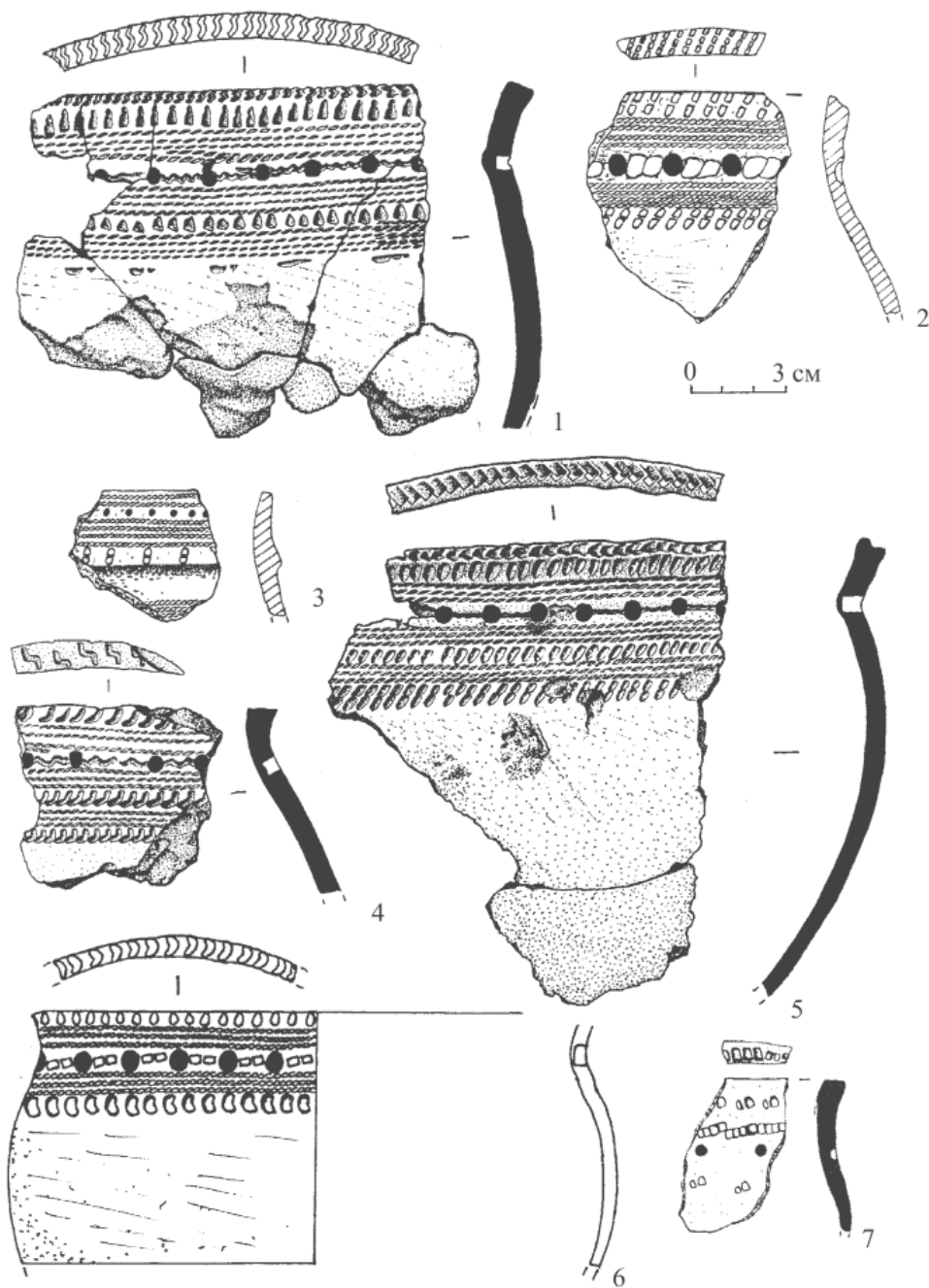

Рис. 19. Керамика из погребений Шиховского могильника

1 – погр. 23; 2 – погр. 28; 3 – погр. 36; 4 – кв. И/28 (над погр. 19); 5 – погр. 22; 6 – погр. 19; 7 – погр. 26; 8 – погр. 9

или слегка отогнутую наружу шейку, выпуклое тулово. На внешней и внутренней поверхности видны следы расчесов от заглаживания. 13 сосудов – с воротничками. Венчики сосудов прямые, закругленные или скошены наружу. В орнаментации венчика преобладают зубчатые отпечатки, реже встречаются S-видные, четырехугольные и овальные вдавления, один сосуд украшен отпечатками шнура, десять – не орнаментированы. Шейка и верхняя часть тулова декорированы шнуровыми, зубчатыми отпечатками, ямками различной формы, гладкими, змеевидными и S-видными вда-

влениями. Наиболее часто в узорах встречаются ямки, второе место в орнаменте занимают шнуровые отпечатки, далее – зубчатые отпечатки и различной формы вдавления. Подобную керамику В.И. Каневец относил к культурным типам Перный и Ямашор (Каневец, 1973, с. 136–139). Для керамики типа Перный (18 сосудов) характерно присутствие в орнаменте ямок (12 сосудов), отпечатков зубчатого штампа (10 сосудов), шнура (шесть сосудов), овальных вдавлений (один сосуд). Именно для этого керамического комплекса характерна такая деталь шейки, как воротничок.

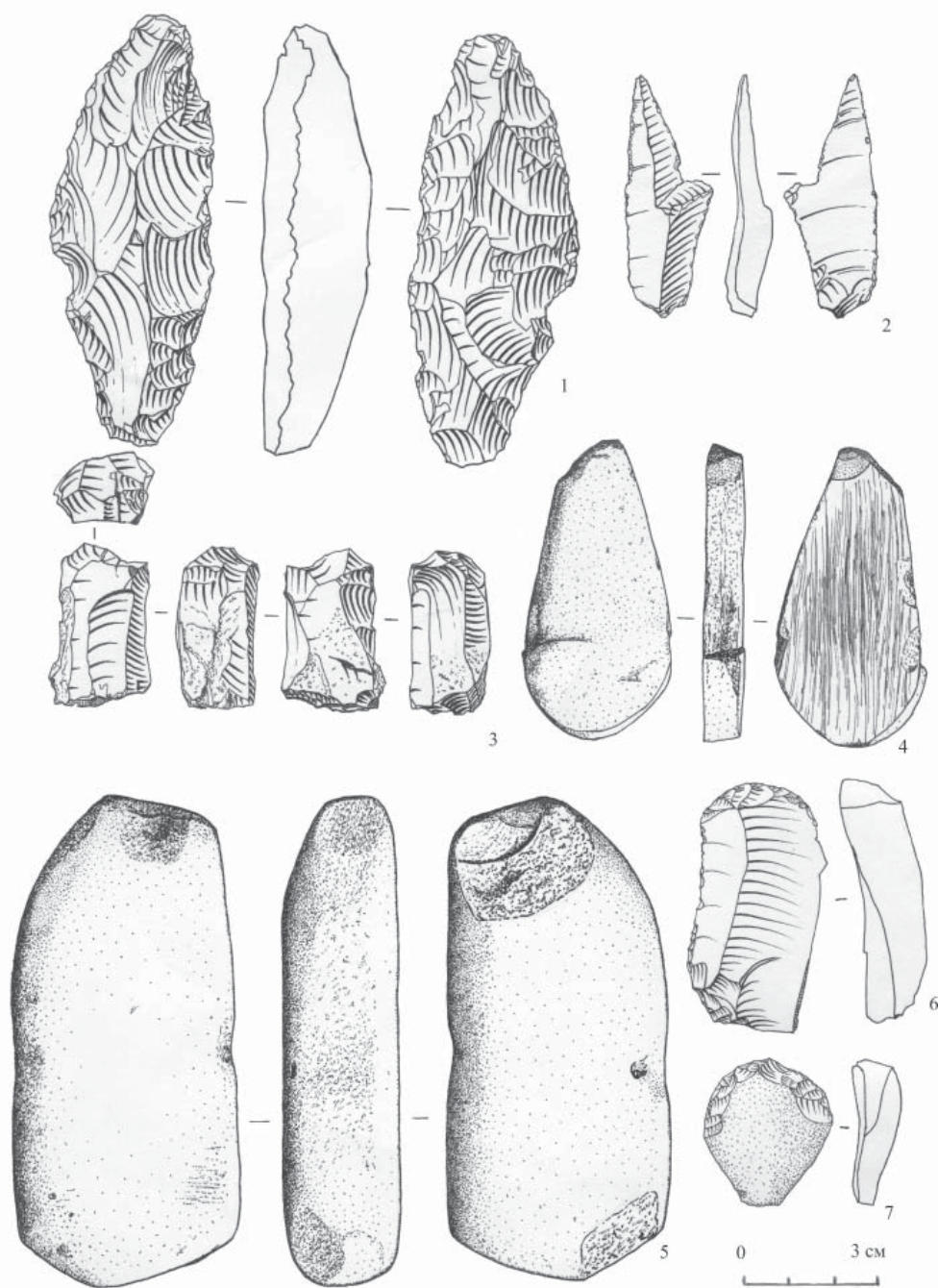

Рис. 20. Каменные изделия памятников ананьинского времени

1 – заготовка наконечника; 2 – проколка; 3 – нуклеус; 4 – точильный камень; 6 – отбойник; 7, 8 – скребки. 1–6 – поселение Весляна IV (по: Савельева, Васкул, 2000); 6–7 – поселение Сынявом I

Для посуды типа Ямашор (11 сосудов) присущи такие элементы узора, как змеевидные линии и фигурные отпечатки (восемь сосудов), ямки (десять сосудов), зубчатые (семь сосудов), шнуровые (11 сосудов) оттиски, по одному сосуду украшено овальными и прямоугольными вдавлениями. Для ямашорской посуды типично соединение ямок змеевидными линиями или зубчатыми оттисками (для перныйской керамики зафиксирован лишь один подобный случай – на сосуде из погребения

28). Интересно распределение керамики разных культурных типов по раскопам. Керамика типа Перный представлена в южной части могильника (раскоп I 1993–1995 гг.), в раскопе II 1995 г. и раскопе I 2000 г. (северная часть могильника). Керамика типа Ямашор найдена исключительно в северной части могильника (в пределах раскопа III 1995 г. и раскопа I 2000 г.). Керамическая коллекция позволяет включить могильник в круг памятников типа Перный – Ямашор.

Пещерные святилища бассейна р. Печоры

Культурные остатки первого периода эпохи раннего железа выявлены в двух пещерах: Адакской I и Канинской (Канивец, 1964; Семенов, 1987). Анализ полученных в процессе раскопок материалов позволил В.И. Канивцу прийти к выводу о том, что функционально памятники являются полным аналогом друг другу (Канивец, Отчет, 1971). Общими чертами пещерных святилищ Припечорья являются: расположение на берегу реки (рис. 2В); наличие кострищ (Адакская I и Канинская пещеры); малочисленность в инвентаре литых культовых изделий (найдено бронзовое изображение медведя с человеческими фигурками на туловище) (Канивец, 1964, рис. 31: 4); наличие в числе находок наконечников стрел (в Канинской пещере – бронзовые втульчатые трехлопастные) (рис. 23: 15–17) (Канивец, 1964, рис. 3: 4, 7), бронзовых украшений, частично преднамеренно испорченных; малочисленность глиняной посуды (два сосуда, украшенных шнуром, ямками, волнистыми линиями, змеевидным штампом, в Канинской пещере) (Канивец, 1964, рис. 32: 2, 3). К сожалению, информативность имеющихся материалов сильно снижается перемешанностью культурного слоя. Так, мы можем с большой долей вероятности предполагать связь с комплексом находок изучаемого времени некоторых кострищ, соотнесение с этим комплексом части костяных наконечников стрел и фаунистических остатков. Однако доказательства принадлежности каких-то конкретных кострищ или костей животных VIII–III вв. до н. э. отсутствуют. Памятники не имеют четко выраженной стратиграфии культурно-хронологических комплексов. Изучение вещевого комплекса святилищ позволяет прийти к выводу, что в Адакской I пещере представлены материалы начала I тыс. до н. э. (Ашихмина, Васкул, 1997, с. 332), что подтверждается радиоуглеродной датой (кость: 2780±120 (JE 7265)); в Канинской – позднеананьинские (Канивец, 1964, с. 83–92).

Случайные находки

С ананьинским периодом связан ряд случайных находок из бассейнов рр. Вычегды и Печоры, относящихся к середине – второй половине I тыс. до н. э.

Под Сыктывкарком в с. Слудка была найдена бронзовая ананьинская секира с навершием втулки в виде головы хищной птицы (ушастый грифон?) и обухом, оформленным в виде головы волка (Рябцев, Семенов, 1988, с. 244, рис. 1) (рис. 21: 1; 27: 3), относящаяся к секирам пинежского типа. Аналогии данной находке отсутствуют. Мотив зубастого хищника – волка наиболее характерен в искусстве ананьинцев и савроматов.

В закрытых комплексах они не встречены. Предлагаемая датировка – рубеж VI–V–IV вв. до н. э. (Кузьминых, 1983, с. 143–145). Исследователи рассматривают данный тип изделий как символы власти (Берлин, 2010, с. 154).

С северного Урала (Интинский или Воркутинский р-ны Республики Коми) происходит бронзовый чекан, втулка которого оформлена в виде головы грифона (рис. 21: 2). Предположительно он изготовлен уральскими или западносибирскими мастерами (Канивец, 1964, с. 95, 96; Кузьминых, 1983, с. 142). Точные аналогии данному изделию неизвестны. Однако, ввиду того, что боевые топоры в ананьинских древностях Прикамья датируются не ранее VI в. до н. э. (Кузьминых, 1983, с. 136), возможна его датировка позднеананьинским временем.

В.И. Канивцом опубликован бронзовый топор-кельт IV–III вв. до н. э., происходящий из окрестностей д. Усть-Лыжа на средней Печоре. Орудие имеет тонкие стенки, обе стороны украшены рельефным орнаментом (рис. 22: 2). Исследователь находит аналогии этому предмету в Западной Сибири (Канивец, 1964, рис. 30: 1, с. 95).

В окрестностях Усть-Цильмы найдены ножны и рукоять кинжала, выполненные в зверином стиле (рис. 23: 18). Находки опубликованы В.Н. Чернецовым (Чернецов, 1957).

Возможно, к ананьинскому времени относится также бронзовая фигурка медведя, выполненная в технике объемного литья, найденная в окрестностях д. Усть-Щугор на средней Печоре. На туловище животного нанесены волютообразные узоры (Aspelin, 1877, fig. 552). Подобный орнамент характерен для бронзовых изображений животных и птиц, найденных на Шиховском могильнике (Васкул, 2002).

Хронология

Проблема хронологии и периодизации древностей АКИО на территории ЕСВ остается в настоящее время одной из наименее разработанных. Это обусловлено отсутствием достаточного количества погребальных памятников, стратифицированных поселений. Большинство материалов происходит из раскопок поселений с крайне незначительной мощностью культурного слоя и незначительным числом датирующих вещей. Могильник на территории региона один. Погребения на поселениях бассейна р. Вычегды содержат в составе погребального инвентаря керамику и один неопределимый железный предмет. Крайне малочисленны радиоуглеродные датировки, что объясняется характером залегания культурных остатков на поселениях в слое подзола, где плохо сохраняются органические остатки. Радиоуглеродные датировки имеются для Адакской I пеще-

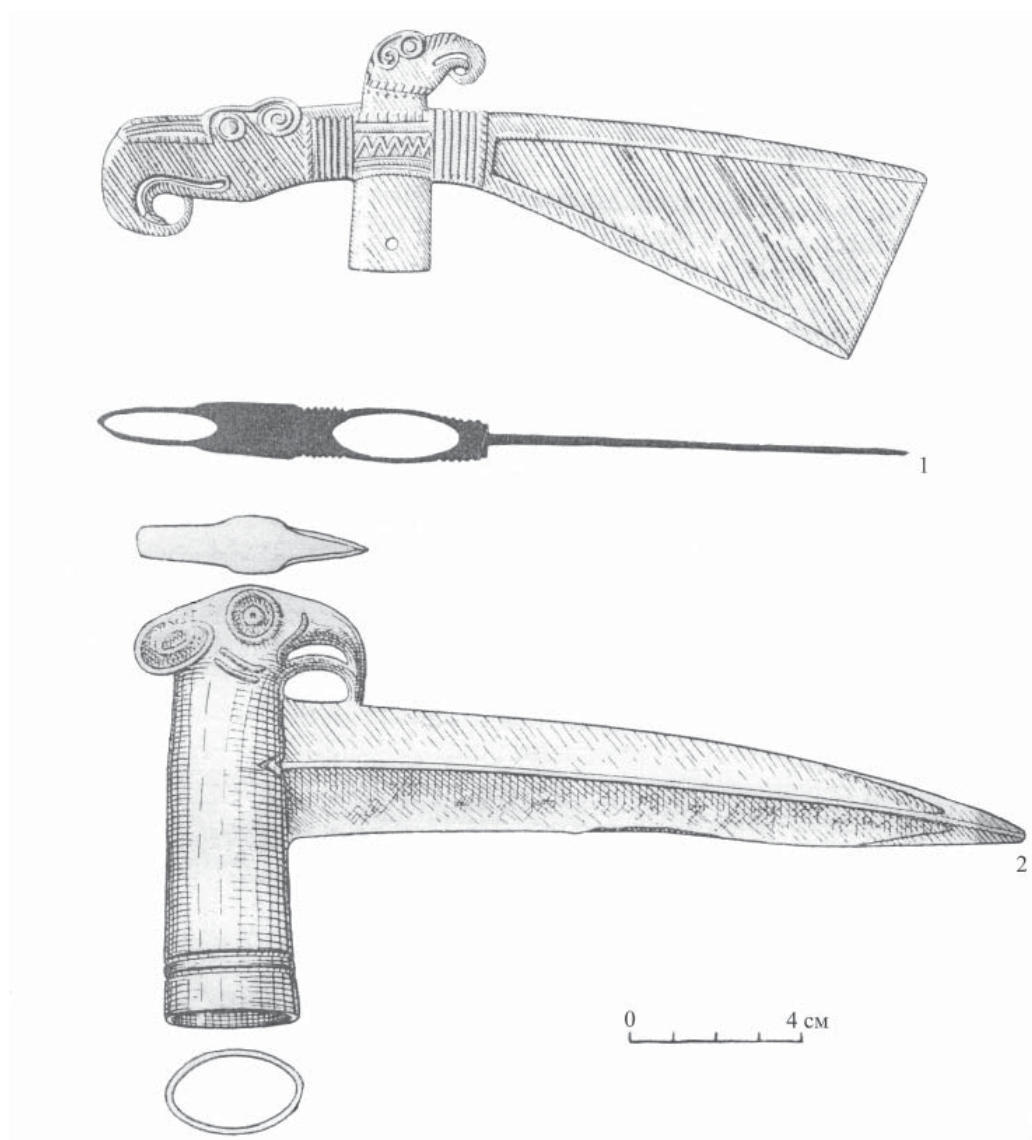

Рис. 21. Случайные находки ананьинского времени

1 – бронзовая секира из окрестностей Сыктывкара (по: Семенов, Рябцев, 1988, рис. 1); бронзовый клевец с Северного Урала (по: Каневец, 1964, рис. 33)

ры и погребений Шиховского могильника. Только часть из них калибрована (табл. 1).

Дата Адакской I пещеры свидетельствует о том, что святилище функционировало в начале I тыс. до н. э. Однако с уверенностью связать ее с ананьинским комплексом нельзя. В слое памятника присутствует лебяжская керамика, а костяные и кремневые наконечники стрел типологически не различаются.

Датировки Шиховского могильника совершенно определенно указывают на середину – вторую половину I тыс. до н. э. При этом три даты близки и укладываются в пределах V – начала III в. до н. э., четвертая указывает на возможность совершения погр. 26 во II и даже в начале I в. до н. э. В то время как расположенное рядом с ним погр. 27 датируется V в. до н. э.

Калиброванные даты этих захоронений имеют широкий временной интервал. В целом радиоуглеродные датировки согласуются с датировкой могильника по аналогиям, предложенной автором этих строк (Васкул, 2002, с. 15), и на основе хроноиндикаторов – А.А. Чижевским (Чижевский, 2017, с. 197–200). Крайне важно и то, что благодаря находкам перныйской и ямашорской керамики в погребениях Шиховского могильника получили надежное хронологическое обоснование керамические комплексы этих культурных типов.

На поселениях датирующие вещи также в подавляющем большинстве относятся к середине – второй половине I тыс. до н. э. (Ашихмина, Васкул, 1997, с. 328–331). Раннеананьинским временем датируется бляшка-пуговица с поселения Бор-

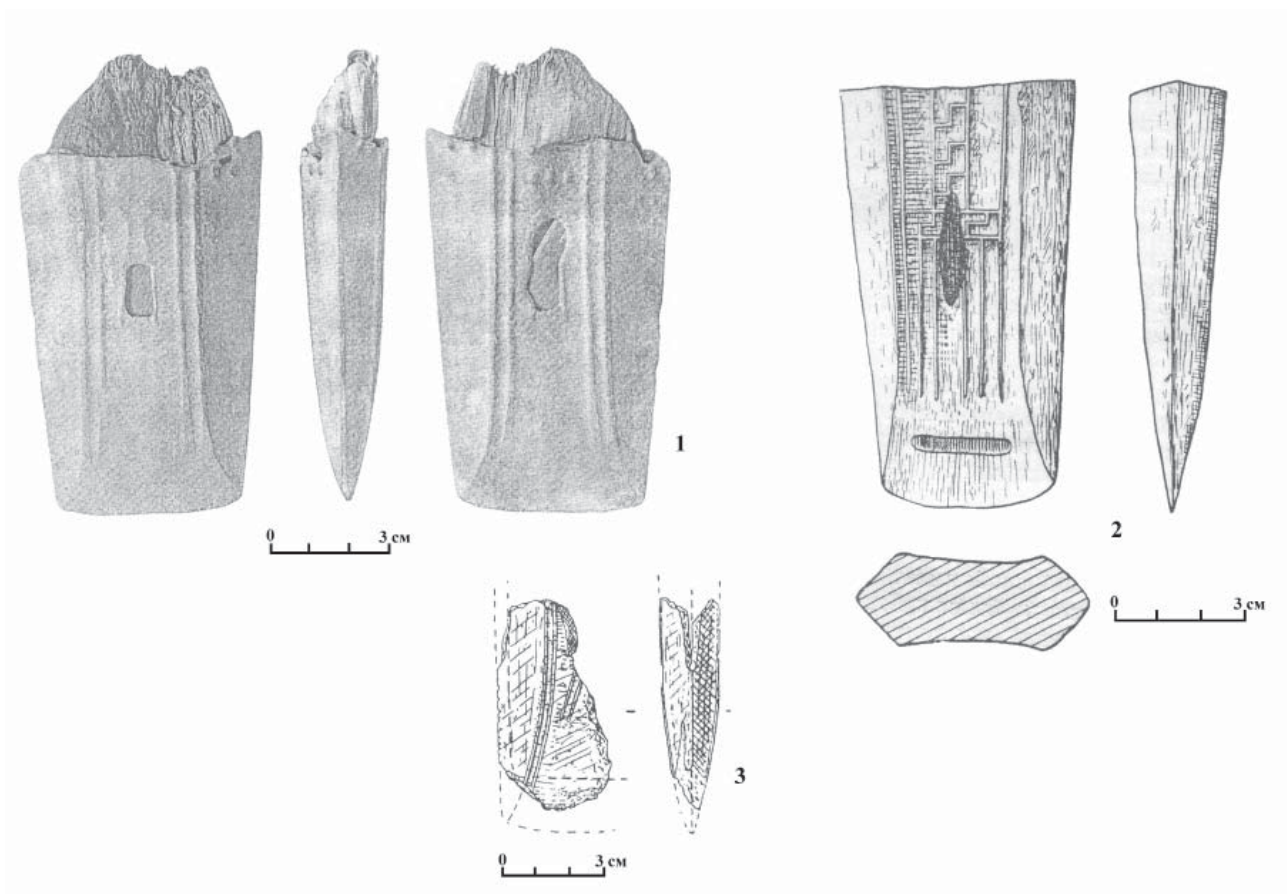

Рис. 22. Инвентарь памятников ананьинского времени

Бронзовые кельты: 1 – Шиховской могильник, погр. 41; 2 – случайная находка из окрестностей д. Лыжа (по: Канивец, 1964, рис. 29: 1; 3 – стоянка Синдорское озеро I пункт III (по: Буров, 1967, табл. XXI: 18)

гантель I на Нившере (Ашихмина, Васкул, 1997, с. 328). Первой половиной I тыс. до н. э. Г.М. Буров датирует обломок бронзового кельта и бляшки из склада на стоянке Синдорское озеро I (пункт III) (Буров, 1976, с. 128).

Разработка хронологии и периодизации памятников велась на основе типологии глиняной посуды и аналогий в древностях Прикамья и Западной Сибири. При хронологических построениях в первую очередь делался акцент на оформлении горловины сосудов (гладкая шейка, «валик», «воротничок»), технике орнамента сосудов. Как известно, первые культурно-хронологические схемы развития АКЮ на ЕСВ принадлежат Г.М. Бурову и В.И. Канивцу. Оба исследователя выделяли в развитии древностей АКЮ на ЕСВ два этапа (Буров, 1965, с. 111–121; 1967, с. 122–126; 1989, с. 2–5; Канивец, 1974, с. 129–146). Этой же точки зрения придерживался В.Е. Лузгин (Лузгин, 1972, с. 112–114).

Новый подход в разработке проблемы хронологии и периодизации древностей АКЮ на ЕСВ содержится в работах Л.И. Ашихминой. Исследователь исходит из того, что налепные детали (валики, воротнички) следует рассматривать не только

как признаки стадийного развития ананьинской керамики, но и как инновацию, привнесенную пришлым населением. Одновременно они, как и прежде, могут рассматриваться как временные ограничители определенных стадий в развитии керамического комплекса АКЮ (Ашихмина, 1985, с. 32, 33; Ашихмина, Васкул, 1997, с. 328, 329). Исходя из этого тезиса, она выделила в развитии глиняной посуды бассейнов рр. Вычегды, Северной Двины и Мезени три стадии. Основанием для определения их хронологической позиции послужили параллели в керамических комплексах среднего Прикамья (Ашихмина, 1985а, с. 10, 11; 2014, с. 73, 74). При этом из предложенной Л.И. Ашихминой периодизации были исключены памятники бассейна р. Печоры с их зауральскими чертами в орнаментации глиняной утвари (Ашихмина, 1985, с. 32). К ранней стадии отнесены сосуды с гладкой шейкой, украшенные гребенчато-шнуровым орнаментом. Исходя из камских аналогий, эта группа является синхронной зуюво-ключевской стадии VIII–VII вв. до н. э. среднего Прикамья (Ашихмина, 1985а, с. 11; 2014, с. 73, 74). К переходной стадии, впервые для нашего региона выделенной Л.И. Ашихминой, отнесены сосуды с налепом по

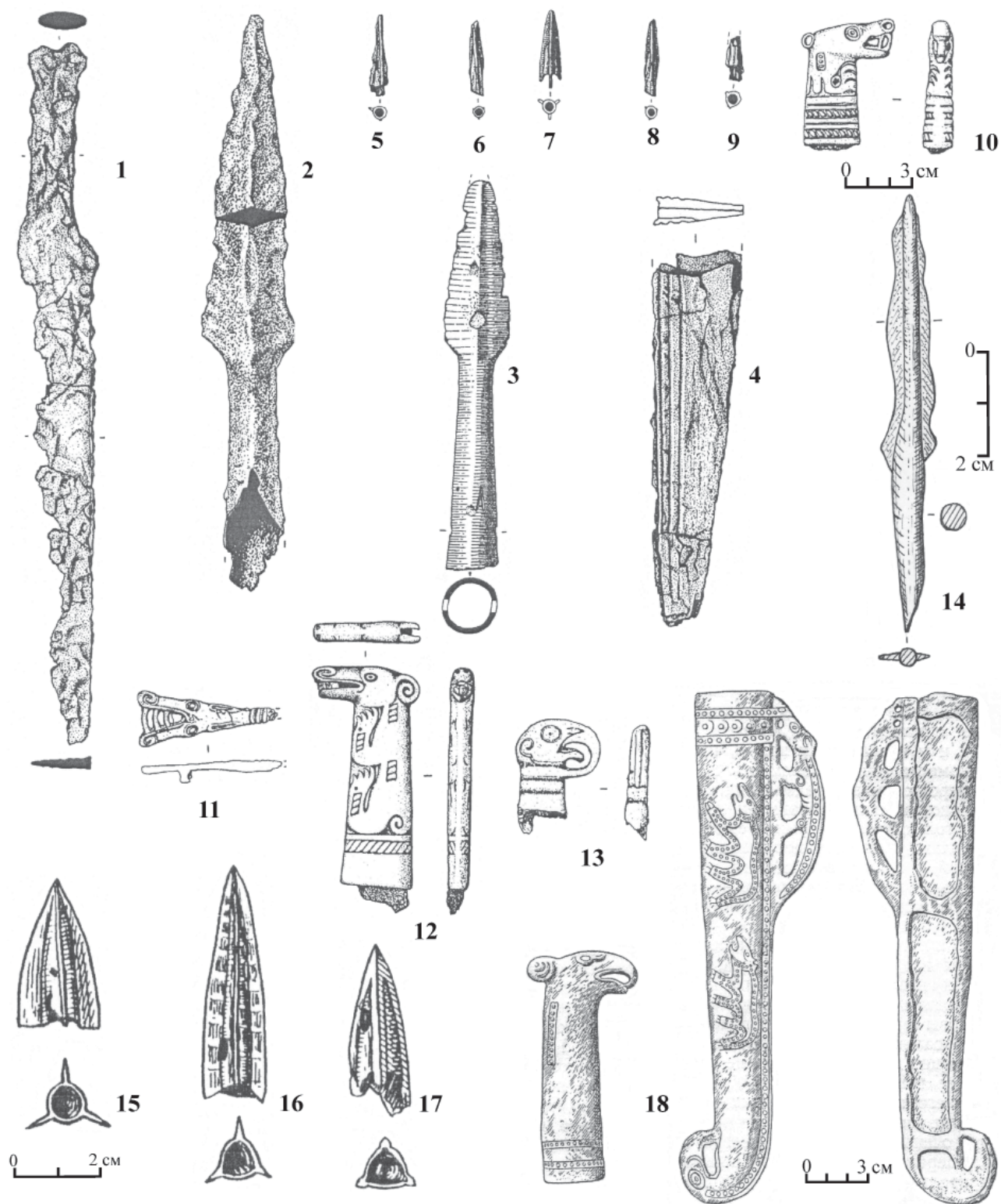

Рис. 23. Инвентарь памятников ананьинского времени

1, 4 – обломки кинжалов; 2–3 – наконечники копий; 5–9, 14–17 – наконечники стрел; 10, 12 – рукояти кинжалов; 11 – колчаный крючок; 13 – наконечник ножен; 18 – рукоять и ножны кинжала. 1, 3, 5–9 – Шиховской могильник, погр. 19; 2 – погр. 3; 4 – Шиховской могильник, погр. 21; 10, 13 – Шиховской могильник, погр. 28; 11 – Шиховской могильник, погр. 36; 12 – Шиховской могильник, погр. 1; 14 – поселение Весляна IV (по: Савельева, Васкул, 2000); 15–17 – Канинская пещера (по: Канивец, 1964, рис. 30: 3–4, 7); 18 – случайная находка из окрестностей с. Усть-Цильма (по: Чернецов, 1957). 1, 2, 4 – железо; 9 – кость. Остальное бронза

краю горловины в виде «валика». Подобная посуда, по мнению исследователя, могла бытовать в пределах небольшого временного отрезка – VII–VI вв. до н. э., аналогично керамике каракулинской стадии в среднем Прикамье (Ашихмина, 1985а, с. 11; 2014, с. 73, 74). В керамический комплекс поздней стадии включены сосуды, горловина которых оформлена налепами «воротничками», что отличает их от керамики предыдущей стадии. Встречаются вертикально расположенные «воротнички» (рис. 16: 1, 6; 17: 3, 5, 6) и прогнутые (рис. 16: 5, 7; 17: 1, 2, 4), как бы сочетающие в себе и «воротничок», и «валик». Заметна разреженность в размещении орнаментальных композиций, состоящих из шнуровых и гребенчатых оттисков (рис. 16: 4, 6; 17: 2, 6), и использование при орнаментации только гребенчатого штампа (рис. 16: 2, 8–9, 17; 17: 3), часто двузубого (рис. 16: 1). Керамика этого периода датируется VI–V–III вв. до н. э. и сопоставляется с посудой каменнолоужской (VI–V вв. до н. э.) и ныргындинской (IV–III вв. до н. э.) (Ашихмина, 1985а, с. 11; 2014, с. 73, 74).

Схема развития глиняной посуды, предложенная Л.И. Ашихминой, вызвала замечания со стороны Г.М. Бурова. Исследователь выступил с возражениями против выделения переходной стадии, считая, что для этого нет веских оснований (Буров, 1989, с. 5).

Подводя итог всему вышесказанному о предложенной различными исследователями периодизации керамических комплексов ананьинского времени на территории ЕСВ, необходимо отметить, что в их работах отражены основные тенденции, отражающие хронологические изменения глиняной посуды в регионе. В условиях практически полного отсутствия могильников, немногочисленности датирующих изделий на поселениях, слабой мощности культурного слоя чрезвычайно привлекательной выглядит схема, предложенная Л.И. Ашихминой. Она послужила хронологическим ориентиром при датировании ананьинской керамики угдымского археологического микрорайона (Королев, 2002, с. 27, 37). В то же время следует отметить, что критика концепции Л.И. Ашихминой Г.М. Буровым имеет основания. Во-первых, на территории ЕСВ нет статистически представительных керамических комплексов «валиковой» керамики, что в условиях отсутствия стратиграфии должно корректировать выводы. Во-вторых, на некоторых поселениях «валиковая» керамика найдена вместе с «воротничковой», так же не являясь статистически репрезентативной. По мнению одного из авторов данной главы, все это говорит о том, что присутствие в комплексах сосудов с валиком на шейке свидетельствует в

пользу того, что этот признак следует учитывать при датировках, но для выделения в качестве отдельной стадии этот факт, на данном уровне наших знаний, не может служить достаточным основанием. Соответственно в настоящее время источниковедческая база с уверенностью позволяет говорить о двух хронологических стадиях в культуре носителей АКЮ на ЕСВ. Кроме того, несмотря на локальные различия глиняной посуды бассейнов Вычегды, Мезени и Печоры она отражает общие тенденции в своем развитии, что позволяет учитывать керамику памятников этих регионов при создании хронологико-периодизационных схем.

Ранняя стадия (VIII–VI вв. до н. э.). Памятники ранней стадии выявлены на всей территории ЕСВ. Представлены поселения, одиночные погребения на них. Исследованы наземные жилища прямоугольной в плане формы, отапливавшиеся очагами-кострищами, различающиеся между собой размерами. Керамические комплексы характеризуются глиняной посудой культурных типов Ластва и Чаркабож. Первые распространены в бассейнах рек Вычегды, Печоры, Мезени, вторые – главным образом в бассейне Печоры. Сосуды типа Чаркабож выявлены также на верхней Вычегде, Выми и Северной Двине, что, как представляется, является подтверждением тезиса и дисперсном расселении носителей различных культурных типов в регионе. Присутствие крестовой керамики на Вятке В.Н. Марков связывает с переселением их совместно с позднелебяжским (ластинским) населением (Марков, 2007, с. 57).

Самые ранние группы сосудов ластинского типа с гладкой шейкой найдены на поселениях средней Нившеры (бассейн Вычегды), Мезени и ее притока Вашки. Почти везде господствует гребенчато-шнуровая орнаментация. В бассейне Печоры безваликовая керамика найдена на поселении Щельябож III (Ашихмина, Васкул, 1997, с. 328). Эти сосуды, судя по их облику, возможно, даже переходного облика от лебяжской АК к ананьинской. На керамике поселения Питюяг IV появляется змеевидный орнамент, который замещает гребенчатый (рис. 11: 4). Среди посуды ластинского типа выделяются сосуды с налепом по краю горловины в виде «валика». Такая керамика встречается на висских поселениях (рис. 11: 1). В погребении 1 на поселении Угдым II найден фрагмент горловины сосуда с «валиком», остальная керамика, как в погребениях, так и на самом поселении, без «валика» (рис. 12). В орнаментации продолжают сохраняться ранние черты. По мнению Л.И. Ашихминой, подобная посуда могла бытовать в пределах небольшого временного отрезка – VII–VI вв. до н. э.

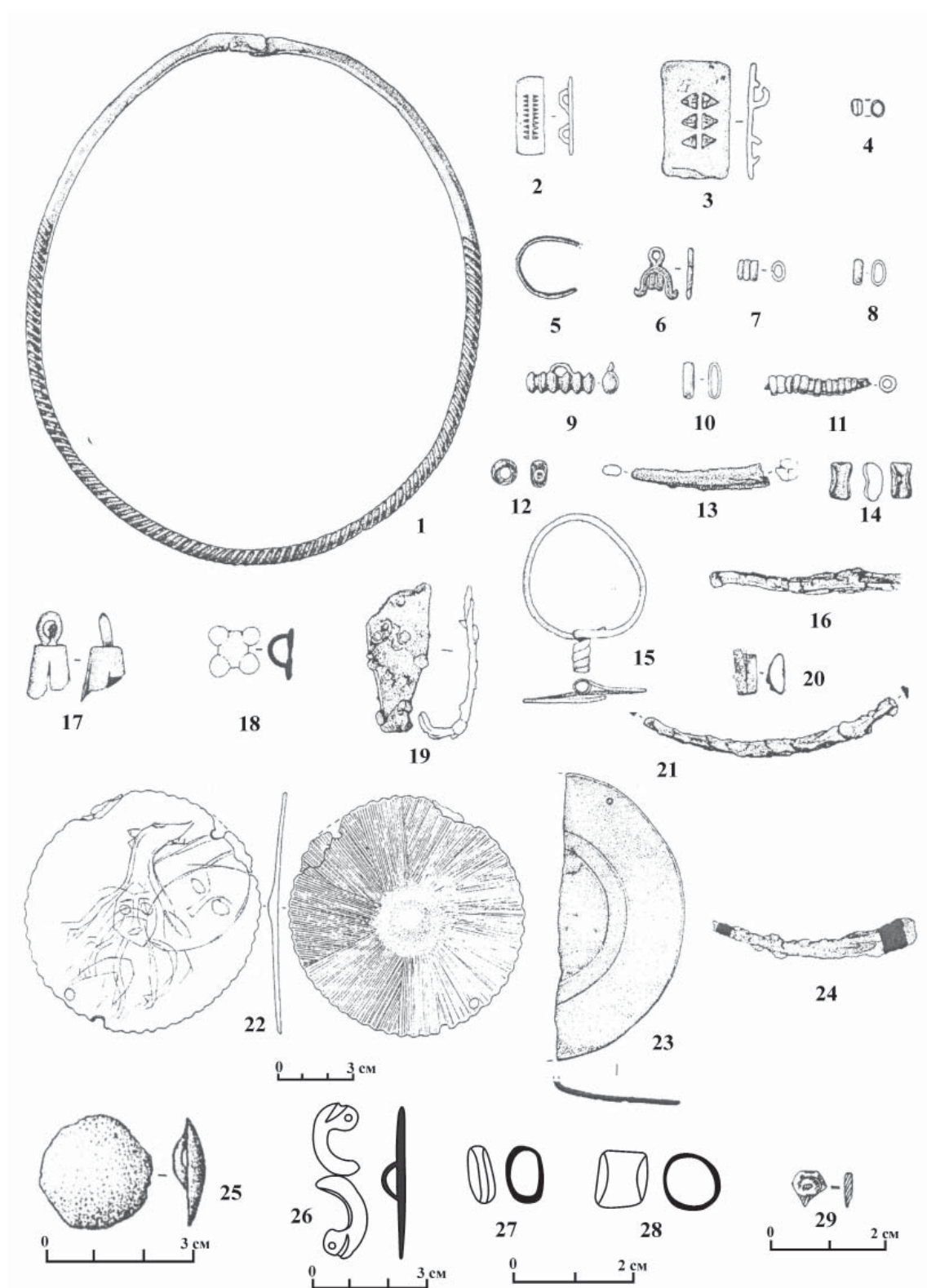

Рис. 24. Инвентарь памятников ананьинского времени

1, 13, 16, 21, 24 – гривны; 2, 3, 18, 25–26, 29 – бляшки; 4, 27–28 – бронзовые бусы; 5, 14 – височные кольца; 6, 9, 17 – подвески; 7, 8, 10, 20 – обоймы; 11 – пронизка; 12 – стеклянная бусина; 13 – «модель игральной кости»; 19 – поясной крючок; 22–23 – бляхи. 1, 12 – Шиховской могильник, погр. 22; 2, 5–7, 9, 11 – Шиховской могильник, погр. 23; 3 – Шиховской могильник, погр. 1; 4 – Шиховской могильник, погр. 31; 8, 10 – Шиховской могильник, погр. 10; 13, 14, 21, 22 – Шиховской могильник, погр. 19; 15, 18, 20, 24 – Шиховской могильник, погр. 26; 16 – Шиховской могильник, погр. 5; 17 – Шиховской могильник, погр. 27; 19 – Шиховской могильник, погр. 2; 23 – Шиховской могильник, погр. 13; 25 – поселение Борганьель I (по: Ашихмина, Васкул, 1997, рис. 13: 5); 26 – Шиховской могильник, погр. 38; 27, 28 – Ибское поселение; 29 – стоянка Синдорское озеро I пункт III (по: Буров, 1967, табл. XXI: 15). 13, 16, 19, 21, 24 – железо; 12 – стекло. Остальное бронза

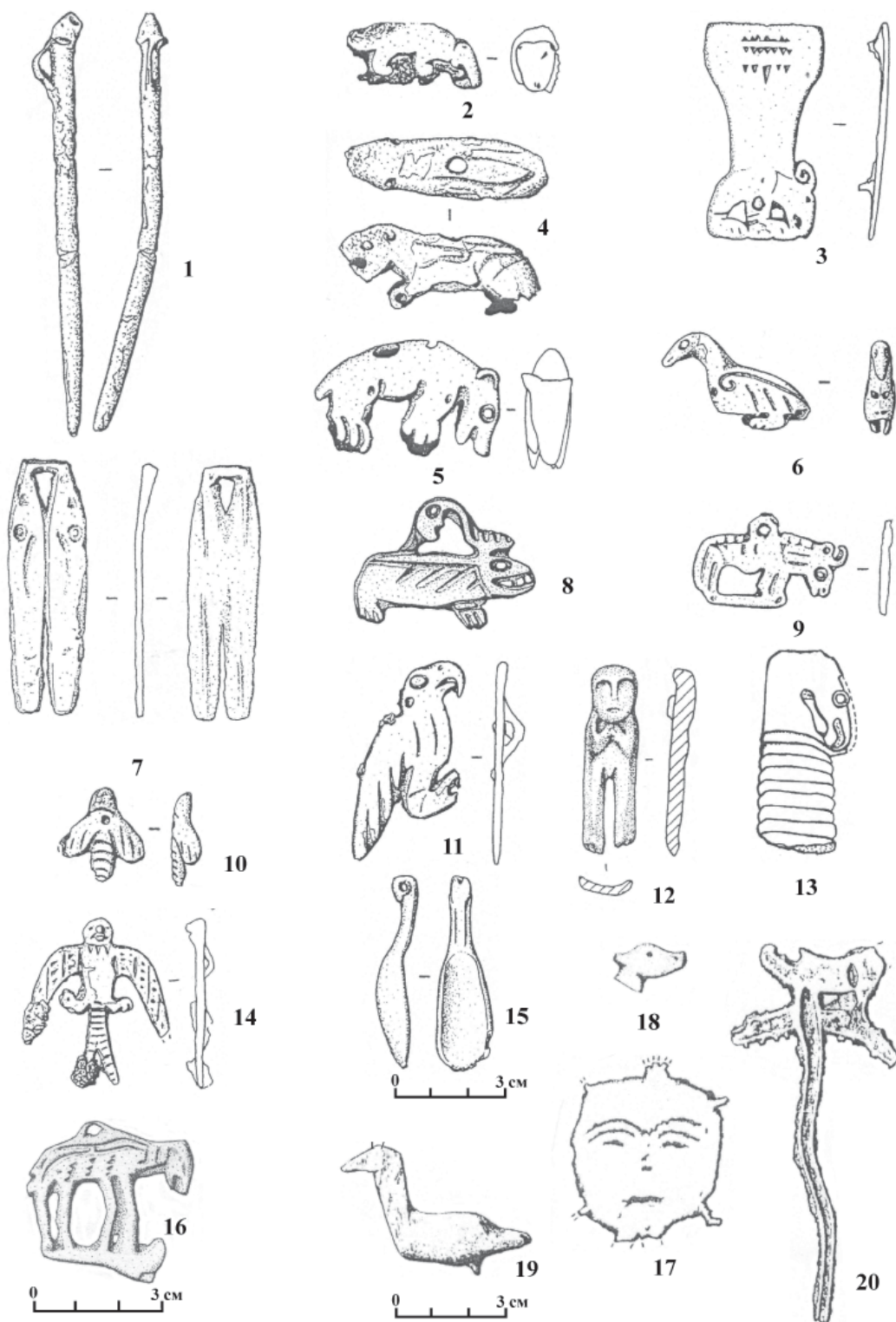

Рис. 25. Инвентарь памятников ананьинского времени

1 – бронзовый стержень; 2, 4, 5, 6 – полые зооморфные пронизки; 3 – поясная (?) бляха; 7 – «модель лыж»; 8, 9, 16 – зооморфные подвески; 10 – изображение пчелы (?); 11, 14 – орнитоморфные подвески; 12 – антропоморфная фигурка; 13 – зооморфный наконечник пояса; 15 – ложка; 17 – антропоморфная личина; 18 – зооморфное изображение; 19 – орнитоморфная скульптура; «модель древа жизни». 1, 7 – Шиховской могильник, погр. 26; 2, 5, 9, 11, 14 – Шиховской могильник, погр. 26; 3 – Шиховской могильник, погр. 28; 4 – Шиховской могильник, межмогильное пространство; 6, 10 – Шиховской могильник, погр. 27; 8 – Шиховской могильник, погр. 23; 12 – Шиховской могильник, погр. 19; 13 – Шиховской могильник, погр. 4; 15 – Шиховской могильник, погр. 32; 16 – поселение Весляна IV (по: Савельва, Васкул, 2000); 17, 18 – поселение Борганьель I (по: Ашихмина, Васкул, 1997, рис. 13: 3, 4); 19 – поселение Сынязом I (по: Ашихмина, Васкул, 1997, рис. 13: 6); 20 – поселение Борганьель II (по: Ашихмина, Васкул, 1997, рис. 13: 2). 12, 18 – кость, 19 – глина. Остальное бронза

Чаркабожский керамический комплекс представлен широкогорлыми сосудами, декорированными крестовидными отпечатками в сочетании с ямками (иногда расположены в шахматном порядке) и шнуром. Часть сосудов имеет волнообразные наплывы (отворотики) под ямками в основании шейки или воротничок.

Раннеананьинским периодом датируется обнаруженная на поселении Себъяг I глиняная посуда заюрчимского типа, в орнаментации которой присутствуют шнуровые и зубчатые отгибки, ямки, расположенные в шахматном порядке, с рельефными наплывами (отворотиками) под ними, поверх ямок нанесены насечки (рис. 13). Присутствие этой керамики является надежным свидетельством участия прикамского населения в генезисе культуры населения ЕСВ в рассматриваемое время.

К ранней стадии относятся два бронзовых культовых изделия, костяное изображение головы животного и бронзовая круглая бляшка-пуговица с петлей на обороте, найденные во время исследований поселений Боргангель I и II. Аналогии последнему из вышеназванных предметов известны в памятниках эпохи поздней бронзы и раннеананьинского периода в Волго-Камье (Ашихмина, 1985, с. 29). Г.М. Буров относит к этому времени склад бронзовых изделий, предназначенных для переплавки (стоянка Синдорское озеро I) (Буров, 1967, с. 128). Наряду с металлическими население продолжает использовать оружие и орудия труда из кремня (скребки, двусторонне обработанные наконечники стрел и копий листовидной формы, ножи).

Поздняя стадия. Как и на ранней стадии, основным типом памятников являются поселения охотников и рыболовов, расположенные по берегам озер и рек. Материалы этого времени практически отсутствуют в Большеземельской тундре, что вызвано похолоданием климата в суббореале (Андреичева, Марченко-Вагапова, Буравская, Голубева, 2015, с. 198). На поселении Ягу-яр исследованы наземные жилища, типологически близкие изученным Л.И. Ашихминой на р. Нившере. Помимо поселений как мест обитания, известны поселения-мастерские с комплексами по изготовлению изделий из цветных металлов (Перный, Сынявом) и кремнеобработке (Питюяг I, Весляна IV). К этой же стадии относится единственный на территории ЕСВ Шиховский могильник. Позднеананьинские материалы обнаружены в Канинской пещере (Канивец, 1964). К этому же времени относится ряд местонахождений, среди которых бронзовая парадная секира с навершием втулки в виде головы хищной птицы (ушастый грифон?) и обухом, оформленным в виде головы

волка (Рябцев, Семенов, 1988, с. 244), из окрестностей г. Сыктывкара и бронзовый чекан, втулка которого оформлена в виде головы грифона, с Северного Урала (Канивец, 1964), бронзовые топоры-кельты (Канивец, 1964).

В этот период в бассейнах Вычегды и Печоры распространена посуда типа Перный. Главное ее отличие от сосудов предыдущей стадии – в оформлении горловин налестками «воротничками» (рис. 16, 17). Встречаются вертикально расположенные «воротнички» и прогнутые, как бы сочетающие в себе и «воротничок», и «валик». Известны единичные случаи оформления шейки сосудов валиком. Заметна разреженность в размещении орнаментальных композиций, состоящих из шнуровых и гребенчатых отгисков, и использование при орнаментации только гребенчатого штампа, часто двузубого. Увеличивается процент сосудов с примесью раковины в глиняном тесте (Буров, 1967, с. 122, 125). С этой стадией соотносятся сосуды типа Ямашор (рис. 18), основной ареал которых – бассейн р. Печоры. Для сосудов характерен налест на шейке в виде воротничка. Визитной карточкой в орнаментации являются фигурные отпечатки, свидетельствующие о связях с культурами Зауралья и Западной Сибири. В декоре глиняной посуды присутствуют также узоры, выполненные шнуром и зубчатым штампом. Керамика типов Перный – Ямашор обнаружена в Шиховском могильнике, датированном V–III вв. до н. э. (Васкул, 2002, с. 12, 13). Единичные находки ямашорской керамики известны на верхней Вычегде (поселение Мьелдино).

Большинство изделий из цветных металлов с территории ЕСВ относятся к VI–III вв. до н. э., ко второму этапу развития ананьинского металлургического очага, по С.В. Кузьминых (Кузьминых, 1983, с. 171). Несомненно, большинство находок предметов из цветных металлов связано своим происхождением с территорией ананьинского металлургического очага в Прикамье. В то же время необходимо отметить, что находки на поселениях на территории ЕСВ тиглей для выплавки предметов из меди-бронзы, сплесков и капель металла, металлического лома, предназначенного для переплавки (поселения Перный I, Сынявом I, Шиховское I, Шиховское VI и др.), формы для отливки кельта (поселение Вис I) свидетельствуют в пользу того, что часть изделий могла производиться на месте по прикамским образцам. Подобное предположение не противоречит методологическому положению о том, что в первобытном обществе инновации (утилитарные и престижно-знаковые) «по горизонтали» (территориально) распространялись достаточно быстро (Арутюнов, 1989, с. 177, 178).

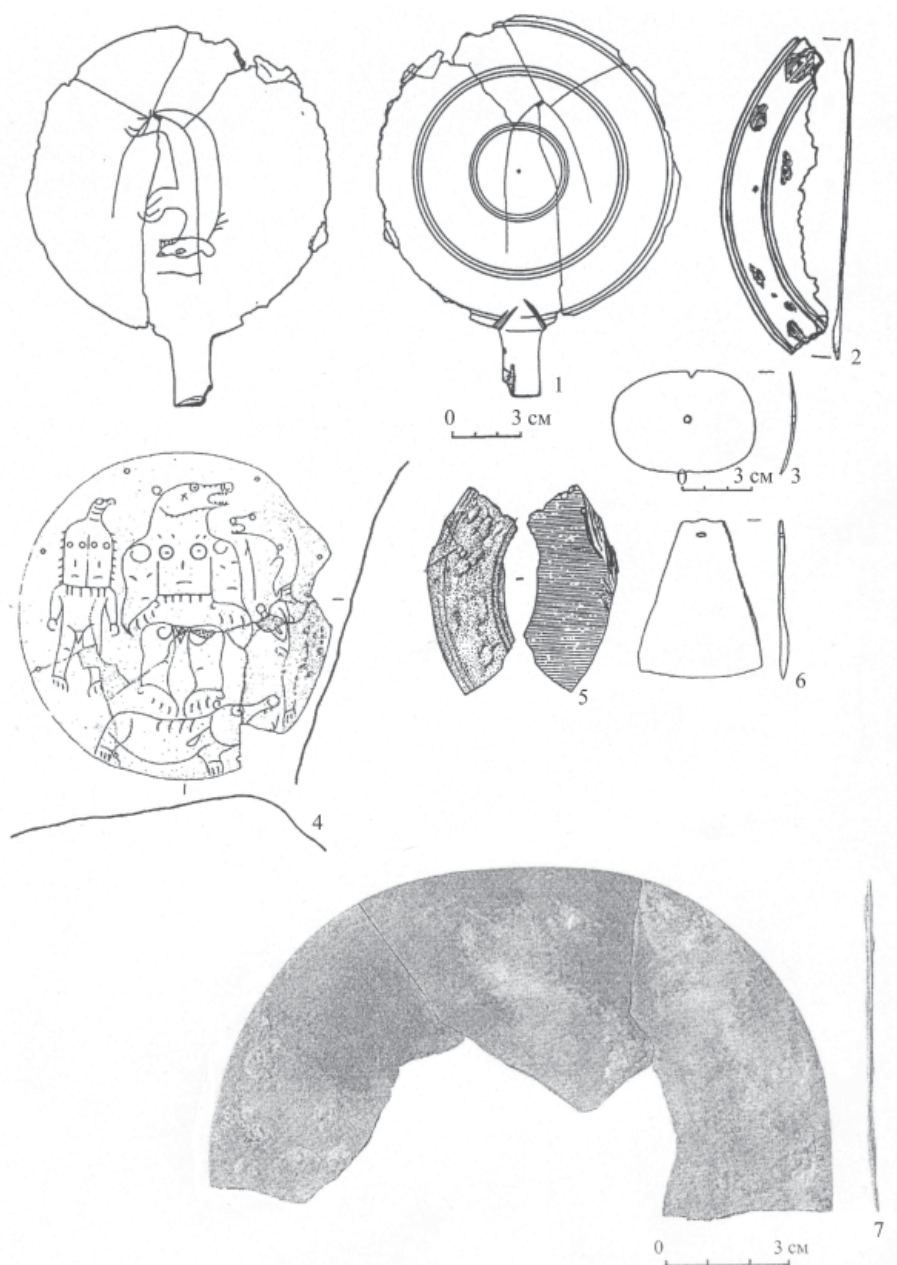

Рис. 26. Инвентарь памятников ананьинского времени

1, 2, 4, 5, 7 – зеркала; 3 – бляха; 6 – подвеска. 1 – Шиховской могильник, погр. 16; 2 – Шиховской могильник, погр. 7; 3, 4, 6 – Шиховской могильник, погр. 26; 5 – Шиховской могильник, погр. 18; 7 – Шиховской могильник, погр. 41. Все бронза

Связи с ананьинским металлургическим очагом на втором этапе его развития отражают в первую очередь такие категории изделий с памятников ЕСВ, как оружие и орудия труда. Параллели в ананьинских древностях находят украшения, найденные на памятниках ЕСВ. Для ананьинского времени на ЕСВ, так же как и для Камского региона, характерно распространение звериного стиля в искусстве, получившего название «ананьинский звериный стиль». В Прикамье пик распространения предметов звериного стиля, подобных найденным на ЕСВ, приходится на VI–IV вв. до н. э. Причем время расцвета «ананьинского

звериного стиля», по мнению С.В. Кузьминых, V в. до н. э. (Кузьминых, 1983, с. 177, 178).

Ст.А. Васильев выделяет в развитии «ананьинского звериного стиля» два периода: VII–VI и V–III вв. до н. э. Большая часть находок датируется V–III вв. до н. э. (Васильев, 2004, с. 276). В V в. до н. э., по мнению исследователя, происходит смена одних категорий предметов, выполненных в зверином стиле, другими, увеличивается количество местных, оригинальных изделий, мотивов и сюжетов, появляются локальные центры изготовления (Васильев, 2004, с. 279, 281, 282).

Рис. 27. 1 – Шиховской могильник, погр. 38, поясные бляшки; 2 – Шиховской могильник, погр. 41, кельт; 3 – бронзовая секира, случайная находка в окрестностях Сыктывкара

Параллели прослеживаются в погребальном обряде ананьинских могильников Прикамья и Шиховского могильника (Васкул, 2013, с. 63–65).

Представляется, сказанное свидетельствует о мощном культурном импульсе из Прикамья, что в конечном итоге привело к формированию памятников типа Перный.

Немаловажную роль в развитии культуры населения ЕСВ на второй стадии развития АКЮ в регионе играли связи с культурами Западной Сибири и Зауралья. Помимо керамики типа Ямашор, об этом свидетельствуют культовое изображение медведя, бронзовый кельт IV–III вв. до н. э. из окрестностей д. Усть-Лыжа (Канивец, 1964, с. 80).

Историко-археологическая интерпретация (социальное устройство, исторические судьбы)

Вопросы, связанные с социальным устройством населения ЕСВ в ананьинское время, остаются в настоящее время наименее разработанными. Это обусловлено недостаточной источниковедческой

базой для их решения. Несомненно, что население региона принадлежало к хозяйственно-культурному типу пеших охотников и рыболовов таежной зоны. Л.И. Ашихмина, исходя из расчетов минимума жилой площади, предложенных исследователями для лесной полосы, высказала предположение, что в ананьинских жилищах могло обитать две семьи при средней численности в 5–7 человек. В доме с дополнительными очагами на поселении Боргангель II, возможно, проживало три семьи (Ашихмина, Васкул, 1997, с. 322). Этот же исследователь полагает, что одиночные погребения на поселениях средней Вычегды являются культовыми. Вероятно, на поселениях совершались погребения людей с высоким социальным статусом, и связаны они с культом предков (Ашихмина, Васкул, 1997, с. 324). Несомненно, о наличии каких-то социальных групп свидетельствуют материалы Шиховского могильника, захоронения на котором различаются по типам погребальных конструкций, обряду (кремация-ингумация, частичные

погребения), количеству и составу сопровождающего инвентаря, что говорит о наличии развитых представлений, связанных с переходом усопших в иной мир. Однако они отражают в первую очередь культовые представления населения. Вопрос о том, являются ли эти данные свидетельством наличия особых социальных групп, остается открытым.

Формирование культур ананьинского времени на территории ЕСВ происходило в условиях миграционных процессов, интенсивных этнокультурных контактов. Значительное влияние оказали климатические изменения, происходившие на рубеже II–I и в I тыс. до н. э. Определяющими были связи с АКЮ Волго-Камья. Культуры ананьинской культурно-исторической области, относящейся к магистральному типу культуры (Головнев, 2009), оказали мощное воздействие на этнокультурные процессы, происходившие в IX/VIII–III вв. до н. э. в лесной зоне Восточной Европы (Кузьминых, Чижевский, 2017, с. 22–36). Связи с населением Волго-Камья прослеживаются во всех компонентах культуры охотников и рыболовов ЕСВ. Материалы археологических раскопок свидетельствуют об участии переселенцев из Прикамья в формировании культурных образований Крайнего Северо-Востока Европы в ананьинское время. Наиболее близки древностям ЕСВ памятники среднего и верхнего Прикамья, с которыми они образовывали единую культурную общность, о чем неоднократно писали исследователи. С другой стороны, североприуральское население, как свидетельствуют имеющиеся данные, в свою очередь активно участвовало в формировании культур Верхнего и среднего Прикамья. На памятниках этого региона, начиная с эпохи поздней бронзы, фиксируется глиняная посуда, характерная для территории ЕСВ. Своеобразие культурам Северного Приуралья придавало постоянное взаимодействие с носителями археологических культур Зауралья и Западной Сибири, восходящее к эпохе бронзы (Ашихмина, 1984, с. 121–122). Это выразилось в формировании таких культурных типов, как Чаркабож и Ямашор, наличии зауральских элементов в декоре ластинского и перныйского керамических комплексов, черт, характерных для орнамента глиняной посуды древностей АКЮ в культурах Западной Сибири. Свидетельством взаимодействия культур ЕСВ и Западной Сибири являются древности перегребнинского типа. В.М. Морозовым и Ю.П. Чемякиным крайне осторожно отмечаются приуральские параллели в орнаментации глиняной посуды «перегребнинцев» (Морозов, Чемякин, 2008, с. 217). Как полагают исследователи,

миграции с территории Прикамья и Зауралья вызвали отток североприуральского населения на запад – северо-запад (Ашихмина, Васкул, 1997, с. 332, 333), где они приняли участие в формировании позднебеломорской и позднекаргопольской культур, активно контактировали с носителями культуры луоконсаари (Косменко, 1992; 2006, с. 218; 2014, с. 399–401; Манюхин, 2002, с. 80–91; Жульников, 2007, с. 77–81; 2021, с. 77–92). Исследования карельских археологов указывают на западное – северо-западное направление культурных связей населения ЕСВ (керамические комплексы типа Красная гора), фиксируемых начиная с эпохи поздней бронзы (памятники типа Бохта II).

Подобная интенсивность и разнонаправленность этнокультурных контактов свидетельствует о миграционной активности населения, обусловленной климатическими изменениями, происходившими на протяжении рассматриваемого периода, хозяйственно-культурным типом древних насельников региона, предполагавшим его достаточно высокую подвижность. Переселение на север из более южных районов АКЮ объясняется, как полагают В.Н. Марков, С.Н. Коренюк, набегам южных кочевых племен на районы средней Волги и нижнего Прикамья (Марков, 1997, с. 14; Коренюк, 2000, с. 79), событиями скифо-персидской войны (Борзунов, 1992, с. 107). При этом, как представляется, более правомерно говорить не о широкомасштабных миграциях, а об инфильтрации отдельных групп населения в родственную среду, диффузии культурных элементов, чему в немалой степени способствовал дисперсный характер расселения в регионе. В итоге в результате взаимодействия различных групп населения и связанных с этим процессом влияний и взаимодействий происходила интеграция различных культурных элементов (Массон, 2006, с. 5, 6), стимулировавших дальнейшее развитие культуры населения ЕСВ в I тыс. до н. э.

Древности ананьинского времени ЕСВ послужили одной из основ гляденовской культурной общности, сформировавшейся в конце III–II вв. до н. э. на территории Европейского Северо-Востока, верхнего и среднего Прикамья. Преемственность прослеживается в типах поселений, погребальных памятниках, пещерных святилищах, керамическом комплексе, сохранении традиций применения кремневых скребков в хозяйстве. Для носителей джудждыягской и пиджской культур гляденовской общности, так же как и для их предшественников – северных ананьинцев, характерны охотничье-рыболовецкий характер хозяйства и обусловленное им дисперсное расселение коллективов.

ГЛАВА 6. ПАМЯТНИКИ АНАНЬИНСКОГО ВРЕМЕНИ НА ТЕРРИТОРИИ ЕСВ

Таблица 1

Радиуглеродные датировки памятников Европейского Северо-Востока ананьинского времени

№ пп	Название памятника	Радиуглеродная датировка	Калиброванная дата
1.	Адакская I пещера, кость	2780±120 (ЛЕ 7265)	–
2.	Шиховской могильник, погр. 26, уголь	2080±40 (ЛЕ 5597)	160 BC – 38 BC (одна сигма, вероятность 68%), 184 BC – 6 AD (две сигмы, вероятность – 95%)
3.	Шиховской могильник, погр. 27, уголь	2370±60 (ЛЕ 6294)	755–385 BC (одна сигма, вероятность 68%), 761 – 235 BC (вероятность – 95%)
4.	Шиховской могильник, погр. 41, уголь	2300±65 (ЛЕ 7269)	–
5.	Шиховской могильник, погр. 42, кора	2340±80 (ЛЕ 7270)	–

ГЛАВА 7

КАРА-АБЫЗСКАЯ КУЛЬТУРА, РАННИЙ ЭТАП. ГАФУРИЙСКИЙ И УБАЛАРСКИЙ ТИПЫ¹

История изучения

Лесостепь Южного Приуралья в эпоху раннего железа становится центром сложения и развития кара-абызской культуры, выделенной в 60-е гг. XX в. (Лагодовская, 1943, с. 80–83; Пшеничнюк, 1964; 1968). Кара-абызская культура возникла, с одной стороны, на основе местного, лесного населения, с другой – на основе пришлого, кочевнического, компонента (т. н. «гафурийский тип» или «гафурийский культурный комплекс») (Пшеничнюк, 1976, с. 126; Савельев, 2007, с. 134; 2011а, с. 56).

Материальная культура населения, оставившего памятники кара-абызского, гафурийского и убаларского типов, рассматривалась в работах В.В. Гольмстен, А.В. Збруевой, Т.Н. Троицкой, А.Х. Пшеничнюка, В.Ф. Генинга, В.А. Иванова, В.В. Овсянникова, Н.С. Савельева и др. Историко-географический обзор проблемы формирования кара-абызской культуры частично был рассмотрен в первой главе кандидатской диссертации В.А. Иванова (Иванов, 1978, с. 8–49) и в последующем опубликован в 2010 г. (Иванов, 2010б), освещен в работах Е.В. Волковой (2011), А.С. Проценко (2015а, 2015б), В.В. Овсянникова (2017). История изучения кара-абызской культуры представлена в полном объеме в работе автора раздела (Воробьева, 2019).

Начало изучения памятников связано с XIX – началом XX вв. Сведения о них встречаются в путевых записках Н.П. Рычкова. Он описал городища Кара-Абыз близ г. Благовещенска, Уфимское (Чертово), Бирское (Овсянников, 2009б, с. 223). Первые раскопки на городищах были предприняты Ф.Д. Нефедовым в 1894 г., который заложил несколько шурфов и траншей на площадках памятников (Пшеничнюк, 1973, с. 163). В начале XX в. В.В. Гольмстен совместно с Д.Н. фон Эдингом предпринимает первые раскопки могильника вблизи Чортова городища, названного Уфимским (Гольмстен, 1912, Гольмстен, 1913; Овсянников, 2003). В.В. Гольмстен попыталась интерпретировать полученные материалы. Она отмеча-

ет общее сходство Уфимского могильника как с могильниками Приуралья – Ананьевским, Котловским и др., так и с такими могильниками, как Кошебеевский, Лядинский, Томниковский, а также с Пьяноборским. Но, несмотря на сходство, «Уфимский могильник должен принадлежать культуре, если не совершенно новой, то по меньшей мере малоизвестной» (Гольмстен, 1913, с. 13). Исследователь попыталась определить датировку могильника относительно Ананьинского, который, по ее мнению, функционировал в IV–III вв. до н. э. В целом Уфимский могильник датируется В.В. Гольмстен I–III в. н. э. (Гольмстен, 1913).

В 1920–50-е годы был открыт и изучен ряд поселенческих памятников: селище Воронки на территории г. Уфы, поселения и городища в Гафурийском районе РБ (Шмидт, 1929). Изучение этих объектов позволило А.В. Шмидту отнести их к «уфимской культуре»: он отметил культурные и этнические связи ее носителей с кочевниками степного юга. А.В. Шмидт предположил, что в эпоху бронзы и начала железа существовала одна большая камская культурная область, куда входит Кама, Вятка, Белая и Волга. Характерными культурными признаками этой области являются металлический инвентарь ананьинских типов и круглодонная посуда, в области выделяются отдельные культурные провинции, отличающиеся значительным своеобразием, в частности в отношении керамики (Шмидт, 1929, с. 15). К.Ф. Лагодовская же предложила называть «уфимскую культуру» «кара-абызской» по названию наиболее полно изученного памятника (Лагодовская, 1943, с. 80–83). А.В. Збруева отнесла кара-абызские памятники к ананьинской культуре (Збруева, 1952). А.П. Смирнов хоть и говорит о существовании кара-абызской, или уфимской, культуры, но представляет ее локальным вариантом ананьинской культуры (Смирнов А.П., 1957, с. 29).

Следующий этап в историографии связан с научной деятельностью А.Х. Пшеничнюка, который не только исследовал основные погребальные па-

¹ Автор выражает благодарность Н.С. Савельеву, В.В. Овсянникову, Ю.А. Морозову за возможность использования информации по неопубликованным материалам кара-абызской культуры.

мятники кара-абызской культуры и опубликовал материалы по ним, но и обосновал ее выделение в особую культуру, определил ее хронологические и территориальные рамки. Результатом исследований А.Х. Пшеничнюка стала диссертационная работа, где автор делает вывод о существовании особого, бельского, варианта ананьинской культуры, на основе которого сформировалась самостоятельная кара-абызская культура (Пшеничнюк, 1973). В 1971 г. А.Х. Пшеничнюк высказывает свое мнение о происхождении носителей гафурийской и генетически связанных с ними носителей убаларской керамики, проживавших по правому берегу р. Белой от г. Уфы до г. Стерлитамака. Он считает, что гафурийские племена обитали ранее в Зауралье, поддерживая точку зрения К.Ф. Смирнова и М.Г. Мошковой, а также были угрозичными и приняли участие в сложении кара-абызской культуры. Гафурийцы вели оседлый образ жизни и занимались главным образом пастушеским скотоводством и земледелием (Пшеничнюк, 1971, с. 91).

Кара-абызскую культуру А.Х. Пшеничнюк включал в единую Прикамскую культуру эпохи раннего железа, куда, возможно, кроме пьяноборской и кара-абызской, следует включить и гляденовскую культуру. Эта общность начала формироваться, видимо, еще в эпоху поздней бронзы, что хорошо прослеживается на материалах культуры курмантау, приказанской и ерзовской, имеющих ряд общих моментов (Пшеничнюк, 1967а, с. 170). Позже, по мере накопления источниковой базы, исследователь поменяет свою точку зрения на периодизацию кара-абызской культуры.

После доклада А.Х. Пшеничнюка на IV Уральском археологическом совещании в 1967 г. о периодизации кара-абызских памятников свое мнение в пользу прочитанного доклада высказали М.Г. Мошкова, В.А. Оборин. М.Г. Мошкова подчеркнула, что периодизация кара-абызской культуры совпадает с периодизацией сарматской культуры (Оборин, 1967, с. 220). В.Ф. Генинг считал, что сарматское влияние на кара-абызские племена было незначительным, сарматидная керамика на этих памятниках составляет лишь 8% (Оборин, 1967, с. 222). В.А. Оборин до этого отнес памятники Еловского района Пермской края (Калиновское городище и селище, Еловское селище) к кара-абызским поселениям, которое связано с межплеменным обменом и передвижением отдельных групп населения из Южного Приуралья через территорию Башкирии в Верхнее Прикамье. А.Д. Вечтомов на этом же совещании развил тезис В.А. Оборина о перемещении части кара-абызских племен в Среднее Прикамье в V–IV вв. до н. э. под натиском савро-

матов, с чем связывал вытеснение местной ранней ананьинской керамики кара-абызской (Вечтомов, 1967, с. 148).

Звериный стиль кара-абызской культуры был рассмотрен в работах В.А. Иванова (Иванов, 1980), К.И. Корепанова и М.Ф. Обыденнова (Корепанов и др., 2003), В.В. Овсянникова и Н.С. Савельева (Овсянников, 2006а; Савельев, 2008б), В.И. Гуляева (Гуляев, 1969; 2010; 2016, с. 55–57).

В последние годы исследователи не утратили интерес к вопросу происхождения кара-абызской культуры. В ходе неоднократных разведочных выездов открыт ряд новых поселений и проведены раскопки как новых, так и ранее известных памятников. В.В. Овсянниковым проводилось обследование и мониторинг состояния ранее выявленных памятников кара-абызской культуры на территории Уфимского, Иглинского и Гафурийского районов в 1988, 1991 и 2005, 2011 гг., а обследование и изучение памятников, расположенных у дер. Романовка, Миловка и Ветошниково, в 2010 г. провела Я.В. Рафикова (Рафикова, 2011). В.В. Овсянниковым исследовались Нагаевский, Ново-Уфимский, Охлебининский, Шиповский, и Биктимировский могильники (Овсянников, 1995а; 2004а; 2005; 2006в; 2008; 2009г), Н.С. Савельевым открыт и частично раскопан могильник Кара-Абыз-2 (Савельев, 2010; 2011), а также могильник Акбердино. Памятники Гафурийского района изучаются С.Л. Воробьевой, открывшей около стоянки им. М.И. Касьянова металлургическую площадку «Курмантау-8/9». Каждый год источниковая база пополняется новыми открытыми селищами и могильниками кара-абызской культуры. В 2018 г. исследовано 22 погребения Ново-Уфимского могильника (Щербаков, Овсянников, Шутелева, 2020), в 2019 г. исследован новый могильник и селище в Благовещенском районе РБ – Новые Турбаслы-7 (Дремов, 2019). В 2021 г. сотрудниками Института истории, языка и литературы УФИЦ РАН продолжены исследования новой части Охлебининского могильника в Иглинском районе РБ.

Исследователи расходятся в том, стоит ли выделять кара-абызскую культуру в отдельную (А.В. Шмидт, К.Ф. Лагодовская, А.Х. Пшеничнюк, Н.С. Савельев, В.В. Овсянников, С.Л. Воробьева) или это часть ананьинской (А.В. Збруева) или пьяноборской общности (Н.А. Мажитов). В.Ф. Генинг и Р.Д. Голдина признают самостоятельность кара-абызской культуры, включая ее в пьяноборскую общность. По мнению ряда авторов, она, с одной стороны, сложилась на основе местного лесостепного населения (ананьинская культура), с другой – подвергалась воздействию со стороны кочевни-

ческого населения – носителей гафурийского комплекса материальной культуры (Пшеничнюк, 1976, с. 126; Савельев, 2008б, с. 69). В.А. Иванов считает, что в формировании кара-абызской культуры принимали участие потомки ананьинской культуры шнуровой керамики (Иванов, Проценко, 2017, с. 127), уточняя впоследствии их как «средневожско-нижекамских мигрантов, оставивших памятники типа поселения Курган, городище Черепашье, Сорочьи Горы» (Иванов, 2021, с. 95). Вопрос о происхождении «ананьинского комплекса» в кара-абызской культуре связан прежде всего с дискуссией о выделении ананьинской общности, так как основная масса «ананьинских» находок в погребальных памятниках имеет аналогии в Старшем Ахмыловском, Таш-Елга, «Разъезд «Правая Белая», Старшем Шиповском и Зуевском могильниках.

Вопрос о происхождении гафурийского комплекса решается по-разному: К.Ф. Смирнов, М.Г. Мошкова, М.Х. Садыкова, Н.С. Савельев (Савельев, 2009а, с. 120) связывают появление гафурийской керамики с проникновением на правобережье Средней Белой носителей раннепрохоровской культуры (Смирнов К.Ф., 1964, с. 272; Мошкова, 1963, с. 17, рис. 1; Садыкова, 1965, с. 18). Первоначально эта точка зрения поддерживалась А.Х. Пшеничнюком (Пшеничнюк, 1964). Позже им была высказано предположение о «зауральской» (иткульская культура, воробьевский и гороховский типы) прародине гафурийской керамики (Пшеничнюк, 1976, с. 130). Г.И. Матвеева и А.Х. Пшеничнюк причисли убаларские памятники к кара-абызской культуре (Матвеева, 1973, с. 249; Пшеничнюк, 1976, с. 126), в то время как В.Ф. Генинг (Генинг, 1988, с. 71) и В.А. Иванов (Иванов, 1980) отделили от кара-абызской культуры памятники гафурийско-убаларского типа. Разнообразие точек зрения на вопрос о происхождении кара-абызской культуры говорит о том, что он до сих пор остается открытым. А.А. Чижевский предлагает включать ранние памятники кара-абызской культуры в состав постмаклашеевской культуры на позднем этапе ее развития, объясняя это тем, что на них керамика постмаклашеевского облика преобладает над гафурийской (раннесарматской) (Чижевский, 2013, с. 81). В.А. Могильников отмечает контакты кара-абызского населения с Зауральским населением конца I тыс. до н. э., которое проявилось в зверином стиле украшений костюма носителей кара-абызской культуры (Могильников, 1971, с. 151). В составе кара-абызской культуры С.Л. Воробьевой (Воробьева, 2011г–д) был выделен «восточный импульс», поддержанный В.Н. Васильевым (Васильев, 2014). О том, что на формирование кара-абызской культуры оказали

влияние «инокультурные (иноэтничные?) импульсы извне» в I тыс. до н. э., пишет и В.А. Иванов (Иванов, 2017, с. 127).

Эти дискуссии связаны прежде всего с тем, что собственно «раннекара-абызская» (носители ямочно-гребенчатой и шнуровой керамики) и «кара-абызская» керамика в погребениях отсутствуют, а имеется лишь керамика гафурийского (в Шиповском могильнике преимущественно) и убаларского типа (в Охлебининском могильнике). На данный момент в Гафурийском районе не найден ни один погребальный памятник. Ни один погребальный памятник кара-абызской культуры не раскопан полностью, а большая часть погребального материала не опубликована. Кроме того, отсутствует анализ массового антропологического материала.

Что касается вопроса выделения самостоятельной кара-абызской культуры, то тут необходимо определиться с понятием «археологическая культура». В классическом ее варианте («археологическая культура – совокупность материальных памятников, которые относятся к одной территории и эпохе и имеют общие черты») памятники правобережья р. Белой (V в. до н. э. – IV в. н. э.) относятся к кара-абызской археологической культуре, где на ранней стадии ее развития доминирующим компонентом были носители ямочно-насечково-гребенчатой керамики (раннекара-абызская), при постоянных контактах этой группы населения с кочевниками (носителями керамики гафурийского типа) происходит достаточно быстрая трансформация материальной культуры. При этом на разных памятниках и на разных стадиях развития население взаимодействовало со своими ближайшими соседями, что выразилось в кажущейся неоднородности материального комплекса.

Генезис культуры

В многотомном труде «История Башкирского народа» вопрос этногенеза кара-абызской культуры решен следующим образом: в результате взаимодействия различных по происхождению, уровню хозяйственного и социального развития групп населения в Центральном Башкортостане складывается уникальная культура, впитавшая как традиции лесного оседлого населения, так и южного полукошевого и кочевого. В первую очередь это отразилось в разнообразии керамического материала на кара-абызских памятниках, обилии южных импортов и подражаний, различии топографии памятников и в погребальном обряде (Овсянников, 2009б, с. 245). Кроме того, носители кара-абызской культуры, по мнению автора, с большей долей вероятности могут являться одним из компонентов, на основе которого сформировался башкирский этнос, отрицая при этом под-

держиваемый многими исследователями тезис о формировании мазунинских древностей на основе пьяноборской и кара-абызской культур (Овсянников, 2009б).

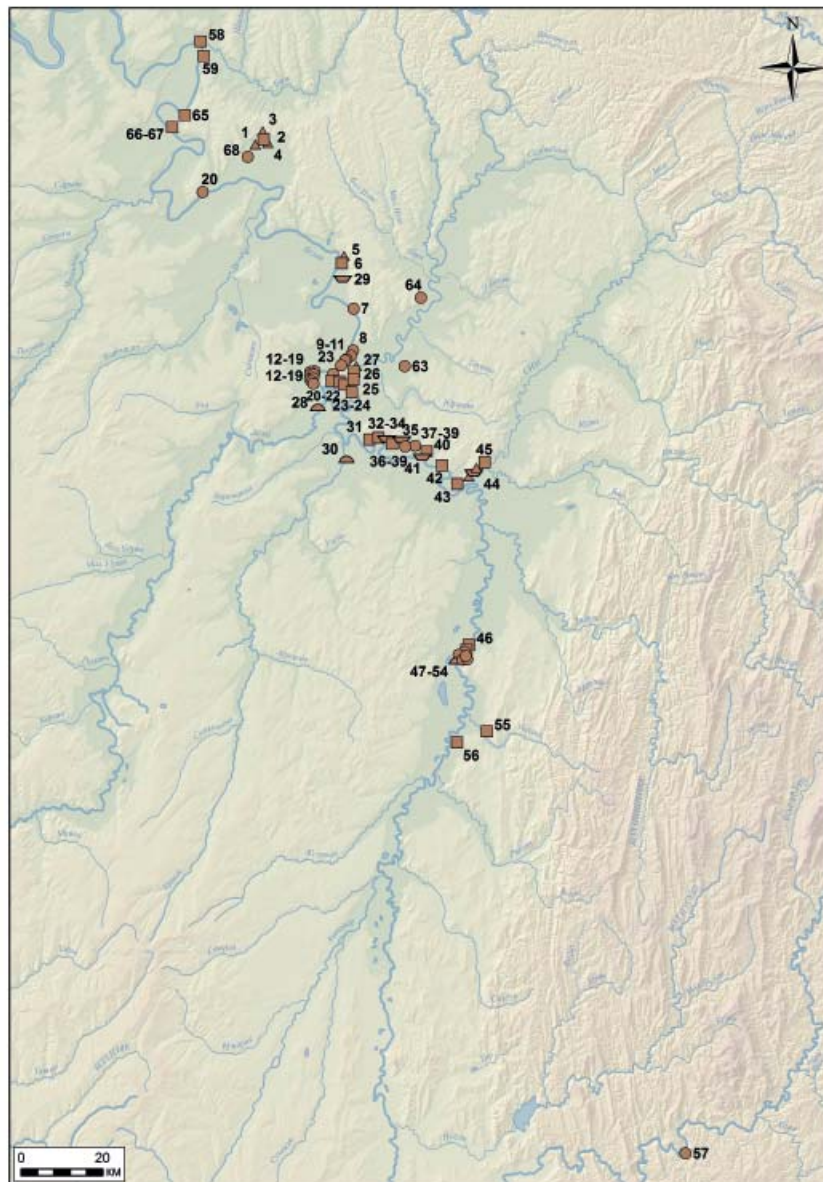
В V–II вв. до н. э. произошла консолидация (Овсянников, 2014б, с. 376) этнокультурного образования в долине р. Белой, а в дальнейшем произошло смешение этого населения с носителями гафурийского типа керамики. В керамическом материале кара-абызских поселений прослежена преемственность между культурой курмантау и кара-абыз. Так, в нижних слоях Курмантаевского городища имеется керамика культуры курмантау (Пшеничнюк, 1964б, с. 98), а на металлургической площадке Курмантау-8/9 курмантаусское и кара-абызское население занимались металлообработкой. На большинстве поселенческих кара-абызских памятниках встречена керамика культуры курмантау. Но на сегодняшний день неизвестно ни одного погребения, связанного с этим типом памятников.

Вопросы этногенеза не могут быть рассмотрены без антропологических данных. На сегодняшний день изучено 14 черепов Биктимировского могильника (раскопки 1963 г.) (Акимова, 1968, с. 20), серия из Охлебнинского (раскопки 1965 г.) и Шиповского могильников (количество изученных черепов не приводится автором) (Ефимова, 1991, с. 9), 8 черепов из Охлебнинского могильника (раскопки 1980–82 гг.) (Юсупов, 1992, с. 55) и 7 черепов из могильника Кара-Абыз-2 (Нечвалода, 2012, с. 250). Как уже отмечалось в историографическом обзоре, М.С. Акимова пришла к выводу, что в конце первого тысячелетия до н. э. происходит формирование единого антропологического типа с различными вариантами (кара-абызской и пьяноборской) (Акимова, 1968, с. 35, 36), С.Г. Ефимова проследила различие черепов Биктимировского могильника от серии из Охлебнинского и Шиповского некрополей. При этом серия Охлебинино-Шипово оказалась близкой. В свою очередь, Р.М. Юсупов отмечал близость в серии Охлебинино-Биктимирово (Шиповский могильник он не использовал для сравнения), а «расовый тип населения кара-абызской культуры смешанного происхождения, сочетающий в своем антропологическом типе признаки населения леса (имеются в виду выборки из пьяноборских могильников – прим. С.Л.) и кочевников степной зоны» (Юсупов Р.М., 1992, с. 56). Эти выводы сделаны в связи с тем, что серия Охлебинино-Шипово оказалась при сравнении равноудаленной от пьяноборских серий савроматов и сарматов Южного Урала (Юсупов Р.М., 1992). А.И. Нечвалода пришел к выводу, что выборка из могильника Кара-Абыз-2 наибольшую близость показывает с Бикtimi-

ровским некрополем, но вслед за С.Г. Ефимовой он пишет, что речь не идет о формировании различных антропологических массивов (Нечвалода, 2012, с. 250; 2016). Серия С.Г. Ефимовой IV–III вв. до н. э. демонстрирует, что в это время в Южное Приуралье пришли мигранты из Зауралья (носители тальковой керамики), а впоследствии в результате механического смешения образовалась керамика гафурийского типа. Последние антропологические анализы кара-абызских серий из Охлебнинского могильника (28 погребений) опубликованы А.И. Нечвалодой и автором раздела. Изученная серия демонстрирует европеоидные краниологические характеристики, а в женской части серии улавливается небольшая монголоидная примесь (Нечвалода, Воробьева, 2018, с. 170). Небольшая антропологическая серия из могильника Новые Турбаслы-7, состоящая из трех мужских черепов и одного женского, изученная А.И. Нечвалодой, характеризуется европеоидным краниотипом с включением небольшой монголоидной примеси (Дремов, 2019, с. 230).

По мнению М.С. Акимовой, в конце первого тысячелетия до н. э. происходит формирование единого антропологического типа с различными вариантами. На черепах кара-абызской и пьяноборской культур отмечается преобладание европеоидных черт. Монголоидные особенности проявляются только в умеренном или слабо выступающем носе. Этот тип, как предполагает М.С. Акимова, имел широкое распространение и послужил основой для формирования последующего населения этой области (Нечвалода, Воробьева, 2018, с. 35, 36), С.Г. Ефимова пришла к очень интересным выводам: выборки черепов из Биктимировского могильника отличаются от черепов из Охлебнинского и Шиповского могильников. Общее же сравнение краниологических серий пьяноборской и кара-абызской культур показывает, что они генетически связаны друг с другом и с предшествующей им ананьинской культурой. Ядро же ананьинской культуры составило местное население европеоидного типа (Ефимова, 1991, с. 16).

Изучение импортной керамики кара-абызской культуры из Шиповского могильника позволило Н.С. Савельеву прийти к выводу, что появление этого типа керамики связано с кочевниками, оставившими Старо-Киешкинск и Бишунгаровский курганные могильники в III в. до н. э., характер этих связей определен как брачные и торговые отношения (Савельев, 2009а с. 120). Раннекара-абызская керамика определена автором как ямочно-насечковая гребенчатая керамика, именно она стала впоследствии основой сложения кара-абызских комплексов (Савельев, 2011а; 2014а, с. 197).

Условные обозначения:

● селище ■ городище ▲ местонахождение ▽ грунтовый могильник 🏠 курганный могильник

Рис. 1. Памятники кара-абызской культуры

1 – I Биктимировский могильник, 2 – Биктимировское городище, 3 – II Биктимировский могильник, 4 – III Биктимировский могильник, 5 – могильник Кара-Абыз-2, 6 – городище Кара-Абыз, 7 – Ново-Александровское селище, 8 – Черниковское селище, 9 – Дежневское селище, 10 – селище Воронки, 11 – селище Госцирк, селище Чайка-2, 12–19 – поселения Миловка-2 и -3, поселения Ветошниково-1 и -6, поселения Романовка-1, -3, -5 и -6, 20 – Галановский могильник, 21 – городище Уфа-4, 22 – Ново-Уфимский могильник, 23 – городище Уфа-2, 24 – могильник у Монумента Дружбы, 25 – Усть-Уфимское городище, 26 – городище Уфа-1 (Чертово), 27 – Уфимский могильник, 28 – местонахождение на р. Дема, 29 – селище Зинино-1, 30 – местонахождение на р. Уршак, 31 – городище Нагаево-1, 32 – городище Нагаево-2, 33 – Нагаевские курганы, 34 – городище Акбердино-2, 35 – могильник около городища Нагаево-1, 36 – селище Акбердино-3, 37 – поселение Акбердино-1, 38 – поселение Акбердино-5, 39 – селище Акбердино-2, 40 – Шиповское городище, 41 – Шиповский курганно-грунтовый могильник, 42 – Малый Колпак (Жилинское) городище и Охлебининское I городище, 43 – Охлебининское III городище, 44 – Охлебининский грунтовый могильник, 45 – Охлебининское II городище, 46–54 – Курмантаевское и Михайловское городища, Михайловская стоянка, Михайловское поселение, «Курмантау Нижнее» (стоянка им. М.И. Касьянова), «Курмантау Среднее» (Касьяновское городище), «Курмантау Верхнее» (Курмантаевское селище), Курмантау-8/9, производственная площадка, Курмантау-7, местонахождение, 55 – Воскресенское городище, 56 – Табынское городище, 57 – Ташмуруновский грот. 58 – II Бирское городище, 59 – I Бирское городище, 60 – селище Черниковское-2, 61 – Ручейное селище; 63 – селище Верный-1, 64 – селище Волково-1, 65 – городище Костарево-1, 66 – городище Камышинка-1, 67 – городище Камышинка-2, 68 – селище Симкино-1, 69 – селище Чишма-2; 70 – городище Уфа-5, 71 – селище Блохино-1, 72 – Багармыжское городище (Багармыж-1, селище), 73 – Мончазинское городище (Мончазы-1, городище), 74 – Новые Турбаслы-7, селище и грунтовый могильник

Материалы летника кара-абызской культуры в приустьевой части р. Уфы Зинино-1 дали авторам работ возможность утверждать, что убалар – это вариант кара-абызской культуры, сформировавшийся на ее южной периферии не позже рубежа IV–III вв. до н. э. под воздействием пришлых кочевников и постепенно распространившийся на более северные территории. Смещение «чистых» кара-абызских, гафурийских и убаларских керамических комплексов свидетельствует об идущем процессе постепенной ассимиляции (Бахшиев, Савельев, 2013, с. 112, 113).

Область расселения

Ареал обитания носителей кара-абызской культуры в ландшафтном отношении относится к лесостепи Южного Приуралья и примыкает непосредственно к горно-лесной зоне Южного Урала (рис. 1). Обширные выровненные поверхности, сложенные рыхлыми отложениями, прослеживаются вдоль речных долин и нижних частей пологих северных склонов водоразделов на абсолютных высотах до 200–500 м. Основными геоморфологическими элементами в их пределах являются поймы, первая и вторая надпойменные террасы. Вершинные поверхности увалов над прилегающими равнинами образуют две ступени высот с абсолютными отметками 280–320, 470–530 м. Речная сеть представлена нижними и средними течениями рек Белой и Сим и их притоков. Реки обладают значительной водностью, для их режима характерно весенне-летнее половодье и летне-осенние паводки (Физико-географическое..., 1964, с. 66, 67). Отдельные памятники с керамикой гафурийского типа встречены непосредственно в горно-лесной и степной зонах Южного Урала (Баишевское поселение в Баймакском районе РБ, Ташмуруновский грот в Бурзянском районе РБ, памятники в зоне затопления Юмагузинского водохранилища) (Савельев, 1998, с. 55; Котов, Савельев, 2003, с. 134; Морозов, Котов, 2002).

Климат середины и конца первого тысячелетия до н. э. на данной территории отличался несколько повышенной влажностью и значительной прохладой. Леса продвинулись к югу, степные участки были вкраплены в лесные ландшафты. На рубеже VI–V вв. до н. э. в Северной, Центральной и Восточной Европе произошло резкое похолодание – среднегодовая температура снизилась на 2–3 °С по сравнению с современной, а количество осадков увеличилось (Аськеев и др., 2009, с. 64, 65). В переходный период от эпохи бронзы к раннему железу, по данным Бирского поселения, в пределах VII–V вв. до н. э. происходит увлажнение климата, которое заканчивается к началу IV в. до н. э. (Овсянников, Курманов, 2018б, с. 100). По

биостратиграфическим данным Биктимировского городища (северный памятник кара-абызской культуры IV–II вв. до н. э.), во время накопления нижней части отложений культурного слоя существовали сосново-березово-липовые леса, затем доля открытых луговых пространств увеличивается (преобладает пыльца травянистых). Во время накопления отложений верхней части слоя были распространены березово-липовые леса с примесью хвойных и открытые пространства, занятые разнотравьем (Данукалова и др., 2004, с. 195, 196). Подобную картину показали и результаты спорово-пыльцевого анализа отложений разреза на археологическом памятнике Курмантау-8/9 (раскопки С.Л. Воробьевой 2014 г. – материалы находятся в обработке), проведенного кандидатом биологических наук, научным сотрудником Института геологии Уфимского научного центра РАН Р.Г. Курмановым. По данным исследователя, все полученные спектры характеризует опушку мелколиственно-широколиственного леса, но отмечено, что в период формирования отложений из верхних слоев увеличивались площади открытых луговых пространств. Верхние слои памятника также датируются IV–III вв. до н. э. Эти данные, как и результаты работ В.Н. Кудеярова с соавторами (Кудеяров и др., 2009, с. 1031), В.А. Демкина с соавторами по степям Заволжья (Демкин и др., 2013, с. 140), данные по Месягутовской лесостепи (Савельев, 2007, с. 37), данные по Акбердинскому II городищу (Савельев, Овсянников, Курманов, 2017) говорят о том, что в IV–II вв. до н. э. на территории Средней Белой, как и на всей территории Южного Урала и Приуралья, произошло осушение климата – иридизация, что в свою очередь привело к увеличению доли степных ландшафтов. Эти природно-географические особенности и климат территории способствовали формированию среди кара-абызского населения скотоводства, появившегося здесь с приходом кочевого населения. Подобные климатические колебания привели к тому, что носители кара-абызской культуры вынуждены были к ним приспособляться и вести комплексное хозяйство, включающее скотоводство, домашние промыслы, обработку металла, охоту и рыболовство. Далее, к началу I тыс. н. э., ситуация меняется – в начале позднего голоцена происходит похолодание и увлажнение климата, о чем свидетельствует увеличение облесенности верхнего течения р. Белой по материалам раскопок Ташмуруновского грота (Косинцев, 2003, с. 161).

Поселения

I. К раннекара-абызскому этапу (V–IV вв. до н. э.) относятся городища Мончазы-1, Нагаевское II, Костарево-1, Камышинка-2, Чандарское, Касьяновское, Бирское, нижний слой городища

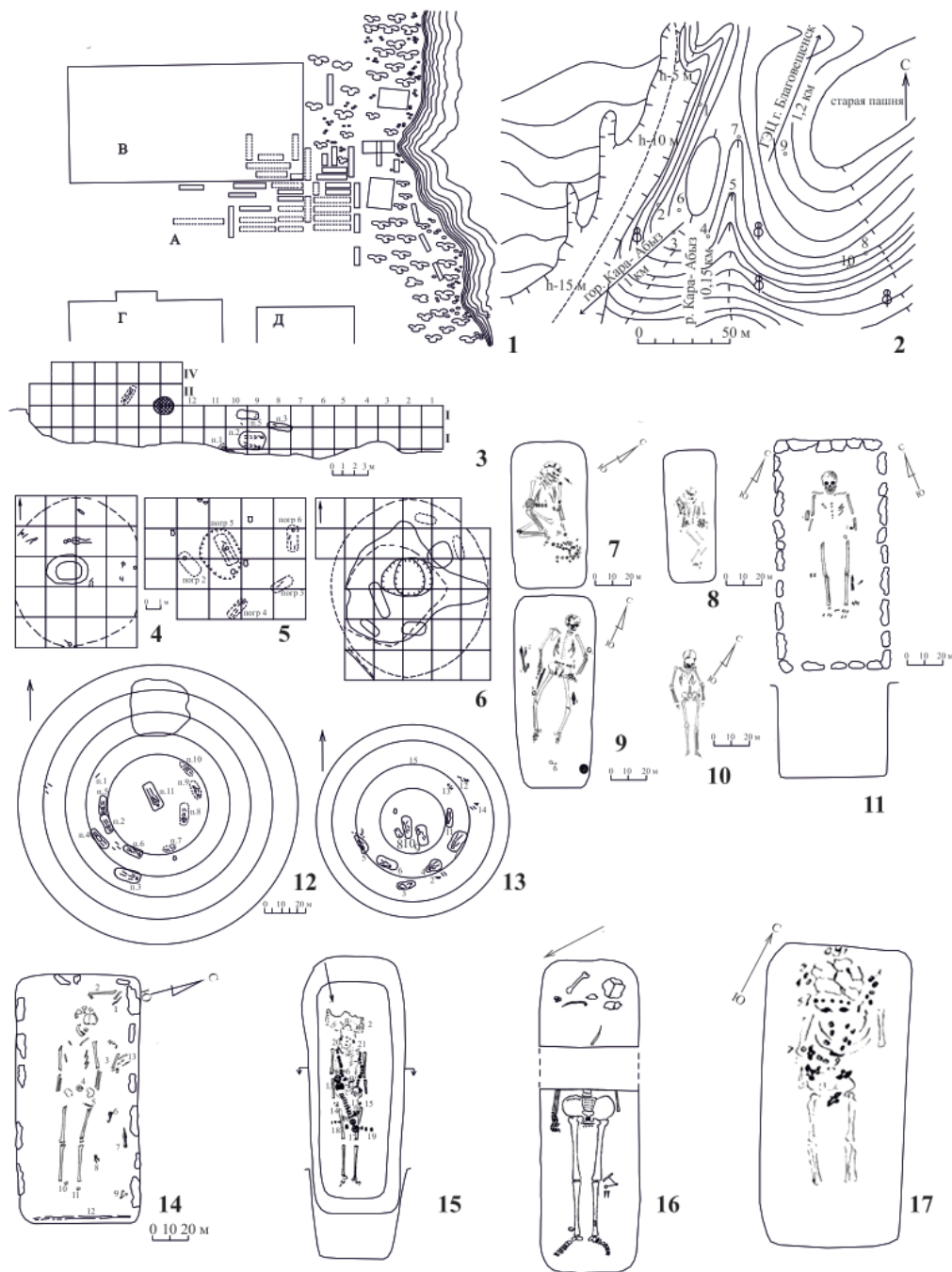

Рис. 2. Планы могильников и могильных ям кара-абызской культуры V–III вв. до н. э.

1 – Уфимский могильник (по: Гольмстен, 1913); 2 – могильник Кара-абыз-2 (по: Савельев, 2011); 3 – Старший Шиповский могильник (по: Пшеничнюк, 1983в, с. 96, рис. 2.); 4–13 – Шиповский курганный могильник (по: Овсянников, 2014а); 7–14 – Охлебининский могильник (по: Пшеничнюк, 1980–82 гг.), 15 – Биктимировский могильник (по: Пшеничнюк, 1964)

Курман-Тау (рис. 3: 2), Тра-Тау, Уфимское (Чертово) (рис. 3: 9), селища Воронки, Ново-Александровка, Черниковское I, Бирское II, Новобиктовское, Андреевское, Симкино-1, Курман-Тау (рис. 3: 5), Акбердино-2, поселения Акбердино-3. Эти памятники расположены в долине р. Белой, от г. Бирск на севере до горы Курман-Тау на юге (рис. 1; 3: 1). В этот период население осваивает долину р. Белой до границ современного Гафу-

рийского района РБ. Памятники концентрируются отдельными лакунами на территории Уфимского полуострова, в Гафурийском, Бирском и Иглинском районах РБ.

Поселенческие памятники преимущественно расположены на мысовидных выступах коренной террасы правого берега р. Белой (Акбердино-2, Мончазы-1, Камышинка-2, Воронки, Ново-Александровское селище, Тра-Тау). Исключение со-

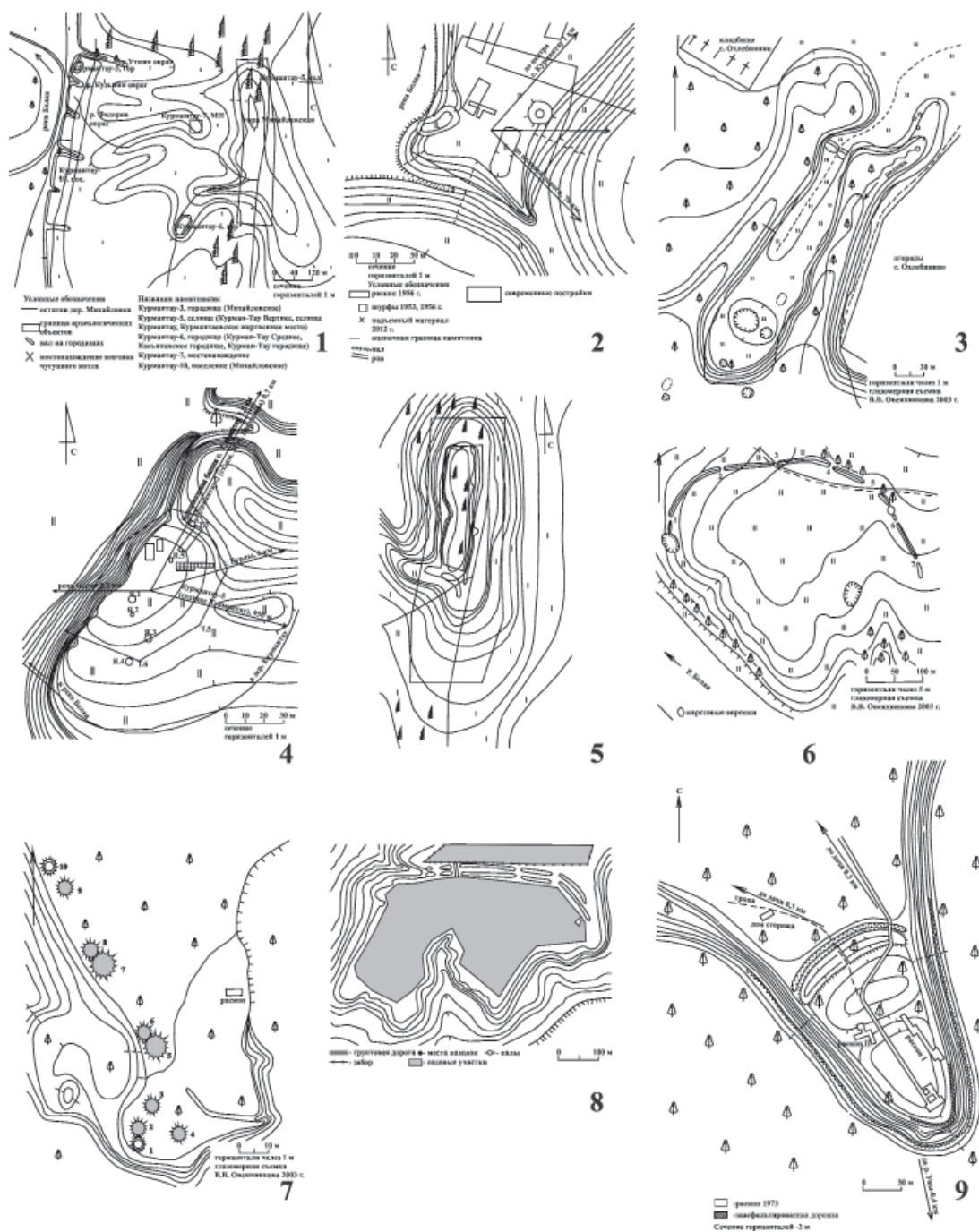

Рис. 3. Планы поселений кара-абызской культуры V–III вв. до н. э.

1 – общий пан расположения археологических памятников в Гафурийском районе Республики Башкортостан (Воробьева С.Л.); 2 – Курмантау-1, городище (Курмантаевское городище) (Воробьева С.Л.); 3 – Охлебинино-1, городище (по: Пшеничнюк, Овсянников, 2007, с. 53, рис. 26); 4 – Курмантау-3, городище (Михайловское городище) (Воробьева С.Л.); 5 – Курмантау-5, селище (селище Курмантау) (Воробьева С.Л.); 6 – городище Малый Колпак (Жилинское) (по: Пшеничнюк, Овсянников, 2007, с. 52, рис. 25); 7 – Акбердинское II, поселение и Акбердинские курганы (по: Пшеничнюк, Овсянников, 2007, с. 34, рис. 7); 8 – Шиповское городище (по: Пшеничнюк, Овсянников, 2007, с. 49, рис. 22); 9 – Уфимское (Чертово) городище (по: Морозов, 2000, с. 149, рис. 1)

ставляет Бирское поселение, расположенное в широкой котловине террасы правого берега р. Белой (Обыденнов, Обыденнова, 1998, с. 30), селище Черниковское расположено на низкой береговой террасе (Пшеничнюк, 1973, с. 193). На однослойных городищах зафиксировано две линии валов (Камышинка-2 в Бирском районе РБ) (Овсянников,

Каюмов, Бабин, 2015, с. 89), вал и ров (городище Мончазы-1 в Иглинском районе РБ) (Овсянников, Каюмов, Бабин, 2015, с. 100). На многослойных городищах – Кара-Абыз, Уфимское (Чертово) (рис. 3: 9) – имеется несколько разновременных насыпей. Валы раннекара-абызского этапа сооружались из глины или суглинка и земли (Шмидт,

1929, с. 6), а на Уфимском (Чертовом) городище вал был укреплен известняковыми плитами. Эта традиция находит прямые аналогии на поселениях раннеананьинского времени (Васильсурское II, Галкинское городище) (Иванов, 1984, с. 63). Внутренний вал городища Кара-Абыз тоже, по всей видимости, относится к этому времени. Вал был сложен из суглинка и известняковых плит. В нем были обнаружены следы деревянного сооружения вроде помоста на глубине 1,1–1,46 м. В валу также были найдены кости животных и обломки лепных сосудов (Иванов, 1984). На городище Кара-Абыз зафиксировано деревянное сооружение в валу в виде помоста (Шмидт, 1929, с. 6). В дальнейшем эти валы укреплялись либо насыпался второй внутренний вал. На Касьяновском городище ранняя подсыпка состояла из гравия с незначительным включением золы, затем, в IV в. до н. э., с приходом носителей керамики гафурийского типа она была увеличена и дополнительно вырыт ров (Шмидт, 1929, с. 62). Селище Воронки тоже, вероятнее всего, являлось городищем, но значительная часть его была снесена при строительстве железной дороги (Пшеничнюк, 1973, с. 193). Культурные слои на селище Воронки и городище Кара-Абыз богато насыщены золой. На селище Курман-Тау (рис. 3: 5) зафиксирована обваловка из зольника, насыщенного обломками костей животных и посуды (Пшеничнюк, 1983а, с. 79). Малая изученность городищ не позволяет судить об их площади и использовании внешнего пространства в тот или иной период. Селище (городище?) Воронки, судя по насыщенности культурного слоя, было долговременным поселением (рис. 4: 3, 4, 7–9, 12, 13). Мелкие поселения и городища представляют собой сезонное или временное убежище (укрепленные городища), о чем говорят слабая насыщенность культурного слоя и небольшие площади.

В нижнем слое городища Курман-Тау (рис. 3: 2) раскопками 2013 г. зафиксирована яма, в которой найдена чаша лепного сосуда с примесью раковины в тесте, с ямочным орнаментом, с отогнутым наружу венчиком (Воробьева, 2014д, с. 129, рис. 43: 5) (рис. 4: 26). Подобные чаши встречены в могильниках Таш-Елга, «Разъезд «Правая Белая», Старший Шиповский могильник. Поэтому, вероятнее всего, городище Курман-Тау начало функционировать в конце V в. до н. э. В слое IV–III вв. до н. э. найдены мелкие кальцинированные кости животных, сплески металла и шлаки, сердечник из глины для литейной формы кельта, бусина – подвеска гиревидной формы, бисер, молоток для измельчения металлической поверхности из кварцито-песчаника с зеленоватыми пятнами от ударов по бронзе на сработанной поверхности, камень

для заточки металлических инструментов (оселок) из яшмы, побывавший в огне и со следами царапин от металлических инструментов, орудие для растирания руды из речной гальки, сточенной с одной стороны, фрагменты стенок лепных сосудов. Датируется IV–III вв. до н. э.

На Михайловском городище (рис. 3: 4) в Гафурийском районе в валу прослежены сгоревшие деревянные конструкции. Основную массу находок составляют фрагменты лепных сосудов кара-абызской культуры эпохи раннего железа. Немногочисленную серию сосудов представляют фрагменты ананьинской керамики и керамики гафурийского типа эпохи раннего железа. Остатков каких-либо жилых или хозяйственных построек не обнаружено. В целом городище датируется IV–III вв. до н. э. (Пшеничнюк, 1983а, с. 94).

Индивидуальные находки на поселенческих памятниках этого времени представлены фрагментами костяных орудий, керамическими пряслицами, остатками металлургического производства – шлаками, сплесками металла, отлитыми изделиями (рис. 5: 2, 3, 5, 6, 9), бронзовыми наконечниками стрел (рис. 5: 8). Из раскопок Касьяновского городища Г.В. Юсупова происходит обломок меча с бабочковидным перекрестьем. Мечи и кинжалы подобных типов типичны для савроматской культуры Южного Урала и датируются V–IV вв. до н. э. (Исмагилов, 2001, с. 146, 147, табл. XIII, кат. 140). К единичным находкам этого времени относятся топоры-кельты с территории дер. Шипово (с трапециевидной фаской и орнаментом в виде крестов, тип КАН-42 по С.В. Кузьминых) (рис. 8: 30, 32, 33), датируются VI–V вв. до н. э. (Кузьминых, 1983, с. 64), и с городища Кара-Абыз (с шестигранной втулкой и прямоугольной фаской, тип КАН-62 по С.В. Кузьминых), конец VI – начало IV вв. до н. э. (Кузьминых, 1983, с. 69), бронзовый топор-чекан с территории Ново-Уфимского могильника (рис. 8: 38), железный топор-чекан с городища Кара-Абыз (рис. 8: 41) конца VI–V вв. до н. э. (тип КЧ-18 по С.В. Кузьминых) (Пшеничнюк, 1973, с. 221; Кузьминых, 1983, с. 140). Бронзовая секира с головой птицы была найдена и доставлена в музей М.И. Касьяновым в 1920-х гг. В 1941 г. она была украдена из витрины Башкирского краеведческого музея (г. Уфа, сейчас – НМ РБ), сохранилась лишь ее фотография в архивах музея и отчете А.В. Шмидта (Шмидт, 1929, с. 15, табл. 1). Она представляет собой парадную секиру с плоским клином трапециевидной формы с утолщенными валиками по верхнему и нижнему краю, выполненным в виде плавника водоплавающего животного. Обух в виде тупика. Соединение клина и обуха с втулкой оформлено гофрировкой в виде валиков. Верхний конец втул-

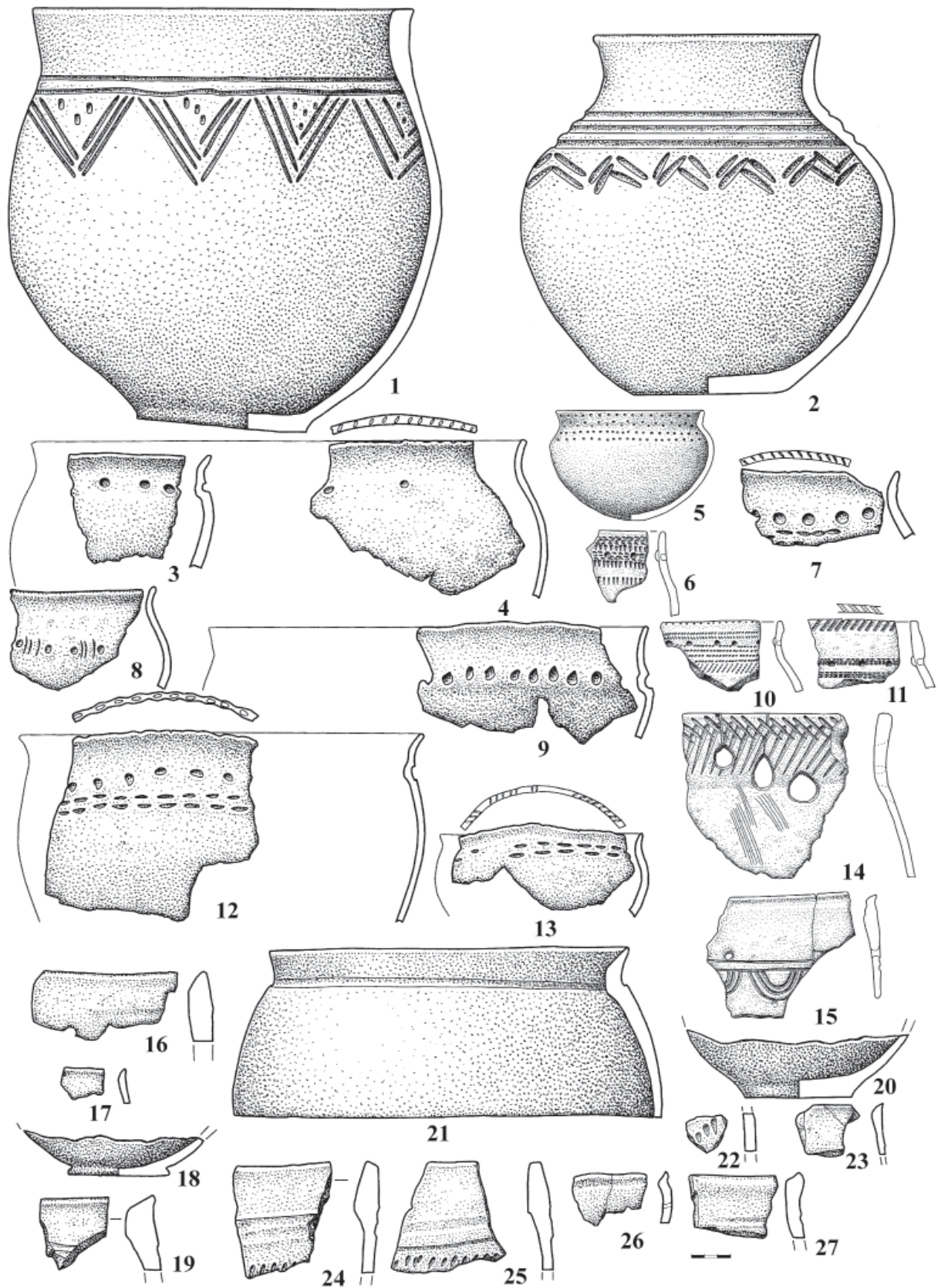

Рис. 4. Глиняная посуда кара-абызской культуры V–III вв. до н. э.

1–2 – Шиповский могильник; 3–4, 7–9, 12, 13 – селище Воронки; 5 – Старший Шиповский могильник; 6 – поселение Акбердино-4; 10 – Черниковское селище; 11 – Курмантаевское селище; 14 – Охлебининское II городище; 14–27 – Курмантаевское городище (по: Овсянников, 2014б, Савельев, 2014а)

ки оформлен в виде стилизованной головы хищной птицы (грифона?). Подобные секиры происходят из случайных находок с памятников из разных областей ананьинской культуры. А.М. Тальгрэн считал эту секиру самой ранней из данного типа изделий, которые он датировал 500–200 гг. до н. э. (Tallgren, 1937, p. 6). Секиры появляются в ананьинской культуре уже в сформировавшемся виде. Источник их неясен. Бронзовые, оформленные в зверином стиле, датируются концом VI–V в. до н. э. (Васильев Ст., 2001, с. 36). Вероятнее всего, топоры-чеканы и секира с зооморфным изображением были предметами культового назначения, о чем свидетельствует единичность и уникальность данных находок. На памятниках кара-абызской культуры они датируются не ранее конца V в. до н. э.

Керамика этого этапа на поселениях представлена следующими типами:

1 – раннекара-абызская: с примесью песка, плотной фактуры, шероховатая на ощупь, может быть орнаментирована рядом ямок по шейке сосудов с выпуклинами – «жемчужинами на обороте» (унаследовала данную традицию от керамики культуры курмантау) либо пояском ямок с отпечатками гребенчатого штампа (рис. 4: 3–12);

2 – классическая шнуровая керамика Прикамья: с примесью ракушки в глине, плотной фактурой и хорошо заглаженной поверхностью, часть имеет двойную примесь – раковины и песка, орнаментирована отпечатками шнура, имитацией шнура в виде бессистемных насечек, иногда пояском ямок с «жемчужинами на обороте» (рис. 4: 6, 10, 11);

3 – сочетает признаки раннешнуровой и маклашевской керамики по характеру примеси, но с обедненным орнаментом: с примесью раковины и органики, рыхлая, слабого обжига, орнаментирована ямками (рис. 4: 12, 13).

II. К поселенческим объектам IV–III вв. до н. э. относятся городища Кара-Абыз, Акбердино-1, Акбердинское II (рис. 3: 7), Камышинка-1, Охлебининское II, Охлебинино-3, Касьяновское, Табынское, Воскресенское (Табынск-2), Акбердино-3, Шиповское (рис. 3: 8), Охлебининское-1 (рис. 3: 3), Охлебининское-2, Охлебининское-3, Биктимировское, Уфа-IV, Усть-Уфимское, селища Зинино-1, Убалар, Чисма-2, Курман-Тау (рис. 3: 5), Ивано-Казанское-1, Ивано-Казанское-2, Чайка-2, Дежневское, Черниковское, Ново-Александровское, Дудкино I, II, Юнар, поселение Акбердино-4, Ташмуруновский грот, металлургическая площадка Курмантау-8/9 (рис. 3: 1).

Памятники локализованы в Гафурийском районе РБ (южный ареал обитания), на территории Иглинского района РБ (памятники возле Охлебининского и Шиповского могильников), на терри-

тории Уфимского полуострова, в Бирском районе РБ (северный ареал обитания) (рис. 1).

Городища Кара-Абыз, Курман-Тау (рис. 3: 2), селище Курман-Тау (рис. 3: 5) продолжают функционировать с предыдущего этапа развития культуры. На южном ареале кара-абызской культуры, в Гафурийском районе РБ, в IV в. до н. э. появляются кочевники – носители гафурийской керамики, отличительной чертой которой является утолщенная шейка, резной и желобчатый орнамент, примесь талька в тесте (именно тальковая керамика находит прямые аналогии в среде кочевников Южного Урала и Зауралья). В нижних слоях городища Курман-Тау керамика с тальком составляет 70%, в то время как в верхних, перекрытых стерильным слоем, число керамики с тальком не превышает и 10% (раскопки С.Л. Воробьевой, 2013 г.), на Курмантаевском городище она составляет 20%, на Табынском городище 10% (Юсупов, 1959, с. 79, 82). Керамика с примесью талька является ранней и на северных памятниках практически не встречается, на них присутствует уже трансформированная керамика с примесью раковины с сохранением сарматских форм – колоколовидные или близкие к ним, вертикальная плавноутолщенная шейка, утолщенный орнамент с доминированием каннелюр, резных зигзагов (Савельев, 2015, с. 73). На Биктимировском городище в нижнем слое зафиксировано, что мясо лошадей и крупного рогатого скота было основным продуктом питания, значительно меньшую роль имели овцы и свиньи (Петренко, 1971, с. 113).

Поселенческие памятники расположены на мысовидных выступах коренной террасы правого берега р. Белой (городища Курман-Тау (рис. 3: 2), Воскресенское (Табынск-2), Табынское I, Шиповское (рис. 3: 8), Охлебининское II, Охлебинино-3, Касьяновское, Кара-Абыз, Уфимское (Чертово) (рис. 3: 9). Толщина культурного слоя городищ составляет в среднем 0,5–1,5 м. Самым большим по площади является Охлебининское II городище. На городище Курман-Тау (рис. 3: 2) культурный слой зафиксирован за пределами вала. Вал и ров городища Курман-Тау, вероятнее всего, был сооружен не позднее IV в. до н. э. Большая часть городищ укреплена с напольной стороны одним валом и рвом, двойная систем укреплений присутствует на Уфимском (рис. 3: 9), Кара-Абызском и Биктимировском городищах. Но эти городища многослойные. Из однослойных памятников только Воскресенское городище укреплено несколькими валами и рвами. При сооружении валов использовали каменную обкладку или глину (Иванов, 1984, с. 63). На городище Акбердинское II (рис. 3: 7) зафиксирован эскарп – с напольной стороны к внешнему рву примыкает естественная вытянутая

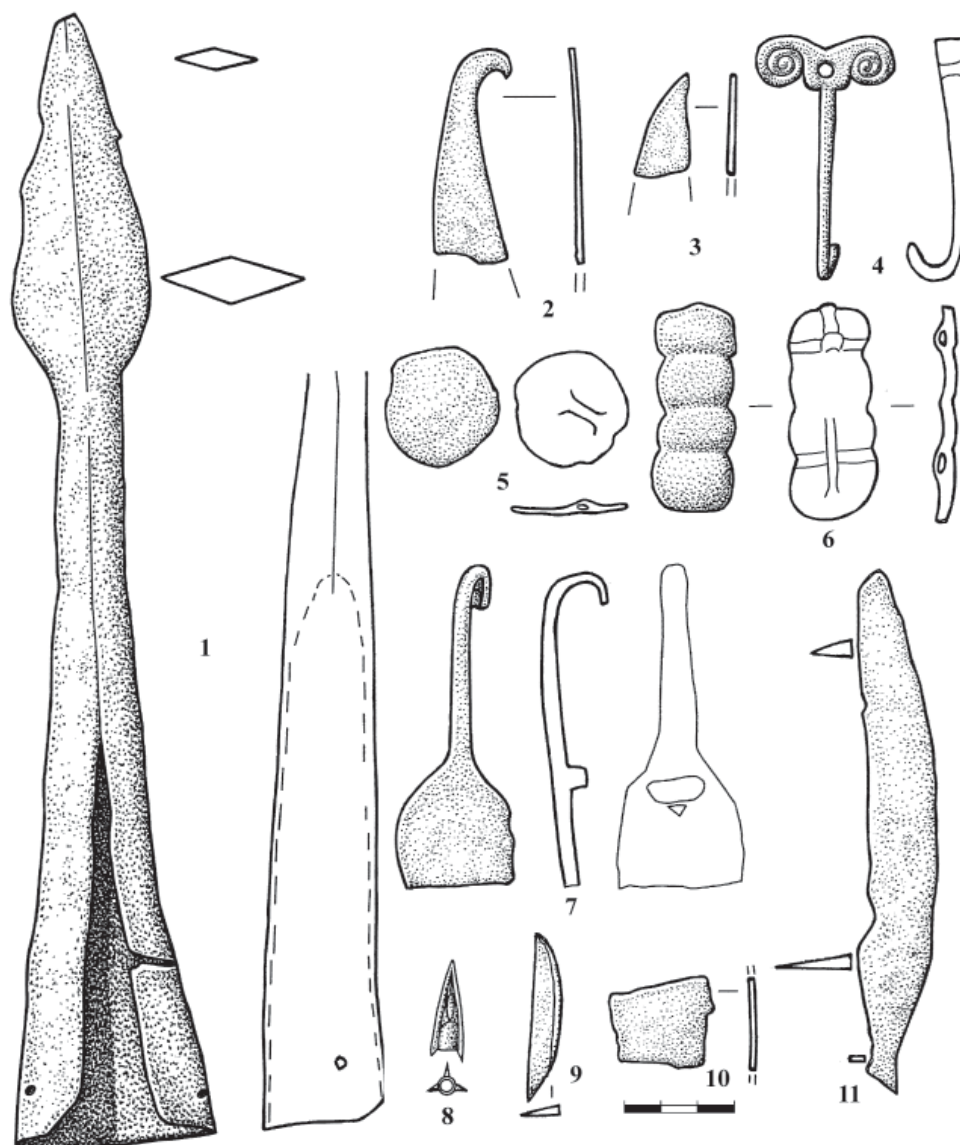

Рис. 5. Находки на металлургической площадке Курмантау-8/9 кара-абызской культуры IV–II вв. до н. э.

1 – наконечник копья; 2 – фрагмент серпа; 3 – фрагмент предмета неизвестного назначения; 4, 7 – поясные крючки; 5 – бляшка с ушком на обороте; 6 – накладка на пояс с двумя петлями на обороте; 8 – наконечник стрелы; 9, 11 – ножи; 10 – пластина. 1, 4, 7, 9–11 – железо, остальное – бронза. 2, 3, 5 – предметы позднего бронзового века, использовались в качестве металлолома

по оси мыса возвышенность, которая в древности было подрезана, в древности с северо-восточной стороны было эскарпировано. Вероятно, здесь находился проход на городище в период его существования, здесь же идет и современная тропа (Овсянников, Савельев, 2019, с. 201).

На городище Курман-Тау автором раздела в нижнем слое памятника зафиксирована яма, в которой найден фрагмент керамики с примесью талька (рис. 4: 26). Этот объект был законсервирован, поэтому относить его к жилищу не представляется возможным, но отсутствие в нем мусора и наличие стерильной прослойки над объектом дает возможность для отнесения его к землянке или полуземлянке, возникшей не позднее IV в.

до н. э. На Уфимском (Чертовом) городище зафиксировано два вала, относящихся к кара-абызскому этапу – внутренний и внешний (рис. 3: 9). Разрез вала показал, что насыпь состоит из чернозема и известняковых пород, зафиксированы следы обожженной глины, которой укрепляли вал в древности. На этом же памятнике Р.Б. Ахмеров зафиксировал жилище в виде землянки или полуземлянки с каменным очагом, также были обнаружены очаги от наземных жилищ (Ахмеров, 1959, с. 31, рис. 11). Но к сожалению, в полной мере относить эти данные к кара-абызской культуре не представляется возможным, так как городище многослойное, а Р.Б. Ахмеров не оставил рисунков стратиграфических разрезов. Впервые Черто-

Рис. 6. Реконструкция женских костюмов кара-абызской культуры IV–III вв. до н. э.

1 – костюмный комплекс (автор Е.Е. Нечвалода) (выражаю благодарность Е.Е. Нечвалода за предоставленную возможность использования данной реконструкции); 2–7 – головные уборы и шейно-нагрудные украшения (автор С.Л. Воробьева); 8–10 – костюмные комплексы (автор А.Х. Пшеничнюк)

во (Уфимское) городище упоминает П.С. Паллас, в 1866–67 гг. раскопки произвел Р.Г. Игнатьев, в 1894 г. – Ф.Д. Нефедов, в 1910–1912 гг. В.В. Гольмстен заложила на городище несколько контрольных траншей и сделала разрез вала, в 1973 г. Ю.А. Морозовым заложен раскоп площадью 190 кв. м, который выявил два внутренних небольших вала и полуземлянку с очагом в середине. Материалы раскопок Р.Г. Игнатьева, Ф.Д. Нефедова, В.В. Гольмстен хранятся в Го-

сударственном историческом музее (Москва), Ю.А. Морозова – в научных фондах Института этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева Уфимского научного центра РАН (ранее – МАЭ, г. Уфа). В коллекции В.В. Гольмстен имеются: обломок бронзового колчанного крючка с зооморфным орнаментом, костяные и бронзовые наконечники стрел, керамические пряслица.

Но о наземных жилищах (шалаши, балаганы и т. п.) кара-абызцев писал еще А.В. Шмидт

(Шмидт, 1929, с. 12). Несколько в стороне от жилища на городище Кара-Абыз были зафиксированы каменные очаги, видимо, от наземных жилищ. Все очаги однотипные – кольцо из крупных кусков камня диаметром 1–1,5 м с золой и углями внутри (Иванов, Обыденнов, 2001, с. 112). О вероятном местонахождении жилища на Охлебининском II городище указывал А.Х. Пшеничнюк (Пшеничнюк, 1973, с. 194). Крупные городища и селища, судя по насыщенности культурного слоя, были долговременными поселениями. Мелкие поселения и городища представляли собой сезонное или временное убежище (укрепленные городища), о чем говорят слабая насыщенность культурного слоя и небольшие площади.

Керамика этого этапа представлена следующими типами:

1 – классическая шнуровая керамика Прикамья: с примесью ракушки в глине, плотной фактурой и хорошо заглаженной поверхностью, часть имеет двойную примесь – раковины и песка, орнаментирована оттисками шнура, имитацией шнура в виде бессистемных насечек, иногда пояском ямок с «жемчужинами на обороте» (рис. 4: 5);

2 – собственно кара-абызская керамика: чашевидной формы, с ямочным орнаментом по шейке, фрагменты крупные, толстостенные, с примесью дресвы, песка и раковины в тесте, хорошего обжига;

3 – гафурийская керамика: утолщенная шейка, резной и желобчатый орнамент, примесь талька в тесте (рис. 4: 16–25, 27);

4 – смешанная кара-абызско-гафурийская керамика: колоколовидные или близкие к ним формы сосудов, вертикальная плавноутолщенная шейка, утолщенный орнамент с доминированием каннелюр, резных зигзагов, примесь раковины в тесте (рис. 4: 15).

На Охлебининском II городище встречен единственный фрагмент керамики воробьевского типа с примесью талька в тесте (рис. 4: 14).

Индивидуальные находки на поселенческих памятниках этого времени представлены фрагментами костяных орудий, керамическими пряслицами. Из раскопок Касьяновского городища Г.В. Юсупова происходит обломок меча с бабочковидным перекрестием. Мечи и кинжалы подобных типов типичны для савроматской культуры Южного Урала и датируются V–IV вв. до н. э. (Исмагилов, 2001, с. 146, 147, табл. XIII, кат. 140). К единичным находкам этого времени относятся топоры-кельты с территории дер. Шипово (с трапецевидной фаской и орнаментом в виде крестов, тип КАН-42 по С.В. Кузьминых), датируются VI–V вв. до н. э. (Кузьминых, 1983, с. 64). На Шиповском городище найдена руч-

ка гончарного сосуда (Савельев, 2010б, с. 301, рис. 2: 7).

К этому же времени относится часть бронзовых наконечников стрел: втульчатые трёхлопастные наконечники (3 из 10 наконечников из Касьяновского городища). Нижняя граница датировки таких наконечников – самый конец V в. до н. э. (Кузьминых, 1983, с. 109); втульчатые трёхлопастные наконечники: 11 наконечников длиной 22–37 мм с треугольным пером отнесены к типу С-40 по С.В. Кузьминых (соотв. типам IX по К.Ф. Смирнову и М.Г. Мошковой, некоторым вариантам типа 4 А.И. Мелюковой, типу 3Б Б.А. Литвинского). Ближайшие аналогии им – наконечники из п. 1 Биктимировского могильника, а также из погр. 4 кургана I Шиповского могильника. Появление их на реках Каме и Белой фиксируется с V–IV вв., массовое внедрение – на рубеже V–IV – III вв. Значительная доля меди еленовско-ушкатинской группы (ЕУ), выявленная в ходе технологического анализа серии таких наконечников, указывает на то, что «роль савроматов и ранних прохоровцев в их распространении бесспорна» (Кузьминых, 1983, с. 108, 109).

4 из 7 базисных наконечников длиной 44 мм с треугольным пером происходят из раскопок Уфимского (Чортова) городища и относятся к типу С-48 по С.В. Кузьминых (соотв. типам X и XI по К.Ф. Смирнову и М.Г. Мошковой, типу 5 А.И. Мелюковой, А/IX Н.Л. Членовой, 24 А.М. Кулемзина). На Чертовом городище таких 4 из 7 наконечников.

Могильники

I. К раннекара-абызскому этапу (V–IV вв. до н. э.) относятся могильник по ул. Трастовой в г. Уфе – «Разъезд «Правая Белая», погребение на Верхне-Аульной, могильник Таш-Елга, Старший Шиповский могильник (рис. 2: 3), могильник у х. Чандар на р. Уфе и одно известное на данный момент погребение Охлебининского могильника (рис. 1). Часть исследователей такие некрополи, как «Правая Белая», Таш-Елга, датируют в пределах VI–V вв. до н. э. (Белавин, Иванов, Крыласова, 2009, с. 55; Иванов, Заикина, Проценко, 2018, с. 58). В противовес им В.В. Овсянников пишет о том, что небольшое количество погребений и их довольно редкое расположение говорят о непродолжительности существования этих могильников и, следовательно, о невозможности «растягивать» их на два столетия. Учитывая, что наследующие им собственно кара-абызские некрополи начинают функционировать не раньше IV в. до н. э., было бы логичным предположить использование этих древних кладбищ преимущественно в V в. до н. э., а возможно, и на рубеже V–IV вв. до н. э. (Овсянников, 2014б, с. 309).

Подтверждает эту точку зрения и наличие бронзовых наконечников стрел в данных погребениях, которые встречаются в комплексах IV–III вв. до н. э.

Могильник «Правая Белая» находится у подножья Уфимского полуострова, на луговой возвышенности. В 1950 г. Р.Б. Ахмеровым было раскопано два мужских погребения. Умершие были похоронены вытянуто на спине, ориентированы головой на северо-восток, ноги обращены к реке, в засыпке могилы встречены угли и сажа. Из могильника происходят бронзовые кельты, костяные и бронзовые наконечники стрел, бронзовая бляшка, бронзовый нож, фрагменты сосуда (Археологическая..., 1976, с. 122, № 999; Ахмеров, 1952, с. 25–29). Весь инвентарь укладывается в хронологический диапазон V–IV вв. до н. э.

В 1970 г. на территории города Уфы по ул. Верхнеаульной было обнаружено погребение с северной ориентировкой, с железным двулезвийным коротким мечом с коротким навершием и плоской ручкой, бронзовые наконечники стрел со скрытой втулкой и колесовидный амулет (Археологическая..., 1976, с. 123, № 1007; Исмагилов, 2001, с. 119, 135, табл. II: 18, 18а, 18б). Погребение датируется V–IV вв. до н. э.

К этому же периоду относится самое раннее погребение на участке Б Охлебининского могильника в Иглинском районе (погр. 4/1-651). Костяк лежал на спине, вытянуто, головой на север – северо-запад. Юго-восточная стенка погребальной камеры частично обложена камнями. В комплексе найдены бронзовый кельт и два бронзовых наконечника стрел. Кельт представлен экземпляром с трапециевидной фаской, орнаментирован пояском из двух выпуклых линий (тип КАН-28 по С.В. Кузьминых), датируется VI–V вв. до н. э. (Кузьминых, 1983, с. 63). Кельты подобного типа встречены в могильниках по улице Трактовой (Уфа), Таш-Елга и Старший Шиповский (Пшеничнюк, 1973, рис. 29: 2–5; 1983б, с. 99, рис. 4: 15; Археологическая..., 1976, с. 244, табл. 8: 14). Два бронзовых наконечника стрел с внутренней (тип XIII по К. Ф. Смирнову) и внешней (тип IXa по К. Ф. Смирнову) втулками датируются V–IV вв. до н. э. (Смирнов, 1961, табл. II). Данное погребение датируется в рамках V–IV вв. до н. э., но не позднее IV в. до н. э. Известняковые плиты, уложенные в могиле, зафиксированы также в могильниках Уфимский, Зуевский и Уяндык-I (Овсянников и др., 2003, с. 20, 27).

Самый большой по численности изученных погребений (17), к этому времени относится могильник Таш-Елга, расположенный в Янаульском районе РБ, на правом берегу р. Буй, у подножья мыса (Археологическая..., 1976, с. 98, № 709;

Иванов, Заикина, Проценко, 2018). Погребенные лежали вытянуто на спине, ногами к реке. При костяках найдены бронзовые кельты, наконечники копий, глиняные сосуды, бронзовые наконечники стрел, бронзовая гривна, поясные бронзовые накладки, трапециевидная подвеска, кости лошади. Погребения датируются V–IV вв. до н. э.

В Нуримановском районе РБ рядом с городищем Бахмутинской культуры у хутора Чандар были найдены остатки могильника V–IV вв. до н. э. (Археологическая..., 1976, с. 130, № 1072). В фондах НМ РБ сохранились находки из этого могильника – крупные бронзовые бляхи с ушками на обороте (НМ РБ, ОФ 293-294). Старший Шиповский могильник, исследованный А.Х. Пшеничнюком, также датируется этим временем. Три погребения были ориентированы вдоль берега, головой на юго-восток, в заполнении присутствуют следы огня и угольки. В могилах найдены сосуды, бронзовый кельт, бронзовые трехлопастные наконечники стрел с выступающей втулкой, различные бляхи и накладки – украшения костюма (Пшеничнюк, 1983в). Среди бронзовых изделий выделяется восьмерковидная накладка (Пшеничнюк, 1983в, рис. 47: 8), датируемая VI–V вв. до н. э. В одном из погребений найден типично курмантаусский сосуд с обедненной орнаментацией (Пшеничнюк, 1983в, с. 103, 104, рис. 3: 7) Массивное цельнолитое изделие размером 5×2,5 см с одним прямоугольным ушком на обороте украшено S-видным орнаментом. Накладки с закрученными S-видными спиралями с одним ушком на обороте появляются в ананьинской культуре (Патрушев, 1984, с. 173, табл. 36: 1г), а одно изделие найдено на горе Курмантау (Пшеничнюк, 1983в, рис. 47: 7). Такие же изделия без орнамента найдены в могильнике Березки-5г IV–III вв. до н. э. (Таиров, 2000, с. 78, рис. 17: 42) и в Приобье (Могильников, 1997, с. 178, рис. 48: 20). Кроме того, найдена прямоугольная цельнолитая гофрированная накладка-обойма (Пшеничнюк, 1983в, с. 99, рис. 4: 4). Обоймы подобного типа широко встречаются в поясах сакского времени (Таиров, 2007, рис. 38: 2). Аналогичные обоймы-накладки часто фиксируются в костюме ананьинской культуры (Худяков, 1933, табл. VII: 26а, 28б; Патрушев, 1984, с. 53, рис. 27: 2).

Для погребений раннекара-абызского этапа характерны ориентировка головой на юго-восток (Старший Шиповский могильник) или север, северо-запад (Таш-Елга, Охлебининский, «Правая Белая» могильники, погребение по ул. Верхнеаульной), ногами к реке, с засыпкой углей и камней в могильно яме. Погребальная посуда представлена круглодонными маленькими сосудами, орнаментированными пояском ямок по шейке (рис. 4:

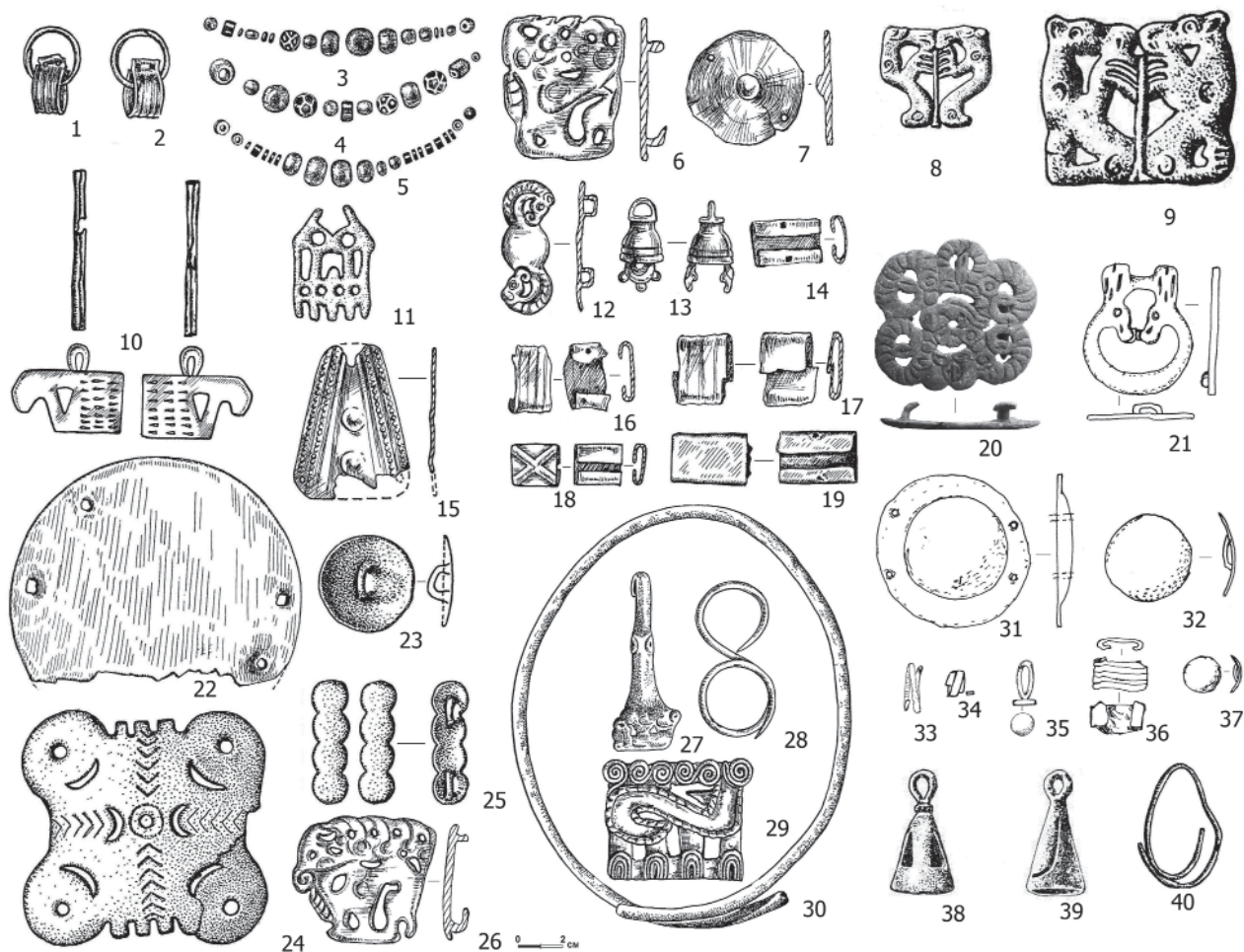

Рис. 7. Инвентарь женских погребений кара-абызской культуры IV–II вв. до н. э.

1–7, 10–19, 22–30 – Охлебининский могильник; 8, 9 – Уфимский могильник; 20–37 – Кара-Абыз-2 могильник; 38–40 – Шиповский курганный могильник.

1, 2, 28, 33–35 – височные подвески; 3–5 – бусы; 6–9, 12, 20, 22–27, 29, 31, 32 – поясные накладки и пряжки; 14, 16–19, 36, 37 – бляшки и обоймы; 10, 11, 13, 15, 21, 38, 39 – подвески; 30 – гривна; 4 – браслет. 1, 2, 33 – бронза и золото, 3–5 – камень и стекло, остальное – бронза

4). А.Х. Пшеничнюк обращал внимание на то, что данный тип посуды имеет ряд общих черт с керамикой культуры курмантау (Пшеничнюк, 1983в, с. 104), что также подтверждается и на поселенческом материале (селище Воронки). Инвентарь (керамика, оружие и элементы убранства костюма) находят прямые аналогии в Зуевском (Зуевско-ключевском I) могильнике Нижнего Прикамья, датированном концом VI–IV вв. до н. э. (Голдина, Черных, 2011, с. 87) и Старшем Ахмыловском могильнике (Патрушев, 1984). Материалы Старшего Шиповского могильника подтверждают наличие иткульского и раннесакского тасмолинского компонентов в ранних материалах кара-абызской культуры (Овсянников и др., 2007, с. 80).

II. К погребальным памятникам IV–III вв. до н. э. относится курганная часть Шиповского могильника (рис. 2: 4–13), грунтовые Ново-Уфимский (Галановский), Охлебининский, Уфимский могильники (рис. 2: 1), Нагев-

ские и Акбердинские курганы. К памятникам III–II вв. до н. э. относятся курганная часть Шиповского могильника, Биктимировский (рис. 2: 15–17), Кара-Абыз-2 (рис. 2: 2), Ново-Уфимский (Галановский), Охлебининский могильники (рис. 2: 7–14).

Акбердинские курганы расположены в Иглинском районе РБ, на ровной площадке коренной террасы правого берега р. Белой. Памятник открыт в 1990 г., в 2005 г. В.В. Овсянниковым (экспедиция ИИЯЛ) были раскопаны 2 кургана, в 2009 г. Н.С. Савельевым (экспедиция ИЭИ УНЦ РАН) также раскопаны 2 кургана. К сожалению, раскопанные курганы были ограблены еще в древности и при раскопках не найдены элементы убранства костюма. Из земляных насыпей с одним центральным погребением происходит фрагмент сосуда гафурийского типа (лепной горшок с прямым горлом и слабопрофилированным плечом, при переходе от плеча к горлу имелся уступчик, ниже

уступчика – орнамент из насечек, сгруппированных в «вертикальные елочки» (Пшеничнюк, Овсянников, 2007, с. 35, рис. 8: 5.). Памятник датирован III в. до н. э. – I в. н. э.

Нагаевские курганы расположены между деревнями Нагаево Уфимского и Акбердино Иглинского районов РБ, на высоком залесенном мысу коренной террасы правого берега р. Белой (Овсянников, 1995). Могильник найден и раскопан в 1990 г. В.В. Овсянниковым. Всего раскопано пять курганов. Памятник датирован IV–III вв. до н. э.

Шиповский курганный и грунтовый могильники расположены в Иглинском районе РБ, на возвышенном участке коренной террасы правого берега р. Белой (Пшеничнюк, Овсянников, 2007, с. 17). Памятник открыт в 1966 г. А.П. Шокуровым и в 1967, 1969, 1972 гг. исследовался А.Х. Пшеничнюком, в 1989 г. И.М. Акбулатовым, в 1990–1991 гг. В.Н. Васильевым, в 1993–1994, 2006–2008 гг. В.В. Овсянниковым. Материалы хранятся в Национальном музее РБ и музее Археологии и этнографии (г. Уфа). Памятник датирован IV вв. до н. э. – IV в. н. э.

К IV–III вв. до н. э. относится I группа курганов, полностью раскопанная А.Х. Пшеничнюком. Всего исследовано 9 курганов и 34 погребения. Все курганы группы имели земляные насыпи. В среднем под насыпями выявлено по 4–7 погребений. Погребения под одной насыпью имели различную ориентировку. Могилы вытянуто-овальной формы, более половины из них врезано в материк (на глубину 0,1–0,9 м). Остальные совершены в черноземе. Все могилы кроме одной – индивидуальные. Умершие лежат вытянуто, на спине. В полах курганов встречаются отдельные вещи: предметы конской узды и украшения. В мужских погребениях, как правило, встречается оружие (рис. 8: 30, 32–34, 39, 42, 43, 45); в женских – украшения и предметы быта (рис. 7: 38–40). Курганы этой группы на основании вооружения, конского снаряжения и украшений датируются серединой – второй половиной IV в. до н. э. – первой половиной – серединой III в. до н. э. (Пшеничнюк, 1976; Овсянников др., 2007; Пшеничнюк, Овсянников, 2007, с. 17; Овсянников и др., 2007, с. 81). В культурном отношении наиболее близкими к ним памятниками являются Филипповский могильник и Переволочан (Овсянников и др., 2007, с. 81).

Охлебининский грунтовый могильник расположен в 4,5 км к северо-востоку от села Охлебинино Иглинского района РБ, на высоком (около 100 м) правом берегу р. Белой, в устье левого притока – р. Сим. Он тянется вдоль берега на протяжении 800 м и уходит в глубину террасы на 50–100 м (Пшеничнюк, Овсянников, 2007,

с. 23). Могильник открыт в 1911 г. В.В. Гольмстен и Ф. Эдинггом, исследовался в 1963–1964 гг. Г.И. Матвеевой, а раскопки проводились в 1965, 1980–1982 гг. под руководством А.Х. Пшеничнюка, в 2009 г. В.В. Овсянникова. Всего было выявлено 635 погребений, из них в 485 найдены элементы убранства костюма. Все погребения относятся к кара-абызской археологической культуре и датируются IV–III вв. до н. э. – II–III вв. н. э. Материалы хранятся в Национальном музее РБ и музее Археологии и этнографии (г. Уфа).

К IV–II вв. до н. э. относятся 33 погребения (4% от общего количества раскопанных комплексов). Из них воинский набор (оружие) найден в 16 комплексах Охлебининского могильника начала III – середины II вв. до н. э., которые расположены равномерно по всему участку Б могильника (раскопы I–VII 1980–82 гг.) (рис. 2: 7–14). Погребенные уложены головой на север с незначительными отклонениями к западу и востоку (11 погребений), на юг с отклонениями к западу и востоку (два погребения) и на запад с отклонениями к югу и северу (одно погребение). В могилах встречаются кости животных (пять погребений). Инвентарь представлен бронзовыми трехгранными наконечниками стрел с выступающей и внутренней втулкой (20 погребений), мечом и кинжалом с серповидным навершием и брусковидным перекрестием, мечом с кольцевым навершием, железными пряжками с неподвижным язычком, ножами, орнаментированными сосудами с примесью талька и песка в тесте, железными удилами (рис. 8: 1–29, 35–37, 46–47). В одном из погребений найдена глиняная курильница (п. 92/I-80-82). В двух погребениях с бронзовыми наконечниками стрел в колчанном наборе были костяные, а в одном – железные черешковые стрелы.

Наиболее информативными для определения хронологии являются перекрестные погребения. Так, комплекс 23/I-80-82 расположен под погребением 24/I-80-82 с набором инвентаря (поясная дисковидная бляха, височные подвески в виде знака вопроса, стилизованные накладки с изображением голов грифонов), датируемым не ранее конца II в. до н. э. Интерес представляют две пары погребений, в каждом из которых имеются бронзовые наконечники стрел: 391/VII-80-82 над 401/VII-80-82 и 407/VII-80-82 под 424/VII-80-82. В более раннем (по стратиграфии) комплексе 401/VII-80-82 найдены железные удила с двудырчатыми псалиями, железная пластинчатая пряжка, костяная пластинчатая пряжка, железный наконечник копья, железный однолезвийный нож-кинжал, 15 бронзовых трехлопастных наконечников стрел и костяная пряжка. Аналогичная пластинчатая пряжка найдена на Среднем Енисее в могильнике

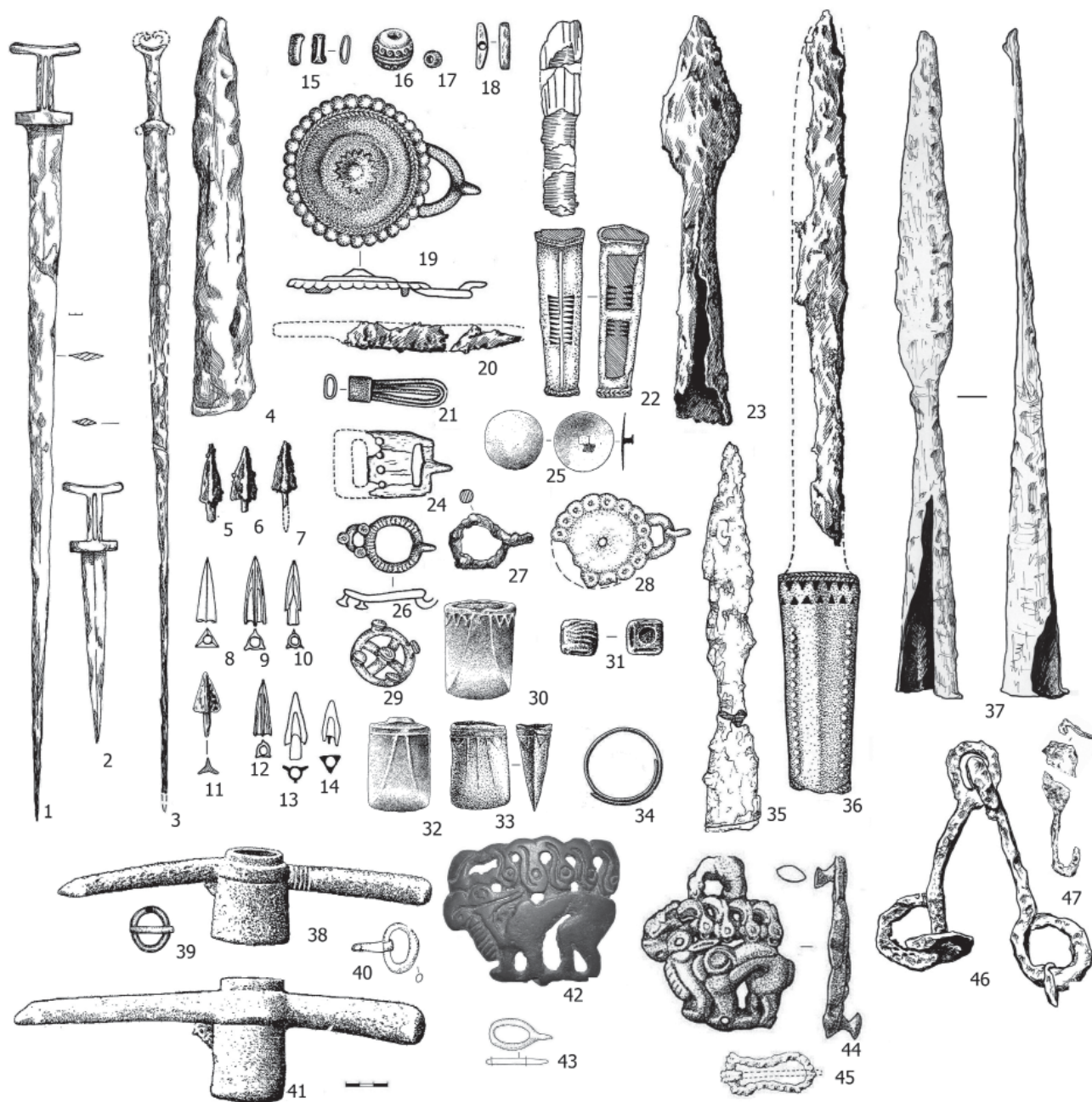

Рис. 8. Инвентарь мужских погребений кара-абызской культуры IV–II вв. до н. э. и АКЮ

1–29, 35–37, 46, 47 – Охлебининский могильник; 30, 32, 34, 39, 43, 45 – Шиповский курганный и грунтовый могильники; 31 – Старший Шиповский могильник; 33 – могильник по ул. Трактовой; 43 – находки в насыпи Шиповского курганного могильника; 42 – Шиповский могильник, случайные находки; 38 – Ново-Уфимский могильник; 41 – городище Кара-Абыз; 44 – гора Курмантау.

1, 3 – мечи; 2 – кинжал; 4, 22, 35, 37 – наконечники копий; 15 – обойма; 16, 17 – бусы; 18 – поясная накладка; 19, 24, 27, 28, 39, 40, 42, 43, 45 – поясные пряжки; 20 – нож; 21 – наконечник ремня; 30–33, 38, 41 – топоры; 26, 29 – обувные пряжки; 6–14 – наконечники стрел; 22, 36 – боевой нож в ножнах; 25 – сбруйная бляшка; 31 – распределитель ремня; 44 – сбруйная бляха; 46 – удила; 47 – колчанный крючок (по: Овсянников, Яминов, 2003, Пшеничнюк, 1968, Овсянников, 2014б, Савельев, 2014а, Воробьева).

16, 17 – стекло; 7, 18, 24 – кость; 22, 36 – железо и бронза; 5–7, 11, 20, 27, 35, 37, 38, 41, 45–47 – железо; остальное – бронза.

II в. до н. э. – I в. н. э. (Пшеницына, 1992, с. 444, табл. 94: 58). Железные удила с двудырчатыми псалями датируются в пределах IV–III вв. до н. э. (Мошкова, 1963, табл. 21). Бронзовые наконечники стрел с внутренней втулкой относятся к одному

типу XII по К. Ф. Смирнову и датируются III в. до н. э. (Смирнов, 1961, табл. III: 55). Из погребения 391/VII-80-82 происходят железные удила с костяными псалями, бронзовый трехлопастной наконечник стрелы и костяной черешковый

наконечник стрелы. Бронзовый наконечник стрелы с внутренней втулкой относится к типу XI по К.Ф. Смирнову и датируется III в. до н. э. (Смирнов, 1961, табл. III: 54). В целом погребение датируется III вв. до н. э. Костяные наконечники стрел в кара-абызских погребениях получают свое широкое распространение не ранее II–I вв. до н. э. Поэтому погребение 391/VII-80-82 относится к следующей хронологической группе, по А.Х. Пшеничнюку, – II в. до н. э. – II в. н. э.

В комплексе 407/VII-80-82 лежали обломки железного ножа, 13 бронзовых трехлопастных наконечников стрел с внутренней втулкой, бронзовая обоймочка и обломки железной кольцевой пряжки; фрагменты глиняного горшка с примесью талька в тесте и резным орнаментом по плечикам. В более позднем (по стратиграфии) погребении 424/VII-80-82 найдены глиняный горшок с примесью талька в тесте и резным орнаментом, обломки железной пряжки, 19 бронзовых трехлопастных наконечников стрел с внутренней и выступающей втулкой. Бронзовые наконечники стрел относятся к типам IXв и XII и датируются III в. до н. э. (Смирнов, 1961, табл. III: 13, 55).

Схожесть инвентаря, ориентировка погребенных, с одной стороны, и расположение их друг над другом – с другой, говорят о том, что в этих погребениях нельзя выделять разные хронологические периоды, они могли быть совершены с разницей в один год или несколько лет.

Бронзовые наконечники стрел (всего 247 экз.; типы VIA VIB по М.Г. Мошковой и типы IX, XII, XIII по К.Ф. Смирнову) в целом типичны для сарматских погребений III в. до н. э. (Смирнов, 1961, с. 69, 70, табл. V; Мошкова, 1963, с. 82; Скрипкин, 1990, рис. 23) (рис. 8: 8–10, 12–14), железные же черешковые наконечники стрел получают свое распространение в III–II вв. до н. э. (Скрипкин, 1990, с. 139; Иванов, 1984, с. 10) (рис. 8: 5–7, 11). Характерно сочетание разных типов бронзовых наконечников в одном колчанном наборе, которые по хронологии К.Ф. Смирнова датируются преимущественно III в. до н. э. (Смирнов, 1961, табл. II). Вероятнее всего, бронзовые наконечники стрел носители кара-абызской культуры активно использовали с начала III в. до н. э. до середины II в. до н. э. Меч и кинжал с серповидным навершием, как и меч с кольцевым навершием, датируются III–II вв. до н. э. (Смирнов, 1961, с. 30, 31, рис. 7; Мошкова, 1963, табл. 18, 19; Пшеничнюк, 1993, с. 38).

В четырех погребениях с воинским набором найдены сосуды гафурийского типа: крупные горшки с примесью талька в тесте и богатым орнаментом из резных линий и подтреугольных вдавлений. Подобная посуда встречается в комплексах

III–II вв. до н. э. в могильниках Старые Киишки и Бишунгарово и широко распространена в грунтовой части Шиповского могильника (Овсянников, 2014а, с. 173, 174) (рис. 4: 1, 2). Глиняная курильница рюмкообразной формы из погребения 92/I-80-82 относится к типу I по М.Г. Мошковой и датируется IV–III вв. до н. э. (Мошкова, 1963, табл. 11: 3). Подобный тип курильниц встречается в Старокиишкинском могильнике (Овсянников, 2014а, рис. 5: 3). В целом все комплексы группы II не выходят в хронологическом отношении за рамки начала III – середины II вв. до н. э.

В другой группе погребений IV–II вв. до н. э. Охлебининского могильника выделяется девять погребений со следующим набором инвентаря: гривны из толстого дрота, закрученного в полтора оборота, височные восьмерковидные подвески, поясные бронзовые крючки с зооморфным изображением оленей, колоколовидные и котловидные подвески, бронзовые и железные браслеты, височные подвески из круглого дрота в полтора оборота (рис. 7: 27–30). Комплексы происходят из Охлебининского и Уфимского могильника (рис. 7: 6, 8, 9). На Охлебининском могильнике большинство комплексов происходят с одного мыса. Погребенные уложены вытянуто на спине, головой на север с незначительными отклонениями на запад (четыре погребения) и головой на запад (два погребения). Примечательно, что все погребения с гривнами ориентированы на север с незначительными отклонениями на запад. Один комплекс с западной ориентировкой костяка принадлежал ребенку и отличался наличием так называемого «портупейного набора» – двух кожаных ремней, украшенных обоймами, которые спускались от плеч к поясу. В одной из могил встречены кости животных, в другой вокруг костяка были уложены крупные известняковые плиты.

Гривны, закрученные в полтора оборота (рис. 7: 30), широко распространены в сарматских и сарматских комплексах Нижнего Поволжья, Подонья и Южного Урала, где они встречаются в погребениях IV–III вв. до н. э. (Максименко, 1983, с. 94; Смирнов, 1984, с. 46, рис. 54, 55; Мошкова, 1963, с. 43; Пшеничнюк, 1983, с. 164, 182, 184, рис. 3: 5, 22; Клепиков, 2002, с. 90; Лылова, 2001, с. 133, 134). IV в. до н. э. датируются колоколовидные и котловидные подвески (Воробьева, 2011г), бронзовые пластинчатые браслеты (Гуцалов, 2004, табл. 28: 2, рис. 68; Таиров, 2004, с. 17, рис. 8: 27; Воробьева, 2011в), железные браслеты (Клепиков, 1998, с. 29–32; Воробьева, 2011в, с. 7), височные подвески, закрученные в полтора оборота (Мошкова, 1963, с. 44; Воробьева, 2013, с. 101), бронзовые мелкие полусферические бляш-

ки с двумя или четырьмя отверстиями по краям (Акишев, 1978, с. 98, рис. 16; Корякова, 1988, с. 73; Киселев, 1951, табл. XXXVI: 4; Мартынов, 1979, с. 168, табл. 20: 3; Мамонтов, 2000, рис. 1: 27; Яблонский, 2010, с. 214), височные восьмерковидные подвески (рис. 7: 28) (Воробьева, 2010а; 2013; Красноперов, 2014, с. 333), височные подвески с изображением голов грифонов (Воробьева, 2014б, с. 59).

В этих же комплексах найдены бронзовые поясные крючки с зооморфным орнаментом (рис. 7: 27), поясные пряжки и накладки со стилизованным изображением оленей (рис. 7: 29). В.В. Овсянниковым пряжки с изображением оленей отнесены к первой стилистической группе. Их появление в кара-абызской культуре исследователь связывает с влиянием южно-сибирского (тагарского) искусства скифо-сибирского звериного стиля (Овсянников, 2006а, с. 171, 172). Анализ сюжета стоящего/идущего оленя в искусстве савроматской и кара-абызской культур посвящена работа А.Р. Канторовича, который связывает их появление в Южном Приуралье с влиянием кочевников Подонья, Поднепровья и Прикубанья (Канторович, 2009, с. 252). Н.С. Савельев же считает прототипом кара-абызских образов многочисленные изображения и фигуры стоящих оленей, происходящих из Филипповских курганов на Южном Урале и уходящих своими истоками на восток евразийской степи (Савельев, 2008а, с. 72). В.В. Овсянников и А.Ф. Яминов считают, что эти предметы были изготовлены где-то за Уралом и попали в Прибелье в готовом виде в составе поясных наборов (Овсянников, Яминов, 2003, с. 24). Данное предположение не подтверждается наличием фрагмента подобной бляхи в металлургическом комплексе Курмантау.

В целом анализ поясных пряжек и накладок с изображением стоящего оленя показывает, что в costume населения кара-абызской культуры они появились в IV в. до н. э. и существовали относительно недолго (в IV–III вв. до н. э.). Быстрая стилизация изделий, о чем говорит наличие разнотипных блях в одном погребении, скорее всего, связана с тем, что образ стоящего оленя был чужд кара-абызскому населению и привнесен лишь в единичных экземплярах в качестве импорта.

Прототипом образа стоящего оленя на пряжках кара-абызской культуры, вероятнее всего, являются, как утверждает Н.С. Савельев (Савельев, 2008а), образы стоящих оленей, происходящие из кургана Филипповский 1 (Пшеничнюк, 2006, с. 30, рис. 9: 7) и уходящие своими истоками на восток евразийской степи (Савельев, 2008а, с. 72). Использование же подобных пряжек в поясном наборе имеет аналогии в курганах Иссык (Ка-

захстан) и Почта-3 (Саяно-Алтай), где на поясах погребенных лежали золотые накладки со штампованным изображением оленей с подогнутыми ногами (Акишев, 1978, с. 100, рис. 19).

Пять погребений этой группы отличает наличие богато украшенного поясного набора из пряжек с зооморфным орнаментом и дисковидных блях и накладок в виде голов грифонов, портупейного набора с различными привесками, височных подвесок с цилиндрическим блоком, «молоточков» и галек, бус, обойм, подвесок в виде скифского котла, орнаментированных сосудов с примесью талька в тесте, трапециевидных подвесок, височных золотых подвесок с цилиндрическим блоком, бронзовых височных подвесок в полтора оборота, покрытых золотой фольгой, удила, пряслиц (рис. 7: 1–7, 12–19). Все погребения связаны с женским набором инвентаря и расположены преимущественно, как и комплексы группы II, на участке Б могильника. Погребенные уложены вытянуто на спине, головой на север с незначительным отклонением к западу. В двух комплексах встречены кости животных.

Височные подвески с цилиндрическим блоком наиболее близки подвескам из погребения 1 кургана 4 Прохоровского могильника, датируемого IV–III вв. до н. э. (Яблонский, 2010; Лылова, 2001, с. 242, рис. 3: 6; Воробьева, 2014а, с. 99). Подвески в полтора оборота, обложенные золотом, были широко распространены в среде носителей прохоровской культуры (Смирнов, 1984, табл. 25: 14; Мошкова, 1963, табл. 29: 7, 13, 15; Савельев, 2007, с. 85).

Зооморфные пряжки со сценами терзания (рис. 7: 20, 26) представляют собой изделия с многофигурной композицией, сильная стилизация которой вместе с отсутствием точных аналогий способствует неоднозначному прочтению изображения. В.В. Овсянников считает, что в центре композиции представлено свернувшееся животное (травоядное), окруженное с четырех сторон хищными птицами (грифонами) (Овсянников, 2006а, с. 176). Н.С. Савельев же в качестве аналогий кара-абызским пряжкам приводит золотую обкладку сосуда из кургана 1 Филипповского могильника с изображением сцены терзания оленя кошачьим хищником (Савельев, 2010, с. 316).

Близкие по композиции прямоугольным пряжкам поясные пластины с треугольными отверстиями происходят из Минусинской котловины (Дэвлет, 1980, с. 15, рис. 6: 3, 4), где они датируются II в. до н. э. – I в. н. э., а также с территории Ордоса (The Collection ..., 2004, p. 181, 264–268) и Забайкалья (Могильников, 1992, табл. 113: 11). Первоначально на таких пластинах изображали

змей с зигзагоизвивающимся туловищем. Но постепенно изображение становится менее четким и «превращается» в геометрические фигуры (треугольники, круги). Подобный стиль фиксируется также на предметах кулайского бронзового литья (Овсянников, Яминов, 2007, с. 70).

Дискуссионным вопросом является появление в кара-абызском костюме нагрудных украшений, получивших название «портупей» (Пшеничнюк, 1973, с. 183). Они состоят из широких ремней с круглыми бляшками и обоймами (гофрированными и с вырезом на обороте). На костяке фиксируются идущими от плеч к поясу. Существует мнение, что эти украшения были накосниками (Красноперов, 2010, с. 127). Личное участие автора статьи в расчистке погребений с «портупейми» не дает основания для причисления всех «портупей» к накосникам (Воробьева, 2012б). Аналоги данного типа нагрудных украшений имеются в костюме калмезских женщин XIX – начала XX в. (Атаманов-Эграпи, 2010, с. 149, рис. 3; 4).

Появление поясного набора именно в женском костюме – вопрос достаточно сложный и не имеющий однозначного решения (Воробьева, 2010б; 2010в; 2012а) (рис. 6: 1, 8–10). С одной стороны, схема расположения предметов повторяет женский головной ананьинский набор: в центре круглая бляха с четырьмя отверстиями, от которой в разные стороны отходят накладки. При этом в одном из погребений Охлебнинского могильника дисковидная бляха типа А.1 была с четырьмя отверстиями, а в другом погребении на поясном наборе найдены две бляшки, аналогичные ананьинским. Из Старшего Ахмыловского могильника происходит мужской пояс с ромбовидными накладками (Патрушев, 1984, с. 53, рис. 27: 3), которые впервые появляются в ананьинской среде, первоначально на головном уборе. С другой стороны, традиция украшения поясов бляхами типа зеркал с двумя отверстиями берет свое начало в лесостепной тагарской культуре, где погребения с изделиями датированы III в. до н. э. (Мартынов, 1979, с. 106, табл. 17). Сами поясные накладки с грифонами (рис. 7: 12) также имеют восточное происхождение, как и традиция укладывания поясов вдоль костяка: в Дэрестуйском могильнике именно в женских погребениях пояса найдены уложенными вдоль ног. Один из таких поясов состоял из двух крупных умбоновидных блях и мелких обойм (Давыдова, Миняев 1993, рис. 2). Из Казахстана происходит пояс с зооморфными накладками (Акишев, 1978, с. 101, 102, рис. 21), а в Туве пояса с двух- и четырехголовыми грифонами были популярны в эпоху раннего железа (Добжанский, 1990, с. 22). Вероятнее всего, поясной набор сформировался как на местной, ана-

ньинской основе, так и под влиянием пришлого компонента.

В погребениях данной группы присутствует комплекс, имеющий восточное происхождение (пряжки со сценами терзания и треугольниками, различные накладки и подвески в зверином стиле, поясной набор, состоящий из дисковидных блях и накладок в виде голов грифонов). Ранее предлагалось объединить их в «восточный импульс/вектор/компонент» в кара-абызской культуре (Воробьева, 2011а; 2012а). На Южном Урале на данный момент известны только отголоски этого импульса, проявляющиеся в памятниках круга Филипповских курганов, в то время как истоки самого звериного стиля уходят корнями на Восток (Королькова, 2006, с. 45; Савельев, 2007, с. 134).

Таким образом, в погребениях группы, с одной стороны, прослеживается связь с комплексами группы с гривнами, височными восьмерковидными подвесками и поясной гарнитурой (наличие однотипных вещей – трапециевидных и котловидных подвесок, «портупей»), с другой стороны, в комплексах с поясами, украшенными грифонами и поясными бляхами, появляется определенный набор инвентаря, имеющий восточное происхождение. В погребальном обряде также происходят изменения – отсутствуют каменные обкладки известняком, появляется поясной набор, состоящий из дисковидных блях и накладок в виде голов грифонов. Комплексы этих групп объединяет наличие орнаментированных сосудов с примесью талька в тесте, расположение на одном участке могильника, отсутствие каменных выкладок, датирование III–II вв. до н. э. Ранее они делились А.Х. Пшеничнюком на два хронологических периода: IV–III и III–II вв. до н. э., но автором раздела они объединены в один хронологический период, где одни погребения – мужские (с гривнами), а другие – женские (с поясным набором из накладок в виде голов грифонов и поясных дисковидных блях) (Воробьева, 2015а, с. 218).

Самым ранним по времени изучения является Уфимский грунтовый могильник, расположенный на правом берегу р. Уфы, на территории санатория «Зеленая роща» (г. Уфа). Могильник примыкает к валам Уфимского (Чортова) городища (рис. 3: 9). Памятник исследовался в 1911–12 гг. В.В. Гольмстен и в 1973 г. Ю.А. Морозовым (1 захоронение). Результаты раскопок В.В. Гольмстен были опубликованы как ей самой, так и в более полном виде В.В. Овсянниковым и А.Ф. Яминовым в уже упоминавшихся ранее работах (Гольмстен, 1910–1912; 1913; Овсянников, Яминов, 2003). В 2003 г. В.В. Овсянников и А.Ф. Яминов опубликовали результаты раскопок Уфимского могильника, проводившихся В.В. Гольмстен в 1911–

12 гг., с подробным описанием инвентаря. Авторы сравнили материалы погребальных комплексов с материалами самого позднего ананьинского (Зуевский), самого раннего пьяноборского (Уяндьский I) и кара-абызского (Биктимировский I) могильников. Они выяснили, что погребальный обряд и инвентарь Уфимского могильника более близок обряду, прослеживаемому в памятниках пьяноборской и кара-абызской культур, и отнесли его к начальной стадии кара-абызской культуры (Овсянников, Яминов, 2003). Материалы раскопок хранятся в Национальном музее РБ и в Государственном историческом музее (Москва). К сожалению, многие предметы не сохранились и были списаны. Всего раскопано 28 погребений (5 мужских, 4 женских, 1 подросток, 2 ребенка). В.В. Овсянниковым и А.Ф. Яминовым были выделены четыре родовых участка на территории могильника. Они датировали могильник IV–III вв. до н. э.

В 1950–1970 гг. во время застройки Уфы в юго-западной части города на возвышенном месте, близ правого берега р. Белой, в кварталах между улицами Карла Маркса, Фрунзе и Аксакова раскапывались погребения кара-абызской культуры. Могильник был назван Ново-Уфимским грунтовым. В 1952–1956 гг. раскопки проводились под руководством Р.Б. Ахмерова – исследовано 23 погребения (Ахмеров, 1959), в 1960 г. под руководством Н.А. Мажитова – выделяется только одно погребение, в 1968–1971 гг. под руководством В.С. Горбунова, М.Ф. Обыденнова, В.К. Калинина – 4 погребения, в 2005 г. В.В. Овсянниковым – 15 погребений, в 2008 г. И.И. Бахшиевым и Р.Р. Султановым – 1 погребение, Большинство погребений не фигурируют в отчетах, в таких случаях единственным источником были полевые описи, в которых все предметы привязаны к конкретным погребениям. Так удалось выявить погребальные комплексы Нового Уфимского могильника. К этому же комплексу относится и так называемый Галановский могильник, раскопанный в 1960–1961 г. Н.А. Мажитовым. Могильник расположен в районе улиц Галанова, Пушкина и Горная. Судя по инвентарю, 4 погребения точно можно отнести к кара-абызской культуре. Таким образом, Ново-Уфимский могильник расположен на высоких террасах правого берега р. Белой отдельными родовыми группами. В могильнике можно выделить две таких группы. Памятник датируется IV–III вв. до н. э. – II–I вв. н. э. Антропологический анализ костных остатков из погребений не проводился.

Захоронения в погребениях IV–II вв. до н. э., как и в предыдущую эпоху, совершались в простых грунтовых ямах прямоугольной формы.

Исключение составляют погребения Охлебининского могильника, на котором могилы вдоль стенок обложены крупными камнями. Для мужских погребений характерны предметы вооружения и конского снаряжения, для женских – предметы украшений. В могилах часты сосуды и кости животных (конечности овец и свиней).

Кара-абызский женский костюмный комплекс IV–II вв. до н. э. отличается разнообразием (рис. 6). В нем выделяются три группы коррелирующих между собой элементов убранства костюма: 1) гривны в полтора оборота, височные восьмерковидные подвески, поясные бронзовые крючки с изображением раскрытой пасти, поясные пряжки с изображением оленей; «портупей» с гофрированными обоями (рис. 7: 27–30); 2) поясной набор с накладками из противопоставленных голов грифонов и дисковидных блях, пряжки с изображением сцены терзания, пояс, уложенный вдоль тела умершего, и лировидные подвески, «портупей» с обоями с вырезом (рис. 7: 12, 20, 21, 26, 31); 3) колоколовидные подвески, трапециевидные подвески, наконечники, поясные крючки с изображением раскрытой пасти (рис. 7: 15, 38, 39). Кочевнические истоки имеют первые два набора. Но если часть украшений можно точно связать с гафурийским компонентом в кара-абызской культуре и памятниками круга Филипповских курганов, Сибай I и Переволочан (гривны в полтора оборота, височные восьмерковидные подвески, поясные бронзовые крючки с изображением медведей, поясные пряжки с изображением оленей), то остальные изделия (сам поясной набор и «портупей») уходят корнями на Восток к памятникам круга Иссык, Почта-3, Фирсово, Холаш и др., а также в Ордос и ареал обитания хуннов (Центральная Азия). Набор, состоящий из колоколовидных и трапециевидных подвесок, наконечников и поясных крючков с изображением раскрытой пасти, находит аналоги в Зуевском и Старшем Ахмыловском могильниках.

Предметы вооружения кара-абызских воинов представлены сравнительно широко. Они были вооружены луками, копьями, мечами, палашами, кинжалами и боевыми ножами (рис. 8: 1–14, 23, 35–37). Оружие дистанционного боя в погребениях представлено различными наборами наконечников стрел. Для IV–II характерны бронзовые наконечники с выступающей и скрытой втулкой (Зубов, 2010; 2012). В IV–II вв. до н. э. колчаные наборы содержали в основном бронзовые стрелы, во II в. до н. э. в погребениях появляются железные стрелы (рис. 8: 6–14). Для кара-абызской культуры в целом не характерно сочетание бронзовых и железных наконечников стрел в одном колчанном наборе, в отличие от курганных могильни-

ков у деревень Старые Киишки и Бишунгарово, где подобные погребения датируются III–II вв. до н. э. (Пшеничнюк, 1983). Только в одном погребении Охлебнинского могильника (375/80–82) найден колчанный набор, в котором присутствовали железные и бронзовые наконечники стрел. По сопровождающему инвентарю (железный наконечник копья, эполетообразная застежка) комплекс датируется не ранее II в. до н. э. (Пшеничнюк, 1993, с. 47, рис. 10: V). Помимо основных предметов вооружения, в отдельных погребениях были найдены колчанные крючки, оселки и предметы конской упряжи. Предметы защитного вооружения на данный момент неизвестны.

В зверином стиле в кара-абызской культуре выделяются несколько иконографических традиций: 1) кочевническая, связанная с памятниками типа Филипповских курганов и Переволочан; 2) ананьинская (имеющая раннесакские истоки происхождения); 3) восточная, связанная с ордосскими и хуннскими древностями и памятниками типа Иссык и Почта-3. При этом кочевническая традиция имеет, вероятнее всего, восточное происхождение (Королькова, 2006, с. 45; Савельев, 2007, с. 134). Элементы убранства в зверином стиле (поясные накладки с противопоставленным изображением грифонов, пряжки с треугольниками и единичные украшения) имеют ближайшие аналогии на территории Центральной Азии (Алтай, Северный Китай, Монголия). Дискуссионным является вопрос о появлении накладок с противопоставленным изображением голов грифонов. Наиболее близкие аналогии изделиям с реалистичными изображениями найдены в Ордосе, Китае, Монголии и в Барабе. Имеются стилизованные накладки на Алтае, в Сибири, Минусинской котловине, в Семиречье и Забайкалье. Но здесь не известно более или менее реалистичного образа. К тому же китайские, монгольские и ордосские древности не имеют четких датировок. Известно лишь, что «бабочковидные накладки» со стилизованным изображением грифонов найдены в памятниках доциньского времени и датируются IV–III вв. до н. э. В связи с этим на данный момент вопрос о времени и путях проникновения накладок с изображением голов грифонов остается открытым.

Случайные находки

На горе Курман-Тау был найден меч с навершием и чуть изогнутым перекрестием, прямой рукоятью. Рукоять к низу сужена и переходит в клинок, перекрестие приковано поверх. На рукояти по краям нанесены насечки, в центре змеевидный орнамент (сверху вниз). На навершии сверху желобок, показывающий, что навершие сделано из двух листов железа. На перекрестии нанесен змеевидный

горизонтальный орнамент. По словам местных жителей, меч был выполен трактором во время распахивания участка под посадку лесной полосы. Рядом с местом нахождения предмета расположен металлургический комплекс эпохи раннего железа – селище Курмантау (Юсупов Г.В., 1959, с. 58–87, табл. 1: 7). На рукояти меча по краям нанесены насечки, в центре изображен вертикальный змеевидный орнамент, а на перекрестии – змеевидный горизонтальный орнамент. Данный тип мечей эпохи раннего железа назван исследователями «переходным», демонстрирующим постепенное «превращение» перекрестия из дуговидного и тупоугольного в совершенно прямое и столь же очевидное и одновременное постепенное «превращение» прямого навершия в серповидное. В.К. Федоров датирует погребальные памятники с подобным типом вооружения рубежом IV–III вв. до н. э. (Федоров, 2001, 2008), а В.Н. Васильев – концом IV вв. до н. э. (Васильев, 2001).

Хронология и периодизация культуры

Абсолютных датировок по памятникам кара-абызской культуры нет. Проблема хронологического деления кара-абызской культуры до сих пор является дискуссионной. Первоначально А.Х. Пшеничнюк выделил всего четыре этапа в историческом развитии изучаемого населения: IV–III вв. до н. э., III–II вв. до н. э., II в. до н. э. – II в. н. э., II–III вв. н. э. (Пшеничнюк, 1993, с. 32–61). В.В. Овсянников же, анализируя материалы Шиповского грунтового могильника, предположил, что IV этап датируется II–IV вв. н. э. (Овсянников, 2006б, с. 81–87), который впоследствии он разделил на IV и V периоды, подчеркнув, что наиболее резкие различия в инвентаре грунтовой части Шиповского могильника наблюдаются с III в. н. э. и продолжают вплоть до IV в. н. э. (Овсянников, 2006в, с. 88–93). В 2009 г. В.В. Овсянников предложил рассматривать кара-абызскую культуру с V в. до н. э., т. е. с момента миграции в Приуралье разнородных групп ананьинцев из Среднего Поволжья и Нижнего Приуралья (Овсянников, 2009, с. 224).

Периодизация ранне-карабызского этапа с учетом последних публикаций может быть представлена следующим образом:

1. V–IV вв. до н. э. – раннекара-абызский этап (Овсянников, 2014а, с. 311; 2014б, с. 375), к которому относится могильник по ул. Тракторной в г. Уфе – «Разъезд «Правая Белая», погребение на Верхнеаульной, могильник Таш-Елга, отнесенный В.А. Ивановым к могильнику «классической» ананьинской культуры шнуровой керамики (Иванов, Заикина, Проценко, 2018, с. 58), Старший Шиповский могильник, могильник у х. Чандар на р. Уфе и одно известное на данный момент погребение

Охлебининского могильника (Овсянников, 2014, с. 311). К поселенческим памятникам этого времени относятся городища Мончазы-1, Нагаевское II, Акбердинское III, Костарево-1, Камышинка-2, Чандарское, Касьяновское, Бирское, Курман-Тау, селище Воронки, Черниковское I, Бирское II, Новобиктовское, Андреевское, Симкино-1, Курман-Тау, Акбердино-2, Тра-Тау, поселения Акбердино-3.

2. IV–III вв. до н. э. – собственно уже кара-абызская культура, в состав которой входят носители керамики гафурийского типа. К этому этапу относится курганная часть Шиповского могильника, Ново-Уфимский (Галановский), Охлебининский могильник, Уфимский могильник, Нагевские и Акбердинские курганы, городища Кара-Абыз, Акбердино-1, Акбердинское II, Камышинка-1, Охлебининское II, Охлебинино-3, Касьяновское, Табынское, Воскресенское (Табынск-2), Акбердино-3, Шиповское, Охлебининское-1, Охлебининское-2, Охлебининское-3, Биктимировское, Уфа-IV, селища Чишма-2, Курман-Тау, Ивано-Казанское-1, Ивано-Казанское-2, Чайка-2, Дежневское, Черниковское, Ново-Александровское, Дудкино I, II, Юнар, поселение Акбердино-4, Ташмуруновский грот, металлургическая площадка Курмантау-8/9.

В целом гафурийский тип керамики датируется IV–II вв. до н. э., убаларский на южных ареалах расселения в Гафурийском и Архангельском районах РБ IV–II вв. до н. э., а на северных – II в. до н. э. – II в. н. э.

Как правило, по поселенческому материалу не всегда представляется возможным четко разделить памятники IV–III вв. до н. э. и памятники III–II вв. до н. э., поэтому многие исследователи при характеристике хронологии того или иного памятника используют датировку IV–II вв. до н. э. И не для всех объектов, выявленных в результате разведок, возможно определить датировку, поэтому указаны только наиболее яркие памятники.

Историко-археологическая интерпретация

В V в. до н. э., В.В. Овсянников этот период называет «предкара-абызский» (Овсянников, 2014б), на территории Южного Приуралья в бассейне р. Белой обитало автохтонное население – носители культуры «курмантау», которые вели оседлый образ жизни (основное место в рационе составляла свинья), занимались бронзо-литейным производством, охотой на пушных зверей, о чем свидетельствуют материалы раскопок стоянки им. М.И. Касьянова (Васильев, Иванов, Обыденнов, 1985, с. 39) и металлургической площадки Курмантау-8/9 (Воробьева, 2017), городища Кара-Абыз (Шмидт, 1929, с. 8). В это время с территории Прикамья (с севера) начинают проникать

две миграционные группы – вначале носители сложношнуровой «раннеананьинской» керамики, которые были ассимилированы местным населением, а затем из Приказанского Поволжья (с юга) носители ямочно-насечково-гребенчатой керамики (раннекара-абызская). Вторая группа приходит позже и на территорию Гафурийского района, где, по мнению Н.С. Савельева, создает крупный металлургический центр – Курмантаевское селище и Курмантау-8/9 (рис. 5). Но, как показали, материалы раскопок металлургической площадки Курмантау-8/9, стоянки им. М.И. Касьянова, бронзолитейное производство на данной территории было освоено носителями культуры курмантау, а затем продолжено уже кара-абызским населением. Взаимодействие носителей культуры курмантау и раннекара-абызцев подтверждает керамический комплекс поселения Акбердино-3 (Савельев, Яблонский, 20014б, с. 483) и стоянки им. М.И. Касьянова (материалы из раскопок М.И. Касьянова из фондов НМ РБ (НМ РБ. ОФ 298)). В это же время из горно-лесного Зауралья проникают отдельные волны мигрантов – носителей иткульской культуры (Касьяновское городище, Старший Шиповский могильник) и керамики воробьевского типа (Охлебининское II городище). В результате этих сложных процессов менялся керамический комплекс, а погребальный обряд оставался относительно устойчивым.

В IV в. до н. э. в результате ирридации в Южное Приуралье приходят кочевники из Зауралья. Эта волна фиксируется в появлении особого типа керамики (гафурийский тип) и в изменении погребального обряда. Смешение раннекара-абызской керамики с гафурийской привело к образованию убаларского типа керамики на южном ареале обитания кара-абызского населения. В свою очередь, часть убаларского населения стала развиваться обособленно, о чем свидетельствуют селища Магаш, Убалар и Бурлинские курганы, а другая часть растворилась в среде кара-абызского населения: сосуды убаларского типа получили свое распространение как погребальная керамика, в то время как чисто кара-абызская керамика отсутствует в погребениях и представлена только на поселениях. На рубеже IV–III вв. до н. э. в среду формирующегося кара-абызско-гафурийского комплекса приходит еще как минимум две волны мигрантов, фиксирующиеся только в погребальных комплексах – одна волна связана своим происхождением с лесостепным Зауральем (памятники типа Акбердинских и Нагаевских курганов), а другая волна связана с так называемым «восточным импульсом» (этот термин не самое удачное название, но так как он уже применяется некоторыми авторами, то отказываться от него не стоит, под «вос-

точным импульсом» понимается проникновение в лесостепь Средней Белой кочевников раннего этапа прохоровской культуры – памятники круга Филипповка, Переволочан, Почта-3, Иссык) – эта волна фиксируется в изменении погребального обряда (появление богато украшенных поясов и яркого звериного стиля, имеющего восточное – центральноазиатское происхождение). Со II в. до н. э. наступает относительно стабильный период в развитии кара-абызской культуры, который привел к демографическому росту.

Анализ этнокультурных процессов, протекавших на территории Южного Приуралья в середине I тыс. до н. э., свидетельствует, что на данную территорию неоднократно приходили волны переселенцев из соседнего Зауралья, Прикамья и Поволжья. Первая волна фиксируется в памятниках микрорайона горы Курма-Тау, вторая – в погребальном комплексе Шиповского курганно-могильника. Это привело к неоднородности материального комплекса, к последующему выделению северного и южного ареалов обитания кара-абызской культуры, где население отличалось не только по доминированию того или иного компонента, но и по способу ведения хозяйства, по особенностям погребального обряда. В целом, как уже было отмечено, не имеет смысла выделения двух (или даже трех культур) – кара-абызской, гафурийской, убаларской, так как гафурийский и убаларский типы памятников – это локальные варианты кара-абызской культуры.

Точных данных о способе хозяйства носителей раннекара-абызской культуры известно мало. Вероятнее всего, в V–IV вв. до н. э., до прихода кочевников (носителей гафурийской керамики), основу хозяйства составляло молочно-мясное скотоводство и металлургическое производство, как и у предшествующей культуры курмантау. Преемственность между культурами прослежена по материалам стоянки им. М.И. Касьянова и металлургической площадки Курмантау-8/9 автором раздела (Воробьева, 2017а, 2017б).

Материалы раскопок стоянки им. М.И. Касьянова на территории археологического микрорайо-

на (памятник предшествующего археологического этапа – культура курмантау эпохи поздней бронзы – раннего железа) показывают, что в более раннее время основу хозяйства составляло молочно-мясное скотоводство: мясо крупного рогатого скота, лошади и свиней было основным в рационе питания при совсем незначительном количестве мяса мелкого рогатого скота (Васильев, Иванов, Обьденнов, 1985, с. 39). О преемственности и, возможно, непрерывности носителей культуры курмантау и кара-абызского населения говорит еще и тот факт, что для памятников обеих культур на указанной территории одним из главных занятий было бронзолитейное производство, о чем можно судить по материалам селища Курмантау и стоянки им. М.И. Касьянова. Об этом свидетельствуют и материалы раскопок Ташмуруновского грота в верхнем течении р. Белой, где видовой состав животных на горизонтах с керамикой культуры курмантау и гафурийского типа принципиально ничем не отличается – грот в это время использовался в качестве кратковременной промысловой стоянки (Котов, Савельев, 2003, с. 134).

На памятниках, где значительную часть составляло пришлое кочевническое население, которое появилось в лесостепи Южного Приуралья в IV в. до н. э., основную форму хозяйства составляло скотоводство, в рационе преобладало мясо мелкого рогатого скота, для разведения которого именно в это время сформировались благоприятные климатические условия – иридизация степи привела к появлению широких пастбищных угодий. Значительный процент в рационе занимала конина. Следы земледелия у кара-абызского населения не зафиксированы.

Среди погребений кара-абызской культуры выделяются воинские: с наконечниками стрел, с копьем и наконечниками стрел, с мечом (кинжалом) и наконечниками стрел (Овсянников, 1994, с. 56). В это время прослеживается влияние (точное копирование предметов вооружения) кочевников-сарматов на комплекс вооружения кара-абызцев.

ГЛАВА 8

ГОРОДЕЦКАЯ КУЛЬТУРА

История изучения

На рубеже XIX и XX вв. А.А. Спицыным и В.А. Городцовым были обобщены сведения о городищах раннего железного века, материалы которых были выделены в отдельную культуру. А.А. Спицын по городищу у с. Дьяково под Москвой предложил все древние городища «железного века» в лесной полосе Европейской России называть дьяковскими, за исключением прикамских, которые объединялись тогда в особую группу «костеносных» городищ. Также им была высказана мысль, что городища поволжских областей принадлежали угро-финским племенам (Спицын, 1903, с. 111–142).

В те же годы исследования городищ в поречье Средней Оки производились В.А. Городцовым, где им было раскопано городище у с. Городец, материалы которого несколько отличались от дьяковских. По этому городищу все другие аналогичные памятники среднего течения р. Оки стали называться городецкими. Характерным признаком городецкой культуры он считал керамику с отпечатками рогожки и различных тканей, пряслица своеобразной формы и обилие костяных изделий (Городцов, 1899, с. 210).

Исследованием городищ среднего течения р. Оки в это время занимались сотрудники Рязанской ученой архивной комиссии: А.И. Черепнин, В.А. Крейтон, И.И. Проходцев. Ряд городецких памятников был открыт краеведами П.И. Кожевниковым, А.А. Норцовым, К. Пруссаком, В.М. Терехиным, Ф.Ф. Чекалиным на территории Тамбовской и Пензенской губерний. Особенно активно изучением городецких памятников занимались члены Саратовской ученой архивной комиссии. Б.В. Зайковский и М.А. Радищев (Ставицкий, 2015).

После революции 1917 г. исследование городищ на Нижней Волге продолжили саратовские археологи во главе с П.С. Рыковым, по итогам которых саратовские городища с рогожной керамикой были выделены в особую культуру, близкую дьяковской (Рыков, 1933, с. 16).

В 1920-е годы ряд городищ на Средней Оке был исследован П.П. Ефименко (Археологическая..., 1993, с. 11). По результатам раскопок городища

у с. Вышгород (рис. 1), где поздний слой был отделен от городецкого стерильной прослойкой, им был сделан вывод о наличии перерыва в развитии городецких и рязано-окских древностей (Ефименко, 1937).

В 1930-е годы поселения с городецкими материалами впервые были зафиксированы в Среднем Подонье (Валукинский, 1937, с. 308–312). А.Е. Алиховой были проведены раскопки на городище у с. Каргашино в Примокшанье, где было установлено, что керамика с текстильными и рогожными отпечатками появляется позже, чем гладкостенная посуда с тычковыми вдавлениями (Алихова, 1959, с. 106–116). В 1939 г. Е.И. Горюнова провела раскопки Теньгушевского городища, где было исследовано 5 землянок, выявлены следы металлургии и металлообработки как железа, так и цветных металлов (Горюнова, 1940; 1947).

В послевоенное время значительные исследования памятников раннего железного века велись в Чувашии, по результатам которых Н.В. Трубникова пришла к выводу, что местные памятники, относимые к городецкой культуре, имеют своеобразные черты, сильно отличающие их от городищ соседних областей (Трубникова, 1956, с. 161; 1958, с. 227).

С 1949 по 1956 гг. на четырех городецких памятниках Средней Оки были проведены раскопки А.Л. Монгайтом, итоги которых были подведены в монографии «Рязанская земля». По его мнению, многие городища были непрерывно заселены предками современной мордвы с раннего железного века вплоть до славянской колонизации X века (Монгайт, 1961, с. 61).

В 1951 г. Н.В. Трубниковой в диссертации по городецкой культуре были рассмотрены вопросы взаимоотношения городецких племен со своими соседями, выделены локальные варианты культуры, разработана периодизация и хронология городецких памятников, период бытования которых определен временем с VII в. до н. э. по II в. н. э. Был сделан вывод о том, что городецкая культура сложилась в Поволжье на основе культур позднесрубного времени, в Поочье – на основе местных культур предшествующего времени (Трубникова, 1953).

Рис. 1. Вал городища Вышгород. Рязанский район. Фото А.П. Гаврилова

В 1965 г. вышел Свод археологических источников по городищам культуры, в котором было зафиксировано 202 поселенческих памятника. Кроме того, его авторы отнесли к городищам культуры рязано-окские и древнемордовские могильники первой половины I тыс. н. э. (Смирнов, Трубникова, 1965), что вызвало возражение у большинства исследователей данных памятников¹.

Во второй половине 1960-х – первой половине 1970-х годов ряд городищ на Мокше был исследован Г.А. Федоровым-Давыдовым, А.В. Циркиным и В.И. Ледайкиным (Федоров-Давыдов, Циркин, 1968; Циркин, 1968, с. 128, 129; Ледайкин, 1976), на Суре – М. Р. Полесских и В.А. Калмыковой (Калмыкова, 1971; Полесских, 1977, с. 27, 28). Материалы этих исследований были обобщены в диссертациях В.А. Калмыковой «Роль центрального варианта городищ культуры в формировании ранней мордвы» и В.И. Ледайкиным «Городищная культура и древняя мордва». Исследования В.А. Калмыковой в основном опирались на материалы раскопок 1-го Ахунского

городища, где было получено два комплекса находок: городищный и древнемордовский, которые она рассматривала как единый позднегородищный (Калмыкова, 1971, с. 70–78). В.И. Ледайкиным в диссертации были сделаны важные выводы по хронологии городищной культуры, верхняя дата которой была ограничена им временем появления рязано-окских и древнемордовских могильников (Ледайкин, 1971, с. 104–105). Генезис дьяковско-городищной культуры с текстильной керамикой связывался им с синтезом ямочно-гребенчатой, фатьяновско-балановской, поздняяковской, воловской и абашевской керамических традиций (Ледайкин, 1974, с. 38).

В 1976 г. была защищена диссертация В.Г. Мироновым, посвященная изучению локальных вариантов городищной культуры. В ней было обосновано выделение нового верхнедонского локального варианта, рассмотрены вопросы происхождения, периодизации, хронологии и развития керамических традиций городищных племен (Миронов, 1976).

В 1980-х годах В.И. Вихляевым изучались Новошенинское и Теньгушевское городища, материалы которых были использованы для обоснования преемственности городищной и древнемордовской культур на территории Примокшанья (Вихляев, 1988. с. 163–164; 1992. с. 76–103; Вихляев, 2000). Число известных памятников в бас-

¹ В частности, В.Г. Мироновым в конце 1960-х была написана рецензия на данный «Свод», где на 16 машинописных страницах перечислялись фактологические ошибки и натяжки в интерпретации артефактов. Однако рецензия была отвергнута всеми археологическими изданиями из-за «запоздалого характера» и «непринятого в науке резкого тона» (Миронов, 1995, с. 69).

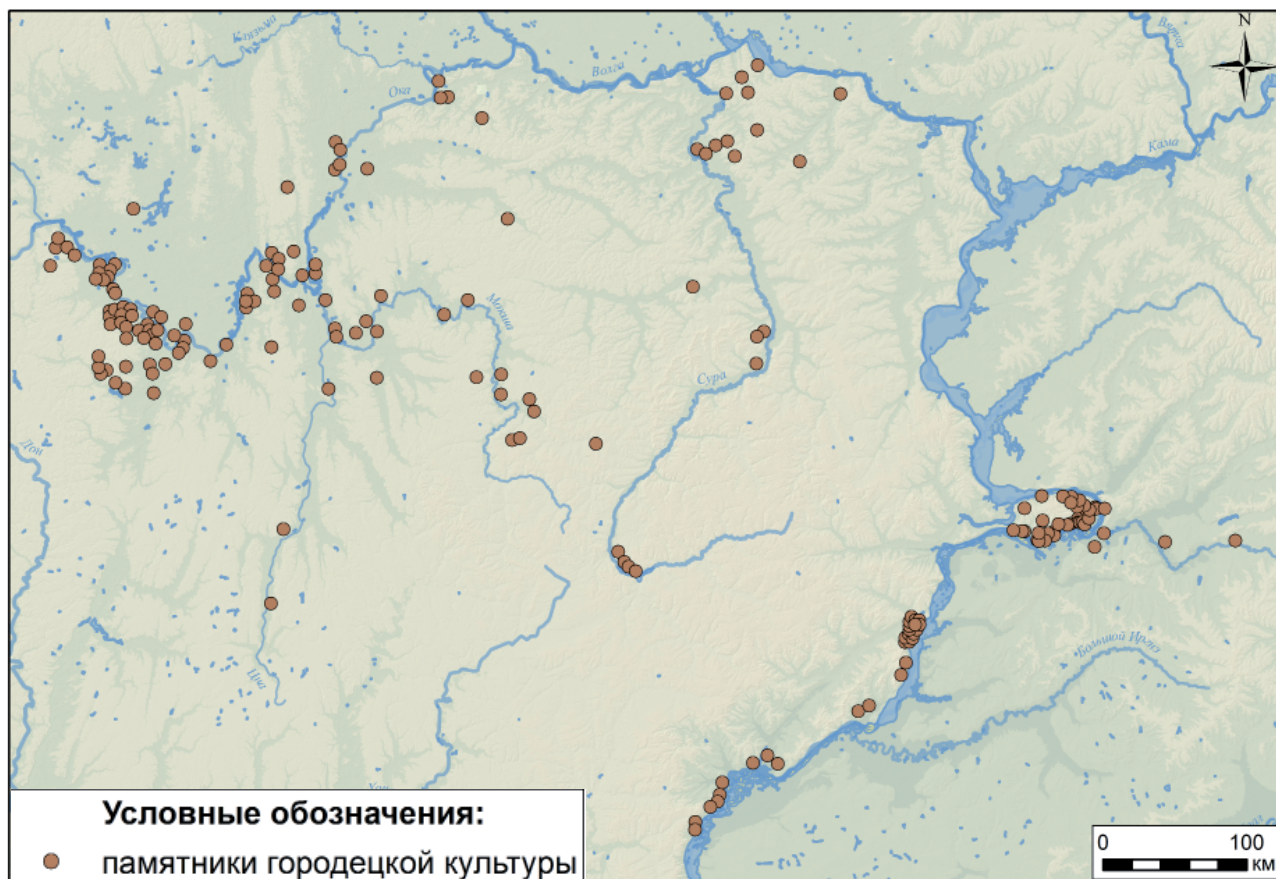

Рис. 2. Памятники городецкой культуры Волго-Окского бассейна

сейне р. Оки заметно возросло в результате проведения разведочных исследований, направленных на паспортизацию археологических памятников. Сводка по данным городищам была опубликована В.П. Челябинским и В.М. Буланкиным (1993). В совместной статье с А.М. Губайдуллиным они разработали классификацию окских городищ в зависимости от их топографического расположения и вида оборонительных сооружений (Челяпов и др., 2002). Важные данные были получены Б.А. Фоломеевым по радиоуглеродной хронологии в результате раскопок среднеокских городищ (Фоломеев, 1993; 1994; Сулержицкий, Фоломеев, 1993). К.А. Смирновым была разработана сравнительная периодизация памятников дяковской и городецкой культуры (Смирнов, 1994).

Особенно интенсивно исследование городецких памятников в последние десятилетия прошлого века велось на территории Донского бассейна А.Д. Пряхиным, В.И. Бесединым, В.И. Матвеевым, Ю.Д. Разуваевым, А.Н. Бессудновым, А.П. Медведевым, И.Е. Бирюковым. В публикациях результатов данных исследований была определена хронология верхнедонских поселений с «рогожной» керамикой, существовавших с рубежа VI–V вв. до последних веков до н. э., определены этапы развития материальной культуры (Бирюков,

1993; 1996; Медведев, 1993; 1997; 1999; Разуваев, 1993; 1987; 1997). А.П. Медведевым была разработана концепция взаимодействия местного городецкого и лесостепного скифского населения. По его мнению, миграция городецкого населения на Дон проходила из бассейна р. Оки в два этапа. В VIII–VII вв. до н. э. сюда мигрировали носители культуры текстильной и тычковой керамики, а на рубеже VI–V вв. до н. э. новая волна городецкого населения встретилась здесь со скифоидными племенами, в результате чего здесь сложилось население со смешанным этническим составом (Медведев, 1993). Т.В. Морозовой (Сарапулкиной) были проанализированы вопросы распространения городецких памятников на Дону, особенности конструкции жилищных сооружений и керамического комплекса (Морозова, 2001; Сарапулкина, 2006; 2008), Ю.Д. Разуваевым – проблемы хронологии, периодизации и фортификации городецких городищ (Разуваев, 2008). В ряде статей В.В. Ставицкого и А.В. Ставицкого были рассмотрены проблемы изучения фортификации городищ, происхождения городецкой культуры, этнической принадлежности городецкого населения, развития земледелия и скотоводства, социальной дифференциации (Ставицкий 2009; 2010; 2011; Ставицкий В.В., Ставицкий А.В., 2012; 2013; 2014).

Территория и локальные варианты городецкой культуры (рис. 2). Проблема территории распространения и выделения локальных вариантов городецкой культуры к настоящему времени наиболее полно разработана В.Г. Мироновым. К территории городецкой культуры им отнесены: Среднее и Нижнее Поочье от границы Рязанской и Московской областей до устья Оки с частичным выходом памятников на левый берег Оки в Рязанской и Владимирской областях, затем вниз по Волге до границы Саратовской и Волгоградской областей с выходом части памятников на левый берег в Нижегородской, Самарской и Саратовской областях, далее на запад по границе лесостепи с лесом в пределах левобережной части бассейна Дона, чуть южнее Воронежа, потом вверх по Дону до его истоков с выходом некоторых памятников на правый берег в устье р. Красивая Меча и по р. Осетр – к Оке (Миронов, 1995, с. 68). Локальные варианты культуры выделены им по хронологическому принципу, в основе которого заложено взаимное соотношение псевдорогожной, сетчатой и гладкостенной керамики в комплексах.

1. Среднеокский локальный вариант определен в пределах современных границ Московской и Рязанской областей.

2. Нижнеокский вариант занимает территорию современных Владимирской и Нижегородской областей.

3. Мокшанско-Цнинский вариант располагается в пределах современных границ Мордовии, Пензенской, Тамбовской и Рязанской областей.

4. Нижневолжский вариант – в пределах современных границ Саратовской, Самарской областей и Пензенского Посурья.

5. Средневолжский вариант занимает территорию Нижегородской области, Республик Марий Эл и Чувашии и Мордовского Посурья.

6. Верхнедонской вариант расположен в пределах современных границ Липецкой, Тамбовской (западине районы), Воронежской (северные районы) и Тульской (юго-восточные районы) областей (Миронов, 1976, с. 5, 6).

Выделенные В.Г. Мироновым локальные варианты в целом получили признание среди исследователей городецкой культуры, хотя М.Р. Полесских и не соглашался с отнесением к нижневолжскому варианту пензенских городищ, полагая, что, как территориально, так и по облику керамики, они ближе к памятникам мокшанско-цнинского варианта (Полесских, 1977, с. 26, 27). На наш взгляд, в облике керамики пензенских памятников наблюдается сочетание признаков, присущих керамическим традициям обоих названных вариантов, и их материалы занимают промежуточное положение. Кроме того, сходство верхнесурских городищ с

хвалынскими во многом объясняется их близкой хронологической позицией: и те и другие памятники относятся к развитому и позднему периодам существования городецкой культуры. По остальным параметрам, и прежде всего территориально, пензенские городища все-таки относятся к цнинско-мокшанской группе.

Выделение особого средневолжского варианта на современном источниковедческом уровне, на наш взгляд, не оправдано. В левобережных районах Волги памятники с рогожной керамикой единичны или же полностью отсутствуют. Правобережные памятники с рогожной керамикой Нижегородской области по своим характеристикам ничем не отличаются от памятников нижнеокского варианта и какая-либо реальная граница между ними отсутствует. Так называемые позднегородецкие памятники Чувашии прямого отношения к городецкой культуре не имеют. Ранние материалы здесь весьма малочисленны, и данные городища, по-видимому, занимают периферийное положение на восточной окраине нижнеокского локального варианта. Памятники с гладкостенной керамикой, ранее относимые к позднегородецким, имеют иную культурную принадлежность и с городецкой культурой не связаны (Мясников, 2015).

С другой стороны, следует поставить вопрос о выделении особого волго-окского варианта городецкой культуры, к которому, по всей видимости, относятся ранние памятники с плоскодонной текстильной посудой, которые в настоящее время включают в дьяковскую культуру. Однако по своему облику они весьма близки к раннегородецким памятникам среднеокского локального варианта, и дьяковские признаки получают на них распространение не ранее середины I тыс. до н. э. (Ставицкий, 2017). Определенные отличия между ними и среднеокскими памятниками объясняются разнородностью местных групп населения, которые приняли участие в их формировании. Но разница между ними не выходит за пределы различий, имеющих место между материалами остальных локальных вариантов городецкой культуры.

Поселения. Для городецкой культуры характерно два основных типа поселений: неукрепленные селища и укрепленные городища. По топографическим характеристикам они подразделяются на памятники, расположенные: 1) в пойме, 2) на первой надпойменной террасе, 3) на коренных берегах или второй надпойменной террасе. Большинство селищ Окского бассейна расположены в пойме на песчаных останках или на мысовых участках первой надпойменной террасы. На высоких коренных берегах второй надпойменной террасы они располагаются сравнительно редко, и их

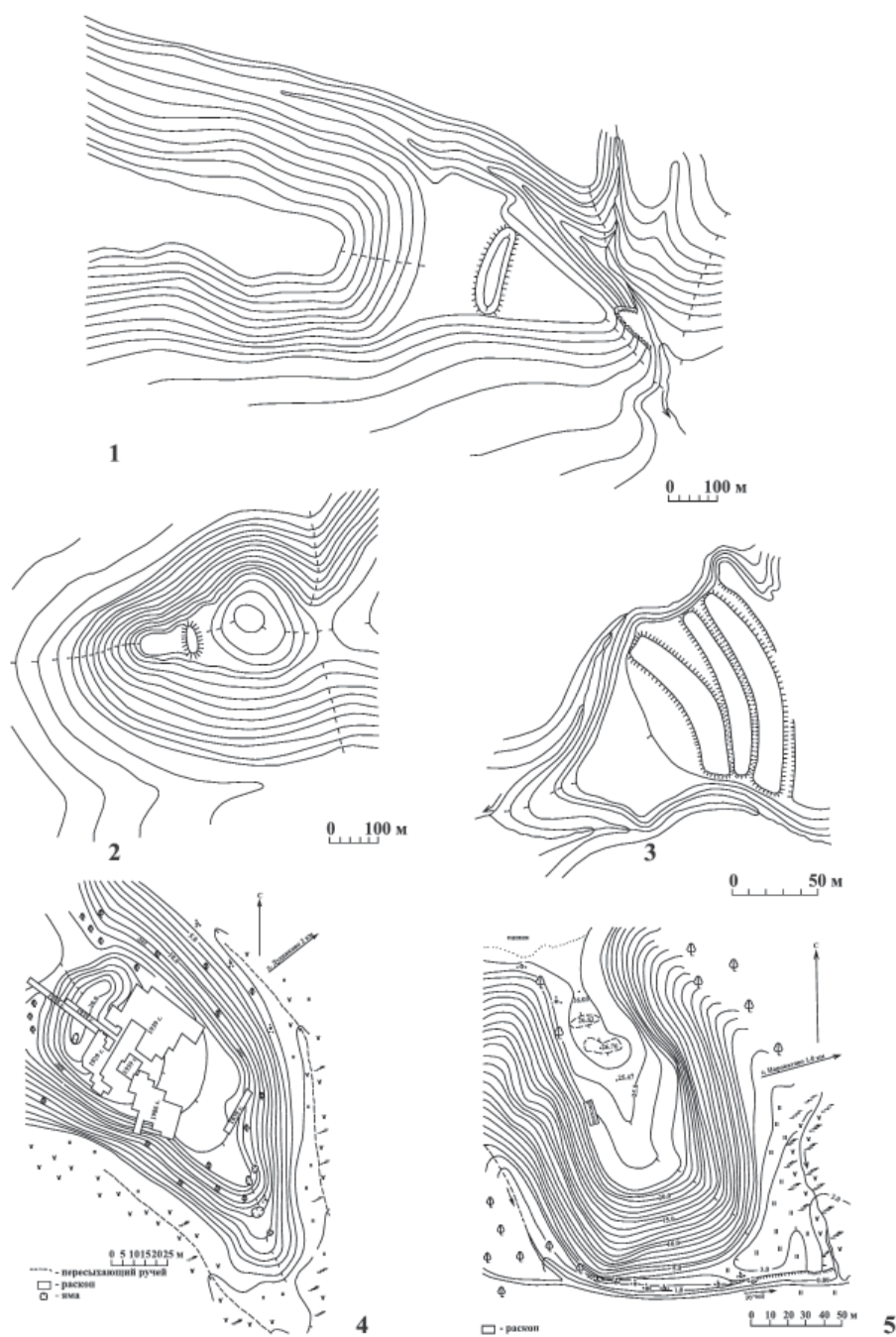

Рис. 3. Планы городищ городецкой культуры
1 – Паевское; 2 – Ново-Пшеневское; 3 – Каргашинское; 4 – Теньгушевское; 5 – Нарватское

возникновение обычно приводит к строительству укреплений, которые возводятся здесь через некоторое время. В местонахождении городищ наблюдается обратная закономерность, и подавляющая их часть расположена на высоких берегах второй надпойменной террасы. Городища изучены значительно лучше селищ.

Городецкие селища. Неукрепленные поселения довольно редко привлекали к себе внимание исследователей, поэтому большинство селищ было раскопано попутно при изучении многослойных памятников. Неукрепленные поселения

относятся к двум периодам. Одни из них предшествуют возникновению городищ, другие, по всей видимости, сосуществуют с городищами. На территории Поочья наиболее ранние селища располагаются в пойме на песчаных останцах. Так, по наблюдениям Б.А. Фоломеева, на большинстве пойменных селищ не было найдено фрагментов рогожной керамики, которая появляется на Оке не ранее VI в. до н. э. (Фоломеев, 1992, с. 84; 1993, с. 21).

Городецкие селища, расположенные на Самарской Луке, обычно располагаются на возвы-

Рис. 4. Тереховское городище. Шиловский район Рязанской области. Фото А.П. Гаврилова

шенных местах. По мнению А.П. Смирнова и Н.В. Трубниковой, они относятся к периоду, предшествующему образованию городищ, поскольку в их керамическом комплексе наблюдается преобладание сетчатой и рогожной керамики при незначительном количестве гладкостенной (Смирнов, Трубникова, 1965, с. 10).

На территории Саратовского Поволжья, по подсчетам В.Г. Миронова, к городецкому времени относится 30 селищ и местонахождений керамики (Миронов, 1989, с. 115, 116), для которых характерно расположение на коренных берегах р. Волги и ее притоков. Ряд селищ зафиксирован на высокой волжской террасе в труднодоступных местах, там, где позже появляются городища (Радищев, 1914; Миронов, 1989, с. 114, 115). На ряде саратовских городищ в насыпи валов, состоящих из культурного слоя, встречена рогожная керамика, что свидетельствует о существовании неукрепленных селищ, предшествовавших созданию укреплений (Степанов, 1960, с. 54). В данном районе известны и пойменные селища, расположенные на дюнах, но они единичны. Вероятно, их было больше, но многие из них были затоплены после строительства Саратовского водохранилища (Миронов, 1989, с. 115, 116). Около двадцати городецких селищ, большая часть которых расположена на песчаных дюнах, исследованы А.А. Хрековым западнее, в бассейне реки Хопер. Данные памятники

были отнесены им к раннегородецкому времени и датированы по находкам фрагментов скифоидной керамики и бронзовой зооморфной рукоятке ножа VI–V вв. до н. э. (Хреков, 2000, с. 66–68; 2006, с. 350, 351).

В территориальном и культурно-хронологическом плане памятники Похоперья занимают промежуточное положение между поселениями Саратовского Поволжья и Воронежско-Липецкого Подонья, где выявлено 169 селищ. Причем донские селища в настоящее время являются наиболее хорошо изученными в сравнении с памятниками других территорий. Всего здесь было раскопано 20 поселений, на двух из которых были вскрыты значительные участки культурного слоя и выявлены жилищные сооружения (Студеновка 3, Курино 1). По мнению А.П. Медведева, одним из древнейших городецких неукрепленных поселений Подонья являлось Пекшевское городище в период отложения здесь нижнего культурного слоя. Планиграфический анализ материалов показывает, что древнейшее население использовало для жизни только края и склоны мысовой площадки. Достоверных следов жилых или хозяйственных сооружений этого времени на памятнике не зафиксировано (Медведев, 1993, с. 67, 68).

На Дону селища в основном расположены на первых надпойменных террасах (23%) и коренных берегах (66%), что, по предположению

Т.В. Морозовой, могло быть обусловлено отсутствием или слабостью разработанности донской поймы. Долина р. Воронеж была более благоприятна для расселения, что подтверждается как числом памятников, так и плотностью их распространения (Морозова, 2001, с. 64). Определенную роль в переносе поселений на возвышенные места сыграло изменение климата. Начало субатлантической эпохи характеризуется повышенной увлажненностью и понижением средних температур. В это время повышается уровень воды в водоемах, усиливается заболоченность поймы (Александровский, Гласко, 1993, с. 10), что и ведет к переносу поселений на более высокие участки береговых террас.

Городецкие городища (рис. 1; 3; 3, 5: 1). Для топографического расположения городецких городищ, находящихся на территории различных локальных вариантов, характерен ряд общих черт. Большинство из них занимают высокие берега рек, ручьев или обводненных оврагов, нередко располагаясь в глубине последних. Городища, как правило, занимают возвышенные мысовые участки второй надпойменной террасы, высота которых над уровнем рек, ручьев или прилегающей поймы обычно составляет 10–20 и более метров (рис. 4). В отдельных же случаях она достигает 40–50 м.

На территории Рязанской области городища тяготеют к зоне широколиственных лесов и остепненных дубрав. Обычно они расположены в местности с волнистым рельефом, осложненным глубокими оврагами и долинами рек, правобережных притоков Оки. Степные коридоры, заходящие с юга на территории лесных массивов, практически не были заселены городецкими племенами, что, вероятно, было связано не только со способом их хозяйствования, но и с существовавшей угрозой со стороны скифо-сарматского мира (Челяпов и др., 2002).

Выявлены группы памятников, сконцентрированные в относительно небольших по площади районах. Так, в бассейне р. Рановы в окрестностях д. Чернава обнаружено 3 городища, у с. Пустотино – 4 городища, при впадении р. Цны в Мокшу – 4 городища (Челяпов, Буланкин, 1993, с. 25). В распространении конструктивных особенностей рязанских городищ территориальных различий не наблюдается. Их конструкция зависит в основном от конкретных топографических условий расположения. По мнению В.М. Буланкина, на характер оборонительных сооружений влияет также и место городища в микрогруппе: к одному крупному городищу со сложными сооружениями тяготеют городища значительно меньшей площади с упрощенными укреплениями (Буланкин, 1994, с. 100,

101). Размеры площадок городищ варьируются от 500 до 5000 кв. м. Мощность культурного слоя на городищах колеблется от 0,1 до 1 м и более, чаще она составляет около 0,2 м. На некоторых памятниках слоя не обнаружено и, вероятно, они были городищами-убежищами. На ряде городищ с напольной стороны обнаружен культурный слой, примыкающий с внешней стороны к валам городищ. Вероятно, в результате роста населения часть обитателей городищ была вынуждена селиться за пределами его укреплений (Челяпов, Буланкин, 1993, с. 25).

По наличию планировочных особенностей, обусловленных различием окружающего рельефа, городецкие городища Среднего Поочья были разделены В.П. Челяповым, В.М. Буланкиным и А.М. Губайдуллиным на семь типов, наиболее распространенными из которых являются мысовые городища (127 из 151 памятников) (Челяпов, Буланкин, Губайдуллин, 2002, с. 5). На большинстве памятников, имеющих более сложную систему укреплений, наряду с городецкими слоями присутствуют слои более позднего времени, с которыми, вероятно, и связано возведение соответствующих укреплений (Ставицкий, 2009). По мнению К.А. Смирнова, появление сложной системы укреплений, изменение планировки поселений, ведущее к увеличению их площади в 1,5–2 раза, происходит на дьяковских и городецких городищах не ранее III–II вв. до н. э. К этому времени в руках коллективов накопились большие богатства, которые надо было защищать, и они уже располагали средствами, необходимыми для проведения таких грандиозных строительных работ (Смирнов, 1994).

Появление сложных крепостных сооружений на территории Верхнего Поволжья в III–II вв. до н. э., на наш взгляд, было связано со сменой населения. Появившиеся здесь в середине I тыс. до н. э. балтские племена принесли с собой новые приемы фортификации. Местное городецкое население в целом сохранило прежние традиции строительства укреплений. Среди городецких памятников, исследованных в ходе стационарных раскопок, в основном фиксируются мероприятия, направленные на увеличение высоты вала, углубление рва и создание эскарпа, усиливающего крутизну склонов (Фоломеев, 1993; Вихляев, 1986; 1992). Сооружение дополнительных валов имело место на Каргашинском (Алихова, 1959, с. 106, 107) и Пургасовском городищах (рис. 5: 1) (Ледяйкин, 1976, с. 118, 119), но точное время появления дополнительных укреплений здесь неизвестно. Следует отметить, что данные валы были насыпаны не с внешней, а с внутренней стороны уже существовавших укреплений, на месте жи-

лых и хозяйственных построек, что приводило к сокращению жилой площади поселения.

На Городецком и Шишкинском городищах Б.А. Фоломеевым было зафиксировано возведение валов в несколько приемов. Древнейшие валы насыпались здесь из слоев суглинистого и супесчаного состава, в которых присутствовали углисто-золистые включения. В верхних слоях насыпей, сооружение которых по данным радиоуглеродного анализа относится ко времени не ранее IV–III вв. до н. э., отмечены линзы прокаленного грунта. Из чередующихся прослоек обожженной глины и других грунтов были возведены и валы более поздних городищ (Казарского, Троице-Пеленицкого и др.). По мнению Б.А. Фоломеева, технология обжигания пластов глины на поверхности валов стала применяться на Оке не ранее IV–III вв. до н. э. (Фоломеев, 1994, с. 140, 141). В.В. Сидоров полагает, что специального обжига валов на городецких городищах не производилось и упомянутые линзы прокаленного грунта появляются в результате пожара деревянных крепостных сооружений, которые поджигались во время штурма городищ.

Помимо земляных укреплений, городища были защищены сооружениями различного рода, выполненными из дерева. К ним относятся частокол и постройки срубовой конструкции, остатки которых зафиксированы на ряде раскопанных городищ. Частокол устанавливался на внешнем валу и по периметру площадки поселения. Валы с частоколом обычно имеют в разрезе треугольную форму. На валах трапециевидной формы могли размещаться более сложные конструкции, состоящие из срубов, засыпанных землей изнутри. Так, на городищах Кривель I–II, Ваша I были выявлены конструкции из мощных бревен в виде частокола, установленных ближе к внешней отлогости оборонительной насыпи, к которым с внутренней стороны примыкали стенки, сложенные из более тонких бревен. Последние создавали своеобразные клетки, призванные служить крепезом для вала и препятствующим его оплыванию (Челяпов и др., 2002, с. 8). Сами оборонительные насыпи иногда защищались от оплыва панцирем из известняковых камней, что было прослежено Б.А. Фоломеевым на Шишкинском городище (Фоломеев, 1994).

Значительная часть городищ Саратовского Поволжья сконцентрирована на восточной стороне Хвалынского горного массива, где много отрогов или хребтов, а также плато, покрытых лесом, состоящим из осины, дуба, липы, клена и березы. Высокие и узкие хребты разделены между собой глубокими ущельями. Городища занимают здесь самые высокие горные вершины (до 300 м над уровнем моря) и узкие горные перешейки,

соединяющие между собой отдельные вершины с очень крутыми склонами. Памятники находятся на высоте от 40 до 60 м от дна ущелья, крутые горные склоны защищают их с двух, а то и с трех сторон. Площадь городищ зависит от топографических условий окружающей местности, которые обуславливали систему защитных укреплений: в основном это валы и рвы, реже – обрез склона для придания ему большей неприступности. Валы и рвы обычно идут поперек гребней и защищают городища с наиболее пологих склонов, там же, где последние круты, надобность в искусственной защите отпадает. Креплением вала от оползней служил небольшой двойной плетень у основания, забутованный землей со щебнем и усиленный с боков крупными камнями. По мере возведения вал обкладывался небольшими по диаметру камнями. Верхние слои вала обкладывались хворостом и обжигались (Миронов, 1970, с. 68, 69). Вал с обожженной внутренней частью зафиксирован на Алексеевском и Чардымском городищах. Здесь также прослежены остатки ограда по валу в виде плетня, укрепленного двумя рядами столбов, врытыми в глиняный вал. Столбы стояли в два ряда и пространство между плетнями было засыпано землей (Смирнов, Трубникова, 1965, с. 11). На 10 Хвалынском городище В.Г. Мироновым был зафиксирован частокол из необработанных брёвен диаметром около 15 см. Культурный слой городищ беден находками: керамика, уголь, мелкие кости, редко бытовые предметы (пряслица, точильные камни, зернотерки). Мощность слоя от 15 до 25 см (Миронов, 1970, с. 69).

Городища Донского бассейна, как правило, удалены друг от друга на значительные расстояния. Исключение составляют группы близко расположенных городищ у с. Крутогорье и у г. Ельца, не являющиеся одновременными. Все городища, за исключением Скородного, имеют близ расположенные селища, являясь, таким образом, центром притяжения для окрестных неукрепленных поселений (Сарапулкина, 2006, с. 148).

Среди 14 укрепленных поселений городецкой культуры Подонья преобладают городища с одной оборонительной линией, состоящей из вала и рва. Причем внешний вал иногда представляет собой просто отвал земли. Две линии валов и рвов имеются только на городищах у с. Александровка (Пряхин, Разуваев, Цыбин, 1996) и с. Скородное (Тропин, 1989). Почти все укрепленные поселения занимают мысовые участки берегов рек или балок. Только городище Рябинки находится на береговом плато, примыкая к скальному обрыву (Разуваев, 2008, с. 71).

В результате интенсивных исследований последних лет донская группа городищ является од-

ной из наиболее изученных. На II Перехвальском городище VI–V вв. до н. э. были исследованы ров и вал, на вершине которого встречались угли и зола, вероятно, оставшиеся от сгоревшей стены (Бирюков, 1993. с. 52). На городище VI–V вв. до н. э. у д. Дубики под насыпью внутреннего вала выявлена сгоревшая деревоземляная конструкция, расположенная поперек мыса. Это была длинная постройка, контуры которой просматривались по двум углубленным в материк канавкам, отстоявшим друг от друга более чем на 4 м. По-видимому, в канавки были углублены основания двойных стен плетневой конструкции, забутованных почвой. Внешняя, более широкая и прочная, стена являлась оборонительной (Разуваев, 2004). На Александровском городище, предварительно датированном рубежом н. э., исследована сгоревшая наземная постройка, располагавшаяся вдоль вала таким образом, что ее внешняя стена (плетень) составляла часть укреплений городища. Перед постройкой располагался ров шириной 2,8 м и глубиной около 1,2 м. Земля из рва была подсыпана к оборонительной стене на высоту не менее 0,8 м. По мнению Ю.Д. Разуваева, пожар на поселении произошел вскоре после возникновения городища (Разуваев, 2001).

Система укреплений городища последних веков до н. э. у с. Рябинки состояла из двух валов. Ров практически отсутствовал – между валами имелась неглубокая ложбина шириной до 10 м. Первоначально укрепления состояли из деревянной стены и расположенной перед ней насыпи высотой около 1 м. С внутренней стороны к стене примыкала постройка шириной около 3 м. Деревянные конструкции были уничтожены пожаром, после которого внутренний вал был досыпан до высоты 1,8 м. Сначала насыпалась земля, сильно насыщенная известняковыми камнями (отдельные большие камни укладывались плашмя на поверхность первоначальной насыпи), затем почва с небольшим количеством камней (Разуваев, 2008, с. 76).

В отличие от памятников других локальных вариантов городецкой культуры, исследованные на городецких поселениях Подонья укрепления довольно просты по конструкции. Основу оборонительных сооружений составляли ров, вал и деревянная стена, скорее всего, плетень или легкий частокол. На городищах у сел Александровка, Нижний Воргол, Рябинки при сооружении укреплений использовался камень, поскольку в их округе имеются выходы девонских известняков. Так, на городище у с. Рябинки известняковыми плитками был частично облицован внешний склон вала. На Воргольском городище каменная кладка укрепляла основание оборонительной сте-

ны. По-видимому, на Воргольском городище была возведена оборонительная стена из двух параллельных плетней, пространство между которыми заполняла земля. Характерной особенностью большинства исследованных раскопками городищ (Дубики, Рябинки, Александровка) является наличие на них построек, имевших одновременно оборонительное и бытовое назначение. Такого рода сооружения, получившие наименование «жилые стены», известны на многих поселениях I тыс. до н. э. Примечательно, что постройки оборонительного назначения возникали на первой стадии существования поселков. Они были уничтожены пожарами, явившимися, скорее всего, следствием военных столкновений. После этого укрепления городецких поселков существенно усиливались путем сооружения ровов и валов (Разуваев, 2008, с. 77).

По мнению А.П. Медведева, процесс естественного развития городецких древностей на Среднем Дону был прерван в середине VI в. до н. э. в результате скифского вторжения, которое привело к возникновению этнокультурного новообразования, в котором органически соединились элементы лесостепной скифоидной и лесной городецкой культур (Медведев, 1993). Следовательно, существование городецких городищ Подонья, имевших сравнительно простую однорядовую систему укреплений, было характерно для первой половины I тыс. до н. э., после чего возникает потребность в более сильной защите поселений. Причем в Подонье подобная потребность, видимо, была вызвана военной угрозой со стороны скифского населения, поскольку в более раннее время на Дону были широко распространены неукрепленные городецкие селища (около 170 памятников) (Морозова, 2001).

К.А. Смирнов возникновение хорошо укрепленных поселений связывает с обострением межплеменных отношений, имевшим место между городецкими племенами, в результате появления избыточного продукта (Смирнов, 1994). Данная точка зрения разделяется и большинством других исследователей, которыми ранний железный век лесной зоны рассматривается в качестве эпохи «военной демократии». Однако подобные выводы вступают в противоречие со степенью милитаризации городецкого населения. Практически единственным видом вооружения на городецких памятниках являются костяные наконечники стрел. В редких случаях встречаются металлические наконечники, большинство которых имеют близкие скифские аналоги, и их находки здесь могут быть связаны с набегами скифских военных отрядов. Несмотря на достаточно тревожную обстановку, о которой свидетельствуют следы пожарищ го-

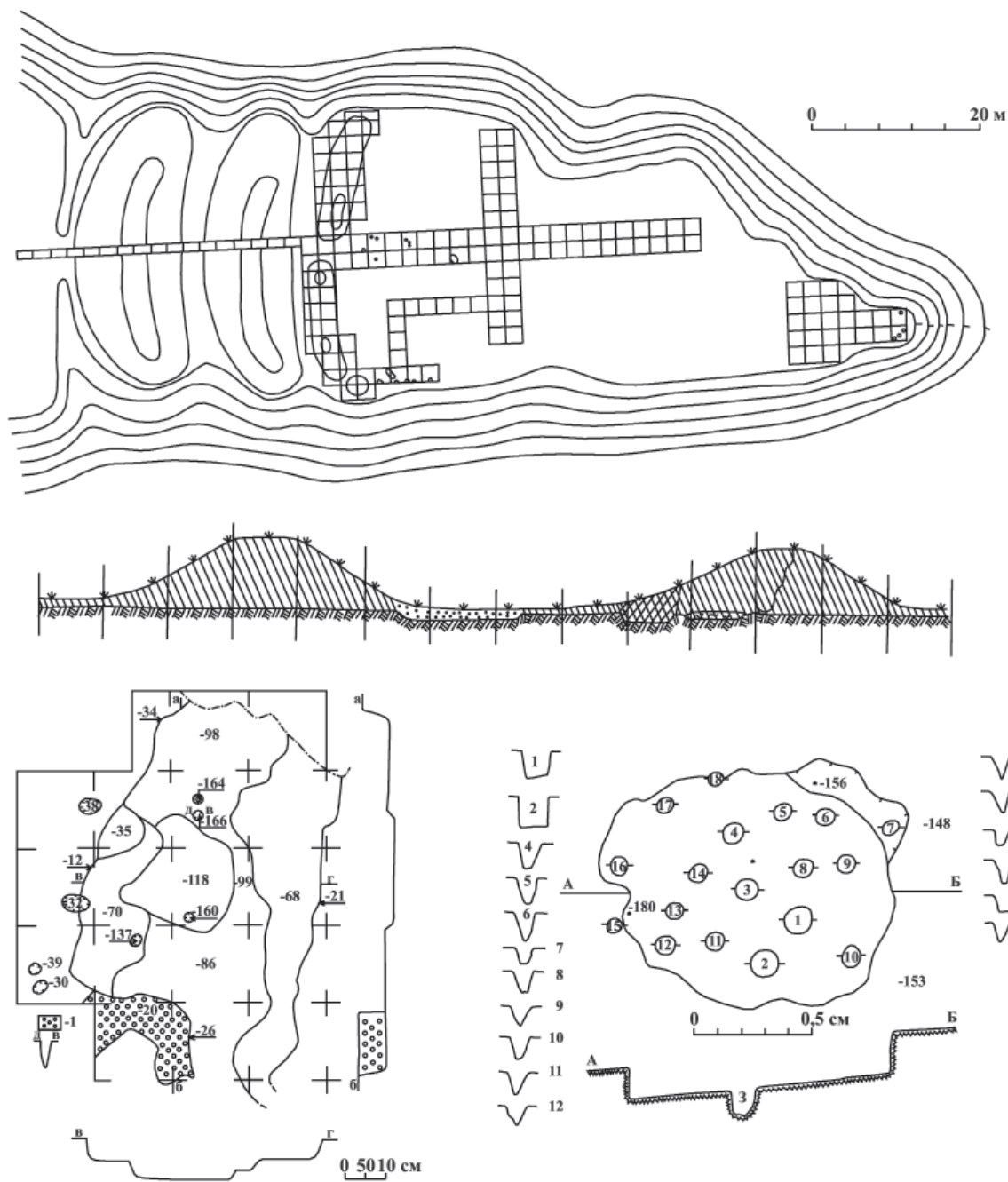

Рис. 5. 1 – Пургасово городище план и разрез вала; 2 – план жилища Тенгушевского городища (раскопки В.И. Вихляева); 3 – план культовой постройки Чардымского городища (по В.Г. Миронову)

родецких деревянных укреплений, на городищах практически неизвестны находки кладов, которые могли бы подтвердить тезис о накоплении избыточного продукта (Ставицкий, 2009).

Столь низкая степень милитаризации городецкого общества свидетельствует о том, что главной причиной строительства оборонительных сооружений все-таки являлись не внутренние межплеменные столкновения, а внешняя угроза со стороны степных кочевников, стоявших на более высоком уровне общественного развития, имевших более высокую военную организацию и луч-

ше вооруженных. Видимо, не случайно одной из особенностей распределения городецких городищ на местности является их почти повсеместное расположение в зоне лесов. Степные же коридоры, которые тянутся с юго-запада, юга и юго-востока и глубоко вдаются в территорию леса, практически не были заселены. Наверняка, это было связано не только со способом хозяйствования, но и с существовавшей угрозой со стороны скифо-сарматского мира. Не случайно многие наиболее хорошо укрепленные поселения раннего железного века находятся как бы в пограничье двух зон.

Тем не менее даже наиболее «глухие» залесенные районы не являлись недостижимыми для скифской конницы, поскольку находки скифских наконечников стрел обнаружены даже на городищах левобережного Поочья и ряде более северных памятников (Смирнов, 1994).

На некоторых городищах удалось проследить план расположения жилищ. Впервые это было сделано В.А. Городцовым на Городецком городище. Как и большинство других, это городище имело треугольную форму, а на его внутренней площадке по периметру располагались землянки, замыкая таким образом внутреннее пространство, в центре которого находилась круглая землянка.

Совершенно другую планировку имело близкое по времени Чардымское городище, расположенное в 35 км к северу от Саратова. Площадь этого городища имела в длину не более 80 м и столько же в ширину. На этой площадке в северо-западном углу размещались 10–12 полуземлянок размером 20–25 кв. м (рис. 5: 3). Остальная площадь оставалась свободной, где, весьма возможно, стоял скот. М.А. Радищев отметил, что на Хвалынском городище № 10 жилища в виде продолговатых углублений располагались в два ряда. По-видимому, эта планировка близка саратовской группе. Следует отметить, что планировка жилищ на поселениях городецкой культуры (рис. 5: 2) отличается от планировки жилищ в памятниках дьяковской культуры, где, как показали раскопки В.А. Городцова и П.Н. Третьякова, строения располагались в другом порядке (Третьяков, 1966).

Хронология и периодизация. Несмотря на длительную историю изучения городецкой культуры, вопросы её периодизации и хронологии до сих пор носят дискуссионный характер. В российской археологии имеет место традиция синхронизации городецких древностей с эпохой раннего железного века степной полосы, что предполагает их бытование с рубежа II–I тысячелетия до н. э. по середину I тысячелетия н. э. При этом большинство исследователей связывает с данными древностями сложение ряда финно-угорских культур. Исходя из чего, финал городецких древностей определяется появлением этих культур, генезис которых приходится на разное время, что «растягивает» верхнюю границу городецкой культуры: от первых веков нашей эры до середины I тысячелетия (Зеленева, 1988, с. 85, 86; Вихляев, 2000; Архипов, 1973, с. 86 и сл.). Однако данное предположение носит чисто теоретический характер, поскольку оно не подкреплено конкретными данными по хронологии существования городецких памятников.

На наш взгляд, при определении времени существования городецких древностей необходимо

исходить из принципов единства и преемственности их культуроопределяющих признаков. Такими признаками являются: сетчатая и рогожная керамика с Т-образными венчиками, первоначально сосуществующая с тычковой посудой, мысовые поселения, укрепленные земляными сооружениями, железодельная металлургия, развитая костяная индустрия. При этом керамика является этнокультурным признаком, а остальные – хронологическими.

Первоначально время существования городецких древностей было определено В.А. Городцовым в рамках III в. до н. э. – III в. н. э. (Городцов, 1899, с. 210), но затем по результатам раскопок Троице-Пеленицкого городища, где была найдена подвеска в виде птички дубровического типа и боспорская монета Савромата IV (276 г.), верхняя дата городецких древностей была отнесена к середине I тыс. н. э. (Городцов, 1930, с. 1). Однако подвеска в виде уточки и синхронная ей монета, видимо, связаны с гладкостенной керамикой рязано-окского типа, которая присутствует в верхнем слое городища, поэтому данные находки не могут датировать городецкий слой памятника. При раскопках Старшего Каширского городища В.А. Городцовым были найдены костяные, однокрылые наконечники стрел, похожие на формы скифских бронзовых наконечников, и синие глазчатые бусы, датированные им с VII по IV в. до н. э. (Городцов, 1933, с. 24, 45).

Хронология В.А. Городцова была принята Н.В. Трубниковой, которая разделила период бытования городецкой культуры на два этапа. К первому этапу (VII в. до н. э. – II в. н. э.) она отнесла городища с рогожной керамикой, изделиями из кости, камня и небольшим количеством металлических вещей. Ко второму (II–V вв. н. э.) – верхние слои городищ с большим количеством металлических предметов, часть которых аналогична находкам из рязано-окских могильников (Трубникова, 1953, с. 67). Впоследствии в Своде археологических памятников к городецкой культуре были отнесены и рязано-окские могильники первой половины I тыс. н. э. (Смирнов, Трубникова, 1965), что вызвало справедливое возражение у В.И. Ледайкина, который ограничил верхнюю границу городецкой культуры временем появления рязано-окских и древнемордовских могильников (Ледайкин, 1971, с. 104, 105).

Большое значение для изучения хронологии и периодизации имели раскопки Б.А. Фоломеева трех окских городищ: Тюкова городка, Шишкинского и Городецкого, имеющих мощные культурные напластования, которые были датированы с помощью радиоуглеродного метода (Фоломеев, 1993). На этих городищах зафиксированы слои с

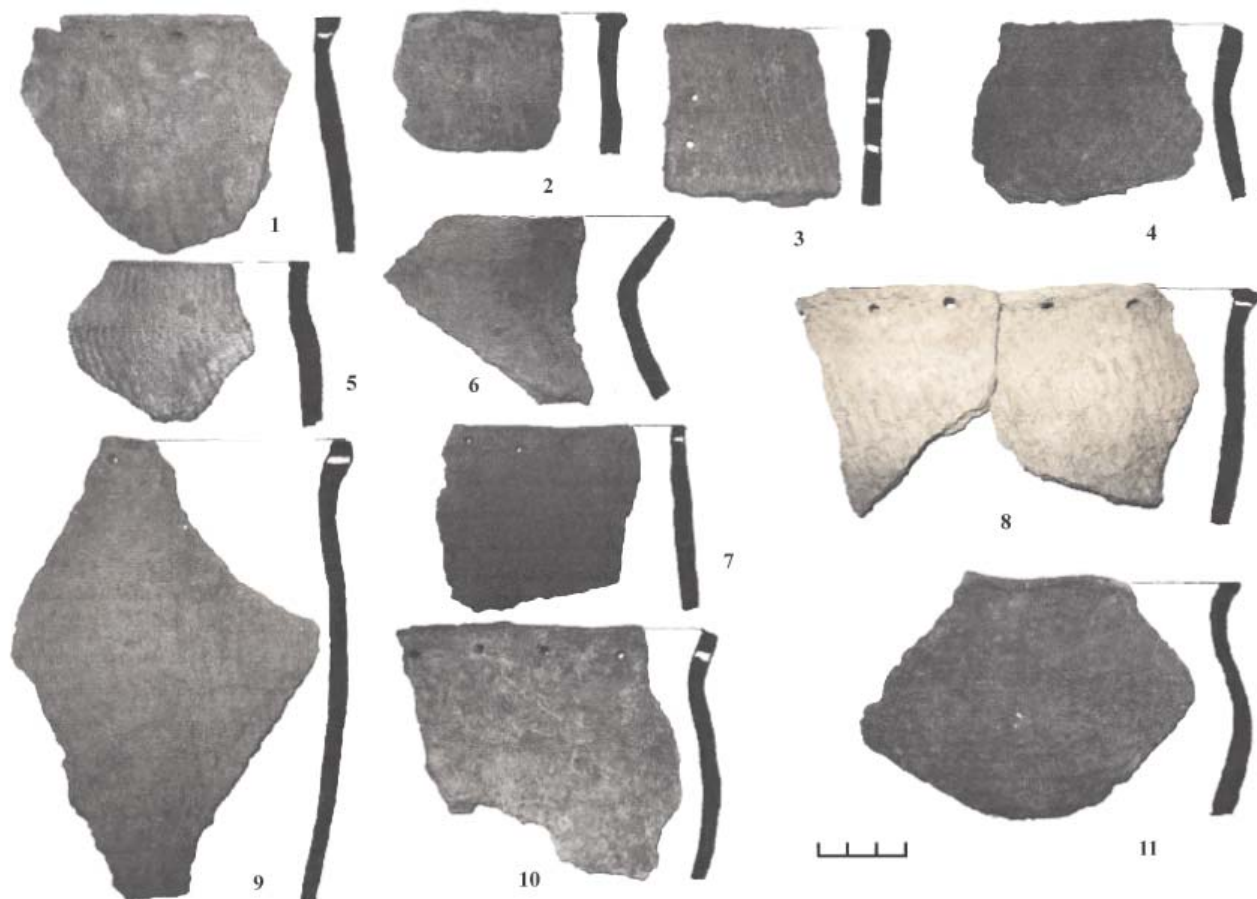

Рис. 6. Городецкая керамика рязанского Поочья

1–7 – Вышгородское городище; 8–10 – Глебово городище; 11 – Городецкое городище (по: Сарапулкина, 2010)

развитой (по терминологии Б.А. Фоломеева) сетчатой и тычковой керамикой финальной поры бронзового века, предшествующие созданию земляных укреплений. Причем сетчатая керамика Тюкова городка украшена «жемчужинами» и ямчатыми вдавлениями. Эти слои датируются XIII–X вв. до н. э. (2970±70 ВР, 2920±60 ВР). Следует отметить, что на Каргашинском городище, раскопанном А.Е. Алиховой, слой с тычковой керамикой по находкам скифских наконечников стрел был датирован VII–VI вв. до н. э. (Алихова, 1959, с. 109, 110).

Оборонительные сооружения на окских памятниках появляются на рубеже II и I тыс. до н. э. На Шишкинском городище выкапывается ров, а на Тюковом городке осуществляется эскарпирование склонов с целью придания им большей крутизны. На Тюковском городище вышележащий слой с позднесетчатой керамикой, характерной для раннедьяковских и городецких памятников, получил радиоуглеродную дату 2580±70 ВР, что соответствует рубежу VIII–VII вв. до н. э. Основание слоя было датировано 2700±40 ВР (IX век до н. э.). Около VI в. до н. э. на Шишкинском и Городецком городищах появились валы, в нижней части на-

сыпи которых впервые была зафиксирована керамика с рогожными отпечатками (Фоломеев, 1993, с. 19–21).

Таким образом, на Оке древнейшие слои с городецкой керамикой, украшенной сетчатыми отпечатками, относятся к VIII–VII вв. до н. э. Этим же временем на Дону А.П. Медведев датирует городецкий слой неукрепленного Пекшевского городища, где кроме сетчатой керамики залегает тычковая посуда. Уже в VI в. до н. э. это городище было разрушено и сожжено скифоидным населением, что лимитирует верхнюю границу его существования (Медведев, 1993, с. 64, 65). Судя по материалам Каргашинского городища, на Mokше в это время могло еще сохраняться население с тычковой керамикой и сложение городецкой культуры здесь происходит несколько позже.

В.Г. Миронов считает данный период прото-городецким, поскольку в это время происходит становление основных признаков городецкой культуры (Миронов, 1995, с. 78). Однако, судя по материалам окских городищ, исследованных Б.А. Фоломеевым, формирование основных городецких признаков наблюдается в предшествующее время, когда носители сетчатой и тычковой

Рис. 7. Городецкая керамика Екатериновского городища

керамики занимают высоко расположенные мысовые участки надпойменной террасы, которые укрепляются эскарпами либо рвами и, возможно, имеют какие-то деревянные укрепления. Валы на данных памятниках, по-видимому, появляются не ранее VI в. до н. э., и они уже характерны для следующего периода существования городецкой культуры.

Одной из характерных черт раннего периода В.Г. Миронов считает наличие на сетчатой керамике «флажкового» орнамента, состоящего из угловых прочерков, нанесенных в верхней части сосудов преимущественно баночной формы,

а также использование тычковых и жемчужных вдавлений. По его наблюдениям, такая керамика характерна для Никитинского, Львовского, Новоселковского и Семионовского городища на Средней Оке (Миронов, 1995, с. 78). Подобную керамику Б.А. Фоломеев фиксирует в нижних слоях Тюкова городка, но относит её к финальной бронзе (Фоломеев, 1993, с. 18). На Мокше практически половина сетчатой керамики украшена тычковыми вдавлениями в нижнем слое Теньгушевского городища и чуть меньше половины керамики верхнего слоя (Вихляев, 2000, с. 23), однако здесь в небольшом количестве присутствует

рогожная посуда (3–5%), поэтому данные материалы, видимо, относятся к следующему периоду. Впрочем, В.Г. Миронов допускает появление рогожной керамики уже в конце раннего (по его терминологии протогородецкого) периода (Миронов, 1995, с. 78), но его предположения не подкреплены стратиграфическими данными. На Дону сетчатая керамика с тычковыми и «жемчужными» вдавлениями известна в материалах нижних слоев Пекшевского городища, где также собрана представительная коллекция орудий из кости, но отсутствуют изделия из железа (Медведев, 1993, с. 66–70). Не зафиксировано железных предметов и в нижних слоях Тюкова городка, Городецкого и Шишкинского городищ (Фоломеев, 1993), что, видимо, свидетельствует о начальной поре знакомства городецкого населения с железом. К.А. Смирнов синхронизирует данный период развития городецких древностей с переходным этапом дьяковской культуры, для которого характерен перенос поселений на высоко расположенные места, находки сетчатой керамики, костяные одношипные наконечники стрел и многозубые гарпуны. По хронологии этот этап сопоставим с киммерийским периодом (Смирнов, 1994, с. 88, 89). На этом временном интервале материалы дьяковских памятников практически ничем не отличаются от городецких и обладают с ними несомненным культурным единством.

Начало следующего этапа совпадает с появлением на городищах земляных валов, которые на ряде городищ фиксируются с VI в. до н. э. В это же время появляется керамика с рогожной орнаментацией, которая первоначально составляет небольшой процент, но с V века до н. э. она становится преобладающей на городищах правобережного Поочья. К этому времени относится распространение грузиков дьякова типа на городищах, расположенных севернее р. Оки, куда рогожная керамика не проникает. Все это свидетельствует о дифференциации раннегородецких памятников, северная часть которых послужила основой для формирования дьяковской культуры. По наблюдениям В.Г. Миронова слои с материалами данного этапа на Средней Оке представлены на городищах Вышегородское, Глебовское, Дьяконовское, Елшинское, Льговское, Новоселковское, Поленское, Семеновское, Троице-Пеленицкое, Юракинское; в Саратовском Поволжье – на городищах Березниковское I и II, Танавское, Чардымские II, IV и др. (Миронов, 1995, с. 78, 79). К данному этапу, видимо, также относится некоторая часть памятников, расположенных в бассейне р. Мокши, на которых преобладают фрагменты керамики с текстильными отпечатками и гладкостенные фрагменты с тычковыми вдавлениями (Ставицкий, 2016).

Таким образом, характерными признаками раннего (протогородецкого) этапа являются: расположение селищ как на высоких труднодоступных местах, так и на пологих участках первой надпойменной террасы, отсутствие земляных валов, крайняя малочисленность или полное отсутствие изделий из железа, плоскодонная керамика, украшенная тычковыми вдавлениями и текстильными отпечатками мелкоячеистой фактуры, при полном отсутствии рогожной орнаментации.

Следующий период развития городецкой культуры В.Г. Миронов датирует VI–V вв. до н. э. Главным его признаком является появление рогожной керамики (рис. 6), находки которой сочетаются с сетчатой посудой. Гладкостенная (тычковая) керамика (рис. 7) в это период значительно уступает рогожной и сетчатой посуде, соотношение которых для разных локальных вариантов культуры различно. На данном этапе, по мнению В.Г. Миронова, происходит освоение городецкими племенами лесостепной зоны, что приводит к формированию основных локальных вариантов культуры. Памятники данного времени отсутствуют только на территории Верхнего и Среднего Посурья и Среднего Поволжья. В результате контактов со степными племенами к городецкому населению попадают скифоидные формы профилированной (не баночной) посуды, украшенной по венчику защипами или широкими зарубками (Миронов, 1995, с. 78, 79).

К данной характеристике этого этапа необходимо добавить появление на городищах земляных валов. Относительно территории Посурья следует согласиться с В.Г. Мироновым, что на Средней Суре городецкие памятники этого периода не известны. Однако на Верхней Суре наличия городецких памятников исключать нельзя. Кроме того, судя по наблюдениям за стратиграфией Окских городищ, доля рогожной керамики на памятниках является достаточно надежным хронологическим, а не локальным показателем и уже к V веку до н. э. она преобладает в городецких слоях (Фоломеев, 1993). По мнению Т.В. Сарапулкиной, указанная закономерность актуальна и для памятников Донского варианта городецкой культуры (Сарапулкина, 2010).

Если предположение Л.И. Черная о технологическом характере изменения орнаментации на посуде верно (Черная, 1981), тогда появление новых способов производства тканей должно было полностью вытеснить сетчатую мелкоячеистую орнаментацию, поскольку сложно представить ситуацию сосуществования более передового способа ткачества с менее эффективным. Возможно, подобное вытеснение действительно имело место. Однако при отсутствии четкой стратификации

Рис. 8. Тычковая керамика Ковыляйского городища

памятника рогожная и сетчатая керамика рассматривается исследователями в качестве синхронной, что не позволяет установить истинного соотношения между данными типами посуды. В этом случае поздняя датировка памятника может быть установлена только при подавляющем преобладании рогожной посуды. Поэтому к данному хронологическому этапу следует относить памятники, на которых доля рогожных отпечатков на посуде не превышает половины керамической коллекции. В противном случае возможны варианты. Если исходить из данных критериев, то материалы Екатерининского городища на Верхней Суре займут пограничное положение (рис. 8), поскольку доля рогожной керамики достигает здесь 58,2%. Данное предположение подтверждается и находкой в городецком слое памятника глазчатой античной бусины, которая датируется V–III вв. до н. э.

(Полесских, 1977, с. 28). Судя по наблюдениям А.П. Медведева, в V в. до н. э. случаи попадания античных импортов в городецкие слои памятников были наиболее частыми (Медведев, 1999, с. 70, 73–75).

Представительная серия радиоуглеродных дат с Давыдовского городища, расположенного на р. Цне, свидетельствует о том, что похожие процессы в это время протекали и на территории Волго-Донского междуречья (табл. 1) (Андреев, Разуваев, 2015). К этому периоду, видимо, принадлежит большинство городищ бассейна р. Мокши, поскольку керамика с рогожной орнаментацией в их материалах занимает довольно скромное место (Вихляев, 2000).

Развитой период городецкой культуры В.Г. Миронов датирует IV–II вв. до н. э. В южном ареале распространения городецких памятников, по его

мнению, в это время идет перестройка экономики городецких племен из-за давления номадов на лесостепь, что приводит к оттоку части населения с Верхнего Подонья и Средней Цны на восток. К данному периоду он относит памятники, на которых над сетчатой и рогожной посудой преобладает профилированная и гладкостенная орнаментированная керамика. По его мнению, в это время на смену сетчатой керамике с крупночешуйчатой фактурой приходит посуда с беспорядочно расположенными отпечатками (Миронов, 1995). Однако, судя по материалам исследований Б.А. Фоломеева, подобные изменения в керамическом комплексе имеют место только на городищах хвалынской группы, поскольку ничего подобного в верхних слоях окских городищ, относящихся по радиоуглеродным определениям к этому времени, не происходит (табл. 1). К IV в. до н. э. здесь начинает безраздельно господствовать посуда с крупночешуйчатым рогожным орнаментом (Фоломеев, 1993). Примерно та же картина наблюдается и на Дону, где к началу данного периода относятся материалы второго Перехвальского городища (Медведев, 1999; Александров, Гольева, 1996, с. 177, 182).

Одним из важных хронологических показателей этого периода является малочисленность находок железных орудий в слоях городецких памятников. По-видимому, рубеж III–II вв. до н. э. является той гранью, после которой у населения лесной зоны происходит резкий скачок в развитии железоделательного производства. Подобные изменения зафиксированы Н.А. Кренке при исследованиях Дьяковского городища, в верхнем слое которого наблюдается резкая смена костяных орудий на железные (Кренке, 2011, с. 73). По-видимому, те же самые процессы происходили и в родственной городецкой среде (Ставицкий, 2014).

Следует отметить, что с рубежом III–II вв. до н. э. связаны заметные изменения в обработке внешней поверхности глиняной посуды Дьяковского городища, которая в верхнем слое памятника становится преимущественно гладкостенной (Кренке, 2011, с. 112–115). По городецким памятникам подобных выразительных стратиграфических наблюдений пока еще нет, однако заслуживают внимания результаты датирования слоя в основании вала первого Перехвальского городища, относящиеся ко II в. до н. э. (табл. 1), в котором городецкая керамика с рогожным орнаментом не зафиксирована (Александров, Гольева, 1996).

С учетом изложенного в уточнении нуждается верхняя граница данного периода, которую следует ограничить III до н. э. Причем к данному рубежу, видимо, относится финал существования городецких памятников на территории лесостепной зоны (Ставицкий, 2016). По мнению

В.Г. Миронова, со II в. до н. э. имеет место усиление давления сарматских племен на лесостепное городецкое население, что вызывает отток южной части городецких племен в лесную зону Среднего Поволжья (Среднее Посурье, Верхнее Примокшанье и на Самарскую Луку) (Миронов, 1995). Городецкие памятники Самарской Луки изучены недостаточно, поэтому справедливость данного тезиса пока что находится под вопросом. По мнению В.Н. Зудиной, городецкие памятники на Самарской Луке появляются на раннем этапе существования данной культуры (Зудина, 2010, с. 106, 107). Невыразительность их культурных слоев вряд ли может свидетельствовать об их продолжительном существовании в данном регионе. К тому же на местной городецкой керамике не фиксируется скифоидных черт, которые весьма характерны для городецкой посуды Саратовского Поволжья.

Нет данных о притоке дополнительного населения во II до н. э. на территорию Посурья и Примокшанья. Все местные городища бедны находками железных изделий, поэтому вряд ли период их существования можно датировать временем позже III до н. э. В тот хронологический период укладываются и немногочисленные импорты, по которым можно датировать их слои. В частности, синие глазчатые бусы, относящиеся к V–III вв. до н. э., зафиксированы на Екатериновском (Полесских, 1977) и Давыдовском городищах (Андреев, Разуваев, 2015), Софьинском селище (Ставицкий, 1995). К IV в. до н. э. относится железный трехлопастный наконечник стрелы с коротким черешком, найденный вместе с наконечником с монолитным пером треугольного сечения на 1 Ахунском городище (Ставицкий, 2015). Единственным исключением является находка на Теньгушевском городище бронзовой сюльгамы с закрученными концами и железного двушипного наконечника (Горюнова, 1939), которые относятся к первым векам нашей эры. Однако данное городище находится на Нижней Мокше, откуда не так далеко до памятников течения р. Оки, часть которых могли продолжить свое существование и на рубеже эр. Тем не менее и на Оке в это время происходит распространение новых керамических традиций, которые в последнее время связывают с носителями памятников типа Каширского городища (Лопатина, Сидоров, 2003). В середине I века н. э. данная территория попадает в зону экспансии андреевско-писеральского населения (Ставицкий, 2013; 2014), с приходом которого городецкая линия развития обрывается окончательно. Двушипные наконечники стрел зафиксированы на ряде рязанских городищ, а на Долматовском городище зафиксирован ритуальный клад с вещами андреевско-писеральского типа (Ахмедов, 2002), появление которых, види-

мо, фиксирует финальный период существования рязанских памятников городецкой культуры и на Средней Оке. В середине II века н. э. на Верхней Мокше, Цне и Оке получают распространение могильники кошибеевского типа в материальной культуре которых уже не фиксируется никаких следов контактов с населением городецкой культуры (Ставицкий, 2015).

Проблема происхождения городецкой культуры

Вопрос о происхождении городецкой культуры впервые был поставлен В.А. Городцовым, который указал на связь материалов Городецкого городища с местными культурами эпохи бронзы, украшавшими свою керамику сетчатым орнаментом (Городцов, 1899, с. 210; 1910, с. 372, 377). В середине 1930-х годов П.С. Рыков обратил внимание, что на ряде саратовских городищ ниже городецких слоев с рогожной керамикой залегают слои с посудой срубно-хвалынского типа. После чего им было выдвинуто предположение, что «рогожный» орнамент на городецкой посуде появился в результате трансформации позднесрубного крупнозубчатого орнамента (Рыков, 1936, с. 54–55). Впоследствии тезис о срубном участии в формировании городецких древностей был оспорен рядом исследователей (Шилов, 1956; Алихова, 1959), и возобладала точка зрения, что керамические традиции городецкой культуры сложились в результате взаимодействия местного населения с племенами поздняковской культуры (Трубникова, 1959, с. 163–168).

В.И. Ледяйкиным генезис городецкой культуры был увязан с происхождением родственных дьяковских древностей, относящихся к единому массиву памятников финно-угорских племен. Им был обоснован тезис о сложении данных древностей на основе памятников культуры сетчатой (текстильной) керамики, посуда которой имеет аналогичную орнаментацию, но отличается от городецкой своей круглодонностью. Керамика с рогожными отпечатками была отнесена им к южному варианту текстильной керамики, памятники которого распространены к югу от р. Оки (Ледяйкин, 1974, с. 37, 38).

Вопрос о происхождении городецких древностей был затронут В.И. Вихляевым при анализе материалов Новошешневского городища, где им было отмечено сохранение некоторых поздняковских черт в орнаментике и форме двух новошешневских сосудов («жемчужных» вдавлений), при общем преобладании городецких признаков. По наблюдениям В.И. Вихляева, городецкая культура в Примокшанье сформировалась в результате активных контактов и ассимилятивных процессов между собственно городецким населением,

пришедшим сюда, скорее всего, с поречья Оки, и племенами, оставившими памятники с тычковой керамикой, проживавшими здесь в конце эпохи бронзы – начале раннего железного века (Вихляев, 1986, с. 207).

В.Г. Миронов, соглашаясь с наличием некоторых поздняковских реминисценций в городецкой керамике, полагал, что нет достаточных оснований для того, чтобы видеть в поздняковской культуре непосредственную подоснову городецкой, поскольку между ними имелся заметный хронологический разрыв. По его мнению, непосредственной основой как дьяковской, так и городецкой культуры является культура сетчатой (текстильной) керамики. Кроме того, прямое участие в сложении городецкой культуры приняли и носители «тычковой» керамики. По его предположению, формирование городецкой культуры происходило в двух центрах: в междуречье Теши – Оки – Волги данные процессы протекали на основе памятников прагородецкой текстильной керамики, а в среднем Поочье (с достаточно быстрым распространением на Верхний Дон) ее базой является псевдорогожная керамика, преобладающая здесь на раннем этапе над сетчатой и гладкостенной. Время сложения городецких памятников В.Г. Миронов относил к VI до н. э., когда на Средней Оке получает распространение псевдорогожная керамика (Миронов, 1995, с. 74–78).

Однако, как свидетельствует стратиграфия Городецкого и Шишкинского городищ в VI в. до н. э., псевдорогожная керамика в раннегородецкое время, вопреки мнению В.Г. Миронова, не являлась здесь преобладающим типом посуды. В слоях Шишкинского городища она начинает доминировать с «верхнего слоя средней насыпи» вала (до 84%), который датируется началом V века до н. э. (2440±80 лет ВР) (Фоломеев, 1993, с. 13, 16, 17).

К тому же Б.А. Фоломеевым фиксируется увеличение количества рогожной керамики на городецких памятниках по мере удаления от Оки на юг, что свидетельствует о распространении данной керамической традиции с юга на север, а не наоборот, как считает В.Г. Миронов (Фоломеев, 1994, с. 155, 156). Кроме того, если принять точку зрения В.Г. Миронова, то становится неясен таксономический статус памятников с текстильной керамикой правобережного бассейна Оки и Среднего Дона, на которых отсутствует рогожная керамика. Данные памятники, в отличие от поселений лесной зоны, нельзя отнести к культуре текстильной керамики, поскольку на них практически отсутствуют керамические формы, характерные для названной культуры, в частности круглодонные сосуды. К тому же верхняя граница культуры текстильной керамики относится к нача-

лу раннего железного века, которая приходится на VIII–VII вв. до н. э., а в V в. до н. э. данные древности уже предстают в трансформированном виде.

На наш взгляд, формирование раннегородецких керамических традиций связано с процессами взаимодействия населения культуры текстильной керамики с носителями бондарихинских традиций, для которых характерна плоскодонная посуда, украшенная тычковыми вдавлениями. Начало этого процесса относится еще к эпохе финальной бронзы, когда население культуры текстильной керамики вступает в контакты с носителями посуды аким-сергеевского типа, древности которых послужили одним из ведущих компонентов при формировании лесостепного варианта бондарихинской культуры (Археология..., 2008). Катализатором этого процесса, видимо, послужили климатические изменения, имевшие места на рубеже II–I тыс. до н. э., когда в результате похолодания на территории лесной зоны складываются неблагоприятные условия для существования местного населения. В результате избыточного увлажнения происходит заболачивание речных долин, происходит сокращение массива широколиственных лесов, на которые с севера наступают еловые леса. Ухудшение условий привело к миграции носителей сетчатой керамики в бассейн р. Оки (Алешинская, Спиридонова, 200, с. 355), южные притоки которой в это время были заняты памятниками аким-сергеевского типа.

Следующий этап формирования городецких древностей относится уже к началу раннего железного века. На период 2700 л. т. н. приходится потепление климата, которое вызвало процессы иссушения степей и это стимулировало миграцию населения бондарихинской культуры в северном направлении. В частности, бондарихинское население занимает бассейн Верхнего Дона и по остепненным коридорам проникает в бассейн р. Оки, где заселяет места целого ряда будущих городищ раннего железного века (Фоломеев, 1993, 1994).

Главную роль в формирование городецких древностей В.Г. Миронов и В.И. Вихляев отводят носителям сетчатой керамики, что вызывает ряд возражений. Форма плоскодонных сосудов городецкой культуры довольно существенно отличается от круглодонных горшковидных сосудов, характерных для культуры сетчатой керамики. Общность керамических традиций между данными культурами в основном прослеживается в орнаментации посуды с помощью текстильных отпечатков. Однако, по мнению А.А. Бобринского, орнаментальные традиции, относящиеся к разряду приспособительных навыков изготовления посуды, легче всего перенимаются в ходе

этнокультурных контактов и их смена возможна на протяжении одного поколения. Более консервативными являются формы глиняных сосудов (Бобринский, 1978), а городецкие сосуды по своим формам значительно ближе к формам тычковой керамики.

Таким образом, формирование городецкой культуры проходило не только в поречье Оки, а на достаточно широкой территории лесостепной и юга лесной зоны, где имели место интенсивные контакты носителей сетчатой и тычковой керамики. Вероятно, к начальной стадии формирования городецкой керамической традиции относятся материалы Климентовской стратифицированной стоянки, расположенной на останце правобережной поймы р. Оки. Здесь в верхней части 5 слоя, формирование которого приходится на заключительную фазу суббореального периода, собрана плоскодонная керамика, орнаментированная преимущественно ямками округлой и прямоугольной формы, нанесенными на поверхность сосуда под углом в сочетании с сетчатыми отпечатками. Венчики сосудов короткие, прямые или слегка отогнутые наружу, тулово слабовыпуклое. По наблюдениям Б.А. Фоломеева, подобная посуда в бассейне р. Оки сменяет раннюю сетчатую керамику, имевшую округлые и уплощенные днища, в конце II – начале I тыс. до н. э. (Фоломеев и др., 1988, с. 182, 183).

Процесс формирования керамических традиций городецкой культуры также иллюстрируют материалы Пекшевского городища, которое является одним из наиболее полно исследованных городецких памятников Среднего Дона. Раскопками под руководством А.П. Медведева здесь вскрыто около 2700 кв. м культурного слоя, мощность которого достигает 2 м (Медведев, 1993, с. 65–71). В нижнем слое этого городища собраны две группы керамики: текстильная и гладкостенная с тычковыми отпечатками, изготовленные по единой технологии с использованием примесей дресвы и песка. В обеих группах преобладают горшковидные сосуды с прямым или отогнутым наружу венчиком, тулово которых профилировано в различной степени. При этом среди гладкостенной (тычковой) керамики присутствует переходная группа сосудов горшковидной формы, имеющих хорошо профилированное округлое тулово и прямой или прогнутый вовнутрь венчик. Эта группа сосудов абсолютно аналогична керамике с текстильными отпечатками. Стратиграфически она тяготеет к основанию среднего слоя, располагаясь несколько выше остальной гладкостенной керамики. Объединяет обе группы керамики и использование общих элементов орнамента в виде жемчужных и тычковых вдавлений. (Медведев, 1993, с. 69–71).

Появление в Подонье данного комплекса керамики А.П. Медведев связывает с миграцией раннегородецкого населения из бассейна Оки, которая имела место в VIII–VII вв. до н. э. (Медведев, 1993, с. 76). Однако для раннегородецкой керамики Поочья характерны сосуды с Т-образными венчиками, которые отсутствуют в публикации керамики Пекшевского городища, что отрицает возможность подобной миграции в указанное время. По всей видимости, сложение данного керамического комплекса проходило на территории лесостепной зоны. Причем если учесть, что перенос бондарихинских поселений с тычковой керамикой на высоко расположенные места имел стадийный характер, то в этом случае Верхнедонской район формирования городецких древностей является одним из наиболее ранних, поскольку только на этой территории пойменные поселения заметно преобладают над памятниками, занимающими высокие места береговых террас. По-видимому, значительная часть верхнедонских памятников городецкой культуры появилась еще в то время, когда не было необходимости в строительстве защитных сооружений, т. е. в самом начале раннего железного века.

Хозяйство. Несмотря на более чем столетнюю историю изучения городецких древностей, до сих пор не достигнуто единого мнения о преобладающем хозяйственно-культурном типе городецкого населения. А.П. Смирнов, основываясь на многочисленных находках костей домашних животных на городецких памятниках, пришел к выводу, что в их хозяйстве огромную роль играло скотоводство, а охота и рыболовство не имели большого значения (Смирнов, 1952, с. 47). Н.В. Трубниковой была высказана точка зрения, что наряду со скотоводством важное место занимало рыболовство, а охота и земледелие были развиты слабо (Трубникова, 1953, с. 74–76). При подготовке Свода археологических источников по городецкой культуре возоблагодало мнение А.П. Смирнова о том, что основой хозяйства городецких племен являлось мотыжное земледелие и скотоводство, а промысловая и лесная охота имела подсобное значение (Смирнов, Трубникова, 1965, с. 28). Однако их выводы были основаны на использовании материалов поздних, в том числе не городецких, слоев поселений, а также рязано-окских могильников (Ставицкий, 2012).

А.Л. Монгайт, подводя итоги изучению городецких памятников Рязанского Поочья, пришел к выводу, что в условиях лесной полосы мотыжное земледелие и скотоводство не могли быть основой хозяйства. По его мнению, хозяйство городецких племен было комбинированное и сочетало в себе

мотыжное земледелие, лесное скотоводство, рыболовство и охоту (Монгайт, 1961, с. 66–68).

В.И. Ледяйкин, проанализировав материалы городецких памятников Мордовии, пришел к заключению, что основой их хозяйства являлось животноводство при наличии переложной системы земледелия, важную роль также играли охота и рыболовство (Ледяйкин, 1970, с. 94–97).

Хозяйственно-культурный тип городецких племен был рассмотрен Ю.А. Красновым на широком фоне развития экономики населения лесной зоны в эпоху раннего железа. Территория городецкой культуры была отнесена им к району, где было распространено скотоводческо-земледельческое хозяйство с развитой охотой и рыболовством. По его мнению, развитое животноводство и бесплужное земледелие сочетались здесь с охотой и рыболовством, которые продолжали играть значительную роль в комплексном хозяйстве (Краснов, 1971, с. 165).

Данные о скотоводстве городецкого населения основаны на остеологических материалах, полученных при раскопках ряда городищ. К сожалению, большинство городецких памятников относятся к разряду многослойных, что затрудняет выяснение процентного соотношения различных видов домашних животных в стаде. Тем не менее общая картина ясна. По подсчетам В.И. Цалкина не менее 75% костей в кухонных отбросах городецких городищ принадлежало домашним животным (Цалкин, 1961). С учетом того, что от домашних животных получали не только мясо, но и молоко, их доля в питании должна быть еще выше. О развитии молочного скотоводства, в частности, свидетельствуют находки днищ со сквозными отверстиями, служившие, видимо, для процеживания сыворотки (Ставицкий В.В., Ставицкий А.В., 2012).

При раскопках первых городецких памятников В.А. Городцовым было отмечено, что в видовом отношении среди домашних животных решительно преобладали лошади. В частности, костями лошади изобиловал нижний слой Городецкого городища, в верхнем слое которого их количество сокращалось. Почти на всех городищах на втором месте за лошадьми следуют свиньи. В.А. Городцов отмечал, что в древнейших наслоениях Городецкого городища они едва заметны и на раннем этапе местное население в основном занималось коневодством, но уже во второй половине I тыс. до н. э. свиноводство заняло прочное место среди занятий обитателей городищ (Городцов, 1934, с. 38).

Данная точка зрения впоследствии была скорректирована Ю.А. Красновым, по мнению которого преобладание в стаде свиньи или лошади на

различных памятниках во многом объясняется природными условиями, которые могли быть особенно благоприятны для разведения какого-то конкретного вида. Им же было отмечено, что простой подсчет процентного состава костных остатков не дает истинного представления о составе домашнего стада и реально его большую часть составляли лошади и крупный рогатый скот, а свиньи занимали только третье место, мелкий рогатый скот составлял незначительный процент (Краснов, 1971).

Общее представление о видовом составе животных на городецких памятниках дает таблица 2.

Особенный интерес в ней представляют данные по Теньгушевскому городищу, где отсутствуют слои более позднего времени, а материалы бронзового века существенно уступают городецким как по количеству, так и по сохранности. Е.И. Горюнова по находке железного двушипного наконечника стрелы римского типа датировала данное городище первыми веками нашей эры (Горюнова, 1940, с. 77, рис. 16: д).

К более позднему времени относятся материалы Самозлейского городища, где преобладающей является гладкостенная керамика. На теньгушевском городище наблюдается существенное преобладание костей свиньи, второе место занимают кости лошади и крупного рогатого скота, совсем незначительный процент составляют находки костей мелкого рогатого скота. На Самозлейском городище на первом месте находки костей лошадей и крупного рогатого скота, кости свиньи встречаются почти в два раза реже, но более представительны находки костей мелкого рогатого скота. О количестве находок костей диких животных по Теньгушевскому городищу данных нет, в публикации Е.И. Горюновой только отмечено, что довольно многочисленны находки костей медведя и пушных зверей. На Самозлейском городище среди диких животных к массовым находкам относятся только кости зайца. Основываясь на анализе материалов раскопок Теньгушевского городища, Е.И. Горюнова пришла к выводу о ведущем значении в хозяйстве городецких племен животноводства, которое дополнялось земледелием, охотой и рыболовством (Горюнова, 1940, с. 78).

Судя по долговременному характеру существования городищ, по наличию в стаде большого числа свиней и крупного рогатого скота, скотоводство у городецкого населения было оседлое, или придомное. По мнению большинства исследователей, способы содержания скота были примитивными и базировались на вольном выпасе животных. Свиньи, видимо, свободно паслись в течение лета в лесу, где был в избытке питательный корм (желуди), а осенью с приплодом загонялись в посёлок. На одичавших животных устраивались облавы.

Эта традиция, по наблюдениям Е.И. Горюновой (1947), еще сохранялась в марийских и мордовских селах первой половины прошлого века. Лошади и овцы, вероятно, паслись отдельно. Лошадь первоначально была мясным животным, но также использовалась и для верховой езды, о чем свидетельствуют находки костяных псалий.

Хозяйственные сооружения на памятниках городецкой культуры, связанные со стойловым содержанием скота, неизвестны. Анализ костных остатков из раннего слоя Кондраковского городища показывает, что 2/3 крупного рогатого скота забивалось в молодом возрасте, 72,5% свиней было забито в возрасте до одного года, что свидетельствует об ограниченных запасах кормов, необходимых для зимовки скота. Однако положение заметно меняется в верхних слоях этого городища, где только 1/5 крупного рогатого скота забивалась в молодом возрасте (Андреева, 1940, с. 366–368). Косвенным доказательством достаточно интенсивных занятий городецким населением скотоводством также может служить зафиксированное на площадке городища Перехваль 2 сокращение площади лесов и появление лугов, что, возможно, свидетельствует о появлении пастбищ на месте бывших лесов (Александровский, Гольева, 1996, с. 178). О развитии скотоводства и в частности овцеводства в какой-то степени свидетельствует и значительное количество находок пряслиц и грузиков для ткацкого станка, обнаруженных на городецких поселениях.

Данные о развитии земледелия у населения городецкой культуры немногочисленны. Находки культурных злаков были зафиксированы на Верхнем Дону в одной из построек поселения Студеновка 3 (зерна пшеницы, ржи, ячменя, проса, возможно чечевицы), которая датирована её исследователями временем не ранее VI в. до н. э. (Медведев, 1993, с. 73). Причем вызывает вопросы присутствие здесь зерен ржи, которые на территории лесной зоны получают распространение только во второй половине I тыс. н. э. (Кирьянова, 2005). Возможно, это следует объяснять скифским влиянием на развитие земледелия у городецких племен Подонья, взаимодействие между которыми фиксируется на керамических материалах данного памятника (Медведев, 1993, с. 73, 74). Именно для скифского земледелия характерен перечисленный набор зерновых культур (Милюкова, 1989, с. 116). Отсутствие находок культурных злаков на других городецких памятниках бассейна Дона может объясняться плохой сохранностью органических материалов, поскольку их следы в большинстве случаев могут быть обнаружены только при специальных исследованиях, которые пока проводились только на Втором Перехваль-

ском городище, где подобных злаков обнаружено не было (Александровский, Гольева, 1996, с. 178).

Следует отметить, что находки зерен ячменя, пшеницы и проса были зафиксированы при флотации культурного слоя на некоторых памятниках, расположенных севернее основного ареала городецкой культуры, но составляющих с ними этнокультурное единство, либо оставленных родственными населением. Это селище Вельково I на Плещеевом озере, датируемое первой половиной I тыс. до н. э., где был отобран 21 образец, давший находки зерна (Кириянова, 2005; Вишневский, 1994). По мнению Н.А. Кирияновой, подобные находки могут быть связаны и с ранними слоями селища Ростиславль, относящиеся к этому же времени (Кириянова, 2005). Во второй половине I тыс. до н. э. находки культурных злаков в слоях памятников, расположенных в левобережном бассейне р. Оки, приобретают массовый характер, а под валами некоторых городищ почвоведомы даже зафиксированы следы использования пахотных орудий (Гунова и др., 1996). Впрочем, подобная интерпретация стратиграфических данных, представленных наличием «ровной резкой границы горизонта в разрезе», вызывают сомнения у ряда исследователей, которые полагают, что бесспорные следы пахотных орудий следует связывать только с наличием темных борозд в материке, отсутствующих под данными валами (Конецкий, Самойлов, 2000, с. 324). Кроме того, необходимо отметить, что в это время здесь происходит сложение дьяковской культуры, в формировании которой наряду с местными племенами, видимо, приняло участие западное (балтское?) население, принесшее на данную территорию более передовые методы обработки земли.

По предположению Б.А. Фоломеева, развитие земледелия было одной из причин, обусловившей перенос городецких селищ из речных пойм на высокие участки берега и водораздельные территории Волго-Донского междуречья, где были распространены плодородные серые лесные почвы и черноземы (Фоломеев, 1992, с. 82, 83). На данные процессы, видимо, оказало влияние и изменение климата, выразившееся в похолодании, увеличении влажности, подъеме уровня водоемов и заболачивании пойм (Хотинский, 1978, с. 13).

Находок земледельческих орудий, связанных с пашенной обработкой земли, в ареале городецкой культуры не зафиксировано. Впрочем, вполне вероятно, что древнейшие пашенные орудия не имели металлических деталей и поэтому могли не сохраниться. По мнению Ю.А. Краснова, пашенное земледелие предполагает распространение специализированных орудий, связанных с жатвой урожая, – серпов, которые в данную эпоху могли

быть металлическими (железными) или составными с вкладышами из неорганических материалов (Краснов, 1971, с. 36). Единичные находки железных серпов известны на донских городищах Воргол и Дубики (Разуваев, 2011), где их появление могло быть обусловлено скифским влиянием. Небольшой обломок изогнутого лезвия, который мог принадлежать серпу или жатвенному ножу, найден на Теньгушевском городище в Мордовии (Вихляев, 1992). Здесь же найден небольшой нож с вогнутым лезвием (Горюнова, 1947, рис. 16: г), аналогичный находкам подобных орудий из нижних слоев Дьяковского городища, которые его исследователи относят к прообразам серпов, известных в последующих слоях данного памятника (Гунова и др., 1996, с. 96, 97, рис. 2: 12).

Других находок серпов на городецких памятниках не известно. Причем сравнительно поздно, во II–I вв. до н. э., появляются железные серпы и у более «продвинутых» в данном отношении северо-западных соседей городецких племен дьяковцев (Конецкий, Самойлов, 2000, с. 323). При этом все находки серпов связаны с верхними слоями дьяковских памятников, характеризующихся господством гладкостенной керамики и не встречаются в комплексах с текстильной посудой (Краснов, 1969, с. 5). Впрочем, по мнению В.В. Сидорова, в качестве серпов могли использоваться заостренные, дуговидно изогнутые ребра животных, находки которых известны на ряде окских городищ (Сидоров, 2009, с. 125, 126). Подобные ребра коровы со следами сработанности зафиксированы Е.И. Горюновой и при раскопках Теньгушевского городища, но она, как и В.А. Городцов (Городцов, 1933, с. 8, 9), считала, что эти орудия использовались в качестве стругов для очистки кожи от мездры (Горюнов, 1947). В любом случае отсутствие эффективных металлических орудий, предназначенных для уборки урожая, при использовании для этих целей подручных средств в виде ребер животных может свидетельствовать о том, что данный вид деятельности не относился к числу первостепенных.

По мнению ряда исследователей, для городецких племен была характерна подсечная форма земледелия, развитие которой было обусловлено природными факторами – расположением памятников в зоне широколиственных лесов (Разуваев, 2011, с. 63; Монгайт, 1961; Краснов, 1971). Археологическими признаками подсечного земледелия, по мнению Ю.А. Краснова, является широкое распространение топоров, необходимых для вырубki леса, и частый перенос поселений на новые места, связанный с забросом старых, утративших естественное плодородие участков, и освоение новых вырубok (Краснов, 1971, с. 55, 56).

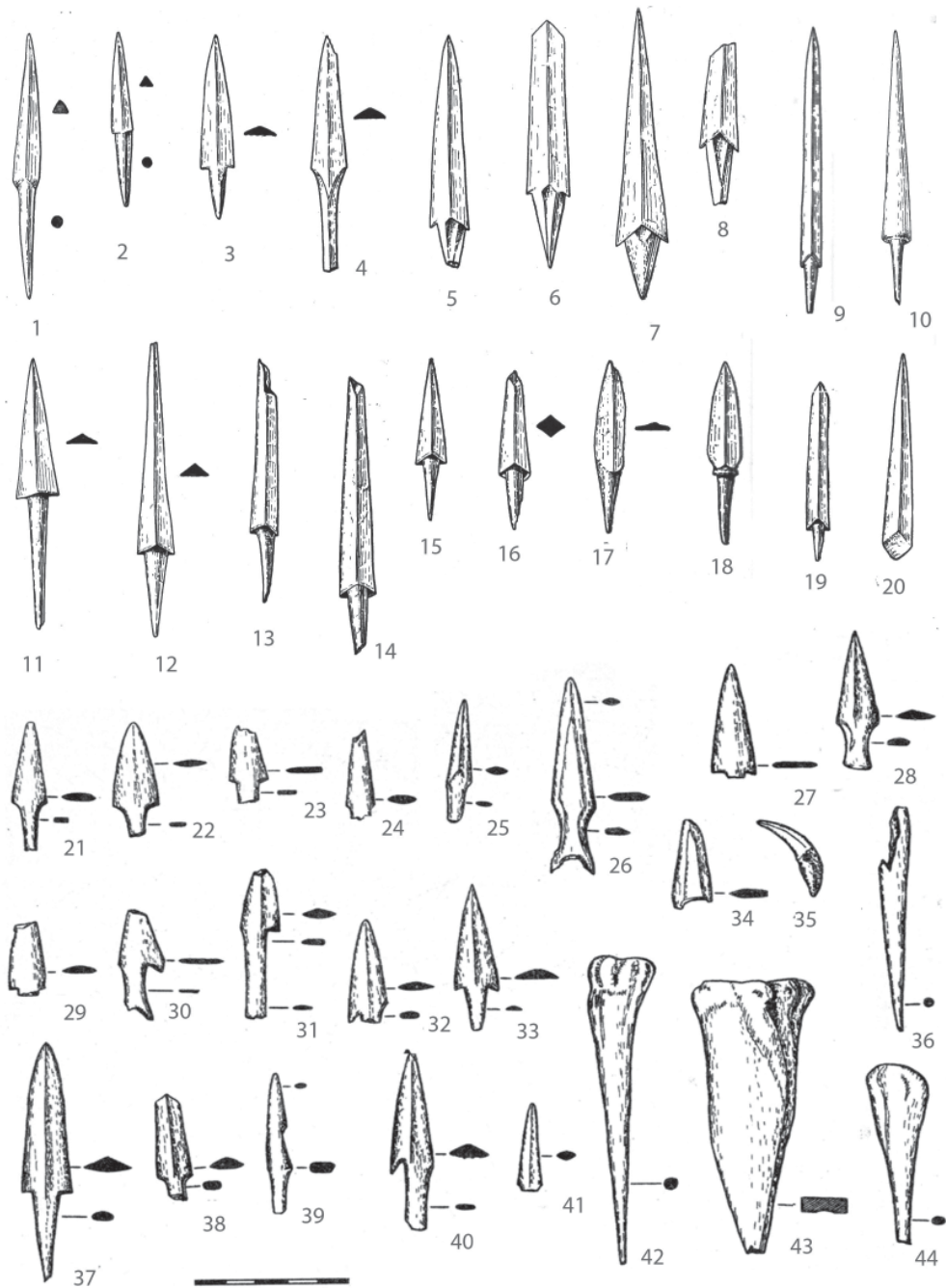

Рис. 9. Оружие и орудия из кости

1–4, 11, 12 – Городецкое городище; 5–10, 13–17, 19, 20 – Вышгородское городище; 18 – Алексеевское городище; 22–44 – Шишкинское городище

Находки металлических топоров на городецких памятниках крайне редки. Железный проушной топор скифского типа найден на городище Дубики (Разуваев, 2011), небольшой молоток-топорик найден на Теньгушевском городище (Горюнов, 1940, рис. 16: б), но его форма и размеры не предполагают использование для подсеки. По мнению К.А. Смирнова, отсутствие находок топоров нельзя рассматривать как аргумент против существования подсечного земледелия, поскольку их высокая ценность и крупные размеры исключали их случайную потерю на поселении (Смирнов,

2001, с. 176). Однако высокая ценность и редкость орудия предполагает использование его альтернативных аналогов. Так, например, у населения Северной Белоруссии, практикующего подсеку, в начале эпохи железа широко использовались каменные шлифованные топоры (Шадыро, 1985, с. 94), а на городецких памятниках подобных орудий не зафиксировано.

Кратковременные, неукрепленные поселения городецкой культуры обычно расположены в пойме рек на песчаных дюнах либо на мысовидных выступах первой надпойменной террасы, в ме-

стах, неудобных для занятий подсечным земледелием, а иногда и просто непригодных. Данные селища, скорее всего, являются сезонными рыболовческими стоянками или местами «полевых станом», используемых в летнее время для выпаса домашнего скота на пойменных лугах. Интересно, что в настоящее время места этих селищ нередко используются для устройства летних загонов скота. Различная хозяйственная специализация подобных селищ раннего железного века отмечена Н.А. Кренке на основе комплексного изучения ближайшей округи Дьяковского городища, где им была выявлена целая система небольших селищ, находившихся в пределах примерно 3 километров от базового поселения. Согласно его выводам, большинство неукрепленных поселений являлось полевыми станами, местами дойки, сезонными стоянками и т. д. (Кренке, 2011, с. 253).

Определенным своеобразием отличаются городецкие памятники верхнедонского локального варианта, где зафиксированы кратковременные неукрепленные поселения, расположенные в лесу, что связывается Ю.Д. Разуваевым с занятием местного населения подсечным земледелием (Разуваев, 1993, с. 63).

В более удобных условиях для занятий подсечным земледелием, как правило, расположены городища, но они в большинстве случаев существуют на одном месте довольно продолжительное время. Предполагаемые следы подсеки были зафиксированы Е.И. Горюновой при обследовании площадки, примыкающей с внешней стороны к укрепленной части Теньгушевского городища, где был обнаружен слой почвы, густо насыщенный золой (Горюнова, 1940). Неоднократное использование данного участка, расположенного рядом с долговременным поселением, было возможно в рамках переложной системы, при которой расчищенные участки леса вновь засеивались с перерывами в 15–20 лет (Краснов, 1970, с. 63). При переложной системе земледелия использовались почвообрабатывающие орудия типа мотыг, заступов и палок копалок. Эти орудия могли снабжаться наконечниками из кости или металла, отдельные находки которых на городецких памятниках известны. Небольшая железная мотыжка и обломок костяной мотыги были найдены на Теньгушевском городище (Горюнова, 1940, рис. 16), наконечник палки-копалки – на Кондраковском городище на Нижней Оке, костяная мотыга – на I Луховицком городище на Средней Оке (Вихляев, 2000, с. 30, 31), наконечник железной пешни – на Чардымском городище на Нижней Волге (Смирнов, Трубникова, 1965, табл. 13: 27), фрагмент железной мотыги – на городище Перехваль 2 на

Верхнем Дону (Сарапулкина, 2011). На некоторых городищах найдены фрагменты зернотерочных плит и песты-терочники, однако они могли использоваться не для размолы зерна, а для каких-то других целей. С учетом того, что по этнографическим данным участки обрабатываемой земли обычно располагались в радиусе 3–4 км от поселения, при перелог, когда не менее 2/3 земли находилось в залежном состоянии и ежегодно не обрабатывалась, их площадь не могла быть большой. Следовательно, земледелие хотя и было известно городецкому населению, тем не менее не играло существенной роли в их хозяйстве.

Металлообработка. Значительные изменения, произошедшие в экономике населения лесной зоны в раннем железном веке, традиционно связываются с распространением железодельного производства, появление которого на данной территории некоторые исследователи относят еще к финалу бронзового века, указывая на находки железных шлаков у населения культуры текстильной керамики (Ставицкий, 2013). К примерам подобного рода А.П. Смирнов относил следы выплавки железа на стоянке Умиление 2, где М.Е. Фосс была найдена керамика с текстильным орнаментом с прилипшими к ней шлаками и натеканиями железа. Здесь же были исследованы две землянки с очагами, содержащими обломки кричного железа (Смирнов, 1952, с. 37). Однако в отличие от круглодонной посуды культуры текстильной керамики данные фрагменты принадлежали плоскодонным сосудам, которые, по мнению М.Е. Фосс, аналогичны керамике из ранних слоев дьяковских городищ (Фосс, 1948, с. 59–61).

Практически отсутствуют находки металлических вещей в ранних культурных напластованиях городецких памятников, характеризующихся преобладанием текстильной и рогожной керамики (рис. 6; 8). В основном из кости и рога изготовлены орудия, найденные на ранних городищах Среднего Поочья и Верхнего Подонья (рис. 9), где, по мнению их исследователей, железо распространение только во второй половине I тыс. до н. э. (Медведев, 1993; Челябинов, 1993, с. 25). А.Л. Монгайт полагает, что выплавка железа была освоена городецкими племенами только на позднем этапе их развития, а до этого металл был привозным (Монгайт, 1961, с. 66). По мнению А.А. Егорейченко, в первой половине I тыс. до н. э. металлургия железа была освоена только населением южной части лесной зоны. Данные племена имели непосредственный контакт со скифами, при посредничестве которых здесь начинает распространяться черная металлургия и металлообработка, а у культур, расположенных севернее, на протяжении длительного

времени продолжается развитие костяной и каменной индустрии, характерных для бронзового века (Егорейченко, 2011, с. 74, 75).

Однако одним из компонентов сложения городищ культуры выступают памятники бондарихинской культуры, население которой поддерживало тесные связи с южными племенами, и уже в начале I тыс. до н. э. им были известны орудия из железа. Данный факт подтверждается находками железных шлаков, которые обнаружены вместе с фрагментами тычковой (бондарихинской) керамики под ранним валом Каргашинского городища и которые датируются по сопутствующим находкам скифских стрел временем не позднее VII–VI вв. до н. э. (Алихова, 1959, с. 106, 107). Следы железоделательного производства (глиняные сопла) присутствуют и в нижнем слое Теньгушевского городища, хотя находок железных предметов в этом слое не зафиксировано (Вихляев, 1992). На наш взгляд, отсутствие или редкая встречаемость железных орудий на ранних городищских памятниках объясняется двумя причинами. Во-первых, как отмечает В. Г. Миронов, на раннем этапе развития металлургии железа для выплавки могли использоваться только богатые металлом руды – с содержанием железа в сухой навеске не менее 25%. Их месторождения представлены оолитовыми болотными рудами, бурными железняками, а также сидеритами и сферосидеритами. Такие руды локализируются в определенных районах, и именно с ними зачастую связаны «гнезда» городищских поселений. Отсутствие вредных примесей, сравнительная неугоплавкость закисно-окисных руд, благоприятные гидрологические условия для их разработки сочетаются с высоким процентным содержанием в них железа. При прокаливании из липецких руд может быть получено от 32 до 55% железа, рязанских – от 27 до 51%, хвалыньских – от 32 до 48% (Миронов, 1995, с. 71). Таким образом, первоначальная ограниченность рудной базы, наряду с трудоемкостью получения железа, приводили к достаточно высокой ценности железных орудий, которые берегли и теряли редко. Во-вторых, древнейшие изделия, видимо, изготавливались из так называемого «сырого железа», которое имело меньшую плотность и, как следствие, в большей степени было подвержено коррозии, что со временем приводило к полному разрушению предметов небольшого размера. Видимо, этими причинами и обусловлена редкая встречаемость железных

предметов. Однако их достаточно широкое использование в быту городищского населения подтверждается полной деградацией кремневой индустрии, которая сравнительно хорошо была развита в предыдущее время у племен культуры текстильной керамики (Археология..., 2008).

По мнению В.И. Вихляева, только в начале позднего этапа развития у населения городищской культуры получает распространение бронзолитейное производство, о чем, по его мнению, свидетельствует отсутствие находок, связанных с данным видом деятельности на Новошенинском городище, в нижних слоях Теньгушевского городища и появление их в верхних (Вихляев, 2000, с. 33). Однако зафиксированные здесь сопла вполне могут быть связаны и с бронзолитейным производством. К тому же бронзолитейное дело достаточно хорошо было развито у населения предшествующих культур, и маловероятно, что оно было забыто в раннегородищское время. Отсутствие следов плавки бронзы, скорее всего, связано с нарушением торгово-обменных связей с племенами – обладателями меднорудного сырья, что объясняется учащением в данную эпоху межплеменных конфликтов, о которых свидетельствует повсеместное распространение на территории лесной зоны укрепленных поселений-городищ.

На Теньгушевском городище Е.И. Горюновой была исследована железоделательная мастерская, устроенная на склоне городища в землянке округлой формы (5,5–5,7 м в диаметре, глубиной 2 м). В помещение вел вход, состоящий из четырех ступенек, спускающихся к земляному полу. Посреди землянки находился глинобитный очаг с большим количеством угля и золы вокруг него. Здесь, видимо, производились кузнечные работы, о чем свидетельствуют найденные в ней куски шлака, железные крицы, льячки и тигли. Второй очаг находился у северо-восточной стенки. В землянке также была сосредоточена обработка кости. Здесь найдено большое количество обтесанных костей и кусков рога, а около постройки были сложены запасы материала: крупные ножные кости лося, лошади, ребра коровы, обрубки лосиных рогов, а также куски кремня. В самой землянке в значительном количестве найдены изделия из кости и рога: иглы, шилья, проколки, дротики, кочедык, нож, а также свыше 30 заготовок орудий (Горюнова, 1947).

ГЛАВА 8. ГОРОДЕЦКАЯ КУЛЬТУРА

Таблица 1

Результаты радиоуглеродного анализа материалов из памятников городецкой культуры

Лабораторный №	Описание образца	Радиоуглеродный возраст ВР	Калиброванный возраст: ВС – лет до н. э.
Городецкое городище			
ГИН-4758	площадка, нижний слой	2970±70	1370–1091 BC
ГИН-4759	площадка, слой с углистыми включениями	2520±40	794–548 BC
ГИН-6266	там же	2390±70	755–395 BC
ИГАН-1105	там же	2431±86	769–399 BC
ГИН-4764	вал, насыпь 2	2440±100	790–400 BC
ГИН-5217	вал, насыпь 2	2250±50	392–234 BC
Шишкинское городище			
ГИН-5767	ров	2920±60	1259–1020 BC
ГИН-5769	вал, средняя насыпь	2440±80	770–402 BC
ИГАН-1109	вал, верхняя насыпь	2129±77	356–092 BC
ГИН-5468	площадка, средний слой (№3)	2360±60	488–392 BC
Тюков городок			
ГИН-5763	подсыпка края площадка	2700±40	921–801 BC
ГИН-5766	там же	2580±50	836–727 BC
ЛЕ-1135	вал, верхний слой	2310±60	542–201 BC
ИГАН-1107	там же	2354±55	591–355 BC
ИГАН-1108	там же	2343±49	547–354 BC
Деевское городище			
ГИН-5216	вал, нижняя часть насыпи	2650±60	941–750 BC
Селецкое городище			
ГИН-4774	слой 6	2570±60	840–507 BC
2-е Перехвальское городище			
КИ-5434	Уголь из основания вала. Глубина 0,5-0,6 м	2320±50	541–347 BC
1-е Перехвальское городище			
ИГАН-1562	Уголь из основания вала, глубина 0,9 м	2071±61	201 BC – 64 AD
КИ-5038	Уголь из основания вала, глубина 0,9 м	1840±90	203–391 AD
Давыдовское городище			
Ле-7908	Деревянная конструкция из насыпи вала	2210±20	361–203 BC
ИГАН-3775	Деревянная конструкция из насыпи вала	2800±70	1128–811 BC
ИГАН-3776	Деревянная конструкция на краю площадки	2890±90	1302–844 BC
ИГАН-4188	Деревянная конструкция жилища на месте перемычки во рву, глубина 1,5 м	2350±80	673–349 BC
ИГАН-4190	Деревянная конструкция из насыпи вала, глубина 1,6 м	2170±90	399–19 BC
ИГАН-4191	Деревянная конструкция из насыпи вала, глубина 0,8 м	2180±70	389–86 BC
ИГАН-4192	Деревянная конструкция из насыпи вала, глубина 1,5 м	2140±70	378–36 BC
ИГАН-4193	Деревянная конструкция из насыпи вала, глубина 0,3 м	2040±70	280 BC –90 AD
ИГАН-4194	Деревянная конструкция из насыпи вала, глубина 2 м	2300±80	571–166 BC
ИГАН-4195	Фрагмент деревянной стены из столб. ямы на площадке городища, глубина 1 м	2340±70	593–346 BC

РАННИЙ ЖЕЛЕЗНЫЙ ВЕК

Таблица 2

Видовой состав животных, выявленных на памятниках городецкой культуры

Виды животных	Теньгушевское	Самозлейское	Чардымское	Танавское	Троице-Пеленицкое
Лошадь	571/14	800	289/15	453/18	21%
Крс	319/15	740	226/11	427/16	7%
Мрс	13/1	295	15/3	74/7	2%
Свинья	714/45	444	28/3	83/14	70%
Собака	85/4	99		5/2	
Лось	*			2/1	10
Медведь	*		1/1		19%
Косуля					
Лиса	*		3/1		51%
Выдра		2		1/1	
Бобр	*			1/1	10%
Зяц	*	130			
Птица				2/1	
Куница					10%

ГЛАВА 9

ПАМЯТНИКИ ГОРОДЕЦКОЙ КУЛЬТУРЫ В САМАРСКОМ ПОВОЛЖЬЕ

Изучение городецкой археологической культуры началось в дореволюционное время с обследования В.А. Городцовым рязанского течения реки Оки и открытия городища у села Городец в Рязанской губернии. В.А. Городцов выделил новую своеобразную культуру на основании наличия керамики с отпечатками рогожки, сетки и различных тканей (Городцов, 1899).

В Самарской области изучение материалов городецкой культуры началось с работ В.В. Гольмстен. В 1922–1923, 1930 гг. под ее руководством были обследованы городища на Самарской Луке, содержащие среди других типов и керамику городецкой культуры. Исследования В.В. Гольмстен нашли отражение в статье, опубликованной в 1925 г. в Бюллетене Общества истории, археологии, этнографии и естествознания при Самарском университете, где В.В. Гольмстен определила датировку городецких материалов I тыс. до н. э., поскольку «рогожная» керамика уже была известна на Оке и в Саратовском Поволжье (Гольмстен, 1925).

С тех пор городецкие памятники Самарской области (рис. 1) достаточно редко становились предметом специального внимания исследователей в силу своей невыразительности, поскольку материалы этой культуры на самарских памятниках представлены практически исключительно фрагментами керамических сосудов. В основном памятники с «рогожной» керамикой попадали в поле зрения исследователей во время разведочных работ на Самарской Луке. В 1936 году экспедиция Института истории материальной культуры под руководством Г.П. Гроздилова проводила обследование побережья Волги, в частности было осмотрено городище раннего железного века Лысая Гора. В шурфе на городище был найден фрагмент керамики с сетчатым орнаментом (Гроздилов, 1941).

В 1938 году отряд Куйбышевской археологической экспедиции ИИМК под руководством А.П. Смирнова обследовал городище Белая гора. А в 1952–1954 гг. Н.В. Трубникова продолжила обследование поселений раннего железного века на Самарской Луке и по р. Усе (Трубникова, 1960).

Важная роль в изучении культуры оседлых племён раннего железного века Среднего Поволжья принадлежит Г.И. Матвеевой, которая проводила обследования и раскопки белогорских и городецких памятников, а также впервые сформулировала современную концепцию хронологии памятников раннего железного века в Самарской области (Матвеева, 1992; 1986; 2000 и др.).

Благодаря технологическому анализу, проведенному Н.П. Салугиной для городецкой керамики с памятников Самарской Луки, небольшой имеющийся материал получил «новое звучание»: проявились типичные и своеобразные черты городецких памятников восточного варианта в сравнении с другими локальными вариантами городецкой культуры (Салугина, 2000).

В дальнейшем наблюдается спад интереса к исследованию памятников раннего железного века Самарской области. Крупномасштабные исследования на Самарской Луке прекратились в связи с отсутствием финансирования. В 2010 г. В.Н. Зудина подвела итог истории изучения белогорских и городецких памятников в Самарской области (Зудина, 2010). Городецкие материалы в небольших количествах вводятся в научный оборот благодаря обработке старых коллекций и из раскопок многослойных поселений (Чижевский, 2012; Богачев, Вязов, Гасилин и др., 2013; Матвеева, Вязов, Гасилин и др., 2012).

К настоящему моменту на городецких памятниках Самарской области проведены следующие работы.

Городище Каменная Коза. В 1970–1971 гг. было раскопано 276 кв. м. На городище выявлены материалы эпохи бронзы, белогорского типа, городецкой культуры, именьковской культуры, гончарная болгарская керамика и шнуровая прикамская керамика. К городецкой культуре принадлежат 226 фрагментов керамики, 73,9% которых имеют «рогожный» орнамент, а 24,1% – орнаментированы отпечатками сетки (Матвеева, 1975, с. 101).

Городище Лбище. Общая площадь раскопов на городище Лбище составила почти 4 тыс. кв. м. На городище представлено несколько хронологических горизонтов, среди которых материалы городецкой культуры составляют менее 1% от общего

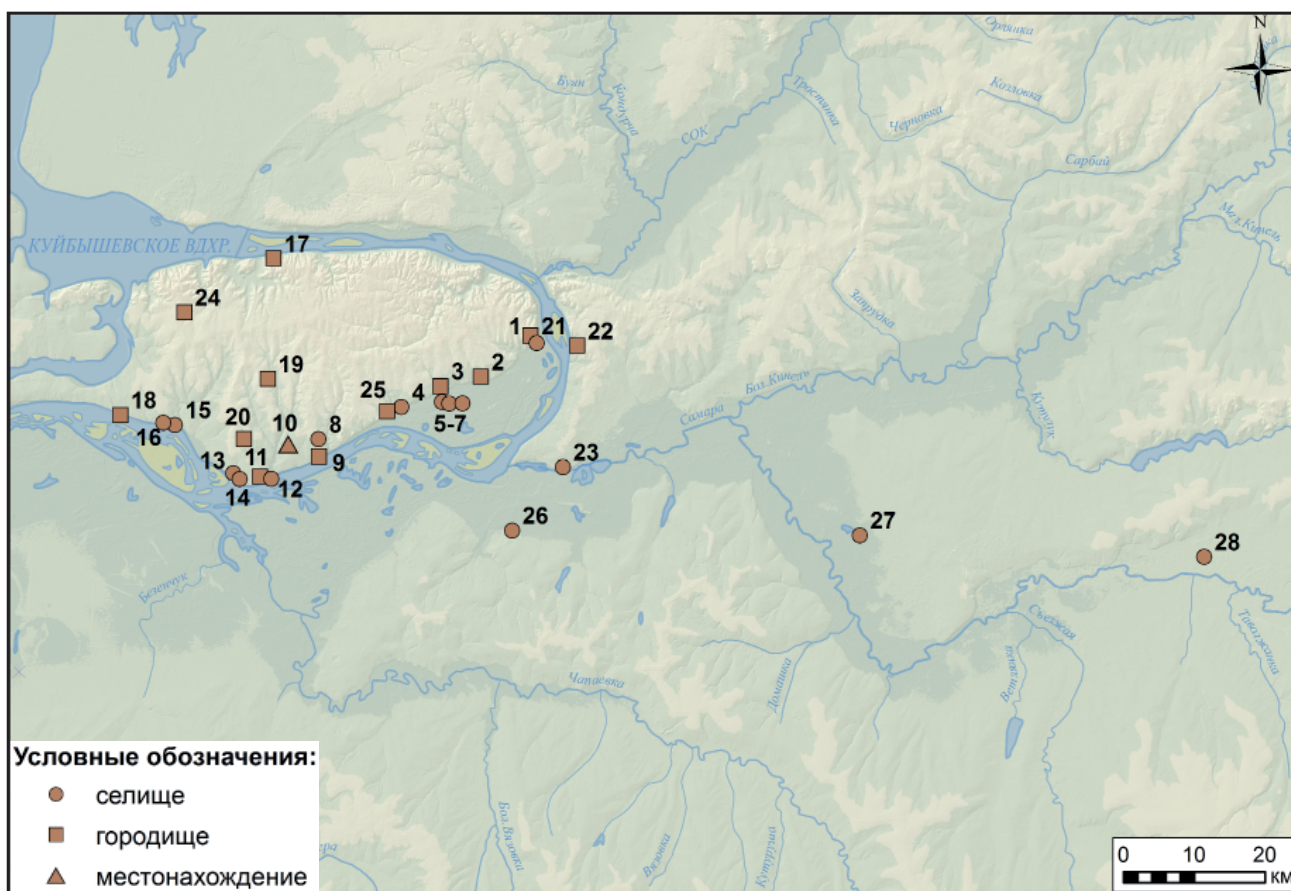

Рис. 1. Памятники городецкой культуры в окрестностях Самарской Луки

количества (Матвеева, Вязов, Гасилин и др., 2012) и происходят из культурного слоя и не из сооружений (Матвеева, 2003, с. 91). Несмотря на малочисленность городецкой керамики, она зафиксирована во время каждого нового исследования на городище (рис. 2) (Расторопов, 1985, с. 100, 103). Городецкая керамика из раскопа 2003 года была проанализирована А.А. Чижевским (Чижевский, 2012).

Переволоцкое городище. В 1988 году на городище были заложены 4 раскопа общей площадью 581 кв. м. В раскопе II, заложенном на бастионе № 4, были обнаружены три фрагмента городецкой керамики с сетчатым орнаментом (Матвеева, Богачев, Набоков, 2010, с. 233, 234).

Кармалинское городище. В 1984–1985 гг. проводились раскопки памятника, в результате которых было получено 922 фрагмента керамики, только 7 из которых относятся к городецкой культуре. Венчики (4) принадлежат слабопрофилированным сосудам, они прямые, расширяющиеся кверху, уплощенные. На большинстве венчиков имеются отпечатки рогожного штампа по верхнему краю (Богачев, Вязов и др., 2013, с. 130).

Торновское городище. Городище открыто В.В. Гольмстен, которая заложила на нем небольшой раскоп, показавший наличие городецкой ке-

рамики. В 1969 и 1973 гг. на городище были заложены шурфы, показавшие наличие как минимум двух типов керамики, один из которых принадлежит городецкой культуре. Орнаментированных фрагментов керамики исследовано 64,8%, среди них 48% имели «рогожный» орнамент, 16,2% – сетчатый.

Малорязанское селище. Раскоп площадью 100 кв. м был заложен в 1971 г. Культурный слой включал материалы эпохи бронзы, городецкой культуры, именьковской культуры, болгарской культуры. К городецкой культуре среди полученного материала относятся 37 фрагментов керамики, 4 из которых представляют собой верхние части сосудов горшечно-баночной формы с прямыми стенками. Снаружи фрагменты керамики покрыты «рогожным» (81,8%) или сетчатым (18,2%) орнаментом (Матвеева, 1975, с. 103).

Новинковское селище. Из разведок В.В. Гольмстен происходят 34 фрагмента городецкой керамики, 32 из них – с «рогожным» орнаментом, 2 – с сетчатым.

Селище Севрюкаево II. В 1998–2000 гг. С.Ф. Ермаковым и О.В. Кузьминой было раскопано 188 кв. м. В 2003–2004 годах под руководством В.А. Скарбовенко заложено еще 2 раскопа (96 и 80 кв. м). В раскопах В.А. Скарбовенко найдено

37 фрагментов керамики городецкой культуры, что составляет всего 4,8% от общего количества керамического материала (рис. 3). Большинство (81,9%) фрагментов городецкой керамики покрыто отпечатками сетчатого штампа (Матвеева, Скарбовенко, 2005, с. 40, 41).

Поселение у с. Красносамарское. Летом 1999 г. экспедиционным отрядом Самарского государственного педагогического университета и СНЦ РАН под руководством П.Ф. Кузнецова были произведены раскопки поселения у села Красносамарское Кинельского района Самарской области. Основной культурный слой поселения относится к бронзовому веку, однако раскопки позволили выявить небольшой процент керамики городецкой культуры (Кузнецов, 2000). Анализ керамики показал, что найденные фрагменты городецкой керамики объединяются в четыре сосуда, один из которых представлен почти полным развалом (рис. 4). Все сосуды покрыты так называемыми «рогожными» отпечатками, которые получены путем прокатывания штампа по поверхности сосуда в горизонтально-наклонном направлении, либо путем выбивания рисунка штампом.

Генезис культуры

В Самарскую область небольшие группы племен городецкой культуры проникают уже в сложившемся виде. Выделяется шесть локальных вариантов городецкой культуры: северо-западный (среднеокский), северо-восточный (нижнеокский), центральный (мокшанско-цинский), восточный (средневожский), юго-восточный (нижневожский), юго-западный (верхнедонский) (Миронов, 1995). Памятники Самарской области относятся к восточному варианту (Салугина, 2000, с. 226).

Область расселения (рис. 1)

Племена городецкой культуры в Самарской области расселились преимущественно на Самарской Луке. Встречены памятники, содержащие городецкую керамику, и на левобережье Волги. Как правило, они располагаются на берегу Волги или недалеко от нее (Коптево городище, Кирпичные Сарай, Федоровка, Воскресенка), есть отдельные пункты находки «рогожной» керамики на дюнах р. Самары в Богатовском и Кинельском районах Самарской области (Захар Калма, Красносамарское).

По современным представлениям, на Самарскую Луку пришлое население проникло через узкий перешеек суши в районе с. Переволоки. К приходу племен городецкой культуры, около IV–III вв. до н. э., Самарская Лука была занята населением белогорского типа памятников. Белогорское население было вытеснено, а возможно – частично ассимилировано пришлым городецким, в результате чего ряд белогорских памятников

оказался принадлежащим пришельцам (городища Каменная Коза, Лбище, Лысая Гора, Белая Гора, Сосновый Солонец). Городецкие племена заняли южную часть Самарской Луки, основав также новые городища и селища (селища Новый Путь III, Брюсяны II, Малая Рязань III, Севрюкаево II, Новинки I, VII, VIII, мнх. Осиновка VI, Ош-Пандо-Нерь II и др.; городища Торновское, Переволокское, и др.). Однако отдельные пункты с городецкой керамикой известны и в северной части Самарской Луки (городище Лысая Гора). Несмотря на то, что многие белогорские памятники заселяют племена городецкой культуры, в целом территория их расселения не совпадает.

Анализируя карту распространения городецкой керамики на Самарской Луке, можно заметить, что памятники располагаются группами, в каждой из которых есть несколько городищ и селищ. Первая группа, от Переволокского городища до селища Брюсяны II, показывает, по всей видимости, путь, по которому городецкие племена продвигались на Самарскую Луку. От узкого волго-усинского перешейка они прошли на восток, по берегу Волги, который в этом месте представляет собой крутой, обрывистый участок Жигулевского плато, изрезанный оврагами и ущельями. Скалистый берег Волги с мысами, образованными крутыми оврагами, представлял собой удобное для обустройства городищ место. Вторая группа памятников городецкой культуры локализуется в районе сел Новый Путь, Севрюкаево, Винновка. Условным центром этой группы можно считать городище Каменная Коза, из раскопок которого получена достаточно представительная коллекция городецкой керамики. Еще одна группа памятников городецкой культуры расположена примерно в 10 км к востоку от предыдущей, в районе сел Шелехметь, Новинки, Торновое. Группа селищ и отдельных местонахождений тянется полосой по предгорьям Жигулей, а на отрогах, выступающих от основного массива плато, расположены городища Торновое I и II, а также несколько в отдалении городище Белая гора (Зудина, 2010).

Таким образом, расположение памятников городецкой культуры группами (гнездами), неоднократно отмечавшееся исследователями (Миронов, 1995), прослеживается и на памятниках Самарской Луки.

Поселения

Памятники городецкой культуры в Самарской области представлены исключительно поселениями. Городища племен городецкой культуры располагаются на высоких мысах – отрогах Жигулевских гор, выходящих в сторону предгорья, а также на стрелках между глубокими оврагами (например, городище Сосновый Солонец). Как

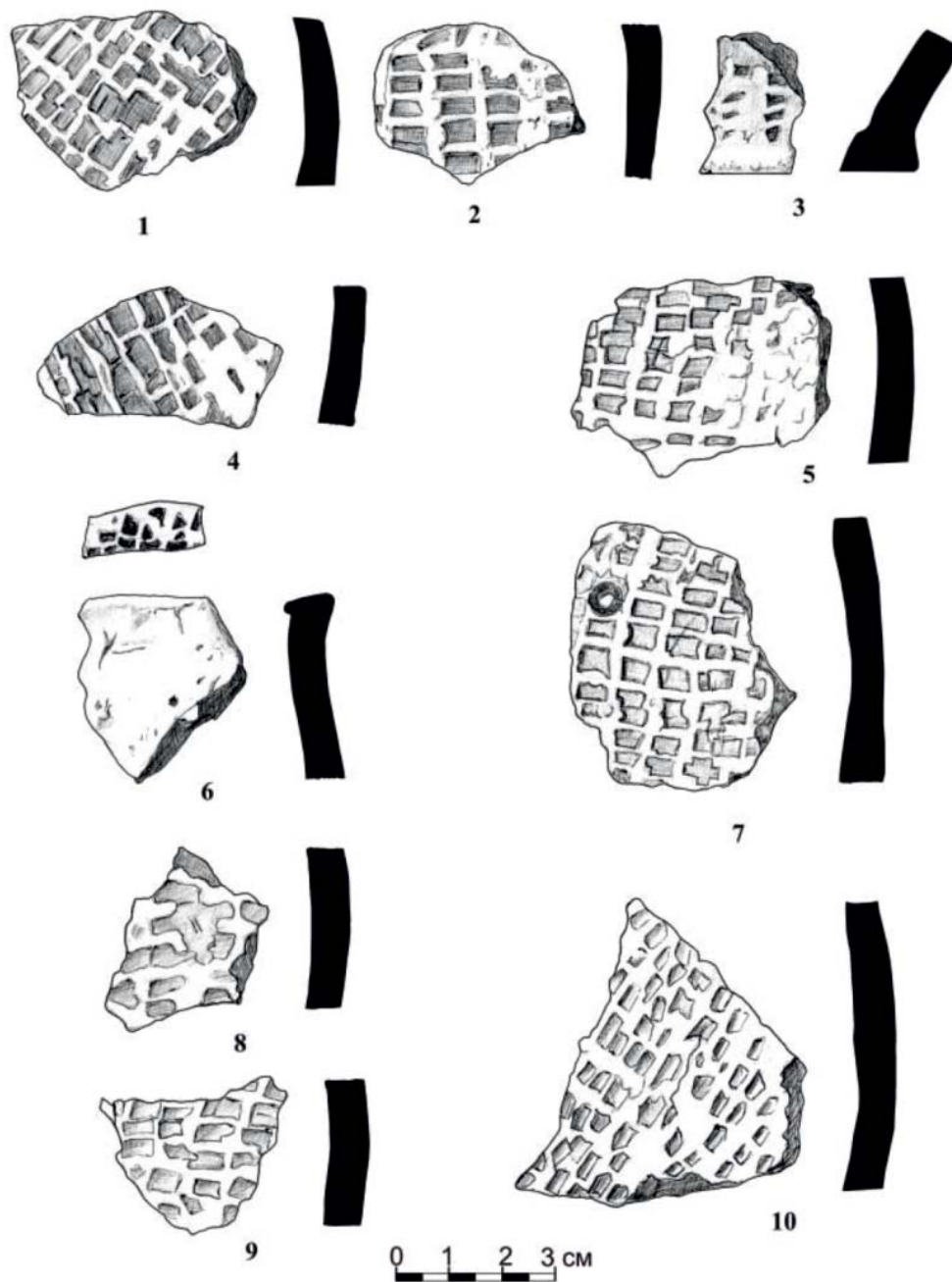

Рис. 2. Керамика городецкой культуры с городища Лбище (по: Чижевский, 2012)

правило, городища невелики по размерам и занимают от 1 до 2 тысяч кв. м, учитывая площадь, ограниченную оборонительными укреплениями. Для городецких городищ характерна одна линия оборонительных укреплений. Однако культурный слой городецкого времени часто локализуется на отдельных участках мыса, а не покрывает его целиком. Кроме того, в большинстве случаев оборонительные укрепления на городищах сооружены либо в предшествующее (белогорское) время, либо перестроены в более позднюю (I тыс. н. э.) эпоху, так что площадь городецкого поселка может не совпадать с территорией городища, обне-

сенной валами и рвами. Немногочисленные разрезы, которые выполнялись на оборонительных укреплениях городищ Самарской Луки, также не показали каких-либо сооружений/достроек, которые можно было бы уверенно связать с племенами городецкой культуры.

Городецкие селища располагаются на высоких надпойменных террасах. Характерно, что в городецкое время появляется больше открытых поселений, чем известно для белогорского периода заселения Самарской Луки.

Жилища раннего железного века не известны ни на одном из памятников Самарской Луки, как

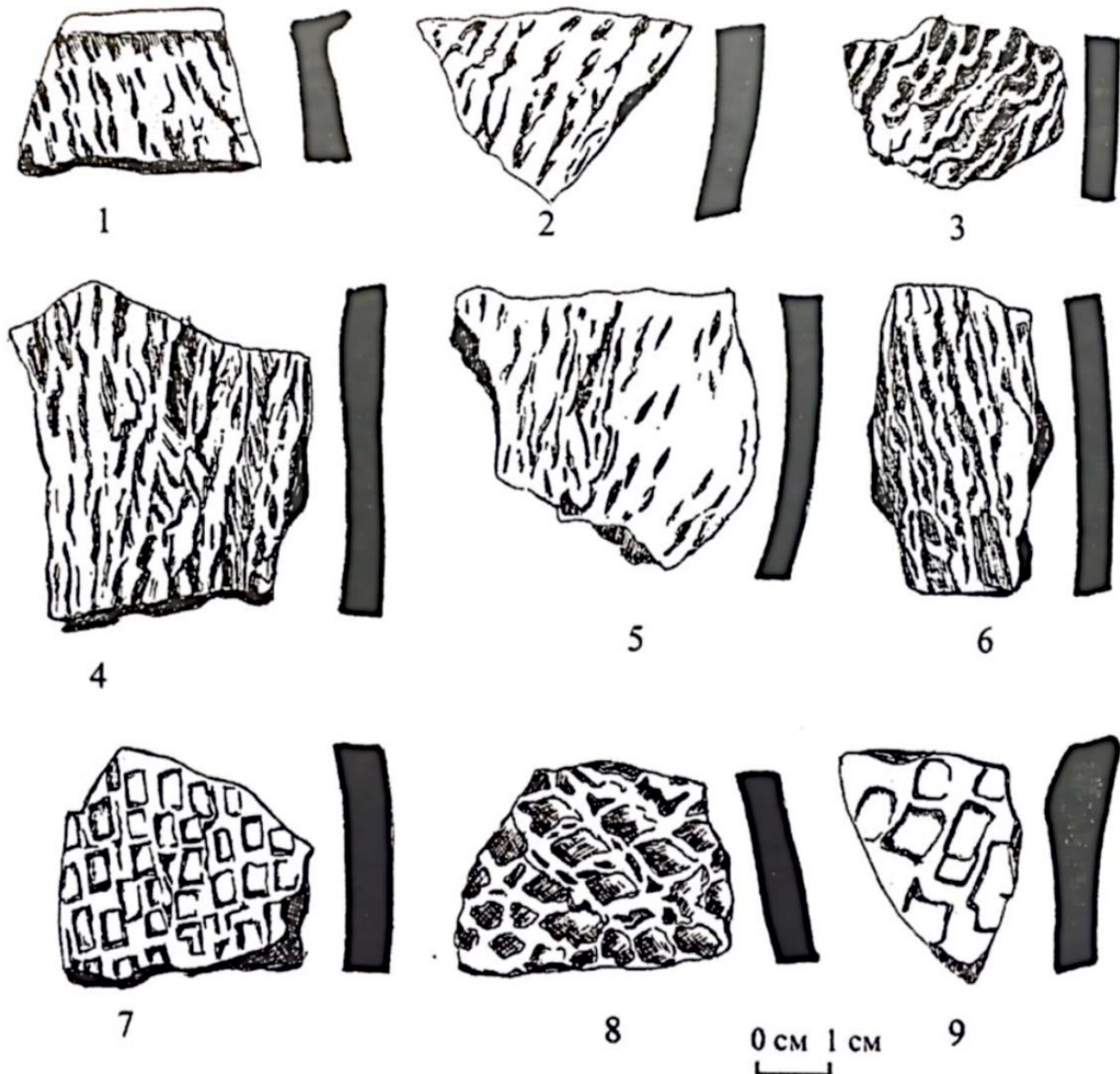

Рис. 3. Керамика городецкой культуры с селища Севрюкаево II (по: Матвеева, Скарбовенко, 2005)

и иные хозяйственные постройки. Возможно, это связано с тем, что твердая горная порода не давала возможности делать углубленное основание для жилищ, и постройки у населения раннего железного века были наземными. На двух городищах – Лбище и Каменная Коза – в раскопах выявлены каменные сооружения, которые по скоплению в камнях и под ними «рогожной» керамики можно связать с городецким населением (Матвеева, 1975, с. 100). Это каменные площадки – жертвенники, две из которых (на городище Каменная Коза) рукотворные, а третья (на городище Лбище) представляет собой естественный выход камня, который был использован в качестве жертвенника. Сооружения на обоих памятниках несут на себе следы огня, а в восточной части жертвенника на Лбище обнаружено большое кострище (Матвеева, 2000, с. 87)

Вещевой комплекс

Вещевой комплекс на городецких поселениях Самарской области представлен почти исключительно фрагментами керамических сосудов и костями животных. Из-за того, что поселения заселялись в древности неоднократно, сложно выделить, какие из остеологических остатков принадлежат времени городецкого освоения территории.

Керамика городецких поселений Самарской Луки представлена фрагментами плоскодонных сосудов в виде слабо профилированных горшков и банок (рис. 2–4). Днища сосудов без закраин. Венчики сосудов плоские, имеют небольшие напльвы с внутренней или внешней стороны, а иногда – с обеих сторон. Внутренняя поверхность сосудов заглажена предметом с мягкой рабочей частью, а внешняя покрыта отпечатками рогожного штампа

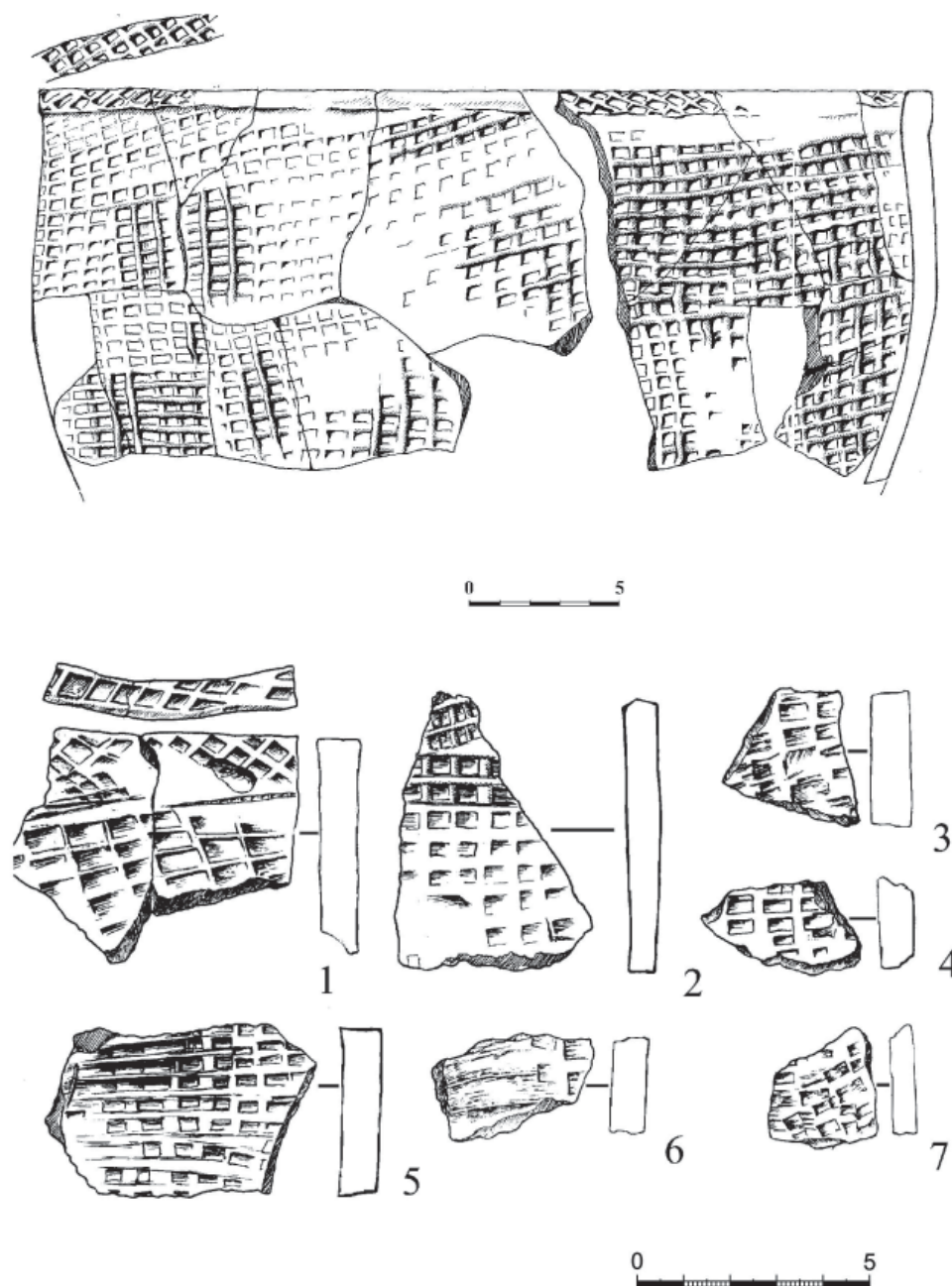

Рис. 4. Керамика городецкой культуры с поселения у с. Красносамарское Кинельского района Самарской области (по: Кузнецов, 2000; Anthony, Brown, Khokhlov, Kuznetsov, Mochalov, 2015)

или сетки. Цвет сосудов желтый, серый, коричневый или красноватый (Матвеева, 2000, с. 87, 88). На всех памятниках Самарской Луки «рогожная» керамика преобладает над сетчатой. В разном соотношении эта зависимость прослежена для городищ Лбище, Торновское, Каменная Коза, селищ Малорязанское, Новинковское, у овра. Ближний Крутенький. По данным В.Н. Зудиной, из 532 учтенных фрагментов керамики 17% (91) имели отпечатки сетки, и 83% (441) – отпечатки рогожного (или псевдорогожного) штампа (Зудина, 2010, с. 107).

Н.П. Салугиной был проведен технологический анализ городецкой керамики с памятников Самарской Луки: городищ Каменная Коза, Лбище, Торновское I, селищ Малая Рязань, Ош-Пандо-Нерь II (всего 229 фрагментов керамики). Ею установлено, что в производстве керамики городецкие племена использовали только ожелезненные глины, в большинстве случаев с включением бурого железняка. Из семи зафиксированных вариантов формовочных масс преобладает рецепт глина+органика, в четверти случаев использован рецепт глина+органика+шамот, встречены также

сосуды с добавлением к глине дресвы (дробленой песчаниковой породы), песка и кости. Для сосудов с памятников Самарской Луки характерно изготовление на формах-основах лоскутным способом из комочков глины. Анализ керамической традиции населения городецкой культуры показал, что наиболее близкими к восточному являются северо-восточный и среднеокский варианты (Салугина, 2000, с. 224–226).

Рогожный штамп, покрывающий поверхность городецких сосудов с памятников Самарской Луки, имеет разные размеры ячеек. Как правило, он образует упорядоченную структуру в виде рядов углублений, расположенных параллельно или наискосок центральной оси сосуда. Ячейки рогожного штампа подчетыреугольной формы. Отпечатки рогожного штампа на разных сосудах имеют разную степень рельефности. Фрагменты сетчатой керамики с городища Лбище (рис. 2) покрыты отпечатками штампа, образованного рядами овальных или линзовидных ячеек, расположенных под углом к центральной оси сосуда (Чижевский, 2012, с. 212, 213). Н.П. Салугина отмечает, что «сетчатая» поверхность, вероятно, образована выбиванием емкости сосуда ячеистой или гладкой с тканевой прокладкой колотушкой. «Рогожная» поверхность является результатом прокатывания штампа с шириной зоны прокатывания около 3–4 см (Салугина, 2000, с. 225). В коллекции с городища Лбище имеется фрагмент гладкого венчика, только по срезу покрытого отпечатками рогожного штампа, что дает возможность рассматривать штамп не как технологический прием, направленный на укрепление поверхности, а в качестве элемента орнамента (Чижевский, 2012, с. 213).

Кроме фрагментов сосудов на городищах найдены пряслица. На Вислокаменском и Торновском городищах найдены круглые плоские пряслица, изготовленные из стенки сосуда с «рогожным» орнаментом (Васильев, 1970, с. 4; Матвеева, 2000, с. 88). С Красносамарского поселения происходит бронзовый трехгранно-трехлопастной (комбинированный) наконечник стрелы со сводчатой головкой и выступающей втулкой (Кузнецов, 2000).

Хронология и периодизация

Памятники Самарской области относятся к восточному варианту городецкой культуры. Согласно существующей периодизации городецкой культуры, материалы городецких памятников Самарской области должны быть отнесены ко второму или третьему этапу городецкой культуры, для которых характерно преобладание рогожной и сетчатой

керамики над гладкостенной. Для второго этапа характерны в основном слабопрофилированные сосуды и преобладание сетчатой орнаментации над рогожной. В свою очередь, для третьего этапа характерно преобладание профилированных форм сосудов с S-образным профилем, но больший процент рогожной керамики по отношению к сетчатой. Рогожные и сетчатые отпечатки на этом этапе покрывают керамику полностью. Т.В. Сарапулкина датирует второй и третий периоды развития городецкой культуры VII–VI вв. до н. э. и V–IV вв. до н. э. соответственно (Сарапулкина, 2010, с. 22). Иные датировки предлагает В.Г. Миронов: VI–V и IV–II вв. до н. э. (Миронов, 1995). По всей видимости, здесь надо принять во внимание, что памятники Самарской области обладают определенным своеобразием в сравнении с донскими и окскими. Поэтому разработанную для городецкой культуры периодизацию нужно рассматривать с учетом местной специфики.

Отсутствие датирующих вещей на городецких памятниках Самарской Луки существенно осложняет датировку этих комплексов. В первую очередь необходимо рассматривать городецкие памятники в системе других материалов раннего железного века, представленных на Самарской Луке. Хронология древностей раннего железного века Самарской области была разработана Г.И. Матвеевой с учетом имеющегося материала. Городецким комплексам предшествуют материалы белогорского типа, которые связаны с южной группой памятников ананьинской КИО. Ареалы обитания городецких и белогорских племен частично пересекаются, есть целый ряд памятников, содержащих археологические комплексы обоих типов (городище Каменная Коза, городище Лысая Гора, городище Лбище, Новинковское селище и др.), но при этом нет никаких свидетельств взаимодействия городецких и белогорских племен. Отсутствуют также переходные типы керамики. Таким образом, наиболее вероятно, что носители городецкой и белогорской керамических традиций не сосуществовали на Самарской Луке. Исходя из этого, временем появления городецких племен в Самарском Поволжье принято считать время опустения белогорских поселений, которое благодаря находке наконечника стрелы на городище Задельная гора определяется IV–III вв. до н. э. (Матвеева, 1975, с. 99).

Таким образом, предварительно можно датировать появление городецких памятников на Самарской Луке временем около III в. до н. э.

ГЛАВА 10

ЧУРАЧИКСКИЙ МОГИЛЬНИК

Согласно современным научным представлениям, правобережье Среднего Поволжья в ананьинское время представляло собой место чересполосного обитания населения нескольких культурных традиций ананьинской культурно-исторической области (АКИО): постмаклашеевской, аозинской-ахмыловской и вятско-ветлужской (культуры гребенчато-шнуровой керамики), которые датируются в рамках VIII–VI вв. до н. э. (Кузьминых, Чижевский, 2009; Чижевский, Оруджов, 2021). IV–III вв. до н. э. исследователями также включаются в периодизацию ананьинских древностей, однако эти «темные века» в истории Волго-Камья пока достаточно слабо освещены археологическими источниками (Черных, 2010, с. 67). Относительно ситуации в этот период в правобережье до сих пор сохраняется положение о запустении региона, высказанное А.Х. Халиковым (Халиков, 1977, с. 258) и получившее поддержку других исследователей (Марков, 1994, с. 79–81). Однако этому противоречат материалы Чурачикского могильника и некоторые отдельные находки из Сурско-Свияжского междуречья, обнаруженные в последнее время (Мясников, 2014; 2017).

Чурачикский могильник расположен в 400 м к западу от левого берега р. Малый Цивиль (Цивильский район Чувашской Республики) (рис. 1), в пойме на возвышенности овальной формы размерами 15×170 м, высотой около 19 м над уровнем реки. На вершине холма расположен курган, который имел диаметр в 20 м и высоту 2 м.

Чурачикский курган-холм упоминался в краеведческой литературе с начала XX в. Его исследования начались в 1958–1959 гг. разведочным отрядом Чувашской археологической экспедиции (В.Ф. Каховский) (рис. 2), а в 1960–1961 гг. при участии А.П. Смирнова были проведены раскопки (рис. 3). Исследования были продолжены в 2001–2005 гг. экспедицией ЧГПУ им. И.Я. Яковлева (Б.В. Каховский) (рис. 4). Всего было заложено 11 раскопов площадью более 1500 кв. м, в общей сложности изучено 146 погребений раннего железного века. Неизученными остаются западная и юго-западная часть могильника (Каховский В.Ф., 1964; Каховский Б.В., Ильина, 2003; Каховский Б.В., 2006а; 2006б).

Памятник многослойный. Сам курган с двумя погребальными ямами в центральной части был возведен в эпоху бронзы и относится к балановской культуре. Позднее, в раннем железном веке, как в самой насыпи, так и за ее пределами были совершены погребения, отнесенные исследователями к позднеананьинским. Верхний слой связан с функционированием чувашского святилища «Киремет» в середине XVIII – начале XX вв.

Погребальный обряд (рис. 2–4)

Могильные пятна и костяки фиксировались на глубине 17–90 см от современной поверхности. Контуры значительной части могил не были обнаружены, т. к. погребения были совершены в почвенном слое. В большинстве случаев ямы имели подпрямоугольную форму с закругленными углами, в ряде случаев с некоторым расширением в области ног или головы погребенного. Обычные размеры ям: 86–215×45–125 см и 5–30 см в глубину от уровня фиксации. Две ямы имели ладьевидные очертания, 360 и 270 см в длину, 100 и 110 см в ширину в центральной части соответственно. В погребении 44 внутри ямы были обнаружены следы обожжённого столба.

Погребальный обряд представлен труположением в вытянутом положении на спине, руки были вытянуты вдоль туловища (иногда одна или обе руки были слегка согнуты в локтях, в нескольких случаях одна из рук была расположена под тазом), ноги чаще всего были вытянуты (в погребении 71 – согнуты в коленях). В погребении 47 ноги были согнуты в коленях и повернуты друг к другу, а стопы повернуты внутрь. Зафиксировано четыре случая, когда ступни ног были настолько близко друг к другу, что заставило авторов раскопок предполагать связывание покойника. В нескольких случаях костяки располагались на левом или на правом боку.

Также на Чурачикском могильнике выделяются вторичные и частичные захоронения (12 погребений). Отмечены захоронения отдельных частей костяка, в частности черепов, скелетов без черепа, костей ног и рук. В погребении 103 череп располагался на груди погребенного. Известно несколько захоронений с сильно раздробленными костями. Отдельные человеческие кости фиксировались в

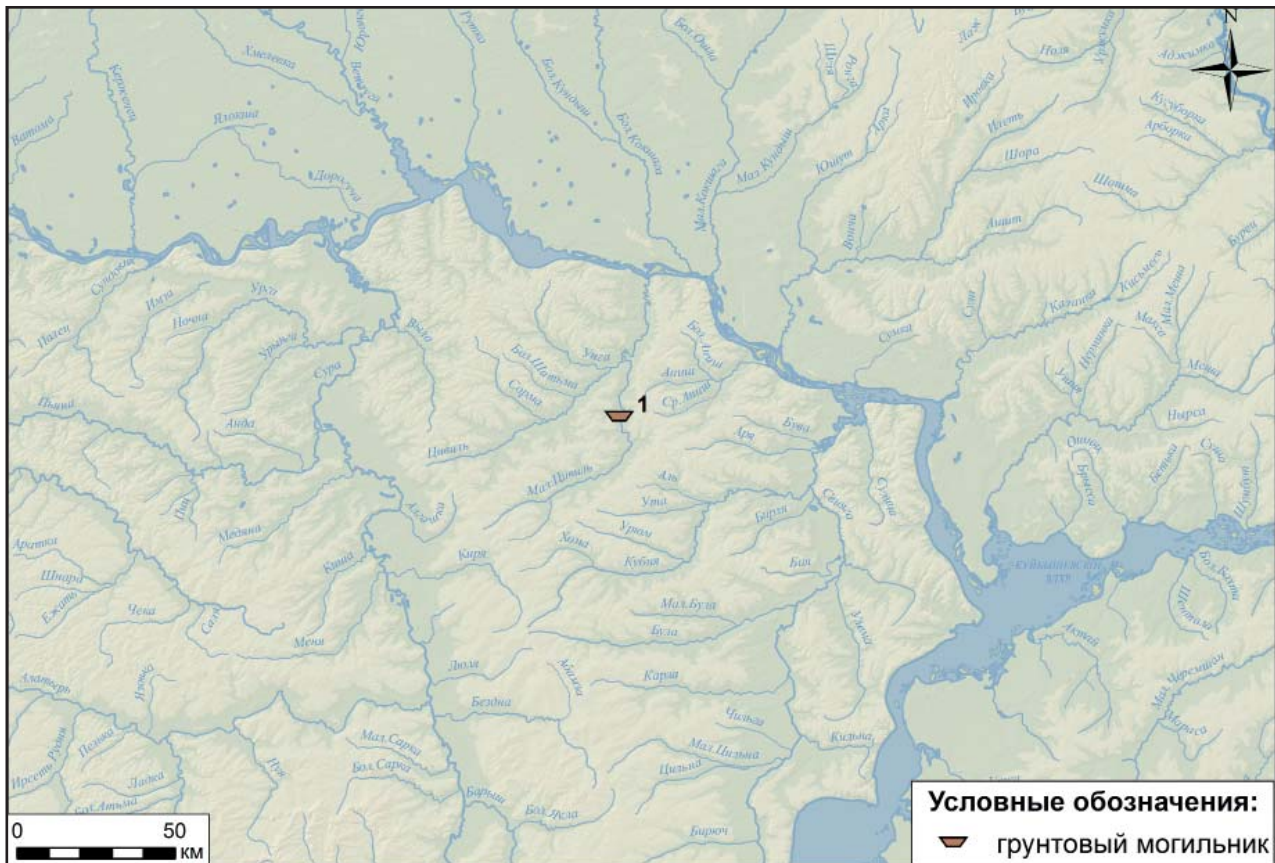

Рис. 1. Место расположения Чурачикского могильника

насыпи кургана в межмогильном пространстве. На одном из черепов зафиксированы следы трепанации. Еще в одном случае на сломанное бедро была наложена «шина» из лопатки медведя.

В погребении 74 отмечены следы кремации на месте с сохранением анатомического порядка костяка. Известны также несколько кенотафов, в основном в северной части могильника.

Абсолютно преобладают одиночные погребения. Зафиксировано четыре парных захоронения (в одном случае – взрослый с ребенком, в остальных – двое взрослых). Костяки в парных захоронениях могли располагаться рядом, друг над другом и в линию. В парном погребении 54 костяки были ориентированы в противоположные стороны. Было обнаружено и тройное захоронение двух взрослых с ребенком. Установлено, что костяки во впускных погребениях уложены немного наклонно по скату кургана – верхняя часть тела несколько выше.

Погребения раннего железного века концентрируются в восточной, северо-восточной и юго-восточной частях как кургана, так и холма, на котором он расположен (могильник курганно-грунтовый). В юго-западном секторе погребений не было обнаружено. В.Ф. Каховский связывал это с тем, что в юго-западном секторе было неудобно ориентировать покойников ногами к реке

из-за ската холма, а Б.В. Каховский с тем, что остальные участки первыми освещаются лучами восходящего солнца. Западная сторона кургана и холма, по его мнению, могла служить для жертвоприношений – здесь найдено наибольшее количество керамики.

Могильник в целом имеет рядовую планировку. Однако в двух случаях погребения образывали определенные территориально выделявшиеся, возможно семейно-родовые, группы. В ориентировке преобладают два противоположных направления: северо-восток и юго-запад. Редкие погребения ориентированы головой на запад и северо-запад. Б.В. Каховский предполагает, что это может быть связано с двумя группами в коллективе, одна из которых хоронила ногами к реке (Малый Цивиль), а другая – головой.

В четырех погребениях фиксируется использование известняка, которым заполняли ямы или «закладывали» погребенных. Погребение 83 было «очерчено полосой известняка». В.Ф. Каховский фиксировал использование камня и каменных плит, расположенных в погребениях вокруг костяка или под ним (7 погребений).

В межмогильном пространстве были зафиксированы кости животных (лошадей, коров, овец) и человека, фрагменты лепной керамики, скопления углей и золы, отдельные украшения (бронзовые

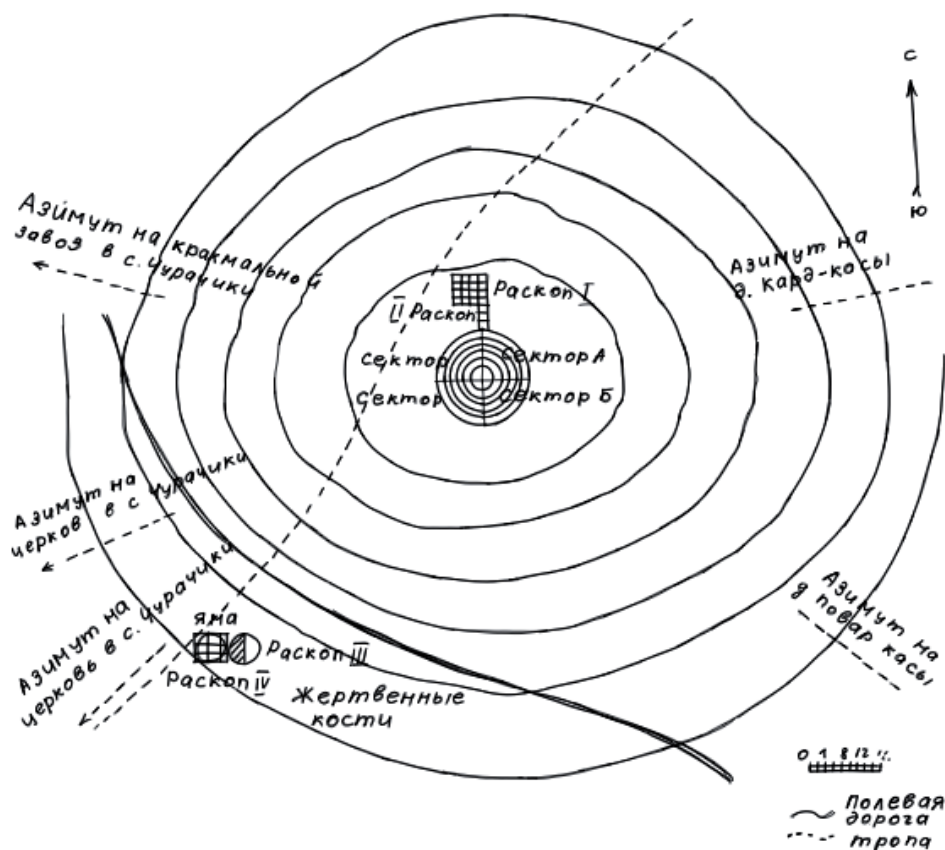

Рис. 2. Топографический план Чурачикского холма-кургана (по: Каховский, 1964)

пронизки, спиральки, бубенчик, стеклянная бусина и др.).

Погребальный инвентарь достаточно беден. Значительная часть захоронений безынвентарна. В могилах фиксировались украшения и детали одежды, оружие, орудия труда и бытовые предметы. В большинстве случаев они были расположены в порядке ношения при жизни, однако есть и исключения. В изголовье или около черепа иногда укладывались дары умершему: костяные псалии и игла, каменный терочник, когти и клыки животных, каменные и керамические пряслица, погребальная посуда (небольшая чаша в погребении 25). Иногда «дарственный» инвентарь оказывался в области ног погребенного. Так, один костяной псалий был расположен между коленками детского погребения, стеклянная бусина найдена на правой тазовой кости костяка, бронзовые бляшки или пронизи изредка фиксировались между берцовыми костями, кремневые отщепы были найдены около кистей рук, на тазу, под ребрами, керамические пряслица иногда располагались в области бедер или рук погребенных. Шилья были уложены в области ног и у левой руки погребенных. Особенно разнообразно положение железных ножей: кроме левого бедра они располагались между ног, у головы, на груди, у рук костяков, а в погребении 92 нож был вложен в сомкнутые челюсти скелета.

В заполнении погребений встречалась керамика (рис. 5: 33–38), куски кремня и кости животных, в частности черепа лошадей, а в одном случае – череп и кости конечностей лошади¹, также зубы и челюсть медведя. В детском погребении 47 у левой берцовой кости найдены заполированные человеческие кости – коленные чашечки и фаланги ног. Б.В. Каховский предполагал, что это игральные кости.

Украшения и детали одежды

Остатки головного убора представлены в нескольких погребениях бронзовыми цилиндрическими пронизями, зафиксированными цепочкой поперек либо вокруг черепа; бронзовой круглой бляхой на лобной кости, бронзовыми бляшками, найденными рядом с черепом.

Одним из самых многочисленных украшений являлись височные подвески, выполненные из круглой бронзовой проволоки трех типов: круглые браслетообразные кольца с несомкнутыми, чуть заходящими друг за друга концами (иногда приплюснутыми) либо приостренными несмыкающимися концами (диаметром 1,5–5 см), восьмеркообразные и очковидные (рис. 5: 1–4).

¹ Вероятно, в ряде случаев кости животных, и в частности черепа и конечности лошади, могут быть связаны с чувашским святилищем «киремет».

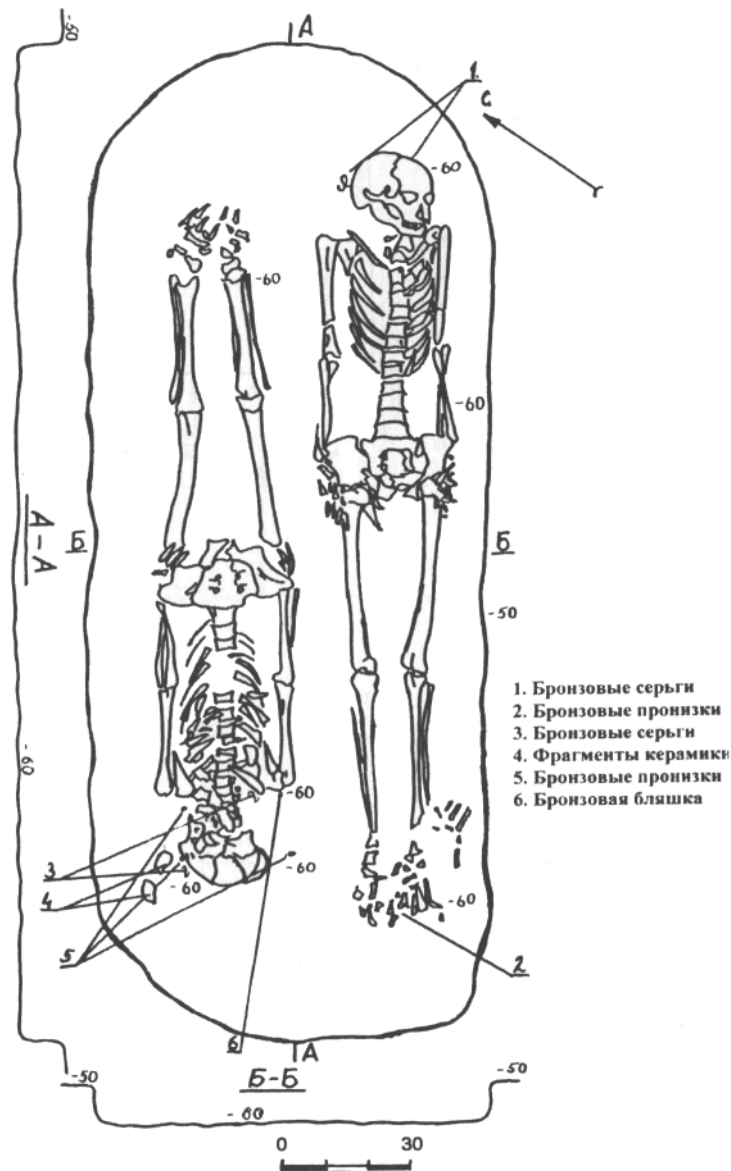

Рис. 4. План погребения 54 (по: Каховский, 2006а)

го размера использовались в оформлении поясов, на головном уборе, в шейных ожерельях и на обуви (рис. 5: 5–10).

В погребении 87 были обнаружены остатки обувной ременной гарнитуры. На кожаный ремешок были надеты бронзовые и железные пронизи, а на концах – бронзовые рифленые трубочки, заканчивающиеся круглым уплощенным кольцом.

Конское снаряжение

Б.В. Каховский считал амулетами костяные зооморфные фигурки с отверстиями (рис. 5: 23). По всей видимости, это псалии. Они имеют стержневидную форму, вытянутые с прямоугольным или округлым отверстием посередине. По-видимому, изображают головки птиц. В двух случаях передан лишь силуэт (обломаны), в третьем – тщательно проработаны контуры головки, показан загнутый клюв, глаза, оперение.

Оружие

Единственный железный наконечник копья имеет лавролистное перо ромбического сечения, и разомкнутую втулку, превышающую по длине перо в 1,5 раза.

Два железных наконечника стрелы сильно корродированы и их тип неопределим.

Одной из самых многочисленных находок на могильнике являются железные ножи серповидной формы (длина ок. 6–11 см) (рис. 5: 25, 26). Их деревянные рукояти украшались в двух случаях бронзовым ободком и конической бляшкой. В одном случае зафиксированы остатки костяной рукояти.

Орудия труда и бытовые предметы

К ним относится костяная игла, два железных шила круглого сечения с остатками сохранившихся деревянных ручек, каменный тероч-

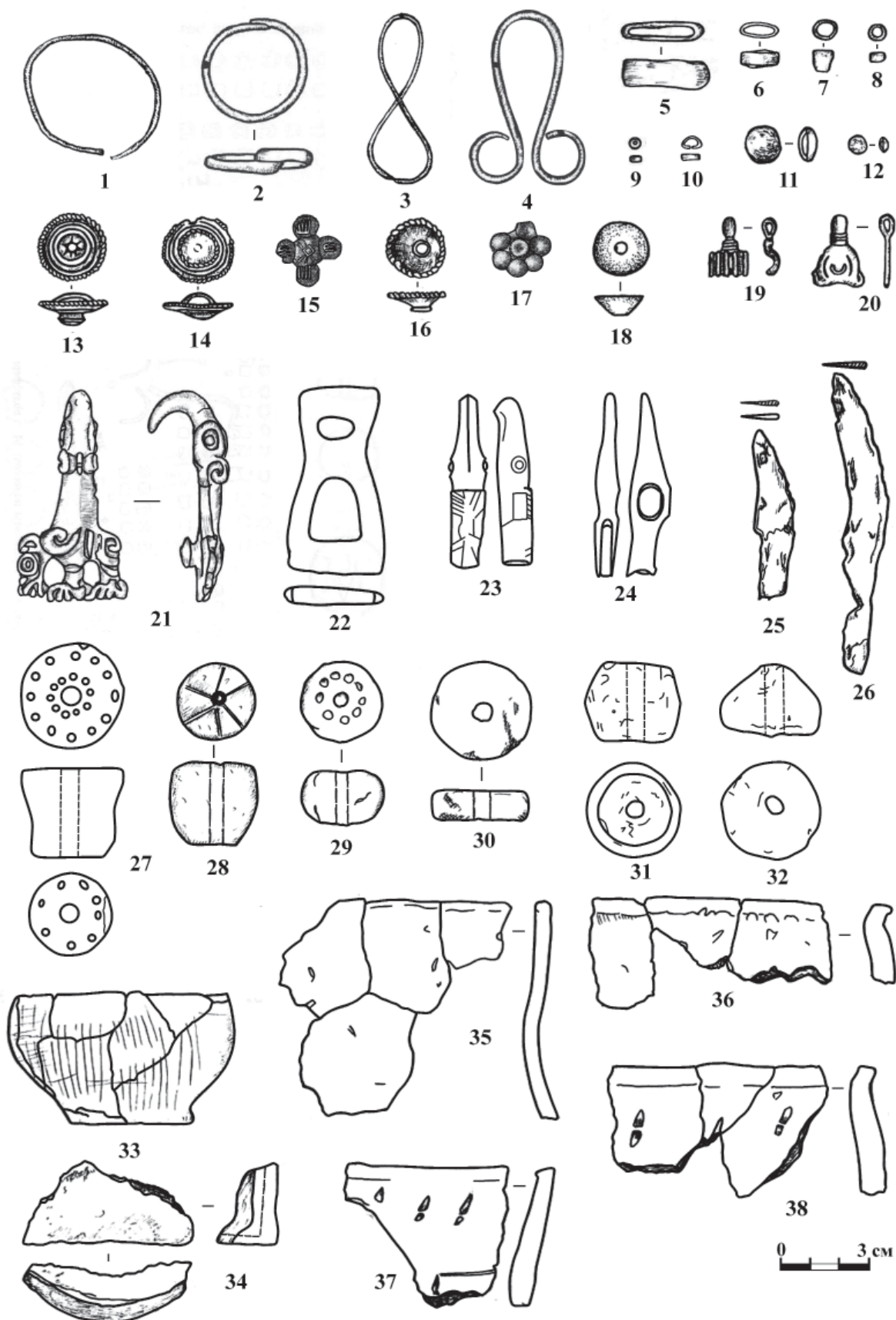

Рис. 5. Погребальный инвентарь Чурачикского могильника

1–17, 19–21 – бронза; 18, 22–24 – кость; 25, 26 – железо; 27, 30–32, 33–38 – керамика; 28, 29 – камень (по: Каховский, 1964; Каховский, Ильина, 2003; Каховский, 2006а)

ник из песчаника, многочисленные кремневые отщепы.

Большой интерес представляют крупные каменные и керамические пряслица конической, биконической, дисковидной, сферической, усеченно-грушевидной формы с орнаментом, состоящим из точек, расположенных по периметру и нарезных линий, расходящихся от центра (рис. 5: 27–32). Вероятно, незаконченным пряслищем является и каменное круглое изделие с недосверленным отверстием посередине и тремя расходящимися от центра насечками. Б.В. Каховский считает, что это модель колеса от игрушечной повозки.

Единственным погребальным сосудом является небольшая лепная керамическая чаша (высота 5 см) из погребения 25 (рис. 5: 33). Форма ее округлобокая, немного закрытая с прямым венчиком, дно плоское. В тесте фиксируется выжимка навоза. На поверхности сосуда орнамент в виде вертикальных резных линий, местами пересекаемых горизонтальными. В погребении 29 был обнаружен развал большого горшковидного плоскодонного сосуда с примесью шамота. Восстанавливается только нижняя часть (диаметр 18 см). По-видимому, сосуд был довольно высоких пропорций.

Фрагменты керамики были обнаружены и в других погребениях и в межмогильном пространстве. В основном это фрагменты грубой крупной лепной слабопрофилированной плоскодонной горшковидной посуды с примесью шамота в тесте с прямым или слегка округлым венчиком, иногда с Г-образным наплывом. Редкий орнамент состоит из горизонтального ряда косо поставленного двузубого штампа под венчиком или на тулове. Некоторые образцы керамики более тонкостенны и имеют следы толченой раковины в тесте.

На наш взгляд, несмотря на существующее мнение о том, что Чурачикский могильник мог быть оставлен населением скифоидной культуры Среднего Дона (Марков, 1994, с. 80, 81), его определенно можно отнести к АКЮ. На это указывают как характерные черты погребального обряда, так и вещевые комплексы. К ананьинским чертам обрядности можно отнести ориентировку к реке (как головой, так и ногами); сочетание ингумации с вторичными и частичными захоронениями (в частности, черепов) при преобладании первой; позу костяка в вытянутом положении на спине с руками вдоль туловища или на тазу с отдельными случаями скорченного положения умершего; преобладание индивидуальных захоронений при наличии парных и коллективных, обкладка костяка камнем, керамика и кости животных в межмогильном пространстве (Чижевский, 2008, с. 78–82). Из погребального инвентаря (несмотря

на его бедность) аналогии в ананьинских материалах находят восьмеркообразные и кольцевые височные подвески, почти все типы бляшек, пронизей и подвесок, костяные псалии, серповидные ножи и наконечник копья (Збруева, 1952, с. 80, 81, табл. IV: 4, 5; VI: 17; XVII: 18; XLVII: 7; Халиков, 1977, рис. 7: 2, 3, 7; 8: 1, 7; 12: 7, 9, 10, 13; 23: БЗ; 53Б; 73: ПЗ; Васильев, 2002, с. 223–226).

Вместе с тем могильник выделяется на фоне культур ананьинского мира некоторым своеобразием. Из погребальной практики это сам факт использования курганной насыпи (этот обряд в Волго-Камье исчезает уже в маклашеевское время). Также нехарактерен для АКЮ обряд кремации на месте погребения (Чижевский, 2008, с. 78–82). Некоторые предметы из погребального инвентаря также не ананьинские. В частности, оригинальны самые многочисленные височные украшения: высокие очковидные подвески с одновитковыми спиралями на концах. Крупные каменные и керамические пряслица как по форме, так и по орнаменту находят аналогии в городецкой культуре и особенно среди древностей раннего железного века Среднего Посурья (типа городища Ош-Пандо) (Ледяйкин, 1970, табл. 1, 2). Несколько предметов имеет импортное скифское происхождение: поясные крючки, некоторые бляшки, две стеклянные бусины. Они же могут быть использованы и при датировке памятника, который относится к IV–III вв. до н. э. (Збруева, 1952, табл. XXXI: 23, 28; Гуляев, 1969, рис. 1, 2; Савченко, 2001, рис. 20: 5; Алексеева, 1975, тип 54в, с. 65).

Большой интерес вызывает керамика Чурачикского могильника, которая, на наш взгляд, имеет смешанное происхождение. Вероятно, ее генезис связан с дальнейшим смешением традиций культуры текстильной керамики и постмаклашеевских, аозинских традиций (а возможно, и ананьинской культуры гребенчато-шнуровой керамики). Ближайшими культурами текстильного мира железного века являются дяковская и городецкая, для которых характерна плоскодонная посуда с примесью шамота и дресвы с текстильными и рогажными отпечатками и без орнамента (в том числе горшковидная и чашевидная) (Смирнов, Трубникова, 1965, с. 16, 17; Кренке, 2011, с. 111, 112, рис. 174–182). Часть этих признаков мы видим в керамическом комплексе Чурачикского могильника. С ананьинской керамической традицией могут быть связаны примеси раковины в некоторых фрагментах, а также использование двузубчатого штампа в декоре посуды (Марков, 2007, с. 15–28, табл. 10: 1, рис. 19: 2; 22: 3, 7; 26: 3; 27: 3). К сожалению, выборка слишком мала для более детального анализа.

Представляется, что мнение о запустении волжского правобережья, в частности Сурско-Свияжского междуречья, после VI в. до н. э. на сегодняшний день потеряло актуальность. Это доказывается не только материалами достаточно крупного Чурачикского могильника, но и случайными находками V–III вв. до н. э., опубликованными в последнее время: два поясных набора и двое бронзовых ножен с зооморфными изображениями (Мясников, 2014; 2017). Вероятно, подобные находки указывают на то, что на волжском правобережье есть еще могильники, аналогичные Чурачи-кам.

Вызывает вопросы дальнейшая судьба этого населения. Древности II–I вв. до н. э. в регионе неизвестны, хотя А.П. Смирнов, Н.В. Трубникова, так же как и В.Ф. Каховский и Б.В. Каховский, считали, что памятники первых веков Чувашского Поволжья являются продолжением развития культуры предшествующего времени и имеют смешанный «городецко-ананьинский» облик (Смирнов, Трубникова, 1965, с. 23; Каховский Б.В.,

Каховский В.Ф., 1992, с. 53–59). В этом отношении интерес представляют материалы писеральско-андреевского круга, некоторые прототипы которым имеются в Чурачикском могильнике. Это парные и одиночные бляшки-накладки, бляшка с ложножгутовыми валиками по кругу и пуговко-видным выступом по центру, бляшка с полусферическими выступами по периметру, пронизи, подвески с уплощенным кольцом на конце, височные разомкнутые приостренные кольца (Зубов, Михеев, 2006, рис. 1: 7, 9; 3: 1–26, 35; 5: 6; Зубов, Лифанов, Радюш, 2011, рис. 12: 1, 7, 9, 10). Интересной аналогией является то, что Чурачикский могильник относится к типу курганно-грунтовых, с большим количеством впускных могил в курган эпохи бронзы. В этом плане важен вопрос о путях попадания поясного крючка «скифского типа» в засыпь 1 Климкинского кургана (Зубов, Михеев, 2006, рис. 5: 7). Культурного слоя позднеананьинского времени при раскопках не выявлено, а крючок был найден вместе с находками I–II вв. н. э. на культовой площадке в центральной части кургана.

ГЛАВА 11 ЦВЕТНАЯ И ЧЕРНАЯ МЕТАЛЛУРГИЯ В ЛЕСНОЙ И ЛЕСОСТЕПНОЙ ЗОНЕ ВОЛГО-УРАЛЬЯ VIII – IV/III ВВ. ДО Н. Э.

ЦВЕТНАЯ МЕТАЛЛУРГИЯ АНАНЬИНСКОЙ КУЛЬТУРНО- ИСТОРИЧЕСКОЙ ОБЛАСТИ И ЕЕ ИЗУЧЕНИЕ

В июне 1858 г. П.В. Алабин и И.В. Шишкин вскрыли на дюне у д. Ананьино близ Елабуги несколько десятков погребений (Алабин, 1860). С раскопок того года началось изучение древностей, вошедших в отечественную науку под названием «ананьинские». Инициатор тех раскопок К.И. Невоструев отмечал, что найденные в Ананьинском могильнике украшения, оружие и вещи домашнего обихода «почти все бронзового состава», что «сплав Ананьинской бронзы, по химическому разложению состоящий лишь из меди и олова, с исключением цинка и свинца, а некоторых вещей из одной меди со следами олова, есть древний первоначальный сплав – и такова, между прочим, была Ассирийская бронза» (Невоструев, 1871, с. 629). Это высказывание положило начало изучению ананьинской цветной металлообработки.

Однако в первых отчетах и статьях о могильниках типа Ананьинского внимание было обращено, прежде всего, на обилие и своеобразие медных и бронзовых изделий. Неслучайно, несмотря на находки железных и биметаллических орудий и оружия, эти могильники (Ананьинский, Котловский, Релка, Зуевский) вплоть до начала 1920-х гг. относились к бронзовому веку или переходной эпохе от бронзы к железу (Tallgren, 1919; Худяков, 1923). В 1880-е гг. П.А. Пономарев обнаружил на «костеносных» городищах Гремячий Ключ и Сорочьи Горы обломки плавильных тиглей и литейных форм – явные следы бронзолитейного производства (Пономарев, 1888, с. IV, V). С этого времени различные аспекты изучения металлообработки стали неотъемлемой частью проблематики ананьинской культурно-исторической области (АКИО).

Можно выделить семь направлений исследований: 1) производственная деятельность на памятниках АКИО; 2) проблема рудной базы; 3) типолого-морфологическая характеристика изделий из цветного металла; 4) химический состав меди и бронз и номенклатура сплавов; 5) техника и технология изготовления орудий, оружия и украше-

ний; 6) очаги металлургии и металлообработки; 7) исторические судьбы цветной металлообработки АКИО. Одни из направлений разработаны лучше, другие – хуже, третьи только ждут своих исследователей – все они, безусловно, требуют дальнейших разысканий.

Свидетельства о производственной деятельности на памятниках АКИО появились с началом раскопок «костеносных» городищ. На обломки глиняных тиглей и литейных форм обратили внимание П.А. Пономарев (1988, с. IV, V; 1907, с. 1) и А.А. Спицын (1893, с. 70, 75). Эти находки позволили им обосновать тезис о собственной металлообработке у обитателей этих городищ. Наиболее полную сводку материалов в обоснование данного тезиса для середины XX века привела А.В. Збруева (1952, с. 53–61). Масштабные новостроечные работы 1950–1970-х гг. в Волго-Камье, в том числе и на городищах и селищах АКИО, позволили заметно пополнить эту сводку (Кузьминых, 1977а). За прошедшие десятилетия каждые новые раскопки и публикации дополняли базу данных об остатках производственной деятельности на памятниках АКИО¹, но не столь кардинально.

Рудная база ананьинской металлургии. Из геологических и археологических трудов (Кузьминых, 1983а, с. 5) трудно получить информацию о рудных источниках ананьинской металлургии. Традиционно наиболее вероятные рудные источники поступления металла в безрудные районы Восточной Европы связываются с месторождениями Урала, Саяно-Алтая, Казахстана и Северного Кавказа. Уральские месторождения по своему геолого-геохимическому типу подразделяются на два несходных типа. Собственно уральские месторождения связаны с коренными породами пеплена восточных склонов Среднего и Южного Урала (Черных, 1970, с. 37–47). Второй тип – медистые песчаники и сланцы в осадочных горных

¹ См. об этом подробнее в библиографии глав настоящего издания.

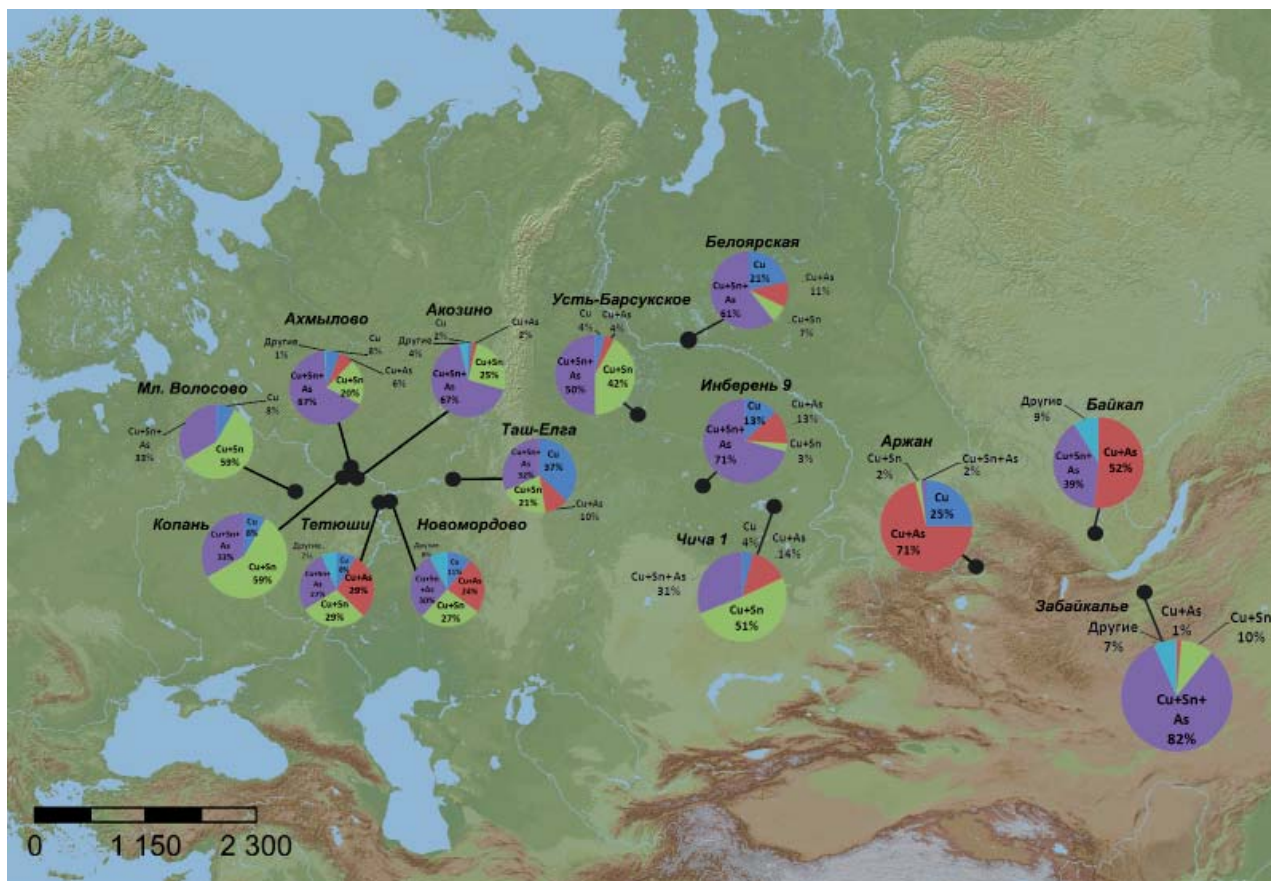

Рис. 1. Распределение сплавов в базовых памятниках лесной полосы Северной Евразии в VIII–VI вв. до н. э.

породах Предуральской рудной провинции – в бассейнах Камы, Вятки, Белой и среднего течения р. Урал (прежде всего Каргалы) (Черных, 1970, с. 48; Сидоренко, 1973, с. 29; Горожанин и др., 2002, с. 19–24). Медь, выплавленная из медистых песчаников, химически исключительно чистая. Такими же свойствами обладает медь, выплавленная из окисленных руд коренных уральских месторождений (типа Гумешевского), на которой базировалась металлургия иткульской культуры (Бельтикова, 1997). Доля изделий из чистой меди в материалах лесной и лесостепной зон незначительна. Основная часть меди и бронз получена из других горно-металлургических областей (ГМО), руда которых характеризуется наличием большого количества микропримесей, в том числе никеля, мышьяка и сурьмы. Образцы ананьинской низкомышьяковой или сурьяно-мышьяковой меди следует отождествлять, вероятнее всего, с группой естественных комплексных сплавов меди с мышьяком и сурьмой. Рудные источники этой меди, а также большей части оловянных и оловянно-мышьяковых бронз связаны, как и в бронзовом веке, с производящими центрами Казахстанской и Саяно-Алтайской ГМО.

Основные металлы и номенклатура сплавов. Базовая характеристика цветной металлур-

гии лесной и лесостепной зон Волго-Уральского региона в VIII–IV/III вв. до н. э. опирается на результаты исследования химического состава металлических изделий. Выборочные химические и спектральные анализы медных и бронзовых предметов из Ананьинского и Зуевского могильников, а также из коллекции В.И. Заусайлова были проведены еще в конце XIX – 1 пол. XX в.² Несовершенная методика выполнения этих анализов не могла дать ясного представления о химико-металлургических особенностях ананьинских бронз. Лишь аналитическое изучение изделий из меди и бронз Аюзинского и Младшего Волосовского могильников, проведенное в начале 1960-х гг. Е.Н. Черных (1962), открыло перспективу дальнейших исследований цветного металла АКЮ. Эта работа была осуществлена в 1970-е гг. в лаборатории естественнонаучных методов Института археологии РАН одним из авторов (Кузьминых, 1977б). В начале 1980-х были опубликованы базовые результаты исследования (Кузьминых, 1983а) и только спустя треть века – сами аналитические данные (Кузьминых, Орловская, 2017).

В последние десятилетия методами спектрального и рентгенофлуоресцентного анализов

² См. библиографию об этих исследованиях в: (Кузьминых, 1983а, с. 6).

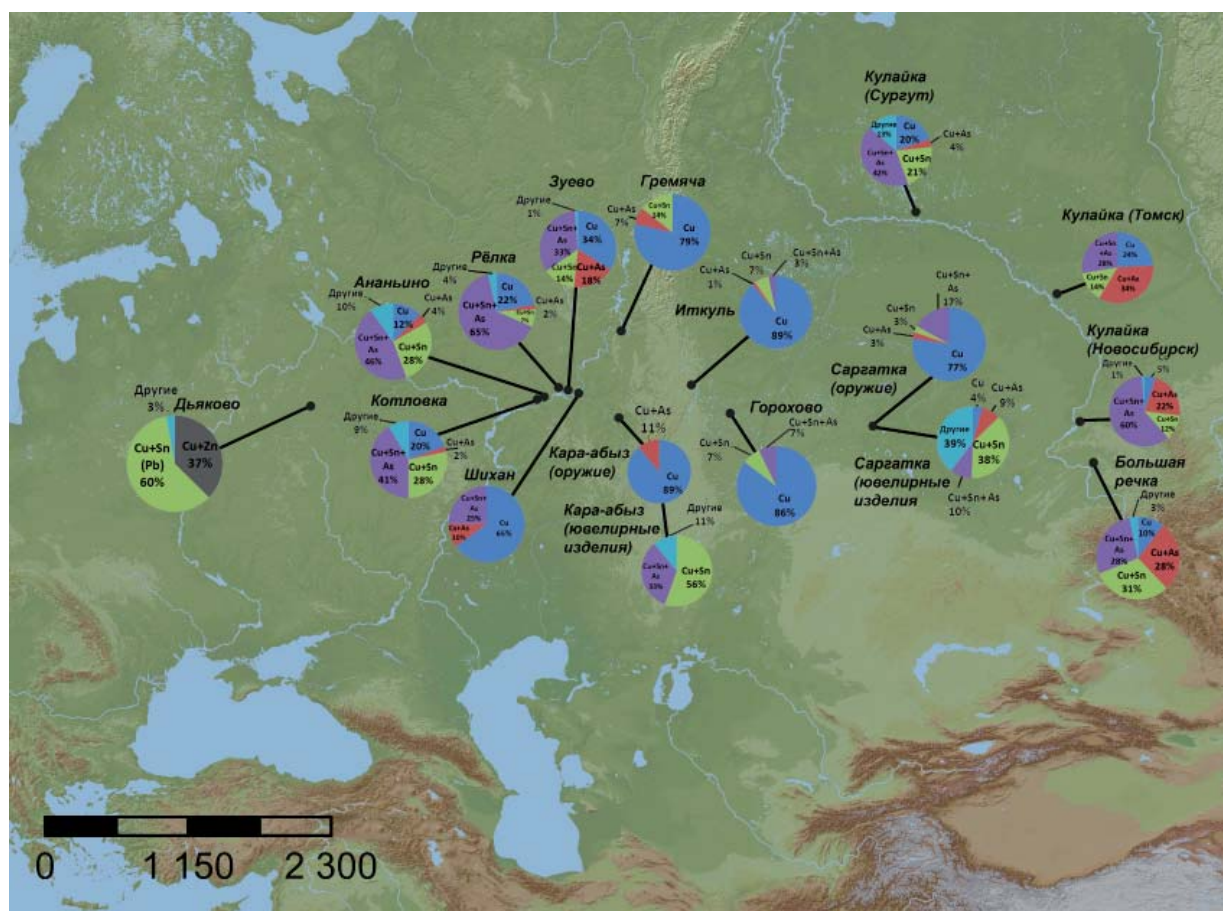

Рис. 2. Распределение сплавов в базовых памятниках и культурах лесной полосы Северной Евразии во 2 пол. I тыс. до н. э.

в различных лабораториях продолжалось изучение химического состава ананьинских бронз, но они принципиально не изменили номенклатуру сплавов и их соотношение как в отдельных выборках, так и во всей ананьинской аналитической серии.

К настоящему времени в базе данных цветного металла АКИО имеется информация о химическом составе около 2500 изделий из меди и бронз, и в небольшом количестве из серебра, биллонов, электрума и свинца. Ареал сборов образцов для спектрального и РФА анализов охватывал все пределы ананьинского мира. Большинство орудий, оружия, украшений и других категорий предметов из цветного металла происходит из хорошо документированных и закрытых комплексов могильников; существенно меньшая часть связана с поселениями и находками вне памятников.

Палитра сплавов в цветном металле АКИО весьма разнообразна: в ее основе оловянные (Cu+Sn) и оловянно-мышьяковые (Cu+Sn+As) бронзы, а также «чистая» и «загрязненная» медь (Cu). В памятниках АКИО представлены, кроме того, во многих вариациях различные многокомпонентные бронзы: оловянно-свинцовые (Cu+Sn+Pb), оловянно-свинцово-мышьяковые

(Cu+Sn+Pb+As), оловянно-свинцово-сурьмяные (Cu+Sn+Pb+Sb), свинцово-оловянные (Cu+Pb+Sn), свинцово-оловянно-мышьяковые (Cu+Pb+Sn+As), свинцово-сурьмяные (Cu+Pb+Sb), мышьяково-сурьмяные (Cu+As+Sb), мышьяково-железистые (Cu+As+Fe), железистые (Cu+Fe), сплавы с лигатурой цинка и других элементов (Кузьминых, 1983а, табл. 1 и 2; Кузьминых, Орловская, 2017, табл. 1А–16Б).

В целом же цветной металл АКИО это, прежде всего, сплавы с лигатурой олова, свинца и мышьяка – они доминируют в большинстве исследованных коллекций, особенно постмаклашевской и аозинско-ахмыловской культур (рис. 1). Изделия из металлургически «чистой» и «загрязненной» меди (в основном кельты и наконечники стрел) выявлены по преимуществу в камских памятниках ананьинской культуры шнуровой керамики (рис. 1, 2). Ее рудными источниками являлись, вероятнее всего, медистые песчаники Приуралья (см. раздел «Рудная база ананьинской металлургии»). Но не исключено, что часть этой меди поступала в Верхнее и Среднее Прикамье (включая нижнее и среднее течение р. Белой) из производящих центров Среднего Урала (иткульский металлургический очаг) (Кузьминых, 1993б; Бельти-

кова, 1997). В могильниках Таш-Елга и Зуевском доля орудий и оружия из «чистой» и «загрязненной» меди достигает соответственно 37 и 34 %; еще заметнее она на городище Бельский Шихан (65 %) и Гремячанском поселении (79 %), в коллекции которых доминируют наконечники стрел (рис. 2).

Соотношение сплавов в базовых памятниках АКИО на различных этапах и на фоне синхронных культур Северной Евразии демонстрируется на рис. 1 и 2. Доминирование оловянных и оловянно-мышьяковые бронзы в большинстве статистически значимых коллекций всех археологических культур АКИО свидетельствует о сохранении традиций позднебронзовой металлообработки; доля этих сплавов в коллекциях АКИО возросла по сравнению с концом бронзового века (Кузьминых, 1983а, табл. 2; 1983б). Особенно это заметно на фоне маклашеевской металлообработки. Значительная часть украшений Полянского 2 и Ново-Мордовского 5 могильников финала ПБВ, изготовленных из сурьмяно-мышьяковой бронзы, не легирована оловом. В наиболее ранних постмаклашеевских могильниках (Тетюшский и Ново-Мордовский 1) наблюдается аналогичная ситуация: здесь выявлена наибольшая для памятников АКИО доля изделий (29 и 24 %), изготовленных из мышьяковой или мышьяково-сурьмяной меди (рис. 1). В большинстве коллекций АКИО (Старший Ахмыловский, Аозинский, Ананьинский, Релка, Котловский, Зуевский) доминируют оловянно-мышьяковые бронзы; оловянные бронзы преобладают в Младшем Волосовском могильнике и Копаньском городище; примерно в равных долях бронзы Cu+Sn+As и Cu+As представлены в Тетюшском и Ново-Мордовском 1 могильниках (рис. 1).

Вероятнее всего, основная масса металла и лигатур АКИО, как и в эпоху поздней бронзы, поступала в лесостепные и таежные районы Волго-Камья из горно-металлургических центров Урала, Саяно-Алтая, Центрального Казахстана и севера Средней Азии. Разработка оловорудных месторождений в Рудном Алтае и Средней Азии в бронзовом и, вероятно, в раннем железном веке документируется археологическими свидетельствами (Черников, 1960, с. 118–136, 172–178; Боровка и др., 2000; Cierny, Weisgerber, 2003б, р. 23–29; Берденов, 2008; Stöllner et al, 2013).

Не исключено также поступление в производственные центры АКИО высоколегированных оловом сплавов из горно-металлургических центров Кавказа, где с V–III вв. до н. э. господствует оловянная и оловянно-свинцовая бронза с широкими вариациями содержания олова (1–30%) и свинца (1–12%) (Барцева, 1989). Эти сплавы во

2 пол. I тыс. до н. э. характерны также для цветной металлообработки скифов Поднепровья и Подонья (Черных, Барцева, 1969; Барцева, 1981; Меркулов, 2018, с. 154–156, 220–224), дьяковской культуры Волго-Окского междуречья (Сапрыкина, 2018, с. 279). В это время высоколегированные оловянные и оловянно-свинцовые бронзы заметны и в коллекциях АКИО, прежде всего в Ананьинском могильнике (бабочковидные, круглые, конусовидные и других типов накладки и бляшки); не исключено, что часть из них относится уже к пьяноборской эпохе. Предметы и украшения скифского облика (ножны, ворворки, колокольчики наверхий и т.д.) в этой коллекции, как и непосредственно в скифских (Барцева, 1981, с. 88; 1982, с. 40–41), изготовлены в основном из низколегированной оловянно-свинцовой бронзы. Этот же тип сплава, наряду с оловянной бронзой, становится ведущим в металлообработке более поздних прикамских культур – пьяноборской и азелинской (Каштанов, Смирнов, 1958; Орехов, 2006, с. 115–117).

Категории металлического инвентаря. В начале РЖВ в археологических культурах Северной Евразии происходит кардинальная перестройка цветной металлообработки. В степях Восточной Европы железо практически полностью вытесняет медь и бронзу из сферы изготовления орудий и оружия, за исключением наконечников стрел. В лесной и лесостепной полосе, в культурах АКИО, иткульской, красноозерской, поздней ирменской, кулайкой, тагарской и др., вплоть до IV–III вв. до н. э. продолжилось производство не только украшений, предметов туалета и культов, конской сбруи и посуды, но, прежде всего, медных и бронзовых кельтов, ножей и кинжалов, тесел и долот, горнопроходческих орудий, наконечников копий и стрел – тех категорий орудий и оружия, которые являлись базовыми в ассортименте позднебронзовых литейщиков. Несмотря на внедрение железообработки (Корякова и др., 2011), в этих культурах в эпоху раннего железа наблюдается подлинный расцвет цветной металлургии и металлообработки.

Типолого-морфологическая характеристика основных категорий орудий и оружия ранее дана одним из авторов (Кузьминых, 1977б; 1983а). То исследование показало, что в отличие от орудий конца ПБВ кельты раннего железного века являются племенным, «национальным» знаком различных групп населения. Это выражается в морфологическом своеобразии и орнаментальном декоре кельтов, присущих для той или иной культуры или ареала АКИО.

Кельты аозинско-меларского типа (КАМ) – характерное оружие носителей средневожжской

Рис. 3. 1 – следы доработки рукояти ножа в зверином стиле 5381:86 (продольные полосы металла, зафиксированные с помощью радиографии); 2 – дефекты литья, место соединения (?) двух частей втулки литого наконечника копья 1400:26 (по: Сапрыкина, Томантеря, 2016, рис. 1, 2)

культуры текстильной керамики, или акозинско-ахмыловской. Ареал КАМ охватывает северо-западные районы Восточной Европы и большую часть Фенноскандии (Кузьминых, 1983а, рис. 92; 1993а). Здесь они выявлены в культурах и памятниках, в которых в той или иной мере есть «текстильный» след. Генезис КАМ остается загадочным: прямых позднебронзовых прототипов у этих кельтов нет. Однако их типологическое разнообразие на востоке «текстильного» мира, скорее всего, свидетельствует о формировании КАМ в акозинско-ахмыловской культуре.

Кельты ананьинского типа (КАН) – обобщенное название большой серии орудий и оружия, распространенных в лесной полосе Северной Евразии от среднего течения Иртыша до севера Фенноскандии (Кузьминых, 1983а, рис. 91); они подразделяются на два класса – с овальным и шестигранным сечением венчика кельта. Для первых характерны разные варианты фасок: невыраженная, треугольная, трапециевидная, арковидная и крайне редко прямоугольная, для вторых, как правило, присуща прямоугольная фаска. Орудия с овальным сечением венчика продолжают евразийскую линию развития кельтов ПБВ с лобным ушком и такими же фасками. Особенно отчетли-

во эту морфологическую преемственность демонстрируют кельты маклашеевской и постмаклашеевской культур. С памятниками последней (Старший Ахмыловский, Акозинский, Козьмодемьянский, Морквашинский, Ново-Мордовский 1, Тетюшский, Полянский 2, Мурзихинский 1 и 2, Луговской, Таш-Елга, Уфимский по ул. Тракторной и др.) как раз и связано большинство кельтов АКЮ с овальным сечением венчика (Кузьминых, 1983а, табл. 9). Кельты с шестигранным сечением, широко распространенные в таежных широтах Северной Евразии (рис. 3), восходят к сейминско-турбинским и самусьско-кижировским прототипам (Кузьминых, 1983а, с. 171; 1991). По всей видимости, не случайно в пределах АКЮ они доминируют в таежных культурах – вятско-ветлужской (Старший Ахмыловский, Акозинский, Козьмодемьянский, Тюм-Тюм) и ананьинской культуре шнуровой керамики (Котловский, Ананьинский, Луговской, Зуевский и др.).

Наконечники копий (КД) – двух классов: со сплошным пером и с прорезными крыльями пера. В АКЮ, на Средней Волге, как и в передовых центрах железообработки на Кавказе и в степях Восточной Европы, появляются биметаллические наконечники копий (КД–2). В ареале ананьинско-

го мира сосредоточен крупнейший и морфологически наиболее разнообразный в Северной Евразии массив бронзовых наконечников копий эпохи раннего железа (Кузьминых, 1983а, табл. XXXVI). Наконечники со сплошными и прорезными крыльями пера продолжают развитие позднебронзовых, прежде всего маклашеевских. Какие-то образцы непрорезных экземпляров (КД–4–10) восходят еще к сейминско-турбинским прототипам. В распространении обеих групп наконечников есть своя специфика: непрорезные встречаются во всех культурах АКИО (но по преимуществу в постмаклашеевской), а ареал прорезных явно смещен к востоку от Вятки; другая их группа сосредоточена на Средней Волге близ устья Ветлуги (Кузьминых, 1983а, рис. 62). Судя по всему, наконечники второй группы в большей степени характерны для вятско-ветлужской и ананьинской культуры шнуrowой керамики. Локальная специфика проявляется в том, что в камских коллекциях (восточнее Вятки) отсутствуют биметаллические экземпляры, некоторые типы наконечников со сплошными (КД–8, 12, 16) и прорезными (КД–20, 22, 38, 40) крыльями пера, уменьшается доля экземпляров КД–28–32, здесь значительно возрастает изготовление наконечников КД–42.

Бронзовые наконечники стрел изредка встречаются в Волго-Камье еще в памятниках сусканско-луговской (Сускан) и маклашеевской культур (Мурзиха II). В отличие от азиатских культур андроновского мира Волго-Уральский регион не был законодателем моды в производстве этого оружия. Еще в предскифскую эпоху (в постмаклашеевских могильниках), но особенно массово в VI–IV/III вв. до н. э. (прежде всего в погребениях ананьинской культуры шнуrowой керамики) в колчанах воинов АКИО появляются некоторые из многообразных типов новочеркасских, скифских, савроматских и сакских втульчатых и черешковых наконечников стрел. Среди них, вероятно, немалая доля импортов, особенно в комплексах VIII – перв. пол. VI вв. до н. э. Оценить долю местной продукции непросто: в памятниках АКИО пока не найдены литейные формы для отливки наконечников стрел. Массовое производство медных трехлопастных и трехгранных втульчатых и черешковых наконечников стрел осуществлялось литейщиками иткульской культуры. Какая-то часть их продукции по Чусовой и Уфе явно попадала на Каму и Белую.

Тесла, долота и стамески принадлежат к сравнительно малочисленной категории орудий АКИО. Обращают на себя внимание два типа – втульчатые долота без укрепляющего валика-ободка по венчику втулки из среднекамских памятников (Заюрчимское, Скородум) и широкие

плоские тесла с параллельными боковыми гранями из постмаклашеевских погребений Старшего Ахмыловского могильника) (Кузьминых, 1983а, с. 145). Первые морфологически соответствуют позднейшим орудиям бронзового века и аналогичным долотам иткульской культуры. Вторые А.Х. Халиков сопоставлял с экземплярами из кобанского могильника Сержень-Юрт (Халиков, 1977, с. 139); действительно, не исключено, что эти тесла из Старшего Ахмылова являются кавказскими импортами.

Бронзовые и биметаллические мечи и кинжалы (К), как и наконечники стрел, не имеют в АКИО прототипов. Какая-то их часть является импортами, другие являются местными копиями или подражанием привозным образцам с Кавказа, степей Восточной Европы и Казахстана, горно-лесного Урала (Кузьминых, 1983а, рис. 71), редкие экземпляры можно признать за оригинальные местные изделия (К–12, 20, 24, 32). Из комплексов постмаклашеевской культуры (Старший Ахмыловский, Морквашинский, Полянский 2 и др.) происходят биметаллические кинжалы К–18, 34, которые являются северокавказскими импортами, а некоторые их местными подражаниями. В погребениях ананьинской культуры шнуrowой керамики (Котловский, Ананьинский, Зуевский и др.) выявлены кинжалы сакского (К–4, 6, 8) и скифо-савроматского круга (К–22, 26–30, 38–48). Коллекция цельнобронзовых кинжалов АКИО заметно меньше, чем в тагарской и других культурах Центральной Азии, но она вполне сопоставима с серией, известной у ранних кочевников степного пояса Евразии. По находкам и морфологическому разнообразию биметаллического оружия коллекция АКИО превосходит все азиатские серии и не намного уступает кобанской и скифской.

Бронзовые и биметаллические ножи (Н) в культурах РЖВ Восточной Европы заметно уступают железным образцам в отличие от азиатских древностей. В финале ПБВ в культурах к западу от Урала еще доминировали двулезвийные ножи, но к востоку от Уральского хребта были в ходу ножи с одним и двумя лезвиями. С началом эпохи раннего железа двулезвийные формы ножей практически повсеместно уступают место однолезвийным, и АКИО здесь не исключение. В ранней сводке одного из авторов к числу ананьинских, вероятнее всего, ошибочно – в силу литературной традиции – отнесены некоторые типы двулезвийных ножей (Н–18), не связанных с закрытыми комплексами (Кузьминых, 1983а, рис. 82). Тем не менее единичные типы этих ножей (Н–22) еще продолжают бытовать. Большая часть бронзовых и биметаллических ножей найдена в памятниках ананьинской классической культуры.

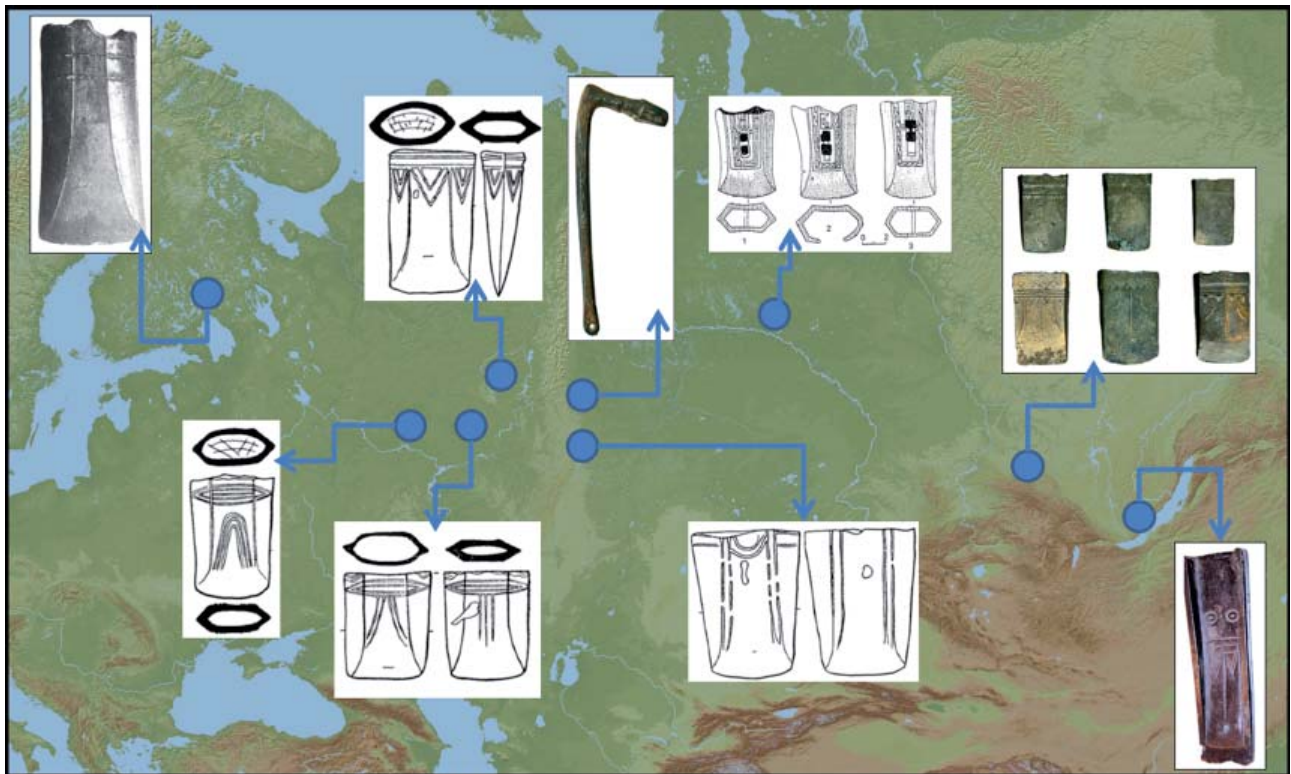

Рис. 4. Ареал кельтов РЖВ Северной Евразии (сейминско-турбинская и самусько-кижировская линия развития)

Бронзовые и биметаллические кельцы и чеканы (КЧ) в древностях РЖВ Восточной Европы сравнительно редки – ананьинский мир здесь явное исключение. Основная часть этого оружия из могильников и случайных находок происходит из ареала ананьинской классической (шнуровой керамики) культуры (Кузьминых, 1983а, рис. 75). Появление чеканов на Средней и Верхней Каме связано с усилением восточных связей этой культуры во второй четверти/второй половине VII – начале VI в. до н. э. Большая часть образцов АКМО являются копиями или подражанием оружию алды-бельской, раннесакской и тасмолинской культур (Чижевский и др., 2019, с. 109–110).

«Парадные» секиры – уникальная категория символов власти или знаков отличия военных вождей. Каждая из секир является подлинным шедевром бронзолитейного дела – все они отлиты по утрачиваемой восковой модели. Большая их часть найдена случайно в ареале классической ананьинской культуры (Кузьминых, 1983а, рис. 78). Пока не известно ни одного случая привязки секир к разрушенным погребальным комплексам. В то же время есть основания предполагать связь некоторых потаенных «захоронений» секир с культовой, магической практикой (Кузьминых, Виноградов, 2015)

Среди орудий АКМО из меди и бронзы следует отметить такие категории орудий, как шилья, иглы, кочедыги, рыболовные крючки и блесны, а

среди оружия – топоры кобано-колхидских типов (5 экз.), двушковые кельты кобяковского типа (2 экз.) и булавы (2 экз.). Все образцы оружия являются импортами. Они найдены в ареале постмаклашеевской и аозинско-ахмыловской культур. Среди орудий привлекают внимание кочедыги из Старшего Ахмыловского и Аозинского могильников (Кузьминых, 1983а, с. 154), культурная принадлежность которых затруднена.

В памятниках АКМО выявлена примечательная коллекция конского убора – псалии, удила, разнообразные детали сбруи. Ранние типы VIII – начала VI вв. до н. э. сосредоточены в основном в погребениях постмаклашеевской и аозинско-ахмыловской культур, а VI–IV вв. до н. э. – в могильниках ананьинской культуры шнуровой керамики.

В культурах АКМО сформировались образцы женского и мужского костюма с набором украшений и аксессуаров, которые в своем развитии воплотились в этнографически известных костюмах поволжско-финских и пермских народов. Среди них разнообразные головные, шейные, нагрудные, поясные и иные украшения. Истоки некоторых из них уходят в глубину бронзового века. Большая часть этих украшений изготовлена кузнецами-литейщиками АКМО. Но важно отметить одну особенность цветной металлообработки лесной и лесостепной зон, начиная с середины I тыс. до н. э., а именно: распространение на широкой территории т. н. «транскультурных» типов украшений. Это хо-

рошо прослеживается по присутствию наиболее универсальных форм (круглые нашивные бляшки, бляшки бабочковидные, бляшки-скорлупки и т.д.), распространенных как в АКИО, скифской и скифоидных культурах Северного Причерноморья и Среднего Поднепровья, культурах лесной и лесостепной зон, так и в последующих археологических культурах конца РЖВ и раннего средневековья. Эти украшения стали неотъемлемой частью женского костюмного набора финно-угров.

Техника изготовления. Цветная металлообработка лесной и лесостепной зон Волго-Уральского региона в VIII–IV/III вв. до н. э. базировалась на использовании нескольких основных техник изготовления, где ведущими являлись литье в составных литейных формах (в т.ч. с последующей кузнечной доработкой) и литье по выплавляемой модели. Эти приемы литейной техники «читались» уже при визуальных наблюдениях (Кузьминых, 1977а, с. 146, 147), но при трасологическом методе изучения металлических вещей (Минасян, 2014), используемым в исследованиях И.А. Сапрыкиной (2006; 2010), удалось реконструировать характер и особенности цветной металлообработки АКИО.

По внешним признакам, зафиксированным на поверхности исследованных предметов, можно предположить использование нескольких типов литейных форм: двустворчатых и сложносоставных, где литье выполнялось, в том числе, со вставным стержнем или специальным вкладышем. Кельты отлиты в технике «вкладышевого литья». Толщина стенок отливок стандартна и колеблется в пределах 1,5–2,7 мм, отдельные отливки имеют толщину до 4 мм. Орнамент, как правило, литой, сильно сглаженный – вероятно использование либо литейных форм, полученных по оттиску готового изделия, либо многократное использование одной и той же литейной формы.

Следы сработанности лезвия зафиксированы на единичных экземплярах. В то же время практически все кельты несут на себе следы послелитейной доработки, заключавшейся в опиливании облоев, литейных швов. На отдельных экземплярах в местах стыка створок литейной формы фиксируются крупные неслитины, возникшие, вероятно, при нарушении технологии литья или использования формы с неплотно подогнанными друг к другу или сдвинутыми створками. Место подведения литника, судя по следам на поверхности, стандартно и расположено в верхней части втулки на месте обуха; на некоторых экземплярах оно оказалось полностью опиленным (в виде углубления) или обрубленным с помощью зубила. Практически все исследованные кельты из коллекции Ананьинского могильника имеют дефекты литья,

которые исследователи часто необоснованно принимают за типологический признак. К одному из таких признаков относится наличие специфических «ушек» по краям раструба кельтов. Эти «ушки» – излишек металла, образовавшийся из-за затеков металла в створки литейной формы и неплотного примыкания их ко вкладышу в форму. На отдельных экземплярах такие «ушки» отсутствуют из-за их опиливания вместе с остатками литейных швов; на других экземплярах, видимо, в силу большого объема этого «затекшего» металла, опиливания или обрубки «ушек» не производилось.

Техника вкладышевого литья, с использованием 3-х или 4-х-створчатых литейных форм, применялась также при изготовлении наконечников стрел. Внутри некоторых втульчатых стрел сохранился металлический сердечник, возможно, вставленный позже; однако, не исключено, что он исполнял роль вкладыша при литье. Практически все отливки тонкостенные, не имеют визуально фиксируемых следов послелитейной доработки. Изучение больших серий трехлопастных наконечников стрел позволило выявить один для всех типов дефект в виде крупной утяжины (или неслитины), расположенной в центральной части пера. Скорее всего, это конструктивный дефект, связанный либо с использовавшейся схемой литья, либо с недостаточной температурой сплава при заливке формы с металлическим сердечником.

Втульчатые наконечники копий из коллекции Ананьинского могильника, отлитые также в технике вкладышевого литья, отличаются цельнолитым пером, которое на некоторых экземплярах имеет следы дополнительной кузнечной доработки на пере наконечника. Эта техника изготовления имеет широкое распространение, в том числе у раннекочевнических культур Евразии (Минасян, 2014, с. 114).

Более сложным технологически является литье методом долива, с помощью которого изготовлен ряд рукоятей ножей из Ананьинского могильника, выполненных в скифском зверином стиле (МВФ №№ 1400: 354, 5381: 86). Бронзовые рукояти ножей в зверином стиле, отлитые вместе с железным лезвием, несут следы особых условий отливки и охлаждения, которые позволили мастерам доработать изделие при неполном затвердевании металла (рис. 4: 1). При исследовании наконечника копья (№ 1400:26) была выявлена интересная деталь: втулка копья состоит из двух деталей, плотно подогнанных друг к другу. Вполне возможно, наконечник копья (в частности, его втулка) в какой-то момент «наращивался» методом долива (рис. 4: 2). Обращают на себя внимание крупные «затеки» металла, по форме напоминающие «шип», распо-

ложенные в нижней части втулки копья (Сапрыкина, Томантера, 2016).

Удила из коллекции Ананьинского могильника, имеющие многочисленные аналогии в памятниках раннекочевнических культур, изготовлены по т.н. аржано-черногоровскому методу литья в составных формах, предложенному Р.С. Минасяном (2014, с. 147–149, ил. 45). Такая схема изготовления является наиболее распространенной в материалах культур начала РЖВ степного пояса; время ее появления относится к VIII в. до н. э.

Операциями формующейковки выполнены, как правило, украшения и детали одежды: пронызи, пластинчатые накладки с тремя или двумя выпуклинами, дрововые гривны и др.; в этой же схеме изготовлены импортные предметы, встречаемые в коллекциях могильников АКИО, в частности, орнаментированные пластинчатые накладки. Для украшений использовались кованые листы толщиной 0,2–0,7 мм; можно отметить использование стандартного пуансона-анки, с помощью которого оттискивались выпуклины. Пуансонами с округлыми головками разного диаметра (1–2, 2–2,5, 5–7 мм) были оттиснуты ряды «жемчужного» орнамента на лицевой стороне накладок. Помимо пуансонов с округлыми головками для тиснения использовались также чеканы иной формы; другой вид орнамента, состоящий из линий, выполнялся чеканкой.

Другой пример работы приемами формующейковки демонстрируют дрововые витые гривны. Литые заготовки дорабатывались с помощью таких операций, как вытяжка дляковки дровового круга или квадратного сечения (прием увеличения длины заготовки за счет уменьшения ее поперечного сечения) (Флеров, 2001, с. 100); расплющиванием для формирования системы крепления; скручиванием многократно на 360° для придания витого характера кованому стержню (Флеров, 2001, с. 105); гибкой на оправе.

Пластинчатые браслеты и височные кольца выполнены рубкой кованого полотна металла с помощью зубила и пробивкой отверстий на концах с помощью пробоя (височные кольца) и нанесением зубчатого орнамента с помощью острого рабочего края зубильца. Часть отверстий на пластинчатых изделиях были пробиты инструментом с четырехгранным рабочим окончанием, подобно имеющимся в коллекции Ананьинского могильника четырехгранным шильям, кованым из литой заготовки, с имеющимися следами сработанности на верхней ударной площадке шила.

Большое количество однотипных изделий, изготовленных с использованием строго определенного набора приемов, позволяет говорить о наличии массового производства, особенностью

которого является высокая стандартизация и унификация как формы предмета, так и способов его изготовления. Этот тип производства характеризуется также достаточно малыми временными затратами на прохождение полного цикла выпуска продукции.

В технике литья по выплавляемой модели изготовлены, как правило, бубенчики, предметы в зверином стиле, накладки разных форм, бляшки, пронызи и др. Выплавляемая модель могла быть получена формовкой на основе (шаблоне) или резкой восковой пластины; «плетением» проволочных нитей; литьем в составную жесткую форму. Некоторые схемы могли использоваться одновременно друг с другом.

Для отливки портупейных крючков и наверший в «зверином стиле» (вероятно, импортных предметов) использовались выплавляемые модели, полученные литьем в формах; после отливки на модели резанием дорабатывались мелкие детали рельефа. Однако здесь мы не видим высокой проработки рельефа, отличающей классические образцы «звериного стиля», жесткой конструкции формы, когда литье лишь копировало предметы, выполненные в технике резьбы или тиснения на басме (Минасян, 1988, с. 48–57). На концах рельефных пластин портупейных крючков приклеивалась дополнительная полоса воска для формирования собственно крючка; петельки из отдельных полосок воска приклеивались к обороту изделий (в местах стыка петелек с основой зафиксированы следы использования инструментов, с помощью которых концы петелек продавливались вовнутрь модели).

Незначительный процент среди исследованных изделий относится к украшениям, изготовленным методом т.н. «ажурного плетения», выполняемого плетением проволочных нитей: в основном это накладки, состоящие из разнообразных волот, елочек, косичек и других фигурных элементов. На них фиксируются следы склейки отдельных деталей как с помощью отдельных кусков воска, так и путем механического соединения краев двух пластин друг с другом. Эта схема изготовления украшений традиционна для металлообработки племен лесной полосы Европы от раннего железного века до развитого средневековья (Томантерä, 1991; Сапрыкина, 2010; и др.).

Несмотря на выявленную стандартизацию схем изготовления, среди большого массива однотипных предметов возможно выявить серии, позволяющие зафиксировать возникновение новых технологических тенденций.

Предметы, которые можно с большой степенью достоверности связать непосредственно с АКИО, изготовлены с применением трех основных технологических схем: это литье в составные формы,

ковка литой заготовки с разными степенями обжата и литье по выплавляемой модели. Как видно из полученных данных, предметы, изготовленные литьем по выплавляемой модели – наиболее многочисленная группа предметов среди материалов могильников. Наиболее вероятно, что литье по выплавляемой модели, если не принимать за аксиому импорт предметов на территорию АКИО, является для ананьинского населения своего рода «инновационной» технологией, освоенной в период определенного взаимодействия с носителями других культурных традиций (в частности, с ранними кочевниками степного пояса Евразии и культурами Кавказа).

Особняком здесь стоят предметы, относимые к звериному стилю. Нельзя не согласиться в определенной мере с наблюдениями Р.С. Минасяна относительно техники изготовления предметов звериного стиля, основным приемом изготовления которых является литье по выплавляемой модели, полученной в технике резания – как преемника традиционной для ранних кочевников культуры резьбы по различным материалам (Минасян, 2014, с. 156–160). Практически все имеющиеся в коллекциях АКИО предметы звериного стиля изготовлены резанием провощенной пластины, а не лепкой или иным стилем моделирования, имеют характерные признаки использования приемов резки, отработанных на непластичных материалах.

Ковка литой заготовки с разными степенями обжата – это наиболее распространенная схема изготовления т.н. «классических» типов ананьинских древностей (пронижи, пластинчатые детали венчиков и нагрудных украшений, накладки разных форм, височные подвески, гривны и др. типы украшений и предметов одежды). Фиксируется стандартный набор техник и приемов, которыми пользовались кузнецы АКИО: это осадка (утолщение поковки по всей длине); расплющивание (увеличение площади заготовки за счет ее высоты); вытяжка (увеличение длины заготовки за счет уменьшения ее поперечного сечения); обрубка (отделение части материала по наружному контуру); прошивка (для получения сквозных отверстий в поковке); гибка (придание изогнутой формы по заданному контуру); скрутка (витье) (Флеров, 2001). В целом, цветная металлообработка Волго-Уралья наследует традиции, сложившиеся в финале бронзового века (в частности, традиции обработки металла маклашевской культуры). Наследование этой традиции исследователи документировали, анализируя линию развития форм кельтов и наконечников копий (Кузьминых, 1983а, с. 171, 172; Чижевский, 2012, с. 392; и др.). Часть кованых изделий имеет яркие параллели в известных техно-

логических традициях культур скифского мира и Северного Кавказа.

Ананьинская зона металлообработки. Очаги металлургии и металлообработки. С распадом Западноазиатской (Евразийской) металлургической провинции вся прежняя единая система родственных и тесно взаимосвязанных очагов металлургии и металлообработки претерпела коренные изменения. Произошло обособление обществ ранних кочевников степного пояса Евразии от культур лесостепной и лесной полосы. Развитие цветной металлообработки пошло здесь различными путями. В степных культурах происходит вытеснение меди и бронзы из сферы изготовления орудий и оружия. Широкое развитие металлургии железа на Кавказе и в степях Восточной Европы оставляет за цветной металлообработкой лишь сферу изготовления украшений, предметов туалета, культов и котлов, а из оружия – наконечников стрел. Ранние кочевники Восточной Европы и Северной Азии ориентируются на различные пути поступления металла и разные производственные традиции. При единстве скифской триады предметный мир в степном поясе в целом потерял былое единство. Производственная деятельность сосредотачивается в крупных ремесленных центрах (типа Каменского и Бельского городищ), античных мастерских Северного Причерноморья, джетыясарских – Нижней Сырдарьи. Вероятно, вассальные отношения связывали кочевников Южного Урала с горняками и металлургами иткульской культуры, чья продукция шла в основном степнякам. Металлообработка культур лесостепной и лесной полосы Северной Евразии, хотя и подверглась трансформации с началом эпохи раннего железа, в целом сохранила прежнюю производственную структуру. Здесь продолжилось воспроизводство орудий и оружия, прототипы которых сложились в эпоху бронзы.

Ранее в пределах АКИО одним из авторов выделялся акозинский очаг металлообработки как сеть производственных центров населения средневожской культуры текстильной керамики (Кузьминых, 1983а, с. 167–170) и ананьинский металлургический очаг с двумя фазами развития: 1) VIII – конец VI вв. до н. э. и 2) конец VI–IV вв. до н. э. (Кузьминых, 1983а, с. 170–180). Характеристика первой фазы ананьинского очага фактически отражала развитие металлообработки в постмаклашевской и акозинско-ахмыловской культурах, а второй – в вятско-ветлужской и ананьинской классической культурах. С выделением этих культур и определением специфики металлопроизводства в каждой из них требует иного понимания сам термин «ананьинский металлургический очаг».

Культурные и технологические стереотипы АКЮ, как известно, укоренились на огромных лесных пространствах Европы, Урала и Западной Сибири. Их «прорастание» в чуждой культурной среде происходило не только благодаря процессам взаимодействия и миграции различных групп населения АКЮ за пределы основных ареалов ее культур. Как скифская триада для культур скифо-сибирского мира, так и яркие образцы ананьинских бронз («парадные» секиры, кельты, украшения, изделия в зверином стиле) стали знаковыми, притягательными символами в таежных евразийских культурах – от Среднего Иртыша и Нижней Оби до севера Фенноскандии. Все это пространство объединяет важнейший символический знак – производство топоров-кельтов ананьинского типа с овальным и шестигранным устьем втулки; распространены здесь и другие изделия ананьинских типов. Данный ареал, включающий и базовые очаги металлургии и металлообработки АКЮ, есть все основания выделить в ананьинскую зону металлообработки. Этот термин в большей степени, чем, например, термин «металлургическая провинция», принятый для культур эпохи раннего металла (Черных, 1978), отражает специфику производственной деятельности и взаимосвязи очагов металлургии и металлообработки эпохи раннего железа.

Акозинский очаг металлообработки. В течение VIII–VI/V вв. до н. э. в акозинском очаге доминируют оловянно-мышьяковые и оловянные бронзы (на примере КАМ). В течение двух столетий значительной модификации подверглась форма топора-кельта. В VIII–VII вв. до н. э. преобладают кельты с треугольной фаской от концов лезвия до венчика втулки и с трапециевидной фаской до орнаментального пояса и свисающим от венчика валиком, рассекающим орнаментальный пояс, с округлой и ромбической в сечении втулкой (КАМ–2, 20, 4, 22). Преимущественно в VI в. до н. э. бытуют более короткие кельты с углублениями на подтрапециевидной фаске и без свисающего от венчика втулки валика (КАМ–6, 24, 8, 26, 10–16). За редким исключением, они имеют уже округлую втулку.

Металлургические и торговые связи акозинского очага ориентированы, прежде всего, на постмаклашевский очаг металлообработки, через который, по-видимому, шло поступление металла, лигатур, импортных изделий с Кавказа и из производящих центров евразийского степного пояса (кинжалы К–12, кобанские бронзовые топоры, фибулы, гривны, булавки, бляхи, подвески, накладки и др.). В металле эти связи выразились в появлении новых типов кельтов, несущих морфологические признаки ананьинских и акозин-

ско-меларских орудий (КАН–22, 58). Вероятно, из ананьинского вооружения были восприняты те немногочисленные наконечники копий, найденные в погребениях с КАМ в Старшем Ахмыловском могильнике (КД–2, 6, 28). Второе важнейшее направление связей было ориентировано на Северо-Запад Европы (ареал культур с текстильной и штрихованной керамикой), где были распространены некоторые близкие с акозинско-меларскими типы кельтов (КАМ–4). Поступление меди и бронз в эти безрудные районы осуществлялось, скорее всего, при посредничестве постмаклашевских и акозинских производящих центров.

Постмаклашевский очаг металлообработки. Данная ранее характеристика первой фазы ананьинского металлургического очага (Кузьминых, 1983а, с. 171–176) фактически отражает развитие металлообработки в постмаклашевской культуре, что освобождает нас от подробного обзора. Подчеркнем лишь, что надежных свидетельств металлургической деятельности в памятниках этого очага нет (хотя значительная их часть локализуется в зоне месторождений пермских медистых песчаников и сланцев) – все свидетельствует о его металлообрабатывающей направленности. Как и в акозинском очаге, здесь доминируют оловянно-мышьяковые и оловянные бронзы. Знаковой категорией орудий и оружия являются бронзовые кельты с овальным сечением по венчику втулки и треугольной, трапециевидной и арковидной фасками (КАН–14–59) (Кузьминых, 1983а, рис. 46: а, табл. I).

Ветлужский и вятский очаги металлообработки выделяются условно. Они связаны с вятско-ветлужской культурой (ранее – ананьинская культура гребенчато-шнуровой керамики), которая, безусловно, осуществляла металлообрабатывающую деятельность в бассейнах Верхнего и в северной части Среднего Прикамья, на Вятке и Ветлуге и с выходом в устьях этих рек на Каму и Волгу. Пока что в изученных раскопках поселениях выявлены остатки металлообработки, хотя в камских и вятских поселениях можно ожидать и следы металлургической деятельности. Вятские и ветлужские памятники объединяет в рамках одной культуры базовый керамический комплекс – гребенчато-шнуровая керамика, но локальная специфика двух регионов очевидна. Она фиксируется и на примере бронзовых шестигранных кельтов с рельефным пояском в виде шестиугольника под устьем втулки и арковидным орнаментом на фаске (КАН–90, 94, 100), сосредоточенных в Старшем Ахмыловском, Акозинском и Козьмодемьянском могильниках и характерных для ветлужско-волжской племенной группировки вятско-ветлужской культуры. Кельты камско-вятской группировки с

аналогичным пояском-шестиугольником отличаются орнаментальным оформлением фаски – с одной стороны вертикальными, а с другой – парными косыми валиками (КАН–98, 102, 104, 106, 108).

Ананьинский металлургический очаг. Деятельность этого очага связана с классической ананьинской культурой (ранее – ананьинская культура шнуровой керамики). В раннем очерке характеристика второй фазы ананьинского очага (Кузьминых, 1983а, с. 176–180) фактически отражает развитие металлообработки в классической ананьинской культуре, что в итоге не требует подробного обзора. Отметим, что в памятниках этой культуры также не зафиксированы явные свидетельства металлургической деятельности (Кузьминых, 1977б, с. 129–133), но, как уже выше отмечалось, весьма значительная часть металлических изделий отлита здесь из «чистой» меди, выплавленной из камских медистых песчаников и сланцев. Тем не менее, основная часть изделий изготовлена и в этом очаге из сплавов Cu+Sn+As, Cu+Sn, Cu+As за исключением коллекций с преобладанием наконечников стрел (Бельский Шихан, Гремячанское). Для ананьинского очага характерны специфические группы медных и бронзовых

кельтов с шестигранным сечением по венчику и тулову и прямоугольной фаской, без декора, и также с пояском из горизонтальных валиков и шестиугольника, с фаской, украшенной вертикальными и косыми валиками и треугольниками (КАН – 60, 64, 66, 68, 74–84, 98, 104, 106, 108 и др.).

Исторические судьбы ананьинской металлообработки. В конце I тыс. до н. э. в лесной полосе Восточной Европы происходит размежевание того культурного единства, которое олицетворяла собой ананьинская культурно-историческая область. С разрывом этого единства произошел и отказ от тех стереотипов орудий и оружия, которые на протяжении двух тысячелетий воспроизводились в Волго-Уралье. Не позднее V в. до н. э. свернулась деятельность постмаклашеевского и аозинского очагов металлообработки. К III вв. до н. э. перестал функционировать ананьинский очаг в Прикамье и иткульский на Среднем Урале. Эти события стали финалом развития древней уральской металлургии. Но и они же дали импульс к формированию цветной металлообработки в постананьинских и последующих культурах Волго-Уральского региона, ориентированной исключительно на изготовление украшений.

ЧЁРНАЯ МЕТАЛЛУРГИЯ В ЛЕСНОЙ И ЛЕСОСТЕПНОЙ ЗОНЕ ВОЛГО-УРАЛЬЯ В IX – II ВВ. ДО Н. Э.

Ананьинская культурно-историческая область представляет особый интерес с точки зрения истории развития железообрабатывающего производства в финском мире. Именно на этой территории достаточно рано ещё в предананьинское время (не позднее первой половины IX в. до н. э.) появляются первые изделия, изготовленные из чёрного металла (Чижевский, 2011, с. 384). Они представлены ножами (три экз.) и проколкой. Как замечает А.А. Чижевский, «велика вероятность того, что это импортные изделия» (Чижевский, 2011). Действительно, учитывая единичность указанных артефактов и их столь раннюю дату, есть все основания присоединиться к этому мнению.

Количество железных изделий резко возрастает на памятниках Волго-Камья во второй половине VIII–VI в. до н. э. Причём, что особенно важно, железный инвентарь представлен разнообразными категориями, охватывающими орудия труда (ножи, шилья, проушные топоры, мотыгообразные орудия), оружие (мечи, кинжалы, наконечники стрел, копий и дротиков, стилеты), предметы конской упряжи (удила, псалии), украшения (шейные, гривны, пластинчатые височные кольца, браслеты). Типологический анализ железных предметов из памятников Волго-Камья подробно

разработан А.Х. Халиковым (1977) и В.С. Патрушевым (1984). Показано, что большинство типов имеет аналогии среди кавказских железных изделий киммерийской и скифской эпох. Эти аналогии являются наглядным отражением интенсивных связей ананьинцев с южным миром.

В истории освоения чёрного металла различными народами ключевыми проблемами являются такие, как время появления первых железных изделий в местной среде, источник знаний о свойствах нового металла, способах его получения и обработки, время становления местной железной индустрии, этапы освоения различных способов обработки железа и стали, направление контактов в производственной сфере. В решении многих из этих проблем огромную роль играет метод металлографии, адаптированный к анализу археологических артефактов – археометаллография.

Суть метода археометаллографии заключается в микроскопическом исследовании структуры металла готового изделия, являющегося конечным продуктом металлургического процесса. Учитывая, что в структуре металла отражаются технологические приёмы, использовавшиеся в процессе изготовления артефакта, мы имеем возможность реконструировать технологию производства

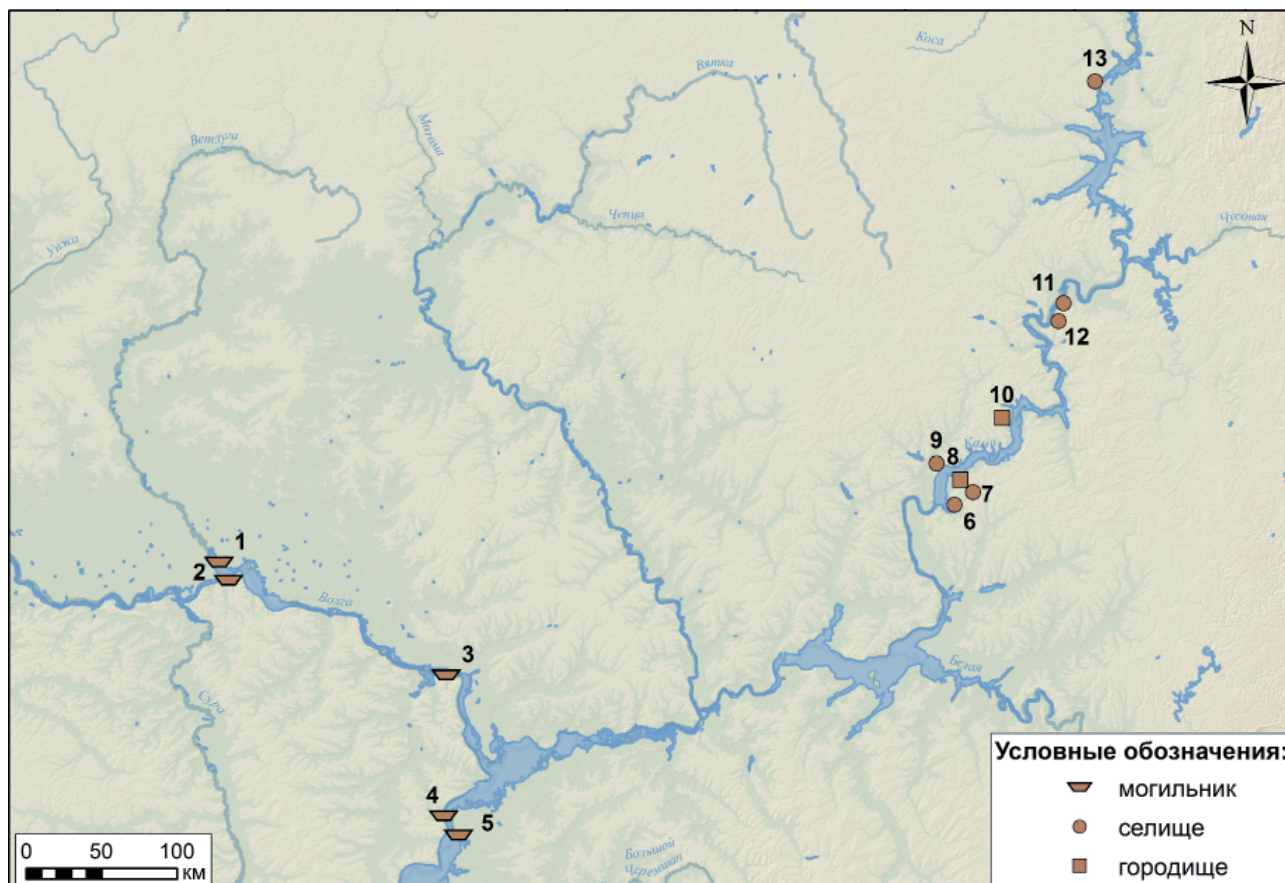

Рис. 1. Карта памятников АКИО, материалы которых исследованы металлографически
 а – могильник; б – поселение; 1 – Старший Ахмыловский могильник; 2 – Акозинский могильник; 3 – Пустоморквашинский могильник; 4 – Тетюшский могильник; 5 – Полянский II могильник; 6 – Еловское селище; 7 – Гремячинское селище; 8 – Калиновское городище; 9 – Ерзовское селище; 10 – Першинское II городище; 11 – Заюрчимское I селище; 12 – Заосиновское V селище; 13 – селище Скородум

конкретного предмета. Обобщение данных по массовым сериям позволяет говорить о производственных традициях конкретной культурно-исторической общности. На фоне выявленных традиций хорошо выделяются возможные инновации и определяется вектор связей в производственной сфере.

Материалы из ананьинских памятников уже были объектом археометаллографического изучения (Патрушев, Розанова, 1986; Розанова, Терехова, 1990; Терехова и др., 1997; Розанова, Терехова, 2002). В результате этих работ на основании аналитических данных выделены основные технологические схемы в производстве железных изделий, проведён детальный технико-технологический анализ коллекции железных предметов из памятников на территории Средней Волги и Средней Камы.

Подробное описание производства кузнечных изделий по материалам отдельных памятников приведено в монографии «История кузнечного ремесла финно-угорских народов Поволжья и Предуралья» (Завьялов, Розанова, Терехова, 2009). В

настоящей работе мы представляем обобщённые результаты аналитических исследований железных предметов по регионам.

Железные артефакты, прошедшие археометаллографический анализ, происходят из могильников VIII–VI вв. до н. э. на территории Средней Волги (Старший Ахмыловский, Акозинский, Тетюшский, Полянский II, Пустоморквашинский) и поселений VIII–II вв. до н. э. со Средней Камы (городища Калиновское и Першинское II, селища Ерзовское, Заюрчимское I, Заосиновское V, Еловское, Гремячинское, Скородум) (рис. 1). В общей сложности коллекция исследованных изделий из ананьинских памятников составляет 307 предметов различных категорий (ножи, наконечники копий, топоры, кинжалы, предметы конского снаряжения, мотыгообразные орудия, шилья и др.).

Прежде чем перейти к изложению результатов археометаллографического анализа, дадим некоторые пояснения. Появление на определённой территории массовых серий изделий из чёрного металла, неизвестных здесь ранее, выполненных в передовых (высоких) для раннего железного

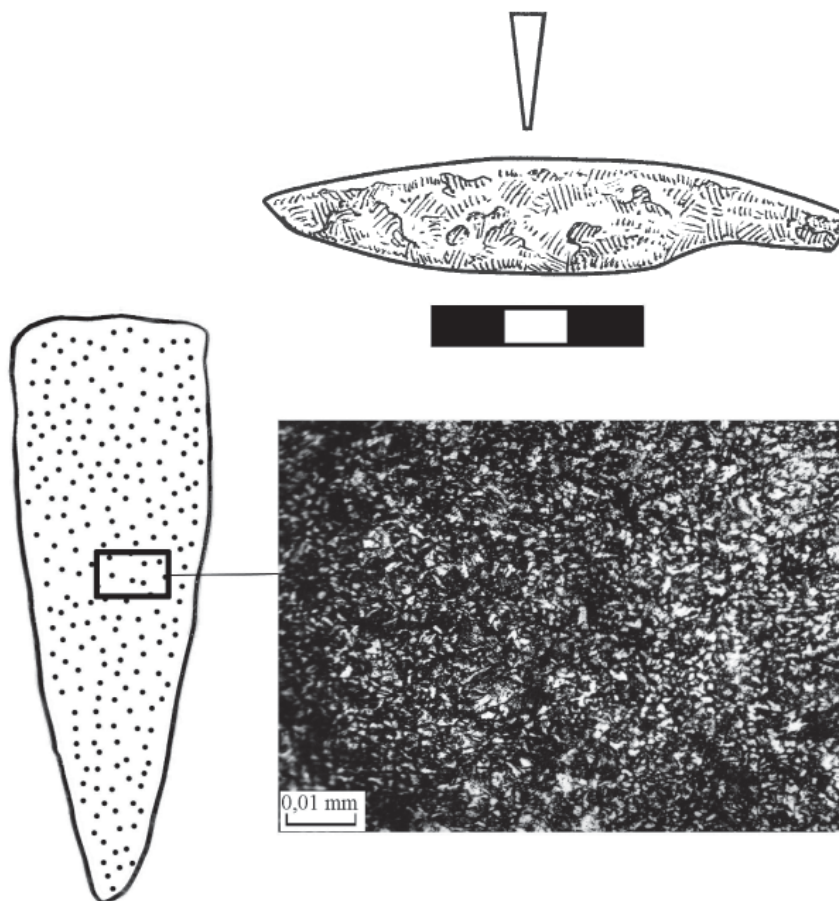

Рис. 2. Нож типа IV. VII в. до н. э. Ан. 7500. Старший Ахмыловский могильник, погр. 677. Технологическая схема изготовления (из высокоуглеродистой стали) и фотография микроструктуры (феррит с перлитом)

века технологиях, является прямым свидетельством инновационного технологического импульса. Под высокими технологиями в данном случае мы имеем в виду использование разнообразных приёмов цементации (науглероживание железных изделий или заготовок), то есть целенаправленное получение стали. Ещё одним важным приёмом в обработке чёрного металла является термическая обработка стальных изделий, повышающая механические свойства (твёрдость) артефактов. Как следует из накопленных за последнее время данных, со времени открытия способа получения чёрного металла до использования специальных приёмов его обработки проходит не менее тысячи лет. Из истории освоения человеком чёрного металла известно, что на ранних этапах работы с железом мастера ограничивались простыми кузнечными способами его обработки.

Инновационный импульс, результатом которого является внезапное появление в среде определённого социума изделий из нового материала, выполненных в высоких для своего времени технологиях, может проявляться в различных формах: перемещение вещей, перемещение мастеров, распространение идей (Завьялов, Розанова, Терехова,

2009, с. 8–9). Факт перемещения готовых предметов (импорта как прямого, так и многоступенчатого, захвата в результате взимания дани, грабежа и т. д.) устанавливается, когда в определённой культуре фиксируется чуждая форма предмета, изготовленного в технологии, неизвестной в данном обществе. Перемещение мастеров фиксируется в том случае, когда местные формы изделий изготовлены в нетрадиционной для рассматриваемого общества технологии. О распространении технологических идей можно говорить, если имеет место либо подражание чуждой форме изделия (при этом технология остаётся традиционной для данной культуры), либо изготовление предметов по новой технологии, но с отступлением от канонической схемы.

С обозначенных позиций перейдём к изложению результатов технологического анализа кузнечной продукции.

Памятники Средней Волги

Коллекция кузнечных изделий, подвергнутых металлографическому исследованию этого региона, составляет 252 предмета (табл. 1). Наиболее массовую серию представляют ножи (98 экз.) и наконечники копий и дротиков (76 экз.).

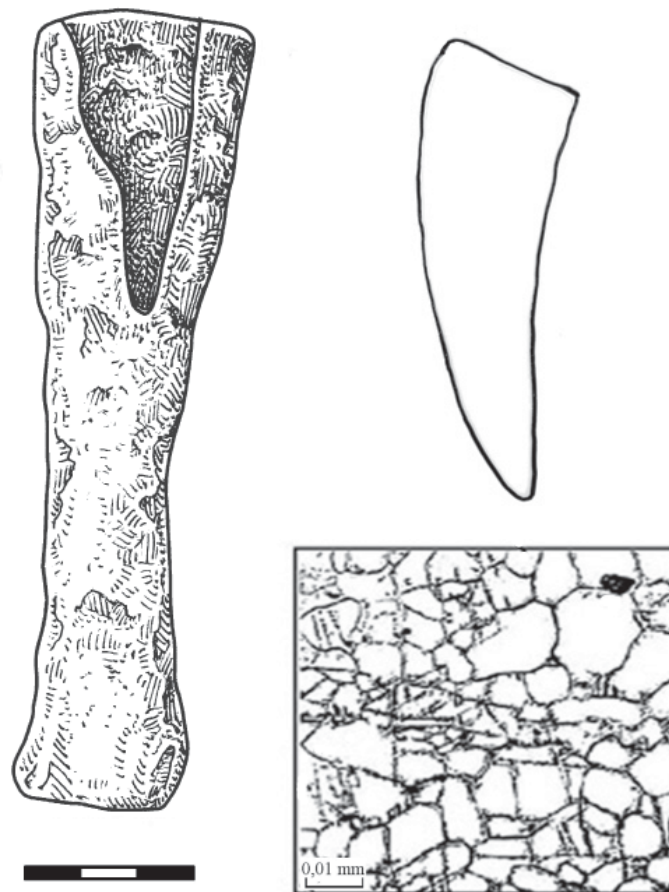

Рис. 3. Пешня. Ан. 7533. Старший Ахмыловский могильник, погр. 1002.
Технологическая схема изготовления (из железа) и фотография микроструктуры (феррит).

Ножи (рис. 2). Это универсальное орудие наиболее многочисленно и особенно интересно с технологической точки зрения, поскольку все технологические достижения в развитии железообработки отражались прежде всего именно на этой категории.

Как показал металлографический анализ этой категории, при изготовлении ножей использовались различные виды стали (86,8% от всего количества исследованных ножей): либо сырцово-стали³ (52,8% от общего числа стальных ножей), либо искусственно полученной цементованной (47,2%). В последнем случае использовались такие приёмы, как сквозная цементация заготовки, сквозная цементация самого клинка, односторонняя и двусторонняя поверхностная цементация клинка. Вторым важнейшим технологическим показателем является высокий процент изделий, подвергнутых термообработке (34,1% – без учёта ножей, откованных целиком из железа). Необходимо подчеркнуть особенность приема термообработки – во всех случаях это мягкая закалка

(структура сорбита), предполагающая определенный тип закалочной среды, возможно жир, кровь, моча, но не вода – ни на одном из ножей не встречена структура мартенсита, характерная для закалки в воде. Характерно, что термообработанные ножи встречаются не только на изделиях, изготовленных из специально полученной стали, но и среди орудий из сырцово-стали. Это свидетельствует о квалификации мастеров, прекрасно разбирающихся в сортах металла, пригодных и непригодных (низкоуглеродистых) для термической обработки. Ножи, откованные целиком из железа или из пакетированной заготовки, единичны (составляют соответственно 8,4% и 4,8%).

Шилья. Это достаточно распространенное орудие в погребальных комплексах. Исследовано два экз. Одно шило отковано из кричного железа, другое – из цементованной стали.

Наконечники копий. Второй по численности категорией железного инвентаря в отобранной нами коллекции являются наконечники копий – 76 экз.

Технологическая характеристика наконечников копий, полученная в результате металлографического исследования, свидетельствует о том, что при их изготовлении, так же как и при изготовлении ножей, использовалась сталь либо сыр-

³ Сырцовая сталь является непосредственным продуктом металлургического процесса, в ходе которого происходит непреднамеренное науглероживание железа.

цовая (64,5%), либо специально полученная путем цементации (27,6%). Термической обработке было подвергнуто 14 экз.

Наконечники стрел. Исследовано шесть экземпляров. Как показало металлографическое исследование, наконечники стрел откованы из разных сортов стали (сырцовая – 2 экз.; цементованная – 4 экз.). Три наконечника термообработаны.

Топоры проушные. В отобранной для исследования коллекции 18 проушных топоров (как боевых, так и рабочих). Среди боевых топоров в коллекции представлены топоры-молоты, топоры-клевцы, двулезвийные топоры-секиры. Как показал археометаллографический анализ, тип орудия не сопрягается с технологией его изготовления. Большая часть топоров (15 экз.) откованы из стали – семь из сырцовой, восемь – из цементованной. Термообработанными оказались десять топоров.

Кинжалы. Исследовано 11 кинжалов. Из цементованной стали отковано семь экз. (четыре из них термообработаны), из сырцовой стали – три экз. Один кинжал оказался откованным из железной заготовки.

Стилеты. Исследовано три экз. По классификации А.Х. Халикова, эти изделия входят в категорию кинжалов. Автор называет их булавоковидные кинжалы-стилеты и обосновывает их включение в категорию кинжалов тем, что они найдены в погребениях мужчин-воинов и расположены в том же месте, где и кинжалы других типов (Халиков, 1977, с. 174).

Стилеты представляют собой круглый в сечении железный стержень длиной 24–32 см, заостренный на конце. Иногда они имеют навершие и перекрестие из цветного металла.

Все исследованные стилеты откованы из стали (два – сырцовая сталь, один – цементованная). Один предмет из сырцовой стали термообработан.

Предметы конского снаряжения (удила и псалии). Для металлографического исследования отобрано 17 экземпляров удила и псалий. Из сырцовой стали отковано 12 предметов (семь термообработаны), из цементованной стали – три (все термообработаны), удила из Акозинского могильника откованы из кричного железа, ещё один экземпляр откован из пакетного металла с последующей термообработкой.

Украшения (шейные гривны, пластинчатые височные кольца, браслет) представлены 11 экз. В большинстве случаев (за исключением гривны и височного кольца, откованных целиком из железа) украшения изготовлены из стальных заготовок. Термообработанными оказались четыре предмета.

Особого внимания заслуживает категория, так называемых «*мотыгообразных орудий*», пред-

ставляющих типично местные формы. Исследователи называют эти артефакты по-разному: А.Х. Халиков мотыгообразными орудиями, В.С. Патрушев – пешнями (Халиков, 1977, с. 137, 138; Патрушев, 1984, с. 101). По форме всех их объединяет наличие вертикальной втулки и трапециевидного лезвия (рис. 3).

На наш взгляд, в эту группу включены функционально различные орудия труда, а именно: мотыжки, топоры-кельты, пешни. Так, орудия, имеющие слегка изогнутое лезвие и разомкнутую втулку, использовались, скорее всего, как мотыжки или тесла; орудия, имеющие сомкнутую короткую втулку и симметрично заточенное лезвие, следует относить к топорам-кельтам; орудия с удлиненной сомкнутой втулкой и узкой лезвийной частью, вероятно, являлись пешнями.

Технология изготовления «мотыгообразных орудий» (всего исследовано 10 экз.) однотипна и проста: они откованы либо из железа, либо целиком из сырцовой стали. Ни на одном из изделий не отмечено ни приемов цементации, ни приемов термообработки.

Данные, полученные при металлографическом исследовании железных изделий из памятников на территории Среднего Поволжья позволяют сделать следующие заключения.

Подавляющее большинство изделий всех категорий изготовлены из разных сортов стали (220 изделий из 252 исследованных). На первом месте находятся изделия, изготовленные из сырцовой неравномерно науглероженной стали, полученной непосредственно в металлургическом горне (что составляет 51,2%).

Изделия из стали, полученной путем цементации, 36,1%. Цементации подвергалась либо заготовка изделия, либо само готовое изделие. Доля изделий, изготовленных из железа, невелика – она составляет всего 8,3%.

Достаточно активно использовался прием термической обработки стальных изделий (33,8%). Причем, как уже отмечалось, применялась мягкая закалка в специальных средах.

Прием термообработки зафиксирован не только на таких категориях изделий, как ножи, проушные топоры, наконечники копий, кинжалы, что было функционально оправдано, но и на украшениях и предметах конского снаряжения. В то же время этот прием не обнаружен на «мотыгообразных орудиях».

Оценивая качество кузнечных операций, можно констатировать, что мастера, изготовившие рассмотренные нами предметы, в совершенстве владели всеми приемами горячей пластической обработки черного металла, выбирая в зависи-

мости от сорта металла необходимый температурный режим. Нарушение температурных режимов фиксируется очень редко. Использование кузнецами различных приёмов искусственного получения стали, а также термической обработки свидетельствует о длительном опыте работы с черным металлом и хорошем знании его свойств. В целом исследованные изделия демонстрируют тот факт, что они являются продукцией развитого железообрабатывающего ремесла с устойчивыми производственными традициями, не имеющими местных корней.

Памятники Среднекамского региона

Железные изделия на памятниках Средней Камы встречаются на раннем хронологическом этапе ананьинской культурно-исторической области (VIII–VI вв. до н. э.), однако в это время они единичны и представлены малыми формами (ножи, шилья). Их количество возрастает на среднем и позднем этапах, но ассортимент остается крайне ограниченным. Это обычный рядовой набор для поселенческого материала – ножи, шилья, топоры.

К V–III вв. до н. э. относятся наиболее ранние свидетельства местной металлургии железа. Металлургические артефакты (шлаки, ямы с производственными отходами) открыты на городищах Больше-Никольское I и I Субботинское (Оборин, 1960, с. 40).

Археометаллографическое исследование прошли 55 предметов (рис. 1; табл. 2). Это ножи (23 экз.), шилья (24 экз.), втульчатые топоры (3 экз.), псалий, неопределённые предметы (4 экз.).

Ножи. Ножи составляют значительную часть коллекции – 23 экземпляра. Почти все они узколезвийные, спинка в той или иной степени изогнута, плавно переходит в плоский черенок, выделенный со стороны лезвия уступом. Длина таких ножей от 9 до 14 см, черенок длиной 3–4 см. На этом фоне выделяются отдельные экземпляры индивидуальных форм: с прямой спинкой и выделенным уступом между лезвием и черенком (2 экз. – поселения Заосиновское V и Гремячинское), с серповидно изогнутой спинкой и невыделенным черенком (1 экз. – Гремячинское поселение), с горбатой спинкой и невыделенным черенком (1 экз. – Заосиновское поселение). Два небольших узколезвийных ножа отличаются тем, что их лезвийные части загнуты вверх по отношению к спинке клинка, черенок еле намечен (Ерзовское и Гремячинское поселения). Ножи подобного типа имеют, видимо, специализированное назначение – возможно, они использовались в скорняжном деле (Смирнов К.А., 1974, с. 38). Любопытно отметить, что такого рода нож происходит из наиболее раннего ананьинского памятника на

этой территории (Ерзовское селище VIII–VI вв. до н. э.), но встречается и в более позднее время (Гремячинское поселение V–III вв. до н. э.). К ранним ножам относится и миниатюрное орудие из Заюрчимского поселения. Оно имеет прямую спинку, переходящую в черенок, выпуклое лезвие, четко отделенное от черенка. Общая длина изделия 5 см, ширина лезвия 1 см, длина черенка 1 см.

Как показало микроскопическое исследование, часть ножей (12 экз.) изготовлена в простых технологиях: они откованы целиком из металлургического сырья (либо железа, либо малоуглеродистой стали). Использовался вторметалл и пакетированные заготовки. Качественная цементированная сталь зафиксирована в трёх случаях. Все ножи, изготовленные из такой стали, были подвергнуты термической обработке – твёрдой закалке (структуры мартенсита и троостита).

Шилья. Второй наиболее распространенной категорией в исследованной коллекции являются шилья (24 экз.). Они представляют собой стержни, один конец которых (рабочий) имеет круглое сечение, а другой – уплощенно-прямоугольное. Шилья различаются размерами. Чаще всего встречаются небольшие орудия длиной 4–5 см, реже 9–10 см.

Как показало микроскопическое исследование (образцы брались как с рабочей части, так и с рукояточной) в большинстве случаев (12 экз.) шилья изготовлены целиком из железа. Иногда использовалась пакетная заготовка. Семь экземпляров откованы из сырцового мало- и среднеуглеродистой стали. Из цементированной стали изготовлены два орудия. Одно из них оказалось термообработанным – закалено в воде.

Отметим тот факт, что изделия, откованные из цементированной стали (как ножи, так и шилья), происходят из памятников, относящихся к V–III вв. до н. э.

Топоры-кельты. Металлографически исследовано три экземпляра: два целых (Гремячинское поселение, Заосиновское V) и один обломок (селище Скородум). Длина целых экземпляров 9,5–12 см, ширина лезвия 4–5 см, диаметр несомкнутой втулки 3–3,5 см.

На основании микроскопического исследования можно заключить, что два орудия были откованы из металлургического сырья (железа и малоуглеродистой стали). Один топор откован из пакетной заготовки (из полос сырцового неравномерно науглероженной стали) и подвергнут термообработке – твёрдой закалке.

Детали конского снаряжения. В исследованной нами коллекции детали конского снаряжения представлены псалием, происходящим из Заосиновского V поселения. Псалий двудырчатый, один

конец у него загнут. Откован он из стержня подтреугольного сечения, средняя часть которого слегка расплющена в двух местах, где пробиты круглые отверстия диаметром 7 мм.

Как установлено на основании микроскопического исследования, псалий откован из неравномерно науглероженной стали.

Неопределенные предметы. В исследованной коллекции представлены предметы, назначение которых по невыразительным обломкам определить трудно. Технологически они не выделяются из серии рассмотренных изделий – изготовлены либо из железа (Гремячинское поселение), либо из неравномерно науглероженной стали (Заосиново V, Калиновское городище).

Обобщая приведённые аналитические данные, выделим особенности производства кузнечной продукции на этой территории. Основная масса исследованных изделий изготовлена в простейших технологиях: из железа или малоуглеродистой сырцово-стали (36 экз. из 55 исследованных, или 65,5%) без каких-либо приемов по улучшению рабочих качеств. Только пять предметов откованы из специально полученной стали путем цементации полос-заготовок; четыре из них подвергнуты термообработке. Причем во всех случаях это твердая закалка на мартенсит. Приём цементации готового изделия не использовался. Четвертая часть поковок откована из пакетных заготовок, или металла вторичного использования. Применение пакетных заготовок фиксируется даже на миниатюрных изделиях (небольшие ножички, шилья). По-видимому, мастера не располагали большими объемами металла, с одной стороны, с другой – ценили и берегли его.

Мы уже говорили о том, что орудия из цементированной стали с последующей термообработкой происходят из памятников, датированных V–III вв. до н. э., т. е. относятся к среднему и позднему хронологическим этапам среднекамской группы ананьинских памятников. Единственное изделие – шило (ан. 6105), изготовленное, как показало исследование, из стали с последующей термообработкой, относится как-будто к раннему этапу (VII–VI вв. до н. э.). Во всяком случае, так автор раскопок С.Н. Коренюк датирует эту находку из Заюрчимского I поселения. Однако, учитывая, что поселение это многослойное, т. е. там имеются слои V–III вв. до н. э. (Вечтомов, 1967, с. 149), нельзя исключить, что изделие относится к более позднему времени. То есть технология его изготовления хорошо вписывается в технологическую характеристику материалов именно периода V–III вв. до н. э.

Оценивая в целом качество кузнечных операций, заметим, что довольно часто встречаются на-

рушения температурного режима: перегрев (крупнозернистая структура феррита, видманштеттная структура феррито-перлита), окончаниековки при низких температурах (вытянутость структурных составляющих).

На основании технико-технологической характеристики кузнечного инвентаря из памятников Среднего Прикамья ананьинского времени можно сделать вывод о том, что кузнечная техника в этом регионе находилась на начальных этапах самостоятельного развития. Об этом свидетельствуют использование простых технологий, отсутствие в большинстве случаев приемов по упрочиванию рабочей части изделий, пакетирование заготовок, связанное с отсутствием достаточных объемов получаемого металла, незначительная доля специально полученной цементированной стали. Стальные термообработанные изделия появляются лишь на позднем этапе местных культур (V–III вв. до н. э.).

Итак, в пределах ананьинской культурно-исторической области с технологической точки зрения резко выделяются два региона. Один, Средневожский, характеризуется высокоразвитой технологией обработки чёрного металла, неизвестного ранее на этой территории. Другой, Среднекамский, демонстрирует простейшие способы обработки чёрного металла. Принципиальные различия наблюдаются и в применении некоторых приёмов, в частности термообработки. Если в первом случае это мягкая закалка, то во втором – исключительно твёрдая.

Как удалось нам показать (Завьялов, Розанова, Терехова, 2009), источником технологических приёмов обработки чёрного металла в Средневожском регионе являются Кавказские центры железообработки (Вознесенская, 1975; Терехова, 1983; 1986; 1990; 2015). Об этом свидетельствуют как формально-типологическое сходство кузнечных изделий, так и использование высокоразвитых для раннего железного века разнообразных способов цементации и особого вида термообработки (мягкой закалки), хорошо представленных среди кавказских материалов.

Есть основания полагать, что местные мастера-бронзолитейщики благодаря контактам с кавказскими мастерами делают первые шаги в получении и обработке нового – чёрного металла. Этому способствовал их опыт работы с высокими температурами и знание на примере металлургии меди о возможностях превращения веществ из одного состояния (руда) в другое (металл). О присутствии кавказских мастеров свидетельствует ряд изделий местных форм (ножи IV типа по А.Х. Халикову, однолезвийные кинжалы), выполненных в кавказских производственных традициях. Первые

РАННИЙ ЖЕЛЕЗНЫЙ ВЕК

попытки работы местных мастеров с чёрным металлом иллюстрирует целая серия изделий местных форм, но изготовленных в простейших технологиях. Это типично местные артефакты – мы имеем в виду пешни, «мотыгообразные» орудия и наконечники копий (тип I по А.Х. Халикову), подражающие местным бронзовым образцам.

Интересно, что определённая часть технологических знаний о приёмах обработки чёрного металла (науглероживание железа, термическая обработка) осталась недоступной для местных

мастеров. Не исключено, что высокие технологии составляли производственную тайну. Возможно также, что технологические операции, связанные с улучшением механических свойств предмета, сопровождались какими-то магическими обрядами, чуждыми местному населению.

Именно на территории Средней Волги начинает формироваться ананьинский производственный стереотип, который распространяется и на Среднюю Каму, а в дальнейшем становится основой финно-угорской технологической модели.

Таблица 1

Железные изделия из памятников Среднего Поволжья, прошедшие металлографическое исследование

Категории	Могильники					Всего
	Старший Ахмыловский	Акозинский	Тетюшский	II Полянский	Пустоморквашинский	
ножи	83	12			3	98
наконечники копий и дротиков	59	6	5	2	4	76
наконечники стрел	1	5				6
проушные топоры	10	2			6	18
кинжалы	8		1	1	1	11
стилеты	1	2				3
конское снаряжение	11	6				17
«мотыгообразные орудия»	9		1			10
шилья	2					2
шейные гривны	3					3
пластинчатые височные кольца	5	2				7
браслет	1					1
всего	193	35	7	3	14	252

Таблица 2

Железные изделия из памятников Среднего Прикамья, прошедшие металлографическое исследование

Категория	Памятник, дата								Всего
	Ерзовское селище, V-III вв. до н. э.	Заюрчимское I поселение, VI-VI вв. до н. э.	Заосиновское V поселение, V-III вв. до н. э.	Еловское поселение, VI-III вв. до н. э.	Калиновское городище, V-III вв. до н. э.	Гремячинское поселение, V-III вв. до н. э.	Першинское II городище, IV-III вв. до н. э.	Скородум селище, IV-II вв. до н. э.	
Ножи	1	3	6	2	2	5	1	3	23
Шилья		1	4		1	18			24
Топоры-кельты			1			1		1	3
Псалий			1						1
Неопределённые предметы			2		1	1			4
Всего	1	4	14	2	4	25	1	4	55

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ВТОРАЯ ФАЗА РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА ВОЛГО-УРАЛЬЯ

РАЗДЕЛ I КУЛЬТУРЫ СЕВЕРА СТЕПНОЙ ЗОНЫ

Глава 1

Среднесарматская культура

Глава 2

Памятники андреевско-писеральского типа

Глава 3

Памятники позднескифского круга в Среднем Поволжье

ГЛАВА 1

СРЕДНЕСАРМАТСКАЯ КУЛЬТУРА

История изучения

Начало изучения среднесарматской культуры приходится на 20-е гг. XX в. В это время в Нижнем Поволжье П.С. Рыковым были осуществлены раскопки Суловского курганного могильника (Рыков, 1925). В Южном Приуралье памятники среднесарматского времени впервые были также открыты П.С. Рыковым в 1925 г., во время раскопок у станции Шипово, на р. Урал (Рыков 1926, с. 88–134). Среди исследований довоенного времени следует отметить раскопки Б.Н. Гракова у поселка Нежинского близ Оренбурга в 1927 г. (Граков, 1928, с. 145–155). В 30-е гг. XX в. К.В. Сальников раскопал два погребения в кургане 3 могильника Кашкара (Дмитриев, Сальников, 1941, с. 140, 143, 144). В 1949 г. им же было раскопано диагональное погребение при исследовании Мало-Кизильского II могильника близ Магнитогорска (Сальников, 1952, с. 97, рис. 32). В результате раскопок К.Ф. Смирнова в 60-е гг. XX в. были исследованы диагональные погребения среднесарматского времени в могильнике Герасимовка I (Смирнов, 1966, с. 40–43). В 1976 г. экспедиция Куйбышевского (ныне Самарского) государственного университета под руководством Г.Г. Пярых раскопала три погребения в двух курганах Сорочинского I могильника в Оренбургской области (Железчиков, Пярых, 1981, с. 271–276). Многочисленная серия среднесарматских захоронений представлена в Кардаилловском могильнике, раскопанном в Оренбургской области Н.Л. Моргуновой (Моргунова, 1997, с. 8–43).

В 60-70-е гг. XX в. при исследовании курганного могильника Уметбаево М.Х. Садыковой, Н.А. Мажитовым, Б.Б. Агеевым был открыт ряд погребальных комплексов среднесарматского времени (Мажитов, 1972; Агеев, 1978; Пшеничнюк, 1983, с. 118). В 1973 г. Б.Б. Агеевым и Р.Б. Исламовым были раскопаны шесть среднесарматских курганов в могильнике Юрматы II (Пшеничнюк, 1983, с. 118). В 1975 г. Б.Б. Агеев исследовал три кургана этой культуры в V Ново-Мурапталовском могильнике (Агеев, 1974, с. 129, 130). В 1969–1973 гг. А.Х. Пшеничнюк исследовал 11 среднесарматских погребений в могильниках Чумарово, Уязыбашево, Азнаево, Кара-Тал I

(Пшеничнюк, 1983, с. 118). В 1977 и 1982 гг. экспедицией Башкирского государственного университета было раскопано несколько курганов Иштугановского I могильника, в один из которых было впущено погребение, в котором были сделаны уникальные находки: медные монеты Митридата VI Евпатора и Фарнака (Кропоткин, Обыденнов, 1985, с. 242–245).

В Самарском Заволжье первый погребальный комплекс среднесарматской культуры был открыт в 1923 г. В.В. Гольмстен во время исследования курганного могильника Березняки (курган № 13) в Кинель-Черкасском районе на р. Малый Кинель (Гольмстен, 1928). В 1925 г. В.В. Гольмстен исследовала еще одно среднесарматское погребение в кургане 3 могильника у хут. Истомина близ ж/д станции Безымянка на р. Падовке (Гольмстен, 1925). В 1951 г. во время проведения охранно-спасательных раскопок, предпринятых в связи со строительством Куйбышевской ГЭС, было выявлено среднесарматское погребение (к. 2, п. 3) в могильнике у с. Хрящевка Ставропольского района (Мерперт, 1954). Исследование остальных погребальных комплексов среднесарматской культуры на территории Самарского Заволжья связано с работами Средневожской археологической экспедиции в 70–90-е гг. XX в. и новостроечными работами начала XXI в. Среднесарматские погребения были исследованы в 1970–1972 и 1994 гг. Г.И. Матвеевой, В.Н. Мышкиным и В.А. Скарбовенко в могильнике Гвардейцы I на р. Самаре (Матвеева, Скарбовенко, 1976, с. 136–147; Мышкин и др., 1999, с. 147–175). Погребальные комплексы среднесарматского времени были открыты в 1975 г. в могильнике Преполовенка I в Безенчукском районе (Багаутдинов, Пярых, 1987, с. 56, 57), в 1977 г. И.Б. Васильевым в могильнике у с. Андреевка (Мышкин, Скарбовенко, 2000, с. 30, 352), в 1986 г. В.Н. Мышкиным в могильнике у с. Виловатое Богатовского района (Мышкин, 1992, с. 121–136). В 2007 г. М.С. Седова исследовала могильник Иргиз I в Пестравском районе Самарской области и открыла ряд погребений среднесарматского времени (Денисов и др., 2018, с. 121–139). Погребение среднесарматского времени было открыто также в Баженовском могильнике на терри-

тории Нефтегорского района Самарской области (Лебедева, Хохлов, 2018, с. 118–120). Один меч с кольцевидным навершием случайно найден на р. Большой Кинель у пос. Красные Пески Похвистневского района (Мышкин, Скарбовенко, 2000, с. 30, 352).

Выделение среднесарматской культуры, ее хронология и формирование

Курганы, которые в настоящее время относят к среднесарматской культуре, были выделены П.Д. Рау и включены им в Stufe A (раннеримской стадии) созданной им периодизации. Время этой стадии, по мнению П.Д. Рау, приходится на период с конца I в. до н. э. по конец II в. н. э. Характерными элементами погребального обряда кочевников на этой стадии исследователь считал южную или юго-западную ориентировку погребенных; посыпку dna могил мелом или известью; наличие бараньих костей передних ног с лопаткой в качестве заупокойной пищи. Вещами, типичными для этого периода, были мечи с кольцевым навершием, железные трехлопастные черешковые наконечники стрел, пряслица яйцевидной формы, алебастровые сосудики, бронзовые зеркала с валом по краю диска, в том числе конусообразным выступом в центре диска, цилиндрические курьницы (Рау, 1927, с. 64–68, 110).

В 40-е гг. XX в. К.Ф. Смирнов предложил другую датировку памятников этой стадии, отнеся ее начало к концу II – началу I в. до н. э., а финальный период – к началу II в. н. э. Им были выделены пять основных типов конструкций могильных ям этой стадии. Он также отметил наличие квадратных ям с диагональным положением погребенных, большое количество захоронений под индивидуальной насыпью, усиление влияния античных центров Северного Причерноморья и культурных традиций Средней Азии как отличительные характеристики данной стадии. Кроме того, К.Ф. Смирнов пришел к выводу о наличии связей культуры кочевников среднесарматской стадии с населением предшествующего и последующего времени, хотя не исключал возможность периодических миграций в Волго-Уральский регион кочевого населения из более восточных районов (Смирнов, 1947, с. 75–81).

Б.Н. Граков в статье «Пережитки матриархата у сарматов» подвел итоги изучения ранних кочевников Волго-Уралья в первой половине XX в. и предложил четырехчленную периодизацию их культуры. Среднесарматские памятники исследователь отнес к третьей ступени, которую назвал сарматской или сусловской культурой, и датировал временем с конца II в. до н. э. по II в. н. э. (Граков, 1947, с. 105). Изменение даты этой культуры было обосновано А.С. Скрипкиным в монографии

«Азиатская Сарматия. Проблемы хронологии и ее исторический аспект», содержащей вывод о том, период существования среднесарматской культуры может быть ограничен I в. н. э. – началом или первой половиной II в. н. э. (Скрипкин, 1990, с. 175).

Дальнейшие хронологические разработки показали, что в разных регионах восточноевропейских степей хронологические рамки этой культуры могут быть различными.

Такая ситуация может быть объяснена спецификой политической и этнокультурной ситуации, складывающейся в различных частях тех степных пространств, которые занимала среднесарматская культура.

Для территории Нижнего Поволжья наиболее предпочтительной датой среднесарматской культуры считается период, приходящийся на I – первую пол. II в. н. э. (Сергацков, 2004, с. 107–116). И.В. Сергацков полагал, что верхняя граница раннесарматской культуры приходится на рубеж н. э. или даже первую половину I в. н. э., а начало I в. н. э. могло быть переходным периодом, характеризующимся сосуществованием ранне- и среднесарматской культур (Сергацков, 1995, с. 148–157).

В.Е. Максименко время существования среднесарматской культуры на Нижнем Дону ограничивал рамками I в. до н. э. – первой половины II в. н. э. (Максименко, 1998, с. 87). По мнению В.П. Глебова, в развитии среднесарматской культуры можно выделить два периода, один из которых приходится на вторую половину, возможно, ближе к последним десятилетиям I в. до н. э. (30–50 гг. I в. н. э.), а второй – на 30–50 гг. I в. н. э. – середину II в. н. э. (Глебов, 2004, с. 130, 131). Среднесарматскую культуру на Среднем Дону А.П. Медведев датировал I в. н. э. – первой половиной II в. н. э. (Медведев, 2004, с. 88–90). Этим же временем (I – середина II в. н. э.) датирована среднесарматская культура в Северном Причерноморье (Симоненко, 2004, с. 149).

По мнению М.Г. Мошковой, вторую половину I в. до н. э. нельзя исключать из периода существования среднесарматской культуры (Мошкова, 1989б, с. 37–43). С.Ю. Гуцалов полагает, что для Южного Приуралья процесс формирования и время существования среднесарматской культуры не может быть ограничен I–II в. н. э., поскольку дата некоторых южноуральских среднесарматских погребальных комплексов, относимая к концу II–I в. до н. э. или I в. до н. э., противоречат концепции формирования среднесарматской культуры в I в. н. э. (Гуцалов, 2004, с. 216–221; 2006, с. 77).

Различия во взглядах на хронологию среднесарматской культуры связаны с расхождениями в понимании процесса ее формирования. Вопросы ее складывания до настоящего времени остаются

дискуссионными. По мнению одних исследователей, появление нового культурного комплекса является результатом изменений, происходивших в среде кочевников, населявших Нижнее Поволжье и междуречье Волги и Дона (Граков, 1947; Смирнов, 1950, с. 97–114; Абрамова, 1959, с. 52–71; Мошкова, 1989б, с. 42; Мошкова, 1989в, с. 177). Эти представления основывались на взглядах П.Д. Рау, который подчеркивал наличие генетической преемственности сарматских культур (Рау, 1927, с. 110–112). При этом совсем не отрицалась роль миграций в развитии культуры сарматов (Граков, 1947, с. 100–121).

Распространение основных элементов среднесарматской культуры рассматривается также как результат появления в Восточной Европе в I в. н. э. аланов (Раев, 1985, с. 126–131; 1989, с. 116; Скрипкин, 1990, с. 214–222; Сергацков, 2006, с. 46). Кочевники Поволжья были включены в новые этнополитические объединения, и это способствовало сохранению существовавших ранее культурных традиций (Скрипкин, 1990, с. 223).

По мнению А.С. Скрипкина, формирование новой культуры в степях Волго-Донского региона началось во II–I вв. до н. э. и происходило за счет постепенного увеличения элементов, ставших для нее впоследствии характерными. Увеличение числа таких элементов происходило в первую очередь за счет появления у кочевников Поволжья и Подонья новых типов вещей в результате разнонаправленных культурных импульсов. Распространение у сарматов круговой керамики и прежде всего кувшинов было обусловлено налаживанием тесных контактов с северокавказскими производственными центрами, использование фибул – влиянием римской провинциальной культуры при посредстве северопричерноморских центров. Появление у сарматов II–I вв. до н. э. мечей с кольцевым навершием, бронзовых зеркал с умбоном в центре диска связано с миграцией кочевнических групп с востока. При этом такой важный компонент культуры кочевников, как погребальный обряд, не претерпевает каких-либо существенных изменений (Скрипкин, 2017, с. 174).

Финальный период существования среднесарматской культуры приходится на II в. н. э. и связан с окончательным складыванием позднесарматской культуры в основных регионах ее распространения в середине II в. н. э. (Кривошеев, Скрипкин, 2006, с. 124–136; Медведев, 2004, с. 90–92; Мошкова, 2004, с. 38; Симоненко, 2004, с. 149; Скрипкин, 2017, с. 223–225). В Нижнем Поволжье и междуречье Волги и Дона погребальные комплексы II в. н. э. сочетают в себе характеристики среднесарматской и позднесарматской культур. При этом позднесарматские традиции во второй

половине II в. н. э. становятся преобладающими (Кривошеев, 2005, с. 14, 15). В Среднем Поволжье также исследованы комплексы, в частности погребение 2 в кургане 9 и погребение в кургане 21, которые имеют черты как среднесарматской культуры, так и позднесарматской. Они датированы временем в пределах II в. н. э. с акцентом на первой половине этого столетия для первого из них (Васильев, Скарбовенко, 1982, с. 109, 112, 117–120, рис. 1: 1, 2). М.Г. Мошкова полагает, что на территории Южного Приуралья позднесарматская культура распространилась после середины II в. н. э. (Мошкова, 2004, с. 38).

Основные моменты политической истории кочевников в среднесарматское время

Рубеж двух эр можно охарактеризовать как время миграций сарматов и их военно-политической активности во взаимоотношениях с окружающими народами. Сарматские племена, продвинувшись на запад, заняли степи между реками Днепр и Дунай. В результате этих миграций на границах Римской империи появились сарматские племена языгов и роксоланов. Временами сарматские племена форсировали Дунай и расселялись среди племен, проживавших к югу от этой реки (Рикман, 1975, с. 27). Роксоланы с самого начала I в. н. э. совершали походы в римскую провинцию Мёзию и ко II в. н. э. смогли добиться от Рима уплаты дани под видом даров (Хазанов, 1971, с. 81). Вероятно, именно западные сарматские племена были основными инициаторами и участниками походов на римские провинции и города Причерноморья. Среди этих походов в среднесарматский период следует выделить войну роксоланов в Мёзии в 68–69 гг. н. э. (Рикман, 1975, с. 29).

В 38 г. после смерти боспорского правителя Аспурга в Боспорском царстве возник конфликт между претендентами на освободившийся престол. В конфликт ввязались сираки и аорсы. Одним из претендентов стал фракийский царевич Полемон, который являлся ставленником Рима. Второй претендент – Митридат, один из сыновей Аспурга, провозгласил себя царем и не допустил Полемона на Боспор. Рим объявил Митридата смещенным и отдал престол Котису – второму сыну Аспурга. Для поддержки Котиса были посланы римские войска. Союзником этого претендента стало сарматское племя аорсов. На стороне Митридата в войну вступили сираки – другое сарматское племя (Шелов, 1984, с. 17, 18). В результате боевых действий Митридат и его союзники потерпели поражение. Успа – столица сираков, которая располагалась, по-видимому, неподалеку от восточного побережья Меотиды – Азовского моря (Шилов, 1983, с. 42), была захвачена и уничтожена объединенным войском римлян, боспорцев и

аорсов (Тацит, XII: 16, 17). На престоле Боспора утвердился Котис. После этих событий и сираки, и аорсы перестали упоминаться в сочинениях античных авторов.

В степях Восточной Европы ведущей военно-политической силой стали аланы. Время и обстоятельства появления аланов на исторической арене являются предметом дискуссий в среде специалистов. Интересно, что античные авторы, впервые отмечая появление этих кочевников, фиксировали их на территориях, иногда весьма удаленных друг от друга: на Кавказе, около Меотиды и на Дунае (Железчиков и др., 1995, с. 86).

Первые упоминания аланов появляются у античных авторов в I в. н. э. Наиболее раннее из них имеется в пьесе «Фиест», написанной в середине I в. н. э. римским философом Луцием Аннеем Сенекой (ок. 4 г. до н. э. – 65 г. н. э.). То обстоятельство, что название этого народа появляется именно в литературном произведении, по всей видимости, должно свидетельствовать об известности аланов для современников этого автора. Аланы упоминаются в поэме «О гражданской войне», написанной в начале 60-х гг. I в. н. э. Марком Аннеем Луканом и повествующей о войне между Цезарем и Помпеем в 40-х гг. I в. до н. э. Название этого народа встречается в поэме «Аргонавтика» римского поэта Гая Валерия Флакка, написанной в 70–80-х гг. I в. н. э. (Габуев, 1999, с. 7, 8). Сведения об аланах и тех территориях, которые они занимали, содержатся в трудах античных историков I в. н. э. Так, у Гая Плиния Старшего (23/24–79 гг. н. э.) в труде «Естественная история» имеется следующее сообщение: «К северу от Истра, вообще говоря, все племена считаются скифскими, но прибрежные местности занимали разные племена, то геты, у римлян называемые даками, то сарматы, или по-гречески савроматы, и из их числа гамаксобии, или аорсы, то неблагородные, рабского происхождения скифы, или троглодиты, затем аланы и роксоланы» (Плиний, IV, 80). Таким образом, аланы зафиксированы к северу от Дуная.

Однако Иосиф Флавий – другой древний историк, родившийся в 37 г. н. э. и умерший около 100 г. н. э., локализует аланов в другом районе европейских степей – к северу от Меотиды (Азовского моря). В его книге «Иудейская война», написанной в 90-х гг. н. э., указано: «...Об аланском народе я, как мне кажется, еще выше упомянул, как о скифском племени, живущем на берегах Танаиса и Меотийского озера» (Флавий Иосиф, VII: 7, 4).

Появление аланов на исторической арене приходится на время не позднее третьей четверти I в. н. э. (Мошкова, 1989а, с. 157). По мнению А.С. Скрипкина, некоторые археологические данные и письменные свидетельства позволяют

предполагать, что эта группа ираноязычных кочевников пришла из Средней Азии. В частности, устойчивая античная традиция связывает генезис аланов с массагетами, жившими в этом регионе. При этом многие древние авторы отличали аланов от других сарматских племен. В I в. н. э. в восточноевропейских степях получил распространение полихромный звериный стиль, родиной которого могли быть Парфия и Бактрия. В пользу среднеазиатского происхождения аланов свидетельствует появление в европейских степях различных вещей восточного происхождения: китайских бронзовых зеркал, некоторых типов мечей, сосудов, а также знаков – тамг (Скрипкин, 1990, с. 203–209).

По мнению других исследователей, аланы выделились как самостоятельное объединение из среды сарматских племен (Смирнов, 1950, с. 108; Гаглойти, 1989, с. 86).

Существует также гипотеза, согласно которой аланы представляли собой не этнос, а социальный слой сарматского общества, ремеслом которого была война и который не имел этнического единства (Каминский, 1989, с. 96).

Проявив военную и политическую активность, аланы постепенно заняли господствующее положение в восточноевропейских степях. Аммиан Марцеллин (333–339 гг.), наиболее значительный историк эпохи заката Римской империи, писал: «...они мало-помалу постоянными победами изнурили соседние народы и распространили на них название своей народности, подобно персам» (Марцеллин Аммиан, XXXI: 2, 13). Эта активность выплескивалась походами за пределы степных кочевий. В середине I в. н. э. аланы уже совершали набеги на границы Римской империи. В 72 г. последовало их опустошительное вторжение в Закавказье (Хазанов, 1971, с. 81, 82). Иосиф Флавий писал: «...аланы, напав огромной массой на ничего не подозревавших мидян, стали опустошать многолюдную и наполненную всяким скотом страну... И так, производя грабеж с большой легкостью и без сопротивления, они дошли до Армении... Царем Армении был Тиридат, который, выйдя к ним навстречу и дав битву, едва не попался живым в плен... Аланы... возвратились домой с большим количеством пленных и другой добычи их обоих царств» (Флавий Иосиф, VII: 7, 4).

Характеристики среднесарматской культуры

После того, как I в. н. э. сарматские племена освоили территорию между Днестром и Дунаем, территория распространения этой культуры охватила огромные степные пространства практически всего Северного Причерноморья, Северного Кавказа, Подонья, Поволжья, Южного Приуралья. Степные и лесостепные районы Среднего Поволжья и Южного Приуралья в среднесарматское время

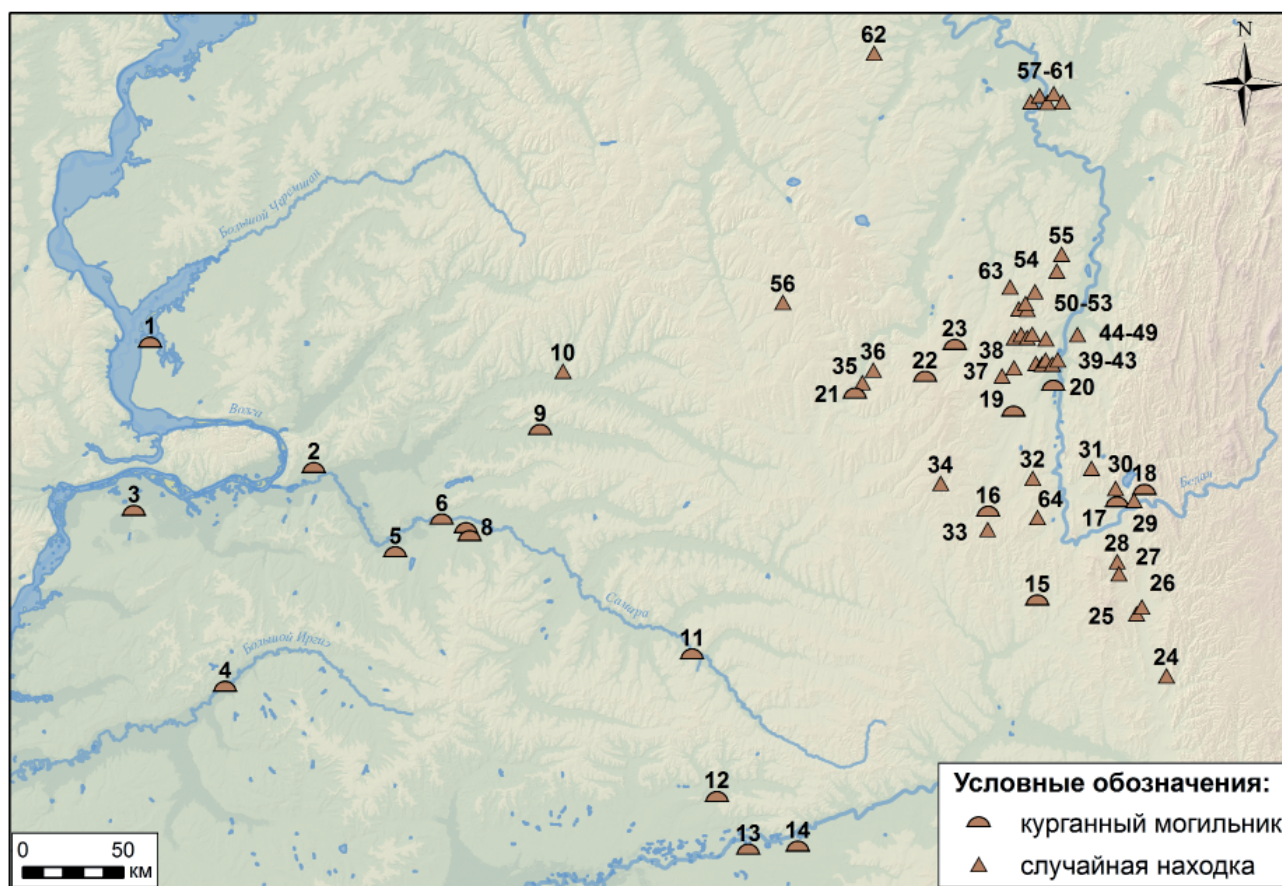

Рис. 1. Памятники среднесарматской культуры

1 – Хрящевка; 2 – хут. Истомина; 3 – Преполовенка; 4 – Иргиз I; 5 – Баженовский одиночный курган; 6 – Андреевка; 7 – Вилватое I; 8 – Гвардейцы I; 9 – Березняки; 10 – Красные Пески; 11 – Сорочинский I; 12 – Герасимовка; 13 – Красный Яр; 14 – Кардаиловский I; 15 – Ново-Муратгаловский V; 16 – Юрматы II; 17 – Иштуганово I; 18 – Сыртланово II; 19 – Уметбаево; 20 – Кашкара; 21 – Азнаево; 22 – Узыбашево; 23 – Чумарово; 24 – Исянгулово, меч, случайная находка; 25–26 – Верхнесанзяново, мечи, случайные находки; 27 – Тляумбетово, меч, случайная находка; 28 – Юмагузино, меч, случайная находка; 29 – Иштуганово, меч, случайная находка; 30 – Андреевский, меч, случайная находка; 31 – Воскресенское, меч, случайная находка; 32 – Петропавловка, меч, случайная находка; 33 – Марьевка, меч, случайная находка; 34 – Федоровская школа, меч, случайная находка; 35 – Совхоз «Демский»; 36 – Совхоз «Дема»; 37 – Стерлитамакский совхоз, меч, случайная находка; 38 – Веселый, меч, случайная находка; 39 – Стерлитамакский музей, меч, случайная находка (точное место находки неизвестно); 40–43 – Стерлитамак, мечи, случайные находки; 44 – Куштау, меч, случайная находка; 45 – Старое Барятино, меч, случайная находка; 46–49 – Талачево, мечи, случайные находки; 50–52 – Месели, мечи, случайные находки; 53 – Между Журавлевкой и Месели; 54 – Северли, меч, случайная находка; 54 – Куезбашево, меч, случайная находка; 55 – Тряпино, меч, случайная находка; 56 – Приютово, меч, случайная находка; 57 – Уфа, Цыганская поляна, меч, случайная находка; 58–61 – Уфа, музей, мечи, случайные находки; 62 – Ново-Биккино, меч, случайная находка.; 63 – Северли, меч, случайная находка; 64 – Шевченковский сельсовет, меч, случайная находка

являлись далекой северо-восточной периферией сарматского мира. Это обстоятельство обусловило определенное своеобразие памятников Южного Приуралья. Здесь отсутствуют богатые погребения, как на Нижнем Дону или в Нижнем Поволжье, нет обилия античного, кубанского и кавказского импорта, а керамический комплекс фиксирует наличие достаточно своеобразных традиций гончарного производства (Сергацков, 2002, с. 130). Территория Среднего Поволжья в части отсутствия богатых среднесарматских погребальных памятников сходна с южноприуральскими степями. В остальном средневожские погребения обнаруживают полное сходство с одновременными им

погребениями Нижнего Поволжья, составляя с ними единую группу (Мышкин, Скарбовенко, 2000, с. 31).

Среднесарматские погребения, открытые на территории Среднего Поволжья, в количественном плане уступают памятникам как предшествующей раннесарматской культуры, так и последующей – позднесарматской. Вместе с тем они распространены более широко (рис. 1). Самый северный пункт зафиксирован в лесостепи у с. Хрящевка (Ставропольский район Самарской области), на р. Сускан вблизи границ Ульяновской области. Следует также отметить, что только в среднесарматское время в средневожских

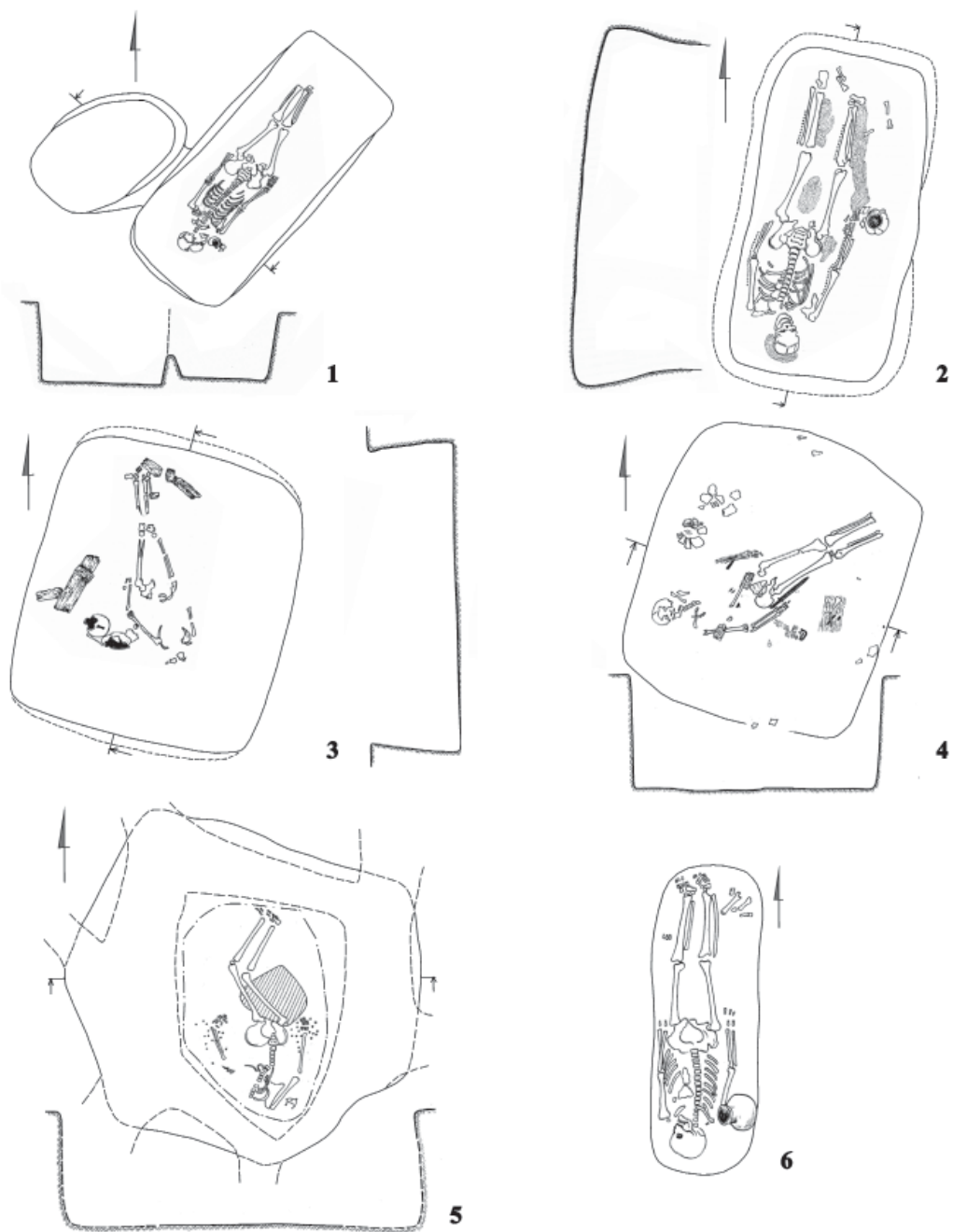

Рис. 2. Погребения среднесарматской культуры

1 – Гвардейцы I, курган 30, погребение 1; 2 – Гвардейцы I, курган 31, погребение 3; 3 – Гвардейцы I, курган 27, погребение 1; 4 – Гвардейцы I, курган 32, погребение 1; 5 – Виловатое I, курган 18; 6 – Чумарово, курган 6

степях появились могильники с относительно большим числом синхронных курганов. При этом среднесарматские памятники концентрируются в бассейне р. Самары и ее притоков. Большинство среднесарматских погребений обнаружены в курганном могильнике Гвардейцы I на р. Самаре в Борском районе. Остальные комплексы представлены впускными погребениями или курганами в составе могильников предшествующего времени. На территории Самарской области они выявлены при исследовании могильников Андреевский I и

Виловатовский I на р. Самаре в Богатовском районе, Березняки на р. Малый Кинель в Кинель-Черкасском районе, Хрящевском в Ставропольском районе, Преполовенковском I в Безенчукском районе в долине р. Волги, у хут. Истомина на р. Падовке в Волжском районе (Мышкин, Скарбовенко, 2000, с. 31).

В Южном Приуралье среднесарматская культура также представлена самой малочисленной группой памятников по сравнению с другими периодами истории ранних кочевников (рис. 1). На

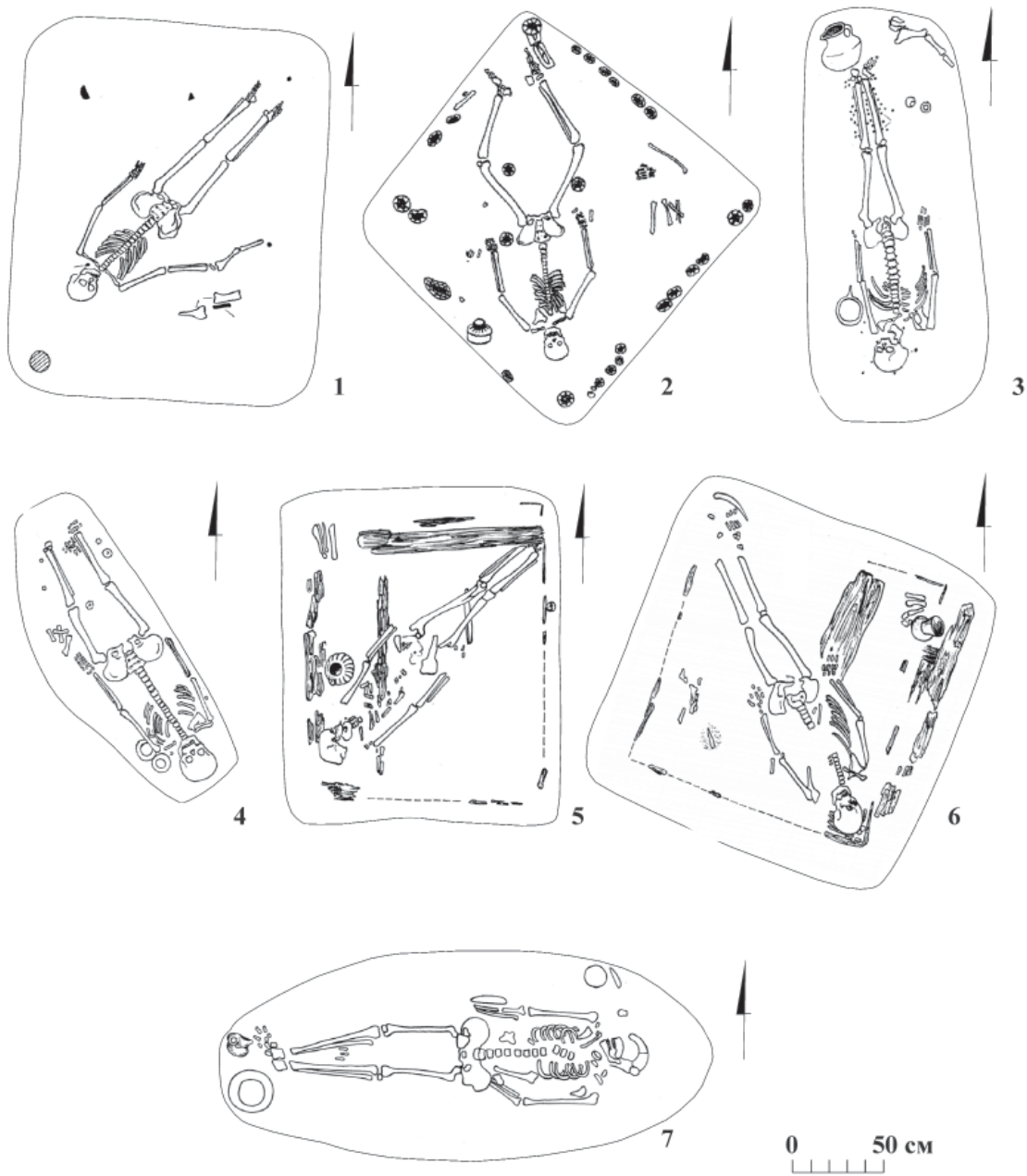

Рис. 3. Погребения среднесарматской культуры

1 – Кардаиловский I, курган 20, погребение 1; 2 – Сорочинский, курган 4, погребение 2; 3 – Кардаиловский I, курган 19, погребение 1; 4 – Сорочинский, курган 6; 5 – Герасимовка I, курган 9, погребение 3; 6 – Герасимовка I, курган 9, погребение 1; 7 – Иштуганово I, курган 5, погребение 4

территории Башкортостана памятники среднесарматского времени открыты в Предуралье. Из них наибольшее количество исследовано в могильниках Уметбаево в Баймакском районе, Юрматы II в Федоровском районе в бассейне Ашкадара. Среднесарматские комплексы открыты также в могильниках Уязыбашево в Миякинском районе и Кашкара в Чекмагушевском районе в бассейне реки Уршак, Азнаево на Деме, Ново-Мурапталовском V и Кара-Тал I в бассейне р. Сакмары, Сыртланово II

и Иштуганово I в бассейне р. Белой (Пшеничнюк, 1983, с. 118; Овсянников, 2018, с. 65–67).

Для этой культуры характерны небольшие земляные курганы, имеющие диаметр 10–15 м и высоту до 0,6 м, очень редко до 1 м. Насыпи чаще всего возводили над одним погребением. Курганы, содержавшие 2–3 погребения среднесарматской культуры, явление редкое. Исследованы среднесарматские погребения, впущенные в курган предшествующего времени.

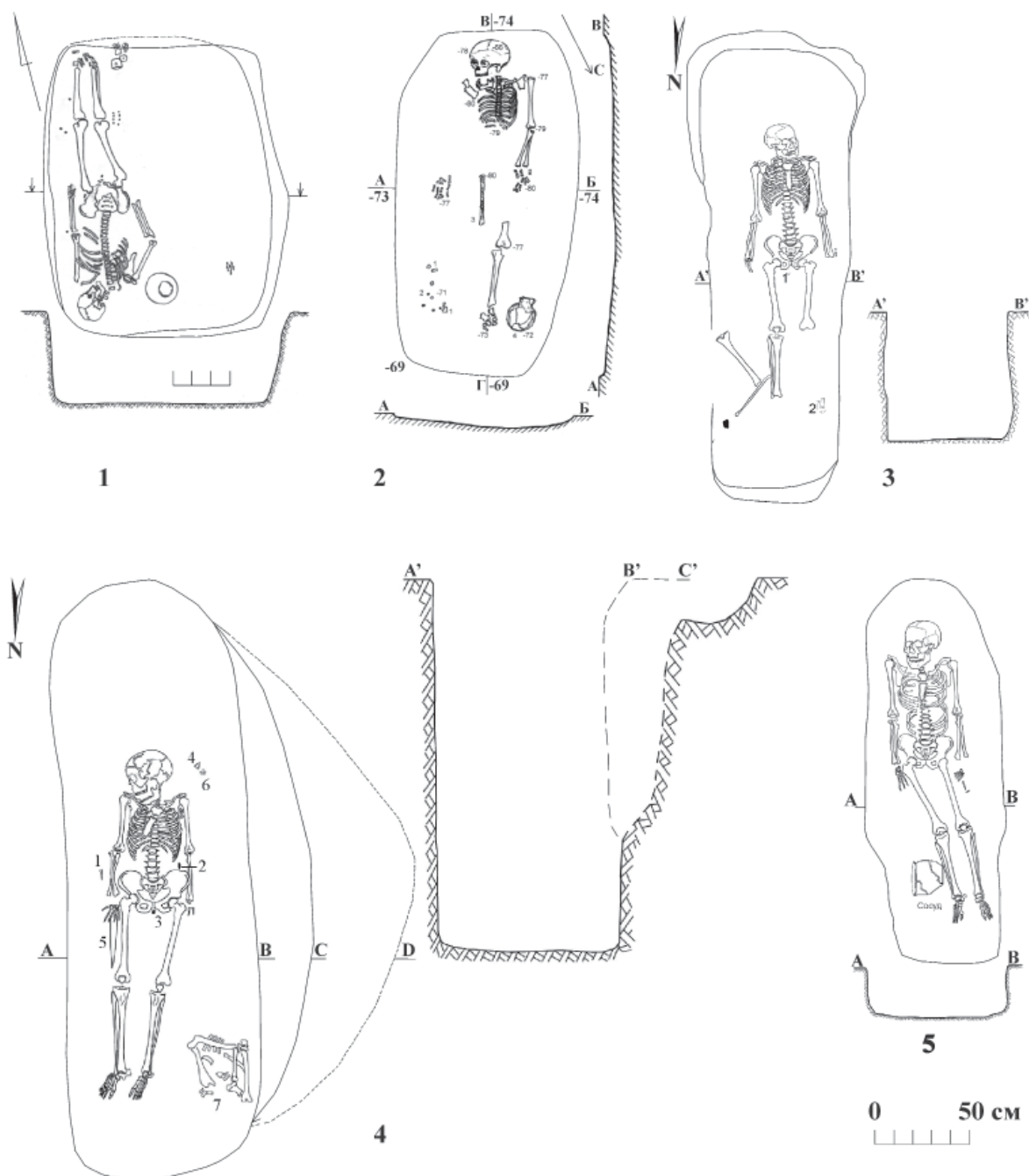

Рис. 4. Погребения среднесарматской культуры

1 – Гвардейцы I, курган 32, погребение 3; 2 – Баженовский одиночный курган, погребение 6; 3 – Иргиз I, курган 3, погребение 5; 4 – Иргиз I, курган 1, погребение 5; 5 – Иргиз I, курган 3, погребение 4

В раскопанных курганах встречены практически все типы могильных сооружений, характерных для данной культуры (рис. 2–4). Это простые ямы, имеющие в плане прямоугольную, квадратную или овальную форму. Исследованы также захоронения, совершенные в могилах с подбоями. Зафиксированы случаи сочетания разных типов могил под одной насыпью. В ряде могил обнаружены остатки деревянных перекрытий. Зафиксированы случаи, когда нижняя часть стенок могильной ямы была облицована горбылем. Иногда

дно погребений выстилалось досками и/или органическими подстилками. У кочевников среднесарматского времени отмечен обычай укрывать тела умерших корой или другими видами покрывала из органических материалов.

Чаще всего в могильной яме хоронили одного умершего, которого укладывали вытянуто на спине. Встречаются скелеты, лежащие в так называемой атакующей позе (одна из ног согнута в колене), либо позе всадника (обе ноги слегка согнуты в коленях, а руки слегка согнуты и разведены в

Рис. 4а. Иргиз I, курган 1, погребение 5, смоделированный из глины нос погребенного

сторона). Для среднесарматской культуры характерно расположение погребенных по диагонали квадратной или широкой прямоугольной могилы. Господствующая ориентировка – головой в южном направлении. Уникальное проявление какого-то погребального ритуала зафиксировано при исследовании погребения 5 в кургане 1 могильника Иргиз I в Самарском Заволжье. Это захоронение мужчины, сопровождающий инвентарь которого имел ярко выраженный воинский характер. На лице погребенного был смоделирован нос, вылепленный из белой глины (рис. 4а) (Денисов и др., 2018, с. 123).

Существовал обычай применения огня или древесного угля в ритуале захоронения и помещения в могилу красящих веществ – кусков мела, реальгара или охры, серы, а также посыпки дна могилы мелом и/или золой. Типичной обрядовой традицией среднесарматского времени является помещение в могилу частей туши мелкого рогатого скота, чаще всего ноги и лопатки барана, в качестве заупокойной пищи (рис. 2–4).

Материальная культура представлена стандартным для среднесарматской культуры набором предметов. Состав сопровождающего инвентаря при этом в погребениях рассматриваемого региона, как правило, не очень богатый.

Наиболее многочисленной категорией погребального инвентаря являются керамические сосуды, которые подразделяются на лепные (рис. 6) и изготовленные на гончарном круге (рис. 5). Собственно сарматская посуда представлена лепными горшками с шаровидным туловом, невысоким цилиндрическим или воронкообразным горлом, округлым или плоским дном (рис. 6: 9–12). Встречаются также лепные кувшинообразные сосуды. На некоторых таких сосудах имеются выступы-ушки. Кочевники изготавливали и использовали также низкие открытые круглодонные и плоскодонные чаши (рис. 6: 14). Для среднесарматской культуры характерны привозные кувшины с одной ручкой (рис. 5: 1–3, 6, 7, 9, 10, 11, 13), горшки (рис. 5: 5, 12) и миски (рис. 5: 8). Они серо- или красноглиняные, изготовлены на гончарном круге из тонкоотмученной глины. На сосудах иногда зафиксированы следы глазури – лака красно-бурого цвета.

Некоторые сосуды орнаментированы по шейке и иногда по тулову горизонтально расположенными желобками. Встречен орнамент в виде вертикальных полос или прочерченных волнистых линий. Иногда сосуды украшены двумя-тремя желобками на плечиках и спускающимися по тулову вертикальными или наклонными линиями, нанесенными лощением. В ряде случаев сосуды укра-

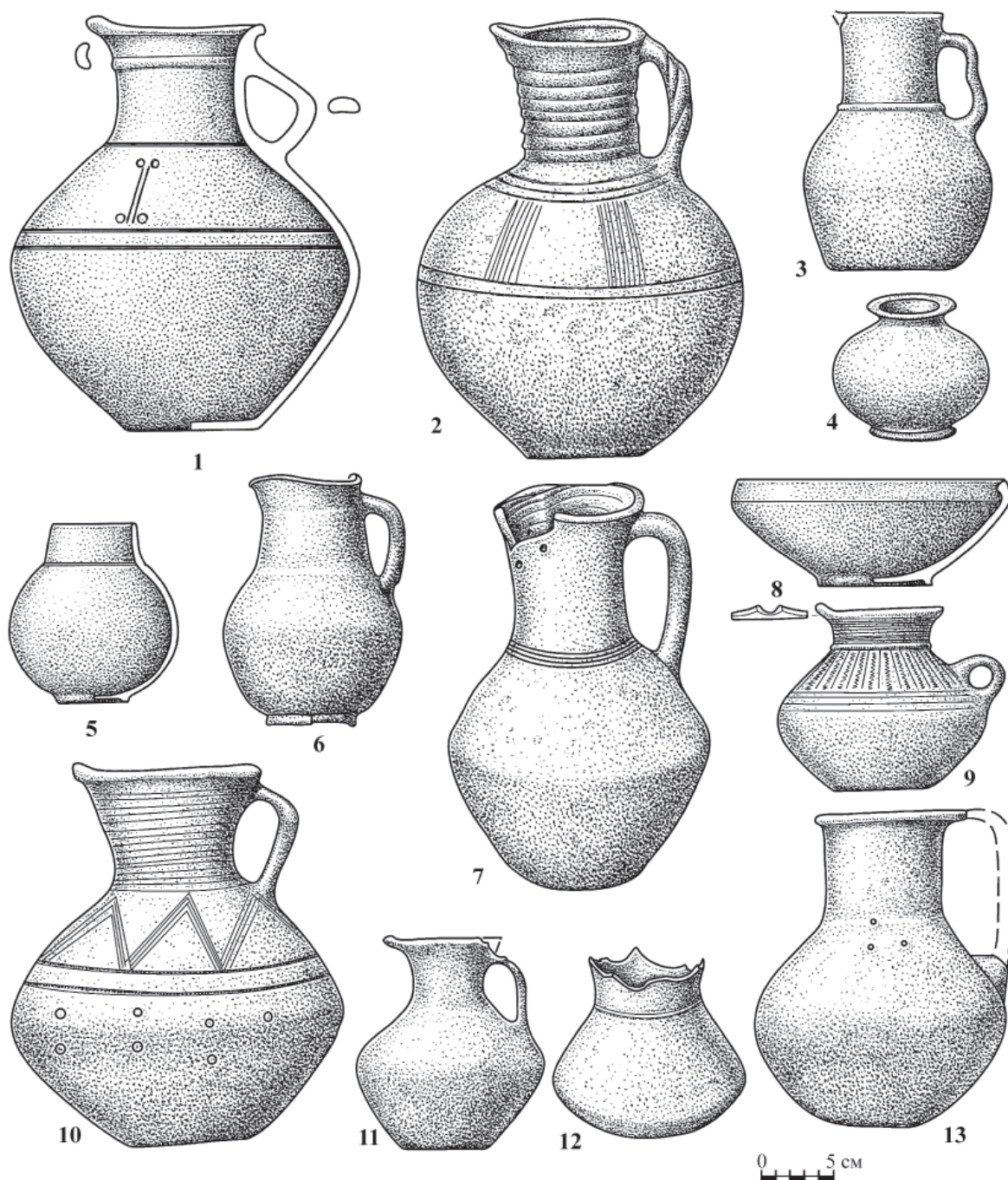

Рис. 5. Импортные сосуды из погребений среднесарматской культуры

1 – Иштуганово I, курган 5, погребение 4; 2 – Кардаиловский I, курган 21, погребение 4; 3 – Кардаиловский I, курган 24, погребение 3; 4, 7 – Гвардейцы I, курган 1, погребение 1; 5-6, 8 – Гвардейцы I, курган 27, погребение 1; 9 – Сорочинский I, курган 4, погребение 2; 10 – Кардаиловский I, курган 19, погребение 1; 11 – Сорочинский I, курган 6; 12 – Гвардейцы I, курган 1, погребение 1; 13 – Кардаиловский I, курган 17, погребение 2

шены округлыми вдавлениями. Орнамент резной или нанесен лощением. Значительная часть посуды среднесарматского времени неорнаментирована. Характерно лощение внешней поверхности сосудов. Сосуды, как правило, сформированы из темно-серой или светло-коричневой глины с примесью мелкого песка.

Помимо керамической посуды в среднесарматских погребениях встречаются небольшие алеба-

стровые сосудики и чашечки (рис. 7: 4–7). Один из алебастровых сосудов (рис. 7: 7), найденный в кургане 19 могильника Кардаилово I, украшен изображением хищника, положившего голову на передние лапы (Моргунова, 1997, с. 16).

К числу ритуальных сосудов относятся курильницы (рис. 6: 15–17), встречавшиеся в погребениях в одном или двух экземплярах. Иногда находят две курильницы, вставленные одна в другую

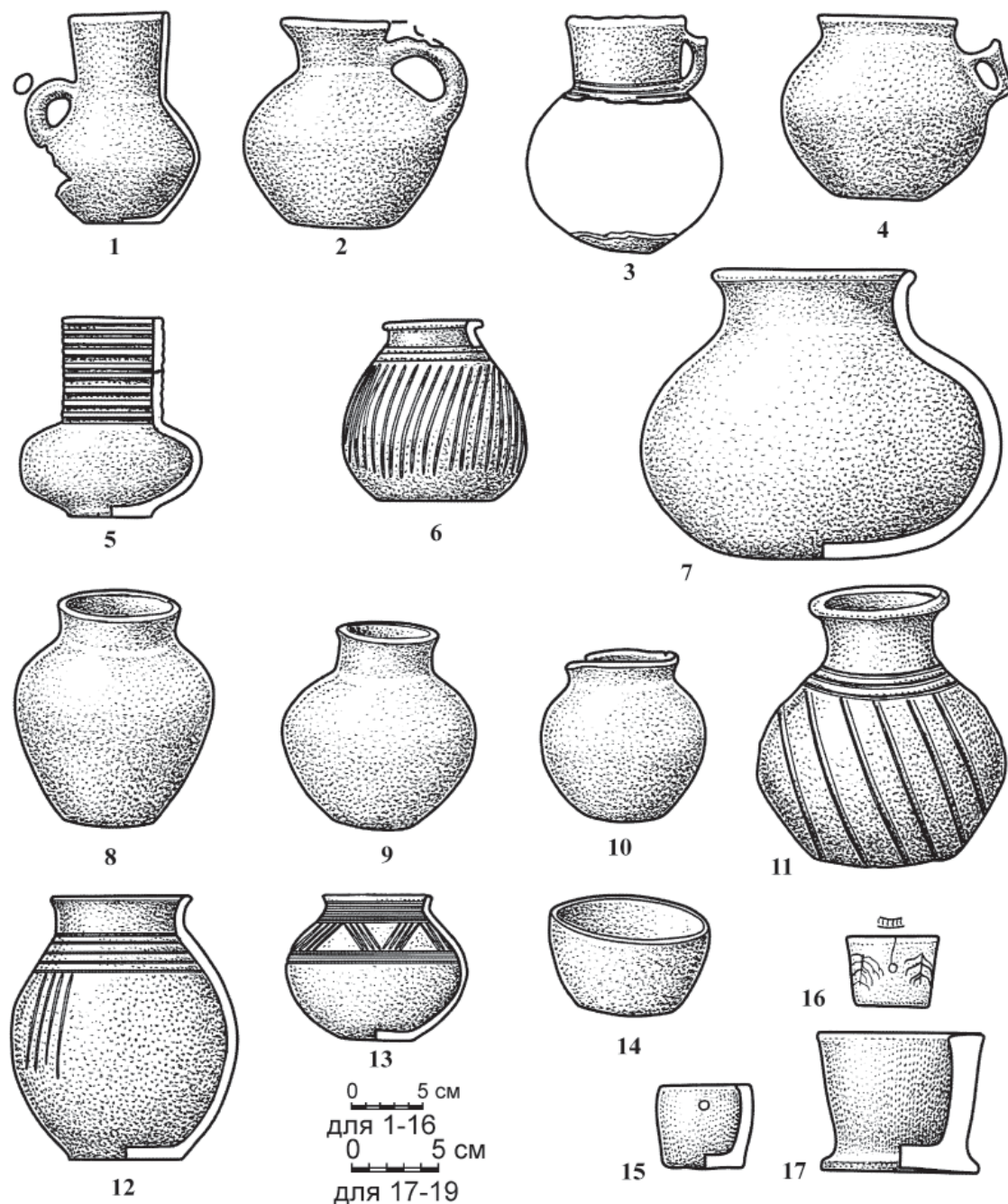

Рис. 6. Глиняные сосуды из погребений среднесарматской культуры

1 – Гвардейцы I, курган 31, погребение 3; 2 – Сорочинский I, курган 6; 3 – Чумарово, курган 6; 4 – Кардаиловский I, курган 24, погребение 3; 5 – Герасимовка I, курган 9, погребение 1; 6 – Герасимовка I, курган 9, погребение 3; 7 – Иштугановский I, курган 5, погребение 4; 8 – Уязыбашево, курган 5, погребение 1; 9, 14 – Уязыбашево, курган 5, погребение 2; 10 – Чумарово, курган 5, погребение 1; 11 – Гвардейцы I, курган 8, погребение 1; 12, 15 – Гвардейцы I, курган 32, погребение 3; 13, 16, 17 – Гвардейцы I, курган 32, погребение 1

(Мышкин и др., 1999, с. 152, 153). Это небольшие глиняные лепные сосудики. Они имеют цилиндрическую или расширяющуюся кверху форму, плоское днище и уплощенный венчик. Стенки одной из обнаруженных курильниц украшены прочерченными линиями, образующими «дерево», а венчик украшен полукруглыми вдавлениями (рис. 6: 16). Одна из найденных курильниц имеет рюмкообразную форму и полулю внутри

ножку. Под венчиком нанесен орнамент в виде горизонтально расположенного ряда небрежных, возможно ногтевых, отпечатков. Отпечатки делятся на две группы. Одна состоит из двадцати отпечатков, вторая, находящаяся на противоположной стороне изделия, – из четырех. Большая часть внутренней поверхности сосудика покрыта толстым слоем нагара. Под курильницей зафиксированы мелкие угольки (Крамарев и др., 2002, с. 108).

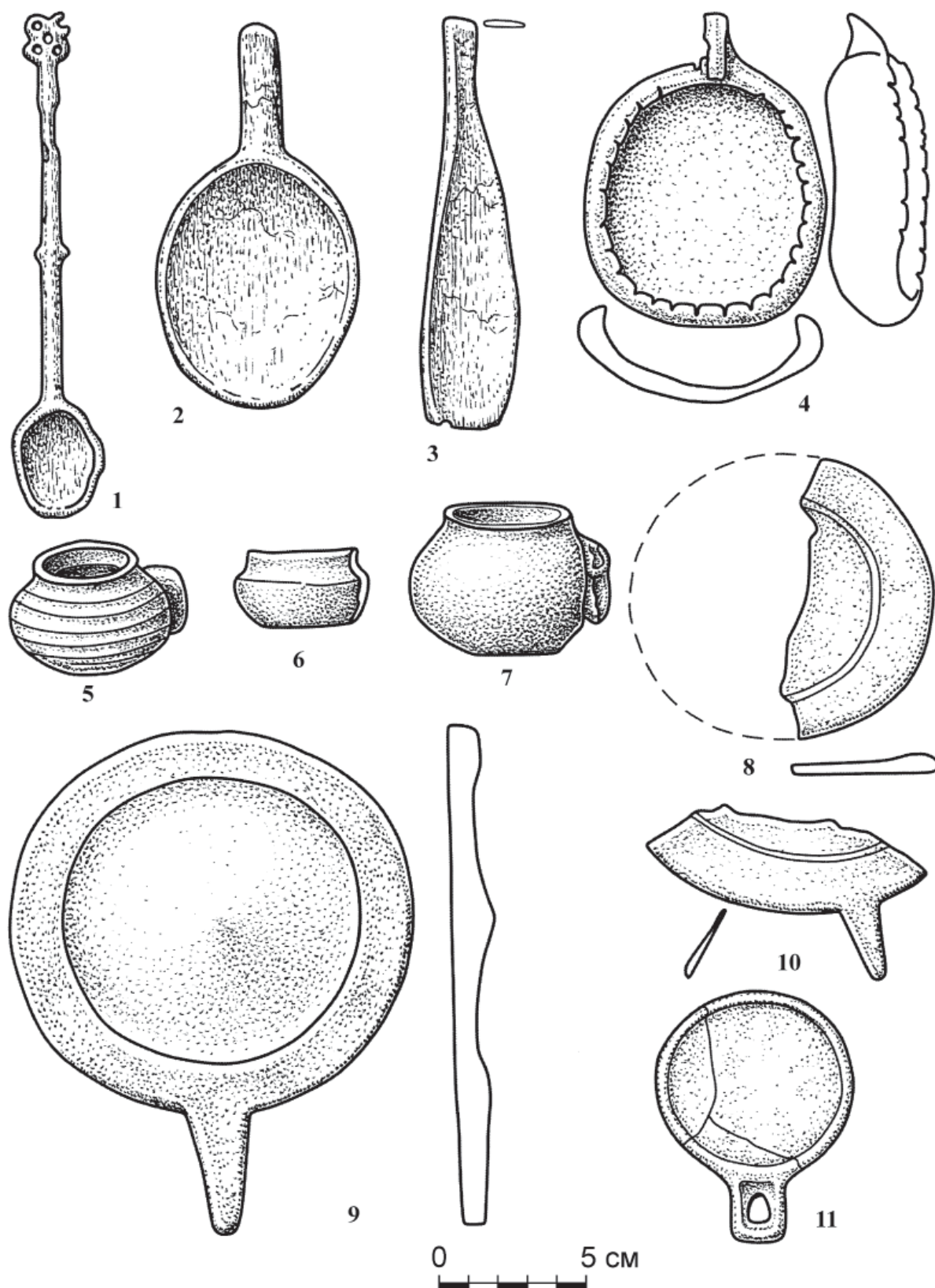

Рис. 7. Предметы быта и косметические принадлежности

1 – ложка, Гвардейцы I, курган 8, погребение 1; 2 – Чумарово, курган 7; 3 – ложка, Герасимовка I, курган 9, погребение 1; 4 – чашечка, Гвардейцы I, курган 30, погребение 1; 5 – миниатюрный сосудик, Гвардейцы I, курган 8, погребение 1; 6–7 – миниатюрные сосуды, Кардаиловский I, курган 19, погребение 1; 8 – зеркало, Кардаиловский I, курган 20, погребение 1; 9 – зеркало, Кардаиловский I, курган 19, погребение 1; 10 – зеркало, Виловатовский I, курган 18, погребение 2; 11 – зеркало, Гвардейцы I, курган 8, погребение 1 (1–3 – кость, 4–7 – алебастр, 8–11 – бронза)

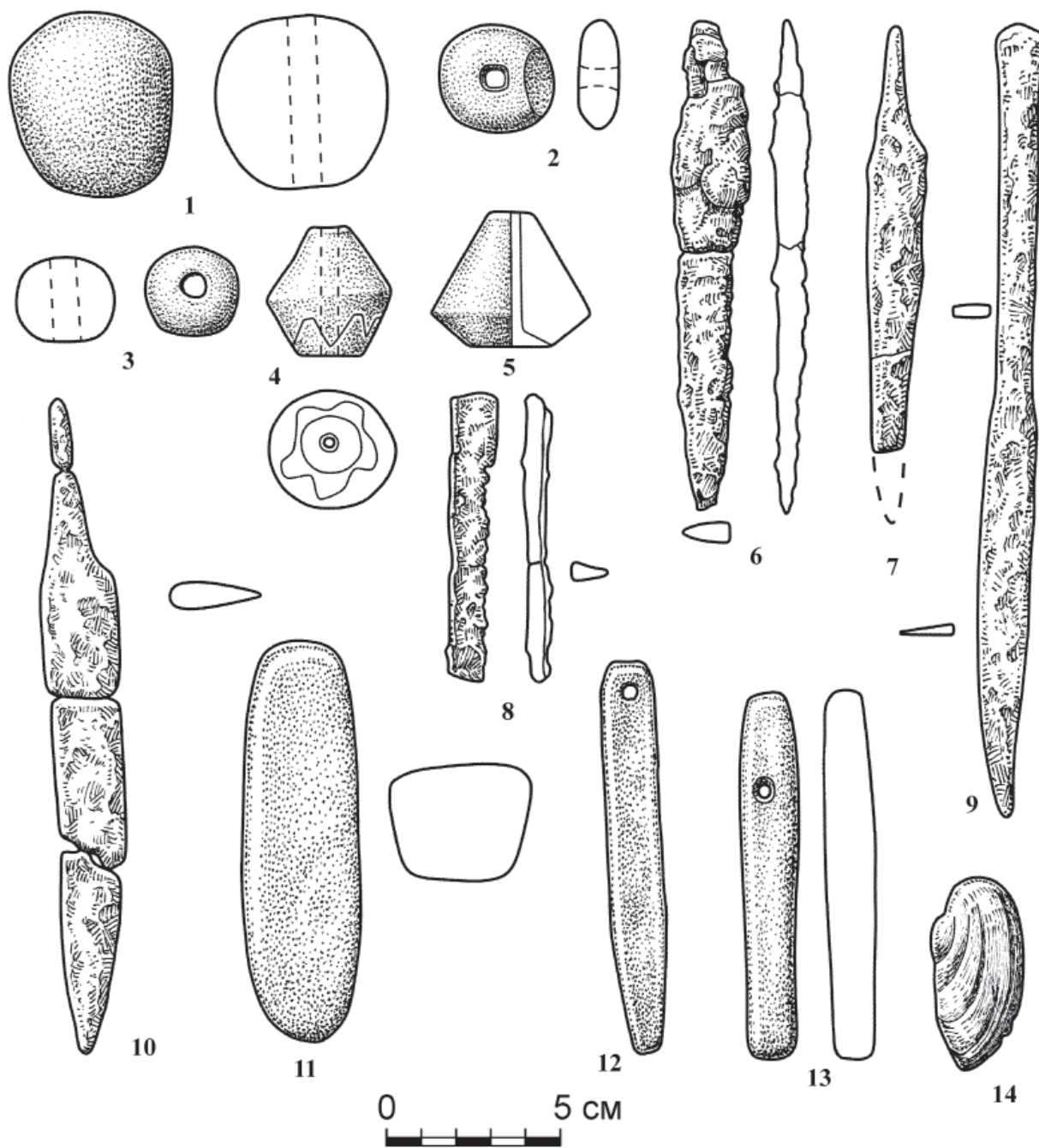

Рис. 8. Предметы быта и орудия труда

1, 3 – пряслица, Кардаиловский I, курган 20, погребение 1; 2 – пряслица, Гвардейцы I, курган 32, погребение 3; 4 – пряслица, Гвардейцы I, курган 27, погребение 1; 5 – пряслица, Чумарово, курган 7; 6, 8 – ножи, Гвардейцы I, курган 32, погребение 1; 9 – Уязыбашево, курган 5, погребение позднее; 10 – нож, Сорочинский I, курган 4, погребение 2; 11 – оселок, Сорочинский I, курган 4, погребение 2; 12 – оселок, Гвардейцы I, курган 8, погребение 1; 13 – оселок, Иргиз I, курган 32, погребение 3; 14 – створка раковины, Гвардейцы I, курган 32, погребение 3 (1 – алебастр, 2 – глина, – камень, 6, 8, 9, 10 – железо, 2, 3, 11–13 – камень)

Характерными предметами вооружения для этой культуры являются двулезвийные кинжалы и короткие мечи с кольцевидным навершием и прямым перекрестьем длиной 30–40 см (рис. 9: 1–6). Как правило, они располагались справа у пояса погребенного, что соответствовало обычному способу ношения ножей и кинжалов в этот период. В отдельных случаях сохранились остатки обкладки

рукояти и деревянных ножен, обложенных костяными пластинами. Иногда около рукоятей мечей находят пряжки (рис. 9: 8) (Матвеева, Скарбовенко, 1976, с. 154), что, вероятно, было обусловлено способом крепления этого оружия к поясу в вертикальном положении (Хазанов, 1971, с. 14).

Типичными для этого периода в истории сарматских племен являются железные трехперые

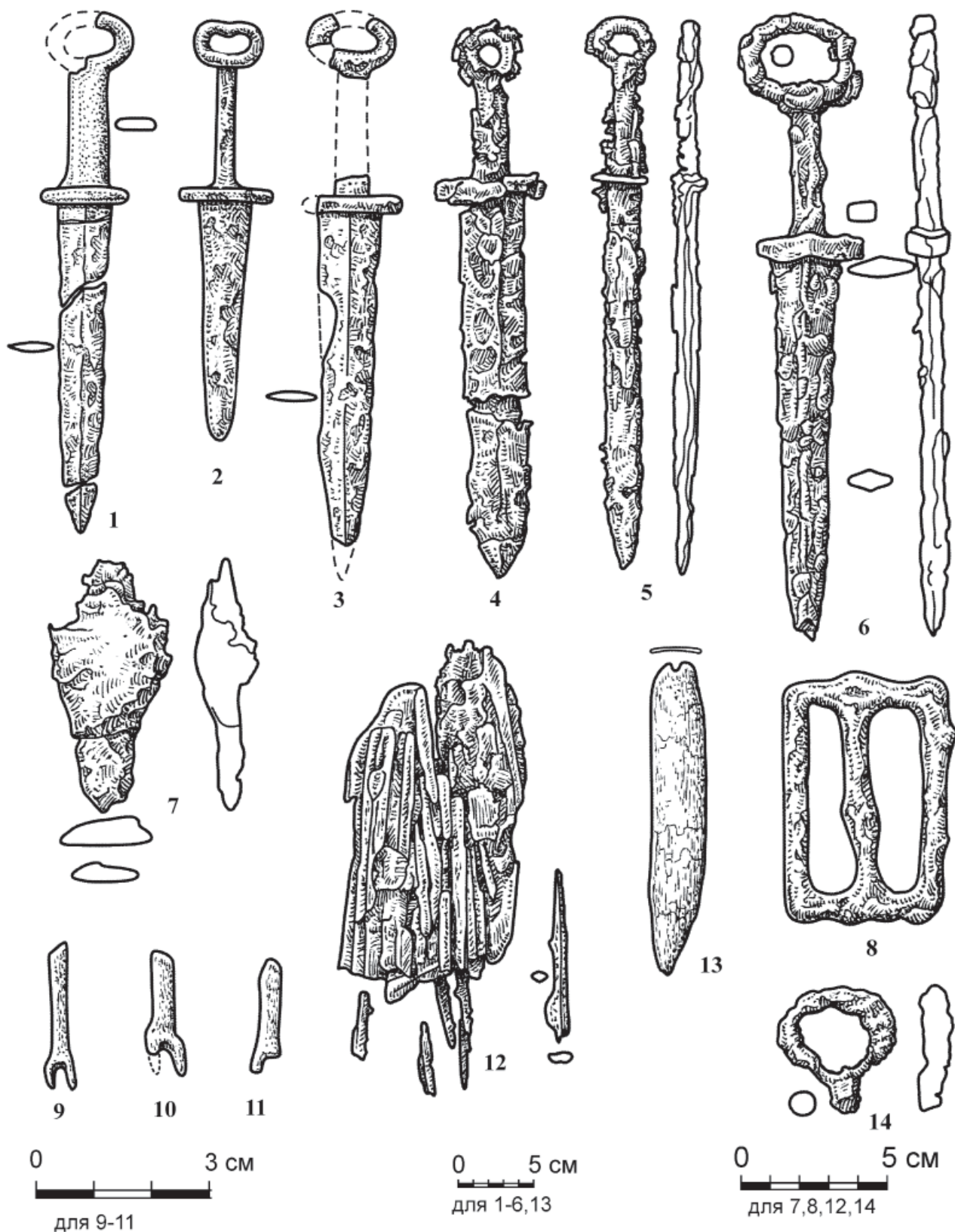

Рис. 9. Оружие и предметы воинского снаряжения

1 – меч, Чумарово, курган 5, погребение 3; 2 – меч, Кардаиловский I, курган 24, погребение 3; 3 – меч, Уязыбашево, курган 5, позднее захоронение; 4 – меч, Гвардейцы I, курган 8, погребение 1; 5 – меч, Гвардейцы I, курган 32, погребение 1; 6 – меч, Иргиз I, курган 1, погребение 5; 7 – наконечник дротика, Иргиз I, курган 1, погребение 5; 8 – пряжка, Гвардейцы I, курган 8, погребение 1; 9–11 – древки (фрагменты), Герасимовка I, курган 9, погребение 1; 12 – остроконечники, Иргиз I, курган 1, погребение 5; 13 – накладка от лука, Иштугановский, курган 5, погребение 4; 14 – пряжка, Иргиз I, курган 1, погребение 5 (1–8, 12, 14 – железо, 9–11 – дерево, 13 – кость)

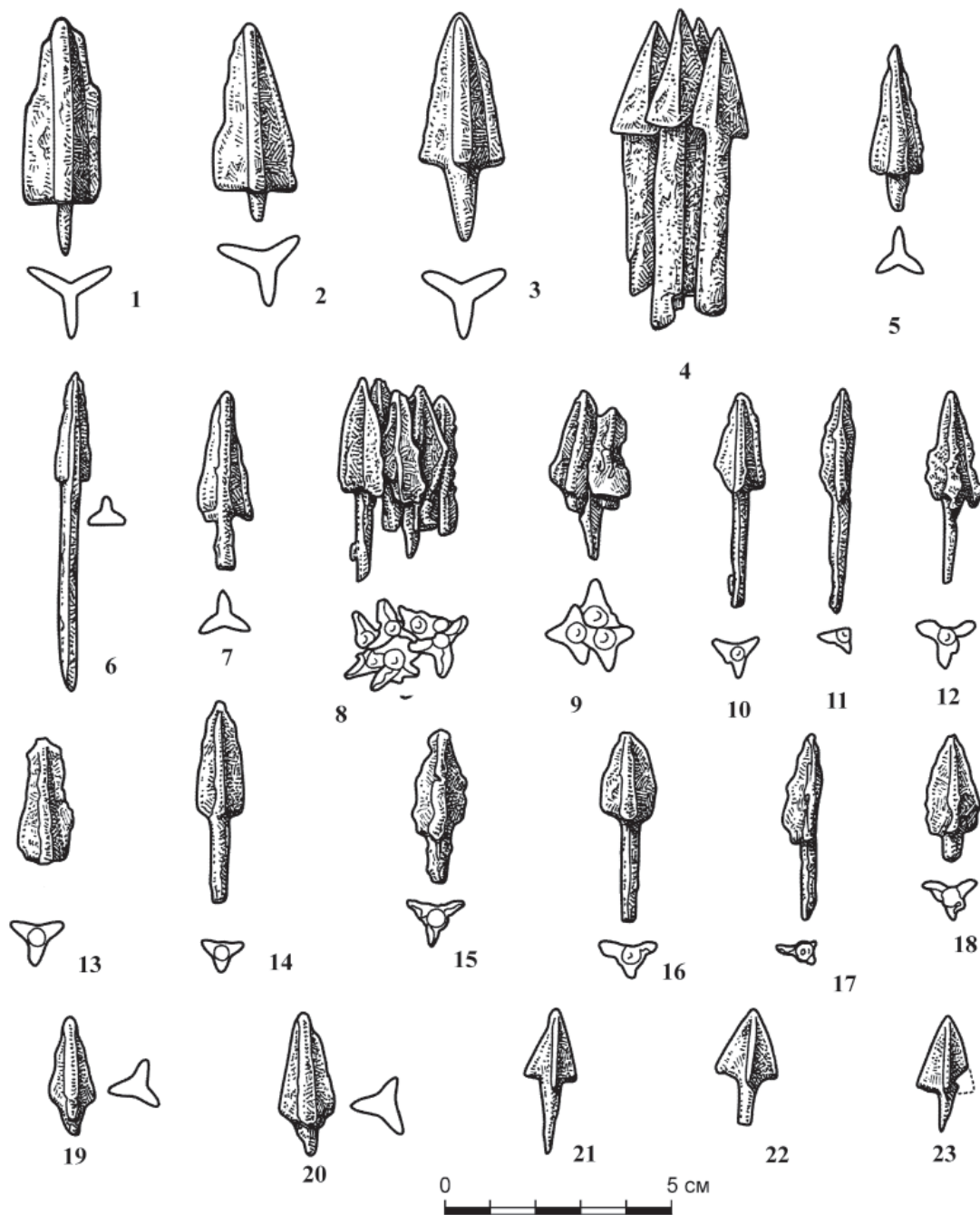

Рис. 10. Наконечники стрел

1–3 – Иштугановский, курган 5, погребение 4; 4 – Чумарово, курган 5, погребение 3; 5–7 – Герасимовка I, курган 9, погребение 1; 8–12, 15–18 – Гвардейцы I, курган 30, погребение 1; 13, 14 – Гвардейцы I, курган 32, погребение 1; 19, 20 – Сорочинский I, курган 4, погребение 2; 21–23 – Чумарово, курган 6 (все – железо)

черешковые наконечники стрел (рис. 10), грани которых срезаны под прямым углом к черешку. Наконечники, как правило, небольших размеров, длина их треугольных, в очень редких случаях – сводчатых, головок составляет около 2 см. Бронзовые втульчатые трехлопастные наконечники стрел в среднесарматских памятниках являются редкими находками (Пшеничнюк, 1983, с. 119). Стрелы укладывали рядом с умершими в кол-

чанах, от которых иногда сохраняются остатки (Матвеева, Скарбовенко, 1976, с. 153). В составе воинского сопровождающего инвентаря встречаются колчанные крючки, наконечники дротиков (рис. 9: 7) и железные стержни-«остроконечники» (рис. 9: 12), костяные накладки на лук (рис. 9: 13). В редких случаях сохраняются фрагменты деревянных древков стрел (рис. 9: 9–11). В погребении 1 кургана 9 могильника Герасимовка I были най-

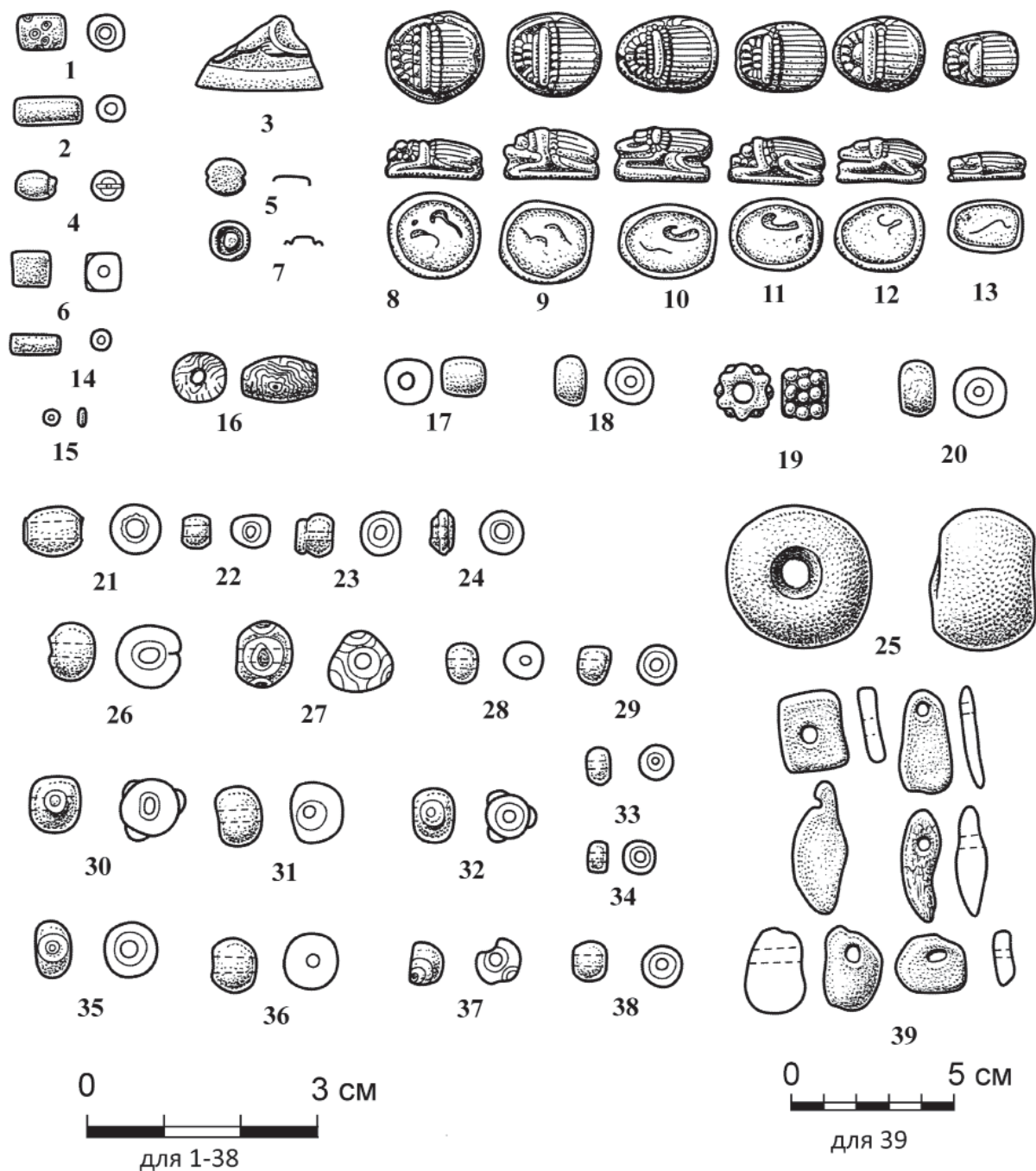

Рис. 11. Украшения

1, 2, 4, 6, 14, 15 – бусы, Виловатовский I, курган 18, погребение 2; 3 – пронизь, Виловатовский I, курган 18, погребение 2; 5, 7 – нашивные бляшки, Виловатовский I, курган 18, погребение 2; 8–13 – пронизы, Сорочинский I, курган 6; 16–20 – бусы, Сорочинский I, курган 6; 21–24 – бусы, Гвардейцы I, курган 30, погребение 1; 25 – бусина, Гвардейцы I, курган 32, погребение 1; 26–38 – бусы, Гвардейцы I, курган 32, погребение 3; 39 – подвески, Кардаиловский I, курган 19, погребение 1 (3, 8–13 – фаянс, 5, 7 – золото, 6, 16 – камень, 14 – сердолик, 1, 2, 4, 15, 17–38 – стекло, 39 – алебастр, камни, клыки кабана)

дены их фрагменты, выкрашенные в красный цвет и имеющие вырезанные выемки для наложения на тетиву лука (Смирнов, 1966, с. 41).

Детали конской амуниции в могилах среднесарматского времени находят редко. К таким немногочисленным находкам, в частности, относятся плохо сохранившиеся железные удила,

обнаруженные в кургане 6 могильника Юрматы II (Пшеничнюк, 1983, с. 119).

Украшения, найденные в среднесарматских погребениях Южного Средневожья и Южного Приуралья, немногочисленны. Это бусы, нашивные бляшки, пронизы, височные кольца, перстни. При этом бусы являлись украшением, которое носили

Рис. 12. Медные монеты из погребения 4 в кургане 5 Иштугановского могильника

не только на шее. В погребении, вероятнее всего, женщины в кургане 18 Виловатовского I курганного могильника на р. Самаре в Богатовском районе Самарской области бусы (рис. 11: 1, 2, 4, 6, 14) и золотые бляшки (рис. 11: 5, 7) располагались вдоль рук от локтей до кистей. Большая часть их находилась в районе кистей. При этом одни бляшки лежали внешней стороной вверх, другие – вниз. Их разделяла прослойка земли толщиной 2–3 мм. Очевидно, бусинами и бляшками были расшиты рукава одежды. Рукава были длинными и, судя по расположению украшений, полностью закрывали кисти, спускаясь еще ниже. В этом же погребении около зеркала, лежавшего у левого плеча погребенной, был обнаружен стеклянный бисер (рис. 11: 15) (Мышкин, 1992, с. 129). Можно предположить, что бисер украшал чехол, в котором находилось зеркало. В погребении женщины в кургане 6 Сорочинского I могильника бусы украшали нижнюю часть одежды или обувь. Кроме того, несколько бусин и пронизей лежали около кувшинов, поставленных у левого плеча погребенной (Железчиков, Пятых, 1981, с. 274, 275). В погребении кургана 12 Кардаиловского I могильника бусы, вероятно, украшали какой-то головной убор или покрывало, так как они были обнаружены у черепа погребенной. У ее левого плеча, под позвоночником и вокруг головы были найдены амулеты из стекловидной пасты (Моргунова, 1997, с. 14, 16, рис. 12: 1-3-7). В погребении кургана 9 этого же могильника головной убор погребенного укра-

шали подвески (рис. 11: 35) из алебастра, клыка кабана, камня (Моргунова, 1997, с. 16).

Бусы, найденные в погребениях, относятся к разным типам. Следует отметить пронизи в виде жуков-скарабеев (рис. 11: 8–13) из синего фаянса и фигурки льва светло-зеленого фаянса (рис. 11: 3); бусины бочковидной (рис. 11: 4) и кубической (рис. 11: 6) формы из минералов. Наиболее многочисленной группой являются стеклянные бусы (рис. 11: 1, 2, 14, 15, 17–38): бочковидные и округлые поперечно-сжатые с внутренней позолотой, некоторые из которых с выпуклинами, синие или красные глазчатые, цилиндрической формы из непрозрачного стекла различного цвета, бисер из стекла апельсинового, голубого и сиреневого цветов (Железчиков, Пятых, 1981, с. 274, 275; Мышкин, 1992, с. 129, 130; Матвеева, Скарбовенко, 1976, с. 154, 155). Украшения представлены также височными кольцами из бронзовой проволоки с сомкнутыми или чуть заходящими кольцами, золотыми серьгами в виде несомкнутых колец, бронзовыми перстнями (Моргунова, 1997, рис. 16: II-2, II-4).

К числу предметов женского погребального инвентаря можно отнести зеркала, которые в погребениях среднесарматской культуры находят целиком или во фрагментах (рис. 7: 8–11). Это небольшие бронзовые зеркала с валиком по краю или утолщенным краем. У одних экземпляров (рис. 7: 9, 10) рукояти оформлены в виде штыря, который вставлялся в деревянную или костяную

рукоять, у других (рис. 7: 11) – в виде петельки для подвешивания.

В очень небольшом количестве погребений (5 погребальных комплексов) рассматриваемого региона встречены костяные ложечки. Некоторые из них (рис. 7: 3) представляют собой примитивную лопаточку, другие (рис. 7: 1, 2) являются настоящими ложечками. Они относятся к тому типу, который характерен для культуры кочевников савроматского периода. Их рукояти украшены зооморфными и геометрическими изображениями, а также ажурно-прорезными орнаментальными композициями. Судя по обрядовому контексту, эти предметы в среднесарматское время, скорее всего, относились к числу косметических принадлежностей (Федоров, 2011, с. 82, 83). Так, в погребении 1 кургана 8 могильника Гвардейцы I костяная ложечка (рис. 7: 1) была найдена в берестяной коробочке вместе с предметами женского обихода: осколками бронзового зеркала, железной проколкой, тонкой бронзовой проволокой и куском зеленой шелковой ткани (Матвеева, Скарбовенко, 1976, с. 161). Недалеко от коробочки располагался небольшой сосудик, вероятно, туалетного назначения. Возможно, с косметическими принадлежностями связаны створки раковин (рис. 8: 14), которые встречены в некоторых погребениях.

Предметы быта и домашнего производства представлены пряслицами, оселками, ножами и проколками. Пряслица (рис. 8: 1–5) глиняные или алебастровые. Они имеют дисковидную, биконическую, округлую или реповидную форму. Некоторые из них украшены прочерченным линейным орнаментом (рис. 8: 4). Каменные оселки (рис. 8: 11–13) имеют форму продолговатых брусков, на одном конце у некоторых имеется круглое отверстие для подвешивания. Ножи (рис. 8: 6–10) – железные, однолезвийные, клиновидные в сечении, с прямой спинкой и выделенным черенком для крепления в деревянной или костяной рукояти.

Некоторые памятники свидетельствуют об участии кочевников, чьи летние пастбища находились в степных и лесостепных районах Южного Приуралья, в событиях, происходивших в Северном Причерноморье. В этом отношении весьма показательны материалы, полученные при исследовании погребения 4 могильника Иштуганово-1.

Это погребение впускное, оно совершено в центре кургана более ранней эпохи. В могиле был погребен воин, о чем свидетельствуют остатки лука с костяной накладкой и колчана с железными наконечниками стрел. В погребение был помещен также сероглиняный лощеный кувшин, явно произведенный в среде меотов, населявших Прикубанье. На связи с Причерноморьем указывают также наиболее интересные находки из погребения – две медные монеты Боспорского царства. Одна из них определена как обол, отчеканенный при боспорском царе Митридате Евпаторе в последний период борьбы с Римом, в 73–63 гг. до н. э. (рис. 12: 2). Эти монеты имели обращение и в 63–47 гг. до н. э. во время правления Фарнака – сына Митридата. Вторая определена как полуобол, также времени Митридата Евпатора (рис. 12: 1), имевшая обращение на протяжении всего периода правления этого боспорского царя (121–63 гг. до н. э.). Следовательно, захоронение совершено не ранее 73 года до н. э. и может быть датировано временем в пределах второй половины I в. до н. э. – I в. н. э. (Кропоткин, Обыденнов, 1985, с. 245) или более узко – второй половины I в. до н. э. (Овсянников, 2018, с. 64–66). Найденные монеты этого периода пока остаются уникальной находкой для Южного Урала. Уникальным является также способ использования монет при погребении умершего. Они были положены на ребро перед лицом покойного, что позволяет предположить их использование для оплаты за проход в загробный мир. Эта традиция была нехарактерна для степного населения. Вполне вероятно, что люди, совершавшие похороны, испытали значительное влияние греческой культуры и верили, что покойному предстоит переправа через реку Ахерон в страну мертвых. Поэтому исследователи не исключают возможности участия самого погребенного и тех кочевников, которые совершали погребение, в событиях, связанных с Митридатовыми войнами – противостоянии Боспорского царства и Рима за господство на Черном море (Овсянников, 2018, с. 64–66). Еще одна версия, объясняющая появление импортного сосуда и античных монет, – торговые связи кочевников Южного Приуралья с областями Северного Кавказа и Причерноморья (Кропоткин, Обыденнов, 1985, с. 245).

ГЛАВА 2

ПАМЯТНИКИ ПИСЕРАЛЬСКОГО-АНДРЕЕВСКОГО ТИПА

Ряд исследователей отмечает исчезновение на рубеже эр памятников городецкой культуры на территории западной части Среднего Поволжья. В это же время в регионе появляются немногочисленные погребальные памятники с сильно выраженным военизированным характером, так называемого писеральско-андреевского типа.

Памятники Нижнего Посурья первых веков нашей эры, появившиеся вслед за памятниками городецкой культуры с текстильной и псевдорогожной керамикой и известные сейчас в научной литературе как древности писеральско-андреевского типа, были открыты в 1958 г. А.Х. Халиковым в результате исследования небольшой курганный группы у д. Писералы Горномарийского района Республики Марий Эл (Халиков, 1962, с. 116–138). Исследователь сразу же отметил необычность этого некрополя среди памятников железного века Поволжья и Прикамья и датировал его II–III вв. н. э. Появление Писеральских курганов А.Х. Халиков связывал с инфильтрацией в городецкую среду правобережных районов Среднего Поволжья пьяноборского населения, что подтверждалось им также рядом находок этого типа от р. Суры до Казанского поворота Волги (Халиков, 1962, с. 133–138).

В 1963–64 гг. П.Д. Степанов раскопал Андреевский курган в Большеигнатовском, а в 1967 г. – Староардатовский курган в Ардатовском районе Республики Мордовия (Степанов, 1964, с. 206–267; 1974, с. 70–72). На следующий год им было раскопано селище, расположенное рядом с Андреевским курганом (Степанов, 1964, с. 246; Степанов, 1974). П.Д. Степанов отметил чрезвычайную близость «андреевских вещей к писеральским находкам», что «заставляет считать оба памятника входящими в круг одной культуры, однако при племенном различии...» (Степанов, 1964, с. 220). Он датировал материалы впускных погребений I–II вв. н. э., а грунтовых – ранее рубежа нашей эры (Степанов, 1964, с. 219–221). Автор соотнес сооружение кургана и его грунтовые погребения с вторжением в местную среду конников-завоевателей савромато-сарматского происхождения. Во впускных же погребениях были похоронены «...люди времен городецкой культу-

ры, но воспринявшие и переработавшие элементы культуры ананьинских и пьяноборских племен, то есть создатели древнемордовского культурного комплекса» (Степанов, 1980, с. 46, 47).

В 1967 г. П.Д. Степановым был исследован еще один памятник круга писеральско-андреевских древностей – курган около с. Старое Ардатово Ардатовского района Республики Мордовия (рис. 5), единственное погребение которого он соотнес с грунтовыми погребениями Андреевского кургана (Степанов, 1974, с. 70–72). На следующий год П.Д. Степанов предпринимает раскопки селища, расположенного близ Андреевского кургана. Археологические исследования показали, что оно использовалось населением, оставившим одноименный некрополь (Степанов, 1964, с. 246; Степанов, 1974). К сожалению, никаких отчетных материалов и публикаций по этому поводу нет, кроме шести строк из отчета аспиранта Ю.Б. Степашкина (Степанов, 1964), который нам найти не удалось.

Климкинский курганный могильник (Горномарийский район Республики Марий Эл) раскапывался в 1991 и 1993 гг. Г.А. Архиповым и А.И. Шадриним. Был исследован курган № 1, датированный III–IV вв. (Архипов, Шадрин, 1995, с. 119). В 2003–2004 гг. А.В. Михеев исследовал курган № 2 (Зубов, Михеев, 2006; Михеев, 2009), отнеся его к кругу писеральско-андреевских памятников и датировав первыми веками н. э.

В 2010 году С.Э. Зубовым и О.А. Радюшем были зафиксированы два грунтовых могильника первых веков нашей эры на территории Пильнинского района Нижегородской области (Пильнинские I–II) (Зубов и др., 2011).

Таким образом, на сегодняшний день число погребальных памятников писеральско-андреевского типа достигает шести, четыре из которых курганные и два – грунтовые (Зубов, 2018).

Во второй половине 80-х гг. XX в. А.Х. Халиков объединил Писеральские и Андреевский курганы в один тип памятников и выступил с новой гипотезой их происхождения. Исходным центром распространения этих древностей он считал районы Южного Зауралья и северо-западного Казахстана. В этой связи наряду с сарматскими и пья-

ноборскими чертами он выделил как ведущий южносибирский (тюркоязычный) компонент в формировании писеральско-андреевских древностей (Халиков 1986, с. 75; Халиков, 1987, с. 17). Исследователь представил сводку по памятникам и отдельным находкам писеральско-андреевского типа в Сурско-Свияжском междуречье.

Участие пьяноборского населения в формировании андреевско-писеральских древностей было оспорено В.Ф. Генингом, который отметил, что ряд артефактов на территории Прикамья датируются позднее, чем в Писеральских курганах, и имеют местное (средневожское) происхождение (Генинг, 1970, с. 192–195).

Г.И. Матвеевой было высказано предположение, что Андреевский курган отразил процессы «...интеграции пьяноборских и городецких племен при участии пшеворско-зарубинецких компонентов» (Матвеева, 1986, с. 160). Разрабатывая в дальнейшем свою гипотезу, она пришла к выводу о непосредственной связи погребенных в грунтовых могилах Андреевки с «...латенизированными культурами Центральной и Восточной Европы раннеримского времени». Основную же роль в формировании культуры памятников андреевско-писеральского типа она отводила пьяноборскому компоненту (Матвеева, 2003, с. 289–292).

С датировкой памятников андреевско-писеральского типа II–III вв. согласился Ю.А. Зеленева, однако он считал грунтовые погребения Андреевского кургана сарматскими, усложненными некоторыми элементами культуры пьяноборского населения. К «типично позднесарматским» им был отнесен Староардатовский I курган. Впускные погребения Андреевского кургана, по его мнению, были оставлены уже «качественно новым населением» (Зеленева, 1988, с. 81–84).

К.А. Смирнов видел в Андреевском кургане «...два самостоятельных могильника, оставленных разными группами населения и относящихся к разному времени» (Смирнов К.А., 1992, с. 3; 1994, с. 93). По его мнению, грунтовые могилы, датированные им в пределах III–I вв. до н. э., «были оставлены населением, в значительной степени воспринявшим сарматскую культуру», а впускные погребения I–II вв. совершены населением, «связанным с городецкой культурой» (Смирнов К.А., 1992, с. 6).

С.Э. Зубов считает возможным связать появление писеральско-андреевских памятников не с миграцией «...какой-то части народа», а с военным «выплеском», когда группа воинов, «объединившись вокруг удачливого предводителя в военный отряд, ...отправлялась на завоевание своей территории» (Зубов, 1999, с. 49). Он предложил участие «...зауральского компонента в сложении населе-

ния, оставившего Андреевский курган» (Зубов, 1999, с. 48), отмечая «близость некоторых элементов погребального обряда Андреевского кургана, Писеральских и Климкинских могильников с лесостепными племенами саргатской культуры» (Зубов, Михеев, 2006, с. 222).

К гипотезе «военного выплеска» присоединился и В.В. Гришаков (Гришаков, 2002, с. 68). Анализ ряда категорий материалов позволил ему определить время сооружения центральной могилы серединой I в. н. э., накопление же остальных грунтовых погребений – на протяжении третьей четверти I в. н. э. Соответственно, совершение на памятнике впускных погребений приходится на последнюю четверть I – начало (может быть, первую четверть) II вв. н. э. (Гришаков, 1999, с. 136; Гришаков, 2002, с. 68).

В.И. Вихляев выделяет особую андреевскую археологическую культуру в Среднем Поволжье, в развитии которой, по мнению автора, прослеживаются три этапа (Вихляев, 1999, с. 26, 27; Вихляев, 2000, с. 52, 53). Грунтовые погребения Андреевского кургана датируются им первой половиной I в. н. э., впускные – концом I–II вв. н. э.; Писеральские курганы – серединой I – серединой II в. н. э.; Климкинские курганы – второй половиной I – началом II вв. н. э. (Вихляев, 2000, с. 45–49). Грунтовые погребения Андреевского и Писеральские курганы, по мнению В.И. Вихляева, были связаны со степной сарматской средой, а последующие два этапа связаны с воздействием местной среды городецкого и прикамского (пьяноборского?) облика на культуру пришлого населения (Вихляев, 2000, с. 51, 52).

В.В. Ставицкий первоначально присоединился к гипотезе С.Э. Зубова о «военном выплеске» с территории Зауралья. На сегодняшний день он связывает грунтовые погребения Андреевки с кара-абызскими древностями. Кроме этого, в специальной статье им была рассмотрена также проблема западного компонента в культуре Андреевского кургана. Было отмечено наличие ряда близких параллелей как в инвентаре, так и в погребальной обрядности андреевского населения, в материалах Вязовского и Ново-Никольского могильников Верхнего Дона, связанных с местной «позднескифской» традицией. При этом следует отметить, что указанные памятники являются более поздними по сравнению с Андреевским курганом, особенно в части грунтовых погребений (Медведев, 2008). Автором был рассмотрен широкий круг аналогий предметам Андреевского кургана, имеющим западное происхождение, связанных с военной активностью носителей андреевско-писеральских традиций (Ставицкий, 2017).

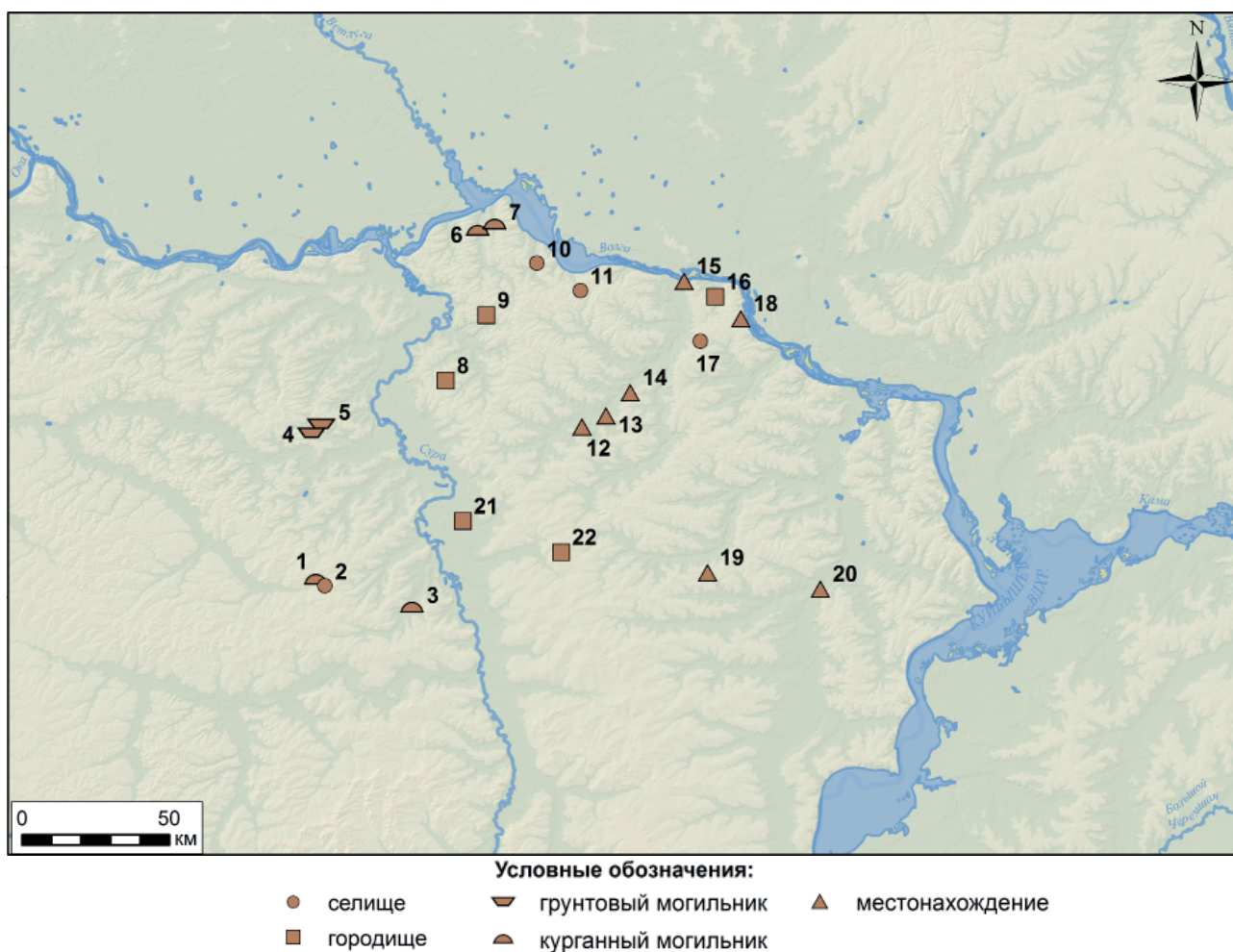

Рис. 1. Памятники писеральско-андреевского типа

1 – Андреевский курган; 2 – Андреевское селище; 3 – Староардатовский курган; 4, 5 – Пильнинские могильники I–II; 6 – Писеральские курганы; 7 – Климкинские курганы; 8 – Тиханкинское городище I; 9 – Ягаткинское городище «Пичке Сърчѣ»; 10 – Новошокинское селище; 11 – Большеянгийдинское селище; 12 – Синьял-Яушское местонахождение; 13 – Янмурзинский клад; 14 – Нижнекожарское местонахождение; 15 – Яндашевское местонахождение; 16 – Ящеринское городище; 17 – Конарское селище; 18 – Девлетгийдинское местонахождение; 19 – Большетаябинская находка; 20 – Большефроловская находка; 21 – Большеалгашинское городище; 22 – Нижнеабакасинское городище

Н.С. Мясников расширил сводку А.Х. Халикова по памятникам и отдельным находкам писеральско-андреевского типа в Сурско-Свияжском междуречье за счет новых находок на поселенческих памятниках и дополнительных поступлений из числа случайных находок (Мясников, 2016). На сегодняшний день кроме 4 курганных и 2 грунтовых могильников на территории Нижнего Посурья и Сурско-Свияжском водоразделе можно выделить 5 городищ, 4 селища и 12 местонахождений с находками писеральско-андреевского круга. Однако есть основания полагать, что этих памятников гораздо больше. На территории Чувашско-Марийского Поволжья выделяется более 200 памятников т. н. «позднегородецкого» облика, которые датируются в целом I тыс. н. э. Часть из них вполне может датироваться первыми веками н. э., однако они практически не исследованы.

И.Р. Ахмедов относит к памятникам этого круга Долмаговское городище в Рязанском Поочье, где был обнаружен клад I–II вв. н. э. (Ахмедов, 2003) (не рассматривается в настоящей главе). В последнее время создана интересная подборка сьюлгам андреевско-писеральского типа, обнаруженных на территории Окско-Донского междуречья (Столяров, 2021), в юго-западном направлении от основного ареала распространения погребальных памятников писеральско-андреевского типа. Все эти сьюлгамы происходят из поселенческих материалов или случайных находок.

Все памятники писеральско-андреевского типа приурочены к долинам малых рек – притокам рр. Суры, Волги, Свияги (рис. 1). Городища занимают мысовидные уступы, образованные рукавами небольших речек или оврагов. Большинство местонахождений и селищ (Большеянгийдинское, Дев-

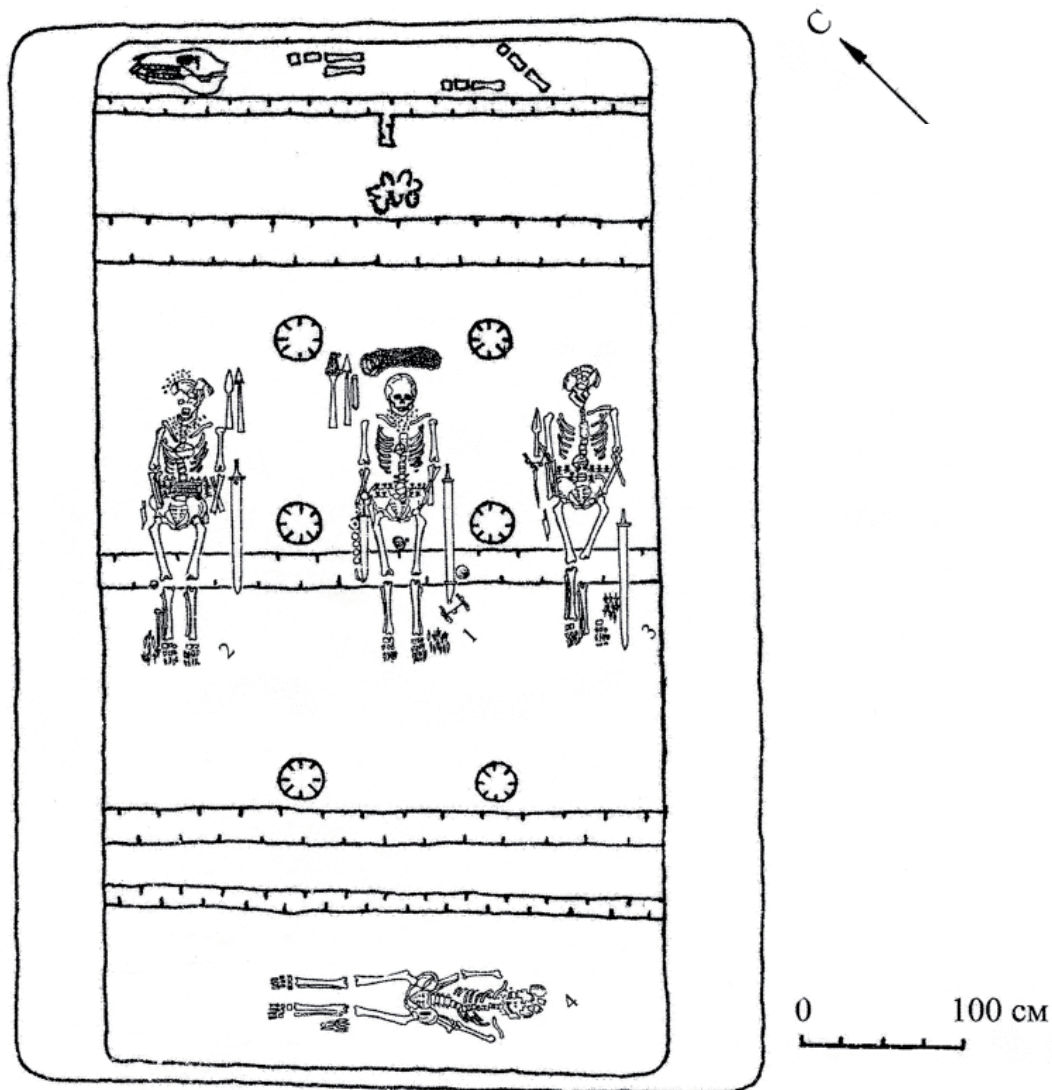

Рис. 2. Андреевский курган. План погребения 25

летгильдинское, Новошокинское, Янмурзинский клад), ряд курганных могильников (Писеральский, Клишкинский) занимают обрывистый или покатый край коренного берега небольших рек. Андреевские курганы, Староардатовский курган, Синьял-Яушские «курганы» занимают водоразделы небольших рек. Пильнинский I могильник расположен на мысовидном уступе коренной террасы реки Анда, левого притока р. Пьяны. Пильнинский II могильник расположен на низком мысообразном отроге второй надлуговой террасы, в 200 м от мыса, где находится I могильник.

Городища с материалами писеральско-андреевского типа представляют собой пример классических лесных городищ раннего железного века. Размеры жилой площадки Ягаткинского городища «Пичке Сърчѣ» 90×40 м. Оно было укреплено двумя прямыми широкими крупными валами с внешней напольной стороны. Общая длина Тиханкинского I городища 122 м, ширина от 10 до

24 м. С напольной стороны оно защищено валом и рвом. Ящеринское городище размерами 75×45–23 м было укреплено двумя дугообразными рядами валов и рвов с напольной стороны. Внутренние конструкции валов, исследованные на городищах «Пичке Сърчѣ» и Тиханкинского I, аналогичны и состояли из нескольких рядов вертикальных бревен и уложенных между ними целых деревьев с ветками, чередующихся со слоями глины (часто обожженной) и земли. С внутренней стороны и в центре вала на городище «Пичке Сърчѣ» Н.В. Трубниковой были зафиксированы столбовые ямы, служившие, по ее мнению, для установки дополнительного крепления вала. Сама насыпь вала местами также укреплялась деревом или обожженной глиной. Следов частокола на вершине вала не зафиксировано, однако на Тиханкинском I городище изгородь была зафиксирована по краю площадки (Смирнов А.П., Трубникова, 1965, с. 25).

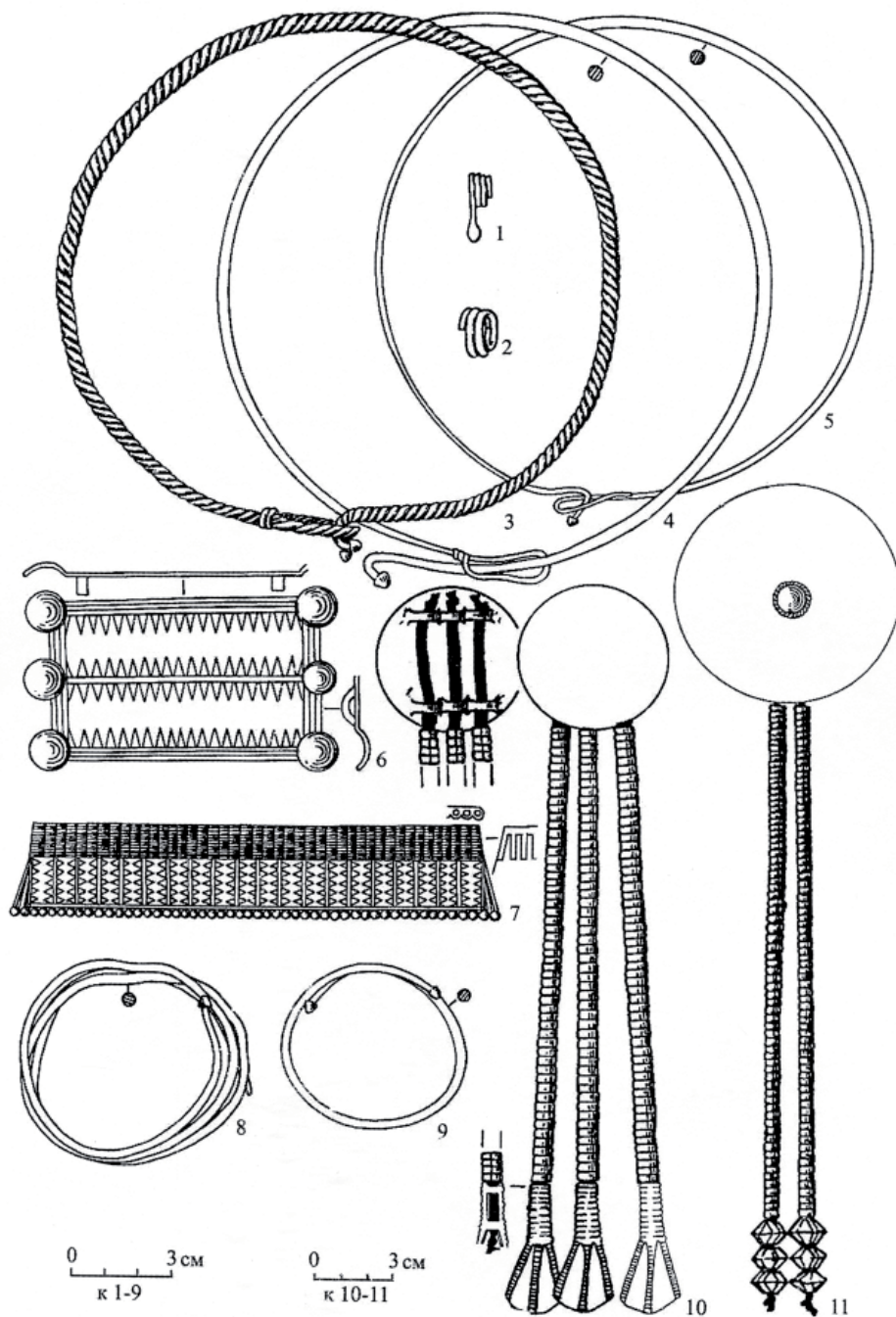

Рис. 3. Андреевский курган. Украшения: 1–2 – желтый металл, 3–10 – бронза, 11 – бронза, стекло

На площадке городища «Пичке Сърчѣ» Н.В. Трубниковой были зафиксированы следы 13–14 построек, по ее мнению, разновременных, перекрывающих друг друга. Исследователь отмечала отсутствие следов искусственных заглаблений в профилях построек и считала их наземными, несмотря на разную глубину их фиксации (20–120 см). Размеры изученных построек составляли 4×8,4–6×10 м. Форма в целом прямоугольная, однако контуры не всегда чётко прослеживались. Постройки столбовые: несколько крупных вертикальных бревен (диаметр 20–30 см) по периметру составляли каркас. Плетень либо бревна распо-

лагались горизонтально между ними, с внешней стороны стены они предположительно замазывались глиной. По сохранившейся завалившейся стене (?) постройки 11 высота стен определяется в 2 м. Сохранились остатки очагов открытого типа (по 1–2 в жилище) в виде небольших обложенных песчаником углублений в центральной части постройки. Остатки трех аналогичных построек были обнаружены на Тиханкинском I городище (Трубникова, 1964, с. 171–177).

Погребальный обряд на разных памятниках писеральско-андреевского типа различен. В Андреевке был насыпан большой курган диаметром

30 м при высоте 0,6 м (распахан). Он входил в группу из трех насыпей, однако захоронения первых веков н. э. были обнаружены лишь под одним курганом. Второй курган, вероятно, представлял собой синхронный обрядово-поминальный объект. Он располагался в 300–400 м к юго-востоку от кургана 1, диаметр насыпи – 36 м, высота – 0,9 м. Под насыпью были обнаружены обугленные плахи от какой-то сгоревшей деревянной конструкции, два кострища с челюстью коровы и зубами лошади рядом с ними, подпрямоугольная вытянутая яма со столбом внутри и высокий лепной сосуд усеченно-сфероконической формы с псевдородожными отпечатками на поверхности (Гришаков, Зубов, 2009, с. 54–56).

В кургане № 1 достоверно изучено 45 погребений, содержащих 51 захоронение (Гришаков, Зубов, 2009, с. 16). Исследователи разделяют все погребения на грунтовые, к которым принято относить центральную погребальную камеру (погребение 1 группы) и 10 могил, расположенных вокруг центральной (2 группа), а также впускные в курганный насыпь (3–4 группы), не имеющие четкой планировки. Все погребения были совершены в подпрямоугольных ямах по обряду ингумации в положении на спине. В целом преобладает северное направление ориентировки покойных (73,9%), представлены также южное (21,7%) и восточное (4,4%) (Гришаков, Зубов, 2009, с. 34, табл. 2).

Центральное погребение (рис. 2) представляло собой обширную камеру с высокими (0,77 м от дна могилы), широкими (до 60–70 см) продольными плечиками, вытянутую по линии северо-восток – юго-запад. Размеры могильного пятна 6,6×4,5 м. На уровне плечиков было сооружено древесное перекрытие, поддерживаемое шестью симметрично расположенными столбами. На перекрытие вдоль северо-восточной торцевой стенки были положены череп и четыре конечности лошади, отделенные выше метаподий (шкура). Размер камеры 6,4×2,88×2,4 м. Стенки по периметру были обложены деревом. На дне прослеживались пять поперечных канавок от деревянных лаг, на которые была положена древесная подстилка для умерших. Погребение содержало четыре мужских захоронения. Три костяка лежали в центральной части ямы параллельно друг другу головами на северо-восток и сопровождались богатым довольно стандартным инвентарем, расположенным в определенном порядке. Он состоял из украшений и предметов костюма (бусы, крупные застёжки, поясные наборы), оружия (мечи и кинжалы, копья и дротики, колчаны со стрелами, доспех) и конского снаряжения. В изголовье центрального костяка было зафиксировано ожерелье

из пяти вырубленных и просверленных верхних человеческих челюстей. Четвертый костяк был положен со связанными за спиной руками в ногах у основных захороненных и ориентирован головой на юго-восток.

Погребения 2 группы представлены могилами с 1–2 плечиками или без них. Могилы с плечиками представляют собой упрощенный вариант центрального погребения – размерами до 4,2×2,5 м (с плечиками), они содержат парные захоронения, имеют деревянную облицовку или следы подстилки, канавки от поперечных плашек, близкий вещевой набор, остатки лошади. Могилы без плечиков чаще всего представляли собой простые грунтовые ямы меньшего размера (взрослые 2,2–3,4×1,4–1,65 м), практически без применения дерева, среди воинского инвентаря отсутствовали мечи и удила. В могилах 2 группы появляется погребальная посуда.

Погребения 3 и 4 группы являются грунтовыми ямами без следов деревянных конструкций, размерами (2,1–2,5×0,5–1 м). В нескольких случаях была прослежена подстилка из луба или лубяное покрытие. Характерны индивидуальные захоронения. Мужские захоронения более глубокие, длинные и узкие (ширина около ¼ длины), женские – шире и меньше. Посуда, как правило, ставилась в ногах покойных. В отличие от погребений 1–2 групп здесь появляется заупокойная пища, дары умершему в виде ценных предметов и др. Для 3 группы характерны более богатые комплексы, чем для 4 (Гришаков, Зубов, 2009, с. 32–40).

Староардатовский курган также входил в группу из нескольких насыпей, из которых к писеральско-андреевской относилась лишь одна. Его диаметр составлял 20 м при высоте 0,5 м. В центральной части насыпи располагалась могила подквадратной формы размерами 2,6×2 м со следами поперечных плашек и древесного перекрытия, опирающегося на широкие (около 0,60–0,65 м) продольные материковые плечики. Погребальная камера имела размеры 2,6×0,7 м при глубине 2,3 м от верха кургана. Захоронение мужское, совершено по обряду труположения. Умерший был положен на спине головой к юго-востоку с вытянутыми вдоль туловища руками. Под погребенным прослежена подстилка из продольно расположенных плашек. Сверху он был покрыт лубом. Погребальный инвентарь состоял из наконечников копий, меча, рукояти ножа, бусинного ожерелья, богатого поясного набора и застёжки. Исследователи считают, что данное захоронение можно отнести к 1 группе захоронений, выделенных на основе центральной могилы Андреевки (Гришаков 2000, с. 52, 53; Гришаков, Зубов, 2009, с. 62–65).

Писеральский и Климкинский могильники представляют группы из пяти (Писералы) и двух (Климкино) небольших курганов. Погребения (28 в Климкино, 21 в Писералах) были перекрыты небольшими округлыми или вытянутыми в плане курганными насыпями (в Писералах: высотой 1,1–1,2 м, размерами 15×8, 11,2×10,65 м, круглый курган диаметром 12 м; в Климкино: высотой до 1,3 м, диаметром до 13 м). Курганы засыпались после совершения всех захоронений (Климкино) либо отдельно над каждым погребением, а затем над всеми (Писералы). В Климкинском курганном могильнике часть погребений располагалась за пределами насыпей. Фиксируются столбовые ямы в южной части и яма от крупного столба в центральной части Климкинского 1 кургана (Климкино, к. 1). Там же после совершения погребений площадка была сnivelирована и засыпана углестым слоем с отдельными вещами. В Писеральском могильнике было зафиксировано два скопления зубов лошади. В раскопанных Писеральских курганах и Климкинском 2 фиксируется расположение погребений вокруг одного центрального, в Климкинском 1 кургане – рядность погребений, вытянутых в 4–5 рядов по линии З–В по всей площади кургана. Могильные ямы подпрямоугольной формы с закругленными углами, с расширением в области головы (2 п.), с уступами-заплечиками (8 п.) по всему периметру могилы, в одном – в области головы (Климкино). В нескольких случаях отмечена забутовка стенок. В Писеральском могильнике в трех случаях зафиксированы овальные погребения. Размеры ям: Климкино: длина 142–295 см; ширина 45–110 см; глубина до 90 см (от уровня погребенной почвы); Писералы: длина 180–270 см; ширина 50–95×15–70 см; глубина до 15–70 см. В одном случае в Климкинском могильнике и в семи в Писеральском погребения совершены на уровне дневной поверхности. Ориентировка: головой на ССЗ (Климкино), на В (9 п.), ЮВ (4 п.), Ю (3 п.) (Писералы). В Климкинском могильнике в пяти случаях обнаружена песчаная подсыпка дна могилы, в двух случаях – подстилка из коры, шкур, деревянных плашек, в Писералах все погребенные располагались на дубовых плашках или обкладывались ими. В Климкинском могильнике (к. 1) отмечаются столбы или вешки по контуру могил (Архипов, Шадрин, 1995, с. 111). Погребальный обряд представлен трупоположениями с инвентарем, расположенным в порядке ношения при жизни (20 сл.), или безинвентарными (Зубов, Михеев, 2006, с. 205–207; Халиков, 1962, с. 116–138). В материалах Писеральского могильника зафиксирован жертвенный комплекс – свернутый пояс в изголовье (к. 1, п. 1) (Халиков, 1962, с. 117).

Пильнинские I–II могильники практически не подвергались раскопкам, однако следует отметить, что они представляют собой иной пример погребальной практики андреевско-писеральского населения и являются грунтовыми некрополями. На Пильнинском II могильнике при разведочной шурфовке было выявлено одно погребение (Зубов, 2011, с. 36, рис. 42) Еще одно погребение было исследовано С.Э. Зубовым и О.А. Радюшем при раскопке разведочной траншеи на Пильнинском I могильнике осенью 2021 года. Интерес вызывает площадка первого могильника, которая ограничена с севера и юга валиками. В 130 м от южного вала на склоне мыса коренной надпойменной террасы расположена эскарпированная площадка. С напольной стороны проходящий через нее гребень мыса эскарпирован с двух сторон, в результате чего попасть на площадку можно только по узкому (не более 4–5 м) проходу длиной около 30 м. Размеры основной части площадки – 25×60 м (Зубов и др., 2011, с. 26).

Погребения памятников писеральско-андреевского типа сопровождались разнообразным инвентарем. Довольно богаты и материалы поселений этого круга. Инвентарь представлен украшениями и деталями одежды, оружием и конским снаряжением, орудиями труда и бытовыми предметами (Зубов, 2011, с. 43–62; Мясников, 2016, с. 50–107).

Украшения и детали одежды (рис. 3; 4).

На памятниках писеральско-андреевского типа практически неизвестны находки деталей *головного убора*. Лишь в Климкинском могильнике (к. 1, п. 15), по предположению авторов раскопок, были зафиксированы остатки шапочки или головной повязки. Они представляли собой 15 круглых плоских бляшек, нашитых на тканевую основу, круглые грибовидные бляшки выше и ниже них, соединенные кожаным шнуром с двумя подвесками в виде тонких бронзовых трапециевидных пластин.

Височные подвески представлены несколькими типами изделий: бронзовые круглые крупные (d=5–7 см) кольца с несомкнутыми приостренными концами, в том числе с напускными стеклянными синими и золочеными бусами; золотое (?) круглое небольшое кольцо (d ок. 2,5 см) с несомкнутыми (?) сужающимися концами; золотые и бронзовые закрученные в спираль (в 2–5 оборотов) небольшие (d ок. 1,5–2 см, l ок. 2 см) круглопроволочные кольца (рис. 3: 2); золотая подвеска со спиралькой в 3 оборота и коротким стержнем с каплевидным грузиком на конце (рис. 3: 1); пластинчатые подвески из бронзы.

Характерны бронзовые круглопроволочные *гривны* со «скользящей петлей» с крючком с грибовидной конической головкой, в т. ч. со-

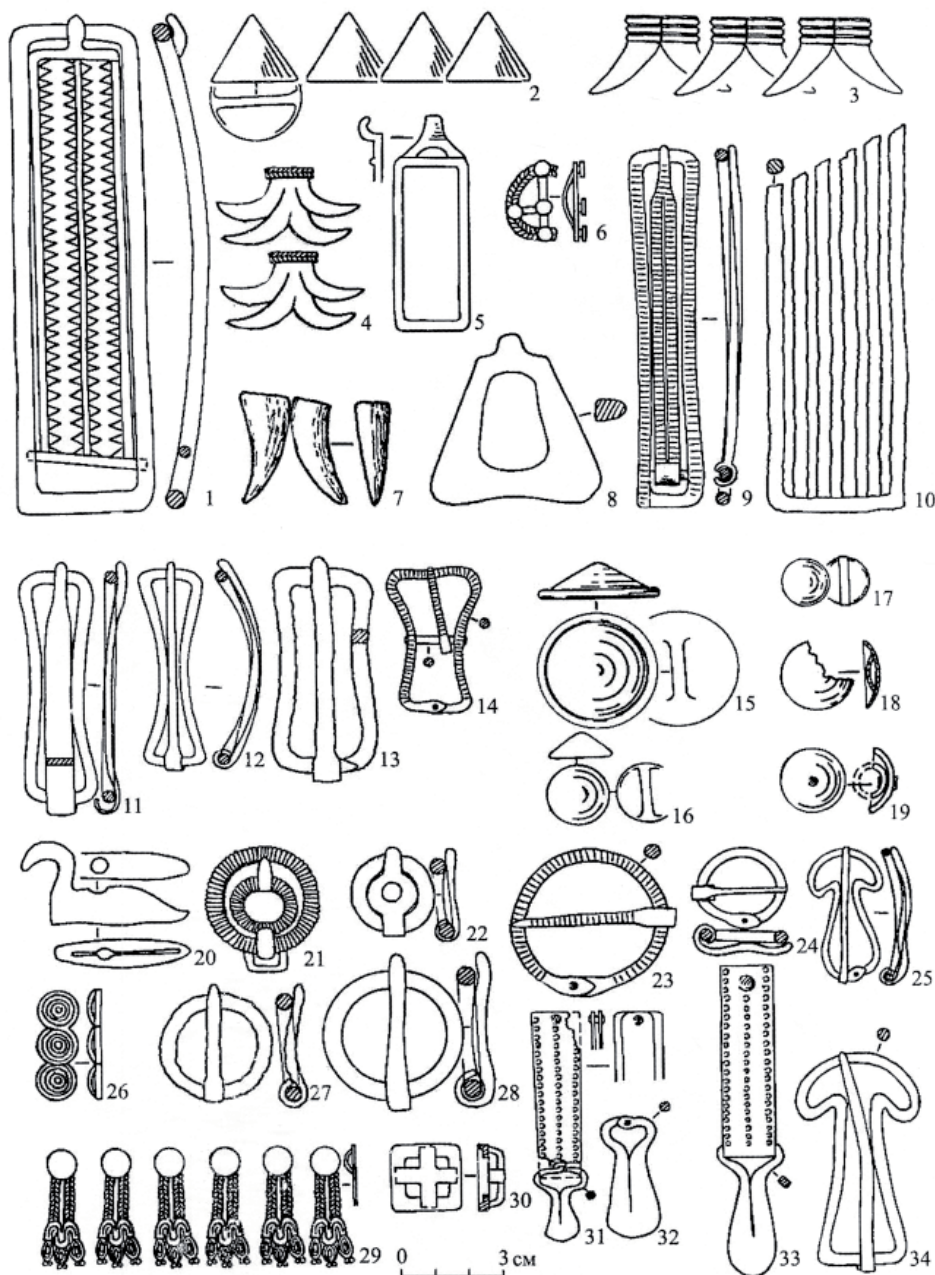

Рис. 4. Андреевский курган. Пряжки и ременная гарнитура
7, 8 – кость, 10, 13, 19, 27 – железо, остальное – бронза

стоящие из двух перекрученных экземпляров (рис. 3: 3–5).

Наиболее многочисленную категорию украшений составляют *бусы*. Они использовались как мужчинами, так и женщинами, в первую очередь в шейных ожерельях, а также в единичных случаях в женских поясных украшениях, височных кольцах, нагрудном украшении, в отделке одежды и оружия. В.В. Гришаковым на материалах Андреевского кургана выделено семь устойчивых моделей их формирования. При их обобщенной характеристике можно отметить, что в целом преобладают

золоченые трехслойные изделия (типы 1 а-б, 2а-б, 4, 8, 10, 11, 12, 16, 22 по Е.М. Алексеевой). Весомую долю имеют также краснопастовые (типы 3, 53, 57) и синие (типы 15, 16, 26, 66, 101) бусы. Гораздо менее массовы находки желтых (тип 5), зеленых (типы 5, 150), темно-лиловых (тип 4), бирюзовых (типы 13, 66), бесцветных (тип 17) бус, единичны сердоликовая (тип 2а), хрустальная (тип 2а), янтарная и разные типы полихромных (типы 47а, в, 55в, 73, 81, 106, 132, 133, 194, 195, 248, 249, 319, 395, 396, 415, 430, 437) бус (Алексеева, 1972, 1978, 1982). Известны также медные

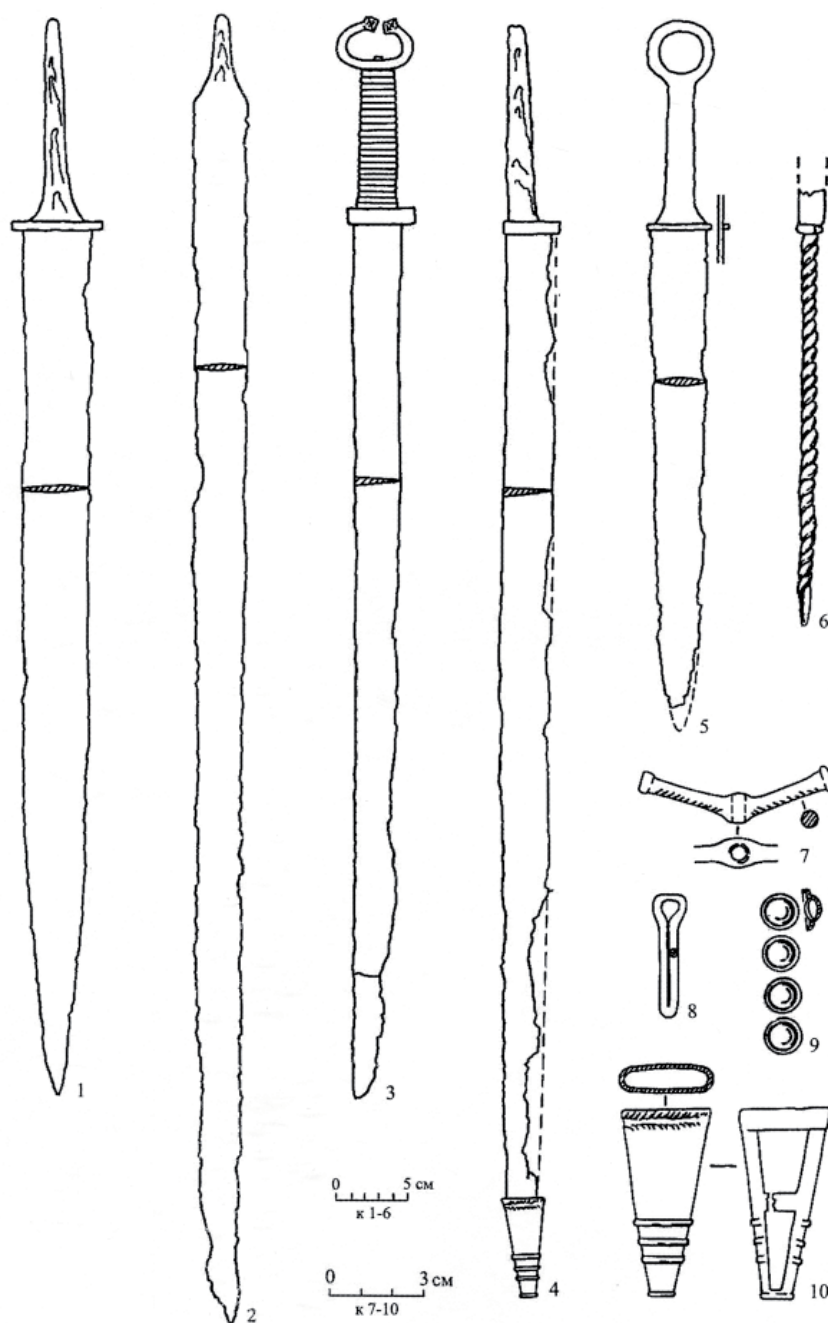

Рис. 5. Андреевский курган. Клинковое оружие и украшения ножен
1-6, 8 – железо, 7, 9 – бронза, 10 – белый сплав

бочонковидные бусы и керамическая шаровидная бусина.

Весьма характерны нагрудные бронзовые литые прямоугольные пластинчатые ажурные бляхи с орнаментом, состоящим из рядов сквозных треугольников, полуцилиндров, полусферических выпуклин, каплевидных фигур, с валиковым окаймлением, с петлями или иглой с приемником на обороте (рис. 3: 6, 7). Близки к ним по стилю ажурные бронзовые бляхи с треугольными прорезями на уплощённой поверхности, небольшими полусферами по краю, с веревочным орнаментом с петлями на обороте (Тиханкинский клад).

В Климкинском 1 кургане были найдены составные нагрудники, представляющие собой определённое сочетание бус и металлических украшений, нашитых на берестяную, кожаную или матерчатую основу.

Характерно использование в костюме мелких круглых бляшек-накладок: плоских, слегка выгнутых, конических и умбовидных с петлями, планками и штырьками на обороте. Есть и многочисленные экземпляры (рис. 4: 15-19, 26).

Также типичны круглые уплощенные бляхи из золотистой бронзы, вырезанные/вырубленные из зеркал с центральным отверстием, закрывающей-

ся маленькой выпуклой бляшкой-скорлупкой, через которую продевался кожаный шнурок. Близи к ним круглые плоские полированные бляхи с петлями на обороте. Круглые бляхи применялись на поясных кистях (рис. 4: 10, 11), для украшения ножен мечей и кинжалов, а также находились между верхними человеческими челюстями в центральном погребении Андреевки.

Очень многочисленной категорией украшений являются нагрудные застёжки: это округлые плоские сюльгамы, круглого, либо треугольного сечения с литыми цилиндрическими концами-трубками и с завернутыми в трубочку концами; округлые застёжки с пуговковидными выступами и приостренной дужкой в нижней части рамки; ажурные застёжки с миндалевидной рамкой с коническими и уплощенными бляшками, с валиковым кантом. – (рис. 10: 8, 9); бронзовые кольцевидные сюльгамы с пуговковидными выступами и дужкой для прохождения железной иглы (рис. 10: 10). С Андреевкой связаны находки четырех фибул типа «Avcissa». Еще одна известна с Большеалгашинского городища.

Браслеты представлены круглопроволочными спиральными бронзовыми экземплярами, свернутыми в 3–4 оборота (рис. 3: 8); одновитковыми с концами, оформленными в виде грибовидной головки (рис. 3: 9); фрагментами железного многовиткового браслета; бронзовым массивным несомкнутым с насечками на слегка приостренных концах; есть и фрагменты пластинчатых экземпляров – железный неорнаментированный и бронзовый с линейными вдавлениями и полусферическими выступами. В коллекции представлена также нарукавная повязка из бронзовых бус, пластинок и спиралек.

Ременная гарнитура включает пряжки, накладки и подвески. Пряжки их бронзы и железа разнообразны и делятся на нескольких групп: застёжки с неподвижным крючком (трапециевидные, круглые, зооморфная) (рис. 4: 5; 10: 6, 7); эполетообразные застёжки с круглой выпуклой задней пластиной; большие удлиненно-прямоугольные пряжки с подвижными язычками (рис. 4: 1, 9; 10: 1); малые пряжки с округлой рамкой как замкнутой (рис. 4: 27, 28; 10: 2, 5, 11–13), так и с раскованными концами, соединенными заклепкой (рис. 4: 23, 24), в частности характерны круглые пряжки с расширениями на язычке (рис. 4: 21, 22); представлены дериваты пряжек типа Радатц U и C (рис. 4: 11–14, 25, 34; 10: 3, 4). В коллекции имеется костяная пряжка трапециевидной формы с выступом для застегивания в передней части (рис. 4: 8). В Писералах найдена наборная застёжка, состоящая из ремешка с бронзовыми обоями, бляшки-пуговики и костылька. Много-

численны бронзовые поясные накладки конической формы с поперечной планкой (рис. 4: 2), использовались своеобразные бронзовые ажурные привески в виде диска с двумя ложножгутовыми планками, заканчивающимися трехчастными петлевидными выступами (рис. 4: 29). Разнообразны поясные подвески: «сапожковидные» (одночастные, парные, двухъярусные) (рис. 4: 3, 4), трубчатые с рифленой поверхностью и ажурным расширением в нижней части из 2–4 полос, «лапчатые», подвески-«псевдоцикады», широколопастные с овальным круглопроволочным основанием (рис. 4: 31–33).

Кожаные шнурки с подвесками, как правило, продевались в бронзовые *пронизи* (кольцевидные, перстневидные, бочковидные, полуцилиндрические, усеченно-биконические, спиральные) и *обоймы*, согнутые из пластинок.

Оружие и конское снаряжение

Характерной особенностью памятников писеральско-андреевского типа является высокая степень вооруженности захороненных воинов. Особенно ярко эта тенденция наблюдается в ранних могилах Андреевки и Старом Ардатове. Большое количество предметов вооружения происходит из разрушенных грабителями погребений Писеральского I могильника. У населения, оставившего Писеральский и Климкинский могильники, воинских погребений в процентном отношении ко всем захороненным значительно меньше.

Клинковое оружие представлено мечами, палашами и кинжалами.

К мечам относятся двулезвийные клинки с линзовидным или ромбовидным поперечным сечением, среди которых выделяются два типа: с прямым напущенным перекрестием и стержневидной рукоятью (рис. 5: 1; 6: 3); без перекрестия со стержневидной, слегка уплощенной рукоятью, расширяющейся к основанию (рис. 5: 2; 6: 4). Около перекрестия клинка из погребения 25-2 Андреевского кургана обнаружена бусина из коренного человеческого зуба с просверленным отверстием, а из погребения 54 – деревянная ворворка коромысловидной формы с отверстием (рис. 5: 7). Ножны писеральского меча были украшены бронзовой круглой бляхой.

Палаши составляют вторую группу рубяще-колющего оружия и являются однолезвийными клинками удлиненно-треугольного поперечного сечения двух типов: без навершия с прямым перекрестием из согнутой по обушку клинка пластины, с кованой у лезвия (иногда без перекрестия) и стержневидной рукоятью (рис. 5: 4; 6: 5–8); с напущенным железным навершием, преимущественно в виде «рожек», концы которых оформлены многогранными головками (рис. 5: 3). Из

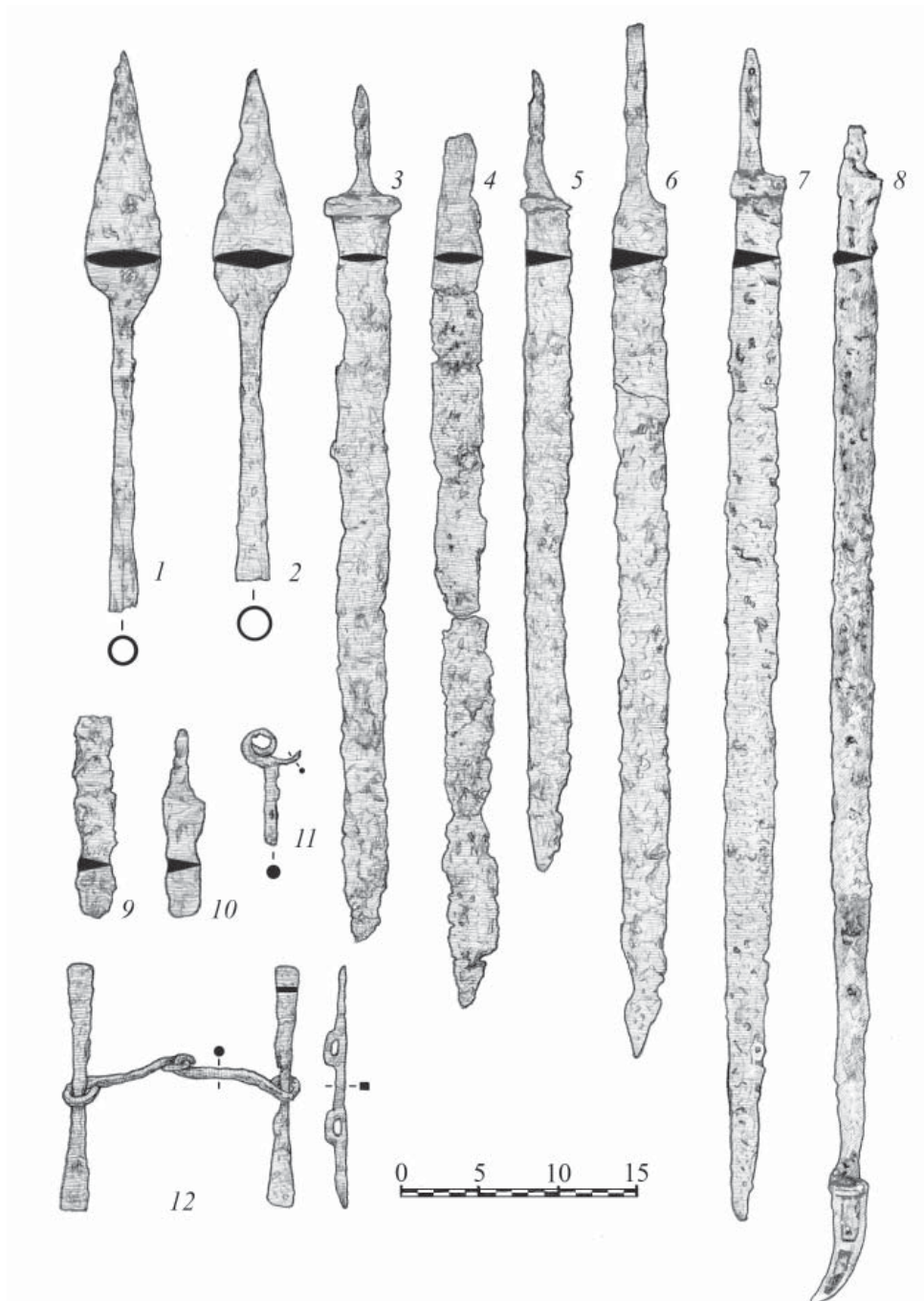

Рис. 6. Пильнинские I и II могильники

Древковое и клинковое оружие (1–11). Предметы конского снаряжения (12): 1–3, 5–12 – из разрушенных погребений Пильнинского I могильника, 4 – случайная находка на территории Пильнинского II могильника

Пильнинского I могильника происходит фрагмент волютообразного навершия (рис. 6: 11). Рукояти зачастую обложены деревянными накладками и обмотаны бронзовой лентой, кожаным ремешком или нитью.

Палаши имели деревянные ножны, обтянутые красной кожей, украшенные в нижней части крупными бронзовыми полированными бляхами с петельками на обороте или с отверстием, закрытым полусферической бляшкой. Ножны из погребения 50 Андреевки были дополнительно декорированы

по торцу рядом мелких бронзовых полусферических бляшек с планкой для крепления (рис. 5: 9), а из погребения 25-1 – цельнолитым наконечником ножен из белого сплава удлиненно-трапецевидной формы. Его верхняя окантовка оформлена в виде противоположащих двух рядов ложножгутowego орнамента, нижняя – неорнаментированными валиками, с планкой на обороте (рис. 5: 4; 7: 4). Наконечник ножен из Климкинского могильника (к. 1, погр. 18) менее заужен и декорирован тремя рядами ложножгутowego орнамента (рис. 7:

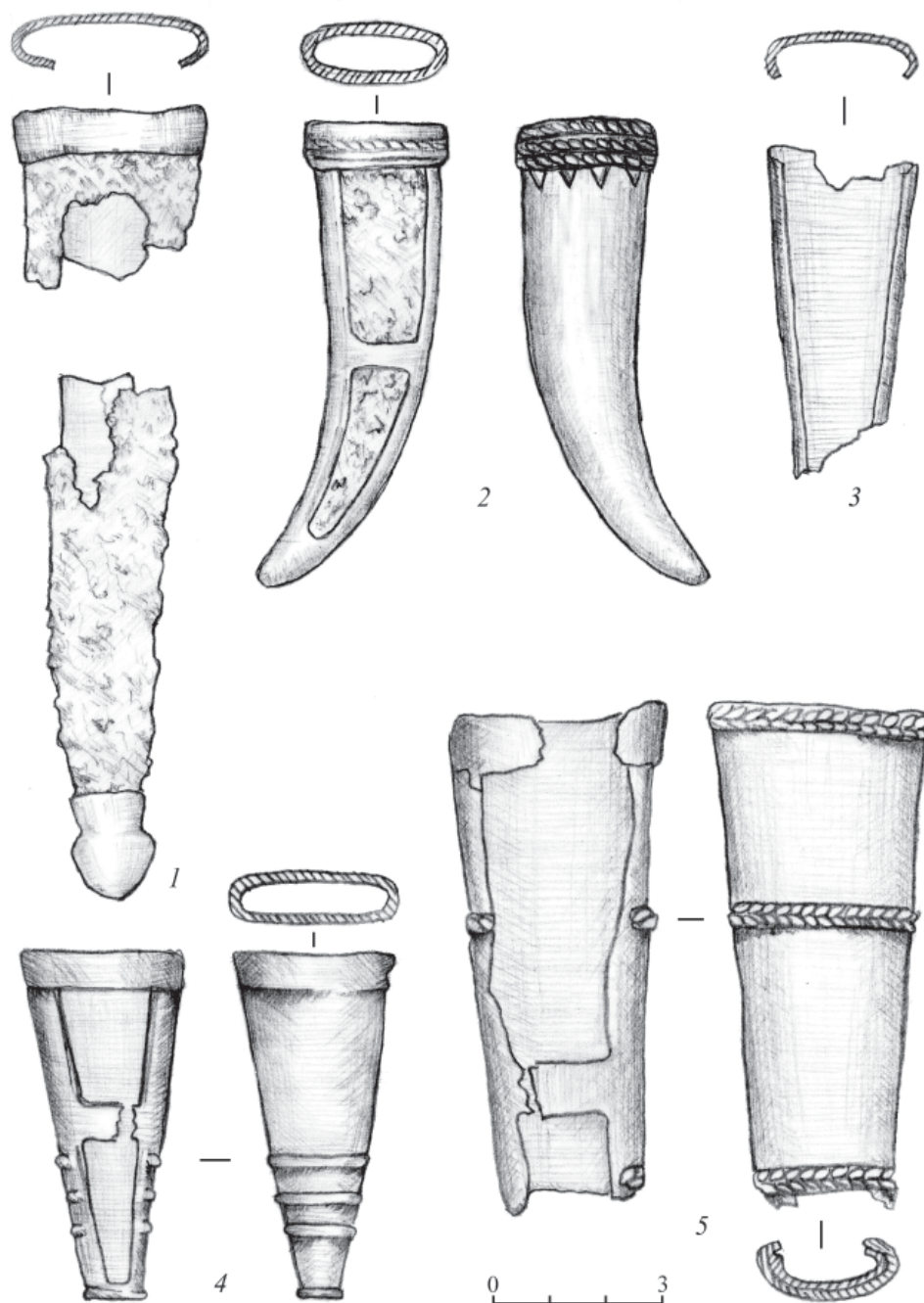

Рис. 7. Бронзовые наконечники ножен клинкового оружия

1–3 – Пильнинский II могильник; 4 – Андреевский курган, погр. 25-1; 5 – Клишкинский могильник, к. 1, погр. 18

5). Ножны палаша из Пильнинского могильника оформлены цельнолитым бронзовым наконечником-бутеролью клыкообразной формы. Верхняя окантовка лицевой части наконечника украшена тремя рядами ложнозвучного орнамента и рядом прорезных треугольников, с планкой на обороте (рис. 7: 2).

Кинжалы представлены тремя типами: двулезвийные кинжалы с кольцевым навершием и перекрестием (рис. 5: 5); двулезвийные кинжалы линзовидного сечения, без навершия и перекрестия; однолезвийный боевой нож без на-

вершия с уплощенным черешком, обложенным деревянными накладками, которые обмотаны бронзовой лентой.

В ряде случаев кинжалы располагались в деревянных или кожаных ножнах. Кинжал из погребения 25-1 Андреевки имел деревянные ножны, крепившиеся к портупее бронзовой коромысловидной ворворкой с отверстием и украшенные бронзовыми полированными бляхами, одна из которых имела отверстие, а другие пять – петельки на обороте. Концы ножен из Писеральских курганов были обложены медными обоймами, а к сере-

дине ножен с внешней стороны была прикреплена круглая бляха из оловянистой бронзы

К *древковому оружию* относятся копья и дротики (рис. 7: 1, 2). Наконечники копий представлены следующими типами: с коротким широким пером, имеющим слегка приподнятые плечики, и длинной втулкой, как правило, с выраженным осевым ребром; с коротким узким пером и опущенными плечиками, с выраженным осевым ребром или уплощенно-ромбическим сечением; удлиненным узким пером с низко опущенными плечиками, длина которого составляет около половины общего размера, сечение пера уплощенно-ромбическое; широколезвийные образцы с короткой втулкой, сечение пера уплощенно-линзовидное.

Уникальными находками в погребениях 25-1 и 54 Андреевского кургана являются надетые на наконечники копий футляры из белого сплава (оловянистая бронза) удлиненно-трапециевидной формы. Их корпус согнут из кованой пластины и украшен противоположащими рядами подпрямоугольных прорезей, образующих «елочный» орнамент. Основания имеют напаянные концевые обоймы, одна из которых оформлена в виде ложновитого валика, а на обороте – еще две поперечные планки для придания жесткости конструкции. Вдоль ложновитого валика экземпляра из захоронения 54 имеется ряд треугольных прорезей. На одной из сторон футляра напаяны два колечка для крепления флажка или другого атрибута воинского опознавательного знака. Наконечники дротиков однотипны: с пером, имеющим хорошо выраженные два опущенных шипа и ромбическое сечение.

Оружие дистанционного боя зафиксировано по различным *наконечникам стрел*, изготовленным из железа и кости (рис. 8). Они являются самой массовой находкой среди предметов вооружения исследуемых памятников. Первая группа представлена костяными трехгранными наконечниками. К 1 типу отнесены наконечники с упором для древка, образованным подрезом граней под прямым или тупым углом к утонченному концу, как правило, шестигранному черешку. У наконечников 2 типа упор для древка отсутствует, а конец черешка заострен путем среза обычно одной из граней. Во вторую группу выделены костяные наконечники с ромбовидным сечением головки. К 1 типу отнесены крупные удлиненно-пропорциональные экземпляры с остроугольным подрезом шипов и ромбовидным черешком, заостренным путем среза обеих широких граней. Тип 2 представлен единственным крупным наконечником с удлиненно-треугольным пером и прямоугольным подрезом шипов при переходе в массивную упорную муфту округлого сечения. Тип 3 – небольших размеров, с удлиненно-треугольным пером, плав-

но срезанными плечиками и заостренным черешком округлого сечения. Тип 4 – небольших размеров, с широким треугольным пером ромбовидного сечения и круглым черешком. Третью группу образуют костяные цилиндрические наконечники. К 1 типу относятся экземпляры со сквозным отверстием для насадки на древко. Ко 2 типу – цилиндрические с втулкой. Четвертую группу составляют железные двушипные наконечники с ромбическим или линзовидным сечением пера, с округлым длинным черешком, с расплюснутым концом, либо втульчатые с короткими шипами. В пятую группу входят железные трехлопастные черешковые наконечники стрел. К 1 типу относятся мелкие однотипные наконечники с треугольной головкой и лопастями, срезанными под прямым углом к короткому черешку, 2 тип трехлопастных черешковых стрел характеризуется сводчатой головкой. Единственным экземпляром представлен железный наконечник с листовидным пером уплощенно-треугольного сечения.

В некоторых погребениях были зафиксированы берестяные (лубяные) *колчаны*, вероятно, подпрямоугольной формы. При этом длинные стороны берестяного листа, из которого сворачивался футляр, в некоторых случаях вставлялись в паз деревянного стержня с бронзовыми или железными обоймами, в других – обжимались металлическими пластинками или, возможно, просто сшивались. В одном случае в верхней части колчана около стержня была сделана квадратная прорезь для привешивания. Этой же цели, по-видимому, служили бронзовые пряжки, обнаруженные попарно около нижнего конца футляра в погребениях 2 и 54 Андреевского кургана, в последнем случае – в сочетании с деревянной ворворкой, бронзовым кольцом и обоймой в верхней части колчана.

Защитное вооружение находилось в мужских погребениях Андреевского кургана 25-1 и 50. Предметы защитного вооружения представлены кольчугами, поверх которых лежали шлемы, изготовленные из железных пластин с отверстиями для крепления между собой и к мягкому оголовью. В материалах разграбленного грабителями Пильнинского I могильника присутствуют два шлема типа «Шпангенхельм» (рис. 9), один из которых плохой сохранности, фрагменты спекшихся доспехов кольчужного плетения и чешуйки ламеллярного доспеха (рис. 8: 12).

Предметы конского снаряжения представлены трезельными удилами с псалиями различных типов. По оформлению концов псалий выделяются следующие разновидности. К 1 типу относятся железные, в одном случае бронзовые, псалии с прямообрубленными утолщенными концами. Псалии 2 типа имеют на концах кольца различного диа-

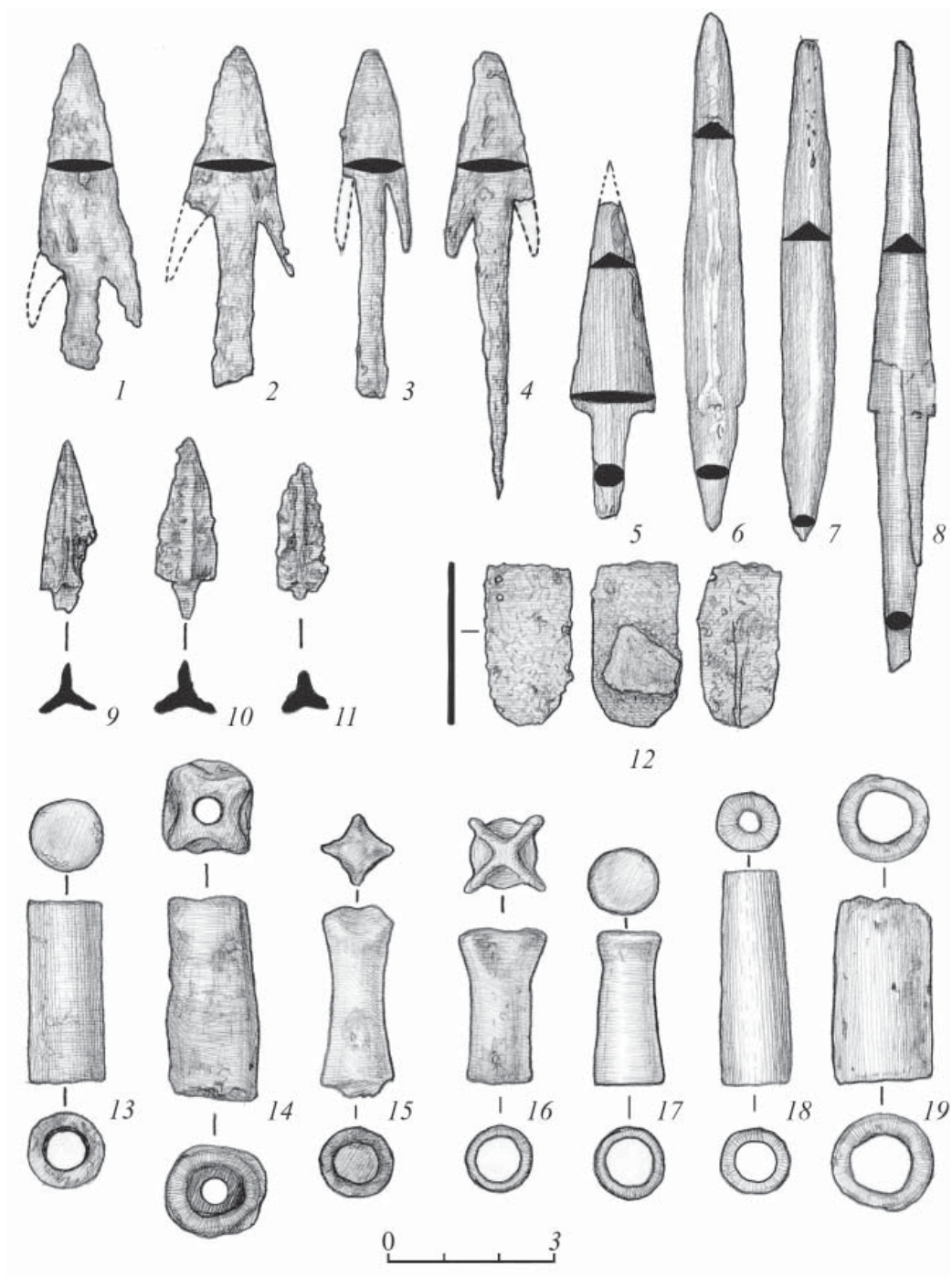

Рис. 8. Пильнинские I и II могильники

Наконечники стрел (1–11, 13–19). Предметы защитного снаряжения (12): 1–13, 15, 16, 19 – Пильнинский I могильник; 14 – погр. 1 Пильнинского II могильника; 17, 18 – Андреевский курган, погр. 19–27, 50. 1–4, 9–12, 15 – железо; 5–8, 13, 14, 18, 19 – кость; 16, 17 – бронза

метра: а – овальной формы размерами 6,3×7,7 см, со сплошной бронзовой инкрустацией по лицевой стороне, б – круглой формы диаметром 2,5–3,0 см, со стержневидным выступом с шишечкой. 3 тип представлен псалями с расплюснутыми лопатковидными концами двух вариантов: а – с наклепанными бронзовыми полусферическими накладками на концах и бронзовой инкрустацией по стержню и боковым выступам, б – концы рас-

кованы непосредственно за боковыми выступами (рис. 6: 12).

Уздечка из погребения 54 была украшена 10 бронзовыми круглыми пластинчатыми накладками с рядом мелких полусферических выпуклин по краю и крупной «жемчужиной» в центре, окруженной точечным орнаментом, на обратной стороне которых наклепаны пластинчатые дужки для продевания ремня. К элементам уздечки относит-

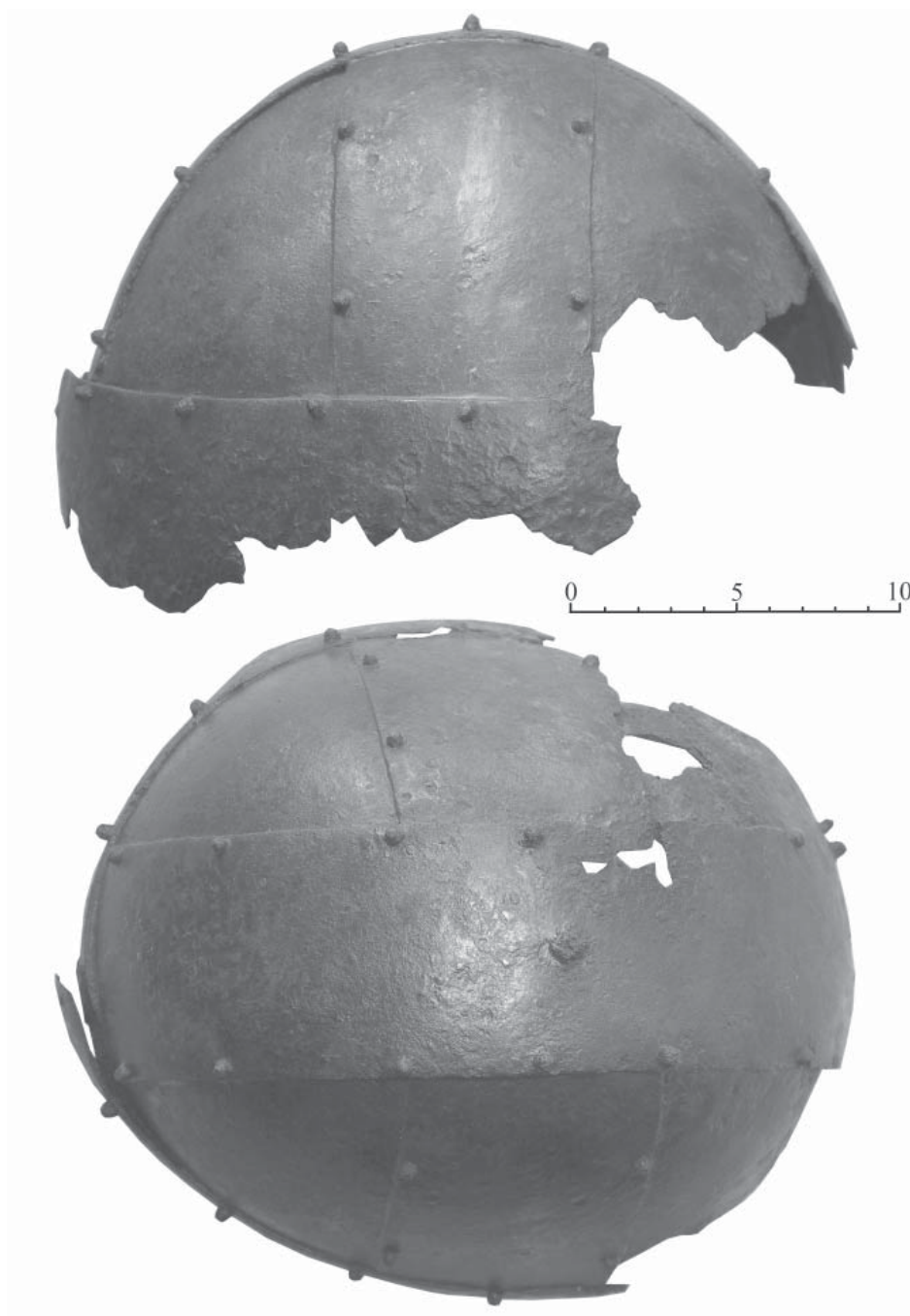

Рис. 9. Пильнинский I могильник. Металлический шлем типа «Шпангенхельм»

ся, возможно, бронзовая литая обойма подпрямоугольной формы с округленным пластинчатым концом, орнаментированная двумя зонами поперечных валиков и продольными бороздками.

Орудия труда и бытовые предметы

Ножи представлены тремя типами: серповидными ножами с плавно вогнутой спинкой; с горбатой спинкой; с прямой спинкой.

В области пояса женского погребения 4 Андреевского кургана был обнаружен бронзовый *двухсекционный футляр*, скорее всего, для ножа и шила, основная секция которого отлита с поперечными планками на обороте.

Оселки каменные имеют стержневидную форму длиной 8–9 см с просверленным отверстием для подвешивания.

Ворворки, использовавшиеся для крепления предметов вооружения, представлены двумя типами: бронзовые или железные петлевидные приспособления с прокованным двухканеллюрным стерженьком, бронзовые или деревянные коромысловидной формы с отверстием в центре.

Железные итыри, обнаруженные в мужских погребениях с оружием, представляют стержень длиной до 45 см, округлого сечения, заостренный на одном конце и с шляпковидным утолщением

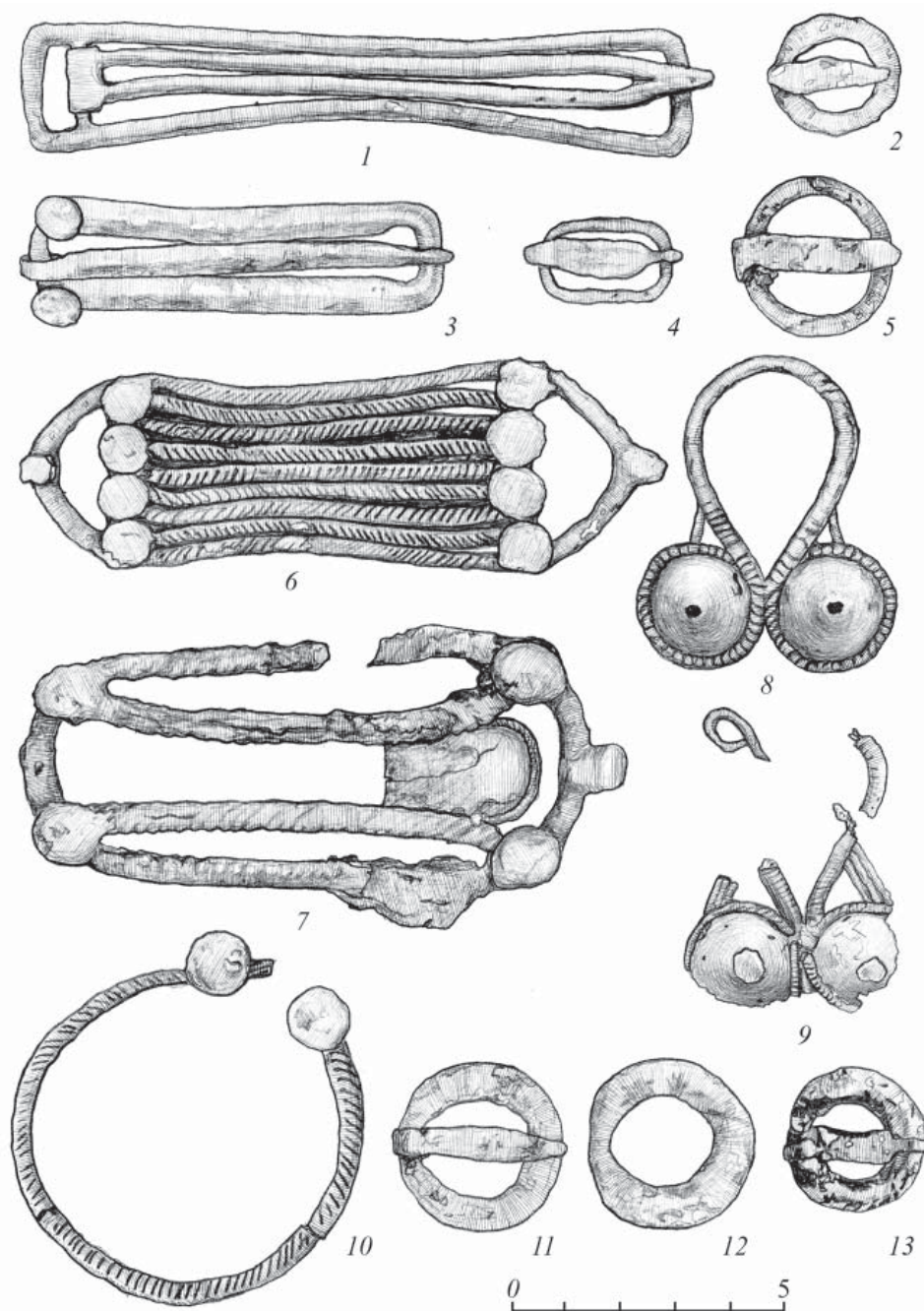

Рис. 10. Пильнинский I могильник. Бронзовые пряжки, застежки, сьюльгамы

на другом, два других – длиной около 21 и 37 см, круглого сечения, скручены из двух заостренных к концу стержней, на основание которых надета рукоять из короткой железной трубки в одном случае и костяная – в другом (рис. 5: 6). По одной версии, подобные артефакты могли служить знаком отличия, своеобразным символом власти, неким подобием скипетра. По другой – эти изделия можно соотнести с костяными пьяноборскими «проколками» (Агеев, 1982, с. 50, табл. 19–6: 9). Также вероятно, что подобные предметы вполне могли служить для подцепления кусков мяса из варочной посуды.

Железные скобели двухстороннего типа подпрямоугольной формы с закругленными углами и обоюдоострым лезвием уплощенно-ромбического сечения.

Железные *топоры-кельты* относятся к типу топоров с незакрытой втулкой.

Шилья железные, изготовленные из четырехгранного прута, ближе к концам круглые в сечении («Пичке Сърчѣ»).

В нескольких погребениях найдены *кремневые отщепы*. Вероятно, они являются огнивыми кремнями.

На городище «Пичке Сърчѣ» было найдено

огромное количество *керамических грузил* от ткацкого станка колоколовидной, усеченно-пирамидальной, дисковидной формы.

Керамические пряслица имели уплощенную дисковидную, таблетковидную, бочковидную и катушковидную форму. Известны точеные пряслица из черепков сосудов.

На городище «Пичке Сърчѐ» были обнаружены фрагменты керамических фигурок *животных*.

Керамическая посуда лепная, кострового обжига, имеет бугристую, обычно заглаженную внешнюю поверхность серо-коричневого, черного цвета. В целом памятники писеральско-андреевского типа диагностируют начало функционирования Присурского очага керамических традиций первой половины I тыс. н. э. Для него характерно преобладание слабопрофилированных горшков низких пропорций, слабопрофилированных банок с подцилиндрическим туловом, слабопрофилированных мисок высоких пропорций, бокаловидных и чашевидных сосудов усеченно-конической и усеченно-сфероконических форм, наличие грубых шамотных примесей в тесте, небрежная обработка поверхности сосудов при крайне редкой орнаментации. Истоки этой традиции остаются непонятными, однако их дальнейшее развитие явно связано с формированием древнемордовского керамического комплекса (горшки типа А15б, миски типа Г21б, чаши типа Е47д, бокалы типа Д41е по В.В. Гришакову) (Гришаков, 1993, с. 101, 102).

В Андреевском кургане была обнаружена импортная римская металлическая посуда. В частности, это полусферическая *бронзовая чаша* южноиталийского производства типа Eggers 91 из разрушенного захоронения в насыпи кургана, а также кованый котелок галло-римского производства с железным обручем под венчиком и железной дужкой, который был поставлен в засыпку мужского погребения 21 (Кропоткин, 1969).

Посуда, изготовленная из дерева, обнаружена в погребениях 21 и 32 Андреевского кургана, причем в первом фрагменты чашки или ковши располагались в котелке галло-римского типа. В обоих случаях сохранность посуды была крайне неудовлетворительной, поэтому форма не восстанавливается. Сосуд из погребения 32 был окован бронзовой полосой с орнаментом из рядов мелких полушарных выпуклин.

Согласно многолетним разработкам В.В. Гришакова, центральное погребение Андреевского кургана может быть датировано серединой I в. н. э., совершение погребений 2 группы приходится на третью четверть I в. н. э. С этими погребениями может быть синхронизирован и Староардатовский курган. Верхняя хронологическая граница

3 и 4 групп впускных погребений приходится на начало (может быть, первую четверть) II в. н. э. В целом основная масса впускных погребений была совершена в последней четверти I в. н. э. Остальные памятники не имеют столь узкой датировки и в целом писеральско-андреевский горизонт в широких рамках вписывается в период с середины I по середину II в. н. э. (Гришаков, Зубов, 2009, с. 41–53; Мясников, 2016, с. 107).

Вопрос о культурных истоках населения, оставившего памятники писеральско-андреевского типа, остается предметом острых дискуссий. Однозначно вопрос их генезиса связан с взаимодействием как местного, так и пришлого этнокультурных компонентов. На сегодняшний день выделяются городецкий, пьяноборский, пшеворо-зарубенецкий, южно-сибирский, саргатский, сарматский, кара-абызский компоненты в их сложении (Гришаков, Зубов, 2009, с. 73, 92, табл. 4). Критика усматриваемого исследователями сарматского компонента, наиболее полно раскрыта в работах Г.И. Матвеевой (Матвеева, 2003) и С.Э. Зубова (Зубов, 1999, Гришаков, Зубов, 2009; Зубов, 2011). Пьяноборский, пшеворо-зарубенецкий, южно-сибирский компоненты выделяются по отдельным категориям вещей, не позволяющим, на наш взгляд, учитывать их при решении вопросов культурогенеза. В настоящее время С.Э. Зубов и В.В. Гришаков склонны к поиску западносибирских аналогий в культуре андреевско-писеральского населения, Н.С. Мясников и Д.Г. Бугров считают, что более перспективным направлением поиска является юго-западное («позднекифское») (Мясников, Бугров, 2018; Бугров, Мясников, 2018, с. 327), а В.В. Ставицкий видит истоки данного населения в древностях кара-абызской культуры (Ставицкий, 2017). Н.С. Мясников видит сложность еще и в том, что культура пришлого населения в значительной мере потеряла свой первоначальный облик. Это положение значительно осложняется, по мнению С.Э. Зубова, наличием особой воинской субкультуры, которая выработалась в процессе военных походов, при которой этнокультурные характеристики в материальной культуре носят размытый характер, и только погребальная обрядность в какой-то мере несет в себе заряд этнокультурной принадлежности. Наличие гибридных форм (самих прототипов на памятниках мало или они еще не определены) и, судя по всему, местных своеобразных вещей уже в ранних комплексах Андреевки говорит о том, что перед нами результат смешения пришлого и местного компонентов.

Вопрос о местном компоненте также остается нерешенным. Связь с городецкими древностями остается декларативной, и, вероятно, классических городецких памятников в Нижнем Посурье

вообще не было. При этом ряд признаков является общим с волго-окским миром текстильных культур раннего железного века, в частности с дьяковской (по-видимому, посуда, ножи с горбатой спинкой, двушипные наконечники стрел). Уже упоминавшиеся выше бронзовые кольцевидные сюльгамы с пуговковидными выступами и дужкой для прохождения железной иглы распространены на значительной территории ландшафтных зон лесостепи и леса (преимущественно на южной окраине лесной зоны) с юго-запада от Окско-Донского водораздела на северо-восток до Средней Камы (Столяров, 2021, рис. 1). Несмотря на близкий к пьяноборским изделиям облик ряда изделий, в материалах памятников писеральско-андреевского типа присутствуют и своеобразные вещи: спиральные височные подвески, трубчатые подвески с ажурным расширением, бочковидные пронизи, поясные наконечники-подвески с пластинчатой обоймой, пряжки с дополнительной поперечной осью, оригинальные прямоугольные ажурные застёжки-броши. А учитывая пришлый воинский характер населения, оставившего погребальные памятники писеральско-андреевского типа, можно расценивать эти категории вещей как уже существовавшие в местной среде до прихода милитаризированных мигрантов и использованные ими. Важно также устойчивое место в костюме писеральско-андреевского населения других более широко распространенных предметов: использование зеркальных блях на ножнах мечей и кинжалов, сапожковидных подвесок в качестве поясных привесок, обилие застёжек с приостренной дужкой и с миндалевидной рамкой и отсутствие важных диагностирующих предметов пьяноборской культуры (в первую очередь, височных подвесок и керамики). Вероятны устойчивые культурные связи Посурья и Прикамья и прямое, но ограниченное присутствие «пьяноборцев» в регионе. Достоверного объяснения этому не появится, пока не будут исследованы памятники предшествующего времени.

Таким образом, на наш взгляд, особенности погребальной обрядности ранних погребений Андреевского и Староардатовского курганов, социальная стратификация и половозрастные характеристики погребений позволяют предполагать миграцию-инвазию в регион военизированной

группы инородного населения. И судя по всему, таких миграционных «военных выплесков» незначительных в количественном отношении групп чужеродного населения на территорию Западного Поволжья было несколько. Свидетельством тому являются Писеральский и Климкинский курганные могильники, расположенные примерно в 100 км к северо-востоку от Андреевского и грунтовые Пильнинские могильники, от которых до Андреевского кургана примерно те же 100 км по прямой на юг.

Следует отметить, что зачастую о причинах миграций населения мы можем только догадываться или предполагать наличие одной или нескольких причин по косвенным признакам, поскольку археологическими методами причины переселений практически не фиксируются. При этом следует учитывать закономерную фрагментарность археологических данных даже для хорошо изученных памятников, которые лишь отчасти и всегда неполно отражают культуру этноса-носителя в целом.

Будучи же в меньшинстве по отношению к коренному населению, завоеватели достаточно быстро растворялись в местной среде. Именно поэтому подобные археологические памятники, отражающие процесс первоначального завоевания и захоронения по традициям своей этнической группы, единичны (Зубов, 2011, с. 117). Хотя мы уверены, что новые памятники писеральско-андреевского типа еще ждут своего открытия и изучения.

Появление населения, оставившего погребальные памятники писеральско-андреевского типа, открыло новый период в истории региона. На данный момент наиболее разработанной является концепция И.Р. Ахмедова, И.В. Белоцерковской, В.И. Вихляева, В.В. Гришакова об участии андреевско-писеральского населения в сложении нескольких групп волжских финнов, как окских (Ахмедов, Белоцерковская, 2007, с. 135) и верхнесурских-верхнемоксанских (Вихляев, 2000, с. 61; Гришаков, 2008, с. 99), так и, по-видимому, нижнесурских. При этом видится, что процессы этногенеза населения Западного Поволжья не были столь однолинейны и имели гораздо более сложный характер.

ГЛАВА 3

ПАМЯТНИКИ ПОЗДНЕСКИФСКОГО КРУГА В СРЕДНЕМ ПОВОЛЖЬЕ

Территория Среднего Поволжья для эпохи раннего железного века традиционно рассматривается как северная окраина савроматских, а затем и сарматских владений. В последние годы при раскопках поселений на территории Самарской области выявлены материалы, связываемые со скифским кругом памятников. Основная масса их относится к I–III вв. н. э., однако некоторые материалы принадлежат более раннему времени (Васильева, Сташенков, 2006). Необходимо отметить, что еще в 1924 г. В.В. Гольмстен предполагала, что ранние поселения этой эпохи в Самарском Поволжье теоретически могут существовать: «Памятниками скифской культуры в нашем крае являются исключительно курганы; мест поселений, подобных открытым на юге России, здесь неизвестно; быть может, если наши скифы вели чисто кочевой образ жизни, таких поселений не существовало, но возможно, что они еще не обнаружены» (Гольмстен, 1924).

Вероятно, по мере накопления материалов будет выделен ранний пласт среди «скифоидной» керамики, которая встречается на поселениях Среднего Поволжья. Диагностическим признаком позднего «скифоидного» керамического комплекса здесь является наличие фрагментов горшковидных сосудов с отогнутой наружу шейкой и выраженным внутренним ребром в месте перехода от шейки к тулову, декорированных в основном пальцевыми вдавлениями по краю венчика.

Впервые комплекс подобной керамики выделен в коллекции из раскопок А.В. Збруевой в 1938 г. на Царевом кургане, расположенном у г. Самары, на левом берегу реки Волги (Збруева, Смирнов, 1939; Царев курган, 2003). Генетически этот комплекс не связан с предшествующими поволжскими культурами, и после появления новых материалов можно говорить о выделении круга памятников царевокурганского типа (Сташенков, 2005).

Фрагменты специфических раструбообразных горшковидных сосудов с пальцевыми вдавлениями и насечками по венчику и пряслица бочонковидной формы имеются в материалах памятников этого круга, выявленных на Самарской Луке и в ее ближайшей округе: Подгорского селища (рас-

копки В.Н. Мышкина), селища и городища Лбище (раскопки Г.И. Матвеевой и И.Б. Васильева), Шигонского III селища (Васильева, Сташенков, 2006), Новинковского V селища (раскопки Д.А. Сташенкова), Березовского селища (Алихова, 1960, рис. 4: 1–3; 5: 11, 14), Севрюкаевского селища (Матвеева, 2004).

Вполне вероятно, что материалы этого круга присутствуют также на поселениях Самарской Луки, исследованных разведками в 1950-е годы – городище Большая Рязань (Трубникова, 1960, с. 123, 124, рис. 1: 21, 22), поселение Уркина Гора (Трубникова, 1960, с. 124, 125, рис. 1: 17–20), поселение перед дюной Борок и Анновском поселении I (Алихова, 1960, с. 202), а также на некоторых многослойных поселениях на территории г. Самары. В настоящее время известно 9 памятников, на которых достоверно выделены материалы позднескифского круга (рис. 1). В общей сложности раскопками на них исследовано около 6000 кв. м площади.

Топография и типы поселений

Известные памятники относятся к категории неукрепленных поселений. Гипотетически к городищам можно отнести Царев курган (существуют упоминания И. Лепехина, что во второй половине XVIII в. на вершине Царева кургана имелся небольшой вал, что позволяет характеризовать памятник как городище. Однако неясно, относятся ли укрепления к первым векам нашей эры или к более раннему времени). Имеются укрепления на городище Большая Рязань (Стенькин городок), однако культурный слой на нем практически отсутствует, и, вполне возможно, возведены они были населением лбищенского круга. На самом городище Лбище находки позднескифского круга также имеются, но, скорее всего, и на этом памятнике укрепления были возведены в последующий хронологический период.

Топографически памятники делятся на четыре группы:

1. Поселение на вершине высокой отдельно стоящей горы (Царев курган), расположенной на левом берегу р. Волги у места слияния рек Волга и Сок.

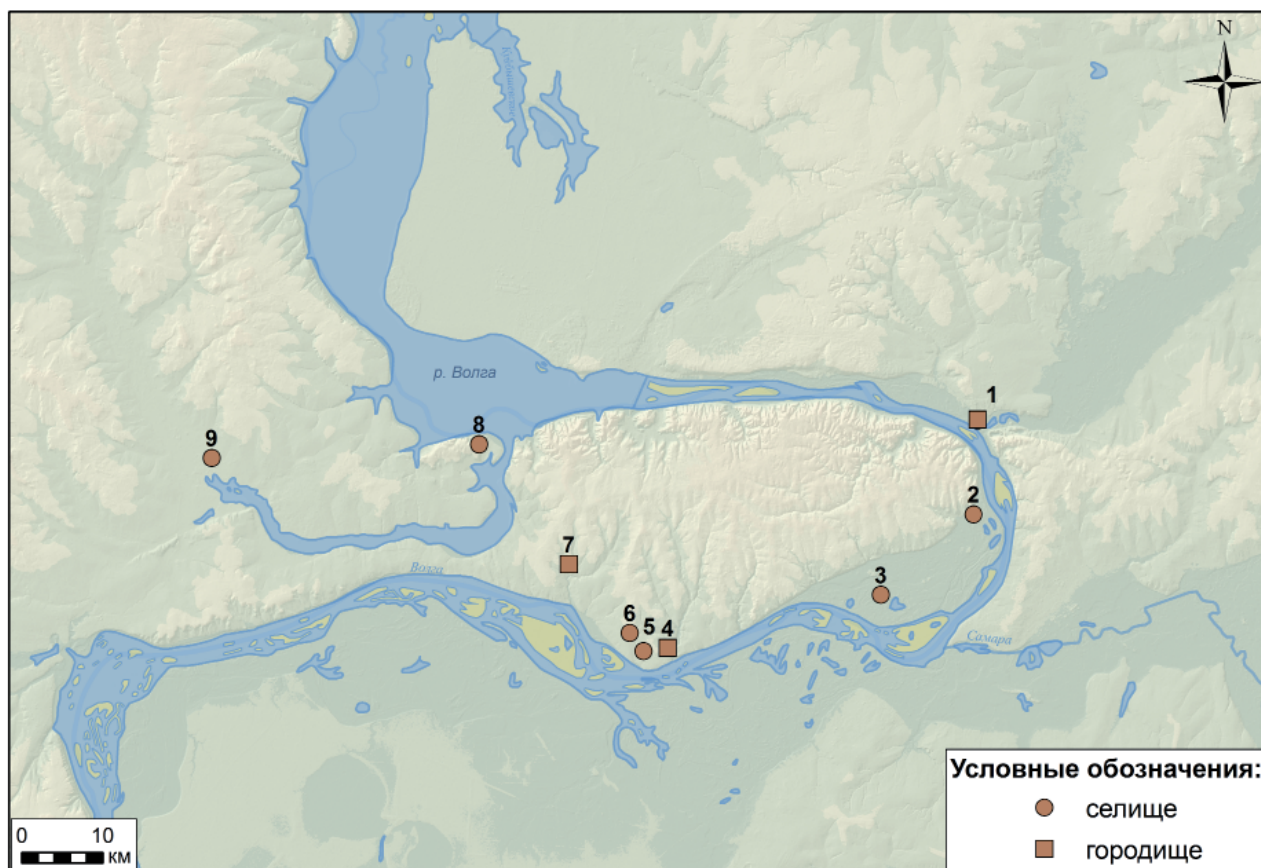

Рис. 1. Памятники скифского круга в Среднем Поволжье

1 – Царев курган; 2 – Подгорское селище; 3 – Новинковское селище; 4 – городище Лбище; 5 – Лбищенское селище; 6 – Севрюкаевское селище; 7 – городище Большая Рязань; 8 – Березовское селище; 9 – Шигонское селище

2. Поселения на краю высокой первой террасы реки Волги (селище и городище Лбище, Севрюкаевское селище).

3. Поселения на краю первой надпойменной террасы реки Усы, правого притока р. Волги (Шигонское III селище, Березовское селище).

4. Поселения на краю первой надпойменной террасы р. Волги около небольших стариц (Подгорское и Новинковское V селища).

Мощность культурного слоя на всех поселениях не превышает 10–15 см. Площадь поселений, скорее всего, была значительно меньше 1 га. Сами поселения, по всей видимости, существовали непродолжительное время.

Жилые и хозяйственные сооружения

Достоверных сведений об исследованных на памятниках сооружениях не имеется. Анализ описи коллекции из раскопок Царева кургана позволяет отметить, что основная масса индивидуальных находок из раскопа и фрагментов керамики происходит из одного участка размерами 8×4 м, в центре которого культурный слой был более мощным и там найден развал миски, а на соседнем квадрате найдены 10 миниатюрных сосудов (Збруева, 1938). Возможно, в этом районе располагалась наземная постройка.

Возможно, на Березовском селище имелись две жилые постройки первых веков н. э., однако исследованы они были лишь частично (Алихова, 1960, рис. 1). По данным А.Е. Алиховой, первая полуземлянка (жилище 4), выявленная на глубине 1,2–1,5 м от современного уровня, имела вход в виде коридора длиной 2,5 м и ширину 1 м. Против входа на расстоянии 1,7 м располагался очаг диаметром 80 см, устроенный в неглубокой яме и сложенный из камней, обмазанных глиной. Ширина постройки составила 8 м (Алихова, 1960, с. 201).

Второе частично вскрытое жилище (жилище 5), слабоуглубленное в материк, также имело ширину 8 м. В обеих постройках найдены лепные толстостенные сосуды с примесью шамота, орнаментированные пальцевыми защипами или резе насечками по краю венчика (Алихова, 1960, с. 201, рис. 4: 1–3; 5, 11, 14).

Два скопления керамики, возможно, связанные с наземным сооружением, были зафиксированы при исследовании Шигонского поселения.

Таким образом, данных для каких-либо выводов о характере домостроительства населения рассматриваемых памятников недостаточно, можно лишь предположить, что в этот период исполь-

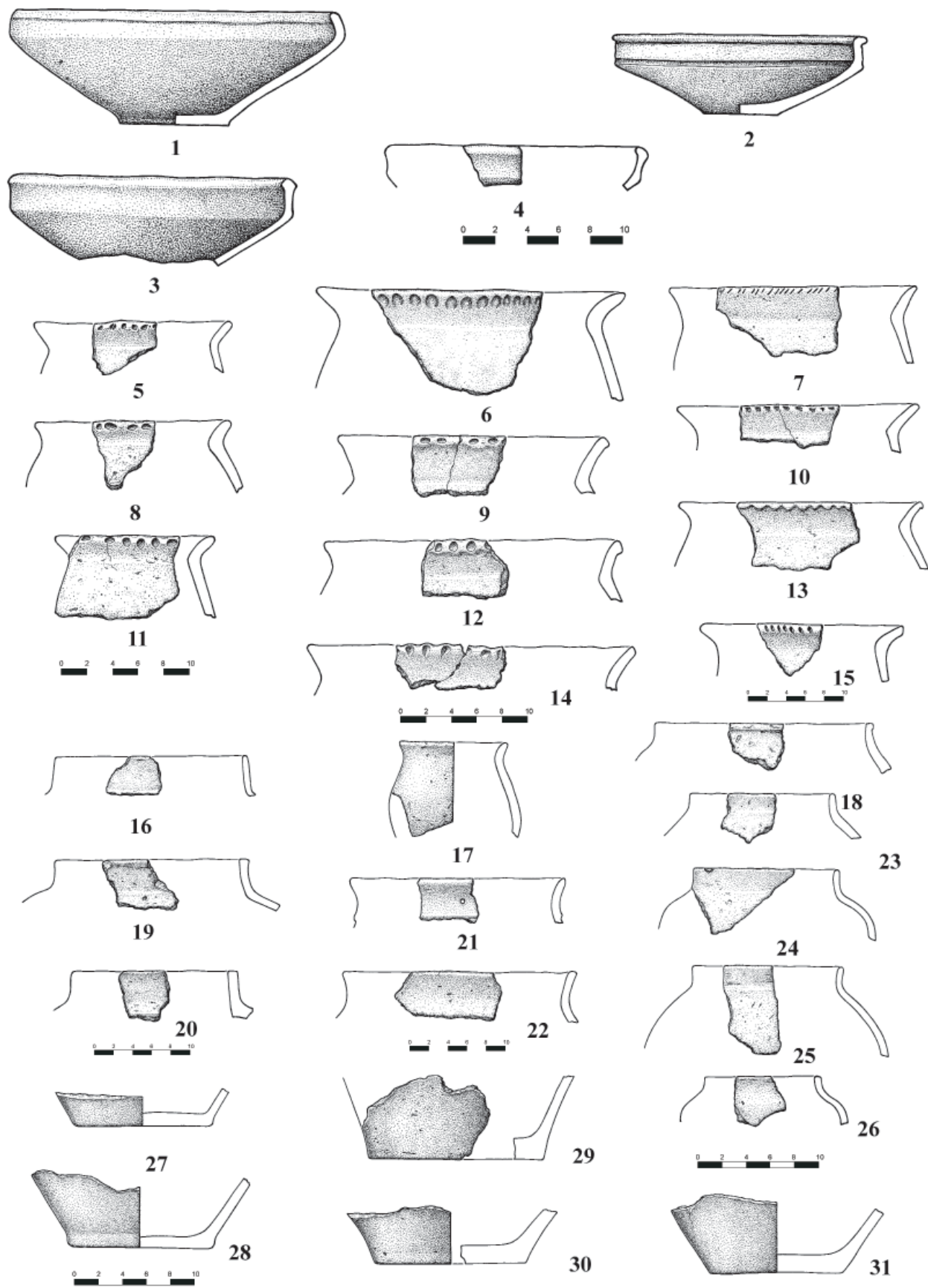

Рис. 2. Образцы керамики из поселения Царев курган

1–4 – миски; 5–15 – фрагменты верхних частей горшковидных орнаментированных сосудов; 16–26 – фрагменты верхних частей горшковидных неорнаментированных сосудов; 27–31 – фрагменты придонных частей горшковидных сосудов

зовались как полуземляночные постройки сравнительно больших размеров, так и неуглубленные в материк наземные жилища.

Погребальные и культовые комплексы

Во время земляных работ на вершине Царева кургана в 1938 г. было обнаружено несколько безы Inventарных погребений. В трех погребениях костяки лежали на спине в вытянутом положении, головами на запад и юго-запад (к Волге). Планы и фотографии погребений не сохранились. На одном из черепов прослеживаются следы искусственной деформации. Погребения, вероятно, были связаны с основным слоем поселения и могли быть совершены в первые века н. э. Остатков кремации не отмечено. Видимо, населению рассматриваемых памятников были свойственны бескурганые погребения, совершенные по обряду ингумации.

Палеозоологические материалы

Из раскопок многослойных поселений, произведенных в 1990–2000-е гг., вычленил палеозоологический комплекс первых веков н. э. не удалось. Остеологическая коллекция из Царева кургана не сохранилась, однако известно, что она изучалась в Москве и в коллекции были определены кости лошади, крупного рогатого скота, овцы, свиньи, собаки, козы, медведя и бобра (Збруева, Смирнов, 1939, с. 196). К сожалению, невозможно достоверно дифференцировать палеозоологические материалы эпохи бронзы и железного века, но, учитывая, что основная часть керамического материала и индивидуальных находок рассматриваемого памятника относится к первым векам н. э., можно с большой долей вероятности предположить, что основная часть остеологической коллекции также относится к первым векам нашей эры. На основании имеющихся сведений приходится заключить, что население, оставившее памятники царевокурганского типа, вело комплексное хозяйство, в котором наряду с придомным скотоводством определенную роль играла охота, возможно, с целью получения шкур. Вопрос о роли земледелия в жизни оседлого населения Самарского Поволжья первых веков н. э. до получения новых данных остается открытым.

Керамический комплекс

Основную часть керамического материала из памятников этой группы (около 700 фрагментов) составляет керамика из раскопок Царева кургана (более 500 единиц). Большая часть керамического материала этого памятника – фрагменты нелощенных мисок и горшков, украшенных защипами по венчику, которые уже в первой публикации А.В. Збруева отнесла к скифской эпохе. Керамика памятников фрагментирована, и для статистики использовались фрагменты верхних частей сосудов. Для 84 фрагментов удалось определить форму

сосуда (из них 77 фрагментов происходят из раскопок Царева кургана). Керамический комплекс рассматриваемых памятников содержит следующие категории: миски (рис. 2: 1–4), горшки (рис. 2: 5–31), кувшины (рис. 3: 1–8), диски (рис. 3: 9, 10), миниатюрные сосуды. Нужно отметить, что миски выделены только по материалам раскопок Царева кургана. В процентном соотношении керамические категории представлены следующим образом:

1. Горшки неорнаментированные (11 экз.) – 13,1%;
 2. Горшки орнаментированные (56 экз.) – 66,7%;
 3. Миски (14 экз.) – 16,7%;
 4. Кувшины (3 экз.) – 3,5%.
- Горшки (67 экз.).

Все фрагменты горшковидных сосудов имеют крупные и средние размеры, прямой или отогнутый наружу венчик. Диаметр верхней части устанавливается для 29 сосудов.

Малые сосуды (до 10 см) представлены одним неорнаментированным горшочком. Средних, от 10 до 15 см и от 15 до 20 см, выявлено по 5 сосудов, и крупных – диаметром более 20 см – 18 сосудов. Среди орнаментированных преобладают сосуды крупных размеров (76%), среди неорнаментированных их всего 36,4%.

Имеются как полностью неорнаментированные сосуды, так и сосуды, декорированные в основном пальцевыми вдавлениями по краю венчика. Декорированы крупные сосуды с отогнутым наружу венчиком.

Прямые шейки характерны только для неорнаментированных сосудов (среди них они составляют 72%), венчики всех без исключения орнаментированных горшков отогнуты наружу.

Диаметры днищ удалось измерить для 10 сосудов горшковидной формы. Во всех случаях они находились в пределах 10–15 см.

По типологии А.М. Обломского (Обломский, 2002), сосуды относятся к следующим группам:

Класс I. Округлобокие сосуды.

К этому классу принадлежат все без исключения горшковидные сосуды с Царева кургана и Шигонского III селища.

Тип 1 (26 экз.). Сосуды с выпуклым плечиком. К этому типу относятся все сосуды, у которых удается реконструировать форму плечика.

Вариант I.1.a (2 экз.). Шейка отогнута наружу.

Вариант I.1.б (7 экз.). Шейка прямая, вертикальная. Вся керамика этой группы не орнаментирована (рис. 2: 23–26).

Вариант I.1.в (17 экз.). Шейка прямая, отогнута наружу. В этот вариант в основном входят сосуды с конической раструбообразной верхней частью. Горшки этой группы составляют основную

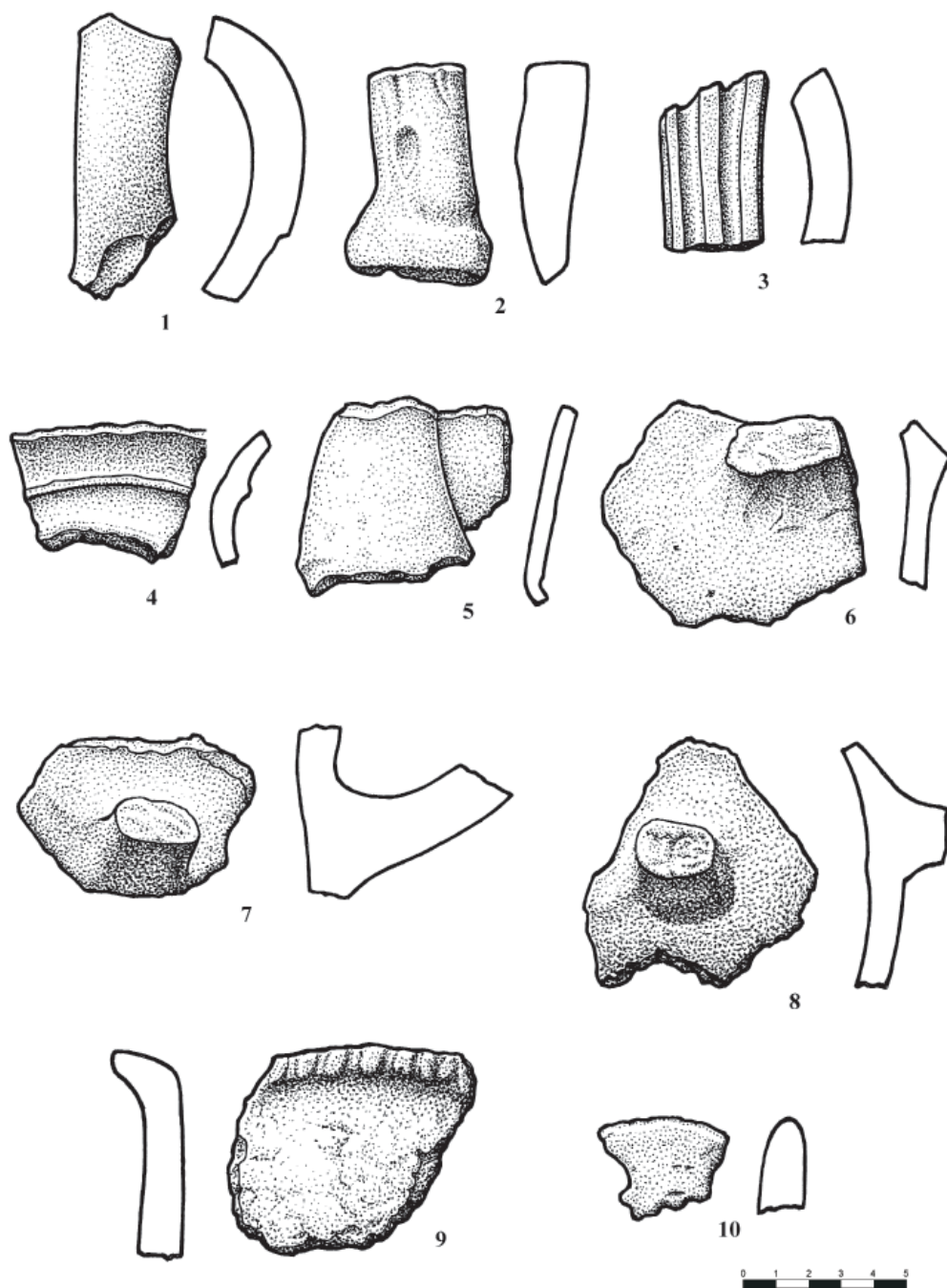

Рис. 3. Фрагменты кувшинов (1–8) и глиняных дисков (9–10) из памятников типа «поселение Царев курган»
1–4, 9–10 – Царев курган; 5–8 – Лбищенское селище

часть керамического комплекса Царева кургана (рис. 2: 5–15). К этому же варианту относятся сосуды, найденные на Шигонском III поселении (рис. 4: 1–4).

Все они орнаментированы пальцевыми вдавлениями (большая часть) или насечками по венчику. Остальная поверхность сосудов не орнаментирована. Диаметр сосудов по венчику от 13 до 26 см. Вероятно, наибольшее расширение сосудов приходится на среднюю часть. С внутренней стороны в месте перехода шейки в тулово имеется или выраженное ребро, или характерное утолщение.

По составу формовочной массы среди горшковидных сосудов выделяются четыре группы с различной традицией отбора сырья. Визуальное определение сосудов по составу формовочной массы и характеру обработки поверхности проведено автором. К.и.н. Н.П. Салугиной и к.и.н. И.Н. Васильевой (Институт истории и археологии Поволжья) были выполнены технологические определения образцов из каждой выделенной группы, за что автор приносит им благодарность.

1. Первая, самая многочисленная группа – керамика с заглаженной поверхностью желто-ко-

ричного цвета (видимо, в основном эта керамика относится к варианту I.1.в). В изломе черепок желтого цвета, иногда в средней части фиксируется серая прослойка. Черепок рыхлый. В составе формовочной массы наблюдается дробленая кальцинированная кость в концентрации 1:5–1:6, мелкий и средний шамот в концентрации 1:4, фиксируются очень мелкие органические отпечатки (возможно, навозная выжимка). В самой глине наблюдаются естественные включения бурого железняка. Толщина стенок сосудов этой группы около 1 см.

2. Вторая группа – керамика с заглаженной поверхностью коричневого цвета, также в основном относящаяся к варианту I.1.в, менее многочисленна.

В изломе черепок черного цвета, в наружном слое фиксируется коричневая прослойка. Черепок более плотный. В составе формовочной массы наблюдается дробленая кальцинированная кость в концентрации 1:4, мелкий шамот в концентрации 1:5, мелкие органические отпечатки (возможно, навозная выжимка). Не исключено, что подобная же примесь имела в шамоте. В этой группе использовалась пластичная жирная глина с включениями бурого железняка. Толщина стенок сосудов этой группы 0,7–0,8 см.

Все четыре идентифицированных сосуда с Шигонского поселения, относящиеся к этой группе, изготовлены в рамках домашнего производства без использования гончарного круга. Горшковидные сосуды с отогнутой наружу шейкой изготовлены из слабозапесоченной ожелезненной глины методом спирально-лоскутного налепа из коротких жгутов длиной 6–7 см. Сосуды заглажены мягким материалом. На внутренней и внешней поверхностях венчика и на внутренней поверхности тулова фиксировались глубокие статические отпечатки волос (шкуры). Обжиг сосудов костровой.

Сосуды Шигонского поселения незначительно отличаются друг от друга составом формовочной массы (шамот размером 2–4 мм, органический раствор (Г+Ш+ОР), в трех сосудах добавлена также дробленая кость животных (Г+К+Ш+ОР). Кость и шамот добавлены в равных долях в концентрации 1:3. Кость предварительно нагревалась, затем дробилась. Отличие имеется также в способе нанесения орнамента по внешнему краю венчика (округло-овальные пальцевые отпечатки, штампованные овальные, подпрямоугольные или узкие, слегка изогнутые насечки).

3. Третья группа сосудов – сравнительно тонкостенная (0,5–0,6 см) керамика с заглаженной поверхностью коричневого цвета – представлена единичными фрагментами (3 фр.). Черепок плот-

ный, в изломе черного цвета. В составе формовочной массы наблюдается дробленая раковина высокой концентрации, шамот отсутствует, органики больше (возможно, использовался влажный навоз). В этой группе использовалась глина с естественными примесями мелкого пылевидного песка и включениями более крупных частиц бурого железняка.

4. Четвертая группа представлена фрагментами сосудов с поверхностью темно-коричневого цвета (вероятно, типологически эта керамика относится к варианту I.1.б). Черепок плотный, в изломе черного цвета. В составе формовочной массы имеется крупный (до 14 мм) шамот, мелкие органические включения, кость и раковина отсутствуют. Толщина стенок 0,7–0,8 см. Сосуды этой группы, вероятно, представляют собой неорнаментированные горшки средних размеров, форма, характер обработки поверхности и состав формовочной массы которых близки уже к сосудам именьковской культуры, однако в них не столь заметна примесь навоза и не так явно выражена «шероховатость».

Имеется еще одна группа керамики с примесью шамота в формовочной массе и с расчесами на внутренней поверхности тулова, но эта керамика встречена только на Царевом кургане и может относиться к более раннему времени.

В целом для населения, оставившего горшковидные сосуды 1 и 2 групп, составляющих основу керамического комплекса рассмотренных памятников, характерны следующие приемы труда в гончарстве: использование ожелезненных слабозапесоченных глин – на ступени отбора исходного сырья; составление рецептов Г+К+Ш+ОР и Г+Ш+ОР – на ступени подготовки формовочных масс; применение спирально-лоскутного налепа на ступени конструирования полого тела; простое заглаживание – на ступени обработки поверхности; использование шкур животных; орнаментирование посуды посредством штампования; костровой обжиг с непродолжительным периодом каления сосудов.

Миски (14 экз.) по признаку ребристой или округлой профилировки бочка относятся к двум классам:

Класс I. Округлобокие (без выраженного ребра). Представлен единичным экземпляром лепной низкой миски диаметром около 25 см.

Тун 2. Миска со слегка отогнутой наружу шейкой и выступающим венчиком, с округлым бочком. Венчик приострен. Поверхность темно-коричневого цвета, подлощена или тщательно заглажена. Черепок плотный, в изломе серого цвета. В формовочной массе имеется примесь мелкого шамота и известковой (?) крошки.

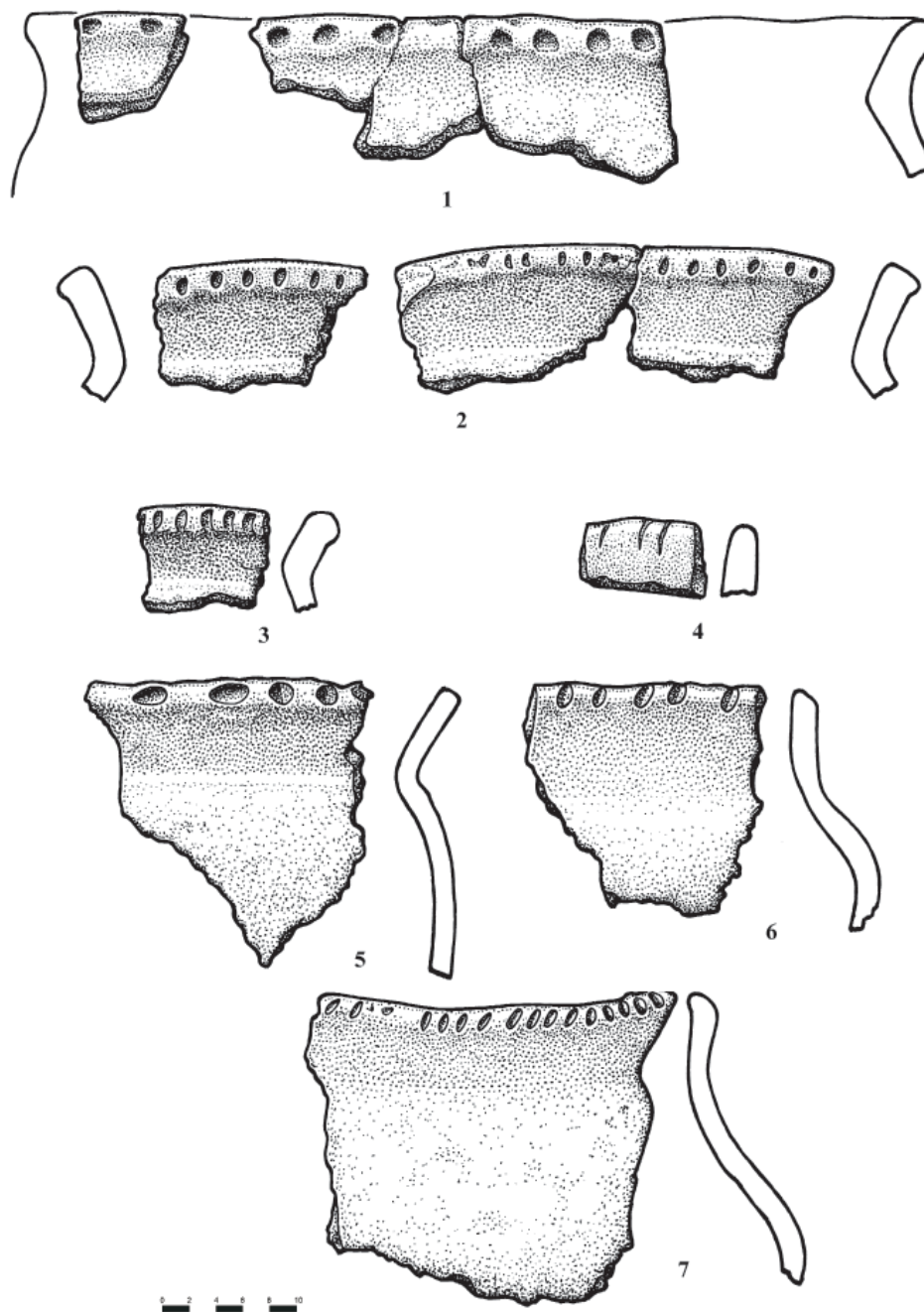

Рис. 4. Фрагменты горшковидных сосудов из памятников типа «поселение Царев курган»
1–4 – Шигонское селище; 5–7 – Березовское селище

Класс II. Миски с выраженным сглаженным ребром. К этому классу относится основная масса мисок с Царева кургана. Все они принадлежат к типу 3 – миски с невыделенной шейкой и прямой или слегка вогнутой линией верхней части. Вероятно, эти миски сделаны или подправлены на гончарном круге. В рамках типа выделяются варианты:

Вариант II.3a – с вертикальной шейкой (цилиндро-конические). К этому типу относится большинство сосудов (9 экз.).

Подварианты: II.3a.1.

Лощеные (1 экз.). Миска черного цвета, с подгранным вертикальным венчиком, с двумя прорезными желобками. Диаметр миски по венчику 22 см, у дна – 6 см, высота – 6 см (рис. 2: 2). Вся внешняя поверхность миски, включая дно, покрыта лощением. Черепок плотный, в изломе черного с внешней части и серого с внутренней части цвета. Миска изготовлена на гончарном круге, о чем свидетельствуют горизонтальные полосы на ее внутренней поверхности. В формовочной мас-

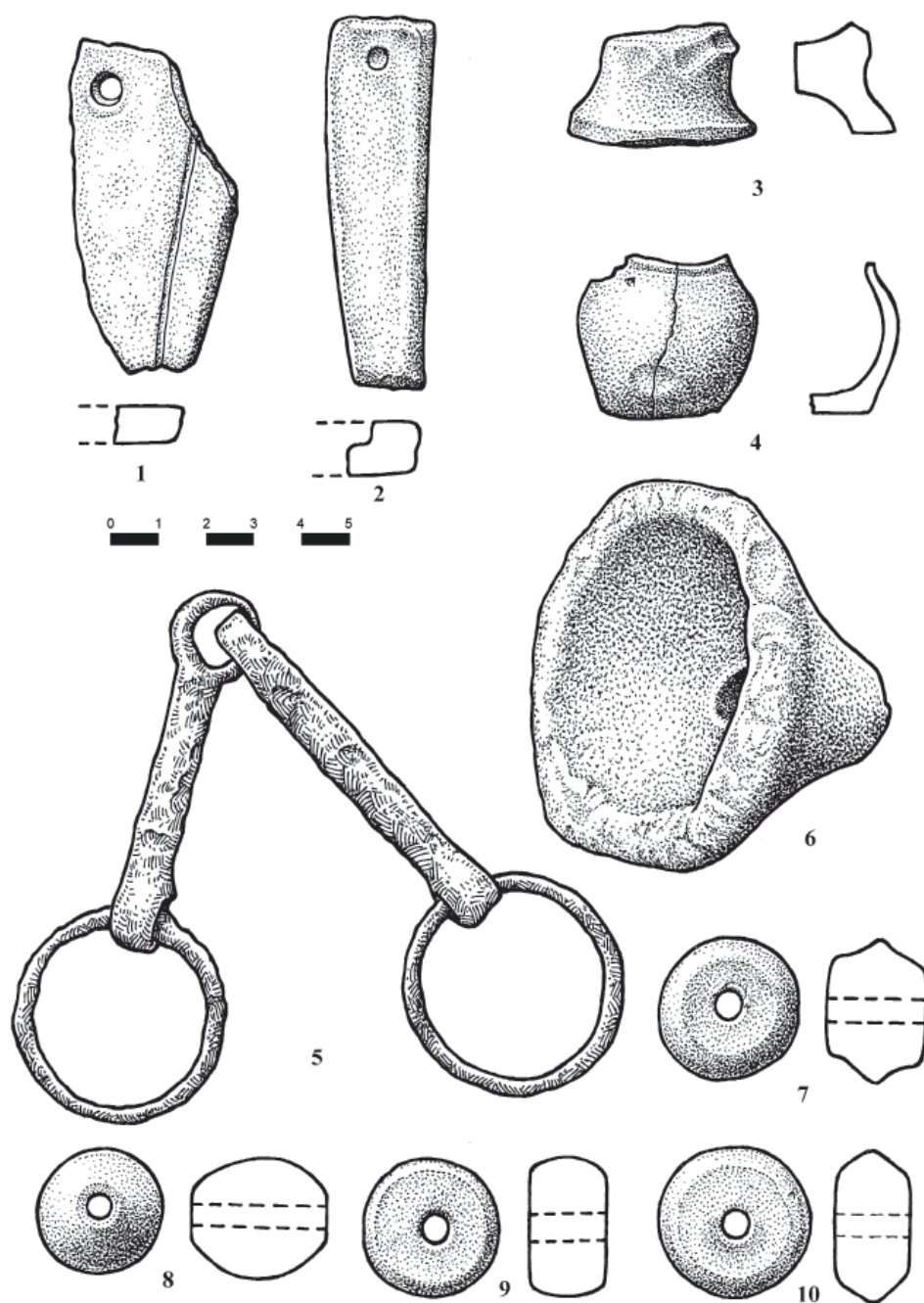

Рис. 5. Индивидуальные находки из памятников типа «поселение Царев курган»

1–2 – точильные бруски; 3 – часть кубка; 4 – миниатюрный сосуд; 5 – удила; 6 – воронка; 7–10 – пряслица. 1–4, 7–10 – Царев курган; 5–6 – поселение Уркина Гора (5–6 – рис. по: Трубникова, 1960). 1–2 – камень; 3–4, 6–10 – глина; 5 – железо

се фиксируется примесь кальцинированной кости и, вероятно, естественная примесь песка и мелкий шамот.

Необходимо отметить, что лощеная керамика не характерна для керамического комплекса памятников позднескифского круга. В коллекции из Царева кургана имеется еще только два фрагмента чернолощенных мисок (рис. 2: 4), один лощеный фрагмент шейки и один лощеный фрагмент ручки кувшина.

На других памятниках лощеная керамика не встречена.

Подвариант II.3а.2.

Миски желто-коричневого и коричневого цвета, диаметром по венчику около 25 см, тщательно заглаженные (8 экз.). Большинство фрагментов мисок имеют двугранный или одногранный венчик.

Вариант II.3б – миски со слегка загнутой вовнутрь шейкой. Крупные миски (диаметр полно-

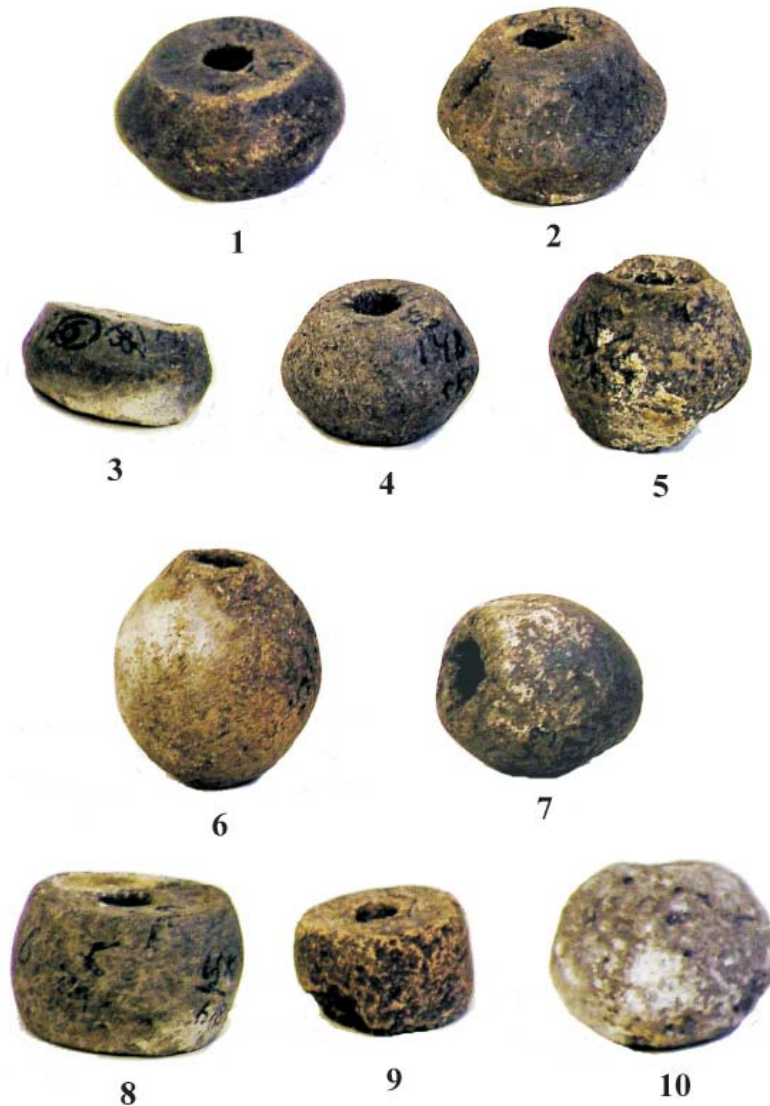

Рис. 6. Пряслица из памятников типа «поселение Царев курган»

стью реконструируемой миски по венчику 30 см, диаметр дна и высота по 9 см), желто-коричневого цвета, тщательно заглаженные (рис. 2: 1).

Вариант II.3в – с отогнутой наружу шейкой (1 экз.). Диаметр миски по венчику 23 см. Миска лепная, поверхность коричневая. Край венчика закруглен и скошен вовнутрь. Черепок в изломе трехслойный, коричневый с серой прослойкой. В составе формовочной массы прослежена дробленая в сухом состоянии глина, засоренная включениями минеральной крошки, мелкий и средний шамот в концентрации 1:5, возможно, мелкая кость в небольшой концентрации, органическая примесь в виде навозной выжимки.

Класс III. Миски «конической» формы.

Судя по отсутствию в керамическом материале памятника фрагментов дна с поддоном, все они относятся к классу I плоскодонных мисок.

Тип 1. Чашевидные, без выраженной шейки. Представлен двумя фрагментами чернолощеной

миски диаметром около 23 см, с закругленным венчиком. Венчик утолщен, бортик четко выражен. Черепок сравнительно рыхлый, в изломе серого цвета. Эта миска, вероятно, была изготовлена вручную. В керамическом тесте фиксируется примесь мелкого шамота в концентрации 1:5, значительная примесь мелкого доломита, вероятно, естественная, незначительная примесь кальцинированной кости и органика в виде навозной выжимки.

Тип 2. Чашевидная. Венчик плоский, края венчика выступают наружу. Лепная, диаметр около 22 см. В керамическом тесте визуальнo фиксируется примесь мелкого шамота, известковой крошки (?) и органики, вероятно, в жидком виде. С уверенностью отнести данную миску к поздне скифскому времени нельзя.

В отдельную группу можно выделить *миниатюрные сосуды* – в материалах из Царева кургана сохранился один экземпляр тонкостенного бочон-

ковидного сосудика-горшочка (рис. 5: 4). Наибольший диаметр сосуда и его высота – 4 см. Судя по характеру обработки поверхности, он может быть отнесен к керамике четвертой технологической группы. В полевом дневнике отмечено, что на одном из квадратов было встречено 10 подобных сосудов, на другом квадрате было выявлено еще одно скопление миниатюрных сосудов.

Кувшины (5 экз.) представлены на двух памятниках – Царевом кургане и Лбищенском селище. Реконструировать форму сосудов не представляется возможным. Имеется фрагмент горловины чернолощеного сосуда диаметром около 14 см с валиком, фрагмент ручки от этого (?) кувшина с тремя каннелюрами (рис. 3: 3, 4), два фрагмента ручек от сосудов, поверхность которых имеет желто-коричневый цвет, с Царева кургана (рис. 3: 1, 2), а также фрагменты стенок с остатками ручек с Лбищенского селища (рис. 3: 6–8).

Глиняные диски – в материалах из Царева кургана имеется два фрагмента разных дисков-сковород с невысоким бортиком, орнаментированным насечками или пальцевыми вдавлениями по краю (рис. 3: 9). На других памятниках глиняные диски не обнаружены.

Возможно, на памятниках типа «поселение Царев курган» были и глиняные крышки, подобные широко известным в материалах культур первых веков н. э. (Дашевская, 1991, табл. 14: 1). Фрагмент глиняного предмета из Царева кургана мог быть частью (ручкой) такой крышки или же фрагментом кубка (рис. 5: 3).

Имеется в материалах Царева кургана и фрагмент небольшого глиняного диска (ритуальный хлебец?) (рис. 3: 10). Аналогии ему имеются в материалах городищ Саратовского Поволжья первых веков н. э., причем подобные предметы появляются там еще на памятниках городищ культуры (Чардымское городище, раскопки П. Рыкова, 1930 г. – экспозиция Саратовского областного краеведческого музея).

Вещевой комплекс

Индивидуальные находки представлены пряслицами, найденными на Царевом кургане, Новинковском V и Подгорском селищах.

Пряслица (12 экз.) нескольких типов – биконические, бочонковидные, уплощенные цилиндрические.

Тип 1. Биконические (6 экз., рис. 5: 7, 10; 6: 1–5). Пряслица достаточно крупные (диаметр их 29–34,5 мм), высокие (15–26 мм), отверстие небольшое (6,7–7,5 мм). Пропорции пряслиц: отношение высоты к диаметру пряслица – 0,51–0,87; отношение диаметра отверстия к диаметру пряслица – 0,22–0,25.

Тип 2. Уплощенно-цилиндрические (3 экз., рис. 5: 9; 6: 6, 7). Диаметр пряслиц 25,2–32,8 мм, диаметр отверстия – 6–7,5 мм, высота 13,7–20 мм. Пропорции пряслиц: отношение высоты к диаметру пряслица – 0,51–0,63; отношение диаметра отверстия к диаметру пряслица – 0,23–0,26.

Тип 3. Бочонковидные (2 экз., рис. 5: 8; 6: 8–10). Диаметр пряслиц 25–29 мм, диаметр отверстия 6,3–7,4 мм, высота 26,9–32,5 мм. Пропорции пряслиц: отношение высоты к диаметру пряслица – 1,08–1,12; отношение диаметра отверстия к диаметру пряслица – 0,22–0,3.

Точильные бруски (2 экз., рис. 5: 1, 2), найденные на Царевом кургане, имеют намеченные, но не просверленные до конца отверстия для подвешивания. Подобные оселки являются частой находкой на позднескифских памятниках Крыма (Дашевская, 1991, табл. 59: 16–19), в позднесарматских захоронениях Нижнего Подонья (Ильюков, 2000, рис. 24: 7).

Датировка и культурная принадлежность памятников царевокурганской группы

Горшковидные сосуды с отогнутой наружу шейкой, декорированные в основном пальцевыми вдавлениями по краю венчика, известны на «скифоидных» и «сарматоидных» поселенческих памятниках в Воронежской области и других культурно и хронологически близких им памятниках верхнего Подонья (Медведев, 1998; 2000, рис. 6: 1–10). Известны подобные сосуды, как декорированные вдавлениями по венчику, так и не орнаментированные, в позднесарматских погребениях Кировского I курганного могильника на Нижнем Дону, датирующихся II – первой пол. III в. н. э. (Ильюков, 2000, с. 111, рис. 11: 5, 6). Там же находят немногочисленные аналогии практически все типы рассмотренных мисок (Ильюков, 2000, рис. 13: 1; 14: 6; 24: 1).

Стоит отметить, что в целом миски нехарактерны для сарматов, и, по мнению А.С. Скрипкина, «появление этой глиняной посуды у сарматов Волго-донских степей обусловлено широким изготовлением ее в ремесленно-земледельческих центрах Северного Причерноморья, в первую очередь, в меотских поселениях Кубани и в среде меотосарматского населения Нижнего Дона. В составе глиняной посуды сарматов миски относятся к изделиям неместного производства, они поступали в степи в результате тесных экономических и политических связей сарматов с указанными районами» (Скрипкин, 1990, с. 53). Интересно, что в своей публикации, посвященной хронологии и культурно-типологической позиции Кировских погребений, Ю.К. Гугуев, обращаясь к материалам позднескифских и сарматских памятников,

говорит о том, что аналогии подобным мискам ему неизвестны. Сам комплекс, в котором найдена аналогичная царевокурганским миска, датируется им в пределах сер. II – сер. III в. н. э. (Гугуев, 2000, с. 145).

Ближкие к царевокурганским миски типа П 4 с короткой вертикальной верхней частью (цилиндро-конические) в киевской культуре, по мнению Р.В. Терпиловского и Н.С. Абашиной, восходят непосредственно к зарубинецким прототипам. Они считают, что подобные изделия наиболее типичны для памятников I–II вв. Верхнего Подесенья типа Почепа, однако встречаются в поздnezарубинецких памятниках и на других территориях (Терпиловский, Абашина, 1992, с. 57, 58).

Пряслица типа 3 аналогичны пряслицам типа 1 по классификации В.М. Косяненко из некрополя Кобякова городища на Нижнем Дону, где они появляются во второй пол. I в. н. э. и существуют до середины III в. н. э. (Косяненко, 2000, с. 272). Бочковидные, высокие биконические и уплощенно-цилиндрические пряслица (типы 1–3) известны в материалах раннего горизонта Чертовицкого III городища на Верхнем Дону (Медведев, 2000, рис. 4: 5; 7: 4, 5; 10: 11–15). Следует отметить, что преобладание среди пряслиц изделий биконической формы – черта, свойственная не столько сарматским и позднескифским памятникам, сколько культурам круга полей погребений. Единственное известное мне исключение – набор пряслиц Подгоренского городища в Липецкой области, где преобладают высокие биконические пряслица (Медведев, 1996, рис. 3: 5–10). Но этот памятник своеобразен, вероятно, хронологически более поздний, и стоит заметить, что в его материалах, в отличие от других верхнедонских городищ, имеется группа горшковидных сосудов с примесью крупного шамота в тесте, придающего поверхности сосудов специфичный бугристый характер. Возможно, эта группа близка 4 технологической группе горшковидной керамики Царева кургана. Сооружение и функционирование Подгоренского городища А.П. Медведев относит ко времени не ранее конца II – середины III в. н. э. (Медведев, 1996, с. 120).

Ближайшие аналогии материалам памятников царевокурганского типа имеются в комплексах Алексеевского городища в Саратовском Поволжье. В материалах этого памятника встречены близкий царевокурганскому набор пряслиц, характерный набор орнаментированной вдавливании и защипами по венчику горшковидной посуды с выраженным внутренним ребром, миски и миниатюрные сосуды (Юдин, 2001, рис. 11–12; 16).

На основании имеющегося материала представляется возможным датировать памятники

царевокурганского типа второй пол. I–III вв. н. э., хотя некоторые формы керамики могут встречаться и в более раннее время. Вероятно, памятники Самарского Поволжья типа «поселение Царев курган» оставлены особой группой оседлого населения, генетически не связанного с предшествующими поволжскими культурами. Это население было родственным населению, оставившему памятники позднескифского круга в Нижнем Подонье и Саратовском Поволжье. Примечательно, что еще в первой публикации А.В. Збруева сопоставила царевокурганские находки именно с материалами скифских поселений, правда, более раннего времени (Збруева, Смирнов, 1939, с. 197).

В поселенческом материале раннескифского времени северного (харьковского) круга находила аналогии ранним керамическим материалам из Березовского поселения и А.Е. Алихова (Алихова, 1960, с. 201).

Пока не выяснено, как связаны рассматриваемые памятники с хронологически следующими за ними поволжскими памятниками, в том числе с памятниками именьковской культуры. Можно только констатировать, что еще неизвестны комплексы IV–VII вв., в материалах которых в массовом количестве представлены находки царевокурганского круга.

Тем не менее отдельные традиции, зафиксированные на памятниках царевокурганского типа (орнаментация части венчиков горшков пальцевыми защипами, наличие керамики с примесью дробленой кости, специфическая обработка поверхности сосудов, эпизодическое использование нелощеных кувшинов и т. д.), находят параллели в материальной культуре памятников киевского круга Самарского лесостепного Поволжья (селища Сиделькинское II, Крепость Кондурча II), что может свидетельствовать в пользу того предположения, что часть «позднескифского» населения приняла участие в генезисе раннесредневековых земледельческих культур в Среднем Поволжье в качестве одного из многих компонентов. Возможна также синхронизация позднего горизонта скифоидных памятников и ранних слоев памятников киевского круга Самарского Поволжья. Это подтверждается случайной находкой в 2006 г. в районе Севрюкаевского поселения, где выявлены материалы царевокурганского типа, бронзовой римской монеты Валериана I (253–260 г. н. э.).

В связи с тем, что пока не изучены ни домостроительные традиции, ни погребальный обряд населения, оставившего памятники позднескифского (или царевокурганского) круга в Самарском Поволжье, определяющим для выделения памятников этого типа является присутствие в материале следующих признаков:

1. Пряслиц бочонковидной и уплощенно-цилиндрической формы, а также неорнаментированных биконических пряслиц высоких пропорций с очень маленьким отверстием.

2. Наличие мисок остросереберных форм, в том числе лощеных.

3. Преобладание в керамическом материале крупных (с диаметром венчика более 20 см) сосудов горшковидной формы с раструбообразным

расширением, орнаментированных по венчику пальцевыми вдавлениями или специальным штампом.

4. Наличие в формовочной массе значительной части сосудов примеси дробленой кости или раковины.

Несомненно, комплексы царвокурганского типа будут выявлены и в других районах Среднего Поволжья при последующих исследованиях.

РАННИЙ ЖЕЛЕЗНЫЙ ВЕК

РАЗДЕЛ II

КУЛЬТУРЫ ЛЕСНОЙ И ЛЕСОСТЕПНОЙ ЗОНЫ ВОЛГО-УРАЛЬЯ

Глава 1

Кара-абызская культура II в. до н. э. – IV в. н. э.

Глава 2

Пьяноборская культурно-историческая общность

Глава 3

**Поселенческие памятники
пьяноборской культурно-исторической общности**

Глава 4

**Могильники Среднего и Нижнего Прикамья
пьяноборской культурно-исторической общности**

Глава 5

**Кипчаковский комплекс памятников
пьяноборской культурно-исторической общности**

Глава 6

Бассейн р. Вятки на рубеже эр

Глава 7

**Памятники гляденовской культурно-исторической общности
на территории Прикамья**

Глава 8

**Памятники гляденовской культурно-исторической общности
на территории ЕСВ**

Глава 9

**Антропология населения лесной и лесостепной зоны
Волго-Уралья II в. до н. э. – II в. н. э.**

ГЛАВА 1

КАРА-АБЫЗСКАЯ КУЛЬТУРА В III В. ДО Н. Э. – II В. Н. Э.¹

История изучения рассмотрена в главе, посвященной раннему этапу кара-абызской культуры.

Генезис культуры

В III–II вв. до н. э. кара-абызская культура продолжает развиваться под влиянием носителей гафурийского типа. Гафурийская керамика постепенно трансформируется в убаларский тип, а кара-абызскую керамику сменяют неорнаментированные сосуды с примесью песка с раковиной или только с песком. В это время и вплоть до рубежа эр еще функционируют памятники, расположенные в Гафурийском районе Республики Башкортостан (Воскресенское городище, селище Курмантау и др.). В Гафурийском районе (городище Курмантау и металлургическая площадка Курмантау-8/9) уменьшается доля степных пространств, увеличивается синантропная растительность. Увеличение этих растений фиксируется и на Биктимировском и Акбердинском II городище при уменьшении доли древесной растительности. Это связано с пиком аридизации климата (Овсянников, Савельев, 2019, с. 201) в лесостепной зоне.

Со II в. до н. э. связано окончательное появление на всем ареале расселения носителей кара-абызской культуры керамики убаларского типа. Вероятнее всего, носители убаларского типа керамики пришли в Иглинский район РБ (Охлебининский и Шиповский грунтовый могильники) в это время из опустевших памятников Гафурийского района РБ с уже сформировавшимися убаларскими традициями. Это привело к резкому демографическому взрыву и увеличению количества погребений во II в. до н. э. – II в. н. э. Во II в. до н. э. южноуральские степи практически пустеют, а лесостепная зона интенсивно осваивается носителями кара-абызской и родственной им пьяноборской культур. Во II в. до н. э. – II в. н. э. функционируют Охлебининский, Шиповский грунтовый, Ново-Уфимский могильники, городища и селища, расположенные рядом с этими некрополями.

Область расселения (рис. 1). Соответствует территории, указанной главе 7, за тем небольшим

исключением, что ареал обитания носителей кара-абызской культуры со II в. до н. э. сдвигается на север.

Поселения

К III–II вв. до н. э. относятся городища Кара-Абыз, Касьяновское, Камышинка-1, Акбердино-1, Акбердино-2, Акбердино-4, Табынское (рис. 3: Д), Воскресенское (Табынск-2) (рис. 3: Г), Шиповское, Охлебининское-1 (рис. 3: З), Бирское, Охлебининское-2, Охлебининское-3, Биктимировское (рис. 3: З), Уфа-IV, Тра-Тау, селища Курман-Тау (рис. 3: 5), Ивано-Казанское-1, Ивано-Казанское-2, Черниковское, Ново-Александровское, Чайка-2, Дежневское, Магаш, Убалар, Юлуково-2, Зинино-1, Табынск-6, Новые Турбаслы-7. Продолжает функционировать металлургическая площадка Курмантау-8/9 (рис. 3: 1). Все поселенческие памятники этого периода продолжают функционировать с предыдущего (IV–III вв. до н. э.) периода. Памятники концентрируются отдельными лакунами на территории Уфимского полуострова, в Гафурийском, Бирском и Иглинском районах Республики Башкортостан.

К II–I вв. до н. э. относятся городища Кара-Абыз, Биктимировское (рис. 3: З), Акбердино-1, Акбердино-2, Шиповское (рис. 3: 8), Малый Колпак (Жилинское) (рис. 3: 6), Охлебининское-1, Охлебининское-3, Уфа-IV, Биктимировское (рис. 3: З), селища Зинино-1, Магаш, Убалар, Юлуково-2, Табынск-6, Блохино-1, Багарамыж-1, Ивано-Казанское-2, Чайка-2, Ново-Александровское, Зинино-1, поселение Акбердино-4.

Структура расселения в это время, по мнению В.В. Овсянникова (Овсянников, 2009а, б), выглядит следующим образом: в каждой территориальной группе имеется поселение-зимник с укреплениями и без (Шиповское (рис. 3: 8), Кара-Абыз, Охлебининское-2, Уфимское (Чертово) (рис. 3: 9), Бирское городища). Все могильники расположены возле таких зимников. Имелись городища-убежища с незначительным культурным слоем (Михайловское, Охлебининско-3). А летом население перемещалось в летники (это в основном селища

¹ Автор выражает благодарность Н.С. Савельеву, В.В. Овсянникову, Ю.А. Морозову, М.В. Стародубцеву, И.И. Дремову за возможность использования информации по неопубликованным материалам кара-абызской культуры.

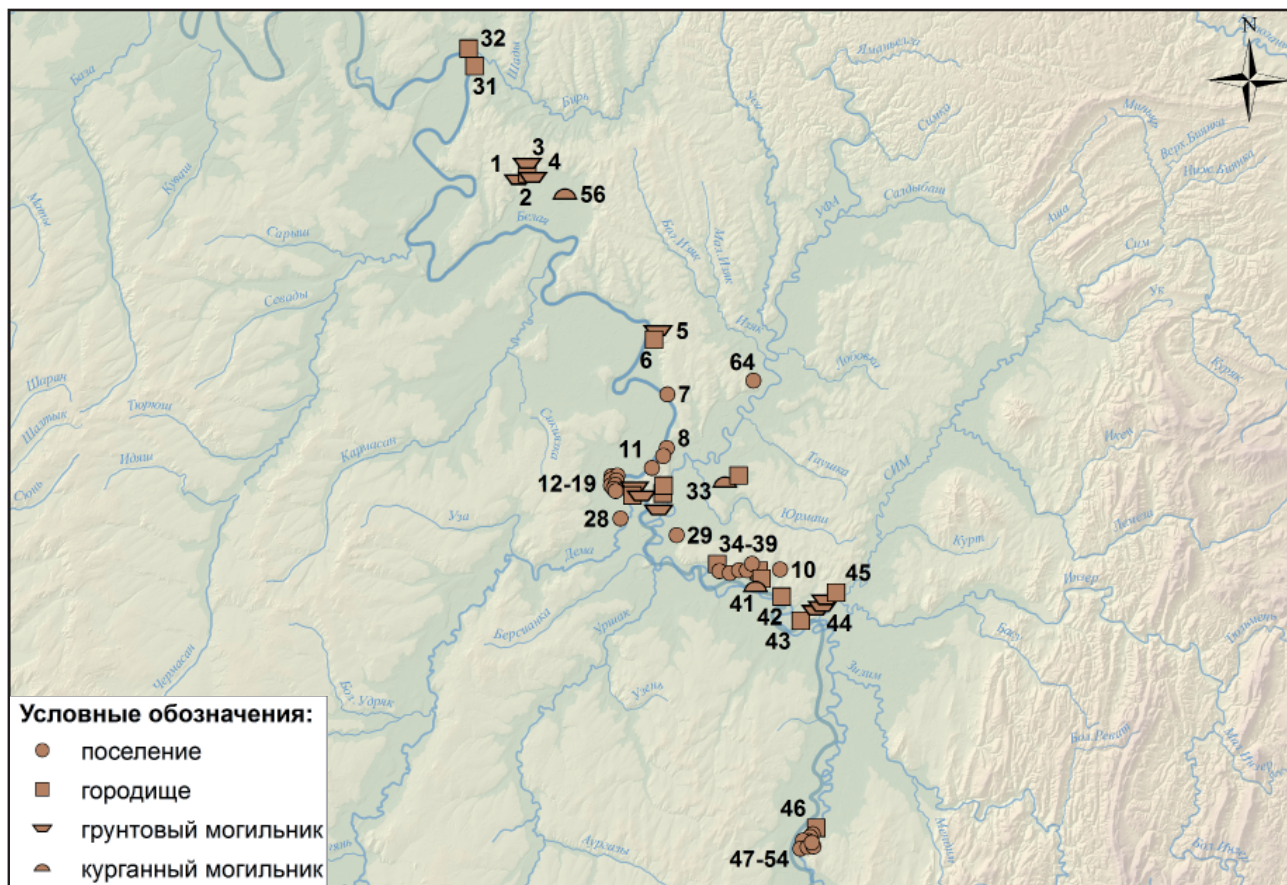

Рис. 1. Памятники кара-абызской культуры в III в. до н. э. – II в. н. э.

возле воды на низких террасах – Блохинское, Миловские селища) (Овсянников, 2009, с. 241, 242).

Памятники расположены на мысовидных выступах коренной террасы правого берега р. Белой (Акбердино-2, Мончазы-1, Камышинка-2, Воронки, Ново-Александровское селище, Тра-Тау). На многослойном городище Кара-Абыз имеется несколько разновременных насыпей. Насыпь IV–II вв. до н. э. сооружалась из известняковых плит и обломков различного размера. Позже этот вал был покрыт растительностью в какой-то период его существования, а затем обмазан глиной и подсыпан землей (Шмидт, 1929, с. 6). Воскресенское городище и селище Курмантау, которые начинают функционировать еще с IV в. до н. э., расположены на отдельных высоких возвышенностях (гривы отрогов Уральских гор) правого берега р. Белой – горе Воскресенской и Курмантау (высотой около 200 м над окружающей местностью). Воскресенское городище состоит также из нескольких валов, но датировка их не определена. Памятник открыт в 20-х гг. XX в. краеведом М.И. Касьяновым (Археологическая..., 1976, с. 147, № 1258; Археологические..., 1996, с. 164, № 207), исследован Г.В. Юсуповым и А.Х. Пшеничнюком. Насыщенность и толщина культурного слоя на памятнике различны. В центре толщина

составляет 20–30 см, на склонах – 50–75 см. В слое были обнаружены зольные включения, большое количество расколотых костей животных и фрагментов керамики кара-абызской культуры с примесью раковины в тесте, орнаментированных ямками и гребенчатым штампом. Значительно количество посуды позднеананьинского и гафурийского типов. Из вещей найдены костяные изделия для обработки кожи, каменные молоточки ритуального назначения, бронзовая литая бляха в форме головы льва (Пшеничнюк, 1983а, с. 81–89).

В 2017 г. М.В. Стародубцевым рядом с Воскресенской горой открыто новое селище Табынск-6 протяженностью более 2 км. Памятник расположен на коренной террасе и вытянут вдоль высохшего и местами заболоченного древнего ручья. Ширина – от 80 до 100 м. В шурфах найдены стенки (34 ед.), венчики (3 ед.) и днище (1 ед.) лепных сосудов с примесью дресвы и песка в тесте убаларского типа, глиняная обмазка (34 ед.), зубы животного (7 ед.), развал костей животного (34 ед.). Один фрагмент сосуда – стенка орнаментирована косыми ногтевыми вдавлениями. По керамическому материалу объект датируется IV–II вв. до н. э. (Стародубцев, 2017, с. 74, 75).

Самым крупным памятником со следами металлообработки является селище Курмантау

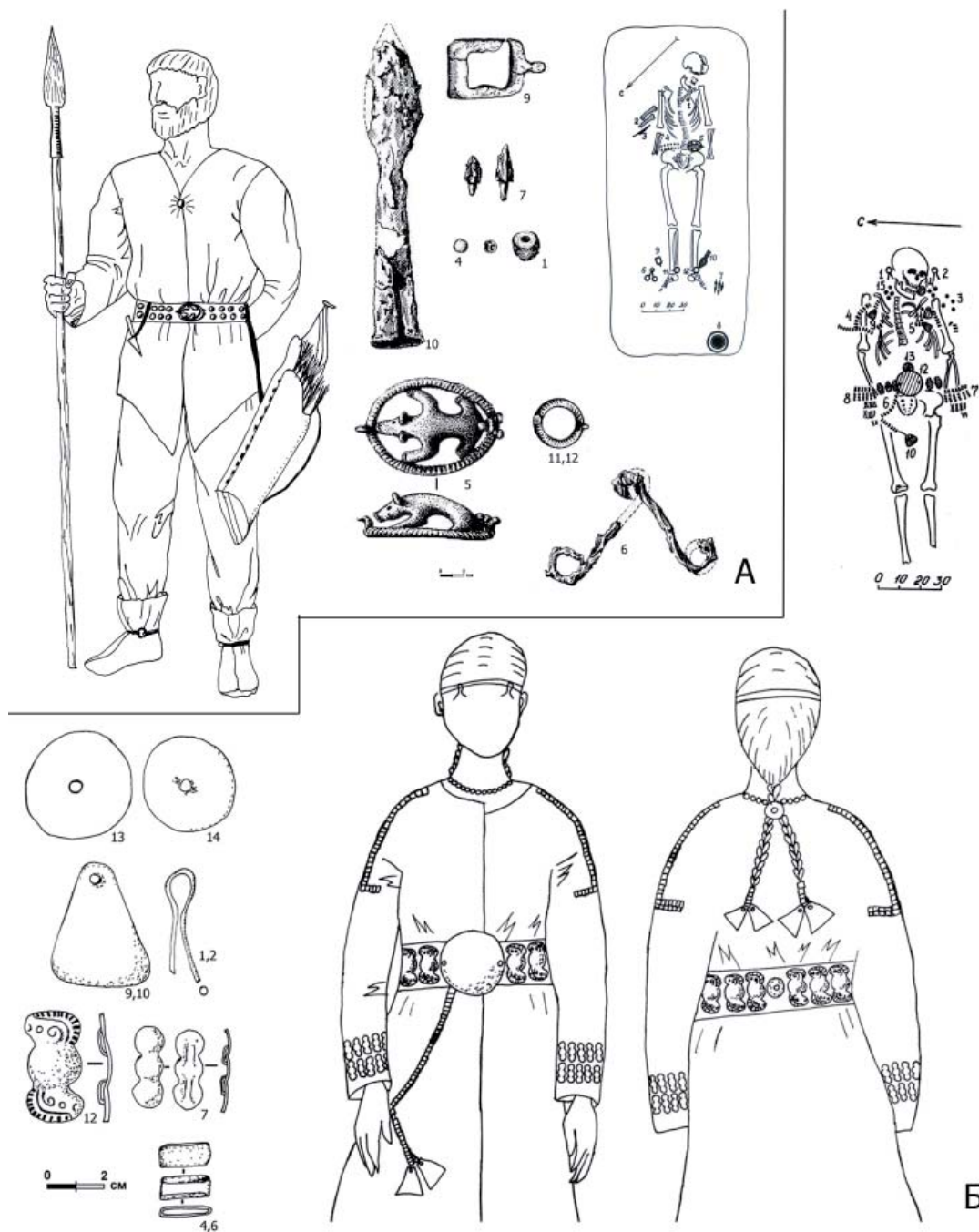

Рис. 2. Гипотетические реконструкции мужского (А) и женского (Б) костюмов носителей кара-абызской культуры II в. до н. э. – II в. н. э.: А – Охлебининский мог., п. 173/80–82; Б – Охлебининский мог., п. 452/80–82.

А: 6, 7, 10 – железо; А: 4, 5, 11, 12; Б: 1, 2, 4, 6, 7, 9, 10, 13, 14 – бронза; А1 – стекло

(рис. 3, 5; 6: Д, 13–24, 26–31), расположенное в Гафурийском районе РБ. Открыто в 1928 г. краеведом М.И. Касяновым и было названо им «Курмантау Верхнее» (Археологическая..., 1976, с. 146, 147, № 1250; Археологические..., 1996, с. 161, 162, № 204). В 1953–1955 гг. селище исследовалось Г.В. Юсуповым (Юсупов, 1956, с. 86–88; 1959, с. 58–64). Г.В. Юсупов зафиксировал на возвышенности зольник, идущий по краю центральной площадки, а с помощью разведочных шурфов он определил границу распространения культур-

ного слоя. В 1979 г. А.Х. Пшеничнюком на селище заложен один раскоп (Пшеничнюк, 1983, с. 78–81). В разные годы исследовано 792 м². Раскопки А.Х. Пшеничнюка на селище показали, что по краям площадки имеется мощный зольник. Культурный слой достигает толщины 50–60 см, богат насыщен расколотыми костями животных и фрагментами лепной керамики кара-абызской, ананьинской культур и гафурийского типа эпохи раннего железа. Выявлены остатки трех очагов наземных жилищ. Из вещевого материала

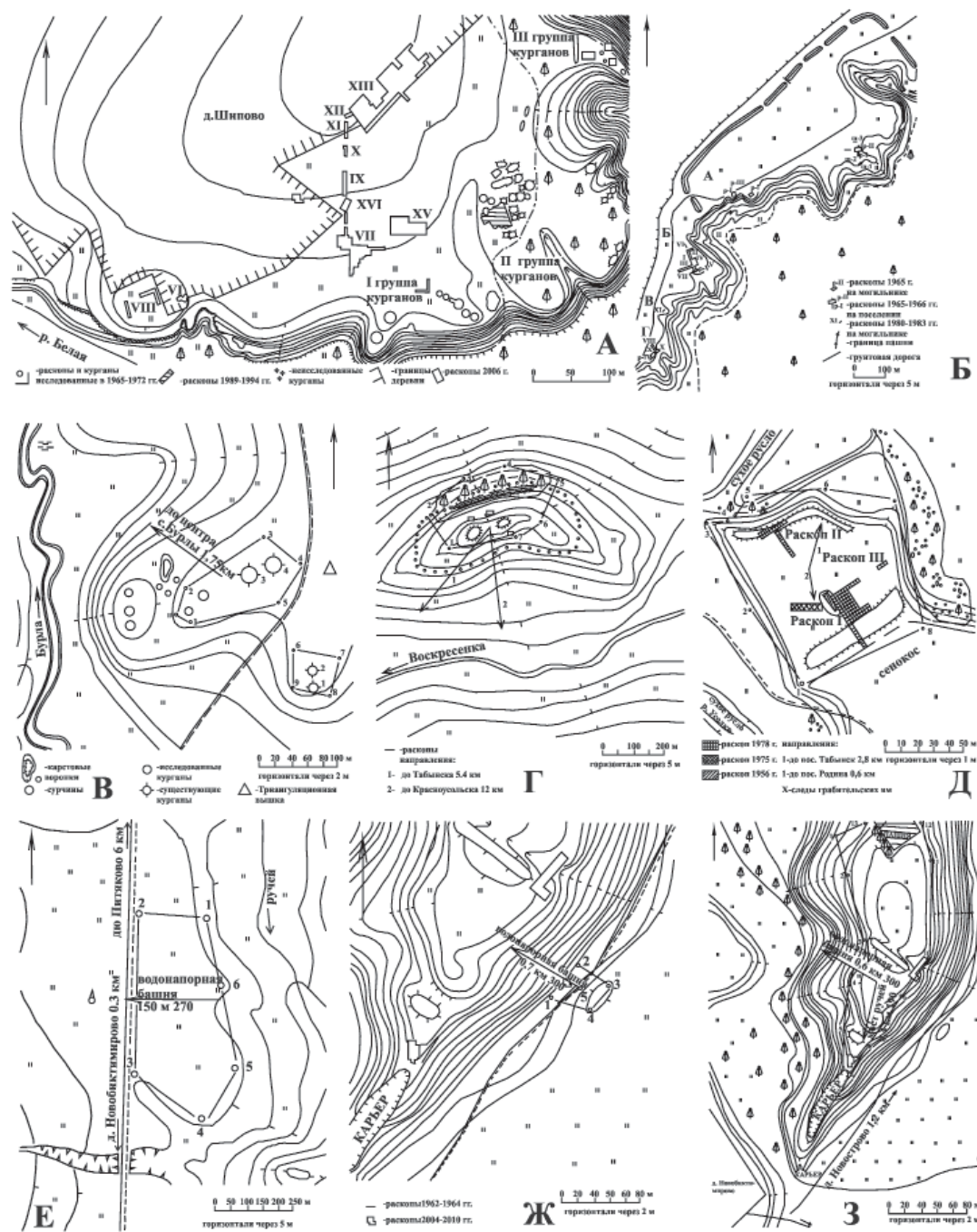

Рис. 3. Топографические планы поселений и могильников кара-абызской культуры III в. до н. э. – II вв. н. э.

А – Шиповский могильник (по: Овсянников и др., 2007, с. 87, рис. А); Б – Охлебининский могильник (А.Х. Пшеничнюк); В – Бурлы-1, курганный могильник (по: Каюмов, 2011, с. 48, рис. 5); Г – Табынское-2, городище (Воскресенское городище) (по: Каюмов, 2011, с. 52, рис. 11); Д – Табынское-1, городище (по: Каюмов, 2011, с. 66, рис. 34); Е – Биктимирово-1 грунтовый могильник (Биктимировский I могильник) (по: Овсянников, Каюмов, 2011, с. 43, рис. 5); Ж – Биктимирово-2 грунтовый могильник (Биктимировский II могильник) (по: Овсянников, Каюмов, 2011, с. 48, рис. 5); З – Биктимирово-4 городище (Биктимировское городище) (по: Овсянников, Каюмов, 2011, с. 43, рис. 5)

найденно много костяных изделий для обработки кожи, глиняных пряслиц, бронзовых наконечников стрел, по которым памятник датируется IV–III вв. до н. э. (Археологические..., 1976, с. 162, № 204; Пшеничнюк, 1983, с. 81). Кроме материалов, полученных в ходе раскопок, известны единичные находки, происходящие с селища Кур-

мантау: бронзовые наконечники стрел, костяной гарпун, костяной наконечник стрелы (Юсупов, 1956, с. 88; 1959, с. 60, табл. 1; НМ РБ. ОФ 4564), изделия в зверином стиле (Овсянников, 2009, с. 237, рис. 80). В фондах Национального музея Республики Башкортостан хранится коллекция бронзовых и железных предметов (455 ед. хр.),

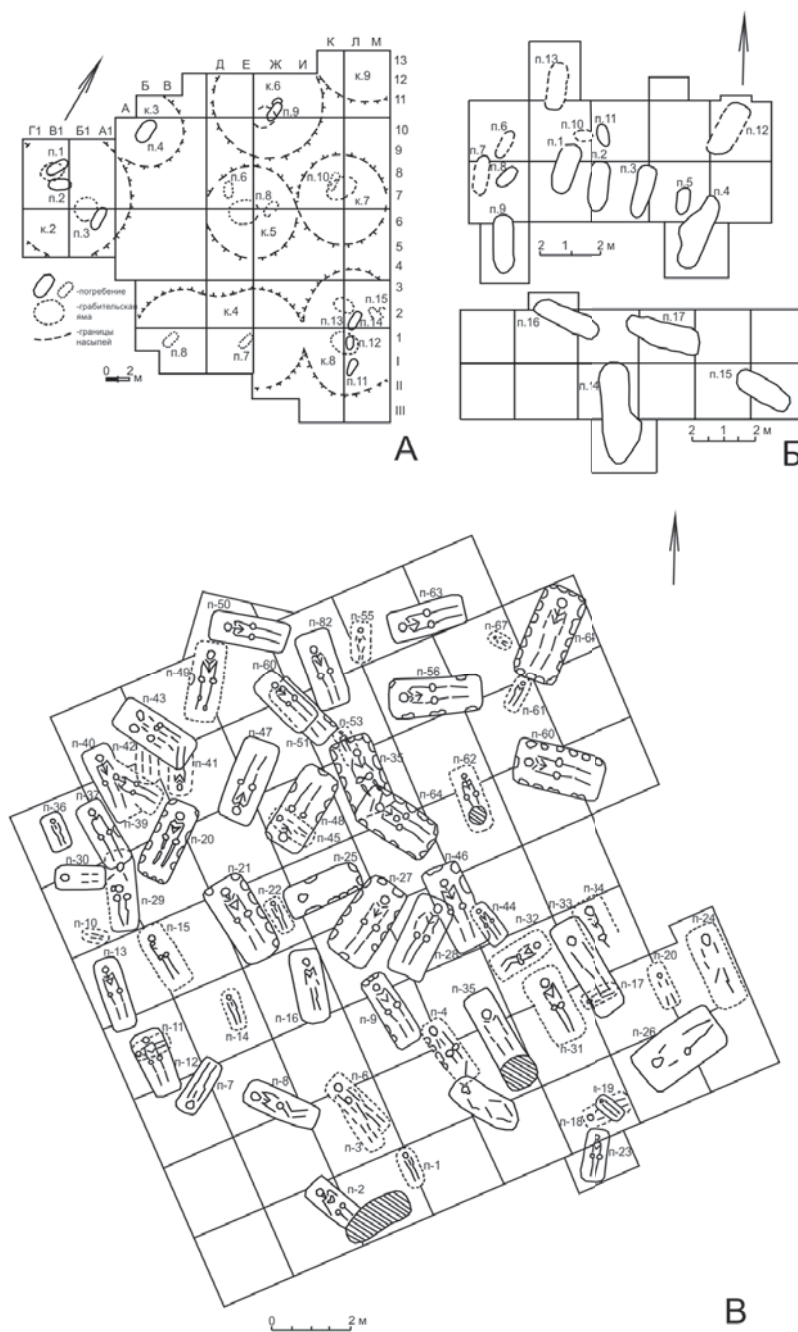

Рис. 4. Планы раскопов могильников кара-абызской культуры III в. до н. э. – II вв. н. э.

А – Шиповский курганный могильник, II группа курганов. План раскопа I (по: Овсянников и др., 2007, с. 90, рис. 3); Б – I Биктимировский могильник (по: Пшеничнюк, 1964, с. 216, рис. 1); В – Охлебининский могильник группа А, раскоп I 1965 г. (по: Пшеничнюк, 1968)

происходящих с данного памятника². Среди этих предметов есть бронзовые височные подвески пьяноборской и кара-абызской культур, обломки бронзовых котлов, обломки бронзовых гривен, заготовки бронзовых украшений (бляшки, подвески, обоймы и т. д.), бронзовые сплески металлов и железные ножи. Все это свидетельствует о

существовании на селище Курмантау мощного металлургического комплекса эпохи раннего железа. В 2012 г. С.Л. Воробьевой были установлены точные границы памятника, вытянутого по линии север – юг на расстояние 725×240 м. Бронзовые сплески металла и ошлакованные слитки меди, происходящие из подъемного материала с селища, были отданы на спектральный анализ старшему научному сотруднику Уральского отделения Российской Академии наук С.А. Григорьеву (г. Челя-

² Принята в фонды как «гора Курмантау, подъемный материал 2000-х гг.».

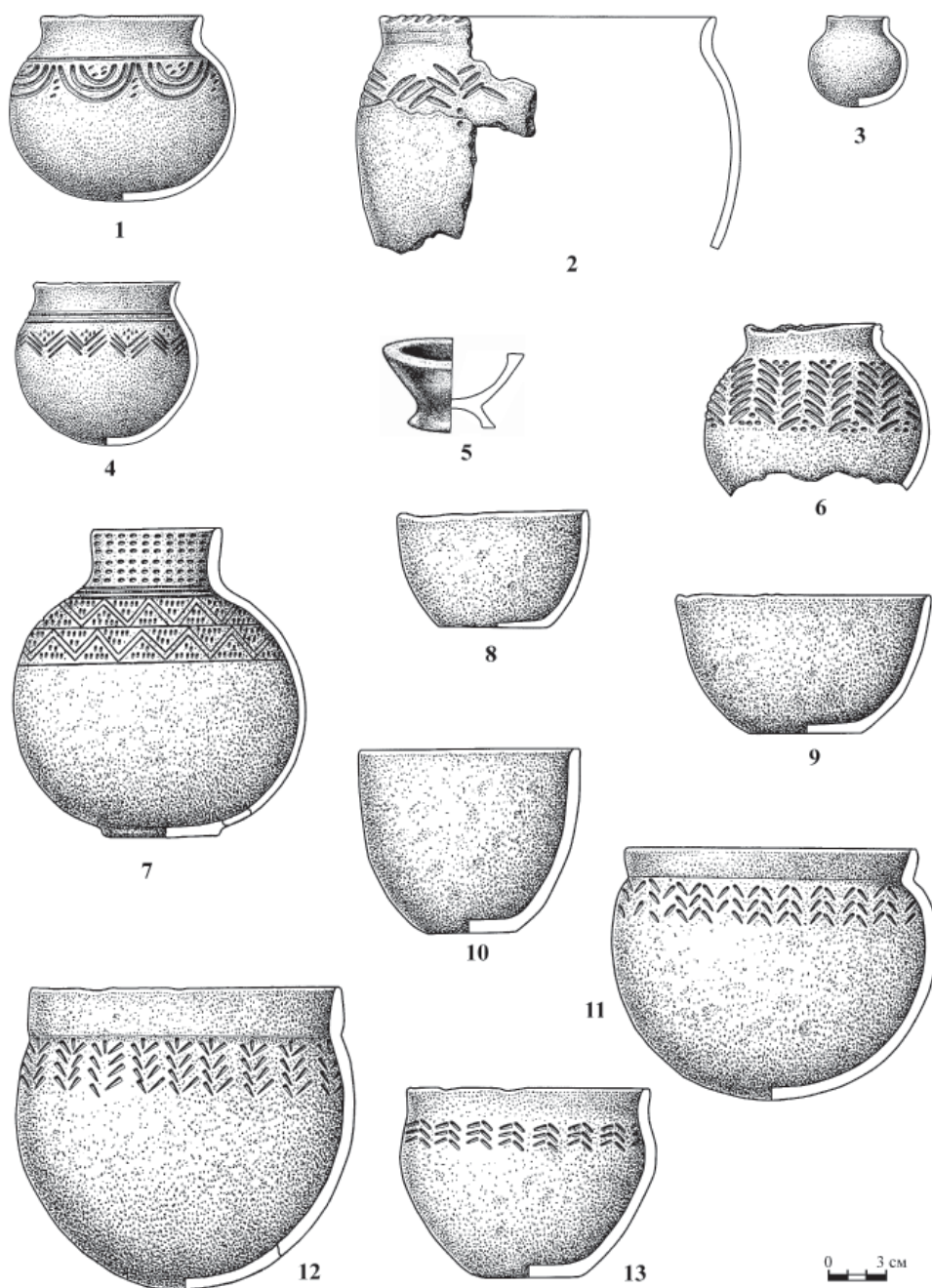

Рис. 5. Глиняная посуда кара-абызской культуры III в. до н. э. – II вв. н. э.
1–13 – Охлебининский могильник (по: Пшеничнюк, 2004, рис. 1–3, с. 189, 190)

бинск) (рис. 6: 13–16, 22–24). Анализ показал, что на селище практиковали литье и металлообработку. Датируется памятник IV–I вв. до н. э.

Рядом с селищем Курмантау на мысовидном отроге возвышенности горы Курман-Тау расположено Касьяновское городище (рис. 3: 1). Площадка памятника, имеющая форму мыса, вытянута по линии северо-запад – юго-восток. С юга, юго-запада и юго-востока городище ограничено крутыми склонами, с северо-запада – валом. Длина вала 100 м, ширина – 12 м, хорошо задернован. Перед валом фиксируется слабовыраженный ров. Рас-

копки городища показали, что культурный слой богат зольниками. Зольная полоса тянется непрерывно по всей границе памятника, обнажаясь лишь на западной стороне (Юсупов, 1959, с. 64). В центре площадки культурный слой беднее, чем на краю склонов. Г.В. Юсуповым раскопан один производственный комплекс и два очага. Керамический материал относится к кара-абызской, позднеананьинской культурам и гафурийскому типу эпохи раннего железа. Г.В. Юсупов датировал городище VI–IV вв. до н. э., а А.Х. Пшеничнюк – IV–III вв. до н. э. (Пшеничнюк, 1983а, с. 89).

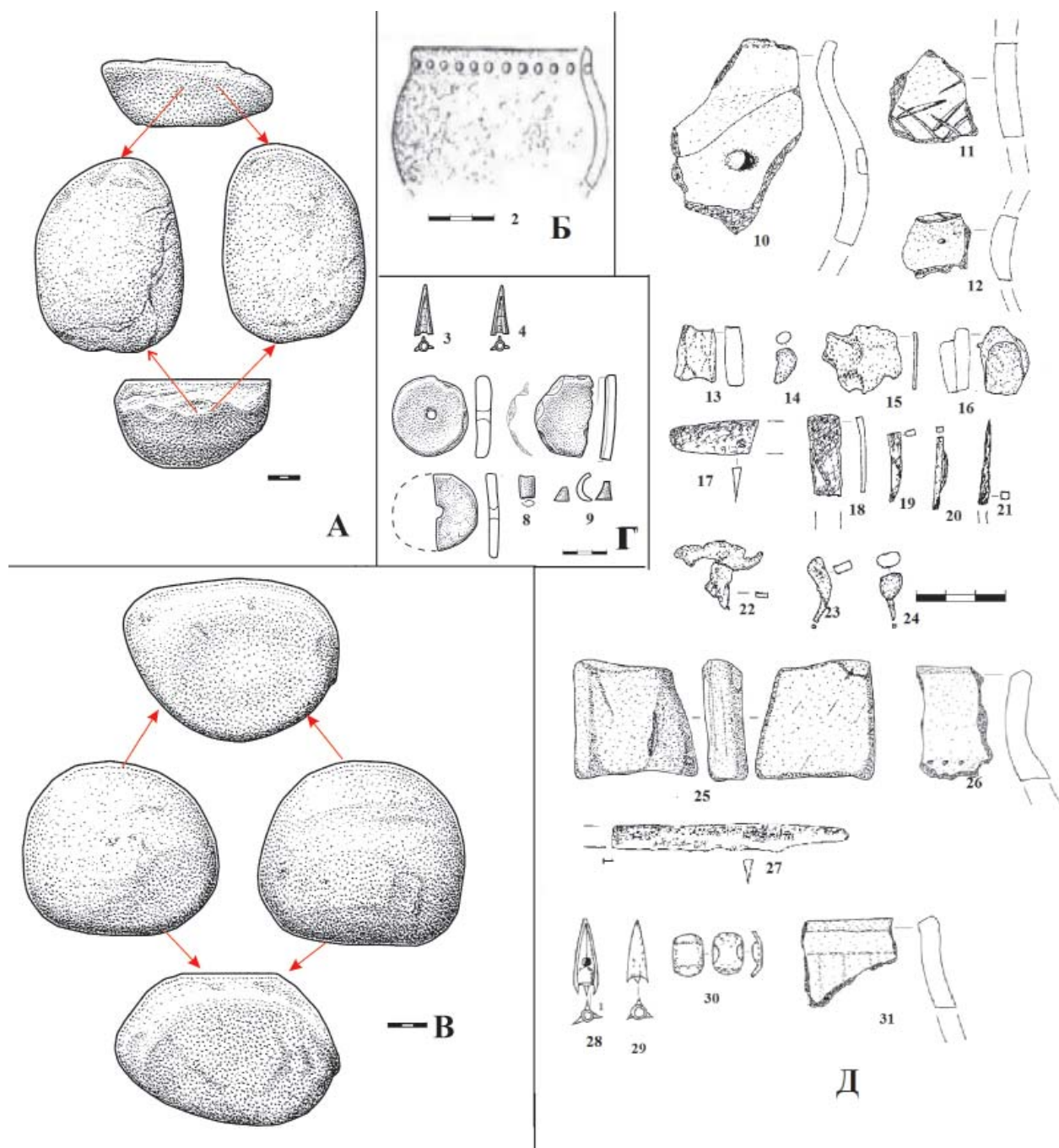

Рис. 6. Керамика и индивидуальный материал с поселенческих памятников кара-абхазской культуры III-I в. до н. э.

А, В, Г – Курмантау-1, городище (Курмантаевское городище); Б – Биктимировское городище; Д – 10–12, 25 Курмантау-5 (Курмантауское селище); Д – 10–12, 25 Курмантау-8/9, металлургическая площадка.

1 – скребок или орудие для копки; 2, 10–12, 26, 31 – фрагменты лепных сосудов; 3, 4, 28, 29 – наконечники стрел; 5–7 – пряслица; 8 – обойма; 9, 18–20 – фрагменты предметов; 13–16, 22–24 – сплески металла; 17, 27 – фрагменты ножей; 21 – фрагмент шила; 25 – скребло для обработки шкуры; 30 – бляшка; 32 – терочник. 2 – по: Савельев, 2011, с. 63, рис. 7: 17; остальное – С. Л. Воробьева.

1, 25, 32 – камень; 2, 5–7, 10–12, 26–31 – керамика; 3, 4, 13–16, 21–24, 28–30 – бронза; 9, 17–20, 27 – железо

В Гафурийском районе Г.И. Матвеевой были изучены поселения, содержащие только убаларскую керамику, соответствующую поздним погребениям кара-абхазских могильников. Истоки убаларской керамики она видела в результате взаимодействия культуры кара-абхазских и гафурий-

ских племен в южной части кара-абхазской территории (Матвеева, 1973, с. 249, 252).

В Иглинском районе РБ, на правом берегу р. Белой, находится Шиповское городище (рис. 3: 8) IV в. до н. э. – III в. н. э. Городище с двух сторон ограничено глубоким оврагом, защищено 2 вала-

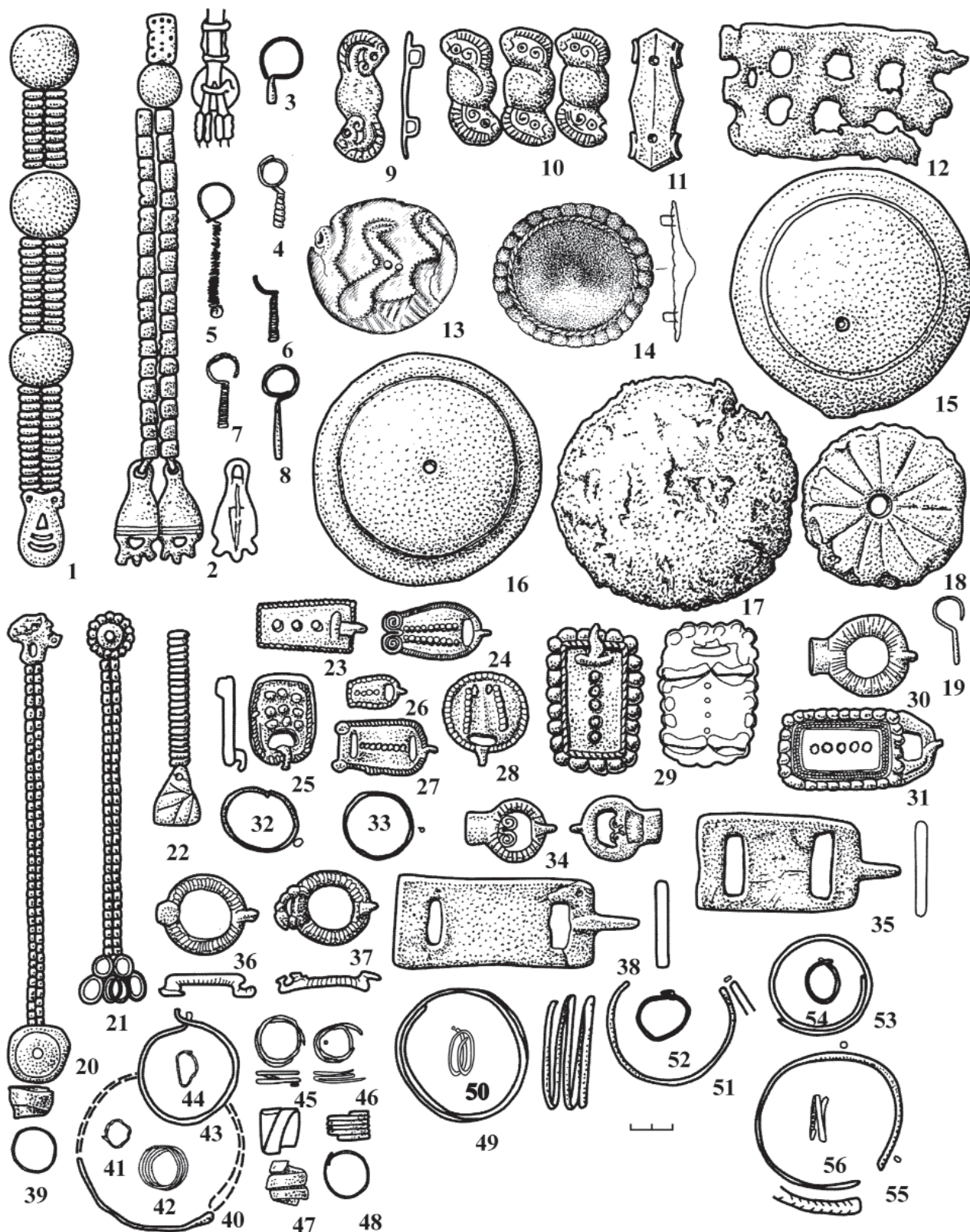

Рис. 7. Инвентарь женских погребений кара-абызской культуры II в. до н. э. – II вв. н. э. (Охлебининский, Шиповский, Биктимировский, Ново-Уфимский могильники)

1, 2, 20–22 – подвески; 3–8, 19–42, 45, 46 – височные подвески; 9–18 – поясные накладки; 25–31, 34–38 – пряжки; 39, 41, 44, 47, 48, 50, 56 – перстни; 40, 43, 49, 51–55 – браслеты

1, 2, 20–22 – бронза и кожа; 5 – золото; 13, 42 – серебро; 12 – кожа; 18 – раковина; 35, 38 – кость; остальное – бронза

Рис. 8. Бусы из женских погребений Охлебнинского могильника кара-абызской культуры II в. до н. э. – II вв. н. э. стекло, камень: 1 – погр. 023/I; 2 – погр. 159/II; 3 – погр. 019/I; 4 – погр. 200/IV; 5 – погр. 291/IV; 6 – погр. 195/IV; 7 – погр. 033/I; 8 – погр. 140/II

ми (высота 0,5–0,75 м, длина 390 м) и рвом (глубина до 0,3 м). Под насыпью внутреннего вала обнаружены остатки каменного фундамента и двух рядов деревянных стен (шириной до 2 м), пространство между которыми заполнено грунтом. Следов жилищ не обнаружено. Керамика пред-

ставлена сосудами гафурийского (изготовлены из глины с примесью раковины, талька) и убаларского (с примесью песка) типов кара-абызской культуры. Найдены орудия труда (глиняные пряслица, костяные орудия для обработки кож, каменные орудия для обработки металла),

предметы вооружения (бронзовые наконечники стрел, железные ножи) (Пшеничнюк, Овсянников, 2007, с. 18–20). Крупные каменные орудия, найденные на городище, использовались в различных отраслях хозяйства – обработка шкур, дробление шамота, перетирание зерен и растительных волокон, заточка металлических инструментов и в металлургической обработке (Савельев, 2009, с. 137).

Охлебининское-2 городище расположено на мысу коренной террасы правого берега р. Белой, напротив устья р. Сим. Городище защищено валом (высотой 1–1,5 м при ширине 7–8 м) и рвом (глубина рва 0,5 м при ширине 3 м), общая площадь городища 25 га. Раскопками А.Х. Пшеничнюка на городище выявлены остатки сооружения, по предположениям автора – жилища, углубленного на 40–50 см в материк (Пшеничнюк, Овсянников, 2007, с. 22). Собрана богатая коллекция керамики, остеологического и другого материала. Основную массу керамики составляют фрагменты круглодонных сосудов, орнаментированные круглыми ямками по шейке. Значительное число керамики украшено резными линиями, образующими треугольники и зигзаги. Найдены костяные тупики для обработки кожи, ножи, обломок железной косы, каменные и глиняные пряслица. Вещевой материал датируется IV–II вв. до н. э.

На городище Акбердино-2, которое функционирует еще с IV в. до н. э., было найдено воинское святилище с предметами вооружения (мечи савроматского и «ханьского» типа, железный чекан аржанского типа, бронзовая статуэтка птицы). Авторы раскопок датируют святилище II–I вв. до н. э. (Овсянников, Савельев, 2019, с. 211).

На территории Уфимского полуострова на рубеже IV–III вв. до н. э. появляются городища Уфа-IV и Уфимское (Чертово) (рис. 3: 9). Городище Уфа-IV, впервые упоминается в картотеке Б.А. Коишевского (1945), находится на высоком мысу правого берега р. Белой. В 1968 г. найдены фрагменты керамики кара-абызского и гафурийского типов, пряслица, костяной наконечник стрелы. Вероятно, вал этого городища длиной свыше 40 м и шириной около 2 м вблизи мусульманского кладбища зафиксировал Б.А. Коишевский. (Археологическая..., 1976, с. 122, № 1001). Уфимское (Чертово) городище (рис. 3: 9) расположено на высоком мысу правого берега р. Уфы. С трех сторон площадка городища ограничена крутыми склонами, а с напольной стороны укреплена валом высотой 5 м длиной 97 м и рвом. Насыпь вала была сооружена из чернозема и материкового известняка. В насыпи прослеживаются слои обожженной глины, посредством которой вал в древности предохраняли от расползания и размывания дождями. По

вершине вала прослеживаются остатки деревянной конструкции (частокол?) (Иванов, Обыденнов, 2001, с. 111). Впервые о городище упоминает П.С. Паллас. В 1878 г. небольшие раскопки на памятнике произвел Ф.Д. Нефедов. В 1910–1912 гг. городище раскапывала В.В. Гольмстен. Ею было заложено несколько раскопов и поперечной траншеей разрезан вал. Собрана небольшая коллекция керамики и вещевого материала (Археологическая..., 1976, с. 125, № 1023; Гольмстен, 1913, с. 3, 4). Небольшие раскопки в 1973 г. произвел Ю.А. Морозов. Памятник двухслойный и возник на рубеже IV–III вв. до н. э. К этому времени относятся находки костяных наконечников стрел, железных ножей, обломков сосудов кара-абызского типа. К более позднему (рубеж эр) времени относятся, вероятнее всего, выявленные остатки жилища земляночного или полуземляночного типа. Несколько в стороне от нее были открыты еще несколько очагов, оставшихся, видимо, от наземных жилищ. Все очаги однотипные – кольцо из крупных кусков камня диаметром 1–1,5 м с золой и углями внутри (Иванов, Обыденнов, 2001, с. 112). В раскопе, заложенном Ю.А. Морозовым на городище, за валом был обнаружен жилищный котлован, углубленный в материк. В центре жилища находился зольный очаг овальной формы, выбитый в скальном основании на глубину 17–20 см. В пределах жилища и около него найдены костяные наконечники стрел, пряслица, костяное колечко, бронзовая пряжка с подвижным язычком, железный наконечник лемеха, костяная проколка и многочисленные обломки керамики.

Ново-Александровское селище расположено на краю коренной террасы правого берега р. Белой. Площадка памятника представлена мысовидным выступом террасы, с юго-запада ограниченного руслом р. Белой, а с юго-востока и северо-запада двумя глубокими оврагами, организованными большими водотоками (ручьями). Судя по мощности и лоади распространения культурного слоя, это селище было городищем (в данный момент часть памятника уничтожена строительством асфальтной дороги). На территории селища в разные годы собраны фрагменты керамики с ямочными вдавлениями и оттисками шнура. Примесь в глиняном тесте представлена в большинстве случаев фрагментами толченой раковины.

Селище Блохино-1 находится на мысу коренной террасы правого берега р. Белой. В культурном слое мощностью 0,4 м выявлен материал кара-абызской культуры и убаларско-имендяшевского типа. Памятник относится к II в. до н. э. – II в. н. э. II поздний этап функционирования датируется II–IV вв. н. э.

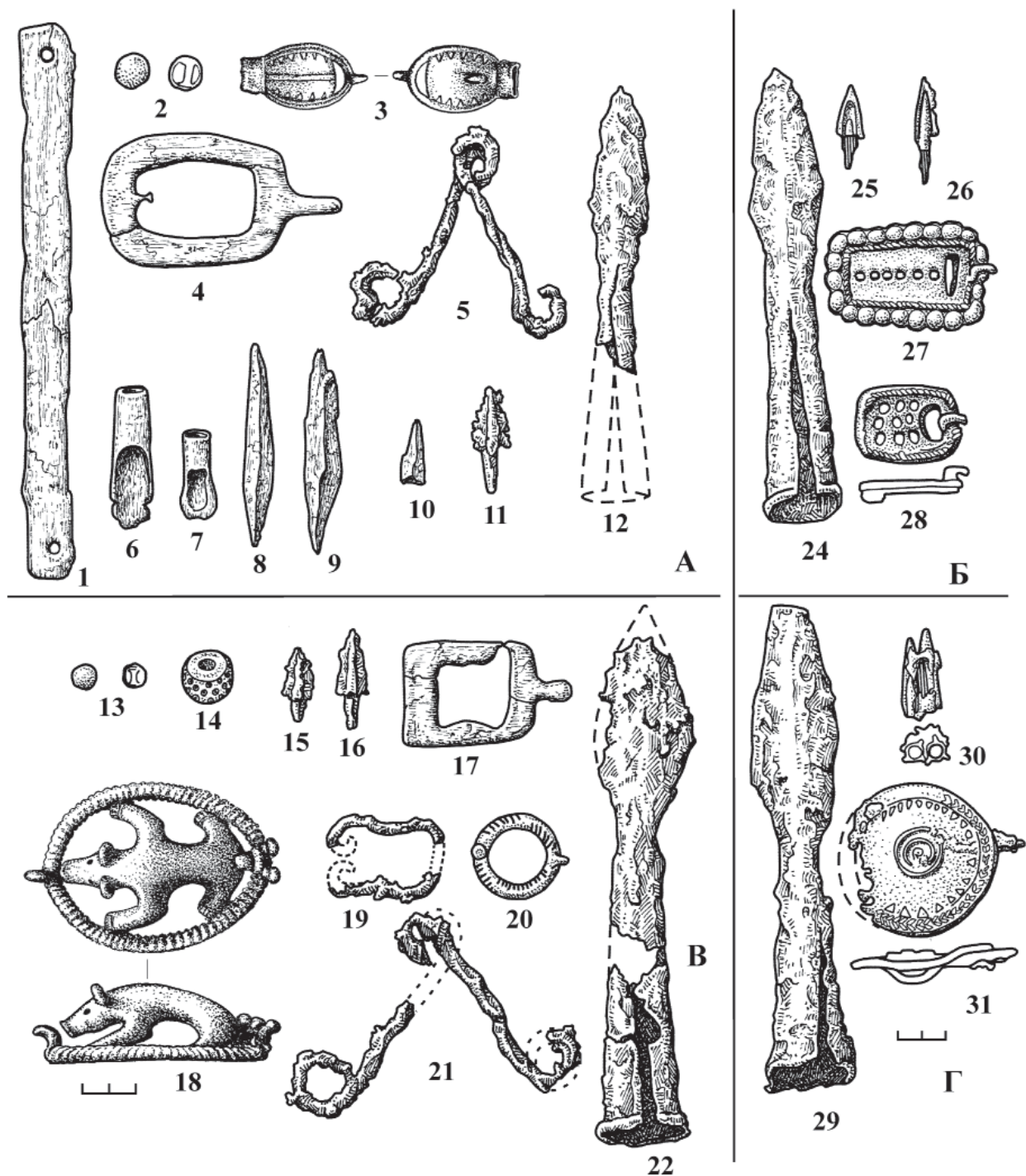

Рис. 9. Инвентарь мужских погребений кара-абызской культуры II в. до н. э. – II вв. н. э. (Охлебининский могильник)

А (1–12) – погр. 172/III; Б (14–18) – погр. 370/VI; В (13–22) – погр. 173/III; Г (19–21) – погр. 375/VI

1 – накладка; 2, 13 – бляшки с ушком на обороте; 3, 4, 17–20, 27, 28, 31 – пряжки; 5, 21 – удила; 6, 7 – подвески; 8–11, 15, 16, 25, 26, 30 – наконечники стрел; 12, 22, 24–29 – наконечники копий; 14 – бусина (по: Пшеничнюк, 1993, с. 47, 50, рис. 10, 12)

1, 4, 6–10, 17 – кость; 2, 3, 13, 18, 20, 24, 26, 30 – бронза; 5, 11, 12, 15, 16, 19, 21, 22, 24, 29 – железо; 14 – стекло

В Благовещенском районе РБ в 2019 г. раскопано селище Новые Турбаслы-7. Вся керамическая коллекция (1383 фрагмента) представлена лепной посудой с примесью шамота (82%), органики (5%), мелкого песка (7%), мелкотолченой раковины (1 %).

Единично в коллекции присутствуют фрагменты керамики с примесью дресвы в тесте (3 ед.) и четыре фрагмента стенок одного сосуда с крупными фрагментами окатанной гальки. Посуда украшалась ямками, наколами, отпечатками гре-

бенки, гладкого штампа, веревочки и ямочными вдавлениями, выполненными узелком. Орнамент наносился на верхнюю часть сосудов в основании шейки венчика или по тулову сосуда, образуя пояски (горизонтальные ряды). Композиционно пояски образуют однорядный, двухрядный и многорядные структуры. Наиболее распространенной орнаментацией сосудов является украшение пояском подтреугольных или прямоугольных наколов, выполненных торцевой стороной палочки. Отпечатки наколов образуют вытянутые прямоугольные или треугольные оттиски (Дремов, 2019, с. 102, 103).

На Биктимировском городище в Бирском районе Республики Башкортостан в слое II–I вв. до н. э. зафиксировано резкое увеличение костей диких животных, что говорит о возросшей роли охоты, в основном на пушных зверей (бобра) (Петренко, 1971, с. 113). Та же самая картина наблюдается в это время и на Охлебининском городище (Петренко, 1971, с. 114). Но на Охлебининском городище, кроме охоты, в это время возрастает роль мелкого рогатого скота в питании населения.

В Бирском районе Республики Башкортостан продолжает функционировать Бирское городище, на котором в слое кара-абызской культуры найдены бронзовое шило, костяные поделки, обломок гарпуна, заготовка костяного наконечника стрелы (Обыденнов, Обыденнов, 1998, с. 32).

Индивидуальные находки на поселенческих памятниках этого времени представлены фрагментами костяных орудий, ложилами из тазовой кости лошади (определение кандидата биологических наук Р.М. Сатаева), керамическими пряслицами (рис. 6: 5–7), медными и железными шлаками и сплесками металла (рис. 6: 13–15, 22–24), каменными орудиями, использовавшимися в металлургической обработке (рис. 6: 1, 32) и для обработки кожи (рис. 6: 25), железными ножами (рис. 6: 17, 27), оселками (точильные камни), наконечниками стрел (рис. 6: 3; 4: 28–29), бронзовыми бляшками и обоймами (рис. 6: 30). На городище Кара-Абыз найден бронзовый наконечник стрелы, вонзившийся в кость человека (определение к.б.н. В.В. Куфтерина). Многочисленными находками являются фрагменты сосудов и кости животных.

Керамика III–II вв. до н. э. представлена следующими типами:

1 – собственно кара-абызская керамика: чашевидной формы, с ямочным орнаментом по шейке, фрагменты крупные, толстостенные, с примесью дресвы, песка и раковины в тесте, хорошего обжига (рис. 6: 2, 10);

2 – гафурийская керамика: утолщенная шейка, резной и желобчатый орнамент, примесь талька в тесте (рис. 6: 26, 31);

3 – смешанная кара-абызско-гафурийская керамика: колоколовидные или близкие к ним формы сосудов, вертикальная плавноутолщенная шейка, утолщенный орнамент с доминированием каннелюр, резных зигзагов, примесь раковины в тесте (рис. 5: 1, 2, 4, 6, 7);

4 – убаларская керамика: чаши слабой профилированности, с примесью песка в тесте. Выделяется два варианта – сосуды с широким горлом и небольшим уступчиком на плечиках, орнаментированные резными линиями в виде зигзагов и елочек (рис. 5: 13); небольшие чаши без орнамента (рис. 5: 9, 10);

5 – гончарная керамика: курильницы и чаши – импортная посуда (рис. 5: 5).

Для городища Кара-Абыз был проведен технико-технологический анализ керамики, по которому ясно, что общекультурной традицией составления формовочных масс является рецепт с добавлением в глину дробленной раковины пресноводных моллюсков. Традиции отбора одинаковой глины и составления формовочных масс являются свидетельством единого в культурном отношении населения (Проценко, Мухаметдинов, Атнабаев, 2017, с. 147).

Керамика II вв. до н. э. – II в. н. э. представлена следующими типами:

1 – убаларская керамика: чаши слабой профилированности с примесью песка в тесте. Выделяется два варианта: сосуды с широким горлом и небольшим уступчиком на плечиках, орнаментированные резными линиями в виде зигзагов и елочек (рис. 5: 13); небольшие чаши без орнамента (рис. 5: 8–10);

2 – кара-абызско-убаларская керамика: неорнаментированные сосуды с примесью раковины в тесте или только с песком (рис. 5: 8).

Могильники. I. К III–II вв. до н. э. относятся курганная часть Шиповского могильника (рис. 3: А), Биктимировский I и II (рис. 3: Е, Ж), Кара-Абыз-2, Ново-Уфимский (Галановский), Охлебининский могильники, Новые Турбаслы-7, одиночное погребение на городище Кара-Абыз.

На городище Кара-Абыз найдено одиночное погребение новорожденного ребенка с четырьмя подвесками из метаподий (часть скелета конечностей) лисицы (определение кандидата биологических наук Р.М. Сатаева). В 2010 г. найден новый погребальный памятник – могильник Кара-Абыз-2, расположенный рядом городищем. Могильник расположен на высоком плато правого берега р. Белой (Благовещенский район Республики Башкортостан). В 2011 г. было вскрыто 27 погребений, в 2012 г. – 13 погребений. Все погребения датируются III–I вв. до н. э. В 2018 г. исследовано 22 погребения Ново-Уфимского могильника (Щер-

баков, Овсянников, Шутелева, 2020). В 2019 г. раскопано 23 погребения на могильнике Новые Турбаслы-7 (Дремов, 2019).

К комплексам III–I вв. до н. э. Шиповского курганного могильника, о котором речь шла в главе о раннем этапе кара-абызской культуры, относятся II и III группы курганов (рис. 4: А). Во II группе исследовано около 14 насыпей из 25 погребений. Все раскопанные насыпи земляные, диаметром 7–9 м, высотой 0,25–0,35 м. Захоронения совершались на небольшой глубине, поэтому большинство из них не врезано в материк. Отличительной чертой II группы курганов является большое количество керамики (рис. 4: 1, 2). Посуда встречается как в могилах, так и в насыпи. В насыпи кроме сосудов найдены узда, каменный терочник, наконечник копья, кости животных – следы поминальных тризн. Материал погребений представлен оружием и украшениями (рис. 7). В III группе курганов четко выделяется 5 насыпей, остальные сливаются и не поддаются определению. Эта группа частично исследована. Здесь раскопано около 7 насыпей и 19 погребений. Погребальный обряд и инвентарь группы III близок группе II. В.В. Овсянниковым реконструирован процесс возведения насыпи кургана 24 группы II: на начальном этапе на подготовленной площадке было совершено одно центральное и три периферийных погребения, затем над ними сооружена пирамидальная конструкция из дерновых блоков, потом, спустя некоторое время, в край «пирамиды» были впущены еще два погребения и пола с впущенными погребениями была досыпана (Овсянников, 2014а, с. 170). Керамика курганной части представлена сосудами гафурийского типа (орнаментированные каннелюрами или треугольными фестонами, зигзагами, висячими треугольниками, с широким раздутым туловом, плоскодонные, с отогнутыми низкими шейками, с примесью талька или различными добавочными примесями – шамот, толченая раковина, органика). Кроме того, в курганной части Шиповского могильника найдены гончарная хорезмийская посуда и пряслице из стенки гончарного сосуда, появление которой связано с установившимися связями образовавшегося кара-абызско-гафурийского комплекса с кочевниками, оставившими курганные могильники типа Бишунгарово и Старые Кишки в III–II вв. до н. э. (Савельев, 2010б, с. 319). В погребениях найдены единичные гончарные сосуды (курильницы), которые являлись импортными (Савельев, 2010, с. 301, рис. 2). В коллективной монографии, посвященной Шиповскому могильнику, были опубликованы материалы раскопок 1989–1994 гг. (Овсянников и др., 2007). Авторы предлагают свою версию формирования и развития кара-абызской

культуры. Они отмечают присутствие не только гафурийского и ананьинского компонентов в материалах Шиповского могильника, но и пришлых, интегрированных в ананьинскую среду компонентов (иткульский и кочевнический раннесакский) (Овсянников и др., 2007, с. 80, 81).

Охлебнинский могильник по праву занимает особое место среди погребальных памятников оседлого населения Приуралья, Прикамья и Среднего Поволжья (рис. 3: Б; 4: В; 7–9). По количеству предполагаемых захоронений (15–20 тыс.), времени функционирования (7 столетий), хорошей сохранности остеологического материала, богатству сопровождающего инвентаря, большой информативности в области относительной и абсолютной хронологии ему нет равных в регионе. Хронологически рамки существования могильника IV в. до н. э. – III в. н. э. Погребения III–II вв. до н. э. представлены 32 захоронениями и сопровождаются керамикой гафурийского типа, также найдена лепная курильница (подражание гончарной посуде), появляются сосуды убаларского типа с профилированным горлом и зигзагообразным орнаментом (Пшеничнюк, 2004). На могильнике они сосредоточены в основном в средней части в раскопах и 2 погребения в западной части. Датировочными вещами для мужских погребений, как и для предыдущего этапа являются главным образом наконечники стрел – бронзовые, трехлопастные с внутренними и выступающими втулками. Головка стрел в большинстве случаев треугольных форм, но встречаются и с дуговидными гранями. К III–II вв. до н. э. относятся железный меч и кинжал из погребения 441 с серповидными навершиями и прямыми перекрестиями, типичной для развитой прохоровской культуры формы, длинный двулезвийный железный меч с прямым перекрестием и навершием в виде двух колец из погребения 125. Инвентарь женских погребений богаче и разнообразнее, шире ассортимент датированных предметов (рис. 8). К их числу в первую очередь следует отнести массивные поясные бронзовые пряжки прямоугольной формы с закругленными углами, орнаментированные насечками и прорезями в зверином стиле. К этому же времени относятся височные кольца в полтора оборота, обернутые золотой фольгой с золотой привеской в виде гофрированной трубочки, нагрудные ремни («портупей»), украшенные бронзовыми обоями, обшивка подола из бронзовых гладких обойм, поясные подвески в виде колокольчиков и стилизованных фигурок животных.

Захоронения совершены в могильных ямах простой конструкции, вытянутой прямоугольной формы со слегка скругленными углами. Головами погребенные были ориентированы как на север,

так и на запад, восток и юг. Костяки в могилах лежат на спине, с вытянутыми вдоль туловища руками. Изредка встречаются отклонения от этого общего правила. В большинстве случаев это положение с подогнутыми вправо или влево ногами. Во многих захоронениях, главным образом в местах скопления бронзовых предметов, сохранились остатки древесной коры как под костяком, так и поверх него. По всей вероятности, умерших хоронили завернутыми в лубок. Многолетнее использование кладбища приводило к тому, что часто более поздние погребения перекрывали или прорезали захоронения раннего времени.

Одной из особенностей погребального обряда Охлебининского могильника является обычай сопровождения умерших заупокойной пищей, о чем свидетельствуют находки в могилах глиняных сосудов и костей животных.

Вещи в могиле лежат по отношению к погребенному в таком порядке, как они носились при жизни. В женских захоронениях: бусы – на шее и груди (рис. 8), височные подвески – у височных костей, гривны на шее, поясные застёжки и накладки – на поясе, браслеты – на запястье рук, и т. д. В мужских погребениях: меч – у правого бедра, наконечники стрел – у левой голени, поясные пряжки и накладки – на поясе, и т. д. В то же время во взрослых женских погребениях значительное количество украшений лежит в ногах погребенных (рис. 9). Среди них можно выделить следующие группы: 1) нагрудные подвески в виде парных ремешков, покрытых бронзовыми пронизками и круглыми большими бляшками с двумя ушками на обороте, оканчиваются подвески лировидными бляхами; 2) широкие ремни, покрытые чередующимися обоймами и бляшками с ушком на обороте; 3) узкие ремешки, покрытые удлиненными обоймами; 4) поясные подвески в виде трапециевидных пластинок, колокольчиков, конусовидных пронизок, спаянных колец и т. д. Кроме того, встречаются умбовидные бляхи, плоские бляшки. Они являлись украшениями верхней одежды.

Определенную датирующую роль и для мужских и для женских погребений играет керамика – круглодонные и плоскодонные горшки, орнаментированные по плечикам желобками и разными мягкими линиями, образующими узоры в виде многорядного зигзага, опущенных треугольников и гирлянд, изредка без орнамента. Такие горшки встречены в женских и мужских погребениях. Аналогичная керамика богато представлена в курганах II группы Шиповского могильника, датированных III–II вв. до н. э., в раннесарматских погребениях таких курганных могильников III–II вв. до н. э., как Старо-Киешкинский (Пше-

ничнюк, 1983а, табл. XII: 14; XIII: 7; XIV: 15; XXIV: 8) и Бишунгаровский (Пшеничнюк, 1976, рис. 17: 2).

В 1950–1970 гг. во время застройки Уфы в юго-западной части города на возвышенном месте, близ правого берега р. Белой, в кварталах между улицами Карла Маркса, Фрунзе и Аксакова раскапывались погребения кара-абызской культуры. Могильник был назван Ново-Уфимским грунтовым. В 1952–1956 гг. раскопки проводились под руководством Р.Б. Ахмерова – исследовано 23 погребения (Ахмеров, 1959), в 1960 г. под руководством Н.А. Мажитова – выделяется только одно погребение, в 1968–1971 гг. под руководством В.С. Горбунова, М.Ф. Обыденнова, В.К. Калинина – 4 погребения (Обыденнов, Горбунов, отчет 1973 г.), в 2005 г. В.В. Овсянниковым – 15 погребений, в 2008 г. И.И. Бахшиевым и Р.Р. Султановым – 1 погребение. Н.А. Мажитов погребения Ново-Уфимского могильника³, исследованные им в 1961–62 гг., отнес к пьяноборской культуре (Мажитов, 1968, с. 59, 156, табл. 35). Он связывал керамику гафурийского типа (сарматскую) с абашеевской керамикой эпохи бронзы (Мажитов, 1968, с. 58). Находки хранятся в Музее археологии и этнографии УНЦ РАН (Уфа), в Национальном музее РБ и в фондах археологической лаборатории БашГУ. К этому же комплексу относится и так называемый Галановский могильник, раскопанный в 1960–1961 г. Н.А. Мажитовым (экспедиция БашГУ). Могильник расположен в районе улиц Галановой, Пушкина и Горной. Судя по инвентарю, 4 погребения точно можно отнести к кара-абызской культуре. Таким образом, Ново-Уфимский могильник расположен на высоких террасах правого берега р. Белой, отдельными родовыми группами. В могильнике можно выделить две таких группы. Памятник датируется IV–III вв. до н. э. – II–I вв. н. э. Антропологический анализ костных остатков из погребений не проводился. Из раскопок Ново-Уфимского могильника происходят сосуды убаларского типа (плоскодонные и круглодонные чаши без орнамента). В 2018 г. было исследовано 22 погребения Ново-Уфимского могильника (Щербаков, Овсянников, Шутелева, 2020), среди которых «выявлена особенность погребальной традиции – наличие ярусных захоронений. С первым ярусом соотносятся пятнадцать погребений, со вторым – семь. Сходные погребения на территории Уфимского полуострова были исследованы В.В. Гольмстен во время раскопок Уфимского могильника в 1910–1912 гг.» (Щербаков, Овсянников, Шутелева, 2020, с. 136).

³ В отчете Н.А. Мажитова эти погребения объединены в Галановский могильник, который является частью Ново-Уфимского могильника (Мажитов, 1961).

В Благовещенском районе Республики Башкортостан в 2019 г. раскопано 23 погребения кара-абызской культуры III–II вв. до н. э. Погребения на могильнике расположены достаточно плотно, рядами по линии запад – восток. Между погребениями фиксируются незаполненные участки, что может свидетельствовать о наличии участков с семейными захоронениями. Не встречены случаи перекрытия одного погребения другим, что, вероятно, свидетельствует о наличии надмогильных сооружений и небольшом хронологическом диапазоне наполняемости могильника. Все погребения могильника ориентированы по линии север – юг (с небольшими отклонениями). Положение индивидов – вытянуто на спине, руки вдоль туловища, ноги прямые, головой к северу, ногами к руслу ручья (к югу). Одно детское захоронение расположено вне рядов погребений и ориентировано по линии запад – восток. В ряде случаев под костями (под частью костяка) фиксируются признаки органического тлена, что может свидетельствовать о том, что умершего укладывали на органическую подстилку. Следы перекрытия сверху не зафиксированы. Большинство погребений (кроме одного) являются одиночными. Около 91,3% погребений могильника являются либо «потревоженными», либо полностью разрушенными. В части из них фиксируются ямы вторичного проникновения. В «потревоженных» погребениях фиксируются либо части скелета в анатомии, а часть сдвинуты, либо часть костяка вообще отсутствовала. В одном случае фиксируются следы, вероятно, постингумационного расчленения. Погребальный инвентарь в «потревоженных» или разрушенных погребениях в большинстве случаев не тронут (он мог быть переотложен, но оставался в погребении). Вероятно, эти факты связаны с обрядом обезвреживания и являются характерными для погребений кара-абызской культуры. Погребальный инвентарь представлен деталями костюма (пуговицы, пряжки, круглые бронзовые бляшки-зеркала, накладки, крючки, бронзовые пронизки), орудиями (бронзовые наконечники стрел, железные наконечники копий, костяные проколки, пряслица (у ног), редко ножи (в одном случае, видимо, кинжал)), украшениями (бусы, кольца, редко серьги), в детском погребении астрагалы (Дремов, 2019, с. 107–109).

По Охлебининскому могильнику ясно, что во II в. до н. э. – II в. н. э. происходит наибольший демографический всплеск кара-абызского населения, и именно в это время кара-абызский костюм наиболее унифицирован. При всем многообразии четко выделяются женские и мужские поясные наборы, обувные украшения. Доминирующим этническим признаком становятся пояса и укра-

шения, свернутые в ногах. В качестве родового и социального маркера выступают височные подвески и состав пояса. Выделяются бедные погребения с одной дисковидной бляхой и погребения с золотыми височными подвесками, коррелирующими с двумя дисковидными бляхами в составе богатого поясного набора. Сравнение инвентаря женских погребений Охлебининского могильника этого периода по возрастному критерию (Juvenis – 4 погр., Adultus – 5 погр., Maturus I – 1 погр., Maturus II – 2 погр.) показало, что в погребениях юных женщин (Juvenis) отсутствуют пряслица, а в комплексах зрелых женщин (Maturus) сокращается количество поясных накладок в виде голов грифонов. Наличие золотых височных подвесок и украшений, уложенных в ногах женщин (поясные наборы и шейно-нагрудные украшения), не зависело от возраста погребенных, а является, скорее всего, социальным или родовым маркером. В мужском погребальном костюме II в. до н. э. – II в. н. э. в основном имеются следующие элементы убранства костюма: умбоновидные пряжки, бронзовые поясные пряжки с неподвижным крючком, накладки на пояс из зубов медведей, бронзовые обувные пряжки с неподвижным язычком, ременные подвески. Так, выборка из трех погребений, в которых был определен возраст, мала для сравнения, на данный момент возрастные особенности погребального костюма выделить не представляется возможным (Нечвалода, Воробьева, 2018).

Биктимировский I, II и III грунтовые могильники расположены на невысоком коренном берегу безымянного ручейка, впадающего в старицу р. Белой, возле дер. Ново-Биктимирово Бирского района РБ (Пшеничнюк, 1964, с. 215) (рис. 3: Е, Ж; 7). Памятник был найден в 1955 г. А.П. Шокуровым. Раскопки могильника проводились в 1962 г. К.В. Сальниковым и в 1963–1964 гг. А.Х. Пшеничнюком. Всего было вскрыто 68 погребений I Биктимировского (16 – безынвентарные) и 17 погребений III Биктимировского могильников. Пять погребений II Биктимировского могильника раскопаны В.В. Овсянниковым в 2010 г. Могильники составляют единый памятник, также раскиданный по мысовидным возвышенностям. Находки хранятся в Музее археологии и этнографии УНЦ РАН, в Национальном музее Республики Башкортостан, в Институте истории, языка и литературы. Памятник датирован III в. до н. э. – I в. н. э. Умершие были погребены в прямоугольных могильных ямах, вытянуто на спине, завернутыми в луб, ногами к реке. Для мужских погребений характерно наличие предметов вооружения (бронзовые пряжки, наконечники стрел и копий, железные однолезвийные ножи) и принадлежности конской сбруи (железные удила); для жен-

ских – украшений (бронзовые бляшки, браслеты, височные кольца, перстни и подвески, поясной и «портупейный» набор с различными бронзовыми накладками, обоймами и подвесками, каменные и стеклянные бусы). Проблему происхождения кара-абызского населения попыталась решить антрополог М.С. Акимова, проанализировав черепа из 14 захоронений Биктимировского могильника. По большинству признаков этот материал не выходит за пределы вариаций признаков у европеоидных групп, но слабое выступание носа, особенно на женских черепахах, позволяет думать о наличии монголоидной примеси. Однако она отметила, что ни на одном черепе нет комплекса монголоидных черт, отдельные признаки монголоидного характера разбросаны по всей серии (Акимова, 1968, с. 26). Исследователь сравнила выборки с черепами из Луговского могильника ананьинской культуры и с материалами Зауральских памятников (Прыговский, Шадринский, Шмаковский и Воробьевский могильники). Этот анализ дал основание говорить о том, что изучаемое население было местным по антропологическому типу (Акимова, 1968, с. 29).

Захоронения в погребениях III–II вв. до н. э., как и в предыдущую эпоху, совершались в простых грунтовых ямах прямоугольной формы. Для мужских погребений характерны предметы вооружения и конского снаряжения, для женских – предметы украшений. В могилах часты сосуды и кости животных (конечности овец и свиней). В женских погребениях с рубежа нашей эры пояса лежат на костяке или рядом с ним, а нагрудные украшения находятся в ногах.

Кара-абызский костюмный комплекс III–II вв. до н. э. отличается разнообразием. В нем выделяются три группы элементов убранства костюма: 1) гривны в полтора оборота, височные восьмерковидные подвески, поясные бронзовые крючки с изображением раскрытой пасти, поясные пряжки с изображением оленей; «портупей» с гофрированными обоймами; 2) поясной набор с накладками из противопоставленных голов грифонов и дисковидных блях, пряжки с изображением сцены терзания, пояс, уложенный вдоль тела умершего, и лировидные подвески, «портупей» с обоймами с вырезом; 3) колоколовидные подвески, трапециевидные подвески, наконечники, поясные крючки с изображением раскрытой пасти.

Предметы вооружения кара-абызских воинов представлены сравнительно широко. Они были вооружены луками, копьями, мечами, палашами, кинжалами и боевыми ножами. Оружие дистанционного боя в погребениях представлено различными наборами наконечников стрел. Для IV–II вв. до н. э. характерны бронзовые наконечники

с выступающей и скрытой втулкой (Зубов, 2010, 2012). В IV–II вв. до н. э. колчаные наборы содержали в основном бронзовые стрелы, во II в. до н. э. в погребениях появляются железные стрелы. Для кара-абызской культуры в целом не характерно сочетание бронзовых и железных наконечников стрел в одном колчанном наборе, в отличие от курганных могильников у деревень Старые Кишки и Бишунгарово, где подобные погребения датируются III–II вв. до н. э. (Пшеничнюк, 1983б). Только в одном погребении Охлебининского могильника (375/80-82) найден колчаный набор, в котором присутствовали железные и бронзовые наконечники стрел. По сопровождающему инвентарю (железный наконечник копья, эполетообразная застежка) комплекс датируется не ранее II в. до н. э. (Пшеничнюк, 1993, с. 47, рис. 10: V). Помимо основных предметов вооружения, в отдельных погребениях были найдены колчаные крючки, оселки и предметы конской упряжи. Предметы защитного вооружения на данный момент неизвестны.

II. К II–I вв. до н. э. относятся грунтовые погребения Шиповского могильника, Биктимировский, Кара-Абыз-2, Ново-Уфимский (Галановский), Охлебининский, Бурлинские курганы.

III. К I–II вв. н. э. относятся грунтовые погребения Шиповского могильника, Биктимировский, Охлебининский могильники.

Шиповский могильник занимает мыс террасы правого берега р. Белой (рис. 3: А). Открыт и частично исследован А.Х. Пшеничнюком в 1971 г. В 1971 г. выявлено 10 насыпей, расположенных группами по 2–3 на значительном удалении друг от друга. Размеры насыпей различны: высота от 0,15 до 1,0 м, диаметр 6–16 м. В 1971 г. исследовано 3 небольших насыпи диаметром 6–9 м. Выявленные погребения относятся к различным эпохам: эпохе бронзы (срубная культура), эпохе раннего железного века (убаларский тип кара-абызской культуры), эпоха Средневековья (чияликская культура). Погребение эпохи раннего железа содержало железный наконечник копья, удила и сосуд убаларского типа.

В Охлебининском могильнике на данный момент сложно четко выделить погребения II–I вв. до н. э. и I–II вв. н. э. (рис. 3: Б). Поэтому самая многочисленная группа захоронения (330 погребений) относится ко II в. до н. э. – II вв. н. э. Если учесть, что большинство детских и безынвентарных погребений, а также погребений с невыразительным инвентарем также относятся к этому периоду, то эта группа составит около 400 погребений. Датированными предметами для мужских погребений опять-таки являются наконечники стрел – железные черешковые с небольшими трех-

лопастными головками, обычные для памятников среднесарматской культуры (Пшеничнюк, 1973, рис. 5). Они присутствуют почти во всех погребениях. Концом II в. до н. э. – II в. н. э. датируются многочисленные бронзовые пряжки с неподвижным крючком различных форм. Характерны для этого периода железные короткие однолезвийные мечи, часто с бронзовым наконечником ножен. Для женских погребений этой группы характерно появление новых типов бус – стеклянных двух- и трехсоставных, округлых и цилиндрических кирпичного цвета, различных подвесок из египетского фаянса, крупных бусин из горного хрусталя и халцедона. Обычны для этого периода обоймы с прямоугольным вырезом на внутренней стороне и мелкие удлиненные обоймочки, которыми покрывались ремни, украшавшие верхнюю одежду. Погребения выделяются из общей массы тем, что в них нет вещей, характерных для предшествующего и последующего этапов, которые имеют целый ряд хорошо датирующих предметов. Это самый продолжительный по времени этап функционирования могильника, охватывающий примерно около трех столетий. Внутри этой группы, безусловно, есть более ранние и более поздние погребения, хотя далеко не всегда их уверенно можно датировать. Сопоставление всех данных, как типологических, стратиграфических, так и планиграфических, позволяет с известной долей вероятности вычлнить более ранние погребения – с конца II–I вв. до н. э. В известной мере опорным для этих целей является раскоп VI, заложенный на северной окраине могильника, где вскрыто 16 погребений. Два мужских погребения этого раскопа (№ 364 и 366) отнесены нами ко II этапу на основании бронзовых наконечников стрел и железного меча с бронзовым наконечником ножен (рис. 27: А–Б). Бронзовые наконечники стрел встречены также еще в 2-х погребениях этого раскопа, № 367 и 375. Однако остальной инвентарь этих погребений – бронзовые пряжки с неподвижным крючком – датируются по аналогиям с известными пьяноборскими могильниками не ранее рубежа н. э. Притом в остальных мужских могилах этого раскопа наконечники стрел железные, черешковые. Обращают на себя внимание поясные бронзовые накладки. Изображения на них голов грифонов намного реалистичнее, чем на накладках поздних погребений. Этим они сходны с накладками из Биктимировских могильников. Такая же особенность наблюдается и на Шиповском могильнике. Находки из поздних грунтовых погребений выполнены в очень стилизованной манере по сравнению с накладками из курганов II группы, датирующихся III–II вв. до н. э. К этой же группе конца II–I вв. до н. э. относятся, вероятно, большинство

погребений восточной части могильника, раскопы 1965 г. Основанием для этого служат такие вещи, как поясные бронзовые пластинчатые пряжки прямоугольной формы из мужских погребений. Точно такая же пряжка найдена в мужском погребении 370 раскопа VI, о котором речь шла выше. На раннюю дату указывают и рамчатые поясные пряжки. В погребениях средней, более поздней части они почти не встречаются. Прослеживаются некоторые различия и среди женских комплексов: опять-таки более реалистичны изображения голов грифонов на поясных накладках, количество накладок, как правило, больше, отсутствуют бусы, подвески из египетского фаянса. В целом общий облик материала погребений восточной части могильника выглядит древнее по сравнению с центральной и тем более западной частью могильника. В то же время выделять эти погребения в особую хронологическую группу (этап) едва ли целесообразно. Подавляющее большинство вещей как из мужских, так и из женских захоронений, существовало на протяжении всего периода без заметных изменений. Вполне вероятно, что многие предметы находились в обращении длительное время и попасть в могилу могли намного позднее своего изготовления. Надежных хронологических размеров для расчленения погребений II этапа на две группы (этапа) пока не наблюдается.

В целом для женского костюма Охлебнинского и Шиповского могильников II в. до н. э. – II в. н. э. выделяются ряд признаков (рис. 2: Б): дисковидные бляхи, бляшки, сделанные из зеркал, поясные накладки, пряжки, бронзовые трубочки, костяные подвески (так называемые «свистки»), костяные накладки (небольшие прямоугольные накладки с ажурным оформлением и отверстиями по краям), перстни. При этом в распределении инвентаря между могильниками наблюдаются существенные различия: лировидные подвески присутствуют только в Охлебнинских погребениях, в процентном соотношении дисковидных блях больше в Охлебнинском могильнике, чем в Шиповском грунтовом, а в 17 поясных наборах Охлебнинского могильника имеются по две дисковидные бляхи, в то время как в Шиповском – только в одном поясе. Традиция ношения пояса с одной бляхой была распространена в II в. до н. э. – II в. н. э. в южной части обитания кара-абызского населения (Охлебнинский и Шиповский могильники). Преобладание в Охлебинино дисковидных блях (бляхи сделаны из зеркал без валика) связано с тем, что зеркала кара-абызское население получало от сармат, а жители, оставившие оба могильника, вероятнее всего, имели разный источник их поступления. Общие признаки в женском костюме II в. до н. э. – II в. н. э. сводятся к тому, что население

Охлебининского и Шиповского могильников не имело тесных контактов в это время, ограничившись лишь редкими брачными связями. При этом и для Охлебининского, и для Шиповского могильников характерны общие этнические признаки (определенный набор элементов убранства костюма), выделенные на предыдущем этапе.

В этот период в Охлебининском могильнике появляются лировидные стилизованные подвески, золотые височные кольца с витой спиралью и две дисковидные бляхи на поясе. При этом бляхи и височные подвески коррелируют (проявляют значительную связь взаимовстречаемости) между собой. Картографирование погребений Охлебининского могильника IV–II вв. до н. э. и комплексов с лировидными подвесками и золотыми височными кольцами с витой спиралью показало, что они концентрируются на одних участках. Это свидетельствует о преемственности между погребениями и возникновением в IV–III в. до н. э. в составе одного этноса определенной родовой группы, отличающейся, возможно, и более высоким социальным статусом: ее члены не забывали о своих корнях на последующем этапе и хоронили на тех же родовых участках. Мужские погребения Охлебининского и Шиповского могильников II в. до н. э. – II в. н. э., так же как и женские, имеют общие черты в костюмном комплексе: умбовидные пряжки, пряжки, поясные накладки. В это время в мужском костюме присутствуют бронзовые обувные пряжки с неподвижным язычком, появляются костяные накладки с зооморфным изображением, ременные подвески. В подростковых погребениях II в. до н. э. – II в. н. э. преобладают поясные накладки из астрагалов и других костяных накладок.

Случайные находки. На территории вокруг горы Курман-Тау в Гафурийском районе найдено множество бронзовых наконечников стрел и обломков бронзовых котлов.

На Охлебининском II городище в 1965 г. в раскопе II был найден клад украшений: гривна из шести бронзовых прутков, обложенных листовым золотом и спаянных между собой; 7 золотых воровок, 30 бронзовых обойм и 10 глазчатых бусин из синего стекла. Сами вещи из клада датированы IV–II вв. до н. э., в то время как условия его залегания (30 см) гораздо более поздним временем – I–II вв. н. э. (Пшеничнюк, 1973, с. 197).

Хронология и периодизация культуры. Абсолютных датировок по памятникам кара-абызской культуры нет. Периодизация кара-абызского этапа может быть представлена следующим образом:

1. III–II вв. до н. э. – курганная часть Шиповского могильника, Биктимировский, Кара-Абыз-2, Ново-Уфимский (Галановский), Охлебининский

могильники, городища Бирское, Кара-Абыз, Касьяновское, Камышинка-1, Акбердино-1, Акбердино-2, Акбердино-4, Табынское, Воскресенское, Шиповское, Охлебининское-1, Охлебининское-2, Охлебининское-3, Биктимировское, Уфа-IV, Тра-Тау, селища Курман-Тау, Ивано-Казанкинское-1, Ивано-Казанкинское-2, Черниковское, Ново-Александровское, Чайка-2, Дежневское, Магаш, Убалар, Юлуково-2, Зинино-1, Табынск-6, металлургическая площадка Курмантау-8/9.

2. II–I вв. до н. э. – грунтовые погребения Шиповского могильника, Биктимировский, Кара-Абыз-2, Ново-Уфимский (Галановский), Охлебининский, Бурлинские курганы, городища Кара-Абыз, Биктимировское, Акбердино-1, Акбердино-2, Шиповское, Малый Колпак (Жилинское), Охлебининское-1, Охлебининское-3, Уфа-IV, Биктимировское, селища Зинино-1, Магаш, Убалар, Юлуково-2, Табынск-6, Блохино-1, Багарамыж-1, Ивано-Казанкинское-2, Чайка-2, Ново-Александровское, Зинино-1, поселение Акбердино-4.

3. I–II вв. н. э. – грунтовые погребения Шиповского могильника, Биктимировский, Охлебининский могильники, городища Кара-Абыз, Биктимировское, Акбердино-1, Акбердино-2, Шиповское, Малый Колпак (Жилинское), Охлебининское-1, Охлебининское-3, Уфа-IV, Биктимировское, селища Зинино-1, Магаш, Убалар, Юлуково-2, Табынск-6, Блохино-1, Багарамыж-1, Ивано-Казанкинское-2, Чайка-2, Ново-Александровское, Зинино-1, поселение Акбердино-4.

Как правило, по поселенческому материалу не всегда представляется возможным четко разделить памятники II–I вв. до н. э. и I–II вв. н. э., поэтому многие исследователи при характеристике хронологии того или иного памятника используют датировку II в. до н. э. – II в. н. э. Все поселенческие памятники III–II вв. до н. э. продолжают функционировать с предыдущего (IV–III вв. до н. э.) периода. Не для всех объектов, выявленных в результате разведок, возможно определить датировку, поэтому указаны только наиболее яркие памятники.

Историко-археологическая интерпретация.

На рубеже IV–III вв. до н. э. в среду формирующегося кара-абызско-гафурийского комплекса приходит еще как минимум две волны мигрантов: из лесостепного Зауралья (памятники типа Акбердинских и Нагаевских курганов) и так называемый «восточный импульс» (памятники круга Филипповка, Переволочан, Почта-3, Иссык).

Во II в. до н. э. произошло окончательное растворение гафурийского компонента в кара-абызской среде, что выразилось в унификации материальной культуры на всем ареале обитания населения, оставившего погребальные и поселен-

ческие памятники. Среди погребальных памятников на северном ареале продолжают функционировать Биктимировский могильник и могильник Кар-Абыз, Ново-Уфимский могильник, погребения которых датируются не позднее рубежа эр. На южном ареале обитания, в Гафурийском районе РБ, гафурийский компонент окончательно трансформируется в убаларский тип. Продолжают в это время функционировать Шиповский и Охлебининский грунтовые могильники.

На поселенческих памятниках кара-абызской культуры зафиксированы многочисленные следы металлообработки, бронзолитейного производства, обработки железа, косторезного ремесла. Бронзовые изделия отливались методом литья по восковой модели. Визуальный осмотр автором главы всех изделий кара-абызской культуры IV вв. до н. э. – IV в. н. э., отлитых из бронзы (более 10000 предметов), также показывает, что они отливались методом литья по восковой модели. Видимо, для изготовления керамики кара-абызское население собирало раковины двустворчатых моллюсков, найденные в большом количестве на поселенческих памятниках. Для рубежа эр характерно ведение оседлого образа жизни кара-абызским населением – забой и разделка туш животных, как показывают данные остеологического анализа, проходили в пределах поселений (Проценко, Сатаев, 2016, с. 131).

По материалам остеологического анализа с поселений кара-абызской культуры на памятниках IV–I вв. до н. э. выявлена неоднородность хозяйства носителей кара-абызской культуры: на памятниках, где преобладает гафурийская керамика, население занималось скотоводством, а на памятниках с преобладанием кара-абызской керамики население вело более оседлый образ жизни. На некоторых памятниках зафиксированы следы существования рыбной ловли (городище Курмантау-1, городище Кара-Абыз).

Анализ инвентаря показывает, что Охлебининский и Шиповский могильники во II в. до н. э. – II в. н. э. развивались обособленно друг от друга. Население Охлебининского могильника получает посредством торговых (?) контактов зеркала, бусы и другие элементы убранства костюма, в то время как на Шиповском могильнике импорты практически отсутствуют. В то же время в погребальных памятниках в редких случаях встречены датирующие импортные изделия (7 фибул), в то время как в пьяноборской среде их в несколько раз больше (23 фибулы), практически отсутствует и импортная посуда, за исключением отломанной ручки римского ковша, тип Eggers 140, использовавшегося населением кара-абызской культуры в качестве поясной пряжки.

ГЛАВА 2

ПЬЯНОБОРСКАЯ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКАЯ ОБЩНОСТЬ

Впервые термин «пьяноборская культура» стал известен в 1880 г., когда возле с. Пьяный Бор на севере Татарстана была собрана коллекция уникальных древних вещей, поступившая в Общество археологии, истории и этнографии при Казанском университете. Она заинтересовала ученых и уже в 1881 г. здесь провел небольшие раскопки П.А. Пономарев (Спицын, 1901, с. 1). Выяснилось, что предметы происходят из могильника, располагающегося на высоком мысу над селом. В 1870-х гг. лес, росший на могильнике, был вырублен. Сильные ветры выдували песок, обнажая костяки и вещи. В 1880-х гг. на могильнике побывали А.А. Спицын, И.Н. Смирнов, Ф.Д. Нефедов. По заключению А.А. Спицына, «богатый пьяноборский могильник до сих пор является главным представителем особого типа древностей, которому по всей справедливости и должно быть усвоено его имя. ... Совершенно ясно, что культура пьяноборского типа составляет непосредственное продолжение культуры Ананьинского могильника» (Спицын, 1901, с. 1–7). В 1881 г. был открыт и исследован С.К. Кузнецовым могильник Атамановы Кости в низовьях Вятки, давший типологически близкие предметы (Спицын, 1901, с. 8, 9).

В 1892 г. возле д. Нырғында были найдены кости человека, огромная эполетообразная застежка, которую местные власти переслали в ИАК. В 1898 г. А.А. Спицын открыл здесь 2 могильника пьяноборского типа – Нырғында I и II. Профессор Казанского университета И.Н. Смирнов обследовал в 1894 г. могильник Каменки у с. Мазунино (Смирнов, 1896).

В 20-х гг. XX в. памятники железного века Прикамья изучал А.В. Шмидт, обративший внимание на неоднородность пьяноборских материалов и предложил их разделить: памятники Верхнего Прикамья отнести к гляденовской культуре, а Среднего – к пьяноборской (Шмидт, 1928).

В 1933 г. М.Г. Худяков опубликовал материалы могильников Нырғында I и II из раскопок А.А. Спицына, датировал пьяноборскую культуру II в. до н. э. – V в. н. э. и включил в нее памятники Прикамья этого времени, в том числе и объекты Верхнего Прикамья (Худяков, 1933, с. 16). Все известные материалы пьяноборской культуры были

обобщены А.П. Смирновым, который определил ее время: III в. до н. э. – V в. н. э., отнеся к ней, как и М.Г. Худяков, все древности Прикамья этого времени (Смирнов, 1952).

Начиная с 50-х гг. в Нижнем и Среднем Прикамье проводили раскопки экспедиции многих научных центров: Башкирского, Удмуртского, Казанского и др. Было открыто и исследовано значительное количество памятников пьяноборского времени. Особенно велик вклад в разработку этой проблематики В.Ф. Генинга, под руководством которого раскопаны известные поселения (Чеганда I, Барановское) и могильники (Чеганда II, Нырғында II, Азелино, Суворово, Мазунино). Это дало возможность ему создать собственную концепцию развития пьяноборской общности. В своих первых работах В.Ф. Генинг, увлекшись яркостью памятников удмуртского Прикамья, считал пьяноборскими только памятники этого региона и левобережные в низовьях Белой и в бассейне р. Ик, отнеся их к чегандинской культуре (Генинг, 1962; 1970; 1971). В 1992 г. Б.Б. Агеев, обобщивший все доступные ему материалы Среднего Прикамья этого времени, не обсуждая терминологию, вновь назвал культуру пьяноборской (Агеев, 1992, с. 8). В последующем отношении исследователей к этому термину в литературе не обсуждалось. Лишь в 2009 г. С.Э. Зубов в своем обобщении памятников пьяноборской культуры Башкирии без особой аргументации сообщил, что это название не прижилось среди ученых Башкортостана и Татарстана (Зубов, 2009, с. 255).

Однако школа археологов г. Ижевска, проводя обширные полевые исследования на памятниках этого времени не только в Удмуртии (Тарасово, Усть-Сарапулка и др.), но и в Кировской области (Ошки, Худяки и др.), а также в Татарстане (Ик, Тураево), хорошо понимала, что Среднее Прикамье (чегандинская культура) лишь центральная часть пьяноборского массива, что на рубеже эр существовала огромная пьяноборская культурно-историческая общность, включающая еще и бассейн р. Вятки (худяковская культура), и среднее течение р. Белой (кара-абыз). Близость их материальной культуры определялась прежде всего единством происхождения – ананьинской осно-

вой. Поэтому термин «чегандинская культура» для обозначения одного из локальных вариантов пьяноборской общности для того времени был необходим и нами широко использовался.

Уже в 1970 г. В.Ф. Генинг выдвинул новое положение, согласно которому пьяноборской называлась вся послеананьинская эпоха, по сути, вернувшись к концепции А.П. Смирнова. В пределах пьяноборской эпохи он предложил выделить 4 культуры (III в. до н. э. – II в. н. э.): *гляденовскую* (Верхнее Прикамье), *осинскую* (Средняя Кама), *чегандинскую* (удмуртское Прикамье и низовья Белой) и *кара-абызскую* (Средняя Белая) (Генинг, 1970, с. 8; 1988, с. 29). От явно пьяноборского массива В.Ф. Генинг отделил памятники удмуртского Прикамья в особую мазунинскую культуру, датировав ее III–IX вв. (Генинг, 1967, с. 35), а также памятники III–V вв. бассейна р. Вятки, выделив их в азелинскую культуру (Генинг, 1963). Однако эти предложения вызвали справедливую критику со стороны некоторых ученых (Смирнов, 1964, с. 244–246). Учитывая, что в последней обобщающей работе В.Ф. Генинг (1988, с. 201–277) писал уже о пьяноборской культурно-исторической и этнокультурной области III в. до н. э. – II в. н. э., то можно сказать, что его взгляды существенно приблизились к оценкам А.П. Смирнова.

В 70–80-е гг. в связи с подготовкой ложа Нижнекамской ГЭС шло интенсивное накопление материалов пьяноборского времени казанскими (П.Н. Старостин, Е.П. Казаков, А.Х. Халиков, Р.С. Габяшев, Р.Г. Фаттахов), уфимскими (С.М. Васюткин, Н.М. Мажитов, А.Х. Пшеничнюк, Ю.А. Морозов, В.А. Иванов, Г.И. Матвеева, Б.Б. Агеев, В.К. Калинин и др.), свердловскими (В.Ф. Генинг, В.В. Одинцов, Л.И. Ашихмина) и ижевскими (Т.И. Останина, Р.Д. Голдина, О.В. Армамынская, Г.Н. Клюева, Т.К. Ютина и др.) археологами. Новые материалы позволили Б.Б. Агееву охарактеризовать могильники этого времени (Агеев, 1992), им были уточнены некоторые датировки, выдвинутые В.Ф. Генингом, и культура была датирована им II в. до н. э. – III в. н. э.

Широкие исследования, проведенные Камско-Вятской археологической экспедицией Удмуртского университета на могильниках удмуртского Прикамья (Тарасово, Афонино, Нырғында II, Усть-Сарапулка и др.), северо-восточной Татарии (Икский, Тураевский бескуранный) и особенно Кировской области (Ошки, Первомай, Худяки, Кордон и др.), позволили выдвинуть новую концепцию развития прикамских культур в послеананьинское время (Голдина, 1987, с. 10–15). Согласно ей в конце своего существования *ананьинская* общность разделилась на две: *гляденовскую*, занимавшую территорию преимущественно Верхнего

Прикамья, Средней и Верхней Вычегды и верховий Печоры, и *пьяноборскую* – Среднее и Нижнее Прикамье, низовья Белой и Вятку. Это разделение свидетельствовало о распаде общепермской основы на две части: коми и удмуртов. Принципиально новым было несколько положений. Гляденовская культурная общность уже не входила в состав пьяноборской, как считали М.Г. Худяков, А.П. Смирнов и В.Ф. Генинг, а занимала вполне самостоятельное положение. Пьяноборская общность включала в себя чегандинскую культуру (удмуртское Прикамье, прилегающая к нему часть Татарии и низовья Белой), кара-абызскую (среднее течение р. Белой) и худяковскую (бассейн р. Вятки). Дата пьяноборской общности – III/II в. до н. э. – V в. н. э. Работы последних лет в целом отражают правильность этой гипотезы. Ранняя дата общности спорна.

Стремление выделить на прикамских материалах более дробные, в 2–3 столетия археологические культуры (Генинг, 1958; 1959; 1967; 1988, рис. 1), представляется неоправданным. Отделение этих культур от предшествующих связано с тогдашними представлениями В.Ф. Генинга о резкой смене культур Прикамья в III в. н. э. в результате притока сюда нового западносибирского населения (1959, с. 182–184, 201; 1967, с. 48–51). «Мазунинские племена, вторгшись в III в. на правобережье Камы в районы пьяноборского расселения, вытеснили последних на запад в низовья Камы, где мы находим их в азелинской культуре» (Генинг, 1959, с. 201). В 1972 г. он писал: «...может быть, мазунинские племена также пришли в Прикамье из каких-либо других областей? Думаю, что нет. Это прикамское население, о чем свидетельствует целый ряд традиций в погребальном обряде... керамика... и антропологический тип населения, чрезвычайно близкий пьяноборскому...» (1972, с. 240). Таким образом, оснований для разграничения прикамских культур в III в. нет – мощного сдвига населения на запад в это время не зафиксировано. Более того, Тарасовский могильник убедительно демонстрирует плавное развитие культуры Среднего Прикамья от I в. до V в. Культуры III–V вв., выделенные В.Ф. Генингом, продолжали линию развития культур пьяноборского типа и должны быть включены в качестве позднего этапа этой общности. Следовательно, поздний рубеж пьяноборской эпохи в Прикамье нужно проводить по концу V столетия. На территории северо-западной Башкирии финно-пермский массив существовал до VIII вв.

Сегодня археология Прикамья располагает совсем другими источниками по сравнению с временами А.П. Смирнова и В.Ф. Генинга. В некоторых вопросах концепции сблизились, в других – стали

более обоснованными и четкими. Пьяноборско-гляденовская эпоха (II в. до н. э. – IV/V вв. н. э.) – это археологическая реальность. В ней четко обозначились две общности: пьяноборская (южная) и гляденовская (северная). Первая представлена кара-абызской, чегандинской, худяковской культурами (Голдина, 1999, с. 206–277), вторая – гляденовской (пермское Прикамье), пиджской и джуджыдыгской (Северное Приуралье) (Васкул, 1997, с. 349–399). Красноярский вариант (культура) – образование переходное между пьяноборской и гляденовской территориями.

После открытия и изучения уникального Тарасовского могильника, содержащего 1880 могил, функционировавшего на протяжении всей первой половины I тыс. н. э., стало очевидным, что могильник Чеганда II не соответствует роли опорного памятника этой культуры. Сейчас более целесообразно называть этот вариант пьяноборской общности не чегандинским, а тарасовским.

Тарасовская (чегандинская) культура в ранние периоды занимала камское побережье от устья р. Ик до широты г. Сарапула, бассейны рр. Ик, Сюнь, от устья р. Белой до устья р. Быстрый Танып. На позднем этапе Прикамье было заселено до р. Сивы, верховья р. Иж, на юго-западе – бассейн р. Тоймы (рис. 1). Памятники располагаются скоплениями: городища, селища, могильники. По последним данным в развитии культуры выделяются 3 этапа: ранний, икский (II–I вв. до н. э.), средний, ныргындинский (I–II вв. н. э.)¹, и поздний, мазунинский (III–V вв. н. э.) (Голдина, 1999, с. 225–226; Голдина и др., 2015, с. 5).

Худяковская культура занимала нижнее и среднее течение р. Вятки от г. Слободского на севере, на западе достигала среднего течения р. Пижмы, правого притока р. Вятки, на востоке включала низовья рр. Чепца, Кильмезь – левобережных притоков р. Вятки, на юге – Нижнее Прикамье с приустьевой частью и марийское левобережье р. Волги.

Культура выделена Р.Д. Голдиной в 1987 г., описана ею в 1999 г., всесторонний анализ ее вятских памятников выполнен Н.А. Лещинской (2014). Культура названа по Худяковскому могильнику III–IV вв., расположенному на правобережном притоке р. Вятки – Пижме. Это один из самых крупных исследованных могильников этого времени на Вятке (120 могил) и по характеру материальной культуры более всего соответствует особенностям местного финского населения. Широко

используемый ранее термин – азелинская культура – отражает преимущественно культуру пришлых военизированных групп (III–IV вв.) (Голдина, 1999, с. 262–268). В худяковской культуре Н.А. Лещинской выделены 2 этапа: ошкинский (I – начало III в. н. э.) и азелинский (III–V вв. н. э.) (1995, с. 17; 2014, с. 175, 176).

Кара-абызская культура располагалась преимущественно на правобережье среднего течения р. Белой от устья р. Бирь до устья р. Усолки, лишь небольшая группа памятников зафиксирована на левобережье в устье р. Демы (рис. 1). Долгое время (1960–1990-е гг.) ее исследованием занимался А.Х. Пшеничнюк (1964; 1973; 1982 и др.), с 90-х гг. XX в. их продолжает В.В. Овсянников (Овсянников и др., 2007; 2009 и др.). А.Х. Пшеничнюк датировал культуру IV в. до н. э. – III в. н. э. и делил на 4 этапа: I–IV–III вв. до н. э.; II–III–II вв. до н. э.; III – I в. до н. э. – II в. н. э.; IV – конец II–III в. н. э. (1973, с. 170–175). В.Ф. Генинг предлагал начало кара-абыза относить к III–II вв. до н. э. (1988, с. 62, 63), поздняя дата сейчас определяется как середина IV в. (Овсянников и др., 2007, с. 83). Расцвет кара-абызской культуры падает на III в. до н. э. – II в. н. э. (Овсянников, 2009, с. 240).

Своеобразие археологических общностей определяется по глиняной посуде, погребальному обряду и украшениям. Керамические коллекции пьяноборья изучали многие ученые. Наиболее значителен вклад В.Ф. Генинга, В.А. Иванова, Т.И. Останиной, Б.Б. Агеева, Р.Д. Голдиной, А.Х. Пшеничнюка, О.А. Казанцевой, Н.С. Савельева, А.А. Красноперова и др.

Поселенческая глиняная посуда лучше всего изучена по материалам тарасовской (чегандинской) культуры (Генинг, 1970, с. 84–88, рис. 18, табл. XXVIII; Иванов, 1982, с. 199–209, 2003, с. 199–207; Бугров, 2006, с. 91–97) и представляет собой лепные, круглодонные вариации горшков, мисок, чаш. Особенно популярны горшки и миски с блоковидной или прямой горловиной и непрофилированные чаши. Диаметры сосудов по устью 10–25 см. В качестве примесей использовались толченая раковина, растительные остатки, режее – песок и шамот. Наблюдаются локальные различия в примесях к глиняному тесту. Орнамент скуден – ряд ямок по шейке, насечки и защипы по венчику. В целом посуда достаточно единообразна.

Посуда пьяноборских могильников также выполнена без гончарного круга и отличается круглодонностью, хотя в бельском варианте присутствуют и сосуды с уплощенным дном. Формы те же, что и на поселениях: горшки, миски и чаши с блоковидной (рис. 2: 3, 9, 13, 17) или прямой горловиной (рис. 2: 5, 10, 14), а также без выра-

¹ В работе 1999 г. этот этап был назван мною (Р.Д.Г.) афонинским по могильнику у с. Афонино, но поскольку публикация материалов этого памятника задерживается, предлагаю его назвать по имени двух хорошо известных могильников у д. Ныргында.

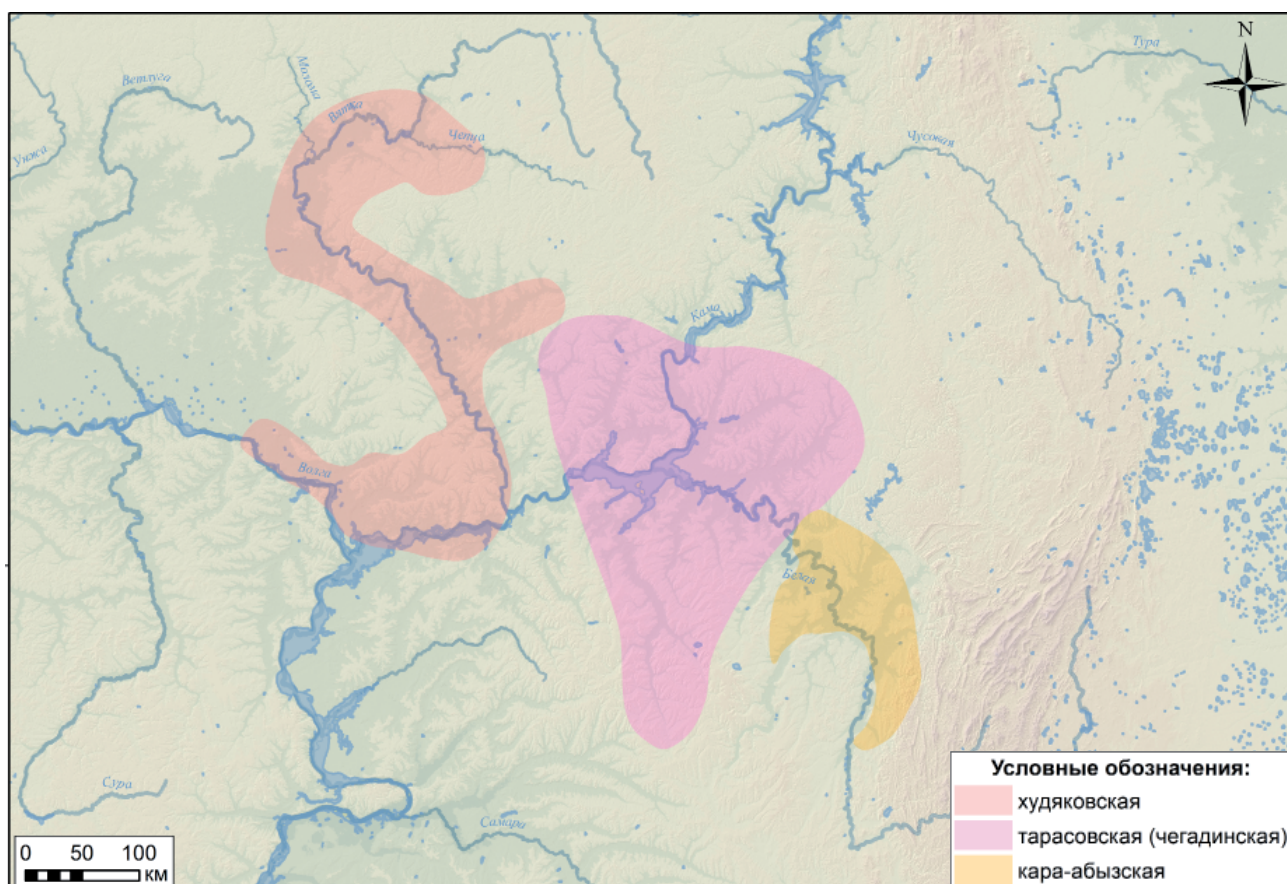

Рис. 1. Ареалы культур пьяноборской культурно-исторической общности
1 – худяковская; 2 – тарасовская (чегандинская); 3 – кара-абызская

женной шейки с прямым или закрытым устьем (рис. 2: 4, 7, 8, 11, 12, 18, 19). Последние формы характерны и для чаш (рис. 2: 1, 2, 6, 15, 16). В редких случаях наблюдается заметное ребро-уступ в средней части сосуда. Погребальная посуда более миниатюрна, диаметром 4–15 см (рис. 2; рис. 17 в разделе 2, глава 4 данного издания). Примеси: измельченные остатки раковин пресноводных моллюсков, шамот, сухая глина, обожженные кости, птичий помет. Как и на поселениях, посуда орнаментирована скудно по шейке – одним или двумя рядами редких ямок (рис. 2: 5, 13, 14), реже оттисками ногтей, гребенчатого или гладкого штампов. Отмечено усложнение орнамента от первых вв. н. э. к IV–V вв. В кара-абызской культуре орнамент более разнообразен, что связано с воздействием гафурийской и сарматской культур. Особенности худяковской погребальной керамики: большая доля непрофилированной посуды, редкость ямочных узоров, присутствие шнуrowого орнамента.

Что касается анализа погребального обряда могильников пьяноборской общности, то благодаря ученым многих научных центров осуществлены крупномасштабные исследования значительного количества могильников, опубликованы их

материалы и проведена серьезная аналитическая работа.

Первые профессиональные характеристики погребального обряда пьяноборской (чегандинской – по В.Ф. Генингу, тарасовской – по Р.Д. Голдиной) культуры были выполнены В.Ф. Генингом (1970) и Б.Б. Агеевым (1992). Они во многом близки, но поскольку работа Б.Б. Агеева вышла спустя 25 лет после монографии В.Ф. Генинга, в ней использован больший материал и содержатся некоторые коррективы деталей обряда. Т.И. Останина предприняла статистическое сопоставление мазунинской, кара-абызской и пьяноборской (тарасовской) культур на основании изучения 24 признаков погребального обряда. Ею использованы материалы, собранные по чегандинской культуре В.Ф. Генингом (1970), по кара-абызу – А.Х. Пшеничноком и по мазунино – собственные (1997). Выяснилось, что показатель сходства пьяноборья (тарасовская (чегандинская) культура) и мазунино достаточно высок – 0,76 (рис. 3), что можно объяснить их преемственностью и принадлежностью к одному культурному блоку. Большой показатель сходства пьяноборья и кара-абыза (0,79) – следствие синхронности и общих истоков (ананьинская общ-

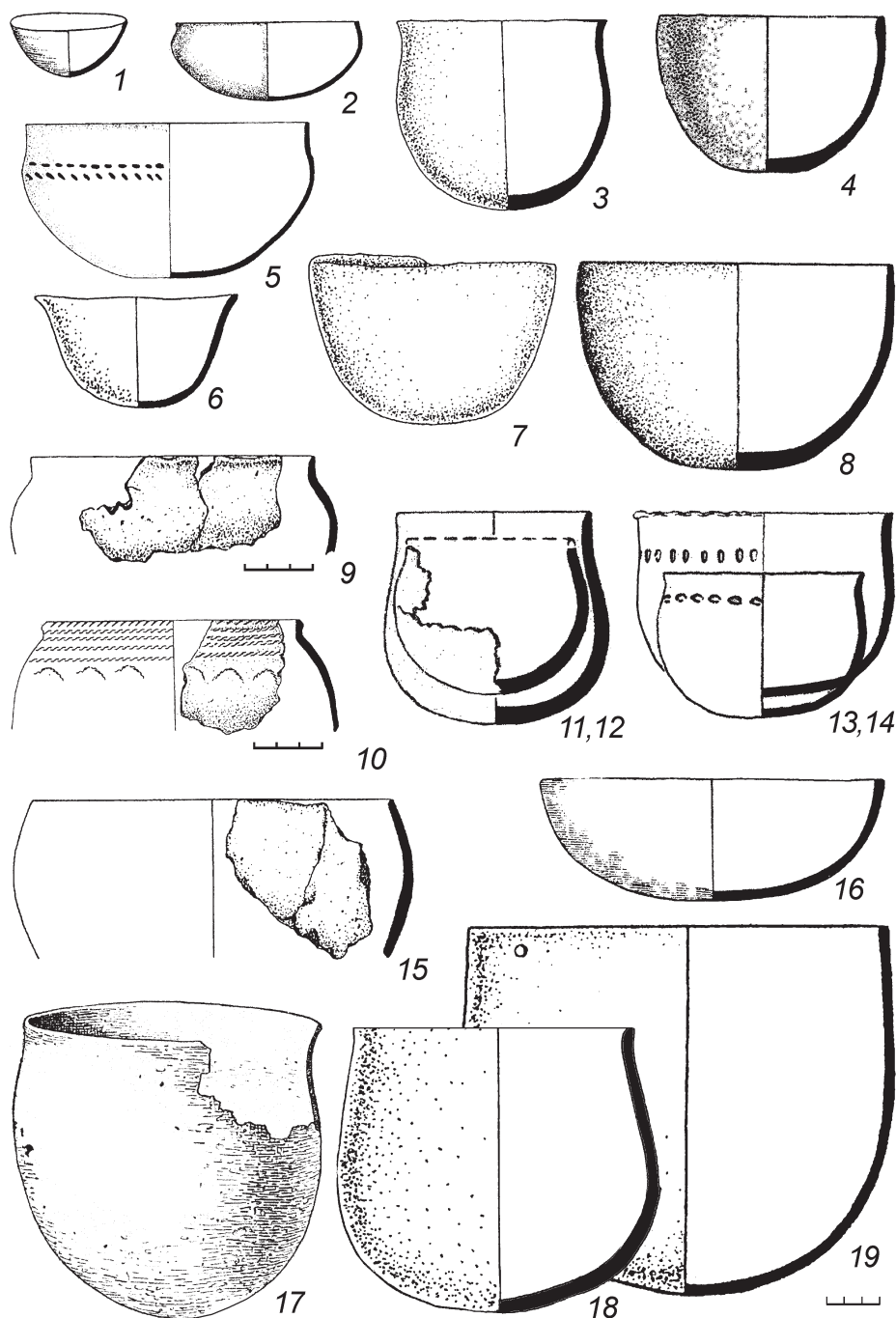

Рис. 2. Глиняная посуда могильников пьяноборской культурно-исторической общности
 1, 2, 5, 16 – Шипово; 3, 6, 7 – Тюм-Тюм; 4, 8 – Камышлы-Тамак III; 11–14 – Ново-Сасыкуль; 9, 10, 15 – Первомай;
 17 – Мари-Луговое; 18 – Нармонка; 19 – Худяки

ность). Обращает на себя внимание более низкий показатель степени сходства кара-абыза и мазунино, что определено хронологической разницей и различной локализацией.

Еще более выразительная картина выявилась благодаря исследованиям Ф.А. Сунгатова, который сопоставлял более обширные и современные материалы кара-абызской, пьяноборской (тарасовской), мазунинской культур, а также двух стадий Бирского могильника: I – III–V вв. и II – V–VIII вв. по 42 признакам (Сунгатов, элек-

тронное письмо от 4.08.2017). Абсолютно совпали с данными Т.И. Останиной показатель сходства мазунино и кара-абыза (0,59) (рис. 4). Несколько возрос, скорее всего, вследствие масштабных работ на пьяноборских могильниках Башкортостана и появления более информативной базы по могильникам этого типа, показатель сходства пьяноборья – мазунино до 0,83, а также снизился показатель сходства кара-абыз – чеганда (тарасово) до 0,62, что вполне оправдано – разные культуры. Ф.А. Сунгатову удалось четко зафиксировать

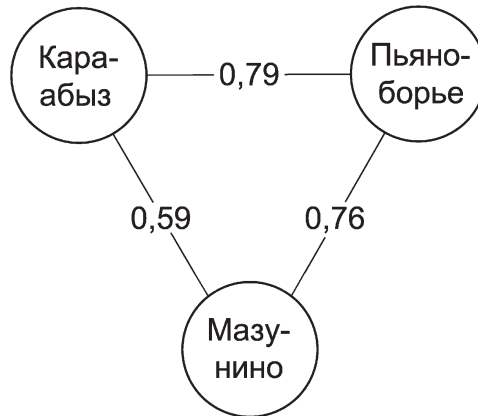

Рис. 3. Граф сходства погребального обряда археологических культур (Останина, 1997, рис. 82)

единство однокультурного синхронного блока: мазунино и Бирск I – III–V вв. (показатель сходства 0,86) и преемственность Бирск I – Бирск II (V–VIII вв.) (показатель сходства 0,81). Нет сомнений в однокультурности пьяноборья (тарасовская, чегандинская культура) и мазунино III–V вв. Показатель их сходства – 0,83. Благодаря работе Ф.А. Сунгатова многие предположения обрели доказательную базу.

Характеристику погребального обряда тарасовской (чегандинской) культуры см. в разделе 2 глава 4 данного издания.

Как и в других культурах пьяноборского круга, в кара-абызской культуре (Пшеничнюк, 1973, с. 175–178) преобладают бескурганые могильники без каких-либо отметок на поверхности. Могильные ямы простые прямоугольные, без особенностей. Размеры зависели от пола и возраста захороненных. Способ захоронения – труположение. Костяки лежали на спине, с вытянутыми конечностями. На дне зафиксированы следы деревянных настилов. Иногда стенки могил выложены большими камнями. В женских могилах раннего этапа на дне встречались кусочки мела, в поздних – остатки животных (задние конечности овцы или свиньи), глиняные сосуды с сопровождающей пищей. В женских могилах обнаружены украшения, в мужских – предметы вооружения и конское снаряжение. Особенностью женского костюма являются парные нагрудные ремни, украшенные бронзовыми накладками (портупей). Как и в тарасовской (чегандинской) культуре, часть украшений расположена так, как использовалась при жизни; пояса часто развернуты и уложены вдоль или на тело; часть украшений уложена у ног или у головы в емкости – туески, шкатулки, представляя собой подарочные наборы.

Могильники худяковской культуры имеют признаки: грунтовые могилы расположены рядами, преимущественно простые ямы (редко с заплечи-

ками и нишами) ориентированы в меридиональном направлении; с III в. фиксируются внутримогильные конструкции типа гробовищ, известны подстилки из луба, бересты, ткани, войлока и др.; преобладание ингумации, наличие подарочных наборов (0,8–6,5%), следы культа огня (углистые пятна, угли, прокалы в засыпи и в межмогильном пространстве). На памятниках бассейна р. Вятки наряду с труположениями известны трупосожжения (полная или частичная кремация до 69,4% – Худяки). На других территориях трупосожжения единичны (Рождествено V). На Нижней Каме и марийском левобережье в могилах встречаются остатки коней (единично и до 47% – Нармонка). Кремация для лесного Поволжья – у разных групп населения – явление распространенное: в марийско-нижегородском Поволжье – Безводнинский могильник V – начала VIII в. (Краснов, 1980; Никитина, 1999), на памятниках Окско-Сурского междуречья второй половины IV – начала V вв. (Букина, 1998; Ставицкий, 2013) и др., поэтому существование обряда трупосожжения у западных групп пьяноборской общности не является чем-то экстраординарным. Очевидно, что на большой территории худяковской культуры вполне возможны локальные особенности: для вятского варианта – трупосожжение, а для нижекамского – остатки коней на дне могильных ям.

Итак, как показали предшествующие исследования, погребальный обряд демонстрирует единство общности на протяжении конца I тыс. до н. э. и первой половины I тыс. н. э. и доказывает близость всех трех локальных образований: кара-абызской, тарасовской (чегандинской) и худяковской культур.

Решение проблемы выделения локальных групп памятников пьяноборского облика в бассейнах рр. Камы, Белой, Вятки невозможно без рассмотрения вещевых комплексов культур и прежде всего металлических украшений. Это огромный и

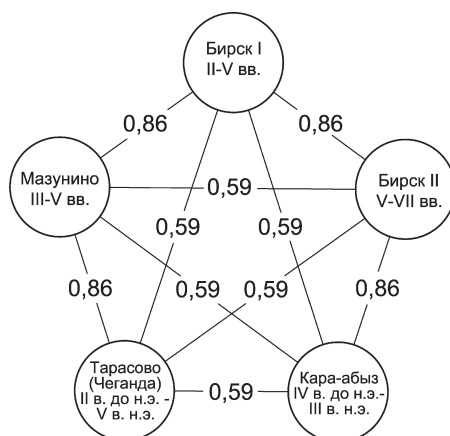

Рис. 4. Граф сходства погребального обряда культур Прикамья рубежа эр и I тыс. н. э. (по данным Ф.А. Сунгатова, 2017)

разнообразный пласт материалов, анализ которого предполагает применение статистики, учета общих и особенных черт в каждой культуре. Но даже простое сопоставление украшений трех изучаемых культур наглядно демонстрирует их близость. О своеобразии тарасовского (чегандинского) комплекса можно судить по данным статистики и типологии Б.Б. Агеева (1992), о периоде I–V вв. – по результатам исследования Тарасовского могильника (Голдина, 2003; 2004; Голдина и др., 2015; Голдина, Бернц, 2016; 2016а; 2017; 2017а) с привлечением корпуса источников мазунинского времени, изученного Т.И. Останиной (1997). В основе источниковой базы по вятскому варианту пьяноборья лежат данные по систематизации вещевых комплексов могильников худяковской культуры (Лещинская, 2014), с учетом опубликованных материалов памятников азелинского типа Нижней Камы (Старостин, 2002; 2009), а также марийского течения р. Волги (Халиков, 1962; Никитина, 1999). Характеристика вещевых комплексов бельского варианта позднего пьяноборья представлена в работах Н.А. Мажитова (1968), А.Н. Султановой (2000). В качестве источников по кара-абызской культуре привлечены материалы многочисленных работ А.Х. Пшеничнюка (1973; 1976; 1982; и др.), коллективная монография уфимских исследователей (Овсянников и др., 2007), диссертационное исследование С.Л. Воробьевой (2012) и др.

Самым распространенным элементом костюмного комплекса пьяноборского мира можно считать височные подвески в виде знака вопроса². В ранний период это подвески с коническими трубицами: цельнолитыми (рис. 5: 1, 2) или витыми (рис. 5: 3–5). В III–V вв. на Каме и Белой ведущим вариантом височных подвесок стал «мазу-

нинский» тип, с кольцом в нижней части прямого стержня, обмотанного бронзовой проволокой, или стержня из перевитой проволоки (рис. 5: 6, 7). Подобные височные подвески сотнями зафиксированы и на Тарасовском, и Бирском могильниках. В худяковских некрополях такие височные подвески встречаются реже, здесь более популярны модификации подвесок со свисающим спиральновитым прямым стержнем (рис. 5: 8).

В большинстве пьяноборских памятников известны перстни, однако степень использования их различна. Этот показатель выше для кара-абызских комплексов (12,3%), чем для ранних камско-бельских (тарасовская культура) могильников (1,2–4%). В вятском ареале диапазон встречаемости перстней варьирует от 1,7% до 28,6%. Наиболее популярным типом перстней во всех локальных группах, особенно на ранних этапах пьяноборья, были спиральновитые изделия (рис. 5: 11, 12). Крупная (90 экз.) коллекция таких перстней зафиксирована в кара-абызе, в тарасово (чеганде) их известно 7 экз., в худяковских комплексах – 11 экземпляров. Для ранних периодов всех пьяноборских ареалов характерны перстни с крупным прямоугольным, реже округлым, орнаментированным щитком (рис. 5: 10); в позднепьяноборское время объединяющим типом выступали пластинчатые одновитковые перстни (рис. 5: 13–15).

Находки шейных гривен во всех ареалах пьяноборья немногочисленны: в кара-абызе – 5,15%; по данным Б.Б. Агеева, для ранних пьяноборских могильников – в диапазоне от 0,3 до 7,1%; на Тарасовском могильнике гривны обнаружены в 5,8% могил; на вятских некрополях показатель колеблется от 1,7% (Худяки) до 32,3% (Суворово). Общая тенденция распространения гривен – возрастание их числа в позднепьяноборский период. Для рубежа эр и начала I тыс. н. э. более характерны круглопроволочные экземпляры с расплюсченны-

² Более подробную информацию о количестве, степени распространенности украшений, аналогиях см. в статье: Голдина, Лещинская, 2018.

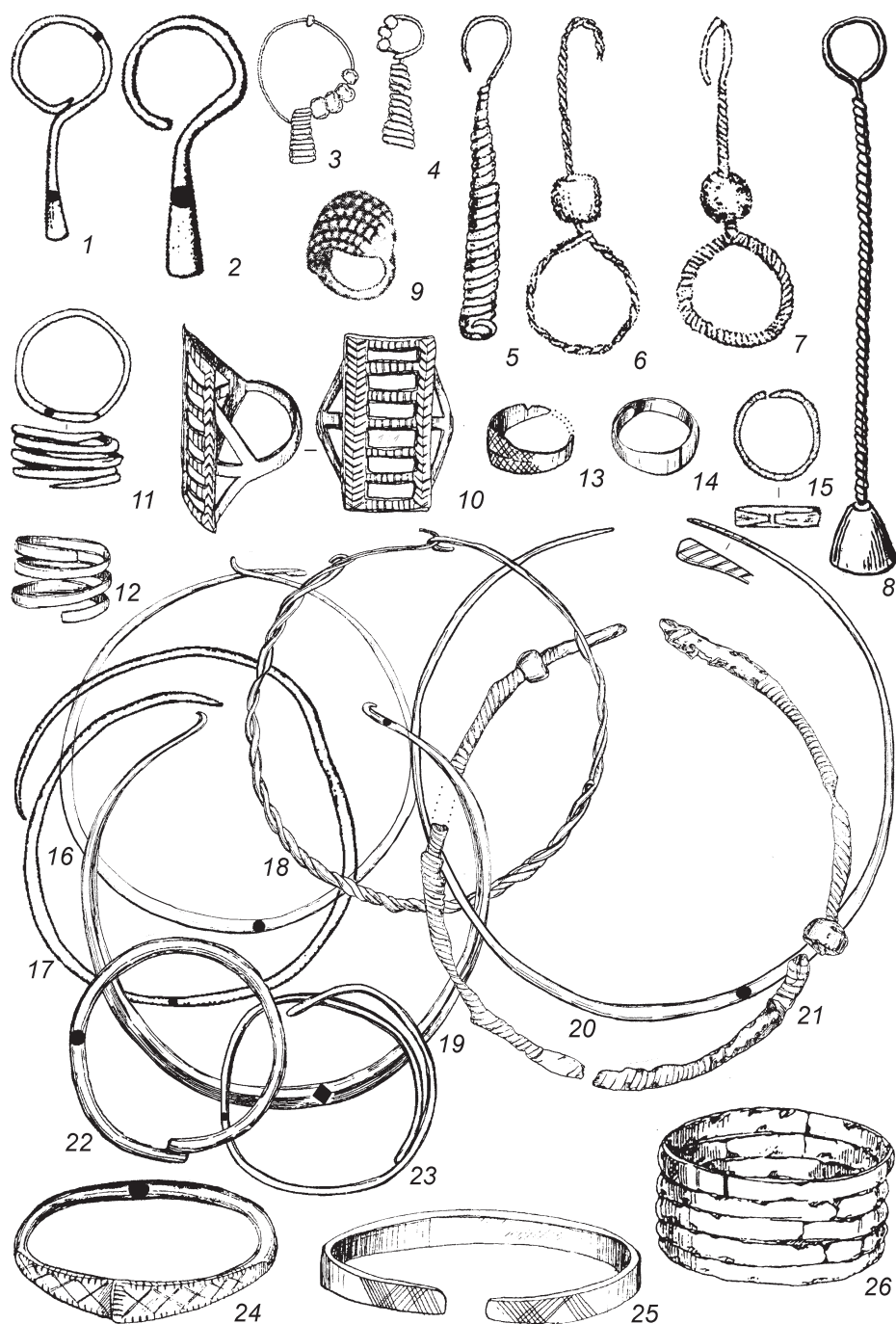

Рис. 5. Типы предметов, встречающиеся на памятниках пьяноборской культурно-исторической общности
1–8 – височные подвески; 9–15 – перстни; 16–21 – гривны; 22–26 – браслеты. 1, 2, 5, 8–20, 22–25 – бронза;
3, 4, 6, 7 – бронза, стекло; 21 – железо, бронза, стекло; 26 – железо. Масштаб различен

ми (рис. 5: 20) или заходящими друг за друга концами (рис. 5: 17), витые гривны из двух проволок (рис. 5: 18). В III–V вв. были популярны гривны с ромбическим сечением (рис. 5: 19), круглопроволочные с замком из двух крючков (рис. 5: 16), модификации витых гривен, а также изделия с железной основой, обмотанной бронзовой проволокой, и иногда с напускными бусинами (рис. 5: 21).

Браслеты не часто встречаются в раннепьяноборских комплексах: в кара-абызе показатель их не превышает 5,3% (по С.Л. Воробьевой), на кам-

ско-бельских объектах – 3,4% (по Б.Б. Агееву), на вятских могильниках от 0,8% (Худяки) до 6,3% (Ошки). Количество их возрастает в IV–V вв., судя по Тарасовскому некрополю и камско-вятским азелинским могильникам. Для раннего времени характерны браслеты из дровот круглого сечения с заходящими концами (рис. 5: 23) и многовитковые (рис. 5: 26), а для позднего – бронзовые круглопроволочные простые браслеты (рис. 5: 22) или с орнаментированными расплюснутыми концами (рис. 5: 24) и пластинчатые варианты (рис. 5: 25).

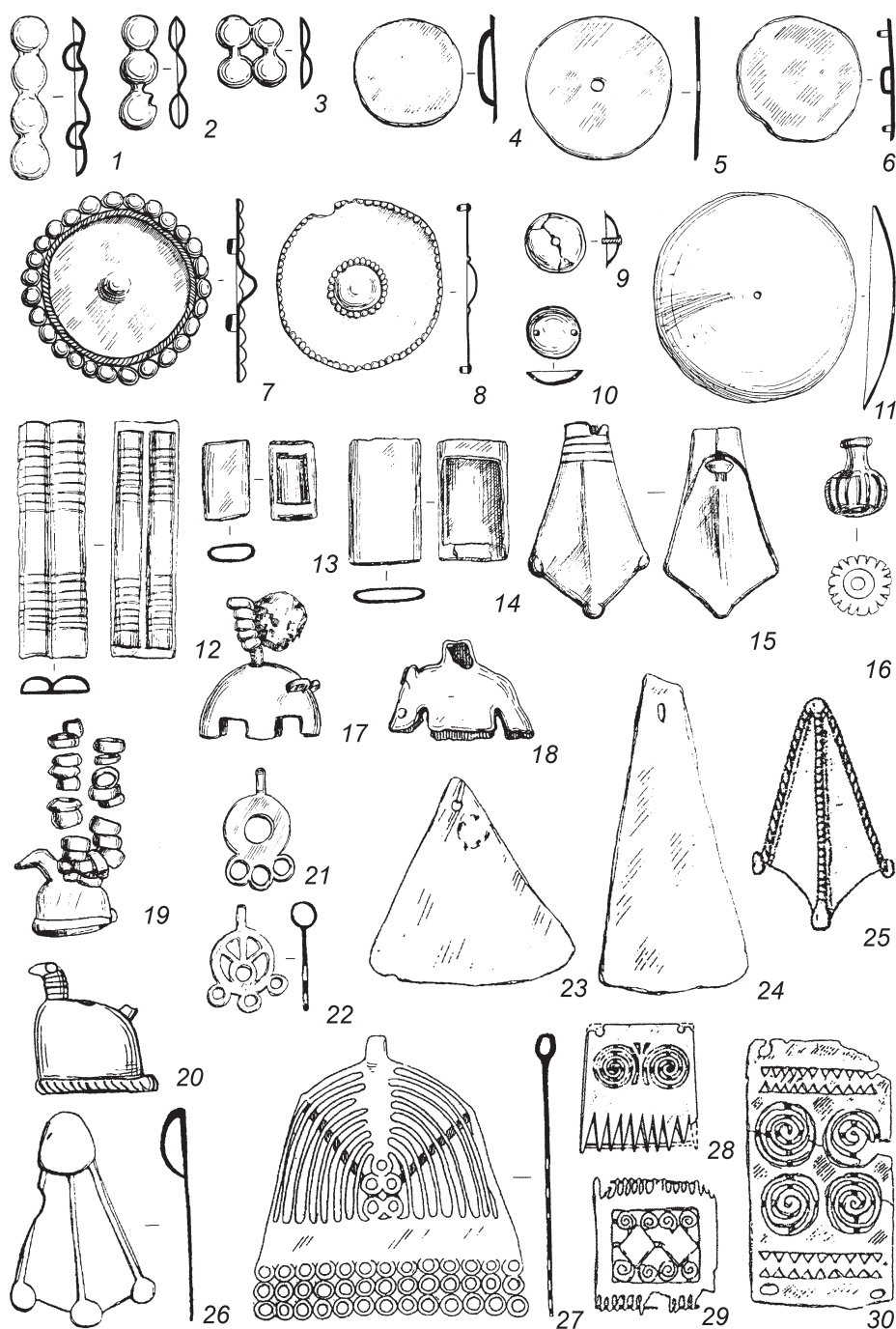

Рис. 6. Типы предметов, встречающиеся на памятниках пьяноборской культурно-исторической общности
1–10 – бляшки; 11 – бляха; 12–20 – пронизки; 21–27 – подвески; 28–30 – накладки. 1–30 – бронза. Масштаб различен

Традиционно для костюмных комплексов культур пьяноборского круга использование различных вариантов бляшек: в качестве украшений ворота, рукавов, подола, окантовки одежды; элементов головных, нагрудных, поясных, обувных уборов. Как правило, это цельнолитые бляшки, которые исчисляются тысячами в кара-абызских памятниках, в погребениях Тарасовского могильника. На порядок меньше их на памятниках худяковской культуры, что можно объяснить лишь меньшим объемом источников. Наибольшее раз-

нообразии и количество бляшек зафиксировано для раннепьяноборских комплексов (рис. 6: 1–8), в III–V вв. бляшки также встречаются повсеместно, но меньше, исчисляясь десятками и сотнями (рис. 6: 9, 10). На всех пьяноборских памятниках присутствуют и крупные бляхи (рис. 6: 11), используемые как поясные или нагрудные украшения. Часть из них выполнена из высокооловянистых бронз, другая из – бронзовых сплавов иного состава. Наиболее активный период их использования – II–IV вв.

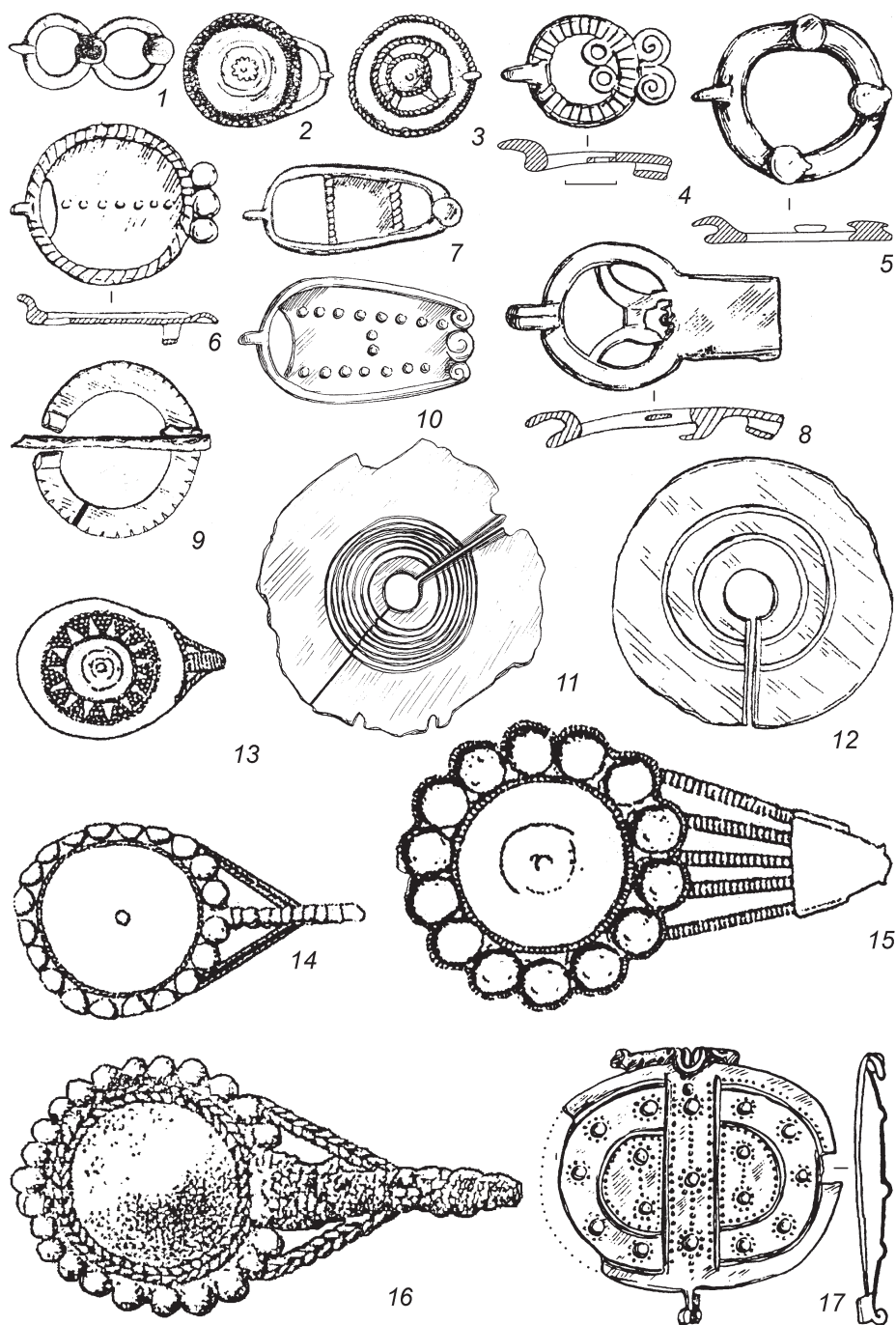

Рис. 7. Типы предметов, встречающиеся на памятниках пьяноборской культурно-исторической общности
1–8, 10 – застёжки с крючком; 9 – сьюльгама; 11, 12 – застёжки-бляхи; 13–16 – эполетообразные застёжки;
17 – бабочковидная застёжка. 1–17 – бронза. Масштаб различен

К популярным деталям пьяноборского костюма можно отнести и многочисленные пронизки (обоймы). В среднепьяноборское время наибольшие параллели по этой категории украшений проявляют кара-абызские и тарасовские (чегандинские) памятники. К общим типам можно отнести короткие, широкие, с вырезом на обороте пронизки (рис. 6: 13, 14), более характерные для кара-абыза, и одинарные или двойные полуцилиндрические пронизки с поперечными насечками (рис. 6: 12), чаще встречаемые на Средней Каме.

Значительно реже в этих культурах встречались пронизки-лапки (рис. 6: 15). Вятские материалы со всеми ареалами сближают флаконовидные пронизки (рис. 6: 16). В III–V вв. во всех пьяноборских культурах зафиксированы зооморфные пронизки: медведи (рис. 6: 17, 18), утки (рис. 6: 19, 20).

В пьяноборском костюме в большом разнообразии присутствуют подвески. В ранний период к общим типам относятся многочисленные круглые мелкие подвески с прорезями и без (рис. 6:

21, 22). Распространены подвески геометрических форм – трапециевидные, подтреугольные, прямоугольные (рис. 6: 23, 24). Самая представительная коллекция их (более двух сотен) происходит из кара-абызских могильников. Б.Б. Агеев для камско-бельских некрополей привел данные о 78 изделиях, не менее 67 подвесок этого типа встречено в комплексах Тарасовского могильника, 11 экземпляров известно на Вятке. В меньшем количестве, но во всех пьяноборских ареалах зафиксированы лапчатые подвески (рис. 6: 25, 26). Тарасовский (чегандинский) ареал был центром производства крупных ажурных арочных подвесок (рис. 6: 27). В позднем пьяноборье в каждом регионе развивается своя стилистика подвесок.

Среди общих типов металлической пластики следует отметить и ажурно-прорезные накладки (рис. 6: 28–30). Судя по степени распространенности, центром их производства и более интенсивного использования была тарасовская (чегандинская) культура. В комплексах преимущественно III–I вв. до н. э. Б.Б. Агеевым зафиксирована 221 такая накладка. В первые века I тыс. н. э., как демонстрируют материалы Тарасовского могильника, количество их сокращается (15 экз.). На кара-абызских и камско-вятских памятниках они единичны.

Ярчайшим признаком пьяноборской общности являются застезки с неподвижным крючком (Голдина, 2018). Они получили широкое распространение в раннепьяноборское время и сотнями насчитываются в кара-абызских и тарасовских (чегандинских) комплексах, значительно меньше их в ранних погребениях худяковской культуры (рис. 7: 1–8, 10). В этот же период начинают использоваться эполетообразные застезки (рис. 7: 13–16): с явным доминированием в раннечегандинских памятниках, единичными находками в кара-абызских материалах II в. до н. э. – I в. н. э. и комплексах I–II вв. вятских могильников (Ошки, Первомай). Дальнейшая эволюция эполетообразных застезек связана только с памятниками азелинского этапа худяковской культуры (43 экз. по опубликованным источникам). В III–V вв. в могильниках всех локальных групп встречаются крупные бляхи-застезки «мордовского типа»

(рис. 7: 11, 12) с самой большой коллекцией на памятниках худяковской культуры (не менее 57 экз.), единичными находками в Бирском и Тарасовском некрополях. Более ранние их экземпляры были больше популярны в тарасовской (чегандинской) среде. В такой же пропорции, как и бляхи-застезки, встречаются в локальных ареалах застезки-сьюльгамы (рис. 7: 9). Наибольшее их количество найдено в азелинских памятниках (не менее 51 экз.), Тарасовском могильнике (37 экз.), здесь же им предшествует значительный пласт ранних типов сьюльгам. На Белой их значительно меньше (Бирск – 19 экз.).

Суммируя полученные результаты сравнительного анализа металлической гарнитуры костюмных комплексов трех археологических образований пьяноборской общности, можно констатировать, что уже в первом приближении к теме четко просматриваются параллели по многим категориям украшений. Степень сходства больше проявляется для ранних этапов культур, что вполне объяснимо общей исходной ананьинской основой. Фиксируемые параллели не исключают своеобразия культур, которое еще необходимо исследовать. Но это различие вызвано скорее разнонаправленностью внешних импульсов и контактов, обусловленных территориальной локализацией культур. Материалы III–V вв. изучаемых культур демонстрируют однотипность многих элементов женского костюмного комплекса, но с большим, чем ранее, проявлением местных стилистик в оформлении таких категорий, как застезки, височные и нагрудные подвески и др. Объяснение этому следует искать в специфике внутренней эволюции культур. В целом же напрашивается вывод о генетическом родстве культур и их своеобразии на уровне локальных вариантов единой пьяноборской общности.

В заключение хотелось бы выразить уверенность, что, несмотря на множество лагун в археологии Волго-Камья этого времени, приведенные материалы, накопленные на протяжении почти 150 лет изучения этой проблемы, убедят специалистов в реальности существования в Волго-Камье на рубеже эр и в первой половине I тысячелетия н. э. пьяноборской культурно-исторической общности.

ГЛАВА 3

ПЬЯНОБОРСКАЯ КУЛЬТУРА. ПОСЕЛЕНЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ

Природно-географические условия Среднего Прикамья характеризуются разнообразием рельефа при сохранении общего равнинного его характера, разветвленной речной сетью, богатством природных ресурсов. Хвойно-широколиственные леса по правому берегу Камы, обширные луга и многочисленные водоемы в левобережье в значительной степени обеспечивали потребности населения в древесине, продуктах охоты, рыболовства и собирательства. Луга давали достаточно кормов, необходимых для разведения домашнего скота. Рыбным промыслом можно было заниматься круглый год: летом в реках и крупных озерах, зимой – в пойменных водоемах, что поддерживало местные хозяйства вплоть до новейшего времени (Очерки..., 1957, с. 289–290). По данным того же периода, чрезвычайно развит был в регионе и охотничий промысел; добывался очень широкий ассортимент промыслового зверя и птицы, хотя уже тогда отмечалось некоторое снижение поголовья копытных (олень, лось, косуля) и ценных пушных (куница, горноста́й, выдра) животных.

Все это делало регион, где с Камой сливаются два ее крупных левых притока – Белая и Ик, чрезвычайно привлекательным для расселения людей с древнейших времен, а в пьяноборское время превратило в своеобразный центр, вокруг которого группируется значительная (если не большая) часть памятников пьяноборской культуры (рис. 1). По данным Т.И. Останиной, известно около 300 памятников – городищ, селищ, могильников, кладов (2007, с. 167). Р.Д. Голдина к памятникам тарасовской (чегандинской, пьяноборской) АК относит 382 объекта (2020, с. 305–309). Нами на левом берегу Камы учтены 206 поселений: 43 городища и 163 селища, на правобережье Камы – 101 поселение: 28 городищ¹ и 73 селища.

Городища. Большинство правобережных городищ имеют выход на реку Каму, располагаясь в приустьевых участках ее правых притоков. Площадки укрепленных поселений занимают, как правило, поверхности высоких мысов, хорошо заметных с реки (рис. 2). С самих городищ также

открывается прекрасный обзор главной речной артерии и прилегающей к ней местности. Городища известны по обоим берегам Белой до большой излучины к востоку от с. Дюртиули, по правым и левым притокам Белой (Сюнь, Быстрый Танып), а также в среднем и нижнем течении р. Ик. 18 городищ расположены по берегам р. Белой (14 на левом, 4 на правом), 15 – на р. Ик (8 на левом, 7 на правом берегу) и 3 на р. Сюнь и ее притоках (все на правом берегу); по два городища известны на р. Березовке (левый приток Камы) и в правобережье р. Быстрый Танып (правый приток Белой) и одно городище – Бурнюшское – расположено также на правом притоке Белой – р. Кельтей. Информация по большинству из них получена в результате разведок. Раскопки на городищах Удмуртского Прикамья проводились на 12 городищах и 10 селищах. Широкие площади также изучены на городищах в правобережье Белой (Новокабановском, Старонагаевском («Тра-Тау»), Старомуштинском («Какры-Куль») и на Юлдашевском («Петер-Тау») городище в устье р. Сюнь. На левом берегу р. Ик с достаточной полнотой Д.Г. Бугровым исследовано Тойгузинское II городище (вскрыто до 2/3 площадки и фортификации).

Данные о мощности культурного слоя имеются для 43 городищ. На 23 городищах прослежен слой более раннего (ананьинского) или более позднего (мазунинского) времени; Зуевключевское I, Нырғындинское II, Момылевское, Чеганда I, Усть-Нечкинские I и II, Новокабановское, Старомуштинское и Юлдашевское городища содержат и ананьинский, и мазунинский слои, Старомуштинское – еще и чандарский, Момылевское – бахмутинский, Чеганда I – именьковский. При этом собственно пьяноборский слой либо не вычленяется авторами раскопок, либо информация об его мощности отсутствует, что затрудняет определение длительности и интенсивности функционирования и функции городищ в пьяноборский период их существования.

Основные принципы классификации городищ железного века Прикамья, в том числе и пьяноборских, разрабатывались В.Ф. Генингом с середины 1950-х годов. Первоначальная классификация предусматривала выделение трех основных

¹ Осенью 2021 г. было выявлено еще одно городище – Галановское II, на карте не учтенное.

типов по количеству, форме и размещению укреплений и трех разновидностей по наличию или отсутствию дополнительных укреплений в мысовой части городищ; по размеру площадки выделялись две группы – малые и большие (Генинг, 1962, с. 10; Генинг, 1970, с. 14–18, табл. Г). В.А. Иванов при классификации пьяноборских укрепленных поселений использовал схему В.Ф. Генинга, «несколько уточнив статистику» и введя два дополнительных типа (Иванов, 1984, с. 52, 53, табл. VII). В начале 2000-х годов Д.Г. Бугровым была предложена несколько отличная классификация пьяноборских городищ (в разработку было включено 31 городище Икско-Бельского междуречья) по схеме, разработанной для раннего железного века Зауралья и Западной Сибири (Борзунов, Стоянов, 1981). Выполненная классификация позволила выделить пять филогенетических групп укрепленных поселений (рис. 3).

Группа А (18 городищ, 58% от общего числа городищ): одноплощадочные городища на мысу, холме (горе) на террасе или на останце в пойме, с поперечной фортификацией (I и II типы). Форма укреплений чаще всего прямая или слабо дуговидная (13 случаев), в двух случаях – дуговидная (Тойгузино, Нагайбаково), в трех случаях не установлена (Турачино, Карповка, Кряш-Шуран). В подавляющем большинстве случаев городища группы А имели одну линию укреплений, в двух случаях (Ирмяш, Турачино) – две, в одном (Тойгузино II) – три линии. Двойные и тройные линии укреплений во всех случаях располагались вплотную друг к другу. Как показали исследования укреплений Тойгузинского II городища, все три линии укреплений возводились одновременно (Бугров, 2001, с. 28).

Подавляющее большинство городищ группы А (10 из 14 городищ, по которым имеются данные о площади) относятся к малым, очень малым и мельчайшим (площадью от 375 до 2800 м²).

Группа Б (1 городище, 3,2% – Тат-Ямалинское II): одноплощадочное городище с полукольцевой фортификацией, расположенное у края террасы (IV тип).

Группа В (4 городища, 12,9%): одноплощадочные городища на мысу с замкнутой кольцевой фортификацией (III тип). К этой группе отнесены городища Тат-Ямалы I и Такталачук², Новомедведское I³ и Новомедведское II. Рвы у городищ

этой группы прямые или слабо дуговидные (3 случая), либо дуговидные (Новомедведское I городище), то есть прикрывают укрепления только с напольной стороны. Все городища данной группы относятся к категории малых и мельчайших и расположены по левому берегу р. Белой.

Группа Г (6 городищ, 19,35%): двух- или трехплощадочные мысовые городища с поперечной фортификацией (Кырнышское, Умировское⁴; Минняровское (Кипчаковское), Новокабановское, Старонагаевское («Тра-Тау»), Старомуштинское («Какры-Куль»). Образованы в результате сооружения одной-двух дополнительных линий укреплений на некотором расстоянии от первоначальной фортификации. Площадь городищ варьирует очень широко – от 1375 м (Кырныш) до 37000 м (Миннярово). Городища группы Г представляют собой развитие простейших мысовых городищ группы А (фазы 6 («поселение за укреплением») и 7 («возведение новой фортификации») по Борзунову – Стоянову).

Группа Д (2 городища, 6,45% – Юлдашевское («Петер-Тау») и Ильчебаевское: двух- или трехплощадочные мысовые городища с замкнутой кольцевой фортификацией, дополненной незамкнутыми оборонительными линиями, расположенными эшелонировано с напольной стороны (сочетание I и III типов). Городища группы Д представляют собой развитие городищ группы В (мысовых с замкнутой кольцевой фортификацией) в результате сооружения с напольной стороны одной-двух дополнительных поперечных оборонительных линий (фазы 6 («поселение за укреплением») и 7 («возведение новой фортификации») по Борзунову – Стоянову). Юлдашевское городище имеет три площадки, Ильчебаевское – две. На Юлдашевском городище укрепления всех трех площадок сооружались или функционировали в пьяноборское время (Иванов, 1982, с. 199–201).

В общих чертах на фоне явного количественного превалирования городищ группы А можно наметить две линии развития:

– от простых мысовых городищ с поперечной фортификацией (группа А) к двух- или трехплощадочным мысовым городищам с поперечной фортификацией (группа Г);

– от одноплощадочных мысовых городищ с замкнутой кольцевой фортификацией (группа В)

² По данным разведок В.Ф. Генинга в 1958 г. (Генинг, 1971, с. 113, 114, 115, рис. 39: 1, 2), так как в настоящее время городища в большей или меньшей степени разрушены и определить их первоначальную форму крайне затруднительно.

³ Также по В.Ф. Генингу (1971, с. 124, 125); по В.А. Иванову, оно имело прямолинейную оборонительную линию, но, поскольку план и описание внешних па-

раметров укреплений городища в публикации (Иванов, 1978, с. 172, 173, рис. 3: 1) оставляют много неясностей, а памятник так же, как предыдущие, сильно разрушен, Д.Г. Бугров счел целесообразным воспользоваться более ранними данными.

⁴ Указанное городище, по-видимому, следует исключить из рассмотрения, приняв во внимание результаты недавних полевых исследований (см. статью С.А. Зубова ниже).

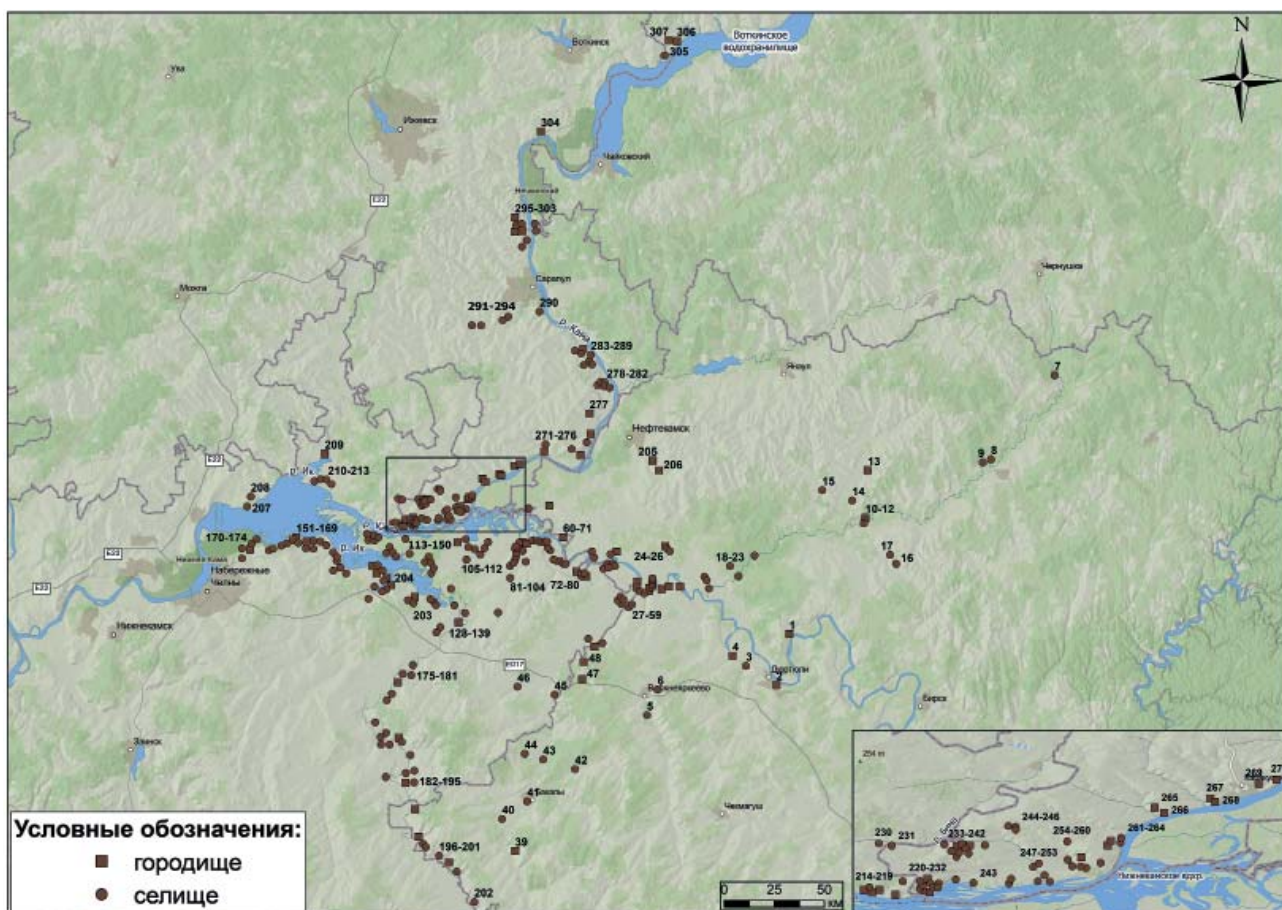

Рис. 1. Карта-схема поселений пьяноборской (тарасовской/чегандинской) культуры II в. до н. э. – II в. н. э. (по: Бугров, 2006; Голдина, 2020)

1 – Маядыкское II городище; 2 – Дюртюлинское городище; 3 – Кушулевское селище; 4 – Балтачевское городище; 5 – Рсаевское селище; 6 – Юнновское III селище; 7 – Береговское селище; 8, 9 – Магашлы-Алмандаевские I, III селища; 10 – Алтаевское городище; 11 – Алтаевское IV селище; 12 – Кузбаевское II селище; 13 – Кызыл-Ярское городище; 14 – Абдуллинское I селище; 15 – Краснохолмское селище; 16 – Муллинское I селище; 17 – Шунякское селище; 18 – Бачулинское селище; 19 – Черлакское селище; 20 – Маняжское I селище; 21 – Старо-Буртукское селище; 22, 23 – Ново-Буртукское I, II селища; 24 – Бурнюшское IV селище; 25 – Бурнюшское городище; 26 – Бурнюшское III селище; 27 – Аначевское городище; 28 – Андреевское городище; 29 – Уяндыкское городище; 30, 31 – Ново-Медведевские I, II городища; 32–38 – Медведевские I, V–X селища; 39 – Камышлытамакское селище; 40 – Шарашлинское селище; 41 – Верхне-Троицкое селище; 42 – Старо-Матинское селище; 43 – Килевское селище; 44 – Умировское I селище; 45 – Чиялекское II селище; 46 – Сикияльское селище; 47 – Турачинское городище; 48 – Кипчаковское (Миннярское) городище; 49 – Шамметовское селище; 50 – Шамметовское городище; 51 – Князь-Елгинское селище; 52 – Ново-Киргизовское селище; 53–56 – Толмоновские I–IV селища; 57 – Ябалаковское селище; 58 – Юлдашевское (Петер-Тай) городище; 59 – Серёнькино городище; 60 – Городище Какры-Куль; 61 – Старо-Муштинское I селище; 62 – Старо-Янзигитовское селище; 63 – Бачки-Тауское селище; 64 – Старонагаевское городище (Тра-Тай); 65 – Старо-Кабановское селище; 66 – Ново-Кабановское городище; 67–71 – Актанышские II–VI селища; 72 – Ирмяшевское городище; 73–75 – Ирмяшевские I–III селища; 76 – Ильчебаевское городище; 77, 78 – Такталачукские I, II селища; 79 – Уразаевское селище; 80 – Такталачукское городище; 81 – Нижнегареевское селище; 82 – Нижнекарачевское II селище; 83 – Чинниковское селище; 84, 85 – Барсуковские I, II селища; 86–88 – Масадынские I–III селища; 89, 90 – Татарско-Ямалинские II, VI селища; 91 – Татарско-Ямалинское I селище; 92, 93 – Татарско-Ямалинские I, II городища; 94, 95 – Баскуль I, II селища; 96–101 – Буляк I–VI селища; 102 – Мари-Ямалинское селище; 103 – Старосемиостровское (Баскуль) поселение; 104 – Старосемиостровское селище; 105 – Русско-Азибейское селище; 106, 107 – Татарско-Азибейские III, V поселения; 108 – Татарско-Азибейское (Кулягаш) селище; 109, 110 – Керменчук I, II селища; 111 – Дербешкинское городище (Керменчук); 112 – Дербешкинское II селище; 113 – Старокрасноборское селище; 114–116 – Юртовские I–III селища; 117–121 – Курьинские II–VI селища; 122 – Игимское I поселение; 123, 124 – Игимские IV, VI селища; 125 – Золотая Падь II поселение; 126, 127 – Новобиксентеевские VI, VII поселения; 128 – Адаевское I селище; 129, 130 – Калмурзинские I, II селища; 131 – Бикбуловское городище; 132 – Бикбуловское I селище; 133 – Илларионовское селище; 134 – Новомелькенское городище; 135 – Новомелькенское II селище; 136 – Новомелькенское I селище; 137, 138 – Дусай-Кичуйские I, II селища; 139 – Дусай-Кичуйское I поселение; 140 – Усть-Мензельское III селище; 141 – Новохоторское II селище; 142 – Лагерное селище; 143 – Усть-Мензельское I селище; 144 – Мензелинское городище; 145 – Мензелинское селище «Подмысеник»; 146 – Подгорно-Байларское I городище; 147 – Подгорно-Байларское II городище; 148 – Подгорно-Байларское по-

селение; 149 – Подгорно-Байларское II селище; 150 – Икский мост I селище; 151 – Деуковское IV селище; 152, 153 – Деуковские II, III селища; 154, 155 – Деуковские I, III селища; 156 – Икский мост III селище; 157–159 – Гулюковские II, III, IV селища; 160 – Гулюковское городище; 161 – Гулюковское I селище; 162 – Туировское селище; 163 – Тойгузинское V селище; 164, 165 – Тойгузинские I, II городища; 166 – Тойгузинское II селище («Юсуф Ошнасы»); 167 – Тойгузинское III селище; 168, 169 – Кулушевские II, III селища; 170, 171 – Кырнышские VI, VII селища; 172 – Кырнышское городище; 173, 174 – Кырнышские I, II селища; 175 – Староматвеевское селище; 176 – Новомазинское II селище; 177, 178 – Иманлейские I, II селища; 179 – Кряш-Шуранское городище; 180 – Русско-Шуганское II поселение; 181 – Новоиркеньяшское селище; 182 – Нагайбаковское городище; 183 – Русско-Шуганское городище; 184 – Русско-Шуганское селище; 185 – Приют-Шуранское селище; 186, 187 – Старочекмакские I, II селища; 188, 189 – Меллятамакские VIII, XII селища; 190, 191 – Меллятамакские IV (Нарат-Астынское), IX селища; 192 – Староваряжское городище; 193 – Староваряжское II селище; 194 – Салауз-Муханское селище; 195 – Тамьянское II селище; 196 – Карповское городище; 197, 198 – Карповские I, II селища; 199 – Куштиряковское I селище; 200 – Куштиряковское городище; 201 – Ново-Сарлинское селище; 202 – Урманавское I селище; 203 – Сарсаз-Тралинское селище; 204 – Усть-Мензельское городище; 205, 206 – Якимковские I, II городища; 207 – Икское IV селище; 208 – Куразовское II селище; 209 – Варзи-Пельгинское городище; 210 – Салаушское I селище; 211 – Салаушское II селище; 212 – Уразаевское I селище; 213 – Уразаевское II селище; 214–216 – Муновские I–III городища; 217 – Пьяноборское селище; 218 – Верхнемалиновское (Большое) городище; 219 – Ожбуйское селище; 220, 221 – Зуевоключевские I, III городища; 222–229 – Зуевоключевские I–VIII селища; 230 – Желановское селище; 231 – Ильнешское II селище; 232 – Дубровское I селище; 233–235 – Нырғындынские I (Ола-Курук, Ильнешское), II, III городища; 236 – Нырғындынское VI селище; 237 – Нырғындынское VII поселение; 238–241 – Нырғындынские I–III, V селища; 242 – Святица селище; 243 – Камское селище; 244–246 – Коростинские I, II, IV селища; 247 – Быргындинское I селище; 248 – Быргындинское X поселение; 249, 250 – Барановские I, IV селища; 251 – Барановское III поселение; 252, 253 – Быргындинские IV, V поселения; 254 – Максимов Лог селище; 255, 256 – Ямаша I, II селища; 257 – Быргындинское II (Каменный Лог) городище; 258–260 – Усть-Бельские I–III селища; 261 – Чегандинское III городище (селище); 262 – Чегандинское I городище; 263, 264 – Малочегандинские I, II селища; 265, 266 – Колесниковские I–II городища; 267, 268 – Юньгинские I–II городища; 269, 270 – Каракулинские I (Нижнее) и II (Верхнее, Пермьяковское) городища; 271 – Ломовское II селище; 272 – Вятское городище; 273 – Боярское селище; 274 – Боярское городище; 275 – Кухтинское II селище; 276 – Кухтинское городище; 277 – Сухаревское городище; 278–282 – Тарасовские VIII–X, XII, XIII селища; 283–285 – Соколовские I–III селища; 286–288 – Момылевские I, II, IV селища; 289 – Момылевское городище; 290 – Усть-Сарапульское селище; 291 – Афонинское селище; 292 – Ежовское селище; 293, 294 – Шевыряловские I, II селища; 295 – Макшаковское селище; 296, 297 – Усть-Нечкинские I, II городища; 298 – Усть-Нечкинское I селище; 299, 300 – Усть-Нечкинские II–III селища; 301 – Нечкинское городище; 302 – Рычинское I поселение; 303 – Заборное озеро I поселение; 304 – Паздёрвовское городище; 305 – Степановское VIII поселение; 306, 307 – Степановские I и II городища

Рис. 2. Вид на Юньгинские I и II городища с запада

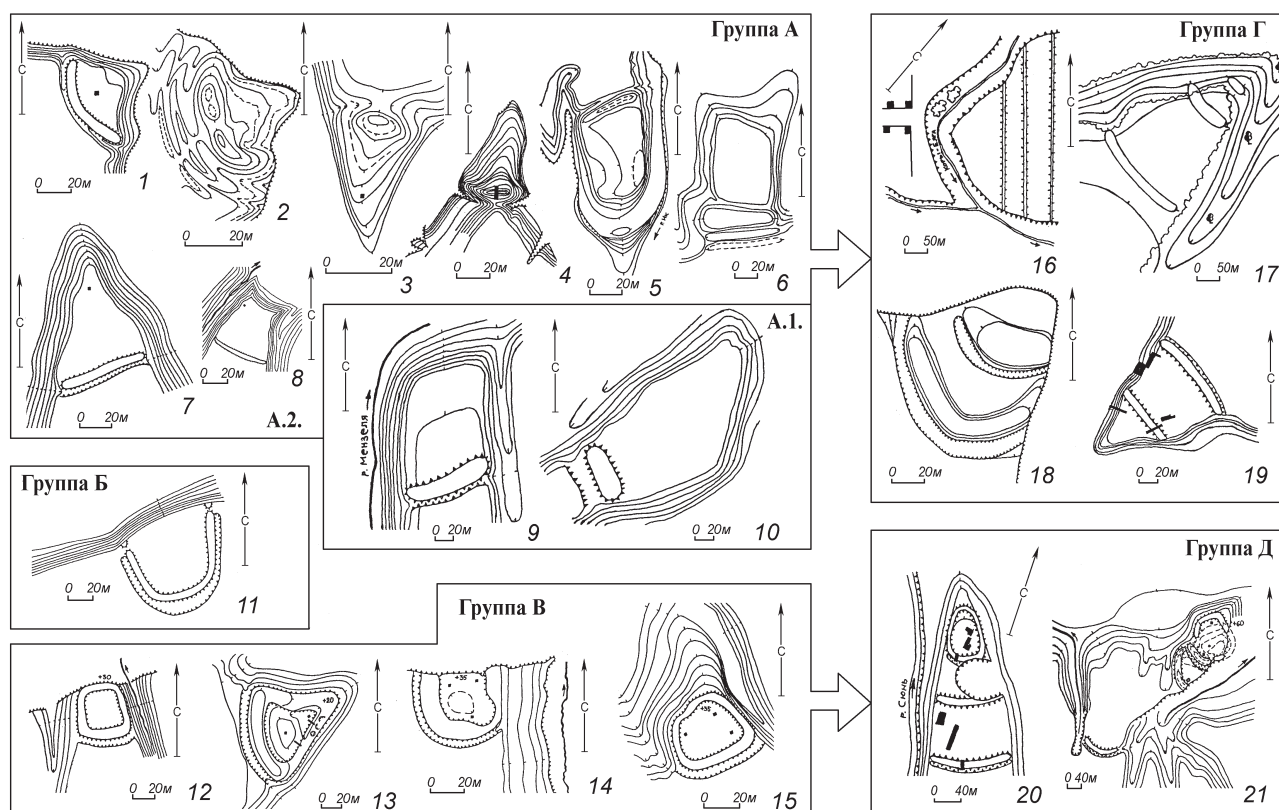

Рис. 3. Филогенетическая схема пьяноборских городищ Икско-Бельского междуречья

Группа А: 1 – Тойгузинское I; 2 – Тойгузинское II; 3 – Гулюковское; 4 – Подгорно-Байларское II; 5 – Староваряжское; 6 – Ирмяшевское; 7 – Дербешкинское; 8 – Шамметовское; 9 – Усть-Мензельское; 10 – Новомелькенское. Группа Б: 11 – Тат-Ямалинское II. Группа В: 12 – Тат-Ямалинское I; 13 – Такталачукское; 14 – Новомедведевское I; 15 – Новомедведевское II. Группа Г: 16 – Умировское; 17 – Минняровское; 18 – Кырнышское; 19 – Новокабановское. Группа Д: 20 – Юлдашевское («Петер-Тау»); 21 – Ильчибаевское

к двух- или трехплощадочным мысовым городищам с замкнутой кольцевой фортификацией, дополненной поперечными линиями укреплений, расположенными эшелонировано с напольной стороны (группа Д).

Практически все городища группы Г, кроме Кырнышского, расположены по берегам Белой и Сюня. Поскольку две дополнительные фазы развития городища – формирование поселения за укреплениями и последующее обнесение его новой линией фортификаций – предполагают более длительный период существования памятника, резонно предположить, что городища группы Г функционировали дольше, чем простые мысовые городища группы А. Для городищ группы Г в правобережье Белой это очевидно: Новокабановское, Старонагаевское и Старомуштинское городища возникли еще в ананьинское время, и здесь одна, а на Старомуштинском, возможно, и обе линии укреплений, были «унаследованы» пьяноборцами от ананьинцев.

Вторая линия развития, в особенности ее исходная точка – городища с замкнутой кольцевой фортификацией, – заслуживает более пристального внимания. Кроме Икско-Бельского междуречья,

пьяноборские городища с кольцевой фортификацией имеются как в непосредственной близости от рассматриваемого региона (выше по течению р. Белой это Андреевское и Уяндыкское), так и на значительном удалении (Якимковские I и II на р. Березовке).

8 из 10 городищ с замкнутой кольцевой фортификацией расположены в левобережье нижнего течения р. Белой между устьем р. Базы и краем Камско-Бельской поймы. Здесь же расположено единственное городище пьяноборской культуры с полукольцевыми укреплениями (группа Б) – Тат-Ямалинское II. Д.Г. Бугров высказал осторожное предположение о связи данной традиции с присутствием на Нижней Белой группы зауральского населения, оставившего подкурганые захоронения на Кипчаковском I могильнике (см. ниже статью С.Э. Зубова), тем более что строительство кольцевых укреплений, как и возведение курганов, в дальнейшем не получило развития в пьяноборском ареале.

В левобережье Камы и на Белой присутствуют все четыре традиционно выделяемые функциональные группы укрепленных поселений доклассового общества: места постоянного обитания

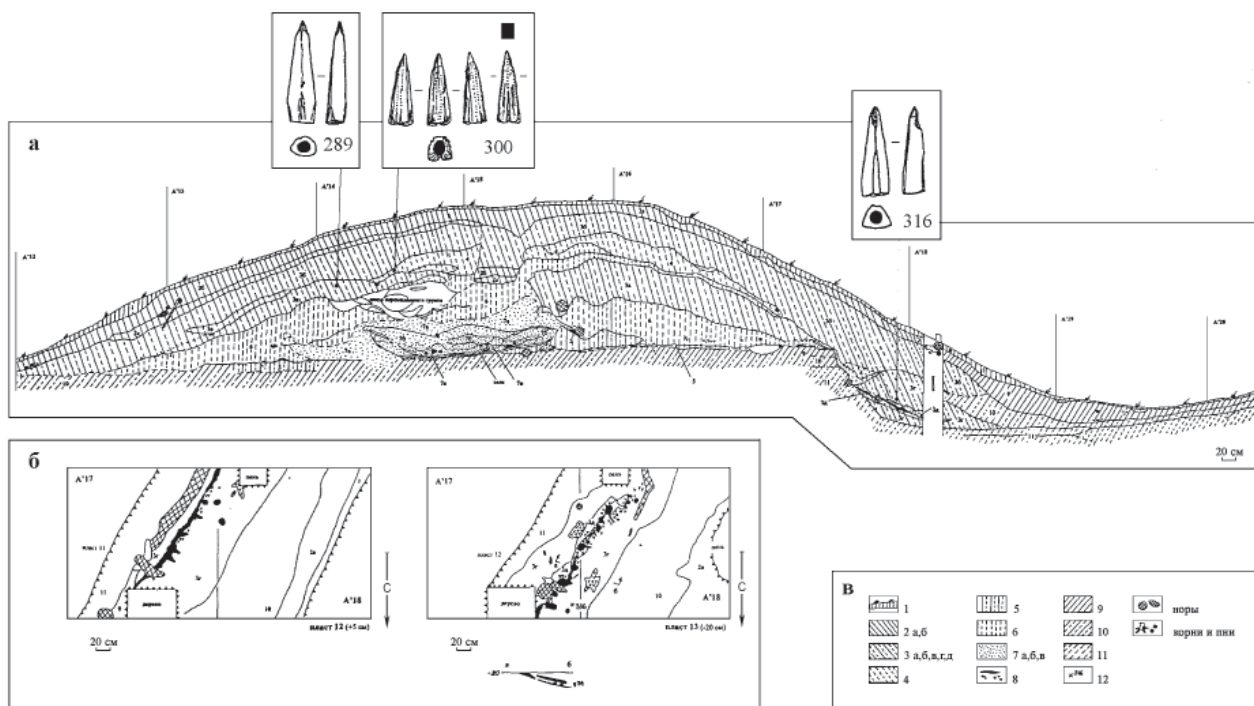

Рис. 4. Вал Тойгузинского II городища

А – разрез внутреннего вала; Б – планы и разрез остатков плетня; В – условные обозначения: 1 – почва; 2 – коричневый зернистый суглинок (2а – с отдельными крошками обожженной глины; 2б – с большим количеством крошки обожженной глины); 3 – светло-коричневый суглинок (3а – с темными прослойками; 3б – с включениями красно-коричневого суглинка («рыжий»); 3в – с большим количеством обожженной глины («обмазка»); 3г – «ореховый»; 3д – светло-«ореховый» (прокаленный?)); 4 – охристый и серо-охристый суглинок с щебнем; 5 – темно-коричневый суглинок; 6 – плотный пестроцвет (темно- и красно-коричневый суглинок); 7 – провал (7а – плотный оранжево-красный; 7б – сыпучий (от малинового до серо-желтого цвета); 7в – сыпучий (смешанный с золой)); 8 – уголь; 9 – коричневый суглинок; 10 – красно-коричневый суглинок; 11 – красный суглинок (материк); 12 – индивидуальные находки

населения (Усть-Мензельское, Новомелькенское, Русско-Шуганское, Ильчибаевское, Минняровское (Кипчаковское), Юлдашевское, Новокабановское и Старомуштинское), общинные убежища, производственные центры и культовые места. Последние две функции могли совмещаться с двумя первыми. Раскопки городищ-убежищ на р. Ик показали, что они могли выполнять одновременно функции производственных площадок (Подгорно-Байларское II городище) и культовых мест (Тойгузинское II городище).

В правобережье Камы большинство городищ непосредственно связаны с Камой и приустьевыми участками ее правых притоков. На удалении от реки, в глубине коренного берега, но также на притоках первого, реже второго/третьего порядка, известны 6 городищ (Зуевоключевское III, Ныргындинские II и III⁵, Быргындинское II, Сухаревское и Степановское II).

⁵ В номенклатуре городищ ныргындинско-быргындинской группы во второй половине XX в. произошла досадная ошибка, исправлять которую придется в ближайшее время. Городище Ныргындинское III, известное с XIX в., было «открыто вновь» в 2019 г. (Хайруллина, Беглецова, 2019)

Третью городищ укреплена простой линией обороны в виде вала и рва. Многорядные фортификации редки, а с учетом многослойности исследованных городищ и слабой изученности укреплений трудно настаивать на их одновременном существовании в пьяноборское время. Склоны мысов в ряде случаев дополнительно укреплялись за счет подрезки (эскарпа) или вала по периметру (Ныргындинское I, Вятское (Мошкаровское верхнее)). С большой осторожностью можно предполагать существование кольцевой фортификации на четырех городищах – Боярское, Усть-Нечкинское I, Вятское (Мошкаровское верхнее) и Ныргындинское I. В тех случаях, когда валы раскапывались (Усть-Нечкинское I, Момылевское), установлено, что они, если и подновлялись в раннегандинский период, то весьма незначительно, испытав существенную модернизацию лишь в позднегандинское (мазунинское) время (Перевозчикова, Черных, 2015, с. 123; Красноперов, Пастушенко, 2008, с. 43–46).

Некоторые правобережные камские городища использовались начиная с ананьинского времени: Зуевоключевские I, III, Ныргындинские I–II, Быргындинское II (Каменный Лог), Чегандинское I,

Рис. 5. Селище Ямаша II. Вид раскопа 2012 г. Фото А.Е. Митрякова

оба Юньгинских, Вятское (Мошкардовское верхнее), Момылевское, Усть-Нечкинские I и II. Перерыва в накоплении культурных напластований при этом не было зафиксировано, хотя морфологические характеристики слоев несколько отличаются. Слои пьяноборского времени лишены той степени минерализации, которую отмечают исследователи для ананьинского культурного слоя (Черных, 2004, с. 115); меньшей мощности, в большей степени насыщены кусочками глины, как сырой, так и обожженной.

Фортификации. Вопросы оценки уровня фортификационного строительства у пьяноборского населения Прикамья многократно рассматривались в региональной литературе (Иванов, 1984; Борзунов, Новиченков, 1988; Коробейников, 2005).

Суммируя результаты изучения укрепленных поселений Иско-Бельского междуречья, Д.Г. Бугров пришел к заключению, что пьяноборские фортификации начала новой эры вполне соответствовали требованиям обороны. Раскопки укреплений Тойгузинского II городища позволили автору считать, что для обеспечения защиты городища были весьма искусно использованы как естественные условия местности (мыс высотой до 50 м с крутыми склонами (со стороны края террасы 45–50°, со стороны оврага «Кыз-Тай-Чишме» – до 65–70°)), так и искусственно возведенные сооружения, с самого начала представлявшие собой довольно сложную эшелонированную оборонительную систему (Бугров, 1999; 2006б, с. 112–119).

Укрепления городища, судя по всему, возводились дважды, будучи восстановлены после первого штурма и не пережив второго (рис. 4). Высота мыса не позволяла вести прицельный обстрел из луков со стороны поймы, а крутизна склонов сама по себе являлась достаточным препятствием для штурма городища со стороны поймы. В зимнее время склоны в ожидании штурма могли обливаться водой для создания так называемого «ледяного городка»; тот же прием, примененный в летний период, превращал на какое-то время глинистый склон в чрезвычайно скользкую поверхность. Эшелонированная система препятствий с напольной стороны в виде двух рвов, внешнего и внутреннего вала серьезно затрудняет прямое проникновение на городище и в настоящее время. При «рабочем» состоянии укреплений и наличии хотя бы малейшего отпора со стороны осажденных прямое форсирование оборонительной линии становилось в высшей степени сложной задачей. Высокая насыпь внутреннего вала, дополнявшаяся стеной и имевшая значительный прогиб наружу, вполне обеспечивала обороняющимся возможность «сражаться на его вершине и держать противника в поле зрения», достаточно надежно укрывая от фронтального обстрела и в значительной степени – от обстрела с соседних мысов; для прикрытия же от флангового обстрела прячущегося на городище населения могли служить либо легкие заграждения по краю мыса, не оставившие следов, либо постройки на площадке (даже самой легкой конструкции).

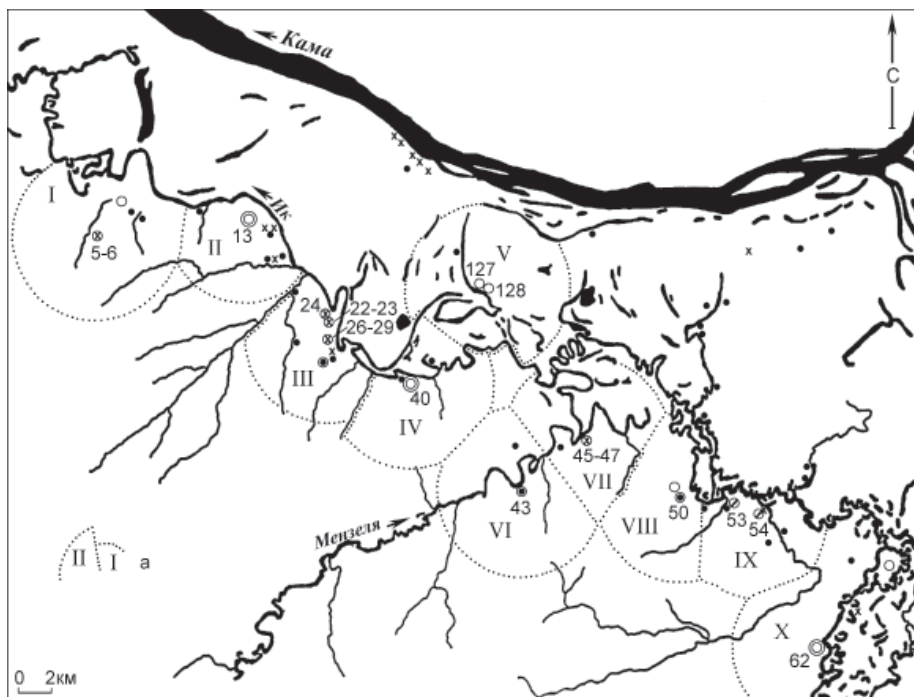

Рис. 6. Схема деления Нижне-Икского региона на блоки-микрорегионы (по: Бугров, 2006бб, рис. 47)

Достаточно внушительные насыпи, сравнимые с тойгузинскими укреплениями, имеются еще на ряде пьяноборских городищ Икско-Бельского междуречья: Кырнышском (внешний вал высотой до 2 м), Бикбуловском – 1,5 м, Староваряжском – 2–3 м, Тат-Ямалинском II – до 1,5 м, Минняровском (Кипчаковском) – до 2 м (внутренний вал) и до 1,5 м (вал на оконечности мыса). Такие валы, в сочетании со рвами, сами по себе представляют серьезное препятствие; еще более усиливало их оборонительные свойства вероятное наличие на валах деревянных укреплений. В тех случаях, когда сохранившиеся земляные укрепления невелики (как, например, на Новомедведевском I городище), их, вероятно, следует рассматривать не как самостоятельную насыпь, а как развалы дерево-земляных укреплений («стены-вала», по терминологии В.Ф. Генинга) – по аналогии с укреплениями Такталачукского и Подгорно-Байларского II городищ.

Картографирование показывает, что внутри речных систем укрепленные пункты (включая и постоянно обитаемые городища) расположены относительно равномерно на расстоянии по прямой от 5 до 15 км друг от друга. Более значительные промежутки разделяют Бикбуловское и Кряш-Шуранское городища, занимающие крайние положения соответственно в нижне- и среднеикском регионах (26,6 км по прямой). С другой стороны, на Нижней Белой имеются две пары очень плотно расположенных городищ (Тат-Ямалинские I и II, Новомедведевские I и II), а на Нижнем Ике – группа из трех городищ в урочище «Игат» (Тойгузинские I и II и Гулюковское).

Неукрепленные поселения. На территории левобережья Камы к настоящему моменту известно 255 памятников, являющихся остатками пьяноборских неукрепленных поселений. В правобережье Камы известно 69 поселений открытого типа. Площадь селищ в правобережье Камы составляла 4–10 тыс. кв. м; в левобережье этот показатель существенно больше – от 45 до 250 тыс. кв. м.

Изучены селища значительно хуже городищ. Информация по этой категории памятников представлена почти исключительно результатами разведочных обследований. В правобережье Камы раскопками исследовались Быргындинское IV, Барановское I, Барановское III, Зуевключевские II и IV, Ильнешское II, Усть-Бельское I («Плоское место»), Ямаша II (табл. 1; рис. 5). На ряде селищ, благодаря раскопкам, установлено наличие хорошо сохранившихся строительных объектов.

Селища камского правобережья занимали невысокие надпойменные террасы, реже – прирочные участки коренного берега; в Икско-Бельском междуречье известно довольно значительное число селищ, располагавшихся на гривах и в икско-бельской пойме (ныне подтоплены). Памятники, занимавшие высокие участки берега, разрушаются, что также влечет за собой их тотальное разрушение. При этом количество последних (на правом коренном берегу) возрастает, а удаленность их от городищ увеличивается. Можно говорить о хорошо заметной тенденции в расширении сети открытых поселений по сравнению с ананьинским временем, вариативности в их топографической приуроченности.

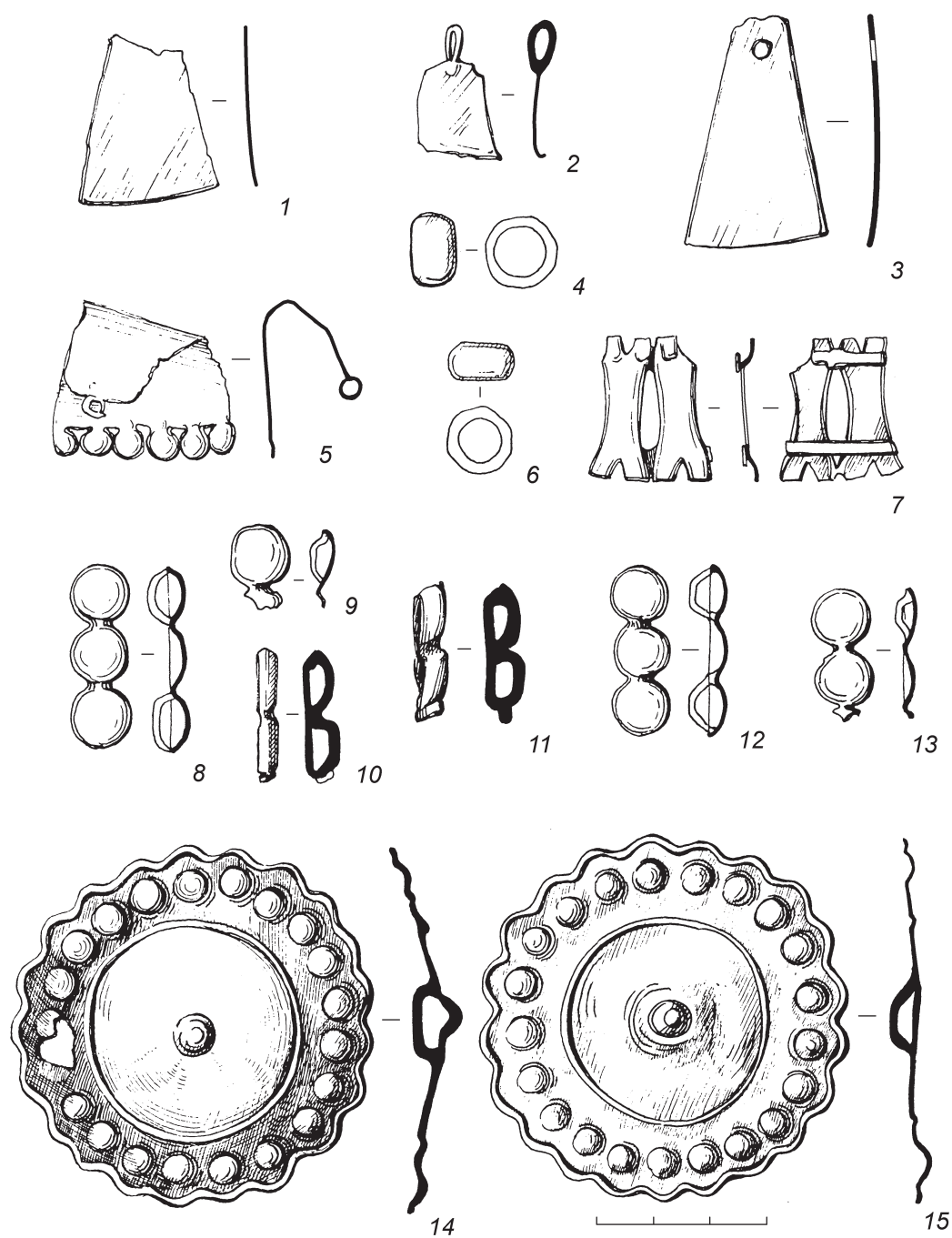

Рис. 7. Ильнешский клад украшений (по: Голдина, Черных, 2011)

Группировка открытых поселений методом пространственного анализа, выполненная Д.Г. Бугровым для нижеикского микрорегиона в левобережье Камы (2006а, с. 14–17), позволила ему предложить модель расселения пьяноборцев в условно коротком хронологическом интервале одного столетия (I – нач. II в. н. э.). Полученные результаты показали, что селища Нижне-Икского региона дифференцируются на десять условных блоков, включающих от 1 до 4 поселений первого – пятого типов⁶ (рис. 6). Выявленные центры бло-

ков-микрорегионов расположены на расстоянии от 5,3 до 17,8 км друг от друга, в среднем дистанция составляет 10,4 км.

Центрами микрорегионов являются поселения 1–2-го типов. К тому же в каждом микрорегионе

соответствующего ранга, S1 – площадь самого крупного поселения, R – ранг данного поселения в последовательности населенных пунктов анализируемого региона). Первый тип объединяет поселения 1–3-го рангов площадью от 250 до 45 тыс. м, второй – поселения 4–7-го рангов (37–25 2 тыс. м), третий – 8–10-го рангов (20–15 тыс. м), четвертый – 11–16-го рангов (13–10 тыс. м), пятый – 17–21-го рангов (9–7 тыс. м), шестой тип – 22–28-го рангов (площадью 6000 м и менее) (Бугров, 2006а, с. 15).

⁶ Сконструированы согласно правилу Ципфа («ранг-размер») по формуле $S=S1/R$ (где S – площадь поселения

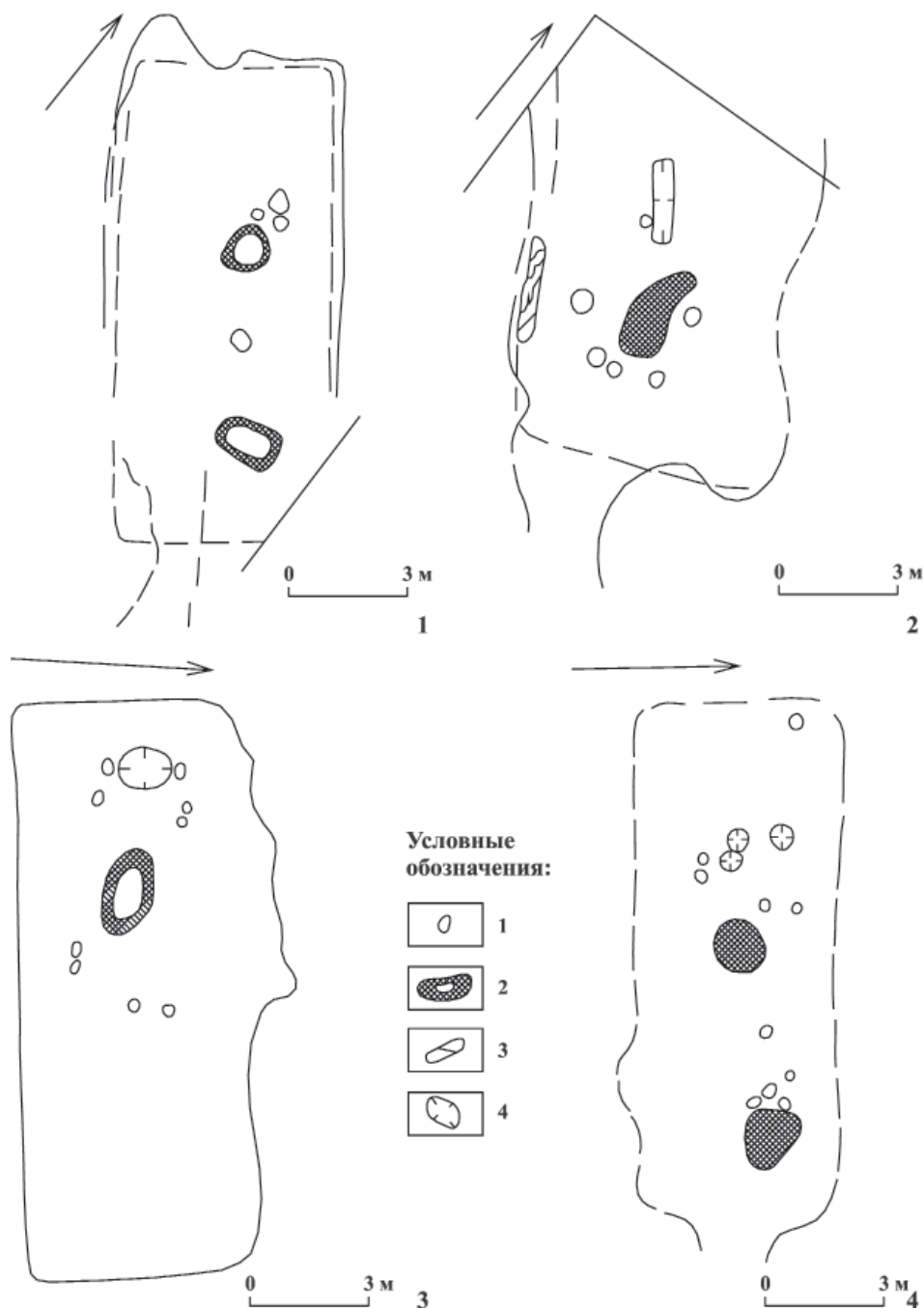

Рис. 8. Городище Чеганда I. Планы жилищ (по В.Ф. Генингу)

известно, как минимум, одно городище. В большинстве это городища-убежища, по размеру относящиеся к группе «мельчайших». Только два городища – Усть-Мензельское и Новомелькенское – имеют значительную площадь и выраженный культурный слой и, по-видимому, были обитаемы постоянно. Расположение городищ не всегда коррелируется с размещением центральных населенных пунктов. В западной половине региона (I–III микрорегионы) прослежена некая закономерность в размещении городищ относительно центральных поселений: укрепления всегда располагаются выше по течению р. Ик от централь-

ного поселения и сопровождаются населенными пунктами 5–6-го типов. В I-м микрорегионе это Кырнышское городище, во II – Тойгузинское II городище с примыкающими к нему Тойгузинским V селищем и Тойгузинским местонахождением, в III–Подгорно-Байларское II городище с Деуковским IV селищем. В ходе недавних работ оказалась заполненной и «пустота» между IV и VII микрорегионами: здесь также выявлена «пара» памятников – Мензелинские городище и селище. Кроме городищ в этих же трех микрорегионах исследованы могильники: Кырнышский IV в I микрорегионе, Кулушевский III островной и Тойгузинский I

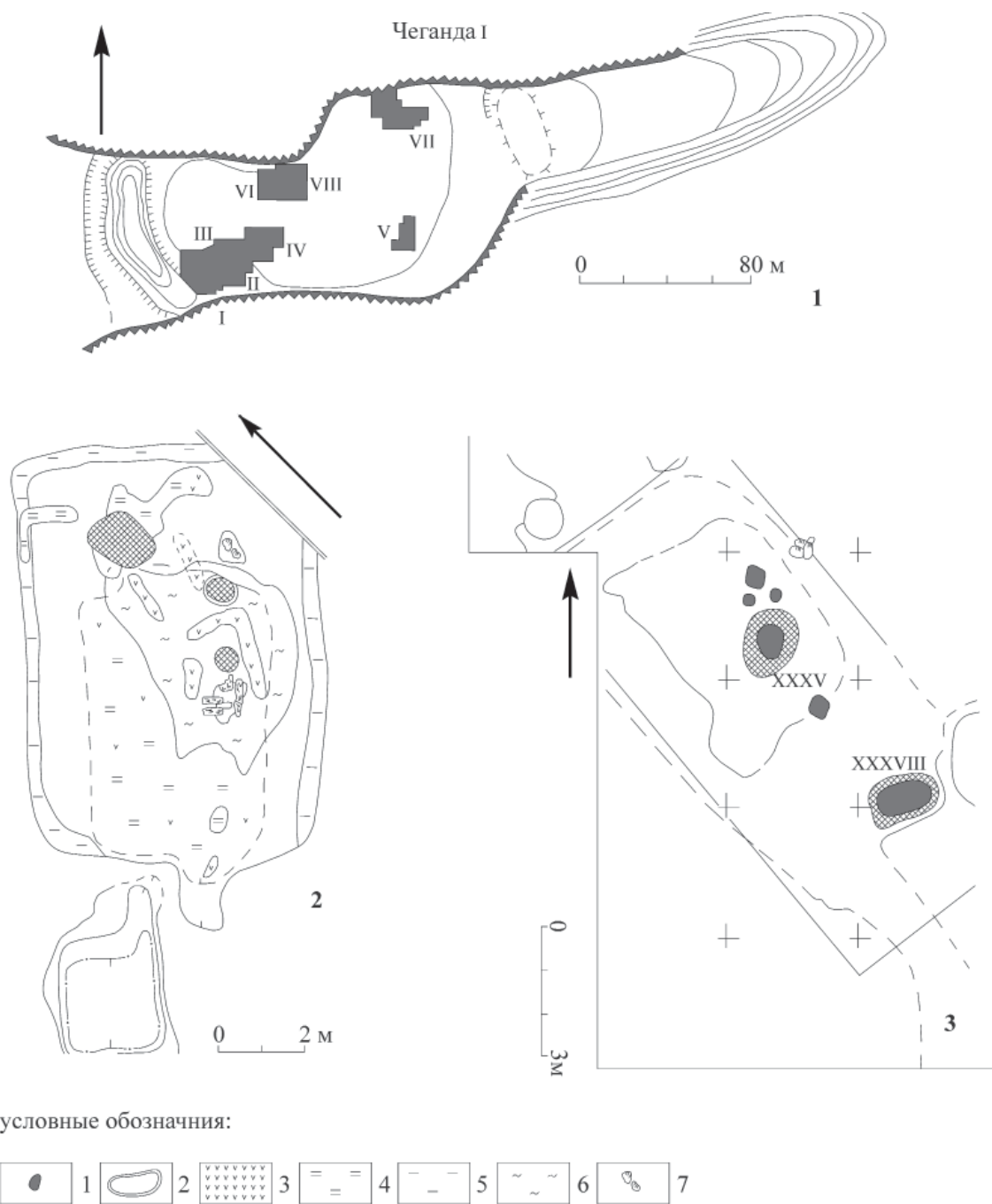

Рис. 9. Чегандинская культура: 1 – план городища Чеганда I (по В.Ф. Генингу); 2 – жилище № 1 Кухтинского городища (по Ю.А. Полякову); 3 – жилище IV, городище Чеганда (по В.Ф. Генингу)

островной – во II, Деуковские II и III – в III микро-регионе.

Визуальный анализ размещения селищ в Удмуртском Прикамье позволяет говорить о двух тенденциях в типах расселения местных чегандинских групп. Первая – это группировка вокруг отдельного (центрального) городища; вторая – стремление «вырваться» из его потенциальной экономической зоны. Ярким примером первой тенденции является Зуевоключевской археологический микрорайон. Так, в непосредственную

округу Зуевоключевского I городища на чегандинском этапе включались 6 селищ, размещавшихся в периметре 1,0 км от него. Размеры зуевоключевских селищ заметно варьировались – от 500 кв. м до 40 тыс. кв. м. В ближайшей округе Нырғындынского I городища (0,15–0,9 км) выявлено 5 открытых поселений чегандинского времени (Карпушкина, Черных, 2007, с. 89, рис. 1). Безусловно, функциональное назначение этих поселений могло различаться: временные/постоянные, сезонные, производственные и т. п.

Рис. 10. Реконструкция чегандинского жилища (экспозиция НМ УР им. К. Герда)

Вторую тенденцию иллюстрируют группы селищ, занимавших прибрежные участки второй надпойменной террасы правого берега Камы в районе современных дд. Быргында и Ныргында. Гряда высоких террас между дд. Усть-Бельск и Дубровка отходит от камского русла вглубь территории, образуя здесь широкую, глубиной от 0,7 до 1,5 км долину, рассеченную густой сетью небольших речек Емаши, Ижболдинки, Ныргындинки. В приустьевой части этих речек выявлены довольно крупные «гнезда» поселений: Барановские I, III–VII, Быргындинские I, IV, VI, IX, X.

Достаточно крупное скопление открытых поселений чегандинского времени – Коростинские

селища – известно также в верхнем течении р. Ижболдинки, в районе современного с. Новопоселенное. Это 8 памятников и, безусловно, связанный с ними Коростинский клад III в. н. э. (ОАК, 1898, с. 67; Генинг, 1971, с. 100; Голдина, Черных, 2011, с. 100, 101). С одной стороны, это скопление попадает в потенциальную пятикилометровую зону влияния обоих Ныргындинских I и II городищ. С другой – указанный микрорайон (селища и три Ныргындинских городища, расположенных в глубине овражной системы коренного плато) в силу его удаленности от основного русла Камы, представляется, можно рассматривать в контексте начавшегося во II/III вв. расселения

Рис. 11. Разрез чегандинской ямы 33 на Зуевключевском I городище (раскопки Е.М. Черных)

Б

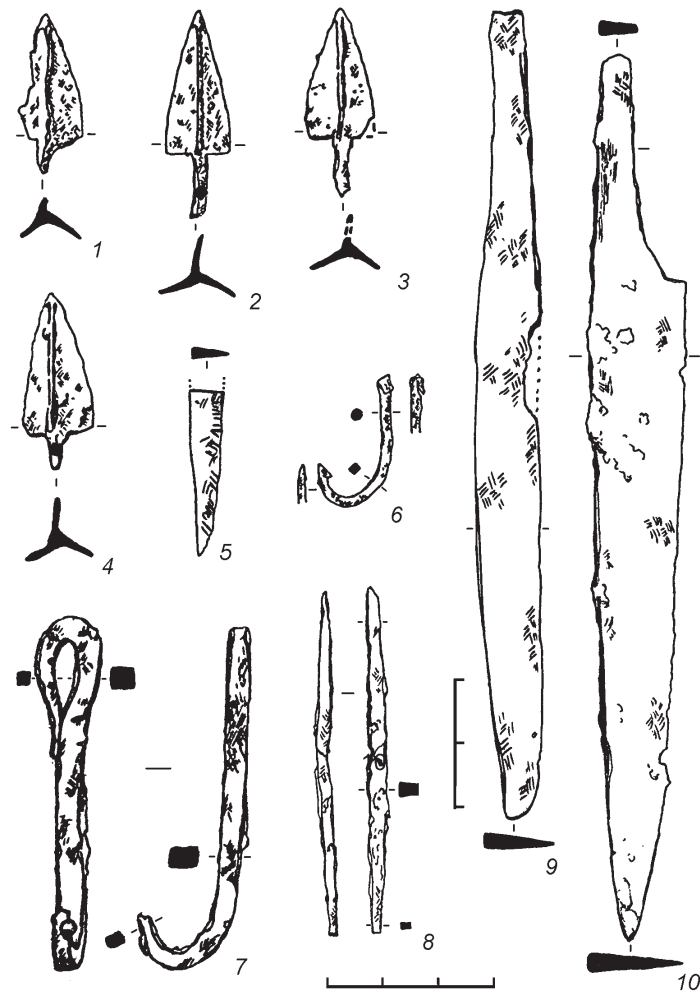

Рис. 12. Предметы вооружения и хозяйственно-бытового назначения (железо)

1–4, 6–8, 10 – Тойгузинское II городище; 5 – Старочекмакское II селище; 9 – Такталачукское I селище

чегандинцев во внутренние районы камского правобережья.

Особенности речной сети в пределах каракулинского течения Камы таковы, что верховья правых притоков Камы, к которым приурочены чегандинские городища и селища (перечислим их с запада на восток: Нырғындынка, Ижболдинка, Бол. Емаша, Чегандинка, Решаковский), сближаются с крупнейшим из притоков р. Кырыкмаса р. Бимой и ее правыми притоками. Другая группа правых притоков Камы – Кобылка, Буториха, Ветлянка, Сухаревка – близко подходят к левым притокам Кырыкмаса (рр. Ялык, Калмашка, Оска). Большинство этих «малых» рек археологически не изучены. Вместе с тем именно с ними связаны находки кладов чегандинских украшений и римских импортов: Исенбаевский, Нырғындынский, Ильнешский (рис. 7), Коростинский, Ахтияльский, Мадыкский, Каракулинский; менее известные Калмашинские, Кулевские, Пестеревские находки (Генинг, 1971, с. 84–111; Голдина, Черных, 2011, с. 95–104).

Жилища конца I тыс. до н. э. – первых веков I тыс. н. э. изучены на 5 селищах и 6 городищах: Верхне-Малиновском (Малом), Муновском II, Чеганда I, Кухтинском, Нырғындынском II, Зуевключевском I (Генинг, 1970, с. 19; Ашихмина, Генинг, 1986; Черных, 2008, приложение I). Наиболее достоверные остатки жилищ с подробными планами и описанием всех сохранившихся элементов происходят с городищ Чеганда I (рис. 8, 9: 3), Кухтинского, Нырғында II, Зуевы Ключи I, Икского IV и Зуевключевского IV селищ. Всего на них раскопано целиком 15 жилищ и еще чуть более 10 построек – частично. Форма построек в плане исключительно прямоугольная. Легкая заглубленность полов жилых сооружений (10–20 см) достигалась расчисткой и выравниванием площадки под устройство дома. Вдоль длинных стен построек II и VIII городища Чеганда I были обнаружены обугленные бревна длиной до 3 м, составлявшие основу сруба, который состоял из 7–8 венцов (Генинг, 1970, с. 19). Такой сруб вполне мог служить несущим в системе перекрытий.

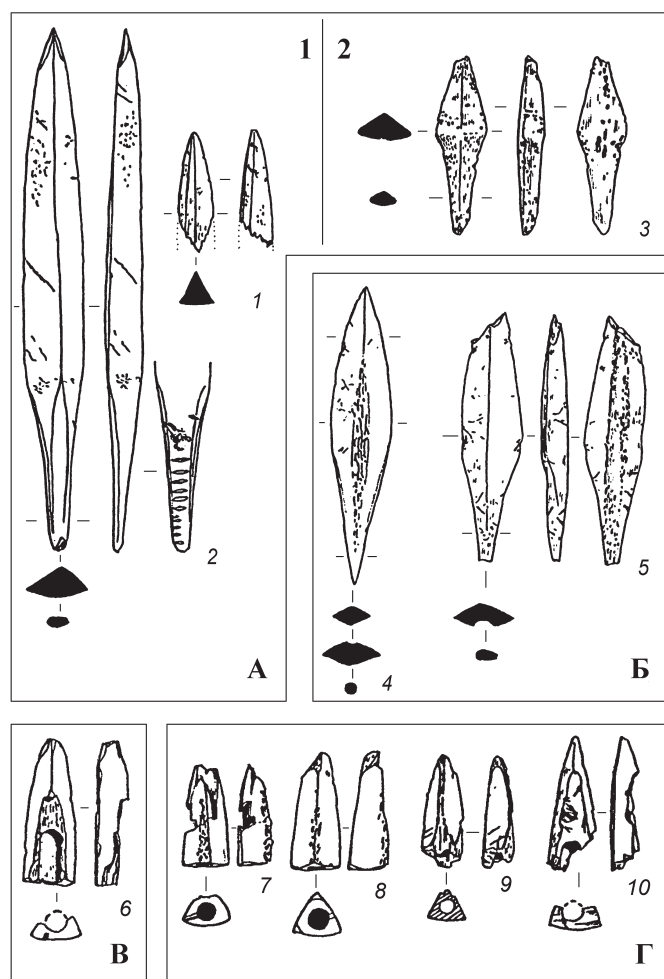

Рис. 13. Костяные наконечники стрел с Тойгузинского II городища

Несущими конструкциями перекрытий являлись продольные слезги, укладываемые на самцы торцевых стен (рис. 10). Этот прием экономичен, прост в техническом плане и известен многим народам Восточной Европы. Поверху такие бревна застилали шитыми кусками бересты или корья и прижимали слезгами. Необходимость перекрыть большой пролет (до 12 м) требовала устройства в центре дополнительного столба, поддерживавшего главную коньковую балку (как это было прослежено в жилищах IV и VIII Чеганды).

Срубные стены утеплялись снаружи слоями сырой и обожженной глины (Кухтинское городище) – подобие завалинки с деревянной обшивкой-опалубкой (рис. 9: 2). Полы были земляные, реже встречаются глинобитные. На Зуевключевском I городище такие полы из плотно утрамбованной глины, толщиной 15–20 см, зафиксированы в трех жилых постройках (XV, XXVII, XXXV). Внутренняя планировка жилищ отличается удивительным единообразием. Вход прослеживался с торцевой стены дома, реже – в длинной боковой (жилище IX Чеганды). В каждой постройке в центре находился открытый очаг, иногда чуть смещенный

к стене или выходу. Если очагов в жилище было 2, то они располагались по средней линии, иногда несколько смещаясь в сторону (Чеганда, жилища I, IV, VIII; Кухтинское, жилище № 1). В зуевключевских жилищах очаг и ямы также размещались на одной оси. В ранних постройках использовались открытые кострища круглой формы, огонь разводился прямо на полу. Позднее очаг был усовершенствован – под ним появилась «подушка» из насыпной глины, обмазанной в свою очередь сырой глиной; иногда такой пьедестал обставлялся камнями. В очагах Кухтинского и Зуевключевского I городищ очажная конструкция укреплялась дополнительно слоем галечника толщиной до 5 см для более длительной аккумуляции тепла. Вблизи очага находились хозяйственные ямы: для сбора мусора и хранения продуктов (типа кладовок). Смещение очагов от центральной оси освобождало место у противоположной стены для деревянных нар. Такие же нары устраивались у стены, противоположной входу.

Таким образом, можно констатировать, что в отличие от ананьинцев население чегандинской культуры более активно использовало глину, песок

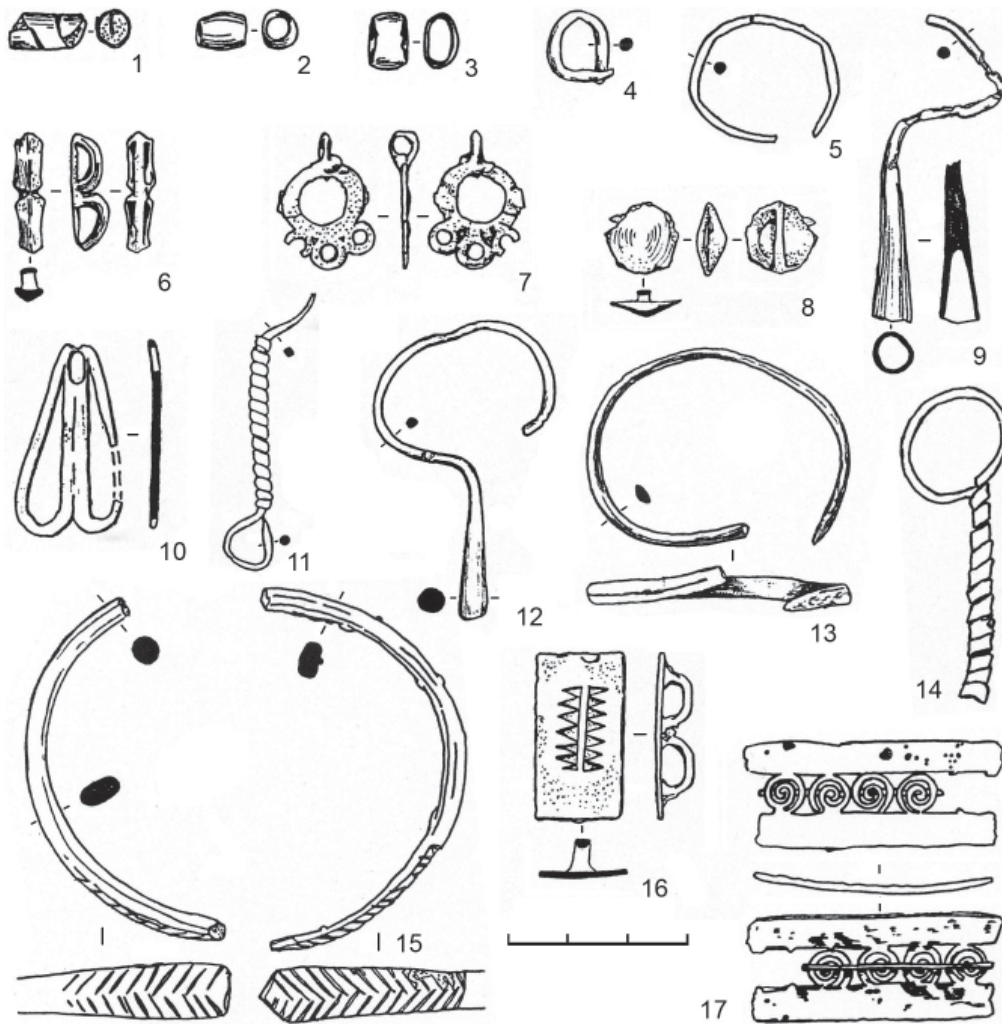

Рис. 14. Украшения из меди и бронзы: 1–13, 15–17 – Тойгузинское II городище; 14 – Булякское II селище

и гальку для обустройства очагов и полов. В интерьере жилища, наряду с очагами, непременно входили хозяйственные ямы (хранилища продуктов).

На городище Чеганда I было изучено 9 жилищ площадью 60–80 кв. м. Одновременно на площадке памятника могло размещаться до 15–20 таких построек (Генинг, 1970, рис. 6). Жилища располагались рядами: 4 вдоль северного склона городища, 3 – вдоль южного склона. Еще один изученный раскопками ряд (жилища 1 и 9) располагался перпендикулярно первым двум, параллельно валу (рис. 9: 1). Все строения были развернуты торцами к центральной «улице», ширина которой составляла 15–20 м. Выход из жилищ северного ряда был обращен к улице, тогда как жилища южного ряда выходили на улицу глухими северными стенами. Ступенчатое размещение жилищ по отношению друг к другу и торцами к улице зафиксировано и на более ранних, ананьинских поселениях (Зуевключевское I городище). На чегандинских городищах этот принцип отмечен повсеместно, где были обнаружены жилища (Генинг, 1970, с. 22). Аналогичная планировка установлена и на се-

лицах (Барановское и Икское IV), где вскрытые раскопками постройки располагались под углом к краю террасы (Черных, 2008, с. 49, 53). Полученные в раскопках материалы корреспондируются с этнографическими наблюдениями, где неоднократно отмечено, что «на улице пермский дом выходит чаще профилем» (Смирнов, 1891, с. 194), а особенность строить дома, развернутые на улицу глухими стенами, присуща всем финским народам (Харузин, 1895, с. 38, 39).

На городище Чеганда I все хозяйственные постройки (кладовые, погреба, летние очаги, производственные комплексы – ямы для варки железа) находились на площадке, а также вблизи валов и склонов (Генинг, 1970, с. 118). На Зуевключевском I городище также раскопаны производственные объекты в виде крупных площадок с прокаленной поверхностью и глубоких ям (рис. 11). В пределах таких площадок найдены каменные инструменты и приспособления для металлообработки (абразивы, оселки, песты, наковаленки (Черных, Цыгвинцева, 2006, с. 180–186)), глиняные литейные формы, «лепешки». Для одной из

чегандинских ям № 33 имеется радиоуглеродная дата 1790±120 л. н., полученная по углю (Черных, 2009, с. 78).

Материальная культура поселений

Вещевой материал пьяноборских поселений обычно представлен относительно небольшим количеством предметов и ограниченным набором категорий вещей. Это предметы хозяйственно-бытового назначения, украшения, керамика, реже – предметы вооружения. Они детально рассмотрены в работах В.Ф. Генинга и Б.Б. Агеева (Генинг, 1970; 1971; 1988; Агеев, 1992). В данном разделе авторы ограничились характеристикой материалов Тойгузинского II городища ввиду надежно установленного короткого срока его существования и одномоментной гибели не позднее нач. II в. н. э. Коллекция вещей с этого памятника выделяется значительной серией украшений (главным образом бус) и наконечников стрел.

Предметы вооружения с городища представлены исключительно деталями метательного оружия и сопутствующей фурнитурой (наконечники стрел и детали колчанов). Наконечники стрел подразделяются на железные, бронзовые и костяные. Железные наконечники с Тойгузинского II городища черешковые, трехлопастные, с треугольной головкой и лопастями, срезанными под прямым углом к черешку (рис. 12: 1–4). Такие наконечники в III–II вв. до н. э. становятся господствующими у сармат Поволжья и Приуралья, а затем устойчиво доминируют в колчаных наборах вплоть до II–III вв. н. э. В пьяноборских и кара-абызских могильниках этот тип стрел представлен очень широко (Пшеничнюк, 1973, с. 175; Агеев, 1992, с. 46). Гораздо реже в колчаных наборах пьяноборцев встречаются бронзовые втульчатые наконечники стрел. Б.Б. Агеев доводит верхнюю границу их бытования по крайней мере до I в. н. э. (Агеев, 1992, с. 55, 56, 68, 76). Самыми многочисленными из предметов вооружения пьяноборской культуры были костяные стрелы. На Тойгузинском II городище найдено 64 костяных наконечника (целых и фрагментов): 5 черешковых и 59 втульчатых, главным образом трехгранных (рис. 13).

Предметы хозяйственно-бытового назначения представлены изделиями из железа, глины и камня (пряслица, «хлебцы», детали зернотерок). Ножи представлены двумя целыми формами с Тойгузинского II городища и Такталачукского I селища, а также одним фрагментом со Старочекмакского II селища (рис. 12: 5, 9, 10). Шило в виде четырехгранного стержня имеет уплощенное острие (рис. 12: 8); такие орудия в пьяноборских могильниках встречаются довольно часто (Агеев, 1992, с. 50, 119). Рыболовный крючок (рис. 12: 6), найден-

ный на Тойгузинском II городище, является весьма редкой находкой на памятниках пьяноборской культуры, что может объясняться спецификой рыболовства, ориентированного на промысел сетями и ловушками, либо существованием не дошедших до нас крупных деревянных крючков, известных по этнографическим и археологическим материалам.

Большим разнообразием форм отличаются пряслица, изготавливавшиеся из камня, керамические лепные и керамические, вырезанные из стенки сосуда. Зернотерки, изготовленные из известняка-ракушечника и очень широко распространенные на памятниках раннего железного века Волго-Камья, обычно представляли собой конструкцию из двух овальных или подпрямоугольных в плане каменных плит: массивной нижней (постав, или собственно зернотерка) и более легкой и меньшей по размеру верхней (бегун, или терочник) (Збруева, 1952, с. 46, табл. VIII, 8, 9). Достаточно частой находкой на пьяноборских поселениях можно считать диски или «лепешки» округлой формы (целые и во фрагментах), изготовленные из глины. По качеству изготовления и размерам делятся на две группы: относительно небольшого размера (диаметром до 5–6 см), грубо сформованные и слабо обожженные, с неровной поверхностью и более массивные, тщательно сформованные и выровненные, хорошо обожженные. Полные формы «лепешек», найденные при раскопках городищ Чеганда II и Момылевское в Удмуртском Прикамье, позволяют установить их диаметр, составлявший около 8,5–9 см. В.Ф. Генинг рассматривал «лепешки» в качестве предметов культа.

Категория украшений с Тойгузинского II городища весьма выразительна. Бусы, главным образом изготовленные из одноцветного стекла, меньше – с металлической прокладкой и полихромные. Идентифицированы с 30 типами по Е.М. Алексеевой. Распределение хронологических позиций стеклянных бус и обращение к методу «узких» дат позволило Д.Г. Бугрову рассматривать I в. н. э. как наиболее вероятную дату гибели городища (Бугров, 2006б, с. 55–64). Довольно выразительную группу украшений из меди и бронзы составили литые бусы (рис. 14: 2, 3), пронизки и обоймы (рис. 14: 1, 6), височные подвески различных типов (рис. 14: 4, 5, 9, 11, 12, 14), подвески в виде плоского кольца и «лировидная» (рис. 14: 7, 10), круглые бляшки (рис. 14: 8), накладка прямоугольной формы с орнаментом из двух рядов заглубленных треугольников (рис. 14: 16) и накладки ажурные (рис. 14: 17), браслеты – небольшие кованные из медной пластины (рис. 14: 13) и крупный литой, овального сечения, с упло-

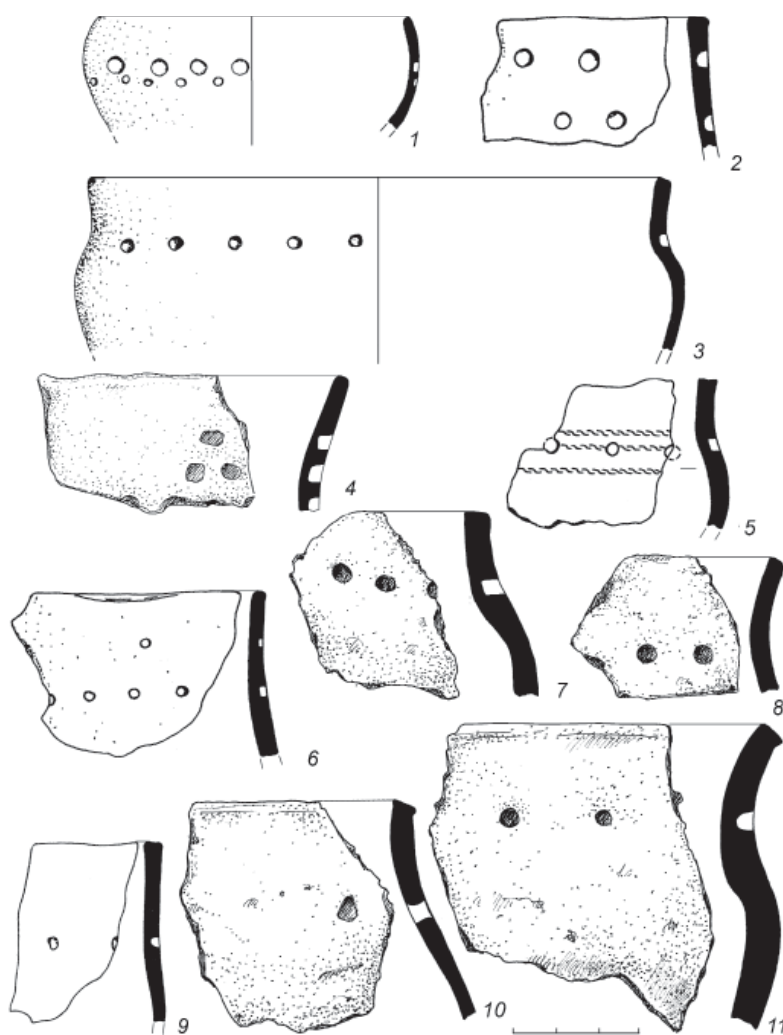

Рис. 15. Керамика селищ чегандинской АК

1–3, 5, 6, 9 – Боярское селище; 4 – Желановское селище; 7, 8, 10, 11 – Барановское III поселение (по: Голдина, Черных, 2011)

ценными концами, орнаментированными узором «ёлочка» (рис. 14: 15).

Керамика (рис. 15–17) чегандинского времени стратиграфически выделена на городищах Чеганда I, Зуевключевском I, Кухтинском. Она детально описана В.Ф. Генингом (1970, с. 84–88); его наблюдения были детализированы Г.Н. Клюевой при изучении коллекции Быргындинского IV поселения (1984, с. 24–28). Но, следует признать, что детального культурно-типологического и хронологического анализа чегандинской керамики до сих пор не выполнено. Трудности возникают при попытках разделить позднеананьинские (IV–III вв. до н. э.) и раннепьяноборские керамические комплексы. Для первых Л.И. Ашихминой были обозначены вполне очевидные признаки: абсолютное преобладание сосудов с гладкими изогнутыми шейками и плоскими венчиками, с рядом ямочных вдавлений (Ашихмина, 2014, с. 72). Такая посуда встречается на всех поселениях Средней и Нижней Камы и Белой, где обнаружены позд-

неананьинские хроноиндикаторы (Чижевский, 2017, с. 196–230). Для чегандинской керамики В.Ф. Генинг выделил бытование трех типов сосудов: чашевидные с отогнутыми наружу шейками, чашевидные с прямыми (вертикальными) или вогнутыми внутрь шейками и чашки без шеек (1970, с. 84, 85). При непринципиальной терминологической разнице обозначения выделенных типов Г.Н. Клюевой было замечено на посуде Быргындинского IV поселения доминирование в выборке сосудов второго и третьего типов (1984, с. 25–27). Оба исследователя отмечали крайнюю бедность орнаментальной традиции: это доминирование ямочных вдавлений круглой, треугольной, ромбовидной формы, размещавшихся в один ряд с равномерным интервалом, или сгруппированных по 2–3.

Как заметил А.Е. Митряков, характеристики чегандинской керамики, данные обоими авторами, практически не содержат диагностических признаков ее датировки (2014, с. 69).

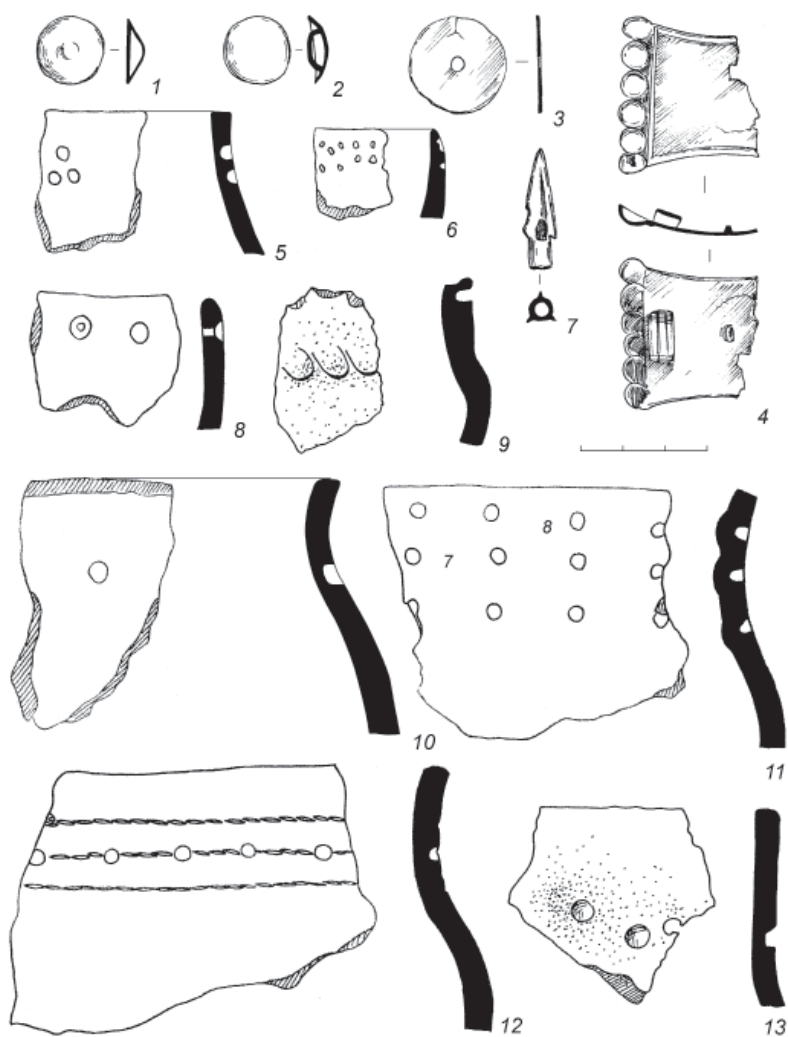

Рис. 16. Находки Зуевоключевских селищ: 1–7, 10 – Зуевоключевское IV; 8, 9, 11–13 – Зуевоключевское II

Выполненный им анализ коллекций посуды Барановского III поселения и Тарасовского поселения-святилища (Голдина и др., 2013, с. 40, табл. 3–9) позволяет констатировать отсутствие резкой грани при переходе от позднеананьинской керамической традиции к раннепьяноборской (чегандинской). Не укрепляют сложившегося восприятия горизонтального пояса ямок как индикатора исключительно пьяноборской посуды, а шнуровых отпечатков – ананьинской и материалы Зуевоключевского I городища (рис. 18), в заполнении жилищ которого эти приемы украшения керамики встречаются как в нижнем (ананьинском) строительном ярусе, так и в чегандинских напластованиях (Черных, 2012, с. 118; рис. 9).

Керамика Тойгузинского II городища, надежно датированного I в. н. э., хотя и сильно фрагментирована, но достаточно однородна (рис. 19). Она представлена лепной, круглодонной, слабопрофилированной, относительно тонкостенной (толщина верхних частей сосудов не превышает 5–6 мм, придонные части несколько толще – до

1 см) посудой. Цвет поверхности черепков варьирует от светло-охристого до темно-серого (на внутренней поверхности – до черного), часто с темными пятнами; в изломе цвет в большинстве случаев черный. Поверхность сосудов в большинстве случаев гладкая; в отдельных случаях внутренняя сторона черепков покрыта горизонтальными или наклонными «расчёсами». Визуально в тесте прослеживается примесь дробленой раковины (белые плоские включения) или органики («пористая» структура). Орнамент представлен вдавлениями разной формы, расположенными по шейке сосудов, в подавляющем большинстве случаев в один ряд. Наиболее распространены круглые ямки, реже встречаются овальные или линзовидные («пальцевый» орнамент) и треугольные (точнее – угловые) отпечатки; единично – оттиски неправильной формы. Как можно заметить из приведенных иллюстраций, керамика правобережных и левобережных поселений достаточно единообразна, в отличие от погребальной, обнаруживающей значительную вариабельность (Красноперов, 2010, с. 83, илл.).

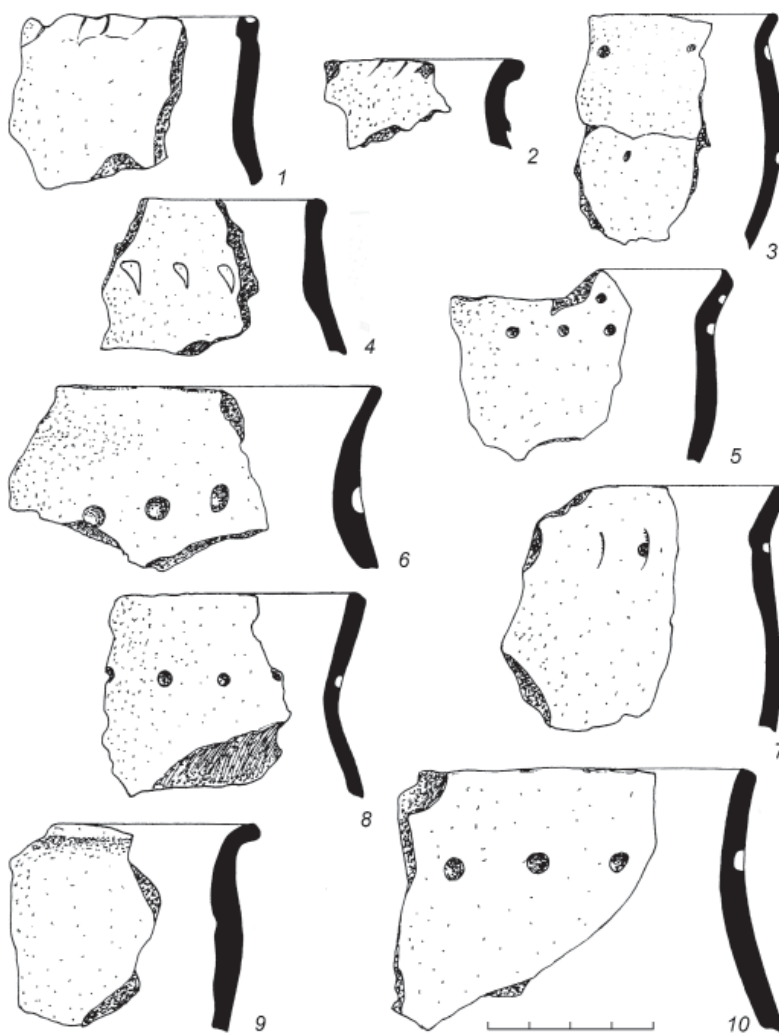

Рис. 17. Зуевключевское I городище. Керамика чегандинского и мазунинского типов

Возвращаясь к системе расселения пьяноборцев, следует признать, что реконструированная Д.Г. Бугровым двухуровневая система расселения пьяноборцев в Икско-Бельском междуречье (центральное поселение и тяготеющие к нему поселения-сателлиты) с очень плотным размещением групп поселений, приуроченных в большинстве случаев к краям террас вблизи поймы, характерна скорее для оседлого земледельческого или земледельческо-скотоводческого населения. В этом отношении она близка системе расселения племен дьяковской культуры в долинах р. Пахры и Москвы-реки (Гоняный, Кренке, 1988, с. 59, 61; Гуннова и др., 1996, с. 95)⁷. Сравнение со структурой расселения полуоседлых скотоводов саргатской культуры в Тоболо-Исетском междуречье демонстрирует существенные отличия между ними.

⁷ Следует, однако, отметить имеющееся различие: у дьяковцев центральным поселением в микрорегионе обычно является крупное городище с мощным культурным слоем (Гоняный, Кренке, 1988, с. 55, 56, 59), что редко встречается у пьяноборского населения Икско-Бельского междуречья.

Возможно, что устойчивая оседлость и большая плотность пьяноборского расселения, особенно в районах, примыкающих к крупным пойменным участкам, в значительной степени обусловлены, наряду с развитием придомного животноводства, большой ролью в хозяйстве оседло-рыболовецкого уклада.

Весьма вероятно, что отдельные группы поселений в пойме приустьевой части р. Ик и левого берега Камы представляли собой скопления сезонных поселений, расположенных в местах лова осетровых. Можно предполагать также, что использовались они главным образом населением бассейна Ика, не имевшим возможности добывать эти породы рыб непосредственно вблизи мест постоянного жительства. А отдельно расположенные в Камской (Старокрасноборское селище) и Икской («Золотая Падь» II) поймах поселения 6-го типа, вероятно, маркируют пути сообщения между указанными группами поселений. Традиция перебираться на время рыболовного сезона (часто еще до вскрытия рек) с постоянных поселений на временные стоянки в местах промысла,

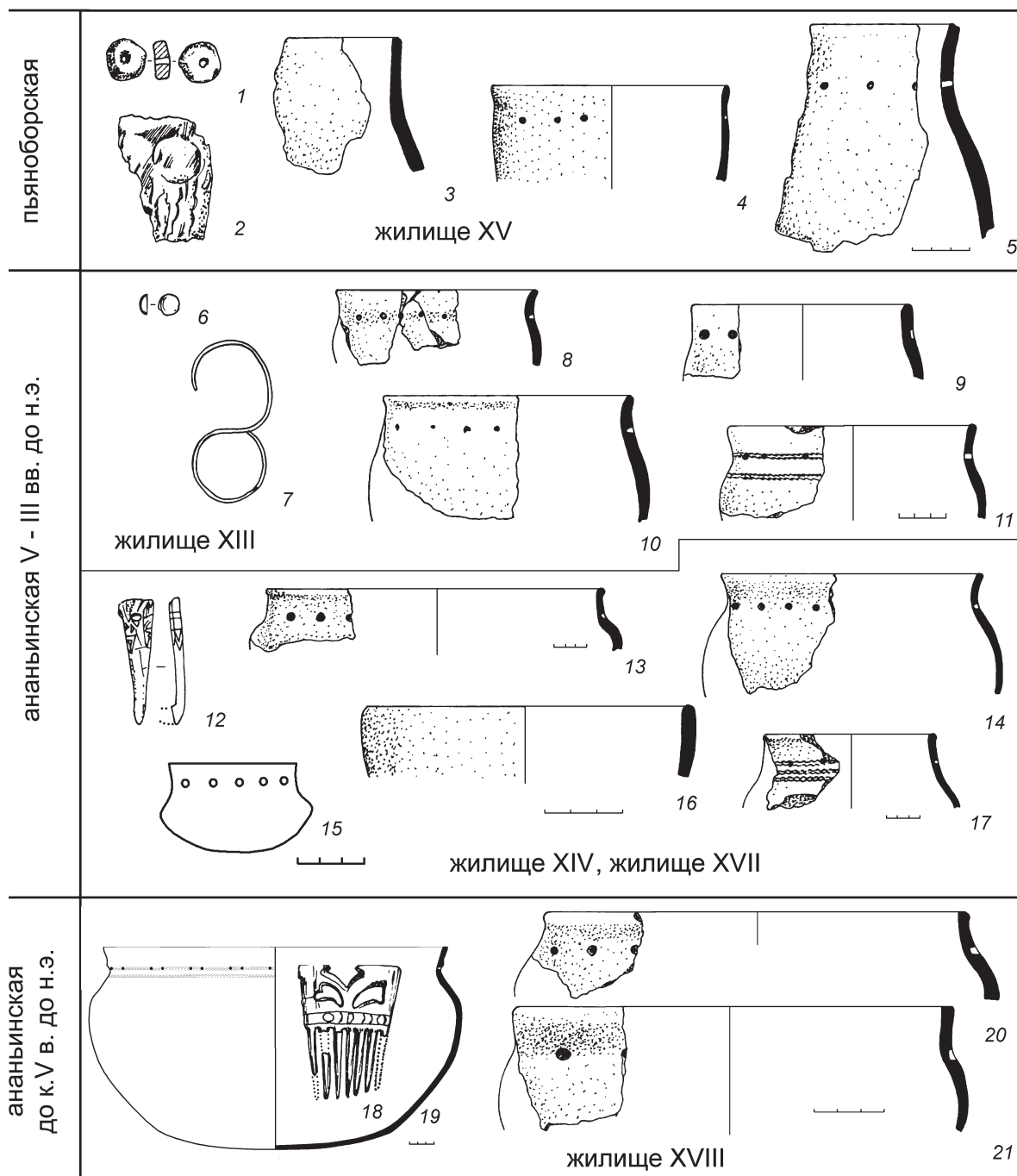

Рис. 18. Хроностратиграфия керамического и вещевого инвентаря жилых объектов раскопа XVIII Зуевключевского I городища (по: Черных, 2012)

иногда на очень значительное расстояние, существовала у западносибирских народов вплоть до исторического времени.

Выявленная система расселения наблюдается и на более высоком, региональном уровне: несколько микрорегионов образуют регион («куст или гнездо памятников», по Б.Б. Агееву). Логично предположить, что такая структура расселения отражает некую социальную организацию. Б.Б. Агеев определил выделенные им в ареале пьяноборской культуры на основании картографирования

памятников девять таких «кустов или гнезд» как «племенные территории» (Агеев, 1992, с. 82, 83, рис. 15). Соответственно, социальная структура населения пьяноборской культуры определялась как союз племен (Генинг, 1970, с. 126–139; Агеев, 1992, с. 82–84).

Регионы Икско-Бельского междуречья, выделенные Д.Г. Бугровым по результатам картографирования памятников и природно-географического районирования и соответствующие с некоторыми уточнениями «племенным территориям», в по-

рядке гипотезы могут рассматриваться как хозяйственно-территориальные объединения, включающие природно-географическую, социальную и идеологическую составляющую территории. Микрорегионы должны соответствовать более дробным подразделениям социума. Б.Б. Агеев считал пьяноборские могильники соответствующими отдельным родам (Агеев, 1992, с. 86–89), а территориально-хронологические группы погребений на могильниках – большесемейным группам (Агеев, 1992, с. 90–96). Г.Н. Журавлева определяет могильники как «место захоронения членов одной большой семьи, но никак не рода» и, соответственно, основной социально-экономической ячейкой пьяноборского общества считает большую патриархальную семью (Журавлева, 2002, с. 154). С преобладанием у пьяноборцев большесемейной, а не родовой общины согласился и В.Ф. Генинг (1988, с. 44, 201).

Микрорегион, таким образом, следует понимать как территорию расселения общины (Бугров,

2006, с. 17), вероятнее всего, большесемейной, включавшей от одной до трех больших семей. Внутренняя структура микрорегионов позволяет предполагать наличие двух большесемейных групп в объединенном VIII–IX (Новомелькенско-Дусай-Кичуйском) микрорегионе Нижне-Икского региона и трех – в III (Деуковско-Гулюковском) микрорегионе на Нижнем и в Меллятамакском микрорегионе – на Среднем Ике. Расчеты численности пьяноборской большой семьи, сделанные на материалах могильников (Агеев, 1992, с. 95; Журавлева, 2002, с. 153), и подсчет антропологического материала Тойгузинского II городища позволяют приблизительно определить минимальную численность населения одного микрорегиона в 21–45 человек (одна-две большие семьи). Тогда минимальное население только одного Нижне-Икского региона, включающего семь микрорегионов, по самым общим подсчетам могло составлять 150–320 человек.

Таблица 1

Общие сведения об исследованных селищах чегандинской культуры на территории правобережья Камы

Название памятника	Площадь раскопов	Автор раскопок	Изученные в раскопе объекты
Барановское I селище	64 кв. м	Генинг В.Ф., 1954	Часть жилища
Барановское III поселение	380 кв. м	Лещинская Н.А., 1996	Очаги и ямы
Быргындинское IV поселение	1955 кв. м	Клюева Г.Н., 1980, 1982	7 сооружений, в том числе 2 жилых, 150 ям
Быргындинское V поселение	120 кв. м	Голдина Р.Д., 1970	8 ям
Зуевоключевское II селище	130 кв. м	Черных Е.М., 1999–2000	канавы
Зуевоключевское IV селище	94 кв. м	Черных Е.М., 1999; Перевощиков С.Е., 2005	Часть жилища, очаг
Икское IV селище	79 кв. м	Ашихмина Л.И., 1976	жилище
Ильнешское II селище	300 кв. м	Голдина Р.Д., 1995	Клад украшений
Усть-Бельское I («Плоское место»)	284 кв. м	Клюева Г.Н., 1980	Очаги и 2 ямы
Ямаша II, селище	192 кв. м	Стоянов В.Е., 1957; Митряков А.Е., 2012	Часть жилища, ямы
Итого:	3589 кв. м		

ГЛАВА 4

МОГИЛЬНИКИ СРЕДНЕГО И НИЖНЕГО ПРИКАМЬЯ

Территория

На территории тарасовской (чегандинской) культуры памятники располагаются не сплошным массивом, а группами: от единичных объектов до нескольких десятков. По материалам могильников западная граница проходит ниже устья р. Ик (Кырнышский IV могильник) (рис. 1). В начале 70-х гг. самым северным считалось Сухаревское городище в Каракулинском районе Удмуртии (Генинг, 1970, рис. 1). В последние десятилетия большой куст памятников выявлен севернее – в Сарапульском районе (Тарасовские могильник и селища, Афонинский, Усть-Сарапульский могильники и др.). Южная часть культуры располагалась в междуречье рр. Ик и Белой, захватывая среднее течение р. Ик и побережье р. Белой примерно от устья р. Куваш. В I–II вв. культура занимала те же пределы (рис. 2), в III–V вв. границы существенно изменились (рис. 3) – были заселены более северные районы Прикамья: выше по правому берегу р. Камы, район современных Гольян (Чепаниха), бассейн р. Сивы (Нива), левобережье Камы – по р. Сайгатке (Сайгатка), верховья Ижа (Ижевский могильник) и его притоки (Покровка), Нижнее Прикамье (Тураево) и среднее течение р. Тоймы (городище Старая Игра). Опустели бассейны рр. Ик и Сюнь, плотно освоены низовья правобережья Белой и среднее течение Быстрого Таныпа. Появление памятников здесь – следствие, скорее всего, внутренних миграций, спровоцированных в определенной степени появлением в Среднем Прикамье в конце IV в. гото-славян, оставивших Тураевские курганы и другие объекты. Среди прибельских памятников могильники IV–V вв.: Старая Мушта, Старое Кабаново, Югомашево, Каратамак – содержат типичный для 2-й половины IV в. наступательный арсенал: боевые косы, железные проушные топоры, как короткие, так и длиннолезвийные и др.

История изучения

Наиболее значительными из раскопанных памятников являются: на территории Башкирии – Камышлы-Тамакский I (101 погр.; Мажитов, Пшеничнюк, 1968); Юлдашевский (131 погр.; Пшеничнюк, 1986); Кушулевский III (324 погр.; Агеев, Мажитов, 1985;

1986); Ново-Сасыкульский (418 погр.; Васюткин, Калинин, 1986); Кипчаковский I (153 погр.; Зубов, 2007, 2010), Уяндыкский I (58 погр.; Генинг, 1971; Пшеничнюк, 1986); Старо-Киргизовский (51 погр.; Васюткин, 1986) могильники и др.; на территории Татарстана – Деуковский II (48 погр.; Казаков, Старостин, Халиков, 1972), Меллятамакский I (35 погр.; Старостин, 1978), Икский (72 погр.; Ашихмина, Клюева, 1984; Арматынская, 1988), Тураевский I (274 погр.; Голдина, Бернц, 2010) могильники; в Удмуртии – Нырғында I и II (323 и 268 погр.; Голдина, Красноперов, 2012; Ашихмина, Генинг, Голдина, 1970; Журавлева, 2014), Чеганда II (220 погр.; Генинг, 1971); Афонинский (215 погр.; Вотякова, Клюева и др., 1978, с. 162; Клюева, Ютина, 1979, с. 180, 181; Ютина, 1980, с. 182), Усть-Сарапульский (100 погр.; Арматынская, 1986), Ижевский (211 погр.; Останина, 1984, 1990), Покровский (364 погр.; Останина, 1992), Тарасовский (1779 погр.; Голдина, 2003, 2004), Заборье (30 погр.; Бернц, 2006), Боярский (183 погр.; Черных, Хайруллина, 2018), Дубровский (203; Черных, 2017) и другие могильники. К настоящему времени на более чем 70 могильниках исследовано более 4000 захоронений, 1779 из них – на Тарасовском.

Топография

Могильники располагаются на мысах террас высотой 6–8 м (Чеганда II, Нырғында I, II, Икский, рис. 4: 2–4; 5: 1). Лишь некрополь у Тарасово занимает мыс высотой 20 м (рис. 4: 1), а Кипчаковский I – примерно 25–30 м (Зубов, 2010, рис. 2). Могильники часто связаны с близлежащими поселениями. Число могил колеблется от 35 до 1879. Во многих случаях памятники до конца не исследованы. Внешних признаков на поверхности они, чаще всего, не имеют. В некоторых случаях на периферии памятника зафиксированы ямы с обломками керамики, костями животных, кострища, следы от столбов – остатки поминальных тризн (Нырғында I, Афоново, Чеганда II и др.). Разбитые глиняные сосуды встречались в засыпи некоторых могил.

Погребальный обряд

Единственный могильник, содержащий как подкурганые, так и грунтовые захоронения, –

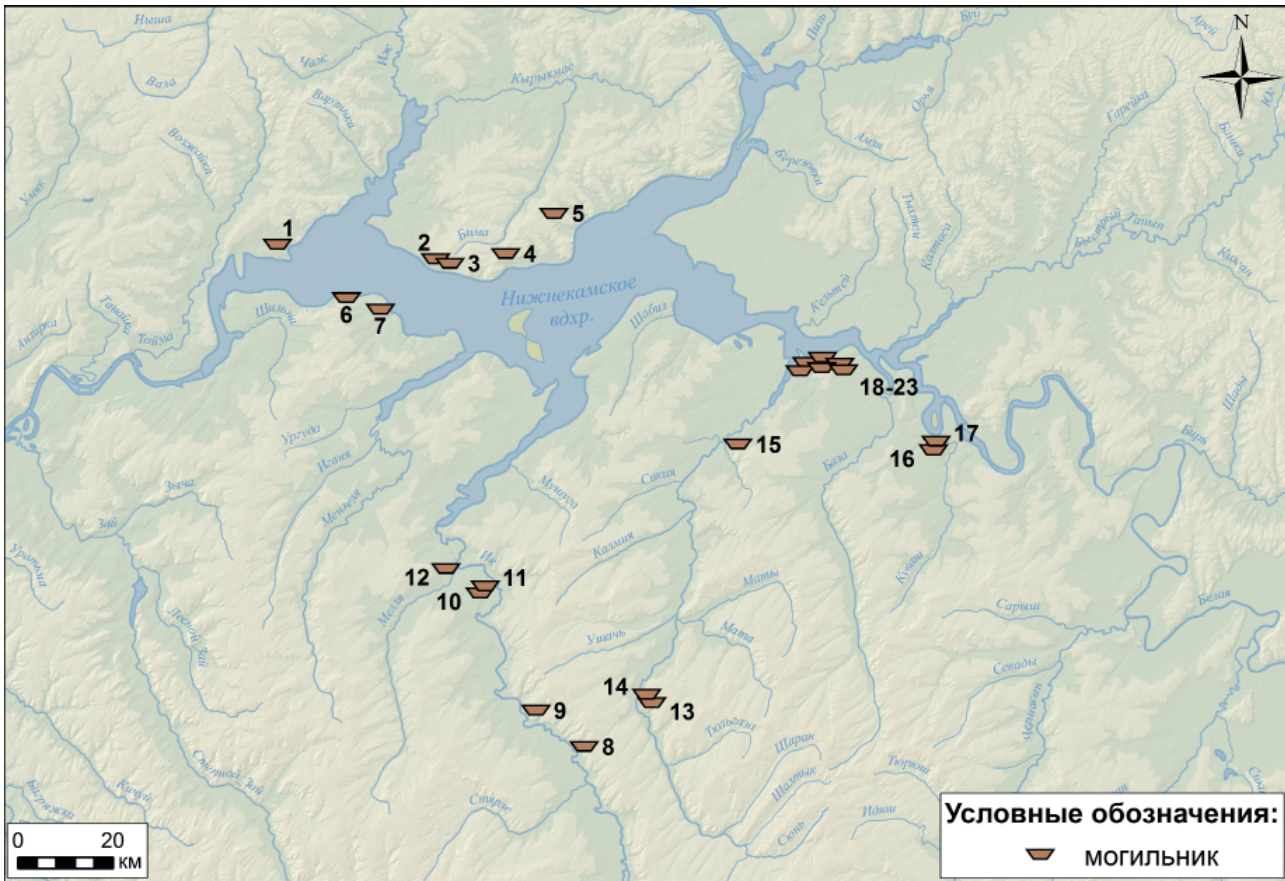

Рис. 1. Могильники ранней (I, икской) стадии тарасовской (чегандинской) культуры

1 – Ик; 2 – Пьяный Бор I; 3 – Пьяный Бор II (Муново); 4 – Нырғында II; 5 – Чеганда II; 6 – Кырныш IV; 7 – Деуково II; 8 – Урманево II; 9 – Куштиряково; 10 – Старо-Чекмак I; 11 – Старо-Чекмак II; 12 – Меллятамак I; 13 – Камышлы-Тамак II; 14 – Камышлы-Тамак I; 15 – Кипчаково I; 16 – Кушулево III; 17 – Кушулево II; 18 – Шидали I; 19 – Трикол («Гремучий Ключ»); 20 – Старо-Киргизово; 21 – Уяндык I; 22 – Юлдашево; 23 – Уяндык II

Кипчаково I (Зубов, 2010). Захоронения на площади памятников располагались в определенном порядке, образуя ряды и группы, разделенные свободным пространством или имеющие разную ориентировку (рис. 5: 2, 3; 6: 8). На Тарасовском могильнике самые ранние погребения (I–II вв. н. э.) находились на наиболее высокой части мыса. Потом могильник «рос» в стороны и вниз, к р. Каме (Голдина и др., 2015, с. 40, 41). Могилы I–II вв. н. э. Тарасовского могильника ориентированы в основном в меридиональном ССВ–ЮЮЗ (38,7%), С–Ю (24,64%), ССЗ–ЮЮВ (12,42%) направлении. Вместе с тем почти 19% захоронений развернуты в широтном направлении. Такая картина – наличие могил с перпендикулярной ориентировкой – известна и на других памятниках (Юлдашево, Кушулево III, Ново-Сасыкуль, Тарасово и др.). Вероятно, могильники были основаны двумя разными родственными группами населения, каждая из которых имела свою ориентировку. В одном ряду хоронили членов малой трехпоколенной семьи, а локальные группы рядов принадлежали, вероятно, членам патриархальной семьи. Стремление похоронить близких родственников побли-

же приводило к тому, что некоторые могилы почти смыкаются. Умершие уложены преимущественно головой на север с отклонениями, реже на восток и еще реже – на юг и запад (Голдина и др., 2015, илл. 48, 209, 210). Подобное распределение отмечено и для башкирских памятников (Васюткин, 1982, с. 143).

Захоронения произведены в большинстве в прямоугольных ямах с вертикальными стенками и плоским дном (рис. 6: 6, 7; 7). Размеры могил зависели от возраста и роста умершего. Средний размер могильных ям в Тарасово 2,14×0,77×0,58 м, глубина – в пределах 50–60 см. Объем вынутого грунта на этом памятнике для мужчин 0,6–1,0 м³, для женщин – 0,5–1,0 м³. Средний объем вынутого грунта в ранней части (I–II вв.) некрополя 0,41–0,6 м³. Для остальных могильников также характерна небольшая глубина. Исключение составляет Урманеувский могильник в Башкирии, где из 20 захоронений лишь 2 были глубиной менее 1 м, остальные имели глубину 2,1–2,7 м (Васюткин, 1982, с. 134). Остатки погребальных конструкций сохранились плохо, они лучше зафиксированы на Тарасовском могильнике и представляли со-

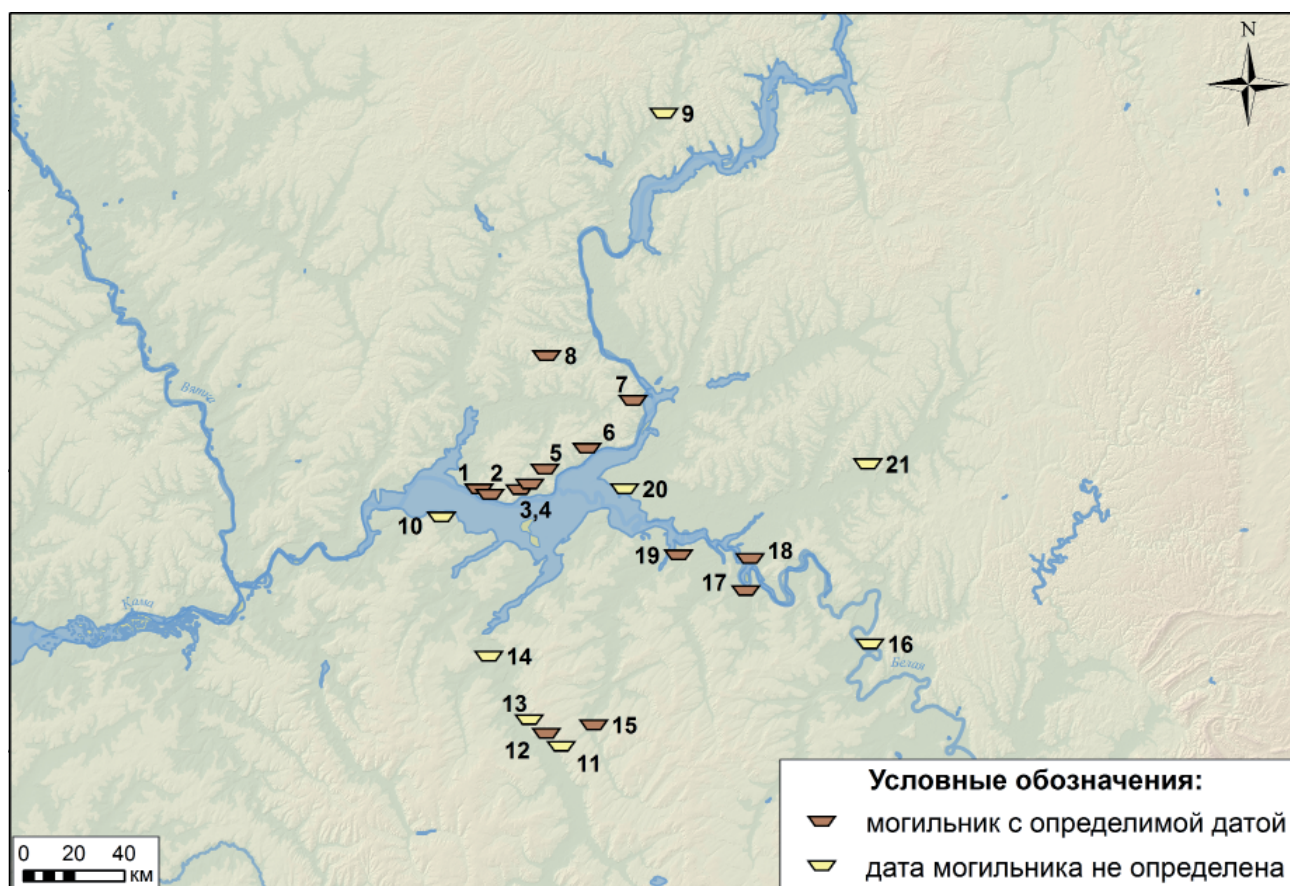

Рис. 2. Могильники средней (II, ныргындинской) стадии тарасовской (чегандинской) культуры

1 – Пьяный Бор I; 2 – Пьяный Бор II (Муново); 3 – Ныргында II; 4 – Ныргында I; 5 – Чеганда II; 6 – Партизан; 7 – Тарасово; 8 – Афонино; 9 – Шалавенки; 10 – Деуково II; 11 – Суондуково; 12 – Ново-Сасыкуль; 13 – Тово-Тумук; 14 – Меллятамак V; 15 – Камышлы-Тамак I; 16 – Репьево; 17 – Кушулево III; 18 – Ангасяк; 19 – Юлдашево; 20 – Янгизнаратово; 21 – Чиатав

бой дощатый настил на дне (рис. 7: 1, 3, 5–8) или дощатое перекрытие над погребенным (рис. 7: 2). В редких случаях (2%) зафиксированы остатки долбленых колод (рис. 7: 4). Фрагменты коры и бересты обнаружены в некоторых погребениях Меллятамакского I могильника (Старостин, 1978, с. 135).

Большинство захоронений – индивидуальные труположения, но встречались и коллективные (от 2 – рис. 7: 7 – до 8 умерших в одной яме). Обычно это останки погребенных одновременно мужчин, женщин и детей. В одном месте Тарасовского могильника наблюдалась концентрация таких коллективных погребений (Голдина и др., 2015, илл. 35, 195), что связано, видимо, с какой-то свирепствовавшей здесь болезнью. В двух случаях на Тарасовском могильнике отмечен странный обряд: у умерших была отрезана кисть левой руки и уложена справа от головы. Возможно, эти люди были замечены в воровстве и в назидание другим были подвергнуты такой экзекуции. В погребении 15 Меллятамакского могильника на р. Ик в области грудной клетки мужчины-воина лежал череп еще одного человека (Старостин, 1978, с. 129–

131). В одной из могил Кушулево III некрополя обнаружены 5 черепов (Агеев, Мажитов, 1986, с. 75), три обезглавленных скелета зафиксированы в Ново-Сасыкульском могильнике. Столько же скелетов без головы найдены в погр. 3 Кипчаково I (Зубов, 2010, рис. 7). Отмечены случаи обугленности перекрытий. На могильнике Чеганда II выявлены 2 погребения с обожженными костяками. В могиле 1670 Тарасово обожжены кости черепа. Типичная поза погребенных – вытянуто на спине, конечности уложены вдоль тела. Иные положения рук и ног редки.

В состав сопровождающего инвентаря входила одежда погребенного с украшениями, личные вещи, отражающие, по всей видимости, род его деятельности и социальный статус, подарки родственников и близких (подарочные наборы). Количество могил с инвентарем различно: от 49,1% (Ныргында I) до 74,4% (Тарасово). В мужских захоронениях встречались обычно колчаные крючки, ножны, наконечники стрел и копий, удила, точильные камни, в женских – пряслица, бусы, бисер, браслеты, гривны, головные уборы, перстни, сюльгамы, фибулы, шилья, сосуды. Универ-

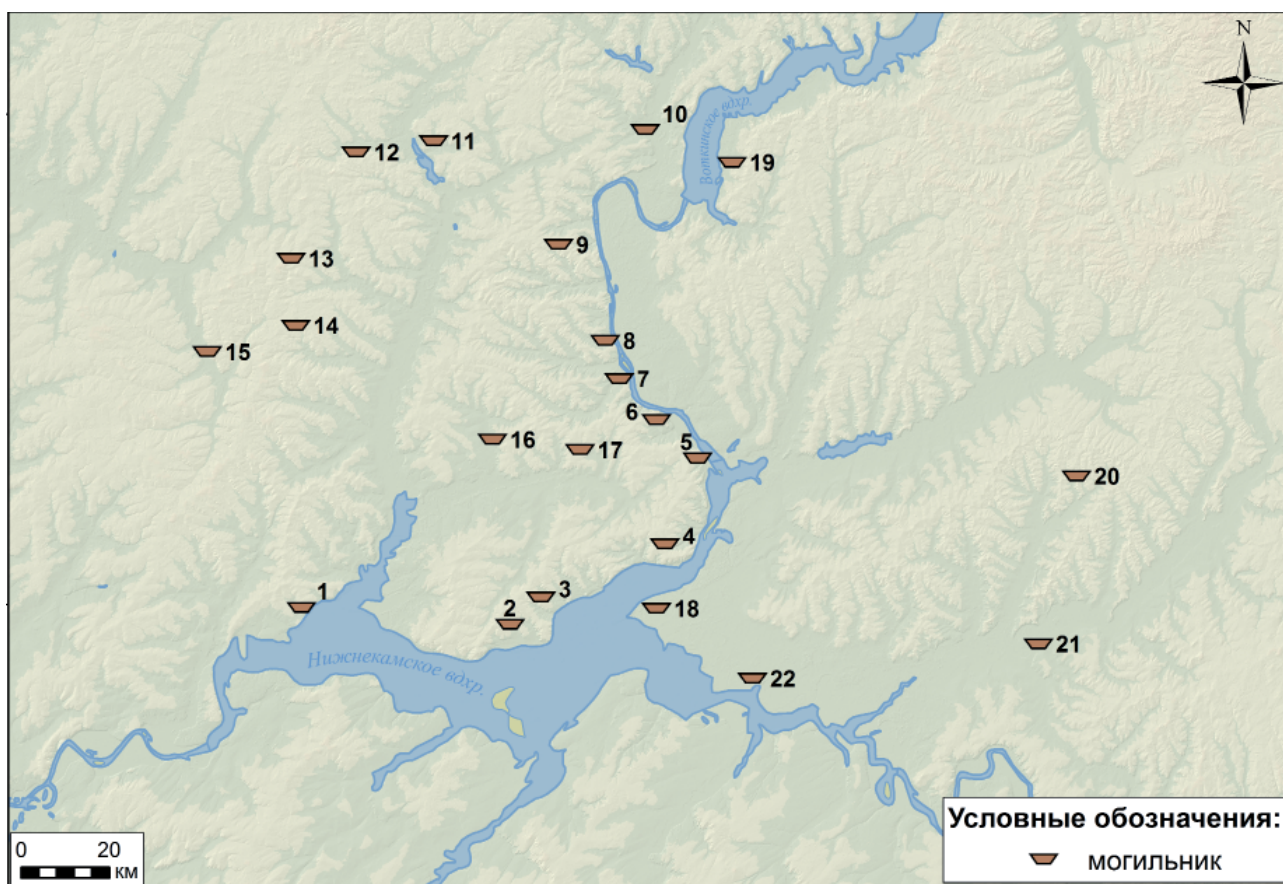

Рис. 3. Могилики поздней (III, мазунинской) стадии тарасовской (чегандинской) культуры

1 – Тураево; 2 – Ныргында I; 3 – Быргында I; 4 – Боярка; 5 – Тарасово; 6 – Мазунино; 7 – Усть-Сарапулка; 8 – Сарапул I; 9 – Чепаниха; 10 – Нива; 11 – Ижевск; 12 – Чужьялово; 13 – Покровка; 14 – Бобья-Уча; 15 – Чумойтло I; 16 – Дубровка; 17 – Заборье; 18 – Старо-Кабаново; 19 – Сайгатка; 20 – Югомашево; 21 – Каратамак; 22 – Старая Мушта

сальны – ножи, детали поясов. Без вещей хоронили примерно равное количество мужчин, женщин и детей. Украшения располагались так, как они использовались при жизни. Головные уборы и височные подвески – в области черепа (рис. 8: 5, 7), шейные украшения – в верхней части груди (рис. 8: 1, 5, 7), нагрудные украшения – в области грудной клетки, поясные застёжки – в области таза (рис. 8: 4, 5), головы или ног (при вытянутом поясе) (рис. 8: 8), обувные застёжки – в области щиколоток (рис. 7: 1, 3).

Два обычая: укладывание пояса вдоль тела умершего и сопровождение захороненного набором украшений в коробочках, туесках или сосудах – широко распространены в пьяноборское время. Первые сведения о поясе, положенном вдоль тела погребенного, относятся к ананьинскому времени (Збруева, 1952, с. 40, 41). Так же укладывали пояс в могилах кара-абызской культуры – в IV–II вв. до н. э. (Пшеничнюк, 1973, с. 178). Аналогичные находки были сделаны на многих могиликах тарасовской (чегандинской) культуры: Чеганда II (рис. 8: 1), Юлдашево, Урманево, Ныргында I (рис. 8: 8), Ныргында II (рис. 8: 7), Афоново, Но-

во-Сасыкуль. В мазунинской части Тарасовского могилика уложенные вдоль тела пояса составляли 90,6% от всех поясов (Голдина и др., 2015, илл. 77). Подобным образом в I–II вв. распрямляли и укладывали рядом с умершим бронзовые и железные гривны.

Другой необычный обряд связан с помещением в могилу набора дополнительных украшений: браслетов, височных подвесок, гривен, ожерелий из бус и пронизок, а также мелких орудий – шильев, ножей. Они не совсем удачно названы В.Ф. Генингом жертвенными комплексами. До недавнего времени мы также широко использовали этот термин. Скорее всего, это подарки жившим и умершим жене, невесте, мужу, сыну. Правильнее было бы называть их подарочными наборами. Аргументы типа, что это личные вещи умершего, ничего не меняют, так как они (личные вещи) тоже когда-то при жизни были подарены умершему. Подарочные наборы располагались чаще в женских захоронениях как в изголовье (рис. 7: 6), так и в ногах (рис. 7: 7). По наблюдениям А.Х. Пшеничнюка, этот обычай возник у кара-абызского населения в III–II вв. до н. э., а окончательно оформился к ру-

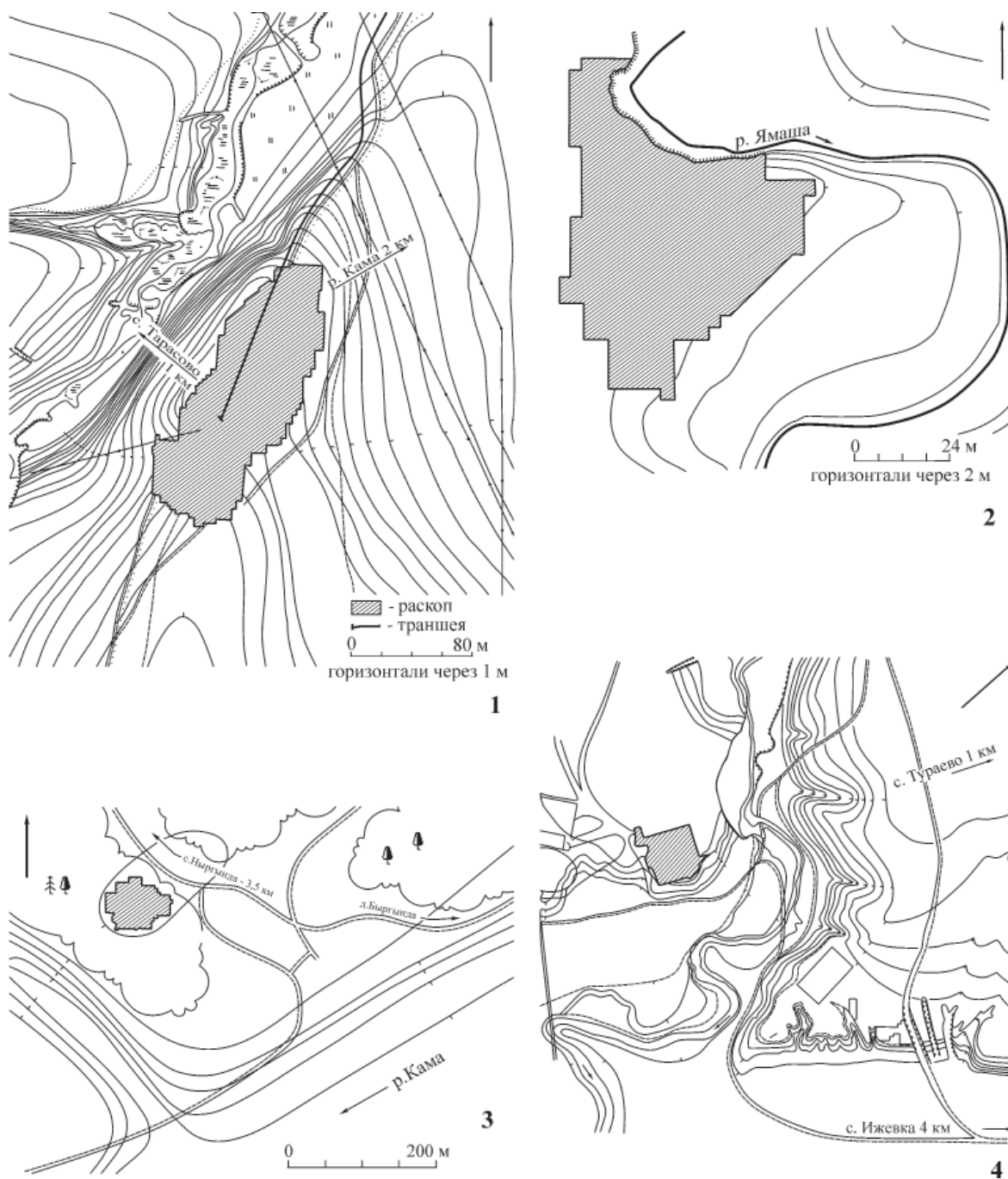

Рис. 4. Топографические планы могильников тарасовской (чегандинской) культуры
1 – Тарасовский; 2 – Чеганда II; 3 – Ныргында I; 4 – Икский

бежу эр (1973, с. 178). Такие подарки отмечены и в могильниках тарасовской (чегандинской) культуры: Кушулево III, Ново-Сасыкуль, Старо-Киргизово, Урманаво, Ныргынде I, II, Афонино и др. (Агеев, 1992, с. 25, 26). В III–V вв. этот обряд стал особенно популярным. На Тарасовском могильнике 90 могил I–II вв. (18,2% от захоронений этого времени) содержали подарочные наборы, в III–V вв. число их выросло до 240 или 27,6% (Голдина и др., 2015, илл. 222). Известны находки 2-х и 3-х наборов в одной могиле с числом вещей более

20. Подобные находки были распространены и в других культурах: худяковской, ванвиздинской, ломоватовской и др. По мнению Т.В. Истоминой, подарочные наборы – особенность финских культур лесной полосы Восточной Европы (1982, с. 78–87).

Датировка и хронология

А.А. Спицын первый отделил пьяноборские древности от других и датировал их V–VII вв. н. э. (1901, с. 7). Спустя 30 лет М.Г. Худяков, обобщив материалы Ныргындин-

Рис. 5. Ныргындинский II могильник

1 – топографический план; 2 – план раскопа А.А. Спицына 1898 г.; 3 – планы раскопов В.Ф. Генинга 1954, 1968, 1969 гг. (по: Журавлева, 2014)

ских I и II могильников, датировал культуру II в. до н. э. – V в. н. э., разделив на 3 этапа: ранний – II–I вв. до н. э., средний – I–III вв. н. э., и поздний – IV–V вв. н. э. (1933). Эту точку зрения поддержал и А.П. Смирнов (1949, с. 22). По мнению В.Ф. Генинга, чегандинская культура делилась на 4 стадии: А – III–II вв. до н. э.; Б – I в. до н. э.; В – I в. н. э.; Г – II в. н. э., и таким образом, хронологические рубежи культуры – III в. до н. э. – II в. н. э. (1970, рис. 20). Начало культур эпохи переселения народов в Прикамье (азелинской, ма-

зунинской, полумской и харинской) В.Ф. Генинг относил к III в. (1970, с. 90), а их конец – к V в. н. э. Правда, позднее хронологические оценки разных культур по его схемам дифференцировались: в частности, азелинские комплексы он датировал III–IV вв., мазуинские – III–V вв., сомневаясь уже в III в., но, будучи уверен в IV в., харинские он отнес к V–VI вв., а полумские – к первой половине VI в. (1979, с. 99, 100 и схема).

Вопросами датировки и периодизации мазуинских древностей много занималась

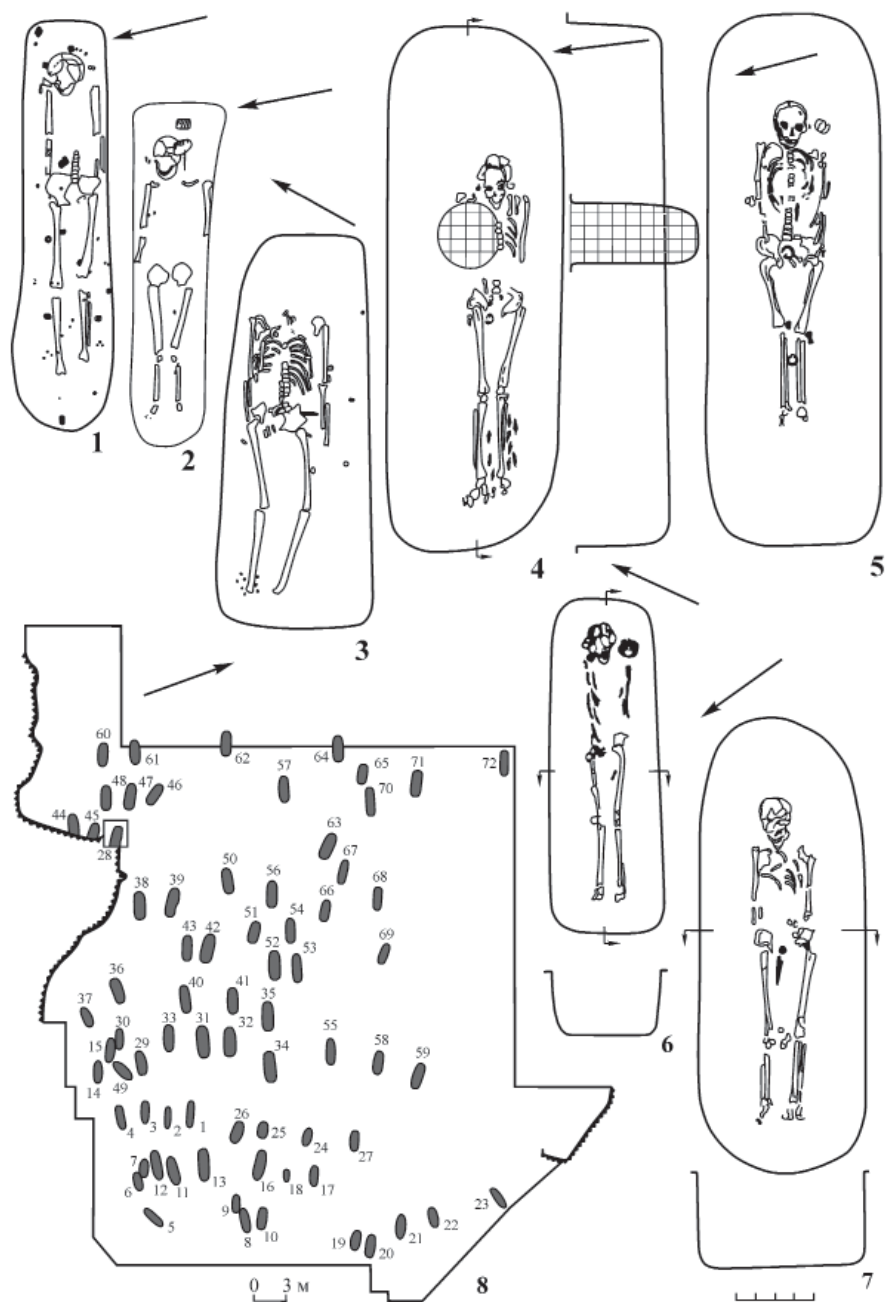

Рис. 6. Икский могильник. Планы погребений

1 – погр. 3; 2 – погр. 2; 3 – погр. 23; 4 – погр. 34; 5 – погр. 31; 6 – погр. 49; 7 – погр. 39; 8 – план раскопа

Т.И. Останина, которая рассматривает их как самостоятельную археологическую культуру III–V вв., разделенную на несколько стадий: первую – III в., вторую – конец III – начало IV в., третью – IV в., четвертую – конец IV – начало V в. и пятую стадию – V в. н. э. (1983). Б.Б. Агеев, обобщив материалы по тарасовской (чегандинской, пьяноборской) культуре, накопленные к концу 80-х гг., датировал ее концом II в. до н. э. – III в. н. э., подразделяя на 2 стадии: раннюю (конец II в. до н. э. – I в. н. э.) и позднюю (II–III вв. н. э.). Мазунинские

памятники, на его взгляд, образуют самостоятельную культуру и датируются IV–V вв. н. э. (1992, с. 57, 79, 108). Р.Д. Голдина, анализируя памятники железного века Прикамья, пришла к выводу, что памятники пьяноборской общности относятся к III/II в. до н. э. – V в. н. э., включая мазунинские (1987, рис. 1).

Получив возможность изучать огромный археологический материал, накопленный более чем за 100 лет работы ученых на территории Прикамья, можно достаточно критично оценить точки

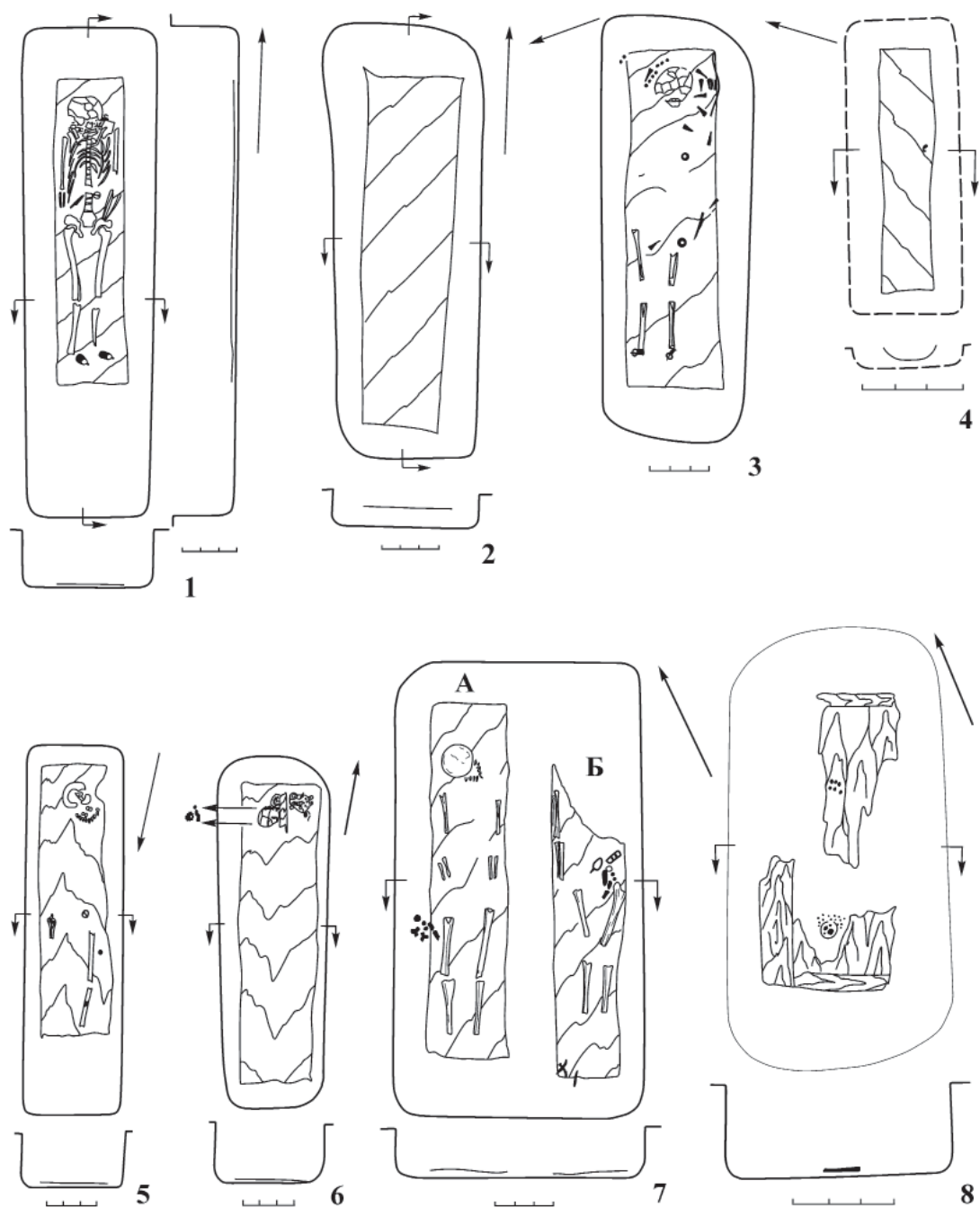

Рис. 7. Тарасовский могильник. Планы погребений. Ныргындинская стадия I–II вв. н. э.

1 – погр. 1189; 2 – погр. 1660; 3 – погр. 1443; 4 – погр. 1495; 5 – погр. 1648; 6 – погр. 1649; 7 – погр. 1170; 8 – погр. 1355

зрения исследователей и отобразить наиболее аргументированные. Очевидно, в общих чертах следует признать правильной точку зрения на датировку пьяноборских древностей М.Г. Худякова и А.П. Смирнова (II в. до н. э. – V в. н. э.) и деление их на 3 периода. Однако границы территории, рубежи периодов, количество памятников культуры с позиций современных знаний должны подвергнуться существенной корректировке. Начальная дата культуры может быть определена сейчас рубежом III–II вв. до н. э., а конечная – концом

V – началом VI в. н. э. – временем окончания функционирования многих памятников мазунинского типа.

Вопрос о дате ранней стадии тарасовской (чегандинской) культуры в основном предрешен предшественниками. В.Ф. Генинг ранние стадии А и Б датировал III–II – I в. до н. э. (1970, с. 88, 89). Б.Б. Агеев, проведя анализ взаимовстречаемости вещей тех же могильников, что и В.Ф. Генинг (Чеганда II, Ныргында II), несколько иначе расставил рубежи стадий – первая – конец II в. до н. э. – I в. н. э.,

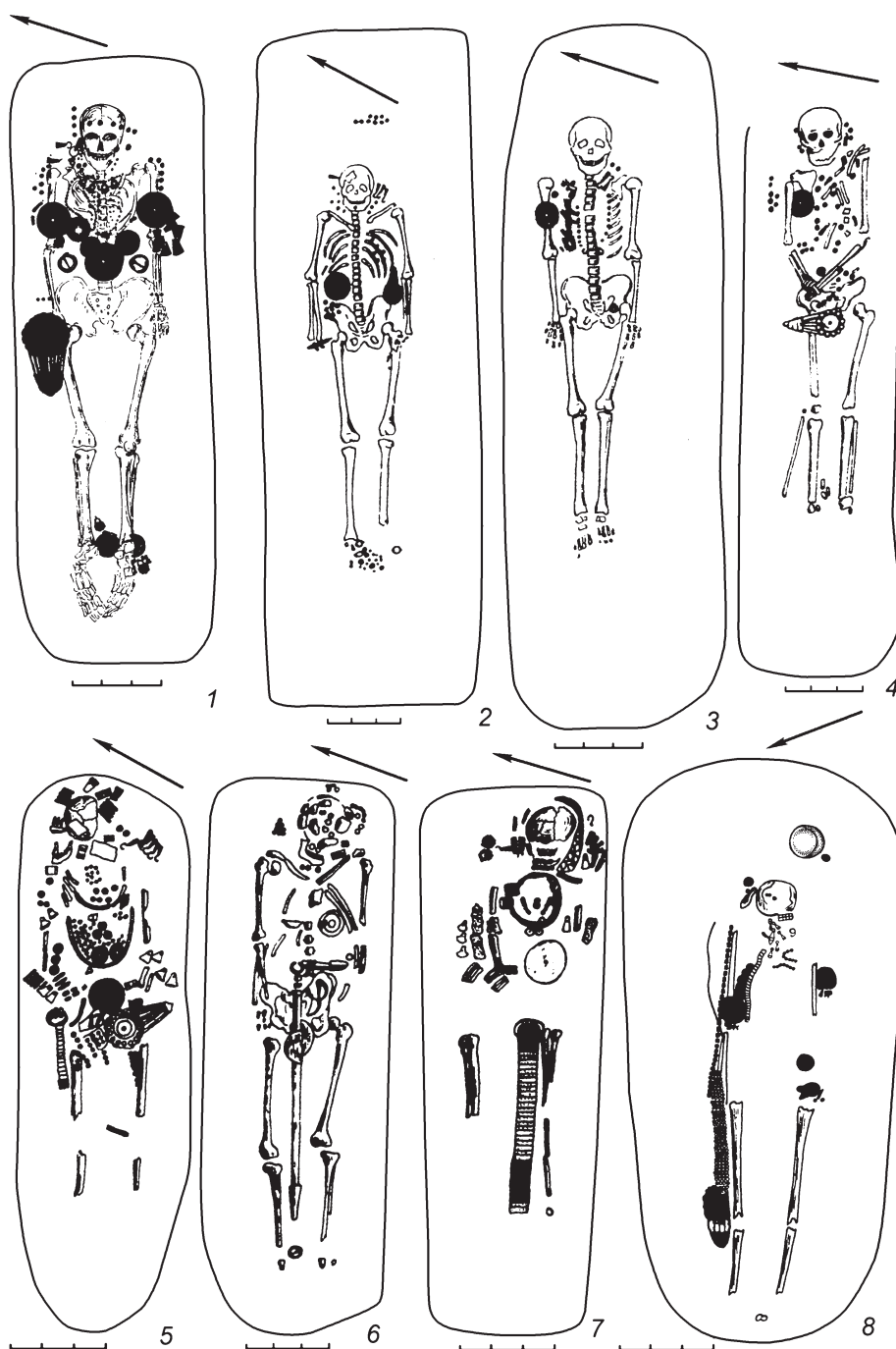

Рис. 8. Могильники тарасовской (чегандинской культуры)

Планы погребений. Чеганда II: 1 – погр. 15; 2 – погр. 9; 3 – погр. 16 (по: Генинг, 1971, рис. 4, 5); Ныргында II: 4 – погр. 7; 5 – погр. 51; 6 – погр. 79; 7 – погр. 94 (по: Журавлева, 2014, рис. 3, 4); 8 – Ныргында I погр. 264 (по: Голдина, Красноперов, 2014, рис. 142)

и вторая – II–III вв. н. э. (1976; 1992, с. 54–81). В омоложении ранней даты пьяноборья до конца II в. решающим аргументом Б.Б. Агеева было небольшое число (10,7%) бронзовых наконечников стрел среди общего количества проникателей из разных материалов (бронза, кость, железо), что объяснялось им вероятным запаздыванием распространения в Среднем Прикамье наконечников из железа по сравнению со скифо-сарматским миром. Эту мысль поддержал в 1985 г. В.А. Иванов, который

оперировал своей статистикой: из 164 пьяноборских могил со стрелами 53,3%, помимо костяных, содержали железные наконечники, 4,3% – бронзовые и железные, и лишь 7,3% – только бронзовые, на фоне сармат, у которых уже в III–II вв. до н. э. 52% погребений содержали бронзовые и железные проникатели (Иванов, 1985, с. 94, 95). Сейчас очевидно, что это заблуждение объясняется особенностью выборки того времени: малым числом на Средней Каме погребений конца I тыс. до н. э. Зна-

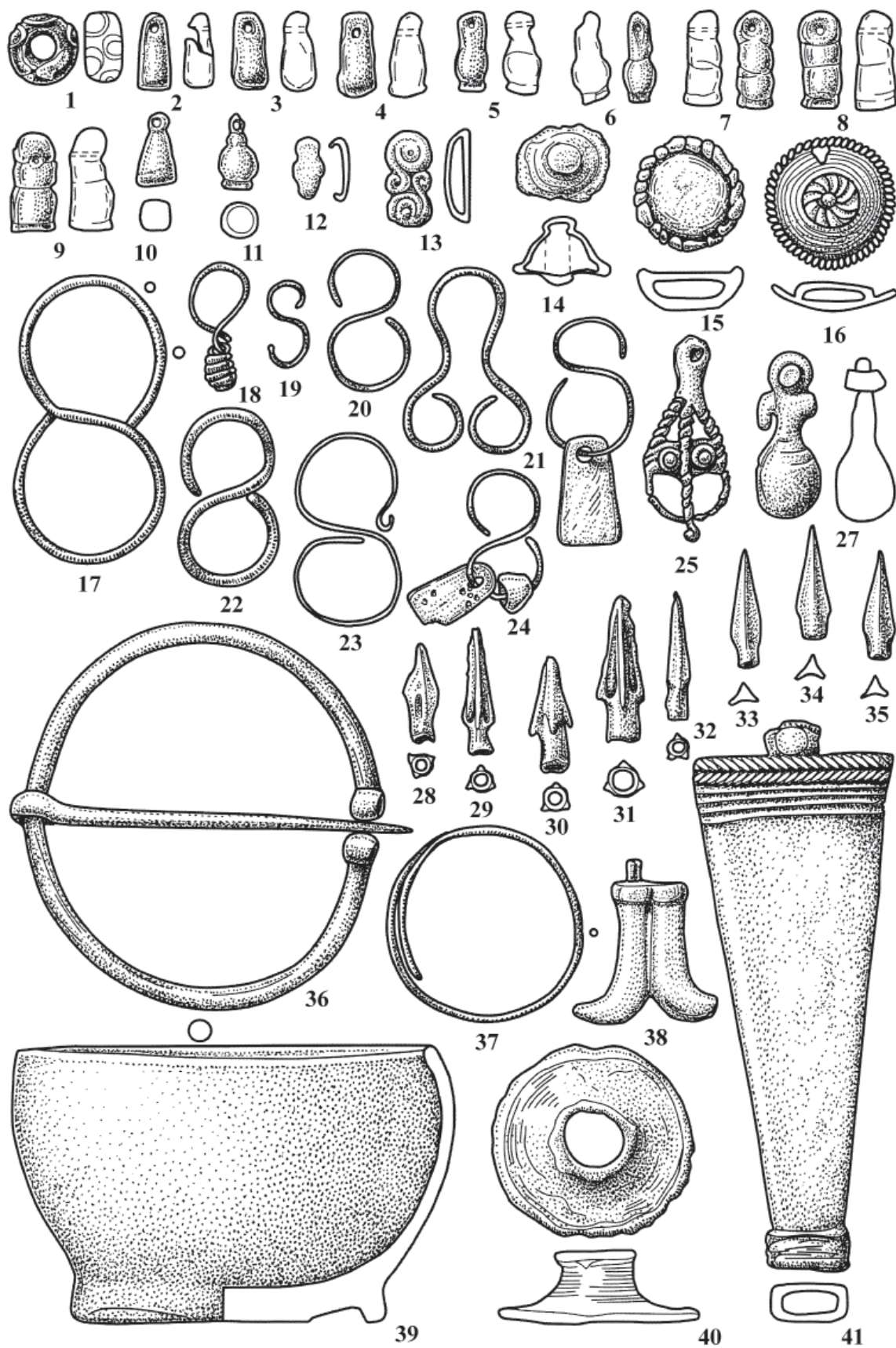

Рис. 9. Икский могильник. II-I вв. до н. э.

1 – бусина; 2–11 – подвески; 12–16, 40 – бляшки; 17–27, 37 – височные подвески; 28–35 – наконечники стрел; 36 – сьюльгама; 38 – полупронизка; 39 – сосуд (вне масштаба); 41 – ножны. 1–11 – стекло; 12–23, 25–38, 40, 41 – бронза; 24 – бронза, стекло; 39 – глина (по: Ашихмина, Клюева, 1984; Арматынская, 1988)

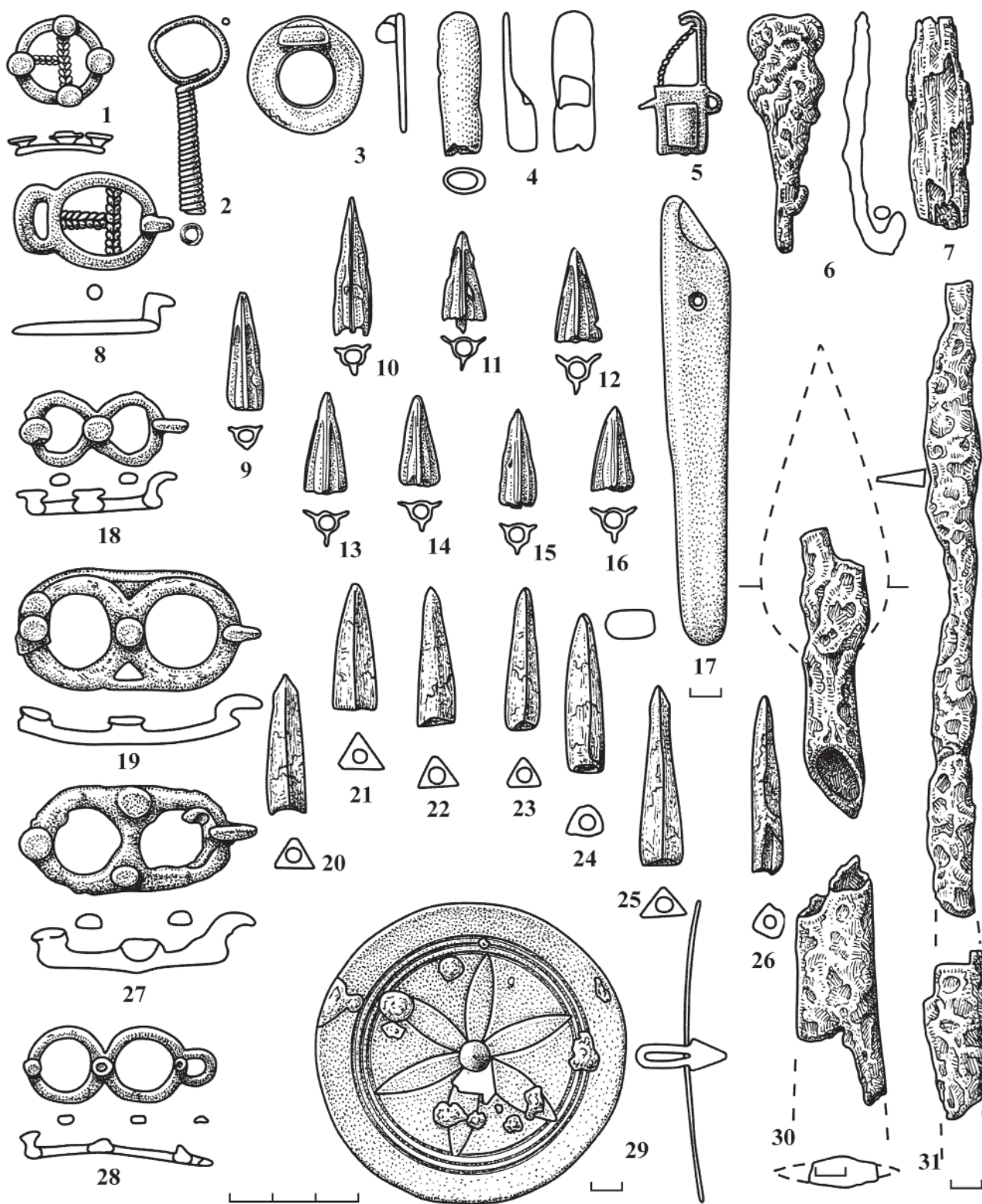

Рис. 10. Кипчаковский I курганно-грунтовый могильник II-I вв. до н. э. Предметы из мужских захоронений 1, 8, 18, 19, 27, 28 – застёжки с крючками; 2 – височная подвеска; 3, 5 – подвески; 4 – наконечник ремня (ложечковидная застёжка); 6 – крючок; 7 – нож; 9–16, 20–26 – наконечники стрел; 17 – оселок; 29 – бляха; 30 – наконечник копья; 31 – боевой нож. 1–5, 8–16, 18, 19, 27–29 – бронза; 6, 7, 30, 31 – железо; 20–26 – кость; 17 – камень (по: Зубов, 2007; 2010)

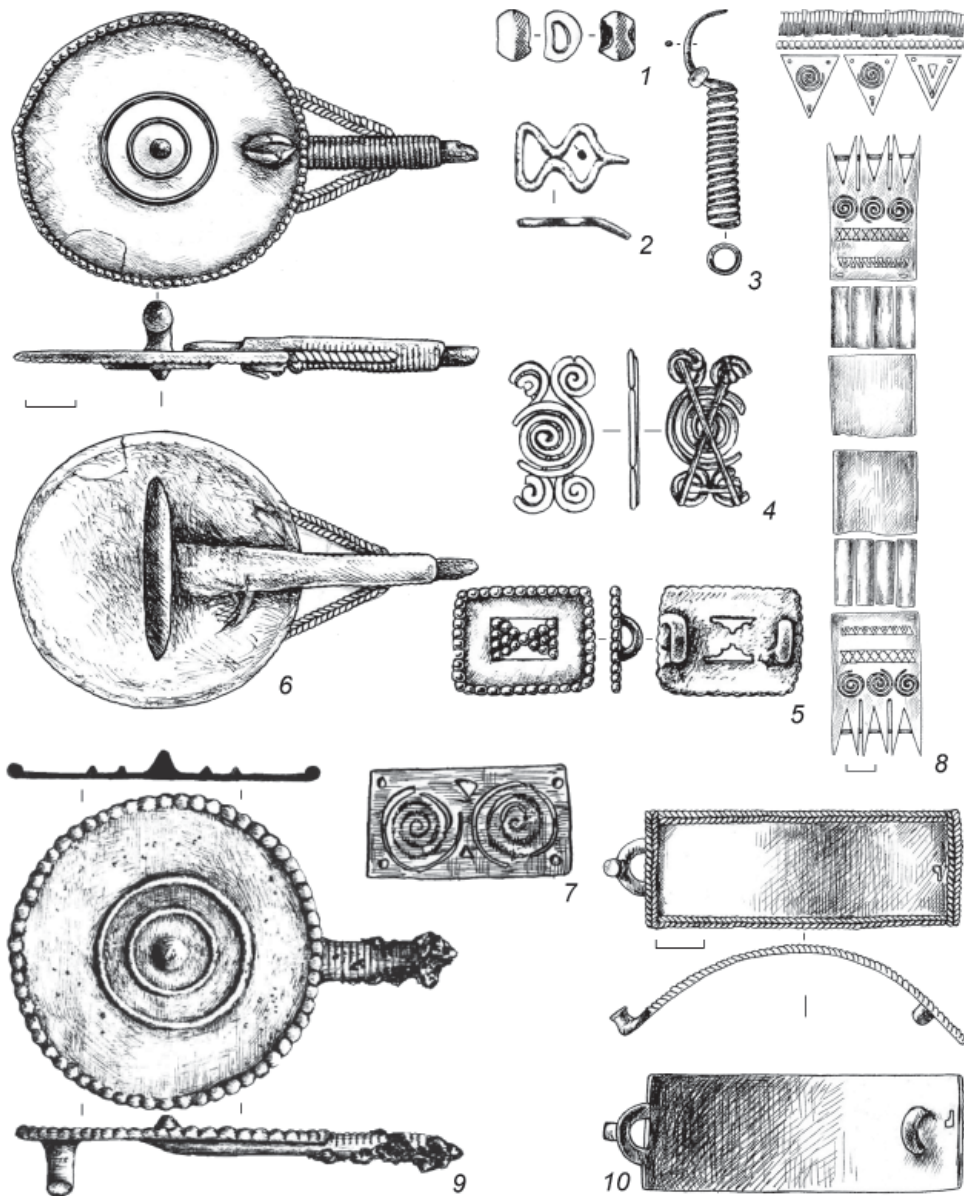

Рис. 11. Кипчаковский I курганно-грунтовый могильник II–I вв. до н. э. Предметы из женских захоронений 1 – бусина; 2, 10 – застёжки с крючками; 3 – височная подвеска; 4, 5, 7 – накладки; 6, 9 – эполетообразные застёжки; 8 – реконструкция размещения элементов головного убора из погребения 5 (раскопки 2006 г.). 1 – стекло; 2–10 – бронза (по: Зубов, 2007; 2010)

чительно позже будут открыты и изучены Икский, Меллятамакский I, Кипчаковский I могильники и др., которые и дали сейчас основной ранний материал. На Икском могильнике все погребения с наконечниками содержали только бронзовые прокатели, а на Кипчаковском I могильнике из 79 могил с наконечниками – 31 содержали только бронзовые (257 экз.) (Зубов, Саттаров, 2018, с. 210–214). Кроме того, планиграфия Кипчаково I позволяет четко отделить раннюю часть (II в. до н. э.)

от более поздней (I в. до н. э.). И Б.Б. Агеев, и В.А. Иванов имели возможность анализировать в то время в основном многочисленные комплексы I–III вв. н. э.

В последнее десятилетие некоторые молодые коллеги активно поддерживают идеи Б.Б. Агеева и В.А. Иванова (Красноперов, 2014, с. 332; Зубов, Саттаров, 2018, с. 210–214; и др.) и это вновь заставляет возвращаться к этому сюжету, хотя большинству ученых ясно, что граница между ана-

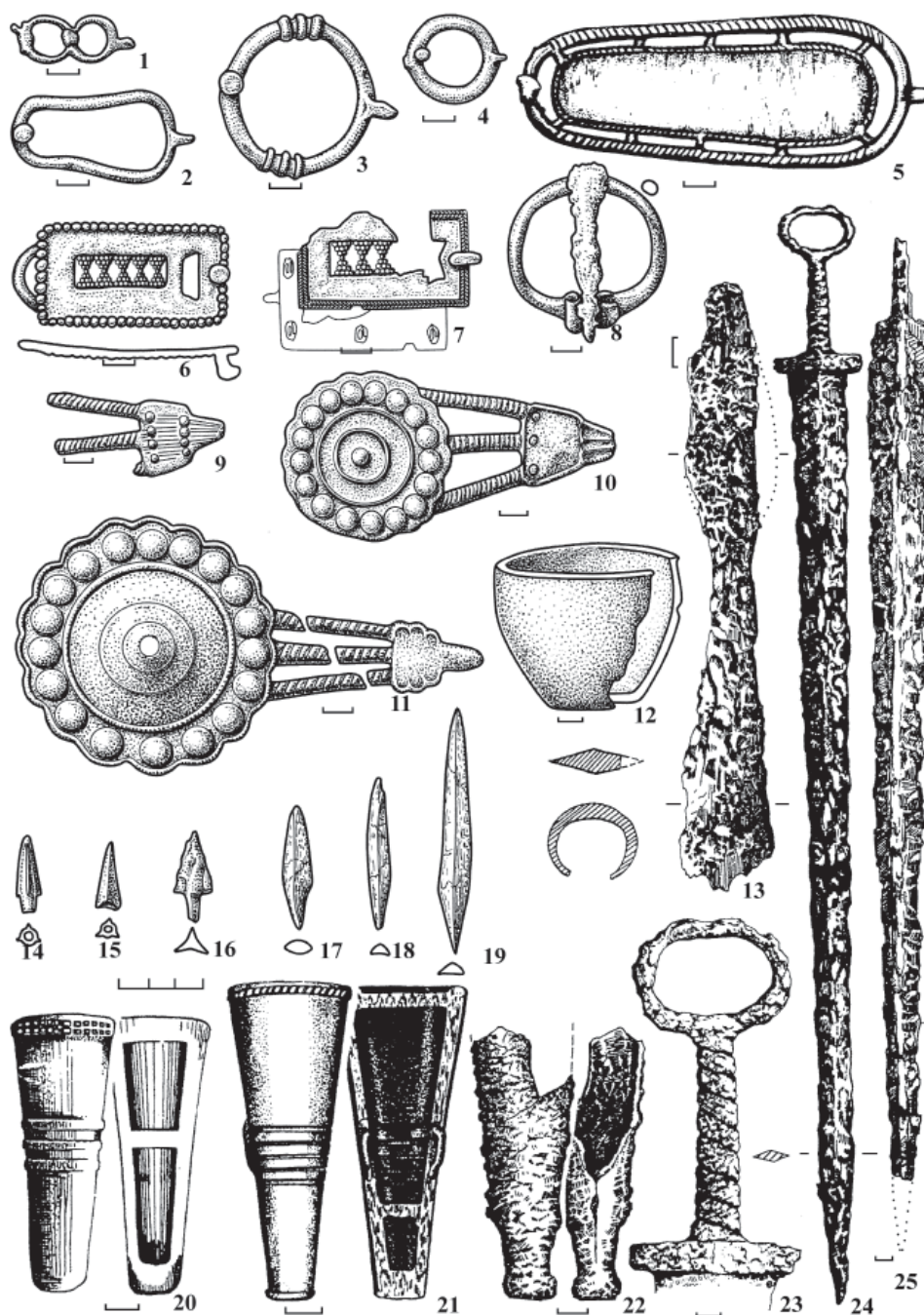

Рис. 12. Нырғындынський II моги́льник II–I вв. до н. э.

1–7 – застёжки с крючком; 8 – сьюльгама; 9–11 – эполетообразные застёжки; 12 – сосуд; 13 – наконечник копья; 14–19 – наконечники стрел; 20–22 – ножны; 23–25 – палаши. 1–11, 14, 15, 20, 21 – бронза, 12 – глина, 13, 16, 22–25 – железо, 17–19 – кость

ньным и пьяноборьем лежит на рубеже III/II вв. до н. э. (Збруева, 1952, с. 27, 29; Вечтомов, 1967, с. 137; Генинг, 1970, рис. 20, с. 170–175; Пшеничнюк, 1973, с. 218–226; Иванов, 1984, с. 31–40; Коренюк, 2000; Черных, 2012; Коренюк, Мельничук, Перескоков, 2014; Ашихмина, 2014; Чижевский, 2017; и др.).

Уникальные свидетельства процесса смены в Приуралье бронзовых наконечников железными содержатся в Шиповском могильнике кара-абыз-

ской культуры. Здесь авторами раскопок выделены три группы могил, различающихся планиграфически и по времени: курганы группы I (IV–III вв. до н. э.) (Пшеничнюк, 1976, с. 71; Овсянников и др., 2007, с. 81), курганы группы II (III–I вв. до н. э.) (Овсянников и др., 2007, с. 81) и грунтовая часть (I в. до н. э. – 1 пол. IV в. н. э.) (Овсянников и др., 2007, с. 80).

В группе курганов I обнаружено 107 наконечников стрел из 10 погребений. Все они бронзовые,

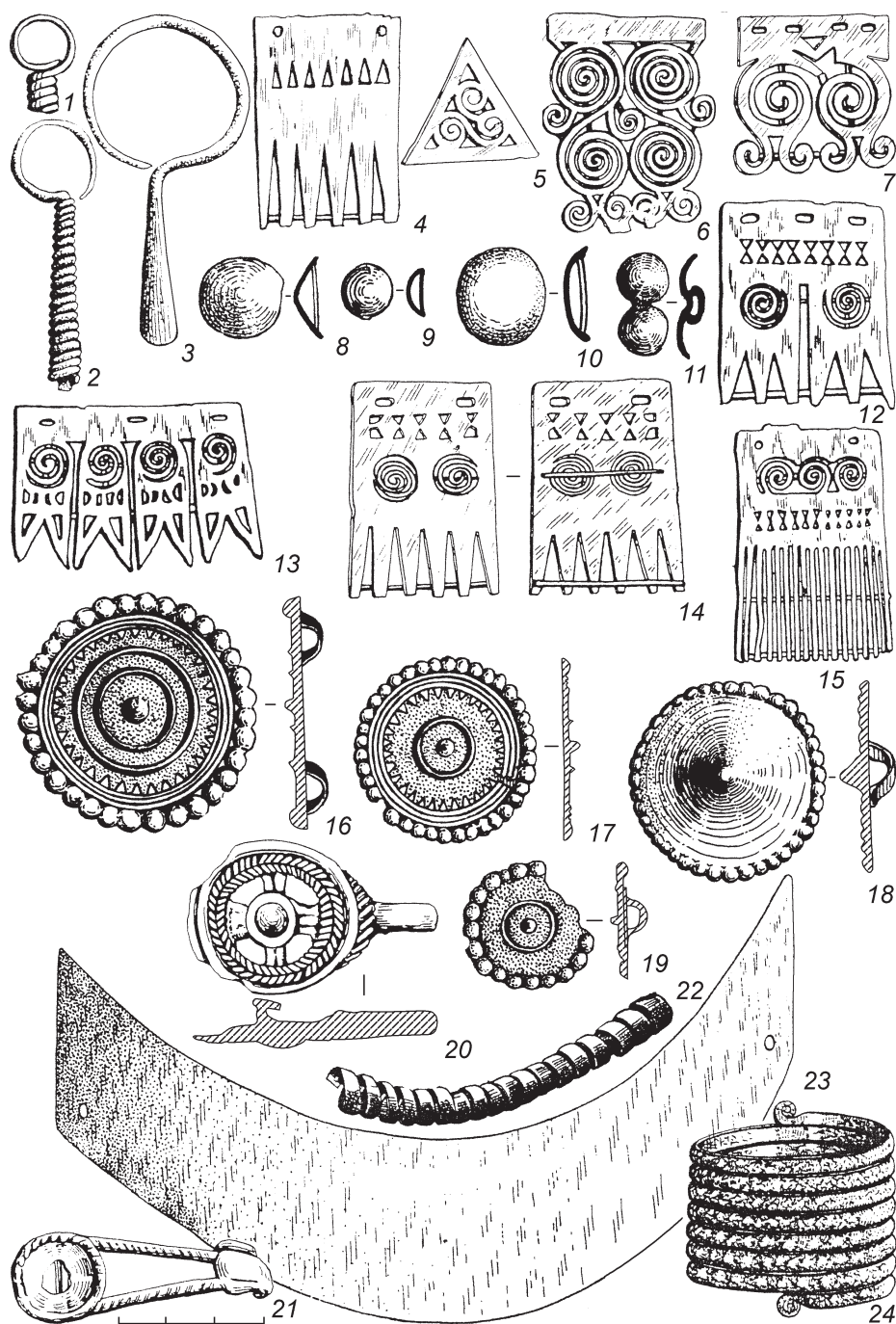

Рис. 13. Ныргындинский II могильник. II–I вв. до н. э.

1–3 – височные подвески; 4–7, 12–15 – накладки; 8–11 – бляшки; 16–19 – бляхи; 20, 21 – эполетообразные застежки; 22 – пронизка; 23 – деталь головного убора; 24 – браслет. 1–23 – бронза, 24 – железо (по: Журавлева, 2014)

только 2 – черешковые, костяные (Пшеничнюк, 1976, с. 40). В группе II зафиксированы единичные (29 экз.) только бронзовые проникатели (погр. 2 кургана 1, погр. кург. 2, погр. 6 кург. 5 и погр. 14 кург. 8) (Овсянников и др., 2007, рис. 2: 5; 5: 1, 2; 9: 3; 14: 2–10). В раскопах грунтовой части, отнесенной авторами к I в. до н. э. – середине IV в. н. э. нет ни единого наконечника из бронзы, только железные и костяные, как втульчатые, так и черешковые (Овсянников и др., 2007, рис. 18: 1, 2, 19: 11–15, 17–20, 21: 2, 3, 22: 2–5 и др.). Очевидно,

что бронзовые наконечники изредка встречались на Средней Каме во II в. до н. э., но в I в. до н. э. их уже нет.

Одним из важнейших моментов, датирующих начало пьяноборской общности, остается, как и во времена В.Ф. Генинга, присутствие в могилах мужчин наконечников стрел из разных материалов – костяных, продолжающих применяться со времен каменного века, бронзовых, заканчивающих свое использование в Евразии, и железных, начинающих свое шествие. С.В. Кузьминых,

предпринявший фундаментальное исследование о металлургии Волго-Камья в раннем железном веке, пришел к выводу, что в IV в. до н. э. происходит трансформация ананьинского металлообрабатывающего очага, и это проявилось в прекращении производства бронзовых орудий труда, оружия, многих категорий украшений, бытовых предметов (1983, с. 180). Еще никто не доказал, что это произошло позже, во II или I вв. до н. э., и все рассуждения о запаздывании смены бронзовых наконечников железными в Прикамье пока безосновательны. Более того, незыблемой аксиомой является положение о том, что начиная с IV в. до н. э. в Евразии повсеместно шла замена бронзовых наконечников стрел железными, которая завершилась во II в. до н. э. (Хазанов, 1971, с. 36; Зыков, Ковригин, 2008, с. 44; и др.). Разумеется, этот процесс на огромной территории Евразии шел не одновременно, каждый регион имел свое хронологическое своеобразие. Но учитывая существование в Волго-Камье двух мощных металлообрабатывающих очагов: акозинского (середина VIII – конец VI вв. до н. э.) и ананьинского (VIII–IV вв. до н. э.), которые произвели более 700 наконечников стрел (Кузьминых, 1983, с. 102) (это только сохранившиеся, на самом деле их было в сотни раз больше), надо полагать, что в этом регионе процесс смены материала наконечников шел не менее быстрыми темпами, чем в других.

Другим обстоятельством, вероятно, повлиявшим на ситуацию со сменой бронзовых наконечников железными, является положение с металлургическим центром в I тыс. до н. э. на восточном склоне Урала. Здесь в VII–III вв. до н. э. активно функционировал иткульский металлургический очаг, специализировавшийся на производстве медных изделий (чистая медь 88,46%) и в частности медных втульчатых и черешковых наконечников стрел скифо-сарматских образцов. Этот очаг снабжал своей продукцией население горнолесного и лесостепного Зауралья и Западной Сибири, частично оседлое и кочевое население Южного Урала, а также савромат, ананьинцев и скифов. В конце VI–V вв. производство в этом очаге становится биметаллическим – отмечено становление железодельного ремесла. Именно в III в. до н. э. этот производственный центр прекратил свою деятельность (Бельтикова Г.В., 1997), что, конечно, сказалось на ситуации с производством бронзового (медного) оружия и в том числе наконечников стрел.

Вероятно, в результате кризиса в металлообработке – медные наконечники уже не изготавливались, а производство железных ещё не набрало необходимую мощность, население вело интенсивные поиски нового сырья. Жизненные обстоятельства

требовали срочного решения проблемы обеспечения боеспособности населения, и оно было найдено – в массе появились костяные втульчатые наконечники стрел. В кара-абызской культуре это произошло во II в. до н. э. (Пшеничнюк, 1973, с. 171, рис. 5; Иванов, 1984, с. 14). Очевидно, и в прикамской Удмуртии этот процесс шел синхронно. Во всяком случае, в I в. н. э. при штурме Тойгузинского II городища на территории современной Республики Татарстан этот вид представлял собой основную категорию наступательного оружия и широко использовался (найдено 60 костяных наконечников, из них 55 втульчатых и 5 черешковых) (Бугров, 2000).

Недавно опубликованная работа А.А. Чижевского о позднем ананьино (Чижевский, 2017) убедительно показывает существование ананьинских древностей в этом регионе по III в. включительно, чем закрывает предполагаемую лауну между этими общностями (ананьино и пьяноборье) (Зубов, 2009, с. 256). Итак, начало существования пьяноборской общности лежит на рубеже III–II вв. до н. э.

Вторым, широко используемым аргументом в пользу ранней даты пьяноборья являются восьмеркообразные и кольцевые застёжки с крючком (ЗК). По мнению М.Г. Мошковой, у сармат бронзовые восьмеркообразные пряжки с боковым крючком и «пуговкой» на противоположном конце типа (рис. 10: 25, 26; 12: 1) были распространены с рубежа IV–III вв. до н. э. до II в. н. э., гладкие кольцевые с крючком и «пуговкой» (рис. 10: 1; 12: 3, 4), появившись не ранее III в., существовали до I в. до н. э. (Мошкова, 1963, с. 40, табл. 25: 22–30). Точку зрения М.Г. Мошковой о дате ЗК разделяет и А.С. Скрипкин, который считал, что восьмеркообразные и кольцеобразные бронзовые, реже железные изделия этого рода сарматских памятников Поволжья и Приуралья использовались в III–I вв. до н. э. (Скрипкин, 1990, с. 97, 169, рис. 49–6: 1–3). Позднее эта дата была несколько скорректирована и застёжки с крючками отнесены ко II–I вв. до н. э. (Клепиков, Скрипкин, 2002, рис. 5: 5, 6: 30). Следует обратить внимание на то, что в Тарасовском могильнике в I в. н. э. восьмеркообразных ЗК уже нет, есть только поздние модификации кольцевых (Голдина, Бернц, 2016, рис. 2: 5). Замечательна одна из редких ЗК из могильника Нырғында II прямоугольной формы с вырезом посередине, в котором располагался орнамент в виде ромбов, оформленных мелкими шариками зерни (рис. 12: 6, 7). Подобная, но с петлей на обороте, происходит из сарматского кургана 9 Харьковки III в Волгоградской области, где она датирована концом III – II в. до н. э. (Мошкова, 1963, с. 40, табл. 25: 20). ЗК существовали в Тарасовском могильнике

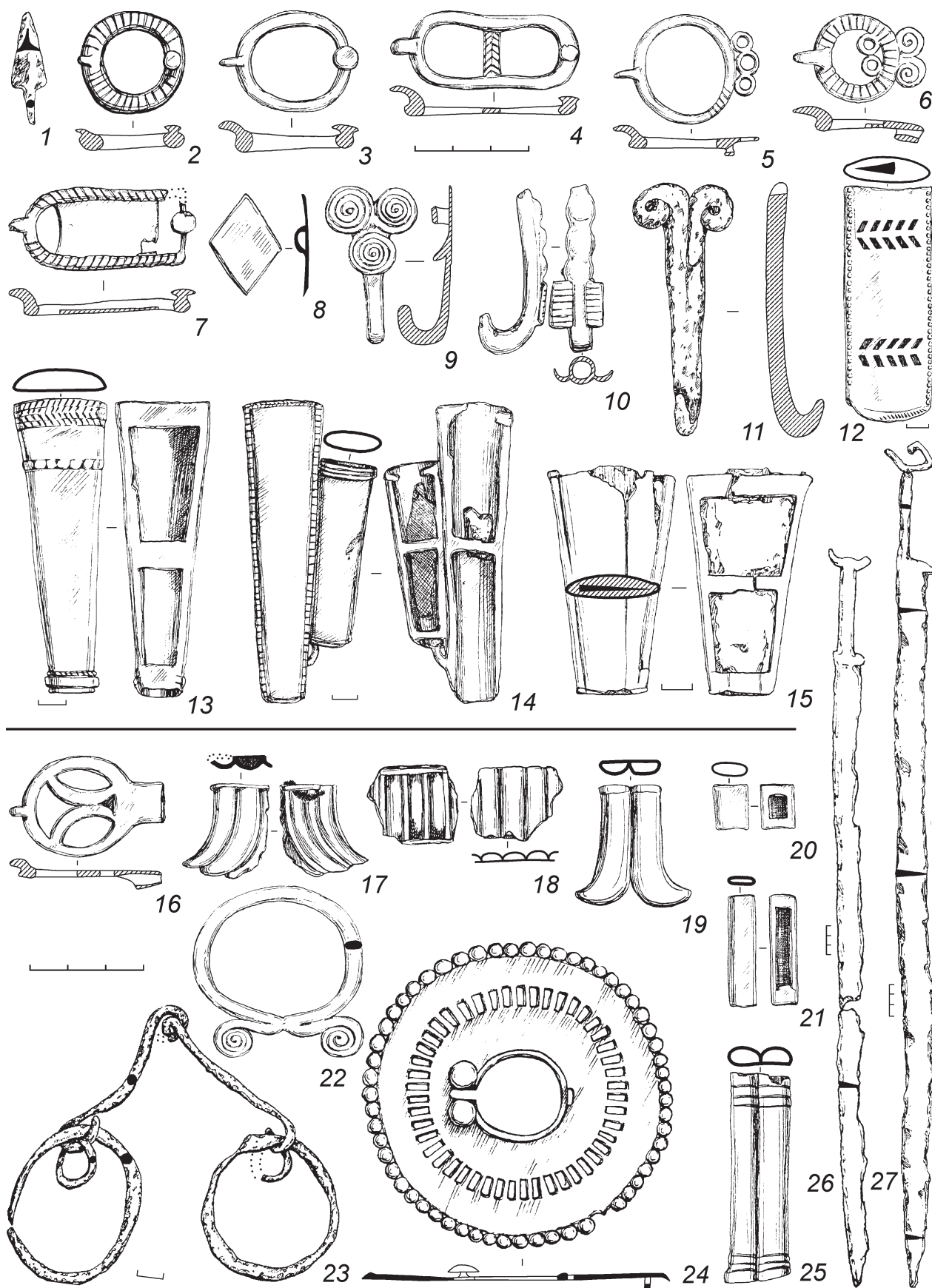

Рис. 14. Тарасовский могильник. Предметы из захоронений мужчин

1-15 - I в. н. э.; 16-27 - II в. н. э. 1 - наконечник стрелы; 2-7, 16 - застёжки с крючком; 8 - накладки; 9-11 - крючки; 12-15 - ножны; 17-21, 25 - пронизки; 22 - сьюльгама; 23 - удила; 24 - застёжка; 26, 27 - палаши. 1, 11, 23, 26, 27 - железо; 2-10, 16-22, 24 - бронза; 14, 15 - бронза, железо

до конца II в., лишь один экземпляр встретился в качестве раритета в погр. 815 2-й половины III в. Различные варианты ЗК представляли собой оригинальное явление в материальной культуре Волго-Камья и по своей многочисленности, разнообразию и выразительности не имели аналогов в евразийском пространстве.

Третья категория вещей, на основании которой можно обосновать раннюю дату пьяноборья, – импортные бусы. На эту тему немало сделано А.А. Красноперовым (2009; 2014). Им была предпринята попытка проанализировать некоторые типы бус из могильников пьяноборского времени. При этом автор совершил 2 методических ошибки. Первая – из огромного массива бус, включающего многочисленные стеклянные одноцветные, а также каменные экземпляры, им были намеренно выбраны наиболее яркие полихромные изделия (Красноперов, 2009, с. 92), анализ которых и привел его к неверным выводам. Дело в том, что именно эти типы бус были произведены (Алексеева, 1978) и поступили в Прикамье в I–III вв. н. э. (Красноперов, 2009, табл. 2: 5). Это обстоятельство позволило А.А. Красноперову утверждать, что «фактически это исключает I в. до н. э. из датировок вещей в пьяноборских комплексах» (Красноперов, 2009, с. 98). Правда, он признает, что есть 3 погребения Икского могильника (28, 31, 66) II–I вв. до н. э., но в следующей фразе вновь подтверждает, что «ранних комплексов II–I вв. до н. э. на *Средней Каме* (курсив мой) нет» (Красноперов, 2009, с. 98).

В случае с бусами, у А.А. Красноперова ошибка та же, что и у Б.Б. Агеева и В.А. Иванова – избирательность выборки, но если во втором случае – это следствие объективной реальности, то в первом – субъективность и не критичность подхода.

Вторая методическая ошибка была допущена А.А. Красноперовым при анализе бус Икского могильника (2014). Бусы – это сложный источник, в котором для специалиста важны не только материал, цвет и форма, но и технология изготовления, химический состав ожерелий, место бус в вещевом комплексе и т. д. Бусы из погребений 28, 31, 66 Икского могильника были отнесены им к типу 193 по Е.М. Алексеевой (1978, с. 74) – стеклянные одноцветные подвески в виде стилизованных сосудиков. Однако, обратившись к Е.М. Алексеевой (1978, табл. 34–40), мною (Р.Г.) было отмечено, что бусы-подвески из Икского могильника ни к одному из них: ни 193г, ни 193д никакого отношения не имеют. Они не тождественны, но более близки типу 164 – удлиненные подвески (Алексеева, 1978, табл. 33–69). Из списка аналогичного типа 193г, приведенных А.А. Красноперовым,

я посмотрела бусы из могилы 28 некрополя Цемдолины возле Новороссийска (Аспургиане, 2008, с. 51, 52, рис. 42: 1; 119: 34; 124: 1) и выяснила, что эти изделия отнесены Н.П. Довгалюк, известным российским специалистом по древнему стеклу, к типу 164 по Е.М. Алексеевой (Аспургиане, 2008, с. 239, табл. 39, погр. 28; Алексеева, 1978, табл. 33–69). Таким образом, мои и Н.П. Довгалюк оценки совпали. У Е.М. Алексеевой это тип датируется IV–III вв. до н. э., у Н.П. Довгалюк – I–II вв. н. э. (?). Об этом хронологическом несовпадении датировки типа 164 Н.П. Довгалюк написала, что при подборе аналогий необходимо учитывать не только морфологию, но и технологию изготовления и химический состав бус, которые достаточно точно указывают на место производства (Аспургиане, 2008, с. 237, 243). Таким образом, при работе со специфическим материалом, в частности с бусами, следует быть более внимательным к аналогиям и больше доверять специалистам. Итак, раннюю стадию тарасовской (чегандинской) культуры со всей ответственностью можно отнести к рубежу III/II–I вв. до н. э. и назвать по наиболее раннему – Икскому могильнику – икской.

Поскольку многие местные вещи рубежа эр использовались на протяжении двух веков до и двух веков после него, то четкую границу между стадиями провести непросто. Последующие работы показали, что конец раннего этапа тарасовской (чегандинской) культуры падает все-таки, как считал В.Ф. Генинг, на грань эр. В начале I в. н. э. основаны 2 самых крупных некрополя этой культуры: Ново-Сасыкуль, I–III вв. н. э. (415 захоронений), и Тарасово, I–V вв. н. э. (1880 могил). Попытка Б.Б. Агеева провести грань между первым и вторым этапами по концу I в. н. э. неубедительна, так как почти все могильники чегандинской культуры продолжали существовать и дальше – до II, III вв., а иногда и позже. Использование лишь одного – Юлдашевского – могильника по датировке Б.Б. Агеева прекратилось в начале II в. н. э. (Агеев, 1992, с. 74). Но судя по плану раскопа этого памятника (Пшеничнюк, 1986, рис. 2), найдена лишь его северная граница, и, вероятно, он существовал значительно дольше.

Могильники ранней стадии неоднородны. Среди них выделяются 2 – Икский (72 могилы) и Меллятамакский I (35 погр.), в которых найдены только бронзовые наконечники стрел, железных нет. Надо полагать, что эти могильники относились к самому началу тарасовской (чегандинской) культуры. К сожалению, Меллятамакский I могильник разрушен карьером и раскопан не полностью (Старостин, 1978, рис. 3, 4). Возможно, там и были захоронения с железными наконечниками

стрел, то есть более поздние, но среди раскопанных их нет. Инвентарь Икского могильника представлен бронзовыми втульчатými и трехгранными наконечниками стрел (рис. 9: 28–35), височной подвеской с короткой витой конической трубицей, близкой ананьинским (рис. 9: 18), ажурными круглыми среднего размера бляшками (рис. 9: 14–16), различными вариантами височных S-видных подвесок (рис. 9: 17, 19, 20, 22–25), стеклянными подвесками (рис. 9: 2–11), сапожковой полупронижкой (рис. 9: 38), сьюльгамой с завернутыми в трубочку концами (рис. 9: 36), литыми коническими ножами (рис. 9: 41) и др. Аналогии некоторым типам этих вещей в пределах IV в. до н. э. – рубежа эр приведены А.А. Красноперовым (2014). К его списку аналогий хотелось бы добавить височную подвеску с заходящими концами (рис. 9: 37), хорошо известную во II–I вв. до н. э. у сармат (Клепиков, Скрипкин, 2002, рис. 6: 32), а также сьюльгаму (рис. 9: 36). Подобные вещи на памятниках Центрального Предкавказья встречались в могилах III–I вв. до н. э. (Абрамова, 1993, рис. 27: 8, 9), а также в Чаплинском могильнике зарубинецкой культуры II в. до н. э. – I в. н. э. в Верхнем Поднепровье (Максимов, 1993, табл. II: 47, XI: 22).

Важны S-видные височные подвески, равно как и с короткой спиральновитой конической трубицей, встречающиеся в Прикамье как в позднем ананьино, так и в раннем пьяноборье, которые являются типами, указывающими на преемственность этих культурных образований (Чижевский, 2017, с. 214). Об этом же явлении свидетельствуют трапезиевидные привески и нанизанные на височные подвески бусины (рис. 9: 24, 25) – традиции, существовавшей в пьяноборье до V в.

Серьезным аргументом в пользу ранней даты пьяноборья – рубеж III/II вв. до н. э. – являются материалы Чурачикского I грунтового могильника IV–III вв. до н. э. в Чувашском Поволжье (Археологическая карта..., 2014, с. 263–265). В нем обнаружен удивительно схожий с Икским могильником комплекс вещей: круглые литые бляшки характерных форм с концентрическими кругами и псевдовитым бордюром по краю (рис. 9: 14–16) (Археологическая карта..., 2014, с. 264), провололочные височные кольца с заходящими концами (рис. 9: 37) (Археологическая карта..., 2014, с. 263), дуговидные височные подвески с загнутыми концами (рис. 9: 21) (Археологическая карта..., 2014) и даже глиняный сосуд похожей формы (рис. 9: 39) (Археологическая карта..., 2014, с. 264).

Другую группу, более позднюю, памятников раннего этапа тарасовской культуры представляют могильники со своеобразным набором вещей: Кипчаково I, Нырғында II, Трикол,

Шидали I, Кушулево III и др. Среди них особенно выразительны материалы некрополей Кипчаково I и Нырғында II. Их объединяют: височные подвески с конической литой или спиральновитой трубицей: Кипчаково I (рис. 10: 3), Нырғында II (рис. 13: 1, 3), Старое Киргизово (Васюткин, 1982, табл. 1: 6, 7), Урманаево (Васюткин, 1982, табл. 3: 24, 30–32), Кушулево II (Васюткин, 1982, табл. 5: 1, 25), Шидали I (Тагиров, 1993, рис. 14: 13, 15), Юлдашево (Пшеничнюк, 1986, рис. 6: 1–3), Уяндык I (Пшеничнюк, 1986а, рис. 6: 1–4), Трикол (Иванов, 2003, рис. 12), Кушулево III (Агеев, Мажитов, 1986, рис. 4: 17, 18), Чеганда II (Генинг, 1970, рис. 20: 21, 22); ранние варианты эполеообразных застежек: Кипчаково I (рис. 11: 6, 9), Нырғында II (рис. 12: 10, 11; 13: 20, 21), Юлдашево (Пшеничнюк, 1986, рис. 7: 1, 8), Старое Киргизово (Васюткин, 1982, табл. 1: 70), Урманаево (Васюткин, 1982, табл. 3: 43; 4: 32, 33), Кушулево II (Васюткин, 1982, табл. 5: 27, 30), Шидали I (Тагиров, 1993, рис. 7: 6), Уяндык I (Пшеничнюк, 1986а, рис. 6: 13, 15, 17), Кушулево III (Агеев, Мажитов, 1986, рис. 8: 1–8), Чеганда II (Генинг, 1970, рис. 20: 14–16, 35); круглые ажурные бляхи: Нырғында II (рис. 13: 16–18, 19), Старое Киргизово (Васюткин, 1982, табл. 2: 18, 19), Шидали I (Тагиров, 1993, рис. 14: 17), Уяндык I (Пшеничнюк, 1986а, рис. 41), Кушулево III (Агеев, Мажитов, 1986, рис. 7: 11), Юлдашево (Пшеничнюк, 1986, рис. 9: 5), Чеганда II (Генинг, 1970, рис. 20: 29); различных форм накладки со спиральным орнаментом, в том числе языковидные: Кипчаково I (рис. 11: 4, 7, 8), Нырғында II (рис. 13: 4–7, 12, 13–15), Старое Киргизово (Васюткин, 1982, табл. 1: 1–3, 44, 59, табл. 2: 15, 16), Урманаево (Васюткин, 1982, табл. 3: 25, 26; 4: 21, 25, 26, 30), Шидали I (Тагиров, 1993, рис. 15: 1–6), Уяндык I (Пшеничнюк, 1986а, рис. 6: 35, 37), Кушулево III (Агеев, Мажитов, 1986, рис. 7: 1–3; 6: 9; 10: 1; 11: 17), Юлдашево (Пшеничнюк, 1986, рис. 6: 24–28, 30–35), Чеганда II (Генинг, 1970, рис. 20: 30–32, 48, 49) и многие другие вещи. Поскольку разница материалов Икского и вышеперечисленных объектов очевидна, вполне перспективна разработка более детальной хронологии пьяноборья II–I вв. до н. э.

Время второго периода тарасовской (чегандинской) культуры – I–II вв. – определено В.Ф. Генингом (стадии В и Г). Мы предлагаем называть его средним или ныргындинским по наименованию могильника Нырғында II, хорошо исследованного и содержащего большое число захоронений этого времени. Ранее мной (Р.Г.) было предложено назвать эту стадию афонинской (Голдина, 1999, с. 225), но поскольку издание материалов Афонинского могильника существенно задерживается, а наука должна развиваться, я предлагаю сейчас

оставить за этой стадией название ныргындинская. На второй стадии (I–II вв. н. э.) продолжают использоваться (рис. 2) как правобережные (Пьяный Бор I, II, Ныргында II, Чеганда II), так и левобережные (Юлдашево, Кушулево III могильники), но в I в. н. э. возникают новые: из правобережных – Тарасово, из левобережных – Ново-Сасыкуль. Во II в. появляются первые могилы на Ныргынде I. Поскольку хронология могильника Ныргында II до сих пор не разработана, а могилы I–II вв. хорошо представлены на Тарасовском некрополе, характеристика особенностей материальной культуры этого периода будет построена в основном на результатах исследований Тарасово с учетом хронологических шкал В.Ф. Генинга и Б.Б. Агеева.

На Тарасовском могильнике к I–II вв. относятся 495 погребений (36,3%). Был проведен анализ встречаемости вещей в могилах, где число их равно или более двух. Корреляция вещей выполнена отдельно для 37 мужских и 102 женских комплексов (Голдина, Бернц, 2016). Анализ инвентаря мужских захоронений показал, что для ныргындинской стадии можно выделить хронологические группы: I в. (группа 1), II в. (группа 2) и I–II вв. (группа 3). Более представительные и разнообразные серии вещей женских погребений позволили обособить, кроме этих групп, группы предметов более короткого бытования: первой половины II в. (группа 2а), второй половины II в. (группа 2б) и I – первой половины II в. (группа 4). Из-за ограниченности объема издания характеристика этих групп здесь выполнена совместно (группы 2а и 2б с группой 2 – II в.; а группа 4 с группой 3 – I–II вв.).

Среди вещей I в. из мужских захоронений следует отметить бронзовые поясные крючки (рис. 14: 9, 10), несколько вариантов застежек с крючком (рис. 14: 2–7); различные типы бронзовых одинарных ножен конической (рис. 14: 13) или прямоугольной (рис. 14: 12) формы, а также двучастные ножны (рис. 14: 14); короткие трехлопастные железные наконечники стрел (рис. 14: 1); железные колчанные крючки с волютообразным концом (рис. 14: 11) или круглым отверстием; ромбические бронзовые накладки с ушком (рис. 14: 8).

Своеобразие этой группе придают поясные крючки. Подобные изделия в зооморфном стиле хорошо известны в Прикамье в ананьинское время. Ст.А. Васильев учел 20 подобных крючков, выполненных из бронзы, железа и кости (2002, с. 75–82). От этих предметов, по-видимому, в последующем развились различные варианты застежек с крючком, в том числе эполетообразных.

Железные колчанные крючки хорошо известны в Волго-Уралье у сармат в VII–I вв. до н. э. (Мышкин, 2010, с. 262–279). Аналогия тарасовскому экземпляру с концом в виде двух расходящихся волют известна в могилах IV–III вв. до н. э. Охлебининского и Шиповского грунтового могильников в Башкирии (Воробьева, 2012, с. 109, рис. 36: 4).

Железный трехлопастной наконечник стрелы с треугольной головкой и коротким черешком (рис. 14: 1) сопоставим с сарматскими наконечниками рубежа эр (Хазанов, 1971, табл. XIX: 22, 23). Замена небольших наконечников на более крупные у сармат, на Кавказе и в Средней Азии произошла, по-видимому, во II в. н. э. (Хазанов, 1971, с. 37–40). А.С. Скрипкин датирует их I – второй половиной II в. н. э. (Скрипкин, 1990, рис. 50: 114, 117). Подобные предметы известны среди наконечников Андреевского I кургана, относимых В.В. Гришаковым и С.Э. Зубовым к I в. н. э. (2009, с. 45, рис. 29, корреляция).

Двучастные ножны в виде соединенных разновеликих конусов (рис. 14: 14), использовавшихся одновременно для ножей и шильев, были найдены в погребении 4 Андреевского I кургана и отнесены В.В. Гришаковым и С.Э. Зубовым к рубежу I–II вв. н. э. (2009, с. 51–52, рис. 27: 4). Аналогичные ножны происходят также из Ново-Сасыкульского могильника I–II вв. на правобережье р. Ик (Васюткин, Калинин, 1986, рис. 15: 22). Конусовидные широкие ножны без орнамента (рис. 14: 15) известны в Удмуртском Прикамье (Генинг, 1970, табл. X: 15) и Юлдашевском могильнике в низовьях р. Белой (Пшеничнюк, 1986, рис. 4: 19). По мнению В.Ф. Генинга, они встречались в I в. н. э. на стадии В (Генинг, 1970, с. 83). Ножны в виде подпрямоугольных футляров с орнаментом в виде елочки или коротких горизонтальных полос (рис. 14: 12) выявлены также на могильнике Чеганда II (Генинг, 1970, табл. XI: 7), в могилах III Кушулевского могильника I в. до н. э. – III в. н. э. в Башкирии (Агеев, Мажитов, 1986, рис. 12: 4, 6).

Более многочисленны конические ножны, украшенные поперечными или продольными, часто рифлеными поясками (рис. 14: 13). В.Ф. Генинг датировал их I в. до н. э. (1970, с. 83, табл. X: 17). В могиле 1 кургана 25 Андреевского I кургана середины I в. н. э. один короткий экземпляр, оформлявший нижнюю часть ножен, найден на конце палаша (Гришаков, Зубов, 2009, рис. 26: 4, 10). В Тарасовском могильнике они использовались для хранения ножей. Такие ножны хорошо известны в материалах могильников Ново-Сасыкульский, Юлдашевский, Ныргында I, II и Чеганда II. Ножны Икского некрополя представляют собой один из ранних вариантов этого типа Среднего При-

камья. А.А. Красноперовым составлена солидная сводка близких по форме бронзовых и железных ножен из памятников Крымской Скифии II–I вв. до н. э., а также Прутско-Днестровского междуречья I в. до н. э. (Красноперов, 2014, с. 344, рис. 6: 3–24).

Большинство вариантов ЗК этой группы хорошо известны в захоронениях могильников северо-запада Башкирии и Удмуртского Прикамья: Ново-Сасыкульского, Юлдашевского, III Кушулевского, Уяндык, Биктимировского I, Охлебининского, Ныргында I, Чеганда II, Пьяноборского, Муновского, Ныргында II¹. Перечисленные типы, по мнению В.Ф. Генинга, сложились в Среднем Прикамье в I в. до н. э. и использовались на протяжении I и II вв. н. э. (Генинг, 1970, с. 46, рис. 20: 37, 38, 39, 41, 77).

В 10 могилах I в. н. э. Тарасово найдены ромбические накладки с ушком на оборотной стороне (рис. 14: 8). Они появились в Прикамье в ананьинское время (Ананьинский могильник) и использовались в пьяноборское, начиная с III/II вв. до н. э. (Генинг, 1970, рис. 20: 13, 34). Накладки такого типа встречались в чегандинских памятниках Башкирии: Юлдашевском, III Кушулевском, Ново-Сасыкульском. На правом берегу Камы они обнаружены в могильниках Ныргында I, II. Н.А. Лещинская по материалам могильников Вятского бассейна: Первомайского, Тюм-Тюм – относит их к концу IV–V вв. Но экземпляры V в., в отличие от тарасовских (чегандинских), всегда имели другое крепление – с помощью не петли, а штифта. Особо популярны накладки подобного вида были у населения Башкирии начиная с V в. (Старо-Муштинский могильник) (Сунгатов, Гарустович, Юсупов, 2004, рис. 65: 1) и до VI–VIII вв. (Бирский могильник), представляя здесь, по мнению В.Б. Ковалевской, преобладающий тип накладок этого времени (Ковалевская, 2000, с. 149, рис. XII: 26, 27). По наблюдениям В.А. Бернц, накладки такого типа использовались как для украшения одежды, так и головных уборов, нагрудников, конской сбруи и особенно поясов (Бернц, 2014, с. 288–290).

Судя по многочисленным аналогиям анализируемым вещам пьяноборского времени в прикамских материалах, диапазон их функционирования весьма широк: от III в. до н. э. до III в. н. э. Это происходит отнюдь не от длительного срока использования вещей, а от системы датировок памятников, широко распространенной до недавнего времени, когда исследователи стремились

захватить при датировке максимальные рубежи. При этом датировки разных исследователей существенно различались. Например, погребения на могильнике Уяндык на смежных раскопах, давших близкий материал, датированы В.Ф. Генингом концом II – началом III в. н. э. (1971, с. 126–131); а А.Х. Пшеничнюком – III–I вв. до н. э. (1986а, с. 42). Поэтому широкие датировки в пределах нескольких столетий в дальнейшем заслуживают пристального внимания в плане их корректировки.

Для датировки этой группы мужских могил Тарасово важно сочетание в комплексах поясных уже вырождающихся крючков ананьинского типа и появившихся им на смену застежек с крючком, которые в массе и различных вариантах обнаружены в могилах именно I в. н. э. Особое значение имеет наличие в этой группе представительной серии вещей, аналогичных древностям Андреевского I кургана I в. н. э.: бронзовых двучастных и одинарных конических ножен для ножей и шилев, железных трехлопастных маленьких наконечников стрел с коротким черешком, а также плоских бляшек среднего размера и других вещей. Группу I в. н. э. отличает исчезновение накладок различных форм, украшенных спиралями и треугольниками, они встречаются значительно реже, появилось множество разнообразных типов ножен, как в женских, так и мужских могилах. Впервые засвидетельствованы факты появления принципиально новых образцов застежек – классических пряжек, но с рудиментами ЗК. Перечисленные обстоятельства позволяют в целом датировать группу I мужских захоронений Тарасово I в. н. э.

Сопоставление вещей из мужских и женских захоронений показывает, что некоторые типы вещей, появившись в I в. н. э., продолжали использоваться и позже, хотя они не отложились по неизвестным нам причинам в более поздних мужских. Таковы крупные выпуклые полированные бляхи (рис. 15: 41) и простые круглые сюльгамы из плоских дисков без украшений (рис. 15: 37).

Группу II в. мужских захоронений ныргындинской стадии представляют кольцевидная застежка с крючком, обоймой и X-образным орнаментом (рис. 14: 16) (подобная ей выявлена в Пьяноборском I могильнике) и бронзовая круглая сюльгама из дрота округлого сечения с волютообразными украшениями в основании (рис. 14: 22). Аналогичные хорошо известны в памятниках чегандинского круга: Ныргынде II, Пьяноборском I, Ныргынде I, Ново-Сасыкуле. В.Ф. Генинг датировал их II в. н. э. (Генинг, 1970, рис. 20: 82). Ажурная круглая пластинчатая сюльгама (рис. 14: 24) была обнаружена в могильнике Чеганда II и отнесена

¹ Для сокращения объема раздела подробные ссылки здесь не приведены. Их можно посмотреть в статье: Голдина, Бернц, 2016, с. 50 и сл.

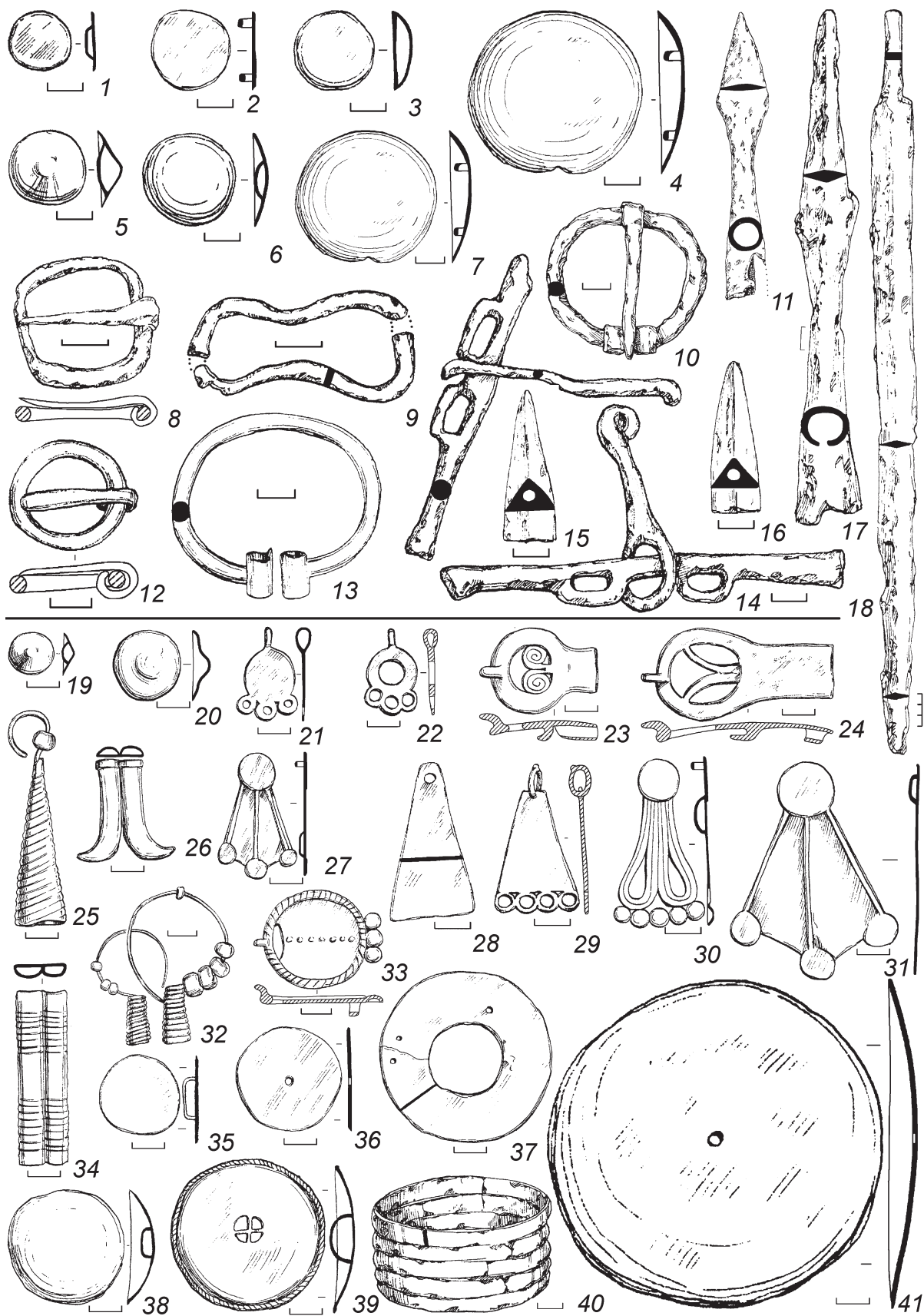

Рис. 15. Тарасовский могильник. Предметы I-II вв. н. э.

1-18 – из захоронений мужчин. 1-7 – бляшки; 8, 9, 12 – пряжки; 10, 13 – сьюльгамы; 11, 17 – наконечники копий; 14 – удила; 15, 16 – наконечники стрел; 18 – меч. 19-41 – из захоронений женщин. 19, 20, 35, 36, 38, 39 – бляшки; 21, 22, 27-31 – подвески; 23, 24, 33 – ЗК; 25, 32 – височные подвески; 26, 34 – пронизки; 37 – застежка; 40 – браслет; 41 – накладка. 1-8, 12, 13, 19-39, 41 – бронза; 8-11, 14, 17, 18, 40 – железо; 15, 16 – кость

В.Ф. Генингом, как и все сюльгамы, к I–II вв. (Генинг, 1970, табл. VI: 2). Близкие ей известны также из Нырғынды I, Ново-Сасыкуля и Юлдашево.

На чегандинских памятниках многочисленны пронизки в виде полутрубочек. Они могут быть одночастными (рис. 14: 20), двухчастными (рис. 14: 25) или многочастными (рис. 14: 18). Вариант одночастных пронизок – короткие (рис. 14: 20) – один из характернейших предметов кара-абызской культуры, который зафиксирован в Шиповском могильнике (грунтовая часть), Юлдашевском, Кушулевском III и др.

Двучастные пронизки-трубочки (рис. 14: 25) найдены в могильниках Чеганда II, Пьяноборском I и II, кладях Коростинском, Чегандинском I, Каракулинском, Трошковском, Исенбаевском, а также в могильниках Нырғында I, II, Шиповском и др. Многочастные пронизки-трубочки менее распространены: Коростинский клад, Пьяноборский I могильник, Чеганда II, Нырғында II. В.Ф. Генинг относил все варианты этих изделий ко II в. н. э. (Генинг, 1970, рис. 20: 104). К этому же времени – II в., по мнению В.Ф. Генинга, принадлежали одночастные (рис. 14: 19) и многочастные (рис. 14: 17) пронизки-сапожки. Он знал их по находкам в Нырғынде II и в Пьяноборском I могильнике. Такие предметы встречались также в Коростинском, Чегандинском I, Трошковском кладях, могильниках Чеганда II, Пьяноборском, Нырғында I, II, Икском и др. Несколько иной вариант исполнения, но вполне узнаваемый, выявлен в некрополях андреевско-писеральского круга: Андреевском I кургане (Гришаков, Зубов, 2009, рис. 29: 2), Пильнинском I могильнике (Зубов, Лифанов, Радюш, 2011, рис. 12: 6). Примечательно, что в Андреевском I кургане предметы такого облика появились уже в I в.

В составе этой группы имеются также железные удила с двумя кольчатыми псалями: большим и малым (рис. 14: 23). Подобные удила отмечены в Юлдашевском могильнике в Башкирии.

В ныргындинскую стадию Тарасово вошли палаши из погребений 733А, 1291 и 1317 (рис. 14: 26, 27). Они имеют общую длину 69–77,4 см, ширину клинка 3–3,2 см, длину рукояти 11–16 см, треугольное сечение, прямое короткое перекрестие и антенновидное навершие. По мнению специалистов, прикамские палаши (могильники Чеганда II, Нырғында II, Афонинский, Охлебининский) синхронны западно-волжским (Андреевский, Сергачский, Писеральский, Пильнинский I, Клишкинский) (Зубов, 2007а, с. 124–133; Зыков, 2011, с. 70–71) и датируются I–III вв. н. э. Существует особое, вполне аргументированное мнение В.В. Ставицкого, что волжские палаши датируются I в., не позже II в. н. э.

(Ставицкий, 2017, с. 231–243). Оно совпадает и с нашими наблюдениями, так как, по данным корреляции Тарасово, палаши достоверно использовались во II в., но, видимо, были распространены и в I в. В III в. их сменили мечи иных форм (Голдина, 2017, рис. 3). По мнению А.П. Зыкова, палаши чегандинской культуры представляют собой древнейшие в Европе однолезвийные клинки, появившиеся задолго до прихода гуннов (Зыков, 2011, с. 71). Перечисленные предметы из Тарасово можно отнести к II в. н. э. Однако следует учитывать, что некоторые из них: пронизки-трубочки одинарные и двухчастные, пронизки-сапожки одинарные, застежка с крючком и обоймой и, возможно, другие – вполне могли использоваться и в I в. н. э. Кроме того, вследствие скудости инвентаря мужских захоронений и распространенности в них вещей широкого диапазона, некоторые могилы трудно классифицировать по группам короткого использования.

В смежную группу (3, I–II вв. н. э.), которая синхронна ранним и поздним захоронениям мужчин ныргындинской стадии Тарасово вошли косяные втульчатые наконечники стрел (рис. 15: 15, 16). Они были основным типом наступательного вооружения у пьяноборцев, начиная со II в. до н. э. На протяжении всей ныргындинской стадии тарасовское население использовало мечи общей длиной 58–60 см, двулезвийные (в сечении уплощенный ромб или овал), с шириной клинка 3,2–4 см без навершия и перекрестия (рис. 15: 18). Такие мечи хорошо известны у сармат: тип 2 (I–II вв.) по А.М. Хазанову (1971, с. 17) и тип 8 (I в. н. э.) по А.С. Скрипкину (1990, с. 132, 168, рис. 49 – список 2). В Тарасово многочисленны втульчатые железные наконечники копий. Они встречались во многих мужских погребениях как в ранней (ныргындинской), так и поздней (мазунинской) группе. Наконечники сильно коррозированы и типологически не всегда определимы. Наиболее распространены экземпляры с ромбическим или листовидным пером и наибольшим расширением в его нижней или средней части (рис. 15: 11, 17). Границы между типами весьма расплывчаты. Такие наконечники в Поволжье имеют истоки в ананьинском времени (Старший Ахмыловский могильник VIII–VI вв. до н. э.; Патрушев, Халиков, 1982, табл. 41: 1, 2; 43: 56 и др.). Разные варианты их обнаружены в Андреевском I кургане (Гришаков, Зубов, 2009, рис. 24: 2, 4, 5) и Пильнинском I могильнике I в. н. э. (Зубов, Лифанов, Радюш, 2011, рис. 5: 1, 2). Они продолжали использоваться, судя по материалам Тарасово, и в III–V вв. В Прикамье и на Вятке подобные вещи хорошо известны и во второй половине I тыс. н. э. (Голдина Р.Д., 1985, табл. XXVII: 1, 5, 9; Лещин-

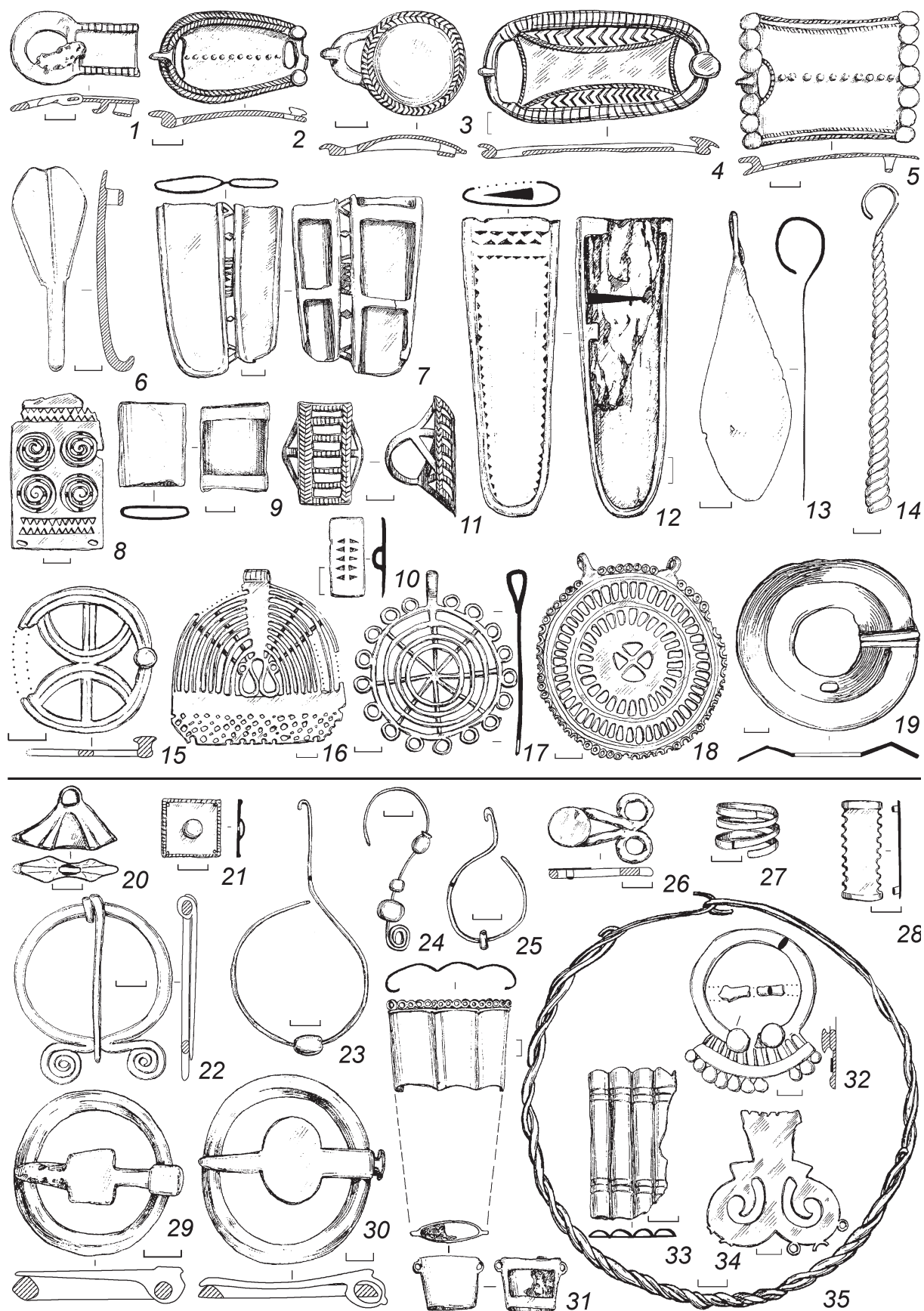

Рис. 16. Тарасовский могильник. Предметы из захоронений женщин

1–19 – I в. н. э.; 20–35 – II в. н. э. 1, 29, 30 – пряжки; 2–5, 15 – ЗК; 6 – крючок; 7, 12, 31 – ножны; 8, 10, 21, 28, 34 – накладки; 9, 33 – пронизки; 11, 27 – перстни; 13, 14, 23–25 – височные подвески; 16–18, 20, 26 – подвески; 19, 22, 32 – сьюльгамы; 35 – гривна. 1–35 – бронза

ская, 2014, табл. 50: 4, 5; 52: 4–6). Такие наконечники универсальны и территориально широко распространены.

В I–II вв. в Тарасово использовались железные удила со стержневыми псалиями, дополненными двумя боковыми петлями (рис. 15: 14). Они обнаружены во многих могильниках: Чеганде II, Пьяноборском, Нырғынде I, II, Кушулевском III, Ново-Сасыкульском. В.Ф. Генинг датировал их I–II вв. (Генинг, 1970, с. 83, 84). Известны они и в Западном Поволжье: Андреевском I кургане – I в. н. э. (Гришаков, Зубов, 2009, рис. 2: 2, 6), Пильнинском I (Зубов, Лифанов, Радюш, 2011, рис. 5: 12) и Климкинском могильниках (Зубов, Михеев, 2006, рис. 7: 5). Аналогичные удила у сармат Подонья также датируются I–II вв. н. э. (Медведев, 1990, рис. 12: 4; 18: 2 и др.; Максименко, 1998, рис. 78: 3), в комплексах Приазовья этим же временем (Шепко, 1987, рис. 8: 4), I – первой половиной II в. н. э. – у сармат междуречья Волги и Дона (Глухов, 2005, с. 57, 58), I в. н. э. – в Крымской Скифии (Пуздровский, 2007, с. 143–144, рис. 100: 11) и т. д.

К числу предметов, использовавшихся как в I, так и во II в., относятся круглые сюльгамы из железного или бронзового дрота овального сечения с завернутыми в трубочку концами (рис. 15: 10, 13). В чегандинских древностях они распространены широко – в Нырғынде I, II, Чеганде II, Пьяноборском могильнике, Икском, Ново-Сасыкульском. Подобные сюльгамы найдены в Андреевском I кургане (Гришаков, Зубов, 2009, рис. 23: 2), в позднесарматских памятниках Дагестана (II в. н. э.; Абрамова, Красильников, Пярых, 2000, рис. 23: 2; 31: 1; 58: 6). В эту же группу входят очень популярные у чегандинского населения круглые бляшки из бронзы: выпуклые – с петлей на обороте или без нее (рис. 15: 3–7), плоские – также с петлей для крепления (рис. 15: 1, 2). Они встречались во всех могильниках в большом числе и приводить перечень их аналогий не имеет смысла. В эту же группу вошли разнообразные как железные, так и бронзовые рамчатые пряжки: круглые, подквадратные, восьмеркообразные (рис. 15: 8, 9, 12). Ареал и время их бытования очень широки.

Женских захоронений, включенных в корреляционную таблицу Тарасово, значительно больше – 102. Из них 4 могилы (1116, 1320, 1588, 1663) – коллективные, в числе определенных антропологически – все женские. В могилах женщин I в. обнаружены крупные одинарные полупронижки подквадратной формы (рис. 16: 9). Вероятно, предметы этого вида, появившись в I в. н. э., а может быть и раньше, сначала в крупной модификации, продолжали использоваться на правобере-

жье Камы и во II в. н. э. (как крупные, так и мелкие). Такие изделия были особенно популярны во II в. до н. э. – II в. н. э. у населения кара-абызской культуры (Пшеничнюк, 1973, с. 184). В женских погребениях этой группы более разнообразны ЗК: с округлой основой и выступающим крючком (рис. 16: 3), овальные с пластинчатой серединой (рис. 16: 2, 4), кольцевидные с X-видным узором (рис. 15: 15).

Особого внимания заслуживают ЗК прямоугольной формы, несколько изогнутые в профиле, предназначенные для скрепления ремней обуви в области колен или взяема ступни (рис. 15: 5). Наиболее ранние экземпляры их происходят из Кипчаковского могильника рубежа эр на левобережье р. Камы (Зубов, 2010, с. 72, рис. 9.3: 19, 23) и Андреевского I кургана рубежа I–II вв. н. э. в Среднем Поволжье (Гришаков, Зубов, 2009, рис. 20: 6). Н.А. Лещинская подобные предметы по вятским материалам датирует III в. н. э. (2014, табл. 87: 1, 8). Такие застежки известны из Коростинского клада и Пьяноборского могильника. Встречались они и в могильнике Нырғында I. В.Ф. Генинг датировал их II в. н. э. (Генинг, 1970, табл. XX: 7; рис. 20: 78). Интересны ЗК, напоминающие по форме цельнолитые пряжки (рис. 16: 1). Собственно, они таковыми и являются. Предметы отлиты из бронзы, но язычки сделаны из железа (ремонт?). У одного экземпляра на оборотной стороне присутствует и крючок. Очевидно, мы имеем дело с одним из ранних местных вариантов пряжек, сочетающих функции и внешний вид пряжки и ЗК.

Своеобразны круглые сюльгамы из пластины с ребром посередине, иногда с радиальным разрезом (рис. 16: 19). Подобные собраны в Ново-Сасыкульском могильнике, в Андреевском I кургане рубежа I–II вв. в Среднем Поволжье (Гришаков, Зубов, 2009, рис. 29: 31; 30: 8), в могильнике Чеганда II и Пьяноборском. В.Ф. Генинг датировал их II в. (Генинг, 1970, рис. 20: 98). В группу I в. попали ажурные накладки разных вариантов, украшенные спиральями, ромбами, треугольниками (рис. 16: 8), но их меньше, и они выглядят значительно скромнее, чем подобные вещи первой стадии.

Из нагрудных подвесок замечательны ажурные, изготовленные в сложнейшей технике металлического кружева: округлые (рис. 16: 17, 18) и арочные (рис. 16: 16). Экземпляр, отдаленно похожий на первые, найден на могильнике Чеганда II. Арочные встречались чаще: на могильниках Нырғында II, Чеганда II и Кушулево III.

Выразительны перстни I в. Они имели большие щитки в виде прямоугольника с ажурным орнаментом (рис. 16: 11) или двух соеди-

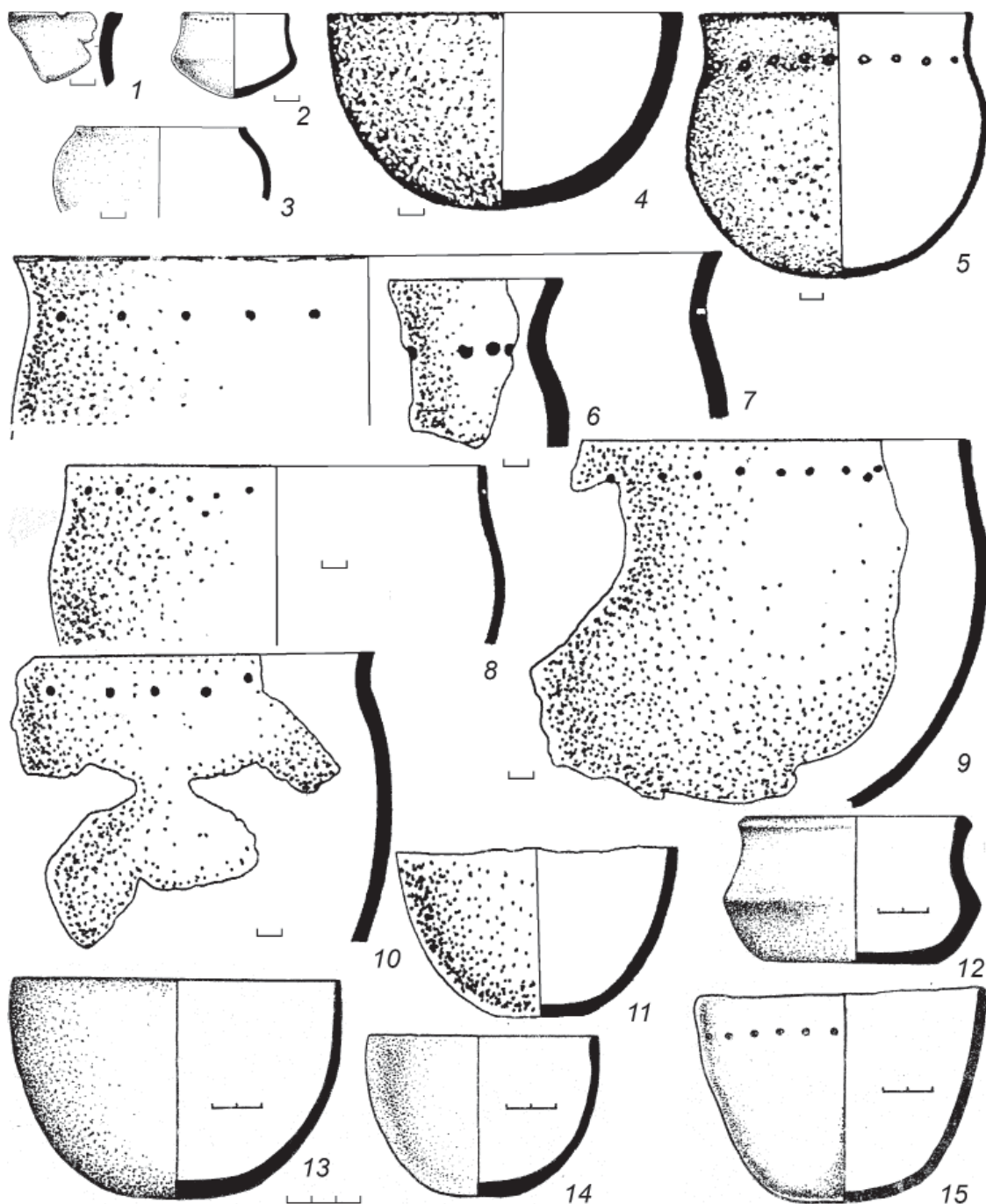

Рис. 17. Глиняная посуда тарасовской (чегандинской) культуры

1–3 – Тарасово (погр. 1279, 1074, 1199); 4, 5 – Икский (по: Арматынская, 1988, рис. 4: 18, 19); 6–11 – Нырғында I (по: Голдина, Красноперов, 2012); 12–15 – Кушулево III (по Агеев, Мажитов, 1986, рис. 16)

ненных овалов, орнаментированных спиралями, или умбончиками (Голдина, Бернц, 2016, рис. 9: 12). Последние имеют аналогии в материалах могильников Башкирии: Уяндык, Юлдашевского, Ново-Сасыкульского. Перстни с прямоугольными щитками обнаружены на той же территории в Юлдашевском, а также в Ново-Уфимском могильнике и датированы С.Л. Воробьевой III–II вв. до н. э. (Воробьева, 2012, рис. 16: 18; 18: 2.3.6). Подобные предметы в вятских памятниках отнесены Н.А. Лещинской к концу I–II вв. н. э.

В группу I в. входят височные подвески с узкой конической трубицей различной, чаще значительной длины, выполненной из спирально-витой проволоки (рис. 16: 14). Они встречались в Чеганде II, Нырғынде I, II, Пьяноборском. В Башкирии они выявлены на могильниках: Камышлы-Тамак, Уяндык, Юлдашевском, Ново-Сасыкульском, Кушулевском III. В.Ф. Генинг датировал такие височные подвески III в. до н. э. – II в. н. э. (1970, рис. 20: 22, 87), Н.А. Лещинская по вятским могильникам – концом I – началом III вв.

н. э. (2014, табл. 82: 21), О.А. Казанцева – I в. н. э. (2012, рис. 17: 1).

К этой же группе относятся височные подвески с листовидной привеской (рис. 16: 13). Подобные происходят из могильников Чеганда II, Ныргында I, II, Кушулевского III, Красноярского в бассейне р. Тулвы (Казанцева, 2012, рис. 17: 2). В.Ф. Генинг относил их к I–II вв. н. э. (Генинг, 1970, рис. 20: 56, 84), О.А. Казанцева – к I в. н. э. Б.Б. Агеев и Н.А. Мажитов Кушулевский III могильник датируют I–III вв. н. э.

Группа II в. н. э. включает бронзовые круглые сьюльгамы с волотообразными украшениями (рис. 16: 22), известные также в этой группе мужских захоронений (рис. 14: 21), и бронзовые витые из двух проволок гривны (рис. 16: 35). Такие сьюльгамы В.Ф. Генинг датировал II в. (1970, рис. 20: 82), а гривны – I–II вв. (там же, рис. 20: 61). Подобные гривны известны на р. Вятке, где Н.А. Лещинской отнесены к III в. (Лещинская, 2014, табл. 86: 19).

В группу II в. вошли многочастные сапожковые пронизки, известные в группе II в. мужских захоронений Тарасово (рис. 14: 16), а также многочастные пронизки-трубочки (рис. 16: 33), бронзовые трехчастные ножны (рис. 16: 31) и треугольная подвеска (рис. 16: 20). Круглая бронзовая сьюльгама, сделанная из уплощенного дрота с «бахромой» в нижней части (рис. 16: 32), имеет аналогии в Ново-Сасыкульском могильнике, датируемым В.В. Ставицким I–II вв. (Ставицкий, 2015). Очковидные застежки (рис. 16: 26) отдаленно напоминают застежки из Пильнинского I (Зубов, Лифанов, Радюш, 2011, рис. 10: 8, 9) и кургана I погребения 12 Климкинского (Зубов, Михеев, 2006, рис. 2: 4) могильников, по В.В. Ставицкому – I–II вв. (2017). Указанные предметы составляли единый комплекс с оригинальными поясными накладками из могилы 1514 Тарасово (рис. 16: 34). Такие изделия происходят также из могильника Чеганда II.

В группе II в. присутствуют также бронзовые многовитковые перстни (рис. 16: 27), квадратная накладка с насечками по краям (рис. 16: 21), прямоугольная накладка с зубчатым краем (рис. 16: 28), бронзовые и железные рамчатые пряжки с расширенной площадкой на язычке (рис. 16: 29, 30), височные подвески в виде знака вопроса с бусинами (рис. 16: 23–25), а также простые овальные небольшие проволочные кольца.

Особый интерес для датировки представляет серия пряжек, выполненных как из бронзы, так и железа, отличительной особенностью которых является граненое (треугольное или ромбическое) сечение кольца, а также овальное или квадратное расширение на язычке (рис. 16: 29,

30). Шесть экземпляров их происходят из ранней части памятника (Голдина, Сабиров, Сабирова, 2015, ил. 233), лишь одна, сильно коррозированная – из мазунинской (Голдина, 2003, табл. 344: 3). Аналогичная пряжка из погребения 70 Кошибеевского могильника И.Р. Ахмедовым отнесена к группе 1В и датирована второй половиной II в. (2007, с. 137–138, рис. 1: 7). Пряжки с такими язычками трактуются как германские и были распространены в Скандинавии и на балтийском побережье в 150–200 гг. н. э. (Шаров, 2009, с. 188, рис. 139). Они хорошо известны и на Боспоре. А.А. Васильевым (2005, рис. 5) они считаются германскими, а О.В. Шаров видит в них свидетельство первой волны находок в Причерноморье прибалтийско-германского происхождения, датируемых 170–220 гг. н. э. (Шаров, 2009, с. 170–192).

Подобные пряжки из бронзы происходят из могильников Прикамья: Чеганда II, Афонинский, Нивский, Ныргында I. Местным подражанием таким пряжкам являются, по-видимому, железные пряжки с аморфным листовидным язычком (Тарасово; Афонино – 7 экз. – отдел В, тип 7; Агеев, 1992, с. 42, рис. 12: 17). Пряжка с расширением на язычке также происходит из погребения I кургана I Писеральского могильника в Среднем Поволжье (Зубов, 2011, с. 84, рис. 56: 6).

Височные подвески в виде знака вопроса с напускной бусиной (рис. 16: 23–25) В.Ф. Генинг относил к концу II в. (Генинг, 1970, с. 52, табл. I: 19). Другие вещи, поскольку происходят из памятников с широкими датами, позволяют лишь очертить ареал их распространения. Многовитковые бронзовые перстни, найденные в могильниках бассейна р. Белой IV в. до н. э. – IV в. н. э. (Воробьева, 2012, рис. 18, тип Б.1.3), хорошо известны. Из правобережных прикамских объектов они встречались на могильнике Ныргында II. Прямоугольные накладки с зубчатым краем найдены на Юлдашевском могильнике и Ново-Сасыкульском.

К группе I–II вв. женских захоронений отнесены крупные выпуклые бляхи из высокооловянистой бронзы (рис. 15: 42), которые хорошо известны в чегандинской культуре. Б.Б. Агеев в свое время насчитал их 70 экземпляров. Он предполагал, что они были сделаны из сарматских зеркал (Агеев, 1992, с. 37). Эту мысль сейчас развивают некоторые молодые археологи (Красноперов, 2006; Воробьева, 2012, т. I, с. 167–169). Р.Д. Голдина считает, что крупные выпуклые бляхи не имеют никакого отношения к зеркалам: они более тонкие, с отверстием в центре, выпуклые и использовались, судя по планам погребений, как нагрудные (рис. 8: 1, 4), реже – поясные (рис. 8: 5) или портупейные украшения (Голдина, Красноперов, 2012, с. 33; Голдина, Перевошиков,

Сабинова, 2012, с. 346). Учитывая их массовое распространение в Среднем Прикамье, скорее всего, они произведены в местных мастерских из привозного сырья. Что касается времени их использования, то, видимо, прав В.Ф. Генинг, который считал, что основной пик падает на I–II вв., хотя единичные экземпляры могли встречаться как в раннее, так и более позднее время (Генинг, 1970, с. 59). Подобную картину (I–II вв.) мы наблюдаем и для трапециевидных подвесок, вырубленных из таких блях (рис. 15: 28). Такие подвески на левобережье Камы обнаружены в Красноярском (Казанцева, 2012, рис. 18: 1), Шиповском, Юлдашевском, Ново-Сасыкульском могильниках. На правобережье они известны по материалам некрополей Чеганда II, Ныргында I и II, Пьяноборского; Усть-Бельского селища; кладов у дд. Чеганда, Трошки, Каменный Ключ (Генинг, 1971, табл. VI: 6).

Что касается двучастных пронизок-трубочек (рис. 15: 34) и одночастных пронизок-сапожков (рис. 15: 26), то в мужских могилах Тарасово они найдены в комплексах II в., но, судя по женским могилам, они использовались и в I, и во II в. То же самое следует сказать и о плоских круглых сьюлгах без орнамента (рис. 15: 37), которые в мужских захоронениях зафиксированы только в могилах I в., а в женских – встречались как в I, так и во II в. Таким образом, раздельный анализ материала по полу позволяет несколько скорректировать наши представления о датах вещей. В разнополюх захоронениях совпала хронологическая оценка – I–II вв. – бляшек: мелких умбоновидных (рис. 15: 5, 19, 20), мелких и средних выпуклых (рис. 15: 3, 4, 6, 7, 38) и плоских (рис. 15: 1, 2, 35, 36).

В I–II вв. в женских могилах Тарасово встречались височные подвески с бусинами и без них и с конической спиральновитой короткой подвеской (рис. 15: 32). Ареал их в пределах чегандинской культуры традиционен: Шипово, Юлдашево, Чеганда II, Пьяноборье, Ныргында I, Ныргында II. Они известны также в комплексах I в. Красноярского могильника (Казанцева, 2012, рис. 17: 1) и Кипчаковского I могильника II–I вв. до н. э. (Зубов, 2007, рис. 8: 7). Среди предметов I–II вв. на Тарасово следует выделить бронзовые кругло-проволочные гривны, которые встречались как в обычном, так и в разомкнутом состоянии. По мнению В.Ф. Генинга, они характерны для стадий В и Г чегандинской культуры (I и II вв.) (Генинг, 1970, рис. 20: 60).

В группу I–II вв. вошли бронзовые шейные подвески «кошачьи лапки» или подобные им (рис. 15: 21, 22), которые были найдены в могильниках Ново-Сасыкуль, Чеганда II, Ныргында II, Пьяноборском, Ныргында I. По В.Ф. Генингу, они относятся

к I–II вв. (Генинг, 1970, рис. 20: 63, 90). Правда, он считал, что подвески без прорезей характерны для I, а с прорезями – для II в., но материалы Тарасово показывают, что оба варианта иногда встречались в одной могиле (погребения 1327, 1351, 1465 и др.). Железные многовитковые браслеты (рис. 15: 40) обнаружены в Юлдашевском, Ново-Сасыкульском, Красноярском (Казанцева, 2012, рис. 18: 5), Чеганда II, Ныргында II могильниках. В.Ф. Генинг датировал их III–I вв. до н. э., отмечая, что ему известен только один такой браслет более позднего времени (Генинг, 1970, с. 56, рис. 20: 23, 43, 59). По нашим же материалам такие браслеты были популярны в I – первой половине II в.

В эту группу входят также височные подвески с конической привеской без орнамента или чаще с нарезным орнаментом, имитирующим спирали (рис. 15: 25). На Тарасово это наиболее многочисленный тип – 218 экз. Они обнаружены в могильниках Ново-Сасыкуль, Ныргында I, Чеганда II, Ныргында II, Пьяноборском. В.Ф. Генинг относил их к I–II вв. н. э. (Генинг, 1970, рис. 20: 57, 85, 86).

Оригинальны застежки с крючком, крепившиеся к ремню с помощью обоймы (рис. 15: 23, 24). Подобные застежки выявлены в Ново-Сасыкульском и Пьяноборском могильниках. В.Ф. Генинг считал, что они характерны для позднего периода (II в.) и, возможно, сменяют обычные застежки с неподвижным крючком (Генинг, 1970, с. 47). Н.А. Лещинская близкую застежку с обоймой из погребения 26 Ошкинского могильника отнесла к концу I–II в. (Лещинская, 2014, табл. 80: 5).

К этой же группе относятся подвески «утиная лапка» (рис. 15: 27, 30, 31). Подобные изделия обнаружены в могильниках Ново-Сасыкуль, Чеганда II, Ныргында II; кладках Чеганда I и II, Каракулинском, Трошковском, Исенбаевском, Камский Ключ; Ныргындинском II городище. В.Ф. Генинг датировал их I–II вв. н. э. (Генинг, 1970, рис. 20: 91). Судя по планиграфии Тарасово, 6 могил с такими находками располагались в ранней, ныргындинской части памятника (482, 689, 1091, 1100, 1167, 1654), 3 – в мазунинской (555, 616), из которых одна (532) имеет смешанный характер. И, наконец, последний тип в этой группе – круглые пластинчатые застежки с крючком со скудным орнаментом или без него (рис. 15: 33) – не столь многочисленен, как другие (4 экз.). В.Ф. Генинг считал этот вариант одним из позднейших и датировал II в. (Генинг, 1970, рис. 20: 76).

Планиграфическое распределение на площади могильника различных по времени групп показало, что захоронения ныргындинской стадии концентрируются преимущественно в южной части раскопа. Свободная от погребений часть площадки на уч. а-м/55-61, не разрушенная нефтяниками,

скорее всего, во время функционирования могильника была залесена, либо существовали еще какие-то препятствия для совершения на ней захоронений. Часть ранних могил располагается и в северной половине раскопа – явные свидетельства принадлежности памятника однокультурному населению. Обращает на себя внимание и разная ориентировка ранних могил (I в.), что позволяет думать о двух родственных коллективах, основавших Тарасовский могильник. Но возможны и другие объяснения этому явлению. Последующего анализа требует и размещение разновременных могил в рядах и группах.

Итак, анализ инвентаря как мужских, так и женских могил ранней стадии Тарасово (I–II вв. н. э.) показал, что в ней можно выделить хронологические группы: I в. (первая), II в. (вторая) и I–II вв. (третья). Выяснилось, что датировки значительного количества вещей этого времени, предложенные в свое время В.Ф. Генингом, подтвердились. В некоторых случаях они уточнены и скорректированы.

Глиняная посуда в тарасовской культуре – явление редкое. Сосуды представляют собой круглодонные горшки с отогнутой (рис. 17: 1, 6, 7), прямой (рис. 17: 5, 8, 10), слабо выраженной шейкой или открытые (рис. 12: 12; 17: 4, 11, 13–15), а так-

же закрытые (рис. 17: 3, 9) чаши. Дно некоторых из них слегка уплощено (рис. 12: 12; 17: 11, 12). Из погребения 1074 Тарасово и могилы 113 Кушулево III происходят маленькие сосудики с хорошо обозначенным ребром (рис. 17: 2, 12). Посуда имеет в тесте примесь мелкотолченых раковин, птичьего помета и песка, поверхность хорошо заглажена, не орнаментирована или украшена горизонтальными рядами ямок (рис. 17: 2, 5–10, 15). В целом керамика отличается общими признаками: круглодонностью, стабильностью форм в виде горшков и чаш, примесью в виде мелкотолченых раковин и птичьего помета, тщательной обработкой поверхности, скудостью орнамента в виде ямок.

Необычен лишь сосуд из могилы 28 Исково могильника (рис. 9: 39) своей формой – закрытая круглодонная чаша с небольшим поддном, не характерным для посуды пьяноборской общности.

Итак, могильники Среднего и Нижнего Прикамья рубежа III/II вв. до н. э. – II в. н. э. образуют единый историко-этнографический комплекс, представляя собой центральную тарасовскую (чегандинскую) культуру пьяноборской культурно-исторической общности. Поздняя (мазунинская) стадия этой культуры будет охарактеризована в других разделах этого издания.

ГЛАВА 5

КИПЧАКОВСКИЙ КОМПЛЕКС ПАМЯТНИКОВ РАННЕПЬЯНОБОРСКОГО ВРЕМЕНИ

В научной практике нередко встречаются ситуации, при которых открытие и исследование нового памятника археологии существенно дополняет картину историко-культурного развития региона в определенное время, либо в корне меняет сложившиеся представления о характере, месте, времени формирования и завершения археологических культур, их этнокультурной атрибуции, и в целом, об исторических процессах в древности.

Именно к таким памятникам относится Кипчаковский археологический комплекс, материалы раскопок которого самым непосредственным образом влияют на осмысление процессов формирования пьяноборской археологической культуры, вопросов датирования ранних комплексов и изучения тех исторических коллизий, повлиявших на становление и развитие одной из интереснейших археологических культур эпохи раннего железного века в Волго-Уралье.

Кипчаковский археологический комплекс расположен в лесостепной зоне Предуралья, на коренной террасе правого берега р. Сюнь, левого притока р. Белой и находится в 1 км к востоку от с. Миннярово (Актанышский район, Республика Татарстан) и в 2,5 км к юго-западу от д. Кипчаково (Илишевский район, Республика Башкортостан) (рис. 1). Он включает в себя укрепленное поселение и курганно-грунтовый могильник, расположенный в непосредственной близости от внешнего вала Кипчаковского городища. Вместе эти два археологических объекта без сомнения представляют собой единый археологический комплекс, материалы которых представлены раннепьяноборскими древностями и коррелируются между собой достаточно четко (Зубов, 2007; Зубов, 2010; Гарустович, Тагиров, 2012; Зубов, Овсянников, 2021).

Мысовое городище было введено в научный оборот В.Ф. Генингом под названием Минняровского (Генинг, 1971, с. 123), площадь которого исследователем была определена в 10 тыс. кв. м (Генинг, 1970, рис. 2: 2). В ходе исследований 90-х гг. прошлого века была произведена привязка данного памятника к д. Кипчаково Илишевского района Республики Башкортостан и внесены серьезные коррективы в характеристику археологи-

ческого объекта. Вместо одного вала, указанного В.Ф. Генингом в публикации, была выявлена система оборонительных укреплений, состоявшая из трех валов: двух напольных и одного кокошничкообразного вала, защищавшего стрелку мыса, полого спускающуюся в пойму реки Сюнь. Общая площадь городища внутри валов составляет ориентировочно 40 000 кв. м. Кипчаковское городище среди известных нам на сегодняшний день пьяноборских укрепленных поселений самое большое (Зубов, 1993; Зубов, 2007; Гарустович, Тагиров, 2012). Для сравнения можно использовать сводку площадей пьяноборских (чегандинских) городищ, опубликованную В.Ф. Генингом, где наиболее крупные городища из представленных 36 не превышают 15 000 кв. м (Генинг, 1970, с. 16, табл. В). Указанное же в работах Д.Г. Бугрова Умировское городище с заявленной площадью 44 000 га (Бугров, 2006а, табл. 4, № 183; Бугров, 2006б, табл. 1, № 28) является небольшим селищем на мысу руч. Коры-Елга (левый приток р. Сюнь) с весьма скудным культурным слоем. За оборонительные сооружения были приняты валики опашки сельскохозяйственных полей.

На территории этого укрепленного поселения, ежегодно подвергающегося распашке при сельскохозяйственной деятельности, собран значительный подъемный материал, который соотносится с древностями раннего этапа археологической пьяноборской культуры. Среди подъемной коллекции большое количество керамического материала и остеологических останков. Фрагменты керамических сосудов в цветовой гамме от светло-оранжевого до серого в большинстве своем с примесью толченой речной раковины из двустворчатой перловицы обыкновенной (лат. *Unio pictorum*), фрагменты которой встречаются среди подъемного материала на городище. Преобладают формы слабопрофилированных горшков с более или менее выраженным плечиком и открытых чаш с округлыми, иногда слегка уплощенными днищами. К днищу стенки сосудов немного утолщаются. Размеры керамических сосудов по устью укладываются в среднем в пределах 15–30 см в диаметре. Средняя толщина стенок в пределах 5–8 мм. Хотя встречаются очень маленькие сосудики с тонкими

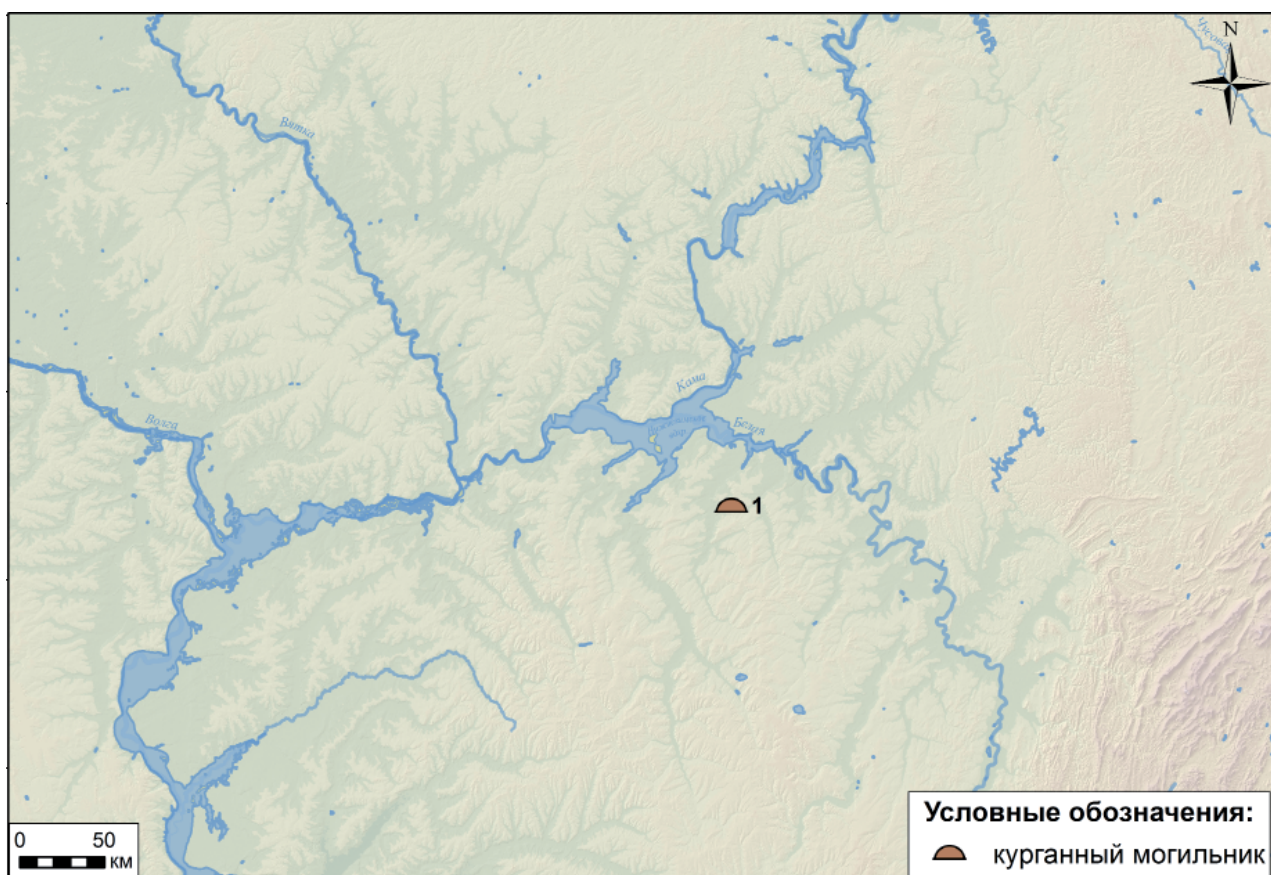

Рис. 1. Расположение Кипчаковского I курганно-грунтового могильника

(3–4 мм) стенками высотой 5–6 см с диаметром горловины 4–5 см. Большинство сосудов украшено по шейке одним рядом круглых ямочных вдавлений. Иногда этот орнаментальный элемент усложняется треугольниками из таких же ямочных вдавлений. Ряд фрагментов украшен круглыми трубчатыми оттисками. Кроме этого в небольшом количестве присутствуют фрагменты сосудов с «веревочным» орнаментом из одного, двух и более (до четырех) поясков. Единично встречены фрагменты с «веревочным» орнаментом в виде волны, повторяющихся треугольников, колец и пр. Еще реже встречаются фрагменты сосудов, украшенные различными по размеру и форме удлиненными вдавлениями.

Кроме этого собрана небольшая коллекция и фрагментов глиняной обмазки строительных сооружений. На некоторых из них сохранились отпечатки прутьев диаметром 1–1,5 см. Из других керамических изделий, происходящих с поверхностных сборов следует отметить напрясла разнообразных форм – дисковидные, сегментовидные и в форме усеченного конуса. Некоторые из них орнаментированы (рис. 3: 15–20).

В числе поверхностных сборов с распахиваемой площадки городища следует отметить находки двух круглых керамических бусин с очень тонким отверстием (буквально под нить) и фраг-

ментированные керамические изделия – антропоморфную фигурку с элементами украшения одежды (рис. 3: 9) и фигурку лошадки (рис. 3: 10). Собрана небольшая коллекция фрагментированных глиняных изделий, форма которых напоминает короткие ножки сосудиков, вполне возможно от курильниц или алтариков (рис. 3: 11–14). На это как будто указывают сферические вдавления на некоторых из них, похожие на оттиски круглодонной основы. Фрагментарность этих изделий позволяет исследователям по-разному трактовать данную категорию находок. В.А. Иванов назвал аналогичную находку из материалов Серенькинского городища фишкой (Иванов, 2003, с.202), а М.Ф. Обыденнову и К.И. Корепанову в подобных этим изделиях видятся фаллические (!) символы (Обыденнов, Корепанов, 2001, с. 60–66, рис. 49: 5, 7; 50: 5, 6; 53: 12).

Кроме довольно большой серии керамического материала на поверхности городища были найдены железная мотыжка-тесло, бусина из темного глухого стекла с белыми глазками, костяная застежка и костяная заготовка псаляя. Нередкой находкой являлись шлаки черной металлургии и медеплавильного производства.

В 2012 году Ф.М. Тагиров обнаружил бронзовую накладку с изображением протом медведей. По мнению В.В. Овсянникова эта находка перво-

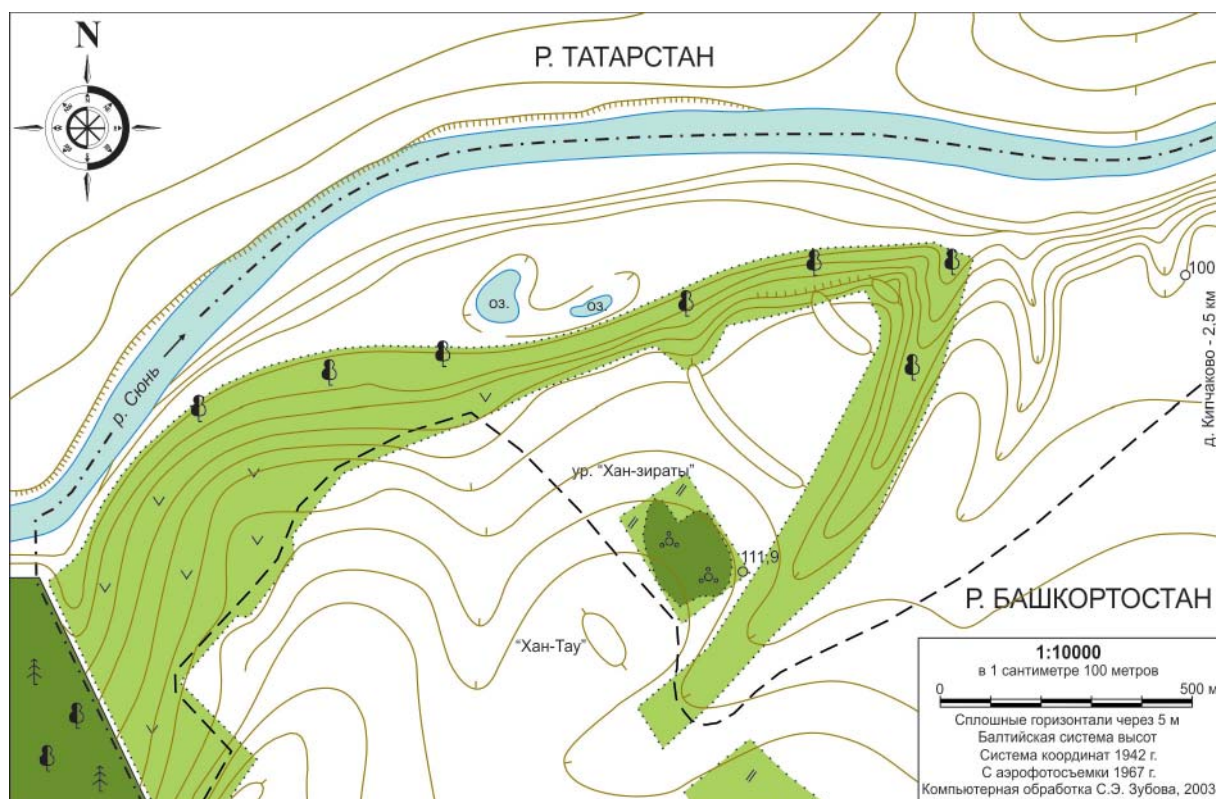

Рис. 2. Кипчаковский археологический комплекс
Республика Башкортостан, Илишевский район, Аккузевское с/п, урочище «Хан-зираты»

начально исполняла роль распределителя ремней. Впоследствии, после удаления петель на обороте, служила, вероятно, в качестве нашивки. Анализ предметов с изображением протом медведей позволил исследователю связать кипчаковскую находку с кара-абызскими древностями и отнести их к одной изобразительной и технологической традиции (Овсянников, Тагиров, 2019, рис. 1: 1, 2: 1).

Остеологические сборы с поверхности городища состоят из остатков млекопитающих, птиц и рыб. В разные годы эти сборы осматривали и определяли видовой состав А.П. Косинцев, В.В. Гасилин, Н.В. Рослякова. Кости млекопитающих на Кипчаковском городище преобладают. Домашние виды представлены костями лошади, крупного рогатого скота, мелкого рогатого скота, свиньи и собаки. На некоторых фрагментах обнаружены следы искусственного воздействия. Среди них преобладают следы воздействия открытого огня и кухонной разделки. Степень раздробленности костей и следы искусственного воздействия на них позволяют отнести преобладающую часть остеологической коллекции к категории «кухонные остатки». Охотничьи виды млекопитающих представлены костями медведя, зайца, бобра, куницы, выдры.

В 1992 году, во время раскопок Кипчаковского I курганно-грунтового могильника (Зубов, 1993) В.В. Овсянниковым был исследован вал, пере-

крывающий стрелку мыса (Овсянников, 1993). В 2001 году для оценки мощности культурного слоя Ф.М. Тагировым была произведена разведочная шурфовка на территории Кипчаковского городища (Гарустович, Тагиров, 2012).

В 2006 году С.Э. Зубов провел небольшие раскопки на территории городища. Раскоп площадью 192 кв.м был заложен в юго-восточной части площадки городища примерно в 10 м от первого напольного вала. Мощность культурного слоя в этой части городища значительно меньше, чем в центральной части площадки. Керамический материал соотносится с типично пьяноборскими формами и орнаментами, с преобладанием одного пояса крыглых вдавлений по шейке сосудов. В большинстве фрагментов керамики значительное содержание толченой раковины моллюсков (перловиц). К индивидуальным находкам относятся медные трехлопастные втульчатые наконечники стрел мелких размеров, фрагменты керамических антропоморфных фигурок.

При открытии В.Ф. Генингом городища не был обнаружен курганный могильник, находящийся в 70–80 м к юго-западу от первого внешнего вала городища. Территория, на которой располагается могильник, местными жителями называется «Хан-зираты» (могила хана, ханское кладбище), где, согласно легенде, захоронены хан и его воины. Ставка хана, по преданию, располагалась на

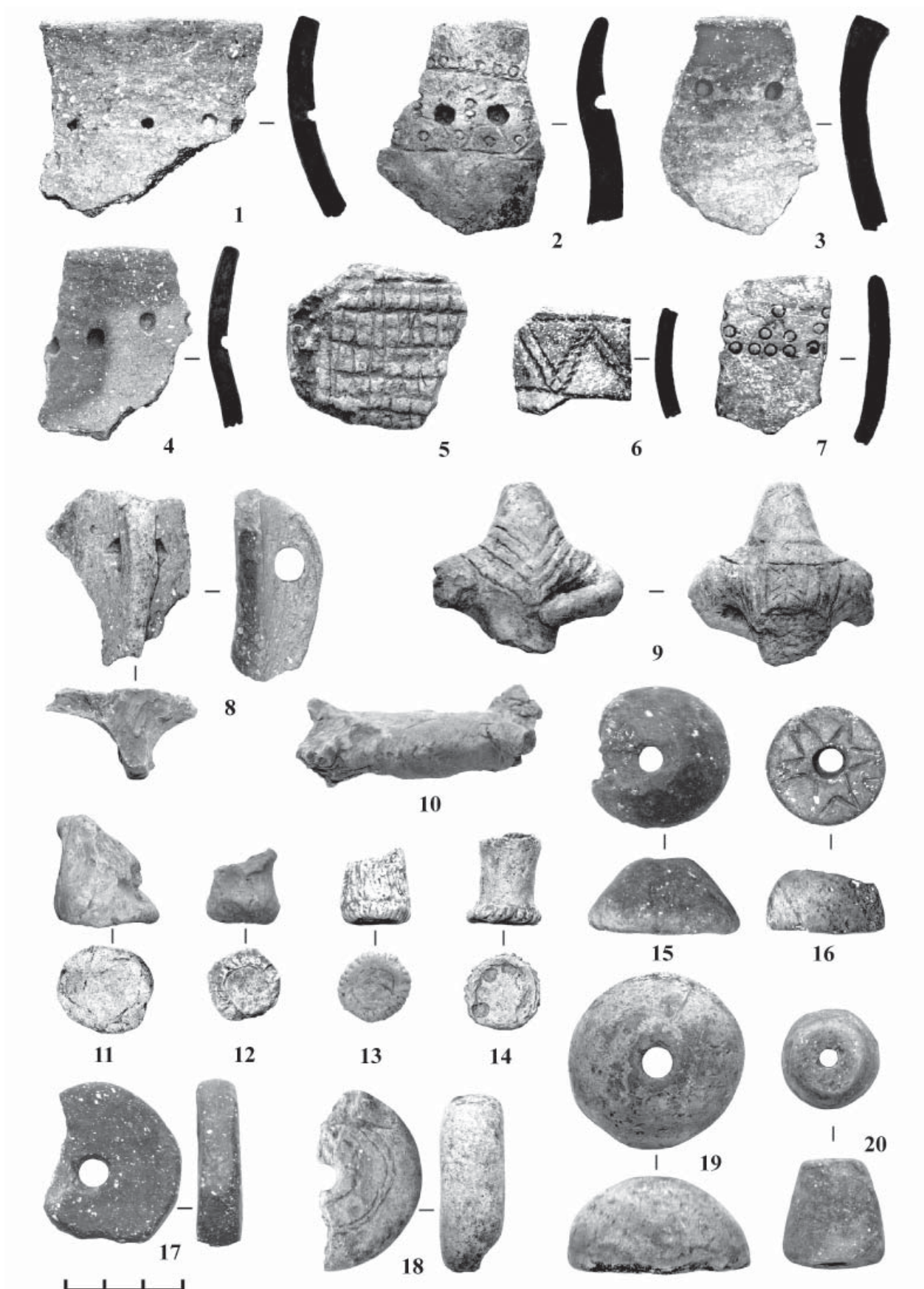

Рис. 3. Керамический подъемный материал с Кипчаковского городища
 1–4, 6–8 – фрагменты посуды; 5 – фрагмент обмазки жилища (?); 9 – фрагментированная антропоморфная фигурка; 10 – фрагментированная фигурка лошади; 11–14 – фрагменты «ножек»; 15–20 – пряслица

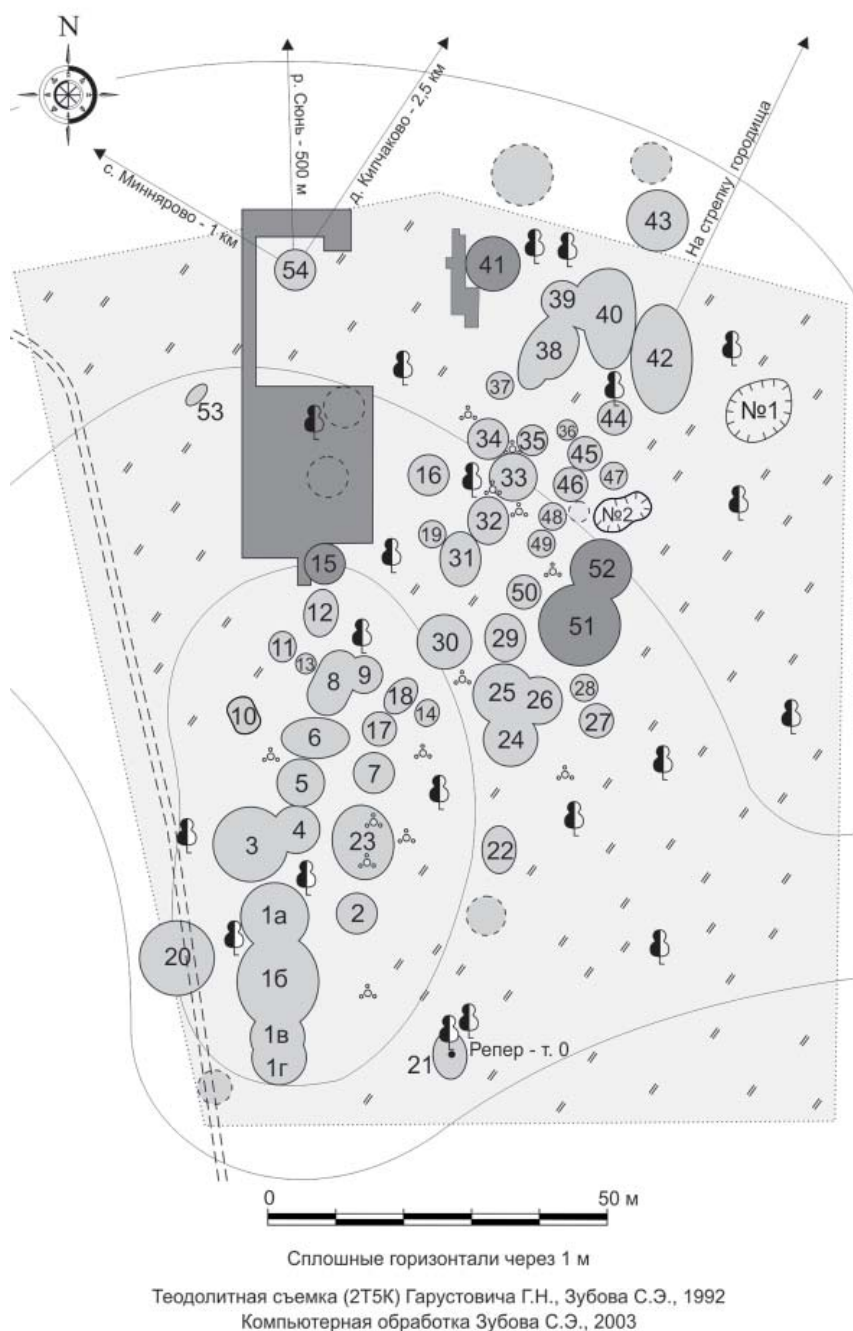

Рис. 4. План Кипчаковского I курганно-грунтового могильника. Урочище «Хан-зираты»
Исследованные Ф.М. Тагировым участки на могильнике в 1990, 1991, 1994, 2001 гг.

горе, именуемой «Хан-Тау» (ханская гора), – наивысшей точке, видимой со стороны д. Кипчаково, у северо-восточного подножия которой и находится могильник.

Визуально наблюдаемых курганных насыпей на сохранившейся от распашки площадке – 54 (рис. 4). Высота их колеблется от 0,1 м до 1 м при диаметре 4–16 м. В основном насыпи курганов имеют округлую форму, но зафиксированы также овальные и грушевидные. Судя по всему, такие формы насыпей образовались от слияния двух или более близко расположенных курганов.

Обычно на вершинах насыпей наблюдаются две-три заплывшие впадины от древних и современных, примерно двадцатилетней давности, грабительских вкопов. Некоторые курганы окружены сильно заплывшими ровиками. Необходимо отметить, что многие курганы сильно оплыли, слились и частично перекрыли друг друга, визуально ровики прослеживаются не всегда достаточно четко и фиксируются, как правило, по более насыщенной цветом растительности, более густой и менее иссушенной. Хотя такая ситуация вполне характерна для курганных насыпей, к подножию ко-

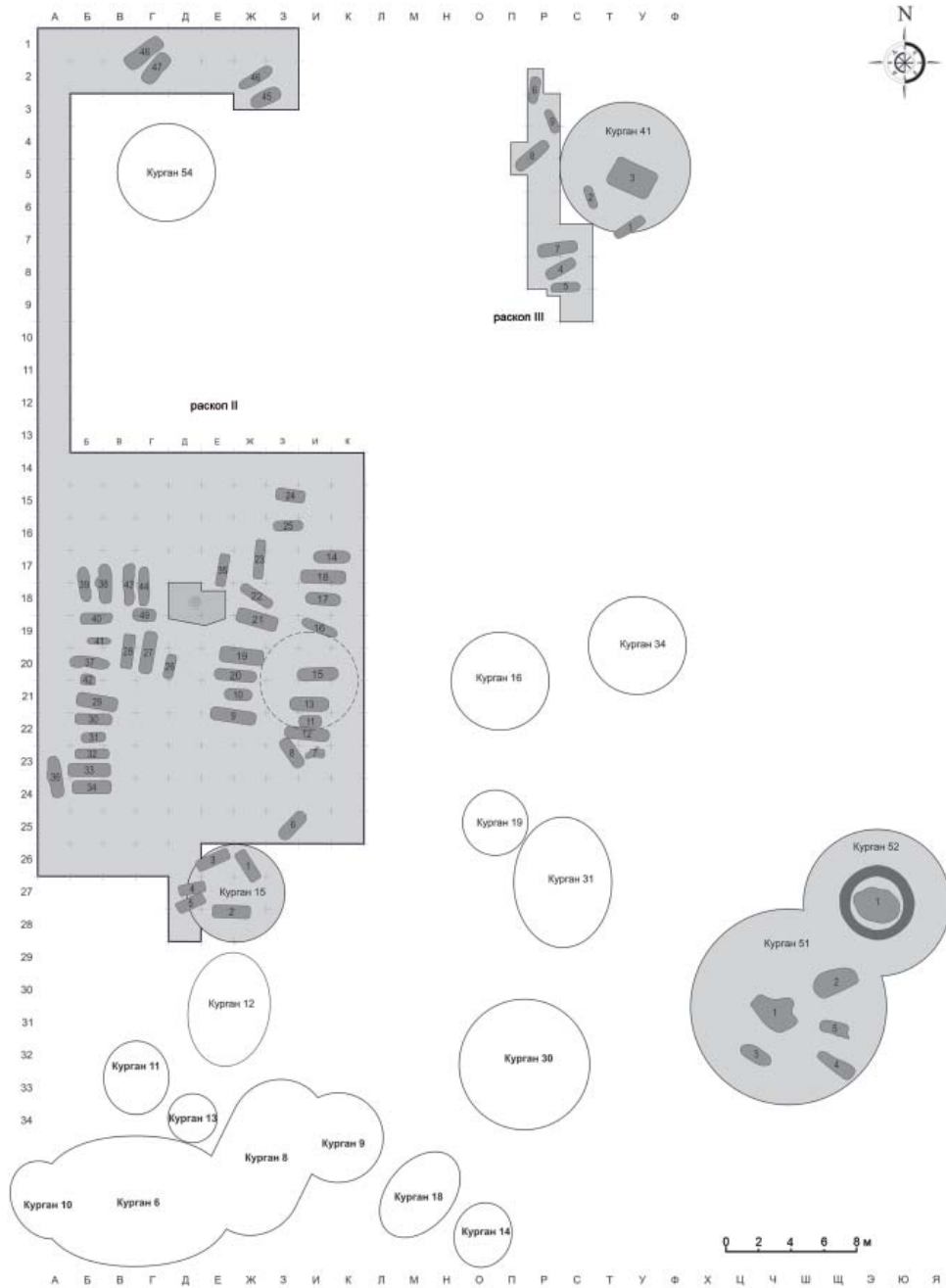

Рис. 5. Планы раскопов Кипчаковского I курганно-грунтового могильника, проведенные Ф.М. Тагировым в 1990, 1991, 1994, 2001 гг.

торых стекает большее количество атмосферных осадков.

В расположении насыпей могильника угадывается определенная упорядоченность. В некоторых случаях четко фиксируется расположение курганов, примыкающих друг к другу, цепочками, образующими ряды с практически одинаковым направлением по линии ЮЮЗ–ССВ. Необходимо отметить, что вся курганная группа вытянута примерно в этом же направлении (Зубов, 1993, с. 19–22).

Местонахождение могильника было указано местным жителем д. Кипчаково У.Х. Басыровым сотруднику БГОМ Ф.М. Тагирову, проводившему весной 1990 года разведочные археологические работы в Илишевском районе (Тагиров, 1990). Летом этого же года могильник был обследован отрядом археологической экспедиции Башкирского научного центра УрО АН СССР под руководством В.А. Иванова и Г.Н. Гарустовича. Для определения культурной принадлежности курганного могильника были раскопаны две курганные насыпи № 15

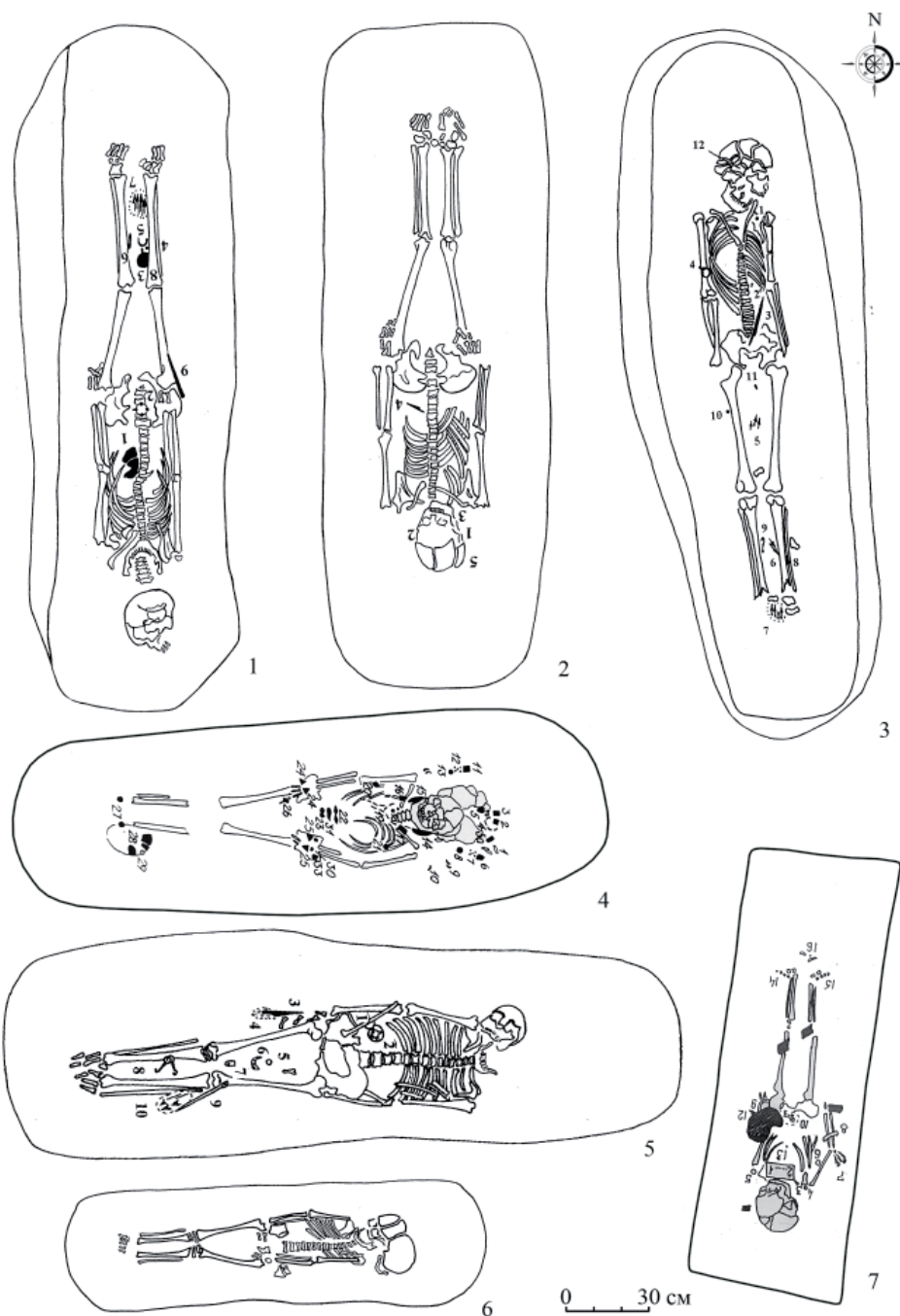

Рис. 6. Кипчаковский I курганно-грунтовый могильник

Планы погребений: 1 – п. 39 раскопа II; 2 – п. 44 раскопа II; 3 – п. 36 раскопа II; 4 – п. 14 раскопа II; 5 – п. 37 раскопа II; 6 – п. 41 раскопа II; 7 – п. 26 раскопа II

и № 41. Под ними было исследовано 8 погребений, погребальный инвентарь которых соотносился с материалами пьяноборской культуры раннего железного века (рис. 5). Исследование Кипчаковского могильника было продолжено Ф.М. Тагировым осенью 1990 г. раскопками кургана № 52, где было выявлено одно сильно разрушенное погребение, окруженное кольцом зольно-угольного слоя. К западной поле кургана № 41 в этом же году Ф.М. Тагировым была заложена траншея площа-

дью 38 кв. м, где было выявлено 6 погребений (погр. № 4–9). Вещевой инвентарь всех исследованных погребений дал однозначную привязку к материалам пьяноборской культуры. Сочетание типично пьяноборских вещей с курганным обрядом захоронения и распространением грунтовых могил за курганной насыпью определило неподдельный интерес исследователей к данному могильнику и необходимость его дальнейшего исследования.

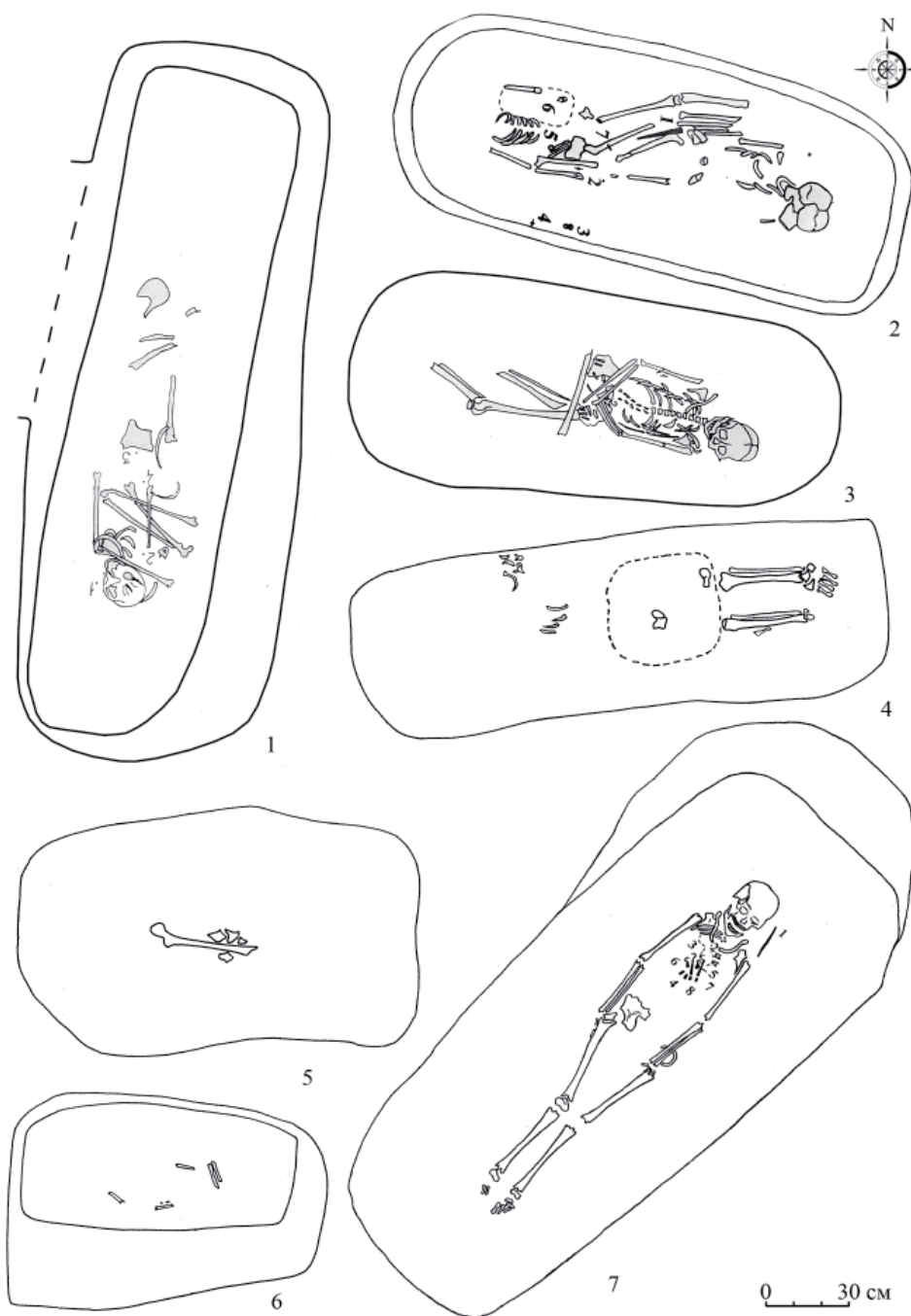

Рис. 7. Кипчаковский I курганно-грунтовый могильник

Планы погребений с ритуальным разрушением: 1 – п. 27 раскопа II; 2 – п. 5 кургана №51; 3 – п. 24 раскопа II; 4 – п. 48 раскопа II; 5 – п. 49 раскопа II; 6 – п. 42 раскопа II; 7 – п. 47 раскопа II

В 1991 г. Ф.М. Тагировым был раскопан курган № 51, где исследовано 5 погребений, а к северной поле исследованного в 1990 г. кургана № 15 был заложен раскоп II площадью 144 кв. м (с дальнейшими прирезками 184 кв. м) в западной стороне центральной части курганной группы. На этом раскопе было выявлено 17 погребений (погр. № 6–22). В 1994 году раскоп был расширен до 300 кв. м. На новой исследованной площади (116 кв. м) было выявлено 13 захоронений (погр. № 23–35). В 2001 году Ф.М. Тагиров продолжил раскоп в за-

падном направлении (208 кв. м, погр. № 36–44, 49) и заложил узкую (2 м) длинную (26 м) траншею в северном направлении для выявления границ могильника на этом участке. Прирезка к пустой траншее (52 кв. м) небольшого раскопа (60 кв. м) в восточном направлении с методической точки зрения была странной, но при этом позволила выявить еще четыре погребения (погр. № 45–48). Думается, что они приурочены к кургану № 54 и входят в зону распространения грунтовых могил вокруг этого кургана.

Таким образом, в течение четырех полевых сезонов (1990–1991 гг., 1994 г. и 2001 г.) Ф.М. Тагировым было исследовано 4 кургана (№ 15, 41, 51, 52) и два раскопа, примыкающих к кургану № 41 (раскоп I, площадь 36 кв. м) и кургану № 15 (раскоп II, площадь 618 кв. м). Всего за это время было исследовано 64 погребения. Нумерация курганов и погребений, используемая автором раскопок, была изменена для приведения их в единую целостную систему.

Погребальный обряд

Насыпи исследованных курганов (№ 15, 41, 51, 52) имели округлую форму. Курганы № 51 и № 52 были расположены настолько близко друг к другу, что северо-восточная пола одного кургана (№ 51) слилась с юго-западной полой другого (№ 52). К сожалению, при их исследовании не зафиксирована стратиграфическая ситуация, позволяющая говорить об их взаимной хронологической позиции. Находки в насыпях курганов немногочисленны и представлены преимущественно костями животных. Большая часть определимых остеологических материалов из насыпей относится к лошади. В северо-северо-восточном секторе насыпи кургана № 52 выявлен череп лошади, вокруг которого зафиксировано густое вкрапление угля. Кости лошади также были обнаружены в насыпи разрушенного погребения 4 кургана № 51. На уровне зачистки в западной части выявленного погребения был найден обломок нижней челюсти лошади, а при расчистке могильной камеры в восточной части северной стенки была зафиксирована ступенька из материковой глины, около которой были расчищены крестец животного (лошадь?) и череп лошади без нижней челюсти (определения автора раскопок Ф.М. Тагирова). Можно предположить, что череп и кости лошади были первоначально (до разрушения могилы) расположены над погребением, на выкладке из материковой глины, которая просела и была зафиксирована автором раскопок как ступенька. Изредка встречающиеся в курганных насыпях артефакты происходят прежде всего из разрушенных погребений. Сравнительно редко в насыпях курганов обнаруживаются фрагменты керамических сосудов, по своему облику и структуре близкие керамической коллекции Кипчаковского городища (Зубов, 2007; Гарустович, Тагиров, 2012).

Из четырех курганов только в одном (№ 52) на уровне погребенной почвы было зафиксировано надмогильное сооружение, представляющее собой золисто-угольное кольцо шириной от 65 до 80 см и мощностью до 10 см. В северо-западной части кургана прослеживались остатки угольных жердей диаметром до 8 см. В северо-западной и восточной части кольца зафиксированы пятна про-

калов, причем в одном случае прокол фиксировался еще в насыпи кургана, перекрывающей погребенную почву и сооружение, во втором – прокол затронул лишь погребенную почву. В центре золисто-угольного кольца находилось единственное погребение. К сожалению, это погребение было практически полностью уничтожено древним и современным вкопами.

Под насыпями курганов количество могил разнообразное – одна в кургане № 52, три могилы в кургане № 41, по пять захоронений в курганах № 15 и № 51. В расположении периферийных могил по отношению к центральным, основным определенной системы не наблюдается. В ряде случаев грунтовые погребения тяготеют к курганным насыпям. В общем расположении погребений на площадке могильника замечена, хотя и не очень четко, определенная концентрация их по отдельным группам. На обособленность этих групп указывает рядное расположение погребений в грунтовой части могильника с незаполненными пространствами между этими группами (рис. 5). Складывается впечатление о наличии на могильнике семейных участков, на которых первоначально производилось захоронение главы с возведением небольшой курганной насыпи, а затем производились последующие захоронения. Отчетливо это видно на примере кургана № 15, к которому явно тяготеет погребение 6 (рис. 5). Раскопом III, заложенным с западной стороны кургана № 41, выявлены шесть погребений. К сожалению, сложности организационно-финансового характера не позволили Ф.М. Тагирову продолжить исследования вокруг этого кургана и включить его в полную сетку раскопа. Самые северные четыре погребения раскопа II (погр. 45–48) явно тяготеют к кургану № 54. В центральной части раскопа II при съемке плана могильника фиксировались две слабовыраженные возвышенности, которые были отмечены пунктиром. Именно к этим местам были приурочены исследованные в дальнейшем две группы погребений. Мы допускаем, что небольшие курганные насыпи могли существовать, но их фиксация была затруднена многочисленными древними вкопами в могилы и распашкой, частично затронувшей некоторые участки могильника.

В данном контексте следует обратить особое внимание на группу погребений, разрушенных в древности (рис. 7). Первоначально мы принимали такие вкопы за грабительские, но ряд наблюдений позволил определить подобный обряд ритуальным разрушением. Эти погребения нельзя называть ограбленными, поскольку некоторые погребения содержали значительное количество вещей, которые при ограблении были бы, очевидно, изъяты. Кроме этого фиксируются вкопы в область живота

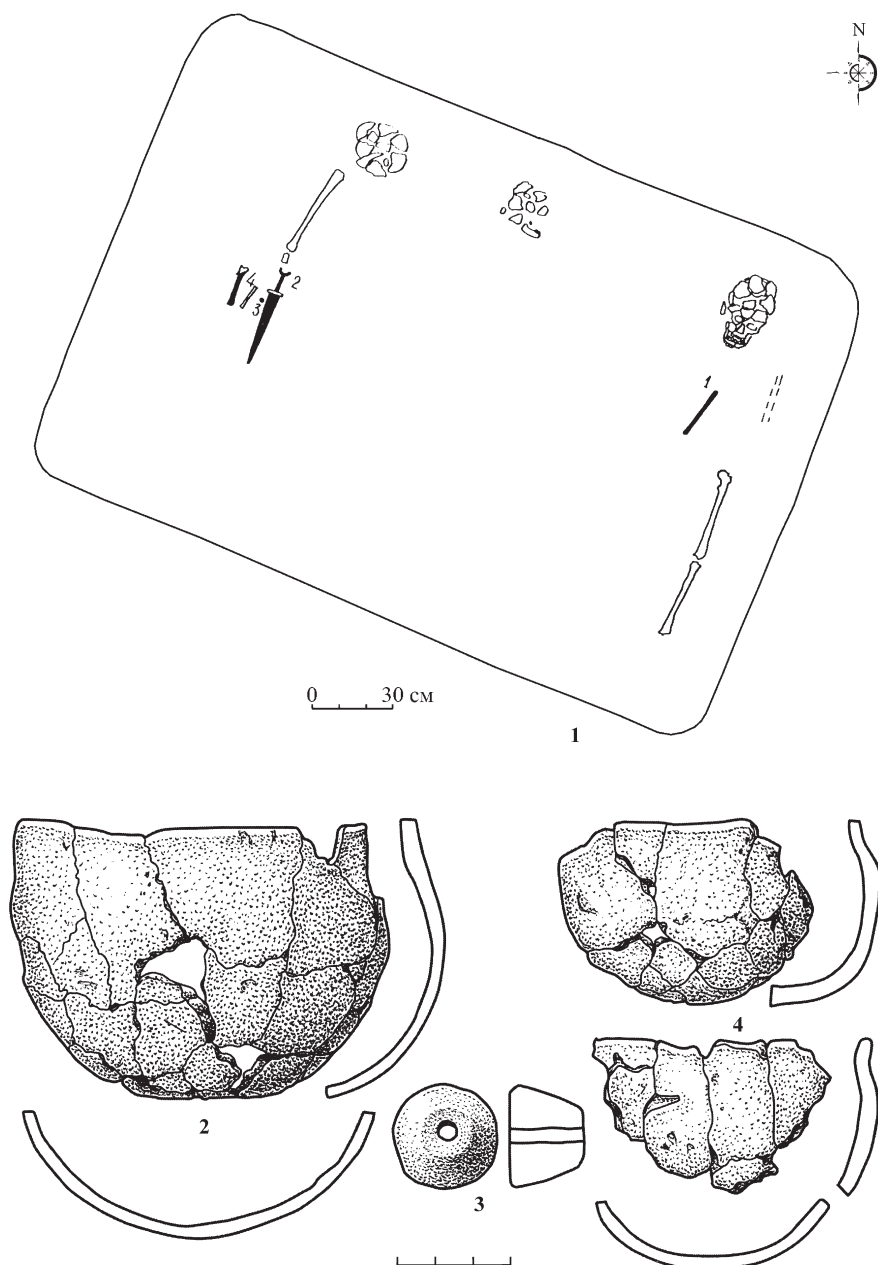

Рис. 8. Кипчаковский I курганно-грунтовый могильник

План коллективного погребения: 1 – п. 3 кургана №41. Погребальный инвентарь из погребений: 2 – п. 14 раскопа II, 3 – насыпь кургана №41, 4 – п. 7 раскопа III. 2–4 – керамика

и груди, когда кости конечностей и череп находят-ся в непо потревоженном состоянии. Эту группу мы условно назвали погребениями с ритуальным разрушением, очевидно, связанным с определенным обрядом обезвреживания погребенных.

Над рядом могил еще в гумусном слое фиксировались скопления угольков. Далее, при выявлении погребений с помощью зачистки, некоторые могильные пятна сильно выделялись своим насыщенно черным (сажистым) цветом с большой концентрацией небольших по размеру угольков, плотной и вязкой структурой. В ряде случаев подобные вкопы в погребения имели округлую фор-

му и обычно располагались в центральной части могилы, нарушая при этом ее стенки. Но довольно часто зафиксированы случаи, когда вкопы производились практически по всей площади могилы, оставляя вдоль стенок небольшую нетронутую полоску первоначальной засыпки. Именно такие случаи точного попадания в могилу дают возможность предполагать достаточно короткий временной период от совершения захоронения до его разрушения.

В ряде могил останки погребенных были представлены неполным набором костей скелета, разбросанных в беспорядке по дну погребальной

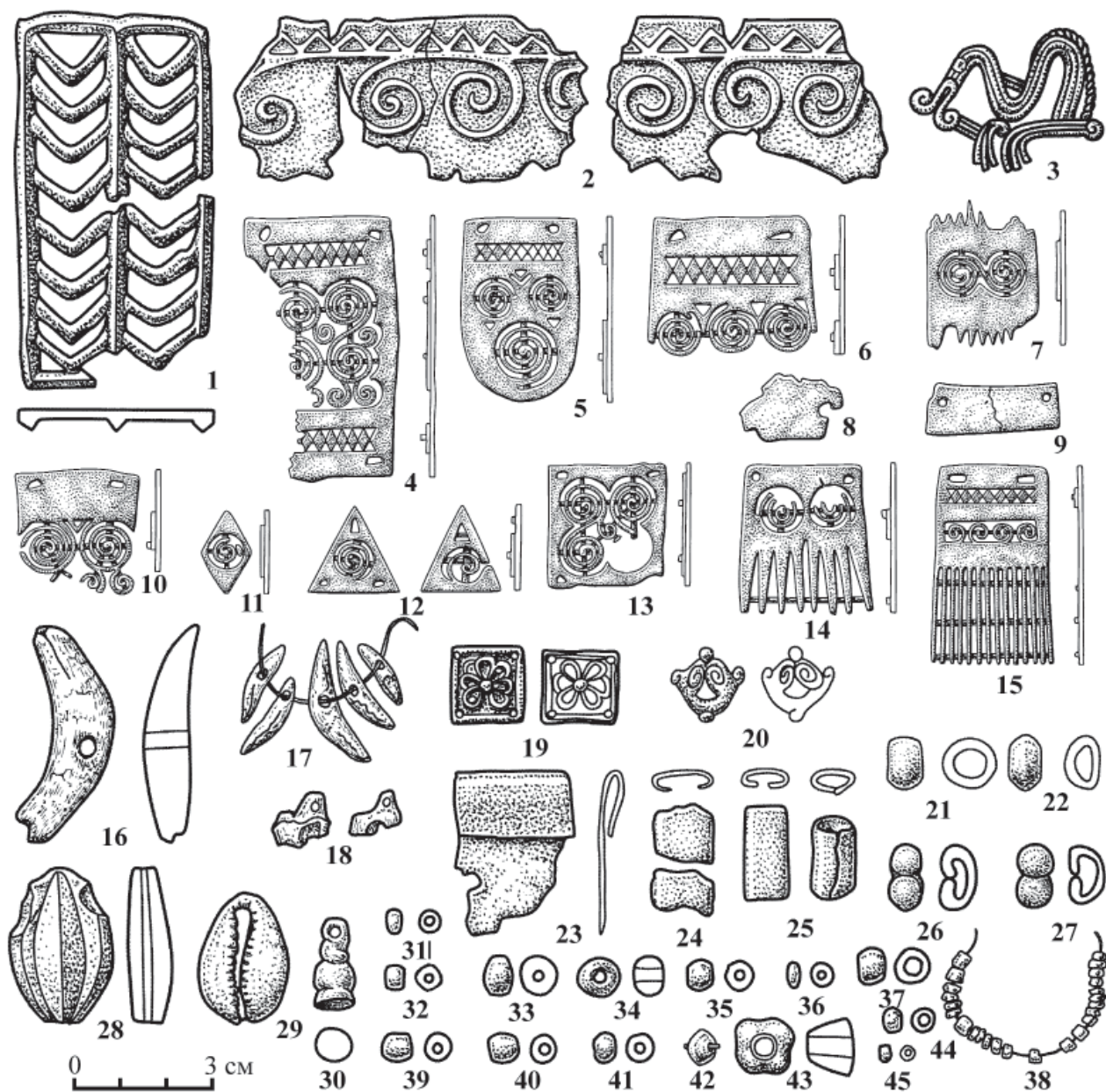

Рис. 9. Кипчаковский I курганно-грунтовый могильник

Погребальный инвентарь из погребений: 1, 16 – п. 34 раскопа II, 2 – п. 6 раскопа III, 3, 9, 10 – п. 26 раскопа II, 4–7, 11, 23, 25 – п. 2 кургана №51, 8 – п. 46 раскопа II, 12, 14, 15, 17, 18, 25 – п. 14 раскопа II, 13 – п. 7 раскопа II, 19, 20 – п. 16 раскопа II, 21, 22, 26, 27 – п. 46 раскопа II, 24, 30, 32, 33 – п. 47 раскопа II, 28, 31 – п. 11 раскопа II, 29 – п. 30 раскопа II, 34, 41 – п. 28 раскопа II, 35 – п. 5 раскопа III, 36, 42 – п. 9 раскопа III, 37, 39, 40, 43, 44, 45 – п. 11 раскопа II, 38 – п. 14 раскопа II

1–15, 23–27 – бронза, 16–18 – кость, 19–20 – серебро, позолота, 28 – камень, 29 – раковина каури, 31–36, 38–43 – стекло, 37, 44, 45 – стекло с металлической прокладкой

камеры ямы и в нижней части засыпи могильной ямы. Иногда разрушенной оказывалась лишь центральная часть погребенного – вне зоны разрушения довольно часто оставались череп и нижние части ног, что позволяло установить ориентировку умершего (рис. 7).

Раскопками Ф.М. Тагирова за четыре полевых сезона было изучено 64 могилы с останками 67 человек. В каждой могиле присутствовали кости од-

ного человека, кроме двух коллективных могил, в одной из которых были похоронены два подростка с противоположной ориентировкой (п. 5 кургана № 51, рис. 7: 2), а в другой были захоронены 3 человека (п. 3 кургана № 41, рис. 8: 1).

Все захоронения совершены по обряду ингумации в обычных грунтовых могилах прямоугольной, овальной или комбинированной формы. Особо следует отметить, что перекрытия одних

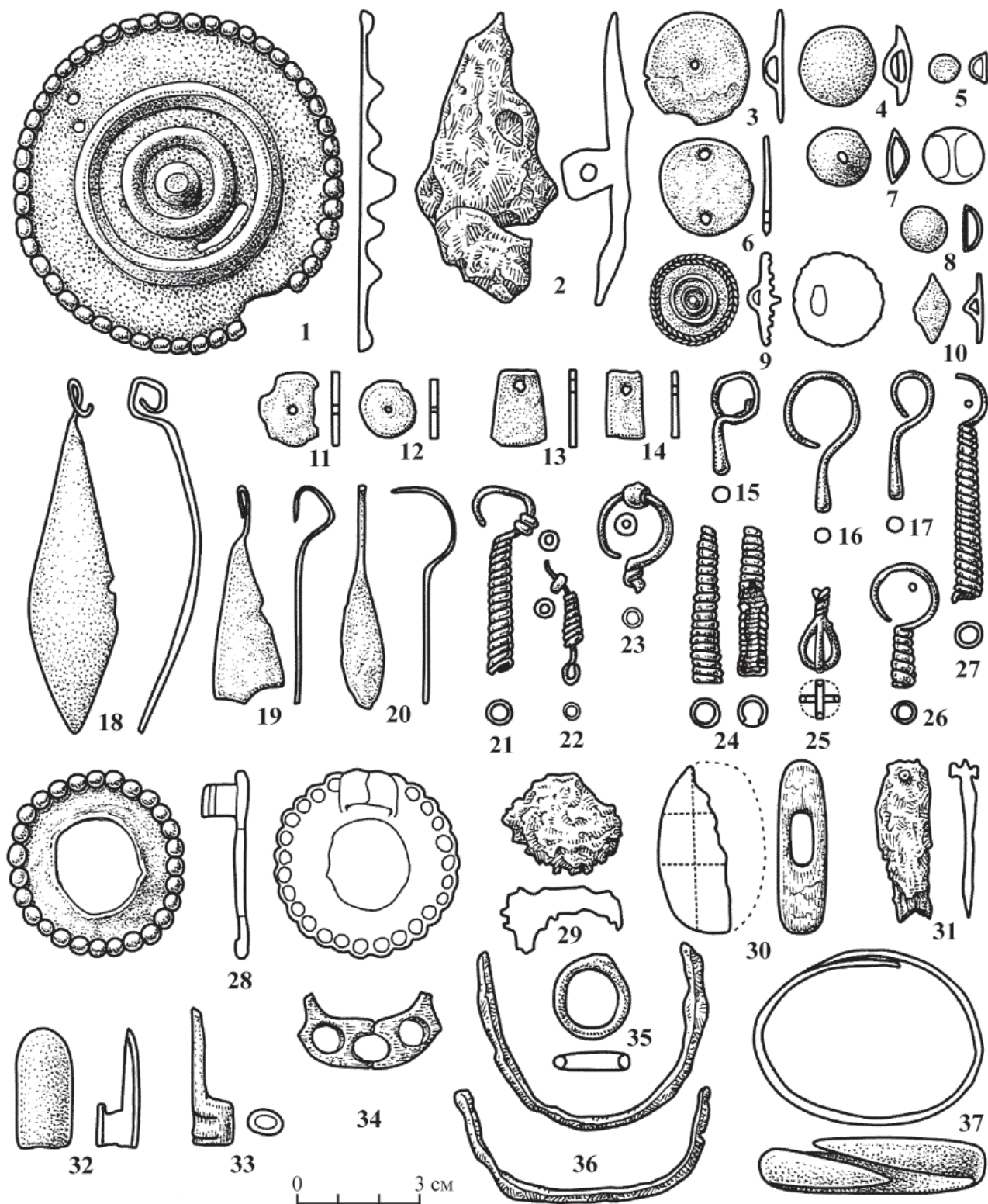

Рис. 10. Кипчаковский I курганно-грунтовый могильник

Погребальный инвентарь из погребений: 1, 17, 28, 32 – п. 9 раскопа II, 2 – п. 12 раскопа II, 3, 25 – п. 2 кургана № 51, 4 – п. 3 (1) кургана №41, 5 – п. 46 раскопа II, 6, 13, 14, 22, 37 – п. 26 раскопа II, 7 – п. 36 раскопа II, 8 – п. 39 раскопа II, 9, 10 – п. 14 раскопа II, 11, 12, 27 – п. 7 раскопа II, 15 – п. 11 раскопа II, 16, 20 – п. 47 раскопа II, 18, 35 – п. 14 раскопа II, 19 – п. 16 раскопа II, 21 – п. 3 кургана №15, 23, 24 – п. 47 раскопа II, 26 – п. 44 раскопа II, 29 – п. 48 раскопа II, 30 – п. 34 раскопа II, 31, 34 – п. 37 раскопа II, 33 – п. 33 раскопа II, 36 – п. 9 раскопа III
1, 3–14, 16, 17, 20, 21–28, 32, 35, 37 – бронза, 2, 29, 31, 36 – железо, 15, 18 – золото, 17, 20 – серебро, 30, 33, 34 – кость

могил другими не зафиксировано. Отсутствие взаимонарушений могильных ям позволяет предположить установление над могилами каких-то опознавательных знаков или небольших оградок, следы от которых не сохранились до настоящего времени (рис. 6).

Размеры могильных ям в плане самые различные (табл. 3). Длину и ширину удалось зафиксировать практически во всех случаях. Наименьшие размеры имеет погребение 4 кургана № 15 (126×46 см), наибольшие – погребение 1 кургана № 51 (280×130 см). Длина могил колеблется преимущественно в пределах 195–255 см, ширина – в пределах 65–85 см. Глубина могильных ям колеблется от 40–45 до 120–125 см от современной поверхности при среднем показателе 65–110 см. Мужские погребения, как правило, больших размеров, нежели женские (рис. 6; 7).

Обращает на себя внимание среди зафиксированных детских погребений практически полное отсутствие погребений младенцев в возрасте 1–2 лет и до 4–5 лет. Исключения составляют лишь погребение 4 кургана № 15 и погребение 42. Между тем детская смертность в рассматриваемое время была наибольшей именно в этом возрасте. В свое время М.П. Грязновым были собраны данные о возрастном составе умерших в сельской местности России за 5 лет (1890–1894 гг.). Согласно этим данным, возрастная группа детей в возрасте до 2 лет составляла 48% от общего числа умерших, группа в возрасте от 2 до 15 лет – 19,9%, а юношеская возрастная категория – лишь 1,9% (Грязнов, 1956, с. 23). На эти данные обратил внимание В.Ф. Генинг, проводивший анализ пьяноборского могильника Чеганда II, отмечавший, что «это характерно не только для Чеганды II, но и для всех чегандинских могильников» (Генинг, 1970, с. 115). На это обратила внимание и Г.Н. Журавлева, отмечавшая «почти полное отсутствие погребений детей в возрасте до 3–4 лет (Журавлева, 2014, с. 74). В.Ф. Генинг также отмечал отсутствие захоронений детей младшего возраста «на всех известных до сих пор древних прикамских могильниках», что связано, очевидно, с представлениями об особом свойстве души младенца и в связи с этим особым обрядом захоронения детей, возможно, на особых кладбищах (Генинг, 1958, с. 161; Генинг, 1963, с. 84, 85). Об этом свидетельствуют и некоторые этнографические данные (Долгих, 1961, с. 102 и сл.). З.П. Соколова отмечает, что обские угры до революции хоронили грудных детей в колыбельках на деревьях. Детей, имеющих зубы, хоронили на кладбище (Соколова, 1971, с. 231).

Внутреннее устройство могил довольно простое: отвесные стенки с округлыми углами и ровное дно. Иногда вкопы ритуального разрушения

костяка значительно деформировали стенки могил. Остатки погребальных конструкций (гробовищ, деревянных колод и т. п.) в могилах не обнаружены. В некоторых случаях по фиксации тлена от органики и «сжатости» костей рук и ног можно предположить завертывание захороненного в кошму, луб или меха.

Положение костяков в погребениях однообразно. Умерших укладывали в могилу вытянуто на спине. Несколько различно только положение рук. Преобладают захоронения с вытянутыми вдоль тела руками, в некоторых случаях кисти уложены на таз, реже – одна вытянута вдоль тела, другая согнута и уложена на таз (рис. 6).

В ориентировке похороненных на могильнике людей наблюдается некоторое разнообразие.

При этом следует отметить, что ориентировки погребенных под курганными насыпями и в грунтовых могилах за пределами насыпей в целом близки и значительных различий между ними не наблюдается (табл. 1).

Как видно из сводной таблицы ориентировок костяков из погребений Кипчаковского могильника, расположение погребенных головой в восточный сектор значительно преобладает (21 случай, 47,7% от всех учтенных ориентировок). Северо-восточную (9 случаев) и юго-восточную (2 случая) ориентировку мы склонны отнести к восточному направлению. Таким образом, восточное направление будет представлено 32 случаями, что составит 72,7%. Вторым по количеству костяков направлением является южное (8 случаев, 18,2%). По одному погребению с западной и северной ориентировкой. Единственное погребение с северной ориентировкой укрепляет нас в мысли о правильности отнесения северо-восточного направления к общему восточному. И даже если юго-восточное направление отнести к южному, ситуация кардинально не изменится – восточное направление будет превышать южное в пропорции 3:1.

Половая принадлежность умерших определялась по составу инвентаря в погребениях. Женские захоронения выделены по наличию в них типично женских украшений – бронзовых витых и гофрированных височных подвесок в виде конической трубицы с незамкнутым кольцом, листовидных височных подвесок (серьги?), эполетообразных застеежек, ажурных накладок, стеклянных бус и т. п.

В мужских погребениях погребальный инвентарь представлен преимущественно предметами вооружения (боевые ножи, наконечники стрел из бронзы, железа и кости), конским снаряжением (удила, костяная подпружная застеежка и др.), орудиями бытового назначения (ножи, оселки, проколки), поясными и обувными застеежками и т. д.

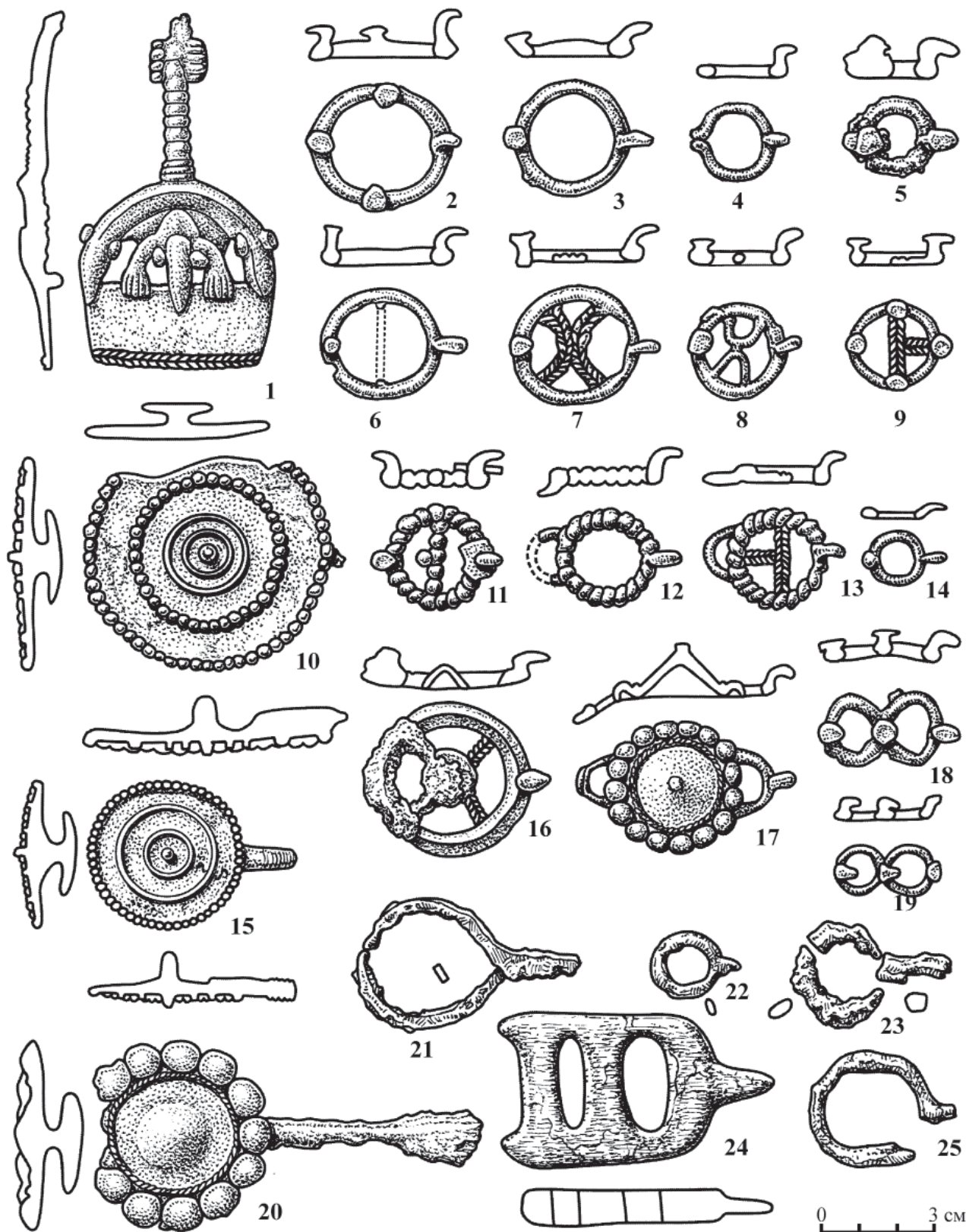

Рис. 11. Кипчаковский I курганно-грунтовый могильник

Погребальный инвентарь из погребений: 1 – п. 30 раскопа II, 2, 23 – п. 39 раскопа II, 3, 16 – п. 37 раскопа II, 4 – п. 5 кургана №15, 5 – п. 10 раскопа II, 6, 15, 25 – п. 20 раскопа II, 7, 12, 17, 24 – п. 34 раскопа II, 8, 18 – п. 14 раскопа II, 9, 14 – п. 27 раскопа II, 10 – п. 28 раскопа II, 11 – п. 32 раскопа II, 13 – п. 29 раскопа II, 19 – п. 2 кургана № 51, 20 – п. 43 раскопа II, 21 – п. 36 раскопа II, 22 – п. 1 кургана № 41

1, 10, 15, 20 – бронза, железо, 2–9, 11–14, 16–19 – бронза, 21–23, 25 – железо, 24 – кость

Детские захоронения характеризуются малыми размерами могил и костяков. Вещей в этих погребениях крайне мало.

Из 67 костяков, захороненных в 64 могилах, можно выделить 21 мужское захоронение, 15 – женских, 8 – детских и подростковых (среди которых выделяются шесть захоронений девочек, одно захоронение мальчика и одно неопределенное) и в 23 случаях определить пол не представлялось возможным ввиду отсутствия вещевого инвентаря, а иногда и самих костяков. Наблюдаемая исследователями тенденция преобладания женских захоронений над мужскими (Журавлева, 2014, с. 74) на материалах Кипчаковского могильника пока не прослеживается. На 21 женское (с подростковыми и детскими) захоронение приходится 22 мужских (с подростковым).

Погребальный инвентарь

Бусы и подвески (487 экз.) изготовлены из стекла (396 экз.), камня (2 экз.), бронзы (43 экз.), зубов животных и птиц (32 экз.), раковины каури (14 экз.).

Стеклянные бусы (одноцветные, многоцветные, с металлической прокладкой) найдены в четырнадцати погребениях (п. 3 кургана № 15, п. 2, п. 4 кургана № 51, п. 11, п. 14, п. 26, п. 28, п. 30, п. 31, п. 32, п. 44, п. 47 раскопа II, п. 5, п. 7, п. 9 раскопа III). Эти бусы представлены десятью типами, девять из которых идентифицируются с типами по классификации Е.М. Алексеевой (1978). Для одной бусины, не представленной в классификации Е.М. Алексеевой, выделен дополнительный тип 1. Неопределенными остались тринадцать одноцветных бусин, одна многоцветная, одна с металлической прокладкой.

Одноцветные (387 экз.)

Тип 1. Округлые поперечно сжатые черные бусы (1 экз.). Найдена в п. 11 раскопа II (рис. 9: 31).

Тип 2. Округлые пропорциональные и поперечно сжатые бусы из глухого белого стекла (30 экз.). Найдены в п. 47 раскопа II (рис. 9: 32, 33).

Тип 13. Округлые бусы из глухого бирюзового стекла (12 экз.) Найдены в п. 2 кургана № 51 (3 экз.), п. 9 раскопа III (1 экз.), п. 11 (8 экз.) раскопа II (рис. 9: 39, 40).

Тип 15. Округлые синие бусы (45 экз.). Найдены в п. 3 кургана № 15 (2 экз.), п. 11 (1 экз.), п. 14 (12 экз.), п. 28 (27 экз.), п. 44 (2 экз.), п. 47 (1 экз.) раскопа II (рис. 9: 34, 41).

Тип 16. Округлые бусы из глухого голубого стекла (238 экз.). Найдены в п. 5 раскопа III (36 сохранилось из 230 экз.) и в п. 47 раскопа II (8 экз., рис. 9: 35).

Тип 101. Бусины усечено-биконической формы из глухого голубого стекла (14 экз.). Найдены в п.

9 раскопа III (рис. 9: 36, 42).

Тип. 166. Рубленный бисер из стекла разных цветов (29 экз.). Найдены в п. 14 (11 экз.), п. 28 (16 экз.) раскопа II, п. 47 (2 экз.) раскопа II (рис. 9: 38).

Тип 193 г. Подвески в виде стилизованных сосудиков (4 экз.). Найдены в п. 47 раскопа II (рис. 9: 30).

Дополнительный тип 1. Бусина конической формы из глухого бирюзового стекла с четырьмя дольками в широкой части (1 экз.). Найдена в п. 11 раскопа II (рис. 9: 43).

Неопределенными остались тринадцать бусин из пяти погребений (п. 4 кургана № 51, п. 26, п. 30, п. 31 раскопа II, п. 7 раскопа III).

Стекло с металлической прокладкой (8 экз.).

Тип 1, вариант а. Округлые пропорциональные и поперечно сжатые бусы из прозрачного бесцветного стекла. Бусы с гладкими краями отверстий и ровной поверхностью, некоторые сделаны из желтоватого стекла (7 экз.) Найдены в п. 3 кургана № 15 (1 экз.), п. 11 (3 экз.), п. 32 (2 экз.), п. 44 (1 экз.) раскопа II (рис. 9: 37, 44, 45).

Неопределенной осталась одна бусина из п. 4 кургана № 51.

Каменные бусы (2 экз.) найдены в двух погребениях.

Тип 1. Бусина-подвеска овальной формы из п. 11 раскопа II (рис. 9: 28). Нанесение прорезей придало изделию стилизованное изображение жука (подчеркнут разрез крылышек, выделена голова). Подвеска изготовлена из янтаря. Определение автора раскопок Ф.М. Тагирова.

Неопределенной осталась одна бусина из п. 4 кургана № 51.

Бронзовые бусы-пронизи (43 экз.) найдены в семи погребениях (п. 2 кургана № 51, п. 7, п. 26, п. 34, п. 39, п. 42, п. 46 раскопа II). Укороченные бочонковидные бусы-пронизи с большим отверстием (рис. 9: 21), укороченные биконические пронизи, эллипсоидные в сечении (рис. 9: 22) и пронизи со сдвоенными бляшками-полугорошинами в плане и D-образные в сечении (рис. 9: 26, 27).

Костяные подвески-амулеты (32 экз.) найдены в четырех погребениях (п. 14, п. 30, п. 34, п. 37) раскопа II. Из мужских захоронений происходит два амулета. Изделие из п. 34 изготовлено из резца лошади, в центральной части которого просверлено сквозное отверстие (рис. 9: 16). Изделие из п. 37 имеет форму овальной уплощенной пластины с двумя отростками у вершин. В пластине высверлены три сквозных отверстия (вытянутых по линии) диаметром до 0,7 см (рис. 10: 34). В двух женских захоронениях зафиксировано 30 подвесок-амулетов (п. 14, 30). В п. 14 содержались 24 подвески из коренных зубов животных (лисицы, куницы и

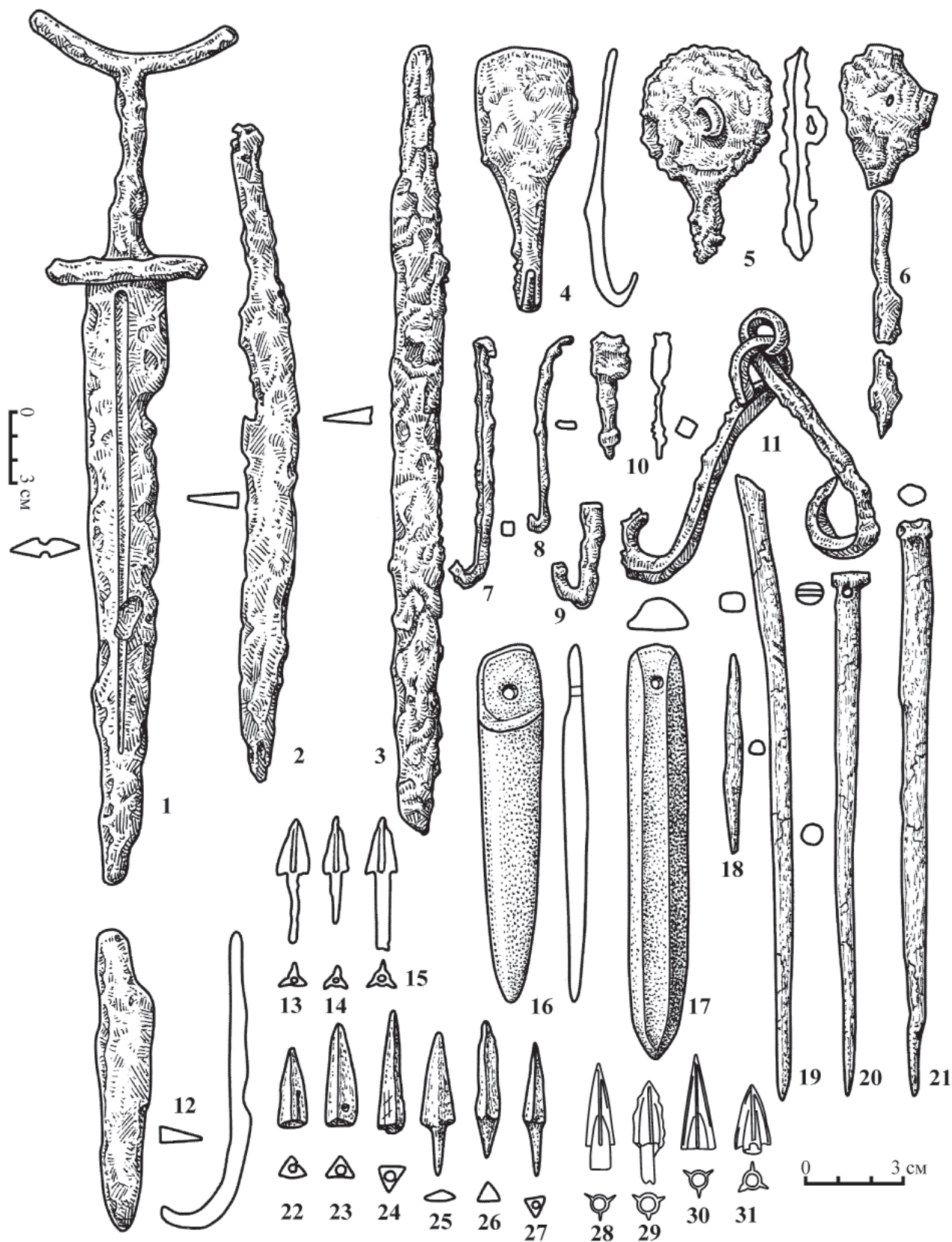

Рис. 12. Кипчаковский I курганно-грунтовый могильник

Погребальный инвентарь из погребений: 1 – п. 3(1) кургана № 41; 2, 17, 22, 23, 31 – п. 43 раскопа II; 3, 24–30 – п. 34 раскопа II; 4 – п. 29 раскопа II; 5, 18 – п. 39 раскопа II; 6 – п. 24 раскопа II; 7, 13–15 – п. 36 раскопа II; 8, 20 – п. 33 раскопа II; 9 – п. 3 кургана № 15; 10 – п. 14 раскопа 2; 11, 21 – п. 37 раскопа II; 12 – п. 3(3) кургана № 41; 16, 19 – п. 20 раскопа II. 1–15 – железо, 16, 17 – камень, 18–27 – кость, 28–31 – бронза

выдры) и пять клыков куницы и лисицы. В коренной части подвесок просверлено отверстие (рис. 9: 17, 18). В п. 30 был найден коготь (?) животного или птицы (данная находка неидентифицирована, в коллекции отсутствует).

Раковины каури (14 экз.) найдены в четырех женских погребениях раскопа II (п. 27, п. 30, п. 31, п. 42). Подвески располагались в районе груди и, вероятнее всего, входили в состав ожерелий (рис. 9: 29).

Височные подвески с незамкнутым кольцом (около 46 экз.). По форме отвисающей части делятся на 5 типов.

Тип 1. Со спиральновитой трубицей – найдены в тринадцати женских погребениях (п. 3, п. 4 кургана № 15, п. 7, п. 11, п. 14, п. 16, п. 26, п. 27, п. 28, п. 30, п. 44, п. 47 раскопа II, п. 8 раскопа III). В двух погребениях (п. 14, 26) часть височных подвесок находится в сильно фрагментированном состоянии, что затрудняет подсчет их количества. В коллекции могильника их не менее 30 экземпляров (рис. 10: 26, 27). В основном подвески находились в районе черепа и грудной клетки. На кольцо 4 подвесок (п. 3 кургана № 15, п. 28, п. 47 раскопа II) были напущены одна-две бусины из стекла (рис. 10: 21, 23). Внутри витой части некоторых подвесок сохранился конусовидный деревянный стержень.

Тип 2. С гофрированной трубицей (6 экз.) – найдены в четырех женских погребениях (п. 2 кургана № 51, п. 26, п. 27, п. 47 раскопа II) (рис. 10: 24). На кольцо подвески из погребения 26 были напущены две бусины из стекла (рис. 10: 22). Подвески были найдены в области груди и на правом плече.

Тип 3. Листовидные (5 экз.) найдены в трех погребениях (п. 14, п. 16, п. 47) раскопа II. В п. 16 были найдены две серебряные подвески (рис. 10: 19), в п. 14 – две золотые (рис. 10: 18), в п. 47 – одна бронзовая (рис. 10: 20). Подвески из драгметаллов находились в области височных костей черепа погребенного, бронзовая – в районе груди.

Тип 4. С литой конической трубицей (4 экз.) – найдены в двух мужских (п. 9, п. 29) и двух женских (п. 11, п. 30) погребениях раскопа II. Подвески из погребений 29 и 30 изготовлены из бронзы (рис. 10: 17), из погребений 9 и 12 – из серебра и золота (рис. 10: 15) соответственно. Все подвески лежали рядом с черепом.

Тип 5. С полый конической трубицей (1 экз.) – найдена в женском погребении 47 раскопа II. Трубица изготовлена следующим образом: часть проволоки, спускавшуюся от кольца, расплющили и свернули из полученной пластины в трубицу (рис. 10: 16).

Подвески (7 экз.). К ним относятся бронзовые изделия из женских погребений трапецевидной

(п. 26 раскопа II) и каплевидной (п. 2 кургана № 51) формы (рис. 10: 13, 14, 25). Трапецевидные подвески (6 экз.) в узкой части имеют сквозное отверстие. Характер отверстия и оформления края указывает на изготовление этих подвесок из более крупных изделий.

Бляхи (26 экз.) По материалу изготовления делятся на бронзовые и железные.

Бронзовые (25 экз.). По форме и элементам орнамента выделено несколько типов.

Тип 1. Крупная поясная умбоновидная бляха, украшенная двумя рельефными окружностями, мелкими полугорошинами по краю и умбоном в центре. На краю бляхи два сквозных отверстия для крепления. Бляха найдена в мужском п. 9 раскопа II (рис. 10: 1).

Тип 2. Круглые нагрудные бляшки с двумя концентрическими окружностями, кнопкой-умбоном в центре, рельефным орнаментом и «веревочкой» по краю. На оборотной стороне петля, смещенная с центра (2 экз.). Бляшки найдены в женском п. 14 раскопа II (рис. 10: 9).

Тип 3. Бляшки полусферической формы с перемычкой на обороте (6 экз.). Эти бляшки происходят из одного женского (п. 39 раскопа II) и двух мужских (п. 36, п. 37 раскопа II) погребений (рис. 10: 7, 8).

Тип 4. Плоские круглые бляшки с петелькой на обороте (5 экз.) найдены в пяти погребениях: в двух женских (п. 2 кургана № 51, п. 14 раскопа II), двух мужских (п. 5 кургана № 15, п. 46 раскопа II) и в погребении (п. 6 раскопа II), не определенном по полу (рис. 10: 3).

Тип 5. Бляшка полусферической формы с петелькой на обороте найдена в п. 3 (костяк 1) кургана № 41 (рис. 10: 4).

Тип 6. Ромбическая плоская бляшка с петлей на обороте (1 экз.). Единственный экземпляр происходит из женского п. 14 раскопа II (рис. 10: 10).

Тип 7. Плоские круглые бляшки с одним-двумя отверстиями (9 экз.) происходят из четырех женских (п. 7, 11, 14, 26) погребений (рис. 10: 11, 12). У бляшек из п. 26 два сквозных отверстия (рис. 10: 6). Изделие из п. 14 является украшением головного убора, остальные – нагрудные.

Железная бляха найдена в п. 12 раскопа II. Изделие сильно фрагментировано. Один из обломков в виде подтреугольной пластины, на обратной стороне которой имеется петля (рис. 10: 2).

Ажурные накладки-нашивки (30 экз.). По способу изготовления орнамента выделяются литые комбинированные и штампованные.

Бронзовые ажурные пластинчатые комбинированные накладки (24 экз.) найдены в трех погребениях раскопа II (п. 7, п. 14, п. 26) и в п. 2 кургана № 51. Все происходят из женских захоро-

нений. Накладки являлись элементами украшения головного убора и рукавов. Изделия отличаются большим разнообразием орнаментальных мотивов. Типы выделены на основе формы изделий.

Тип 1. Ромбической формы (4 экз.) найдены в п. 2 кургана № 51 (1 экз.), п. 14 (2 экз.), п. 26 (1 экз.) раскопа II (рис. 9: 11).

Тип 2. Квадратной формы (2 экз.) найдены в п. 7 раскопа II (рис. 9: 13).

Тип 3. Прямоугольной формы (7 экз.) найдены в п. 2 кургана № 51 (5 экз.), п. 14 (2 экз.) раскопа II (рис. 9: 4, 6).

Вариант А. С мелкими или крупными расчесами в нижней части накладки (2 экз.). Найдены в п. 2 кургана № 51 (1 экз.), п. 14 (1 экз.) раскопа II (рис. 9: 14, 15).

Вариант Б. С расчесами в верхней и нижней части (1 экз.). Найдены в п. 2 кургана № 51 (рис. 9: 7).

Тип 4. Полуовальной формы (1 экз.). Найдена в п. 2 кургана № 51 (рис. 9: 5).

Тип 5. Треугольной формы (6 экз.). Найдены в п. 14 раскопа II (рис. 9: 12).

Тип 6. Прямоугольная планка, дополненная двумя противостоящими спиралями (1 экз.). Найдена в п. 26 раскопа II (рис. 9: 10).

Штампованные накладки (6 экз.) найдены в двух погребениях (п. 6 раскопа III, п. 16 раскопа II). Изделия изготовлены из тонких пластин с выдавленными орнаментами, нанесенными штампом.

Тип 1. Позолоченные накладки арочной формы (3 экз.) с орнаментом в виде завитков (рис. 9: 20).

Тип 2. Позолоченные квадратные накладки (2 экз.) с розеткой в виде соцветия цветка (четырёхлистник), которая вписана в рамку, по углам рамки имеются сквозные отверстия (рис. 9: 19). Накладки типа 1 и 2 происходят из п. 16 раскопа II.

Тип 3. Бронзовая накладка подпрямоугольной формы с орнаментом в виде спиралей, отходящих от зоны многочастных треугольников (в двух фрагментах), найдена в разрушенном п. 6 раскопа III (рис. 9: 2).

Накладка зооморфная (1 экз.). Бронзовая литая комбинированная накладка в виде фантастического животного, совмещающего в себе черты кошачьих (хвост, изгиб тела), псовых (морда) и медвежьих (когти лап), найдена в женском п. 26 раскопа II (рис. 9: 3).

Накладка рамчатая (1 экз.). Бронзовая литая, с двумя зонами коленчатых перемычек (рис. 9: 1). Накладка обнаружена в мужском п. 34 раскопа II. Накладка располагалась у кисти левой руки.

Накладки без орнамента (2 экз.) найдены в двух погребениях (п. 26, 46 раскопа II). Изделия изготовлены из тонких бронзовых пластин (рис. 9:

8, 9). Они являлись украшениями костюма и обуви. Изделия фрагментированы, на одной из них по краям сохранились два отверстия.

Обжимные накладки (17 экз.) найдены в трех женских погребениях (п. 2 кургана № 51, п. 14, п. 47 раскопа II). Изготовлены путем сгибания прямоугольной бронзовой пластины с двух сторон (рис. 9: 23–25).

Эполетообразные застежки (4 экз.) найдены в четырех погребениях раскопа II (п. 20, п. 29, п. 30, п. 43). Эти застежки использовались в женских погребениях в качестве поясных застёжек, в мужских служили колчанными крючками. Все экземпляры относятся к эполетообразным застёжкам с одним жгутом и костыльком на внутренней стороне бляхи. Жгуты в сечении круглые, изготовлены из бронзы на железном каркасе. В оформлении блях имеются различия. Круглая слабовыпуклая бляха застёжек из погребений 20 и 28 украшена рельефными окружностями, мелкими полугорошинами и кнопкой-умбоном в центре (рис. 11: 10, 15). Застежка из погребения 43 представлена круглой умбоновидной бляхой, окаймленной ободком в виде ложновиткового пояса и крупными полугорошинами (рис. 11: 20). Бляха застёжки из погребения 30 арочной формы с изображением трех медвежьих морд, центральная с лапами «в жертвенной позе» (рис. 11: 1).

Бронзовые застежки с неподвижным крючком (25 экз.). По форме застёжек и способу крепления ремня к застёжке выделяется 6 типов.

Тип 1. Восьмеркообразные застёжки со шпеньками на кольцах (4 экз.). Шпеньки у одной из застёжек оформлены в виде медвежьих морд (рис. 11: 19). Застёжки происходят из двух женских (п. 14 раскопа II, п. 2 кургана № 51) и одного мужского (п. 5, костяк 1 кургана № 51) погребений (рис. 11: 18, 19). Изделие из п. 2 кургана № 51 найдено в полностью разрушенном захоронении. Это обстоятельство не позволяет установить его местоположение относительно костяка. В другом женском погребении застёжка находилась в районе пояса. В мужском захоронении эти предметы использовались в качестве обувных застёжек.

Тип 2. Кольцевые круглые в сечении с одним-тремя шпеньками на кольце (8 экз.). Застёжки найдены в шести мужских (п. 32, п. 37, п. 39, п. 43 раскопа II, п. 5 кургана № 15, п. 5 кургана № 15) и двух женских (п. 27, п. 34 раскопа II) погребениях (рис. 11: 2–4, 14). В мужских и женских погребениях в основном использовались в качестве поясной застёжки. К варианту А этого типа относятся кольцевые застёжки с перекладинами внутри рамки (6 экз.): Т-образные (2 экз.) (рис. 11: 9), Х-образные (3 экз.) (рис. 11: 7, 8) и с вертикальной перекладной (1 экз.) (рис. 11: 6). Такие

застежки найдены в трех женских (п. 14, п. 27, п. 34 раскопа II) и в одном мужском (п. 20 раскопа II) погребении. Они использовались в качестве поясных и обувных застежек. К варианту Б относится поясная застежка со шпеньками, оформленными в виде медвежьих морд, из женского погребения 10 раскопа II (рис. 11: 5).

Тип 3. Кольцевые с ложновитой рамкой и ложновитой Т-образной переключной. Единственный экземпляр такой застежки происходит из мужского п. 32 раскопа II (рис. 11: 11). Найдена между голенью погребенного.

Тип 4. Кольцевые, треугольные в сечении. В рамке застежки четыре крестообразно напаянных перемычки с умбоном в центре (1 экз.). Такая застежка зафиксирована в мужском п. 37 раскопа II (рис. 11: 16). Лежала с правой стороны пояса погребенного.

Тип 5. Кольцевые с ложновитой рамкой и ушком для ремня (1 экз.). Такая застежка обнаружена в п. 34 раскопа II (рис. 11: 12). Она находилась у правой тазовой кости погребенной. К варианту А этого типа относятся две застежки с переключными внутри рамки (рис. 11: 13). Одна из них найдена в женском (п. 34 раскопа II), другая в мужском (п. 29 раскопа II) погребении. Изделие из женского захоронения находилось между колен, из мужского – на тазовых костях.

Тип 6. Застежка с умбовидной бляшкой и с неподвижным крючком на дужке и противолежащим ушком (1 экз.). Такая застежка зафиксирована в п. 34 раскопа II (рис. 11: 17). Она находилась рядом с полевым ножом вдоль бедренной кости правой ноги погребенного.

Железные застежки с неподвижным штырем-язычком (4 экз.) найдены в четырех мужских (п. 1 кургана № 41; п. 20, п. 36, п. 39 раскопа II) погребениях. Застежки имеют кольцевую форму, изготовлены из дрота прямоугольной в сечении формы, штырь-язычок расположен в одной плоскости с рамкой (рис. 11: 21–25). Застежки располагались на тазовых костях, на плечевой кости, в двух случаях они были зафиксированы ниже колен рядом с наконечниками стрел.

Костяные застежки с неподвижным штырем-язычком (1 экз.). Единственный экземпляр костяной застежки происходит из мужского п. 34 раскопа II. Застежка подпрямоугольной формы с двумя прорезными отверстиями и неподвижным штырем-язычком, расположенным в одной плоскости с пластиной застежки (рис. 11: 24). Застежка найдена в нижней части берцовых костей правой ноги.

Железные крючки (8 экз.) найдены в семи погребениях раскопа II (п. 14, п. 24, п. 29, п. 33, п. 36, п. 32, п. 39) и в одном (п. 3) погребении кургана №

15. Встречены как в мужских, так и женских захоронениях. Они использовались как поясные застежки и колчаные крючки. По форме выделяются три типа. Первый тип представлен изделиями, изготовленными из круглого или подквадратного в сечении дрота, закрученного с одной стороны в петлю, образуя S-видный крючок (рис. 12: 7–9). Такие предметы происходят из п. 3 кургана № 15, п. 33 и п. 36 раскопа II. Ко второму типу относятся изделия, изготовленные из пластины, один конец которой раскован в виде щитка (рис. 12: 4–6, 10). Эти предметы были встречены в п. 14, п. 24, п. 29, п. 32 и п. 39 раскопа II.

Железные браслеты (3 экз.) найдены в двух женских погребениях (п. 26 раскопа II, п. 9 раскопа III). Из п. 26 происходит два несомкнутых браслета (рис. 10: 37). Браслет в 1,5 оборота находился на костях предплечья правой руки, браслет в 2 оборота – на запястье левой руки. Третий браслет, происходящий из п. 9, найден во фрагментах на дне могилы (рис. 10: 36). Его форму установить не представляется возможным.

Перстни (2 экз.) найдены в двух погребениях раскопа II (п. 14, п. 48). По материалу перстни делятся на бронзовые и железные. Бронзовый бесщитковый перстень изготовлен из дрота подтреугольной в сечении формы (рис. 10: 35). Был зафиксирован на фаланге указательного пальца правой руки погребенной. Сильно коррозированный железный перстень со щитком округлой формы происходит из мужского захоронения (рис. 10: 29). Этот перстень располагался на фаланге пальца левой руки.

Наконечники стрел (188 экз.) найдены в двадцати одном погребении. По материалу изделия делятся на бронзовые, железные и костяные. **Бронзовые наконечники стрел** (95 экз.) обнаружены в семнадцати погребениях (п. 1 кургана № 41, п. 1 кургана № 15, п. 1 кургана № 51, п. 5 кургана № 15, п. 5 (1) кургана № 51, п. 6, п. 20, п. 21, п. 23, п. 24, п. 32, п. 34, п. 37, п. 43, п. 46, п. 48 раскопа II, п. 8 раскопа III). Они представлены трехлопастными наконечниками с внутренней (51 экз.) и с выступающей (20 экз.) втулками (рис. 12: 28–31). Авторы в силу ряда причин не смогли разделить 23 наконечника стрел по форме втулки из п. 1, п. 5 кургана № 51 и п. 33 раскопа II. **Железные наконечники стрел**, трехлопастные, черешковые (около 72 экз.), присутствовали в восьми (п. 3 кургана № 15, п. 5 кургана № 15, п. 6, п. 32, п. 34, п. 36, п. 37, п. 39 раскопа II) погребениях (рис. 12: 13–15). **Костяные наконечники стрел** (21 экз.) найдены в пяти погребениях раскопа II (п. 32, п. 34, п. 35, п. 36, п. 43). Они имеют преимущественно трехгранную головку (20 экз.), в одном случае – наконечник стрелы ромбовидный (рис. 12: 25), по

форме насада делятся на черешковые (10 экз., рис. 12: 25–27) и втульчатые (11 экз., рис. 12: 22–24). На одном костяном наконечнике из п. 34 раскопа II имеется искусственно нанесенная метка, вырезанная тонким резцом по одной из граней (рис. 12: 24).

В погребениях наконечники встречаются в различных сочетаниях. В двух случаях совместно находились бронзовые, железные и костяные стрелы. Совместные находения стрел из бронзы и железа и из кости и железа встречены в трех случаях для каждого сочетания. Бронзовые с костяными наконечниками стрелы были обнаружены совместно только в одном случае.

Ножи (25 экз.) найдены в двадцати пяти погребениях, из них шестнадцать относятся к мужским погребениям, восемь – к женским, и для одного погребения половая принадлежность не определена. По оформлению спинки делятся на два типа.

Ножи с выгнутой спинкой (6 экз.) найдены в четырех мужских (п. 1, п. 3 (к. 1) кургана № 41, п. 20, п. 43 раскопа II) и двух женских (п. 16, п. 44 раскопа II) погребениях (рис. 12: 2). Ножи располагались на тазовых костях с левой стороны либо у левой бедренной кости.

Ножи с прямой спинкой (19 экз.) найдены в двенадцати мужских (п. 5 (к. 1) кургана № 51, п. 1 кургана № 15, п. 9, п. 29, п. 30, п. 32, п. 34, п. 35, п. 36, п. 37, п. 39, п. 48 раскопа II) и шести женских (п. 4 кургана № 51, п. 3 кургана № 15, п. 11, п. 28, п. 30, п. 47 раскопа II) погребениях. Еще один нож содержался в п. 4 раскопа III (пол не определен) (рис. 12: 3). Ножи располагались на тазовых костях с правой стороны либо вдоль правой бедренной кости. В одном случае нож находился слева от черепа.

В п. 34 раскопа II зафиксировано навершие ножен в виде округлой уплощенной костяной шайбы со сквозными перекрещивающимися подпрямоугольными отверстиями для крепления к ножнам и к ноге ремешками (рис. 10: 30).

Кинжалы (1 экз.). Из разрушенного коллективного п. 3 (костяк 1) кургана № 41 происходит двулезвийный кинжал с серповидным навершием и прямым перекрестием (рис. 12: 1).

Железные удила (1 экз.). Единственный экземпляр происходит из п. 37 раскопа II (рис. 12: 11). Удила располагались между берцовыми костями погребенного. Данное изделие относится к двусоставным удилам без псалий, изготовлено из четырехгранного дрота.

Каменные оселки (2 экз.) найдены в двух мужских погребениях (п. 20, п. 43) раскопа II. Они располагались в области пояса погребенных. Оселок из п. 21 имеет подтреугольную форму (рис. 12: 16), из п. 43 – подпрямоугольную (рис. 12: 17). В

широкой части изделий имеется сквозное отверстие.

Костяные проколки (4 экз.) найдены в четырех погребениях (п. 20, п. 33, п. 37, п. 39) раскопа II. Все проколки происходят из мужских воинских погребений. Они зафиксированы острием вниз в области берцовых костей погребенных. Изделия изготовлены из округлого в сечении стержня, заостренного с одной стороны (рис. 12: 18–21). Одно из них представлено обоюдоострым изделием (рис. 12: 18). На двух проколках у основания рукояти гвоздеобразной формы имеется сквозное отверстие (рис. 12: 20, 21).

Железные шилья (2 экз.) найдены в п. 4 кургана № 51 и п. 6 раскопа III.

Керамическая посуда (2 экз.) найдена в двух женских погребениях (п. 14 раскопа II, п. 7 раскопа III). Сосуды круглодонные, неорнаментированные, оранжево-коричневого цвета с черными подпалинами от кострового обжига (рис. 8: 2–4). В тесте одного из них (п. 14 раскопа II) визуальное фиксируется примесь раковины (рис. 8: 2). Керамический сосуд из п. 14 находился с внешней стороны нижней части левой ноги, в п. 7 развал сосуда располагался между южной стенкой и тазовыми костями.

Железный скобель с обломанной рукоятью и загнутым кончиком лезвия найден в п. 3 (костяк 3) кургана № 41 (рис. 12: 12).

Керамическое пряслице (1 экз.) обнаружено в заполнении насыпи кургана № 41. Оно представлено в форме усеченного конуса со сквозным отверстием (рис. 8: 3).

Изделия неясного использования (3 экз.). Отнесены две круглые в сечении трубочки с усеченной большей частью длины и фрагмент железной пластины овальной формы.

Трубочки найдены в двух мужских погребениях раскопа II. Изделие из п. 9 бронзовое (рис. 10: 32), из п. 33 – костяное (рис. 10: 33). Местоположение этих предметов относительно костяка различается. Бронзовое изделие находилось на тазовых костях погребенного, костяное – между бедренными костями. В комплекте с бронзовым изделием было зафиксировано бронзовое плоское кольца с орнаментом в виде полугорошин по внешнему краю и петлей на обороте (рис. 10: 28). В литературе встречаются различные определения для трубочек (Голдина, Красноперов, 2012, с. 77). Железная пластина найдена в мужском п. 37 раскопа II, у сохранившегося края имеется заклепка (рис. 10: 31).

Датировка комплексов могильника

Погребальный инвентарь Кипчаковского I курганно-грунтового могильника можно с уверенностью отнести к кругу пьяноборских древностей.

Подавляющее большинство вещей имеют многочисленные аналоги в могильниках пьяноборской культуры, сложившейся в Прикамье в конце I тысячелетия до нашей эры. Многие категории и типы вещей бытуют в течение всего периода существования культуры, что вызывает сложности при хронологизации погребальных комплексов.

Исследования Кипчаковского могильника дали чрезвычайно богатый материал по истории раннего этапа пьяноборской культуры. Среди предметов погребального инвентаря, которые обладают признаками хроноиндикаторов и которые можно было бы отнести к наиболее раннему времени, следует отметить восьмеркообразные и кольцевые бронзовые застёжки, эполетообразные одножгутовые застёжки, а также бронзовые наконечники стрел.

В коллекции из раскопок Ф.М. Тагирова четыре восьмеркообразные и двадцать кольцевых бронзовых застёжек, четыре эполетообразные застёжки с одним жгутом, одна железная эполетообразная застёжка с одним штырем и четыре железные кольцевые застёжки с неподвижным штырем-язычком, лежащим в одной плоскости с рамкой.

М.Г. Мошкова относит появление восьмеркообразных застёжек в прохоровских памятниках к рубежу III–IV вв. до н. э., основная масса их отнесена к III–II вв. до н. э. (Мошкова, 1963, табл. 23; 24; 25). На территории пьяноборской культуры восьмеркообразные застёжки встречены в комплексах II Деуковского, Урманаевского, III Кушулевского могильников и могильников Чеганда II, Ныргында II, Старый Чекмак (Агеев, 1992, с. 115). Две восьмеркообразные застёжки в погребении 318 III Кушулевского могильника сочетаются с кольцевыми застёжками и эполетообразной застёжкой с одним жгутом. Кольцевые застёжки, распространенные в прохоровской культуре, были встречены также в Урманаевском, II Кушулевском, Старо-Киргизовском, Камышлы-Тамакском, Биктимировском могильниках, а также в могильнике Чеганда II (Агеев, 1992, с. 115). М.Г. Мошкова также относит их к III–II вв. до н. э. (Мошкова, 1963, табл. 25).

Б.Б. Агеев датировал сочетания восьмеркообразных и кольцевых застёжек в пьяноборских памятниках концом II–I вв. до н. э. (Агеев, 1992, с. 56). В нашем случае оба вида застёжек обнаружены вместе в трех погребениях (п. 2 кургана № 51, п. 5 кургана № 51 и п. 14 раскопа II). В коллективном погребении 5 кургана № 51 две восьмеркообразные обувные застёжки одного костяка с кольцевой поясной застёжкой другого сочетались с бронзовыми наконечниками стрел, исчезающими во II в. до н. э. (Мошкова, 1962, с. 82).

Таким образом, исходя из принятых в литературе датировок, опираясь на находки кольцевых

и восьмеркообразных застёжек, эполетообразных застёжек, а также учитывая отсутствие среди инвентаря вещей, которые с достаточно высокой степенью достоверности можно было бы отнести к более раннему времени, мы можем отнести нижнюю хронологическую границу Кипчаковского I могильника ко времени не ранее II в. до н. э.

Пожалуй, наиболее характерным для пьяноборской культуры типом вещей являются височные подвески. На сегодняшний день неизвестно ни одного пьяноборского могильника, в комплексах которого височные подвески не были бы обнаружены. Встречаются они также в ананьинских и кара-абызских памятниках. По мнению А.П. Смирнова, они типичны для таврских погребений Крыма первых веков нашей эры (Смирнов, 1952). Пьяноборские подвески отличаются от ананьинских более длинными спиральновитыми коническими трубами, а от кара-абызских более плотным расположением витков и более толстой проволокой, используемой в изготовлении данного вида украшений. Височные витые и гофрированные подвески оставались практически неизменными на протяжении всего времени существования пьяноборской культуры. Использовать их в датировании, таким образом, на сегодняшний день не представляется возможным.

Появление листовидных подвесок (есть мнение о принадлежности этих украшений к серьгам) В.Ф. Генинг относит к I в. н. э. В нашем случае они найдены в одном погребении с ажурными накладками и восьмеркообразной застёжкой (п. 14 раскопа II), которые В.Ф. Генинг датирует III–II вв. до н. э. Это позволяет отнести появление данного типа украшений к раннему этапу пьяноборской культуры. Подобную датировку отчасти подтверждает и то, что литые подвески, из которых, возможно, расковывались листовидные, известны уже на ранних этапах пьяноборской культуры (Генинг, 1970, рис. 20).

Хронология наконечников стрел раннего железного века в разное время привлекала к себе внимание многих известных исследователей (Смирнов, 1961; Мошкова, 1962; Мелюкова, 1964; Хазанов, 1971, Агеев, 1976; 1992) и, как следствие, на данный момент достаточно хорошо разработана, что позволяет нам обратиться к данной категории погребального инвентаря. Таблица 2 иллюстрирует распределение найденных наконечников стрел по погребениям. В коллекции присутствуют наконечники стрел из бронзы, железа и кости из 21 погребения. Бросается в глаза преобладание в колчанах только бронзовых наконечников стрел (12 погр.) над железными (3 погр.). При этом хорошо фиксируются 5 погребений с совместным нахождением в колчане бронзовых и железных наконечников

стрел, что фиксирует переход от использования бронзовых стрел к железным. В данном контексте мы уже определяли время бытования бронзовых наконечников стрел до середины I века до н. э., совместное использование бронзовых и железных наконечников стрел, по нашему мнению, приходится на середину – вторую половину I века до н. э. К началу I века н. э. полностью утвердились в колчаных наборах железные наконечники стрел (Зубов, Саттаров, 2018). Наши выводы близки к точке зрения Б.Б. Агеева о бытовании бронзовых наконечников стрел вплоть «до первых веков нашей эры» (Агеев, 1976, с. 12; 1992, с. 56). Присутствие костяных наконечников, как нам кажется, не позволяет на сегодняшний момент уточнить или откорректировать данные хронологические позиции.

Относительно большое количество бронзовых наконечников в сочетании с восьмеркообразными, кольцевыми и эполетообразными с одним жгутом застежками указывает на раннее время функционирования могильника. К этому времени следует отнести и кинжал с серповидным навершием и прямым перекрестием. В сарматских древностях подобное оружие обычно коррелируется с ранне-сарматским временем, бытование которых исследователи доводят до I в. до н. э. (Хазанов, 1971, Скрипкин, 1990, с. 119).

Выстраивание хронологической позиции исследованных Ф.М. Тагировым погребальных комплексов Кипчаковского могильника невозможно без привлечения достаточно большого корпуса бусинного материала, в основе своей происходящего из античных центров Северного Причерноморья. На основании анализа обработанного Р.Р. Саттаровым бусинного материала (Саттаров, 2019), который был построен на основе хронологических схем и классификационных разработок Е.М. Алексеевой (1978), мы можем говорить о двух этапах поступления этой категории находок к пьяноборскому населению. Ряд одноцветных бус (типы 193г, 15, 16 по Е.М. Алексеевой) и бус с металлической прокладкой (тип 1а по Е.М. Алексеевой) в материалах пьяноборской культуры соотносятся с первым этапом распространения импортных предметов и датируется концом II–I вв. до н. э. При этом все типы, кроме типа 193г, бытуют и позже. Ко второму этапу распространения импортных предметов в пьяноборской среде можно отнести одноцветные бусы (типы 1, 2, 13, 101, 166), которые наиболее широко были распространены в I–II вв. н. э. Кроме этого, следует отметить, что каменные бусины и раковины каури также отно-

сятся к этому времени. Отсутствие в публикуемых материалах Кипчаковского могильника вещей, характерных исключительно для II века (Голдина, Бернц, 2016), позволяет ограничить верхнюю дату исследованных комплексов I в. н. э.

Таким образом, подводя итог всему вышесказанному, можно сделать вывод о том, что наиболее вероятным временем совершения захоронений на исследованной Ф.М. Тагировым части Кипчаковского I могильника является II–I вв. до н. э., может быть до I в. н. э. включительно.

Анализируя распределение погребального инвентаря, можно выделить раннюю и позднюю группы погребений. Наиболее ранними, на наш взгляд, являются подкурганые захоронения. Погребения грунтовой части могильника видятся более поздними.

Исходя из этого, картина образования Кипчаковского I могильника представляется следующей: наиболее ранними являются подкурганые захоронения. Курганы были сооружены пришлым населением в соответствии с присущей ему погребальной обрядностью, вокруг которых стали производить более поздние грунтовые захоронения, оставленные ассимилированным населением. В этой связи для нас представляют интерес Нагаевские (Овсянников, 1995), Акбердинские курганы и Шиповский могильник (Пшеничнюк, 1986; Овсянников и др., 2007), состоящий из курганных и грунтовых захоронений, исследованные на территории среднего течения р. Белой. Вполне допустимо рассматривать переселение части населения (преимущественно мужского), оставившего эти памятники, на северо-запад, в район Икско-Бельского междуречья, которое приняло активное участие в формировании пьяноборской культуры.

Эти наблюдения и предположения, по нашему мнению, смогут приобрести большую четкость при будущих исследованиях Кипчаковского городища. Неравномерность объемов полевых исследований этих двух объектов единого археологического комплекса актуализирует перед специалистами задачу проведения более масштабных работ на территории одного из самых крупных городищ раннего этапа развития пьяноборской культуры с применением самых разнообразных естественнонаучных методик.

В целом, Кипчаковский археологический комплекс следует рассматривать как один из основополагающих реперных памятников раннего железного века для понимания процессов формирования пьяноборской культуры в Икско-Бельском междуречье.

ГЛАВА 5. КИПЧАКОВСКИЙ КОМПЛЕКС ПАМЯТНИКОВ

Таблица 1

Сводная таблица ориентировок костяков из погребений Кипчаковского могильника

Ориентировка костяков	Количество могил	Количество костяков	Направление ориентировки	Количество костяков
Восток	16	16	восточное	21
Восток-юго-восток	3*	3		
Восток-северо-восток	2	2		
Северо-восток	7**	9	северо-восточное	9
Юго-восток	2	2	юго-восточное	2
Юго-юго-запад	3	3	южное	8
Юг	5	5		
Запад	2	2	западное	2
Запад-северо-запад	1*	1		
Север	1	1	северное	1
Всего	42	44		44

* – Погребение 5 кургана №51 содержало два костяка, ориентировка которых была противоположной, костяки располагались ногами друг к другу.

** – Погребение 3 кургана №41 содержало три костяка с одинаковой ориентировкой.

Таблица 2

Взаимовстречаемость наконечников стрел из погребальных комплексов
Кипчаковского I курганно-грунтового могильника

№ п/п	Шифр погребения	Бронзовые наконечники стрел	Железные наконечники стрел	Костяные наконечники стрел
1	п. 33 раскопа II	20		
2	п. 20 раскопа II	14		
3	п. 43 раскопа II	13		5
4	п. 1 кургана №41	11		
5	п. 8 раскопа III	5		
6	п. 48 раскопа II	5		
7	п. 21 раскопа II	3		
8	п. 5(1) кургана №51	3		
9	п. 1 кургана №51	1		
10	п. 24 раскопа II	1		
11	п. 1 кургана №15	1		
12	п. 46 раскопа II (женское)	1		
13	п. 37 раскопа II	5	2	
14	п. 34 раскопа II	5	12	5
15	п. 5 кургана №15	3	1-2?	
16	п. 32 раскопа II	2	9?	4
17	п. 29 раскопа II	1	25?	
18	п. 39 раскопа II		11?	
19	п. 3 кургана №15		2	
20	п. 36 раскопа II		8	2
21	п. 35 раскопа II			4
	ИТОГО:	17 погр.	8 погр.	5 погр.

РАННИЙ ЖЕЛЕЗНЫЙ ВЕК

Таблица 3

Размеры могильных ям (в см)

№ погр.	длина	ширина	глубина*	соотношение длины к ширине	ориентировка могилы	наличие вкопа	пол**
к.52, п.1	227	133	202	1,706	С-Ю	да	
к.51, п.1	280	130	270	2,154	ЗСЗ-ВЮВ	да	М
к.51, п.2	273	135	145	2,022	ЮЗ-СВ	да	Ж
к.51, п.3	170	80	115	2,125	ЗСЗ-ВЮВ	?	?
к.51, п.4	240	45	115	5,333	З-В	–	Ж
к.51, п.5	178	70	127	2,543	ЗСЗ-ВЮВ	да	М/?
к.41, п.1	180	53	120	3,396	ЮЗ-СВ	–	М
к.41, п.2	150	50	95	3,000	СЗ-ЮВ	да	?
к.41, п.3	190	277	95	0,685	ЮЗ-СВ	да	М/?/?
р.III, п.4	206	71	66	2,901	З-В	да	?
р.III, п.5	192	40	67	4,800	З-В	да	Ж-?
р.III, п.6	198	74	93	2,676	С-Ю	да	?
р.III, п.7	240	80	104	3,000	З-В	?	Ж
р.III, п.8	234	71	75	3,296	ЮЗ-СВ	да	М
р.III, п.9	180	60	80	3,000	СЗ-ЮВ	да	Ж
к.15, п.1	245	75	60	3,267	СЗ-ЮВ	–	М
к.15, п.2	270	72	150	3,750	СЗ-ЮВ	да	?
к.15, п.3	255	48	105	?	ЮЗ-СВ	–	Ж-?
к.15, п.4	126	46	100	2,739	ЮЗ-СВ	да	Дж
к.15, п.5	150	55	105	2,727	ЮЗ-СВ	да	Дм
р.II, п.6	218	65	84	3,354	ЮЗ-СВ	да	?
р.II, п.7	?	?	45	?	?	–	Дж
р.II, п.8	200	71	60	2,817	СЗ-ЮВ	?	?
р.II, п.9	260	70	88	3,714	З-В	–	М
р.II, п.10	166	73	80	2,274	З-В	да	Ж
р.II, п.11	160	66	66	2,424	З-В	–	Ж
р.II, п.12	260	76	105	3,421	З-В	да	?
р.II, п.13	230	93	130	2,473	ЗСЗ-ВЮВ	да	?
р.II, п.14	220	70	100	3,143	З-В	–	Ж
р.II, п.15	255	90	120	2,833	З-В	да	?
р.II, п.16	230	65	105	3,538	З-В	–	Ж
р.II, п.17	210	80	105	2,625	З-В	да	?
р.II, п.18	270	88	120	3,068	З-В	да	?
р.II, п.19	255	93	120	2,742	З-В	да	?
р.II, п.20	266	65	114	4,092	З-В	–	М
р.II, п.21	260	95	128	2,737	СЗ-ЮВ	да	М
р.II, п.22	218	61	118	3,574	СЗ-ЮВ	да	?
р.II, п.23	200	65	134	3,077	С-Ю	да	?
р.II, п.24	180	43-?	85	4,186	ЗСЗ-ВЮВ	?	М
р.II, п.25	180	63	105	2,857	З-В	да	Ж-?
р.II, п.26	160	55	120	2,909	ССВ-ЗЮЗ	–	Дж
р.II, п.27	250	65	104	3,846	С-Ю	да	Ж
р.II, п.28	200	62	105	3,226	ЮЮЗ-ССВ	–	Ж
р.II, п.29	180	48	103	3,750	ЗСЗ-ВЮВ	да	М
р.II, п.30	216	64	106	3,375	З-В	да	Ж
р.II, п.31	147	55	74	2,673	З-В	да	Ж
р.II, п.32	225	70	80	3,214	З-В	–	М
р.II, п.33	234	42-?	61	5,571	З-В	да	М
р.II, п.34	240	85	87	2,824	З-В	–	М
р.II, п.35	210	60	93	3,500	ССВ-ЮЮЗ	–	М
р.II, п.36	250	85	90	2,941	ССЗ-ЮЮВ	–	М
р.II, п.37	245	79	80	3,101	З-В	–	М
р.II, п.38	245	70	77	3,500	С-Ю	да	?
р.II, п.39	247	77	98	3,208	С-Ю	–	М
р.II, п.40	195	64	76	3,047	З-В	да	?
р.II, п.41	155	45	41	3,444	З-В	–	?
р.II, п.42	100	45	78	2,222	З-В	да	Дж
р.II, п.43	252	64	80	3,938	С-Ю	–	М
р.II, п.44	235	77	72	3,052	С-Ю	–	Ж
р.II, п.45	198	90	82	2,200	ВСВ-ЗЮЗ	–	?
р.II, п.46	230	70	96	3,286	ВСВ-ЗЮЗ	да	М-?
р.II, п.47	232	105	91	2,210	СВ-ЮЗ	да	Ж
р.II, п.48	258	90	105	2,867	СВ-ЮЗ	да	М
р.II, п.49	140	85	68	1,647	З-В	да	?

* – глубина погребений дана от уровня современной поверхности; ** – половая принадлежность определялась по вещевому инвентарю; *** Д – детское, неопределенное по полу; Дм – мальчик; Дж – девочка; ? – не определенное по полу

ГЛАВА 6

БАССЕЙН РЕКИ ВЯТКИ НА РУБЕЖЕ ЭР

Корпус археологических источников в бассейне р. Вятки рубежа I тыс. до н. э. – I тыс. н. э. многочислен, а культурное единство памятников было обозначено лишь во второй половине – конце XX столетия. Вместе с тем отдельные памятники известны с XIX в., прежде всего благодаря работам С.К. Кузнецова на могильнике «Атамановы Кости» (1877, 1881 гг.), им же получены первые сведения о Воробьевском могильнике. В 1887–1988 гг. А.А. Спицын, обследуя вятские укрепленные поселения, начинает раскопки Буйского городища, дальнейшие исследования которого выявили значительный материал рубежа эр. В научный оборот А.А. Спицыным вводится информация о Никульчинском, Вершинятском, Скорняковском, Кривоборском, а П.А. Пономаревым – об Аргыжском городищах, которые с точки зрения сегодняшнего знания с большой долей вероятности функционировали в среднепьяноборское время. В 20–30 гг. XX в. источниковая база пополняется материалами сборов 1919 г. и раскопок в 1927 г. М.Г. Худяковым Воробьевского могильника; рекогносцировочными раскопками в 1929 г. М.В. Талицким Буйского городища. Значимым этапом в изучении древностей первой половины I тыс. н. э. в Вятском бассейне были работы в 1955–1956 гг. В.Ф. Генинга на Буйском городище, Азелинском и Суворовском могильниках. Яркие и оригинальные материалы, полученные прежде всего при раскопках некрополей, дали основание В.Ф. Генингу выделить их в самостоятельную азелинскую археологическую культуру III–V вв. н. э. (Генинг, 1963), в карту которой были включены Воробьевский и «Атамановы Кости» могильники. Идею о выделении азелинской культуры в эти годы активно оспаривает А.П. Смирнов, который вслед за М.Г. Худяковым относил вятские могильники первой половины I тыс. н. э. к пьяноборской археологической культуре III в. до н. э. – V в. н. э., включая Воробьевский и «Атамановы Кости» могильники во 2-й этап (I–III вв.) пьяноборья (Смирнов, 1964). Масштабные археологические исследования в бассейне р. Вятки осуществляются в 1970–90-е гг. при ведущей роли Камско-Вятской археологической экспедиции Удмуртского госуниверситета под ру-

ководством Р.Д. Голдиной. В частности, открыт и изучен Ошкинский могильник конца I–III в. н. э. (Лещинская Н.А.), выявлена группа ранних погребений на Первомайском могильнике конца I–V в. н. э. (Макаров Л.Д., Голдина Р.Д.). Раскопки на Никульчинском (Макаров Л.Д.), Аргыжском (Черных Е.М., Ванчиков В.В.), Кривоборском (Лещинская Н.А.), Вершинятском (Шутова А.В.) городищах позволили сделать предположение о возможном использовании их площадок в среднепьяноборское время. В 1976–1981 гг. специалистами ИЯЛИ Коми филиала АН СССР (Ашихмина Л.И.) и Удмуртского госуниверситета (Шутова Н.И.) полностью изучено многослойное Буйское городище. В 1976 г. сотрудниками Удмуртской археологической экспедиции Удмуртского института истории, языка и литературы УрО АН СССР в левобережной части р. Чепцы, левого притока р. Вятки, было обнаружено несколько погребений II–III в. Городищенского могильника (Наговицын Л.А.). В 1993 г. в ходе археологического обследования окрестностей г. Кирово-Чепецка экспедицией Кировского областного краеведческого музея (Сенникова Л.А.) собран подъемный материал II–VI в. с разрушенного Баевского могильника. В результате сформировался небольшой, но выразительный источник, позволяющий выявить особенности вятского корпуса археологических памятников рубежа I тыс. до н. э. – I тыс. н. э.

В научном сообществе по культурной атрибутике вятских памятников этого времени сложилось в основном две традиции. Вслед за В.Ф. Генингом (1963), П.Н. Старостинным (1990; 1997; 2001) считать их появление результатом смещения части чегандинского населения из Камско-Бельского междуречья на территорию вниз по Каме, вплоть до Волги и на Вятку и относить к раннему этапу (II–III вв.) формирования классической азелинской археологической культуры III–V вв. Эта точка зрения поддерживалась Б.Б. Агеевым (1992), А.Х. Халиковым (1992), позиционируется в работах казанских, марийских исследователей. Вторая традиция восходит к мнению М.Г. Худякова (1933), А.П. Смирнова (1964), рассматривающих памятники азелинского типа

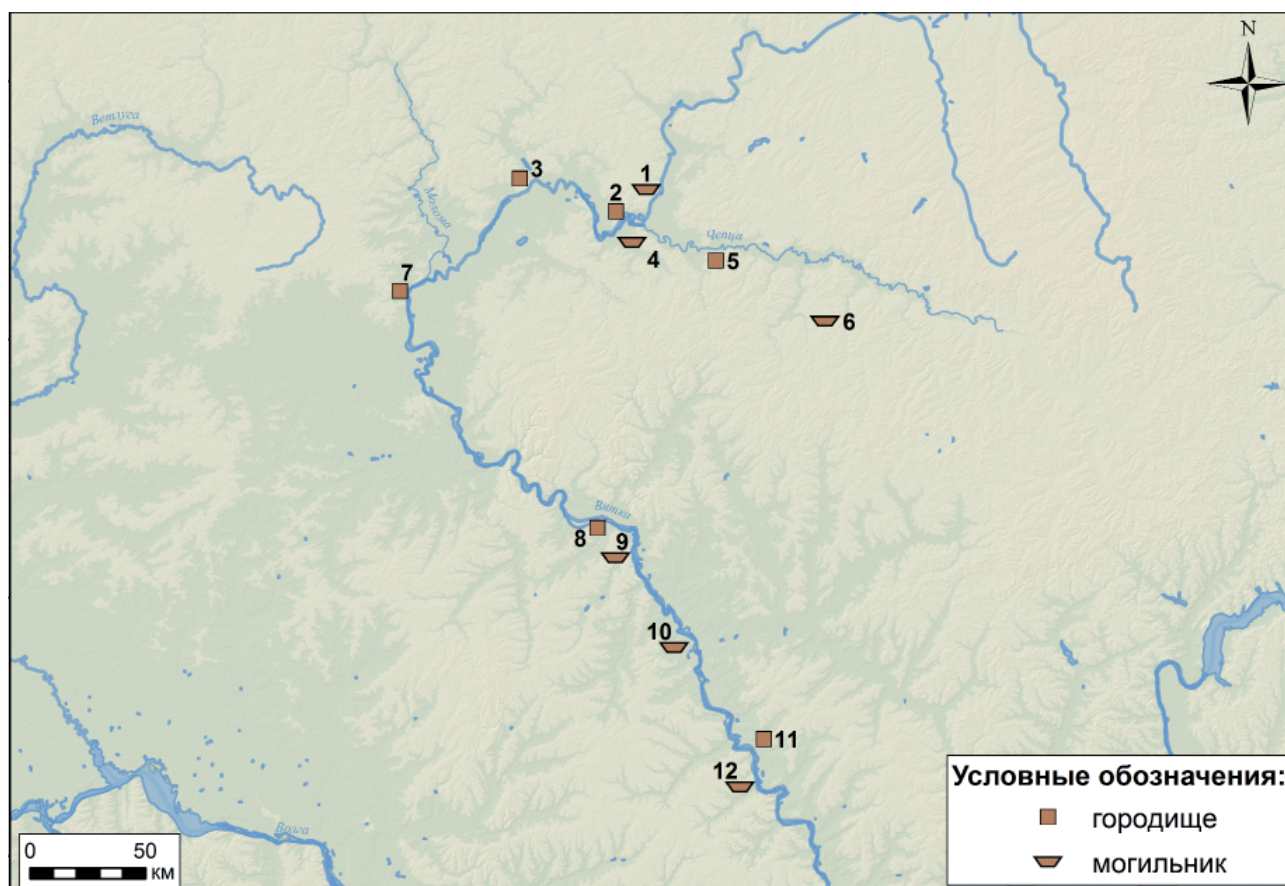

Рис. 1. Распространение основных пьяноборских памятников рубежа эр бассейна р. Вятки

1 – Первомайский могильник; 2 – Никольчинское городище; 3 – Вершинятское городище; 4 – Баевский могильник; 5 – Кривоборское городище; 6 – Городищенский могильник; 7 – Скорняковское городище; 8 – Буйское городище; 9 – Ошкинский могильник; 10 – Воробьевский могильник; 11 – Аргыжское городище; 12 – Атамановы Кости, могильник

поздним этапом пьяноборской культуры. Это положение поддержано и обосновано Р.Д. Голдиной (Голдина, 1987; 1999; Голдина, Лещинская, 2018). Древности первой половины I тыс. н. э. на Вятке объединены Р.Д. Голдиной в худяковскую археологическую культуру – вятский локальный вариант пьяноборской культурно-исторической общности с истоками в местной ананьинско-раннепьяноборской среде. Памятники конца I – начала III вв. составляют первую «ошкинскую» стадию развития худяковской культуры, хронология которой обоснована эволюцией погребальных комплексов (Лещинская, 2014). Возможность для удревления этих дат связана с перспективой выделения переходного ананьинско-раннепьяноборского городищенского комплекса керамики.

Известные вятские памятники рубежа эр группируются в среднем и нижнем течении р. Вятки, преимущественно на правом берегу, и на левом берегу нижнего течения р. Чепцы, левого притока р. Вятки (рис. 1). Источниковая база для периода первых веков н. э. представлена в основном материалами 6 погребальных памятников. Среди них полностью изученные Ошкинский могильник

конца I – III в. (32 погребения, из них 15 с четкими комплексами конца I – начала III в.) и Первомайский некрополь конца I – V в. (12 погребений раннего облика из 76). Информативны 4 погребения и вещевые сборы Воробьевского, 2 погребальных комплекса Городищенского могильников II–III вв., находки из разрушенных Баевского некрополя II–VI вв. и могильника «Атамановы Кости».

Могильники грунтовые, небольшие, занимают мысовые площадки коренных берегов Вятки, Чепцы или их притоки. Судя по Ошкинскому и Первомайскому некрополям, типично рядовое расположение могил. Захоронения совершались в могильных ямах подпрямоугольной формы с закругленными углами. Нередко фиксировались сильно сглаженные углы, при которых форма ямы стремилась к овальной. Стенки ям слегка наклонные, дно уплощенное. В устройстве нескольких могильных ям Ошкинского могильника выявлены подпрямоугольные углубления на 5–15 см в придонной части, в области преимущественно костей таза и ног, что в продольном профиле могилы фиксируется как уступ. Анализ могильных ям по размерам на основе антропологических определений

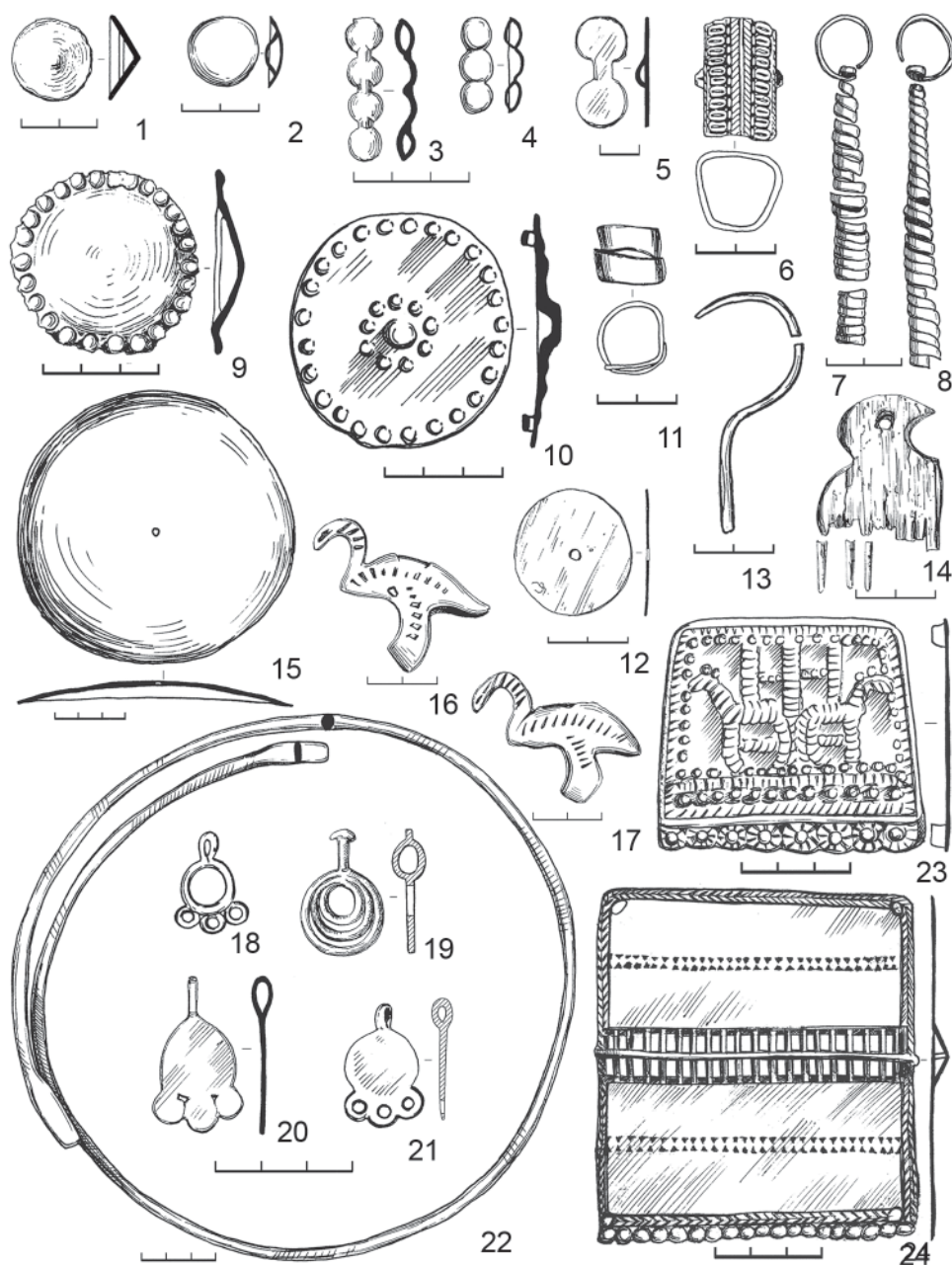

Рис. 2. Украшения из вятских могильников рубежа эр: 1–13, 15–24 – бронза; 14 – кость

Ошкинского могильника выявил, что показатели длины и ширины связаны с половозрастным составом погребенных и в целом соответствуют их антропологическим данным. Наиболее устойчивый диапазон глубины могильных ям ранних захоронений памятника во всех возрастных группах 30–50 см. (Лещинская, 2014, с. 17, 18). При этом жесткой связи между глубиной могил и количеством/качеством погребального инвентаря не выявляется. Пожалуй, только одно женское погребение, являясь самым глубоким (70 см), демонстрирует богатый и разнообразный по набору инвентарь (Лещинская, 2014, прил. I, табл. 34–37). О характере внутримогильных конструкций судить сложно ввиду малой информативности источника.

Можно предполагать, что, скорее всего, чаще применялись варианты мягкого обертывания. Косвенно на это может указывать характер компактного расположения костей и инвентаря, без следов коллод, в большинстве ранних захоронений Ошкинского некрополя. Незначительные фрагменты на дне от деревянных конструкций зафиксированы в единичных случаях (Лещинская, 2014, табл. XIX).

Все захоронения одиночные, совершены по обряду ингумации. Умершие укладывались вытянуто на спине. В расположении рук погребенных преобладает стандартная позиция – вдоль тела. В ориентации костяков чаще наблюдается просеверная направленность с отклонениями к востоку (Ошкинский могильник) или западу (Первомайский

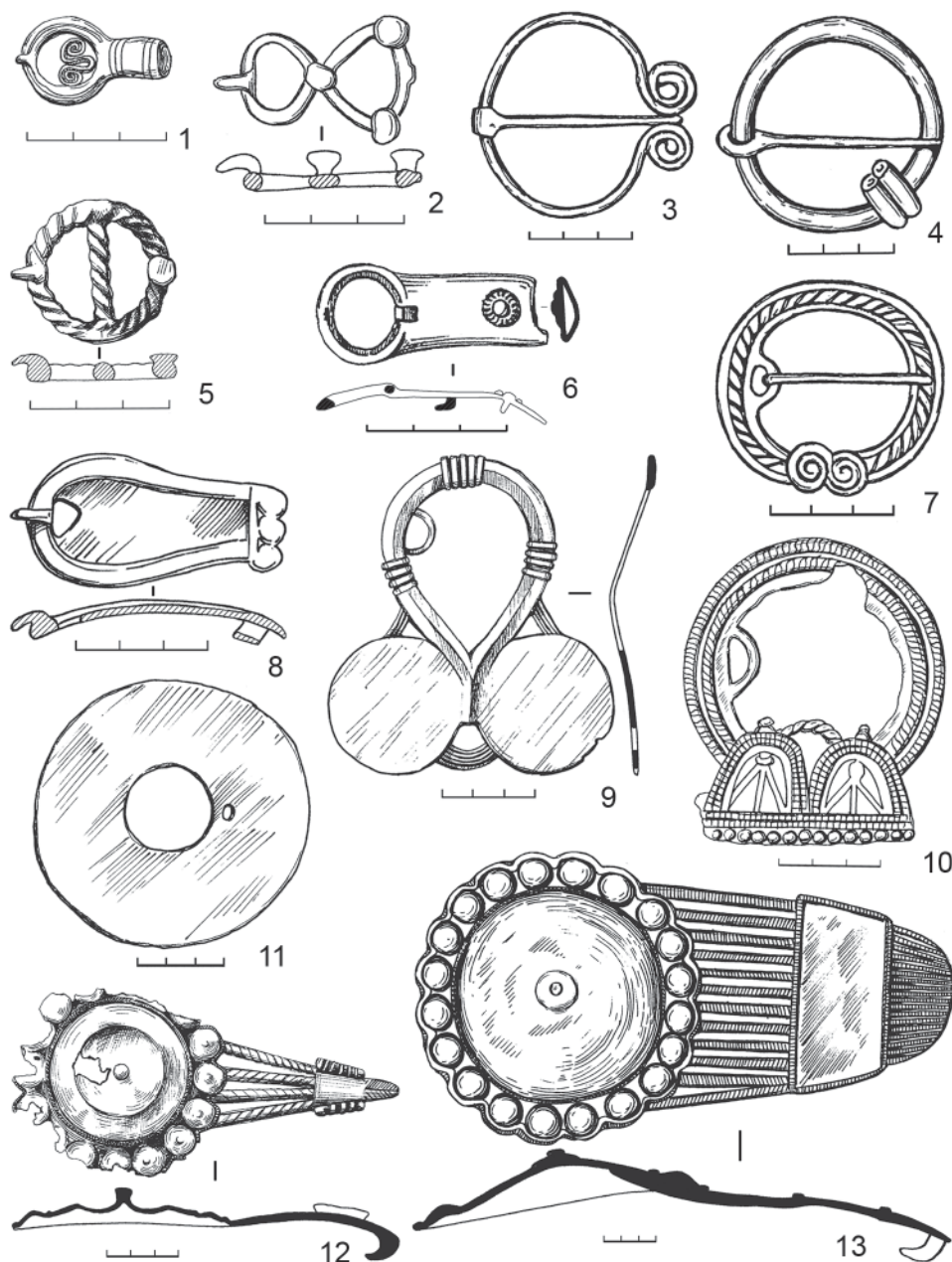

Рис. 3. Бронзовые застёжки из вятских могильников рубежа эр

могильник). Как правило, для каждого памятника характерна мононаправленность, за исключением Воробьевского могильника, где в равной пропорции зафиксирована северная и южная ориентация костяков. При этом все памятники демонстрируют общую особенность – погребенные укладывались ногами, реже головой, к реке. «Речная» ориентация умерших достаточно устойчивая традиция в погребальной практике пьяноборских культур Прикамья с истоками в ананьинской КИО и трансляцией в последующие периоды.

Большинство погребений сопровождаются инвентарем. Наибольшим разнообразием отличаются детали костюмного комплекса, которые располагались так, как использовались при жизни

ни, за исключением украшений, включенных в жертвенный комплекс. Для мужского костюма в основном характерны бляхи, железные рамчатые пряжки. Намного выразительнее женский костюм (рис. 4). Наиболее типичными его элементами были височные подвески в виде знака вопроса с конической витой трубицей; разные варианты бляшек – украшения головных уборов, платья, обуви; круглопроволочные или витые гривны, иногда с мелкими подвесками; лапчатые, зооморфные пронизки; пластинчатые нагрудные бляхи; сьюльгамы; бляхи-застежки; спиралевидные или крупные щитковые перстни (рис. 2; 3). Наиболее богатая поясная гарнитура (чаще встречаемая в жертвенных комплексах) включала эполетообраз-

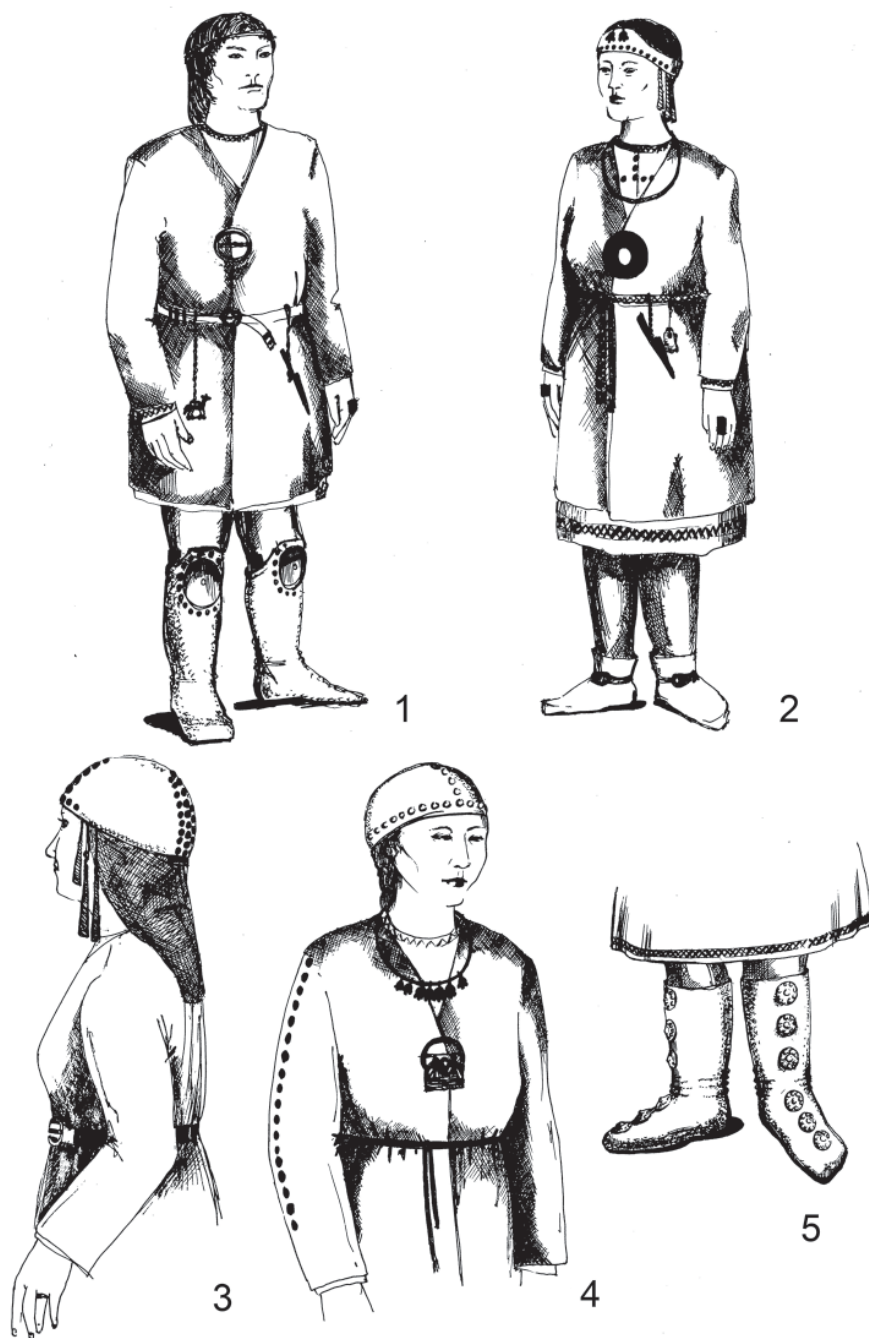

Рис. 4. Ошкинский могильник. Костюмные комплексы
1 – п. 27; 2 – п. 28; 3 – п. 11; 4 – п. 22; 5 – п. 25. Реконструкции выполнены Л.И. Липиной

ные застёжки (рис. 3: 12, 13), многозвеньевые бронзовые бляшки (рис. 2: 3, 4). Скорее всего, к поясу могла прикрепляться бронзовая пронизь с уточками на концах. Обувь украшалась и одновременно фиксировалась застёжками с неподвижным крючком, крупными бронзовыми прогнутыми бляхами. Вятский погребальный костюм первых веков н. э. демонстрирует как широкие параллели с камско-бельскими пьяноборскими памятниками, так и стилистическое своеобразие многих категорий украшений. Кроме того, в нем четко фиксируются истоки традиционного азелинского

костюма III–V вв. Это тип височных подвесок со свисающим витым стержнем, эполетообразные застёжки, бляхи-застёжки, сьюлгамы, пронизки, использование мотива коня в металлопластике. Богато украшенные азелинские шапочки стали развитием небольших круглых головных уборов на мягкой основе, орнаментированных мелкими полусферическими бляшками, из погребений Ошкинского могильника (рис. 4: 3, 4). Пластинчатые азелинские нагрудники, вероятнее всего, эволюционируют из массивных прямоугольных нагрудных блях II – начала III в. (рис. 2: 24).

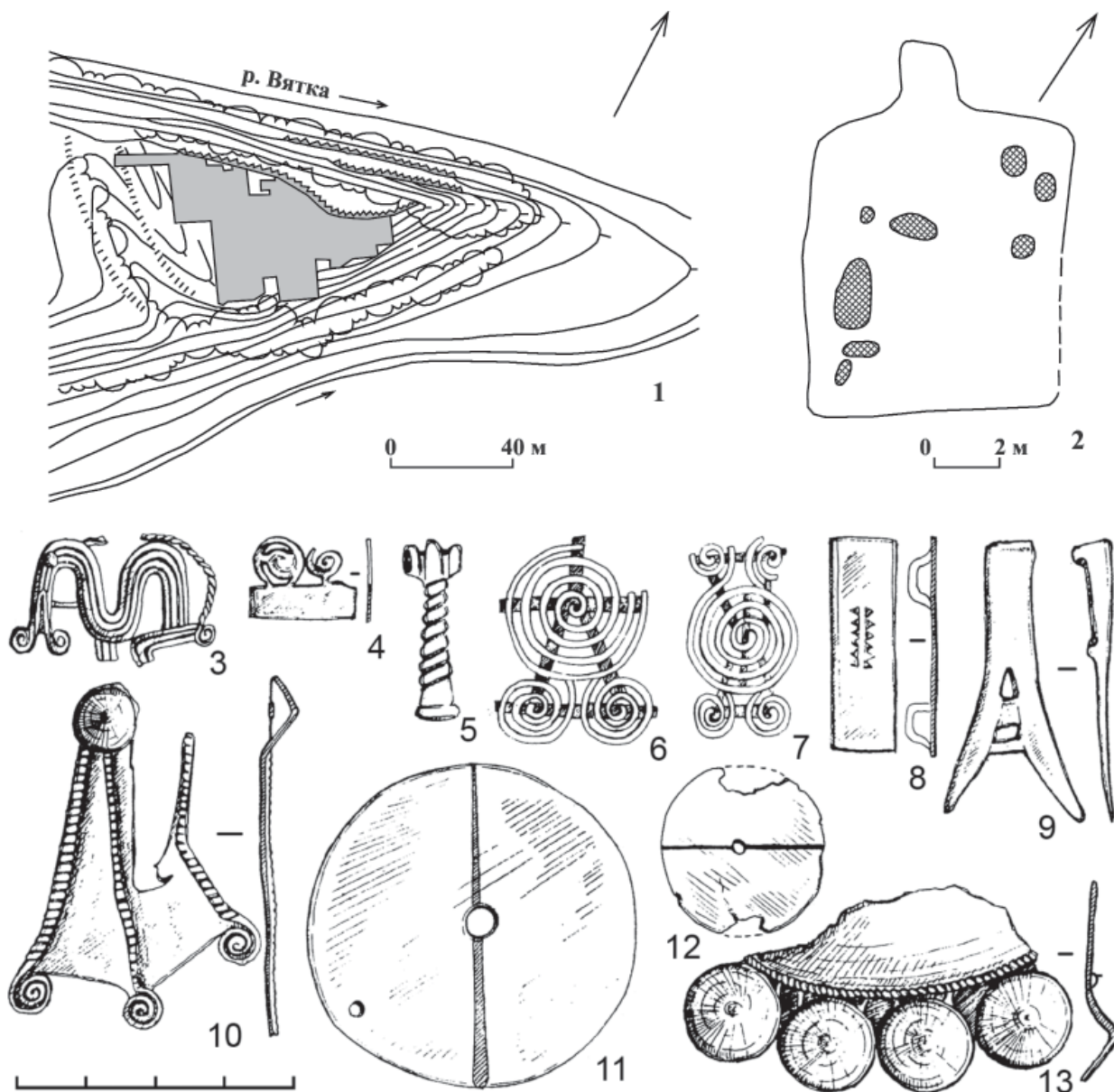

Рис. 5. Буйское городище

1 – общий план городища; 2 – жилище 5 (по: Черных, 2008), 3–13 – бронзовые украшения рубежа эр с площадки и жилищ

Наиболее распространенной категорией бытового инвентаря являются ножи, которые одинаково часто встречаются как в мужских, так и женских захоронениях всех возрастов. Расположение ножей в мужских погребениях в области пояса, бедренных костей предполагает их прикрепление к ремню. В женских захоронениях, кроме поясного крепления, достаточно часто ножи фиксировались в области груди. В большинстве женских захоронений находкам ножей сопутствуют шилья, в мужских погребениях ножи встречаются вместе с топорами. Другие орудия труда и бытовой инвентарь представлены единичными экземплярами: ложки, мотыжка, костяные крючок и гребешок. Возможно, преобладанием в выборке погребений

I – начала III вв. женских захоронений можно объяснить факт отсутствия предметов вооружения, за исключением находки двулезвийного меча в п. 2 Городищенского могильника (Наговицин, Семенов, 1978, с. 120, табл. II: 4). Судя по материалам Ошкинского могильника, наконечники стрел (преимущественно костяные), копий, предметы конской упряжи, меч появляются в основном в погребениях второй половины III в., и в целом воинская субкультура проявляется слабо. Это демонстрируют и ранние погребения Первомайского некрополя. Полностью отсутствует в вятских погребениях I – начала III вв. глиняная посуда.

Традиционным элементом погребального обряда вятских памятников I тыс. н. э. является разме-

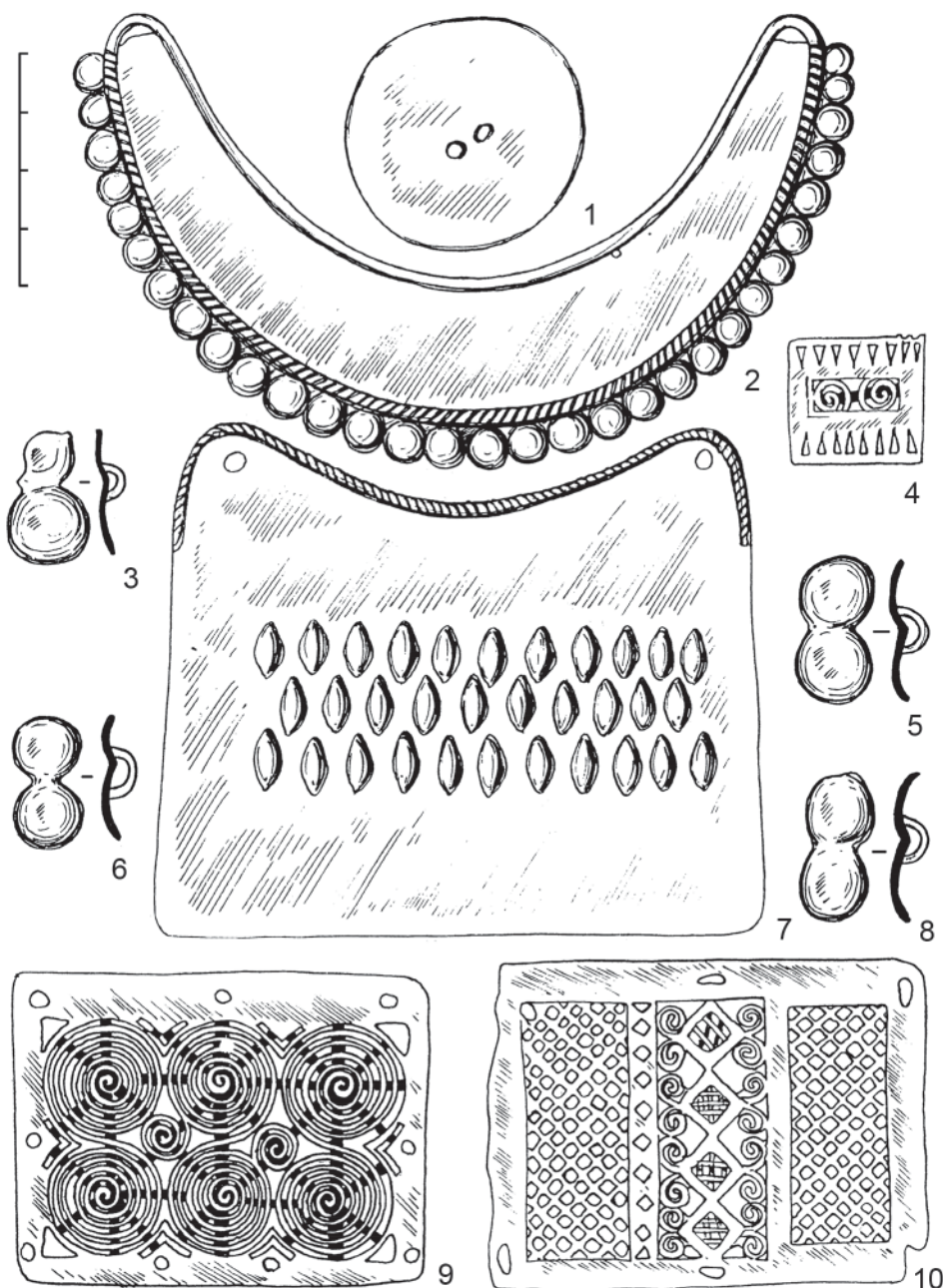

Рис. 6. Буйское городище

Бронзовые украшения из клада 1: 1, 3, 5, 6, 8 – бляшки; 2, 7 – шейно-нагрудные украшения; 4, 9, 10 – накладки

щение части инвентаря компактным скоплением в определенной части могильной ямы: «жертвенный комплекс» (по В.Ф. Генингу), «подарочный набор» (по Р.Д. Голдиной), «дары» (по И.В. Белоцерковской), «жертвенно-ритуальный комплекс» (по Т.Б. Никитиной). Самая ранняя группа вятских погребений с ЖК выявлена на Ошкинском могильнике. Из пяти захоронений с ЖК на памятнике 4 ЖК датируются II – началом III в. Все ранние ЖК сопровождают женские захоронения в возрасте от 11 до 35 лет (Лещинская, 2014, табл. XXXIII). Относительно костюма ЖК располагались в области ног (справа, слева вдоль ног или между ног в области колен). В качестве контейне-

ра для ЖК чаще выступала перевернутая крупная эполетообразная застежка, в единичных случаях кожаная и берестяная емкости. В состав ЖК входили шейно-нагрудные украшения: бисер, бронзовые бусы, нагрудные пластины, бляхи, бляшки, мелкие подвески, которые не дублировали металлопластику основного костюма. В большинстве случаев набор ЖК дополнялся элементами поясной гарнитуры: эполетообразными застежками, многозвеньевыми бляшками, пронизками-уточками, при отсутствии украшений и деталей ремня на костяке. Можно отметить, что в данном случае ЖК – это погребальный набор с дополнительными комплектами украшений костюма. В ЖК ино-

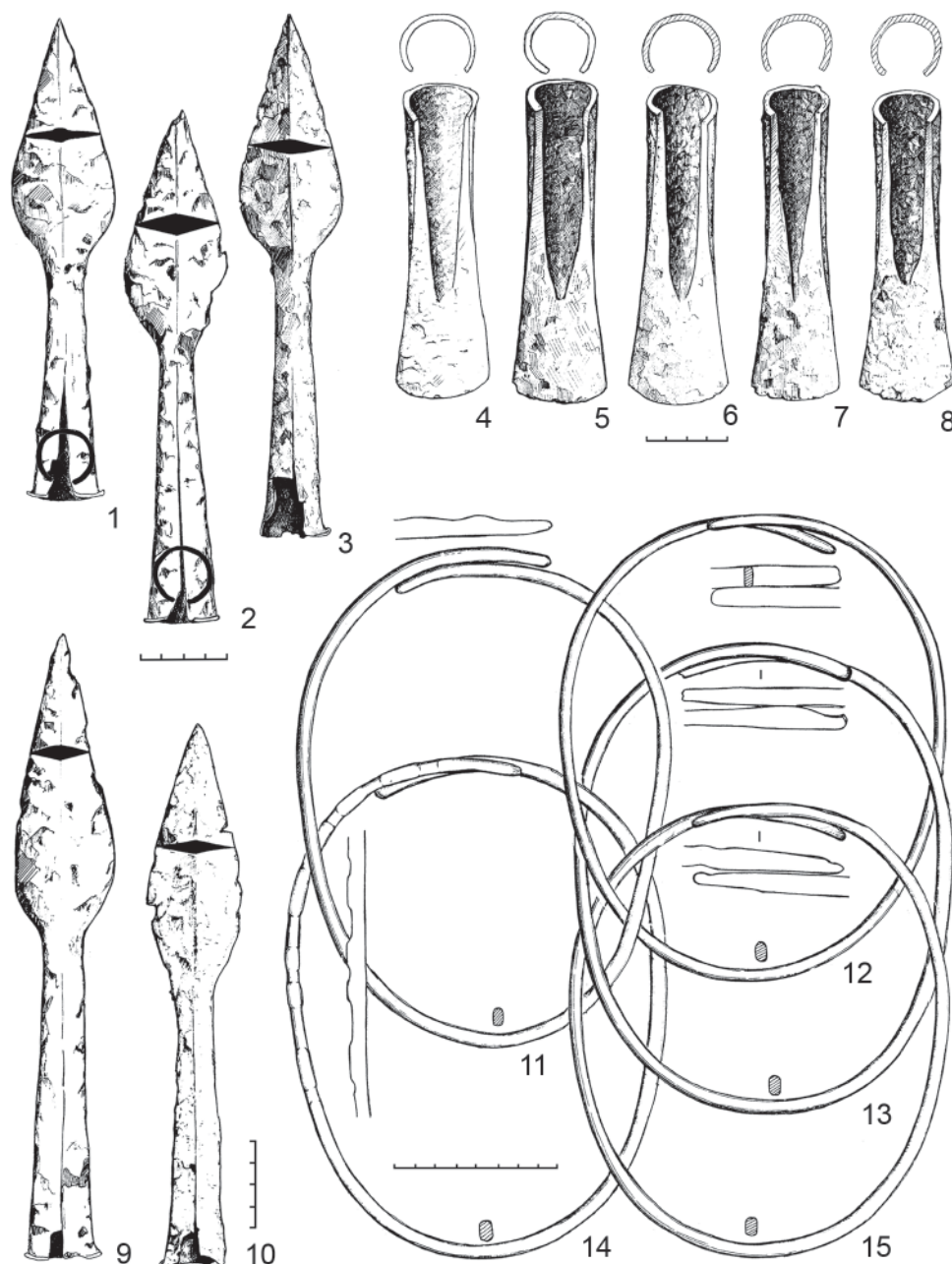

Рис. 7. Буйское городище. Клад 2

1–3, 9, 10 – железные наконечники копий; 4–8 – железные кельты, 11–15 – бронзовые гривны

гда входили ножи, редко другие бытовые изделия (гребешок).

Несмотря на небольшую выборку вятских погребений с ЖК, можно отметить их связь по этому признаку с камско-бельскими пьяноборскими памятниками. К общим признакам относится сочетание ЖК с ингумацией; помещение в погребение чаще всего одного ЖК; более высокая степень корреляции ЖК с женскими захоронениями, чем с мужскими. Локальная специфика больше фиксируется по признакам местоположения и составу ЖК. Так, если на вятских могильниках преобладает позиция ЖК в области ног, то для среднекамских некрополей, судя по Тарасовскому могиль-

нику, более выражена тенденция размещения ЖК в области головы. В состав ЖК пьяноборских памятников Средней Камы и низовьев р. Белой чаще всего входили височные подвески, бисер, бусы (Голдина, Сабиров, Сабирова, 2015, с. 44, илл. 225), для вятских наборов ЖК более характерны шейно-нагрудные и поясные украшения. Больше вариантов на Вятке и типов контейнеров для ЖК, в отличие от использования только берестяного короба на среднекамских памятниках.

Невыразительны для ранних вятских погребений артефакты, связанные с поминально-обрядовыми сопроводительными действиями при захоронении умершего. Это единичные случаи на-

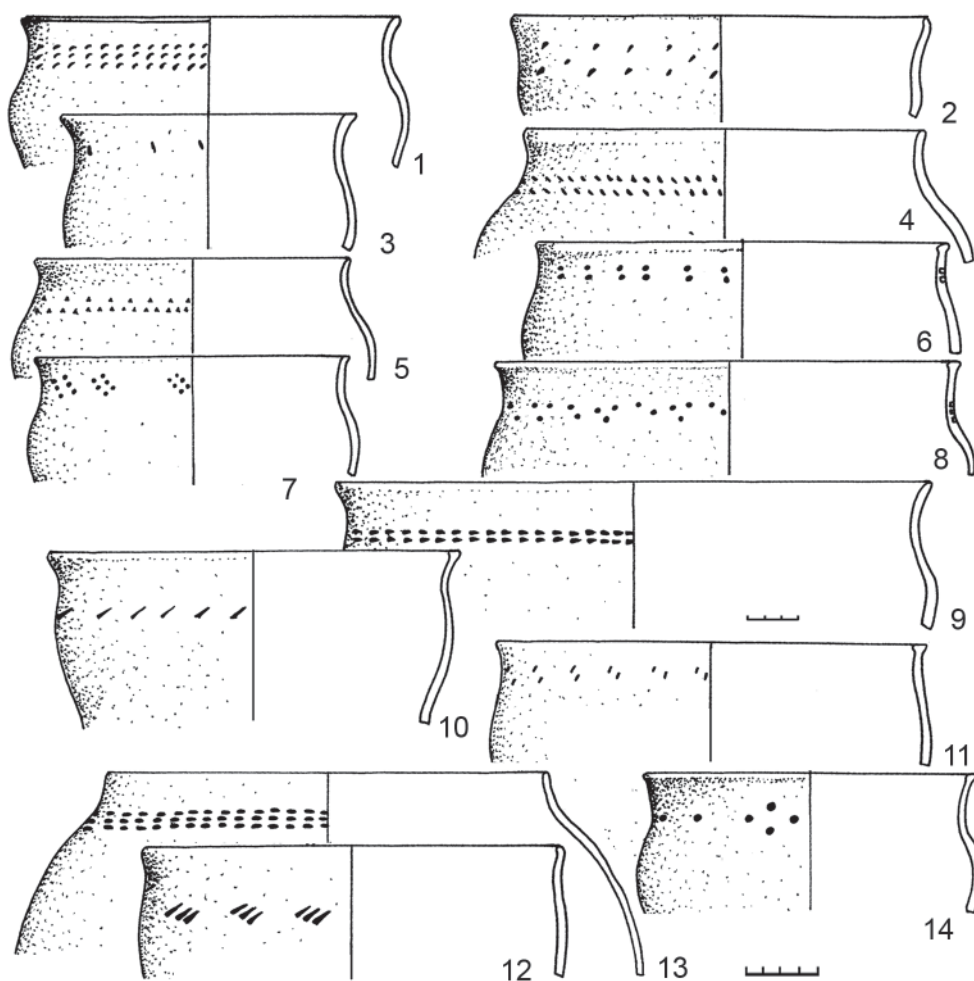

Рис. 8. Буйское городище. Керамика рубежа эр

ходок зубов животных в погребениях Ошкинского могильника (Лещинская, 2014, с. 28). Следы культа огня в погребальной практике четко начинают фиксироваться на вятских памятниках не ранее середины – второй половины III в.

Поселенческие памятники пьяноборского времени на Вятке изучены слабо. Для периода рубежа эр наиболее информативны только материалы полностью раскопанного Буйского городища на правобережье среднего течения р. Вятки (материалы опубликованы фрагментарно: Ашихмина, 1987; 1992; 2003; Ашихмина, Черных, 1989; Шадрин, 2001; первое предварительное обобщающее исследование подготовлено авторским коллективом археологов УдГУ в формате проекта гранта РГНФ за 2004 г.). Городище занимает высокий (26 м) мыс, образованный небольшой речкой Кужинеркой и р. Вяткой, площадью 2500 кв. м. Памятник многослойный, площадка его кратковременно начинает использоваться с эпохи камня, бронзы, но как постоянное укрепленное поселение функционирует с ананьинского времени до середины I тыс. н. э., вероятно, без длительных периодов запустения. Есть на памятнике и материал

второй половины I – начала II тыс. н. э. Оборонительная система городища включала вал – ров и укрепления склонов, ее особенности закладываются еще в ананьинское время и модернизируются в последующие периоды. Так, наблюдения исследователей за стратиграфией буйского вала уже в ананьинском горизонте выявили следы обугленного дерева в сочетании с меловыми, углистыми прослойками, прокаленность грунта, которые указывают на возведение каких-то дерево-земляных укреплений. По мнению Е.М. Черных, это могли быть каркасно-столбовые конструкции, встроенные внутрь тела вала со стороны площадки городища. В раннепьяноборское время высота вала увеличивается за счет земли при выравнивании площадки городища, на месте сторевших деревянных конструкций возводятся новые. Усиливается фортификация наиболее пологих склонов и мыса: подрезка склонов, укрепление границ глиняными вымостками, возможно, с устройством здесь дополнительных сооружений.

На площадке городища в процессе раскопок зафиксированы следы 5 жилищ разных хронологических периодов. Из них на рубеже I тыс.

до н. э. – I тыс. н. э. с большой долей вероятности функционировало два сооружения (жилища 4, 5), расположенных в ряд по центральной линии от вала к мысовой части. Полностью изученное жилище 5 (рис. 5: 2) может быть реконструировано скорее как наземный бревенчатый сруб прямоугольной формы площадью примерно 89,3 кв. м, со слабо углубленным земляным полом, с выходом в виде выступа в северо-западной торцевой стене в сторону Вятки. С жилищем связано 8 очагов, локализованных как в центре, так и в углах, или смещенных к стенам постройки. Очаги представляли собой обычные кострища, часто с обкладкой из камней песчаника. Характер очагов, особенности их размещения и характер сопутствующих находок предполагает их разное функциональное назначение. Часть мелких кострищ могла быть результатом переноса или чистки очажных устройств. Три самых мощных кострища были основными хозяйственными очагами. Среди них выделяется крупное центральное отопительное устройство, слегка смещенное от оси «вход – очаг». В правой половине жилища, ближе к южному углу, противоположному от входа, фиксируется система очагов с находками (фрагмент литейной формы, костяные наконечники стрел, фрагменты керамических сосудов со следами ошлакованности, кусочек охры, кости животных, в том числе медвежьей челюсти), указывающими на совмещение здесь производственной и культовой деятельности. С камско-бельскими пьяноборскими, гляденовскими жилищами вятские постройки сближают применение наземного сруба, его размеры. Вятская локальная специфика проявилась в расположении части очагов в периферийных зонах жилища, отсутствии хозяйственных ям, архаичности оформления входа выступом (Черных, 2008, с. 56, 64, 65).

В пределах очертаний буйских жилищ найден разнообразный вещевой инвентарь, но только часть его, расположенного в придонной части котлована, может нести информацию о времени функционирования сооружений. Это спиралевидные ажурные бляшки-накладки, плоские круглые бляшки (рис. 5: 6, 7, 12), которые встречаются в чегандинских погребальных комплексах I в. до н. э. – II в. н. э., в вятских погребениях I–II вв. С рубежом тысячелетий связан и клад, обнаруженный у внешней стенки одного из жилищ (клад 1). Он составлен из бронзовых украшений, среди которых есть широко распространенные пьяноборские изделия: восьмеркообразные полусферические бляшки, ажурно-прорезная накладка и комплекс оригинальных нагрудных пластин, орнаментальные композиции которых выполнены в стиле чегандинских украшений I в. до н. э. – II в. н. э. (рис. 6).

Помимо жилищ на Буйском городище, в приваловой части, выявлена система очагов, которая говорит о длительном существовании здесь производственных площадок, связанных с металлургическим производством, преимущественно цветной металлообработкой. Однако подавляющее число пьяноборских объектов были разрушены или перестроены в раннесредневековый период. С раннепьяноборским временем здесь уверенно можно соотнести комплекс из нескольких очагов и ямы с уникальным кладом (клад 2), включающим 186 железных кельтов, 9 железных наконечников копий и 5 бронзовых гривен (рис. 7). Автор раскопок Л.И. Ашихмина датировала клад IV–III вв. до н. э. – II–III вв. н. э. (Ашихмина, 1987, с. 118). Наиболее архаично в нем выглядят бронзовые гривны, которые по стилистике ближе к карабызским вариантам IV–III вв. до н. э. из Уфимского (Збруева, 1952, табл. VI: 18) и Охлебинского (Пшеничнюк, 1968, рис. 6: 8) могильников Башкирии, чем к гривнам ранних погребений I–II вв. н. э. близкого к Буйскому городищу Ошкинского могильника. Более широкий хронологический диапазон дают кельты и наконечники копий, которые могли встречаться как в позднеананьинских памятниках, так и в первые века н. э. Вряд ли изделия из клада (за исключением бронзовых гривен) аккумулировались в течение столь длительного времени. Скорее всего, орудия труда и оружие были изготовлены местным мастером и сокрыты в первых веках I тыс. н. э. Уникальность клада связана с фактом массового производства стандартной продукции, явно превышающей потребности домашнего хозяйства и предназначенной на сбыт для более широкой округи. Это говорит о возможности начала естественного процесса специализации в металлообрабатывающем производстве в достаточно ранний, чем считалось прежде, период. В приваловой части городища обнаружена и большая часть бронзовых изделий с хронологическим диапазоном I в. до н. э. – II в. н. э. (рис. 5: 4, 8, 11). Однако факт разноуровневого залегания находок (от 10 до 80 см от поверхности) может говорить об их концентрации здесь и в результате выравнивания площадки городища в поздние периоды.

К числу объектов на городище, возникших в ананьинское время и функционирующих в пьяноборский период, можно отнести своеобразную подпрямоугольную площадку (9×6 м) на южном склоне, пространственно оформленную по углам скоплениями камней. Комплекс признаков сооружения: упорядоченное размещение камней в сочетании со скоплениями костей животных определенного вида (преимущественно черепа, челюсти медведя, лошади, бараньи астрагалы), очажное

пятно, столбовая яма (?) и вещевого набор (костяные наконечники стрел, зернотерки, амулеты из суставных костей животных) – дают основание считать это культовым объектом – святилищем.

В культурном слое городища в ходе раскопок обнаружены останки 11 человеческих костяков (10 взрослых, 1 детский), из них 4 – на внутреннем склоне вала и 7 – на площадке памятника. К общим особенностям захоронений можно отнести: отсутствие могильных ям, безынвентарность, в большинстве случаев это неполные скелеты, у многих отсутствуют черепа, в ряде случаев отмечается раздробленность костей, следы обожженности. Не фиксируется соблюдение традиционного погребального ритуала, пожалуй, за исключением одного элемента – погребенные ориентированы ногами к реке. Все это больше указывает на погибших жителей поселка во время штурма городища (Ашихмина, Черных, 1989; Черных и др., 2002, с. 68, 69). Наиболее вероятное время этого события – первые века н. э. На это указывает приуроченность 5 костяков к котлованам раннепьяноборских жилищ и сокрытие в это время двух кладов.

Керамические комплексы рубежа эр на Буйском городище стратиграфически не выделяются. Затрудняет характеристику посуды этого времени слабое представление на сегодняшний день о переходных типах от позднеананьинской керамики к раннепьяноборской и отсутствие погребальной посуды. Вместе с тем, ориентируясь на комплекс керамики, зафиксированной в околоочажной зоне буйского пьяноборского жилища 4 (Ашихмина, 1978, рис. 46), можно отметить, что это были лепные, круглодонные, слабо или средне профилированные сосуды, с примесью раковины в тесте, орнаментированные двумя горизонтальными рядами мелких круглых или подтреугольных вдавлений. Из культурного слоя площадки городища им близка посуда с низкой степенью орнаментированности из несложных комбинаций ямочных вдавлений, отсутствием сочетаний различных приемов нанесения декора (рис. 8). Подобная посуда происходит и с Кривоборского (Оруджов, 2017, рис. 4: 10; 9: 8; 13: 6), в меньшей степени со Скорняковского (Чижевский и др., 2016, с. 51, 52, рис. 44: 3, 5) городищ.

Системного анализа характера, структуры экономики вятского населения на рубеже эр не проводилось. Наиболее достоверные данные, основанные на остеологической коллекции Буйского городища, указывают на значительную роль животноводства в системе хозяйственного комплекса. Анализ костей животных (Петренко, 1984, с. 127, 128, рис. 33; 35; Косинцев, Пластеева, 2004) показал, что значимых различий между ананьинским и последующими пьяноборскими периода-

ми нет. Соотношение между костями домашних и диких животных колеблется в пропорции 72:28 и 64:36 соответственно, что говорит, с одной стороны, о значимости животноводческой продукции в питании вятского населения, с другой – о существенной роли охоты в системе жизнеобеспечения этноса. В структуре домашнего стада, по данным П.А. Косинцева, первую позицию занимала лошадь, вторую и третью – свиньи и крупный рогатый скот. Остатки мелкого рогатого скота, с преобладанием костей овцы, малочисленны. Таким образом, в животноводстве ведущую роль играло коневодство. Анализ возраста забоя лошадей привел П.А. Косинцева к выводу о неспециализированном коневодстве с разнообразным использованием животных: для получения мяса, возможно, молока и для хозяйственных работ. В мясном питании заметна роль свиноводства. Внимание уделялось и разведению крупного рогатого скота с комплексным (мясо-молочное направление) использованием животных.

Большое значение имела и охота с тенденцией увеличения ее роли в пьяноборскую эпоху, по материалам Буйского городища. Судя по преобладанию костных остатков лося, охота имела выраженное мясное направление. Второе место занимают кости медведя с преобладанием костей черепа, что подтверждает его особую роль в религиозно-культовой практике вятского населения. Костей промысловых пушных зверей немного (преобладают бобр, волк, куница, заяц), что не отражает реальный уровень развития пушного промысла. На поселение могли доставляться только шкурки животных (Петренко, 1984, с. 127).

Несомненно, что для хозяйственно-культурного типа была характерна комплексность и, кроме животноводства, определенную роль играло земледелие. Однако определить реальное соотношение этих видов в системе производящего хозяйства вятского населения достаточно сложно. При раскопках памятников, в том числе Буйского городища, не выявлено зернового материала. К археологическим артефактам, указывающим на занятия земледелием, относятся находки железных топоров, мотыжек, фрагментов зернотерок, железных кельтообразных орудий (Ашихмина, 1987, с. 109–118). Косвенно с культурой земледелия можно увязать находку костяного гребешка с изображением птицы из п. 30 Ошкинского могильника (рис. 2: 14). Профиль головки птицы напоминает представителя семейства воробьиных, зерноядных, постоянных спутников человека, которые особенно распространяются там, где есть земледелие (Шаталов, 2002, с. 289–291, рис. 1–3). Естественно-географические условия Вятского бассейна (зоны средней и южной тайги, смешан-

ных хвойно-широколиственных лесов), ассортимент орудий труда больше указывают на подсечно-огневое земледелие, но его роль в системе хозяйства остается открытой.

О достаточно высоком уровне развития цветной и черной металлургии говорит факт массового производства стандартной продукции из железа (клад Буйского городища), разнообразие бронзовых украшений костюма. Однако многие технологические аспекты получения сырья, металлообработки по материалам вятских памятников рубежа эр или не изучались, или исследовались эпизодически. В научный оборот введены лишь результаты химического состава бронзовых изделий Ошкинского могильника (Лещинская, Орехов, 2007; Перевошиков, Сабирова, 2014) и данные металло-

графического анализа железных наконечников копий из клада Буйского городища (Шадрин, 2001).

Обращаясь в целом к вятским материалам конца I – начала III вв. н. э., стоит обратить внимание на явные параллели в погребальном обряде, поселенческой культуре, вещевых и керамических комплексах с пьяноборскими памятниками Удмуртского Прикамья, низовьев р. Белой, бассейна р. Ик. Вполне правомерно предположить, что каждая территориальная группа памятников была частью единой культурно-исторической общности, проявляя специфику на уровне локального своеобразия. На основе вятских памятников рубежа эр в регионе формируется азелинский горизонт древностей середины III–V вв.

ГЛАВА 7

ПАМЯТНИКИ ГЛЯДЕНОВСКОЙ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОЙ ОБЩНОСТИ СРЕДНЕГО ПРИКАМЬЯ

Впервые идея о существовании в Среднем Прикамье в постананьинское время особой гляденовской культуры, отличной от пьяноборской, была высказана А.В. Шмидтом в 20-е гг. XX в. (Шмидт, 1928; 1932). Хотя представление о культурном своеобразии этих памятников начало складываться еще во второй половине XIX в. после активных исследований специфических святилищ, получивших название костыща. А.Е. Теплоуховым и Ф.А. Теплоуховым в 70-е гг. XIX в. были осмотрены Останинское, Пьянское (Лужковское), Панкрашинское костыща, а Ильинское и Гаревское частично раскопаны (Теплоухов, 1880; Спицын, 1902). Но эпонимным памятником культуры становится Гляденовское костыще, расположенное на одноименном городище, исследованное в 1896–1897 гг. Н.Н. Новокрещенных. Материалы костыщ были оперативно опубликованы А.А. Спицыным (1901; 1902), который в предложенной схеме культур Прикамья выделил «костыщенский период». Скромные масштабы работ в дореволюционный и в довоенный периоды не позволили убедительно доказать эти взгляды, и позиция А.В. Шмидта не получила распространения. Итоги археологического изучения Прикамья в довоенный период были подведены А.П. Смирновым (1952), который однозначно придерживался позиции единства в Прикамье пьяноборской культуры, датирующейся II в. до н. э. – V в. н. э.

Создание в 1947 г. Камской археологической экспедиции Пермского государственного университета под руководством О.Н. Бадера дало новый виток исследований постананьинских древностей Пермского Прикамья. Исследования О.Н. Бадера на Скородумском селище показали переход от ананьинской культуры к гляденовской (Бадер, 1953). В.Ф. Генинг исследовал гляденовские жилища на Осинском и Федотовском городищах, он же исследовал Усть-Туйское костыще и ряд поселений (Генинг 1955; 1959а; 1959б). В 1960 гг. В.П. Денисовым были открыты и исследованы первые гляденовские могильники, а В.А. Обориным и Ю.А. Поляковым исследован ряд городищ и неукрепленных поселений (Оборин, 1961а; 1961б; 1961в; Поляков, 1960; 1962; 2001б).

Полученные материалы позволили О.Н. Бадеру, В.А. Оборину и В.Ф. Генингу аргументировать своеобразие гляденовской культуры, отличной от пьяноборской (Бадер, 1953; Бадер, Оборин, 1958; Генинг, Оборин, 1960; Генинг, 1959а). Однако В.Ф. Генинг на основании ряда особенностей материалов памятников послеананьинского времени в бассейне р. Тулвы, прежде всего исследованного им Осинского городища, выделяет эти памятники в особую, осинскую, культуру, существовавшую, по его мнению, одновременно с пьяноборской и гляденовской (Генинг, 1959а; 1959б; 1988). Точка зрения В.Ф. Генинга вызвала возражения со стороны других исследователей (Оборин, 1961а; Поляков, 1967).

В 1960–1970 гг. широкое изучение памятников гляденовской культуры было предпринято Ю.А. Поляковым. Им были исследованы Юго-Камское костыще, ряд городищ и поселений, что позволило исследователю впервые обобщить материалы гляденовской культуры, представить ее подробную характеристику, выделить локальные варианты и племенные территории, периодизацию и хронологию (Поляков, 1967; 1968; 1970; 1973; 1980; 2001). Им была представлена следующая периодизация. Ранний этап (III в. до н. э. – I в. н. э.) включает два варианта: осинский и пермский. Средний этап (I–V вв. н. э.) связан с интенсивным заселением Туйско-Гаревского поречья, в котором участвуют группы осинского и пермского населения, в результате чего складывается третий верхнекамский локальный вариант гляденовской культуры. Поздний этап (V–VI вв. н. э.) – время появления курганных могильников харинского типа, которые Ю.А. Поляков считал гляденовскими, аргументируя это отсутствием в курганных погребениях какой-либо керамики, кроме гляденовской, а прекращение функционирования культуры связывал с миграциями со Средней Камы, что вынудило гляденовцев покинуть основной ареал культуры (Поляков, 2001а, с. 19).

Исследуя раннесредневековые древности Пермского Прикамья, Р.Д. Голдина высказала свое мнение о гляденовской культуре (Голдина, 1985). Памятники, синхронные Гляденовскому и Юго-Камскому костыщу, были отнесены к гляде-

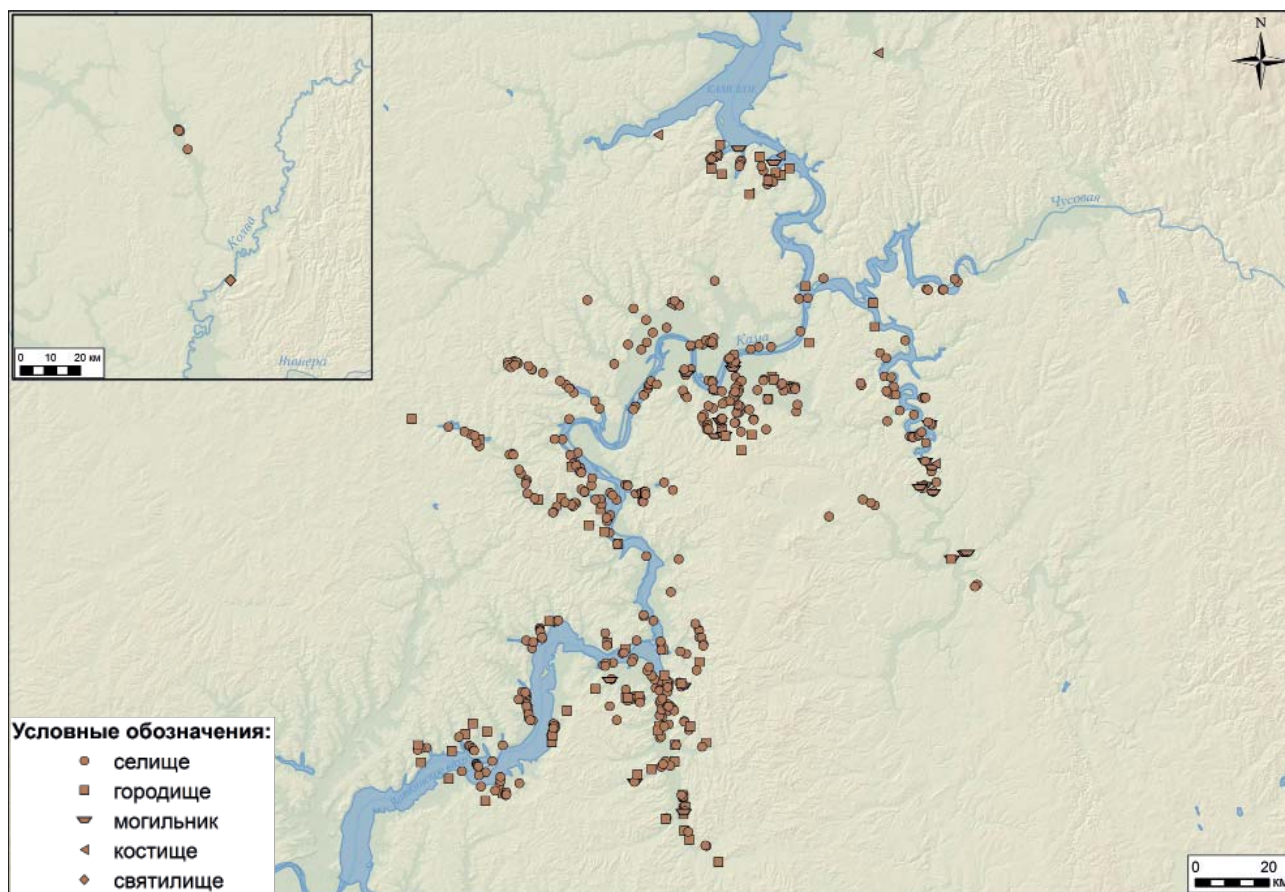

Рис. 1. Памятники гляденовской культуры

новской культуре (III в. до н. э. – II в.), а малые (поздние) костища и святилище Подбобыка (Камень Светик) – к харинскому этапу ломоватовской культуры и датированы III – VII–VIII вв. (Голдина, 1985, с. 112). Данная точка зрения была позднее дополнена ею: она выделила памятники бассейна р. Тулвы, осинского, еловского и частинского Прикамья в отдельный тулвинско-частинский (красноярский) вариант пьяноборской КИО (Голдина, 2004, с. 239–247), что явилось своеобразным развитием идеи В.Ф. Генинга о выделении этих памятников в отдельную культуру – осинскую.

Масштабные исследования гляденовских памятников 1980 гг. XX – первых десятилетий XXI в. сотрудников Камской археологической экспедиции Пермского университета (под руководством С.Н. Коренюка, А.Ф. Мельничука, Н.В. Кулябиной (Соболевой), В.П. Мокрушина, М.Л. Перескокова, А.В. Васильевой), сотрудников Камско-Вятской археологической экспедиции Удмуртского государственного университета (Р.Д. Голдина, О.А. Казанцева) дали корпус источников, позволяющих значительно уточнить представления о гляденовской культуре Среднего Прикамья. Планомерное изучение гляденовских костищ позволило А.Н. Лепихину обобщить и систематизировать данные о них (Лепихин,

2007), а планомерное изучение Гляденовского костища и городища в XXI в. позволило существенно пересмотреть взгляды как на организацию гляденовских культовых объектов, так и на фортификацию позднеананьинского времени (Коренюк, Перескоков, 2017). Открытие переходных позднеананьинских/раннегляденовских (Протасы, Ремзавод), средне- и позднегляденовских могильников (Мокинский, Верхний Ирьяк, Красноярский, Кудашевский) позволило более детально рассмотреть процесс трансформации ананьинской культуры в гляденовскую и гляденовской культуры в раннесредневековые культуры Прикамья. Материалы финала раннего железного века были отдельно проанализированы М.Л. Перескоковым (2018).

Территория распространения памятников гляденовской культуры Среднего Прикамья располагается от верховьев р. Тулвы на юге и до устья реки Косью на севере. С северо-востока на юго-запад эта территория пересекается Камой. По характеру рельефа эта часть Прикамья представляет собой слабо холмистую равнину с развитой речной и овражной сетью. Ее естественными границами являются небольшие возвышенности: Верхнекамская и Оханская с запада, Приуральская с севера и востока, Тулвинская – с юга и юго-востока (рис. 1).

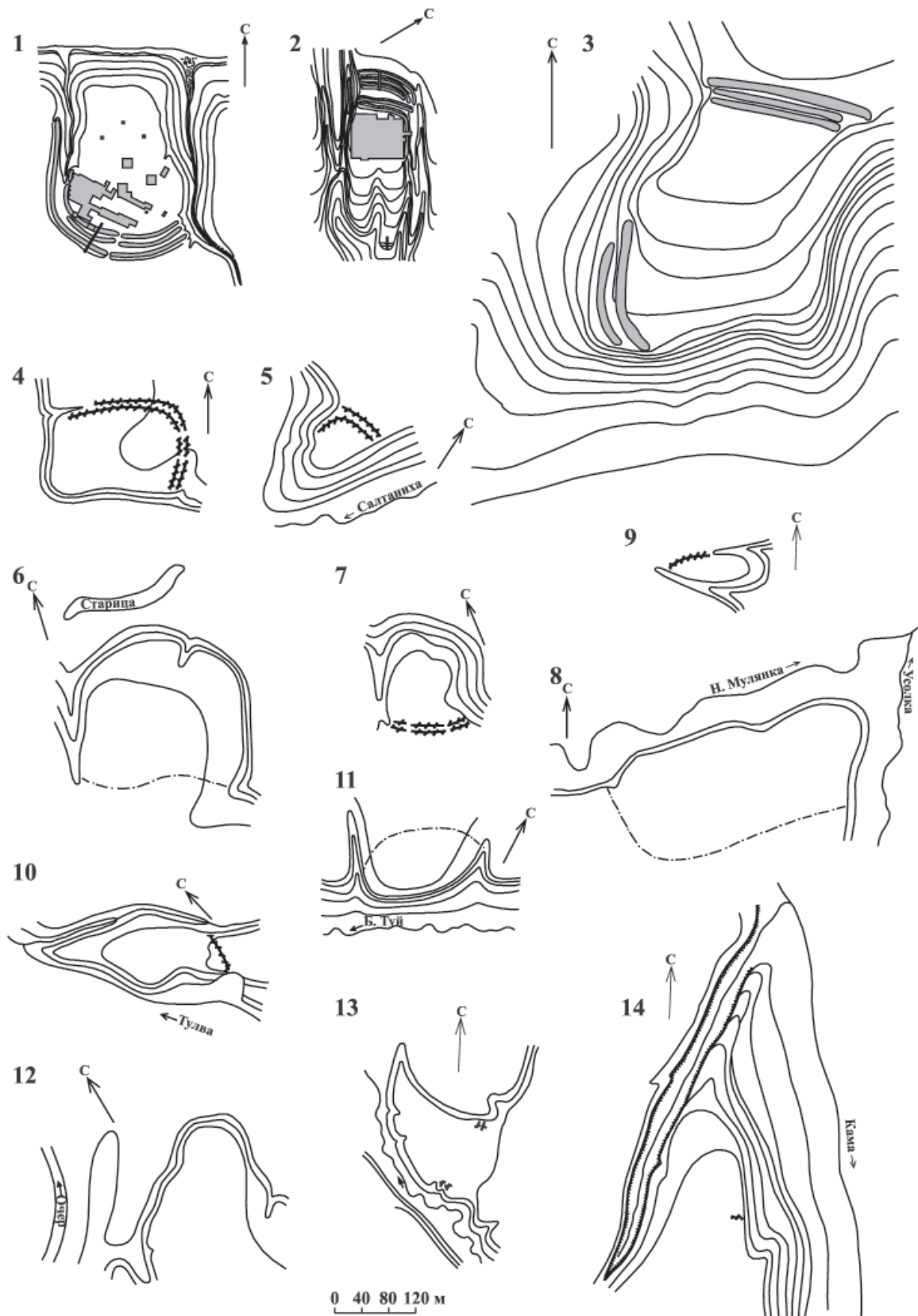

Рис. 2. Поселения гляденовской культуры

1 – Бутырское городище; 2 – Опутятское городище; 3 – Старо-Гаревское городище; 4 – Башкултаевское городище; 5 – городище Салтанаиха (Шуган-Тау); 6 – Юго-Камское I, селище; 7 – Городище Антоновцы; 8 – Кичановское IV селище; 9 – Сибирское III городище; 10 – Пешерское городище; 11 – Сибирское III селище; 12 – Горюхалихинское городище; 13 – Юго-Камское II городище; 13 – Мохонинское городище

Долина Камы хорошо разработана, ширина ее составляет обычно 10–15 км. На интересующей нас территории Кама принимает ряд крупных притоков: Косьву, Обву, Чусовую с Сылвой, Очер, Тулву и значительное число небольших рек.

Гляденовская культура Среднего Прикамья формируется на базе памятников позднего этапа ананьинской культуры Среднего Прикамья. Ареалы их распространения практически совпадают. Тем не менее формирование гляденовской культуры, вероятно, шло в непростых условиях ухудшения климата и похолодания на позднем этапе ананьинской культуры (рубеж суббореального и субатлантического периодов), что сопровождалось войнами за ресурсы подтапливаемой Камской долины и привело к переносу из нее на более возвышенные участки поймы или на первые террасы опорных поселений (Перескоков, 2019). Следы конфликтов фиксируются в погребениях на поселениях, которые после забрасывались, появляются городища, в том числе и очень крупные, со сложной фортификационной системой, как Гляденовское (три площадки, четыре поперечных и два боковых вала, оборонительные башни). Вероятно, в период перехода от ананьинской к гляденовской культуре происходит некоторое сокращение населения.

Памятники гляденовской культуры располагаются в основном в широкой долине р. Камы и на крупных и мелких притоках. Центральным микро-регионом гляденовской культуры являлся район окрестностей современного г. Перми, где долина р. Камы сильно расширяется и принимает две небольшие речки – Нижнюю и Верхнюю Мулянки с широкими долинами, что создавало весьма благоприятную обстановку для ведения хозяйства (рис. 2). Ю.А. Поляков указывал, что в ранний этап функционирования гляденовской культуры существовали памятники двух локальных вариантов: пермского и осинского. Это утверждение стоит принять с некоторыми оговорками. На территории всех локальных вариантов и территорий гляденовской культуры известны как гляденовские, так и позднеананьинские памятники, что говорит о том, что эта территория не пустовала, но, вероятно, использовалась менее активно, чем центральные микро-регионы. Памятники бассейна р. Тулвы, а также Частинского и Еловского Прикамья необходимо рассматривать как самостоятельный Тулвинско-Частинский локальный вариант гляденовской культуры, являющийся своеобразной контактной зоной между носителями гляденовской и пьяноборской культур (Перескоков, 2018, с. 110, 111). Памятники, располагающиеся в приустьевой части р. Тулвы на берегу р. Камы, относятся к Осинскому локальному варианту и имеют отличия

в керамическом материале. Осинский вариант включает в себя также памятники правых притоков Камы (Очер, Нытва, Ласьва, Пальта). Пермский вариант включает также памятники бассейнов рек Качки, Юг, Сылвы и Чусовой (Перескоков, 2018, с. 107, 108).

Средний этап гляденовской культуры (I – начало III в. н. э.) (Перескоков, 2018, с. 122) соответствует римскому климатическому оптимуму и установлению максимально благоприятных климатических условий. С I в. н. э. начинается активное освоение гляденовским населением сначала пространств, оставленных в финале ананьинского времени, а затем новых территорий в направлении верховьев крупных и мелких притоков р. Камы (Перескоков, 2019). Происходит резкое увеличение количества гляденовских памятников в этот период, формируются все локальные варианты гляденовской культуры (Поляков, 2001, с. 10; Перескоков, 2018, с. 107–113).

На позднем этапе гляденовской культуры (III–V/VI вв. н. э.) (Перескоков, 2018, с. 104, 105; Перескоков, 2020), который соответствует началу раннесредневекового климатического пессимума в Европе, похолоданию и увлажнению, продолжается освоение долин притоков р. Камы, а также начинается новый виток борьбы за ресурсы, массово строятся новые городища, в том числе и крупные, имеющие многовальную фортификацию (от 2 до 8 валов). К концу этапа (в V в. н. э.) начинается формирование раннесредневековых культур Пермского Прикамья на периферийных ранее гляденовских племенных территориях в бассейнах р. Сылвы, Чусовой и в Туйско-Гаревском поречье, а центральный ареал культуры (Мулянская территория), территория тулвинско-частинского и осинского локальных вариантов полностью покидается гляденовским населением (Перескоков, 2018; 2019; 2020).

Топография расположения памятников имеет ряд закономерностей и четко коррелирует с периодизацией культуры и природно-климатическим контекстом. Если для позднего этапа ананьинской культуры характерно расположение неукрепленных долговременных поселений на первых надпойменных террасах или на возвышениях поймы (дюнах, гривистых всхолмлениях), что характерно для ананьинской культуры в целом, то по мере увлажнения поймы и борьбы за ресурсы поймы происходит постепенное перемещение основных поселений на мысовые выступы первой надпойменной террасы или на плакор, где происходит активное строительство городищ. Проживание в неукрепленных поселках, вероятно, становится небезопасным, и такие поселения оставляются. На ряде памятников, например, на поселении Заюр-

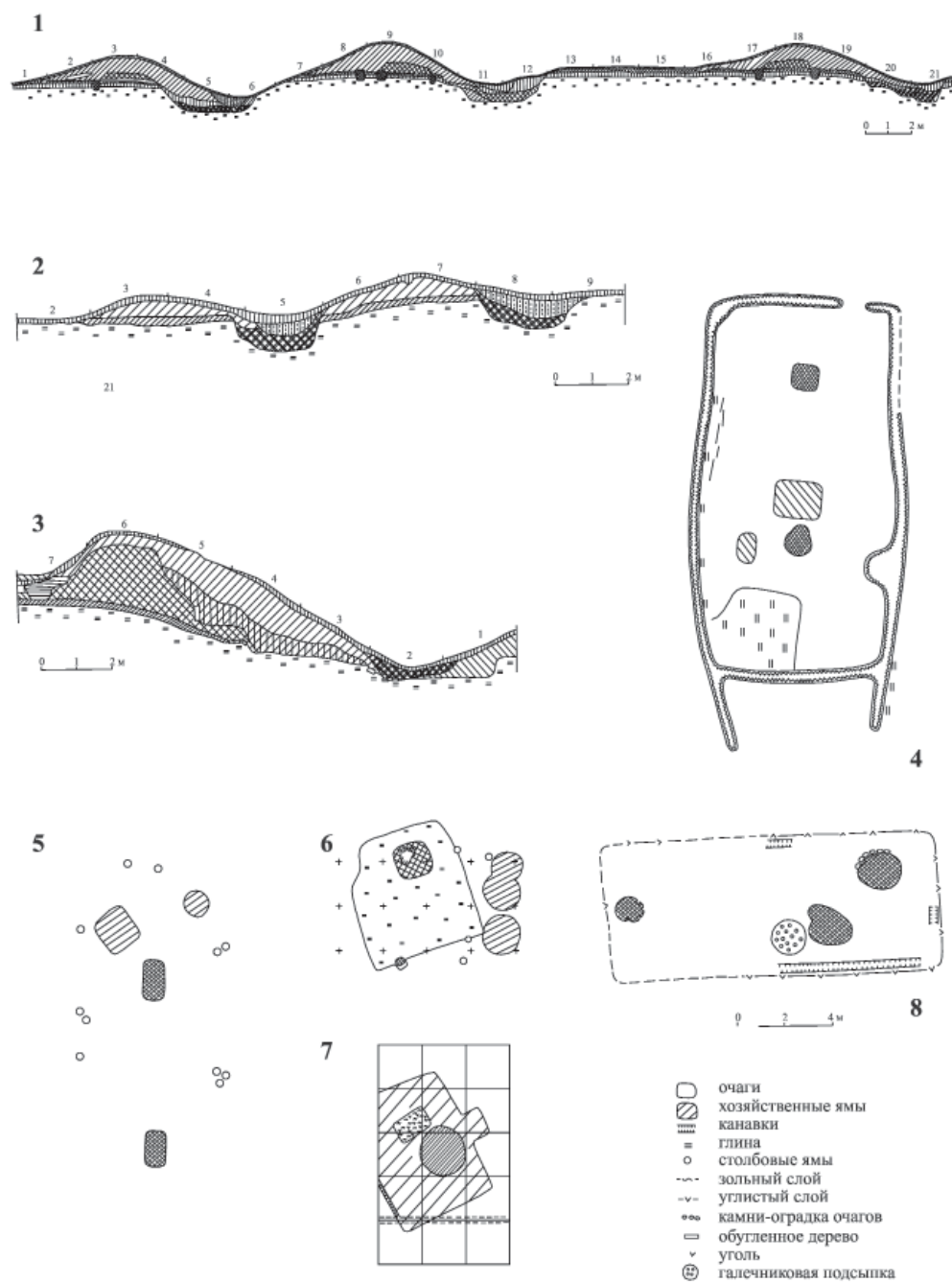

Рис. 3. Фортификационные сооружения и жилища гляденовской культуры

1 – Бутырское городище; 2 – Юго-Камское II городище; 3 – Пещерское городище; 4 – Федотовское городище; 5 – Коновалютское селище; 6 – Селище Болгары VIII; 7 – Селище Верхний Ирьяк I

чим I, для горизонта позднего ананьина характерна насыщенность углем, а постройки этого периода, завершающего этот этап функционирования памятника, фиксируются в виде углистых и зольных пятен очертаний остовов построек. Зафиксированные в таких постройках погребения могут говорить о трагических событиях, связанных с гибелью поселка. Неукрепленные поселения, расположенные в долинах более мелких притоков р. Камы, зачастую сохраняют свое положение, так как замкнутое пространство долины реки обычно

закрывается одним или несколькими городищами. Это хорошо фиксируется на группе памятников переходного времени Болгары IV, IX, X и располагающемся рядом могильнике Протасы, которые расположены на реках второго порядка, притоках р. Нижней Мулянки, ниже по течению которой располагается городище Алтэн-Тау.

По мере улучшения географических условий, связанных с началом оптимума, происходит восстановление ресурсной базы долины Камы, пойма подсыхает, увеличивается количество

пастбищных лугов, что снижает социальную напряженность и способствует развитию производящего хозяйства. Городища, построенные в позднеананьинский период, перестают функционировать как фортификационные сооружения, что хорошо заметно по заплыванию и заполнению рвов в раннегляденовское время (Половинное I). Некоторые из них перепрофилируются в святилищные комплексы – костища, как Гляденовское и Юго-Камское, на площадках которых формируются ранние костища. Некоторые, как Половинное I, остаются опорными поселениями, а некоторые, как Гремячанское, сначала функционируют как святилища, затем постепенно перестают функционировать. Часть населения в раннегляденовское время снова перемещается в пойму, где на возвышенностях появляются новые поселения. Те же поселения, которые были оставлены в позднеананьинское время, частично восстанавливаются, некоторые же, где были погребены жертвы, продолжают использоваться как некрополи (Заосиново I, IV, V).

Начиная со среднего этапа гляденовской культуры (с I в. н. э.) начинается освоение новых территорий, вызванное увеличением плотности гляденовского населения. Топография расположения памятников не меняется, происходит копирование модели расселения на вновь осваиваемых районах. Начинают строиться новые городища, которые становятся опорными поселениями и производственными центрами.

На позднем этапе гляденовской культуры (начиная с III в. н. э.) вновь меняется модель расселения и топография поселенческих объектов. Это изменение, вероятно, связано с несколькими совпавшими событиями. Первое – это очередной виток изменения климата, его постепенное ухудшение уже на фоне новой демографической ситуации. Второй аспект – это появление в Прикамье инородных воинских групп, которые усилили общую милитаризацию в регионе, чего не проследивается для раннего и среднего этапов гляденовской культуры.

Эти факторы привели к новым конфликтам и новому витку борьбы за ресурсы пойменных территорий. В связи с этим начинают выстраиваться очень компактные, привязанные к ландшафту, микрорегиональные поселенческие структуры в масштабах долины небольшой реки или участка её течения. Население постепенно уходит от широкой поймы р. Камы вверх по её притокам. Модель микрорегиональной поселенческой структуры имеет следующий вид. В её центре располагается крупное городище, имеющее сложную моговальную систему фортификации (Кудашевское I, Усть-Ашап, Опутятское, Бутырское, Старо-Гаревское и

др.), которое является административным, производственным и культовым центром. Иногда культовый центр (костище), располагается рядом с таким городищем. Примечательна фортификация таких объектов. В основе её всегда лежит система из трех валов, которые ограждают площадку с напольной стороны. В ряде случаев сама площадка делится на части, каждая из которых так же отделяется валами и рвами, часто используется разница высот, образуя «цитадель». В некоторых случаях, если это необходимо, укрепляются боковые края площадки одним-двумя валами (Усть-Ашап, Кудашевское I, Старо-Гаревское) или стрелка мыса (Опутятское) (рис. 2: 1–5, 7–10, 12, 13; 3: 1–3). Несмотря на некоторые вариации инженерных решений, связанных со спецификой топографии каждого объекта, просматривается жесткий шаблон («типовой проект») возведения таких городищ, прослеживающийся и в деталях. Такое городище располагается на мысу высокой террасы или на плакоре, часто на господствующей высоте. Вокруг центрального городища располагаются несколько опорных жилых городищ. Они строятся на первых коренных террасах рек, обычно не очень высоких, имеют стандартную для того периода двухвальную систему укреплений. Такая фортификационная система из двух параллельных, близко расположенных валов, разделенных рвом, также, вероятно, «типовой проект», который, в свою очередь, является отдельным элементом проекта центральных городищ. Каждое из таких городищ окружено неукрепленными поселениями. Селища можно условно разделить на два типа, которые так же будут отличаться по топографическому расположению. Стационарные поселения для круглогодичного проживания располагаются на невысоких участках первых надпойменных террас, в максимальной близости к воде, и имеют удобные выходы на пойменные участки. Временные поселения, связанные с сезонными хозяйственными циклами (выпас скота, промыслы), располагаются непосредственно в пойме, иногда даже на весьма низких её участках. Раскопки широкими площадями в зонах хозяйственных объектов в конце XX–XXI в. позволили выявить и исследовать такие памятники (Васильева, Перескоков, 2013), выяснить их специфику.

По периметру описанной группы памятников располагаются небольшие одновальные городища, имеющие простую фортификационную модель, которые выполняют две основные функции. Первая – это городища-убежища, необходимые для быстрого укрытия скота в период опасности, имеющие значительную площадь, иногда некоторые постройки, но обычно имеющие очень незначительный и бедный находками культурный слой.

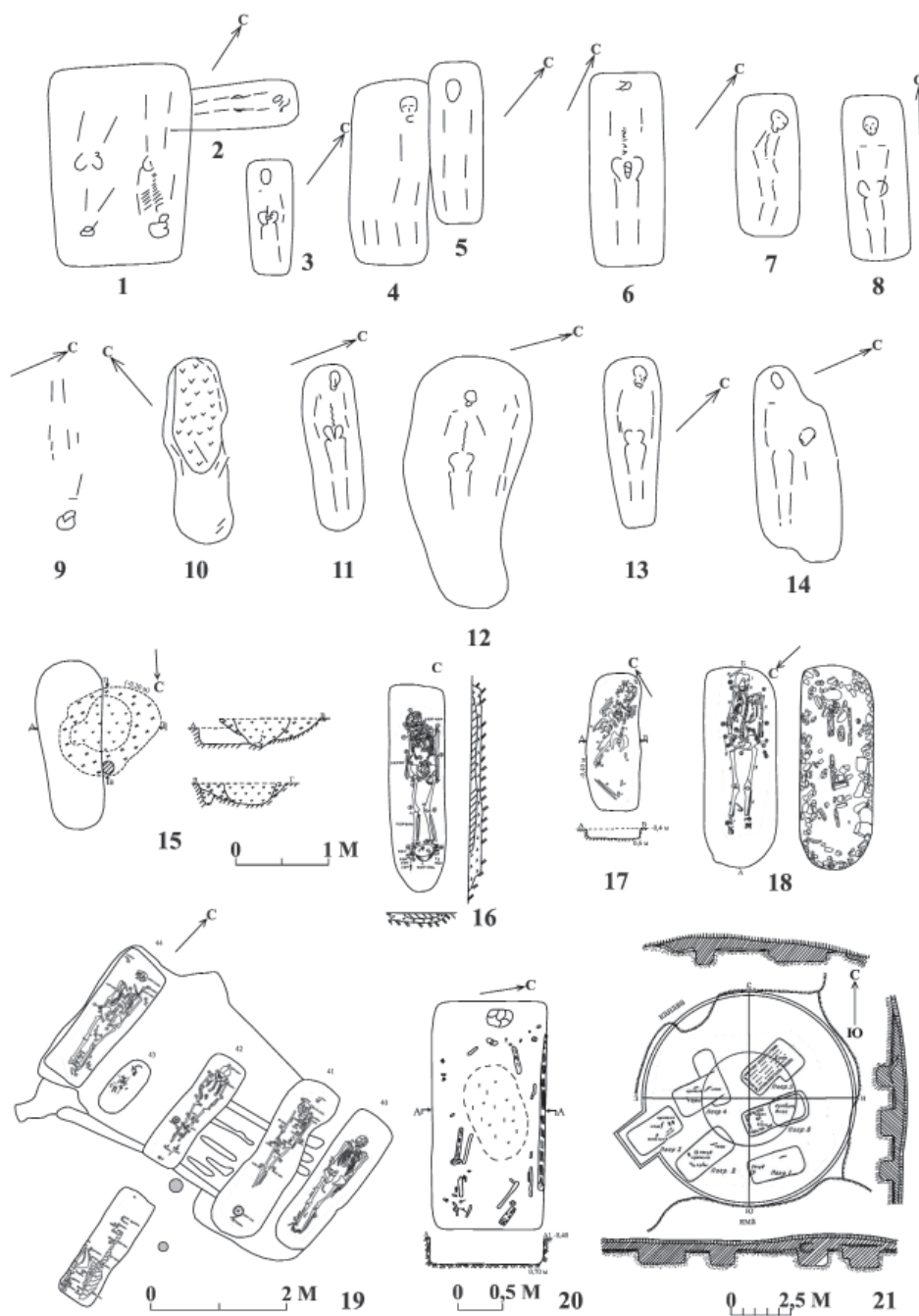

Рис. 4. Погребальные комплексы гляденовской культуры. Ранний этап. Могильник Городок
 1 – погр. 1; 2 – погр. 2; 3 – погр. 4; 4 – погр. 5; 5 – погр. 6; 6 – погр. 7; 7 – погр. 10; 8 – погр. 11; Заосиновский
 могильник. 9 – погр. 8; 10 – погр. 9; 11 – погр. 18; 12 – погр. 12; 13 – погр. 22; 14 – погр. 20–21

Средний и поздний этап. Могильник Верхний Ирьяк

15 – погр. 1.; 16 – погр. 49; 17 – погр. 10; 18 – погр. 30;

19 – Дом мертвых; 20 – Мокинский могильник, погр. 232; 21 – Могильник Качка, раскоп II (1959 г.).

Наиболее яркий пример такого городища – исследованное В.Ф. Генингом на значительной площади городище Красная Горка, где ему удалось обнаружить лишь скопление костей животных и несколько десятков фрагментов керамики (Генинг, 1959в). Вторая функция – это городища-форпосты, которые располагаются на небольших по площади площадках мысовых выступов плакора и

высоких надпойменных террас, но имеют господствующую высоту и хороший обзор.

Жилища гляденовского времени продолжают ананьинские традиции, развивая отдельные конструктивные элементы (Черных, 2008, с. 48–53). К наиболее ранним и хорошо изученным можно отнести постройки из раскопок В.П. Мокрушина на Заосиновском I поселении (Мокрушин, 2001) и

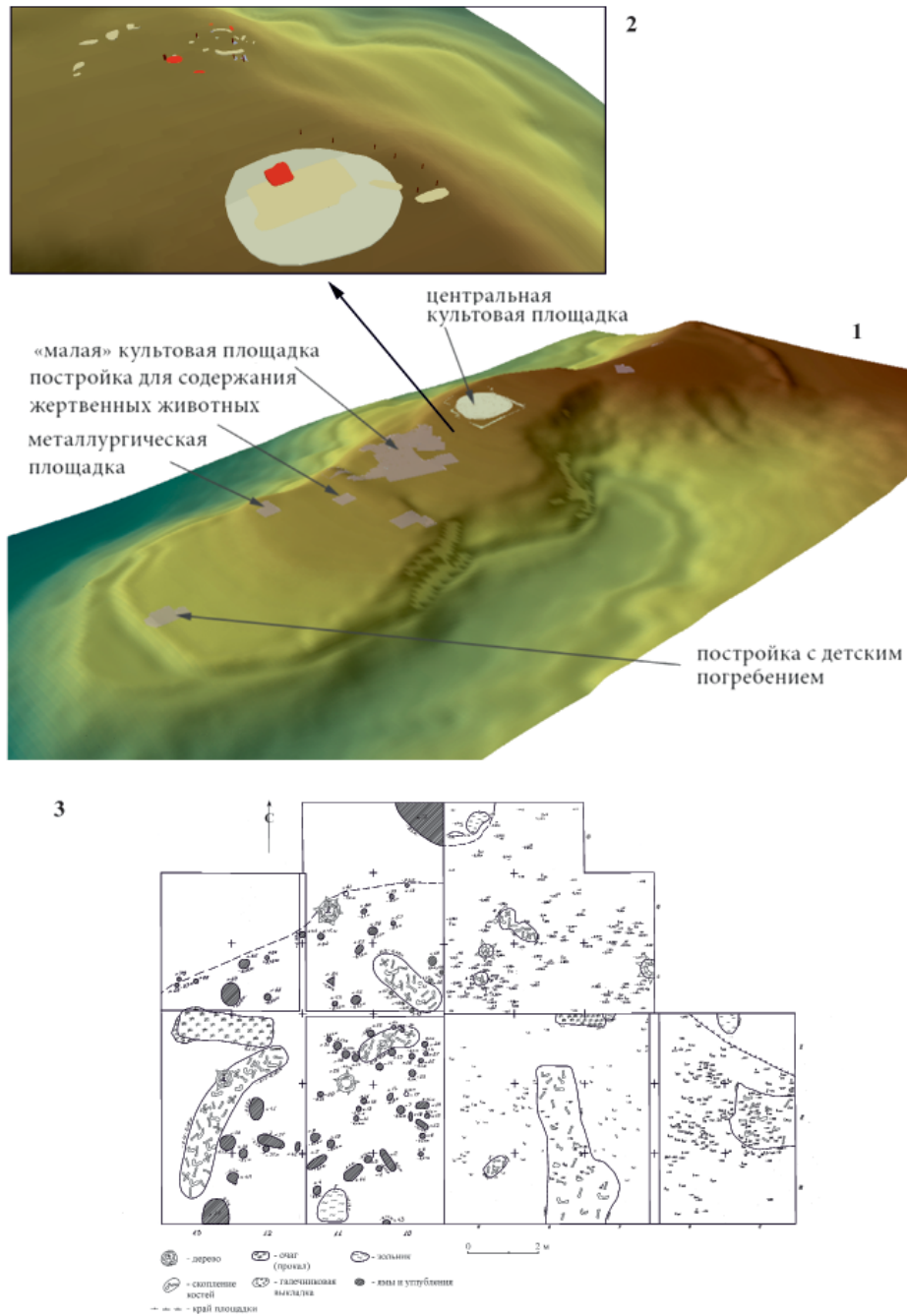

Рис. 5. Гляденовское городище-кустище

1 – 3D модель памятника; 2 – модель святилищных комплексов центральной и «малой» площадки; 3 – план раскопок 2003–2005 гг.

раскопок С.Н. Коренюка в г. Перми на ул. Ленина, 33–35 (Черных, 2008, с. 46), а также сооружения Скородумского селища. К среднему и позднему этапам гляденовской культуры относится значительных комплекс, включающий более 60 исследованных построек (Перескоков, 2011; 2018, с. 22).

Постройки представлены несколькими типами сооружений в соответствии с их функциональным назначением (рис. 3: 4–7). Долговременные жилые постройки для круглогодичного проживания

представляют собой прямоугольные бревенчатые дома. Основание не углублено или слабо углублено в грунт и располагается на поверхности материка, расчищенного от почвенного слоя. Предпочтительным грунтом для пола в жилище была глина, что объясняется ее слабой теплопроводностью. В случае, где на поселении были менее подходящие по свойствам грунты, могли сооружаться глинобитные полы. Данная традиция появилась еще в позднеананьинское время и, вероятно, является развитием глинобитных площадок под оча-

гами, которые существовали еще с раннего этапа ананьинской культуры.

Характерным конструктивным элементом жилых построек среднего и позднего этапов гляденовской культуры являются канавки вдоль продольных стен. Канавка имела двойное назначение. С одной стороны, это дренаж и водоотведение, с другой стороны, это грунт для насыпи завалинки для теплоизоляции нижнего венца постройки. Стоит заметить, что сооружение канавок вдоль стен постройки фиксируется еще в позднеананьинское время (Заюрчимское II селище). Вероятно, данную технологию использовали в конкретные периоды ухудшения и увлажнения климата. В период климатического оптимума, на раннем этапе гляденовской культуры, канавки не сооружались, что связано с отсутствием в них необходимости. Но позже, в средний и поздний периоды культуры, их распространение становится повсеместным.

Керамика гляденовской культуры подробно представлена чашевидными слабопрофилированными сосудами с скудной орнаментацией (рис. 10; 11) (Поляков, 1999; Лепихин, 2007; Перескоков, 2015; 2018. с. 84–88). Большинство сосудов неорнаментированные. На ряде памятников тулвинско-частинского варианта гляденовской культуры количество неорнаментированных сосудов приближается к 100%. Из орнаментированных сосудов наибольший процент орнаментации по венчику резным и гребенчатым орнаментом. На среднем этапе гляденовской культуры широкая гребенка трансформируется в зацеп, процентное соотношение которого растет к более поздним комплексам. Индекс орнаментации по шейке сосуда низкий для раннего этапа культуры (до 31% на Гляденовском костыще) (Лепихин, 2007. с. 66), к позднему этапу увеличивается (81% – Черновское I городище) (Перескоков, 2018, с. 207, табл. 6). Орнаментация на шейке представлена композициями из шнурового, резного, гребенчатого и ямочного орнамента, а также вдавлений различной формы. Иные орнаменты встречаются в единичных случаях. Присутствуют композиции из орнаментов. При полном единстве композиционной логики и комбинаций орнаментов по соотношению наборов орнаментальных композиций и техники выполнения выделяются локальные варианты культуры. В керамике пермского локального варианта преобладает резная орнаментация, особенно на памятниках бассейна р. Сылвы. На памятниках осинского варианта преобладает гребенчатая орнаментация. Тулвинско-частинский вариант характеризуется преобладанием орнаментом из ямок и вдавлений.

Орнаментальные традиции гляденовской посуды являются прямым продолжением и развитием на новом этапе ананьинских орнаментов. Особен-

но это характерно для сложных композиций из многорядного шнура, волны и подковок из шнуровых оттисков, которые широко распространены как на поздеананьинской, так и на позднегляденовской керамике. Локальные особенности керамических комплексов также продолжают специфику орнаментации позднеананьинского времени.

Гляденовская материальная культура представлена различными категориями вещей хозяйственного назначения, элементов костюма, вооружения и конского снаряжения.

Одной из наиболее распространенных категорий вещей являются костяные наконечники стрел. Они имеют в основном листовидную форму, с треугольным, ромбовидным или трапециевидным сечением, в основном без выраженного черешка. Реже встречаются той же формы с узким или широким черешком. Только на памятниках частинской территории встречаются небольшие башнеобразные наконечники с притупленным острием (Поляков, 2001, с. 14).

Железные наконечники встречаются в основном на костыщах. Преобладают среди них плоские с листовидным или треугольным пером, длиной 4–10 см, значительно реже отмечаются трехлопастные наконечники, преимущественно с треугольным контуром головки, иногда с опущенными жальцами.

Ножи имеют клинок с толстой прямой спинкой и уступом при переходе от черешка к лезвию. В ранних слоях встречаются ножи с выгнутой спинкой. В средний и поздний период получает распространения новая форма ножей – более крупные с широким клинком, уступами со стороны лезвия и спинки при переходе к черешку и желобком (дол) вдоль лезвия.

На Скородумском и Коновалятском селищах были найдены небольшие железные наконечники мотыг.

Значительно количество находок предметов, связанных с черной и цветной металлургией. Это многочисленные тигли, литейные формы, льячки, каменные наковальни и молоты. Присутствует и кузнечный инструмент, найденный как отдельными предметами на поселениях, так и в погребении кузнеца – погр. № 253 Мокинского могильника (Перескоков, 2018, с. 81), включающем клещи, молоток и клин (наковаленку?), которое датируется IV в.

К хозяйственным предметам также относятся костяные и железные иглы, шитья, проколки, кочедыки, гарпуны, костные штампы и лопаточки. Среди столярных инструментов присутствуют стамески, ложжари и струги.

Элементы костюма представлены височными украшениями (кольцами, подвесками), бронзовы-

ми бляшками и пронизками различных форм и типов. Выполнены в основном из медных сплавов. На среднем и позднем этапе появляются предметы из золота и серебра. Уникальной находкой является женский головной убор из погребения № 264 Мокинского могильника, который выполнен из шерстяной ткани полотняного плетения, подшитой тесьмой. На ткань пришиты кожаный ремешок, на который продеты бронзовые конусовидные бляшки. Головной убор датируется IV в. (Перескоков, Доткин, Якимова, 2018).

Распространенным украшением являлись бусы. Причем назначение и типы бус на протяжении культуры менялись. На раннем и среднем этапе они доминировали на костыщах и использовались в культовых целях. На Гляденовском костыще найдено более 14000 единиц бус. На среднем и позднем этапах бусы стали появляться в погребальных комплексах (Мингалев, Мингалева, Перескоков, 2019). Наиболее массовыми на раннем и среднем этапе являются золотостеклянные бусы (Коренюк, Мингалева, 2020), присутствуют также стеклянные глазчатые бусины, бусы из египетского фаянса. На позднем этапе появляются четырнадцатигранные сердоликовые бусы, таблетковидные янтарные, разнообразные стеклянные из одноцветного глухого стекла, бисер, а также крупные бусы из молочно-белого халцедона. В погребениях Кудашевского могильника найдены нагрудники и пояса, вышитые бусами (Казанцева, 2014).

Единичными экземплярами представлены сюльгамы, фибулы и эполетообразная застежка, имеющие близкие аналогии в материалах сопредельных археологических культур.

Ременная гарнитура представлена типичными для Прикамья застежками с неподвижным крючком для раннего и среднего этапов гляденовской культуры. С III в. начинают появляться трехставные пряжки, наконечники ремней и поясные накладки – элементы воинской ременной и портупейной гарнитуры. Аналогичные изделия широко представлены как в соседних культурах, так и в материале степных памятников позднесарматского времени.

Предметы вооружения и конской упряжи, распространенные в ананьинское время, полностью отсутствуют на памятниках раннего этапа гляденовской культуры. Начиная со среднего этапа в погребениях начинают появляться мечи (Красноярский могильник) (Казанцева, 2012). В III в. в связи с появлением в ареале культуры пришлых воинских групп появляются воинские погребальные комплексы, имеющие прямые аналогии в степных памятниках позднесарматского времени (Перескоков, 2018а). Вооружение представлено мечами и палашами, копьями, кинжалами, топо-

рами. Богатые воинские погребальные комплексы исследованы О.А. Казанцевой на Кудашевском могильнике, где, помимо наступательного вооружения, представлены и элементы оборонительного вооружения – шлемы, кольчуги, пластинчатые доспехи (Казанцева, 2004; Казанцева, Нагиев, 2017).

Конская упряжь представлена железными удилами различных типов, костяными псалиями. К деталям стрелкового вооружения можно отнести находки костяных пластин сложного лука на Махонинском и Черновском I городище, колчаные крючки.

Анализируя хозяйственную деятельность, Ю.А. Поляков констатировал наличие у гляденовцев земледелия и скотоводства при второстепенной роли охоты и рыболовства. В ранней работе ведущей формой хозяйства признавалось подсечно-огневое земледелие (Поляков, 1967, с. 200). В последней статье исследователь пишет, что, возможно, животноводство играло более важную роль, чем земледелие (Поляков, 2001, с. 15–17). Находки зерен на позднегляденовском Осинском городище могут свидетельствовать об уровне земледелия. Среди зерен 72,5% составляет полба, 27,5% – ячмень; единично встречены зерна мягкой пшеницы и овса. По мнению А.В. Кирьянова, производившего анализ состава зерна, «ведущее положение занимала полба, затем ячмень. Овес не выступал как самостоятельная культура» (Генинг, 1959б, с. 176). Как считает Ю.А. Краснов, находка в одном месте в смеси зерен разных злаков свидетельствует о смешанном посеве (Краснов, 1965, с. 71). Такой смешанный состав зерновых при высоком удельном весе теплолюбивых культур использовался в лесной зоне Прикамья на протяжении всего I тысячелетия н. э. и, как полагают, был обусловлен подсечно-огневым характером земледелия (Черных, 2014, с. 56). Представляется, что земледелие не было ведущей формой хозяйства, так как, несмотря на значительный объем раскопанных поселенческих памятников последних лет, количество найденных сельскохозяйственных орудий не прибавилось (2 железные мотыжки и несколько роговых) (Поляков, 2001, с. 15).

Основой хозяйства гляденовского населения являлось все же скотоводство (Перескоков, 2016; 2018, с. 26–28), что подтверждается массовыми жертвоприношениями домашнего скота на костыщах. Исследованные остеологические материалы с памятников гляденовской культуры (Андреева, Петренко, 1976, с. 146–149; Петренко, 1984; Петренко, 2007; Коренюк, Мельничук, Перескоков, 2018) дают весьма схожие данные по составу костей. Основными животными, как и в ананьинское время, продолжали оставаться лошадь и

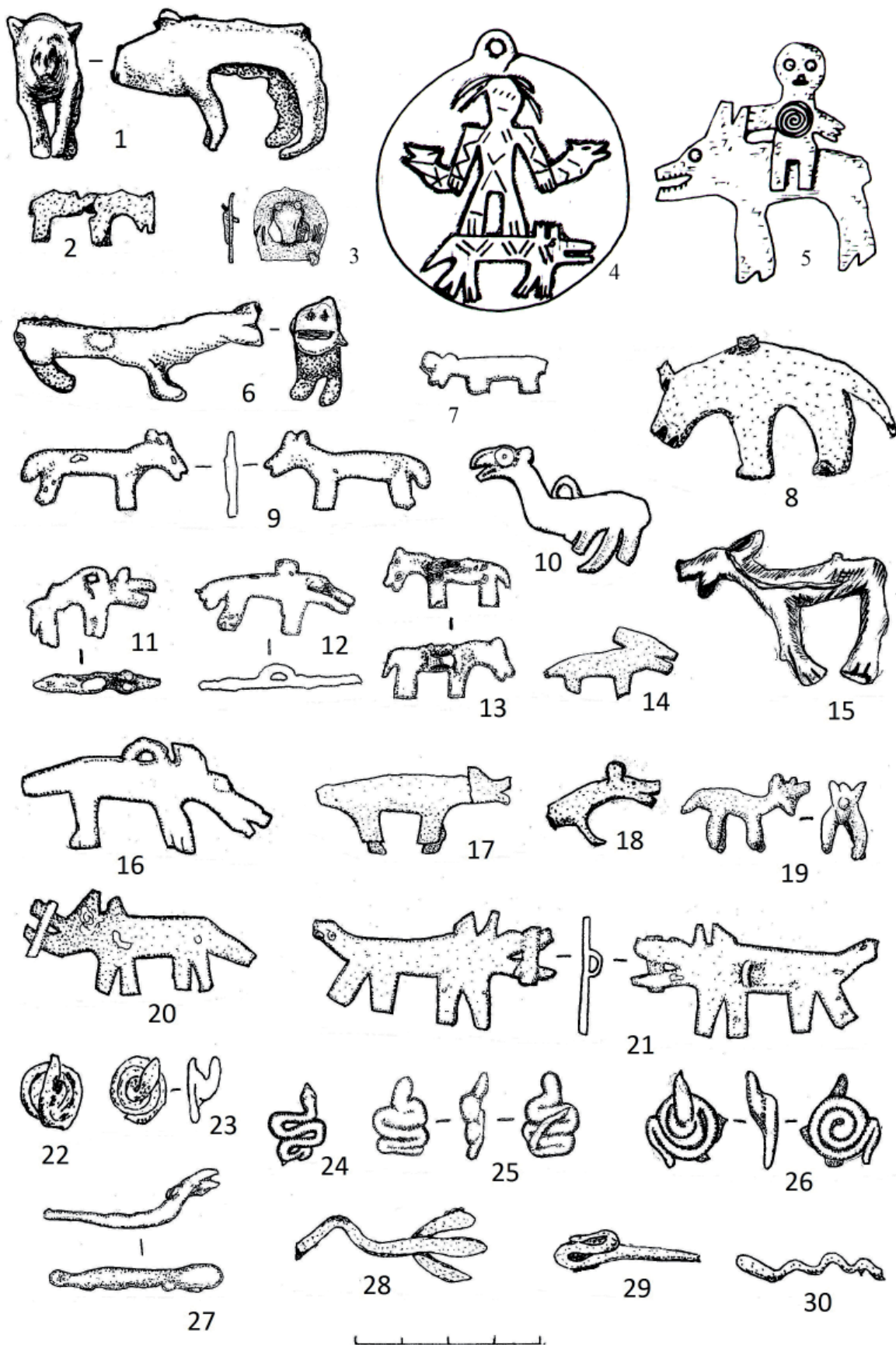

Рис. 6. Гляденовское костыше. Бронзовые фигурки

1-3, 6-8 – изображения медведей; 4-5 – многофигурные композиции; 9, 10 – неопределенные фигурки; 11-21 – фигурки волков; 22-30 – фигурки змей

КРС (31,8–41% и 29–41% соответственно). Число останков свиней невелико (менее 20%), а кости МРС единичны (Петренко, 1984, с. 129). При этом А.Г. Петренко отмечает, что «коневоодческий» характер животноводства обусловлен способностью животных этого вида самостоятельно добывать себе корм в зимние месяцы и тем самым уменьшать проблемы запаса кормов (Петренко, 2007, с. 73). Таким образом, гляденовский хозяйственно-культурный тип был представлен сложной системой сочетания производящей и присваивающей экономики, базирующейся на скотоводстве. Остальные отрасли имели меньшее значение и дополняли хозяйственную систему.

Могильники гляденовской культуры имеют достаточно близкую топографию: это расположение на пологих возвышенностях (дюнных всхолмлениях, мысах, 1 и 2 коренных террасах, коренных берегах рек, пойменных возвышенностях), удаленных от русла крупных рек, иногда в устьях более мелких рек или ручьев (рис. 4). Некоторые из них расположены на площадках брошенных ананьинских селищ, в чем Ю.А. Поляков видел закономерность, характерную для могильников гляденовской культуры, обусловленную религиозными причинами. Представляется, что такая система сложилась на позднем этапе ананьинской культуры, когда в условиях жесткой конкуренции за ресурсы, в ходе внутренних конфликтов ряд поселений был уничтожен. Погибшие, прежде чем поселение было оставлено, погребались прямо в разрушенных и сожженных постройках на площадках оставленных поселений. Такие погребения фиксируются на поселении Заюрчим I, Гляденовском городище, Гремячанском поселении-святилище, селище Городок, Заосиновских I, IV, V, поселениях (Коренюк, Мельничук, Черных, 2017). Некоторые из указанных памятников трансформировались в святилища, как, например, Гляденовское и Гремячанское. Заюрчимское I поселение долгое время было заброшено, но на позднем этапе гляденовской культуры там фиксируется небольшое поселение. Заосиновские поселения трансформировались в полноценные некрополи. Судя по всему, население с этих поселений переместилось на незначительное расстояние – на первую коренную террасу р. Камы, которая была плотно заселена и в ананьинское, и в гляденовское время.

Погребальный обряд на раннем этапе гляденовской культуры характеризуется труположением в грунтовых могилах. Погребения неглубокие – до 0,55 м. На Заосиновском I могильнике погребения фиксируются плохо, так как захоронение производилось в гумусированном культурном слое поселения. Погребения располагаются рядами

ми вдоль края дюны. Ориентировка неустойчивая. Присутствуют погребения, ориентированные головой на запад, юг, северо-восток, восток и север. Погребенные укладывались вытянуто на спине. Лишь в одном случае фиксируется положение на левом боку со слегка согнутыми в коленях ногами. Встречаются парные погребения (Поляков, 1978, с. 44, 45). На Заосиновском I могильнике был обнаружен ряд сооружений, связанных с погребениями и использовавшихся при совершении погребальных ритуалов. К ним относятся несколько ям вблизи погребений; в некоторых из них были найдены человеческие черепа и кости, в других – кости животных. Ю.А. Поляков к погребальным сооружениям также относит обширное углубление, дно которого выстилал слой гравия с золой, где были уложены в двух метрах несколько черепов лошадей. Данный набор погребальных сооружений имеет полные аналогии в познеананьинское время (могильники Ремзавод, Протасы). Сопровождение погребений выкладками из черепов лошадей присутствует на Заюрчимском I поселении.

Самая яркая черта погребального обряда гляденовцев – захоронение без погребального инвентаря. По данным Ю.А. Полякова, в 74 погребениях могильников Заосиновского I и Городок было найдено всего 5 вещей – 4 ножа и основа бронзовой височной подвески в виде вопросительного знака (Поляков, 1978, с. 48). Такое малое количество вещей, по мнению исследователя, можно объяснить только тем, что это запрещал обряд, а вещи попали в могилы случайно, вопреки обряду. Данная традиция также появляется в позднеананьинское время и, вероятно, связана с аккумуляцией вещей на костыщах, которые активно развиваются в этот период.

На среднем и позднем этапах погребальный обряд претерпевает серьезные изменения и трансформации. На рассматриваемых нами могильниках этих этапов фиксируются погребения двух типов: курганные и грунтовые. Всего исследовано более 700 грунтовых погребений (на Красноярском, Верхне-Ирьяском, Кудашевском, Мокинском, Качкинском, Кляповском и Бурковском могильниках) и 93 кургана (на Кудашевском, Верхне-Ирьяском, Бродовском, Калашниковском, Бурковском, Мокинском и Качкинском могильниках) этих периодов (Перескоков, 2018, с. 34).

Средний этап гляденовской культуры (I – начало III вв. н. э.), продолжая традиции раннего этапа, характеризуется обрядом ингумации. В ряде погребений фиксировались деревянные конструкции в виде настилов над и под костяком, деревянных плах. Продолжение ананьинских погребальных традиций прослеживается в «доме

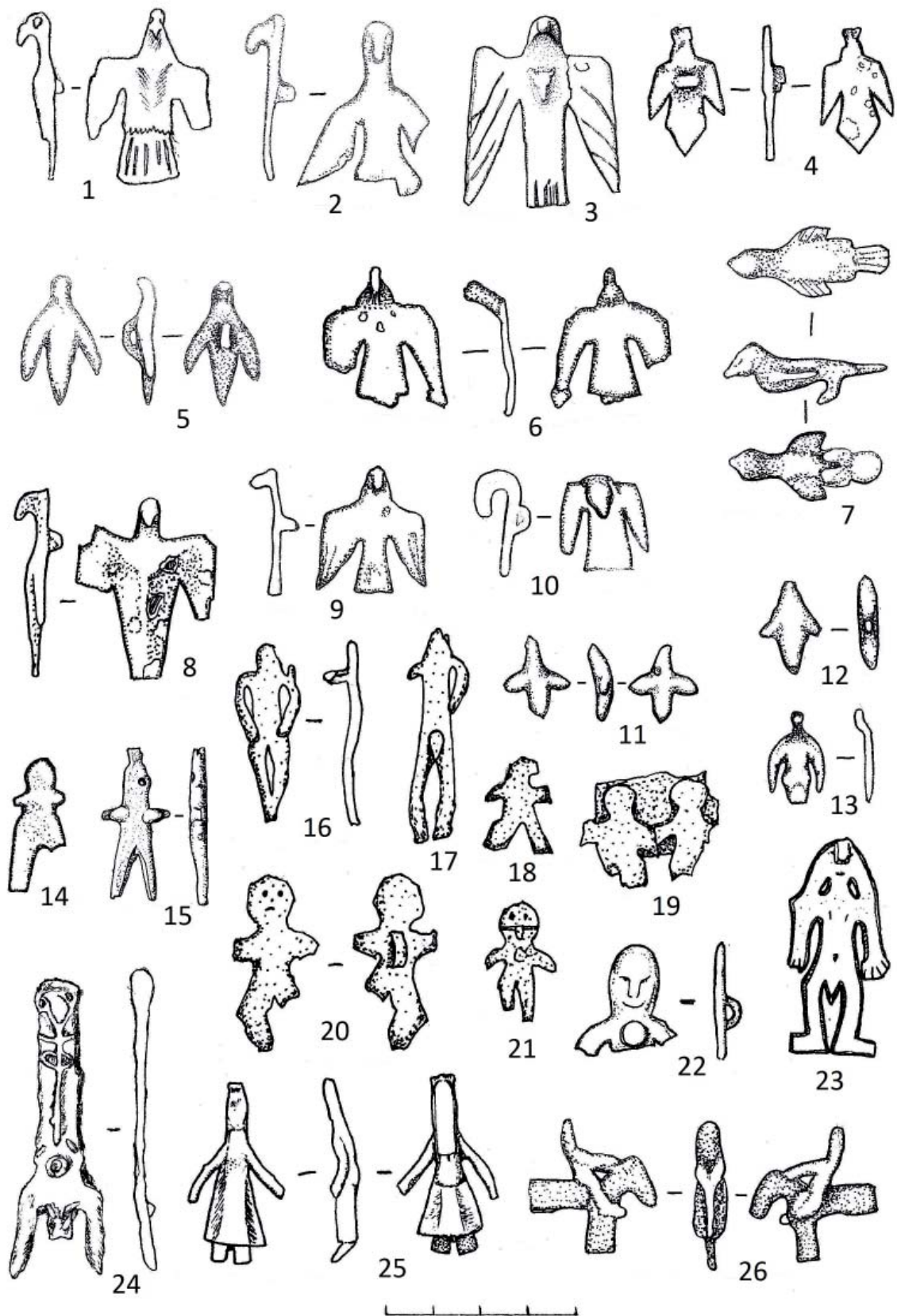

Рис. 7. Гляденовское костыще. Бронзовые фигурки
1–13 – фигурки птиц; 14–26 – антропоморфные фигурки

мертвых» (III–IV вв. н. э.), исследованном на Верхне-Ирьякском могильнике. В то же время на этом этапе появляется несвойственный для этой территории обряд обезвреживания погребенных (ООП), зафиксированный на Верхне-Ирьякском и Мокинском могильниках, а также появление курганного обряда (Верхний Ирьяк), которые могут быть связаны с притоком в Прикамье пришлых групп населения. В целом же на позднем этапе гляденовской культуры (начало III – первая четверть V вв. н. э.) в результате смешения местных и пришлых погребальных традиций формируется своеобразный погребальный обряд, который в дальнейшем станет характерен для всех могильников харинского типа. Это сочетание курганной и бескурганной части, курганы (после растворения в местной среде собственно носителей обряда) становятся критерием высокого статуса, а не маркером присутствия инородного населения, идеологически сливаются с местной традицией «домов мертвых», что прослеживается на материале Мокинского могильника, где отмечено вторичное использование завалинки руинированной постройки среднего этапа гляденовской культуры для сооружения «длинного кургана» (Васильева, Мингалев, Перескоков, 2018). Развитие обряда обезвреживания погребенных и обряда кремации (менее распространенного, чем ингумация, но также характерного для Прикамья и особенно для Европейского Северо-Востока) порождают такие формы обряда, как частичная кремация, полная кремация, частичная ингумация.

Гляденовские костяжища – специфический вид святилищ, связанный с крупными жертвоприношениями животных (в основном домашних), принесением в жертву украшений, бус, наконечников стрел, votивных предметов. Костяжища начали формироваться на площадках городищ на позднем этапе ананьинской культуры (Гляденовское, Юго-Камское, Гремячанское), но расцвет эпохи костяжищ – это гляденовская культура, названная по крупнейшему из них. На первом этапе культуры функционируют только два: Гляденовское и Юго-Камское костяжища, которые получили в литературе наименование «ранние». На среднем этапе (с I в. н. э.), в ходе расселения гляденовского населения по крупным и мелким притокам р. Камы и освоения новых территорий появляются новые костяжища, которые получили в литературе название «малые» (Лепихин, 2007, с. 14).

Раскопки последних лет на Гляденовском костяжище позволили уточнить планиграфию объекта. Гляденовское костяжище располагается на средней площадке одноименного городища (рис. 5). Городище было построено в позднеананьинское время. Наиболее ранняя система укреплений относится

к рубежу VI–V вв. до н. э., эта система достоверно включала вал с напольной стороны и вал со стороны стрелки мыса. Судя по материалам раскопок третьего вала, укрепления были разрушены и сожжены. После этого укрепления были снова возведены в V–IV вв. до н. э. на более высоком технологическом уровне. Городище имело уже четыре вала поперечных и два вала вдоль края оврага. В вал были врезаны башни, представляющие собой бревенчатую прямоугольную конструкцию с выходом вовнутрь городища. Присутствуют следы многократного ремонта стены, подсыпки и обмазки. Эта система укреплений была также сожжена и разрушена в IV в. до н. э. Исследованная фортификация является очень развитой для раннего железного века и отличается от других ананьинских городищ своей сложностью и технологичностью, что может говорить о городище как о производственном и культовом центре прикамского населения в ананьинское время, и не удивительно, что именно здесь возникло крупнейшее из костяжищ (Коренюк, Перескоков, 2017).

Наиболее ранние комплексы, относящиеся к Гляденовскому костяжищу, датируются позднеананьинским временем (V–IV вв. до н. э.) (Лепихин, 2007, с. 106), но расцвет святилища относится к рубежу эр и первым векам н. э. В этот период стабилизировалась климатическая обстановка, благодаря чему исчезла внутренняя напряженность в обществе, связанная с борьбой за ресурсы (пойменные луга), и произошел рывок в развитии скотоводства, что сделало возможным развитие культов с массовым жертвоприношением животных. В этот период городище утратило свою оборонительную функцию, как и большинство укрепленных поселений ананьинского времени в Пермском Прикамье. Население переселилось с террасы р. Камы на пойменные дюны и береговые террасы мелких рек, и Гляденовское городище функционирует уже как святилище. При этом его центром являлась площадка в двух третях расстояния между первым и вторым валом, с западного края средней площадки, где располагался зольник, исследованный Н.Н. Новокрещенных. Площадка, исследованная раскопками 1980–2010-х гг., являлась отдельным, более локальным культовым комплексом, имеющим структуру, характерную для удмуртских святилищ, известных по этнографическим данным. Площадка имела форму небольшого округлого выступа, в центре которого расположены два крупных очага-жертвенника. При этом слой в этой части имеет слабую мощность и малое количество находок, так как в этом месте, вероятно, происходили обряды и находились люди. По периметру площадки, особенно с северного склона, выходящего к р. Каме, располагаются

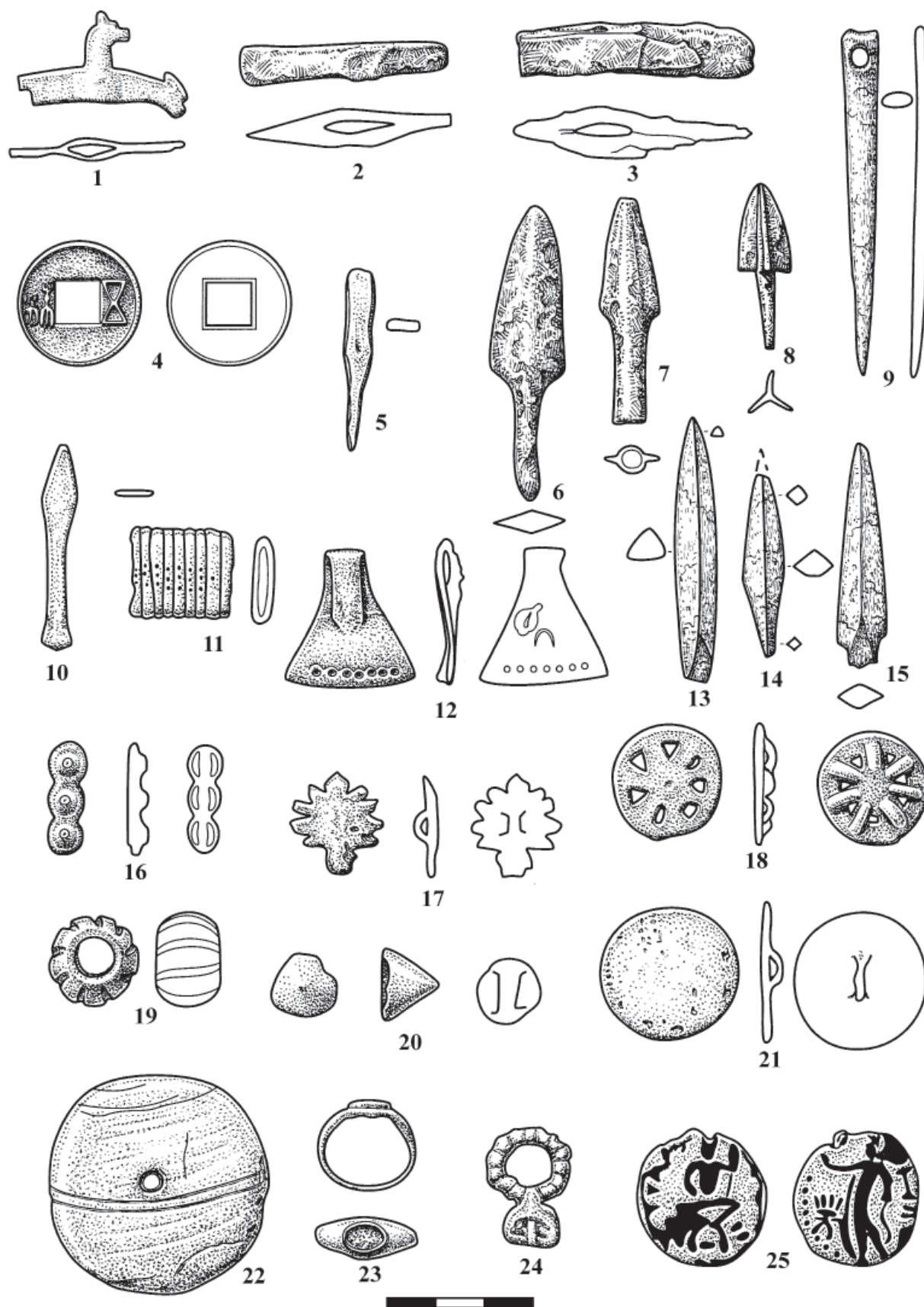

Рис. 8. Гляденовское костыще. Бронзовые, железные, костяные изделия
 1–3, 5 – вотивные топоры и чеканы; 4 – монета, Китай; 6–8, 13–15 – наконечники стрел; 9 – игла;
 10–12, 16–18, 20–24 – украшения; 19 – бусина; 25 – монета, Кушанское царство
 1, 4, 5, 10–12, 16–18, 20–25 – медь и бронза; 2, 3, 6–8 – железо; 9, 13–15 – кость; 19 – стекло

культовые объекты в виде зольников, скоплений костей, небольших очагов, галечниковых площадок. Также фиксируются ямы и выкладки из костей и черепов животных. Эта часть наиболее богата материалом: бусы, предметы звериного стиля, наконечники стрел, культовые сосудики и др. Вероятно, здесь стояли идолы и деревья, к которым на железные штырьки и иголки прикреплялись подношения в виде вещей. Нижние горизонты на этих участках, вероятно, также содержат остатки сожженной фортификации периода городища, что объясняет здесь значительную мощность культурного слоя и углисто-прокальных пятен.

Верхняя и нижняя площадки использовались для размещения объектов инфраструктуры для функционирования святилища. Здесь располагались металлургические площадки для изготовления культовой металлопластики, железных штырьков и иголок, костяных и металлических наконечников стрел, а также находились постройки для содержания животных, которых готовили для принесения в жертву (Коренюк, Перескоков, 2017).

На позднем этапе гляденовской культуры функционируют все костыща. Финал раннего железного века – время постепенного прекращения функционирования костыщ, что было вызвано рядом причин. Наиболее важной из них является постепенная смена социально-политического устройства от религиозно-ориентированной формы в раннем гляденово, когда происходит расцвет костыщ, к форме военного вождества. Вследствие чего аккумуляция ценностей и обряды поминания предков переносятся на могильники. Так, на Моккинском могильнике исследован ряд жертвенников, имеющих полные аналоги на Гляденовском костыще. Второй причиной, вероятно, было общее обеднение населения вследствие разрыва торговых связей из-за внешних причин (процессы, вызванные эпохой Великого переселения народов). В то же время указанные процессы были долговременными, некоторые костыща доживают до VI–VII в. и сосуществуют с курганно-грунтовыми могильниками в Верхнекамье и бассейне р. Сылвы.

Хронологическая атрибуция материалов гляденовской культуры основывается на разработках Ю.А. Полякова (1967; 2001) и М.Л. Перескокова (2018). Хронология раннего этапа затруднена отсутствием хорошо датированных закрытых комплексов, что вызвано безынвентарностью погребений, и аккумуляции вещевого материала на костыщах и основывается на аналогиях основным датированным вещам. Для разработки вопросов хронологии среднего и позднего этапов были применены взаимно верифицирующие методы: пла-

ниграфический, стратиграфический и корреляционный метод (сериация).

Нижняя граница культуры достаточно размыта и определяется полной сменой типов основных хроноиндикаторов позднего этапа ананьинской культуры. Ключевыми признаками являются: изменение облика наконечников стрел – исчезновение бронзовых втульчатых трехлопастных, смена типов железных; трансформация стилистики культовой металлопластики Гляденовского костыща (рис. 6, 7); смена некоторых типов бус (появление бус со внутренней позолотой); деградация и исчезновение воротничка на керамической посуде. Также в этот период происходят сильные социокультурные изменения в раннегляденовской среде – начинают активно функционировать ранние костыща, происходят локальные миграции. Нижняя дата гляденовской культуры определяется II вв. до н. э. Памятники же III–II вв. до н. э. представляется верным считать переходными от позднего этапа ананьинской культуры к раннему этапу гляденовской.

Планиграфические наблюдения за изменением ориентировки погребений, которые присутствуют на большинстве исследованных могильников, выявили группы погребений, характеризующиеся близкими типами погребального инвентаря. Всего было выделено 5 хронологических групп погребений.

Стратиграфические наблюдения за взаимным перекрытием курганных канавок, погребений и перекопов позволили выявить последовательность сооружения курганных насыпей и погребений в определенных курганных группах.

Сериация материалов погребальных комплексов основывалась на выделении 34 хроноиндикаторов. Использовались комплексы, в которых присутствовало не менее 2 хроноиндикаторов. В результате выделено 4 кластера, которые были синхронизированы с полученными ранее хронологическими группами.

Таким образом, нами при помощи разных методов общий пласт материала был разделен на некоторые группы (хронологические группы, кластеры), отражающие хронологическое деление материала (Перескоков, 2018, с. 89–105). Первые четыре хронологические группы относятся к гляденовской культуре. Частично четвертая и пятая хронологические группы уже отражают процесс формирования раннесредневековых культур Прикамья.

1 хронологическая группа содержит наиболее ранние комплексы. Материалы этой группы присутствуют на Красноярском и Верхне-Ирьякском могильниках, причем на Верхне-Ирьякском могильнике представлены наиболее поздние мате-

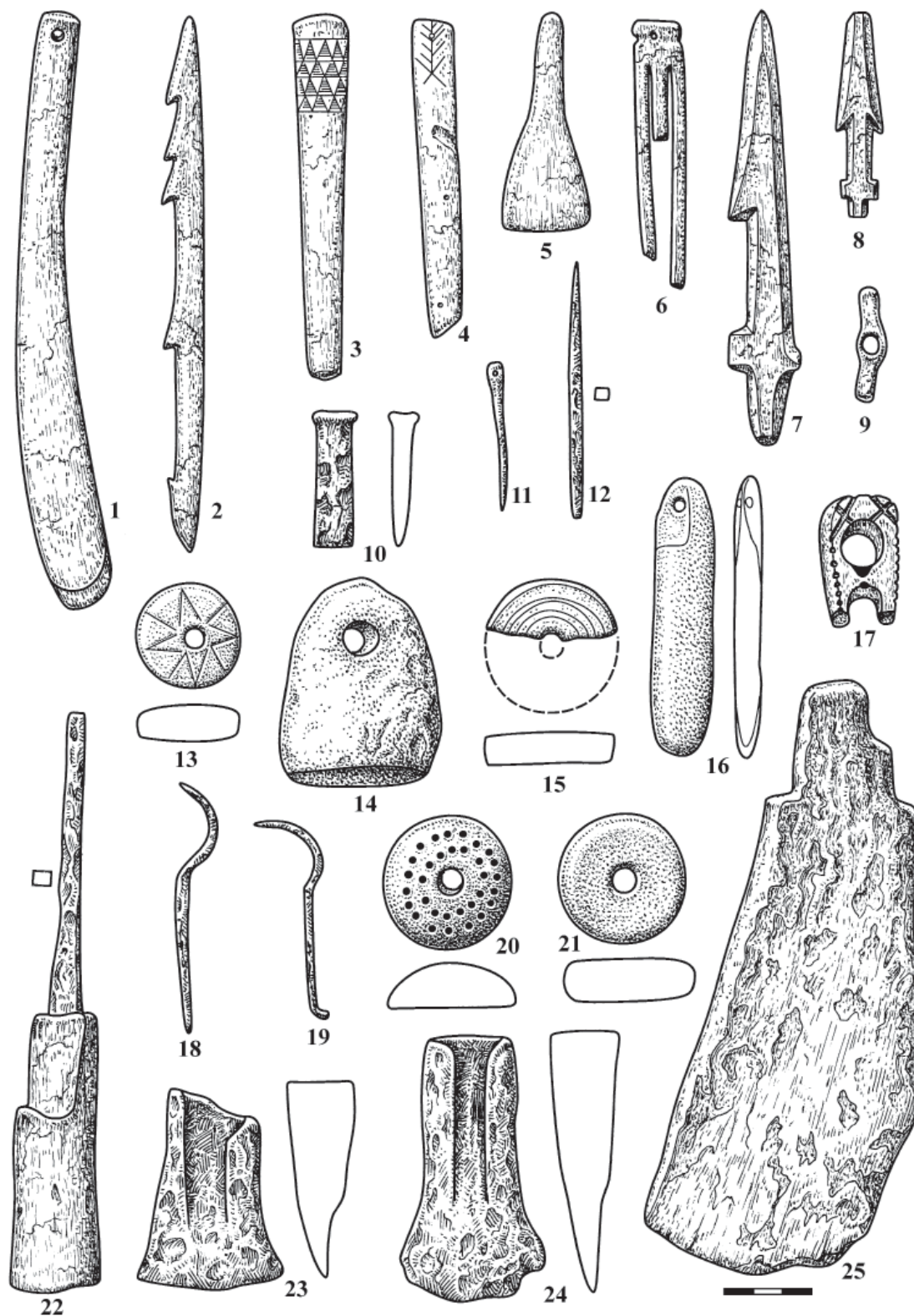

Рис. 9. Гляденовская культура. Бытовые и хозяйственные предметы

1, 5 – лопаточки; 2, 7–8 – наконечники гарпунов; 3 – кочедык; 4 – накладка лука; 6 – варган; 9 – пуговица; 10 – зубило; 11 – игла; 12 – шило; 13, 15, 20, 21 – пряслица; 14 – грузило; 16 – оселок; 17 – пряжка; 18, 19 – ложки; 22 – стамеска с костяной рукоятью; 23–25 – мотыжки. 1–9, 17 – кость; 10–12, 18, 19, 22–24 – железо; 13–15, 20, 21 – керамика; 16 – камень. 25 – рог

1, 6, 14, 15 – Горюхалихинское городище; 2 – Ильинское костеище; 4 – Кроховское селище; 5, 7, 8, 17, 20, 21 – Федотовское городище; 3, 4, 6 – Махонинское городище; 10, 11, 25 – Гляденовское костеище; 9 – Осинское городище; 12 – Юго-Камское костеище; 16 – селище Заюрчим VI; 18 – Бутырское городище; 19 – Усть-Туйское костеище; 22 – Пещерское городище; 23 – Скородумское селище; 24 – Коновалытское селище

риалы. Хронологическая группа датируется I – началом III вв., что определяется бытованием в Прикамье поздних форм застежек с неподвижным крючком, имеющих черты, характерные для ананьинско-пьяноборского времени (Лещинская, 1995, с. 90, 102, 103; Лещинская, 2000, с. 10, 11). Другие материалы (височные подвески листовидной формы в виде знака вопроса, со спиральной трубицей и напускной бусиной, железные сюльгамы, трапециевидные подвески, круглые бляшки с отверстием в центре, поясные накладки с орнаментом в виде двух линий треугольников, ножны в виде обоймицы) подтверждают эту дату. Также материалы этой хронологической группы четко пересекаются с другими памятниками. Так, аналогии большинству вещей присутствуют на гляденовских костыщах. В целом группа отражает традиционную материальную культуру местного гляденовского населения, стилистические компоненты которой складывались на протяжении всего раннего железного века. При этом присутствует многообразие различных форм импорта (Коренюк, Чуйкина, 2002.), в основном бусы и мелкие украшения.

2 хронологическая группа. К ней относятся комплексы из Красноярского, Верхне-Ирьянского, Мокинского могильников. Группа датируется началом III – серединой IV вв., что основывается на появлении трехсоставных пряжек, выполненных в фасетированном стиле, с коротким прогнутым язычком, пряжек с язычком, расширяющимся по ширине рамки. Достаточно широкое распространение в это время получили крупные халцедоновые бусы и диски – навершия мечей. Импортные вещи этого времени достаточно редки, что, вероятно, связано с разрывом торговых связей населения Прикамья с сарматами, вызванным обострением политической обстановки в Европе в III в. Поясная гарнитура этого времени представлена в основном рамчатыми железными пряжками с коротким, не выступающим за рамку язычком, без щитка и со щитком. Хронологическая группа характеризуется бедностью материальной культуры и своеобразным синкретизмом: с одной стороны, продолжением бытования и развитием местных архаичных типов вещей, принадлежностей костюма и украшений, с другой стороны, появлением достаточного количества предметов импортов римского, сарматского и центральноевропейского круга. Причем, помимо дальних импортов, появляется большее количество типов вещей, заимствованных у ближних соседей – родственных культур пьяноборского круга. Материалы данной хронологической группы синхронизируются и дополняются материалами малых костыщ, а также частью материалов Гляденовского и Юго-Камско-

го костыщ, а также единичными находками с поселений, которые в это время чрезвычайно бедны. Также группа частично синхронизируется с ранними погребениями I кластера.

3 хронологическая группа представлена погребениями Красноярского, Кудашевского, Мокинского, Качкинского, Калашниковского, Бурковского и Бродовского могильников. Группа очень своеобразна и неоднородна. В целом группа имеет облик группы 2 и характеризуется развитием более ранних типов, эволюционирующих под влиянием импортных образцов. С другой стороны, в этот период, вследствие движения гуннов, на территорию Прикамского региона происходит приток небольших, тяжеловооруженных воинских групп, которые приносят с собой обширный комплекс вещей, совершенно не характерный для Прикамья. Эти комплексы располагаются на могильниках достаточно компактно, зачастую связаны с курганными группами погребений. В то же время связанные с ними вещи встречаются и в типично местных комплексах. Набор вещей неоднороден, и в нем выделяется два этапа. Вещи первого этапа характерны для позднесарматского (предгуннского) времени, характеризуются сбруйными наборами с малых размеров коробчатыми наконечниками ремней из Бродовского могильника (26/1), халцедоновыми навершиями мечей из Кудашевского могильника (17) (Безуглов, 2000, с. 169–193), специфическими накладками из Бродовского могильника (27/1) (Боталов, Гуцалов, 2000, с. 53, 54, 56.), полихромной пряжкой из Бродовского могильника (25/1). По аналогиям среди позднесарматских материалов, в частности Тугозвонovo, эту группу вещей можно датировать поздним IV в. (Овчинников, 2004; Малашев, 2000, с. 204). Причем, так как эти вещи явно попали на территорию Прикамья уже в комплексах и в очень короткий промежуток времени вместе с их носителями(!), они не должны запаздывать, в отличие от вещей предыдущего периода. Следующий этап характеризуется появлением предметов полихромного стиля с перегородчатой инкрустацией (Мокинский, Кудашевский могильники), пряжек и накладок в форме лунниц, относящихся к раннесасанидской традиции (Казанский, 2002, с. 193–197), связанных уже с предгуннским временем. Эту группу вещей можно датировать третьей четвертью IV – началом V вв. Четко разделить комплексы не представляется возможным, так как ряд наборов содержит вещи обеих групп, что, вероятно, связано с неравномерностью и не синхронностью собирания комплекса вооружения и снаряжения носителями ввиду разности возраста и различных условий, что хорошо видно на материалах Кудашевского и Тураевского могильников.

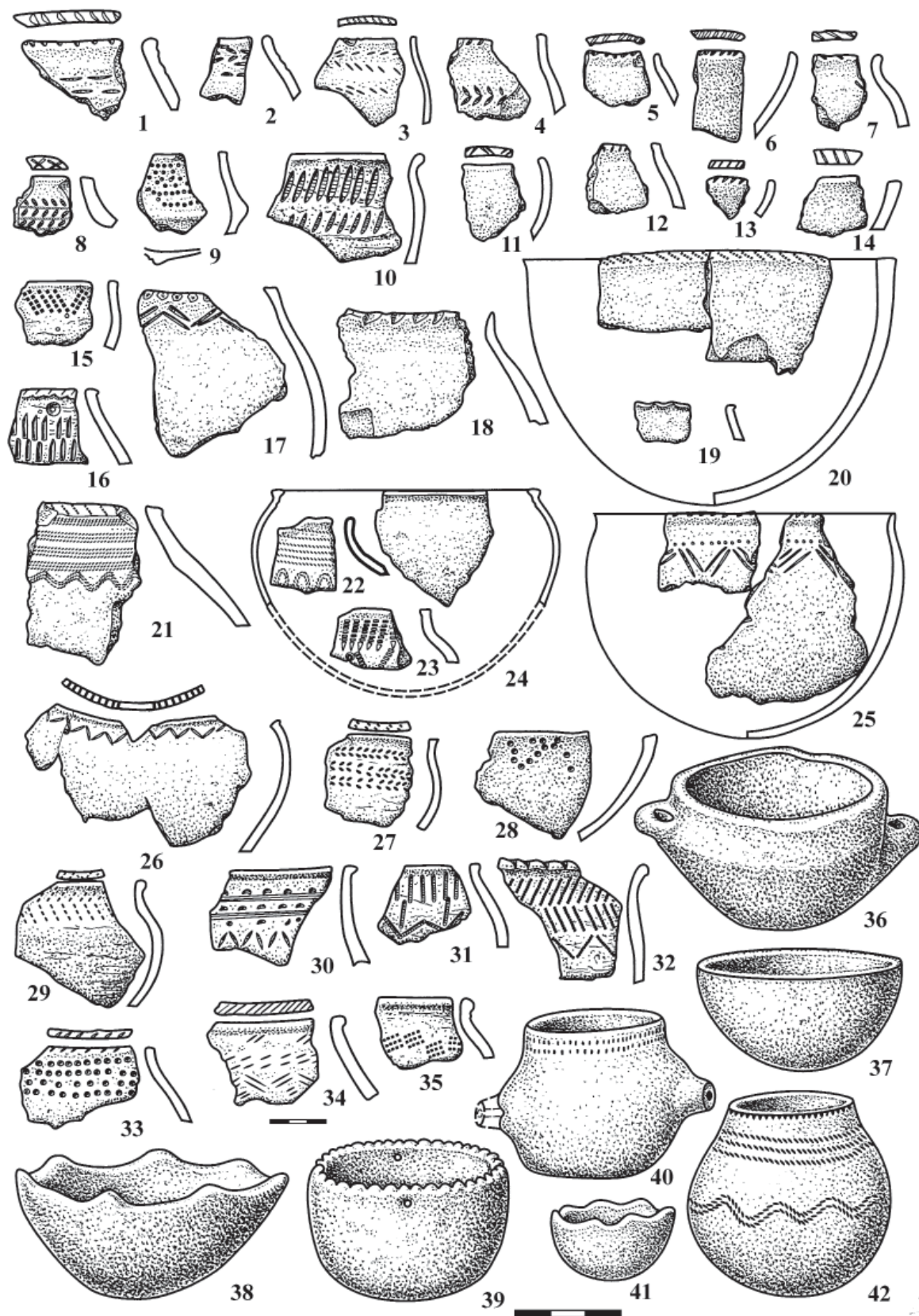

Рис. 10. Керамика гляденовской культуры

1–8, 11–14 – Гляденовское костище; 9, 22–24, 26 – Бутырское городище; 10, 15, 16, 27–29, 31–32, 35 – Осинское городище; 17–21, 25 – селище Заюрчим VI; 30, 34 – могильник Качка; 33 – костище Слепушка; 36–42 – жертвенные чашечки (масштаб снизу). 36 – костище Слепушка; 37, 42 – Юго-Камское костище; 38, 41 – Гляденовское костище; 39 – Гаревское костище; 40 – Горюхалихинское городище

Материалы данной хронологической группы синхронизируются с финалом существования гляденовских костыщ, а также с материалами ряда поселений (селище Пеньки, Горюхалихинское и Черновское I городища). Группа полностью синхронизируется с I кластером.

4 хронологическая группа. К ней относятся комплексы Мокинского, Качкинского, Бурковского, Калашниковского, Митинского, Бродовского могильников. Характеризуется эволюцией форм пряжек, что связано с появлением местного производства ременной гарнитуры. Если на предыдущих этапах происходило совместное использование вещей местных архаичных типов и импортных вещей общеевропейского стандарта, то в вещах этой группы видно включение Прикамья в общеевропейскую «моду». Достаточное количество переходных форм элементов поясной гарнитуры может свидетельствовать о творческих поисках среди местных мастеров, которые, перерабатывая импортные формы, пришли к собственным типам (пряжки с треугольным, вытянутым полукруглым и вытянутым трапециевидным щитками), которые являются их производными. Но стилистика общеевропейской моды этого времени не теряется. Хронологическая группа соответствует гуннскому времени и датируется V в. На костыщах гляденовской культуры встречаются единичные вещи, относимые к этой хронологической группе (в основном бусы), но главный хроноиндикатор – пряжки – на костыщах не найден, что говорит о прекращении активного функционирования костыщ в это время. 4 хронологическая группа синхронизируется с кластером 2.

Также необходимо отметить еще одно наблюдение. Все изменения материальной культуры, связанные с включением в европейскую «моду», касались в первую очередь вооружения и поясной гарнитуры, а также некоторых деталей костюма, т. е. в основном мужского обмундирования и снаряжения. Женский костюм развивался равномерно и постепенно на основе местной культурной традиции. То же можно сказать и о предметах быта и хозяйственного инвентаря, которые на всем протяжении исследуемого периода оставались неизменными.

На сегодняшний день разработано несколько периодизаций материалов гляденовской культуры и финала раннего железного века Пермского Прикамья. Камнем преткновения обычно является верхняя дата. Большинство исследователей привязывается к одному ключевому моменту – появлению в Прикамье населения, оставившего курганы харинского типа (Генинг, 1959, с. 157–219; Генинг, 1988; Голдина, 2004; Голдина Е.В., Голдина Р.Д., 2010, с. 156–260). В зависимости от пересмотра

датировки могильников харинского типа пересматривалась и периодизация, точнее ее хронологические рамки (Генинг, 1959, с. 184, 185; Генинг, Голдина, 1973, с. 84–87). Предшествующее время большинством ученых связывалось с гляденовской культурой в Верхнем и Среднем Прикамье, прекращение функционирования которой синхронизировалось с появлением курганов харинского времени. Р.Д. Голдина в своей периодизации завершает существование гляденовской культуры появлением курганных могильников (харинский этап ломоватовской культуры), который датируется V–VI вв. без конца VI в. Курганные могильники Сылвенско-Иренского поречья были отнесены исследователем к Бродовской (конец IV–V в. н. э.) и Верх-Саинской (VI в.) стадиям неволинской культуры (Голдина, Водолаго, 1990). Несколько отличную точку зрения имел основной исследователь гляденовской культуры, Ю.А. Поляков. Он делил гляденовскую культуру на три этапа: ранний (III в. до н. э. – I в. н. э.), средний (I–IV вв.) и поздний V–VI вв., который он частично синхронизировал с харинскими древностями, а курганы считал принадлежащими гляденовскому населению, изменившему свой традиционный погребальный обряд под влиянием контактов с южными соседями (Поляков, 2001, с. 19).

Представленная нами хронология материала подтверждает отсутствие разрыва как между ананьинскими и гляденовскими, так и между гляденовскими и раннесредневековыми древностями в Пермском Прикамье. Представляется правомерной следующая периодизация гляденовской культуры.

Период III–II вв. до н. э. является переходным от ананьинской к гляденовской культуре, когда происходит процесс трансформации основных маркирующих культуру признаков.

Немного корректируя датировки этапов Ю.А. Полякова, ранний этап гляденовской культуры можно определить II в. до н. э. – I в. н. э.

Следующие этапы коррелируются с построенной по сериации хронологической шкалой. I хронологическую группу можно обозначить как *средний этап гляденовской культуры* (I – начало III в. н. э.).

Следующей важной датой является дата начала второй хронологической группы (начало III в. н. э.), которая отражает начало изменений в материальной культуре, выраженное в исчезновении архаичных типов поясной гарнитуры, и начало постепенного включения Прикамья в европейскую культурную систему. Третья хронологическая группа озаменована появлением вещей Тураевско-Кудашевского типа, но она не изменила общей тенденции развития материальной культуры. Нао-

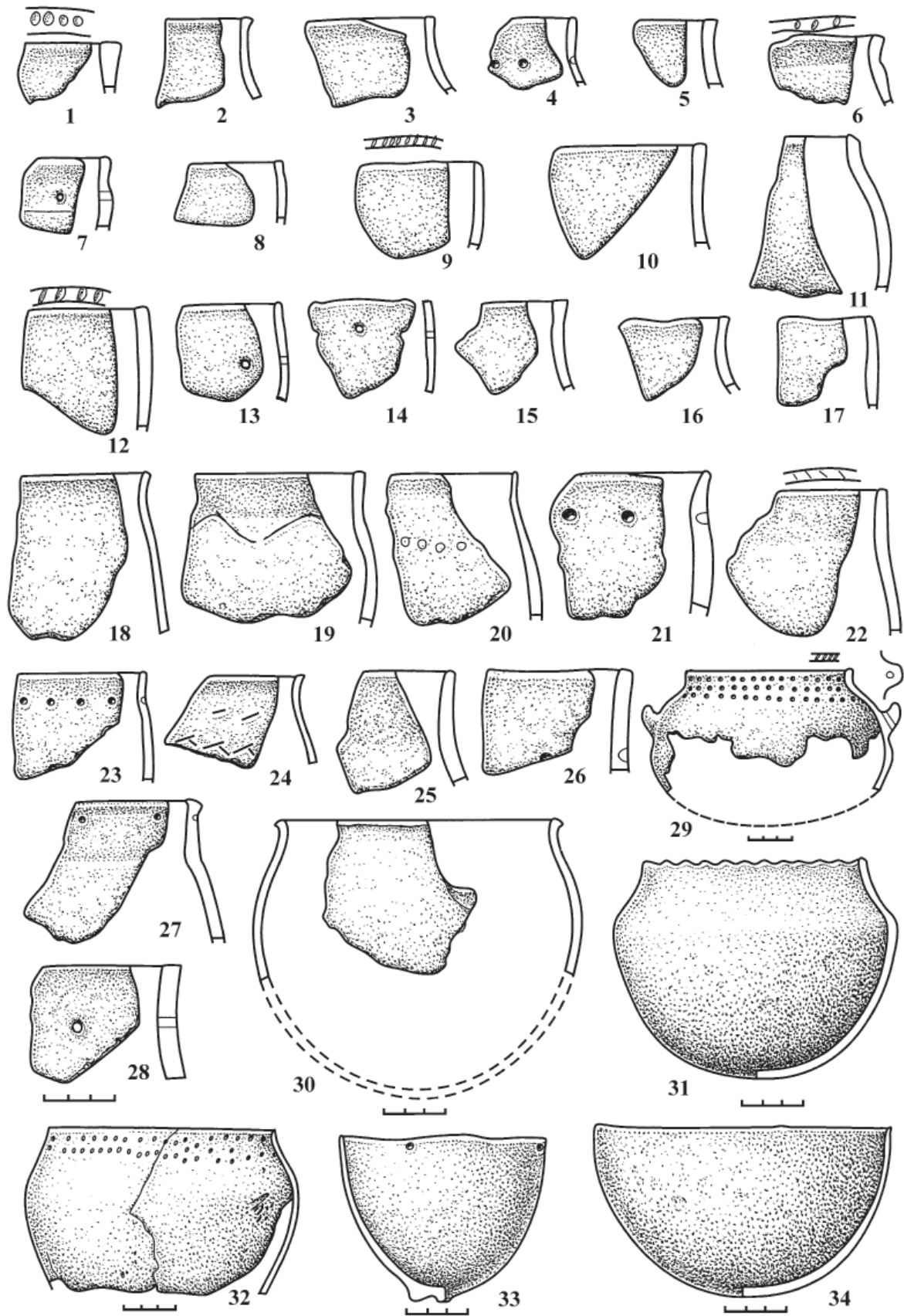

Рис. 11. Керамика гляденовской культуры

1–3, 5–7 – Петухово 1, селище; 4 – Петухово 4, селище; 8–11 – Петухово 2, селище; 12–18 – Петухово 3, селище; 19–23, 25, 27 – Крюково 3, селище; 24, 26 – Крюково-Северное 1, селище; 28 – Крюково-Северное 5, селище; 29 – Кудашевский могильник; 30–31, 33–34 – могильник Верхний Ирьяк; 32 – Краснойский могильник

борот, она ее подтолкнула. Приток большого количества импортных вещей был катализатором для развития местных типов общеевропейского стиля. С другой стороны, уникальные вещи типа Тураево-Кудаш присутствуют пусть и во многих погребальных комплексах, но связаны они только с носителями этих вещей (пришлыми воинами), поэтому и рассматривать их надо как явление специфическое. Поэтому, считаем обоснованным объединить 2 и 3 хронологическую группы в *Поздний этап гляденовской культуры*. Верхняя граница этапа будет обусловлена прекращением активного функционирования гляденовских костниц. Таким образом, дату позднего этапа можно обозначить началом III в. – первой четвертью V в.

Древности же типа *Тураево-Кудаш* будет справедливым охарактеризовать как особый *хронологический горизонт* со всеми присущими ему признаками, имеющий компактные хронологические рамки (третья четверть IV в. – начало V в.) и условную внутреннюю периодизацию (позднесарматский и предгуннский типы вещей).

Следующий этап (хронологическая группа 4) характеризуется как переходный (вторая треть V – конец V в.), в течение которого начинается дальнейшее развитие гляденовской этнокультурной основы, в которую были включены новые формы социальной организации и новые культовые представления (курганный погребальный обряд). Курганный обряд на этом этапе окончательно теряет этнический признак и становится признаком высокого социального статуса. Это период начала генезиса новых культурных образований, окончательно завершившегося к VII в., во время которого они начинают формировать свои отличительные признаки. Выделяя этот период, представляется справедливым разделить представленные материалы географически на основании изложенных выше различий и локальной специфики, которая потом стала ключевой в генезисе близкородственных культур ломоватовской и неволинской. Но тем не менее необходимо констатировать их синхронность и очень существенную близость (также близки курганным погребениям поломской культуры и курганно-грунтовыми могильниками в республике Коми). Различия в материальной культуре этих комплексов присутствуют в основном в керамическом материале и не выходят за рамки специфики локальных вариантов. Тем не менее на этом этапе происходит постепенное запустение поймы Камы в районе г. Перми и самой густонаселенной территории гляденовской культуры – Мулянской, которая являлась её ядром и на которой расположено Гляденовское костеище. Сформировавшиеся же на среднем и позднем этапах верхокамский локальный вариант и сылвенская племенная тер-

ритория становятся очагами формирования новых раннесредневековых культур, и расположенные на их территориях малые костеища на этом этапе перестают активно функционировать. Находки на Гаревском и Панкрашинском костеищах вещей VII в. (Лепихин, 2007, с. 111, 112) говорят о том, что некоторые обрядовые действия происходили и в ломоватовское время, и еще раз доказывают генетическую преемственность культур. Таким образом, верхнюю дату в широком понимании переходного периода и запустения центральной её территории можно обозначить V в. В более узком понимании ограничивается появлением погребальных комплексов культурно-хронологического горизонта Тураево-Кудаш, т. е. первой четвертью V в. (Перескоков, 2020, с. 39, 40).

Для территории центрального варианта культуры – Пермского (Мулянской и Качкинской территорий), а также для Черновской племенной территории Осинского локального варианта верхнюю границу существования гляденовской культуры можно обозначить V/VI в., что документируется хронологией погребений Мокинского могильника (Перескоков, 2018а; Мингалев, Мингалева, Перескоков, 2019), если соотнести её со временем оставления широкой долины р. Камы гляденовским населением, что хронологически соответствует негативным климатическим изменениям, связанным с пессимумом раннего Средневековья. До VI в. сохраняются лишь памятники микрорегиона вокруг городища Черновское I (Черновская территория Осинского локального варианта), что, вероятно, связано с их расположением на водном пути по малым рекам от Камского берега к Туйско-Гаревскому и Обвинскому микрорегионам формирующейся ломоватовской культуры (Перескоков, 2020, с. 40).

Памятники гляденовской культурно-исторической общности Пермского Приуралья отражают своеобразие материальной и духовной культуры, преемственность в развитии культур Прикамья раннего железного века и Средневековья. Пришедшие в Прикамье инокультурные военизированные группы степного населения (группы воинов), принесшие с собой курганный погребальный обряд, новейшие предметы вооружения (тураевцы, кудашевцы), не были многочисленными и не внесли изменений в этнический состав местного населения. Безусловно, заняв в гляденовском обществе высокую социальную ступень, пришельцы постепенно растворились в местном населении, а курганный обряд стал знаком высокого статуса и существовал до VII в. Точка зрения о притоке в Прикамье зауральского населения, оставившего курганные могильники харинского типа, не находит подтверждения на современном материале.

Позднегляденовское население к V в. проникает в Сылвенско-Иренское поречье, где на её основе формируется своеобразная неволинская культура. Позднегляденовское население Верхней Камы становится основой для формирования ломоватовской культуры, часть его проникает в бассейн р. Чепцы, где участвует в формировании Поломской культуры, а также на Европейский Северо-Восток, где участвует в формировании ванвиздинской культуры.

Таким образом, в течение описанных выше периодов произошла, хоть и под влиянием внешних факторов, постепенная эволюционная смена гляденовской культурно-исторической общности на близкородственные, более локальные культурные образования, которые вместили в себя гляденовскую этнокультурную основу, включились в общеевропейскую культурную традицию и к концу рассматриваемого времени обрели все черты и признаки развитых средневековых культур предков современных пермских народов.

ГЛАВА 8

ПАМЯТНИКИ ГЛЯДЕНОВСКОЙ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОЙ ОБЩНОСТИ НА ТЕРРИТОРИИ ЕВРОПЕЙСКОГО СЕВЕРО-ВОСТОКА

Памятники гляденовской культурно-исторической общности (далее – ГКИО), согласно имеющимся на сегодняшний день данным, датируются на территории Европейского Северо-Востока (далее – ЕСВ) концом III/II вв. до н. э. – IV/первой половиной V в. н. э.

В истории изучения древностей этой общности в регионе выделяется несколько периодов, каждый из которых характеризуется присущими ему особенностями в полевом изучении, интерпретации результатов полевых исследований: 1) вторая половина XIX в. – 1950 гг. – время первых находок древностей и первых открытий памятников ГКИО на территории ЕСВ; 2) конец 1950 – начало 1970 гг. – начало систематических археологических исследований в регионе, выявление памятников гляденовской КИО, создание первых гипотез по их историко-культурной интерпретации; 3) начало 1970 – по настоящее время – целенаправленное изучение древностей рассматриваемой общности (Васкул, 1997).

Первые находки интересующего нас времени были сделаны во второй половине XIX в. Это случайная находка эполетообразной застёжки в д. Княжпогост, Усть-Сопляский и Усть-Уньинский клады. Первый памятник ГКИО – Ибское поселение – открыт в 1939 г. П.Д. Степановым во время разведки по р. Сыsole.

На втором этапе, связанном с началом целенаправленных археологических исследований на территории ЕСВ, изучение памятников ГКИО ведется только в бассейнах рр. Вычегды и Печоры. Г.М. Буровым на Вычегде, В.И. Канивцом и В.Е. Лузгиным на Печоре и Ижме выявлены десятки поселений, пещерные святилища (Буров, 1967а; Канивец, 1965; Канивец, Лузгин, 1963; Лузгин, 1972). Особо следует отметить открытие поселения Пожегдин II на верхней Вычегде, поселений в устье р. Верхний Пидж на Печоре, открытие и раскопки поселений в районе Синдорского озера, пещерных святилищ в бассейне р. Печоры, открытие погребения первых веков нашей эры на территории Шиховского археологического микрорайона. На основе этих исследований Г.М. Буровым и В.И. Канивцом были созданы первые схемы историко-культурной интерпретации древностей ГКИО.

На третьем этапе расширяется география исследований памятников, выявлены их новые типы, начинается специализированное, целенаправленное изучение древностей конца I тыс. до н. э. – первой половины I тыс. н. э. В.Е. Лузгиным в конце 1960 – середине 1970 гг. обнаружены поселения, содержащие керамику интересующего нас времени, на водораздельных озерах Центрального Тимана (Королев, 1973), в Малоземельской тундре (Лузгин, Мурыгин, Карманов, 2015). В 1970–1980 гг. В.С. Стоколосом и А.М. Мурыгиным в ходе планомерных исследований на Мезени выявлены поселения, содержащие глиняную посуду ГКИО (Стоколос, Королев, 1984). К.С. Королевым на средней Вычегде открыт новый археологический микрорайон, в состав которого входили поселения и могильник конца I тыс. до н. э. – первой половины I тыс. н. э. (Королев, 1997). А.В. Волокитиным обнаружены пойменные памятники с гляденовской керамикой. Важнейшее значение имело открытие С.М. Плюсниным погребений конца I тыс. до н. э. у с. Новый Бор на нижней Печоре (Плюснин, 1987) и Н.Н. Чесноковой – захоронения с керамикой гляденовского типа в на средней Печоре (местонахождение Якэ 8) (Археологическая карта..., 2014). В 1990-х гг. возобновляются археологические раскопки на территории Шиховского археологического микрорайона на Печоре, где исследуется могильник раннего железного века (содержащий захоронения первой половины – середины I тыс. н. э.), выявлено поселение ГКИО. Главной отличительной особенностью этого этапа полевых исследований памятников конца I тыс. до н. э. – первой половины I тыс. н. э. на территории ЕСВ является их изучение в ходе стационарных раскопок большими площадями (могильники Новый Бор I, Шиховской, на оз. Пожем-ты, поселения Сынъянырд V, Корольки II, Китостав в бассейне р. Печоры; поселения Вис I–II, Пожегдин II, Сэбъяг I, Ибское, святилище Джуджыдъяг, поселение-святилище Мыелдино в бассейне р. Вычегды, поселение Чойновты II на Мезени). В ходе проведенных работ впервые выявлены жилые и культовые сооружения, выдвинуто предположение о наличии на ЕСВ нового типа памятников – поселение-святилище, получены значительные

керамические коллекции, обнаружены серии датирующих изделий, предметы, связанные с металлообработкой, культовые изделия, фаунистические остатки. Все это предоставило данные для изучения планиграфии поселений, погребального обряда, разработки хронологии и периодизации памятников, исследования хозяйственных занятий, этнокультурных связей населения региона. В настоящее время на территории ЕСВ насчитывается более 70 памятников ГКИО.

В целом необходимо отметить, что в результате полевых изысканий нескольких поколений исследователей накоплена достаточная источниковедческая база для написания обобщающих работ, посвященных памятникам ГКИО на территории ЕСВ.

За 60 лет целенаправленных археологических исследований в регионе сложился круг проблем, связанных с древностями конца I тыс. до н. э. – первой половины I тыс. н. э. Важнейшими из них являются: 1) хронология и периодизация памятников; 2) их культурная принадлежность и культурное единство; 3) генезис культур ГКИО на территории ЕСВ и их роль в сложении культур середины – второй половины I тыс. н. э.; 4) этническая принадлежность носителей археологических культур ГКИО; 5) социально-экономическая структура общества.

Проблема культурной принадлежности являлась одной из центральных в работах конца 1950–1960 гг. Г.М. Буровым изучаемые древности первоначально были выделены в ягкодзтыйский этап раннего железа (Буров, 1961). В более поздних работах он относит их к гляденовской археологической культуре, выделяя на основе эволюции формы и орнамента глиняной посуды три этапа в развитии гляденовских памятников на ЕСВ и в Прикамье (Буров, 1965а). Хронологические рамки культуры он определяет в соответствии со сложившейся в тот период схемой хронологии и периодизации культур лесной зоны Западного Приуралья, предложенной В.Ф. Генингом, в пределах III в. до н. э. – II в. н. э. (Буров, 1965б; 1967). Все исследователи, касавшиеся в это время в своих работах проблематики, связанной с ГКИО, относили памятники конца I тыс. до н. э. – начала I тыс. н. э. на территории ЕСВ к гляденовской археологической культуре (Канивец, 1972; Лузгин, 1972; Савельева, 1971). В.И. Канивец подчеркивал, что в начале I тыс. н. э. на базе этих древностей под влиянием усть-полуйской культуры в Северном Приуралье формируется местный печоро-вычегодский (бичевницкий) культурный тип (Канивец, 1964).

С проблемой культурной принадлежности памятников теснейшим образом связана проблема генезиса древностей гляденовского типа в реги-

оне, их взаимосвязи с культурами предшествующего и последующего времени. Большинство исследователей придерживается мнения, что между памятниками ГКИО с одной стороны и древностями предшествующего и последующего времени с другой существует преемственность, хорошо прослеживаемая по имеющимся источникам (Буров, 1961; Канивец, Лузгин, 1963; Оборин, 1969). В.И. Канивец писал: «Около II вв. до н. э. описанные культурные типы ананьинского времени сменяются культурой гляденовского облика. Это был процесс постепенной эволюции, общий для обширной территории северного и отчасти Среднего Приуралья. Однако уже на рубеже новой эры на севере произошли значительные изменения, результатом которых было формирование новых культур типа Бичевника, а затем Ванвиздина» (Канивец, 1974).

Иная точка зрения о генезисе древностей ГКИО на ЕСВ была первоначально выдвинута в работах В.И. Канивца и В.А. Оборина. Исследователи полагали, что появление этих памятников в регионе связано с переселением их носителей из Прикамья. Однако с накоплением новых источников оба автора отказались от этой гипотезы (Канивец, 1965; Оборин, 1969). В то же время выдвинутое этими исследователями предположение получило развитие в работах Л.П. Лашука и Ю.А. Полякова (Лашук, 1972; Поляков, 1973). Свидетельствами этой миграции, по мнению Ю.А. Полякова, являются безынвентарные погребения на поселении Вис II и глиняная посуда. Причины переселения исследователь видел в нехватке в Прикамье сельскохозяйственных угодий, что было обусловлено развитием скотоводства у прикамского населения (Поляков, 1973).

Важное значение исследователи придавали проблеме этнической интерпретации памятников ГКИО на ЕСВ. В работах В.И. Канивца, Г.М. Бурова, В.Е. Лузгина, Э.А. Савельевой получила развитие гипотеза об их пермской принадлежности (Буров, 1967; Канивец, Лузгин, 1963; Савельева, 1971). Этот вывод был сделан на основе представлений о преемственности древностей ЕСВ в эпоху железа и Средневековья, их взаимосвязи с культурами исторически известных пермских народов. В то же время следует отметить, что для населения бассейна р. Печоры В.И. Канивец, исходя из существовавшей в это время датировки усть-полуйской археологической культуры, не отрицал определенного зауральского влияния (Канивец, Лузгин, 1963).

Наконец именно в ходе исследований, проведенных в конце 1950 – начале 1970 гг. были сделаны выводы о ведущей роли в хозяйстве населения охоты и рыболовства, развитии бронзолитейного

производства и металлургии железа (Канивец, 1964; Буров, 1967).

На следующем этапе начинается специализированное изучение памятников гляденовской общности на территории региона (Королев, 1972; 1973; 1978). Полученные в результате экспедиционных работ материалы позволили исследователям подойти к решению вопросов, связанных с гляденовской проблематикой, на основе новых источников. Хронология и периодизация памятников ГКИО рассматривалась прежде всего в работах Г.М. Булова и К.С. Королева. Первый из них определяет общие хронологические рамки культуры в пределах II в. до н. э. – IV в. н. э. В ее развитии, в отличие от своих более ранних публикаций, он выделяет два этапа, не приводя их абсолютных датировок. Ранняя посуда, по его мнению, по своим характеристикам близка ананьинской, поздняя – бичевницкой (Буров, 1989). К.С. Королев, характеризуя памятники раннего железного века в долине средней Вычегды, выделяет на основе изучения керамики два этапа (без привязок к абсолютным датам) в развитии ГКИО в этом районе (Королев, 1988). К выводу о наличии двух этапов в развитии культур пришел и автор этих строк. Общие рамки существования древностей ГКИО на территории были определены в пределах конца III/II вв. до н. э. – IV/нач. V в. н. э. При этом отмечалось что с накоплением новых материалов, предложенная датировка будет корректироваться (Васкул, 1997).

Продолжилась разработка проблематики, связанной с вопросами культурной принадлежности памятников. Большинство исследователей полагает, что они относятся к гляденовской культуре (общности) (Буров, 1989; Савельева, 1985; Стоколос, Королев, 1984; Поляков, 1973; Голдина, 1987). В своих выводах они основываются на сходстве керамических комплексов ЕСВ и Прикамья. При этом отмечается некоторая культурная специфика глиняной посуды (Королев, 1972), что позволило Р.Д. Голдиной говорить о двух локальных вариантах гляденовской общности (Голдина, 1990).

В литературе также имеются гипотезы, отличающиеся от точки зрения большинства исследователей. Так, Н.Н. Чеснокова полагает, что наряду с гляденовской (распространенной вдоль Камы, Печоры и на верхней Вычегде) на ЕСВ существовала особая постананьинская культура. С гляденовскими, по ее мнению, генетически связаны лишь «восточнованвиздинские» памятники (Чеснокова, 1982; 1987). Интересное предположение, к сожалению, без развернутой аргументации, о наличии на ЕСВ особой АК, отличной от гляденовской, было высказано В.П. Мокрушиным (1990).

С проблемой культурной принадлежности памятников теснейшим образом связан вопрос об их единстве (наличии локальных вариантов в рамках АК). К.С. Королев разделяет гляденовские древности ЕСВ на северные и южные, выделяя пять территориальных групп: среднепечорскую, пиджскую, тиманскую (северные группы), верхнепечорскую и вычегодскую (южные). Исследователь установил, что по примесям к глиняному тесту посуда северных групп сохраняет местные традиции, а южных – традиции прикамского происхождения. Отличия прослеживаются также в орнаментации сосудов (Королев, 1972). Эти предположения базировались в основном на статистически незначительных материалах, полученных в ходе разведочных исследований конца 1950 – начала 1970 гг. (исключение составляют комплексы поселений Вис I, Пижма II, святилища Джуджыдыг). Полученные в ходе раскопок новые данные позволили предварительно выделить на территории ЕСВ две самостоятельные АК, входившие в ГКИО (Васкул, 1994б).

Как и прежде, дискуссионной остается проблема генезиса памятников ГКО на ЕСВ. Получила дальнейшее развитие гипотеза о том, что между памятниками гляденовской общности с одной стороны и древностями предыдущего и последующего периодов с другой существует генетическая преемственность, хорошо документируемая источниками (Стоколос, Королев, 1984; Королев, 1988; Савельева, 1985; Голдина, 1987). Исследователи выделяют признаки, сближающие керамические комплексы разных этапов эпохи раннего железа (Королев, 1972; 1988; Ашихмина, 1985; Чеснокова, 1986).

Гипотеза о миграции гляденовского населения на ЕСВ получила развитие в диссертационной работе Ю.А. Полякова (1980). Помимо аргументов, приводимых ранее (сходство керамики и наличие безы Inventарных погребений висского могильника), исследователь объясняет передвижку населения из Прикамья на север межплеменной враждой. Имеющиеся факты не позволяют согласиться с концепцией Ю.А. Полякова. На территории ЕСВ отсутствуют характерные для Прикамья городища, на поселениях нет свидетельств занятий скотоводством и земледелием (Стоколос, Королев, 1984). Керамические комплексы ананьинского и пьяноборского времени на ЕСВ обнаруживают генетическую преемственность. Этот факт, как представляется, является серьезным аргументом в пользу гипотезы о местных истоках древностей изучаемого времени. Более плодотворным можно считать предположение о параллельном формировании культур гляденовской общности и в Прикамье, и на ЕСВ. Это хорошо согласуется с извест-

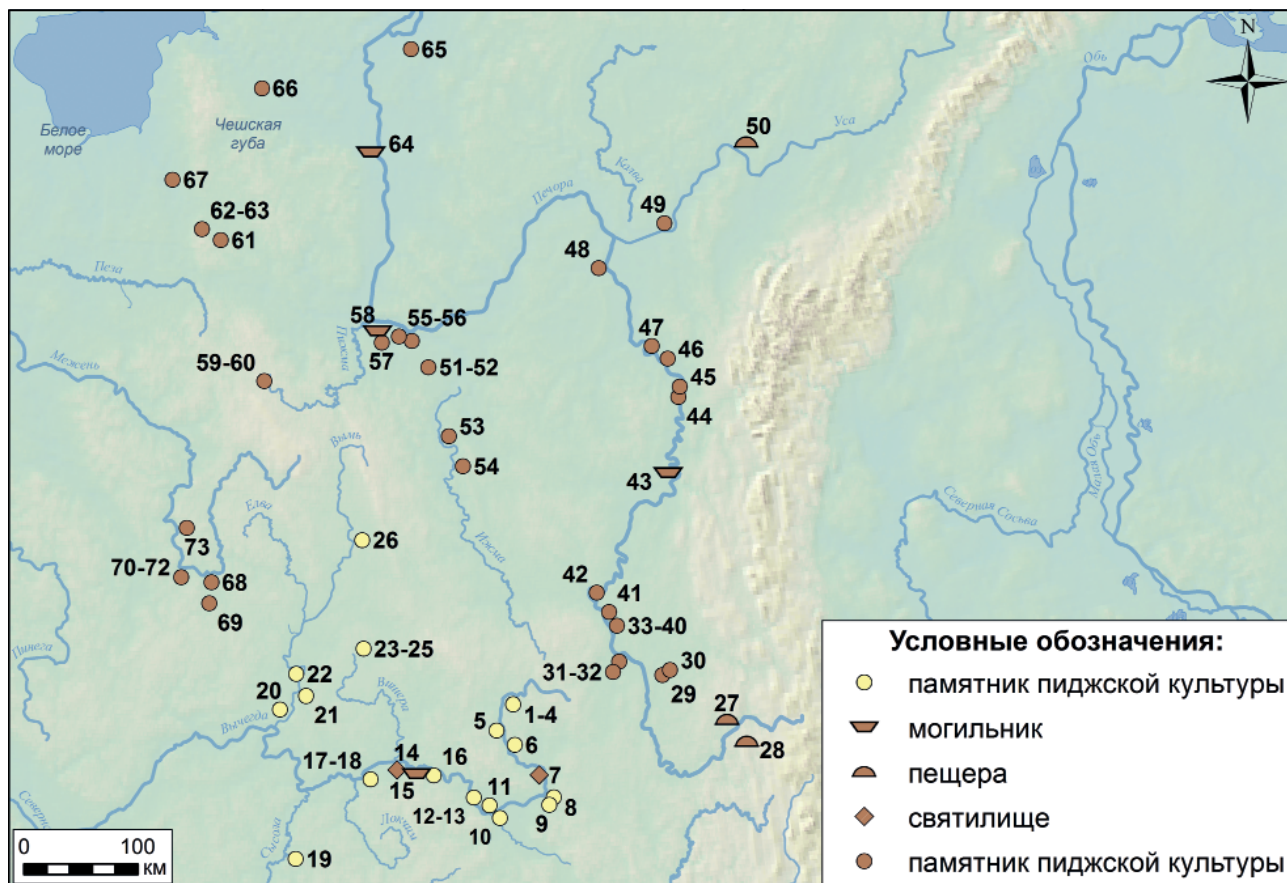

Рис. 1. Памятники гляденовской культурно-исторической общности на территории Европейского Северо-Востока

1 – поселение Ягкоджты; 2 – поселение Ягкодж II; 3 – местонахождение Ягкодж III; 4 – поселение Чуддинты I; 5 – поселение Помоздино I; 6 – поселение Пожегдин II; 7 – поселение-святилище Мыелдино; 8 – поселение Парчъяг I; 9 – стоянка Кономошня; 10 – поселение Себъяг I; 11 – поселение Дон; 12 – местонахождение Озьяг III; 13 – поселение Озьяг II; 14 – святилище Джудждъяг; 15 – могильник Джудждъяг; 16 – поселение Шойнаты III; 17 – поселение Угдым II; 18 – поселение Угдым III; 19 – Ибское поселение; 20 – поселение Ниремка I; 21 – поселение Ягу-яр; 22 – местонахождение Княжпогост; 23 – поселение Вис I; 24 – поселение Вис II; 25 – поселение Симва II; 26 – поселение Усть-Кедва; 27 – Канинская пещера; 28 – Уньинская пещера; 29 – поселение Палью IV; 30 – поселение Палью V; 31 – местонахождение Заречье поселение; 32 – Китостав; 33 – поселение Пидж I; 34 – поселение Пидж II; 35 – поселение Пидж IV; 36 – поселение Пидж V; 37 – поселение Пидж VI; 38 – поселение Пидж VII; 39 – поселение Пидж IX; 40 – поселение Пидж X; 41 – поселение Керес-нюр; 42 – поселение Кодач-ди V; 43 – погребение на местонахождении Якэ 8; 44 – поселение Корольки II; 45 – поселение Корольки III; 46 – поселение Медвежское II; 47 – поселение Топыд-нюр IV; 48 – поселение Лъжа; 49 – поселение Сьнянърд V; 50 – Адакская I пещера; 51 – поселение Черноборская I; 52 – поселение Черноборская IV; 53 – поселение Картаель V; 54 – поселение Койю; 55 – поселение Нерица I; 56 – местонахождение Нерица XI; 57 – поселение Шиховское II; 58 – Шиховской могильник; 59 – поселение Пижма I; 60 – поселение Пижма II; 61 – поселение Ружникова; 62 – поселение Кыско; 63 – поселение Пижемский Гумежек; 64 – могильник Новый Бор I; 65 – местонахождение Хасиха 3; 66 – поселение Минина Виска I; 67 – поселение Волоковая; 68 – поселение Мича-чой I; 69 – поселение Ядмас I; 70 – поселение Чойновты III; 71 – поселение Ус II; 72 – местонахождение Усогорск; 73 – местонахождение Чужъяель

ным методологическим положением о том, что «обычно археологические культуры в качестве устойчивых культурных общностей возникают не как единичные феномены, а целыми блоками» (Массон, 1989).

Наличествующие в настоящее время материалы свидетельствуют, по мнению большинства исследователей, о преемственности между гляденовскими, бичевницкими и ванвиздинскими памятниками. Первые из них признаются одним из базовых компонентов при формировании культур

середины – второй половины I тыс. н. э. (Мурыгин, 1985б).

Проблема этнической интерпретации археологических культур является одной из основных в российской археологии. Ведущей в историографии в настоящее время является гипотеза о принадлежности предкам коми памятников ГКИО на территории Приуралья в целом и ЕСВ в частности. Она нашла отражение в работах Ю.А. Полякова, К.С. Королева, Э.А. Савельевой, Г.М. Бутова, В.Ф. Генинга, Р.Д. Голдиной (Бутов, 1989; Поля-

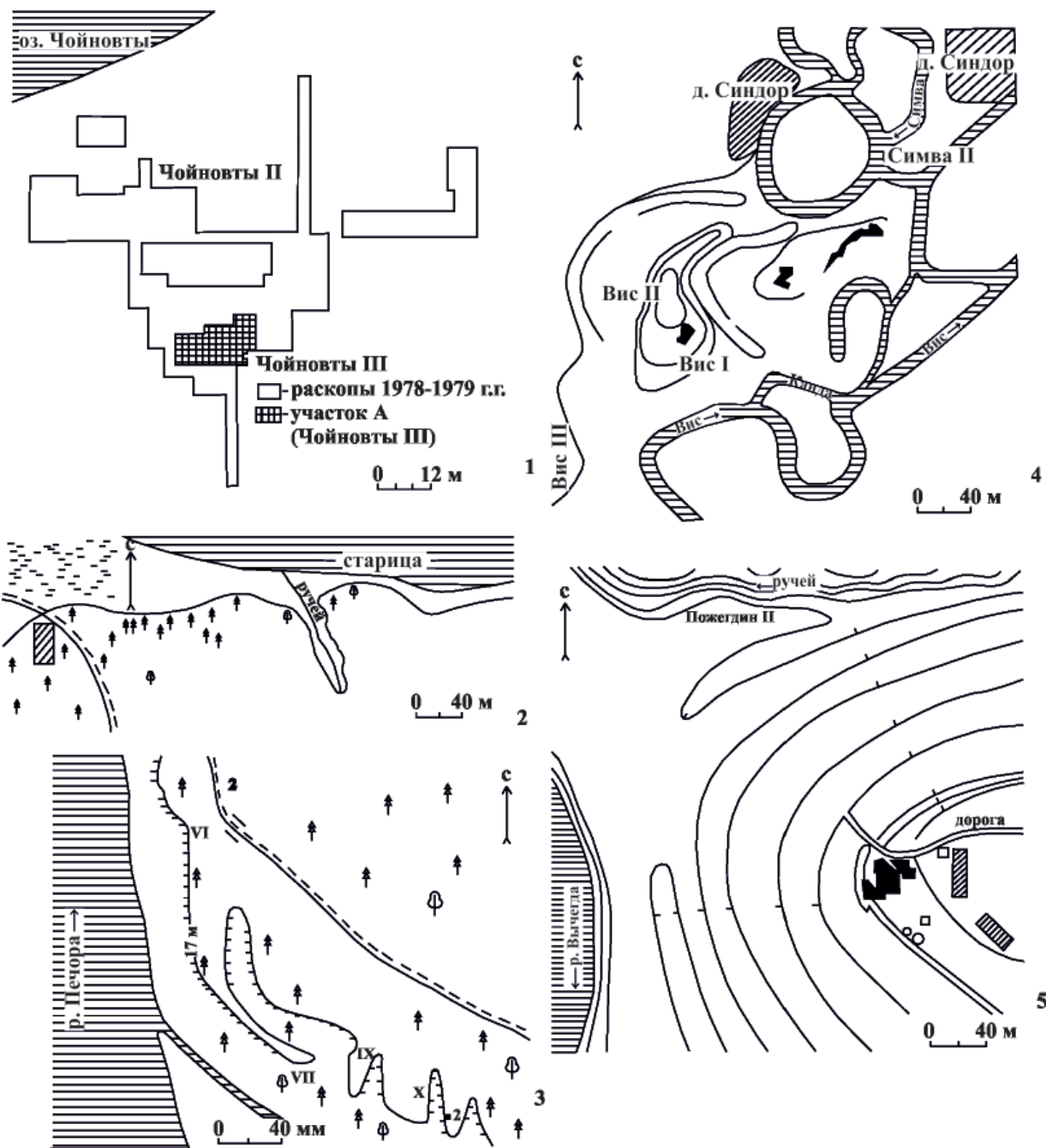

Рис. 2. Топографические планы памятников пиджской (1–3) и джудждыгской (4, 5) археологических культур 1 – поселение Чойновты III; 2 – поселение Китостав; 3 – поселения Пидж VI–IX; 4 – поселения Вис I–III и Симва II; 5 – поселение Пожегдин II

ков, 1980; Савельева, 1985; Стоколос, Королев, 1984; Голдина, 1987; Генинг, 1988). Отличная от предыдущей точка зрения представлена в работах А.Х. Халикова. Он, исходя из того, что прапермское языковое единство существовало вплоть до конца I тыс. н. э., полагал, что носители гляденовской культуры были отдаленными предками всех пермских народов (коми и удмуртов) (Халиков, 1989).

Наименее разработанными остаются вопросы социально-экономической интерпретации рассма-

триваемых древностей. Получены новые данные о развитии охоты и рыболовства, кремнеобработки, бронзолитейного и костерезного дела (Ашихмина, Васкул, Каликов, 1990; Васкул, 1994). В 1990 гг. были предприняты первые попытки изучения социальной организации населения (Васкул, 1994). Однако выдвинутые предположения базируются в основном на поселенческих материалах и требуют проверки в процессе новых исследований.

Итак, большинство из рассмотренных здесь проблем остаются дискуссионными и нуждаются

в дальнейшей разработке. Отсутствуют публикации монографического характера, обобщающие накопленные к настоящему времени источники. Общая информация о памятниках гляденовской общности содержится в обобщающих работах как по археологии, так и по истории Республики Коми в целом (Археология Республики Коми, 1997; Археологическая карта..., 2014; Савельева, 2011).

Джуджыдыгская археологическая культура

Культура сформировалась на базе культурных образований предшествующего времени. Преемственность прослеживается в типах археологических памятников и топографических условиях их расположения, керамических комплексах поселений, хозяйственных занятиях населения. При этом прослеживается взаимодействие с гляденовской археологической культурой Прикамья (Васкул, 1997).

Древности джуджыдыгской археологической культуры распространены в бассейне р. Вычегды в лесотаежной зоне ЕСВ. В настоящее время известно 26 памятников этой культуры. Они представлены поселениями, святилищем и связанным с ним могильником, поселением-святилищем, случайными находками (рис. 1).

Поселения расположены по берегам озер и рек на I–II надпойменных террасах или их останцах, в топографических условиях, характерных как для предшествующего, так и для последующего периодов эпохи железа. Культурные остатки зафиксированы на мысах или на участках террасы, ограниченных оврагами, ручьями или мелкими речушками, болотистыми низинами (рис. 2: 4, 5). Поселение-святилище Мыелдино расположено в глубине террасы на берегу старичного озера Мыслудавад, от остальной части террасы оно отделено небольшой гривой (Васкул, Холопов, 2005). Ввиду того, что поселения неукрепленные и в большинстве своем полностью не раскопаны, мы почти не располагаем данными об их площади. Признаками размеров поселений, не имеющих укреплений, являются площадь распространения культурного слоя и находок на памятнике. Однако в условиях ЕСВ, когда находки и сооружения большей частью фиксируются в слое подзола, входящего в естественную структуру почвы на борových террасах, площадь культурного слоя не всегда дает представление о размерах памятников. Даже на таких поселениях с хорошо выраженным культурным слоем, как Пожегдин II и Себьяг I, ареал культурного слоя и находок не совпадал. Находки содержались не только в черной и коричневой супеси (культурный слой), но и в подзоле, входящем в структуру естественных почвенных напластований на борových террасах.

Более надежным критерием определения размеров поселений является площадь распространения культурных остатков. Основным условием при этом является наличие хорошо изученных (раскопанных большой площадью) археологических памятников. Наиболее полную информацию о размерах поселений дают такие памятники, как Вис I (площадь раскопов 972 кв. м), Ибское поселение (520 кв. м), Пожегдин II (300 кв. м), Себьяг I (526 кв. м), поселение-святилище Мыелдино (370 кв. м). На большинстве из этих объектов имеются выразительные комплексы сооружений и находок, концентрировавшиеся на площади не более 3000 кв. м, что свидетельствует о незначительных размерах памятников.

Важнейшим признаком, характеризующим поселения, является культурный слой. Его мощность, насыщенность находками, окраска свидетельствуют о характере памятника. Характеристика культурного слоя затруднена тем, что все памятники, где найдены культурные остатки конца I тыс. до н. э. – первой половины I тыс. н. э., многослойны. Материалы этого времени не вычлениваются, как правило, стратиграфически. Затрудняет исследования и то, что на большинстве поселений нет четко выраженного культурного слоя. Находки содержатся в слое подзола, практически не нарушенного воздействием человека. Хорошо выраженный культурный слой (темноокрашенная гумусированная супесь) зафиксирован на поселениях Ибское (заполнение жилища), Вис I и II, Пожегдин II, Себьяг I, поселении-святилище Мыелдино. Представляется, что наличие или отсутствие выраженного культурного слоя свидетельствует о типе поселений. Большинство из них (без отчетливо выраженного культурного слоя) относится к типу сезонных поселений – стоянок, остальные представляют собой собственно поселения. Мощность слоя, содержащего культурные остатки, колеблется в основном в пределах 10–30 см (Королев, 1973; Буров, 1967). На поселении Пожегдин II на склоне террасы мощность слоя возрастает до 50 см, в то время как на площадке она составляет 20–30 см. Наблюдения, произведенные во время раскопок поселения Вис I (суходол) в 1989 г., показывают, что гляденовская керамика встречалась на глубине до 40 см. Однако большая ее часть выявлена в пахотном слое на глубине 0–20 см. Мощность культурного слоя на поселении Себьяг I составляла 20–30 см.

Одним из индикаторов долговременности или сезонности памятника является насыщенность культурного слоя находками. Рассматриваемые поселения характеризуются незначительной насыщенностью слоя. Находки концентрируются в основном в очагах, ямах или непосредственной

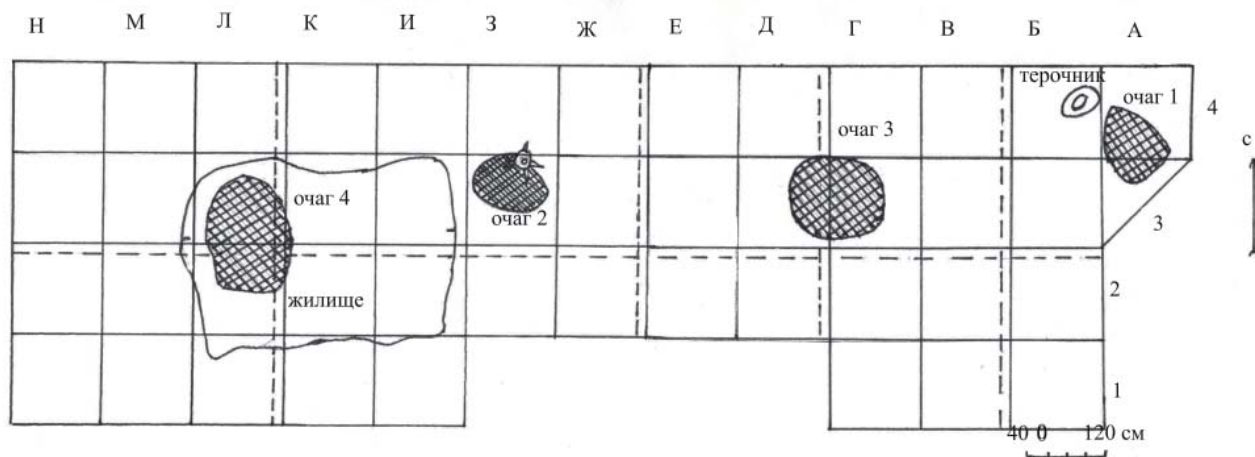

Рис. 3. Джуджыдьягская археологическая культура. Поселение Себьяг I. План-схема выявленных объектов

близости от них. Исключение составляет поселение Пожегдин II, где фиксируется высокая насыщенность культурного слоя. Состав находок разнообразен: глиняная посуда, бронзовые украшения, предметы металлургического производства, фаунистические остатки.

В ходе раскопок на поселениях выявлены жилища, культовая постройка, очаги-коптища, ямы и ямки.

Жилые сооружения площадью 10–22 кв. м зафиксированы на поселениях – Парчъяг (Ашихмина, 1989), Ибское, Пожегдин II (Васкул, 1997), Себьяг I (рис. 3). Жилища ориентированы вдоль края террасы. Они имели четырехугольную в плане форму, неровный пол, были до 20 см углублены в землю и отапливались наземными или углубленными в землю очагами-коптищами овальной или четырехугольной в плане формы. Очаги располагались в центре или ближе к одной из стен жилища. В некоторых сооружениях расчищены ямки от столбовых конструкций и хозяйственные ямы. В жилищах найдены керамика, фаунистические остатки, бронзовые железные и кремневые изделия. Рядом с ними располагались ямы хозяйственного назначения. На поселении Пожегдин II наряду с жилищами зафиксирована культовая постройка размером около 5 кв. м, имевшая прямоугольную в плане форму и слегка (20 см) углубленная в землю. Ближе к юго-восточному углу сооружения расчищен наземный очаг-коптище овальной в плане формы. Найдены обломки керамики, фаунистические остатки, культовые изделия. В ходе исследования поселения эпохи неолита-бронзы Усть-Кедва в бассейне р. Выми был зафиксирован обычай использования носителями джуджыдьягской культуры жилых сооружений более раннего времени. Во время раскопок жилища III эпохи неолита-бронзы в верхних горизонтах была обнаружена керамика этой культуры. Возможно, к джуджыдьягской культуре относится

также часть кострищ, расчищенных в одних горизонтах с керамикой (Семенов, Васкул, 2017). Следует отметить, что и для предшествующего, ананьинского времени в бассейне р. Выми фиксируется обычай использования в качестве жилищ жилых сооружений эпохи неолита-бронзы (Семенов, Несанелене, 1997). По всей видимости, остатки жилого сооружения документирует сажисто-углистый слой мощностью 10 см, зафиксированный на поселении Ягкоджты вокруг очагов-коптищ 1 и 2 (Буров, 1967а).

Очаги являются основным видом объектов, фиксируемых на поселениях. Они различаются между собой по форме, размерам и конструктивным особенностям (Васкул, 1994). По форме сооружений в плане выделяются четыре группы очагов: округлые, овальные, четырехугольные, неправильной формы; по форме в профиле выделяются линзовидные (наземные) и углубленные в землю (очажные ямы). В очажных ямах дно плоское или округлое. Под очагами фиксируются линзы прокалов различной мощности. В некоторых из очагов отмечена галечниковая подсыпка (поселения Ибское, Пожегдин II). Подавляющее большинство этих сооружений имеют округлую и овальную форму. Четырехугольные очаги расчищены на поселениях верхней Вычегды, очажные ямы выявлены в ходе раскопок поселений на верхней Вычегде и Сысоле. В результате группировки очагов-коптищ по размерам выделились три группы очагов: малые, средние и большие (Васкул, 1994). Интересные данные дает анализ планиграфического размещения очагов-коптищ. На поселениях Ибское и Себьяг I, поселения-святилище Мыелдино они располагались параллельно берегу, образуя линию. Примерно параллельно берегу размещены кострища на поселении Пожегдин II. Рядовое расположение и группировка кострищ прослеживается и на святилище Джуджыдьяг (Королев, 1978). Они образуют здесь два параллельных

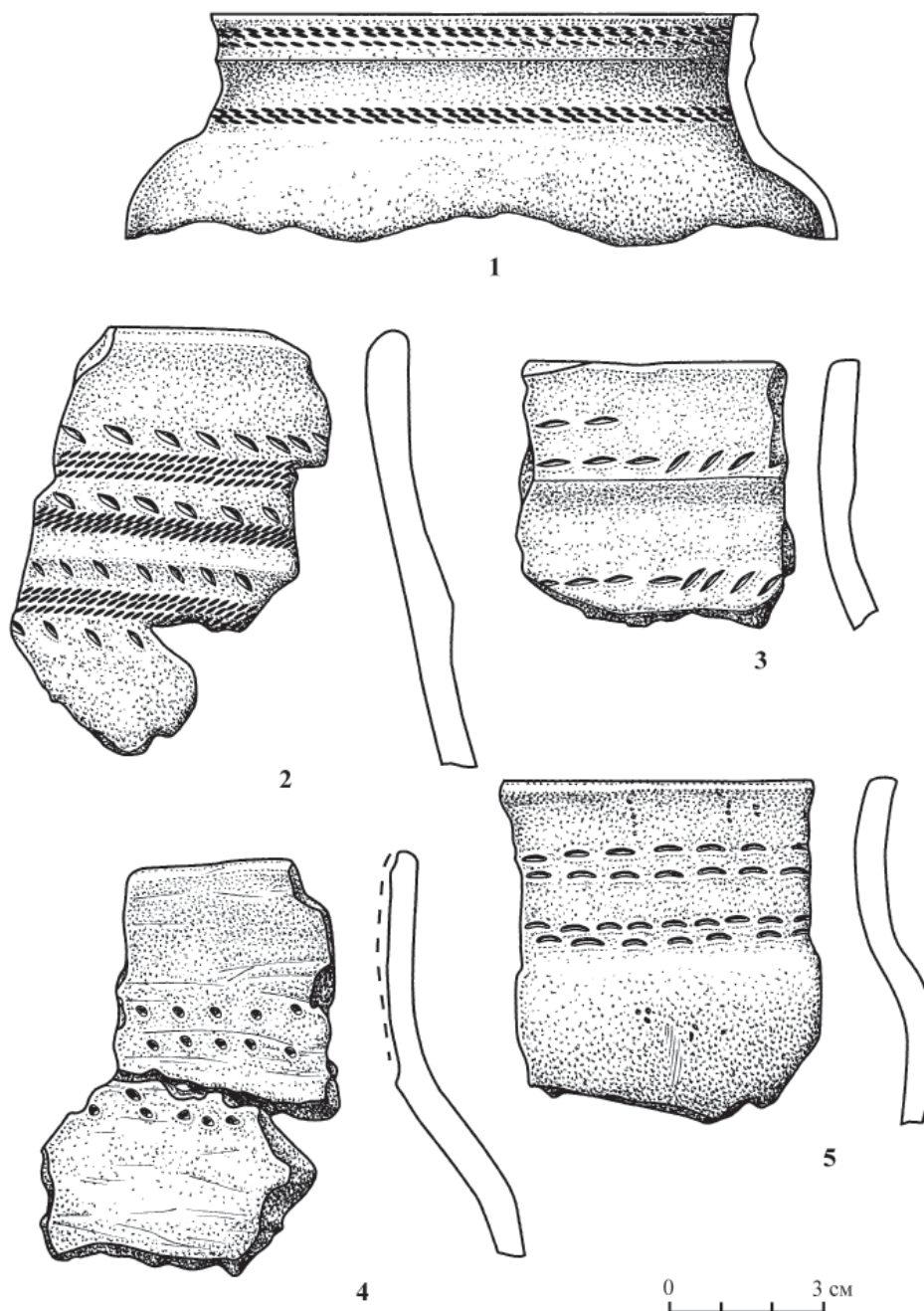

Рис. 4. Джудждызьягская археологическая культура. Керамика первого этапа
1, 2 – Ибское поселение; 3, 4 – поселение Вис I; 5 – поселение Вис II

друг другу ряда, перпендикулярных линии берега. Рядовое размещение очагов отражает особенности планировки памятников джудждызьягской культуры. На поселениях это, возможно, свидетельствует о наличии легких наземных жилых сооружений. Выделяются бытовые очаги-коптища и объекты, связанные с производственной деятельностью. Так, в очаге 5 на Ибском поселении и очаге 3 на поселении Себьяг I отмечены скопления металлического лома, предназначенного для переплавки, а рядом с очагом 1 обнаружена плита-терочник.

Ямы и ямки. Ямы подпрямоугольной, овальной и округлой в плане формы. Они имеют прямые или наклонные стенки, уплощенное или округлое дно. Одна из ям имела одну стенку прямой, другую – наклонную. Ямы неглубокие. Большая часть из них имеет глубину до 50 см. В большинстве ям найдены обломки глиняной утвари, кремь, кости животных, а в ямах 2 и 3 на Ибском поселении – нож, оселок и шлак. Состав обнаруженных предметов свидетельствует о хозяйственном назначении объектов, хотя в одной из ям на поселе-

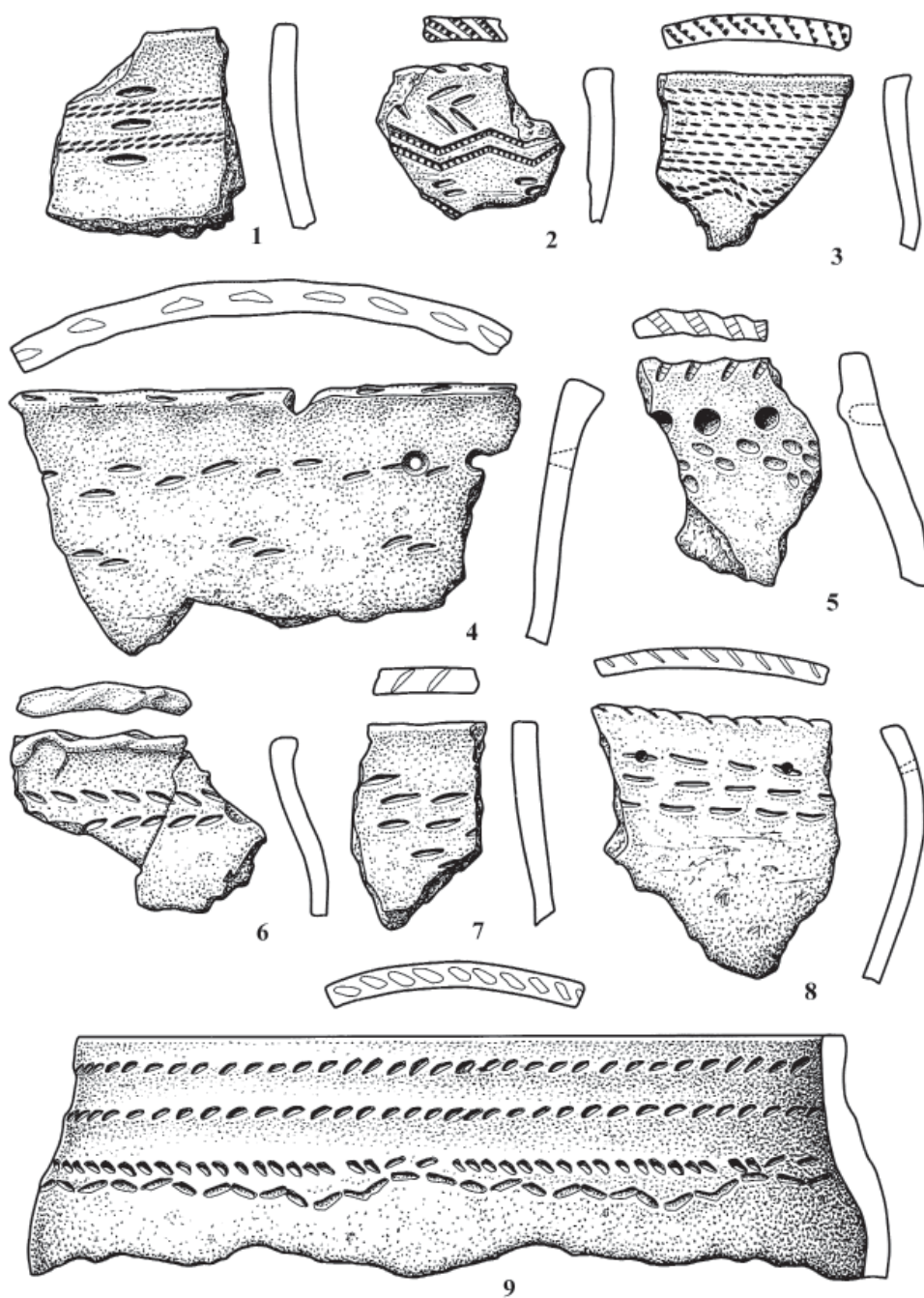

Рис. 5. Джурждзьягская археологическая культура. Керамика второго этапа
1–4, 7–9 – поселение Пожегдин II, 5 – поселение Ягкодж II, 6 – поселение Вис II

нии Себьяг I найден обломок культового зооморфного изделия. Наблюдения над расположением ям на территории поселений показывают, что все они «привязаны» к жилищам и очагам-кострищам.

Ямки имеют круглую (в одном случае овальную) в плане и конусовидную в сечении форму. Диаметр 14–30 см, глубина 3–30 см. Ямки фиксируются, как правило, в непосредственной близости от очагов-кострищ и ям. Возможно, они соответствуют столбовым конструкциям.

Таким образом, основной структурной единицей поселений конца I тыс. до н. э. – первой поло-

вины I тыс. н. э. являются жилища. С ними и очагами-кострищами связаны хозяйственные ямы, ямки. Наряду с жилищами в структуру поселений входили культовые сооружения, хозяйственные комплексы, что было прослежено на поселении Пожегдин II. В ходе раскопок здесь были выявлены две жилые и культовая постройки, хозяйственные ямы, рабочая площадка для изготовления кремневых орудий (Васкул, 1994). На поселении Себьяг I, исследования которого проводились в 2004–2005 и 2008 гг., изучены жилище и комплекс, связанный с бронзолитейным производством.

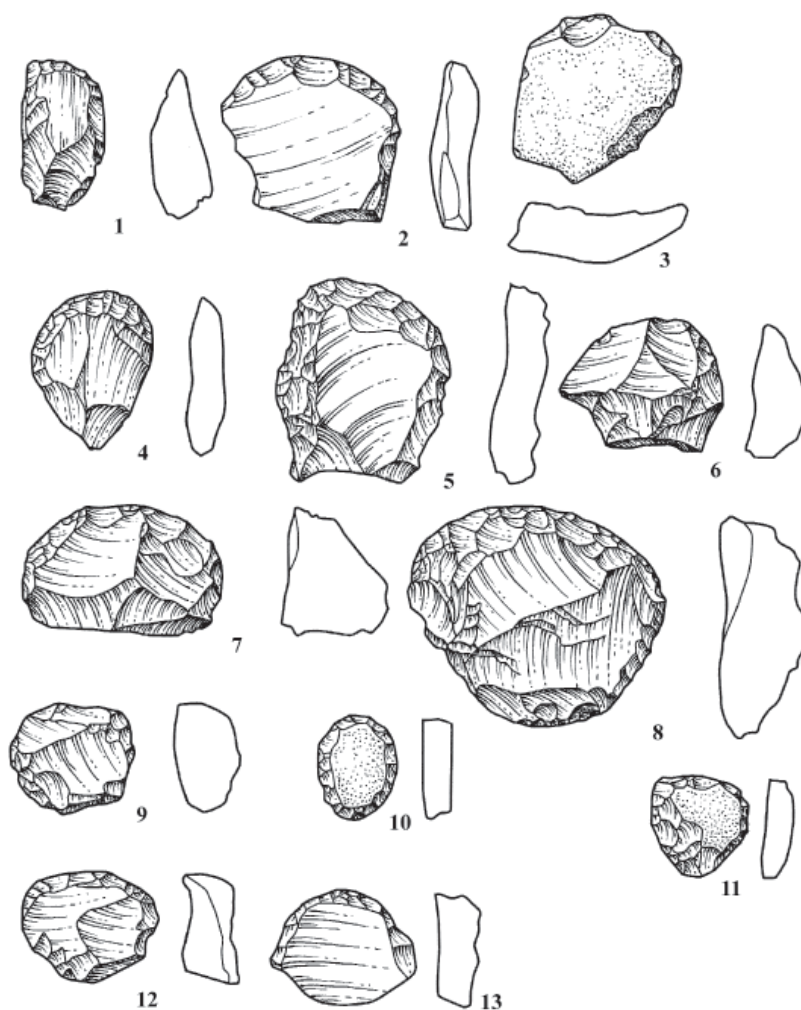

Рис. 7. Джудждыдьягская (1–9, 11) и пиджская (10, 12, 13) археологические культуры. Кремневые скребки 1–9, 11 – поселение Пожегдин II; 10 – поселение Китостав; 12, 13 – поселение Корольки II

лука и стрел с костяными, бронзовыми и железными наконечниками. Рыбу ловили при помощи удочек, сетей (грузило найдено на поселении Пожегдин II), заколов.

Основным видам производственной деятельности были подчинены другие хозяйственные занятия.

Изготовление каменных изделий (главным образом скребков) документируется орудиями для раскалывания кремня (гальки-отбойники), нуклеусами (относятся к типу аморфных) и нуклеидными обломками, отходами кремневой индустрии. Орудия изготовлены на отщепях серого, реже коричневого, черного, розового кремня. При раскопках поселения Пожегдин II выявлены два скопления кремня – у сооружения 3 и на склоне террасы на уч. Г/6-7, свидетельствующие о том, что изготовление кремневых орудий велось в специально отведенных местах.

На поселениях Вис I, Помоздино, Озьяг II, Ибское, Пожегдин II, Себьяг I поселении-святили-

ще Мыелдино, святилище Джудждыдьяг найдены предметы, связанные с металлообработкой (обломки тиглей и льячек, литейная форма, шлаки, слитки и капли бронзы). Отсутствие на памятниках специальных металлургических сооружений, находки изделий, свидетельствующих о металлообработке в очагах-кострищах, дают основание говорить о варке железа и плавке цветных металлов в них. В то же время нельзя исключать существования специальных поселений-мастерских типа поселения Перный на Печоре, относящегося к предшествующему периоду (Канивец, 1974). Результаты лазерного микроспектрального анализа бронзовых изделий, сопоставление их с данными спектрального анализа, полученными в 1960 гг., подтверждают, что большинство изделий отливалось из оловянистой бронзы. Только на Ибском поселении найдены обломки предмета из сплава меди, никеля, железа, марганца. Различия между остальными предметами проявляются в доле примесей As, Bi, Co, Pb, Ag. Причем для более ранних

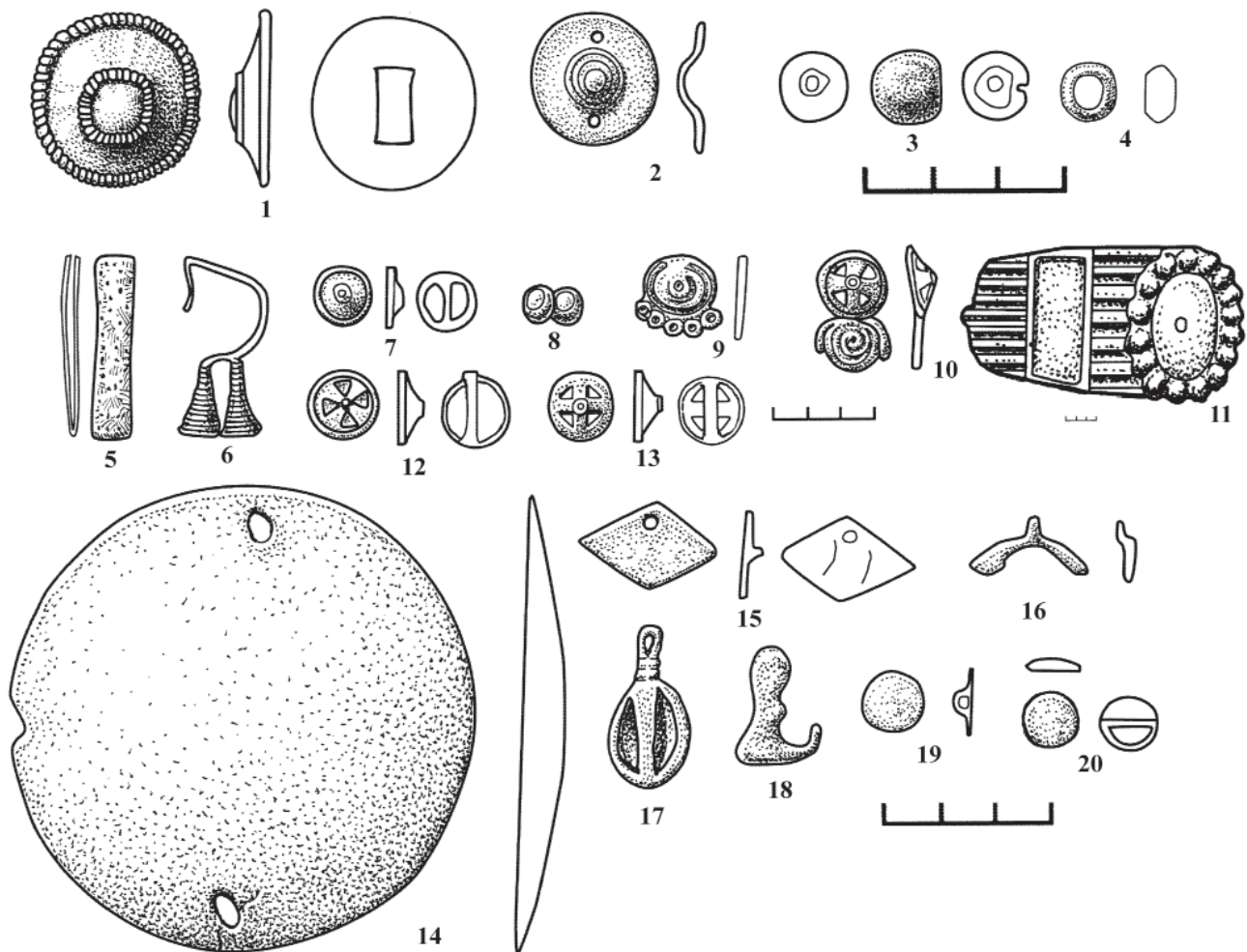

Рис. 8. Джуджыдьягская археологическая культура

Украшения (1–4, 6–10, 12–15, 17, 19, 20), поясные принадлежности (5, 11, 16), культовое (?) изделие (18). 1, 2, 7, 10, 12, 13, 19, 20 – бляшки; 3, 4, 8 – бусы; 5 – наконечник ремня; 6, 9, 15, 17 – подвески; 11 – эполетообразная застежка; 14 – бляха; 16 – обломок пряжки. 1, 4, 16, 19, 20 – поселение Пожегдин II; 2 – поселение-святилище Мылдино; 3, 5–10, 12, 13 – поселение Угдым III; 11 – местонахождение Княжпогост; 14 – поселение Ягкодзты; 15 – святилище Джуджыдьяг; 17 – поселение Вис II; 18 – Ибское поселение. 1, 2, 4, 6–21 – бронза; 3, 8 – стекло; 5 – железо

памятников (Ибское) не характерна примесь цинка. По химическому составу изделия ЕСВ близки пьяноборским (Генинг, 1970). В.И. Завьялов, исследовавший железные изделия с поселений Ибское и Пожегдин II, пришел к выводу, что они представлены поковками, откованными на кричных заготовках. Использовалась также и сырцовая сталь. На одном ноже зафиксирована термообработка. Из кричной заготовки изготовлено шило с поселения Пожегдин II. Эти наблюдения согласуются с данными, полученными им при изучении других материалов эпохи железа из памятников Приуралья (Завьялов, Розанова, Терехова, 2009).

Гораздо меньше сведений имеется о других видах хозяйственных занятий. В условиях лесной зоны значительное место в хозяйстве занимала деревообработка, о развитии которой говорят находки весла и сваи из II Висского торфяника (Буров,

1967), а также обломков деревянного сосуда с поселения Пожегдин II. О косторезном деле свидетельствуют находки костяных наконечников стрел и их заготовок и других орудий из кости. На поселении Пожегдин II найдена костяная игла, предназначенная для плетения изделий из травы (Буров, 1965а).

Святилище Джуджыдьяг на средней Вычегде

Памятник открыт К.С. Королевым в середине 1970 годов на берегу старичного оз. Шойнаты на средней Вычегде (в 3,5 км к юго-западу от с. Сторожевск Корткеросского р-на Республики Коми). В ходе раскопок выявлены несколько разновременных комплексов, а именно: раннегляденовский могильник, поселение эпохи раннего железа – раннего Средневековья (ананьинский, гляденовский и ванвиздинский комплексы), средневековое святилище (вымская археологическая культура).

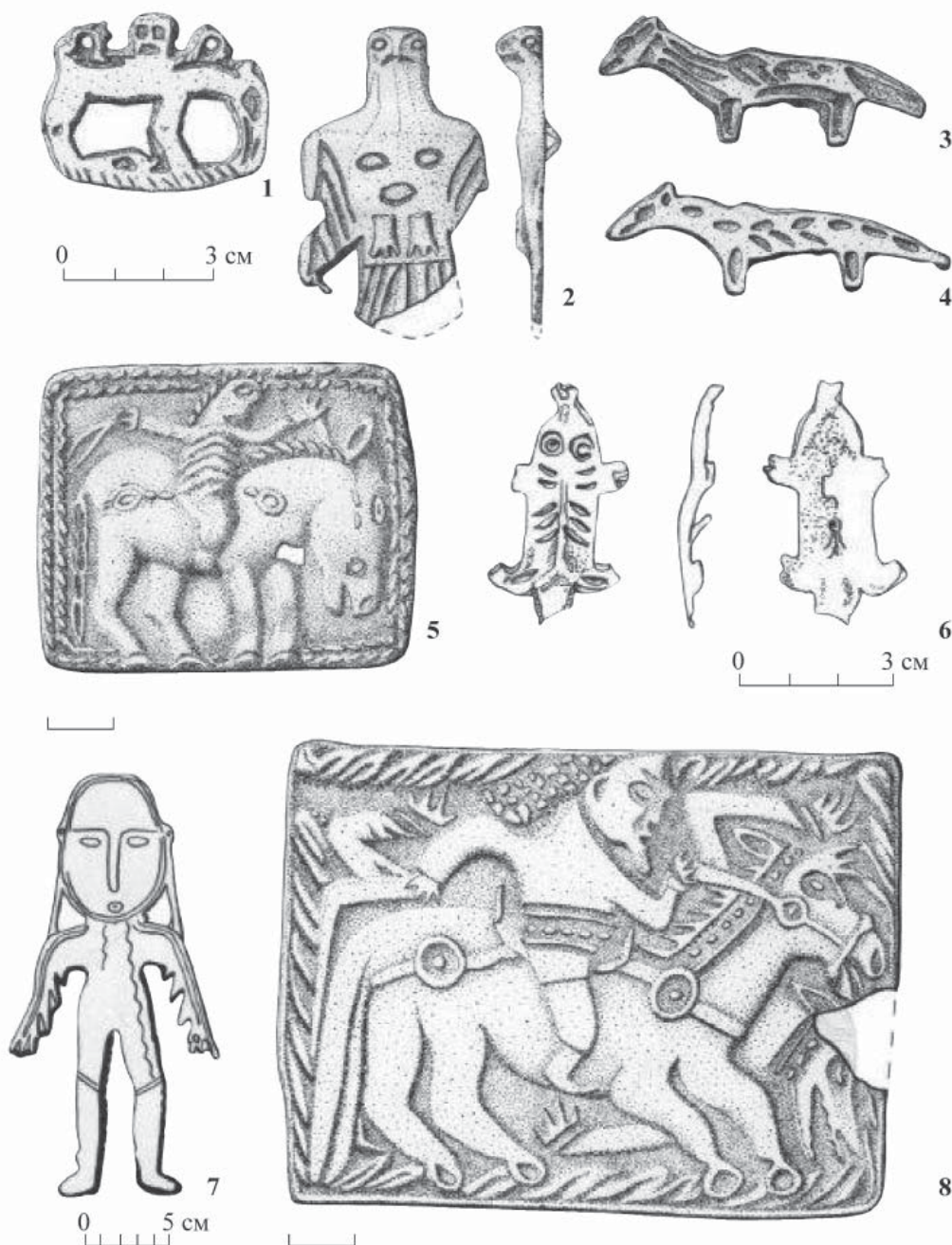

Рис. 9. Джудждыгская археологическая культура

Антропоморфные культовые изделия (1–4, 6, 7), бляхи (5, 8). 1–5 – поселение Пожегдин II; 5 – поселение Ягкодз II; 8 – местонахождение Ягкодз III; 6 – поселение Себьяг I; 7 – местонахождение Чиньяворык. Все – бронза

Подавляющее большинство находок и сооружений с поселения и могильника, по мнению автора раскопок, относятся к гляденовскому культурно-хронологическому комплексу (Королев, 1978). Предложенная интерпретация памятника была принята другими исследователями (Конаков, 1990; Васкул, 1994 г.). В последующем более детальное изучение имеющихся материалов позволило выдвинуть предположение о его культовом характере (Васкул, 1997).

Памятник расположен на возвышенном участке восьмиметровой боровой террасы, являющем-

ся самым высоким местом в округе (в переводе с коми языка джудждыг – «высокий бор»), что отличает его от топографических условий расположения поселений. Для него характерна группировка очагов-кострищ по размерам и по странам света. Изучение плана раскопа свидетельствует, что кострища образуют два параллельных ряда, перпендикулярных берегу озера (Королев, 1978). Первый ряд составляют очаги 3, 9 (расположены в северной части раскопа), 10 (расчищен в западной части раскопа). Один ряд с ними составляют погребение 1 (находится рядом с очагом

3), яма 1 (не датируется) и каменная вымостка $D=2,8$ м (зафиксированы вблизи очага 10). Причем и очаг 10, и вымостка перекрыты одним темным слоем, что говорит в пользу их одновременности. Кроме того, по размерам камней и форме в плане вымостка соответствует второму типу аналогичных сооружений Гляденовского костяща (Генинг, 1988). Не противоречит соотношению вымостки с гляденовским комплексом и найденный вблизи нее железный черешковый наконечник стрелы.

Во второй ряд, менее четко выраженный, входят кострища 1 (расположено в южной части раскопа), 2, 6 и 8 (находятся в восточной части раскопа). Вблизи кострища 2 расчищены погребение 2 и дальше, к востоку – очаг-кострище 7. Рядом с очагом 6 находятся очаги-кострища 4–5 (с СЗ стороны) и погребение 3 (с востока). Ни очаги, ни погребения не перекрывают друга друга, что, наряду с содержащимся в них материалом, свидетельствует в пользу их одновременности. Наличие кострищ в культурном слое также характерно и для костящ Прикамья, и для пещерных святилищ бассейна р. Печоры, что свидетельствует, по мнению исследователей, о значительной роли огня в проводимых обрядах.

Большую роль в определении функционального назначения того или иного памятника играет найденный при его раскопках инвентарь. С гляденовским комплексом Джуджыдыяга связаны керамика (130 сосудов), кремневые скребки, оселки, железные ножи и поясной крючок, гальки-отбойники, обломки костяных и железные наконечники стрел, бусы, целые (подвеска) и сломанные бронзовые предметы, шлаки и обломки тигля (концентрируются в районе могилы 1), фаунистические остатки (Королев, 1978). Казалось бы, инвентарь позволяет определить памятник как поселение. Однако вышеперечисленные категории находок встречены на костящах Прикамья (Генинг, 1988; Лепихин, Мельничук, 1996) и в пещерных святилищах бассейна р. Печоры (Канивец, 1962; 1964). Отличие от костящ проявляется в отсутствии миниатюрных сосудиков, моделей оружия и орудий труда, немногочисленности бусинного материала, большом количестве скребков. В то же время значительное число глиняных сосудов отличает Джуджыдыяг от пещерных святилищ Печорского края. Как представляется, о культовом характере памятника свидетельствуют фаунистические остатки, которые представлены преимущественно костями особой северного оленя (96%) и значительно меньше лося (4%) (Korolev, 1990). По всей видимости, памятник является святилищем охотников на северного оленя.

Не противоречит предложенной интерпретации памятника и наличие захоронений человека. Как известно, человеческие останки являются довольно обычной находкой в культурном слое костящ Прикамья. Это дало основания говорить не только о человеческих жертвоприношениях, но и позволило выдвинуть гипотезу о костящах как могильниках по обряду трупосожжения (Генинг, Оборин, 1960; Генинг, 1988). Известны человеческие жертвоприношения и на ЕСВ. Так, останки человека найдены в раннесредневековом слое Уньинской пещеры (Мурыгин, 1996).

Таким образом, Джуджыдыяг – первый изученный специализированный культовый памятник в бассейне р. Вычегды. Типологически, несмотря на некоторые различия, он близок костящам Прикамья.

Могильник Джуджыдыяг

Как было указано выше, в ходе раскопок святилища было исследовано три погребения, располагавшихся в непосредственной близости от очагов-кострищ (Королев, 1978). Все захоронения грунтовые, совершены в могильных ямах овальной формы. Заполнение – желто-серый углистый песок.

Погребение 1 было ориентировано по линии СВ–ЮЗ. Размеры $1,3 \times 0,8$ м, глубина 0,5 м. Угольки, мелкие кальцинированные кости, фрагменты керамики фиксировались в засыпи могильной ямы. На ее дне лежал человеческий череп, лицевой частью на ЮЗ. Кости черепа частично кальцинированы. К СЗ от него расчищен развал сосуда с воротничком, украшенного резным орнаментом. Между черепом и сосудом находился железный нож с горбатой спинкой и вогнутым лезвием. На ноже сохранились остатки деревянной рукоятки.

Погребение 2 было также ориентировано по линии СВ–ЮЗ. Его размеры составляли $1,55 \times 0,7$ м, глубина 0,65 м. В заполнении могильной ямы – мелкие фрагменты керамики с резным узором, угольки, мелкие кальцинированные кости.

Погребение 3 в отличие от предыдущих было ориентировано по линии З–В. Размеры $1,2 \times 0,5$ м, глубина 0,45 м. В заполнении могилы обнаружены обломки сосудов с резным и веревочным орнаментом. В СЗ секторе могилы на глубине 0,3 м расчищены три фрагмента шейки сосуда, декорированной насечками, и железный поясной (?) крючок.

Итак, изученные погребения характеризуются могильными ямами овальной формы, имеющими незначительные размеры, небольшим количеством инвентаря, расположенного в засыпи и на дне могилы. Наличие кальцинированных костей свидетельствует о кремации как обряде погребения усопших. Одно из погребений является захоронением черепа. По мнению автора раскопок,

Рис. 10. Джурджыдзьягская археологическая культура

Поселение-святилище Мыелдино. Культовые изделия (1–3, 8–11), обломки изделий (4–6), бусина (7). Все – бронза

могильник датируется раннегладеновским временем (Королев, 1978).

Характеристика вещевого инвентаря памятников

В ходе раскопок памятников джурджыдзьягской археологической культуры получено большое число разнообразных изделий из глины, металла, кости, стекла, различных пород камня. Среди них выделяются орудия труда и предметы хозяйственно-бытового назначения, оружие, украшения, культовые изделия, керамика.

Глиняная посуда

В настоящее время коллекция керамики джурджыдзьягской археологической культуры представлена обломками не менее чем от 1296 сосудов. Особенно выделяются коллекции таких поселений, как Вис I, Пожегдин II, Себъяг I, святилище Джурджыдзьяг, поселение-святилище Мыелдино, насчитывающие 100 и более сосудов. Большая часть их получена при раскопках поселений, хотя количество сосудов представлено на разных памятниках неравномерно, что во многом обусловлено их слабой изученностью. Могильники пока слабо изучены, но в материалах известных сегодня погребений керамика неизменно присутствует.

Керамическая коллекция представлена широкогорлыми сосудами со слабовыпуклым туловом,

округлым или уплощенным дном. Изучение форм глиняной посуды позволило на территории ЕСВ в целом выделить две группы керамики: сосуды, не имеющие шейки, и сосуды с шейкой (Васкул, 1997). Первая из групп подразделяется на два типа: закрытые (IA) и открытые (IB). Во второй вычленяется три типа: сосуды с хорошо выраженной высокой шейкой (IIA). По профилировке шейки выделено три подтипа: сосуды с очень низкой шейкой (IIB), открытые профилированные чаши (IIIB). По орнаментации шейки и венчика выделяются подтипы, варианты, разновидности (Васкул, 1997). Посуда с шейкой существенно преобладает. Например, на поселении Вис I лишь один сосуд без шейки, на поселении-святилище Мыелдино – 26 из 153, а на поселении Пожегдин II – 110 из 492. На более поздних памятниках число сосудов, не имеющих шейки, возрастает: если на Ибском поселении их всего два из 46, то на поселении Пожегдин II, как уже упоминалось, 110. При этом на ранних поселениях встречена только керамика типа IB. Имеются хронологические различия и среди типов сосудов. Так, посуда типов IIB-B известна только на поздних памятниках, в то время как другие формы представлены в комплексах на протяжении всего периода. На более ранних сосудах присутствует такая деталь шейки, как во-

ротничок, исчезающий на посуде из поздних комплексов.

Венчики сосудов имеют прямую, овальную, грибовидную (симметричную, внешне и внутренне асимметричную), приостренную (внешне и внутренне асимметричную) и острую внутренне асимметричную форму. Преобладают овальная, прямая и приостренная формы. Сравнение с материалами предшествующего и последующего периодов свидетельствует, что для первых характерны исключительно прямая и овальная формы венчиков, а у более поздней керамики появляются грибовидная и острая асимметричная форма венчиков. Эта же закономерность прослеживается и на ранне- и позднегляденовской керамике.

В качестве добавок к керамической массе фиксируются, как правило, дресва и раковина, реже – песок. Преобладает раковина (32,8–97,8%), минеральные примеси составляют 2,2–67,2%. Наиболее высокое содержание минеральных добавок в глиняном тесте содержится в керамике поселения Вис I. Изучение примесей проводилось в основном визуально. 16 сосудов джуджыдьягской культуры были исследованы под микроскопом В.И. Степаненко и О.А. Лысковым. Изучались наличие отошителей, соотношение их с формовочной массой, зональность и пористость формовочной массы. Для керамики рассматриваемого периода характерно преобладание формовочной массы над отошителем или их приблизительное равенство. Присущая формовочной массе зональность свидетельствует о неравномерности обжига, а пористость – о присутствии органических примесей, как правило, раковины (14 образцов). В качестве отошителя к глиняному тесту добавляли кварц, биотит, полевошпат, зерна которых выявлены в тесте семи сосудов. У четырех образцов обнаружены и зерна кварца, и биотита, и раковина (Васкул, 1997). Этот факт свидетельствует о смешении культурных традиций (Бобринский, 1978). В целом проведенный анализ дает возможность говорить о том, что глина была основным сырьем для изготовления керамики, а раковина, дресва и песок использовались в качестве примесей, что соответствует третьему направлению в развитии навыков составления формовочных масс, по А.А. Бобринскому (1978). По его мнению, раковины уменьшают отрицательное воздействие усадки глины на изделия во время обжига и сушки, а дресва и песок увеличивают огнестойкость сосудов (Бобринский, 1978).

Изучение примесей к глиняному тесту позволяет прийти к следующим выводам. Для древностей Вычегодского края отмечается преобладание раковины, для памятников средней и нижней Печоры, водораздельных озер Центрального Тимана

и Малоземельской тундры – абсолютное преобладание дресвы и в меньшей степени песка. На верхней Печоре наблюдается примерно равное соотношение указанных примесей. Картографирование примесей к керамическому тесту позволяет выделить на ЕСВ две группы памятников. Глиняная посуда первой из них содержит раковину, второй – дресву, песок. Группы довольно-таки четко локализируются: первая – в бассейне Вычегды, вторая – на средней и нижней Печоре, Мезени и на водораздельных озерах Тимана и Малоземельской тундры. Своеобразной контактной зоной между ними являются верхняя Печора, верхняя Вычегда и район Синдорского озера (Васкул, 1997). Сравнение с керамикой предшествующего и последующего периодов свидетельствует о том, что применение в качестве примесей в глиняное тесто дресвы и раковины является устойчивой традицией. Для памятников джуджыдьягской культуры следует отметить еще одну особенность. На более поздних поселениях увеличивается число посуды с примесью дресвы.

Сосуды орнаментированы по венчику, шейке и плечикам (рис. 4–5). Большинство керамики памятников джуджыдьягской археологической культуры имеет орнамент по венчику (58,3%¹). В то же время весьма значителен процент неорнаментированных сосудов (41,7%). Первое место в узорах занимают насечки (22,1%). Далее следуют зубчатые оттиски (13,3%), защипы (14%) и овальные вдавления (4,3%). Остальные орнаменты встречены единично. В орнаментации венчиков имеются хронологические особенности. Судя по имеющимся материалам, хронологическими признаками являются орнаментация венчиков защипами, уменьшение со временем числа сосудов, не орнаментированных по венчику.

Ведущее место в орнаментации шейки и плечиков сосудов занимают резные узоры (46,8%). Они являются признаком, выделяющим глиняную посуду пьяноборской эпохи из всей массы керамики железного века. Именно орнаментация насечками позволила определить эту посуду как гляденовскую. Значительный процент в декоре занимают также узоры, выполненные шнуром (25,9%), ямками (10,4%), зубчатым штампом (13,7%). Много сосудов без орнамента по шейке (17,7%). Причем их количество возрастает на более поздних памятниках. Остальные приемы орнаментации встречаются реже: овальные вдавления 9,5%, клиновидные вдавления 5,8%, треугольные вдавления 4,2%, каннелюры 3,2%. В единичных случаях встречены узоры, выполненные четырехугольными, округлыми, фигурными вдавлениями (лапа животного

¹ Здесь и далее – средние значения.

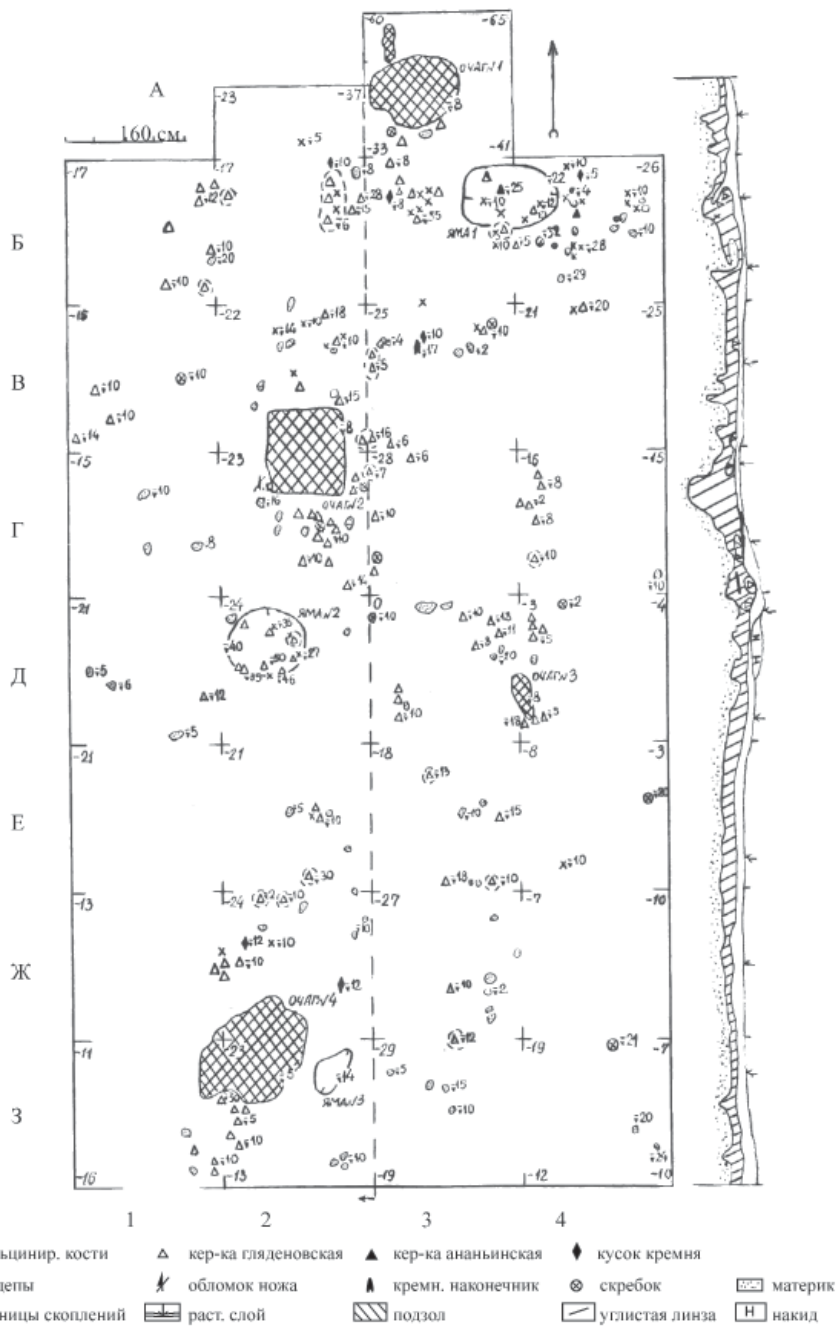

Рис. 11. Пиджская археологическая культура. Поселение Китостав. План и профиль раскопа

го), прочерченными линиями. Значительное число составляют сосуды, декорированные в какой-либо одной технике. Среди элементов орнамента преобладают горизонтальные линии, ряды, зигзаги, волна, елочки. Прослеживаются отличия между керамическими комплексами памятников. Процент сосудов, орнаментированных насечками, выше на поселениях Вис I-II, Ягкодж II и святилище Джуджыдыг, чем на поселениях Ибское, Пожегдин II и Ягкоджты. На поселениях Ибское и Пожегдин II больше, чем на других памятниках джуджыдыгской культуры, сосудов, украшенных шнуром. Каннелюры встречены только на поселениях в

районе Синдорского озера, верхневычегодских памятниках и поселении Себьяг I на Северной Кельтме. В коллекции Ибского поселения отсутствует керамика, украшенная ямками, а на глиняной посуде поселений Пожегдин II, Ягкодж II, Ягкоджты и святилища Джуджыдыг отсутствуют узоры, выполненные ногтевидными вдавлениями.

Орудия труда и предметы хозяйственно-бытового назначения

Эта категория находок представлена следующими изделиями: ножи, шилья, иглы, предметы металлургического производства, костяные игла, лопаточка и втульчатое орудие, кремневые скреб-

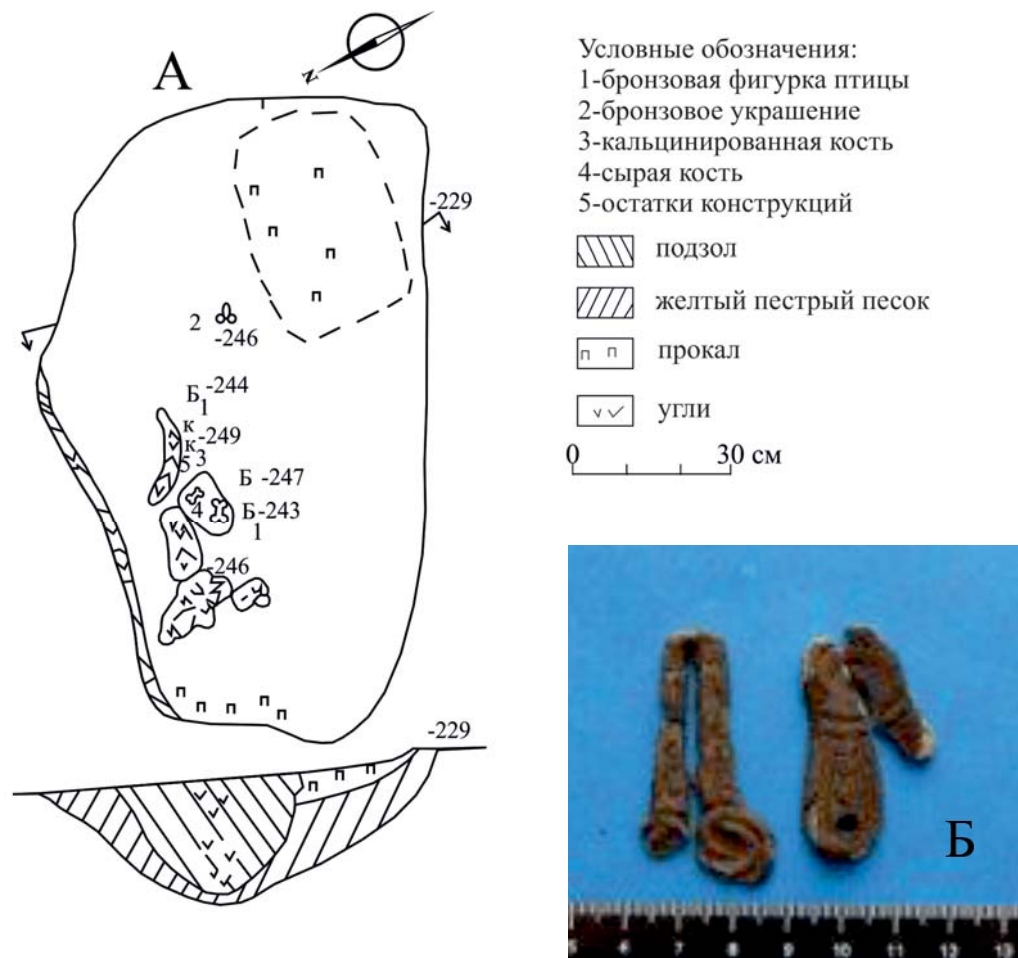

Рис. 12. Пиджская археологическая культура. Шиховской могильник. Погребение 37
 А – план и разрез погребения. Б – инвентарь, бронзовое птицевидное (?) изображение

ки, скребла, отщепы с ретушью, гальки-отбойники, оселки, грузило.

Ножи найдены на поселениях Вис I, Ибское, Озьяг, Пожегдин II, Себьяг I, святилище Джуджыдыг и в погребении 1 могильника Джуджыдыг, на поселении-святилище Мыелдино. Изготовлены из железа. Выделяются следующие типы изделий: серповидный нож (нож с «горбатой» спинкой), ножи с прямой или плавно изогнутой спинкой, ножи с прямой спинкой и плавными уступами при переходе от лезвия к черенку (рис. 6: 1, 2, 5, 15).

Единичными находками являются шилья (поселения Ягкоджты и Пожегдин II), железный клин, изготовленный из лезвия ножа (поселение Пожегдин II), и обломки железных иголок (поселения Ибское и Себьяг I) (рис. 6: 3, 4).

Костяные орудия представлены иглой (рис. 6: 12), лопаточкой и втульчатый орудием неизвестного назначения. Все изделия обнаружены на поселении Пожегдин II. Первое из них изготовлено из грифельной кости лося. Эпифиз просверлен, сечение овальное, предмет обломан. Лопаточка

изготовлена из лопатки лося (?), имеет трапециевидную форму (Васкул, 1997).

К предметам металлургического производства относятся литейная форма, обломки тиглей, льячки, изготовленные из глины. Литейная форма частично обломана, имеет прямоугольную в сечении форму (рис. 6: 10), предназначена для отливки ажурной подвески. Найдена на поселении Помоздино. Обломки льячек обнаружены на Ибском поселении и поселении-святилище Мыелдино, обломки тиглей – на поселениях Вис I, Ибское, Озьяг II, святилище Джуджыдыг. Представлены двумя типами изделий: ладьевидные (их большинство) и рюмкообразные (обломок ножки рюмкообразного тигля найден на Ибском поселении) (Васкул, 1997). Особо следует отметить находку железного шлака, сохранившего форму сосуда тигля диаметром 15 см, на поселении Вис I (Бузов, 1967).

Предметы вооружения

Железные наконечники стрел (рис. 6: 8, 9) представлены черешковым двушипным (поселение Себьяг I), черешковым двушипным с уступ-

чиками, листовидным (святилище Джуджыдыг – Королев, 1978).

Костяные наконечники стрел найдены в небольшом количестве на поселениях Ибское, Пожегдин II, Себьяг I, святилище Джуджыдыг. Большинство изделий обломано. Целый экземпляр, ромбовидный в плане и шестигранный в сечении, происходит только из раскопок поселения Себьяг I (рис. 6: 11). Кроме того, на поселении Пожегдин II найдены заготовки и два почти полностью сохранившихся наконечника. Изделия имели листовидное вытянутое перо, черешок не выделен, в сечении имели ромбическую, шестигранную и трапециевидную форму (рис. 6: 7, 12, 13). Незначительное число костяных наконечников стрел на ЕСВ объясняется условиями их залегания в подзоле, в котором органические материалы практически не сохраняются. По форме сечения пера выделяются трехгранные, ромбические, шестигранные и трапециевидные наконечники. Наиболее хорошо сохранившиеся наконечники стрел поселений Себьяг I и Пожегдин II чрезвычайно близки подобным изделиям с Гляденовского костыща (Генинг, 1988).

К защитному снаряжению относится бронзовая бобовидная выпуклая бляшка с поселения Себьяг I (типа рис. 16: 25). По мнению Л.А. Чиндиной, подобные изделия являются деталью чешуйчатого доспеха (Чиндина, 1984), хотя нельзя исключать и употребления подобных изделий в нашем регионе в качестве украшений.

Каменные изделия. Представлены кремневыми скребками, скреблами, отщепами с ретушью, гальками-отбойниками, оселками и грузилом.

Кремневые скребки (рис. 7: 1–9, 11) являются неизменным атрибутом гляденовских комплексов ЕСВ, занимая в них по количеству второе место после керамики. Изготовлены на отщепе или кусках кремня различных размеров и форм. Кремь преимущественно серого, реже коричневого, розоватого или черного цвета. Имеют выпуклый рабочий край, обработаны крутой ретушью. По форме, с учетом расположения лезвия, выделяются две технологические группы скребков: простые и комбинированные. Простые, в свою очередь, делятся на концевые, угловые, боковые. Группа комбинированных представлена криволинейными и конвергентными скребками (Васкул, 1997). Перечисленные группы орудий характерны как для ранне-, так и позднегляденовских памятников. Следует также отметить, что по своим характеристикам гляденовские орудия близки ананьинским и ванвиздинским.

Остальные предметы представлены единичными экземплярами. Среди них выделяются скребла с выпуклым рабочим краем, обработанным кру-

той ретушью (поселение Пожегдин II), оселки овальной в плане, прямоугольной или овальной в сечении формы (поселения Ибское, Пожегдин II, святилище Джуджыдыг), гальки-отбойники (поселения Ибское, Пожегдин II, святилища Джуджыдыг), каменное грузило (поселение Пожегдин II) (Васкул, 1997).

Бусы

Изготовлены из стекла, бронзы, египетского фаянса и глины. Стекланные бусы (рис. 8: 3, 8) представлены бисером цилиндрической формы желтого цвета (найден на святилище Джуджыдыг), округлыми бусинами с металлической прокладкой (найден на поселении Себьяг I, относятся к типам 1а и 8 по классификации Е.М. Алексеевой (Алексеева, 1978)), сдвоенной округлой бусиной с металлической прокладкой (тип 31 по классификации Е.М. Алексеевой) (Алексеева, 1978; найдена на поселении Угдым III), глазчатой голубой с желтым глазком (обнаружена на святилище Джуджыдыг) (тип 78а по Е.М. Алексеевой) (Алексеева, 1978).

Бронзовые литые бусы – цилиндрическая и усеченно-биконическая – найдены на поселении-святилище Мыелдино и на поселении Пожегдин II (рис. 8: 4; 10: 7).

Из раскопок поселения-святилища Мыелдино (Васкул, Холопов, 2005) происходит округло-бугристая бусина из египетского фаянса, относится к типу 19 по классификации Е.М. Алексеевой (1975).

Глиняная цилиндрическая бусина обнаружена на поселении Пожегдин II (Васкул, 1997).

Украшения и принадлежности костюма

Рассматриваемые в данном разделе изделия незначительны по количеству, но разнообразны по составу.

Височные подвески (рис. 8: 6, 17) представлены сдвоенной спиралевидной (поселение Угдым III) и каплевидной (поселение Вис II).

Ромбовидная подвеска, переделанная из бляшки, найдена во время раскопок святилища Джуджыдыг (рис. 8: 15). Ажурная подвеска обнаружена на поселении Угдым III (рис. 8: 9).

Литая бронзовая обоймочка с зауженной тыльной стороной найдена на поселении-святилище Мыелдино (типа рис. 16: 6).

Самой многочисленной категорией украшений являются бляшки. Они найдены на поселениях Пожегдин II, Себьяг I, Угдым III, поселении-святилище Мыелдино. Выделяются две группы изделий: одинарные и двойные (рис. 8: 7, 10, 12, 13, 19, 20). Одинарные подразделяются на сферические, конусовидные, умбовидные и плоские в сечении. По форме в плане все украшения круглые. Двойные круглые бляшки пред-

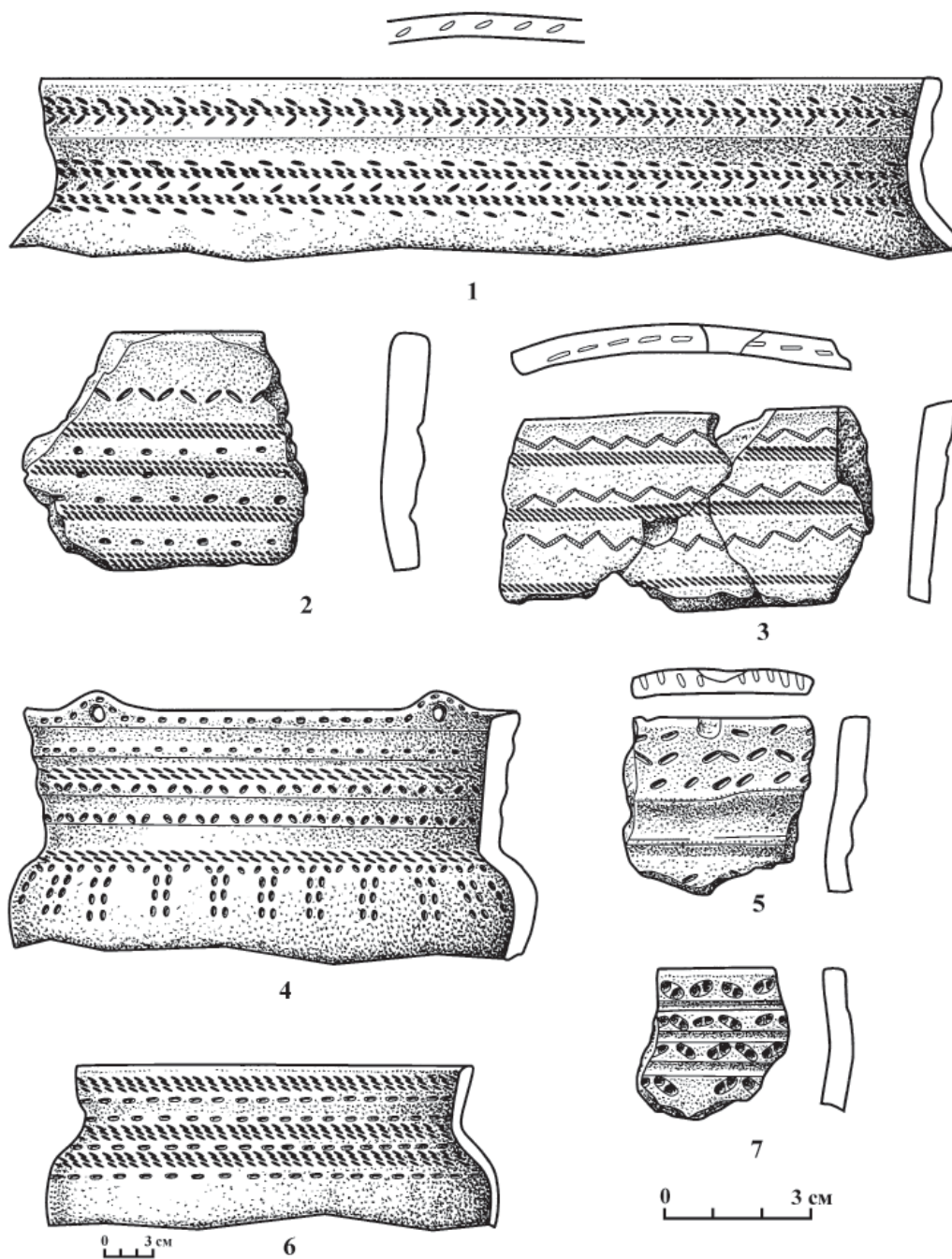

Рис. 13. Пиджская археологическая культура. Керамика первого этапа

1 – поселение Пижма II; 2 – поселение Пидж VII; 3, 6 – поселение Чойновты III; 4, 7 – поселение Минина Виска I; 6 – поселение Ружникова

ставлены предметами с крестопрорезной верхней и ажурной нижней частью. К основе изделия крепились либо при помощи перекладины, ушка-петли с обратной стороны, либо при помощи штифтиков.

Бляхи подразделяются на круглые сферические и плоские, различающиеся между собой по размерам, и прямоугольные (рис. 8: 14; 9: 5, 8). Найдены на поселении-святилище Мьелдино, поселениях Ягкодж II–III, Ягкоджты. На бляхе из раскопок поселения святилища Мьелдино про-

черчено изображение животного. Особый интерес представляют прямоугольные бляхи с изображением всадников, скачущих на конях (поселения Ягкодж II–III) (Васкул, 1997).

Поясные принадлежности

Из поясных принадлежностей на памятниках изучаемого времени найдены поясной крючок, эполетообразная застежка, наконечник ремня, поясная обойма и обломок пластинчатой пряжки с неподвижным язычком (рис. 6: 6; 8: 5, 11, 16).

Железный поясной крючок имеет подтреугольный щиток с отверстием для крепления, длинный стержень, конец которого изогнут в виде незамкнутой петли. Найден в погр. 1 могильника Джуджыдьяг.

Бронзовая эполетообразная застежка, обнаруженная в окрестностях с. Княжпогост на Выми, относится к VI стадии развития этого типа изделий по классификации М.Г. Худякова (Худяков, 1929).

Наконечник ремня изготовлен из железной согнутой пополам, вогнутой с боков пластины (поселение Угдым III), относится к типу Raddatz j-IV-1. Равномерно утолщенная поясная обойма изготовлена из бронзы, найдена на поселении Себьяг I.

Культовые изделия

Предметы, относящиеся к этой категории находок, получены при раскопках поселений и поселения-святилища, несколько изделий являются случайными находками. Большинство изделий бронзовые, отлиты в односторонней форме, однако имеются изображения, прочерченные на бронзовых украшениях. Выделяются следующие группы: зооморфные, орнитоантропоморфные, сложные антропоморфные, антропоморфные личины, сложные композиции, включающие в себя изображения человека, птиц, зверей. Все изделия бронзовые, выполнены в технике низкорельефного литья.

Зооморфные представлены тремя фигурками хищных пушных зверьков, двумя фигурками бобров (?) и зооморфным изображением с птичьим хвостом и крыльями, найденными на поселениях Пожегдин II, Себьяг I и на поселении-святилище Мыелдино (рис. 9: 3, 4, 6; 10: 1–10). На туловищах пушных животных имеется орнамент из гладких линий и треугольников. У фигурок из раскопок поселения Пожегдин II с обратной стороны есть петли для крепления к основе. Изделие из коллекции поселения Себьяг I – подвеска. Фигурки бобров распластаны, на туловище нанесен орнамент из гладких линий, имитирующих насечки, с обратной стороны – петли для крепления к основе. Последний из предметов – изображение трехголового животного с птичьими крыльями и хвостом. Гладкими линиями выделена носовая часть. Перед глазами центральной головы на морде нанесены углубления. Туловище в центральной части декорировано двумя рядами треугольников, расположенных основаниями друг к другу. Справа и слева от них орнамент, выполненный в виде круглых скобок. Орнаментальная композиция отделяет головы животных от крыльев и хвоста. Оперение передано гладкими линиями.

К группе орнитоантропоморфных относятся фигурки хищных птиц с полураспущенными крыльями, рельефными лапками и человеческой личиной на груди, найденные на поселениях Пожегдин II, Угдым III и у починка Переволоков (рис. 9: 2). Изделия, подобные описанным, относятся к типу III-1 кулайского культового литья (Чиндина, 1984). Еще одно изделие происходит из раскопок поселения-святилища Мыелдино. Оно представляет собой изображение человеческой личины с тремя небольшими лучами в верхней части, находящуюся между двух птичьих голов. Одна из птиц изображена с раскрытым, другая с сомкнутым клювом. С обратной стороны предмета расположена петля для крепления к основе (рис. 10: 2).

Сложные антропоморфные изображения найдены на поселении-святилище Мыелдино и на р. Чинья Ворык (рис. 9: 7; 10: 8). На изделии с поселения-святилища рельефом выделен нос. Антропоморф из раскопок поселения-святилища имеет массивную голову с дуговидными бровями, круглыми глазами, рельефным носом, руки в виде птичьих крыльев, массивное туловище с отверстием на груди, короткие ноги заканчиваются когтями. Изделие с р. Чинья Ворык также имеет большую голову и крылья вместо рук. На плечи ниспадают косы. Голова и крылья оконтурены двойными углубленными линиями. На туловище и левом бедре нанесены зигзаги. Двумя линиями показан край обуви. На ногах ближе к ступне имеются утолщения (имитация обувных пряжек?).

Изображения человеческих личин найдены на поселении-святилище Мыелдино и поселении Себьяг I (рис. 10: 8, 9). У всех изделий в верхней части расположены лучи-отростки. У предметов из Мыелдино отростки отходят и в нижней части личины (три и четыре). Глаза личин овальной и округлой формы, рты – овальной формы. У одного изделия рот представляет собой сквозное отверстие. Еще одна личина орнаментирована с боковых сторон «насечками».

Последняя из вышеназванных групп представлена плакетками, найденными на поселении-святилище Мыелдино и поселении Пожегдин II. Каждый предмет индивидуален. Изделие с поселения Пожегдин II представляет собой изображение человеческой личины верхом на лосе, стоящем на змее (?). По обе стороны от головы расположены петли для привешивания. Фигура змеи (?) украшена насечками. На поселении-святилище Мыелдино найдено птицевидное изображение с человеческой головой, по обе стороны от которой птичьей головы, с распахнутыми крыльями, тремя личинами на груди, стоящее на животном с коротким хвостом и трехпальными лапами. Опе-

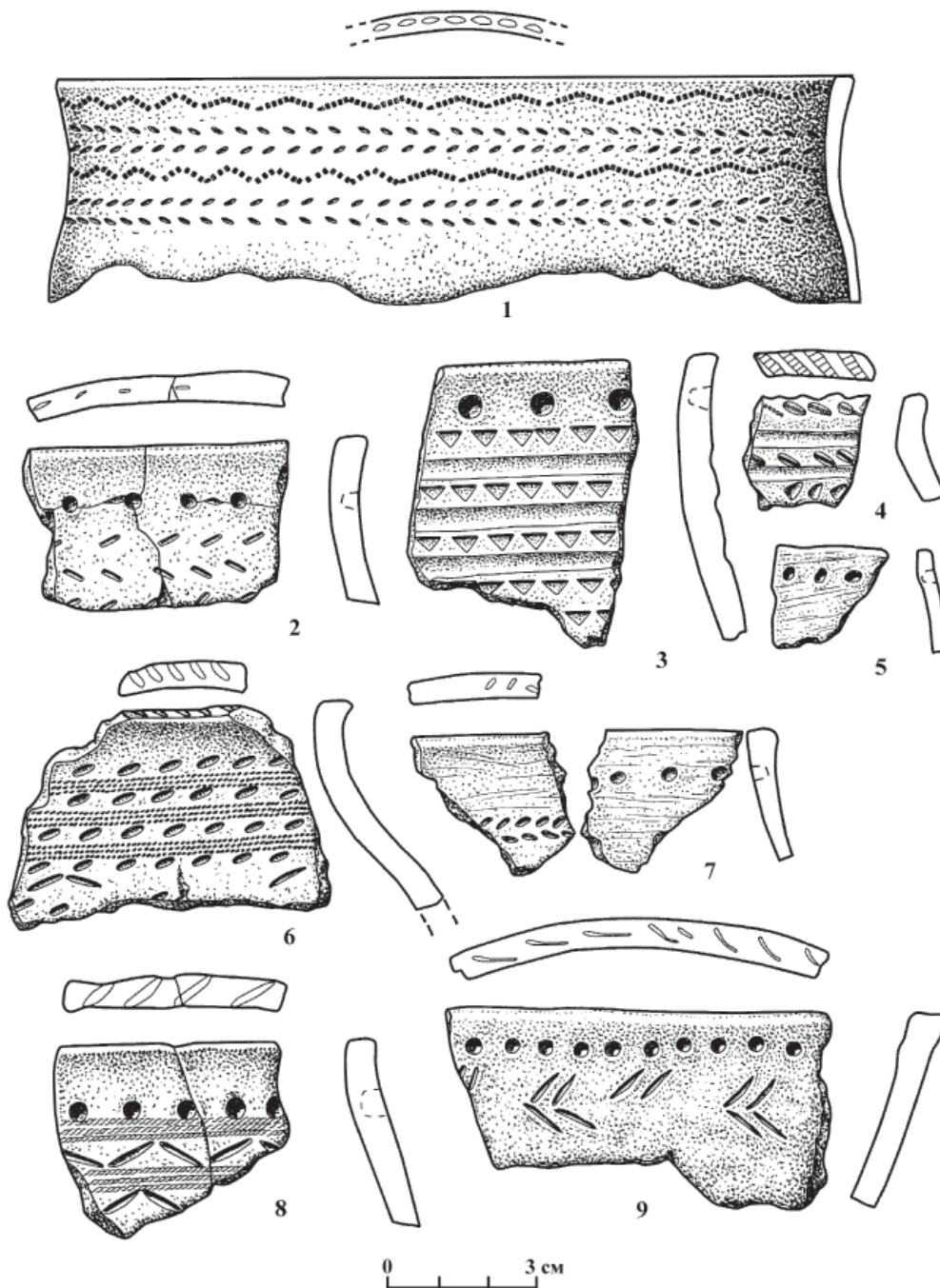

Рис. 14. Пиджская археологическая культура. Керамика второго этапа

1 – поселение Сьнянырд V; 2 – поселение Медвежское II; 3 – поселение Корольки II; 4, 7, 8 – поселение Китостав; 5, 9 – поселение Палью V; 6 – поселение Ружникова

рение крыльев передано гладкими линиями, которые нанесены так же под центральной личиной на тулове. В верхней части туловища животного нанесены гладкие линии, изображающие шерсть на загривке (?). (рис. 9: 1; 10: 11).

По всей видимости, к культовым изделиям относится бронзовая модель обуви, найденная на Ибском поселении (рис. 8: 18). Носок сапожка загнут кверху, у щиколотки он застегивался пряжкой, которую имитирует небольшая выпуклина.

Хронология и периодизация памятников

Наблюдения над встречаемостью вещевого инвентаря в комплексах, внешние аналогии, имеющиеся радиоуглеродные датировки позволили в 1990 гг. выделить два этапа в развитии культур ГКИО на территории ЕСВ (Васкул, 1992). Общие хронологические рамки этапов определялись в пределах конца III–II вв. до н. э. – IV/начала V в. н. э. Предложенная датировка и периодизация памятников не противоречила разработкам других исследователей. В то же время отмечалось, что она соответствовала уровню знаний 1990 гг. и с нако-

плением новых материалов могла корректироваться. В частности, обращалось внимание на то, что в рамках второго этапа выделяется группа изделий III–V вв. н. э. (Васкул, 1997). За прошедшее время в ходе раскопок памятников джуджыдьягской археологической культуры сделаны новые находки бронзовых, железных и стеклянных изделий, найдена бусина из египетского фаянса, для очага 8 поселения-святилища Мыелдино получена радиоуглеродная датировка ^{14}C 1990 ± 30 (JE-6293) и на ее основе две калиброванные даты: 39 BC – 52 AD (одна сигма) и 45 BC – 71 AD (две сигмы). Аналогии новым находкам «укладываются» в хронологические рамки, предложенные для джуджыдьягской археологической культуры ранее. Для более дробной периодизации необходимо наличие погребальных комплексов, серия радиоуглеродных датировок. Материалы поселений, ввиду малой мощности культурного слоя, надежной опорой в разработке вопросов, связанных с проблемой хронологии и периодизации, служить не могут. В то же время отличительными признаками нового этапа в развитии культуры могут служить появление бичевницкой и многошнуровой керамики, новых видов культовых изделий (изображения человеческих личин, птиц с полураспахнутыми крыльями и др.).

Первый этап (конец III–I вв. до н. э.). Материалы, датирующиеся концом III–I вв. до н. э., выявлены на поселениях Вис I и II, Ибское, Угдым II, Озьяг II–III, Ягу-яр, Симва II, могильнике Джуджыдьяг, святилище Джуджыдьяг. Среди категорий вещевого инвентаря памятников к этому этапу относятся глиняные сосуды групп IB и IIA–III (рис. 4), кремневые скребки различных типов, железные серповидные и с прямой спинкой ножи, бронзовые бляшки, золоченые и глазчатые стеклянные бусы, бронзовые литые и из согнутой пополам пластины бусы, литые обоймочки, железный поясной крючок. Керамические комплексы по форме сосудов, примесям к глиняному тесту, наличию воротничка, схеме построения орнаментальных композиций обнаруживают близость к керамике предшествующего времени.

Второй этап (I – IV–V вв. н. э.). К нему относятся материалы поселений Вис II, Пожегдин II, Парчъяг, Ягкодж II, Ягкоджты, Угдым III, Дон, Ниремка I, Ягу-яр, Шойнаты III, поселения-святилища Мыелдино, частично святилища Джуджыдьяг. Вещевой инвентарь памятников этого времени представлен кремневыми скребками, железными ножами, разнообразной формы бляшками, круглыми сферическими бляхами, спиралевидными и каплевидными височными подвесками, стеклянными золочеными бусами, бусиной из египетского фаянса, пряжками с неподвижным язычком,

наконечниками ремней Раддатц-J-IV-1, орнито-антропоморфными и зооморфными культовыми изделиями, железными черешковыми наконечниками стрел, керамикой групп IA–B, IIA–III, IIB–V (группы IA и IIB–V появляются впервые) (рис. 5). В конце этого этапа на памятниках в составе керамических комплексов встречается бичевницкая и многошнуровая керамика.

Оба этапа взаимосвязаны друг с другом и характеризуют развитие джуджыдьягской археологической культуры в конце I тыс. до н. э. – первой половине I тыс. н. э. Это проявляется в совпадении ареалов древностей первого и второго этапов, типах поселений и святилищ, вещевом инвентаре (прежде всего керамике). Прекращение существования памятников ГКИО в вычегодском бассейне связано с событиями эпохи великого переселения народов, отразившимися в появлении новых археологических культур на территории финно-угорских (в большинстве своем финно-пермских) племен Приуралья.

Историко-археологическая интерпретация (социальное устройство, исторические судьбы)

Вопросы социальной организации носителей джуджыдьягской археологической культуры остаются наименее изученными, что связано с немногочисленностью источников по данной проблематике. В распоряжении исследователей имеются данные из раскопок поселений и выявленных на них сооружений. Анализ наличествующих источников показывает, что небольшие размеры поселений типичны для охотников и собирателей лесной зоны. Площадь большинства из них не превышала 1000 кв. м, и была лимитирована численностью проживавших на них общин. Поселения с близкими размерами принадлежали локальным группам охотников и рыболовов численностью в 20–30 человек (Массон, 1976). Жилые сооружения, выявленные на памятниках джуджыдьягской археологической культуры, немногочисленны. Анализ площади жилищ позволил установить, что в одном сооружении проживало 4–7 чел. (Васкул, 1992). Подобные постройки, как полагают исследователи, являлись местом обитания малой (простой) семьи. На поселении обитало несколько таких семей, объединявшихся, вероятно, в родовую общину (Проблемная ситуация..., 1998). Несколько общин сливались в более крупные территориальные образования. Это хорошо прослеживается, например, по материалам верхневычегодских поселений Ягкоджты, Ягкодж II, Пожегдин II, керамические коллекции которых имеют степень сходства в пределах 79,5–92%. Этот факт свидетельствует о сильной взаимосвязи упомянутых памятников и позволяет отделить их от других одновременных им поселений.

Формирование джуджыдьягской археологической культуры происходило на базе культур предшествующего времени. В пользу этой гипотезы, поддерживаемой большинством исследователей, свидетельствует совпадение ареалов археологических культур первого и второго этапов эпохи железа на ЕСВ. Памятники расположены в одних и тех же топографических условиях. Ведущим типом памятников являются неукрепленные поселения. Все это говорит о сохранении традиционного охотничье-рыболовческого уклада хозяйства. Взаимосвязь культур прослеживается и по данным погребального обряда. Преемственность наблюдается в изготовлении глиняной посуды, технике обработки кремня, металлообработке. Наиболее рельефно связь древностей двух периодов железного века отразилась в керамике. Основная форма посуды – широкогорлые сосуды с хорошо выраженной шейкой, слабовыпуклым туловом, округлым или уплощенным дном. В качестве примесей к глиняному тесту применяли раковину и дресву. Преемственность наблюдается и в том, что в орнаменте сохраняются узоры, выполненные ямками, шнуром, зубчатым штампом, ногтевидными и овальными вдавлениями. Орнаментальная зона занимает верхнюю часть сосудов. По сравнению с предшествующим периодом увеличивается число сосудов, украшенных по венчику, а также неорнаментированных по шейке и плечикам. Новыми являются узоры, выполненные насечками, треугольными вдавлениями, каннелюрами. Это не исключает, однако, того, что в формировании культуры населения ЕСВ в конце I тыс. до н. э. – первой половине I тыс. н. э. принимали участие выходцы из Прикамья и Зауралья. Взаимосвязь с этими регионами, как уже неоднократно отмечалось, достаточно четко прослеживается по археологическим материалам, хотя свидетельств массовой миграции из Прикамья нет. Общие черты в культуре населения ЕСВ, верхнего и среднего Прикамья обуславливаются и тем, что формирование археологических культур конца I тыс. до н. э. – первой половины I тыс. н. э. шло на базе родственных культур предшествующего периода, что неоднократно отмечалось различными исследователями. Не менее отчетливо фиксируется преемственность древностей культур времени с культурами второй половины I тыс. н. э. Причем необходимо подчеркнуть, что в значительной мере она прослеживается по тем же признакам, что и с памятниками ананьинской общности. Во многом совпадают их ареалы. Ведущим типом памятников остаются неукрепленные поселения, расположенные в тех же топографических условиях. Сохраняется значительный процент кремневых орудий в составе производственного инвентаря.

В керамическом производстве развиваются традиции, зародившиеся в эпоху железа. Сохраняется традиционная для лесной зоны форма посуды – широкогорлые сосуды с шейкой или без нее, со слабовыпуклым туловом, округлым или уплощенным дном. В тесте содержатся примеси дресвы или раковины. Орнамент расположен в верхней части сосудов. В узорах употребляются композиции, выполненные шнуром, ямками, различной формы вдавлениями, зубчатыми оттисками. Судя по опубликованным данным, увеличивается число сосудов, орнаментированных по венчику, в декоре по шейке и плечикам увеличивается процент шнура, зубчатых отпечатков, овальных вдавлений.

Довольно отчетливо выявляется направление этнокультурных контактов населения бассейна р. Вычегды, особенно с носителями археологических культур Волго-Камья. Общими являются некоторые типы украшений, бытового инвентаря, керамики. Именно через территорию кара-абызской, пьяноборской (чегандинской) и гляденовской археологических культур поступали в наш регион «южные импорты» (зеркала, бусы). Достаточно хорошо прослеживаются контакты с носителями пиджской археологической культуры бассейна р. Печоры, через которую на Вычегду поступали предметы, характерные для западносибирских культур раннего железного века (прежде всего кулайской археологической культуры).

Таким образом, древности джуджыдьягской культуры являются составным звеном в развитии археологических культур эпохи железа и свидетельствуют о генетической связи между ними. В то же время следует отметить, что переход к культурам второй половины I тыс. н. э. был осложнен появлением в бассейне Вычегды населения, принесшего курганный обряд захоронения, культурными импульсами из Зауралья.

Одной из наименее разработанных является проблема этнокультурной интерпретации древностей джуджыдьягской АК. Большинство исследователей придерживается гипотезы о принадлежности этой культуры предкам современных пермских народов (коми и коми-пермяков).

Пиджская археологическая культура Генезис культуры

Пиджская археологическая культура сложилась на базе культурных типов Перный и Ямашор предшествующего периода раннего железного века. Памятники типа Перный были распространены на всей территории ЕСВ, ямашорские – в бассейне средней и нижней Печоры (Канивец, 1974). На формирование этой культуры также оказало влияние западносибирское и прикамское население. Присутствие на сосудах пиджской археологической культуры горизонтальных каннелюр

может указывать на наличие в ее генезисе еще одного компонента, возможно, связанного с культурами Северо-Запада европейской части России.

Область расселения

Памятники пиджской археологической культуры распространены в лесной и лесотундровой зоне бассейна р. Печоры, на Мезени и в Малоземельской тундре. Представлены поселения, погребальные памятники, пещерные святилища, местонахождения. Всего в настоящее время известно 46 памятников пиджской археологической культуры. Они расположены на I–II надпойменных террасах или по берегам озер и рек. Стационарные раскопки проводились на поселениях Китостав, Корольки II, Пижма I–II, Ружникова, Кыско, Сынянырд V, Чойновты III, могильниках Новый Бор I и Шиховской, в Адакском I, Канинском и Уньинском пещерных святилищах.

Поселения

Поселения расположены по берегам озер и рек на I–II надпойменных террасах или их останцах, в топографических условиях, характерных и для предшествующего, и для последующего периодов раннего железного века. Культурные остатки зафиксированы на мысах или на участках террасы, ограниченных оврагами, ручьями или мелкими речушками, болотистыми низинами (рис. 2: 1–3). Ввиду того, что поселения неукрепленные и в большинстве своем полностью не раскопаны, мы почти не располагаем данными об их площади. Как отмечалось выше, признаками размеров поселений, не имеющих укреплений, являются площадь распространения культурного слоя и находок на памятнике. Однако в условиях ЕСВ, когда находки и сооружения большей частью фиксируются в слое подзола, входящего в естественную структуру почвы на борových террасах, площадь культурного слоя не всегда дает представление о размерах памятников. Более надежным критерием определения размеров поселений является площадь распространения культурных остатков. Основным условием при этом является наличие хорошо изученных (раскопанных большой площадью) археологических памятников. Наиболее полную информацию о размерах поселений дают такие памятники, как Китостав (144 кв. м), Корольки II (206 кв. м), Чойновты III (172 кв. м), Сынянырд V (80 кв. м). На всех этих поселениях имеются комплексы сооружений и находок, концентрировавшиеся на площади от 80 до 3000 кв. м, что свидетельствует о незначительных размерах поселений.

Важнейшим признаком, характеризующим поселения, является культурный слой. Его мощность, насыщенность находками, окраска свидетельствуют о характере памятника. Характеристика куль-

турного слоя затруднена тем, что практически все памятники, где найдены культурные остатки конца I тыс. до н. э. – первой половины I тыс. н. э., содержат находки различных хронологических периодов. Комплексы интересующего нас времени, как правило, не вычлениаются стратиграфически. Затрудняет исследования и то, что на большинстве поселений нет четко выраженного культурного слоя. Находки содержатся в слое подзола, практически не нарушенного воздействием человека. Хорошо выраженный культурный слой (темноокрашенная гумусированная супесь) зафиксирован на поселениях Медвежье II, Минина Виска I, Ружникова, Кыско, Пижемский Гумежек, Пижма I и II. Представляется, что наличие или отсутствие выраженного культурного слоя свидетельствует о типе поселений. Так же, как и в Вычегодском бассейне, большинство из них (без отчетливо выраженного культурного слоя) относится к типу сезонных поселений – стоянок. Мощность слоя памятников колеблется в основном в пределах 10–30 см (Королев, 1973; Лузгин, 1965). На таких поселениях, как Картаель V, Койю, Черноборская I, находки содержались в слое подзола мощностью менее 10 см (Лузгин, 1972). В то же время на многослойных поселениях с фиксируемым слоем (Пижма II, Ружникова и др.) глубина залегания керамики гляденовского типа увеличивается до 40–60 см. Одним из индикаторов долговременности или сезонности памятника является насыщенность культурного слоя находками. Рассматриваемые поселения характеризуются незначительной насыщенностью слоя. Изделия концентрируются в основном в очагах, ямах или непосредственной близости от них.

Жилища. На памятниках пиджской археологической культуры жилища не выявлены. Косвенные данные о наличии жилых построек получены во время раскопок поселения Китостав в 1988 г. Здесь выявлены четыре очага-кострища (рис. 11). В них или непосредственной близости от них получено большинство находок. Рядом с ними располагались обнаруженные на памятнике ямы. Каждому из очагов-кострищ и связанным с ним находкам соответствовала небольшая (площадью около 16 кв. м) и неглубокая (3–15 см по нивелировочным отметкам) западина. К сожалению, эти западины не прослеживались в виде каких-либо пятен на плане поселения. Возможно, они являются свидетельством существования на поселении небольших легких наземных жилых сооружений с очагом в центре. На поселении Корольки II вокруг очага-кострища 2 расчищено разрушенное пятно желто-коричневого цвета, имевшее ширину около 3 м и длину в сохранившейся части приблизительно 6 м (Ашихмина, Васкул, 1995). Возмож-

ность наличия жилища или кострища на поселении Пидж II предполагал В.И. Канивец (Канивец, Лузгин, 1963).

Очаги являются основным видом сооружений, фиксируемым на поселениях пиджской АК. Так же как и аналогичные им объекты джудждыгской АК, они различаются между собой по форме, размерам и конструктивным особенностям. По форме сооружений в плане выделяются четыре группы очагов: округлые, овальные, четырехугольные, неправильной формы; по форме в профиле выделяются два типа: линзовидные (наземные) и углубленные в землю (очажные ямы), по форме дна и наличию галечниковой подсыпки выделены варианты. В результате группировки очагов-кострищ по размерам выделились три группы очагов: малые, средние и большие (Васкул, 1994).

Подавляющее большинство очагов-кострищ относится к группам I–II, тип 1. Форма очагов группы III свидетельствует о наличии какой-то конструкции типа рамы. Сооружения группы III, тип 2, а также очаги групп I–II, тип 2, известны в настоящее время, главным образом на верхней Печоре (поселение Китостав) и Вычегде. На средней Печоре (Корольки II) и в бассейне Вычегды выявлены очаги с галечниковой подсыпкой. Закономерности в размещении разных групп и типов очагов-кострищ по поселениям не выявляются (Васкул, 1994). Любопытные данные дает анализ планиграфического размещения этих объектов. На поселении Чойновты III они располагались параллельно берегу, образуя линию. На поселении Китостав они располагались в ряд, перпендикулярно берегу старицы. Рядовое размещение очагов отражает особенности планировки поселений, возможно, свидетельствует о наличии легких наземных жилых сооружений.

Ямы и ямки. Ямы подпрямоугольной, овальной и округлой в плане формы. Они имеют прямые или наклонные стенки, уплощенное или округлое дно. Одна из ям имела одну стенку прямую, другую – наклонную. Ямы неглубокие. Большая часть из них имеет глубину до 50 см. В большинстве ям найдены обломки глиняной утвари, кремь, кости животных. Состав обнаруженных предметов свидетельствует о хозяйственном назначении ям. Наблюдения над расположением ям на территории поселений показывают, что все они «привязаны» к очагам-кострищам.

Ямки имеют круглую (в одном случае овальную) в плане и конусовидную в сечении форму. Диаметр 14–30 см, глубина 3–30 см. Ямки фиксируются, как правило, в непосредственной близости от очагов-кострищ и ям. Возможно, они соответствуют столбовым конструкциям.

На поселении Чойновты III зафиксировано восемь **зольных пятен** (Васкул, 1997). Они имеют овальные или неправильные в плане очертания, линзовидные в сечении. Функциональное назначение их неясно. Аналогии этим пятнам на поселениях ЕСВ неизвестны.

Хозяйственные занятия

Расположение поселений на борových террасах по берегам озер и рек характерно для населения, основу хозяйства которого составляли охота и рыболовство. Фаунистические остатки, полученные при раскопках поселений и святилищ, показывают, что объектами охоты были бобр, бурый медведь, лось, северный олень, заяц, соболь, куница, хорь, норка (определения П.А. Косинцева). Количественное соотношение костных остатков свидетельствует, что первое место среди них занимают кости бобра, затем лося и северного оленя. К сожалению, в нашем распоряжении есть только суммарные характеристики костных остатков, принадлежащих птицам и рыбе. Из имеющихся данных следует, что охота велась при помощи лука и стрел с костяными, бронзовыми и железными наконечниками. Рыбу, как и на Вычегде, ловили при помощи сетей, заколов.

Основным видам производственной деятельности были подчинены другие хозяйственные занятия. Изготовление каменных изделий (главным образом скребков) документируется орудиями для раскалывания кремня (гальки-отбойники), нуклеусами (относятся к типу аморфных) и нуклеидными обломками, отходами кремневой индустрии.

У населения бассейна р. Печоры конца I тыс. до н. э. – первой половины I тыс. н. э. была развита обработка цветных металлов. На поселении Китостав найден обломок дутьевой трубы (Канивец, Лузгин, 1963), на многих памятниках найдены капли и сплески металла. Результаты анализа химического состава изделий из бронзы показал, что большинство изделий отливалось из оловянистой бронзы. Различия между остальными предметами, так же как и на памятниках джудждыгской АК, проявляются в доле примесей As, Bi, Co, Pb, Ag. Причем для более ранних памятников (Новый Бор I, Чойновты III) не характерна примесь цинка. Оловянистые и оловянно-свинцовые бронзы, к которым принадлежат изученные изделия Шиховского могильника, были распространены у финно-угорского населения Приуралья и Западной Сибири (Генинг, 1970; Голдина и др., 2012; Симонов и др., 2012). Сравнение химического состава одной из блях из проанализированной серии предметов из раскопок Шиховского могильника с аналогичными изделиями (бляхи диаметром 7,0–10,4 см) из раскопок Ныргындинского I могильника в Прикамье показывает, что изделия изготовлены по близ-

кой рецептуре (Голдина и др., 2012). Совпадает процент содержания олова и свинца в химическом составе бляшек (Голдина и др., 2012). Подобные параллели свидетельствуют о культурных контактах населения ЕСВ и Среднего Прикамья, откуда эти изделия поступали в наш регион. Авторы публикации результатов изучения химического состава украшений из раскопок Нырғындинского I могильника не исключают местное производство в Среднем Прикамье блях из высокооловянистых бронз (Голдина и др., 2012), откуда они, возможно, и попали к населению бассейна р. Печоры.

Значительно меньше сведений имеется о других видах хозяйственных занятий. О развитии черной металлургии свидетельствуют находки на поселениях железных изделий и их обломков. Металлографический анализ ножей с поселений Китостав и Корольки II свидетельствует, что они откованы на кричных заготовках (Завьялов, Розанова, Терехова, 2009). О косторезном деле свидетельствуют находки костяных наконечников стрел и их обломков. В условиях лесной зоны значительное место в хозяйстве занимала деревообработка, однако прямых свидетельств занятиям этим видом хозяйственной деятельности нет.

Могильники

В бассейне р. Печора в настоящее время известно три могильника и одиночное погребение конца I тыс. до н. э. – первой половины – середины I тыс. н. э.: могильники Новый Бор I, Шиховской, на оз. Пожемты и одиночное захоронение Якэ 8. Погребения пиджской археологической культуры выявлены на трех погребальных памятниках: Новый Бор I, Шиховской и Якэ 8. Могильник на оз. Пожемты относится к бичевницкому культурному типу.

Наибольшее число погребальных комплексов исследовано в ходе раскопок Шиховского могильника. Памятник расположен на боровой террасе правого берега р. Мача, недалеко от ее впадения в р. Печору, в четырех км к югу от дер. Гаревое Усть-Цилемского района Республики Коми, на территории Шиховского археологического микрорайона, выявленного и изучавшегося во второй половине 1960 – начале 70 годов В.И. Канивцом. С севера, запада и востока терраса ограничена р. Мачей и старичными озерами, с юга – верховым болотом. Судя по имеющимся данным, могильник занимает площадь не менее 3000 кв. м. Часть могильных ям была видна на поверхности террасы в виде небольших западин. Всего за пять лет раскопочных работ на площади более 1500 кв. м изучено 44 погребения. Захоронения, как установлено в ходе исследований, располагались на территории могильника группами.

Захоронения первой половины – середины I тыс. н. э. обнаружены только в возвышенной, северной части могильника в пределах раскопа 1967 г. В.И. Канивца и примыкающих к нему раскопов 2000–2001 гг. Всего к этому времени относится восемь могил. Погребения относятся к пиджской археологической культуре и бичевницкому культурному типу. Достоверно к пиджской археологической культуре можно отнести погр. 37, имеющее датировку по ^{14}C 1965±35 (JE 7267), к бичевницкому культурному типу – погр. 29, также имеющее дату по ^{14}C 1770±20 лет от наших дней и две калиброванные даты – 246 AD – 323 AD (одна сигма, вероятность 68%) и 235 AD – 338 AD (две сигмы, вероятность 95%). Погребение 37 было ориентировано по линии СЗ–ЮВ и имело неправильную в плане форму, наклонные стенки, округлое дно. Размеры могильной ямы, сильно разрушенной корнями деревьев, составляли 119×52–75 см, глубина 23–25 см. Заполнение – желтый пестрый песок. В верхней части могилы, на уровне фиксации, прослежено пятно прокала подпрямоугольной формы размером 42×29 см и мощностью 2–6 см, отдельные вкрапления прокала встречались по всей площади погребения. По краю и на дне в виде углистого слоя зафиксированы обгорелые остатки внутримогильного оружия. Погребальный инвентарь (бронзовая стилизованная фигурка птицы и бронзовая подвеска), «сырые» и кальцинированные кости располагались на разной глубине вдоль продольной оси погребения (рис. 12). Судя по преобладанию в могиле «сырых» костей, погребение предположительно совершено по обряду труположения. В погр. 29 обнаружены бичевницкая керамика, бронзовые бляха и имитация гребня с навершием в виде фигурки лошади (Васкул, 2002). К бичевницкому культурному типу относятся также могилы 30, 35, где найдена бичевницкая и топыднюрская глиняная посуда. Остальные захоронения этого времени содержали материал, не позволяющий определить их культурную принадлежность. Они ориентированы по линиям С–Ю (одно погребение), СЗ–ЮВ (два погребения), СВ–ЮЗ (два погребения) и З–В (одно погребение). Могильные ямы имеют в плане прямоугольную, овальную, в одном случае округлую форму. Стенки могил, как правило, прямые, дно – плоское. Исключение составляет погребение 35, настолько сильно поврежденное корнями деревьев, что установить форму стенок и дна не представляется возможным (следует отметить, что в нижней части могильной ямы найден фрагмент перныйской керамики). Размеры могил колеблются в пределах 36–99×33–70, глубина – 18–72 см.

Во всех погребениях, кроме погр. 35, зафиксированы остатки внутримогильных сооружений. В могиле 29 это деревянный ящик. В погребении 30, судя по его форме в плане и профиле и по прослеженным остаткам сооружения, также была установлена внутримогильная конструкция в виде ящика. В погребениях 25 и 33 расчищены остатки плах. Форма могильной ямы погребения 34 позволяет предположить, что захоронение здесь было совершено в туесе или коробе. Над погребением 25 располагалась кострище, рядом с которым найдены фрагменты бичевницкой керамики. Во всех могильных ямах отмечены следы воздействия огня (прокаленный песок, обугленные остатки сооружений). Наличие в захоронениях кальцинированных костей дает возможность говорить об обряде трупосожжения, иногда неполного. Во всех погребениях выявлен вещевой инвентарь. Он располагался в засыпи и на дне могильных ям. Наиболее «богатым» является погребение 29, принадлежавшее мужчине 35–45 лет. Здесь, в верхней части могилы расчищены обломки трех глиняных сосудов, ниже располагались сильно поврежденная бронзовая бляха и бронзовая имитация гребня с навершием в виде фигурки лошади. В комплекс изделий первой половины – середины I тыс. н. э. входят керамика, предметы вооружения, украшения, культовое изделие. Находки происходят как из погребений, так и из межмогильного пространства. Несомненным свидетельством использования могильника носителями пиджской археологической культуры является нахождение в межмогильном пространстве керамики гляденовского облика, а также наличие комплекса пиджской археологической культуры (очаг-кострище, яма, керамика, кремневые изделия) на расположенном вблизи могильника поселении Шиховское III.

Могильник Новый Бор I расположен на левобережье р. Печоры на боровой террасе у края верхового болота, в окрестностях одноименного поселка. Изучены два захоронения по обряду трупосожжения, совершенные в неглубоких, небольших по размерам ямах. В одном погребении расчищена колода, в другом – деревянный ящик (?). Заполнение – прокаленный песок. В могилах найден разнообразный погребальный инвентарь, в том числе бронзовые зеркала с боковой ручкой-штырем, керамика, бусы, бронзовые бляхи, бляшки, обоймицы, подвески, бронзовое антропоморфное изображение. Могильник датируется концом III–II вв. до н. э. на левобережье р. Печоры. В материалах памятника прослеживаются параллели с культурно-хронологическими группами Шиховского могильника.

Якэ 8. Местонахождение. Могильник (?) обнаружен Н.Н. Чесноковой и Е.В. Красновой в 1990 г. на левом берегу р. Печоры, на левом берегу безымянного ручья, в 1,4 км к СЗ от базы отдыха «Сосновый бор». В расчистке (6 кв. м) изучено углубление овальной в плане формы с темным заполнением и размерами 1,15×2,5, глубиной до 0,22 м, ориентированное З–В. Найдены развалы восьми керамических сосудов и склад кремневых скребков (Археологическая карта..., 2014).

Полученные в ходе раскопок могильников материалы дают возможность выделить основные черты, характеризующие погребальный обряд обитателей Печорского края на протяжении конца I тыс. до н. э. – первой половины I тыс. н. э.

Могильники расположены на боровых террасах по берегам рек (в приустьевой части) и озер, вблизи верховых болот. Все они – грунтовые. Как правило, захоронения совершались в небольших по размерам и неглубоких ямах прямоугольной или овальной в плане формы, ориентированных преимущественно по линиям СЗ–ЮВ и СВ–ЮЗ. Наиболее часто встречающимися погребальными конструкциями являются колоды, настилы из плах, деревянные ящики. Одно из погребений Шиховского могильника, относящееся к первой половине I тыс. н. э., совершено в берестяном туесе или коробе. О значительной роли огня в погребальном ритуале свидетельствуют прокаленный песок, угли в заполнении могильных ям, обожженные внутримогильные сооружения. На протяжении всего периода преобладают захоронения по обряду трупосожжения (иногда частичного). Погребальный инвентарь располагался в засыпи и на дне могильной ямы. Наиболее типичными категориями инвентаря являются керамика, украшения костюма и пояса, предметы вооружения, зеркала, предметы быта, культовые изделия. Такие признаки, как расположение на боровых террасах у водоемов, грунтовый характер захоронений, обряд кремации, частичные погребения, наличие в инвентаре керамики сближают печорские могильники с погребальными памятниками бассейна р. Вычегды. Прослеживаются общие черты с погребальными памятниками Волго-Камья и Западной Сибири.

Пещерные святилища бассейна р. Печоры

Культурные остатки второго этапа эпохи железа выявлены в трех пещерах: Адакской I (Васкул, 1997), Канинской и Уньинской (Канивец, 1962; 1964; Семенов, 1987). Анализ полученных в процессе раскопок материалов позволил В.И. Канивцу прийти к выводу о том, что функционально памятники являются полным аналогом друг другу (Канивец, Отчет, 1971). Общими чертами пещерных святилищ Припечорья в гляденовское время

являются: расположение на берегу реки; наличие кострищ (Адакская I и Канинская пещеры); отсутствие в инвентаре литых культовых изделий; наличие в числе находок наконечников стрел, бронзовых украшений, частично преднамеренно испорченных; малочисленность глиняной посуды (20 фрагментов от 2–3 сосудов в Уньинской и один сосуд в Канинской пещере); отсутствие в инвентаре орудий труда, миниатюрных изображений оружия и орудий труда; практически полное отсутствие бус (из очень небольшого числа бус, найденных на памятниках, с комплексом гляденовского времени уверенно можно соотнести только обломок синей глазчатой бусины из Канинской пещеры). К сожалению, информативность имеющихся материалов сильно снижается перемешанностью культурного слоя. Так, мы можем с большой долей вероятности предполагать связь с комплексом находок изучаемого времени некоторых кострищ, о соотнесении с этим комплексом части костяных наконечников стрел и фаунистических остатков. Однако доказательства принадлежности каких-то конкретных кострищ или костей животных к концу I тыс. до н. э. – первой половине I н. э. отсутствуют. Памятники не имеют четко выраженной стратиграфии культурно-хронологических комплексов. Изучение вещевого комплекса святилищ позволяет прийти к выводу, что Адакская I и Канинская пещеры функционировали на протяжении всего рассматриваемого периода, а находки второго этапа железного века в Уньинской пещере датируются первой половиной I тыс. н. э.

Характеристика вещевого инвентаря

В ходе раскопок памятников пиджской археологической культуры получено большое число разнообразных изделий из глины, металла, кости, стекла, различных пород камня. Среди них выделяются орудия труда и предметы хозяйственно-бытового назначения, оружие, украшения, культовые изделия, керамика.

Глиняная посуда

В настоящее время коллекция керамики пиджской археологической культуры представлена обломками не менее чем от 467 сосудов. Большая часть их получена при раскопках поселений, значительно меньше на святилищах и могильниках. Крайне малочисленна керамика в комплексах пещерных святилищ бассейна р. Печоры (фрагменты четырех сосудов). Это отличает их как от кострищ Прикамья, так и святилища Джуджыдыга на р. Вычегде. Могильники пока слабо изучены, но в материалах известных сегодня погребений керамика присутствует (14 сосудов в могильнике Новый Бор I и в погребении на местонахождении Якэ 8). Она представлена неравномерно в коллек-

циях поселений, что во многом обусловлено их слабой изученностью. Кроме того, керамика непропорционально распределена на памятниках различных районов с территории распространения пиджской культуры, что также объясняется различной степенью их изученности. В бассейне р. Печоры довольно значительные коллекции получены в ходе изучения поселений Китостав (88), Корольки II (70) и Пижма II (86). Более 20 сосудов обнаружено на поселениях Палью V и Ружникова. Малочисленна керамическая коллекция памятников бассейна р. Мезени. На поселении Чойновты III найдены фрагменты 24 сосудов, на остальных памятниках обломки от одного-двух сосудов. Все это затрудняет сравнительную характеристику глиняной посуды как всего региона в целом, так и бассейнов различных рек, увеличивает гипотетичность выводов.

Керамическая коллекция представлена широкогорлыми сосудами со слабовыпуклым туловом, округлым или уплощенным дном. Изучение форм глиняной посуды позволяет, так же как и для джуджыдыгской культуры, выделить две группы керамики: сосуды, не имеющие шейки, и сосуды с шейкой. Первая из групп подразделяется на два типа: закрытые (IA) и открытые (IB). Во второй вычленяется три типа: сосуды с хорошо выраженной высокой шейкой (IIA). По профилировке шейки выделено три подтипа: сосуды с очень низкой шейкой (IIB), открытые профилированные чаши (IIB). По орнаментации шейки и венчика выделяются подтипы, варианты, разновидности. Посуда с шейкой существенно преобладает. Например, на могильнике Новый Бор I из пяти сосудов лишь один без шейки, на поселении Палью V из 28 – три. На более поздних памятниках число сосудов, не имеющих шейку, возрастает. Имеются хронологические различия и среди типов сосудов. Так, посуда типов IIB известна только на поселении Китостав. На относящемся к раннему этапу поселении Чойновты III отсутствует керамика типа IIB-B. На более ранних сосудах фиксируется такая деталь шейки, как воротничок, исчезающая на сосудах из поздних комплексов. Локальные закономерности в распределении типов сосудов по форме не прослеживаются.

Венчики сосудов имеют прямую, овальную, грибовидную (симметричную, внешне и внутренне асимметричную), приостренную (внешне и внутренне асимметричную) и острую внутренне асимметричную форму. Преобладают овальная, прямая и приостренная формы. Сравнение с материалами предшествующего и последующего периодов свидетельствует, что для первых характерны исключительно прямая и овальная формы венчиков, а у более поздней керамики появляются

грибовидная и острая асимметричная форма венчиков. Эта же закономерность прослеживается и на ранне- и позднегладеновской керамике.

В качестве добавок к керамической массе фиксируются, как правило, дресва и раковина, реже – песок. Изучение примесей проводилось в основном визуально. Фрагменты девяти сосудов были исследованы под микроскопом В.И. Степаненко и О.А. Лысковым. Изучались наличие отошителей, соотношение их с формовочной массой, зональность и пористость формовочной массы. Для исследованных образцов в двух случаях отмечено преобладание формовочной массы над отошителем, у трех образцов отсутствует пористость сосудов. Присущая формовочной массе зональность свидетельствует о неравномерности обжига, а пористость о присутствии раковины, наличии органической составляющей (шесть образцов). У сосуда из могильника Новый Бор I, исследованного в лаборатории «История керамики» ИА РАН, наряду с раковиной и кварцем зафиксирован навоз. В качестве отошителя к глиняному тесту добавляли кварц, биотит, полевои шпат, зерна которых выявлены в тесте семи сосудов. У четырех образцов обнаружены и минеральные, и органические добавки. Этот факт свидетельствует, как отмечалось выше, о смешении культурных традиций (Бобринский, 1978). В целом проведенный анализ дает возможность говорить о том, что так же, как и в джуджыдьягской археологической культуре, глина была основным сырьем для изготовления керамики, а раковина, дресва и песок использовались в качестве примесей, что соответствует третьему направлению в развитии навыков составления формовочных масс, по А.А. Бобринскому (1978). По его мнению, раковины уменьшают отрицательное воздействие усадки глины на изделия во время обжига и сушки, а дресва и песок увеличивают огнестойкость сосудов (Бобринский, 1978).

Сосуды орнаментированы по венчику, шейке и плечикам (рис. 13; 14).

Большинство керамики поселений ГКО имеет орнамент по венчику (53,6%). В то же время весьма значителен процент неорнаментированных сосудов (46,4%). Первое место в узорах занимают насечки (41,5%). Далее следуют зубчатые оттиски (4,5%). Остальные орнаменты встречены единично. Защипы и четырехугольные вдавления встречены только на сосудах поселения Китостав (соответственно 4 и 2 сосуда), овальные вдавления на поселении Медвежская II (1 сосуд), клиновидные на поселениях Китостав (2 сосуда) и Пижма II (3 сосуда). Ямками украшены сосуды с поселений Медвежская II (1 экз.) и Ружникова (2 экз.). В накольчатой технике декорированы три сосуда с поселения Чойновты III на Мезени. В керамических

коллекциях отсутствует посуда, орнаментированная треугольными вдавлениями.

Ведущее место в орнаментации шейки сосудов, как и на керамике джуджыдьягской АК, занимают резные узоры, но на глиняной посуде пиджской процент этого орнамента выше (63,9%). Они являются признаком, выделяющим глиняную посуду конца I тыс. до н. э. – первой половины I тыс. н. э. из всей массы керамики эпохи железа. Значительный процент в орнаменте занимают также узоры, выполненные ямками (33,3%), шнуром (23,3%), каннелюрами (13,8%), зубчатым штампом (9,3%), овальными вдавлениями (8,1%). Остальные примесы орнаментации встречаются реже. Незначительна доля сосудов без орнамента по шейке (2,9%). Среди элементов орнамента преобладают горизонтальные линии, ряды, зигзаги. Ямки и каннелюры являются основным признаком, отличающим керамический комплекс пиджской археологической культуры от джуджыдьягской. Ямки, как правило, открывают орнаментальную зону. На поселениях р. Печоры (Палью V, Китостав, Корольки II, Медвежская II) обнаружена керамика, на которой ямки нанесены с внутренней стороны сосуда (в джуджыдьягской археологической культуре подобная керамика в небольшом количестве известна на верхневычегодских памятниках). Каннелюры распространены на сосудах во всем ареале пиджской АК. Однако наиболее ранние находки керамики с каннелюрами выявлены в бассейне Нижней Печоры и в Малоземельской тундре. В бассейне Вычегоды ранняя керамика с каннелюрами обнаружена на территориально близких печорским висских поселениях в районе Синдорского озера и на поселении Себъяг I в приустьевой части Северной Кельтмы. Дискуссионным остается вопрос о том, с влиянием каких культурных традиций связано появление каннелюр на территории ЕСВ. В более раннее время они известны на памятниках культур северо-западной части Восточной Европы (культуры позднекаргопольская, лууконсаари, арктическая) (Археология Карелии, 1996). Возможно также развитие этого вида орнаментации из способа оформления шейки двойным или тройным воротничком на позднеананьинской глиняной посуде. Прослеживаются отличия между керамическими комплексами различных территорий. Так, на поселении Чойновты III отсутствуют каннелюры, неорнаментированная керамика. Только на поселениях Чойновты III и Медвежская II отмечена накольчатая техника нанесения орнамента. На поселениях Медвежская II, Пижма II и Ружникова отсутствуют неорнаментированные сосуды.

Орудия труда и предметы хозяйственно-бытового назначения

Эта категория находок представлена следующими изделиями: ножи, шилья, иглы, предметы металлургического производства, кремневые скребки, гальки-отбойники, оселки, отщепы с ретушью.

На поселении Корольки II найден железный нож с прямой спинкой и уступом при переходе от лезвия к черенку (рис. 15: 8), обломок еще одного ножа обнаружен на поселении Китостав.

К предметам металлургического производства относится обломок дутьевой трубы, найденный на поселении Китостав (Канивец, Лузгин, 1963).

Предметы вооружения

Железные наконечники стрел (рис. 15: 3, 4) представлены втульчатый (найден в Канинской пещере) (Канивец, 1964), а также черешковым трехлопастным (Адакская I пещера) (Рябцева, Семенов, 1990).

Костяные наконечники стрел найдены в небольшом количестве на поселениях Корольки II, Чойновты III, святилище Джуджыдыг, в Адакской I, Канинской пещерах. Большинство изделий обломано (рис. 15: 3, 4). Целые экземпляры происходят только из Адакской I и Канинской пещер. Это двушипные бесчерешковые наконечники, ромбические в сечении (рис. 15, 7). Незначительное число костяных наконечников стрел на ЕСВ объясняется условиями их залегания в подзоле, в котором органические материалы практически не сохраняются. По форме сечения пера выделяются трехгранные, ромбические, шестигранные и трапециевидные наконечники. Аналогии двушипным наконечникам стрел из пещерных святилищ найдены в археологических культурах Сибири (Полосьмак, 1987).

Бронзовые наконечники стрел представлены втульчатыми трехлопастными наконечниками кулайского типа из Адакской I и Канинской пещер (рис. 15: 2). Изделия относятся к группе 2, варианту «в», по классификации Л.А. Чиндиной (1984).

К защитному снаряжению относятся бронзовые бобовидные выпуклые бляшки, являющиеся, по мнению Л.А. Чиндиной, деталью чешуйчатого доспеха (Чиндина, 1984), хотя нельзя исключать и их употребления в качестве украшений. Найдены в Адакской I, Канинской и Уньинской пещерах.

Каменные изделия

Представлены кремневыми скребками, отщепами с ретушью, гальками-отбойниками, оселками.

Кремневые скребки являются непременным атрибутом гляденовских комплексов ЕСВ, занимая в них второе место после керамики. Изготовлены на отщепках или кусках кремня различных размеров и форм. Кремь преимущественно серого, реже коричневого, розоватого или черного цвета. Имеют выпуклый рабочий край, обработа-

ны крутой ретушью (рис. 7: 10, 12, 13). По форме, с учетом расположения лезвия, так же как и для аналогичных орудий джуджыдыгской археологической культуры, выделяются две технологические группы скребков: простые и комбинированные. Простые, в свою очередь, делятся на концевые, угловые, боковые. Группа комбинированных представлена криволинейными и конвергентными скребками. Преобладают простые концевые скребки. Перечисленные группы орудий характерны как для ранне-, так и позднегляденовских памятников. Типологически они едины. Возможно, между выделенными группами скребков имеются функциональные различия. Однако ответить на этот вопрос можно только с помощью трасологического анализа. Следует также отметить, что по своим характеристикам гляденовские орудия близки ананьинским и ванвиздинским.

Остальные предметы представлены единичными экземплярами. Среди них выделяются оселки овальной в плане, овальной в сечении формы (поселение Корольки II), гальки-отбойники (рис. 15: 1).

Бусы

Изготовлены из стекла и бронзы. Стекланные бусы (рис. 16: 1–3, 9) представлены округлыми и усеченно-биконическими бусинами с металлической прокладкой (найден в погр. 1 могильника Новый Бор I, относятся к типам 1а и 8 по классификации Е.М. Алексеевой) (Алексеева, 1978) и темно-синими с синим глазком, окруженным белым кольцом (найден в Канинской пещере и в погр. 1 могильника Новый Бор I, принадлежат к типу 78а по Е.М. Алексеевой) (Алексеева, 1978).

Бронзовые бусы – цилиндрические и усеченно-биконические литые и цилиндрическая из согнутой пополам пластины – найдены в погребениях могильника Новый Бор I (рис. 16: 4, 10).

Украшения и принадлежности костюма

Рассматриваемые в данном разделе изделия незначительны по количеству, но разнообразны по составу.

В Канинской пещере обнаружена конусовидная трубочка от височной подвески в виде знака вопроса (Канивец, 1964). Трапециевидные подвески (рис. 16: 20, 24) найдены в погр. 2 могильника Новый Бор I и в Канинской пещере. На подвеске из Канинской пещеры прочерчено изображение хищной птицы с человеческой личиной на груди. В погребении 37 Шиховского могильника найдена подковообразная подвеска со спиралевидными окончаниями (рис. 12: Б).

Бронзовые обоймочки обнаружены в Адакской I и Канинской пещерах, а также в погребении 1 могильника Новый Бор I. Выделяются литые и из

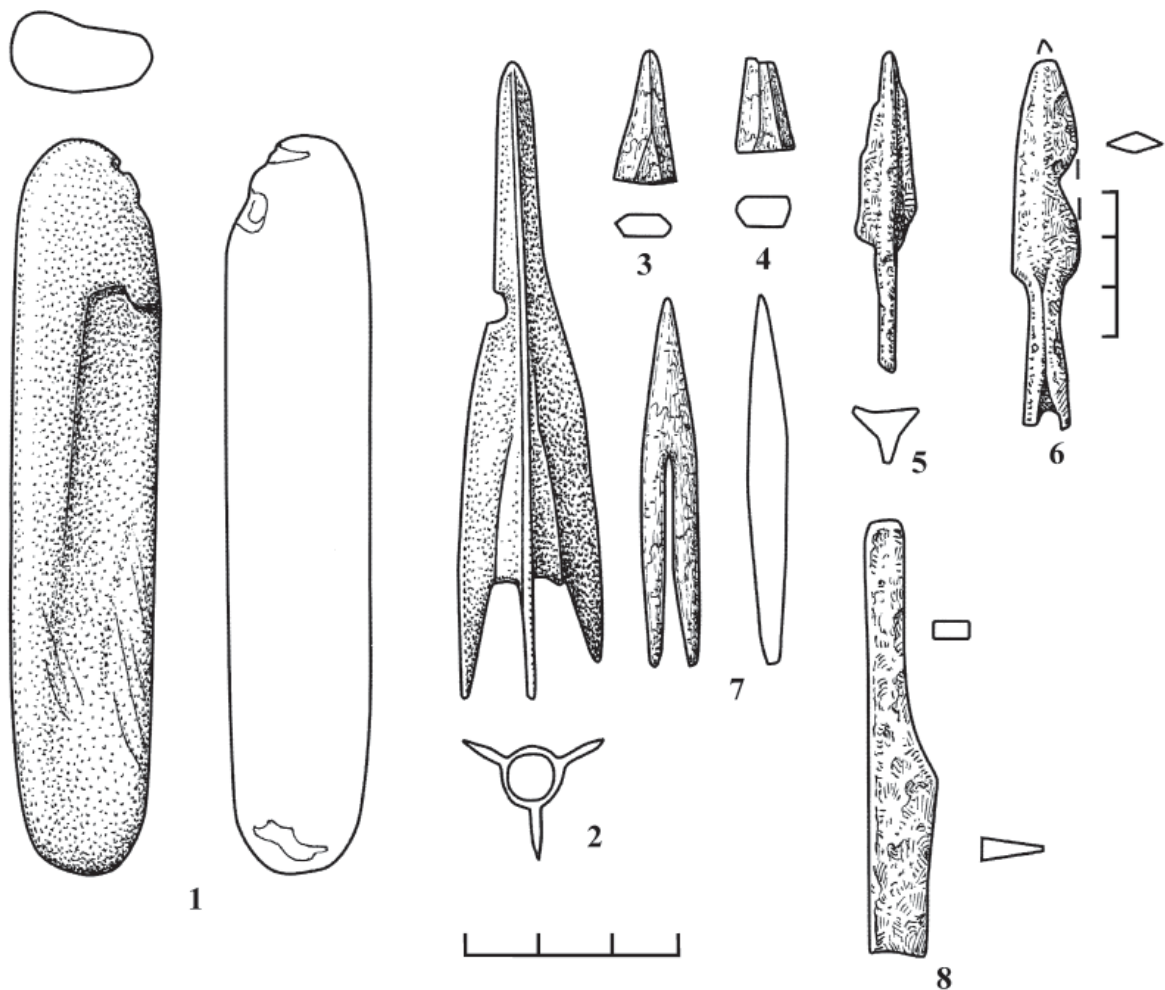

Рис. 15. Пиджская археологическая культура. Бытовой инвентарь (1, 7), предметы вооружения (2–6)
1 – оселок; 2–7 – наконечники стрел; 8 – нож. 1, 8 – поселение Корольки II; 2, 5, 7 – Адакская I пещера;
3, 4 – поселение Чойновты III; 6 – Канинская пещера. 1 – камень; 2 – бронза; 3, 4, 7 – кость; 5, 6, 8 – железо

согнутой пополам пластины обоймочки, часть изделий орнаментирована (рис. 16: 5–8).

Самой многочисленной категорией украшений являются бляшки. Они найдены в Адакской I и Канинской пещерах, погребениях могильника Новый Бор I. Выделяются три группы изделий: одинарные, сложные и фигурные (рис. 16: 11–18). Одинарные подразделяются на сферические, конусовидные, умбовидные и плоские в сечении, а по форме в плане – круглые, прямоугольные и сегментовидные. К основе изделия крепились при помощи перекладки, ушка-петли с обратной стороны или при помощи штифтиков. На сегментовидной бляшке из могильника Новый Бор I прочерчено изображение рыбы с одной стороны и точечный орнамент (зигзаг, ромбы) – с другой (рис. 16: 18).

Бляхи подразделяются на круглые сферические и умбовидные, плоские круглые, овальные и трапециевидные, вырезанные из бронзовых зеркал (рис. 16: 19, 21–23, 26, 27). Найдены в погребениях могильника Новый Бор I, в Адакской I и

Канинской пещерах. На одно из изделий нанесено изображение человеко-лося.

Поясные принадлежности

Из поясных принадлежностей на памятниках изучаемого времени найдены наконечник ремня и обломок язычка от составной пряжки.

Наконечник ремня изготовлен из бронзы (Адакская I пещера). Сделан из согнутой пополам, вогнутой с боков пластины (тип Раддатц J-IV-I) (Raddatz, 1957). Обломок язычка составной пряжки происходит с поселения Корольки II (Ашихмина, Васкул, 1995).

Бронзовые зеркала

Обломки пяти бронзовых зеркал найдены в погребениях могильника Новый Бор I (Васкул, 2019). Относятся к типу IV – зеркала с валиками и ручкой-штырем, по классификации А.М. Хазанова (1963). На поверхности зеркал нанесены прочерченные изображения. Впервые подобные изделия появляются в нашем регионе в позднеананьинских комплексах (Шиховской могильник). Наиболее поздним из этой категории изделий яв-

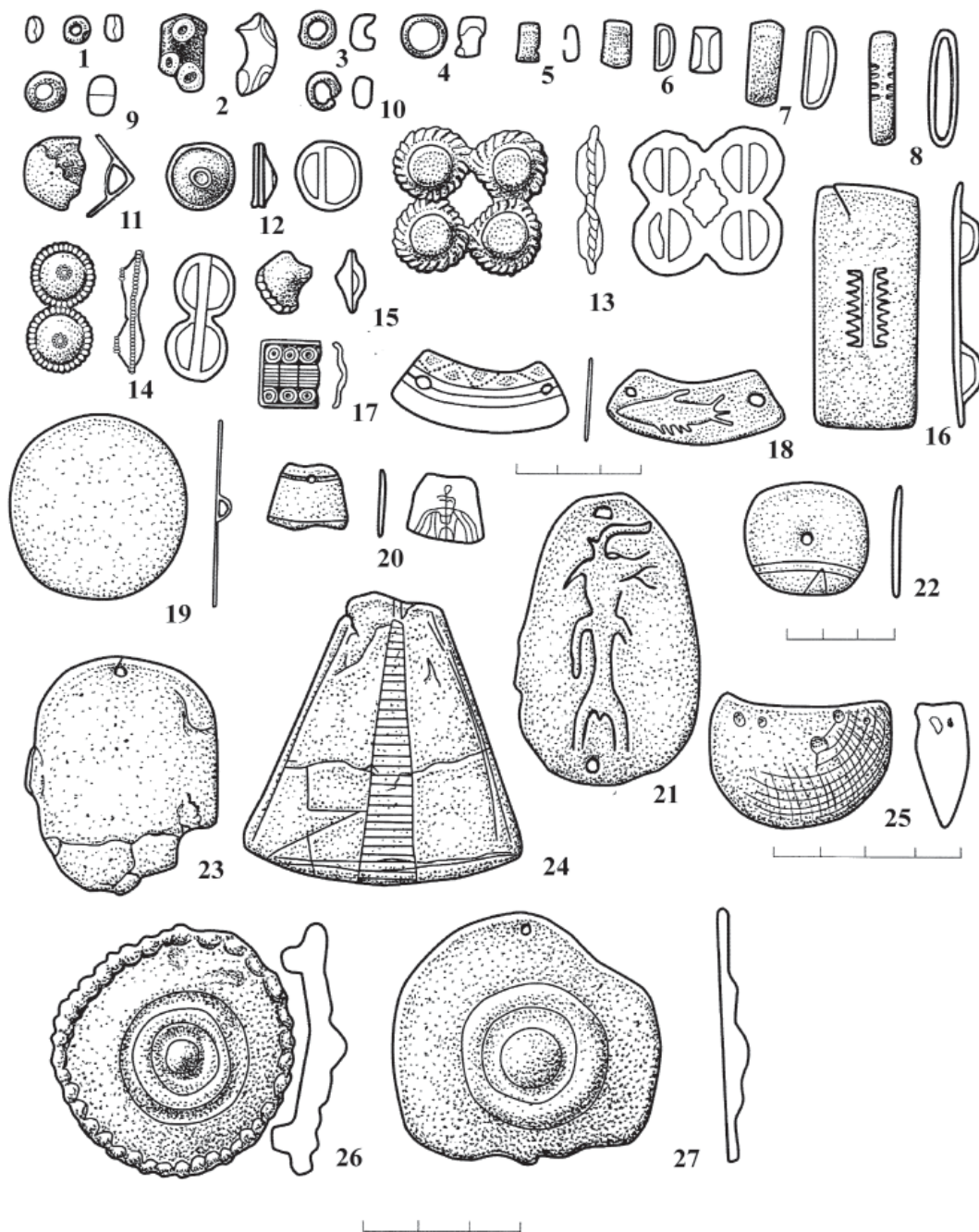

Рис. 16. Пиджская археологическая культура

Украшения (1–24, 26, 27), панцирная(?) пластина (25). 1–4, 9, 10 бусы; 5–8 – обоймочки; 11–15 – бляшки; 16–18 – накладки; 19, 21–23, 26, 27 – бляхи; 20, 24 – подвески. 1–4, 8–11, 18, 21, 23, 24, 26, 27 – могильник Новый Бор I; 5–7, 16, 17, 19 – Адакская I пещера; 20, 22, 25 – Канинская пещера. 1–3, 9, 10 стекло, остальное – бронза

ляется зеркало с Хэйбидя-Пэдарского жертвенного места (Мурыгин, 1984).

Культурные изделия

Предметы, относящиеся к этой категории находок, получены при раскопках пещерных святилищ и могильника, часть изделий происходят из кладов. Большинство предметов бронзовые, отлиты в односторонней форме, однако имеются изображения, прочерченные на бронзовых украшениях. Выделяются следующие группы: зооморфные, сложные антропоморфные, птицевидные, слож-

ные композиции, включающие в себя изображения человека, птиц, зверей.

К группе зооморфных относится прочерченное профильное изображение головы лося на пластинке, происходящей из Канинской пещеры (Канивец, 1964).

Сложное литое антропоморфное изображение с головным убором в виде хищной птицы найдено на заплечиках погребения I могильника Новый Бор I (рис. 17: 1). К этой же группе относится изображение человеко-лося, прочерченное

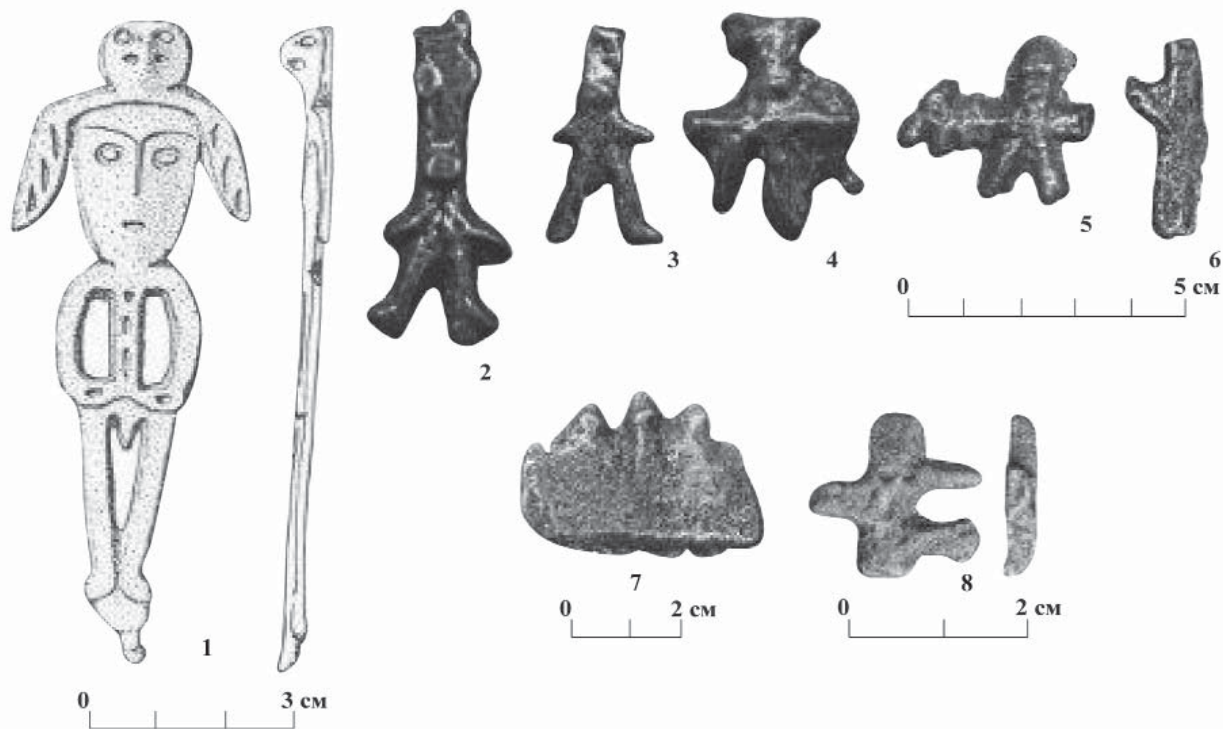

Рис. 17. Пиджская археологическая культура. Культовые изделия
1 – могильник Новый Бор I, 2–8 – Адакская I пещера. Все – бронза

на овальной бляхе, из погр. 1 могильника Новый Бор I (рис. 16: 21). К группе сложных антропоморфных изделий относятся также фигурки, выполненные в древовидном стиле, найденные в Адакской I пещере (рис. 17: 2–7).

К группе птицевидных относятся литые изображения птиц с опущенными крыльями с человеческой личиной на груди или без нее, происходящие из Уньинского клада (Туркина, 2012). К этой же группе принадлежит подвеска с изображением птицы с человеческой личиной на груди, найденная в Канинской пещере. Сильно окисленная схематичная птицевидная подвеска найдена в погр. 37 Шиховского могильника (рис. 12: 2).

Хронология и периодизация памятников

Хронология и периодизация древностей ГКИО на территории ЕСВ, в том числе пиджской АК, создавалась в 1990-е гг. В основу были положены наблюдения над встречаемостью вещевого инвентаря в комплексах, внешние аналогии, имеющиеся радиоуглеродные датировки, учитывалась датировка древностей предшествующего и последующего периодов эпохи железа. Это позволило выделить два этапа в развитии культуры населения края в изучаемое время (Васкул, 1992). Общие хронологические рамки периода определялись в пределах конца III/II вв. до н. э. – IV/начала V в. н. э. За прошедшее время исследованы погребальные комплексы первой половины – середины I тыс. н. э., получены новые радиоуглеродные да-

тировки. Это касается прежде всего датировки памятников бичевницкого культурного типа, нижняя дата которого определялась серединой I тыс. н. э. (Мурыгин, 1997). Радиоуглеродные датировки погребений Шиховского могильника и могильника на оз. Пожемты, Хэйбидя-Пэдарского жертвенного места (Васкул, 2002; Васкул, Селезнева, 2016; Кулькова, Нестеров, Нестерова, Синай, 2016) позволяют датировать начало существования памятников типа Бичевник I второй четвертью I тыс. н. э. Датировочные вещи, полученные в ходе новейших раскопок на эпонимном для культурного типа поселении, не противоречат этому выводу (Туркина, 2015). Возможно определить верхнюю дату существования пиджской археологической культуры в целом первой четвертью I тыс. н. э., хотя некоторые памятники на верхней Печоре могли существовать и во второй четверти I тыс. н. э.

Первый этап (конец III–I вв. до н. э.). Материалы, датированные концом III–I вв. до н. э., выявлены в Адакском I и Канинском пещерных святилищах, на поселениях Чойновты III, Ус II, Мичачой I, Палью IV–V, Китостав, Пидж I–II, V, VII, IX–X, Картаель V, Черноборская I, IV, Пижма I–II, Кыско, Ружникова, Пижемский Гумежек, Минина Виска I, Усть-Лыжа, могильнике Новый Бор I, местонахождениях Усогорск и Чужьяель. Среди категорий вещевого инвентаря памятников к этому этапу относятся глиняные сосуды групп IA–B и ПА I–III (рис. 13), бронзовые кулайские и

костяные двушипные наконечники стрел, кремневые скребки различных типов, бронзовые бляшки, умбоновидные бляхи, трапециевидные подвески, золоченые и глазчатые стеклянные бусы, бронзовые литые и из согнутой пополам пластины бусы, литые обоймочки, железный поясной крючок, культовое литье из новоборского могильника.

Второй этап (I–III вв. н. э.). К нему относятся материалы поселений Палью IV–V, Китостав, Кодач-ди V, Керес-нюр, Корольки II–III, Медвежская II, Сынянырд V, Пижма II, Минина Виска I, Пидж IV, IX–X, Адакской I, Канинской и Уньинской пещер, погребения второй хронологической группы на Шиховском могильнике, Уньинский клад и др. Вещевой инвентарь памятников этого времени представлен кремневыми скребками, железными ножами, разнообразной формы бляшками, круглыми сферическими бляхами, спиралевидными и каплевидными височными подвесками, стеклянными золочеными бусами, пряжками с неподвижным и подвижным язычком, наконечниками ремней Раддатч-J-IV-1, антропоморфными, орнитоморфными и зооморфными культовыми изделиями, железными черешковыми и втульчатыми наконечниками стрел, керамикой групп IA-B, ПА-I-III, ПБ-B (последние две группы появляются впервые) (рис. 14).

Оба этапа взаимосвязаны друг с другом и характеризуют развитие культуры населения бассейна р. Печоры в конце I тыс. до н. э. – первых веках I тыс. н. э. Это проявляется в совпадении ареалов древностей первого и второго этапов, типах поселений и святилищ, вещевом инвентаре (прежде всего керамике). Прекращение существования памятников пиджской археологической культуры ГКИО в рассматриваемом регионе связано с формированием во второй четверти I тыс. н. э. древностей типа поселения Бичевник I. При этом памятники пиджской археологической культуры стали одним из базовых компонентов в генезисе бичевницкого культурного типа.

Историко-археологическая интерпретация (социальное устройство, исторические судьбы)

В нашем распоряжении отсутствуют источники, позволяющие говорить о социальном устройстве общества носителей пиджской археологической культуры. Погребальные комплексы немногочисленны, на поселениях не выявлены остатки жилых сооружений. На данном уровне наших знаний можно констатировать, что памятники пиджской археологической культуры принадлежали коллективам пеших охотников и рыбаков.

Имеющиеся материалы свидетельствуют о формировании пиджской археологической куль-

туры на основе культуры типа Перный-Ямашор. В пользу этой гипотезы, поддерживаемой большинством исследователей, свидетельствует совпадение ареалов археологических культур первого и второго этапов эпохи железа. Памятники расположены в одних и тех же топографических условиях. Ведущим типом памятников являются неукрепленные поселения. Все это говорит о сохранении традиционного охотничье-рыболовецкого уклада хозяйства. Взаимосвязь культур прослеживается и по данным погребального обряда. Могильники расположены на борах по берегам рек (в приустьевой части) и озер, вблизи верховых болот. Все они – грунтовые. Захоронения совершались, как правило, в незначительных по размерам, неглубоких ямах прямоугольной или овальной в плане формы, ориентированных преимущественно по линиям СЗ–ЮВ и СВ–ЮЗ. Отмечены также могильные ямы в виде лодки и округлой формы. Наиболее часто встречающимися погребальными конструкциями являются колоды, настилы из плах, деревянные ящики. В погребениях ананьинского времени зафиксированы погребения в лодках-долбленках, выстилание дна могилы берестой. Одно из погребений Шиховского могильника, относящееся к первой половине I тыс. н. э. совершено в берестяном туесе или коробе. О значительной роли огня в погребальном ритуале свидетельствуют прокаленный песок, угли в заполнении могильных ям, обожженные внутримогильные сооружения. На протяжении всего периода преобладают захоронения по обряду трупосожжения (иногда частичного). Обряд трупоположения зафиксирован только среди погребений ананьинского времени. Выделяются частичные захоронения (захоронения черепов). Погребальный инвентарь располагался в засыпи и на дне могильной ямы. Наиболее характерными категориями инвентаря являются керамика, украшения костюма и пояса, предметы вооружения, зеркала, предметы быта, культовые изделия. Преемственность наблюдается в изготовлении глиняной посуды, технике обработки кремня, металлообработке. Наиболее рельефно связь древностей двух периодов железного века отразилась в керамике. Основная форма посуды – широкогорлые чаши с хорошо выраженной шейкой, слабовыпуклым туловом, округлым или уплощенным дном. В качестве примесей к глиняному тесту употребляли раковину и дресву. Преемственность наблюдается и в том, что в орнаменте сохраняются узоры, выполненные ямками, шнуром, зубчатым штампом, ногтевидными и овальными вдавлениями. Орнаментальная зона занимает верхнюю часть сосудов. По сравнению с предшествующим периодом увеличивается число сосудов, украшенных по венчику, а также

неорнаментированных по шейке и плечикам. Новыми являются узоры, выполненные насечками, каннелюрами. Это не исключает, однако, того, что в формировании культуры пиджской археологической культуры принимали участие выходцы из Прикамья и Зауралья. Взаимосвязь с этими регионами, как уже неоднократно отмечалось, достаточно четко прослеживается по археологическим материалам. Не менее отчетливо фиксируется преемственность древностей пиджской археологической культуры с культурами следующего этапа эпохи железа (бичевницкий культурный тип). Причем необходимо подчеркнуть, что в значительной мере она прослеживается по тем же признакам, что и с памятниками ананьинской общности. Во многом совпадают их ареалы. Ведущим типом памятников остаются неукрепленные поселения, расположенные в тех же топографических условиях, продолжают функционировать пещерные святилища, прослеживается преемственность в погребальной обрядности. Сохраняется значительный процент кремневых орудий в составе производственного инвентаря. В керамическом производстве развиваются традиции, зародившиеся в эпоху железа. Сохраняется традиционная для лесной зоны форма посуды – чашевидные сосуды с шейкой или без нее, со слабовыпуклым туловом, округлым или уплощенным дном. В тесте содержится примесь дресвы. Орнамент расположен в верхней части сосудов. В узорах употребляются композиции, выполненные шнуром, ямками, различной формы вдавлениями, каннелюрами, зубчатыми оттисками. Судя по опубликованным данным, увеличивается число сосудов, орнаментированных по венчику, в декоре по шейке и плечикам увеличивается процент, зубчатых отпечатков, каннелюр, овальных вдавлений.

Таким образом, древности пиджской археологической культуры являются составным звеном в

развитии археологических культур эпохи железа и свидетельствуют о генетической связи между ними. В то же время следует отметить, что переход к культурам следующего этапа эпохи раннего железа был осложнен проникновением на Печору западносибирских племен.

Довольно отчетливо выявляется направление этнокультурных контактов населения ЕСВ, особенно с археологическими культурами Волго-Камья, с которыми древности ЕСВ составляли единую пьяноборскую КИО. Общими являются некоторые типы украшений, бытового инвентаря, керамики. Именно через территорию кара-абызской, пьяноборской (чегандинской) и гляденновской археологических культур поступали в наш регион «южные импорты» (зеркала, бусы). Материалы археологических раскопок свидетельствуют об устойчивой взаимосвязи с древностями джудждыгской археологической культуры в бассейне р. Вычегды. Достаточно хорошо прослеживаются контакты с Зауральем (прежде всего кулайской АК). О западном – северо-западном направлении этнокультурных связей свидетельствует найденная на поселениях Прибеломорья глиняная посуда с минеральными примесями в глиняном тесте, украшенная шнуром, насечками, каннелюрами. Связи населения западного Прибеломорья и ЕСВ отмечал А.М. Жульников (Жульников, 2008).

Одной из наиболее дискуссионных остается проблема этнокультурной интерпретации памятников пиджской АК. Кулайские элементы на памятниках этой культуры позволяют предполагать, что, по мнению большинства исследователей (Г.М. Буров, Р.Д. Голдина, Ю.А. Поляков, Э.А. Савельева и др.), наряду с местными, финно-пермскими племенами, в формировании культуры приняли участие выходцы из Зауралья (угро-самодийцы?).

ГЛАВА 9

АНТРОПОЛОГИЯ ЛЕСНОЙ И ЛЕСОСТЕПНОЙ ЗОНЫ ВОЛГО-УРАЛЬЯ

Среди археологов нет единого мнения относительно культурной принадлежности прикамских памятников рубежа н. э. Часть исследователей считает, что они были оставлены населением пьяноборской культуры (Худяков, 1933; Калинин, 1949; Смирнов, 1952). Другие исследователи выделяют в Волго-Камье ряд культур: гляденовскую на Верхней Каме (Оборин, 1956; Поляков, 1967), пьяноборскую (чегандинскую) в Бельско-Камском бассейне (Генинг, 1959; 1970) и кара-абызскую в среднем течении р. Белой (Пшеничнюк, 1968).

Так как в настоящее время антропологический материал известен лишь из могильников двух последних культур, остановимся на характеристиках этих культур более подробно.

Памятники пьяноборской культуры занимают компактную территорию нижнего течения р. Белой, р. Ик и прилегающих участков р. Камы. Датируется культура III в. до н. э. – II в. н. э. Благоприятные природные условия позволили мотыжному земледелию и пастушескому скотоводству стать ведущими отраслями хозяйства пьяноборцев. Охота и рыбная ловля стояли на втором плане. Основой социально-экономической ячейки общества была родовая община. В.Ф. Генинг, изучив такие памятники, как Чеганда II и Чеганда I, провел определение численности пьяноборского рода. По его данным получается, что в состав рода входило 40–50 человек. На одном городище проживали представители нескольких родов. Всего население пьяноборской культуры, возможно, насчитывало пять тысяч человек (Генинг, 1970).

Ещё в начале настоящего столетия А.А. Спицын установил преемственность в развитии ананьинской и пьяноборской культур (Спицын, 1901). Это положение получило подтверждение в работах других археологов (Смирнов, 1952; Генинг, 1952; Халиков, 1962; Мажитов, 1963). В последнее время ряд исследователей допускает возможность включения в состав пьяноборского населения или влияния на развитие пьяноборской культуры групп из других областей (Генинг, 1970; Агеев, 1978).

Кара-абызские племена, южные соседи пьяноборцев, проживали в среднем течении р. Белой. Время существования культуры IV в. до н. э. –

IV в. н. э. (Пшеничнюк, 1973). В хозяйстве, общественной организации, культуре населения пьяноборской и кара-абызской культур много общего, что обусловлено территориальной близостью, наличием ананьинского компонента, вошедшего в состав обеих культур, и географическими условиями (Пшеничнюк, 1973). Имеющиеся различия связаны со своеобразием путей формирования каждой культуры. По мнению А.Х. Пшеничнюка, с распадом ананьинской общности ранее других обособляется среднебельская (кара-абызская) группа. Если другие культуры Прикамья рубежа н. э. главным образом формировались на ананьинской основе, то в сложении кара-абызской культуры четко прослеживается участие двух компонентов: местного и пришлого (Пшеничнюк, 1973).

За последнее время численность пьяноборского и кара-абызского краниологического материала резко возросла. В настоящее время из могильников пьяноборской и кара-абызской культур известны 251 череп (табл. 1). Все могильники, давшие антропологический материал, располагаются на небольшой территории в среднем и нижнем течении рек Иж, Ик и Белой и бассейне р. Камы (рис. 1). Материал по отдельным культурам и могильникам распределяется следующим образом:

Чегандинский и Ныргиндинские могильники.

Впервые антропологический материал пьяноборской культуры был исследован М.С. Акимовой (Акимова, 1961). Серия, в которую вошли черепа из Чегандинского и I, II Ныргиндинских могильников, по средним данным, характеризуется длинной, среднеширокой, высокой, долихокранной по указателю черепной коробкой, среднешироким, прямым лбом. Надпереносье и надбровные дуги развиты довольно слабо. Лицо средней ширины и высоты, мезоринное. По общему лицевому углу серия является ортогнатной, по указателю профилированности – мезогнатной. В горизонтальной плоскости лицо профилировано сильно. Орбиты низкие, широкие. Переносье средневысокое, угол выступания носовых костей средний. В серии встречаются отдельные черепа с уплощённым или широким лицом, для некоторых черепов характерно слабое выступание носовых костей, однако эти черты встречаются на черепках не в комплексе, а

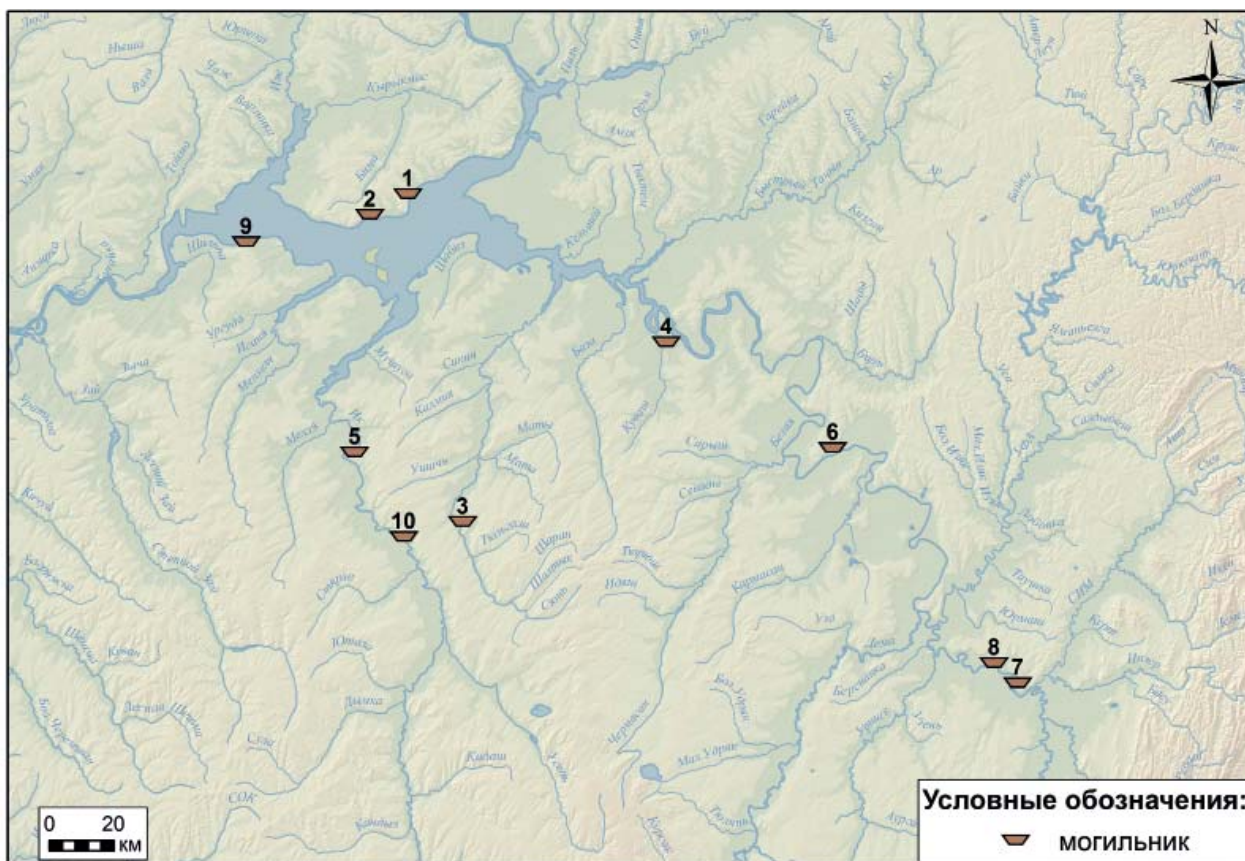

Рис. 1. Могильники рубежа эр Волго-Уралья

1 – Чегандинский; 2 – Ныргиндинские; 3 – Камышлы-Тамакский; 4 – Кушулевский; 5 – Старо-Чекмакский; 6 – Биктимировский; 7 – Охлебининский; 8 – Шиповский; 9 – Кырнышский; 10 – Ново-Сасыкульский

рассеянно. В более многочисленной чегандинской серии повышена изменчивость в женской части выборки по следующим признакам: высота и ширина носа, носовой указатель, глубина клыковой ямки, угол выступания носа.

При сравнении ныргиндинской и чегандинской серии обнаруживается сходство между ними. Имеющиеся некоторые различия встречаются среди признаков, представленных в ныргиндинской серии единичными черепами. В целом характеристики обеих серий близки к характеристике суммарной, что свидетельствует о сходстве населения Удмуртии рубежа н. э.

Камышлы-Тамакский могильник.

Пьяноборские черепа с территории Башкирии из могильника Камышлы-Тамак также изучены М.С. Акимовой (Акимова, 1986). По средним данным серия характеризуется длинной, узкой, средневысокой или высокой, долихокранной по указателю черепной коробкой. Лоб прямой, среднеширокий. Надпереносье развито средне, надбровные дуги выше среднего. Затылочный рельеф сглажен, сосцевидные отростки развиты средне. Лицо среднеширокое, средневысокое. По указателю выступания в мужской группе несколько прогнатное, в женской – мезогнатное. По общему

лицевому углу серия ортогнатна. В горизонтальной плоскости лицо, за исключением отдельных случаев, профилировано сильно. Орбиты низкие, широкие. Нос среднеширокий, средневысокий, переносье средних размеров, по дакриальному и симогическому указателю в женской группе – высокое, выступание носовых костей слабое. Здесь, как и в чегандинской серии, по сравнению с мужской группой изменчивость в женской выше.

Кушулевский могильник.

Серия черепов из Кушулевского могильника, изученная С.Г. Ефимовой, имеет большое сходство с Камышлы-Тамакским. Она также характеризуется длинной, узкой, средневысокой, долихокранной по указателю черепной коробкой. Размеры ширины и высоты лица располагаются на границе малых и средних величин. В горизонтальной плоскости лицо профилировано средне в верхней части и сильно в средней. Орбиты низкие абсолютно и относительно. Переносье довольно высокое, выступание носа слабое.

Кырнышский могильник.

Два черепа пьяноборского времени из Кырнышского могильника с территории РТ, по мнению М.С. Акимовой, сходны с синхронными черепами из Удмуртии.

Старо-Чекмакский могильник.

Антропологические материалы другой пьяноборской серии, из могильника Старый Чекмак, обращают на себя внимание хорошей сохранностью в силу особенностей расположения могильника на высоком берегу и песчаной почвой. Всего Р.М. Фаттаховым было исследовано 38 черепов: 15 мужских, 14 женских, остальные юношеские и детские (Фаттахов, 1981).

Мужские черепа характеризуются большими размерами продольного диаметра и длины основания черепа. По поперечному и высотному диаметрам они менее однородны, но и здесь преобладают большие размеры. Величина черепного указателя в среднем мала, однако в серии встречаются мезокранные и брахикранные черепа. По высотно-продольному указателю черепа попадают в категорию малых и средних, а по высотно-поперечному – в категорию малых и больших. Лоб прямой, широкий абсолютно и относительно. Угол поперечного изгиба варьирует довольно широко, в пределах значений, характерных для европеоидных групп (Гохман, 1961). Надбровье, сощевидные отростки и рельеф затылочной области развиты сильно. Лицевой скелет на большей части исследованных черепов характеризуется большой шириной и средней высотой. Лицо ортогнатное, горизонтальная профилировка средняя в верхней части лица и сильная в средней. Орбиты низкие, широкие. Размеры ширины и высоты носа варьируют от малых до больших величин, при преобладании средних. Переносье среднеширокое, средневысокое или высокое, выступание носа слабое.

По сравнению с мужской группой женские черепа имеют более узкую и низкую черепную коробку, более узкое и высокое лицо, более широкий нос, более широкое и низкое переносье, меньшую глубину клыковой ямки. В целом серия неоднородна. По ряду признаков, разных в мужской и женской группах, параметры изменчивости значительно превышают средние значения. В мужской серии это относится к следующим признакам: поперечный диаметр, ширина основания черепа, дакриальный и симотиический указатели, симотиическая высота, а также угол выступания носовых костей. В женской – изменчивость повышена по таким признакам, как длина основания черепа и угол альвеолярной части.

По средним данным серия характеризуется длинной, среднеширокой, высокой в мужской и средневысокой в женской группе, долихокранной по указателю черепной коробкой, со среднешироким, прямым лбом. Лицо средневысокое, широкое у мужчин и среднеширокое у женщин, среднепрофилированное в верхней и сильно в средней части.

Орбиты низкие, среднеширокие, переносье средневысокое. Выступание носовых костей слабое.

Ново-Сасыкульский могильник.

Недавно была исследована крупная серия черепов из Ново-Сасыкульского пьяноборского могильника: 46 мужских, 47 женских, 5 детских – всего 98 черепа (Куфтерин, 2020). Мужские черепа имеют средний (на границе с большими величинами) продольный, малый поперечный и средний высотный диаметры. По указателям черепная коробка мезокранный (на границе с долихокранными вариантами), средневысокая. Лобная кость довольно широкая, как по абсолютным размерам, так и относительно. Мышечный рельеф черепной коробки в целом развит умеренно. Лицевой отдел среднеширокий и средневысокий, по указателю – мезенный. Углы горизонтальной профилировки малые, лицо клиногнатное. Параметры носовой области имеют средние характеристики, по указателю фиксируется мезориния. Переносье профилировано средне, угол выступания носовых костей – на границе малых и средних величин. Орбиты широкие и низкие.

Серия женских черепов суммарно характеризуется в основном большим продольным, средними поперечным и высотным диаметрами мезокранный и средневысокой по пропорциям черепной коробки. Лоб средней или большой ширины. Строение лицевого отдела женских черепов в целом аналогично таковому мужских, однако они отличаются меньшим выступанием носовых костей над линией профиля и относительно более высокими орбитами.

Серия несколько неоднородна. Величина черепного указателя мужских (впрочем, как и женских) черепов варьируется от очень малой до очень большой, высока изменчивость высотных параметров лицевого отдела (особенно у женщин). Повышенную вариабельность демонстрируют и такие важные в таксономическом отношении признаки, как назомаллярный угол в женской серии и угол выступания носа на мужских и женских черепах. Данный факт позволяет предполагать смешение нескольких европеоидных в своей основе компонентов – «чисто» европеоидного и «смешанного» с включением определенных монголоидных черт. Черепа, которые можно отнести к «чисто» монголоидным, в серии типологически не определяются.

Женские черепа характеризуются некоторым увеличением основных диаметров черепной коробки при большей уплощенности на орбитальном уровне и ослабленном выступании носовых костей. Однако в своей основе это тот же мезоморфный европеоидный тип с несколько «сглаженными» (пре-

жде всего за счет ослабленного выступления носа) признаками.

В целом краниологические серии из Ново-Сасыкульского могильника демонстрируют сходный мезоморфный, субдолихокранный, среднешироколицый морфологический тип с ослабленным выступанием носовых костей, характерный и для «населения», оставившего другие могильники пьяноборской культуры.

Биктимировский могильник.

Антропологический материал, относящийся к кара-абызской культуре, впервые был введен в научный оборот М.С. Акимовой (Акимова, 1968).

В серии из Биктимировского могильника продольный и поперечный диаметры мужской группы попадают в разряд средних величин; в женской группе продольный диаметр большой, а поперечный – малый, поэтому в мужской группе указатель мезокранный, а в женской – долихокранный. Наименьшая ширина лба большая у мужчин и средняя у женщин. Сходны у обеих частей выборки средние высотные диаметры и малые углы наклона лба. Лицевой скелет средних размеров – прогнатный по указателю выступления лица и ортогнатный по общему лицевому углу. Углы горизонтальной профилировки лица и выступления носовых костей сильно варьируют, в среднем лицо профилировано сильно, выступание носа слабое. М.С. Акимова считает возможным говорить о присутствии в серии монголоидной примеси, так как на ряде черепов встречается слабое выступание носа и уплощенность лица. Однако ни на одном черепе нет комплекса монголоидных черт – отдельные признаки монголоидного характера разбросаны по всей серии (Акимова, 1968).

Охлебининская и Шиповская серии.

Материалы кара-абызской культуры из Охлебининского и Шиповского могильников изучены С.Г. Ефимовой.

Серия из Охлебининского могильника представлена 11 мужскими и 10 женскими черепами. Длина черепной коробки лежит на границе средних и больших, а ширина на границе малых и средних величин признаков. По черепному указателю серия является долихокранной. Высотный диаметр средний в мужской и большой в женской группе. Лицо среднеширокое у мужчин и узкое у женщин. В горизонтальной плоскости лицо профилировано средне в верхней и сильно в средней части. Ширина, высота носа и орбит – средних размеров. Переносье и носовые кости в мужской группе выступают сильно, в женской – средне.

Для серии из Шиповского могильника характерна черепная коробка средней длины, ширины, высоты, мезокранная по указателю, с довольно широким лбом. Лицо узкое, средневысокое, ме-

зогнатное. В горизонтальной плоскости профилировано средне. Орбиты и переносье средних размеров, выступание носовых костей сильное. Особенности шиповской и охлебининской серий являются среднеширокая черепная коробка, довольно узкое, среднепрофилированное в горизонтальной плоскости лицо, сильно выступающий нос.

Из приведённого описания видно, что между сериями из Шиповского и Охлебининского могильников больше общего, чем между каждой из них и биктимировской. Биктимировская серия отличается от других кара-абызских более сильной горизонтальной профилировкой лица в его верхней части и слабее выступающим носом. Есть основания относить все кара-абызские серии к одному антропологическому варианту, так как по большинству признаков (размеры ширины и высоты черепа, ширины и высоты лица, высоте орбит, носовому и орбитальному указателю) имеется сходство. Суммарная серия из могильников кара-абызской культуры характеризуется средними размерами основных диаметров черепной коробки и лицевого скелета, средними размерами углов уплощенности лица, выраженным выступанием носовых костей.

Сравнение палеоантропологических материалов из могильников кара-абызской и пьяноборской культур уже проводилось М.С. Акимовой (Акимова, 1968). Сопоставляя кара-абызскую серию из Биктимировского могильника с пьяноборскими сериями из Камышлы-Тамакского и Чегандинского могильников, М.С. Акимова отмечает, что различия между ними невелики, а население кара-абызской и пьяноборской культур представляет мезокранный и долихокранный варианты одного антропологического типа.

Посткраниальная морфология населения Волго-Камья рубежа эр

Посткраниальная морфология эпохи рубежа эр к настоящему моменту подробно изучена на примере материалов двух могильников – Старо-Чекмакского и Ново-Сасыкульского.

Антропологические материалы могильника Старый Чекмак в настоящее время находятся на хранении в Институте археологии им. А.Х. Халикова Академии Наук Республики Татарстан.

Исследованную серию составляют посткраниальные скелеты относительно хорошей сохранности, принадлежавшие 23 индивидам (11 мужчин и 12 женщин), которые были измерены по методике Р. Мартина (Алексеев, 1966). В работе использовано 48 остеометрических признаков, 15 указателей и 5 индексов. Для оценки абсолютных значений признаков применялись рубрикация Д.В. Пежемского и

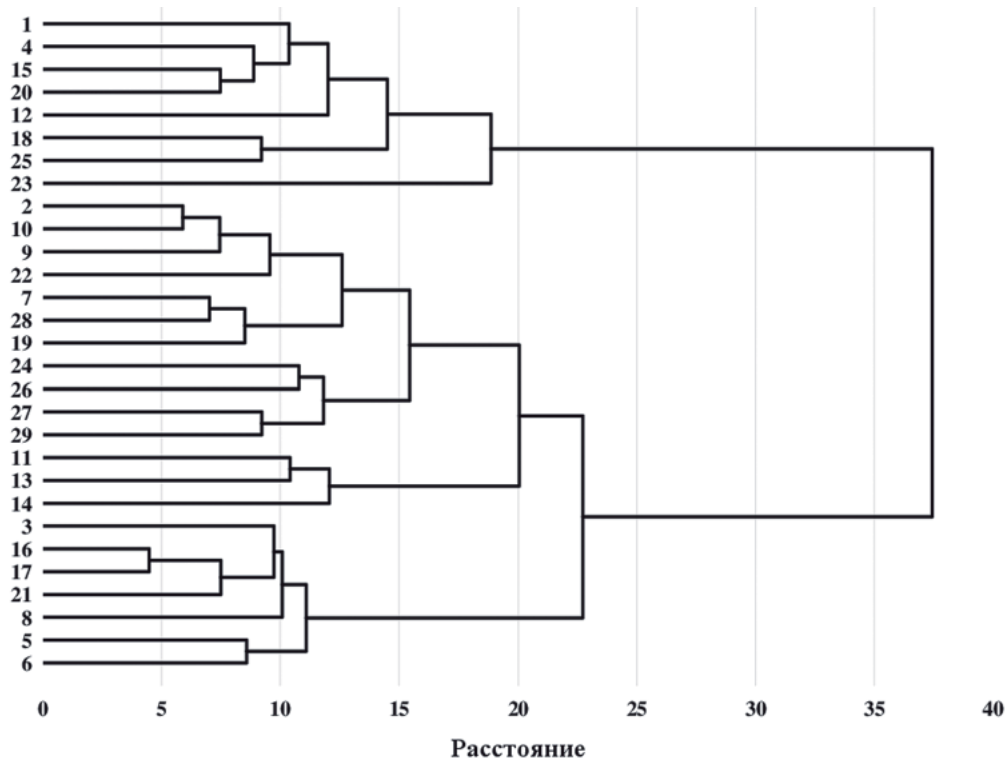

Рис. 2. Дендрограмма кластеризации мужских остеологических выборок раннего железа – раннего средневековья (взвешенный метод средней связи, евклидово расстояние). Обозначения могильников и групп: 1 – Ново-Сасыкульский; 2 – Старый Чекмак; 3 – Покровский; 4 – Боярский «Арай»; 5 – Дубровский; 6 – савроматская культура (разные памятники суммарно); 7 – ранние сарматы Нижнего Поволжья (суммарно); 8 – Старые Кишки; 9 – средние сарматы Нижнего Поволжья (суммарно); 10 – поздние сарматы Нижнего Поволжья (суммарно); 11 – Покровка; 12 – раннесаргатские могильники (суммарно); 13 – позднесаргатские могильники (суммарно); 14 – Абатский 3; 15 – Гришкин Лог; 16 – подгорновский этап тагарской культуры (суммарно); 17 – сарагашенский этап тагарской культуры (суммарно); 18 – Масляха 1,2; 19 – Барангол; 20 – Аймырлыг XXXI (каменные ящики); 21 – Аймырлыг XXXI (грунтовые могилы); 22 – скифы Приднепровья и Причерноморья (суммарно); 23 – меоты Прикубанья (суммарно); 24 – Уллубаганалы; 25 – Беслан; 26 – Николаевка-Казаккое; 27 – сарматы Украины (суммарно); 28 – джетысарская культура (суммарно); 29 – Гурмирон

И.М. Синева (Пежемский, 2011; Синева, 2013). Расчет описательных статистик был произведен при помощи приложения MS Excel. Реконструкция длины тела производилась по способам К. Пирсона и А. Ли, М. Троттер и Г. Глезер, В.В. Бунака. Сравнительный анализ Сатро-Чекмакской серии на фоне групп раннего железного века – раннего Средневековья проводился с использованием кластерного и однофакторного дисперсионного анализов в программном пакете Statistica 12.0.

Внутригрупповой анализ.

Продольные параметры длинных костей мужских скелетов характеризуются средними величинами (кроме суставной длины лучевой кости, находящейся на границе средних и выше средних значений). Длина ключиц – в пределах малых величин. Характеристика лопаток не представлена ввиду плохой сохранности. Широтно-высотный указатель крестцовой кости характеризуется субплатихерией. По указателю верхнего тазового отверстия отмечается платипеллия. По указателю поперечного сечения верхней части диафиза

бедренной кости – платимерия. Указатель платикнемии характеризует берцовые кости как эурикнуемичные. Диаметры и окружности диафизов длинных костей характеризуются средними значениями (исключения – окружность середины диафиза плечевой кости, относящаяся к категории больших величин, и верхний сагиттальный диаметр диафиза локтевой кости, занимающий пограничное положение между средним и большим значениями). Интермембральный, луче-берцовый и берцово-бедренный указатели характеризуются средними значениями, плече-бедренный – значением ниже, а луче-плечевой – значением выше среднего. Длина тела (166–169 см), по рубрикации Мартина, средняя и выше средней (Волкова, Куфтерин, 2020).

Продольные параметры длинных костей женских скелетов характеризуются малыми величинами (плечевой кости – очень малыми). Лопатки, крестец и таз не удалось охарактеризовать ввиду плохой сохранности. Абсолютные поперечные размеры характеризуются малыми и очень малыми величинами. Указатель поперечного сечения плече-

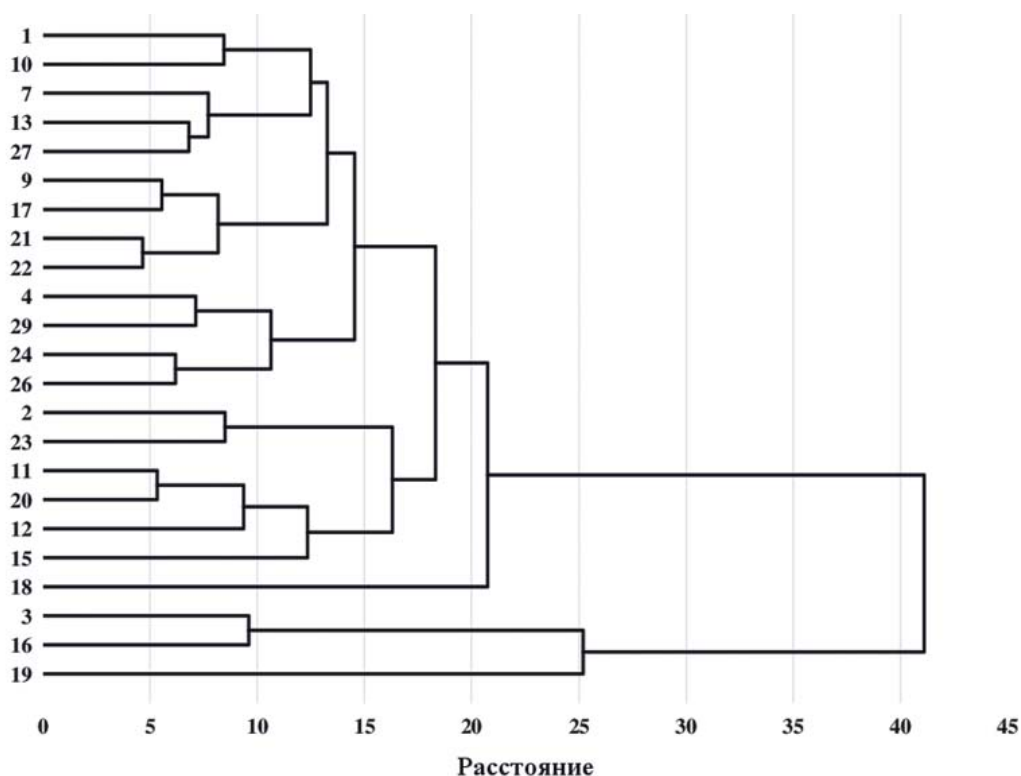

Рис. 3. Дендрограмма кластеризации женских остеологических выборок раннего железа – раннего средневековья (взвешенный метод средней связи, евклидово расстояние)
Обозначения групп те же, что на предшествующем рисунке

вой кости находится в пределах средних значений, так же как и указатель массивности локтевой кости. Отношение верхней ширины диафиза локтевой кости к верхнему сагиттальному диаметру диафиза свидетельствует о платолении. Бедренные кости характеризуется эуримерией, большие берцовые – зурикнемией (расширенностью диафиза). Лучеберцовый, луче-плечевой и берцово-бедренный указатели характеризуются средними значениями, плече-бедренный – малыми, а интермембральный – на границе малых и средних величин. Длина тела (152–155 см), по рубрикации Р. Мартина, средняя или ниже средней. В силу малочисленности серии коэффициенты асимметрии не высчитывались. По той же причине сложно судить о достоверности различий между мужскими и женскими подгруппами (Волкова, Куфтерин, 2020).

Межгрупповой анализ

Особенности посткраниальной морфологии носителей пьяноборской культуры (могильники Старый Чекмак и Ново-Сасыкульский были проанализированы на фоне данных по остеометрии населения раннего железного века – раннего Средневековья. В общей сложности в расчеты, произведенные в пакете программ Statistica 12.0, включено 29 мужских и 23 женские остеологические серии, сгруппированные по географическому принципу (Прикамье, Волго-Уралье, Западная Сибирь, Алтай и Минусинская котловина,

Тува, Юго-западный и северокавказский регионы, Средняя Азия). Анализировалась межгрупповая изменчивость 8 остеометрических признаков, отражающих параметры длиннотного комплекса (наибольшие длины плечевой и лучевой, длина в естественном положении бедренной и общая длина большеберцовой костей) и комплекса массивности (наименьшие окружности плечевой, лучевой, большеберцовой и окружность середины диафиза бедренной кости).

На первом этапе использовался такой классифицирующий метод, как кластерный анализ. Отметим попутно, что для визуализации межгрупповой изменчивости при небольшом наборе признаков (в частности, в остеометрии) нередко применяются бивариантные графики. Можно сказать, что в настоящее время этот довольно «архаичный» способ представления данных обретает «второе дыхание». Несмотря на безусловные плюсы такого подхода, он не позволяет производить сопоставление больших массивов информации сразу по целому ряду параметров. В этом смысле кластерный анализ, преследующий по большому счету те же цели визуальной классификации и не являющийся при этом строгой статистической процедурой, обладает, с точки зрения авторов, весомым преимуществом. В нашем случае мерой сходства при кластеризации было выбрано евклидово расстояние, использовалась иерархическая

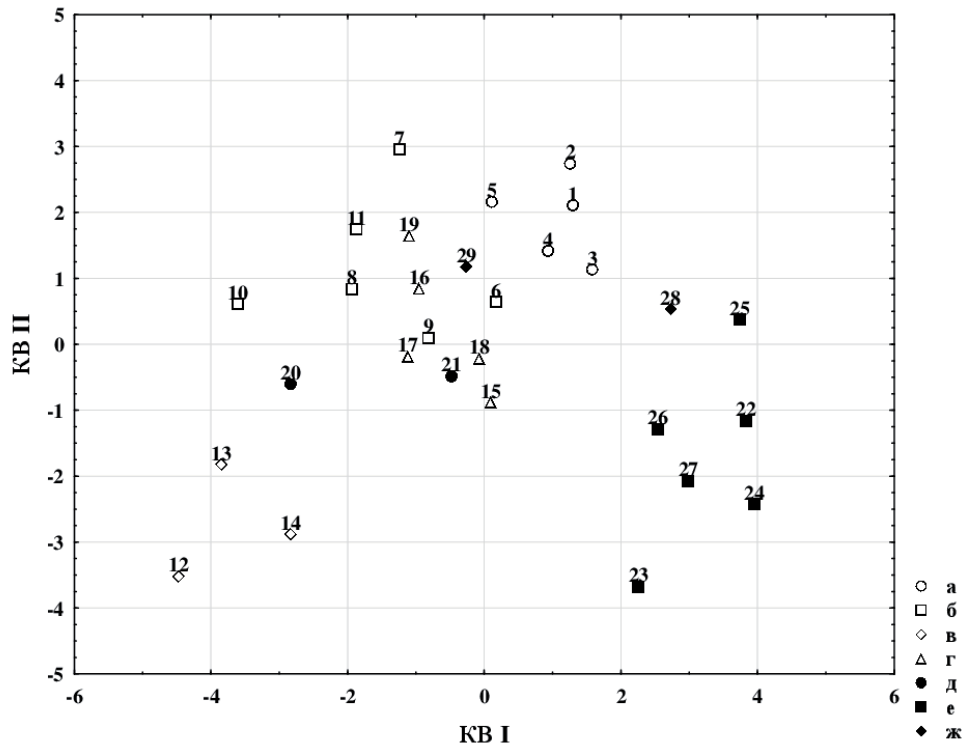

Рис. 4. Расположение мужских остеологических серий в пространстве I (КВ I) и II (КВ II) канонических векторов: а – Среднее и Нижнее Прикамье; б – Волго-Уральский регион; в – Западная Сибирь; г – Алтай и Минусинская котловина; д – Тува; е – Юго-западный и северокавказский регионы; ж – Средняя Азия
Номера сравниваемых групп соответствуют порядковым номерам в таблице 2

схема с группировкой методом взвешенной средней связи.

Дендрограммы кластеризации мужских и женских выборок РЖВ – раннего Средневековья представлены на рис. 2 и 3.

Применение к рассматриваемым данным кластерного анализа по методу средней связи (только этого метода!) дало следующие результаты. Мужские пьяноборские серии из Старого Чекмака и Ново-Сасыкуля оказались в разных подкластерах: первая группа объединилась со средними и поздними сарматами Нижнего Поволжья и суммарной скифской выборкой, вторая – с мазунинцами из Боярского «Арай» могильника, тагарцами баиновского этапа, «сюнну» из каменных ящиков Аймырлыга и суммарной выборкой из ранних саргатских памятников. Женские серии кластеризовались несколько иным образом. Старочекмакская выборка объединилась с меотами и (на большем расстоянии) поздними сарматами из Покровки 10, «сюнну» из каменных ящиков Аймырлыга, ранне-саргатской группой и тагарцами из Гришкиного Лога. Женщины из Ново-Сасыкуля наиболее сходны оказались с поздними и ранними сарматами Нижнего Поволжья, сарматами Украины и серией из позднесаргатских могильников. Однозначная интерпретация полученных данных весьма проблематична. С одной стороны, объединение в рамках одного подкластера групп, весьма удаленных

географически (и в ряде случаев хронологически), затрудняет морфологическое истолкование результатов. С другой стороны, этот факт можно рассматривать как подтверждение точки зрения о снижении размаха изменчивости остеометрических показателей в скифское и гунно-сарматское время и сглаживании морфологических различий между локальными группами (Медникова, 1998, с. 37). Все это требует приложения более мощных методов многомерного статистического анализа, что планируется в дальнейших исследованиях.

На втором этапе статистического сопоставления применялся однофакторный дисперсионный анализ. Для выявления морфологических различий материалы были сгруппированы по географическому принципу (Прикамье, Волго-Уралье, Западная Сибирь, Алтай и Минусинская котловина, Тува, Юго-западный и северокавказский регионы, Средняя Азия). Географическая зона выступала в качестве регулируемого фактора. Дисперсионный анализ, вопреки ожиданиям, выявил статистически достоверные отличия между рассматриваемыми выборками только по двум признакам (наименьшие окружности плечевой и большой берцовой костей) и только у мужчин. Парные сравнения с использованием *t*-критерия позволили установить, что мужские прикамские выборки по окружности плечевой кости в наибольшей степени отличаются от саргатского населения Запад-

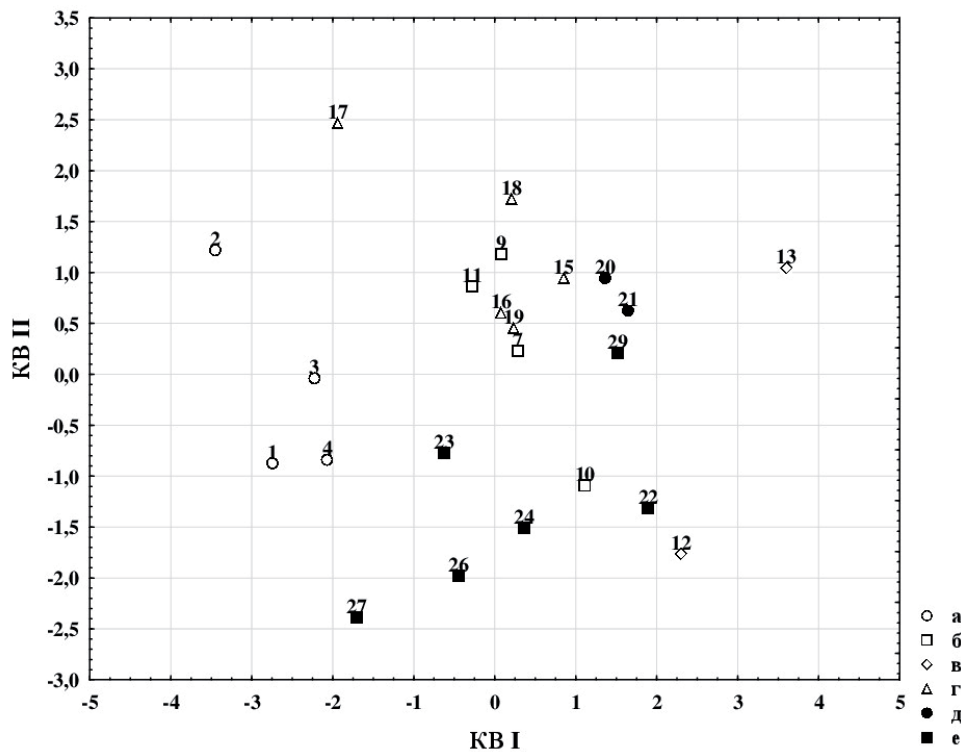

Рис. 5. Расположение женских остеологических серий в пространстве I (КВ I) и II (КВ II) канонических векторов: а – Среднее и Нижнее Прикамье; б – Волго-Уральский регион; в – Западная Сибирь; г – Алтай и Минусинская котловина; д – Тува; е – Юго-западный, северокавказский регионы и Средняя Азия
Номера сравниваемых групп соответствуют порядковым номерам в таблице 2

ной Сибири, представляющего по этому признаку самый массивный вариант строения. Другой признак, продемонстрировавший наличие достоверных различий между выборками, – наименьшая окружность большеберцовой кости – в наибольшей степени и достоверно отличает пьяноборских и мазунинских мужчин от населения Кавказа и южнорусских степей с прилегающими территориями. Таким образом, полученные результаты позволяют заключить, что население Прикамья (мужские выборки) демонстрирует один из наиболее грацильных вариантов сложения по комплексу массивности среди всех привлеченных для сопоставления материалов.

Межгрупповой канонический дискриминантный анализ по 8 остеометрическим признакам (наибольшие длины и наименьшие окружности плечевой и лучевой костей, длина в естественном положении и окружность середины диафиза бедренной, общая длина и наименьшая окружность большеберцовой), показал, что у мужчин КВ I максимально связан с наименьшей окружностью лучевой и общей длиной большеберцовой костей, а также с наименьшей окружностью плеча, продольными параметрами бедренной и лучевой костей (последние три признака – с обратным знаком). КВ II дифференцирует группы по наименьшей окружности лучевой, общей длине и наименьшей окружности большеберцовой кости.

Суммарно первые два вектора охватывают 90% (!) межгрупповой дисперсии (Куфтерин, Волкова, 2019).

У женщин КВ I делит группы по наименьшей окружности лучевой и общей длине большеберцовой костей в сочетании с обратными нагрузками на длину бедра и наименьшую окружность голени. КВ II связан с изменчивостью длины плеча. Эти векторы определяют около 80% межгрупповой изменчивости. Для женщин довольно значимым (почти 12% дисперсии) оказался и КВ III, определяющийся окружностями костей нижней конечности (Куфтерин, Волкова, 2019).

Нужно отметить, что полученные результаты расходятся с тезисом о том, что таксономическую ценность для межгруппового разграничения в раннем железном веке имеют признаки верхней конечности (Медникова, 1998, с. 37). По всей видимости, не в меньшей степени межгрупповая вариабельность определяется изменчивостью продольных размеров и периметров костей ног.

В координатном пространстве первых двух векторов мужские прикамские серии пьяноборского и мазунинского времени образовали компактное скопление ближе к центральной части графика (рис. 4). Они локализируются в области положительных значений и КВ I и КВ II, что может быть связано с относительным удлинением голени и повышенной массивностью предплечья

в этих группах на фоне несколько укороченных лучевой и бедренной костей. Отметим, что по значениям КВ I полярные положения заняли саргатские выборки, специфика которых заключается в укороченных берцовых отделах (Ражев, 2009, с. 138), и серии из южнорусских степей с прилегающими территориями, характеризующиеся, наоборот, удлиненным дистальным сегментом нижней конечности. К Старочекмакской мужской серии в пространстве векторов наиболее близка оказалась пьяноборская группа из могильника Новый Сасыкуль, которая также выделяется некоторым удлинением дистальных сегментов (рис. 4).

Специфика женских прикамских серий (отрицательные значения КВ I и II) определяется в общем-то теми же признаками, что и мужских – удлинением голени и укорочением проксималь-

ных сегментов (в данном случае плеча) на фоне пониженной массивности бедренной и большеберцовой костей в сочетании с повышенной – лучевой. Женщины из старочекмакского могильника пьяноборской культуры, в отличие от мужчин, продемонстрировали обособленное положение на графике, что связано с более «гармоничным» вариантом соотношения длин сегментов конечностей в этой небольшой серии (рис. 5) (Волкова, 2018).

Полученные результаты позволяют заключить, что население Прикамья демонстрирует один из наиболее грацильных вариантов сложения по комплексу массивности с удлинением дистальных сегментов. В заключение сравнительного анализа отметим, что полученные результаты следует рассматривать как сугубо предварительные.

ГЛАВА 9. АНТРОПОЛОГИЯ ЛЕСНОЙ И ЛЕСОСТЕПНОЙ ЗОНЫ

Таблица 1

Антропологические материалы Волго-Камья рубежа эр, используемые для анализа

Могильник	Культура	Количество черепов	Исследователь
И и II Ныргиндинские	пьяноборская	11	М.С. Акимова Р.М. Фаттахов
Чегандинский	пьяноборская	20	М.С. Акимова
Кырнышский	пьяноборская	2	М.С. Акимова
Старо-Чекмакский	пьяноборская	38	Р.М. Фаттахов
Камышлы-Тамакский	пьяноборская	32	М.С. Акимова
Кушулевский	пьяноборская	12	С.Г. Ефимова
Ново-Сасыкульский	пьяноборская	93	В.В. Куфтерин
Биктимировский	кара-абызская	13	М.С. Акимова
Шиповский	кара-абызская	9	С.Г. Ефимова
Охлебининский	кара-абызская	21	С.Г. Ефимова

Таблица 2

Остеологические серии, использованные в сравнительном анализе

№	Серия /могильник	Культура	Датировка	Источник данных
1	Ново-Сасыкульский	Пьяноборская	I–II/III вв.	настоящая публикация
2	Старый Чекмак	»	I в. до н. э.–I в. н. э.	Волкова, 2018; Волкова Е.В., Куфтерин В.В., 2020
3	Покровский	Мазунинская	IV–V вв.	Рыкушина, Тихонов 2000
4	Боярский «Арай»	»	III–IV/V вв.	Широбоков, Черных 2016
5	Дубровский	»	IV–V вв.	Широбоков и др. 2018
6	Разные памятники (суммарно)	Савроматская	VII–IV вв. до н. э.	Фирштейн 1961; Медникова 1998
7	»	Раннесарматская	IV–II вв. до н. э.	Фирштейн 1970
8	Старые Кишки	»	II–I вв. до н. э.	Медникова 1998
9	Разные памятники (суммарно)	Среднесарматская	I в. до н. э.– II в. н. э.	Фирштейн 1970
10	»	Позднесарматская	II–IV вв.	»
11	Покровка 10	»	»	Пежемский 2008
12	Разные памятники (суммарно)	Саргатская (ранний период саргатского этапа)	II в. до н. э.– рубеж эр	Ражев 2009
13	»	Саргатская (поздний период саргатского этапа)	рубеж эр – III в.	»
14	Абатский 3	Кашинская	IV–V вв.	»
15	Гришкин Лог	Тагарская (баиновский этап)	VII в. до н. э.	Медникова 1995
16	Разные памятники (суммарно)	Тагарская (подгорновский этап)	VI–IV вв. до н. э.	»
17	»	Тагарская (сарагашенский этап)	IV–III вв. до н. э.	»
18	Масляха 1, 2	Каменская (большереченская)	III–I вв. до н. э.	Рыкун 1997
19	Барангол	Пазырыкская	V/IV–II вв. до н. э.	Бородовский, Тур 2015
20	Аймырлыг XXXI	«Сюнну», каменные ящики	III–I вв. до н. э.	Богданова, Радзюн 1991
21	Аймырлыг XXXI	«Сюнну», грунтовые могилы	»	»
22	Разные памятники (суммарно)	Скифы	VII–III вв. до н. э.	Дебец 1948; Зиневич 1967; Кондукторова 1972
23	Старокорсунское, хутор им. Ленина	Меоты	VI в. до н. э.– III в. н. э.	Абрамова 2017
24	Уллубаганалы	Кобанская	VII–VI вв. до н. э.	Тихонов 1996
25	Беслан	Аланская	III в.	Фризен, Фризен 2012
26	Николаевка-Казацкое	Поздние скифы	I в. до н. э.– III в. н. э.	Кондукторова 1979
27	Разные памятники Украины (суммарно)	Сарматская	III в. до н. э. – III в. н. э.	Кондукторова 1956
28	Алтынасар, Томпака- сар, Косасар 2	Джегыасарская	пос. века до н. э. – первые века н. э.	Ходжайов, 1987; Медникова, 1998
29	Гурмирон	кочевники	I в. до н. э.–I в. н. э.	Ходжайов, 1980

ЛИТЕРАТУРА

- Абаев В.И.* Осетинский язык и фольклор. М.-Л.: АН СССР, 1949. 601 с.
- Абаев В.И.* Скифо-европейские изоглоссы. На стыке востока и запада. М.: Наука, 1965. 168 с.
- Абдуллаев К.А.* Номады в искусстве эллинистической Бактрии // ВДИ. 1998. № 1. С. 83–92.
- Абрамова М.П.* Сарматская культура II в. до н. э. – I в. н. э. (по материалам Нижнего Поволжья. Сусловский этап) // СА. 1959. № 1. С. 52–71.
- Абрамова М.П.* Центральное Предкавказье в сарматское время (III в. до. н. э. – IV в. н. э.) / Археология эпохи великого переселения народов и раннего средневековья. Вып. 2 / Отв. ред. Г.Е. Афанасьев и др. М.: ИА РАН, 1993. 240 с.
- Абрамова М.П., Красильников К.И., Пятых Г.Г.* Курганы нижнего Сулака: могильник Львовский Первый-2 // Труды Дагестанской экспедиции. Т. 1 / МИАР. Вып. 2 / Отв. ред. Р.М. Мунчаев. М.: ИА РАН, 2000. 140 с.
- Агапов С.А., Васильев И.Б.* Новые поселения срубной культуры в Куйбышевском Заволжье // Очерки истории и культуры Поволжья / Труды Средневожской археологической экспедиции. Вып. 2 / Отв. ред. Г.И. Матвеева. Куйбышев: КГУ, 1976. С. 113–135.
- Агапов С.А., Васильев И.Б., Кузьмина О.В., Семенова А.П.* Срубная культура лесостепного Поволжья (итоги работ Средневожской археологической экспедиции) // Культуры бронзового века Восточной Европы / Гл. ред. С.Г. Басин. Куйбышев: КГПИ, 1983. С. 6–58.
- Агеев Б.Б.* Раскопки в южных районах Башкирии // АО 1973 г. / Отв. ред. Б.А. Рыбаков. М.: Наука, 1974. С. 129.
- Агеев Б.Б.* К вопросу о нижней дате пьяноборской культуры // Новые материалы и исследования по истории и филологии Башкирии. Уфа, 1976б. С. 9–12.
- Агеев Б.Б.* К хронологии могильника Чеганда II // СА. 1976. № 3. С. 58–66.
- Агеев Б.Б.* Локальные варианты пьяноборской культуры // Новые материалы по филологии и истории Башкирии. Уфа: БФАН СССР, 1978. С. 5–8.
- Агеев Б.Б.* Пьяноборская культура. Уфа: БНЦ УрО РАН, 1992. 140 с.
- Агеев Б.Б., Мажитов Н.А.* Новый памятник пьяноборской культуры в Башкирии. Препринт. Уфа, 1985. С. 1–33.
- Агеев Б.Б., Мажитов Н.А.* III Кушулевский могильник пьяноборской культуры // Археологические работы в низовьях Белой / Отв. ред. А.Х. Пшеничнюк. Уфа: БФАН СССР, 1986. С. 75–94.
- Агеев Б.Б., Овсянников В.В.* Камышинское II городище // УАВ. 2000. № 2. С. 155–164.
- Акимова М.С.* Антропологический состав населения пьяноборской культуры // Вопросы антропологии. 1961. Вып. 8. С. 130–139.
- Акимова М.С.* Древнее население Башкирии по антропологическим данным (предварительное сообщение) // АЭБ. Т. II / Ред. Р.Г. Кузеев, К.В. Сальников. Уфа, АН СССР, 1964. С. 158–163.
- Акимова М.С.* Антропология древнего населения Приуралья. Москва: Наука, 1968. 119 с.
- Акимова М.С.* Материалы к антропологии древнего населения Южного Урала // АЭБ. Т. III / Отв. ред. Р.Г. Кузеев. Уфа, АН СССР, 1968. С. 391–417.
- Акишев К.А.* Памятники старины Северного Казахстана // Труды Института истории, археологии и этнографии. АН КазССР. Т. 7. Алма-Ата, 1959. С. 3–31.
- Акишев К.А.* Культура саков долины р. Или (VII–IV вв. до н. э.) // Акишев К.А., Кушаев Г.А. Древняя культура саков и усуней долины р. Или. Алма-Ата: АН КазССР, 1963. С. 9–121.
- Акишев К.А.* Курган Иссык. Искусство кочевников Азии. М.: Искусство, 1978. 131 с.
- Алабин П.В.* Ананьинский могильник (близ города Елабуги) // ВГВ. 1859. № 27–30.
- Алабин П.В.* Ананьинский могильник // ВРГО. 1860. Ч. XXIX, № 6. С. 87–120.
- Алабин П.В.* Относительно нескольких древностей Вятского края. Вятка: В губ. типогр., 1865. С. 1–38.
- Александровский А.Л., Гольева А.А.* Палеоэкология древнего человека по данным междисциплинарных исследований почв археологических памятников Верхнего Дона // Археологические памятники лесостепного Придонья / А.Н. Бессуднов. Липецк: ЛГПИ, 1996. С. 176–183.
- Алексеев А.Ю.* Хронология и хронография Причерноморской Скифии V в. до н. э. // АСГЭ. 1991. Вып. 31. С. 43–56.
- Алексеев А.Ю.* Хронография Европейской Скифии. СПб.: ГЭ, 2003. 416 с.
- Алексеев А.Ю.* «Старшие» келермесские курганы // Труды II (XVIII) всероссийского археологического съезда в Суздале 2008 г. Т. II / Отв. ред. А.П. Деревянко, Н.А. Макаров. М.: ИА РАН, 2008. С. 9–10.
- Алексеев А.Ю.* Шлем «кубанского» типа из Келермесского могильника (раскопки 1993 г.) // НАВ. 2019. Т. 18. № 2. С. 221–234.

- Алексеев А.Ю., Боковенко Н.А., Васильев С.С., Дергачев В.А., Зайцева Г.И., Ковалюх Н.Н., Кук Г., Ван дер Плихт Й., Посснерт Г., Семенцов А.А., Скотт Е.М., Чугунов К.В. Евразия в скифскую эпоху. Радиоуглеродная и археологическая хронология. СПб.: Теза, 2005. 290 с.
- Алексеев А.Ю., Качалова Н.К., Тохтасьев С.Р. Киммерийцы: этнокультурная принадлежность. СПб.: Ермаков, 1993. 121 с.
- Алексеева Е.М. Античные бусы Северного Причерноморья / САИ. Вып. Г1-12. М.: Наука, 1975. 120 с.
- Алексеева Е.М. Античные бусы Северного Причерноморья / САИ. Вып. Г1-12. М.: Наука, 1978. 110 с.
- Алексеева Е.М. Античные бусы Северного Причерноморья / САИ. Вып. Г1-12. М.: Наука, 1982. 104 с.
- Алешинская А.С., Кочанова М.Д., Мельников Л.В. Палеоландшафт и хозяйственная деятельность населения Волго-Камья в финале бронзового века (по материалам Гулюковской III стоянки) // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. Т. III / Отв. ред. А. П. Деревянко, Н. А. Макаров. Москва: ИА РАН, 2008. С. 317–321.
- Алешинская А.С., Кочанова М.Д., Мельников Л.В., Петренко А.Г., Спиридонова Е.А., Хисяметдинова А.А., Чижевский А.А. Влияние климатических и ландшафтных условий на хозяйственную деятельность обитателей Гулюковской III стоянки в позднем бронзовом веке // Среднее Поволжье и Южный Урал: человек и природа в древности / Отв. ред. М.Ш. Галимова. Казань: Фэн, 2009. С. 128–148.
- Алихова А.Е. Курганы эпохи бронзы у с. Комаровки // КСИИМК. Вып. 59 / Отв. ред. А.Д. Удальцов. М.-Л.: АН СССР, 1955. С. 91–100.
- Алихова А.Е. Некоторые древние городища Мордовской АССР // Алихова А.Е., Жиганов М.Ф., Степанов П.Д. Из древней и средневековой истории мордовского народа: Археологический сборник. Т. II / Ред. А.П. Смирнов. Саранск: Морд. книжн. изд-во, 1959. С. 98–116.
- Алихова А.Е. Русский поселок XIII–XIV веков у села Березовка // МИА. № 80 / Отв. ред. А.П. Смирнов. М.: АН СССР, 1960. С. 194–210.
- Андреев С.И., Разуваев Ю.Д. Вещевой комплекс скифской эпохи с Давыдовского городища // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2015. № 12 (152). С. 100–110.
- Андреева Е.Г. Животные Прикамья ананьинского времени // УЗ ПГУ. Вып. 148. Пермь: ПГУ, 1967. С. 171–186.
- Андреева Е.Г. Фауна из раскопок Гремячанского поселения // УЗ ПГУ. Вып. 191. Пермь: ПГУ, 1968. С. 120–132.
- Андреева Е.Г., Петренко А.Г. Древние млекопитающие по археозоологическим материалам Среднего Поволжья и Верхнего Прикамья // Из археологии Волго-Камья / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: ИЯЛИ, 1976. С. 137–189.
- Андреева М.В., Козенкова В.И. Комплекс начала I тысячелетия до н. э. из урочища Клинь-Яр (Кисловодская котловина) // СА. 1986. № 1. С. 253–258.
- Андрейчева Л.Н., Марченко-Вагапова Т.И., Буравская М.Н., Голубева Ю.В. Природная среда неоплейстоцена и голоцена на Европейском Северо-Востоке России. М.: ГЕОС, 2015. 224 с.
- Аникеева О.В. Украшения ахеменидского круга из цветного камня (на примере изучения каменных бус из курганов ранних кочевников Южного Приуралья) // Влияние ахеменидской культуры. Т. 1 / Ред. М.Ю. Трейстер, Л.Т. Яблонский. М.: Таус, 2012. С. 168–188.
- Арматинская О.В. Усть-Сарапульский могильник // Приуралье в древности и средние века / Отв. ред. А.А. Тронин. Устинов: УдГУ, 1986. С. 26–46.
- Арматинская О.В. Новые исследования Икского могильника в устье р. Ик // Новые археологические памятники Камско-Вятского междуречья / Отв. ред. Л.Д. Макаров. Ижевск: УдГУ, 1988. С. 31–42.
- Арсланова Ф.Х. Новые материалы VII–VI вв. до н. э. из Восточного Казахстана // СА. 1972. № 1. С. 253–258.
- Артамонов М.И. Этногеография Скифии // УЗ ЛГУ, № 85. Серия ист. наук. Вып. 13. Л., 1949. С. 139–141.
- Археологическая карта Башкирии / Отв. ред. О.Н. Бадер. М.: Наука, 1976. 263 с.
- Археологическая карта Республики Коми / Отв. ред. В.Н. Карманов. Сыктывкар: Коми республ. типогр., 2014. 416 с., илл.
- Археологическая карта России: Рязанская область. Ч. I / Сост. Ю.А. Краснов, С.Е. Михальченко. М.: ИА РАН, 1993. 260 с.
- Археологические памятники Башкортостана / История культуры Башкортостана. Вып. 6 / Отв. ред. Ю.А. Морозов. Уфа: Гилем, 1996. 280 с.
- Археология Карелии / Отв. ред. М.Г. Косменко, С.И. Кочуркина. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 1996. 416 с.
- Археология Мордовского края. Каменный век. Эпоха бронзы / Ред. В.В. Ставицкий, В.Н. Шитов. Саранск: МордНИИ, 2008. 552 с.
- Архипов И.С. Железо в текстах из Мари (первая половина XVIII в. до н. э.) // ВДИ. 2009. № 3. С. 3–12.
- Архипов Г.А. Ананьинские городища на р. Вятке // Труды МАЭ. Т. II / Отв. ред. Г.А. Архипов. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1962. С. 188–205.
- Архипов Г.А. Происхождение Марийского народа по археологическим данным (с I тыс. н. э.) // Происхождение марийского народа. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1967. С. 36–52.
- Архипов Г.А. Основные этапы этногенеза марийцев // АЭМК. Вып. 9 / Науч. ред. Г.А. Архипов. Йошкар-Ола: МарНИИ, 1985. С. 5–23.
- Архипов Г.А., Шадрин А.И. Исследование раннесредневековых курганов у с. Климкино // Новые материалы по археологии Среднего Поволжья / АЭМК. Вып. 24 / Отв. ред. В.В. Никитин. Йошкар-Ола: МарНИИ, 1995. С. 110–129.
- Аспургиане на юго-востоке азиатского Боспора: по материалам Цемдолинского некрополя. М.: Гриф и К., 2008. 304 с.
- Аськеев И.В., Аськеев О.В., Галимова Д.Н. Природная среда и человек в Волго-Камье и Предуралье

- (поздний палеолит – средневековье) // Среднее Поволжье и Южный Урал: человек и природа в древности. Сборник научных статей, посвященный 75-летию д.и.н. Евгения Петровича Казакова / Отв. ред. М.Ш. Галимова. Казань: ФЭн. 2009. С. 32–112.
- Аськеев И.В., Аськеев О.В., Галимова Д.Н.* Позвоночные животные, природная среда и человек в голоцене Волжско-Камского края // Динамика экосистем в голоцене / Отв. ред. Н.Г. Смирнов. Екатеринбург-Челябинск: Рифей, 2010. С. 20–24.
- Атаманов-Эграпи М.Г.* Происхождение удмуртского народа. Ижевск: Удмуртия, 2010. 575 с.
- Атлас Пермской области. География. История / Ред. Р.Г. Кузьминова, Г.Н. Чагина. М.: ДИК, 1999. 52 с.
- Аханов И.И.* Геленджикские подкурганые дольмены // СА. № 1. 1961. С. 139–149.
- Ахинжанов С.М., Ермолаева А.С., Самашев З.С., Таймагамбетов Ж.К., Трифонов Ю.И.* Археологические памятники в зоне затопления Шульбинской ГЭС. Алма-Ата: Наука, 1987. 278 с.
- Ахмедов И.Р.* Комплекс предметов с городища Долматово Старожиловского района Рязанской области // Проблемы древней и средневековой археологии Окского бассейна / Ред. В. П. Челяпов. Рязань: Поверенный, 2003. С. 128–138.
- Ахмедов И.Р.* Инвентарь мужских погребений (культура рязано-окских могильников) // Восточная Европа в середине I тысячелетия н. э. / Археология славян и их соседей / Раннеславянский мир. Вып. 9 / Отв. ред. И.О. Гавритухин, А.М. Обломский. М.: ИА РАН, 2007. С. 137–152.
- Ахмедов И.Р., Белоцерковская И.Р.* К реконструкции исторических процессов. Культура рязано-окских могильников // Восточная Европа в середине I тысячелетия н.э / Раннеславянский мир. Вып. 9 / Отв. ред. И.О. Гавритухин, А.М. Обломский. М.: ИА РАН, 2007. С. 273–275.
- Ахмеров Р.Б.* Археологический памятники Башкирии ананьинского времени // КСИИМК. Вып. 48 / Отв. ред. А.Д. Удальцов. М.-Л.: АН СССР, 1952. С. 25–35.
- Ахмеров Р.Б.* Новый Уфимский могильник ананьинско-пьяноборского времени (по данным исследований 1952–1956 годы) // СА. 1959. № 1. С. 156–167.
- Ашихмина Л.И.* Городище Каменный Лог ананьинской культуры Среднего Прикамья // Материальная и духовная культура финно-угров Приуралья / Отв. ред. В.Е. Майер. Ижевск: УдГУ, 1977. С. 139–166.
- Ашихмина Л.И.* Отчет о работах Вычегодско-Вятского отряда в 1978 г. // Архив ИА РАН. Р–1. № 7017а, рис. 46.
- Ашихмина Л.И.* Генезис ананьинской культуры в Среднем Прикамье / Серия препринтов «Научные доклады». Вып. 119. Сыктывкар: Коми филиал АН СССР, 1985. 28 с.
- Ашихмина Л.И.* Культуры раннего железа в этногенезе народа коми // Проблемы этногенеза народа коми / Труды ИЯЛИ. Вып. 36 / Отв. ред. Л.Н. Жеребцов. Сыктывкар: ИЯЛИ КНЦ УрО АН СССР, 1985. С. 20–34.
- Ашихмина Л.И.* Клад с Буйского городища // Новые археологические исследования на территории Урала / Отв. ред. Р.Д. Голдина. Ижевск: УдГУ, 1987. С. 103–120.
- Ашихмина Л.И.* Исследования Вычегодско-Вятского отряда в бассейне Средней Вычегды // АО Урала и Поволжья / Отв. ред. Э.А. Савельева. Сыктывкар: КНЦ УрО АН СССР, 1989. С. 3–5.
- Ашихмина Л.И.* Реконструкция представлений о мировом древе у населения Северного Приуралья в эпоху бронзы и раннего железа / Серия препринтов «Научные доклады». Вып. 298. Сыктывкар: КНЦ УрО РАН, 1992. 32 с.
- Ашихмина Л.И.* «Модели» древней обуви с территории финно-угров // Интеграция археологических и этнографических исследований / Ред. А.Г. Селезнев, М.; Омск: Ассоц. этнографов и антропологов России, ИЭА, ОмГУ, 2003. С. 144–150.
- Ашихмина Л.И.* Генезис ананьинской культуры в Среднем Прикамье (по материалам керамики и жилищ) / Археология евразийских степей. Вып. 19. Казань: Отечество, 2014. 300 с.
- Ашихмина Л.И., Васкул И.О.* Поселение Корольки II // Этнокультурные контакты в эпоху камня, бронзы и средневековья в Северном Приуралье / МАЕСВ. Вып. 13 / Отв. ред. Э.А. Савельева. Сыктывкар: ИЯЛИ КНЦ УрО АН СССР, 1995. С. 65–77.
- Ашихмина Л.И., Васкул И.О.* Памятники ананьинской культурно-исторической общности // Археология Республики Коми / Отв. ред. Э.А. Савельева. М.: ДИК, 1997. С. 314–348.
- Ашихмина Л.И., Васкул И.О., Каликов В.Н.* К проблеме смены культур эпохи железа на Европейском Северо-востоке (по результатам лазерного микроспектрального анализа цветных металлов) // Взаимодействие древних культур / Гл. ред. В.Н. Оборин. Пермь: ПГУ, 1990. С. 97–106.
- Ашихмина Л.И., Генинг В.Ф.* Стоянки эпохи поздней бронзы в Удмуртском Прикамье // Материальная и духовная культура финно-угров Приуралья / Отв. ред. В.Е. Майер. Ижевск: УдГУ, 1977. С. 93–138.
- Ашихмина Л.И., Генинг В.Ф.* Ананьинские жилища Зуево-Ключевского I городища // Памятники материальной культуры на Европейском Северо-Востоке / Отв. ред. Э.А. Савельева. Сыктывкар: Коми фил. АН СССР, 1986. С. 54–69.
- Ашихмина Л.И., Генинг В.Ф., Голдина Р.Д.* Работы Удмуртского отряда Нижнекамской экспедиции // АО 1969 / Отв. ред. Б.А. Рыбаков. М.: Наука, 1970. С. 138.
- Ашихмина Л.И., Ключева Г.Н.* Икский могильник – новый памятник пьяноборской культуры // Памятники железного века Камско-Вятского междуречья / Отв. ред. Б.Г. Плющевский. Ижевск: УдГУ, 1984. С. 44–53.
- Ашихмина Л.И., Черных Е.М.* К реконструкции исторических событий на Средней Вятке в середине I тыс. н. э. // Актуальные проблемы методики западносибирской археологии / Отв. ред. А.П. Деревянко.

- Тюмень: ТюмГУ, 1989. С. 197–201.
- Ашихмина Л.И., Черных Е.М., Шаталов В.А.* Вятский края на пороге железного века: костяной инвентарь ананьинской эпохи (I тысячелетие до н. э.). Ижевск: УдГУ, 2006. 220 с.
- Багаутдинов Р.С., Пятых Г.Г.* I Курганная группа у с. Преполовенка // Археологические исследования в Среднем Поволжье / Отв. ред. Г.И. Матвеева. Куйбышев: КГУ, 1987. С. 55–67.
- Багашев А.Н.* Материалы к краниологии сарматов // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 1997. № 1. С. 65–74.
- Багдасарова Н.А.* Савроматы Юго-Западного Приуралья по материалам могильника Казыбаба // Антропологические и этнографические сведения о населении Средней Азии. Вып. 2. Отв. ред. Г.В. Рыкушина, Н.А. Дубова. Москва: Старый сад, 2000. С. 78–112.
- Багдасарова Н.А.* Одонтологическая характеристика кочевников Устюрта савромато-сарматского времени (по материалам могильника Казыбаба) // Антропологические и этнографические сведения о населении Средней Азии. Вып. 2 / Отв. ред. Г.В. Рыкушина, Н.А. Дубова. Москва: Старый сад, 2000. С. 113–124.
- Бадер О.Н.* Городища Ветлуги и Унжи // МИА. № 22 / Ред. В.Н. Чернецов. М.: АН СССР, 1951. С. 110–158.
- Бадер О.Н.* Очерк шестилетних работ Камской археологической экспедиции // УЗ ПГУ. Т. IX. Вып. 3. Пермь, 1953. С. 3–87.
- Бадер О.Н.* Ананьинское и более поздние селища на Огурдинской стоянке близ Усоля // УЗ ПГУ. Т. XII. Вып. 1 / Отв. ред. В.Ф. Тиунов. Пермь: ПГУ, 1960а. С. 151–159.
- Бадер О.Н.* Могильник Скородум и ранний этап ананьинской культуры // УЗ ПГУ. Т. XII. Вып. 1 / Отв. ред. В.Ф. Тиунов. Пермь: ПГУ, 1960. С. 132–150.
- Бадер О.Н., Оборин В.А.* На заре истории Прикамья. Пермь: Перм. книжн. изд-во, 1958. 244 с.
- Бакин О.В.* Краткий очерк динамики природных условий юга Вятско-Камского междуречья // У истоков археологии Волго-Камья (к 150-летию открытия Ананьинского могильника) / Археология евразийских степей. Вып. 8 / Отв. ред. С.В. Кузьминых, А.А. Чижевский. Елабуга: ИИ АН РТ, ИА РАН, ЕГИАМЗ, 2009. С. 159–169.
- Бакин О.В., Панова Н.К., Антипина Т.Г.* История Пестречинского торфяника (материалы по истории голоцена Татарстана). // Археология и естественные науки Татарстана. Кн. 4 / Отв. ред. М.Ш. Галимова. Казань: Фолиант, 2011а. С. 189–201.
- Бакин О.В., Панова Н.К., Антипина Т.Г.* Материалы по истории раннего голоцена Татарстана // Археология и естественные науки Татарстана. Кн. 4 / Отв. ред. М.Ш. Галимова. Казань: Фолиант, 2011б. С. 202–216.
- Балабанова М.А.* Антропология древнего населения Южного Приуралья и Нижнего Поволжья. М.: Наука, 2000а. 133 с.
- Балабанова М.А.* Антропологический состав и происхождение раннесарматского населения Южного Приуралья и Нижнего Поволжья // Раннесарматская культура: формирование, развитие, хронология. Вып. 1 / Отв. ред. В.Н. Мышкин. Самара: СНЦ РАН, 2006. С. 105–115.
- Балабанова М.А.* Новые данные об антропологическом типе сарматов // РА. 2010. № 2. С. 67–77.
- Балабанова М.А.* Проблема происхождения населения позднесарматского времени Нижнего Поволжья и сопредельных территорий по данным антропологии (проверка археологических гипотез) // Становление и развитие позднесарматской культуры (по археологическим и естественнонаучным данным) / Отв. ред. А.С. Скрипкин. Волгоград: ВолГУ, 2010. С. 202–203.
- Балабанова М.А.* Позднесарматское население Нижнего Поволжья и сопредельных территорий в антропологическом контексте раннего железа и раннего средневековья. Автореф. дисс. ... докт. ист. наук. М., 2013. 65 с.
- Балабанова М.А., Перерва Е.В.* Краниологические материалы из Могильников в районе г. Орска // НАВ. 2008. Вып. 9. С. 137–154.
- Балахванцев А.С.* Среднеазиатские дахи в IV–II вв. до н. э.: происхождение, хронология и локализация // Центральная Азия от Ахеменидов до Тимуридов: археология, история, этнология, культура / Отв. ред. В.П. Никоноров. СПб.: ИИМК РАН, 2005. С. 64–67.
- Балахванцев А.С.* Абсолютная хронология архаической Скифии: восточные реперы // Становление и развитие позднесарматской культуры (по археологическим и естественнонаучным данным) / Отв. ред. А.С. Скрипкин. Волгоград: ВолГУ, 2010. С. 15–24.
- Балахванцев А.С.* Арамейская надпись из Рысайкино (к вопросу о скифских походах в Переднюю Азию) // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями. Кн. 2 / Ред. В.А. Алёшин и др. СПб.: ИИМК РАН, Периферия. 2012. С. 358–361.
- Балахванцев А.С.* Биметаллический клевец из Бугуруслана и проблема становления раннескифской культуры // Война и военное дело в скифо-сарматском мире / Отв. ред. С.И. Лукьяшко. Ростов-на-Дону: ЮНЦ РАН, 2014. С. 39–48.
- Баллод Ф.В.* «Приволжские Помпеи». Опыт художественно-археологического обследования части правобережной Саратовско-Царицынской приволжской полосы. М.: Мосполиграф, 1923. 132 с.
- Баранова О.Г.* Пути формирования основных флористических комплексов в Вятско-Камском междуречье // Вестник Удм. ун-та. Серия: Биология. Науки о Земле. 2010. Вып. 4. С. 31–41.
- Батиева Е.Ф.* Население Нижнего Дона в IX в. до н. э. – IV в. н. э. (палеоантропологическое исследование). Ростов-на-Дону: ЮНЦ РАН, 2000. 160 с.
- Батчаев В.М.* Древности предскифского и скифского периодов // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии в 1973 – 1979 гг. Т. II / Ред. В.И. Марковин. Нальчик: Эльбрус, 1985. С. 7–115.
- Бахшиев И.И., Савельев Н.С.* К изучению некоторых вопросов этнокультурной динамики и хозяйства на-

- селения лесостепи Южного Приуралья эпохи раннего железа (по материалам селища Зинино-1) // УАВ. 2013. № 13. С. 104–115.
- Башенькин А.Н.* «Домик мертвых» Куреваниха-XX на р. Мологе // Древности Русского Севера. Вып. 1 / Отв. ред. А.Н. Башенькин, В.Я. Шумкин. Вологда: Ардвисура, 1996. С. 141–150.
- Беговатов Е.А.* Биметаллический кинжал с зооморфной рукояткой из Мурзихинского могильника // СА. 1989. № 2. С. 247–249.
- Беговатов Е.А., Истомина К.Э., Марков В.Н., Руденко К.А., Чижевский А.А.* Новые находки ананьинского времени с Мурзихинского могильника // Финно-угры России. Памятники с ниточно-рябчатой керамикой. Вып. 1 / Отв. ред. В.С. Патрушев. Йошкар-Ола: МарГУ, 1993. С. 126–157.
- Беговатов Е.А., Марков В.Н.* Мурзихинский II могильник // Археологические памятники зоны водохранилищ Волго-Камского каскада / Отв. ред. П.Н. Старостин. Казань: ИЯЛИ, 1992. С. 57–72.
- Беговатов Е.Н., Марков В.Н., Патрушев В.С.* Первый Мурзихинский могильник // Проблемы археологии Среднего Поволжья / Науч. ред. А.Х. Халиков. Казань: КГУ, 1991. С. 20–39.
- Безуглов С.И.* Позднесарматские мечи (по материалам Подонья) // Сарматы и их соседи на Дону: Материалы и исследования по археологии Дона. Вып. I / Отв. ред. Ю.К. Гугуев. Ростов на Дону: Терра, 2000. С. 169–193.
- Бейсенов А.З., Варфоломеев В.В., Кенесалин А.Е.* Памятники бегазы-дандыбаевской культуры Центрального Казахстана. Алматы: ИА им. А. Х. Маргулана, 2014. 192 с.
- Бейсенов А.З., Китов Е.П., Дуйсенбай Д.Б.* Ранние кочевники Центрального Казахстана по данным археологии и антропологии // Известия СНИЦ РАН. 2017. Т. 19, № 3. С. 217–222.
- Белавин А.М., Иванов В.А., Крыласова Н.Б.* Угры Предуралья в древности и средние век. Уфа: БГПУ, 2009. 278 с.
- Бельтикова Г.В.* Зауральский (иткульский) очаг металлургии (VII–III вв. до н. э.). Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 1997. 23 с.
- Берлин А.В.* Ритуальные топоры раннего железного века из Приуралья // Археологическое наследие как отражение исторического опыта взаимодействия человека, природы, общества. XIII Бадеровские чтения / Гл. ред. Р.Д. Голдина. Ижевск: УдГУ, 2010. С. 150–162.
- Бернар П., Абдуллаев К.* Номады на границе Бактрии (к вопросу этнической и культурной идентификации) // РА. 1997. № 1. С. 68–84.
- Бернц В.А.* К вопросу о традиционных элементах погребального обряда финно-угорского населения эпохи великого переселения народов Удмуртского Прикамья (по материалам Заборьинского грунтового могильника) // Взаимодействие народов Евразии в эпоху великого переселения народов / Отв. ред. Р.Д. Голдина. Ижевск: УдГУ, 2006. С. 351–389.
- Бернц В.А.* Пояса с ромбическими накладками (по материалам погребений Тарасовского могильника I–V вв.) // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Т. II / Отв. ред. А.Г. Ситдииков, Н.А. Макаров, А.П. Деревянко. Казань: Отчество, 2014. С. 288–290.
- Берхин-Засецкая И.П., Маловицкая Л.Я.* Богатое савроматское погребение в Астраханской области // СА. 1965. № 3. С. 143–153.
- Благовецкая Н.В.* Динамика лесных экосистем верхнего плато Приволжской возвышенности в голоцене // Экология. 2006. № 2. С. 83–88.
- Благовецкая Н.В.* Динамика растительного покрова центральной части Приволжской возвышенности в голоцене. Ульяновск: УлГУ, 2009. 283 с.
- Благовецкая Н.В.* Лесорастительные зоны центральной части Приволжской возвышенности в голоцене и их корреляция с сопредельными регионами // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Естественные науки. 2019. Т. 161, кн. 1. С. 108–127.
- Бобринский А.А.* Гончарство Восточной Европы. М.: Наука, 1978. 275 с.
- Богаткина О.Г.* Остатки млекопитающих животных из раскопок городища Сорочьи Горы // Археологические памятники зоны водохранилищ Волго-Камского каскада / Отв. ред. П.Н. Старостин. Казань: ИЯЛИ, 1992. С. 129–142.
- Богаткина О.Г.* Позднеголоценовые млекопитающие Прикамья. Анализ остеологических остатков. Автореф. дисс. ... канд. биол. наук. М., 1995. 18 с.
- Богаткина О.Г.* Роль охоты на медведей в истории народов Волго-Уральского региона (по остеологическим материалам городища Аргыж) // Проблемы культурогенеза народов Волго-Уральского региона / Отв. ред. И.М. Акбулатов. Уфа: УНЦ РАН, 2001. С. 17–22.
- Богачев А.В., Вязов Л.А., Гасилин В.В., Мышкин В.Н., Серых Д.В.* Кармалинское городище // Средневековье. Великое переселение народов (по материалам археологических памятников Самарской области) / Отв. редактор А.В. Богачев. Самара: Самарское археологическое общество, 2013. С. 119–163.
- Богданов Е.С.* Образ хищника в пластическом искусстве кочевых народов Центральной Азии (скифо-сибирская художественная традиция). Новосибирск: ИАЭ СО РАН, 2006. 240 с.
- Большов С.В.* Могильник на острове Мольбищенский. Каталог археологической коллекции. Йошкар-Ола: МКИ, 1988. 35 с.
- Борзунов В.А.* Зауралье на рубеже бронзового и железного веков. Екатеринбург: УрГУ, 1992. 188 с.
- Борзунов В.А.* Городище Алтен-Тау и проблема реконструкции ананьинских фортификаций // СА. 1997. № 1. С. 163–180.
- Борзунов В.А.* Новые материалы по раннему железному веку Прикамья (городище Алтен-Тау // СА. 1997а. № 2. С. 197–210.
- Борзунов В.А., Новиченков Н.Н.* Ранние укрепленные поселения финно-угров Урала // Материальная культура древнего населения Урала и Западной Сибири / ВАУ. Вып. 19 / Отв. ред. В.Т. Ковалева. Свердловск:

- УрГУ, 1988. С. 88–103.
- Борзунов В.А., Стоянов В.Е.* Некоторые черты развития представлений о раннем железном веке Урала (к методике анализа памятников па примере гамаюнских городищ) // Вопросы археологии Урала. Вып. 15 / Отв. ред. В.Е. Стоянов. Свердловск, 1981. С. 27–40.
- Борисова О.К.* Изменения растительности и климата умеренных широт Южного полушария за последние 130000 лет (в сопоставлении с Северным полушарием). Автореф. дисс... докт. геогр. наук. М., 2007. 50 с.
- Бородаев В.Б.* Вакулихинский клад (комплекс находок раннескифского времени с местонахождения Вакулиха I) // Снаряжение верхового коня на Алтае в раннем железном веке и средневековье / Ред. Ю. Ф. Кирюшин, А. А. Тишкин. Барнаул: Парал, 1998. С. 56–73.
- Боталов С.Г., Гуцалов С.Ю.* Гунно-сарматы Урало-Казхстанских степей. Челябинск: ИИА ЮО УрО РАН, 2000. 265 с.
- Бруяко И.В.* Ранние кочевники в Европе X–V вв. до н. э. Кишинев: Высшая антропологическая школа, 2005. 358 с.
- Бугров Д.Г.* Укрепления Тойгузинского II городища // Новые исследования по средневековой археологии Поволжья и Приуралья: Материалы международного полевого симпозиума, посвященного 100-летию со дня рождения А.П. Смирнова и 25-летию исследований городища Иднакар / Отв. ред. М.Г. Иванова. Ижевск; Глазов: УИИЯЛ УрО РАН, 1999. С. 145–153.
- Бугров Д.Г.* К вопросу о костяных наконечниках стрел пьяноборской культуры (по материалам Тойгузинского II городища) // Научное наследие А.П. Смирнова и современные проблемы археологии Волго-Камья. Труды ГИМ. Вып. 122 / Отв. ред. И.В. Белоцерковская. М.: ГИМ, 2000. С. 83–92.
- Бугров Д.Г.* Памятники пьяноборской культуры Икско-Бельского междуречья: итоги и перспективы изучения // Российская археология: достижения XX и перспективы XXI вв. / Отв. ред. Р.Д. Голдина. Ижевск: УдГУ, 2000. С. 116–119.
- Бугров Д.Г.* Памятники пьяноборской культуры в левобережье Нижнего Ика (итоги исследований 1995–2000 гг.) // Проблемы культурогенеза народов Волго-Уральского региона: Материалы межрегиональной научной конференции к 25-летию Музея археологии и этнографии ЦЭИ УНЦ РАН / Отв. ред. И.М. Акбулатов, Уфа: УНЦ РАН, 2001. С. 27–32.
- Бугров Д.Г.* Поселения пьяноборской культуры в Икско-Бельском междуречье. Автореф. дисс. ... канд. истор. наук. Казань, 2006. 21 с.
- Бугров Д.Г.* Поселения пьяноборской культуры в Икско-Бельском междуречье. Дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.06. Казань, 2006. 221 с.
- Бугров Д.Г.* Пьяноборские городища с полукольцевой и кольцевой фортификацией в Икско-Бельском междуречье // Взаимодействие народов Евразии в эпоху Великого переселения народов / Отв. ред. Р.Д. Голдина. Ижевск: УдГУ, 2006б. С. 307–318.
- Бугров Д.Г., Асылгараева Г.Ш.* Животные в погребальном обряде населения Нижнего Прикамья первой половины I тыс. н. э. (по материалам Гулюковского могильника) // Поволжская археология. 2020. № 1. С. 146–166.
- Бугров Д.Г., Линкина Л.И., Мельников Л.В., Николаева К.В.* К вопросу землепользования населения пьяноборской культуры (по материалам комплексного исследования Тойгузинского II городища) // Археология и естественные науки Татарстана. Кн. 4 / Ред. М.Ш. Галимова. Казань: Фолиант, 2011. С. 225–244.
- Бугров Д.Г., Мясников Н.С.* Некоторые проблемы выделения «этнокультурных компонентов» памятников андреевско-писеральского типа: погребальный обряд // Поволжская археология. 2018. № 3. С. 314–335.
- Бугров Д.Г., Руденко К.А., Халиков А.Х.* Укрепления Сорочьегогорского городища // Памятники древней истории Волго-Камья / Отв. ред. П.Н. Старостин. Казань: ИЯЛИ, 1994. С. 93–103.
- Букина О.В.* Датировка погребений рязано-окских могильников, содержащих остатки трупосожжений (по опубликованным материалам Борковского и Кузьминского могильников) // Культуры европейских степей второй половины I тыс. н. э. (вопросы хронологии) / Отв. ред. Д.А. Сташенков. Самара: СОИКМ, 1998. С. 277–287.
- Букирев А.И.* К истории камской ихтиофауны // УЗ ПГУ. Т. 11. Вып. 3. Пермь, 1956. С. 75–82.
- Букирев А.И., Усольцев Э.А.* К истории ихтиофауны бассейна реки Камы // Зоологический журнал. 1958. Т. 37. Вып. 6. С. 884–898.
- Буров Г.М.* Основные итоги и проблемы изучения археологии Вычегодского края // ВАУ. Вып. 1 / Отв. ред. В.Ф. Генинг. Свердловск: УрГУ, 1961. С. 100–108.
- Буров Г.М.* Археологическая разведка 1963 г. в зоне затопления будущего Усть-Куломского водохранилища // Древние поселения на Печоре и Вычегде / МАЕСВ. Вып. 3 / Отв. ред. Я.Н. Безносиков. Сыктывкар: Коми филиал АН СССР, 1965а. С. 139–159.
- Буров Г.М.* Вычегодский край. М.: Наука, 1965б. 200 с.
- Буров Г.М.* Археологические памятники Вычегодской долины. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1967а. 96 с.
- Буров Г.М.* Древний Синдор. М.: Наука, 1967. 218 с.
- Буров Г.М.* Железный век Крайнего Северо-Востока Европы (от начала до VIII ст. н. э.). Симферополь, 1989. 47 с. / Деп. в ИНИОН № 338239.
- Вайнберг В.И.* Памятники куюсайской культуры // Кочевники на границах Хорезма / Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции Института этнографии АН СССР. Т. XI. М.: Наука, 1979. С. 7–76.
- Вальчак С.Б.* Конское снаряжение в первой трети I-го тыс. до н. э. на юге Восточной Европы. М.: Таус, 2009. 292 с.
- Ванчиков В.В.* Памятники ананьинского времени бассейна р. Вятки // Проблемы этногенеза финно-угор-

- ских народов Приуралья / Отв. ред. В.А. Кананин. Ижевск: УдГУ, 1992. С. 72–94.
- Ванчиков В.В. К вопросу об ананьинских стоянках бассейна р. Вятки // ТД I Российской университетско-академической конференции / Отв. ред. В.А. Журавлев, С.С. Савинский. Ижевск: ФТИ УРО РАН, УдГУ, 1993. С. 18–19.
- Ванчиков В.В. Отчет об археологических раскопках Грехневского I поселения и разведке в Нагорском районе Кировской области в 1991–1992 гг. Ижевск-Киров, 1996. 76 с. / Архив ИИКНП УдГУ, ф. 2, д. 61.
- Вараксина Л.И. Костеносные городища Камско-Вятского края // ИОАИЭ. 1929. Т. 34. Вып. 3–4. С. 83–121.
- Васильев А.А. Германские воинские пряжки и наконечники ремней на Боспоре // Боспорские исследования. 2005. Вып. IX. С. 279–288.
- Васильев В.Н. Вооружение и военное дело кочевников Южного Урала в VI–II вв. до н. э. Уфа: Гилем, 2001. 153 с.
- Васильев В.Н. К вопросу об археологическом содержании понятия «восточный импульс» в материальной культуре кара-абыза // УАВ. 2014. Вып. 14. С. 40–47.
- Васильев И.Б. Памятники бронзового века в окрестностях г. Куйбышева // Самарская Лука в древности / Краеведческие записки. Вып. III / Отв. ред. О.Н. Бадер. Куйбышев: Куйбышевское кн. изд-во, 1975. С. 49–75.
- Васильев И.Б., Иванов В.А., Обыденнов М.Ф. Итоги исследования стоянки им. М.Ф. Касьянова в Гафуринском районе БАССР // Бронзовый век Южного Приуралья / Отв. ред. М.Ф. Косарев. Уфа: БГПИ, 1985. С. 21–40.
- Васильев И.Б., Матвеева Г.И. У истоков истории Самарского Поволжья. Куйбышев: Куйбышевское кн. изд-во, 1986. 232 с.
- Васильев И.Б., Скарбовенко В.А. Позднесарматские погребения могильника у с. Андреевка в Заволжье // Приуралье в эпоху бронзы и раннего железа / Ред. В.А. Иванов, А.Х. Пшеничнюк. Уфа: БФАН СССР, 1982. С. 106–124.
- Васильев И.Б. Отчет о разведках в Волжском, Ставропольском и Красноярском районах Куйбышевской области в 1969 году по Открытому листу № 306. Куйбышев, 1970. 49 с. // Архив ИА РАН. Р-1, № 3871.
- Васильев Ст.А. Ананьинские зооморфные чеканы: оружие или символ? // Вестник молодых ученых. Вып. 1. СПб. 2001. С. 30–37.
- Васильев Ст.А. Искусство древнего населения Волго-Камья в ананьинскую эпоху (истоки и формирование). Дисс. ... канд. ист. наук. СПб., 2002. 513 с.
- Васильев Ст.А. Ананьинский звериный стиль. Истоки, основные компоненты и развитие // Археологические вести. № 11 / Отв. ред. Е.Н. Носов. СПб.: ИИМК, 2004. С. 275–297.
- Васильева А.В., Коренюк С.Н., Перескоков М.Л. Булгарское IX селище – памятник финала ананьинской культуры в окрестностях г. Перми // Поволжская археология. 2015. № 2. С. 136–159.
- Васильева А.В., Перескоков М.Л. Охранные археологические работы в зонах реконструкции магистральных нефтепродуктопроводов в Пермском крае в 2011–2012 гг. // Историко-культурное наследие – ресурс формирования социально-исторической памяти гражданского общества / XIV Бадеровские чтения / Отв. ред. Е.М. Черных. Ижевск: УдГУ, 2013. С. 42–48.
- Васильева И.Н., Сташенков Д.А. Материалы скифского круга на III Шигонском поселении // Вопросы археологии Поволжья. Вып. 4 / Отв. ред. Д.А. Сташенков. Самара: СамГУ, 2006.
- Васке А.В. Керамика эпохи поздней бронзы и раннего железа Латвии. Рига: Зинатне, 1991. 198 с.
- Васкул И.О. Хронология и периодизация памятников пьяноборской эпохи на Европейском Северо-Востоке / Серия «Научные доклад». Вып. 287. Сыктывкар: КНЦ УрО РАН, 1992. 20 с.
- Васкул И.О. Поселения пьяноборской эпохи на Европейском Северо-Востоке / Серия «Научные доклады». Вып. 338. Сыктывкар: КНЦ УрО РАН, 1994. 36 с.
- Васкул И.О. Памятники гляденовской культурной общности // Археология Республики Коми с древнейших времен до средневековья / Отв. ред. Э.А. Савельева. Сыктывкар: ДиК, 1997. С. 349–399.
- Васкул И.О. Шиховской могильник раннего железного века (первые результаты исследований) / Серия «Научные доклады». Вып. 451. Сыктывкар: КНЦ УрО РАН, 2002. 52 с.
- Васкул И.О. Бронзовые зеркала раннего железного века на территории Европейского Северо-Востока // Археология Арктики. Вып. 6 / Ред. Д.С. Тупахин, Н.В. Федорова. Салехард: Золотой Тираж, 2019. С. 86–97.
- Васкул И.О., Селезнева О.М. Захоронения первых веков I тыс. н. э. на озере Пожем-ты в Интинском районе Республики Коми // Археология Арктики. Вып. 3 / Ред. Н.В. Федорова, Д.С. Тупахин. Калининград: РОС-ДООФК, 2016. С. 170–172.
- Васкул И.О., Семенов В.А. Люди-птицы-звери Северного Приуралья. Сыктывкар: СыктГУ, 2004. 26 с.
- Васюткин С.М. Исследования пьяноборских могильников в Западной Башкирии // Приуралье в эпоху бронзы и раннего железа / Отв. ред. А.Х. Пшеничнюк. Уфа: БФАН СССР, 1982. С. 125–145.
- Васюткин С.М. Салиховский курганный могильник конца IV–V в. в Башкирии // СА. 1986. № 2. С. 180–197.
- Васюткин С.М., Калинин В.К. Ново-Сасыкульский могильник // Археологические работы в низовьях Белой / Отв. ред. А.Х. Пшеничнюк. Уфа: БФАН СССР, 1986. С. 95–122.
- Вечтомов А.Д. Периодизация и локальные группы памятников ананьинской культуры Среднего Прикамья // УЗ ПГУ. № 148 / Отв. ред. В.А. Оборин. Пермь: ПГУ, 1967. С. 133–155.
- Вечтомов А.Д. К вопросу о племенной организации населения Среднего Прикамья в эпоху раннего же-

- лезного века // Труды КАЭ. Вып. IV / УЗ ПГУ. № 191 / Отв. ред. В.А. Оборин. Пермь: ПГУ, 1968. С. 72–86.
- Виноградов В.Б.* Центральный и Северо-Восточный Кавказ в скифское время. Грозный: Чечено-Ингуш. кн. изд-во, 1972. 390 с.
- Виноградов Ю.А., Марченко К. К., Рогов Е. Я.* Сарматы и гибель «Великой Скифии» // ВДИ. 1997. № 3. С. 93–103.
- Виноградов Ю.Г.* Херсонесский декрет о «несении Дионисия» IOSHE I2 343 и вторжение сарматов в Скифию // ВДИ. 1997. № 3. С. 104–124.
- Вихляев В.И.* Керамика Новошешеневского городища в Мордовии // СА. 1986. № 1. С. 198–208.
- Вихляев В.И.* Новые раскопки Теньгушевского городища (городецкий комплекс) // Тр. МНИИЯЛИЭ. Вып. 104 / Отв. ред. М.Ф. Жиганов. Саранск: Морд. кн изд-во, 1992. С. 76–103.
- Вихляев В.И.* Новые раскопки Теньгушевского городища (городецкий комплекс) // Древние поселения Приокшанья. Саранск, 1992. С. 76–103.
- Вихляев В.И.* Происхождение древнемордовской культуры // Саранск: Ист. социол. ин-т МГУ им. Н.П. Огарева. 2000. 131 с.
- Вишневская О.А.* Культура сакских племен низовьев Сырдарьи в VII–V в. до н. э.: по материалам Угайрака / Труды Хорезмийской археолого-этнографической экспедиции. Т. VIII. М.: Наука, 1973. 160 с.
- Вишневский В.И.* Дьяковская культура в Верхнем Поволжье (VIII–VII вв. до н. э. – VII–VIII вв. н. э.). Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М.: ИА АН СССР, 1991. 22 с.
- Вишневский В.И.* Новые материалы о земледелии племен дьяковской культуры Верхнего Поволжья // РА. 1994. № 3. С. 223–226.
- Влияния ахеменидской культуры в Южном Приуралье (V–III вв. до н. э.). Т. I / Отв. ред. М.Ю. Трейстер, Л.Т. Яблонский. М.: Таус, 2012. 671 с.
- Влияния ахеменидской культуры в Южном Приуралье (V–III вв. до н. э.). Т. II / Отв. ред. М.Ю. Трейстер, Л.Т. Яблонский. М.: Таус, 2012. 468 с.
- Воеводский М.В.* Краткая характеристика керамики городищ Ветлуги и Унжи // МИА. № 22 / Ред. В.Н. Чернецов. М.: АН СССР, 1951. С. 159–180.
- Вознесенская Г.А.* Технология производства железных предметов Глийского могильника // Очерки технологии древнейших производств / Ред. Б. А. Колчин. М.: Наука, 1975. С. 76–116.
- Волков И.Г.* Скифские прорезные навершия из Прикубанья // АСГЭ. 1983. Вып. 23. С. 57–59.
- Волкова Е.В.* Вещевой комплекс белогорских поселений Самарской луки // Самарская Лука: проблемы региональной и глобальной экологии. 2009. Т. 18. № 3. С. 58–66.
- Волкова Е.В.* Место кара-абызских материалов среди культур раннего железного века Приуралья: историографический обзор // Вестник ТГПУ. 2011. № 4 (26). С. 121–125.
- Волкова Е.В.* Городище Манчиха – памятник железного века на Самарской Луке // Археология Евразийских степей. 2017. № 4. С. 7–16.
- Волкова Е.В.* Антропология могильника Старый Чекмак (пьяноборская культура) // XXI Уральское археологическое совещание / Гл. ред. А.А. Выборнов. Самара: СГСПУ, 2018. С. 200–201.
- Волкова Е.В., Куфтерин В.В.* Население Нижнего Прикамья пьяноборской эпохи по данным остеометрии (материалы могильника Старый Чекмак) // Поволжская археология. 2020. № 1. С. 23–35.
- Вольная Г.Н.* К вопросу о параллелях в зооморфном искусстве ананьинской и кобанской культур // У истоков археологии Волго-Камья (к 150-летию открытия Ананьинского могильника) / Археология евразийских степей. Вып. 8 / Отв. ред. С.В. Кузьминых, А.А. Чижевский. Елабуга: ИИ АН РТ, ИА РАН, ЕГИАМЗ, 2009. С. 261–272.
- Воробьева С.Л.* Использование статистических методов для разработки типологии предметов (на примере изучения поясных дисковидных блях костюма кара-абызской культуры эпохи раннего железа) // XVIII Уральское археологическое совещание: культурные области, археологические культуры, археологические культуры, хронология / Ред. Г.Т. Обьденнова. Уфа: БГПУ, 2010б. С. 194–198.
- Воробьева С.Л.* Поясные накладки с изображением грифона: к вопросу о происхождении и времени появления в лесостепи Приуралья // УАВ. 2010в. Вып. 10. С. 56–63.
- Воробьева С.Л.* Происхождение и время появления в лесостепи Приуралья поясных накладок с изображением голов грифонов // Проблемы истории, филологии и культуры. 2010а. № 2. С. 52–60.
- Воробьева С.Л.* «Восточный импульс» в кара-абызской культуре // Материалы региональной научной конференции, посвященной 50-летию археологической экспедиции БашГУ / Отв. ред. А.Н. Султанова. Уфа: БашГУ, 2011д. С. 40–48.
- Воробьева С.Л.* Гривны кара-абызского населения эпохи раннего железа (к вопросу о типологии и происхождении) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2011в. № 2. С. 108–115.
- Воробьева С.Л.* К вопросу о происхождении колоковидных и котловидных подвесок кара-абызской культуры // Этносы и культуры Урало-Поволжья: история и современность / Отв. ред. А.Т. Ахатов. Уфа: ИЭИ УНЦ РАН, 2011а. С. 44–49.
- Воробьева С.Л.* Типология элементов убранства костюма кара-абызской культуры эпохи раннего железа (IV в. до н. э. – IV в. н. э.). Автореф. дисс. канд. ист. наук. Ижевск, 2012а. 24 с.
- Воробьева С.Л.* Типология элементов убранства костюма кара-абызской культуры эпохи раннего железа. Т. I, II. Дисс. ... канд. ист. наук. Уфа, 2012 / Архив ИИКНП УдГУ. Ф. 4/1. Д. 185, 185а, 291, 138 с.
- Воробьева С.Л.* Шейно-нагрудные украшения кара-абызской культуры // Этносы и культуры Урало-Поволжья: история и современность / Отв. ред. А.Т. Ахатов. Уфа: ИЭИ УНЦ РАН, 2012б. С. 26–30.
- Воробьева С.Л.* Височные подвески кара-абызской культуры эпохи раннего железа (к вопросу о типологии и происхождении) // УАВ. 2013а. Вып. 13.

- С. 91–103.
- Воробьева С.Л.* Взаимоотношения населения кара-абызской культуры с кочевниками Южного Урала в IV–III вв. до н. э. // УАВ. 2014б. Вып. 14. С. 54–65.
- Воробьева С.Л.* Клинковое оружие эпохи раннего железа из фондов Национального музея Республики Башкортостан (случайные находки) // Черные металлы. 2014а. Апрель. С. 118–124.
- Воробьева С.Л.* Научный отчет о проведении разведочных археологических исследований в Гафурийском районе Республики Башкортостан по Открытому листу № 995 от 01.08.2013 г. / Национальный музей Республики Башкортостан. Уфа, 2014д. 237 с.
- Воробьева С.Л.* К вопросу о хронологии кара-абызской культуры (по материалам Охлебнинского грунтового могильника) // Этнические взаимодействия на Южном Урале / Отв. ред. А. Д. Таиров. Челябинск: Челябинский гос. краеведческий музей, 2015а. С. 208–221.
- Воробьева С.Л.* Металлургический комплекс горы Курмантау эпохи раннего железа: результаты исследования 2012–2014 гг. // Тезисы Международной научной конференции «Новое в исследованиях раннего железного века Евразии: проблемы, открытия, методики». 2017а. На сайте «SCYTHIA et SARMATIA. Сайт отдела скифо-сарматской археологии ИА РАН»/ <http://scythia-sarmatia.ru/воробьева-тезисы-иа-2017/>
- Воробьева С.Л.* Хозяйство носителей кара-абызской археологической культуры эпохи раннего железа (по материалам поселенческих памятников IV–I веков до нашей эры) // Этнические взаимодействия на Южном Урале: Сарматы и их окружение / Отв. ред. А.Д. Таиров. Челябинск: ЮУрГУ, 2017. С. 31–37.
- Воробьева С.Л.* Лесостепная часть Южного Приуралья в эпоху раннего железа: история изучения вопроса и перспективы исследований // Археология Евразийских степей. 2019. № 2. С. 268–291.
- Воронов Г.А., Циберкин Н.Г., Стенно С.П.* Ландшафтные особенности Пермского края и перспективы выделения особо охраняемых природных территорий // Вестник Удмуртского университета. Серия: Биология. Науки о Земле. 2008. № 1. С. 3–18.
- Воронова С.А., Порохова О.И.* Чкаловский курганный могильник // Древняя история населения Волго-Уральских степей / Отв. ред. Н.Л. Моргунова. Оренбург: ОГПУ, 1992. С. 228–251.
- Ворошилов А.Н, Медведев А.П.* Вооружение населения лесостепного Подонья в скифо-сарматской время // Вооружение сарматов: региональная типология и хронология / Отв. ред. Л.Т. Яблонский, А.Д. Таиров. Челябинск: ЮУрГУ, 2007. С. 76–87.
- Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. Очерки истории / Отв. ред. С.Л. Тихвинский, Б.А. Литвинский. М.: Наука, 1988. 455 с.
- Вотякова О.П., Клюева Г.Н., Лецева Т.П., Пушкарева Т.С.* Разведочные работы Камско-Вятской экспедиции в Удмуртской АССР // АО 1977 / Отв. ред. Б.А. Рыбаков. М.: Наука, 1978. С. 161–162.
- Габуев Т.А.* Ранняя история алан (по данным письменных источников). Владикавказ: Иростон, 1999. 148 с.
- Габяшев Р.С., Казаков Е.П., Старостин П.Н., Халиков А.Х., Хлебникова Т.А.* Археологические памятники Татарии в зоне Куйбышевского водохранилища // Из археологии Волго-Камья / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1976. С. 3–34.
- Гаврилюк А.Г., Таиров А.Д.* Курганы у села Обручевка в Южном Зауралье // Кочевники Урало-Казахстанских степей / Отв. ред. А.Д. Таиров. Екатеринбург: Наука, 1993. С. 53–67.
- Гаврилюк Н.А.* Экономика степной Скифии VI–III вв. до н. э. Киев: ФОР Видавель Олег Філюк, 2013. 712 с.
- Гаглойти Ю.С.* К вопросу о первом упоминании этнонима алан в письменных источниках // I Кубанская археологическая конференция. ТД. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 1989. С. 85–86.
- Гаибов В.А., Кошеленко Г.А.* Кочевники Средней Азии в эпоху Александра Македонского (данные письменных источников) // ВДИ. 2005. № 1. С. 103–127.
- Галанина Л.К.* К проблеме взаимоотношения скифов с меотами (по данным новых раскопок Келермесского курганного могильника) // СА. 1985. № 3. С. 156–165.
- Галанина Л.К.* Шлемы кубанского типа (вопросы хронологии и происхождения) // Культурное наследие Востока / Отв. ред. Ю.В. Бромлей. Л.: Наука, 1985. С. 169–183.
- Галанина Л.К.* Келермесские курганы / Степные народы Евразии. Т. I. М.: ИВИ, ЦСИДЦ, ГАИЕО, 1997. 269 с.
- Галанина Л.К., Алексеев А.Ю.* Новые материалы к истории Закубанья в раннескифское время // АСГЭ. 1990. Вып. 30. С. 34–54.
- Галимова М.Ш.* Кремневый и кварцитовый инвентарь населения Волго-Камья в предананьинское и ананьинское время // Археология евразийских степей. Вып. 20 / Отв. ред. С.В. Кузьминых, А.А. Чижевский. Казань: ИА АН РТ, ИА РАН: 2014. С. 187–191.
- Галимова М.Ш., Лыганов А.В., Хисяметдинова А.А., Гольева А.А., Бугров Д.Г., Аськеев И.В., Шаймуратова (Галимова) Д.Н., Аськеев О.В., Хейно М.Т., Аськеев А.О., ван дер Валк Т., Печнерова П., Дален Л., Аспи Й.* Пестречинские стоянки эпохи раннего металла и раннего железа в Нижнем Прикамье и их природное окружение / Археология Евразийских степей. 2019. № 4. 340 с.
- Гарустович Г.Н.* Погребения переходного периода от эпохи бронзы к раннему железному веку в Башкирском Зауралье // УАВ. 2000. Вып. 2. С. 123–128.
- Гарустович Г.Н., Савельев Н.С.* Исследование памятников эпохи бронзы – раннего железного века в горном течении р. Белой (к вопросу об этнокультурных реликтах на Южном Урале) // УАВ. 2004. № 5. С. 93–118.
- Гарустович Г.Н., Тагиров Ф.М.* Новые находки с Кипчаковского городища на северо-западе Башкортостана // УАВ. 2012. Вып. 12. С. 124–135.
- Гасилин В.В.* Фауна крупных млекопитающих Урало-

- Поволжья в голоцене. Дисс. ... канд. биол. наук. Екатеринбург, 2009. 323 с.
- Генинг В.Ф. Памятники харинского времени в Прикамье // КСИИМК. Вып. 57 / Отв. ред. А.Д. Удальцов. М.: АН СССР, 1955. С. 115–123.
- Генинг В.Ф. Археологические памятники Удмуртии. Ижевск: УКИ, 1958. 191 с.
- Генинг В.Ф. Городище Красная Горка у с. Елово // Отчеты К(В)АЭ. Вып. 1 / Отв. ред. С.В. Киселев. М.: ИА АН СССР, 1959в. С. 210–213.
- Генинг В.Ф. Могильник Качка // Отчеты К(В)АЭ. Вып. 1 / Отв. ред. С.В. Киселев. М.: ИА АН СССР, 1959г. С. 196–209.
- Генинг В.Ф. Осинское городище // Отчеты К(В)АЭ. Вып. 1 / Отв. ред. С.В. Киселев. М.: ИА АН СССР, 1959б. С. 164–195.
- Генинг В.Ф. Очерк этнических культур Прикамья в эпоху железа // Труды КФАН СССР. Сер. гуманитарные науки. Вып. 2. Казань: б.и., 1959. С. 182–219.
- Генинг В.Ф. Узловые проблемы изучения пьяноборской культуры // ВАУ. Вып. 4 / Отв. ред. В.Ф. Генинг. Свердловск: УрГУ, 1962. С. 5–52.
- Генинг В.Ф. Азелинская культура III–V вв. / ВАУ. Вып. 5. Ижевск-Свердловск: УрГУ, 1963. С. 7–144.
- Генинг В.Ф. Мазунинская культура в Среднем Прикамье // Памятники мазунинской культуры. ВАУ. Вып. 7 / Отв. ред. А.Ф. Медведев. Ижевск-Свердловск: УДИИЯЛ, УрГУ, 1967. С. 7–84.
- Генинг В.Ф. История населения Удмуртского Прикамья в пьяноборскую эпоху. Чегандинская культура III в. до н. э. – II в. н. э. Ч. I // ВАУ. Вып. 10. Ижевск-Свердловск: УрГУ, УДИИЯЛ, 1970. 255 с., XXX табл.
- Генинг В.Ф. История населения Удмуртского Прикамья в пьяноборскую эпоху. Ч. II. Археологические памятники чегандинской культуры // ВАУ. Вып. 11. Ижевск, 1971. 158 с.
- Генинг В.Ф. Этнический субстрат в составе башкир и его происхождение // АЭБ. Т. IV / Отв. ред. Ю.В. Бромлей, Р.Г. Кузеев. Уфа: БФАН, 1971. С. 44–54.
- Генинг В.Ф. Южное Приуралье в III–VII вв. н. э. (проблема этноса и его происхождение) // Проблемы археологии и древней истории угров / Отв. ред. А.П. Смирнов, В.А. Чернецов, И.Ф. Эрдели. М.: Наука, 1972. С. 221–295.
- Генинг В.Ф. Хронология поясной гарнитуры I тысячелетия н. э.: (по материалам могильников Прикамья) // КСИА. Вып. 158 / Отв. ред. И.Т. Кругликова. М.: Наука, 1979. С. 96–106.
- Генинг В.Ф. Этническая история Западного Приуралья на рубеже нашей эры: (Пьяноборская эпоха III в. до н. э. – II в. н. э.). М.: Наука, 1988. 240 с.
- Генинг В.Ф., Голдина Р.Д. Курганные могильники харинского типа в Верхнем Прикамье // ВАУ. Вып. 12 / Отв. ред. В.Ф. Генинг. Свердловск: УрГУ, 1973. С. 84–87.
- Генинг В.Ф., Оборин В.А. К вопросу о гляденовской культуре // УЗ ПГУ. Т. XII. Вып. 1. Пермь: Пермское кн. изд-во, 1960. С. 160–174.
- Генинг В.Ф., Совцова Н.И. О западносибирском компоненте в сложении ананьинской этнической общности / УЗ ПГУ. № 148 / Отв. ред. В.А. Оборин. Пермь: ПГУ, 1967. С. 51–71.
- Герасимов М.М. Восстановление лица по черепу (Современный и ископаемый человек) // ТИЭ АН СССР. Нов. серия 28. М.: АН СССР, 1955. 585 с.
- Герасимова М.М. Савроматский череп из Нижнего Поволжья // Советская антропология. 1958. № 1. С. 51–54.
- Геродот История в девяти книгах. Л.: Наука, 1972. 600 с.
- Гинзбург В.В. Этногенетические связи древнего населения Сталинградского Заволжья: (По антропологическим материалам Калиновского могильника) // МИА. № 60 / Отв. ред. Е.И. Крупнов. Л., 1959. С. 324–594.
- Гинзбург В.В., Фириштейн Б.В. Материалы к антропологии древнего населения Западного Казахстана // Сборник МАЭ. Т. XVIII. Л.: АН СССР, 1958. С. 390–427.
- Глазкова Н.М., Чтецов В.П. Палеоантропологические материалы Нижне-Волжского отряда Сталинградской экспедиции // МИА. № 78 / Отв. ред. Е.И. Крупнов, К.Ф. Смирнов. М.: АН СССР, 1960. С. 285–292.
- Глебов В.Н. Хронология раннесарматской и среднесарматской культур Нижнего Подонья // Сарматские культуры Евразии: проблемы региональной хронологии / Отв. ред. Б.А. Раев. Краснодар: б.и., 2004. С. 127–133.
- Глухов А.А. Сарматы междуречья Волги и Дона в I – первой половине II в. н. э. Волгоград: Волг. науч. изд-во, 2005. 238 с.
- Голдина Е.В., Голдина Р.Д. «Дальний импорт» Прикамья – своеобразное проявления процессов взаимодействия народов Евразии (VIII в. до н. э. – IX в. н. э.) // Голдина Е.В. Бусы могильников неволинской культуры (конец IV–IX вв.). Ижевск: УдГУ, 2010. С. 156–260.
- Голдина Р.Д. Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье. Иркутск: Иркут. ун-т, 1985. 280 с.
- Голдина Р.Д. Проблемы этнической истории пермских народов в эпоху железа (по археологическим материалам) // Проблемы этногенеза удмуртов / Отв. ред. М.Г. Атаманов. Устинов: УДИИЯЛ, 1987. С. 6–36.
- Голдина Р.Д. Особенности взаимодействия носителей археологических культур Прикамья в эпоху железа // Congressus septimus internationalis fenno-ugristarum, Debrecen 27.VIII – 2.IX.1990: Sessiones plenares diss. / Red. László Keresztes, Sándor Maticsák. Debrecen, 1990. С. 154–159.
- Голдина Р.Д. Тарасовский могильник I–V вв. на Средней Каме. Т. II. Иллюстрации / Науч. ред. В.А. Бернц. Ижевск: Удмуртия, 2003. 721 с.
- Голдина Р.Д. Древняя и средневековая история удмуртского народа. Ижевск: УдГУ, 2004. 420 с.
- Голдина Р.Д. Тарасовский могильник I–V вв. на Средней Каме. Т. I. Каталог погребений / Науч. ред. В.А. Бернц. Ижевск: Удмуртия, 2004. 319 с.
- Голдина Р.Д. Тарасовский могильник на Средней Каме и проблемы миграций в Волго-Камье (III–V вв.) //

- Stratum Plus. 2017. № 4. С. 295–356.
- Голдина Р.Д. Застежки с крючком Тарасовского могильника // Поволжская археология. 2018. № 1. С. 150–177.
- Голдина Р.Д. Расселение финно-пермян на Средней Каме в VIII в. до н. э. – II в. н. э. // Ежегодник финно-угорских исследований. Т. 14. Вып. 1 / Гл. ред. А.Е. Загребин. Ижевск: УдГУ, 2020. С. 304–323.
- Голдина Р.Д., Бернц В.А. Тураевский I могильник – уникальный памятник эпохи великого переселения народов в Среднем Прикамье (бескурганная часть) / МИКВАЭ. Т. 17. Ижевск: УдГУ, 2010. 499 с.
- Голдина Р.Д., Бернц В.А. Хронология мужских погребений III–V вв. Тарасовского могильника. Часть I // Поволжская археология. 2016а. № 3. С. 17–58.
- Голдина Р.Д., Бернц В.А. Хронология погребений I–II вв. Тарасовского могильника // Поволжская археология. 2016. № 1. С. 41–89.
- Голдина Р.Д., Бернц В.А. Хронология женских погребений III–V вв. Тарасовского могильника // Поволжская археология. 2017а. № 2. С. 47–72.
- Голдина Р.Д., Бернц В.А. Хронология мужских погребений III–V вв. Тарасовского могильника. Ч. II // Поволжская археология. 2017. № 1. С. 172–204.
- Голдина Р.Д., Водолаго Н.В. Могильники неволинской культуры в Приуралье. Иркутск: Иркут. ун-т 1990. 176 с.
- Голдина Р.Д., Колобова Т.А., Казанцева О.А., Митряков А.Е., Шаталов В.А. Тарасовское святилище раннего железного века в Среднем Прикамье / МИИКВАЭ. Т. 26. Ижевск: УдГУ, 2013. 184 с.
- Голдина Р.Д., Красноперов А.А. Ныргындинский I могильник II–III вв. на Средней Каме / МИКВАЭ. Т. 22. Ижевск: УдГУ, 2012. 364 с.
- Голдина Р.Д., Лецинская Н.А. О пьяноборской культурно-исторической общности // Археология Евразийских степей. 2018. № 1. С. 17–55.
- Голдина Р.Д., Перевоицков С.Е., Сабирова Т.М. О составе металла некоторых украшений Ныргындинского I могильника I–III вв. н. э. в Среднем Прикамье // Голдина Р.Д., Красноперов А.А. Ныргындинский I могильник II–III вв. на Средней Каме / МИИКВАЭ. Т. 22. Ижевск: УдГУ, 2012. С. 341–362.
- Голдина Р.Д., Сабиров Т.Р., Сабирова Т.М. Погребальный обряд Тарасовского могильника I–V вв. на Средней Каме. Т. III. Казань, Ижевск: ИА АН РТ, УдГУ, 2015. 297 с.
- Голдина Р.Д., Черных Е.М. Археологическая карта Каракулинского района Удмуртской Республики. Ижевск: УдГУ, 2011. 168 с.
- Голубева Ю.В. Палинологические исследования болот Синдорского геархеологического микрорайона // Каменный век европейского Севера / Отв. ред. А.В. Волокитин. Сыктывкар: ИЯЛИ КНЦ УрО РАН, 2007. С. 161–164.
- Голубева Ю.В. Палеогеография и палеоклимат позднеледниковья и голоцена в северной и средней подзонах тайги Тимано-Печоро-Вычегодского региона (по палинологическим данным). Дисс... канд. геол.-минералог. наук. Сыктывкар, 2010. 137 с.
- Голубева Ю.В., Буравская М.Н. Расчленение старичных отложений в обнажении Седкыркеш (среднее течение р. Вычегды) по результатам комплексного анализа // Фундаментальные проблемы квартера: итоги изучения и основные направления дальнейших исследований: Матер. VI Всерос. совещ. по изуч. четвертич. периода / Отв. ред. А.Э. Конторович. Новосибирск: СО РАН, 2009. С. 148–150.
- Гольмстен В.В. Отчет о раскопках Чортова городища в г. Уфе в 1910–1912 годы // НА УНЦ РАН. Ф. 3. Оп. 5. Д. 32. 43 л.
- Гольмстен В.В. Могильник близ г. Уфы. М.: Печ. А.И. Снегиревой, 1913. 30 с.
- Гольмстен В.В. Доисторическое прошлое Самарского края // Краеведение. Самара, 1924. С. 150–173
- Гольмстен В.В. Материалы по археологии Самарской губернии. 2. Керамика древних мест поселений Самарской Луки // Бюллетень общества археологии и истории, этнографии, естествознания при Самарском университете. 1925. № 3. С. 5–15.
- Гольмстен В.В. Раскопки кургана у хут. Истомина, бывший Котол, на старом русле р. Самарки близ ст. Безьянка Ташкентской железной дороги. Дневник 1925 г. // Архив ЛОИА. Фонд 44. Дело III.
- Гольмстен В.В. Археологические памятники Самарской губернии // Труды секции археологии РАНИОН. Вып. IV. М., 1928. С. 125–137.
- Гоняный М.И., Кренке Н.А. Структура расселения дьяковцев в бассейне р.Пахры // СА. 1988. № 3. С. 54–62.
- Горбунов В.С., Исмагилов Р.Б. Новые находки мечей и кинжалов саврамато-сарматского времени в Башкирии // СА. 1976. № 3. С. 229–247.
- Горизонтов И.П. Раскопка кургана близ гор. Саратова // Труды Саратовской Ученой Архивной Комиссии. Вып. 24. Саратов, 1908. С. 9–13.
- Городец В.А. Результаты археологических исследований 1898 года произведенных по берегам р. Оки в пределах Рязанской губернии // Археологические известия и заметки. Т.VII. Вып. 6–7. М.: Тип. А.И. Мамонтова, 1899. С. 181–201.
- Городец В.А. Результаты археологических исследований Троице-Пеленицкого городища-холмища в 1926 году / Исследования и материалы Средне-Окского музея. Вып. 5. Рязань, 1930. 36 с.
- Городец В.А. Старшее Каширское городище: (Результаты археологических исследований 1925–1926 гг.) // Известия ГАИМК. Вып. 85. М.-Л.: Гос. соц.-эконом изд-во, 1933. 106 с.
- Горюнова Е.И. Раскопки Теньгушевского и Нароватовского городищ в 1939 г. // КСИИМК. Вып. 5 / Отв. ред. С.Н. Бибииков. М.-Л.: АН СССР, 1940. С. 76–79.
- Горюнова Е.И. Теньгушевское городище (результаты археологических исследований 1939 года) // Записки МордНИИ. Вып. 9. Саранск, 1947. С. 170–199.
- Горюнова Е.И. Этническая история Волго-Окского междуречья / МИА. № 94. М.: АН СССР, 1961. 265 с.
- Готье Ю.В. Очерки по истории материальной культуры Восточной Европы до основания первого русского государства. Каменный век. Бронзовый век. Же-

- лезный век на юге России. Т. 1. Л.: Брокгауз-Ефрон, 1925. 271 с.
- Готье Ю.В.* Железный век в Восточной Европе. М.–Л.: Красный пролетарий, 1930. 280 с.
- Гохман И.М.* Угол поперечного изгиба лба и его значение для расовой диагностики // Вопросы антропологии. Вып. 8. 1961. С. 88–98.
- Граков Б.Н.* Курганы в окрестностях поселка Нежинского Оренбургского уезда по раскопкам 1927 г. // Труды секции археологии РАНИОН. Вып. IV. М., 1928. С. 145–155.
- Граков Б.Н.* ΓΥΝΑΙΚΟΚΡΑΤΟΥΜΕΝΟΙ: Пережитки матриархата у сарматов // ВДИ. 1947. № 3. С. 100–121.
- Граков Б.Н.* Пережитки матриархата у сарматов // ВДИ. 1947. № 3. С. 100–121.
- Граков Б.Н.* Литейное и кузнечное ремесло у скифов // КСИИМК. Вып. 22 / Отв. ред. А.Д. Удальцов. М.–Л.: АН СССР, 1948. С. 38–47.
- Граков Б.Н., Мелюкова А.И.* Об этнических и культурных различиях в степных и лесостепных областях Европейской части СССР в скифское время // Вопросы скифо-сарматской археологии / Отв. ред. Д.Б. Шелов. М.: АН СССР, 1954. С. 39–93.
- Гришаков В.В.* Керамика финно-угорских племен правобережья Волги в эпоху раннего средневековья. Йошкар-Ола: МарГУ, 1993. 204 с.
- Гришаков В.В.* Новые аспекты датирования Андреевского кургана в Нижнем Посурье (на примере бус) // Исследования П.Д. Степанова и этнокультурные процессы древности и современности / Отв. ред. Н.М. Арсентьев. Саранск: МордГУ, 1999. С. 30–36.
- Гришаков В.В.* Староардатовский I курган и его место в системе памятников андреевско-писеральского горизонта // Древности Окско-Сурского междуречья. Вып. 2 / Отв. ред. М.Ф. Жиганов. Саранск, 2000. С. 44–53.
- Гришаков В.В.* Наконечники стрел Андреевского кургана в контексте проблемы формирования памятника // Поволжье и сопредельные территории в средние века: сб. научных трудов / Труды ГИМ. Вып. 135 / Отв. ред. В.Л. Егоров, Ю.А. Зеленева. М.: ГИМ, 2002. С. 63–71.
- Гришаков В.В.* Хронология мордовских древностей III–IV вв. Верхнего Посурья и Примокшанья // Пензенский археологический сборник. Вып. 2 / Отв. ред. Г.Н. Белорыбкин. Пенза: ПИРО, 2008. С. 82–137.
- Гришаков В.В., Зубов С.Э.* Андреевский курган в системе археологических культур раннего железного века Восточной Европы / Археология евразийских степей. Вып. 7. Казань: ИИ АН РТ, 2009. 173 с.
- Гроздилов Г.П.* Жигулёвский массив // Археологические исследования в РСФСР в 1934–1936 годах / Ред. В.В. Гольмстен. М.; Л.: АН СССР, 1941. С. 145–147.
- Грязнов М.П.* Памятники маймирского этапа эпохи ранних кочевников на Алтае // КСИИМК. Вып. 18 / Отв. ред. А.Д. Удальцов. М.–Л.: АН СССР, 1947. С. 9–17.
- Грязнов М.П.* История древних племен верхней Оби // МИА. № 48. М.–Л.: АН СССР, 1956. 163 с.
- Грязнов М.П.* Северный Казахстан в эпоху ранних кочевников // КСИИМК. Вып. 61 / Отв. ред. А.Д. Удальцов. М.–Л.: АН СССР, 1956. С. 8–16.
- Грязнов М.П.* Аржан. Царский курган раннескифского времени. Л.: Наука, 1980. 62 с.
- Гугуев Ю.К.* О месте комплексов из могильников Кировский I, III, IV в системе памятников позднесарматской культуры // Сарматы и их соседи на Дону / Отв. ред. Ю.К. Гугуев. Ростов-на-Дону: Терра, 2000. С. 141–155.
- Гуляев В.И.* Зооморфные крючки скифского периода // Население Среднего Дона в скифское время // МИА. № 151 / Отв. ред. А.П. Смирнов. М.: Наука, 1969. С. 109–127.
- Гуляев В.И.* Культ медведя у населения Среднего Дона в скифскую эпоху В.И. Гуляев // XVIII Уральское археологическое совещание: культурные области, археологические культуры, археологические культуры, хронология / Ред. Г.Т. Обыденнова. Уфа: БГПУ, 2010. С. 198–199.
- Гуляев В.И.* Зооморфные металлические крючки скифского времени в Евразии: каталог и описание. М.: ИА РАН, 2016. 104 с.
- Гунова В.С., Кирьянова Н.А., Кренке Н.А., В.А. Низовцев, Спиридонова Е.А.* Земледелие и система землепользования в долине Москва-реки в железном веке // РА. 1996. № 4. С. 93–120.
- Гурина Н.Н.* Памятники эпохи бронзы и раннего железа в Костромском Поволжье (По материалам Горьковской экспедиции) // МИА. № 110 / Отв. ред. П.Н. Третьяков. М.–Л.: Наука, 1963. С. 85–204.
- Гусаков М.Г., Кузьминых С.В.* К вопросу о роли носителей «сетчатой» и «штрихованной» керамики в формировании культур лесной полосы Восточной Европы в раннем железном веке // КСИА. 2008. Вып. 222. С. 105–117.
- Гуцалов С.Ю.* Курган раннескифского времени на Илеке // Археологические памятники Оренбуржья / Отв. ред. Н.Л. Моргунова. Оренбург: Димур, 1998. С. 127–136.
- Гуцалов С.Ю.* Древние кочевники Южного Приуралья VII–I вв. до н. э. Уральск: Зап.-Казах. центр истории и археологии, 2004. 136 с.
- Гуцалов С.Ю.* О начальной дате среднесарматской культуры Южного Приуралья // Проблемы археологии Нижнего Поволжья: ТД. Волгоград: ВолГУ, 2004. С. 216–221.
- Гуцалов С.Ю.* Ярусные погребения Южного Приуралья // УАВ. 2004. Вып. 5. С. 135–152.
- Гуцалов С.Ю.* К проблеме стыка прохоровской и сусловской культур // Раннесарматская и среднесарматская культуры: проблемы соотношения. Вып. I / Отв. ред. В.М. Клепиков. Волгоград: Волг. науч. изд-во, 2006. С. 69–88.
- Гуцалов С.Ю.* Кочевники Южного Приуралья в системе культур скифского времени Восточной Европы: общее и особенное // Региональные особенности раннесарматской культуры: Материалы семинара Центра изучения истории и культуры сарматов. Вып. II / Отв. ред. И.В. Сергацков. Волгоград: Вол-

- ГУ, 2007. С. 83–96.
- Гуцалов С.Ю. Мечи и кинжалы кочевников Южного Приуралья в VI–I вв. до н. э. // Вооружение сарматов: региональная типология и хронология / Отв. ред.: Л.Т. Яблонский, А. Д. Таиров. Челябинск: ЮУрГУ, 2007. С. 11–15.
- Гуцалов С.Ю., Бисембаев А. А. Погребения предскифского времени с территории орско-илецких степей // Вопросы археологии Западного Казахстана. Вып. 2 / Отв. ред. С.Ю. Гуцалов. Актюбе, 2005. С. 78–82.
- Гуцалов С.Ю., Мамедов А.М., Китов Е.П. Погребальные комплексы могильника Уркач-I. Т. 2. Ч. 2 // Маргулановские чтения-2021. М-лы междунар. науч.-практ. конф. «Великая степь в контексте этнокультурных исследований» (г. Алматы, 26–27 октября 2021 г.). В 3-х т. / Отв. ред. Б.А. Байтанаев, Т.Б. Мамиров. Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2021. С. 73–84.
- Гуцалов, С.Ю., Марыксин, Д.В. Погребения из Западного Казахстана (К вопросу о связях древних кочевников Южного Приуралья с населением Центральной Азии) // ВДИ. 2011. № 3. С. 192–206.
- Давыдова А.В., Миняев С.С. Новые находки наборных поясов в Дырестуйском могильнике // Археологические вести. № 2. СПб.: Гелла, 1993. С. 55–65.
- Данукалова Г.А. Стратиграфическое расчленение верхнечетвертичных отложений Южноуральского региона // Геологический сборник. № 8 / ИГ УНЦ РАН. Уфа: Дизайн-Полиграф-Сервис, 2009. С. 40–48.
- Данукалова Г.А., Яковлев А.Г., Алимбекова Л.И., Морозова (Осипова) Е.М. Биктимировское городище: характеристика природной среды времени формирования культурного слоя // УАВ. 2004. Вып. 5. С. 11–15.
- Дараган М.Н. Начало раннего железного века в Днепровской Правобережной лесостепи. Киев: КНТ, 2011. 848 с.
- Дашевская О.Д. Поздние скифы (III в. до н. э. – III в. н. э.) // Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время / Археология СССР / Отв. ред. А.И. Мелюкова, М.Г. Мошкова. М.: Наука, 1989. С. 125–145.
- Дашевская О.Д. Поздние скифы в Крыму. САИ. Вып. Д1-7. М.: Наука, 1991. 140 с.
- Две стоянки первобытных людей на Печоре (Республика) <https://illhkomisc.ru/dve-stoyanki-pergovbytnykh-lyudej-na-pechore-respublika-14-08-2020>
- Дворниченко В.В., Коренько В.А. Предшественники савроматов в Волго-Донском междуречье, Заволжье и Южном Приуралье // Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время / Археология СССР / Отв. ред. А.И. Мелюкова, М.Г. Мошкова. М.: Наука, 1989. С. 148–152.
- Дворниченко В.В., Федоров-Давыдов Г.А. Сарматское погребение скептуха I в. н. э. у с. Косика Астраханской области // ВДИ. 1993. № 3. 141–179.
- Дворниченко, В.В., Очир-Горяева М.А. Хошеутовский комплекс уздечных принадлежностей скифского времени на Нижней Волге // Сарматы и Скифия. Вып. 5 / Отв. ред. В.Е. Максименко. Азов: Книга, 1997. С. 9–116.
- Дебец Г.Ф. Материалы по палеоантропологии СССР: Нижнее Поволжье // АЖ. 1936. № 1. С. 65–81.
- Дебец Г.Ф. Палеоантропология СССР / ТИЭ. Т. 17. М.-Л.: АН СССР, 1948. 391 с.
- Дедков А.П. Основные черты развития рельефа [Поволжья и Прикамья]. Геоморфологическое районирование // А.П. Дедков. Избранные труды. Казань: КГУ, 2008. С. 397–409.
- Демкин В.А., Демкина Т.С., Хомутова Т.Э., Ельцов М.В., Усольцев С.Н., Каширская Н.Н. Подкурганые палеопочвы нижневолжских степей как индикаторы динамики климата за истекшее время // Поволжская археология. 2013. № 2. С. 126–142.
- Денисов А.В., Мышкин В.Н. Клиновое оружие населения бассейна р. Самары в VII–IV вв. до н. э. // НАВ. Вып. 9. Волгоград, 2008. С. 62–75.
- Денисов А.В., Седова М.С., Хохлов А.А. Сарматские погребения курганного могильника Иргиз I на юге Самарской области // Археология ранних кочевников Евразии / Отв. ред. В.Н. Мышкин. Самара: Книжное изд-во, 2018. С. 121–139.
- Денисов В.П. Итоги изучения памятников эпохи поздней бронзы в Прикамье // ВАУ. Вып. 1 Отв. ред. В.Ф. Генинг. Свердловск: УрГУ, 1961. С. 66–75.
- Денисов В.П. Культуры эпохи бронзы в Верхнем и Среднем Прикамье и их роль в формировании ананьинской культуры // УЗ ПГУ. № 148 / Отв. ред. В.А. Оборин. Пермь: ПГУ, 1967. С. 29–50.
- Денисов В.П. Заурчимское VI поселение – памятник раннего железного века в Среднем Прикамье // УЗ ПГУ. № 191. Пермь: ПГУ, 1968. С. 49–71.
- Диодор Историческая библиотека / Латышев В.В. Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе // ВДИ. 1947. № 4. С. 169–289.
- Дмитриев П.А., Сальников К.В. Гор. Уфа – ст. Ишимбаево // Археологические исследования в РСФСР в 1934–1936 гг. / Отв. ред. В.В. Гольмстен. М.-Л.: АН СССР, 1941. С. 131–145.
- Добжанский В.В. Наборные пояса кочевников Азии. Новосибирск: НГУ, 1990. 162 с.
- Долгих Б.О. О похоронном обряде кетов // СА. 1961. № 3. С. 102–112.
- Древности губернии Вятской // Журнал министерства внутренних дел. Ч.5. СПб., 1844. С. 511–516.
- Древности Нижнего Поволжья: Итоги работ Сталинградской археологической экспедиции. Т. I // МИА. № 60 / Отв. ред. Е.И. Крупнов. М.: АН СССР, 1959. 598 с.
- Древности Нижнего Поволжья: Итоги работ Сталинградской археологической экспедиции. Т. II // МИА. № 78 / Отв. ред. Е.И. Крупнов, К.Ф. Смирнов. М.: АН СССР, 1960. 309 с.
- Дремов И.И. Отчет об охранно-спасательных археологических раскопках на территории объекта археологического наследия Турбаслы-7, селище в Благовещенском районе Республики Башкортостан в 2019 г. Липецк, 2019. В 4 т. Том 1. 247 с. // Архив фонда археологии ГБУКИ РБ Национальный музей Респу-

- блики Башкортостан.
- Дубман Э.Л., Матвеев В.И., Мышкин В.Н., Соловьева В.В. Некоторые особенности хозяйственного использования степных пастбищ Самарского Заволжья скотоводческими племенами в VI–I вв. до н. э. (опыт реконструкции по данным письменных источников о хозяйстве кочевников XIII–XIV вв. и XVI – первой половины XVIII в.) // Краеведческие записки. Вып. XI. Самара: Файн Дизайн, 2003. С. 46–81.
- Дьяченко А.Н., Мейб Э., Скрипкин А.А., Клепиков В.М. Археологические исследования в Волго-Донском междуречье // НАВ. 1999. Вып. 2. С. 93–126.
- Дэвлет М.А. Из истории освоения металлургии железа на среднем Енисее // СА. 1968. № 1. С. 28–38.
- Дэвлет М.А. Сибирские поясные ажурные пластины II в. до н. э. – I в. н. э. // САИ. Вып. Д 47. М.: Наука, 1980. 66 с.
- Евразия в скифскую эпоху: радиоуглеродная и археологическая хронология / Ред. Г.И. Зайцева, Н.А. Бокоченко, А.Ю. Алексеев и др. СПб.: ИИМК, 2005. 290 с.
- Егеров В.В. Стоянка каменного века у деревни Христоворовки, Спасского кантона // ИОАИЭ. Т. XXIII. Вып. I. 1925. С. 153.
- Егорейченко А.А. Культура штрихованной керамики. Минск: БГУ, 2006. 207 с.
- Егорейченко А.А. О времени перехода от эпохи бронзы к железному веку в лесной полосе Восточной Европы // Переход от эпохи бронзы к эпохе железа в Северной Евразии / Отв. ред. В.А. Алексин, В.С. Бочкарев. СПб.: ИИМК, 2011. С. 74–80.
- Еловичева Я.К. История развития природной среды поздне- и послеледниковья Пермской области // Карбонатная гажа СССР. Пермь: Перм. политех. ин-т, 1991. С. 66–78.
- Епимахов А.В. «Темные века» эпохи бронзы Южного Зауралья // РА. 2010. № 2. С. 39–50.
- Епимахов А.В., Епимахова М.Г. Случайные находки бронзового века с территории Челябинской области // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. Серия I. Исторические науки. 2005. № 3. С. 75–83.
- Епимахов А.В., Таиров А.Д. К вопросу о переходе от бронзового к раннему железному веку в Урало-Иртышском междуречье (степь и лесостепь) // Российский археологический ежегодник. № 3 / Ред. Л.Б. Вишняцкий. СПб.: Университетский издательский консорциум, 2013. С. 212–232.
- Ермолаев О.П., Игонин М.Е., Бубнов А.Ю., Павлова С.В. Ландшафты Республики Татарстан. Региональный ландшафтно-экологический анализ. Казань: Слово. 2007 г. 411 с.
- Ефименко П.П. До питання про джерела культури пізньої бронзи на території Волго-Кам'я // Археологія. Т. II. Київ: АН УССР, 1948. С. 3–43.
- Ефимова С.Г. К краииологии раннего железного века Волго-Камья // Вопросы антропологии. 1991. Вып. 67. С. 64–73.
- Ефимова С.Г. Палеоантропология Поволжья и Приуралья. М.: МГУ, 1991. 95 с.
- Ефимова С.Г. «Савроматы» и ранние сарматы по антропологическим материалам из Лебедевского курганного комплекса // Б.Ф. Железчиков, В.М. Клепиков, И.В. Сергацков. Древности Лебедевки (VI–II вв. до н. э.). М.: Восточная литература, 2006. С. 133–148.
- Железчиков Б.Ф. Савроматы и ранние сарматы (некоторые итоги исследования). // Древняя и средневековая история Нижнего Поволжья / Отв. ред. А.С. Скрипкин. Саратов: Саратов. ун-т, 1986. С. 54–65.
- Железчиков Б.Ф. Население степей Южного Урала в середине I тысячелетия до н. э. // Россия и Восток: проблемы взаимодействия: материалы конф. Ч. 5. Кн. 2. Челябинск: ЧелГУ, 1995. С. 30–32.
- Железчиков Б.Ф. Анализ сарматских погребальных памятников IV–III вв. до н. э. // Статистическая обработка погребальных памятников Азиатской Сарматии. Вып. II. Раннесарматская культура (IV–I вв. до н. э.) / Отв. ред. М. Г. Мошкова. М.: ИА РАН, 1997. С. 51–74.
- Железчиков Б.Ф. Ранние кочевники Южного Приуралья и Нижнего Поволжья в VI–II вв. до н. э. Научный доклад Дисс. ... докт. ист. наук. М., 1997а. 56 с.
- Железчиков Б.Ф., Клепиков В.М., Сергацков И.В. Древности Лебедевки (VI–II вв. до н. э.). М.: Восточная литература, 2006. 159 с.
- Железчиков Б.Ф., Пшеничнюк А.Х. Племена Южного Приуралья в VI–II вв. до н. э. // Проблемы истории и культуры сарматов: ТД / Ред. А.С. Скрипкин. Волгоград: ВолГУ, 1994. С. 5–8.
- Железчиков Б.Ф., Пятых Г.Г. Среднесарматские погребения I Сорочинского могильника (Оренбургская область) // СА. 1981. № 2. С. 271–276.
- Железчиков Б.Ф., Сергацков И.В., Скрипкин А.С. Древняя история Нижнего Поволжья по письменным и археологическим источникам. Волгоград: ВолГУ, 1995. 124 с.
- Жуйкова И.А. Этапы эволюции природной среды Вятского края в позднеледниковье и в голоцене: По результатам спорово-пыльцевого анализа. Автореф. дисс. ... канд. геогр. наук. М., 1999. 18 с.
- Жуков Б.С. Человек Ветлужского края // Производительные силы Нижегородской губернии / Труды второй губернской конференции по изучению производительных сил Нижегородской губернии. Вып. III / Ред. А.М. Горбачев и др. Новгород: Нижполиграф, 1926. С. 239–256.
- Жульников А.М. Поселения эпохи раннего металла Юго-Западного Прибеломорья. Петрозаводск: Паритет, 2005. 310 с.
- Жульников А.М. Западное Беломорье в эпоху раннего железа: динамика межкультурного взаимодействия // СА. 2008. № 4. С. 34–42.
- Журавлева Г.Н. Народонаселение Среднего Прикамья в пьяноборскую эпоху (опыт палеодемографических реконструкций) // Социально-исторические и методологические проблемы древней истории Прикамья / Отв. ред. В.И. Бацекало. Ижевск: УдГУ, 2002. С. 131–156.
- Журавлева Г.Н. Предварительные итоги изучения

- Нырғындинского II могильника по раскопкам В.Ф. Генинга // Поволжская археология. 2014. № 1. С. 69–91.
- Завьялов В.И., Розанова Л.С., Терехова Н.Н.* История кузнечного ремесла финно-угорских народов Поволжья и Приуралья. К проблеме этнокультурного взаимодействия. М.: Знак, 2009. 262 с.
- Зайковский Б.В.* К докладам И.П. Горизонтова и Ф.И. Чернова // Труды Саратовской Ученой Архивной Комиссии. Вып. 24. Саратов, 1908. С. 18–19.
- Зарецкая Н.Е., Волокитин А.В., Карманов В.Н., Успенская О.Н.* Новые данные о радиоуглеродной хронологии и палеогеографии Синдорского геологического микрорайона // Каменный век европейского Севера / Отв. ред. А.В. Волокитин. Сыктывкар: ИЯЛИ КНЦ УрО РАН, 2007. С. 148–160.
- Зарецкая Н.Е., Панин А.В., Сидорчук А.Ю., Буравская М.Н., Чернов А.В.* Динамика верхней Вычегды во второй половине голоцена (по аналитическим и геоморфологическим данным) // Фундаментальные проблемы квартара: итоги изучения и основные направления дальнейших исследований. Материалы V всероссийского совещания по изучению четвертичного периода / Ред.: Ю.А. Лаврушин, И.М. Хорева, И.А. Чистякова. М.: ГЕОС, 2007. С. 130–133.
- Засецкая И.П.* Бронзовые бляшки с изображением свернувшегося в круг хищника из савроматского погребения // СГЭ. Вып. XLIV. Л.: 1979. С. 42–44.
- Збруева А.В.* Пижемское городище // ИГАИМК. Вып. 106 / Ред. О.Н. Бадер. М.-Л.: Гос. соц.-экон. изд-во, 1935. С. 265–297.
- Збруева А.В.* К вопросу о происхождении ананьинской культуры // Антропологический журнал. 1936. № 4. С. 414–427.
- Збруева А.В.* Ананьинский могильник // СА. 1937. Т. II. С. 95–111.
- Збруева А.В.* К вопросу о появлении домашних животных в Прикамье // СА. 1937. Т. III. С. 33–53.
- Збруева А.В.* Дневник раскопок на Царевом кургане Красноярского района Куйбышевской области. Куйбышев, 1938 // Архив СОИМК им. П.В. Алабина, ф. VII. 6.1, д. 169/1938.
- Збруева А.В.* Галкинское городище // МИА. № 1 / Ред. П.Н. Третьяков. М.-Л.: АН СССР, 1940. С. 83–99.
- Збруева А.В.* Свиногорское городище // МИА. № 1 / Ред. П.Н. Третьяков. М.-Л.: АН СССР, 1940. С. 100–110.
- Збруева А.В.* Происхождение ананьинской культуры // КСИИМК. Вып. 9 / Отв. ред. С.Н. Бибиков. М.-Л.: АН СССР, 1941. С. 37–42.
- Збруева А.В.* Городище Грохань // КСИИМК. Вып. 16 / Отв. ред. А.Д. Удальцов. М.-Л.: АН СССР, 1947а. С. 52–64.
- Збруева А.В.* Луговской могильник // ТИЭ. Нов. серия. Т. 2. М.-Л.: АН СССР, 1947б. С. 257–281.
- Збруева А.В.* О датировке акинака из Луговского могильника // КСИИМК. Вып. 15 / Отв. ред. А.Д. Удальцов. М.-Л.: АН СССР, 1947. С. 141–145.
- Збруева А.В.* Камская экспедиция в 1946 году // КСИИМК. Вып. 20 / Отв. ред. А.Д. Удальцов. М.-Л.: АН СССР, 1948а. С. 50–57.
- Збруева А.В.* Памятники эпохи бронзы в Западном Приуралье и Ананьинская культура // Первое Уральское археологическое совещание (20–25 апреля 1947 г.): ТД / Отв. ред. Р.В. Мерцелин. Молотов: Молотовский ГУ, 1948. С. 27–31.
- Збруева А.В.* Камская экспедиция // КСИИМК. Вып. 26 / Отв. ред. А.Д. Удальцов. М.-Л.: АН СССР, 1949. С. 40–44.
- Збруева А.В.* История населения Прикамья в ананьинскую эпоху / МИА. № 30. М.: АН СССР, 1952. 326 с.
- Збруева А.В.* Памятники поздней бронзы в Прикамье // КСИИМК. Вып. 32 / Отв. ред. А.Д. Удальцов. М.-Л.: АН СССР, 1950. С. 70–84.
- Збруева А.В.* Гулькинский могильник // МИА. № 32 / Отв. ред. А.П. Смирнов. М.: АН СССР, 1954. С. 247–258.
- Збруева А.В.* Культуры эпохи поздней бронзы в Прикамье в связи с вопросом о сложении ананьинской культуры // СА. 1957. № 2. С. 26–46.
- Збруева А.В.* Памятники эпохи поздней бронзы в Приказанском Поволжье и Нижнем Прикамье // Труды Куйбышевской археологической экспедиции. Т. III / МИА. № 80 / Отв. ред. А.П. Смирнов. М.: АН СССР, 1960. С. 10–95.
- Збруева А.В., Смирнов А.П.* Археологические исследования на строительстве Куйбышевского гидроузла // ВДИ. 1939. № 4. С. 192–200.
- Зеленев Ю.А.* Грунтовые могильники волжских финнов и некоторые проблемы этнической истории // Этногенез и этническая история марийцев / АЭМК. Вып. 14 / Ред. Г.А. Архипов. Йошкар-Ола: МарНИИ. 1988. С. 79–86.
- Зеленин Д.К.* Этнографические сведения об удельных крестьянах пригородных деревень Елабужского уезда. (Труд священника гор. Елабуги 1849 года, Михаила Ардашева) // Известия общества изучения Прикамского края. Вып. 1. Сарапул: Тип. паевого изд-ва газеты «Кама», 1917. С. 1–8.
- Зубов С.Э.* Научный отчет об археологических работах на Кипчаковском I могильнике в Илишевском районе Республики Башкортостан в 1992 году (Открытый лист № 515 от 29 июня 1992 г., форма № 4). Самара, 1993.
- Зубов С.Э.* К проблеме этнокультурной интерпретации памятников андреевско-писеральского типа // Исследования П.Д. Степанова и этнокультурные процессы древности и современности / Отв. ред. Н.М. Арсентьев. Саранск: МГУ им. Н.П. Огарева, 1999. С. 44–51.
- Зубов С.Э.* Кипчаковский культурно-хронологический горизонт в системе пьяноборской культуры // УАВ. Вып. 6–7. Уфа: Гилем, 2007. С. 72–88.
- Зубов С.Э.* Ранние палашы Волго-Уралья // Вооружение сарматов: региональная типология и хронология / Отв. ред. Л.Т. Яблонский, А.Д. Таиров. Челябинск: ЮУрГУ, 2007а. С. 124–133.
- Зубов С.Э.* Пьяноборская культура // История башкирского народа. В 7 т. Т. 1 / Отв. ред. М.М. Кульшарипов. М.: Наука, 2009. С. 255–267.

- Зубов С.Э. Военная структура кара-абызского общества (по материалам Охлебининского могильника) // XVIII Уральское археологическое совещание: культурные области, археологические культуры, археологические культуры, хронология хронология / Ред. Г.Т. Обыденнова. Уфа: БГПУ, 2010. С. 208–213.
- Зубов С.Э. Новые элементы погребальной обрядности раннепьяноборского населения в низовьях р. Белой (по материалам раскопок Кипчаковского курганно-грунтового могильника в 2006 году) // УАВ. 2010. Вып. 10. С. 64–84.
- Зубов С.Э. Воинские миграции римского времени в Среднем Поволжье (I–III вв.). Saarbrücken: LAP LAMBERT, 2011. 201 с.
- Зубов С.Э. О военной структуре среднебельских племен раннего железного века (по материалам Охлебининского могильника) // УАВ. 2012. Вып. 12. С. 108–123.
- Зубов С.Э. История изучения памятников писеральско-андреевского типа // Археология Евразийских степей. 2018. № 1. С. 9–16.
- Зубов С.Э., Лифанов Н.А., Радюш О.А. Новые памятники писеральско-андреевского типа I–III вв. н. э. на территории Нижегородской области (предварительное сообщение) // Вояджер: мир и человек. 2011. № 1. С. 13–30.
- Зубов С.Э., Михеев А.В. Этнокультурные процессы в Западном Поволжье на рубеже раннего железного века и раннего средневековья (проблемы хронологии и этнической атрибуции памятников писеральско-андреевского типа) // Южный Урал и сопредельные территории в скифо-сарматское время / Отв. ред. Г.Т. Обыденнова, Н.С. Савельев. Уфа: Гилем, 2006. С. 204–225.
- Зубов С.Э., Саттаров Р.Р. Наконечники стрел пьяноборской культуры как хронологические маркеры (по материалам погребальных комплексов Кипчаковского I курганно-грунтового могильника) // XXI Уральское археологическое совещание / Председ. ред. А.А. Выборнов. Самара: СГСПУ, 2018. С. 210–214.
- Зудина В.Н. О состоянии изученности культур оседлого населения раннего железного века в Самарском Поволжье // 40 лет Средневожской археологической экспедиции / Краеведческие записки. Вып. XV / Отв. ред. Л.В. Кузнецова. Самара: Офорт, 2010. С. 101–110.
- Зуев В.Ю. Прохоровские курганы в Южном Приуралье и проблема хронологии раннесарматской культуры. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. СПб., 1999. 26 с.
- Зыков А.П. Об этнокультурной ситуации в Среднем Прикамье в эпоху великого переселения народов // УАВ. 2011. Вып. 11. С. 66–80.
- Зыков А.П., Ковригин А.А. Щит и меч Отчизны. Оружие Урала с древнейших времен до наших дней / Гл. ред. А.В. Сперанский. Екатеринбург: Раритет, 2008. 466 с.
- Иванов В.А. Глиняные антропоморфные фигурки ананьинско-пьяноборского времени из северо-западной Башкирии // СА. 1976. № 3. С. 308–312.
- Иванов В.А. Некоторые предварительные замечания о хронологии и периодизации культуры курмантау // Неолит и бронзовый век Поволжья и Приуралья / Научные труды КГПИ. Т. 220 / Ред. С.Г. Басин и др. Куйбышев: КГПИ, 1977. С. 94–102.
- Иванов В.А. Население Нижней и Средней Белой в ананьинскую эпоху. Дисс... канд. ист. наук. Уфа, 1978. 157 с., 50 илл.
- Иванов В.А. Население нижней и средней Белой в ананьинскую эпоху. Автореф. дис. ... канд. ист. н-к. Уфа, 1978а. 20 с.
- Иванов В.А. Оборонительные сооружения городищ эпохи раннего железа на северо-западе Башкирии // СА. 1978. № 1. С. 166–177.
- Иванов В.А. Культурные связи оседлых племен Приуралья с кочевниками великого пояса степей в эпоху раннего железа (к постановке проблемы) // Скифо-сибирское культурно-историческое единство / Отв. ред. А.И. Мартынов. Кемерово: КемГУ, 1980. С. 74–84.
- Иванов В.А. Городище Петер-Тау (Юлдашевское) // СА. 1982. № 3. С. 199–209.
- Иванов В.А. Проблема культуры курмантау // Приуралье в эпоху бронзы и раннего железа / Ред. В.А. Иванов, А.Х. Пшеничнюк. Уфа, 1982. С. 52–77.
- Иванов В.А. Рец. на: А.Х. Халиков. Волго-Камье в начале эпохи раннего железа (VIII–VI вв. до н. э.). М.: Наука, 1977 // СА. 1983. № 2. С. 264–270.
- Иванов В.А. Вооружение и военное дело финно-угров Приуралья в эпоху раннего железа (I тыс. до н. э. – I тыс. н. э.). М.: Наука, 1984. 88 с.
- Иванов В.А. О времени функционирования могильников эпохи раннего железа в Приуралье // Древности Среднего Поволжья / Отв. ред. Г.И. Матвеева. Куйбышев: Куйбышев. ун-т, 1985. С. 85–99.
- Иванов В.А. Существовала ли финно-угорская общность в Приуралье в эпоху раннего железа // Проблемы происхождения народов уральской языковой семьи: ТД / Ред. В.В. Напольских, Л.А. Наговицын. Ижевск, 1991. С. 7–8.
- Иванов В.А. Городище Серёнькино – памятник пьяноборской культуры в низовьях р. Белой // УАВ. 2003. Вып. 4. С. 199–207.
- Иванов В.А. Очерк истории изучения памятников ананьинской эпохи в бассейне реки Белой // УАВ. № 10. 2010. С. 12–21.
- Иванов В.А. Культура раннего железного века Прикамья и Предуралья: взгляд из третьего тысячелетия // УАВ. 2021а. Т. 21. № 1. С. 89–97.
- Иванов В.А. Сравнительно-типологическая характеристика керамики культур эпохи раннего железа Прикамья и Предуралья (к проблеме их генетической преемственности) // Археология Евразийских степей. 2021. № 2. С. 207–220.
- Иванов В.А., Заикина Н.А., Проценко А.С. Таш-Елгинский могильник // АрхЛаб. Археология Урала: время, памятники, люди. Вып. 3 / Отв. ред. Р.Р. Русланова. Уфа: БашГУ, 2018. С. 58–68.
- Иванов В.А., Обыденнов М.Ф. Археология города Уфы. Очерки древней и средневековой истории и

- культуры города. Уфа: Юрика, 2001. 184 с.
- Иванов В.А., Проценко А.С.* Погребальный обряд как индикатор генетической преемственности культур эпохи раннего железного века Прикамья и Предуралья // Археология Евразийских степей. 2017. № 1. С. 117–129.
- Иванова Н.Г.* К истории развития лесов Кировского Заволжья в голоцене // Палинология голоцена / Отв. ред. М.И. Нейштадт. М.: Институт географии, 1971. С. 105–111.
- Иванчик А.И.* Киммерийцы и скифы / Степные народы Евразии. Т. II. М.: Палеограф, 2001. 324 с.
- Игнатъев Р.Г.* Курганы и городища Оренбургского края // Труды I АС. М.: В синодальной Типографии, 1871. С. 153–158.
- Иессен А.А.* К вопросу о памятниках VIII–VII вв. до н. э. на юге Европейской части СССР // СА. 1953. Т. XVIII. С. 49–110.
- Ильинская В.А.* Курганы скифского времени в бассейне р. Суллы (по раскопкам И.А. Линниченко) // КСИ-ИМК. Вып. 54 / Отв. ред. А.Д. Удальцов. М.: АН СССР, 1954. С. 24–41.
- Ильинская В.А.* Памятники скифского времени в бассейне р. Пселл // СА. 1957. Т. XXVII. С. 232–249.
- Иллінська В.А.* Скіфські сокири // Археологія. Т. XII. Київ: Наукова Думка, 1961. С. 27–52.
- Иллінська В.А.* Скіфська вузда VI ст. до н.э. (за матеріалами Посулля) // Археологія. Т. XIII Київ: Наукова Думка, 1961а. С. 38–61.
- Иллінська В.А.* Про скіфські навершники // Археологія. Т. XV. Київ: Наукова Думка, 1963. С. 33–60.
- Ильинская В.А.* Навершия из Майкопского и Новочеркасского музеев // СА. 1967. № 4. С. 295–301.
- Ильинская В.А.* Скифы днепровского лесостепного левобережья (курганы Посулья). Киев: Наукова думка, 1968. 267 с.
- Ильинская В.А.* Раннескифские курганы бассейна р. Тясмин (VII–VI вв. до н. э.). Киев: Наукова думка, 1975. 224 с.
- Ильинская В.А., Тереножкин А.И.* Киммерийское время // Археология Украинской ССР. Т. 2 / Скифо-сарматская античная археология / Отв. ред. С.Д. Крыжицкий. Киев: Наукова думка, 1986. С. 18–42.
- Ильинская В.А., Тереножкин А.И.* Скифия VII–IV вв. до н. э. Киев: Наукова думка, 1983. 379 с.
- Ильюков Л.С.* Позднесарматские курганы левобережья реки Сал // Сарматы и их соседи на Дону / Отв. ред. Ю.К. Гугуев. Ростов-на-Дону: Терра, 2000.
- Исаченко А.Г.* Ландшафты СССР. Л.: ЛГУ, 1985. 320 с.
- Исаченко А.Г., Шляпников А.А.* Ландшафты. М.: Мысль, 1989. 504 с.
- Исмагилов Р.Б.* Меч скифского типа: истоки происхождения // Скифо-сибирское культурное единство / Отв. ред. А.И. Мартынов. Кемерово: КемГУ, 1980. С. 85–95.
- Исмагилов Р.Б.* Приуральские акинаки с навершием в виде ушастого грифона и хищного животного // СА. 1980а. № 1. С. 219–228.
- Исмагилов Р.Б.* Погребение Большого Гумаровского кургана в Южном Приуралье и проблема происхождения скифской культуры // АСГЭ. 1988. Вып. 29. С. 29–47.
- Исмагилов Р.Б.* Клинковое оружие эпохи ранних кочевников из Южного Приуралья (случайные находки) // УАВ. 2001. Вып. 3. С. 117–147.
- Исмагилов Р.Б., Скарбовенко В.А.* Новые находки савроматского оружия в междуречье Волги и Урала // Средневожская археологическая экспедиция / Отв. ред. Г.И. Матвеева. Куйбышев: КГУ, 1977. С. 77–92.
- Истомина Т.В.* Жертвенные комплексы средневековых могильников Приуралья как этнический определитель // Проблемы этногенетических исследований Европейского Северо-Востока / Отв. ред. Р.Ф. Итс. Пермь: ПГУ, 1982. С. 78–87.
- История растительного покрова северной части Среднего Поволжья в плиоцене и антропогене / Ред. Е.Л. Любарский. Казань: КГУ, 1980. 120 с.
- Итина М.А.* Ранние саки Приаралья // Степная полоса азиатской части СССР в скифо-сарматское время / Археология СССР / Отв. ред. М.Г. Мошкова. М.: Наука, 1992. С. 31–47.
- Итина М.А., Яблонский Л.Т.* Саки Нижней Сырдарьи: (По материалам могильника Южный Тагискен). М.: Росспэн, 1997. 187 с.
- Ишмуратова Г.Р.* Приказанская и ананьинская керамика поселения Курган // Труды IV Уральского археологического совещания / УЗ ПГУ. № 148 / Отв. ред. В.А. Оборин. Пермь: ПГУ, 1967. С. 101–109.
- Ишмуратова Г.Р.* Керамика ананьинских поселений западных районов Татарии // СА. 1975. № 1. С. 51–64.
- Кавказ и Дон в произведениях античных авторов. Ростов-на-Дону: Русская энциклопедия, 1990. 399 с.
- Кадырбаев М.К.* Памятники тасмолинской культуры // Маргулан А.К., Акишев К.А., Кадырбаев М.К., Оразбаев А.М. Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата: Наука, 1966. С. 303–433.
- Кадырбаев М.К.* Некоторые итоги и перспективы изучения археологии раннежелезного века Казахстана // Новое в археологии Казахстана / Отв. ред. М. К. Кадырбаев. Алма-Ата: Наука, 1968. С. 21–36.
- Кадырбаев М.К., Курманкулов Ж.К.* Захоронение воинов савроматского времени на левобережье р. Илек // Прошлое Казахстана по археологическим источникам / Отв. ред. К.А. Акишев. Алма-Ата: Наука, 1976. С. 137–156.
- Казаков Е.П.* Измерский VII могильник // Памятники древней истории Волго-Камья / Отв. ред. П.Н. Старостин. Казань: ИЯЛИ, 1994. С. 104–123.
- Казаков Е.П., Старостин П.Н., Халиков А.Х.* Деуковский II могильник // Отчеты Нижнекамской археологической экспедиции. Вып. 1 / Отв. ред. О.Н. Бадер. М.: Знание, 1972. С. 105–121.
- Казанский М.М.* Пряжки раннесасанидской традиции в Северной Евразии // Первобытная археология. Человек и искусство / Отв. ред. Р. С. Васильевский. Новосибирск: Наука, 2002. С. 193–197.
- Казанцева О.А.* Кудашевский могильник – памятник эпохи великого переселения народов в Среднем

- Прикамье // Удмуртской археологической экспедиции – 50 лет / Отв. ред. М.Г. Иванова. Ижевск: УДИ-ИЯЛ УрО РАН, 2004. С. 132–139.
- Казанцева О.А.* Красноярский могильник I–V вв. н. э. в бассейне р. Тулвы Среднего Прикамья / МИКВАЭ. Т. 24. Ижевск: УдГУ, 2012. 180 с.
- Казанцева О.А.* Наборные изделия из бус могильника Кудашевский I III–V веков // Вестник Пермского университета. История. 2014. № 1 (24). С. 83–89.
- Казанцева О.А., Нагиев З.Ш.* Погребение тяжеловооруженного всадника в Кудашевском I могильнике // Поволжская археология. 2017. № 2. С. 73–90.
- Каликов В.Н., Васкул И.О.* ЛМА-анализ изделий из цветных металлов из раскопок Шиховского могильника // История и философия минералогии: Материалы II Международного минералогического семинара / Отв. ред. Н.П. Юшкин. Сыктывкар: Геопринт, 1999. С. 105–106.
- Калинин Н.Ф.* Казанская стоянка // Историко-археологический сборник / Ред. А.П. Смирнов. М.: НИИ КИМР, 1948. С. 179–186.
- Калинин Н.Ф.* Древнейшие поселения на Татарии // Материалы по истории Татарии. Вып. I / Отв. ред. И.М. Климов. Казань: Татгосиздат, 1949. С. 22–60.
- Калинин Н.Ф., Халиков А.Х.* Итоги археологических работ за 1945–1952 гг. Казань: Таткнигоиздат, 1954. 126 с.
- Калинин Н.Ф., Халиков А.Х.* Поселения эпохи бронзы в приказанском Поволжье // МИА. № 42. Труды Куйбышевской археологической экспедиции. Т. I / Отв. ред. А.П. Смирнов. М.: АН СССР, 1954а. С. 157–246.
- Каминский В.Н.* Аланы на Северо-Западном Кавказе // I Кубанская археологическая конференция: ТД. Краснодар: Краснодарский гос. ун-т, 1989. С. 96–97.
- Канивец В.И.* Первые результаты исследований в Уньинской пещере // МАЕСВ. Вып. 1 / Отв. ред. В.И. Канивец. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1962. С. 103–144.
- Канивец В.И.* Канинская пещера. М.: Наука, 1964. 136 с.
- Канивец В.И.* Древние поселения Южно-Печорской равнины // Древние поселения на Печоре и Вычегде / МАЕСВ. Вып. 3 / Отв. ред. Я.Н. Безносиков. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1965. С. 3–100.
- Канивец В.И.* Отчет о работах I Печорского археологического отряда // Научный архив КНЦ УрО РАН. Ф. 1, оп. 13, 347. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1971.
- Канивец В.И.* Поселения раннего железного века на средней Печоре // ИКФВГО. Т. II. Вып. 4 (14) / Отв. ред. В.А. Витязева. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1972. С. 79–89.
- Канивец В.И.* Печорское Приполярье. Эпоха раннего металла. М.: Наука, 1974. 150 с.
- Канивец В.И., Лузгин В.Е.* Археологическая разведка на Южно-Печорской равнине // МАЕСВ. Вып. 2 / Отв. ред. В.И. Канивец. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1963. 84 с.
- Канторович А.Р.* Ранний железный век // Археология: Учебник / Ред. В.Л. Янин. М.: МГУ, 2006. С. 271–397.
- Канторович А.Р.* Сюжет стоящего/идушего оленя в восточноевропейском скифском зверином стиле и его реплики в искусстве «савроматской» и кара-абьзской культур // Ананьинский мир и его окружение // Археология евразийских степей. Вып. 8 / Отв. ред. С.В. Кузьминых, А.А. Чижевский. Елабуга: ИА АН РТ, ИА РАН, ЕГИАМЗ 2009. С. 245–260.
- Карпушкина О.А., Черных Е.М.* Новые данные о системе расселения в Удмуртском Прикамье на рубеже новой эры // Пермские финны: археологические культуры и этносы / Отв. ред. Э.А. Савельева. Сыктывкар: ИЯЛИ КНЦ УрО РАН, 2007. С. 88–91.
- Каховский Б.В.* Археологические исследования Чувашского государственного педагогического университета им. И.Я. Яковлева на Чурачикском могильнике на 2002–2003 годах // Исследования по древней и средневековой археологии Поволжья / Ред. Е.П. Михайлов. Чебоксары: ЧГИГН, 2006а. С. 175–227.
- Каховский Б.В.* Изучение Чурачикского могильника в 2001–2005 гг. // Цивилизации народов Поволжья и Приуралья. Т. I / Отв. ред. Б.В. Каховский. Чебоксары: ЧГПУ, 2006. С. 94–102.
- Каховский Б.В., Ильина Е.В.* Новые исследования Чурачикского могильника в 2001 году // Новые археологические исследования в Поволжье / Ред. Е.П. Михайлов. Чебоксары: ЧГИГН, 2003. С. 172–197.
- Каховский Б.В., Каховский В.Ф.* Археология Среднего Поволжья. Чебоксары: ЧГУ, 1992. 130 с.
- Каховский В.Ф.* Чурачикский могильник в Чувашии // СА. 1963. № 3. С. 169–177.
- Каховский В.Ф.* Чурачикский могильник // Археологические работы в Чувашской АССР в 1958–1961 годах // УЗ ЧНИИ. Вып. 25 / Отв. ред. В.Д. Дмитриев. Чебоксары: ЧНИИ, 1964. С. 73–98.
- Каховский В.Ф.* Итоги археологических работ в 1979–1980 гг. в Чувашской АССР // Актуальные проблемы археологии и этнографии Чувашской АССР / Ред. В.А. Прохорова, П.П. Фокин. Чебоксары: НИИЯ-ЛИЭ, 1982. С. 3–51.
- Качалова Н.К.* О заключительном периоде бронзового века на территории Нижнего Поволжья (к постановке проблемы) // СА. 1989а. № 1. С. 33–46.
- Качалова Н.К.* Памятники нурского типа и проблема культур эпохи финальной бронзы // Археология Восточно-Европейской степи. Вып. 1 / Отв. ред. В.Г. Миронов. Саратов: СГУ, 1989б. С. 151–153.
- Кашин А.А., Стурман В.И.* Уточненная схема физико-географического районирования и количественная характеристика ландшафтов Удмуртии // Вестник Удмуртского университета. Серия: Биология. Науки о Земле. 2012. № 4. С. 104–114.
- Кереев Б.М.* Памятники сарматского времени Кабардино-Балкарии. Нальчик: Эльбрус, 1988. 214 с.
- Киржнер Е.Э., Арматынская О.В.* Бронзовая ананьинская секира из с. Галаново // СА. 1990. № 3. С. 256–259.
- Кириллов А.Н., Кириллова С.А.* Разведочные работы в

- Сарапульском, Глазовском и Дебесском районах Удмуртии // Археологические открытия в Удмуртии – 2017 / Отв. ред. Е.М. Черных. Ижевск: УдГУ, 2018. С. 16–17.
- Кирьянов И.К., Коренюк С.Н., Чагин Г.Н.* Рыболовство в Пермском крае в стародавние времена. Пермь: Книжный мир, 2007. 168 с.
- Кирьянова Н.А.* О находках зерен культурных растений I тыс. до н. э. – I тыс. н. э. на территории лесной зоны Восточной Европы // II Городцовские чтения / Труды ГИМ. Вып. 145 / Ред. И.В. Белоцерковская. М.: ГИМ, 2005. С. 226–230.
- Кирюшин Ю.Ф., Степанова Н.Ф., Тишкин А.А.* Скифская эпоха Горного Алтая. Ч. II. Погребально-поминальные комплексы пазырыкской культуры. Барнаул: АлтГУ, 2003. 234 с.
- Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А.* Скифская эпоха Горного Алтая. Ч. I. Культура населения в раннескифское время. Барнаул: АлтГУ, 1997. 232 с.
- Киселев С.В.* Древняя история Южной Сибири. М.: АН СССР, 1951. 642 с.
- Китов Е.П.* Предварительное сообщение о новых антропологических материалах савроматского времени с территории Челябинской области // Кадырбаевские чтения: ММНК / Ред. А.А. Бисембаева. Актобе: ПринтА, 2007. С. 233–237.
- Китов Е.П.* Антропологические материалы могильника Жусандьей раннесарматского времени с территории Западно-Казахстанской области // Археология Казахстана в эпоху независимости: итоги, перспективы. Т. 2 / Отв. ред. А.З. Бейсенов. Алматы: ИА им. А.Х. Маргулана, 2011. С. 150–156.
- Китов Е.П.* Палеоантропологический материал раннесарматского времени из могильника Майтубек I (Западно-Казахстанская область) // Сакская культура Сарыарки в контексте изучения этносоциокультурных процессов степной Евразии / Отв. ред. А.З. Бейсенов. Караганда: НИЦИА Бегазы-Тасмола, 2011. С. 206–211.
- Китов Е.П.* Предварительное сообщение по новым краниологическим материалам из могильников срубной культуры Южного Урала // XVII Уральское археологическое совещание: Материалы научной конференции (Екатеринбург, 19–22 ноября 2007 г.) / Отв. ред. А.Я. Труфанов. Екатеринбург-Сургут: Магеллан, 2007. С. 143–144.
- Китов Е.П.* Посмертные повреждения на черепах из могильника Берел (новые данные о мумификации?) // Труды филиала Института археологии им. А.Х. Маргулана в г. Астана. Т. II / Ред. А. Онгар. Астана: ФИА им. А.Х. Маргулана в г. Астана, 2013. С. 237–241.
- Китов Е.П., Григорьев А.П.* Палеоантропологическая характеристика раннесарматского населения бассейна реки Эмба по данным из могильника Мортък I // НАВ. 2020. Т. 19. № 1. С. 130–148.
- Китов Е.П., Капинус Ю.О.* Новые краниологические данные по материалам сарматских памятников Приуралья // XXI Уральское археологическое совещание, посвященное 85-летию со дня рождения Г.И. Матвеевой и 70-летию со дня рождения И.Б. Васильева / Ред. А.А. Выборнов. Самара: СГСПУ, 2018. С. 128–133.
- Китов Е.П., Каранетян М.К.* Население Западного Казахстана в раннем железном веке по данным палеоантропологии (на примере могильника Кос-Оба) // Stratum plus. 2021. № 3. С. 205–221.
- Китов Е.П., Китова А.О., Оралбай Е.* Посмертные манипуляции с костями человека (данные о мумификации) у населения Центральной Азии в раннем железном веке // Stratum plus. 2016. № 3. С. 369–379.
- Китов Е.П., Мамедов А.М.* Кочевое население Западного Казахстана в раннем железном веке. Астана: ФИА им. А.Х. Маргулана в г. Астана, 2014. 352 с.
- Китов Е.П., Тур С.С., Иванов С.С.* Палеоантропология сакских культур Приитянья (VIII – I-я половина II в. до н. э. Алматы: Хикари, 2019. 300 с.
- Китов Е.П., Хохлов А.А.* К палеоантропологии заключительного этапа эпохи бронзы – начала железного века Южного Зауралья // Этнические взаимодействия на Южном Урале / Отв. ред. А.Д. Таиров, Н.О. Иванова. Челябинск: Рифей, 2013. С. 277–282.
- Китов Е.П., Хохлов А.А., Китова А.О.* Травматические повреждения на черепах срубной культуры и сарматского времени Западного Казахстана (на примере могильника Утвинка) // Вестник Калмыцкого университета. 2020. № 2. С. 24–33.
- Китов Е.П., Фризен С.Ю.* Краниологические материалы раннесарматского времени из курганного могильника Талдысай 1 (Западный Казахстан) // Вестник антропологии. 2007. Вып. 5. Ч. II. С. 344–348.
- Китов Е.П., Хохлов А.А.* К палеоантропологии заключительного этапа эпохи бронзы – начала железного века Южного Зауралья // Этнические взаимодействия на Южном Урале / Отв. ред. А.Д. Таиров, Н.О. Иванова. Челябинск: Рифей, 2013. С. 277–282.
- Китов Е.П., Хохлов А.А.* Новые краниологические данные переходного этапа от эпохи бронзы к раннему железному веку с территории Южного Зауралья // Вестник антропологии. 2013. № 3. С. 100–106.
- Клейн Л.С.* Возникновение кочевого скотоводства // Скифо-сибирское культурно-историческое единство / Отв. ред. А.И. Мартынов. Кемерово: КемГУ. 1980. С. 30–36.
- Клепиков В.М.* Железные браслеты как хронологический показатель раннесарматских памятников IV в. до н. э. // НАВ. 1998. № 1. С. 29–32.
- Клепиков В.М.* Сарматы Нижнего Поволжья в IV–III вв. до н. э. Волгоград: ВолГУ, 2002. 216 с.
- Клепиков В.М.* Раннесарматские мечи в Нижнем Поволжье // Вооружение сарматов: региональная типология и хронология / Отв. ред. Л.Т. Яблонский, А.Д. Таиров. Челябинск: ЮУрГУ, 2007. С. 51–57.
- Клепиков В.М., Скрипкин А.С.* Хронология раннесарматских памятников Нижнего Поволжья // НАВ. 2005. Вып. 5. С. 47–81.
- Климанов В.А.* Климат Северной Евразии в неогляциале (около 2500 лет назад) // Доклады РАН. 2002. Т. 386. № 5. С. 676–680.
- Клюева Г.Н.* Быргындинское IV поселение – памят-

- ник пьяноборской культуры // Памятники железного века Камско-Вятского междуречья. Вып. 2 / Отв. ред. Б.Г. Плющевский. Ижевск: УдГУ, 1984. С. 20–35.
- Клюева Г.Н., Ютина Т.К.* Исследования памятников железного века в Удмуртской и Татарской АССР // АО 1978 / Отв. ред. Б.А. Рыбаков. М.: Наука, 1979. С. 180–181.
- Ковалевская В.Б.* Компьютерная обработка массового археологического материала из раннесредневековых памятников Евразии / Хронология восточноевропейских древностей V–IX вв. Вып. 2. М.: ОНТИ ПНЦ РАН, 2000. 364 с.
- Ковпаненко Г.Т.* Племена скифского часу на Ворсклі. Київ: Наукова думка, 1967. 188 с.
- Ковпаненко Г.Т.* Курганы раннескифского времени в бассейне р. Рось. Киев: Наукова думка, 1981. 160 с.
- Ковпаненко Г.Т., Бессонова С.С., Скорый С.А.* Памятники скифской эпохи днепровского лесостепного Правобережья. Киев: Наукова думка, 1989. 336 с.
- Козенкова В.И.* Кобанская культура. Западный вариант / САИ. Вып. В 2-6. М.: Наука, 1989. 196 с.
- Козенкова В.И.* Оружие, воинское и конское снаряжение племен кобанской культуры (систематизация и хронология). Т. 4: Западный вариант / САИ. Вып. В 2-5. М.: ТИМР, 1995. 166 с.
- Козенкова В.И.* Культурно-исторические процессы на Северном Кавказе в эпоху поздней бронзы и в раннем железном веке (узловые проблемы происхождения и развития кобанской культуры). М.: ПНЦ РАН, 1996. 163 с.
- Кошневский Б.А.* Итоги археологического изучения Башкирской АССР // Историко-археологический сборник / Ред. А.П. Смирнов. М.: НИИ КИМР, 1948. С. 161–170.
- Колев Ю.И.* Опыт сравнительно-статистического анализа керамических комплексов позднего бронзового века // Проблемы изучения археологической керамики / Отв. ред. А.А. Бобринский. Куйбышев: КГУ, 1988. С. 103–118.
- Колев Ю.И.* Новый тип памятников конца эпохи бронзы в лесостепном Поволжье // Древности Восточно-Европейской лесостепи / Отв. ред. Н.Я. Мерперт. Самара: СГПУ, 1991. С. 162–206.
- Колев Ю.И.* Заключительный этап эпохи бронзы в Поволжье // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Бронзовый век / Ред. Ю.И. Колев, А.Е. Мамонов, М.А. Турецкий. Самара: СНЦ РАН, 2000. С. 242–301.
- Колев Ю.И.* Ивановская культура позднего бронзового века: характеристика культуры и проблемы исследования // Актуальные проблемы археологии Урала и Поволжья / Отв. ред. Д.А. Сташенков. Самара: СО-ИКМ, СамГУ, 2008. С. 208–240.
- Кольцов П.М.* Результаты археологических разведок 1976–1980 гг. на территории Калмыцкой АССР // Памятники Калмыкии каменного и бронзового веков / Отв. ред. У. Э. Эрдниев. Элиста: КНИИ ИФЭ, 1982. С. 100–107.
- Комарова М.Н.* Черепа бронзовой эпохи из могил по левым притокам реки Урал // Антропологические очерки / Материалы Особого Комитета по исслед. союзных и автономных республик. Вып. 11. Серия Казакстанская. Л.: АН СССР, 1927. С. 222–237.
- Конаков Н.Д.* Промысловый календарь в мировоззрении древних коми // Мировоззрение финно-угорских народов / Отв. ред. И.Н. Гемуев. Новосибирск: Наука, 1990. С. 103–121.
- Кондукторова Т.С.* Антропологические данные по древнему населению Оренбургской области // Вопросы антропологии. 1962. Вып. 11. С. 43–57.
- Конецкий В.Я., Самойлов К.Г.* К проблеме возникновения пашенного земледелия в лесной зоне Восточной Европы в I тыс. до н. э. // Археологические вести. № 7. СПб., 2000. С. 320–328.
- Кононов В.Н.* О ткани из коллекции Музея антропологии и этнографии АН СССР № 1093, объект 75 из раскопок П.В. Алабина в Ананьинском могильнике // Збруева А.В. История населения Прикамья в ананьинскую эпоху / МИА. № 30. М.: АН СССР, 1952. С. 320–321.
- Коренюк С.Н.* Культурные комплексы раннеананьинской и гляденовской эпох в Среднем Прикамье // VIII Октябрьские чтения. Перестройка и актуальные проблемы общественных и психолого-педагогических наук: ТД. Секция гуманитарных наук / Ред. А.З. Нюркаева. Пермь: ПГУ, 1988. С. 25–27.
- Коренюк С.Н.* Жилища раннеананьинских поселений южно-таежного Прикамья // Взаимодействие древних культур Урала / Гл. ред. В.А. Оборин. Пермь: ПГУ, 1990. С. 82–91.
- Коренюк С.Н.* «Дома мертвых» на ананьинских могильниках Среднего Прикамья // Проблемы межэтнических взаимодействий в сопредельных национальных и административных образованиях (на примере региона Среднего Прикамья): ТД. Сарапул, 1997. С. 60–61.
- Коренюк С.Н.* Символика сюжетов звериного стиля на костяных гребнях у пермских финнов Среднего Прикамья в VIII–III веках до н. э. // Исследования по археологии и истории Урала / Гл. ред. Г.Н. Чагин. Пермь: ПГУ, 1998. С. 70–82.
- Коренюк С.Н.* Ананьинская культура в трудах А.П. Смирнова и новые данные в ее изучении // Научное наследие А.П. Смирнова и современные проблемы археологии Волго-Камья / Труды ГИМ. Вып. 122 / Отв. ред. И.В. Белоцерковская. М.: ГИМ, 2000. С. 68–79.
- Коренюк С.Н.* О находках изделий сакского типа в Пермском Прикамье // Пермское Прикамье в истории Урала и России: Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Березники: ПГУ, 2000. С. 33–35.
- Коренюк С.Н.* К вопросу о датировке начального этапа ананьинской культуры Волго-Камья // Известия Самарского научного центра РАН. 2009. Т. 11. № 2. С. 265–270.
- Коренюк С.Н.* Могильник «Протасы» // Археологические памятники Поволжья и Урала: современные проблемы сохранения и музеефикации / Труды КАЭЭ ПГПУ. Вып. VIII / Ред. А.М. Белавин. Пермь:

- ПГПУ, 2012. С. 143–155.
- Кореньюк С.Н., Майстренко Д.А.* Скородумский «клад» // Шестые Берсовские чтения: МВНПК / Отв. ред. В.Д. Викторова. Екатеринбург: Квадрат, 2011. С. 139–146.
- Кореньюк С.Н., Мельничук А.Ф., Перескоков М.Л.* Современное состояние проблем изучения среднего и позднего этапов ананьинской культуры в Прикамье // Археология евразийских степей. Вып. 20 / Отв. ред. С.В. Кузьминых, А.А. Чижевский. Казань: Отчество, 2014. С. 116–131.
- Кореньюк С.Н., Мельничук А.Ф., Перескоков М.Л.* Возникновение и развитие производящей экономики в таежной зоне Среднего Приуралья (поздний энеолит – начало раннего средневековья) // Тверской археологический сборник. Вып. 11 / Ред. И.Н. Черных. Тверь: Триада, 2018. С. 18–30.
- Кореньюк С.Н., Мельничук А.Ф., Черных Е.М.* Человеческие жертвоприношения на ананьинских поселениях Нижнего и Среднего Прикамья (конец VI–III вв. до н. э.) // Археология Евразийских степей. 2017. № 4. С. 143–164.
- Кореньюк С.Н., Мингалева М.К.* Микроскопический анализ бисера с металлической прокладкой из коллекции Гляденовского городища-костища (VI в. до н. э. – V в. н. э.) // Стекло на путях Евразии в древности и Средневековье: ТДК / Отв. ред. О.С. Румянцев. М.: ИА РАН, 2020. С. 48–49.
- Кореньюк С.Н., Перескоков М.Л.* Планиграфия Гляденовского городища // Ранний железный век от рубежа эр до середины I тыс. н. э. Динамика освоения культурного пространства / Отв. ред. Д.Г. Савинов. СПб.: Скифия Принт, 2017. С. 77–79.
- Кореньюк С.Н., Чуйкина Е.В.* О связях Среднего Прикамья с сарматским миром в начале I тыс. н. э. // Древние этнокультурные связи финно-угров. Йошкар-Ола: МарГУ, 2002. С. 176–178.
- Кореньюк В.А.* Степное население Юго-Востока Европы в эпоху перехода от бронзы к железу. Дисс. ... канд. ист. наук. М., 1978. 350 с.
- Кореньюк В.А.* О погребениях времени перехода от бронзы к железу в приуральских степях // Приуралье в эпоху бронзы и раннего железа / Ред. В.А. Иванов, А.Х. Пшеничнюк. Уфа: БФАН СССР, 1982. С. 38–51.
- Кореньюк В.А.* Погребения эпохи перехода от бронзы к железу в степях Юго-Восточной Европы (состояние источников и проблема отбора фактов) // СА. 1985. № 4. С. 54–62.
- Корепанов К.И., Обыденнов М.Ф., Овсянников В.В.* Новые находки предметов древнего искусства в исследованиях археологов Башкортостана: кара-абызская культура. Препринт. Уфа: Юрика, 2003. 30 с.
- Коробейников А.В.* Историческая реконструкция по данным археологии. Ижевск: НОУ КИГИТ, 2005. 180 с.
- Королев К.С.* Керамика поселений гляденовского типа на Средней Печоре и Усе // Пятая Коми республиканская молодежная конференция: ТД. Сыктывкар: б.и., 1972. С. 5–6.
- Королев К.С.* Керамика гляденовского типа на многослойных поселениях Центрального Тимана // Археологические исследования в бассейне Печоры / МАЕСВ. Вып. 5 / Отв. ред. В.С. Стоколос. Сыктывкар: Коми филиал АН СССР, 1973. С. 53–62.
- Королев К.С.* Джудждыдьяг – многослойный памятник на Вычегде // Археологические памятники эпохи палеометалла в Северном Приуралье / МАЕСВ. Вып. 7 / Отв. ред. В.С. Стоколос. Сыктывкар: Коми филиал АН СССР, 1978. С. 71–87.
- Королев К.С.* Памятники эпохи раннего железа в долине средней Вычегды // Памятники эпохи камня и металла Северного Приуралья / МАЕСВ. Вып. 11 / Отв. ред. Э.А. Савельева. Сыктывкар: КНЦ УрО РАН, 1988. С. 64–75.
- Королев К.С.* Население Средней Вычегды в древности и средневековье. Екатеринбург: УрО РАН, 1997. 194 с.
- Королев К.С.* Новые материалы поселения Угдым (источники и исследования) // Этнокультурные процессы в древности на Европейском Северо-Востоке / Отв. ред. Э.А. Савельева. Сыктывкар: ИЯЛИ КНЦ УрО РАН, 1999. С. 58–65.
- Королев К.С.* Угдымский археологический комплекс на средней Вычегде (эпоха железа). Сыктывкар: КНЦ УрО РАН, 2002. 112 с.
- Королькова Е.Ф.* Звериный стиль Евразии. Искусство племен Нижнего Поволжья и Южного Приуралья в скифскую эпоху (VII–IV вв. до н. э.). Проблемы стиля и этнокультурной принадлежности. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2006. 272 с.
- Короткевич Б.С.* Ранний железный век в верховьях Западной Двины и Ловати: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. СПб.: ИИМК, 2004. 30 с.
- Короткевич Б.С., Мазуркевич А.Н.* Пять вариантов днепро-двинской культуры // Петербургский археологический вестник. 1992. № 2. С. 63–82.
- Корякова Л.Н.* Ранний железный век Зауралья и Западной Сибири. Свердловск: Урал. ун-т, 1988. 240 с.
- Корякова Л.Н., Кузьминых С.В., Бельтикова Г.В.* Переход к использованию железа в Северной Евразии // Переход от эпохи бронзы к эпохе железа в Северной Евразии. Материалы круглого стола 23–24 июня 2011 года / Отв. ред. В.А. Алекшин. СПб.: ИИМК РАН, ГЭ, 2011. С. 10–16.
- Косинцев П.А.* Археозоологические материалы из раскопок Ташмуруновского грота в верховьях реки Белой // УАВ. 2003. Вып. 4. С. 148–162.
- Косинцев П.А., Пластеева Н.А.* Охота и животноводство населения Буйского городища / Голдина Р.Д., Черных Е.М., Лещинская Н.А., Салангин Д.А. Буйское городище – памятник эпохи железа лесной зоны Восточной Европы. Прил. 1. Неопубликованные материалы отчета по гранту ГРНФ № 03-01-00197а за 2004 г.
- Косменко М.Г.* Происхождение культуры и хронология памятников периода бронзы в Карелии // Хронология и периодизация археологических памятников Карелии / Науч. ред. С.И. Кочуркина. Петрозаводск: ИЯЛИ КНЦ РАН, 1991а. С. 147–167.

- Косменко М.Г.* Генезис и хронология культурных образований эпохи железа в юго-западной и северной Карелии // Хронология и периодизация археологических памятников Карелии / Науч. ред. С.И. Кочуркина. Петрозаводск: ИЯЛИ КНЦ РАН, 1991б. С. 196–215.
- Косменко М.Г.* Археологические культуры периода бронзы – железного века в Карелии. СПб.: Наука, 1993. 215 с.
- Костюков В.П., Епимахов А.В.* Проблемы культурной интерпретации памятников финальной бронзы Южного Зауралья // Исторический опыт хозяйственного и культурного освоения Западной Сибири. Кн. 1 / Отв. ред. Ю. Ф. Кирюшин, А. А. Тишкин. Барнаул: Алт. ун-т, 2003. С. 278–282.
- Костюков В.П., Епимахов А.В.* Хронология и культурная интерпретация памятников финальной бронзы Южного Зауралья // Вопросы археологии Западного Казахстана. Вып. 2 / Отв. ред. В.В. Ткачев. Актобе: б.и., 2005. С. 70–77.
- Костюков В.П., Епимахов А.В., Нелин Д.В.* К вопросу о памятниках Южного Зауралья эпохи финальной бронзы // Новое в археологии Южного Урала / Отв. ред. С. А. Григорьев. Челябинск: Рифей, 1996. С. 151–163.
- Костюков В.П., Ражев Д.И.* Погребения из курганной группы Верблюжья Горки и некоторые проблемы перехода от эпохи бронзы к раннему железному веку в Южном Зауралье // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. Серия 1. Исторические науки. 2004. № 2. С. 129–149.
- Косяненко В.М.* Пряслица из некрополя Кобякова городища (раскопки 1956–1962 гг.) // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 1998 г. Вып. 16 / Ред. А.А. Горбенко. Азов: Азов. краевед. музей, 2000. С. 270–279.
- Котов В.Г., Савельев Н.С.* Промысловая стоянка «Ташмуруновский грот» в верховьях реки Белой // УАВ. 2003. Вып. 4. С. 124–147.
- Кочкина А.Ф., Сташенков Д.А.* Новые поступления предметов раннего железного века в фонды СО-ИКМ им. П.В. Алабина // Вопросы археологии Поволжья. Вып. 8 / Отв. ред. М.А. Турецкий. Самара: Слово, 2020. С. 187–193.
- Краева Л.А.* Памятники раннего железного века из Западного Оренбуржья // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. 3 / Отв. ред. Н.Л. Моргунова. Оренбург: Димур, 1999. С. 176–191.
- Крамарев А.И., Мышкин В.Н., Турецкий М.А.* Курганный могильник Гвардейцы II // Вопросы археологии Поволжья. Вып. 2 / Отв. ред. Д.А. Сташенков. Самара: СамГУ, 2002. С. 101–122.
- Краснов Ю.А.* К истории раннего земледелия лесной полосы Европейской части СССР // СА. 1965. № 2. С. 57–75.
- Краснов Ю.А.* О некоторых сторонах взаимоотношений балто-финно-угорских племен западной части Волго-Окского междуречья // КСИА. Вып. 119 / Отв. ред. Т.С. Пассек. М.: Наука, 1969. С. 3–13.
- Краснов Ю.А.* Раннее земледелие и животноводство в лесной полосе Восточной Европы. II тысячелетие до н. э. – первая половина I тысячелетия н. э. / МИА. № 174. М.: Наука, 1971. 167 с.
- Красноперов А.А.* Зеркала пьяноборской культуры // Пятые Берсовские чтения / Отв. ред. В.М. Морозов. Чемякин. Екатеринбург: Квадрат, 2006. С. 144–148.
- Красноперов А.А.* К вопросу о хронологии пьяноборской культуры: заметки к констатации ответа // Древняя и средневековая археология Волго-Камья / Археология евразийских степей. Вып. 10 / Отв. ред. Д.Г. Бугров. Казань: ИА АН РТ, 2009. С. 92–105.
- Красноперов А.А.* О функциональном назначении «портупей» из кара-абызских погребений // Урал-Алтай: через века в будущее. Т. II. История / Ред. И.Г. Илишев и др. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2010. С. 127–130.
- Красноперов А.А.* Погребальная керамика из пьяноборских и мазунинских могильников Прикамья // УАВ. 2010. Вып. 10. С. 83–109.
- Красноперов А.А.* Погребение № 28 Икского могильника: к вопросу о ранней дате пьяноборских памятников // Ананьинской мир: истоки, развитие, связи, исторические судьбы / Археология евразийских степей. Вып. 20 / Отв. ред. С.В. Кузьминых, А.А. Чижевский. Казань: Отечество, 2014. С. 331–348.
- Красноперов А.А.* К вопросу о ранней дате пьяноборских памятников. Ч. 2. Находки предметов вооружения и особенности погребального обряда // Археология Евразийских степей. 2017. № 4. С. 165–185.
- Красноперов А.А., Пастушенко И.Ю.* Фортификации Момылевского городища на Средней Каме // Поселение как исторический источник (Теоретические и методические подходы к изучению поселений в современной археологии): ТД / Сост. О.А. Лопатина. М.: ИА РАН, 2008. С. 43–46.
- Кременецкий К.В.* История ареалов хвойных пород Сибири в голоцене // Короткопериодные и резкие ландшафтно-климатические изменения за последние 15000 лет. М.: ИГ РАН, 1994. С. 160–210.
- Кременецкий К.В., Беттгер Т., Климанов В.А., Тарасов А.Г., Юнге Ф.* История климата и растительности среднего Заволжья в позднем ледниковье и голоцене // Всерос. совещ. «Главнейшие итоги в изучении четвертичного периода и основные направления исследований в XXI веке». СПб.: ВСЕГЕИ, 1998. С. 117–118.
- Кренке Н.А.* Дьяково городище: культура населения бассейна Москвы-реки в I тыс. до н. э. – I тыс. н. э. М.: ИА РАН, 2011. 548 с.
- Кривошеев М.В.* Позднесарматская культура южной части междуречья Волги и Дона. Проблемы хронологии и периодизации. Автореф. дисс. ..канд. ист. наук. Воронеж, 2005. 24 с.
- Кривошеев М.В., Скрипкин А.С.* Позднесарматская культура междуречья Волги и Дона. Проблема становления и развития // РА. 2006. № 1. С. 124–136.
- Кропоткин В.В.* Римские импорты из Андреевского кургана в Мордовской АССР // КСИА. Вып. 119 / Отв. ред. Т.С. Пассек. М.: Наука, 1969. С. 32–36
- Кропоткин В.В., Обыденнов М.Ф.* Находка античных

- монет в погребении кочевника на Южном Урале // СА. 1985. № 2. С. 242–246.
- Кропотов В.В.* К проблеме выделения раннесарматских памятников Северного Причерноморья // Крым в сарматскую эпоху (II до н. э. – V в. н. э.) / Отв. ред. И.Н. Храпунов. Симферополь: ИП Боровко А.А., 2019. С. 154–160.
- Крупнов Е.И.* Древняя история Северного Кавказа. М.: АН СССР, 1960. 520 с.
- Кубарев В.Д.* Курганы Уландрыка. Новосибирск: Наука, 1987. 300 с.
- Кудеяров В.Н., Демкин В.А., Гиличинский Д.А., Горячкин С.В., Рожков В.А.* Глобальные изменения климата и почвенный покров // Почвоведение. 2009. № 9. С. 1027–1042.
- Кузнецов П.Ф.* Новые радиоуглеродные даты для хронологии культур энеолита – бронзового века юга лесостепного Поволжья // Археология и радиоуглерод. Вып. 1 / Отв. ред. Г.И. Зайцева. СПб.: Теза, 1996. С. 56–60.
- Кузнецов П.Ф.* Отчет об охранно-спасательных раскопках Красносамарского поселения и Красносамарского IV курганного могильника в Кинельском районе Самарской области в 1999 году по Открытому листу № 413. Самара, 2000 // Архив Музея археологии Поволжья.
- Кузнецов П.Ф., Мочалов О.Д., Мышкин В.Н., Хохлов А.А.* Исследование могильника Утевка IX в Самарском Заволжье // Вопросы археологии Поволжья. Вып. 5 / Отв. ред. М.А. Турецкий. Самара: СамНЦ РАН, 2015. С. 52–60.
- Кузнецова Т.М.* Торговые или священные пути греков? // Проблемы скифо-сарматской археологии / Отв. ред. А.И. Мелюкова. М.: Наука, 1990. С. 86–90.
- Кузнецова Т.М.* Этюды по скифской истории. М.: ИА РАН, 1991. 150 с.
- Кузнецова Т.М.* Зеркала-фиалы (патеры) с зооморфным оформлением ручек // Памятники Евразии скифо-сарматской эпохи / Отв. ред. В.А. Могильников. М.: ИА РАН, 1995. С. 11–18.
- Кузнецова Т.М.* Зеркала Скифии VI–II вв. до н. э. Т. I. М.: Индрик, 2002. 352 с.
- Кузьминых С.В.* Бронзовые орудия и оружие в Среднем Поволжье и Приуралье (I тысячелетие до н. э.): Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 1977. 21 с.
- Кузьминых С.В.* Об ананьинской обработке бронзы // АЭМК. Вып. 2 / Ред. Г.А. Архипов. Йошкар-Ола: МарНИИ, 1977. С. 127–166.
- Кузьминых С.В.* Очаги металлообработки в Волго-Камье в раннем железном веке // Тезисы пленарных и некоторых дискуссионных докладов VI Уральского археологического совещания. М.: ИА АН СССР, 1977. С. 27–29.
- Кузьминых С.В.* Металлургия Волго-Камья в раннем железном веке (медь и бронза). М.: Наука, 1983. 257 с.
- Кузьминых С.В.* Меларские кельты Восточной Европы и Фенноскандии (к проблеме одной исторической загадки) // Археологические памятники Среднего Поочья. Вып. 3 / Отв. ред. В.П. Челябинов. Рязань: НПЦ, 1993а. С. 61–109.
- Кузьминых С.В.* Археологическое изучение ананьинского мира в XX в.: основные достижения и проблемы // Российская археология: достижения XX и перспективы XXI в. / Отв. ред. Р.Д. Голдина. Ижевск: УдГУ, 2000. С. 104–113.
- Кузьминых С.В.* К предыстории цветной металлообработки у обских угров (на примере Холмогорского «клада») // Обские угры. Тобольск-Омск: ОмГПУ, 2000. С. 44–47.
- Кузьминых С.В.* Железо в культурах бронзового века Северной Евразии // Чтения, посвященные 100-летию деятельности Василия Алексеевича Городцова в Государственном Историческом музее: Тез. конф., часть 1 / Отв. ред. Н.И. Шишлина. М.: ГИМ, 2003. С. 156.
- Кузьминых С.В.* Этно- и культурогенетические процессы на севере Восточной Европы в финале бронзового и раннем железном веке // Пермские финны: археологические культуры и этносы: Материалы I Всероссийской научной конференции (Сыктывкар, Республика Коми, 25–28 сентября 2007 г.) / Отв. ред. Э.А. Савельева. Сыктывкар: ИЯЛИ КНЦ УрО РАН, 2007. С. 41–47.
- Кузьминых С.В., Марков В.Н., Соловьев Б.С.* Некоторые дискуссионные проблемы археологии позднего бронзового и раннего железного веков Среднего Поволжья // Проблемы взаимодействия населения лесной и лесостепной зон восточно-европейского региона в эпоху бронзы и раннем железном веке: ТД / Отв. ред. Ю.Г. Екимов. Тула: ТОКМ, 1993. С. 39–43.
- Кузьминых С.В., Напольских В.В.* Рец. на: Патрушев В.С. Финно-угры России. Йошкар-Ола: Мар. Кн. изд-во, 1992. 216 // Финно-угроведение. 1994. № 1. С. 143–152.
- Кузьминых С.В., Чижевский А.А.* К проблеме культурной принадлежности Младшего Волосовского могильника // Южный Урал и сопредельные территории в скифо-сарматское время: сборник статей к 70-летию Антона Харитоновича Пшеничнюка / Отв. ред. Г.Т. Обыденнова, Н.С. Савельев. Уфа: Гилем. 2006. С. 162–170.
- Кузьминых С.В., Чижевский А.А.* О Владимире Николаевиче Маркове и его книге // В.Н. Марков Нижнее Прикамье в ананьинскую эпоху (Об этнокультурных компонентах ананьинской общности). Казань: ИИ АН РТ, 2007. С. 3–6.
- Кузьминых С.В., Чижевский А.А.* Ананьинский мир: взгляд на современное состояние проблемы // У истоков археологии Волго-Камья (к 150-летию открытия Ананьинского могильника) / Археология евразийских степей. Вып. 8 / Отв. ред. С.В. Кузьминых, А.А. Чижевский. Елабуга: ИИ АН РТ, ИА РАН, ЕГИАМЗ, 2009. С. 29–55.
- Кузьминых С.В., Чижевский А.А.* Введение // Ашихмина Л.И. Генезис ананьинской культуры в Среднем Прикамье (по материалам керамики и жилищ) / Археология евразийских степей. Вып. 19 / Отв. ред. С.В. Кузьминых, А.А. Чижевский. Казань: ИА АН РТ, Отечество, 2014. С. 7–8.

- Кузьминых С.В., Чижевский А.А. Хронология раннего периода ананьинской культурно-исторической области // Поволжская археология. 2014. № 3. С. 101–137.
- Кузьминых С.В., Чижевский А.А. Финал бронзового и ранний железный век на северо-востоке Европы: культурогенез, границы и контакты археологических культур // Археология Западной Сибири и Алтая: опыт междисциплинарных исследований / Ред. А.А. Тишкин. Барнаул: АлтГУ, 2015. С. 44–53.
- Кузьминых С.В., Чижевский А.А. Введение в археологию ананьинской культурно-исторической области: Северо-Восток Европы в финале бронзового и раннем железном веках // Археология Евразийских степей. 2017. № 3. С. 22–36.
- Кузьминых С.В., Чижевский А.А. Культуры раннего железного века лесной зоны Восточной Европы // Каталог выставки «Железный век. Европа без границ. Первое тысячелетие до н. э.» / Отв. ред. А.Ю. Алексеев, М. Наврот, А. Гасс, Ю.Ю. Пиотровский. СПб.: Чистый лист, 2020. С. 244–255.
- Кулаева Т.М. Результаты анализа костных остатков из городища «Ройский Шихан» // Сборник трудов по вопросам зоологии / Ред. Д.В. Белихов. Казань: Казанский гос. пед. ин-т, 1965. С. 78–83.
- Кулькова М.А., Нестеров Е.М., Нестерова Л.А., Синай М.Ю. Определение возраста образцов костных останков из раскопок Хэйбидя-Пэдарского жертвенного места 1987 года / Мурыгин А.М., Липс С.А., Кардаш О.В. Древнее святилище на реке Море-Ю: Каталог археологической коллекции предметов IV–XIV вв. Екатеринбург: Караван, 2016. С. 296–298.
- Купцова Л.В., Файзуллин И.А., Крюкова Е.А. Памятник эпохи поздней – финальной бронзы в Западном Оренбуржье (курганная могильница у с. Каменка) // Поволжская археология. 2018. № 3. С. 299–311.
- Курманов Р.Г., Овсянников В.В., Савельев Н.С., Галеев Р.И. Реконструкция растительности и климата Южного Предуралья в суббореале и субатлантике (по материалам памятников кара-абызской культуры) // Геологический вестник. 2019. № 1. С. 35–44.
- Курочкин Г.Н. Гипотетическая реконструкция погребального обряда скифских царей VIII–VII вв. до н. э. и курган Аржан (к проблеме происхождения скифов) // Скифо-сибирское культурно-историческое единство / Отв. ред. А.И. Мартынов. Кемерово: Кемеровский гос. ун-т, 1980. С. 105–117.
- Куфтерин В.В. Краниология Ново-Сасыкульского могильника // Вестник Пермского университета. 2020. Вып. 1 (48). С. 83–96.
- Куфтерин В.В., Волкова Е.В. Физический тип населения Нижнего Прикамья эпохи раннего железа по данным остеометрии (материалы Ново-Сасыкульского могильника) // Вестник антропологии. 2019. № 4 (48). С. 268–285.
- Кызласов Л.Р. Уюкский курган Аржан и вопрос о происхождении сакских культур // СА. 1977. № 2. С. 69–86.
- Лагодовская Е.Ф. Археологические памятники Башкирии от древнейших времен до наших дней // НА УНЦ РАН. 1943Ф. 3. оп. 3, 39. Д. 1.
- Ландшафтная карта СССР. Масштаб: 1: 4000000 / Науч. ред. А.Г. Исаченко. М.: ГУГК, 1988.
- Лаптева Е.Г., Зарецкая Н.Е., Косинцев П.А., Лычагина Е.Л., Чернов А.В. Первые данные о динамике растительности Верхнего Прикамья в среднем и позднем голоцене // Экология. 2017. № 4. С. 267–276.
- Латышев В.В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе // ВДИ. 1947. № 4. Приложение.
- Латышев В.В. Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе. СПб.: Фарн, 1992. 336 с.
- Лашук Л.П. Формирование народности коми. М.: МГУ, 1972. 292 с.
- Лебедева Н.В., Хохлов А.А. Впускное погребение сарматской культуры на территории Самарской области // Археология ранних кочевников Евразии / Отв. ред. В.Н. Мышкин. Самара: Книжное изд-во, 2018. С. 118–120.
- Ледяев Н.М. Савроматские погребения Ивановской дюны // История и культура савроматов. Саратов: СГУ, 1983. С. 117–120.
- Ледяйкин В.И. К истории хозяйственной деятельности племен городецкой культуры (по материалам городищ Мордовской АССР) // Исследования по археологии и этнографии Мордовской АССР / Ред. П.Д. Степанов. Саранск: Мордовск. книж. изд-во, 1970. С. 84–102.
- Ледяйкин В.И. Городецкая культура и древняя мордва. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 1971. 18 с.
- Леонтьев А.Е. Глава 3. Железный век // Археология Костромского края / Ред. А.Е. Леонтьев. Кострома: ГНПЦ, 1997. 276 с.
- Лепихин А.Н. Костица гляденовской культуры в Среднем и Верхнем Прикамье. Березники: Типогр. купца Тарасова, 2007. 224 с.
- Лепихин А.Н., Мельничук А.Ф. К проблеме хронологии костиц гляденовской культуры // Святилища и жертвенные места финно-угорского населения Евразии. Пермь: ПГУ, 1996. С. 48–53.
- Лесков А.М. О хронологическом соотношении памятников начала железного века на юге Европейской части СССР // Древности Евразии в скифо-сарматское время / Ред. А.И. Мелюкова, М.Г. Мошкова, В.Г. Петренко. М.: Наука, 1984. С. 147–152.
- Лесков А.М., Беглова Е.А., Ксенофонтова И.В., Эрлих В.Р. Меоты Закубанья в середине VI – начале III вв. до н. э.: некрополи у аула Уляп: погребальные комплексы. М.: Наука, 2005. 192 с.
- Лецинская Н.А. Вятский бассейн в I – начале II тысячелетий н. э. (по археологическим источникам). Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Ижевск, 1995. 21 с.
- Лецинская Н.А. Хронология и периодизация могильников в бассейне р. Вятки // Типология и датировка археологических материалов восточной Европы / Отв. ред. Р.Д. Голдина. Ижевск: УдГУ, 1995. С. 88–128.
- Лецинская Н.А. Ошкинский могильник – памятник пьяноборской эпохи на р. Вятке. Препринт. Ижевск: б.и., 2000. С. 10–11.
- Лецинская Н.А. Вятский край в пьяноборскую эпоху (по

- материалам погребальных памятников I–V вв. н. э.) / МИКВАЭ. Т. 27. Ижевск: б/и, 2014. 472 с.
- Лецинская Н.А., Орехов П.М.* Бронзолитейное производство Вятского края в I тыс. н. э. (технологические аспекты) // Пермские финны: археологические культуры и этносы / Отв. ред. Э.А. Савельев. Сыктывкар: ИЯЛИ КНЦ УрО РАН, 2007. С. 173–177.
- Лимберис Н.Ю., Марченко И.И.* Меотские древности VI–V вв. до н. э. (по материалам грунтовых могильников правобережья Кубани). Краснодар: КубГУ, 2012. 316 с.
- Линкина Л.И., Николаева К.В.* К истории растительности голоцена в районе стоянки Гулюково III (по результатам палинологического анализа) // Археология и естественные науки Татарстана. Кн. 4 / Отв. ред. М.Ш. Галимова. Казань: Фолиант, 2011. С. 217–224.
- Линкина Л.И., Петрова Е.В.* Реконструкция растительного покрова и климатических условий голоцена в районе стоянки Пестречинская IV (эпоха раннего металла) Предкамье // Вестник ВГУ. Серия: География, геоэкология. 2018. № 2. С. 34–39.
- Литвинский Б.А.* Древние кочевники «Крыши мира». М.: Наука, 1972. 274 с.
- Ломан В.Г.* К датировке донгальского типа керамики // Исторический опыт хозяйственного и культурного освоения Западной Сибири. Кн. 1 / Отв. ред. Ю.Ф. Кирюшин, А.А. Тишкин. Барнаул: АлтГУ, 2003. С. 290–293.
- Лопатина О.А.* Опыт технологического изучения «текстильных» отпечатков (на примере дяковской керамики) // У истоков археологии Волго-Камья (к 150-летию открытия Ананьинского могильника) / Археология евразийских степей. Вып. 8 / Отв. ред. С.В. Кузьминых, А.А. Чижевский. Елабуга: ИИ АН РТ, ИА РАН, ЕГИАМЗ, 2009. С. 204–212.
- Лопатина О.А.* Рельефное прокатывание поверхности как прием создания так называемых «текстильных» отпечатков на древней керамике // АЕС. 2017. № 4. С. 287–296.
- Лопатина О.А., Сидоров В.В.* Каширские городища раннего железного века // Чтения, посвященные 100-летию деятельности Василия Алексеевича Городцова в Государственном Историческом музее: ТД / Отв. ред. Н.И. Шишлина. М.: ГИМ, 2003. С. 49–52.
- Лордкипанидзе О.* Ванское городище: раскопки, история, проблемы (статья вторая) // Вани. Археологические раскопки. Т. III. Тбилиси: Мецниереба, 1977. С. 153–175.
- Лузгин В.Е.* Археологическая разведка в бассейне Илыча в 1963 г. // Древние поселения на Печоре и Вычегде / МАЕСВ. Вып. 3 / Отв. ред. Я.Н. Безносиков. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1965. С. 109–138.
- Лузгин В.Е.* Древние культуры Ижмы. М.: Наука, 1972. 128 с.
- Лузгин В.Е., Мурыгин А.М., Карманов В.Н.* Археологические памятники бассейна р. Сула (Малоземельская тундра) // Первобытные и средневековые древности европейского Северо-Востока / МАЕСВ. Вып. 19 / Отв. ред. А.В. Волокитин. Сыктывкар: ИЯЛИ КНЦ УрО РАН, 2015. С. 53–70.
- Лыганов А.В., Морозов В.В., Азаров Е.С.* Луговские I и II стоянки и проблема соотношения черкаскульской, луговской и межовской культур в Нижнем Прикамье // Археология Евразийских степей. 2019. № 2. С. 38–98.
- Лылова Е.В.* Ювелирные украшения из раннекочевнических погребений Южного Приуралья VI–IV вв. до н. э. // Археол. памятники Оренбуржья. Вып. V / Отв. ред. Н.Л. Моргунова. Оренбург: ОГПУ, 2001. С. 70–73.
- Лыугас В.А.* Период раннего металла в Эстонии (с середины II тыс. до н. э. до начала н. э.). Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Таллин, 1970. 51 с.
- Лычагина Е.Л.* Деятельность Камской экспедиции ГАИМК на территории Пермского края // РА. 2011. № 4. С. 140–145.
- Мажитов Н.А.* Научный отчет АЭ Института за 1961 г. // НА УНЦ РАН. Ф. 3. Оп. 2. Д. 533. 42 л.
- Мажитов Н.А.* Бахмутинская культура. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 1963. 16 с.
- Мажитов Н.А.* Бахмутинская культура. М.: Наука, 1968. 166 с.
- Мажитов Н.А.* Работы в южной Башкирии // АО 1971 г. / Отв. ред. Б.А. Рыбаков. М.: Наука, 1972. С. 218.
- Мажитов Н.А., Пшеничнюк А.Х.* Камышлы-Тамакский могильник // АЭБ. Т. III / Отв. ред. Р.Г. Кузеев. Уфа: БФ АН СССР, 1968. С. 38–58.
- Максименко В.Е.* Савроматы и сарматы на Нижнем Дону. Ростов-на-Дону: Ростов. ун-т, 1983. 224 с.
- Максименко В.Е.* Начало проникновения сарматов в Северное Причерноморье и завоевание Скифии // Сарматы и Скифия / Донские древности. Вып. 5 / Отв. ред. В.Е. Максименко. Азов: Азов. краевед. музей, 1997. С. 41–49.
- Максименко В.Е.* Сарматы на Дону (археология и проблемы этнической истории) // Донские древности. Вып. 6 / Отв. ред. В.Е. Максименко. Азов: Азовский краеведческий музей, 1998. 304 с.
- Максимов Е.В.* Зарубинецкая культура. Могильники. Хронология // Славяне и их соседи в конце I тысячелетия до н. э. – первой половине I тысячелетия н. э. / Археология СССР / Отв. ред. И.П. Русанова, Э.А. Сымонович. М.: Наука, 1993. С. 20–39.
- Малашев В.Ю.* Периодизация ременных гарнитур позднесарматского времени // Сарматы и их соседи на Дону / Материалы и исследования по археологии Дона. Вып. I / Отв. ред. Ю.К. Гугуев. Ростов-на-Дону: Терра, 2000. С. 194–232.
- Малов Н.М.* Хвалынская культура валиковой керамики эпохи поздней бронзы в Поволжье // Задачи советской археологии в свете решений XXVII съезда КПСС. ТД. Суздаль: ИА АН СССР, 1987. С. 159–160.
- Малов Н.М.* Отчет об археологических исследованиях в Калмыцкой АССР, Саратовской и Волгоградской областях в 1989 / Архив ИА РАН. Р-1. 13669.
- Малов Н.М., Филиппченко В.Р.* Памятники катакомбной

- культуры Нижнего Поволжья // Археологические вести. Вып. 4 / Отв. ред. В.М. Массон. СПб.: ИИМК, 1995. С. 52–61.
- Мамедов А.А., Китов Е.П.* Могильник ранних кочевников Сапибулак в Западном Казахстане // Известия НАН РК. Серия общественных и гуманитарных наук. 2015. № 6 (304). С. 19–60.
- Мамонтов В.И.* Амуниция знатного война из Первомайского могильника // Стержень. Научный ежегодник. Вып. 1 / Ред. М.М. Загорулько. Волгоград: ВолГУ, 2000. С. 114–119.
- Мамонтов В.И., Скрипкин А.С.* История археологического изучения Волгоградского края // Археологическое наследие Волгоградской области / Гл. ред. А.С. Скрипкин. Волгоград: Издатель, 2013. С. 11–24.
- Мандельштам А.М.* Ранние кочевники скифского периода на территории Тувы // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время / Археология СССР / Отв. ред. М.Г. Мошкова. М.: Наука, 1992. С. 178–205.
- Манцевич А.П.* Курган Солоха. Л.: Искусство, 1987. 143 с.
- Манюхин И.С.* Позднекаропольская культура (вопросы периодизации и хронологии) // Хронология и периодизация археологических памятников Карелии / Науч. ред. С.И. Кочуркина. Петрозаводск: ИЯЛИ КНЦ РАН, 1991. С. 168–195.
- Марков В.Н.* Керамика городища «Сорочьи горы» // Археологические памятники Нижнего Прикамья / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: ИЯЛИ, 1984. С. 5–17.
- Марков В.Н.* Отчет о работах на городище Черепашье в 1983 году. Казань, 1984а / Архив ИА РАН. Ф.1, Р-1, № 9703.
- Марков В.Н.* Городище Гремячий ключ // Древности Среднего Поволжья / АЭМК. Вып.13 / Отв. ред. Б.С. Соловьев. Йошкар-Ола: МарНИИ, 1987. С.102–130.
- Марков В.Н.* Нижнее Прикамье в ананьинскую эпоху (об этнокультурных компонентах ананьинской общности). Дисс. ... канд. ист. наук. Л., 1988. 178 с.
- Марков В.Н.* Нижнее Прикамье в ананьинскую эпоху (об этнокультурных компонентах ананьинской общности). Автореф. дисс... канд. ист. наук. Л., 1988. 18 с.
- Марков В.Н.* О происхождении и культурной принадлежности вятских городищ ананьинского времени // Памятники первобытной эпохи в Волго-Камье / Отв. ред. П.Н. Старостин. Казань: ИЯЛИ, 1988. С. 92–113.
- Марков В.Н.* Антоновское городище (О поздней дате существования текстильной керамики на памятниках Казанского Поволжья и Усть-Камья) // Средневековые древности Волго-Камья / АЭМК. Вып. 21 / Отв. ред. Г.А. Архипов. Йошкар-Ола: МарНИИ, 1992. С. 98–107.
- Марков В.Н.* Периодизация и хронология памятников ананьинского времени приустьевой части Камы // Археологические памятники зоны водохранилищ Волго-Камского каскада / Отв. ред. П.Н. Старостин. Казань: ИЯЛИ, 1992. С. 72–79.
- Марков В.Н.* Ананьинская проблема (некоторые итоги и задачи ее решения) // Памятники древней истории Волго-Камья / Отв. ред. П.Н. Старостин. Казань: ИЯЛИ, 1994. С. 48–88.
- Марков В.Н.* О культурной принадлежности Волго-Камских бронзовых кельтов ананьинского времени // Проблемы эпохи бронзы и раннего железного века: ТД научной конференции, посвященной памяти А.В. Збруевой / Отв. ред. Е.П. Казаков. Казань: ИЯЛИ, 1995. С. 5–6.
- Марков В.Н.* Общая характеристика раннего железного века. Памятники Нижнего Прикамья VIII–V вв. до н. э. // Очерки по археологии Татарстана. Учебное пособие / Ред. П.Н. Старостин и др. Казань: Школа, 2001. С. 74–83.
- Марков В.Н.* Нижнее Прикамье в ананьинскую эпоху (об этнокультурных компонентах ананьинской общности) / Археология евразийских степей. Вып. 4. Казань: ИИ АН РТ, 2007. 136 с.
- Марковин В.И.* Раскопки в юго-восточных районах Калмыкии // АО 1979 / Отв. ред. Б.А. Рыбаков. М.: Наука, 1980. С. 117.
- Марковин В.И.* Материалы к историко-археологической карте Калмыкии // Материалы и исследования по археологии Калмыкии / Отв. ред. Е.В. Цуцкин. Элиста: КалмНИИ ИФЭ, 1991. С. 20–52.
- Марсадолов Л.С.* Основные тенденции в изменении форм удил, псалиев и пряжек коня на Алтае в VIII–V вв. до н. э. // Снаряжение верхового коня на Алтае в раннем железном веке и средневековье / Отв. ред. Ю.Ф. Кирюшин, А.А. Тишкин. Барнаул: АлтГУ, 1998. С. 5–24.
- Мартынов А.И.* Лесостепная тагарская культура. Новосибирск: Наука, 1979. 155 с.
- Мартынов А.И.* Скифо-сибирское единство как историческое явление // Скифо-сибирское культурно-историческое единство / Отв. ред. А.И. Мартынов. Кемерово: КемГУ, 1980. С. 11–20.
- Марцеллин Аммиан.* Деяния // Кавказ и Дон в произведениях античных авторов. Ростов-на-Дону: Русская энциклопедия, 1990. С. 368–385.
- Марченко И.И.* Сираки Кубани. Краснодар: КубГУ, 1996. 336 с.
- Марченко-Ваганова Т.И.* Палинологическая характеристика голоценовых отложений в Республике Коми // Геология и минеральные ресурсы Европейского Северо-Востока России / Материалы XVI Геологического съезда Республики Коми. Т. II / Отв. ред. А.М. Асхабов. Сыктывкар: ИГ КНЦ УрО РАН, 2014. С. 181–183.
- Массон В.М.* Экономика и социальный строй древних обществ. Л.: Наука, 1976. 192 с.
- Массон В.М.* Первые цивилизации. Л.: Наука, 1989. 268 с.
- Матвеева Г.И.* Курганы железного века в Куйбышевской области (по материалам САЭ 1970 г., проведенной в Борском районе) // Поволжский край / Отв. ред. М.В. Данилов. Саратов: СарГУ, 1972. С. 178–186.

- Матвеева Г.И.* Памятники железного века в бассейне р. Зилим // АЭБ. Т. V / Ред. Н.В. Бикбулатов, Р.Г. Кузеев, Н.А. Мажитов. Уфа: ИЯЛИ, БФАН СССР, 1973. С. 244–252.
- Матвеева Г.И.* Поселения раннего железного века на Самарской Луке // Самарская Лука в древности. Вып. III / Отв. ред. О.Н. Бадер. Куйбышев: Куйбышевское книжное изд-во, 1975. С. 93–104.
- Матвеева Г.И.* Этнокультурные процессы в Среднем Поволжье в I тыс. н. э. // Культуры Восточной Европы I тысячелетия / Отв. ред. Г.И. Матвеева. Куйбышев: КГУ, 1986. С. 3–14.
- Матвеева Г.И.* К вопросу о позднегородецкой культуре // Вопросы этнической истории Волго-Донья / Отв. ред. А.З. Винников. Пенза: Приволжское книж. изд-во, 1992. С. 18–25.
- Матвеева Г.И.* Памятники оседлых племён лесной зоны Самарского Поволжья (белогорская и городецкая культуры) // История Самарского Поволжья с древнейших времён до наших дней. Ранний железный век и средневековье / Ред. И.Н. Васильева, Г.И. Матвеева. М.: Наука, 2000. С. 82–93.
- Матвеева Г.И.* К вопросу о хронологии городища Лбище // Контактные зоны Евразии на рубеже эпох: ТД. Самара: СамГУ, 2003. С. 90–93.
- Матвеева Г.И.* К вопросу об основных компонентах формирования культуры Андреевского кургана // Археология восточноевропейской лесостепи / Отв. ред. А.Д. Пряхин. Пенза: Пензенский ГПУ, 2003. С. 286–293.
- Матвеева Г.И.* Погребение савроматского времени у с. Андреевка в Самарском Заволжье // Вопросы археологии Поволжья. Вып. 4 / Отв. ред. Д.А. Сташенков. Самара: СамГУ, 2006. С. 177–179.
- Матвеева Г.И., Богачев А.В., Набоков А.В.* Переволжское городище // 40 лет Средневолжской археологической экспедиции: Краеведческие записки. Вып. XV / Отв. ред. Л.В. Кузнецова. Самара: Офорт, 2010. С. 231–242.
- Матвеева Г.И., Вязов Л.А., Гасилин В.А., Ломейко П.В., Серых Д.В., Скарбовенко В.А., Хохлов А.А.* Исследования городища Лбище в 2003 году // Вояджер: мир и человек. 2012. № 3. С. 171–198.
- Матвеева Г.И., Скарбовенко В.А.* Курганский могильник у с. Гвардейцы // Очерки истории и культуры Поволжья / Труды Средневолжской археологической экспедиции. Вып. 2 / Отв. ред. Г.И. Матвеева. Куйбышев: КГУ, 1976. С. 147–173.
- Матвеева Г.И., Скарбовенко В.А.* Новые исследования селища Севрюкаево II // Краеведческие записки. Вып. 12 / Гл. ред. П.С. Кабытов. Самара: Глагол, 2005. С. 35–58.
- Махортых С.В.* Скифы на Северном Кавказе. Киев: Наукова думка, 1991. 133 с.
- Махортых С.В.* Происхождение и хронология бронзовых ножей Северного Кавказа X–VIII вв. до н. э. // Памятники предскифского и скифского времени на юге Восточной Европы / МИАР. № 1 / Отв. ред. Р.М. Мунчаев, В.М. Ольховский. М.: ИА РАН, 1997. С. 4–13.
- Мачинский Д.А.* О времени первого активного выступления сармат в Поднепорье по свидетельствам античных письменных источников // АСГЭ. 1972. Вып. 13. С. 31–54.
- Медведев А.П.* Сарматы и лесостепь (по материалам Подонья). Воронеж: Воронежский ун-т, 1990. 220 с.
- Медведев А.П.* Об этнокультурной ситуации на Верхнем Дону в начале раннего железного века // РА. 1993. № 4. С. 65–77.
- Медведев А.П.* Подгоренское городище на р. Воронеж // Археологические памятники лесостепного Придонья. Вып. 1 / Отв. ред. А.Н. Бессуднов. Липецк: Липецкий ГПУ, 1996. С. 111–121.
- Медведев А.П.* III Чертовицкое городище (материалы 1-й пол. I тыс. н. э.) // Археологические памятники Верхнего Подонья первой половины I тысячелетия н. э. / Археология восточноевропейской лесостепи. Вып. 12 / Отв. ред. А.Д. Пряхин. Воронеж: Воронежский ГУ, 1998. С. 42–84.
- Медведев А.П.* Ранний железный век лесостепного Подонья. Археология и этнокультурная история I тысячелетия до н. э. М.: Наука, 1999. 152 с.
- Медведев А.П.* Археологические материалы о присутствии сарматов на лесостепных городищах // Сарматы и их соседи на Дону / Отв. ред. Ю.К. Гугуев. Ростов-на-Дону: Терра, 2000. С. 233–255.
- Медведев А.П.* Периодизация и хронология сарматских памятников на Среднем и Верхнем Дону // Сарматские культуры Евразии: проблемы региональной хронологии / Отв. ред. Б.А. Раев. Краснодар: б.и., 2004. С. 86–94.
- Медведев А.П.* Сарматы в верховьях Танаиса. М.: Таус, 2008. 252 с.
- Медведская И.Н.* Некоторые вопросы хронологии бронзовых наконечников стрел Средней Азии и Казахстана // СА. 1972. № 3. С. 76–89.
- Медведская И.Н.* Периодизация скифской архаики и древний Восток // РА. 1992. № 3. С. 88–107.
- Медведская И.Н.* Вопросы хронологии раннежелезного века на Древнем Востоке: письменные источники о железе // Российский археологический ежегодник. 2012. № 2. С. 224–245.
- Мельничук А.Ф.* Исследование памятников железного века в Среднем Прикамье // АО 1983 / Отв. ред. Р.М. Мунчаев. М.: Наука, 1985. С. 163–164.
- Мельничук А.Ф., Коренюк С.Н., Майстренко Д.А., Перескоков М.Л.* Верхнее Прикамье в гляденовское время // Переходные эпохи в археологии: Матер. Всерос. арх. конф. с междунар. участием «XIX Уральское археологическое совещание» / Науч. ред. И.О. Васкул. Сыктывкар: ИЯЛИ КНЦ РАН, 2013. С. 80–82.
- Мельничук А.Ф., Оборин В.А.* Новые исследования Гремячанского поселения-святилища // Археологические исследования Урала и Поволжья / Отв. ред. Э.А. Савельева. Сыктывкар: КНЦ УрО АН СССР, 1989. С. 75–78.
- Мелюкова А.И.* Вооружение скифов / САИ. Вып. Д 1–4. М.: Наука, 1964. 91 с.
- Мелюкова А.И.* Оружие, конское снаряжение, повозки,

- навершия // Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время / Археология СССР / Отв. ред. А.И. Мелюкова, М.Г. Мошкова. М.: Наука, 1989. С. 92–100.
- Мелюкова А.И. Скифообразные памятники в средней Европе. Трансильванская группа памятников // Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время / Отв. ред. А.И. Мелюкова, М.Г. Мошкова. М.: Наука. 1989. С. 87–91.
- Мерперт Н.Я. Материалы по археологии Среднего Поволжья // МИА. № 42 / Отв. ред. А.П. Смирнов. М.: АН СССР, 1954. С. 139–156.
- Милюков Ф.Н. Среднее Поволжье. Физико-географическое описание. М.: АН СССР, 1953. 263 с.
- Милюков Ф.Н., Гвоздецкий Н.А. Физическая география СССР. Общий обзор. Европейская часть СССР. Кавказ. М.: Высшая школа, 1986. 375 с.
- Мингалев В.В., Мингалева М.К., Перескоков М.Л. Бусы Мокинского могильника III–V/VI вв. в Пермском Прикамье // Поволжская археология. 2019. № 3. С. 202–221.
- Миронов В.Г. Памятники городищевой культуры и проблема её локальных вариантов. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 1976. 24 с.
- Миронов В.Г. Городищевая культура: состояние проблем и перспективы их изучения // Археологические памятники Среднего Поочья. Вып. 4 / Отв. ред. В.П. Челябинцев. Рязань: НПЦ, 1995. С. 68–89.
- Митряков А.Е. К вопросу о культурно-хронологической позиции сложношнуровой посуды (по материалам Зуевключевского I городища) // Труды КАЭЭ. Вып. 5 / Ред. А.М. Белавин. Пермь: ПГПУ, 2008. С. 113–116.
- Митряков А.Е. Керамические комплексы финала ананьинской – начала пьяноборской эпохи Удмуртского Прикамья (По материалам Барановского III поселения) // Международная полевая школа в Болгаре. Материалы. Вып. 1. Казань-Болгар: ИА АН РТ, КГУ, 2014. С. 69–74.
- Митряков А.Е. Грехневское поселение раннего железного века в бассейне Верхней Вятки. К проблеме интерпретации керамических комплексов поселений таежной ананьинской периферии // КЛИО. 2015. № 6. С. 106–112.
- Митряков А.Е., Решетников Н.Л., Черных Е.М. Усть-Нечкинское поселение – новый памятник позднего бронзового и раннего железного века в Среднем Прикамье // УАВ. 2010. Вып. 10. С. 22–35.
- Митряков А.Е., Черных Е.М. Вятские древности начала железного века: полтора столетия после открытия культуры «костеносных городищ» // Археология евразийских степей. Вып. 20 / Отв. ред. С.В. Кузьминых, А.А. Чижевский. Казань: Отечество, 2014. С. 147–186.
- Михеев А.В. Климкинский могильник (по материалам исследований 2003–2004 гг.) // Древняя и средневековая археология Волго-Камья. Сборник статей к 70-летию П.Н. Старостина / Археология евразийских степей. Вып. 10 / Отв. ред. Д.Г. Бугров. Казань: ИИ АН РТ, 2009. С. 81–91.
- Михеев А.В. Ананьинский горизонт Ардинского городища // Археология Евразийских степей. 2017. № 4. С. 33–43.
- Могильников В.А. К вопросу о связях населения Башкирии и Зауралья в конце I тысячелетия до н. э. – I тысячелетия н. э. // АЭБ. Т. IV / Отв. ред. Ю.В. Бромлей, Р.Г. Кузеев. Уфа: БФАН СССР, 1971. С. 151–157.
- Могильников В.А. Хунну Забайкалья // Степная полоса азиатской части СССР в скифо-сарматское время / Археология СССР / Отв. ред. М.Г. Мошкова. М.: Наука, 1992. С. 254–273.
- Могильников В.А. Население Верхнего Приобья в середине – второй половины I тысячелетия до н. э. М.: Наука, 1997. 195 с.
- Мокрушин В.П. Археологические исследования на территории Пермского и Кунгурского районов Пермской области // Археологические исследования Урала и Поволжья / Отв. ред. Э.А. Савельева. Сыктывкар: КНЦ УрО АН СССР, 1989. С. 81–83.
- Мокрушин В.П. Некоторые итоги изучения комплекса археологических памятников дер. Заосиновка // Взаимодействие древних культур Урала / В.А. Оборин. Пермь: ПГУ, 1990. С. 91–97.
- Мокрушин В.П. Новые материалы по раннему железному веку Прикамья // Археология и этнография Среднего Приуралья. Вып. 1 / Гл. ред. А.Ф. Мельничук. Березники: Тип. купца Тарасова, 2001. С. 87–94.
- Мокрушин В.П. Изучение городища Ермаша на территории г. Перми // У истоков археологии Волго-Камья (к 150-летию открытия Ананьинского могильника) / Археология евразийских степей. Вып. 8 / Отв. ред. С.В. Кузьминых, А.А. Чижевский. Елабуга: ИИ АН РТ, ИА РАН, ЕГЗМ, 2009. С. 98–107.
- Молодин В.И., Епимахов А.В., Марченко Ж.В. Радиоуглеродная хронология культур эпохи бронзы Урала и юга Западной Сибири: принципы и подходы, достижения и проблемы // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2014. Т. 13. № 3. С. 136–167.
- Монгайт А.Л. Рязанская земля. М.: АН СССР, 1961. 400 с.
- Моргунова Н.Л. Курганы у сел Краснохолм и Кардаилово в Илекском районе // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. 13 / Отв. ред. Н.Л. Моргунова. Оренбург: Оренбургская губерния, 1997. С. 8–43.
- Моргунова Н.Л. История и библиография археологических исследований Оренбургского края // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. 5 / Отв. ред. Н.Л. Моргунова. Оренбург: ОГПУ, 2001. С. 5–19.
- Моргунова Н.Л., Гольева А.А., Краева Л.А., Мецераков Д.В., Турецкий М.А., Халяпин М.В., Хохлова О.С. Шумаевские курганы / Отв. ред. Н.Л. Моргунова. Оренбург: ОГПУ, 2003. 392 с.
- Моргунова Н.Л., Трунаева Т.М. Раскопки кургана 2 могильника Покровка 2 в 1991 году // Курганы левого бережного Илека. Вып. 1 / Ред. Л.Т. Яблонский. М.: Типография Мосметростроя, 1993. С. 15–17.
- Моргунова Н.Л., Халяпин М.В. Погребения эпохи позд-

- ней бронзы у с. Покровка // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. IV / Отв. ред. Н. Л. Моргунова. Оренбург: Оренбургская губерния, 2000. С. 153–168.
- Морозов Ю.А., Котов В.Г.* Памятники археологии в зоне затопления Юмагузинского водохранилища // Экологические аспекты Юмагузинского водохранилища / Отв. ред. Э.З. Гареев, С.В. Куршаков. Уфа: Гилем, 2002. С. 14–18.
- Мошкова М.Г.* О раннесарматских втульчатых стрелах // КСИА. Вып. 89 / Отв. ред. Т.С. Пассек. М.: АН СССР, 1962. С. 77–82.
- Мошкова М.Г.* Памятники прохоровской культуры / САИ. Д 1-10. М.: АН СССР, 1963. 56 с., 32 табл.
- Мошкова М.Г.* Сарматские погребения Ново-Кумакского могильника близ г. Орск // Памятники Южного Приуралья и Западной Сибири сарматского времени / МИА. № 153 / Отв. ред. К.Ф. Смирнов. М.: Наука, 1972. С. 27–48.
- Мошкова М.Г.* Происхождение раннесарматской (прохоровской) культуры. М.: Наука, 1974. 52 с.
- Мошкова М.Г.* Краткий очерк истории савромато-сарматских племен // Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время / Археология СССР / Отв. ред. А.И. Мелюкова, М.Г. Мошкова. М.: Наука, 1989. С. 153–158.
- Мошкова М.Г.* Пути и особенности развития савромато-сарматской культурно-исторической общности. Науч. доклад дисс. ... докт. ист. наук. М.: ИА АН СССР, 1989. 47 с.
- Мошкова М.Г.* Среднесарматская культура // Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время / Археология СССР / Отв. ред. А.И. Мелюкова, М.Г. Мошкова. М.: Наука, 1989. С. 177–191.
- Мошкова М.Г.* Среднесарматские и позднесарматские памятники на территории Южного Приуралья // Сарматские культуры Евразии: проблемы региональной хронологии / Отв. ред. Б.А. Раев. Краснодар: б.и., 2004. С. 22–44.
- Мошкова М.Г.* По поводу статьи Л.Т. Яблонского «Проблема хронологии и типологизации сарматских культур на современном этапе их изучения (в свете новейших материалов из Южного Приуралья) // Региональные особенности раннесарматской культуры: материалы семинара Центра изучения истории и культуры сарматов. Вып. II / Отв. ред. И.В. Сергацков. Волгоград: ВолГУ, 2007. С. 100–114.
- Мурыгин А.М.* Хэйбидя-Пэдарское жертвенное место / Серия «Научные доклады». Вып. 114. Сыктывкар: Коми филиал АН СССР, 1984. 52 с.
- Мурыгин А.М.* Средневековые святилища Печорского края // Святилища и жертвенные места финно-угорского населения Евразии. Пермь: Соликамский ГПИ, 1996. С. 61–64
- Мурыгин А.М.* Памятники позднего железного века лесной и тундровой полосы Печорского Приуралья // Археология Республики Коми / Отв. ред. Э.А. Савельева. М.: ДиК, 1997. С. 478–560.
- Мыськов Е.П., Кияшко А.В., Скрипкин А.С.* Погребения сарматской знати с Есауловского Аксая // НАВ. Вып. 2 / Отв. ред. А.С. Скрипкин. Волгоград: ВолГУ, 1999. С. 149–166.
- Мышкин В.Н.* Восточное Приаралье и Самаро-Уральский регион: к проблеме происхождения традиций захоронения на дневной поверхности и в глиняных мавзолеях у южноуральских кочевых племен скифского времени // УАВ. 2014. Вып. 14. С. 146–156.
- Мышкин В.Н.* К проблеме реконструкции системы сезонных перекочевков кочевников Волго-Уральского междуречья в VI–I вв. до н. э. // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. VIII / Отв. ред. Н.Л. Моргунова. Оренбург: ОГПУ, 2007. С. 81–87.
- Мышкин В.Н.* Колчанные крючки кочевников Самаро-Уральского региона VII–I вв. до н. э. // Археология и палеоантропология евразийских степей и сопредельных территорий / Отв. ред. М.М. Герасимова, В.Ю. Малашев, М.Г. Мошкова. М.: Таус, 2010. С. 262–279.
- Мышкин В.Н.* Кочевое население степного Заволжья скифского времени в контексте взаимодействия с номадами Южного Урала // Вестник Волгоградского государственного ун-та. Серия 4: История. 2015. № 5 (35). С. 25–35.
- Мышкин В.Н.* Курганы с глиняными «мавзолеями» кочевников Самаро-Уральского региона скифского времени. // Вояджер: мир и человек. 2012. № 3. Спецвыпуск к 50-летию А.В. Богачева. С. 149–171.
- Мышкин В.Н.* Находки савроматского и сарматского оружия в Куйбышевской области и Западном Оренбуржье // Археологические исследования в Среднем Поволжье / Отв. ред. Г.И. Матвеева. Куйбышев: КГУ, 1987. С. 104–113.
- Мышкин В.Н.* О портупейном поясе из могильника Березки I // Вояджер: мир и человек. 2011. № 1. С. 3–6.
- Мышкин В.Н.* Псалии с окончаниями в виде голов хищных птиц у кочевников Самаро-Уральского региона // Известия СНЦ РАН. Т. 16. № 3. Ч. 1. 2014б. С. 308–313.
- Мышкин В.Н.* Раннесарматские погребения курганного могильника Карабаевка I // НАВ. Вып. 10 / Отв. ред. А.С. Скрипкин. Волгоград, 2009. С. 335–345.
- Мышкин В.Н.* Сарматские погребения Виловатовского курганного могильника в Куйбышевской области // Проблемы хронологии сарматской культуры / Ред. А.С. Скрипкин. Саратов: СарГУ, 1992. С. 121–136.
- Мышкин В.Н., Скарбовенко В.А.* Савроматские и раннесарматские памятники Самарского Заволжья // Краеведческие записки СОИМК. Вып. VIII / Отв. ред. П.С. Кабытов. Самара: СОИМК, 1996. С. 196–222.
- Мышкин В.Н., Скарбовенко В.А.* Кочевники Самарского Поволжья в раннем железном веке // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Ранний железный век и средневековье / Отв. ред. И.Н. Васильева, Г.И. Матвеева. М.: Наука, 2000. С. 9–81.
- Мышкин В.Н., Скарбовенко В.А.* Ранние кочевники Самарского Поволжья: история и итоги изучения // 40 лет Средневожской археологической экспедиции / Краеведческие записки. Вып. XV / Отв. ред.

- Л.В. Кузнецова. Самара: Офорт, 2010. С. 87–100.
- Мышкин В.Н., Скарбовенко В.А., Хохлов А.А.* Сарматские курганы у с. Гвардейцы // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. III / Отв. ред. Н.Л. Моргунова. Оренбург: Димур, 1999. С. 147–176.
- Мышкин В.Н., Скарбовенко В.А., Хохлов А.А.* Кочевники Самарского Поволжья во второй половине I тысячелетия до н. э. // Раннесарматская культура: формирование, развитие, хронология. Вып. 1 / Отв. ред. В.Н. Мышкин. Самара: СНЦ РАН, 2000. С. 71–84.
- Мышкин В.Н., Турецкий М.А., Хохлов А.А.* Курганный могильник Полудни II // Краеведческие записки. Вып. XV: 40 лет Средневожской археологической экспедиции / Отв. ред. Л.В. Кузнецова. Самара: Офорт. 2010. С. 194–217.
- Мясников Н.С.* Новые находки ананьинского времени с территории Чувашии // Ананьинский мир: истоки, развитие, связи, исторические судьбы / Археология евразийских степей. Вып. 20 / Отв. ред. С.В. Кузьминых, А.А. Чижевский. Казань: Отечество, 2014. С. 276–280.
- Мясников Н.С.* Археологические памятники первой половины I тысячелетия н. э. Сурско-Свияжского междуречья. Дисс. ... канд. ист. наук. Казань, 2016. 264 с.
- Мясников Н.С.* Новые случайные находки ананьинского времени на территории Чувашии // Археология Евразийских степей. 2017. № 4. С. 44–48.
- Наговицын Л.А., Семенов В.А.* Городищенский могильник III–V вв. // Материалы к ранней истории населения Удмуртии / Отв. ред. М.Г. Иванова. Ижевск: НИИ при Совете Министров Удм. АССР, 1978. С. 118–123.
- Невоструев К.И.* Ананьинский могильник // Труды I АС. М., 1871. Т. II. С. 595–632.
- Невоструев К.И.* О городищах древнего Волжско-Болгарского и Казанского царств в нынешних губерниях Казанской, Симбирской, Самарской и Вятской // Тр. I АС. Т. II / Отв. лицо А.С. Уваров. М.: Синодальной типографии, 1871б. С. 521–594.
- Немкова В.К.* История растительности Предуралья за поздне- и послеледниковое время // Актуальные вопросы современной геохронологии / Ред. А.П. Виноградов и др. М.: Наука, 1976. С. 259–276.
- Немкова В.К.* Стратиграфия поздне- и послеледниковых отложений Предуралья // К истории позднего плейстоцена и голоцена Южного Урала и Предуралья / Отв. ред. В.Л. Яхимович. Уфа: БФАН СССР, 1978. С. 4–45.
- Немкова В.К.* Флора и растительность Предуралья в плиоцене, плейстоцене и голоцене // Плиоцен и плейстоцен Волго-Уральской области / Отв. ред. М.А. Камалетдинов, В.Л. Яхимович. М. Наука, 1981. С. 69–77.
- Немкова В.К., Климанов В.А.* Характеристики климата Башкирского Предуралья в голоцене // Некоторые вопросы биостратиграфии, палеомагнетизма и тектоники кайнозоя Предуралья. Уфа: БНЦ УрО АН СССР. 1988. С. 65–71.
- Нефедов Ф.Д.* Археологические исследования в Южном Приуралье и Прикамье в 1893–1894 гг. // МАВГР. 1899. Т. III. С. 42–74.
- Нечвалода А.И.* Новые краниологические материалы эпохи железа степного Приуралья из Яковлевского могильника // Вестник антропологии. 2002. Вып. 9. С. 55–81.
- Нечвалода А.И.* Новые краниологические материалы кара-абызской культуры из могильника Кара-абыз II // Этнос. Общество. Цивилизация: III Кузеевские чтения / Гл. ред. А.Б. Юнусова. Уфа: ГУП РБ Уфимский полиграфкомбинат, 2012. С. 249–251.
- Нечвалода А.И.* Черепа ранних кочевников Южного Урала из Переволочанского некрополя // УАВ. 2014. Вып. 14. С. 157–167.
- Нечвалода А.И., Воробьева С.Л.* Мужские и женские погребения носителей кара-абызской культуры по материалам Охлебининского могильника: Антропологические данные и погребальный костюм // Мужской и женский мир в отражении археологии / Отв. ред. Я.В. Рафикова. Уфа: ИИЯЛ УФИЦ РАН, 2018. С. 152–170.
- Нечвалода А.И., Куфтерин В.В.* Палеоантропология Николаевского курганного могильника эпохи бронзы и железа // Вестник антропологии. 2006. Вып. 14. С. 74–81.
- Никитина Т.Б.* История населения Марийского края в I тыс. н. э. (по материалам могильников) / Труды МАЭ. Т. V / Ред. Т.Б. Никитина, Б.С. Соловьев. Йошкар-Ола: МарНИИ, 1999. 160 с.
- Никитинский И.Ф.* Поселение раннего железного века Вёкса I на реке Вологде // Послужить Северу...: историко-художественный и краеведческий сборник / Отв. ред. А. В. Быков. Вологда: Ардвисура, 1995. С. 27–42.
- Никифорова Л.Д.* Изменение природной среды в голоцене на северо-востоке Европейской части СССР. Дисс... канд. геогр. наук. М., 1979. 154 с.
- Николаева К.В., Линкина Л.И., Кашапова Г.И.* История развития растительного покрова Казанского Кремля и его окрестностей в позднем голоцене по данным палинологического анализа археологических раскопов // Археология и естественные науки Татарстана. Кн. 3. Проблемы изучения первобытности и голоцена в Волго-Камье / Отв. ред. М.Ш. Галимова. Казань: Алма-Лит, 2007. С. 227–249.
- Никольский Г.В.* Материалы по ихтиофауне городищ бассейнов Ветлуги и Вятки // Зоологический журнал. 1935. Т. 14. Вып. 1. С. 79–96.
- Новиков А.В.* Поселения с гребенчато-шнуровой и шнуровой керамикой раннего железного века Костромского Поволжья // Археология Евразийских степей. 2018. № 2. С. 7–288.
- Новиков А.В.* Одоевское городище. К вопросу о культурной специфике Поволжья в раннем железном веке // Археология Евразийских степей. 2021. № 2. С. 108–163.
- ОАК за 1898 г. Отчеты Императорской Археологической Комиссии за 1898 год. СПб., 1901. 191 с.
- Обломский А.М.* Днепровское лесостепное левобережье в позднеримское и гуннское время (середины III–

- первая половина V в. н. э.). М.: Наука, 2002. 253 с.
- Оборин В.А.* К истории земледелия у древних коми-пермяков // СЭ. 1956. № 2. С. 66–75.
- Оборин В.А.* К истории населения Среднего Прикамья в эпоху железа // Из истории Урала / Ред. Ф.П. Быстрых и др. Свердловск: Свердловское кн. изд-во, 1960. С. 38–49.
- Оборин В.А.* Больше-Никольское I городище // Отчеты К(В)АЭ. Вып. 2 / Отв. ред. О.Н. Бадер. М.: ИА АН СССР, 1961 в. С. 272–285.
- Оборин В.А.* Некоторые итоги и задачи изучения железного века Верхнего и Среднего Прикамья // ВАУ. Вып. 1 / Отв. ред. В.Ф. Генинг. Свердловск: УрГУ, 1961 а. С. 53–65.
- Оборин В.А.* Раскопки памятников железного века в Верхнем и Среднем Прикамье // ВАУ. Вып. 2 / Отв. ред. В.Ф. Генинг. Свердловск: УрГУ, 1961 б. С. 95–100.
- Оборин В.А.* Обсуждение докладов и сообщений по проблеме происхождения ананьинской культурной области и ее локальных вариантов // УЗ ПГУ. № 148. Пермь. 1967. С. 216–223.
- Оборин В.А.* От Пермского университета // Труды IV Уральского археологического совещания / УЗ ПГУ. № 148 / Отв. ред. В.А. Оборин. Пермь: ПГУ, 1967. С. 3.
- Оборин В.А.* Краткий очерк работы Камской археологической экспедиции ПГУ в 1961–1966 годах // УЗ ПГУ. Вып. 191. Пермь: ПГУ, 1969. С. 7–27.
- Оборин В.А.* Культурные связи племен Верхнего Прикамья с племенами Северо-Востока Европы в эпоху железа // Древности Восточной Европы / МИА. № 169 / Ред. Л.А. Евтюхова. М.: Наука, 1969. С. 156–166.
- Обыденнов М.Ф., Горбунов В.С.* Научный отчет об археологических раскопках БашГУ 1973 г. Уфа, 1973. 18 с. / Архив БашГУ.
- Обыденнов М.Ф., Обыденнова Г.Т.* Археологические памятники Южного Приуралья эпохи железа (I тыс. до н. э. – I тыс. н. э. Уфа: БЭК, 1998. 79 с.
- Овсянников В.В.* Научный отчет о раскопках Шиповского могильника и городища в 1994 г. Уфа, 1995 / НА УНЦ РАН. Ф. 3. Оп. 2а. Д. 56. 49 л.
- Овсянников В.В.* Погребения «военачальников» (к проблеме реконструкции военной организации у финно-пермяков Прикамья) // Вооружение и военное дело древних племен Южного Урала / Ред. В.С. Горбунов. Уфа: Конкорд-Инвест, 1994. С. 52–88.
- Овсянников В.В.* Нагаевские курганы // Наследие веков. Охрана и изучение памятников археологии в Башкортостане. Вып. 1 / Отв. ред. А.Ф. Яминов. Уфа: МК РБ. 1995. С. 85–95.
- Овсянников В.В.* Альбом иллюстраций к научному отчету о полевых исследованиях, проведенных в Иглинском районе в 2003 г. Уфа, 2004 / НА УНЦ РАН. Ф. 3. Оп. 2. Д. 1031. 51 л.
- Овсянников В.В.* Научный отчет об археологических работах в районах Иглинском районе и на территории г. Уфы РБ в 2005 году. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2005 / Научный архив ИИЯЛ УНЦ РАН. Ф. 3. Оп. 2. Д. 1037. 88 л.
- Овсянников В.В.* Зооморфная металлопластика кара-абызской культуры // Южный Урал и сопредельные территории в скифо-сарматское время / Отв. ред. Г.Т. Обыденнова, Н.С. Савельев. Уфа: Гилем, 2006. С. 171–179.
- Овсянников В.В.* Этнокультурная ситуация в Среднем Прибелье в гунно-сарматский период (по материалам Шиповского могильника) // Взаимодействие народов Евразии в эпоху Великого переселения народов / Гл. ред. Р.Д. Голдина. Ижевск: УдГУ, 2006б. С. 81–93.
- Овсянников В.В.* Отчет об археологических исследованиях Шиповского курганно-грунтового могильника в Иглинском районе Республики Башкортостан в 2006 году. Уфа, 2008 / Архив ИИЯЛ УНЦ РАН.
- Овсянников В.В.* Кара-абызская культура (V в. до н. э. – IV в. н. э.) // История башкирского народа. Т. 1 / Гл. ред. М.М. Кульшарипов. М.: Наука, 2009. С. 223–245.
- Овсянников В.В.* Опыт выделения зон активного взаимодействия оседлого и кочевого населения Предуралья в савромато-сарматскую эпоху // УАВ. 2009. Вып. 9. С. 144–156.
- Овсянников В.В.* Отчет об археологических исследованиях Шиповского курганно-грунтового могильника в Иглинском районе Республики Башкортостан в 2008 году. Уфа, 2009 / Архив ИИЯЛ УНЦ РАН.
- Овсянников В.В.* Общие элементы в погребальном обряде и инвентаре населения кара-абызской культуры и сармат лесостепи Южного Предуралья (по материалам Шиповских, Старо-Киишкинских и Бишунгаровских курганов) // УАВ. 2014. Вып. 14. С. 168–177.
- Овсянников В.В.* Селище Воронки – ранний памятник кара-абызской культуры // Ананьинский мир: истоки, развитие, связи, исторические судьбы // Археология евразийских степей. Вып. 20 / Отв. ред. С.В. Кузьминых, А.А. Чижевский. Казань: Отечество, 2014. С. 303–313.
- Овсянников В.В.* Предкараабызские памятники Прибелья (некоторые историографические и источниковедческие аспекты) // Археология Евразийских степей. 2017. № 4. С. 70–88.
- Овсянников В.В.* Кочевники средне- и позднесарматского времени // Древности Башкирского Урала / Ред. Н.С. Савельев. Уфа: Информреклама, 2018. С. 63–69.
- Овсянников В.В., Каюмов И.Х., Бабин И.М.* Новые материалы с поселений кара-абызской культуры // УАВ. 2015. Вып. 15. С. 85–110.
- Овсянников В.В., Курманов Р.Г.* Палинологические исследования культурного слоя Бирского поселения // Поволжская археология. 2018. № 3. С. 88–102.
- Овсянников В.В., Савельев Н.С.* Воинское святилище на Акбердинском II городище // Археология Евразийских степей. 2019. № 2. С. 201–226.
- Овсянников В.В., Савельев Н.С., Акбулатов И.М., Васильев В.Н.* Шиповский могильник в лесостепном

- Приуралье. Уфа: Гилем, 2007. 166 с.
- Овсянников В.В., Тагиров Ф.М. Городище Какры-Куль (Старо-Муштинское) // УАВ. 2000. № 2. С. 165–178.
- Овсянников В.В., Тагиров Ф.М. Накладка с изображением медведей с Кипчаковского городища // УАВ. 2019. Вып. 19. С. 78–81.
- Овсянников В.В., Яминов А.Ф. Исследование могильника у Чортова городища в Уфе (1911–1912 годы) // УАВ. 2003. Вып. 4. С. 16–46.
- Овчинников Ф.В. О происхождении харинской поясной гарнитуры (к вопросу о происхождении культуры харинского типа) // МАЕСВ. Вып. 17 / Отв. ред. Э.А. Савельева. Сыктывкар: КНЦ УрО РАН, 2005. С. 47–61.
- Ольховский В.С. Скифская триада // Памятники предскифского и скифского времени на юге Восточной Европы / МИАР. № 1 / Отв. ред. Р.М. Мунчаев, В.С. Ольховский. М.: ИА РАН, 1997. С. 85–96.
- Оруджов Э.И. Керамический комплекс Кривоборского городища // Археология Евразийских степей. 2017. № 4. С. 89–104.
- Оруджов Э.И. Система расселения носителей ананьинской культурно-исторической области в бассейне рек Вятка и Ветлуга // Поволжская археология. 2017. № 3. С. 117–140.
- Оруджов Э.И., Глушков К.Н. Чижевское (Марьин кокошник) городище. Итоги археологических исследований за 2017–2018 гг. // Археология Евразийских степей. 2019. № 2. С. 246–258.
- Останина Т.И. К вопросу о хронологии памятников мазунинской культуры // Этнические процессы на Урале и в Сибири в первобытную эпоху / Отв. ред. В.Е. Владкин. Ижевск: УдГУ, 1983. С. 72–79.
- Останина Т.И. Два памятника мазунинской культуры в центральной Удмуртии // Поиски, открытия, исследования / Сост. Т.И. Останина. Ижевск: Удмуртия, 1984. С. 26–92.
- Останина Т.И. Ижевский могильник. Погребальный обряд, социальная структура общества // Удмуртия: новые исследования / Ред. Т.И. Останина. Ижевск: Удмуртия, 1990. С. 31–47.
- Останина Т.И. Покровский могильник IV–V вв. Каталог археологической коллекции. Ижевск: Алфавит, 1992. 94 с.
- Останина Т.И. Население Среднего Прикамья в III–V вв. Ижевск: УДИИЯЛ УрО РАН, 1997. 328 с.
- Останина Т.И. Пьяноборская культура (III в. до н. э. – II в. н. э.) // История Удмуртии с древнейших времен до XV в. / Ред. М.Г. Иванова. Ижевск: УРО РАН, УДИИЯЛ, 2007. С. 166–182.
- Очерки по географии Татарии / Под ред. Н.И. Воробьева, В.Н. Сементовского. Казань: Таткнигоиздат, 1957. 357 с.
- Очир-Горяева М.А. Савроматская культура Нижнего Поволжья (VI–IV вв. до н. э.). Дисс... канд. ист. наук. Л., 1988. 197 с.
- Очир-Горяева М.А. О расселении савроматов // Вестник ЛГУ. Сер. 2. № 16. Л.: ЛГУ, 1989. С. 95–99.
- Очир-Горяева М.А. Савроматская проблема в скифо-сарматской археологии // РА. 1992. № 2. С. 32–41.
- Очир-Горяева М.А. Нашивные бляшки древних кочевников Поволжья // Петербургский археологический вестник. Вып. 6 / Отв. ред. В.Ю. Зуев. СПб.: Фарн, 1993. С. 35–38.
- Очир-Горяева М.А. Наконечники стрел кочевников Нижнего Поволжья // РА. 1996. № 1. С. 41–45.
- Очир-Горяева М.А. Отчет об археологических исследованиях на территории Республики Калмыкия в 2002 г. Элиста, 2003. 149 с. // Научный архив Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН.
- Очир-Горяева М.А. Некоторые наблюдения по географическому распределению археологических памятников в Нижнем Поволжье // НАВ. Вып. 7 / Отв. ред. А.С. Скрипкин. Волгоград, 2005. С. 15–33.
- Очир-Горяева М.А. Погребения с сопровождающими захоронениями коней и предметами конской узды скифской эпохи Южного Приуралья // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. Вып. 3–4 / Сост. В.И. Соенов. Горно-Алтайск: АКИН, 2006. С. 107–122.
- Очир-Горяева М.А. Уздечные наборы скифской эпохи Южного Приуралья // Lieber Archaeologicae: Сборник, посвященный 60-летию Б.А. Раева / Отв. ред. А.В. Симоненко. Ростов-на-Дону: ЮНЦ РАН, 2006. С. 94–106.
- Очир-Горяева М.А. Конь в культуре кочевников скифской эпохи по Геродоту // НАВ. Вып. 18 / Отв. ред. А.С. Скрипкин. Волгоград: ВолГУ, 2011. С. 69–75.
- Очир-Горяева М.А. Древние всадники степей Евразии. М.: Таус, 2012. 486 с.
- Очир-Горяева М.А., Лапа Н.Л. Комплекс сарматского воинского погребения из фондов Калмыцкого республиканского краеведческого музея // ВДИ. 2002. № 3. С. 200–205.
- Памятники Нижнего Поволжья. Т. I / МИА. № 60 / Отв. ред. Е.И. Крупнов. М.: АН СССР, 1959. 598 с.
- Памятники срубной культуры. Волго-Уральское междуречье / САИ. В 1-10 / Отв. ред. Н.М. Малов. Саратов: СарГУ, 1993. 204 с.
- Панова Н.К. История развития лесной растительности на Урале в голоцене // Лесообразовательный процесс на Урале и в Зауралье / Отв. ред. Е.П. Смолоногов. Екатеринбург: УрО РАН, 1996. С. 26–49.
- Патрушев В.С. Исследования Акозинского могильника в 1971–1972 годах // Вопросы этнической истории в первобытную эпоху / Ред. Г.Н. Айплатов и др. Йошкар-Ола: МарГУ, 1982. С. 19–56.
- Патрушев В.С. Марийский край в VII–VI вв. до н. э. (Старший Ахмыловский могильник). Йошкар-Ола: МКИ, 1984. 232 с.
- Патрушев В.С. Раскопки Малахайского городища // АО 1982 / Отв. ред. Б.А. Рыбаков. М.: Наука, 1984а. С. 170.
- Патрушев В.С. Оборонительные сооружения Малахайского городища. // АО 1983 / Отв. ред. Р.М. Мунчаев. М.: Наука, 1985. С. 174.
- Патрушев В.С. Начало эпохи раннего железа в Марийском крае. Йошкар-Ола: МарГУ, 1986. 90 с.
- Патрушев В.С. У истоков волжских финнов. Йошкар-

- Ола: МКИ, 1989. 87 с.
- Патрушев В.С.* Новые исследования Пустоморквашинского могильника // Новые источники по этнической и социальной истории финно-угров Поволжья: 1 тыс. до н. э. – 1 тыс. н. э. / Отв. ред. Ю.А. Зеленева. Йошкар-Ола: МарГУ, 1990. С. 25–74.
- Патрушев В.С.* Финно-угры России (II тыс. до н. э. – начало II тыс. н. э.). Йошкар-Ола: МКИ, 1992. 214 с.
- Патрушев В.С.* Могильники Волго-Камья раннеананьинского времени / Археология Урала и Поволжья. Вып. 2. Казань: Фолиант, 2011. 384 с.
- Патрушев В.С.* Археологические памятники с «текстильной» керамикой: итоги и перспективы исследований // Поволжская археология. 2016. № 3. С. 194–224.
- Патрушев В.С.* Ананьинские древности Марийского края // Археология Евразийских степей. 2017. № 4. С. 105–126.
- Патрушев В.С., Лавенто М.* Хозяйство волжских финнов эпохи поздней бронзы и начала железного века. Йошкар-Ола-Хельсинки: МарГУ, 2019. 256 с.
- Патрушев В.С., Розанова Л.С.* Технология изготовления железных вещей из Старшего Ахмыловского могильника // СА. 1986. № 1. С. 184–197.
- Патрушев В.С., Халиков А.Х.* Волжские ананьинцы (Старший Ахмыловский могильник). М.: Наука, 1982. 277 с.
- Пахомова О.М.* История растительности Вятско-Камского Приуралья в позднем плейстоцене и голоцене (по материалам спорово-пыльцевого анализа). Автореф. дисс... канд. геогр. наук. М., 2004. 22 с.
- Переводчикова Е.В.* Типология и эволюция скифских наверший // СА. 1980. № 2. С. 23–44.
- Перевозчикова С.А., Черных Е.М.* Усть-Нечкинские городища в Среднем Прикамье на этапе ананьинской культуры (топография, планировка, инвентарь) // Поволжская археология. 2015. № 2. С. 114–135.
- Первощиков С.Е., Сабирова Т.М.* Цветной металл Ошкинского могильника конца I–III вв. по результатам рентгенофлуоресцентного анализа // Лещинская Н.А. Вятский край в пьяноборскую эпоху (по материалам погребальных памятников I–V вв. н. э.) / МИКВАЭ. Т. 27. Приложение II. Ижевск: УдГУ, 2014. С. 452–470.
- Перерва Е.В., Березина Н.Я., Кривошеев М.В.* Трепанации савромато-сарматского времени по материалам с территории Нижнего Поволжья // Археология, этнография и антропология Евразии. 2020. № 48 (2). С. 140–148.
- Перескоков М.Л.* Некоторые итоги изучения хозяйства населения гляденовской культуры Пермского Прикамья // Археологическое наследие Урала: от первых открытий к фундаментальному научному знанию / XX Уральское археологическое совещание / Отв. ред. Е.М. Черных. Ижевск: Институт компьютерных исследований, 2016. С. 175–178.
- Перескоков М.Л.* Археологические критерии социальной структуры населения Пермского Прикамья на позднем этапе гляденовской культуры (по материалам Мокинского могильника III–V/VI вв. н. э.) // Stratum plus. 2018a. № 4. С. 47–70.
- Перескоков М.Л.* Пермское Приуралье в финале раннего железного века. Пермь: ПГНИУ, 2018. 320 с.
- Перескоков М.Л., Доткин К.В., Якимова Д.А.* Головной убор IV в. н. э. из Мокинского могильника // Поволжская археология. 2018. № 1. С. 178–198.
- Петренко А.Г.* Osteологические комплексы из археологических раскопок памятников эпохи железа на территории Башкирии // АЭБ. Т. IV / Ред. Ю.В. Бромлей, Р.Г. Кузеев. Уфа: БФАН СССР, 1971. С. 113–116.
- Петренко А.Г.* Древнее и средневековое животноводство Среднего Поволжья и Предуралья. М.: Наука, 1984. 174 с.
- Петренко А.Г.* Материалы по истории развития древнего животноводства в Среднем Поволжье // Археологические памятники зоны водохранилищ Волго-Камского каскада / Отв. ред. П.Н. Старостин. Казань: ИЯЛИ, 1992. С. 118–128.
- Петренко А.Г.* Следы ритуальных животных в могильниках древнего и средневекового населения Среднего Поволжья и Предуралья. Казань: Школа, 2000. 156 с.
- Петренко А.Г.* Становление и развитие основ животноводческой деятельности в истории народов Среднего Поволжья и Предуралья (по археозоологическим материалам) / Археология евразийских степей. Вып. 3. Казань: ИИ АН РТ, 2007. 144 с.
- Петренко В.Г.* Краснознаменский могильник. Элитные курганы раннескифской эпохи на Северном Кавказе / Степные народы Евразии. Т. III. М., Берлин, Бордо: Палеограф, 2006. 176 с.
- Петренко В.Г., Маслов В.Е., Канторович А.Р.* Погребения подростков в могильнике Новозаведенное II // Древности скифской эпохи / Отв. ред. В.Г. Петренко, Л.Т. Яблонский. М.: ИА РАН, 2006. С. 388–423.
- Пиотровский Б.Б.* Кармир-Блур. Альбом. Л.: Аврора, 1970. 129 с.
- Плиний Секунд Гай.* Естественная история // Латышев В.В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе / ВДИ. 1949. № 2. С. 271–356.
- Плиний Старший (Гай Плиний Старший).* Естественная история ископаемых тел, переложенная на Русский язык в азбучном порядке: примечаниями дополненная трудами В. Севергина. СПб.: Императорская академия наук, 1819. 364 с.
- Плюснин С.М.* Первые погребения эпохи железа на нижней Печоре // Тезисы 10-й Коми республиканской молодежной конференции. Сыктывкар: Коми филиал АН СССР, 1987. С. 16–17.
- Погрелова М.Н., Раевский Д.С.* Савроматы и скифы // Сарматы и Скифия / Донские древности. Вып. 5 / Отв. ред. В.Е. Максименко. Азов: Азовский краеведческий музей, 1997. С. 79–86.
- Полесских М.Р.* Древнее население Верхнего Посурья и Примокшанья. Пенза: Приволж. кн. изд-во, 1977. 88 с.
- Полин С.В.* От Скифии к Сарматии. Киев: ИА АН Украины, 1992. 201 с.
- Полин С.В.* О хронологии раннескифской культуры

- (по И.Н. Медведской) // РА. 1998. № 4. С. 50–63.
- Полин С.В.* Скифский царский курган Гайманова могила. Киев: Скиф, 2012. 752 с.
- Полосьмак Н.В.* Бараба в эпоху раннего железа. Новосибирск: Наука, 1987. 144 с.
- Поляков Ю.А.* Коновалытское селище // УЗ ПГУ. Т. XII. Вып. 1. Пермь: Пермское книжное изд-во, 1960. С. 207–218.
- Поляков Ю.А.* Махонинское городище // ВАУ. Вып. 2 / Отв. ред. В.Ф. Генинг. Свердловск: УрГУ, 1961. С. 90–94.
- Поляков Ю.А.* Итоги изучения памятников гляденовской культуры в Верхнем и Среднем Прикамье // Труды IV Уральского археологического совещания / УЗ ПГУ. № 148 / Отв. ред. В.А. Оборин. Пермь: ПГУ, 1967. С. 197–215.
- Поляков Ю.А.* К вопросу о раннем этапе этнической истории коми-пермяцкого народа // Языки и ономастика Прикамья / Науч. ред. А.С. Гантман. Пермь: ПГПУ, 1973. С. 105–112.
- Поляков Ю.А.* Гляденовская культура в верхнем и среднем Прикамье (III в. до н. э. – середина VI в. н. э.). Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 1980. 18 с.
- Поляков Ю.А.* Керамика гляденовской культуры // Finno-Ugrica. 1999. № 1. С. 4–10.
- Поляков Ю.А.* Гляденовская культура // Археология и этнография Среднего Приуралья. Вып. 1. Березники: ПГПУ, 2001. С. 10–19.
- Поляков Ю.А.* Пещерское городище // Археология и этнография Среднего Приуралья. Вып. 1. Березники: ПГПУ, 2001б. С. 20–36.
- Полин С.В.* Про сарматське завоювання Північного Причорномор'я // Археологія. 1984. № 45. С. 24–34.
- Пономарев П.А.* Предварительное сообщение о результатах раскопок в Лаишевском уезде близ с. Шуран и дер. Сорочьих Гор, произведенных летом 1881 г. // ИОАИЭ. 1884. Т. III. С. 323–325.
- Пономарев П.А.* Материалы для характеристики бронзовой эпохи Камско-Волжского края. I. Ананьинский могильник (археологический этюд) // ИОАИЭ. 1892. Т. X. Вып. 4. С. 405–438.
- Придик Е.* Мельгуновский клад / МАР. Вып. 31. СПб.: Тип. глав. управления уделов, 1911. 24 с.
- Проблемная ситуация в современной археологии. Киев: Наукова Думка, 1988. 288 с.
- Прокашев А.М., Жуйкова И.А., Пахомов М.М.* История почвенно-растительного покрова Вятско-Камского края в последнедиониковье. Киров: Вят. гос. гуманитар. ун-т, 2003. 143 с.
- Прокошев Н.А.* Камская экспедиция 1935 г. // СА. 1936. Т. 1. С. 255–269.
- Прокошев Н.А.* Новые данные о городищах близ г. Кирова // КСИИМК. Вып. 2 / Отв. ред. С.Н. Бибииков. М.-Л.: АН СССР, 1939. С. 21–22.
- Прокошев Н.А.* Из материалов по изучению ананьинской эпохи в Прикамье // СА. 1948. Т. X. С. 183–202.
- Проценко А.С.* История изучения кара-абызских древностей в XX веке (начальный этап изучения археологической культуры) // Известия СНИЦ РАН. Т. 17. № 3(2). 2015а. С. 559–566.
- Проценко А.С., Мухаметдинов В.И., Атнабаев Н.Н.* Технично-технологический анализ керамики из городищ Кара-Абыз (предварительные результаты) // Клио. 2017. Археология. № 11(131). С. 144–145.
- Проценко А.С., Сатаев Р.М.* К вопросу об основах жизнеобеспечения носителей кара-абызской археологической культуры // Вестник Томского государственного университета. История. № 6 (44). 2016. С. 125–133.
- Псевдо-Скимн* Землеописание / Латышев В.В. Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе // ВДИ. 1947. № 3. С. 247–332.
- Пуздровский А.Е.* Крымская Скифия II в. до н. э. – III в. н. э. Погребальные памятники. Симферополь: Бизнес-Информ, 2007. 480 с.
- Пшеницына М.Н.* Тесинский этап // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время / Археология СССР / Отв. ред. М.Г. Мошкова. М.: Наука, 1992. С. 224–236.
- Пшеничнюк А.Х.* Биктимировский могильник // АЭБ. Т. II / Отв. ред. Р.Г. Кузеев, К.В. Сальников. Уфа: БФАН СССР, 1964. С. 215–231.
- Пшеничнюк А.Х.* К вопросу о керамике кара-абызских поселений // АЭБ. Т. II / Отв. ред. Р.Г. Кузеев, К.В. Сальников. Уфа: БФАН СССР, 1964. С. 93–100.
- Пшеничнюк А.Х.* О периодизации кара-абызских памятников / УЗ ПГУ. № 148 / Отв. ред. В.А. Оборин. Пермь: ПГУ, 1967. С. 156–170.
- Пшеничнюк А.Х.* Охлебининский могильник // АЭБ. Т. III / Отв. ред. Р.Г. Кузеев. Уфа: БФАН СССР, 1968. С. 59–104.
- Пшеничнюк А.Х.* Население Центральной Башкирии на рубеже н. э. (кара-абызская культура). Автореф. дисс. ...канд. ист. наук. М., 1968. 19 с.
- Пшеничнюк А.Х.* Племена раннего железного века в Башкирии // АЭБ. Т. IV / Отв. ред. Ю.В. Бромлей, Р.Г. Кузеев. Уфа: БФАН СССР, 1971. С. 89–92.
- Пшеничнюк А.Х.* Кара-абызская культура (население центральной Башкирии на рубеже нашей эры) // Археология и этнография Башкирии. Т. V / Ред. Н.В. Бикбулатов, Р.Г. Кузеев, Н.А. Мажитов. Уфа, 1973. С. 162–243.
- Пшеничнюк А.Х.* Шиповский комплекс памятников // Древности южного Урала / Ред. Р.Г. Кузеев и др. Уфа: БФАН СССР, 1976. С. 35–149.
- Пшеничнюк А.Х.* Старший Шиповский могильник ананьинской культуры в центральной Башкирии // Приуралье в эпоху бронзы и раннего железа / Ред. В.А. Иванов, А.Х. Пшеничнюк. Уфа: ИИЯЛ, 1982. С. 94–105.
- Пшеничнюк А.Х.* Культура ранних кочевников Южного Урала. М.: Наука, 1983. 199 с.
- Пшеничнюк А.Х.* Новые материалы с поселений Гафурийского района // Поселения и жилища древних племен Южного Урала / Отв. ред. А.Х. Пшеничнюк. Уфа: БФАН СССР, 1983. С. 77–103
- Пшеничнюк А.Х.* Памятники ананьинской и пьяноборской культур в низовьях р. Белой // Археологические

- работы в низовьях Белой / Отв. ред. А.Х. Пшеничнюк. Уфа: БФ АН СССР, 1986а. С. 26–44.
- Пшеничнюк А.Х.* Юлдашевский могильник // Археологические работы в низовьях Белой / Отв. ред. А.Х. Пшеничнюк. Уфа: БФ АН СССР, 1986. С. 45–74.
- Пшеничнюк А.Х.* Хронология и периодизация погребальных комплексов Охлебининского могильника // Хронология памятников Южного Урала / Отв. ред. Б.Б. Агеев. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 1993. С. 32–61.
- Пшеничнюк А.Х.* Глиняная посуда Охлебининского могильника кара-абызской культуры // УАВ. 2004. № 5. С. 189–191.
- Пшеничнюк А.Х.* Звериный стиль Филипповских курганов // Южный Урал и сопредельные территории в скифо-сарматское время / Отв. ред. Г.Т. Обыденнова, Н.С. Савельев. Уфа: Гилем, 2006. С. 26–37.
- Пшеничнюк А.Х.* Филипповка. Некрополь кочевой знати IV в. до н. э. на Южном Урале. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2012. 280 с.
- Пшеничнюк А.Х., Овсянников В.В.* Археологическая карта Иглинского района Республики Башкортостан. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2007. 62 с.
- Пятых Г.Г.* Отчёт о разведках в Волжском районе Куйбышевской области по открытому листу № 369. Куйбышев, 1975 // Архив АФ СУ.
- Рабинович Б.З.* О датировке некоторых скифских курганов Среднего Поднепровья // СА. 1936. Т. 1. С. 79–102.
- Раев Б.А.* «Княжеские» погребения сарматского времени в г. Новочеркасск // Археологические памятники европейской части РСФСР / Отв. ред. В.В. Седов. М.: ИА АН СССР, 1985. С. 126–131.
- Раев Б.А.* Аланы в евразийских степях: Восток-Запад // Скифия и Боспор / Отв. ред. М.Ю. Вахтина. Новочеркасск: Музей истории донского казачества, 1989. С. 116–117.
- Разуваев Ю.В.* Городецкие поселения лесостепного Подонья и некоторые итоги и проблемы исследования // Поволжские финны и их соседи в древности и средние века / Отв. ред. В.В. Гришаков. Саранск: Мордовский гос. пед. ун-т, 2011. С. 45–51.
- Разуваев Ю.Д.* Городецкие поселения в лесостепи (по материалам Верхнего Подонья) // Проблемы взаимодействия населения лесной и лесостепной зон Восточно-Европейского региона в эпоху бронзы и раннем железном веке: ТД / Отв. ред. Ю.Г. Якимов. Тула: Тульский обл. краевед. музей, 1993. С. 63–65.
- Расторопов А.В.* Исследование городища Лбище на Самарской Луке в 1981 году // Древности Среднего Поволжья / Отв. ред. Г.И. Матвеева. Куйбышев: КГУ, 1985. С. 100–110.
- Рафикова Я.В.* Научный отчет об итогах обследования археологических памятников на территории проектируемой застройки между населенными пунктами Миловка и Романовка (Ленинский район, г. Уфа, Республика Башкортостан) (Открытый лист № 4 от 4 февраля 2010 г.). В 3-х томах. Уфа, 2011.
- Региональные особенности раннесарматской культуры / Отв. ред. И.В. Сергацков. Волгоград: ВолГУ, 2007. 140 с.
- Рикман Э.А.* Этническая история населения Приднестровья и прилегающего Подунавья в первых веках нашей эры. М.: Наука, 1975. 336 с.
- Розанова Л.С., Терехова Н.Н.* Связи археологических культур Волго-Камья и Северного Кавказа в раннем железном веке по данным металлографии // Congressus septimus internationalis Finno-Ugristarum. Debrecen, 1990. С. 13–18.
- Розанова Л.С., Терехова Н.Н.* К проблеме кавказских и местных традиций в технологии изготовления железных изделий из Старшего Ахмыловского могильника // КСИА. Вып. 213. 2002. С. 72–80.
- Ростовцев М.И.* Курганные находки Оренбургской области эпохи раннего и позднего эллинизма / МАР. № 37. Пг.: б.и. 1918. 102 с.
- Ростовцев М.И.* Скифия и Боспор: Критическое обозрение памятников литературных и археологических. Л.: РАИМК. 1925. 621 с.
- Руденко С.И.* Описание скелетов из Прохоровских курганов // Ростовцев М.И. Курганные находки Оренбургской области эпохи раннего и позднего эллинизма. МАР. № 37. Пг.: б.и., 1918. С. 2–12.
- Рыков П.С.* Суловский курганный могильник // Отд. оттиск из журнала Ученые записки Саратовского гос. ун-та. Т. IV. Вып. 3. Саратов: Сарполиграфпром типолит. 9 отд., 1925. 54 с.
- Рыков П.С.* Археологические раскопки и разведки в Нижнем Поволжье и Уральском Крае летом 1925 г. // Известия Краеведческого института изучения Южно-Волжской области при Саратовском государственном университете. Т. 1. Саратов: Краевед. ин-т изучения Южно-Волжск. обл., 1926. 48 с.
- Рыков П.С.* Очерки истории Нижнего Поволжья по археологическим материалам. Саратов: Саркрайгиз, 1936. 152 с.
- Рычков Н.П.* Журнал или дневные записки путешествия капитана Рычкова по разным провинциям Российского государства, 1769 и 1770 году. СПб.: при Императорской академии наук, 1770. 190 с.
- Рычков Н.П.* Продолжение Журнала или Дневных записок путешествия капитана Рычкова по разным провинциям Российского государства, 1770 году. СПб.: при Императорской академии наук, 1772. 133 с.
- Рычков П.И.* Топография оренбургская, то есть обстоятельное описание Оренбургской губернии. Ч. 2. СПб.: при Императорской Академии Наук, 1762. 263 с.
- Рябкова Т.В.* Наконечники стрел скифского типа из Тейшебаини // Пятая Кубанская археологическая конференция / Отв. ред. И.И. Марченко. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2009. С. 328–334.
- Рябцев А.Н., Семенов В.А.* Ананьинская парадная секира из Сыктывкара // СА. 1988. № 1. С. 244–245.
- Рябцева Е.Н., Семенов В.А.* Адакское пещерное святилище на р. Усе // КСИА. Вып. 200 / Отв. ред. И.Т. Кругликова. М.: Наука, 1990. С. 66–72.
- Савельев Н.С.* К вопросу о поселенческих памятниках ранних кочевников Южного Урала // УАВ. 1998.

- Вып. 1. С. 53–58.
- Савельев Н.С.* Конская узда IV–III вв. до н. э. из Шиповских курганов и лесостепи Южного Приуралья // Формирование и взаимодействие уральских народов в изменяющейся этнокультурной среде Евразии: проблемы изучения и историография археологическая конференция / Ред. В.С. Горбунов, В.А. Иванов, Г.Т. Обыденнова, И.А. Шутелева, Н.Б. Щербаков. Уфа: Китап, 2007б. С. 330–339.
- Савельев Н.С.* Месягутовская лесостепь в эпоху раннего железа. Уфа: Гилем, 2007а. 260 с.
- Савельев Н.С.* Кара-абызский олень: истоки образа и его трансформация Н. С. Савельев // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. Т. III / Отв. ред. А.П. Деревянко, Н.А. Макаров. М.: ИА РАН, 2008а. С. 69–72.
- Савельев Н.С.* Происхождение гафурийского комплекса лесостепи Южного Приуралья середины – второй половины I тысячелетия до н. э. // Ранние кочевники Волго-Уральского региона / Отв. ред. Л.Т. Яблонский. Оренбург: ОГПУ, 2008б. С. 116–135.
- Савельев Н.С.* Гончарная и ремесленная керамика Шиповского комплекса памятников кара-бызской культуры // Этнос. Общество. Цивилизация: II Кузеевские чтения / Под ред. А.Б. Юнусовой. Уфа: Уфимский полиграфкомбинат, 2009а. С. 118–120.
- Савельев Н.С.* Новые исследования Шиповского городища в лесостепи Южного Приуралья // УАВ. 2009. № 9. С. 127–140.
- Савельев Н.С.* Керамические импорты кара-абызской культуры: их происхождение, контекст и датирующие возможности // МИАР. № 13 / Отв. ред. М.М. Герасимова, В.Ю. Малашев, М.Г. Мошкова. М.: Таус, 2010. С. 299–322.
- Савельев Н.С.* Этнокультурные компоненты лесостепи Южного Приуралья на стадии сложения кара-абызской культуры (по материалам поселения Акбердино-3) // Материалы XVIII Уральского археологического совещания / Ред. Г.Т. Обыденнова, В.А. Иванов, В.С. Горбунов, В.В. Овсянников, В.Г. Котов, Н.С. Савельев, И.А. Шутелева, Н.Б. Щербаков. Уфа: БГПУ, 2010. С. 235–240.
- Савельев Н.С.* Гафурийский керамический комплекс Биктимировского городища в лесостепи Южного Приуралья // РА. 2011. № 2. С. 56–66.
- Савельев Н.С.* Научный отчет о проведении разведочных археологических исследований в г. Уфе, Благовещенском и Уфимском районах Республики Башкортостан по Открытому листу № 904 от 02.09.2010 г. // ООО Научно-исследовательский центр «Наследие». Уфа, 2011. 222 с. // Архив НИЦ «Наследие».
- Савельев Н.С.* Сарматизация лесостепи Южного Приуралья: предпосылки, основные этапы, характеристики, следствия // УАВ. 2014. Вып. 14. С. 207–217.
- Савельев Н.С.* Поселенческие памятники кочевников скифо-сарматского времени в южной части горно-лесной зоны Южного Урала // УАВ. 2015 № 15. С. 62–84.
- Савельев Н.С., Овсянников В.В., Курманов Р.Г.* Природные и этнокультурные трансформации на рубеже эр в лесостепи Южного Приуралья (по данным городища Акбердино II) // V (XXI) Всероссийский археологический съезд. Т. II / Отв. ред. А.П. Деревянко, А.А. Тишкин. Барнаул: АлтГУ. 2017. С. 900–901.
- Савельев Н.С., Яблонский Л.Т.* Степь и лесостепь на начальном этапе раннесарматской культуры Южного Приуралья // Археология евразийских степей. Вып. 8 / Отв. ред. С.В. Кузьминых, А.А. Чижевский. Казань: Отечество, 2014. С. 478–504.
- Савельева Э.А.* Пермь вычегодская. М.: Наука, 1971. 223 с.
- Савельева Э.А.* Этногенез коми-зырян / Серия «Научные доклады». Вып. 130. Сыктывкар: Коми филиал АН СССР, 1985. 36 с.
- Савельева Э.А.* Архаичные общества на территории Коми края // История Коми с древнейших времен до современности. Т. 1 / Ред. И.Л. Жеребцов, А.А. Попов, А.Ф. Сметанин. Сыктывкар: Анбур, 2011. С. 15–60.
- Савина С.С., Хотинский Н.А.* Зональный метод реконструкции палеоклиматов голоцена // Развитие природы территории СССР в позднем плейстоцене и голоцене / Отв. ред. А. А. Величко. М.: Наука, 1982. С. 231–244.
- Савинов Д.Г.* Ранние кочевники Верхнего Енисея (археологические культуры и культурогенез). СПб: Санкт-Петербургский гос. ун-т, 2002. 204 с.
- Савченко Е.И.* Могильник скифского времени «Терновое I – Колбино I» на Среднем Дону (погребальный обряд) // Археология Среднего Дона в скифскую эпоху / Труды Потуданской археологической экспедиции ИА РАН / Отв. ред. В.И. Гуляев. М.: ИА РАН, 2001. С. 53–143.
- Садыкова М.Х.* Сарматские памятники Башкирии // МИА. № 115 / Отв. ред. К.Ф. Смирнов. М.: Наука, 1962. С. 242–273.
- Садыкова М.Х.* Сарматы на территории Башкирии. Автореф. дисс... канд. ист. наук. М., 1965. 20 с.
- Садыкова М.Х., Васильев В.Н.* Поздние прохоровцы в Центральной Башкирии // УАВ. Вып 3 / Отв. ред. В.К. Федоров. Уфа. 2001. С. 55–80.
- Салугина Н.П.* Результаты технологического анализа керамики оседлых племен Самарского Поволжья в раннем железном веке и раннем средневековье // История Самарского Поволжья с древнейших времён до наших дней. Ранний железный век и средневековье / Ред. И.Н. Васильева, Г.И. Матвеева. М.: Наука, 2000. С. 216–246.
- Сальников К.В.* Древнейшие памятники истории Урала. Свердловск: Свердловское областное государственное изд-во, 1952. 160 с.
- Сальников К.В.* К вопросу о происхождении ананьинской культуры // СЭ. 1954. № 4. С. 11–24.
- Сальников К.В.* Новые материалы по истории племен эпохи бронзы Башкирии // Труды IV Уральского археологического совещания / УЗ ПГУ. № 148 / Отв. ред. В.А. Оборин. Пермь: ПГУ, 1967а. С. 72–92.
- Сальников К.В.* Очерки древней истории Южного Урала. М.: Наука, 1967. 408 с.

- Сальников К.В.* Итоги изучения памятников эпохи бронзы на Южном Урале // СА. 1968. № 1. С. 3–9.
- Сарапулкина Т.В.* Городецкая культура на верхнем и среднем Дону. Автореф. дисс... канд. ист. наук. М., 2010. 25 с.
- Сарапулкина Т.В.* Городища городецкой культуры в Подонье // Археологические памятники Восточной Европы. Вып. 12 / Отв. ред. А.Т. Синюк. Воронеж: ВГПУ, 2006. С. 148–56.
- Сарматские культуры Евразии: проблемы региональной хронологии. Доклады к 5 международной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории» / Отв. ред. Б.А. Раев. Краснодар, 2004. 242 с.
- Саттаров Р.Р.* Импортные предметы в пьяноборской культуре (конец II в. до н. э. – II в. н. э.). Дисс. ... канд. ист. наук. Казань, 2019. 167 с.
- Сегеда С.П.* Ранние сарматы Южного Приуралья по данным одонтологии (на материалах могильника Лебедевка) // Железчиков Б.Ф., Клепиков В.М., Сергацков И.В. Древности Лебедевки (I–II вв. до н. э.). М.: Восточная литература, 2006. С. 155–159.
- Семенов В.А.* Раскопки в Интинском районе Коми АССР // АО 1985 / Отв. ред. В.П. Шилов. М.: Наука, 1987. С. 35.
- Семенов В.А., Васкул И.О.* Керамика конца I тыс. до н. э. – первой половины I тыс. н. э. из раскопок поселения Усть-Кедва на Выми // Известия КНЦ УрО РАН. 2017. № 3 (31). С. 110–113.
- Семенов В.А., Несанелене В.Н.* Европейский Северо-Восток в эпоху бронзы (по материалам раскопок Сыктывкарского университета). Сыктывкар: Сыктывкарский университет, 1997. 169 с.
- Семыкин Ю.А.* Сырьевые источники металлургии железа древности и средневековья в Волго-Свияжском междуречье // Поволжская археологии. 2015. № 1. С. 161–178.
- Сенникова Л.А.* Поселения эпохи поздней бронзы в бассейне р. Вятки. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Ижевск, 2006. 23 с.
- Сергацков И.В.* Новые данные к хронологии ранне-сарматской культуры // РА. 1995. № 1. С. 148–158.
- Сергацков И.В.* Статистическая обработка погребальных памятников Азиатской Сарматии. Вып. III. Среднесарматская культура. М.: Восточная литература, 2002. 143 с.
- Сергацков И.В.* К хронологии среднесарматской культуры Нижнего Поволжья // Сарматские культуры Евразии / Отв. ред. Б.А. Раев. Краснодар: НСС, 2004. С. 107–116.
- Сергацков И.В.* Проблема становления среднесарматской культуры // Раннесарматская и среднесарматская культуры: проблемы соотношения. Вып. I / Отв. ред. В.М. Клепиков. Волгоград: Волгоградское научное изд-во, 2006. С. 37–58.
- Сидоров В.В.* Реконструкции в первобытной археологии. М.: ТАУС, 2009. 216 с.
- Сидорчук А.Ю., Борисова О.К., Ковалюх Н.Н., Панин А.В., Чернов А.В.* Палеогеография нижней Вычегды в позднеледниковье и голоцене // Вестник МГУ. Серия 5: География. 1999. № 5. С. 35–42.
- Симоненко А.В.* Хронология и периодизация сарматских памятников Северного Причерноморья // Сарматские культуры Евразии: проблемы региональной хронологии. / Отв. ред. Б.А. Раев. Краснодар: НСС, 2004. С. 134–162.
- Симоненко А.В.* О сарматском завоевании Скифии // НАВ. 2018. Т. 17. № 1. С. 27–49.
- Симонов Д.А., Хаврин С.В., Ширин Ю.В.* Материалы к реконструкции бронзолитейных технологических комплексов, связанных с производством металлических изделий Усть-Полуя // Археология Арктики. Материалы международной научно-практической конференции, посвященной 80-летию открытия памятника археологии «Древнее святилище Усть-Полуй» / Отв. ред. Н.В. Федорова. Екатеринбург: Деловая пресса, 2012. С. 48–55.
- Синицын И.В.* Древние памятники Восточного Маныча. Ч. 1. Саратов: СарГУ, 1978. 130 с.
- Синицын И.В.* Древние памятники Восточного Маныча. Ч. 2. Саратов: СарГУ, 1978. 117 с.
- Синицын И.В., Эрдниева У.Э.* Древности Восточного Маныча. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1987. 173 с.
- Скарбовенко В.А.* Сарматские погребения у с. Утёвка // Очерки истории и культуры Поволжья / Труды Средневожской археологической экспедиции. Вып. 2 / Отв. ред. Г.И. Матвеева. Куйбышев: КГУ, 1976. С. 174–178.
- Скарбовенко В.А.* Отчёт об охранно-спасательных раскопках курганного могильника Бобровка I в Кинельском районе Самарской области в 2000 году. Самара, 2000 // Архив ИА РАН. Р-1. № 24409.
- Скарбовенко В.А.* Погребальный комплекс эпохи раннего железа в кургане 5 могильника Берёзки I // Древности Евразии: от ранней бронзы до раннего средневековья / Отв. ред. В.Г. Петренко, В.Ю. Малашев. М.: ИА РАН, 2005. С. 382–393.
- Скарбовенко В.А., Ломейко П.В.* Комплекс с иранским стеклянным сосудом могильника Берёзки-I // Влияния ахеменидской культуры в Южном Приуралье (V–III вв. до н. э.). Т. II / Ред. М.Ю. Трейстер, Л.Т. Яблонский. М.: Таус. С. 19–23.
- Скилак Кариандский.* Перипл обитаемого моря / Пер. с древнегреческого, вступ. статья и коммент. Ф.В. Шелова-Коведяева // ВДИ. 1988. № 1. С. 253–267.
- Скрипкин А.С.* К проблеме генетической преемственности савроматов и сарматов // Проблемы археологии и этнографии Северного Кавказа / Ред. В.Б. Виноградов и др. Краснодар: КрГУ, 1988. С. 23–31.
- Скрипкин А.С.* Азиатская Сарматия. Проблемы хронологии и ее исторический аспект. Саратов: СарГУ, 1990. 299 с.
- Скрипкин А.С.* Анализ сарматских погребальных памятников III–I вв. до н. э. // Статистическая обработка погребальных памятников Азиатской Сарматии. Вып. II. Раннесарматская культура (IV–I вв. до н. э.) / Отв. ред. М.Г. Мошкова. М.: ИА РАН, 1997. С. 137–178.

- Скрипкин А.С.* Значение научного наследия Б.Н. Гракова в разработке проблем сарматской археологии // Скифы и сарматы в VII–III вв. до н. э.: палеоэкология, антропология и археология / Отв. ред. В.И. Гуляев, В.С. Ольховский. М.: ИА РАН, 2000. С. 22–26.
- Скрипкин А.С.* К проблеме выделения сарматских памятников Азиатской Сарматии II–I вв. до н. э. // Раннесарматская культура: формирование, развитие, хронология. Вып. 1 / Отв. ред. В.Н. Мышкин. Самара: СНЦ РАН, 2000. С. 137–149.
- Скрипкин А.С.* Новые аспекты в изучении истории материальной культуры сарматов // НАВ. Вып. 3 / Отв. ред. А.С. Скрипкин. Волгоград, 2000а. С. 17–40.
- Скрипкин А.С.* Клинковое оружие ранних кочевников Нижнего Поволжья VII–IV вв. до н. э. (проблема хронологии) // Вооружение сарматов: региональная типология и хронология / Отв. ред. Л.Т. Яблонский, А.Д. Таиров. Челябинск: ЮУрГУ, 2007. С. 38–50.
- Скрипкин А.С.* Раннесарматская культура (проблема периодизации и терминологии) // Региональные особенности раннесарматской культуры: Материалы семинара Центра изучения истории и культуры сарматов. Вып. II. Волгоград: ВолГУ, 2007. С. 119–128.
- Скрипкин А.С.* Астраханская археологическая экспедиция // Археологическая энциклопедия Волгоградской области / Гл. ред. А.С. Скрипкин. Волгоград: ВолГУ, 2009. С. 20.
- Скрипкин А.С.* Проблемы этнической истории Нижнего Дона в IV в. до н. э. и некоторые вопросы ранней истории сарматов // НАВ. Вып. 10 / Отв. ред. А.С. Скрипкин. Волгоград, 2009. С. 172–192.
- Скрипкин А.С.* Сарматы. Волгоград: ВолГУ, 2017. 293 с.
- Скрипкин А.С.* Кочевой мир юга Восточной Европы во II–I вв. до н. э. (восточные инновации, факты, причины, последствия) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. Т. 24. № 1. 2019. С. 20–34.
- Скуднова В.М.* Архаический некрополь Ольвии. Л.: Искусство, 1988. 183 с.
- Смирнов А.П.* Прикамье в первом тысячелетии нашей эры // Сборник статей по археологии СССР / Труды ГИМ. Вып. VIII / Ред. Г.Г. Бережной. М.: ГИМ, 1938. С. 129–168.
- Смирнов А.П.* Археологические памятники на территории Марийской АССР и их место в материальной культуре Поволжья. Козьмодемьянск: ГМФ МарГИ, 1949. 136 с.
- Смирнов А.П.* Могильники пьяноборской культуры (к вопросу о дате) // КСИИМК. Вып. 25 / Отв. ред. А.Д. Удальцов. М.-Л.: АН СССР, 1949. С. 22–32.
- Смирнов А.П.* Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья / МИА. № 28. М.: АН СССР, 1952. 276 с.
- Смирнов А.П.* Железный век Чувашского Поволжья / МИА. № 95. М.: АН СССР, 1961. 171 с.
- Смирнов А.П.* Рец.: Генинг В.Ф. Азелинская культура. Очерки истории Вятского края в эпоху великого переселения народов. Рецензия // СА. 1964. № 4. С. 240–246.
- Смирнов А.П., Трубникова Н.В.* Городецкая культура / САИ. Вып. Д 1-14. М.: Наука, 1965. 40 с., 21 л. табл.
- Смирнов И.Н.* Пермь. Историко-этнографический очерк / ИОАИЭ. Т. 9. Вып. 2. Казань, 1891. 289 с.
- Смирнов И.Н.* Каракулинский могильник // ИОАИЭ. Т. XII. Вып. 4. Казань, 1895. С. 263–272.
- Смирнов И.Н.* Отчет о раскопках // ОАК за 1894 г. СПб.: Типография главного управления уделов, 1896. С. 26–28.
- Смирнов К.А.* О времени Андреевского кургана // Вопросы этнической истории Волго-Донья / Ред. А.З. Винников. Пенза: ПГОМК, 1992. С. 3–6.
- Смирнов К.А.* Проблема периодизации памятников городецкой и дьяковской культур // РА. 1994. № 4. С. 86–97.
- Смирнов К.А.* Рец.: В.И. Вихляев. Происхождение древнемордовской культуры. Саранск, 2000 // РА. 2001. № 4. С. 176–178.
- Смирнов К.Ф.* Сарматские курганные погребения в степях Поволжья и Южного Приуралья // Доклады и сообщения исторического факультета. Вып. 5. М.: МГУ, 1947. С. 75–81.
- Смирнов К.Ф.* Сарматские племена Северного Прикаспия // КСИИМК. Вып. 34 / Отв. ред. А.Д. Удальцов. М.-Л.: АН СССР, 1950. С. 97–114.
- Смирнов К.Ф.* Вооружение савроматов / МИА. № 101. М.: АН СССР, 1961. 162 с.
- Смирнов К.Ф.* Новые сарматские памятники на Бузулуке // КСИА. Вып. 89 / Отв. ред. Т.С. Пассек. М.: АН СССР, 1962. С. 83–93.
- Смирнов К.Ф.* Савроматы: ранняя история и культура сарматов. М.: Наука, 1964. 379 с.
- Смирнов К.Ф.* Сарматские погребения в бассейне р. Кинделя Оренбургской области // КСИА. Вып. 107 / Отв. ред. Т.С. Пассек. М.: Наука, 1966. С. 33–43.
- Смирнов К.Ф.* Ранние кочевники Южного Урала // АЭБ. Т. IV / Отв. ред. Ю.В. Бромелей, Р.Г. Кузеев. Уфа: БФАН СССР, 1971. С. 69–76.
- Смирнов К.Ф.* Сарматы на Илеке. М.: Наука, 1975. 176 с.
- Смирнов К.Ф.* Савромато-сарматский звериный стиль // Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии / Отв. ред. А.И. Мелюкова, М.Г. Мошкова. М.: Наука, 1976. С. 74–89.
- Смирнов К.Ф.* Савроматы и сарматы // Проблемы археологии Евразии и Северной Америки / Отв. ред. Н.Л. Членова. М.: Наука, 1977. С. 129–137.
- Смирнов К.Ф.* О мече и кинжалах скифо-сарматского типа // КСИА. Вып. 162 / Отв. ред. И.Т. Кругликова. М.: Наука, 1980. С. 38–45.
- Смирнов К.Ф.* Сарматы и утверждение их политического господства в Скифии. М.: Наука, 1984. 184 с.
- Смирнов К.Ф.* Савроматская и раннесарматская культуры // Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время / Отв. ред. А.И. Мелюкова, М.Г. Мошкова. М.: Наука, 1989. С. 165–177.
- Смирнов К.Ф., Петренко В.Г.* Савроматы Поволжья и Южного Приуралья // САИ. Вып. Д. 1-9. М.: АН

- СССР, 1963. 76 с.
- Смирнов К.Ф., Попов С.А.* Савромато-сарматские курганы у с. Липовка Оренбургской области // Памятники Южного Приуралья и Западной Сибири сарматского времени / МИА. № 153 / Отв. ред. К.Ф. Смирнов. М.: Наука, 1972. С. 3–26.
- Смирнов Н.Ю.* Курган Аржан-1, Волго-Камье и Северный Кавказ: неочевидные связи // Поволжская археология. 2015. № 2. С. 104–113.
- Смирнов Н.Ю.* Вещь в культуре: к интерпретации одной старой находки // Археология Евразийских степей. 2021. № 2. С. 92–107.
- Смирнов О.В.* Об этнической интерпретации археологических культур I тыс. н. э. в бассейне среднего течения р. Вятки (по топонимическим данным) // Ананьинский мир: истоки, развитие, связи, исторические судьбы / АЕС. Вып. 20 / Отв. ред. С.В. Кузьминых, А.А. Чижевский. Казань: Отечество, 2014. С. 90–105.
- Соколова З.П.* Пережитки религиозных верований у обских угров // Религиозные представления и обряды народов Сибири в XIX – начале XX века / Сборник МАЭ. Т. XXVII / Отв. ред. Л.П. Потапов, С.В. Иванов. Л.: Наука, 1971. С. 211–239.
- Спирidonова Е.А., Алешинская А.С., Кочанова М.Д.* Результаты палинологического анализа разреза на городище Маклашеевское II // Лыганов А.В. Отчет о раскопках Маклашеевского II городища в Спасском районе Республики Татарстан в 2014 г. Казань, 2016 / НФ МАРТ ИА АН РТ. Ф.4 4. Оп. 1. Электронный ресурс.
- Список памятников археологии Пермского края регионального значения // Приложение 1 к распоряжению губернатора области от 5 декабря 2000 года N 713-р (в редакции распоряжений Правительства Пермского края от 31 декабря 2010 года N 277-рп). Пермь, 2010. 348 с.
- Спицын А.А.* Вещественные памятники древнейших обитателей Вятского края // Вещественные памятники древнейших обитателей Вятского края. Древнейшая судьба Вятской области. Вятка: Издание Губернского Статистического комитета, 1889. С. 1–38.
- Спицын А.А.* Приуральский край. Археологические розыскания о древнейших обитателях Вятской губернии / МАВГР. Вып. 1. М.: Тип. Э. Лиснера и Ю. Романа, 1893. 192 с., 6 табл.
- Спицын А.А.* Мелкие заметки // ОАК за 1896 год. СПб.: Типография главного управления уделов, 1898. С. 358–367.
- Спицын А.А.* Гляденовское костыще // ЗРАО. Вып. 1–2. СПб.: Тип. И.Н. Скороходова, 1901. 42 с.
- Спицын А.А.* Древности бассейнов рек Оки и Камы / МАР. № 25. СПб.: Тип. Товарищества Худож. печати, 1901. 150 с.
- Спицын А.А.* Древности Камской Чуди по коллекции Теплоуховых / МАР. № 26. СПб.: Тип. В. Безобразова и К°, 1902. 150 с.
- Ставицкий Б.Я.* Кушанская Бактрия: Проблемы истории и культуры. М.: Наука, 1977. 296 с.
- Ставицкий В.В.* Раскопки стоянки Софьино на Верхнем Хопре // АО 1995 / Отв. ред. В.В. Седов, Н.В. Лопатин. М.: Наука, 1996. С. 184.
- Ставицкий В.В.* Археологические изыскания М.Р. Полесских. Пенза: Пензенский государственный краеведческий музей, 2008. 176 с.
- Ставицкий В.В.* Проблема происхождения городищ культуры // Вестник НИИГН при правительстве Республики Мордовия. 2010. Вып. 13. С. 7–16.
- Ставицкий В.В.* Западный компонент в материалах Андреевского кургана // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2013. Т. 27. № 3. С. 126–141.
- Ставицкий В.В.* Переход к раннему железному веку на средней Оке и верхней Волге // Переходные эпохи в археологии / XIX Уральское археологическое совещание / Ред. И.О. Васкул. Сыктывкар: ИЯЛИ КНЦ УРО РАН, 2013. С. 76–78.
- Ставицкий В.В.* Погребальный обряд тешской группы мордовских могильников III–VII вв. // Поволжская археология. 2013. № 2. С. 143–149.
- Ставицкий В.В.* К вопросу о развитии металлообрабатывающего производства у населения городищ культуры // Международный научно-исследовательский журнал. 2014. № 11-1 (30). С. 106–108.
- Ставицкий В.В.* Крепостные укрепления городищ городищ культуры // Современные научные исследования и инновации. 2014 г. № 11-1 (43). С. 195–201.
- Ставицкий В.В.* У истоков этногенеза древней мордвы // Genesis: исторические исследования. 2014. № 4. С. 1–13.
- Ставицкий В.В.* К вопросу о хронологии погребений с фибулами Ново-Сасыкульского могильника // УАВ. 2015. Вып. 15. С. 111–116.
- Ставицкий В.В.* Происхождение древнемордовской культуры // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2015. № 1. С. 42–57.
- Ставицкий В.В.* О границах распространения и локальных вариантах городищ культуры // NovaInfo. Ru. 2016. Т. 4. № 56. С. 121–128
- Ставицкий В.В.* Западный и восточный импульсы в формировании культуры андреевско-писеральского населения. Filo Ariadne. 2017. № 1 (5). URL: filoariadne.esrae.ru/7-132 (дата обращения: 19.12.2017).
- Ставицкий В.В.* К вопросу о хронологии и периодизации памятников писеральско-андреевского горизонта // Поволжская археология. 2017. № 3. С. 231–266.
- Стародубцев М.В.* Научный отчет о проведении результатов разведочного археологического исследования в Гафурийском районе Республики Башкортостан на земельном участке, подлежащем воздействию земляных, строительных, мелиоративных и (или) хозяйственных работ по объекту: «Обустройство нагнетательных скважин № 14 ТБН Табынского нефтяного месторождения». Открытый лист № 1477 от 03.08. 2017 г.
- Старостин П.Н.* Жилища поселения «Курган» // УЗ ПГУ. № 148 / Отв. ред. В.А. Оборин. Пермь: ПГУ,

1967. С. 110–115.
- Старостин П.Н.* Работы на Троицко-Урайском I городище в 1973 г. // Древности Волго-Камья / Отв. ред. Г.А. Федоров-Давыдов. Казань: ИЯЛИ, 1977. С. 31–41.
- Старостин П.Н.* Первый Меллятамакский могильник // Древности Икско-Бельского междуречья / Отв. ред. О.Н. Бадер. Казань: ИЯЛИ АН СССР, 1978. С. 126–142.
- Старостин П.Н.* Население Нижнего Прикамья в середине I тыс. н. э. // Congressus septimus sectionum. Dissertationes. Historica, archaeologica et anthropologica. Debrecen, 1990. P. 144–148.
- Старостин П.Н.* Об этнокультурной ситуации в Нижнем Прикамье в первой половине I тыс. н. э. // Finno-Ugrica. № 1. Казань, 1997. С. 25–32.
- Старостин П.Н.* Азелинская культура // Очерки по археологии Тагарстана / Отв. ред. П.Н. Старостин. Казань: Школа, 2001. С. 92–99.
- Старостин П.Н.* Нармонский могильник / Отв. ред. Т.А. Хлебникова. Казань: Школа, 2002. 64 с.
- Старостин П.Н.* Рождественский V могильник / Отв. ред. Д.Г. Бугров. Казань: ИИ АН РТ, 2009. 144 с.
- Статистическая обработка погребальных памятников Азиатской Сарматии. Выпуск II: Раннесарматская культура (IV–I вв. до н. э.) / Отв. ред. Г.А. Мошкова. М.: ИА РАН, 1997. 276 с.
- Сташенков Д.А.* Калиновский курганный могильник // Охрана и изучение памятников истории и культуры в Самарской области. Вып. 1 / Сост. Д.А. Сташенков. Самара, 1999. С. 25–41.
- Сташенков Д.А.* Оседлое население Самарского лесостепного Поволжья в I–V веках н. э. М.: Офорт, 2005. 149 с.
- Сташенков Д.А.* Население Самарского лесостепного Поволжья I–V вв. н. э. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2007. 24 с.
- Степанов П.Д.* Андреевский курган (предварительное сообщение) // Труды МНИИЯЛИЭ. Вып. 27. Саранск: МордНИИ, 1964. С. 206–267.
- Степанов П.Д.* Археологическая работа в восточной части Мордовской АССР в 1967–1968 гг. // Материалы по археологии и этнографии Мордовии / Труды МНИИЯЛИЭ. Вып. 45 / Ред. А.П. Смирнов и др. Саранск: Морд. кн. изд-во, 1974. С. 76–81.
- Степанов П.Д.* Андреевский курган (к истории мордовских племен на рубеже нашей эры). Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1980. 108 с.
- Стоколос В.С., Королев К.С.* Археологическая карта Коми АССР. М.: Наука, 1984. 128 с.
- Столяров Е.В.* Сюльгамы андреевско-писеральского типа с территории Окско-Донского водораздела // Поволжская археология. 2021. № 1(35). С. 131–147.
- Стоянов В.Е.* Отчет об археологических исследованиях в УАССР в 1959 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 1984.
- Стоянов В.Е.* Отчет об исследованиях Богородского городища // Отчет о полевых работах Марийской археологической экспедиции за 1958 г. Казань-Йошкар-Ола, 1959а. С. 157–190 / НФ МАРТ ИА АН РТ. Ф-1. Оп. 1. № 20.
- Стоянов В.Е.* Отчет об исследованиях Русенихинского городища // Отчет о полевых работах Марийской археологической экспедиции за 1958 г. Казань-Йошкар-Ола, 1959б. С. 191–194 / НФ МАРТ ИА АН РТ. Ф-1. Оп. 1. № 20.
- Страбон.* География: в 17 книгах. М.: Ладомир, 1994. 940 с.
- Суворова Н.А.* Ранние кочевники Южного Приуралья: одонтологическая характеристика // Вооружение сарматов: региональная типология и хронология / Отв. ред. Л.Т. Яблонский, А.Д. Таиров. Челябинск: ЮУрГУ, 2007. С. 182–187.
- Султанова А.Н.* Бирский могильник: историко-археологическое исследование. Дисс. ... канд. ист. наук. Уфа, 2000. 203 с.
- Сунгатов Ф.А.* Этнокультурные процессы в Приуралье в IV–VIII вв. н. э. / Электронный вариант рукописи в адрес Р.Д. Голдиной от 3.08.2017.
- Сунгатов Ф.А., Гарустович Г.И., Юсупов Р.М.* Приуралье в эпоху великого переселения народов (Старо-Муштинский курганно-грунтовый могильник). Уфа: Уфимский полиграфкомбинат, 2004. 172 с.
- Сулова Т.Г., Троицкий Л.С.* О динамике растительного покрова, климата и оледенения на Полярном Урале в голоцене (по данным палинологических исследований) // Палинология голоцена / Отв. ред. М.И. Нейштадт. М.: Наука, 1971. С. 121–135.
- Сулова Т.Г., Троицкий Л.С., Пуннинг Я.М.* Палеогеография и абсолютная хронология голоцена Полярного Урала // Изв. АН ЭССР. Т. 24. Химия, геология. 1975. № 2. С. 152–159.
- Сыроватко А.С.* Юго-восточное Подмоскowie в железном веке: к характеристике локальных вариантов дьяковской культуры. М.: ЧеБуК, 2009. 352 с.
- Сыроватко А.С.* О еловой шишке, сетчатой керамике и переменах климата // Археология Евразийских степей. 2017. № 4. С. 316–318.
- Таиров Ф.М.* Научный отчет об археологических исследованиях в Аургазинском и Илишевском районах БАССР, проведенных в 1990 г. по Открытому листу № 620 (форма № 4). Уфа, 1990.
- Таиров Ф.М.* Новые памятники раннего железного века на территории Башкирии. // Проблемы археологии Урала и историографии античности: ТД. Уфа: БГУ, 1990. С. 25–28.
- Таиров Ф.М.* Шидалинский I могильник // Башкирский край. Вып. 3 / Отв. ред. М. И. Роднов. Уфа: Конкорд-Инвест, 1993. С. 175–203.
- Таиров А.Д.* Ранние кочевники Южного Зауралья в VII–II веках до новой эры. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 1991. 27 с.
- Таиров А.Д.* Генезис раннесарматской культуры // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. 2 / Отв. ред. Н.Л. Моргунова. Оренбург: ОГПУ, 1998. С. 87–96.
- Таиров А.Д.* Комплекс раннего железного века из Лисаковского могильника // Археологическое наследие Урало-Казахстанских степей. Материалы международного семинара / Ред. К.А. Акишев и др. Лисаковск: Лисаковский музей ист. и культ. Верхнего

- Притоболья, 1998. С. 61–64.
- Таиров А.Д.* Прохоровская культура Южного Урала: генезис и эволюция // Раннесарматская культура: формирование, развитие, хронология. Вып. 1 / Отв. ред. В.Н. Мышкин. Самара: СНЦ РАН, 2000. С. 16–28.
- Таиров А.Д.* Ранний железный век // Древняя история Южного Зауралья. Т. II / Отв. ред. Н.О. Иванова. Челябинск: ЮУрГУ, 2000. С. 3–205.
- Таиров А.Д.* «Киммерийские» кинжалы из Южного Зауралья // НАВ. Вып. 5 / Отв. ред. А.С. Скрипкин. Волгоград: ВолГУ, 2002. С. 194–200.
- Таиров А.Д.* Изменения климата степей и лесостепей Центральной Евразии во II–I тыс. до н. э. Материалы к историческим реконструкциям. Челябинск: ЧГУ, 2003. 68 с.
- Таиров А.Д.* Периодизация памятников ранних кочевников Южного Зауралья 7–2 вв. до н. э. // Сарматские культуры Евразии: проблемы региональной хронологии / Отв. ред. Б.А. Раев. Краснодар: НСС, 2004. С. 3–22.
- Таиров А.Д.* Кочевники Урало-Казахстанских степей в VII–VI вв. до н. э. Челябинск: ЮУрГУ, 2007. 274 с.
- Таиров А.Д.* Ранние кочевники Жайык-Иртышского междуречья в VIII–VI вв. до н. э. Астана: Казах. НИИ культуры, 2017. 392 с.
- Таиров А.Д.* Бронзовый кинжал из Северо-Казахстанского историко-краеведческого музея // Наука ЮУрГУ [Электронный ресурс]: материалы 71-й научной конференции. Секции социально-гуманитарных наук. Челябинск: ЮУрГУ, 2019. С. 212–217.
- Таиров А.Д., Васина Ю.В.* Клад конской сбруи из Южного Зауралья // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». 2020. Т. 20. № 1. С. 61–71.
- Таиров А.Д., Гаврилюк А.Г.* К вопросу о формировании раннесарматской прохоровской культуры // Проблемы археологии урало-казахстанских степей / Отв. ред. Г.Б. Зданович. Челябинск: БашГУ, 1988. С. 141–159.
- Тацит Публий Корнелий.* Анналы // Кавказ и Дон в произведениях античных авторов. Ростов-на-Дону: Русская энциклопедия, 1990. С. 273–299.
- Теофраст.* О водах / Латышев В.В. Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе // ВДИ. 1947. №№ 1–4; 1948. №№ 1–4; 1949. №№ 1–4. С. 155–157.
- Теплоухов А.Е.* О доисторических жертвенных местах на Уральских горах // Записки УОЛЕ. Т. 6. Вып. 1. Екатеринбург, 1880. С. 1–31.
- Тереножкин А.И.* Памятники материальной культуры на Ташкентском канале // Известия УЗФАН. 1940. № 9. С. 30–38.
- Тереножкин А.И.* Киммерийцы. Киев: Наукова думка, 1976. 223 с.
- Терехова Н.Н.* Кузнечная техника у племён кобанской культуры Северного Кавказа в раннескифский период // СА. 1983. № 3. С. 110–128.
- Терехова Н.Н.* Технология изготовления кузнечных изделий из могильника Султан-Гора // КСИА. Вып. 186 / Отв. ред. И.Т. Крутликowa. М.: Наука, 1986. С. 21–25.
- Терехова Н.Н.* Технологическая характеристика железных изделий из курганного могильника скифского времени у селения Нартан (Кабардино-Балкария) // СА. 1990. № 4. С. 169–181.
- Терехова Н.Н.* Железные изделия из Ульских курганов в контексте кузнечного ремесла скифской эпохи // А.И. Иванчик, А.М. Лесков. Ульские курганы. Культурно-погребальный комплекс скифского времени на Северном Кавказе. М.-Берлин-Бордо: Палеограф, 2015. С. 77–86.
- Терехова Н.Н., Розанова Л.С.* Истоки производственных традиций в технологии изготовления кузнечных изделий из раннеананьинских памятников на Средней Волге (к проблеме высоких технологий) // Археология евразийских степей. Вып. 8 / Отв. ред. С.В. Кузьминых, А.А. Чижевский. Казань: ИИ АН РТ, ИА РАН, ЕГМЗ, 2009. С. 196–203.
- Терехова Н.Н., Розанова Л.С., Завьялов В.И., Толмачёва М.М.* Очерки по истории древней железообработки в Восточной Европе. М.: Металлургия, 1997. 318 с.
- Тертиловский Р.В., Абашина Н.С.* Памятники киевской культуры (свод археологических источников). Киев: Наукова думка, 1992. 224 с.
- Техов Б.В.* Тлийский могильник и проблема хронологии культуры поздней бронзы – раннего железа Центрального Кавказа // СА. 1972. № 3. С. 18–37.
- Техов Б.В.* Скифы и Центральный Кавказ в VII–VI вв. до н. э.: (По материалам Тлийского могильника). М.: Наука, 1980. 94 с.
- Тишкин А.А., Дашковский П.К.* Социальная структура и система мировоззрений населения Алтая скифской эпохи. Барнаул: АлтГУ, 2003. 430 с.
- Толстов С.П.* Древний Хорезм. М.: МГУ, 1948. 435 с.
- Толстов С.П., Итина М.А.* Саки низовьев Сырдарьи: (по материалам Тагискена) // СА. 1966. № 2. С. 151–175.
- Тот Т.А., Фирштейн Б.В.* Антропологические данные к вопросу о великом переселении народов. Авары и сарматы. Л.: Наука, 1970. 202 с.
- Тохтасьев С.Р.* Sauromatae – Sarmatae – Sarmatae // Херсонесский сборник. 2005. Вып. XIV. С. 291–306.
- Трейстер М.Ю., Шемаханская М.С., Яблонский Л.Т.* Комплексы с предметами ахеменидского круга могильника Покровка // Влияния ахеменидской культуры в Южном Приуралье (V–III вв. до н. э.). Т. II / Ред. М.Ю. Трейстер, Л.Т. Яблонский. Москва: Таус, 2012. С. 54–55.
- Третьяков П.Н.* Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. М.-Л.: Наука, 1966. 308 с.
- Трошкая Т.Н.* Раскопки Михайловского городища в Башкирии // Башкирский археологический сборник / Отв. ред. А.П. Смирнов, Р.Г. Кузеев. Уфа: ИИЯЛ, 1959. С. 88–96.
- Трофимова С.С., Зарецкая Н.Е., Лантева Е.Г., Лычагина Е.Л., Чернов А.В.* Опыт использования палеоэкологических исследований для реконструкции природной среды голоцена // Экология. 2019. № 6. С. 438–445.

- Трубникова Н.В.* Племена городецкой культуры // Труды ГИМ. Вып. XXII. М.: ГИМ, 1953. С. 63–96.
- Трубникова Н.В.* Поселения I тысячелетия и начала II тысячелетия нашей эры на Самарской Луке // МИА. № 80 / Отв. ред. А.П. Смирнов. М: АН СССР, 1960. С. 120–128.
- Трубникова Н.В.* Раскопки городища Пичке Сорче в Чувашии // УЗ ЧНИИ. Вып. 25. Чебоксары: ЧНИИ, 1964. С. 163–195.
- Туркина Т.Ю.* Коллекция предметов зооморфных мотивов в собрании Национального музея Республики Коми: Альбом-каталог. Сыктывкар: Нац. музей Респ. Коми, 2012. 84 с., илл.
- Туркина Т.Ю.* Поселение Бичевник I на средней Печоре (по материалам раскопок 2013 г.) // Первобытные и средневековые древности европейского Северо-Востока / МАЕСВ. Вып. 19 / Отв. ред. А.В. Волокитин. Сыктывкар: ИЯЛИ КНЦ УрО РАН, 2015. С. 80–88.
- Фаттахов Р.М.* Краниологическая характеристика материалов могильника Старый Чекмак // Об исторических памятниках по долинам Камы и Белой / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: КФАН СССР, 1981. С. 94–109.
- Фахрутдинов Р.Г.* Скифские зеркала бассейна р. Казанки // СА. 1983. № 1. С. 291–293.
- Федоров В.К.* Клинковое оружие и колчаные наборы IV–III вв. до н. э. (о времени появления на Южном Урале мечей и кинжалов прохоровского типа) // Материалы по археологии Волго-Донских степей. Вып. I / Ред. И.В. Сергацков. Волгоград: ВолГУ, 2001. С. 180–197.
- Федоров В.К.* О датировке 1–4 Прохоровских курганов // УАВ. 2008. Вып. 8. С. 69–90.
- Федоров В.К.* Среднесарматские погребения Самаро-Уральского региона с костяными ложечками // НАВ. Вып. 12 / Отв. ред. А.С. Скрипкин. Волгоград: ВолГУ, 2011. С. 76–94.
- Физико-географическое районирование Башкирской АССР / Ред. И.П. Кадильников и др. Уфа: БГУ, 1964. 210 с.
- Фирштейн Б.В.* Савроматы Нижнего Поволжья (по антропологическим данным из раскопок в низовьях р. Еруслан Сталинградской области) // Антропологический сборник. № 3 / ТИЭ. Т. 71 / Отв. ред. Г.Ф. Дебец, М.Г. Левин. М.: АН СССР, 1961. С. 53–81.
- Флавий Иосиф.* О войне иудейской // Кавказ и Дон в произведениях античных авторов. Ростов-на-Дону: Русская энциклопедия, 1990. С. 237–240.
- Фоломеев Б.А.* Ландшафтно-экологические условия обитания и расселения человека в бассейне Средней Оки в эпоху раннего металла // Археологические памятники Среднего Поочья. Вып. 2 / Отв. ред. В.П. Челяпов. Рязань: НПЦ, 1992. С. 77–87.
- Фоломеев Б.А.* Окские городища // Археологические памятники раннего железного века Окско-Донского междуречья / Отв. ред. В.П. Челяпов. Рязань: НПЦ, 1993. С. 3–21.
- Фоломеев Б.А.* Шишкинское городище // Древности Оки / Труды ГИМ. Вып. 85 / Отв. ред. Г.Ф. Полякова. М.: ГИМ, 1994. С. 138–157.
- Формозов А.Н.* Материалы к истории фауны Приветлужья // МИА. № 22 / Отв. ред. В.Н. Чернецов. М.: АН СССР, 1951. С. 181–191.
- Фосс М.Е.* Результаты Галичской экспедиции 1946 г. // КСИИМК. Вып. 20 / Отв. ред. А.Д. Удальцов. М.-Л.: АН СССР, 1948. С. 58–66.
- Фризен С.Ю.* Население степей Южного Приуралья в раннесарматское время. Дисс.... канд. ист. наук. М., 2011. 240 с.
- Фризен С.Ю., Боруцкая С.Б.* Антропологические материалы Ивановского курганного могильника Южного Приуралья савроматского времени // Вестник антропологии. 2006. № 13. С. 36–45.
- Фризен С.Ю., Нечвалода А.И.* Краниология раннекочевого населения Западного Казахстана // Вестник антропологии. 2007. Вып. 15. Ч. II. С. 326–343.
- Фризен С.Ю., Яблонский Л.Т.* Краниологические материалы из могильника у д. Прохоровка // Вестник антропологии. 2006. № 14. С. 160–167.
- Фролов Я.В.* Бронзовые ножи с кольцевым навершием... скифо-сакского времени с территории Барнаульского Приобья и юга Обь-Иртышского междуречья // Известия АлтГУ. Исторические науки и археология. 2018. № 5 (103). С. 207–214.
- Хабдулина М.Х.* Степное Приишимье в эпоху раннего железа. Алматы: Ракурс, 1994. 170 с.
- Хазанов А.М.* Генезис сарматских бронзовых зеркал // СА. 1963. № 4. С. 58–71.
- Хазанов А.М.* Очерки военного дела сарматов. М.: Наука, 1971. 172 с.
- Хазанов А.М.* Социальная история скифов. М.: Наука, 1975. 343 с.
- Хайруллина О.Ф., Беглецова С.В.* Lapsus memoriae, или об одном забытом городище в Удмуртском Прикамье // Прикамское собрание: Материалы III Всероссийского открытого научно-практического форума «Ресурсы развития российских территорий» / Отв. ред. Л.Н. Бехтерева. Ижевск–Сарапул: Ижевская гос. с.-х акад.; Сарапульский историко-архивный и художественный музей-заповедник, 2019. С. 299–307.
- Халиков А.Х.* Материалы к изучению истории населения Среднего Поволжья и Нижнего Прикамья в эпоху неолита и бронзы / Труды МАЭ. Т. I / Отв. ред. В.Ф. Генинг. Йошкар-Ола: МКИ, 1960. 188 с.
- Халиков А.Х.* Очерки истории населения Марийского края в эпоху железа // Железный век Марийского края / Труды МАЭ. Т. II / Отв. ред. Г.А. Архипов. Йошкар-Ола: МКИ, 1962. С. 7–187.
- Халиков А.Х.* Стелы с изображением оружия раннего железного века // СА. 1963. № 3. С. 180–190.
- Халиков А.Х.* Приказанская культура и ее роль в формировании ананьинской культуры // Труды IV Уральского археологического совещания / УЗ ПГУ. № 148 / Отв. ред. В.А. Оборин. Пермь: ПГУ, 1967. С. 7–28.
- Халиков А.Х.* Древняя история Среднего Поволжья. М.: Наука, 1969. 396 с.
- Халиков А.Х.* I Новомордовский могильник // Памятники древнейшей истории Евразии / Ред. П.М. Ко-

- жин и др. М.: Наука, 1975. С. 248–259.
- Халиков А.Х. Волго-Камье в начале эпохи раннего железа (VIII–VI вв. до н. э.). М.: Наука, 1977. 262 с.
- Халиков А.Х. К проблеме этногенеза пермских финнов // Материалы VI МКФУ. Т. 1. М.: Наука, 1985. С. 121–130.
- Халиков А.Х. Памятники писеральско-андреевского типа в волжском правобережье и их этнокультурная интерпретация // Древности Волго-Вятского междуречья / АЭМК. Вып. 12 / Отв. ред. Г.А. Архипов. Йошкар-Ола: МарНИИ, 1987. С. 8–24.
- Халиков А.Х. О судьбе населения ананьинской общности на Нижней Каме // Археологические памятники зоны водохранилищ Волго-Камского каскада / Отв. ред. П.Н. Старостин. Казань: ИЯЛИ, 1992. С. 47–57.
- Халиков А.Х. Об азелинско-ананьинской подоснове этногенеза марийского народа // Средневековые древности Волго-Камья / АЭМК. Вып. 21 / Отв. ред. Г.А. Архипов. Йошкар-Ола: МарНИИ, 1992. С. 7–18.
- Халиков А.Х., Архипов Г.А. Марийская археологическая экспедиция 1957 года // Тр. МарНИИ. Вып. 14 / История, археология, этнография / Отв. ред. А.В. Хлебников. Йошкар-Ола: МарНИИ, 1959. С. 109–130.
- Халиков А.Х., Бугров Д.Г., Истомин К.А., Руденко К.А., Чижевский А.А. Исследования Сорочьегогорского городища и селища // Археологические открытия Урала и Поволжья / Отв. ред. Л.А. Наговицын. Ижевск: УДИИЯЛ, 1991. С. 78–79.
- Халиков А.Х., Третьяков В.П., Халикова Е.А., Патрушев В.С. Отчет о работах МАЭ в 1966 г. Казань-Йошкар-Ола, 1967. 197 л. / Архив ИА РАН. Ф. 1. Р-1. № 3294.
- Халикова Е.А. Второй Полянский могильник // Труды IV Уральского археологического совещания / УЗ ПГУ. № 148 / Отв. ред. В.А. Оборин. Пермь: ПГУ, 1967. С. 116–132.
- Харузин Н.Н. Очерк истории развития жилища у финнов / Этнографическое Обозрение. Кн. 24–25. М.: Т-во Скоропеч. А.А. Левенсон, 1895. 99 с.
- Ходжайов Т.К. Первые антропологические материалы с Устюрта // Древняя и средневековая культура Юго-Восточного Устюрта / Отв. ред. С.К. Камалов. Ташкент: Фан, 1978. С. 309–325.
- Хотинский Н.А. Палеогеографические основы датировки и периодизации неолита лесной зоны Европейской части СССР // КСИА. Вып. 153 / Отв. ред. И.Т. Кругликова. М.: Наука, 1978. С. 7–13.
- Хохлов А.А. Новые краниологические материалы эпохи неолита с территории лесостепного Поволжья в связи с проблемой происхождения уральской расы // Вестник антропологии. 1996. Вып. 1. С. 121–141.
- Хохлов А.А. Краниология ранних кочевников I тыс. до н. э. Самарского Заволжья // Раннесарматская культура. Формирование. Развитие. Хронология. Вып. 2 / Отв. ред. В.Н. Мышкин. Самара: СНЦ РАН. 2000. С. 82–87.
- Хохлов А.А. Краниологические особенности ранних кочевников VI–I веков до н. э. Самарского Заволжья и Южного Приуралья // Краеведческие записки. Вып. XI / Ред. Д.А. Сташенков. Самара: СОИКМ, 2003. С. 82–87.
- Хохлов А.А. Антропологический материал из погребений Шумаевских курганов Оренбуржья // Моргунова Н.Л., Гольева А.А., Краева Л.А., Мещеряков Д.В., Турецкий М.А., Халяпин М.В., Хохлова О.С. Шумаевские курганы. Оренбург: ОГПУ, 2003. С. 275–292.
- Хохлов А.А., Китов Е.П. Специфика антропологического состава носителей потапово-синташтинских культурных традиций (по краниологическим материалам Поволжья и Урала переходного времени от средней к поздней бронзе) // Процесс культурогенеза начальной поры позднего бронзового века Волго-Уральского региона (вопросы хронологии, периодизации, историографии) / Отв. ред. П.Ф. Кузнецов. Самара: Поволжская государственная социально-гуманитарная академия, 2014. С. 131–142.
- Хохлов А.А., Китов Е.П. Физический облик представителей ботайской энеолитической культуры в контексте проблемы формирования степного населения Казахстана // Казахское ханство в потоке истории / Отв. ред. Х.М. Абжанов. Алматы: Елтаным, 2015. С. 437–445.
- Хохлов А.А., Фризен С.Ю. Новые краниологические материалы Южного Урала савроматского времени // Вопросы археологии Урала и Поволжья / Отв. ред. Д.А. Сташенков. Самара: СамГУ, 2004. С. 257–266.
- Худяков М.Г. Ананьинская культура // КМВ. № 2. Казань: Восток, 1923. С. 72–126.
- Худяков М.Г. «Эполетообразные» застезки Прикамья (Материалы для изучения элементов культуры камских финнов) // Сборник [аспирантов] ГАИМК. Вып. 1. Л.: ГАИМК, 1929. С. 41–50.
- Худяков М.Г. Древности Камы по раскопкам А.А. Спицына в 1898 г. / Материалы ГАИМК. Вып. 2. Л.: ОГИЗ, 1933. 27 с., 11 л. ил.
- Худяков М.Г. Ныргындинские I и II могильники // Древности Камы по раскопкам А.А. Спицына в 1898 г. / Материалы ГАИМК. Вып. 2. Л.: ОГИЗ, 1933. С. 15–19. Табл. IX–XI.
- Цалкин В.А. Животноводство и охота в лесной полосе Восточной Европы в раннем железном веке // К истории животноводства и охоты в Восточной Европе / МИА. № 107. Смирнов. М.: АН СССР, 1962. С. 5–96.
- Царев курган. Каталог археологической коллекции / Отв. ред. Д.А. Сташенков. Самара: СОИКМ, 2003. 163 с.
- Чежина Е.Ф. Художественные особенности звериного стиля Нижнего Поволжья и Южного Приуралья в скифскую эпоху // АСГЭ. Вып. 23. Л.: Искусство, 1983. С. 16–29.
- Челяпов В.П., Буланкин В.М. Городища раннего железного века на территории Рязанской области // Археологические памятники раннего железного века Окско-Донского междуречья / Отв. ред. В.П. Челяпов. Рязань: НПЦ, 1993. С. 22–74.
- Чернай И.Л. Выработка текстиля у племён дьяковской культуры (по материалам Селецкого городища) // СА. 1981. № 4. С. 70–86.

- Черненко Е.В.* Древнейшие скифские парадные мечи (Мельгунов и Келермесс) // Скифия и Кавказ. Киев: Наукова думка, 1980. С. 7–30.
- Черненко Е.В.* Оружие // Археология Украинской ССР / Отв. ред. С.Д. Крыжицкий. Киев: Наукова думка, 1986. С. 134–150.
- Черненко Е.В., Бессонова С.С., Болтрик Ю.В., Полин С.П., Скорый С.А., Бокий Н.М., Гребенников Ю.С.* Скифские погребальные памятники степей Северного Причерноморья. Киев: Наукова думка, 1986. 353 с.
- Черных Е.М.* Жилища племен Прикамья I тыс. до н. э. – первой половины II тыс. н. э. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 1992. 23 с.
- Черных Е.М.* Степановское городище – новый памятник раннего железного века в Среднем Прикамье. Ижевск: УдГУ ИИКНП, 2000. 32 с.
- Черных Е.М.* Зуевоключевское I городище в Удмуртском Прикамье: некоторые итоги исследований // Удмуртской археологической экспедиции – 50 лет / Отв. ред. Р.Д. Голдина. Ижевск: УдГУ, 2004. С. 113–131.
- Черных Е.М.* Жилища Прикамья (эпоха железа) / МИКВАЭ. Т. 16. Ижевск: УдГУ, 2008. 272 с.
- Черных Е.М.* Отчет об археологических исследованиях Боярского («Арай») могильника в Каракулинском районе Удмуртской Республики, проведенных летом 2008 г. // Архив ИИКНП УдГУ. Ф. 2. Д. 495.
- Черных Е.М.* Некоторые итоги изучения культурного слоя Зуевоключевского I городища в Удмуртском Прикамье // У истоков археологии Волго-Камья (к 150-летию открытия Ананьинского могильника) / Археология евразийских степей. Вып. 8 / Отв. ред. С.В. Кузьминых, А.А. Чижевский. Елабуга: ИИ АН РТ, ИА РАН, ЕГИАМЗ, 2009. С. 76–97.
- Черных Е.М.* Изучение ананьинских памятников в Удмуртском Прикамье и современное ананьиноведение // Вестник Удмуртского университета. История и филология. Вып. 3. 2010. С. 61–70.
- Черных Е.М.* О хронологии культурного слоя Зуевоключевского I городища в Удмуртском Прикамье // Древности Прикамья эпохи железа (VI в. до н. э. – XV в. н. э.): хронологическая атрибуция / МИКВАЭ. Т. 25 / Отв. ред. Р.Д. Голдина. Ижевск: УдГУ, 2012. С. 113–123.
- Черных Е.М.* Позднеананьинское святилище на Зуевоключевском I городище (Нижнее Прикамье) // Поволжская археология. 2013. № 1. С. 153–165.
- Черных Е.М.* О жилищах гляденской культуры и некоторых аспектах адаптации древних пермян к природным условиям и особенностям хозяйственной деятельности (возвращаясь к исследованиям В.Ф. Генинга середины прошлого века) // Поволжская археология. 2014. № 1. С. 46–68.
- Черных Е.М.* Отчет об археологических исследованиях (раскопках) в Киясовском районе Удмуртской Республики летом 2017 г. (Дубровские могильник и селище) // Архив ИИКНП УдГУ. Ф. 2. Д. 622.
- Черных Е.М.* На перекрестке речных путей: об особенностях функционирования ананьинского городища у д. Зуевы Ключи в Нижнем Прикамье // Stratum plus. 2018. № 3. С. 267–290.
- Черных Е.М., Ванчиков В.А., Шаталов В.А.* Аргыжское городище на реке Вятке. М.: ИКИ, 2002. 188 с.
- Черных Е.М., Колобова Т.А.* Глиняные фигурки Зуевоключевского I городища: некоторые вопросы их назначения и семантики // РА. 2006. № 4. С. 145–151.
- Черных Е.М., Митряков А.Е., Решетников Н.Л.* Усть-Нечкинское поселение – памятник бронзового и железного веков в Среднем Прикамье // Научные труды национального парка «Нечкинский» / Науч. ред. И.В. Ермолаев. Ижевск: Парадигма, 2013. С. 46–64.
- Черных Е.М., Останина Т.И.* Глава третья. Население Удмуртии в раннем железном веке (VIII в. до н. э. – II в. н. э.). Ананьинская культурно-историческая общность (VIII–III вв. до н. э.) // История Удмуртии с древнейших времен до XV в. / Ред. М.Г. Иванова. Ижевск: УРО РАН, УдИИЯЛ, 2007. С. 123–165.
- Черных Е.М., Тищенко И.Г.* «Свернувшийся зверь» – волк, медведь, дракон? (к вопросу о появлении мотива в декоре пряслиц ананьинской культуры) // Пятые Берсовские чтения / Отв. ред. С.Н. Панина. Екатеринбург: Квадрат, 2006. С. 125–129.
- Черных Е.М., Хайруллина О.Ф.* Боярский («Арай») могильник – новый памятник эпохи Великого переселения народов в Прикамье // Археология Евразийских степей. 2018. № 1. С. 87–107.
- Черных Е.М., Цыгвинцева Т.А.* Каменные диски с Зуевоключевского I городища // Южный Урал и сопредельные территории в скифо-сарматское время / Отв. ред. Г.Т. Обыденнова, Н.С. Савельев. Уфа: Гилем, 2006. С. 180–186.
- Черных Е.М., Чижевский А.А.* С.В. Кузьминых и ананьинские древности Волго-Камья // Евразийский археолого-историографический сборник. К 60-летию С.В. Кузьминых / Ред. А.С. Вдовин, И.В. Тункина. СПб., Красноярск: СПФ АРАН, КГПУ, 2012. С. 17–29.
- Черных Е.Н.* Городище Алтен-Тау // Отчеты КВАЭ. Вып. 1 / Отв. ред. С.В. Киселев. М.: ИА АН СССР, 1959. С. 152–163.
- Черных Е.Н.* Древняя металлообработка на Юго-Западе СССР. М.: Наука, 1976. 301 с.
- Черных Е.Н.* Проблема общности культур валиковой керамики в степях Евразии // Бронзовый век степной полосы Урало-Иртышского междуречья / Отв. ред. Г.Б. Зданович. Челябинск: БГУ, 1983. С. 81–99.
- Чеснокова Н.Н.* Классификация ванвиздинской керамики // Проблемы этногенетических исследований Европейского Северо-Востока / Отв. ред. Р.Ф. Итс. Пермь: ПГУ, 1982. С. 106–121.
- Чеснокова Н.Н.* Археологическая проблематика раннего средневековья на Европейском Северо-Востоке // Финно-угры и славяне (проблемы историко-культурных контактов) / Отв. ред. Э.А. Савельева. Сыктывкар-Пермь: ПГУ, 1986. С. 124–128.
- Чижевский А.А.* Отчет об археологических работах в Алексеевском районе Татарстан (раскопки Мурзинского II могильника) в 1995 г. / НФ МАРТ ИА

- АН РТ. Ф. 4. Оп. 1 № 60, 61.
- Чижевский А.А. Отчет об археологических работах в Алексеевском районе Татарстана (раскопки Мурзинского II могильника) в 1998 году. Казань, 1999 / НФ МАРТ ИА АН РТ. Ф. 4. Оп. 1. № 99.
- Чижевский А.А. Погребальные памятники населения Волго-Камья в финале бронзового-раннем железном веках: предананьинская и ананьинская культурно-исторические области. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 2002. 26 с.
- Чижевский А.А. Ананьинские (постмаклашеевские) стелы // Древности Евразии: от ранней бронзы до раннего средневековья. Памяти Валерия Сергеевича Ольховского / Гл. ред. В.И. Гуляев. М.: ИА РАН, 2005. С. 268–300.
- Чижевский А.А. Еще раз об ананьинских (постмаклашеевских) стелах. Вопросы планиграфии и хронологии // Finno-Ugrica. Казань, 2005а. С. 5–16.
- Чижевский А.А. Комплекс вещей кавказского происхождения из Мурзинского IV (I) могильника (вопросы хронологии и происхождения) // Город и степь в контактной Евро-Азиатской зоне: ТД / Отв. ред. В.В. Мурашева. М.: ГИМ, 2006. С. 55–57.
- Чижевский А.А. Жилища и поселения лесной и лесостепной части Волго-Камья второй половины II – начала I тыс. до н. э. в контексте развития природной среды и культурных традиций // Археология и естественные науки Татарстана. Кн. 3 / Отв. ред. М.Ш. Галимова. Казань: Алма-Лит, 2007. С. 93–112.
- Чижевский А.А. Предметный репертуар ананьинских (постмаклашеевских) стел // Каменная скульптура и мелкая пластика древних и средневековых народов Евразии / Отв. ред. А.А. Тишкин. Барнаул: АлтГУ, 2007а. С. 88–91.
- Чижевский А.А. Исследования Сорочьегогорского городища в 2007 г. // УАВ. 2008. Вып. 8. С. 91–98.
- Чижевский А.А. Погребальные памятники населения Волго-Камья в финале бронзового – раннем железном веках (предананьинская и ананьинская культурно-исторические области) / Археология евразийских степей. Вып. 5. Казань: Школа, 2008. 172 с.
- Чижевский А.А. Проблема генезиса и хронологии ананьинских (постмаклашеевских) стел // РА. 2009. № 1. С. 81–90.
- Чижевский А.А. К вопросу о начале раннего железного века в Волго-Камье // Российский археологический ежегодник. 2012. № 2 / Ред. Л.Б. Вишняцкий. СПб.: СПб. ун-т, С. 383–400.
- Чижевский А.А. Керамика с рогожными отпечатками из раскопок городища Лбище в 2003 г. // Поволжская археология. 2012. № 2. С. 211–217.
- Чижевский А.А. Начальный период изучения археологии эпохи бронзы и раннего железного века в Волго-Камье. Полевые исследования // Поволжская археология. 2013. № 2. С. 40–63.
- Чижевский А.А. Начальный период изучения археологии эпохи бронзы и раннего железного века в Волго-Камье. Кабинетно-аналитические исследования // Поволжская археология. 2013а. № 2. С. 64–103.
- Чижевский А.А. Проблема распада ананьинской культурно-исторической области // Переходные эпохи в археологии / Науч. ред. И.О. Васкул. Сыктывкар: ИЯЛИ КНЦ УрО РАН, 2013. С. 80–82.
- Чижевский А.А. Керамика белогорского типа в Самарском Поволжье // Ананьинский мир: истоки, развитие, связи, исторические судьбы / Археология евразийских степей. Вып. 20 / Отв. ред.: С.В. Кузьминых, А.А. Чижевский. Казань: Отечество, 2014. С. 211–224.
- Чижевский А.А. Памятники позднего периода ананьинской культурно-исторической области // Археология Евразийских степей. 2017. № 4. С. 196–256.
- Чижевский А.А., Антипина Е.Е., Асылгараева Г.Ш., Нуретдинова А.Р. Коллекции раннего железного века из собрания археологического музея Казанского (Приволжского) федерального университета // Поволжская археология. 2018. № 3. С. 68–87.
- Чижевский А.А., Антипина Е.Е., Асылгараева Г.Ш., Нуретдинова А.Р. Коллекции археологического музея Казанского (Приволжского) федерального университета. Часть 2 // Поволжская археология. 2019. № 1. С. 84–103.
- Чижевский А.А., Галимова М.Ш., Губайдуллина А.В. Казанская стоянка (по материалам исследований 1938 г.) // Археология Евразийских степей. 2019. № 2. С. 124–164.
- Чижевский А.А., Гисматуллин М.Р., Храмченкова Р.Х. Бронзовый чекан из археологического собрания Ульяновского областного краеведческого музея им. И.А. Гончарова // Stratum plus. 2019. № 3. С. 99–112.
- Чижевский А.А., Гисматуллин М.Р., Храмченкова Р.Х. Кинжал из Больших Тархан с деталями оформления перекрестия в виде рельефной «запятой» // Археология Евразийских степей. 2021. № 2. С. 47–61.
- Чижевский А.А., Черных Е.М., Коренюк С.Н. Ананьинская культурно-историческая область. Ананьинская классическая культура (шнуровой керамики) // Ранний железный век / Археология Волго-Уралья. Т. III / Отв. ред. А.А. Чижевский. Казань: ИА АН РТ, 2021. С.
- Чижевский А.А., Кузьминых С.В., Патрушев В.С. Ананьинская культурно-историческая область. Акинско-ахмыловская культура // Ранний железный век / Археология Волго-Уралья. Т. III / Отв. ред. А.А. Чижевский. Казань: ИА АН РТ, 2021. С.
- Чижевский А.А., Лыганов А.В., Кузьминых С.В. Ранний (атабаевский) этап маклашеевской культуры // Археология Евразийских степей. 2019. № 2. С. 99–123.
- Чижевский А.А., Нигаматов А.З., Храмченкова Р.Х. Комплекс предметов вооружения ананьинского времени из Танаевского леса // Поволжская археология. 2020. № 3. С. 181–195.
- Чижевский А.А., Оруджов Э.И. Вятско-ветлужская археологическая культура (гребенчатого-шнуровой керамики) АКЦИО // Поволжская археология. 2021. № 1. С. 8–22.
- Чижевский А.А., Пономаренко Е.В., Вязов Л.А., Хисметдинова А.А., Блишников М.С. Оборонительные сооружения и палеоланшафт Троицко-Урайского I

- городища // Поволжская археология. 2019. № 3. С. 128–146.
- Чижевский А.А., Соловьев Б.С., Азаров Е.С. Средне-волжская культура текстильной керамики // Энеолит и бронзовый век / Археология Волго-Уралья. Т. II / Отв. ред. А.А. Чижевский. Казань: ИА АН РТ, 2021. С. 580–600.
- Чижевский А.А., Хисяметдинова А.А. Оборонительные сооружения мысовых городищ Волго-Камья в раннем железном веке и раннем средневековье: монография // Археология Евразийских степей. 2020. № 2. С. 8–277.
- Чижевский А.А., Хисяметдинова А.А., Спиридонова Е.А., Алешинская А.С., Кочанова М.Д., Асылгараева Г.Ш. Результаты комплексного исследования Сорочьего городского городища // Ананьинский мир: истоки, развитие, связи, исторические судьбы / Археология евразийских степей. Вып. 20 / Отв. ред.: С.В. Кузьминых, А.А. Чижевский. Казань: Отечество, 2014. С. 241–262.
- Чижевский А.А., Хисяметдинова А.А., Спиридонова Е.А., Алешинская А.С., Кочанова М.Д. Оборонительные сооружения городища Гремячий Ключ // Поволжская археология. 2017. № 3. С. 221–243.
- Чижевский А.А., Хисяметдинова А.А., Спиридонова Е.А., Алешинская А.С., Кочанова М.Д. Тихогорские I и II городища, комплексные исследования оборонительных сооружений // Археология Евразийских степей. 2018. № 2. С. 310–336.
- Чижевский А.А., Черных Е.М., Хисяметдинова А.А., Митряков А.Е., Спиридонова Е.А., Кочанова М.Д., Алешинская А.С. Скорняковское городище на Вятке / Археология евразийских степей. Вып. 22. Казань: Казанская недвижимость, 2016. 156 с.
- Чижевский А.А., Шаталов В.А. Псалий из Луговского могильника: к вопросу об образе всадника и коня в ананьинском искусстве // РА. 2012. № 1. С. 26–35.
- Чиндина Л.А. Древняя история Среднего Приобья в эпоху железа. Томск: Томский гос. ун-т, 1984. 256 с.
- Членова Н.Л. Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры. М.: Наука, 1967. 300 с.
- Членова Н.Л. Карасукские находки на Урале и в Восточной Европе // СА. 1973. № 2. С. 191–204.
- Членова Н.Л. Карасукские кинжалы. М.: Наука, 1976. 104 с.
- Членова Н.Л. Связи культур Западной Сибири с культурами Приуралья и Среднего Поволжья в конце эпохи бронзы и в начале железного века // Проблемы западносибирской археологии. Эпоха железа / Отв. ред. Т.Н. Троицкая. Новосибирск: Наука, 1981. С. 4–42.
- Членова Н.Л. Оленные камни как исторический источник. Новосибирск: Наука, 1984. 100 с.
- Членова Н.Л. Памятники конца эпохи бронзы Западной Сибири. М.; Пушкино: ПНИЦ РАН 1994. 170 с.
- Членова Н.Л. Алтайские бронзы раннескифской эпохи из собрания ГИМ // Сохранение и изучение наследия Алтайского края (материалы научно-практической конференции). Вып. V. Ч. II / Отв. ред. Ю.Ф. Кирюшин. Барнаул: АлтГУ, 1995. С. 91–96.
- Чурачикский грунтовый могильник I // Археологическая карта Чувашской Республики: научно-справочное издание. Т. 2 / Ред. Е.П. Михайлов, Н.С. Березина. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2014. С. 263–265.
- Шадрин А.И. Результаты исследования железных предметов из Буйского городища // Древности Поволжья и Прикамья / АЭМК. Вып. 25 / Отв. ред. Г.А. Архипов. Йошкар-Ола: МарНИИ, 2001. С. 108–125.
- Шадыро В.И. Ранний железный век Северной Белоруссии. Минск: Наука и техника, 1985. 126 с.
- Шаландина В.Т. Основные черты лесов Татарии в голоцене // Научные доклады высшей школы. Биология. 1972. № 8. С. 76–80.
- Шаландина В.Т. Основные этапы истории растительного покрова Закамской лесостепи Татарии в голоцене // Ботанический журнал. 1981. Т. 66. № 1. С. 52–64.
- Шаландина В.Т. Влияние хозяйственной деятельности человека на растительный покров Татарии // Ботанический журнал. 1985. Т. 70. № 6. С. 752–760.
- Шаландина В.Т. Субфоссильные споро-пыльцевые спектры хвойных лесов Марийской АССР // Ботанический журнал. 1986. Т. 71. № 2. С. 215–222.
- Шаральдинов С.В. Отчет о разведках в Яшкульском районе Республики Калмыкия / Архив КИОН РАН. Оп.1, 123.1995.
- Шаров О.В. Боспор и варварский мир Центральной и Восточной Европы в позднеримскую эпоху: середина II – середина IV вв. н. э. Дисс. ... докт. ист. наук. СПб, 2009. 571 с.
- Шаталов В.А. Костяные гребни Прикамья эпохи раннего железного века // Социально-исторические и методологические проблемы древней истории Прикамья / Отв. ред. Р.Д. Голдина. Ижевск: УдГУ, 2002. С. 288–293.
- Шахматов В.А. Сообщение члена Комиссии В.А. Шахматова о находке при раскопке в его имении // Труды Саратовской Ученой Архивной Комиссии. Вып. 22. Саратов, 1902. С. 59–62.
- Швецова А.А. Техничко-технологический анализ сосудов из Одоевского городища // Новиков А.В. Одоевское городище. К вопросу о культурной специфике Поветлужья в раннем железном веке. Прил. 1 // Археология Евразийских степей. 2021. № 2. С. 164–169.
- Шелов Д.Б. История античных государств Северного Причерноморья // Античные государства Северного Причерноморья / Археология СССР / Отв. ред. Г.А. Кошеленко, И.Т. Кругликова, В.С. Долгуров. М.: Наука, 1984. С. 8–25.
- Шенко Л.Г. Позднесарматские курганы в Северном Приазовье // СА. 1987. № 4. С. 158–173.
- Шилов В.П. Калиновский курганный могильник // МИА. № 60 / Отв. ред. Е.И. Крупнов. М.: АН СССР, 1959. С. 323–523.
- Шилов В.П. К вопросу о происхождении ананьинской культуры // Исследования по археологии СССР / Отв. ред. В.Ф. Гайдукевич. Л.: ЛГУ, 1961. С. 120–126.

- Шилов В.П.* Очерки по истории древних племён Нижнего Поволжья. Л.: Наука ЛО, 1975. 208 с.
- Шилов В.П.* Аорсы (историко-археологический очерк) // История и культура сарматов. Саратов: СарГУ, 1983. С. 34–48.
- Шилов В.П., Очир-Горяева М.А.* Курганы скифской эпохи из могильников Аксеновский I–II // Памятники предскифского и скифского времени на юге Восточной Европы / МИАР. Вып. 1 / Отв. ред. Р.М. Мунчаев, В.С. Ольховский. М.: ИА РАН, 1997. С. 127–153.
- Шмидт А.В.* Рец.: А.М. Тальгрэн. L'eroque dite d'Ananino dans la Russie orientale / SMYA. 1919. Т. 31: 1 // Борьба классов. № 1–2. Л.: Прибой, 1924. С. 300–305.
- Шмидт А.В.* Отчёт о командировке в 1925 году в Уральскую область // Сборник музея антропологии и этнографии. Т. VII / Отв. ред. Е.Ф. Карский. Л.: АН СССР, 1928. С. 283–298.
- Шмидт А.В.* Археологические изыскания Башкирской экспедиции Академии наук (Предварительный отчет о работах 1928 г.) // Хозяйство Башкирии. 1929. Приложение к № 8–9. С. 1–28.
- Шмидт А.В.* Жертвенные места Камско-Уральского края // Известия ГАИМК. Т. XIII. Вып. 1–2. Л.: ГАИМК, 1932. 46 с.
- Шмидт А.В.* Очерки по истории северо-востока Европы в эпоху родового общества // Известия ГАИМК. Вып. 106. М.-Л.: ГАИМК, 1935. С. 13–96.
- Шокуров А.П.* Материалы к археологической карте нижнего течения р. Белой и среднего течения р. Ик // Древности Башкирии / Отв. ред. А.П. Смирнов. М.: Наука, 1970. С. 131–160.
- Шрамко Б.А., Фомин Л.Д., Солнцев Л.А.* Начальный этап обработки железа в Восточной Европе (до скифский период) // СА. 1977. № 1. С. 57–74.
- Штадлер (Денисова) Т.В.* История изучения погребальных памятников ананьинской культуры в Удмуртском Прикамье // Проблемы этногенеза финно-угорских народов Приуралья / Отв. ред. В.А. Кананин. Ижевск: УдГУ, 1952. С. 66–72.
- Штукенберг А.А.* Заметка профессора А.А. Штукенберга // ИОАИЭ. Т. 19. Вып. 1. 1903. С. 64–65.
- Шульга П.И.* Снаряжение верховой лошади и воинские пояса на Алтае. Ч. I. Барнаул: Азбука, 2008. 276 с.
- Шульга П.И.* Синцзян в VIII–III вв. до н. э. (Погребальные комплексы. Хронология и периодизация): монография. Барнаул: АлтГУ, 2010. 238 с.
- Щербаков Н.Б., Овсянников В.В., Шутелева И.А.* Ярусные захоронения Ново-Уфимского могильника кара-абызской культуры: феномен или ранее не выявленная особенность // Труды VI (XXII) Всероссийского археологического съезда в Самаре. Т. II / Отв. ред. А.П. Деревянко, Н.А. Макаров, О.Д. Мочалов. Самара: СГСПУ, 2020. С. 136–137.
- Щукин М.* На рубеже эр. Опыт историко-археологической реконструкции политических событий III в. до н. э. – I в. н. э. в Восточной и Центральной Европе. СПб.: Фарн, 1994. 324 с.
- Эвдокс.* Землеописание / Латышев В.В. Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе // ВДИ. 1947. № 3. С. 247–332.
- Эдельман Д.И.* Некоторые проблемы сравнительно-исторического иранского языкознания // Вопросы языкового родства. 2009. № 1. С. 81–94.
- Эрлих В.Р.* Меотские мечи из Закубанья // Древности Северного Кавказа и Причерноморья / Отв. ред. А.П. Абрамов. М.: ГМИНВ, 1991. С. 70–99.
- Юдин А.И.* Алексеевское городище в г. Саратове // Археологическое наследие Саратовского края. Охрана и исследование в 1998–2000 годах. Вып. 4 / Отв. ред. А.И. Юдин. Саратов: Научная книга, 2001. С. 22–80.
- Юсупов Г.В.* Археологические разведки в Башкирии // КСИИМК. Вып. 64 / Отв. ред. А.Д. Удальцов. М.-Л.: АН СССР, 1956. С. 85–92.
- Юсупов Г.В.* Древнейшие поселения Гафурийского района БАССР // Башкирский археологический сборник / Отв. ред. А.П. Смирнов, Р.Г. Кузеев. Уфа: ИИЯЛ, 1959. С. 58–87.
- Юсупов Р.М.* Об уралоидном компоненте в антропологическом типе башкир // Материалы к антропологии уральской расы / Отв. ред.: И.И. Гохман, Р.М. Юсупов. Уфа: БНЦ УрО РАН, 1992. С. 51–59.
- Юсупов Р.М.* Палеоантропология ранних кочевников Южного Урала по материалам Филипповских курганов // XV Уральское археологическое совещание: ТД / Отв. ред. Н.Л. Моргунова. Оренбург: ОГПУ, 2001. С. 148–150.
- Юсупов Р.М.* Палеоантропология ранних кочевников Южного Урала по материалам Филлиповских курганов // Южный Урал и сопредельные территории в скифо-сарматское время / Отв. ред. Г.Т. Обыденнова, Н.С. Савельев. Уфа: Гилем, 2006. С. 63–65.
- Юсупов Р.М., Нечвалода А.И.* Палеоантропология ранних кочевников Южного Урала по материалам Филипповских курганов // Пшеничнюк А.Х. Филипповка. Некрополь кочевой знати IV века до н. э. на Южном Урале. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2012. С. 258–269.
- Ютина Т.К.* Раскопки Афониинского могильника // АО 1979 / Отв. ред. Б.А. Рыбаков. М.: Наука, 1980. С. 182.
- Юшкова М.А.* Эпоха бронзы и ранний железный век на Северо-Западе России. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. СПб., 2011. 24 с.
- Яблонский Л.Т.* Саки Южного Приаралья (археология и антропология могильников). М.: ТИМР, 1996. 184 с.
- Яблонский Л.Т.* Антропологические аспекты формирования раннесарматской культуры // Раннесарматская культура: формирование, развитие, хронология. Вып. 1 / Отв. ред. В.Н. Мышкин. Самара: СНЦ РАН, 2000. С. 29–40.
- Яблонский Л.Т.* Миграционные процессы в восточной части Евразийских степей в начале раннего железного века // Антропология на пороге III тысячелетия. Т. 1 / Отв. ред. Т.И. Алексеева. М.: Старый Сад, 2003. С. 218–233.
- Яблонский Л.Т.* Миграции ранних кочевников Арало-

- Уральского региона (в свете теоретических разработок В.П. Алексеева) // Человек в культурной и природной среде / Отв. ред. Т.И. Алексеева. М.: Наука, 2007. С. 141–146.
- Яблонский Л.Т. Оружие ранних саков Приаралья // Вооружение сарматов: региональная типология и хронология / Отв. ред. Л.Т. Яблонский, А.Д. Таиров. Челябинск: ЮУрГУ, 2007. С. 134–141.
- Яблонский Л.Т. Проблема хронологии и типологизации сарматских культур на современном этапе их изучения (в свете новейших материалов из Южного Приуралья) // Региональные особенности раннесарматской культуры. Вып. II / Отв. ред. И.В. Сергацков. Волгоград: ВолГУ, 2007. С. 4–36.
- Яблонский Л.Т. Каталог. Сокровища сарматских вождей: (Материалы раскопок Филипповских курганов). Оренбург: Димур, 2008. 144 с.
- Яблонский Л.Т. Прохоровка. У истоков сарматской археологии. М.: ТАУС, 2010. 384 с.
- Яблонский Л.Т. Новые раскопки в Казахстане и проблема формирования раннесарматской культуры // Археология Казахстана в эпоху независимости: итоги, перспективы. Т. 2 / Отв. ред. А.З. Бейсенов. Алматы: ИА им. А.Х. Маргулана, 2011. С. 59–64.
- Яблонский Л.Т. Погребальный обряд ранних кочевников Приуралья переходного времени и вопросы археологической периодизации памятников // Погребальный обряд ранних кочевников Евразии / Отв. ред. Л.Т. Яблонский, С.И. Лукьяшко. Ростов-на-Дону; Кагальник: ЮИЦ РАН, 2011. С. 234–240.
- Яблонский Л.Т. Золото сарматских вождей. Элитный некрополь Филипповка 1 (по материалам раскопок 2004–2009 гг.). Каталог коллекции. Кн. 1. М.: ИА РАН, 2013. 232 с.
- Яблонский Л.Т. Культурно-хронологические горизонты и проблема формирования раннесарматской культуры // Вестник ВолГУ. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. Вып. 5 (35). Волгоград, 2015. С. 17–24.
- Яблонский Л.Т. Некоторые теоретические подходы к вопросу о происхождении раннесарматской культуры // Константин Федорович Смирнов и современные проблемы сарматской / Ред. Л.Т. Яблонский, Л.А. Краева. Оренбург: ОГПУ, 2016. С. 304–311.
- Яблонский Л.Т. На востоке скифской ойкумены. М.: Грифон, 2017. 400 с.
- Ясюк В.П. Природные условия Самарской области. Самара: ЦДОД Искра, 2017. 195 с.
- Ятайкин Л.М., Шаландина В.Т. История растительного покрова в районе Нижней Камы с третичного времени до современности. Казань: КГУ, 1975. 199 с.
- Яценко И.В. О клейме на гераклейской амфоре из могильника Кривая Лука VI // Древности Астраханского края / Отв. ред. Г.А. Федоров-Давыдов. М.: ИА АН СССР, 1977. С. 78.
- Anthony David W., Brown Dorcas R., Khokhlov Aleksandr A., Kuznetsov Pavel F., Mochalov Oleg D. *A Bronze Age Landscape in the Russian Steppes. The Samara Valley Project*. UCLA Cotsen institute of archaeology, 2016, 511 p.
- Aspelin J. R. L'age du bronze. In *Muinaisjäänöksiä Suomen suvun asumus-aloilta* II. Kiviaika ja pronssi-aika. Antiquités du Nord finno-ougrien. Vol. I. Ages de la pierre et du bronze. Helsinki-Helsingfors, 1877, p. 43–77.
- Baye le baron J. de. La nécropole d'Ananino (Gouvernement de Viatka, Russie). In *Extrait des Memoires de la Societe nationale des Antiquaires de France*. Vol. LVI (1895). Paris: Librairie nilsson, 1897, p. 1–26.
- Bronk Ramsey C. OxCAL 4.3. 2017. URL: <http://c14.arch.ox.ac.uk>. Дата обращения: 01.10.2019 г.
- Čugunov K.V., Parzinger H., Nagler A. Der skythenzeitliche Fürstenkurgan Aržan 2 in Tuva. In *Archäologie in Eurasien*. Band 26. Mainz: Philipp von Zabern, 2010, 330 p.
- Danukalova G., Osipova E., Yakovlev A., Yakovleva T. Biostratigraphical characteristic of the Holocene deposits of the Southern Urals. In *Quaternary International* 328–329, 2014, p. 244–263.
- Georgi J.G. Bemerkungen einer Reise im Russischen Reich im Jahre 1772–1774. Bd. 2. St. Petersburg, 1775, p. 507–920.
- Grakov B.N. Monument de la culture scythique etre la Volga et les monts Oural. In *Eurasia Septentrionalis Antiqua* III. Helsinki, 1928, p. 25–62.
- Karmanov V.N., Zaretskaya N.E., Panin A.V., Chernov A.V. Reconstruction of local environments of ancient population in a changeable river valley landscape (the Middle Vychegda River, Northern Russia). In *Geochronometria* 38, No. 2, 2011, p. 128–137.
- Korolev K.S. Elk and reindeer in material culture of Komi-zyryan. In Abstracts of papers and posters. Third international Moose symposium. Syktyvkar, 1990, p. 14.
- Kultti S., Väiliranta M., Sarmaja-Korjonen K., Solovieva N., Virtanen T., Kauppila T., Eronen M. Palaeoecological evidence of changes in vegetation and climate during the Holocene in the pre-Polar Urals, northeast European Russia. In *Journal of Quaternary science* 18, 2003, p. 503–520.
- Kuzminych S.V. Osteuropäische und fennoskandische Tüllenbeile des Mälartyps: ein Rätsel der Archäologie. In *Fennoscandia archaeologica* XIII, 1996, p. 3–27.
- Kuzminych S.V. Final Bronze Age and Early Iron Age in the North of Eastern Europe. In Mervi Suhonen (ed.). *Arkeologian lumoa synkkyytteen. Artikkeleita Christian Carpelanin juhlapäiväksi*. Helsinki: Yliopistopaino, 2006, p. 75–84.
- Lang V. The Bronze and Early Iron Ages in Estonia. In *Estonian Archaeology*. Vol. 3. Tartu: Tartu University Press, 2007, 298 p.
- Myshkin V., Khokhlov A., Kitov E. Elite of nomadic pastoralism of the Southern Urals in the 4th century BC: the nature and direction of relations. In *26th EAA Virtual Annual Meeting*. Abstract Book. Prague, 2020, p. 544.
- Ochir-Goryaeva M. Early Iron Age Nomads of Low Volga Region (model of Cultural Development). In *BAR International Series* 717. Oxford: Archaeopress, 1998. pp. 129–132.

- Ocir-Gorjaeva M. *Pferdegeschirr aus Chosheutovo. Skythischer Tierstil an der Unteren Wolga*. Archäologie in Eurasien. Bd. 19. Mainz am Rhein: Verlag Philipp von Zabern, 2005, 184 p.
- Otchir-Goriaeva M. Ein Sarmatisches Grab bei Jashkul, Kalmykien. In *Eurasia Antiqua* 8, 2002, p. 353–387.
- Otchir-Goriaeva M. Buchbesprechung. N. Shishlina. *The Seasonal Economic Cycle of the population of the North-Western Caspian region in the Bronze Age*. A collective monograph edited by N. Shishlina. Publications of the State Historical Museum. vol. 120. Moscow, 2000, 201 p.
- Patrushev V. The Early History of the Finno-Ugric Peoples of European Russia. In *Studia archaeologica Fenno-Ugrica* 1. Oulu: Sokietas Historiae Ftnno-Ugricae, 2000, 239 p.
- Pleiner R. *Iron in archaeology: the European bloomery smelters*. Praha: Archeologický ústav AV ČR, 2000, 400 p.
- Raddatz K. *Der Thorsberger Moorfund. Gürtelteile und Körperschmuck*. Neumünster: Karl Wachholtz Verlag, 1957, 158 p.
- Rau P. Die Grabekr der fruhen Eisenzeit im unteren Wolgagebiet. Pokrowsk. 1928.
- Rau P. *Die Hugelgrabcr romischer Zeit an der unteren Wolga*. Pokrowsk: Nemgosisdat, 1927, 112 p.
- Rau P. *Prähistorische Ausgrabungen auf auf der Steppenseite des deutschen Wolgagebiets im Jahre 1926* (Mitteilungen des Zentralmuseums der Aut. Soz. Räte-Republik der Wolgadeutschen Ig.2, 1927, Heft. 1). Pokrowsk, 1927, 79 p.
- Rau P.D. Die Gräber der Frühen Eisenzeit im unteren Wolgagebiet. In *Mitteilungen des Zentralmuseums der ASSR der Wolgadeutschen*. Jahrg. 4, Heft 1. Pokrowsk, 1929, 112 p.
- Reimer P.J., Bard E., Bayliss A. et al. IntCal13 and Marine13 radiocarbon age calibration curves 0–50,000 years cal BP. In *Radiocarbon*. Vol. 55, No. 4, 2013, p. 1869–1887.
- Shumilovskikh L.S., Schmidt M., Pereskokov M.L., Sannikov P.P. Postglacial history of East European boreal forests in the mid-Kama region, pre-Urals, Russia. In *Boreas*. Vol. 49, Iss. 3, July. 2020, p. 526–543.
- Sidorchuk A., Panin A., Borisova O., Kovalyukh N. Late glacial and Holocene palaeohydrology of the lower Vychehda river, western Russia. In *River Basin Sediment Systems: Archives of Enviromental Change*. Abingdon, 2001, p. 265–295.
- Snodgrass Anthony M. Iron and Early Metallurgy in Mediterranean. In Theodore A. Wertime and James D. Mulhy (eds.). *The Coming of the Age of Iron*. New Haven-London: Yale University Press, 1980, p. 335–374.
- Tallgren A.M. *Collection Zaoussailov au Musée historique de Finlande à Helsingfors. Catalogue raisonné de la collection de l'âge du bronze*. Vol. I. Helsinki: Commissio des Collections Antell, 1916, 45 p.
- Tallgren A.M. L'époque dite d'Ananino dans la Russie / Die Kupfer- und Bronzezeit in Nord- und Ostrussland. T. II / In *Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikauskirja (SMYA)*, XXXI: 1. 1919. 203 p.
- Tallgren A.M. The Arctic Bronze Age in Europe. In *Eurasia Septentrionalis Antiqua*. Vol. XI, 1937, p. 1–48.
- The Collection on the archeological of the Ordos. Huh-Hoto, 2004, p. 264–268 (In Chinese).
- Zakharov A.A. I.A. Zaretsky's excavations in the Government of Kharkov. In *Eurasia Septentrionalis Antiqua*. Vol. 1932, p. 59–81.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АКД – Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук
АЛ БГУ – Археологическая лаборатория Башкирского государственного университета
АН КазССР – Академия наук Казахской ССР
АН СССР – Академия наук СССР
АО – Археологические открытия
АОП – Археологические памятники Оренбуржья
Архив АФ СУ – Архив археологических фондов Самарского университета
АСГЭ – Археологический сборник Государственного Эрмитажа
АЭБ – Археология и этнография Башкирии
АЭМК – Археология и этнография Марийского края. Йошкар-Ола
БКИ – Башкирское книжное издательство
БЭК – Башкирский экономический колледж
ВАУ – Вопросы археологии Урала
ВАУ – Вопросы археологии Урала. Свердловск
ВДИ – Вестник древней истории
ВРГО – Вестник Императорского Русского географического общества
ВолГУ – Волгоградский государственный университет
ГАИМК – Государственная академия истории материальной культуры
ГЭ – Государственный Эрмитаж
д. – дело
ЗРАО – Записки Русского Археологического Общества. СПб.
ИА АН РТ – Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ
ИА РАН – Институт археологии Российской академии наук
ИИ АН РТ – Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук РТ
ИИЯЛ УНЦ РАН – Институт истории, языка и литературы Уральского научного центра РАН
ИИЯЛ УНЦ РАН – Институт языка, литературы и истории Уфимского научного центра РАН
ИКИ – Институт компьютерных исследований
ИКФВГО – Известия Коми филиала географического общества СССР
ИСНЦ РАН – Известия Самарского научного центра РАН
ИЯЛИ – Институт истории, языка и литературы им. Г. Ибрагимова КФАН СССР
ИЯЛИ КНЦ УРО РАН – Институт языка, литературы и истории Коми научного центра УРО РАН
КАЭ – Камская археологическая экспедиция
КАЭЭ ПГПУ – Труды Камской археолого-этнографической экспедиции
К(В)АЭ – Камская (Воткинская) экспедиция Института археологии АН СССР
КГУ – Казанский государственный университет
КГУ – Краснодарский государственный университет
КГУ – Куйбышевский государственный университет
КемГУ – Кемеровский государственный университет
КМВ – Казанский музейный вестник
КНЦ – Коми научный центр УРО АН СССР, Сыктывкар
КСИА – Краткие сообщения Института археологии. М.
КСИИМК – Краткие сообщения Института истории материальной культуры
КубГУ – Кубанский государственный университет, Краснодар
ЛГУ – Ленинградский государственный университет
МАВГР – Материалы по археологии восточных губерний России. М.
МАР – Материалы по археологии России
МарГУ – Марийский государственный университет
МарНИИ – Марийский научно-исследовательский институт
МАЭ – Музей археологии и этнографии УНЦ РАН
МАЭ – Марийская археологическая экспедиция
МАЕСВ – Материалы по археологии Европейского Северо-Востока.
Материалы VI МКФУ – Материалы VI Международного конгресса финно-угроведов
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР. М.; Л.
МИКВАЭ – Материалы и исследования Камско-Вятской археологической экспедиции. Ижевск
МИАР – Материалы и исследования по археологии России. М.
МКИ – Марийское книжное издательство
МНИИЯЛИЭ – Мордовский научно-исследовательский институт языка, истории, литературы и этнографии
НА УНЦ РАН – Научный архив Уфимского научного центра Российской Академии Наук
НАВ – Нижневолжский археологический вестник
Наука СО – Наука сибирское отделение
НМ РБ – Национальный музей Республики Башкортостан (Фонд Археологии)
НРФ МарНИИ – Научный рукописный фонд Марийского научно-исследовательского института языка, литературы и истории

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

НФ МАРТ – Научный фонд музея археологии РТ Института археологии Академии наук РТ	УАВ – Уфимский археологический вестник
ОГПУ – Оренбургский государственный педагогический университет	УАС – Уральское археологическое совещание
оп. – опись	УдГУ – Удмуртский государственный университет, Ижевск
ПНЦ РАН – Пушинский научный центр РАН	УЗ ПГУ – Ученые записки Пермского государственного университета. Пермь
РА – Российская археология	УКИ – Удмуртское книжное издательство
СА – Советская археология. М.	УНИИ ИЭЛЯ – Удмуртский научно-исследовательский институт истории, экономики, литературы и языка
САИ – Свод археологических источников	УОЛЕ – Уральское общество любителей естествознания
САИР – Свод археологических источников России. М.	УрГУ – Уральский государственный университет им. А.М. Горького
СамГУ – Самарский национальный исследовательский университет им. академика С.П. Королёва	УРКМ – Удмуртский республиканский краеведческий музей
СГУ – Саратовский государственный университет	Ф. – фонд
СОИКМ – Самарский областной историко-краеведческий музей имени П.В. Алабина	ЦДОД Искра – Центр дополнительного образования детей Искра. Самара
ТД – тезисы докладов	ЮУрГУ – Южно-Уральский государственный университет. Челябинск
ТИЭ – Труды Института этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. Новая серия	
ТМАЭ – Труды Марийской археологической экспедиции. Йошкар-Ола	
ТСА РАНИОН – Труды секции археологии Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук	

УКАЗАТЕЛИ

Именной указатель

- Абашина Н.С. 420
Агапов С.А. 35, 44
Агеев Б.Б. 374, 443, 444, 445, 446, 449, 450, 453, 469, 470, 474, 481, 482, 483, 486, 491, 493, 500, 523, 527
Акбулатов И.М. 304
Акимова М.С. 116, 119, 291, 431, 598, 599, 601
Алабин П.В. 126, 186, 354
Алексеева Е.М. 263, 271, 399, 469, 491, 517, 524, 580, 592
Алихова А.Е. 43, 313, 324, 411, 420
Аммиан Марцеллин 377
Антигон Каристский 87
Анучин Д.Н. 128
Арматынская О.В. 444
Архипов Г.А. 131, 137, 392
Аспелин И.Р. 126
Ахмедов И.Р. 394, 409, 500
Ахмеров Р.Б. 299, 302, 309, 437
Ашихмина Л.И. 135, 136, 138, 186, 193, 242, 243, 246, 247, 253, 255, 256, 259, 260, 261, 262, 266, 278, 280, 283, 285, 444, 470, 536
- Багашев А.Н. 118
Багдасарова Н.А. 122
Бадер О.Н. 131, 539
Бай, Дж. де 126
Балабанова М.А. 118, 122
Бань Гу 104
Басыров У.Х. 508
Батиева Е.Ф. 123
Бахшиев И.И. 309, 437
Беговатов Е.А. 137
Белоцерковская И.В. 409, 533
Беркутов Л.А. 128
Бернц В.А. 494
Берос 101
Беседин В.И. 315
Бессуднов А.Н. 315
Бирюков И.Е. 315
Благовещенская Н.В. 14
Бобринский А.А. 330, 577, 591
Богаткина О.Г. 233
Большов С.В. 138
Борзунов В.А. 138, 247, 260, 261
Борисова О.К. 19
- Бугров Д.Г. 408, 454, 455, 458, 460, 462, 469, 472, 474, 503
Буланкин В.М. 315, 319
Бунак В.В. 602
Буров Г.М. 135, 242, 244, 245, 248, 256, 257, 259, 261, 278, 280, 283, 562, 563, 564, 565, 597
- Ванчиков В.В. 138, 221, 222, 527
Вараксина Л.И. 129
Васильев А.А. 500
Васильев В.Н. 112, 290, 304, 310
Васильев И.Б. 35, 36, 43, 44, 87, 136, 374, 410
Васильев Ст.А. 284, 493
Васильева А.В. 540
Васильева И.Н. 414
Васкул И.О. 138, 243, 264
Васюткин С.М. 444
Веселовский Н.И. 85
Вечтомов А.Д. 289
Виноградов Ю.Г. 88
Вихляев В.И. 314, 329, 330, 336, 393, 409
Вознесенская Г.А. 111
Волегов В.А. 126
Волкова Ек.В. 288
Волокитин А.В. 562
Воробьева С.Л. 289, 290, 293, 298, 428, 449, 450, 499
Высоцкий Н.Ф. 126
- Габяшев Р.С. 444
Гаврилюк А.Г. 123
Гай Валерий Флакк 377
Гай Плиний Секунд 46
Гай Плиний Старший 87
Галанина Л.К. 158
Гарустович Г.Н. 508
Генинг В.Ф. 131, 132, 136, 288, 289, 290, 393, 443, 444, 445, 446, 455, 461, 469, 470, 474, 478, 480, 482, 488, 491, 492, 493, 494, 496, 498, 499, 500, 501, 502, 503, 505, 515, 523, 527, 533, 539, 540, 545, 563, 565, 598
Гераклид Понтийский 87, 88
Герасимова М.М. 116
Геродот 44, 46, 66, 68, 69, 70, 71, 82, 101
- Гинзбург В.В. 116
Глазкова Н.М. 116
Глебов В.П. 375
Глезер Г. 602
Голдина Р.Д. 136, 289, 444, 445, 446, 454, 481, 500, 527, 528, 533, 539, 540, 558, 564, 565, 597
Голубева Ю.В. 19
Гольмстен В.В. 43, 129, 288, 300, 304, 308, 339, 340, 374, 410, 433, 437
Горбунов В.С. 136, 309, 437
Городцов В.А. 85, 313, 323, 329, 331, 333, 339
Горюнова Е.И. 313, 332, 333, 335, 336
Готье Ю.В. 129
Граков Б.Н. 42, 43, 44, 45, 46, 47, 68, 70, 81, 85, 88, 89, 91, 106, 111, 374, 375
Григорьев С.А. 428
Гришаков В.В. 393, 399, 408, 409, 499
Гроздилов Г.П. 339
Грязнов М.П. 515
Губайдуллин А.М. 315, 319
Гугуев Ю.К. 419
Гуляев В.И. 289
Гуссаковский Л.П. 136, 222
Гуцалов С.Ю. 31, 45, 47, 375
- Данукалова Г.А. 13
Дебец Г.Ф. 115
Деметрий Каллатийский 88, 103
Демкин В.А. 293
Денисов В.П. 132, 539
Дженкинсон 49
Диодор Сицилийский 46, 87, 88, 102
Довгалюк Н.П. 491
Дремов И.И. 424
- Егерев В.В. 129
Егорейченко А.А. 335
Епимахов А.В. 26, 28, 30
Ермаков С.Ф. 340
Ефименко П.П. 131, 313
Ефимова С.Г. 117, 118, 291, 599,

- 601
 Железчиков Б.Ф. 45, 47, 48, 91, 106
 Жуйкова И.А. 12, 22
 Жуков Б.С. 129
 Журавлева Г.Н. 474, 515
- Завьялов В.И. 573
 Зайковский Б.В. 313
 Заусайлов В.И. 126, 355
 Збруева А.В. 129, 132, 136, 186, 207, 215, 288, 289, 354, 410, 413, 420
 Зеленева Ю.А. 393
 Зеликман М.Н. 126
 Зубов С.Э. 392, 393, 398, 408, 443, 458, 493, 505
 Зудина В.Н. 328, 339, 344
 Зуев В.Ю. 44, 107
 Зыков А.П. 496
- Иванов В.А. 136, 137, 247, 288, 289, 290, 310, 444, 445, 483, 486, 491, 504, 508
 Иванова Н.Г. 12
 Игнатьев Р.Г. 126, 300
 Ильинская В.А. 158
 Иосиф Флавий 377
 Исмагилов Р.Е. 111
 Истомина Т.В. 138, 243, 479
- Казаков Е.П. 134, 444
 Казанцева О.А. 445, 500, 540, 548
 Калинин В.К. 309, 437, 444
 Калинин Н.Ф. 129, 131
 Каллимах 87
 Калмыкова В.А. 314
 Канивец В.И. 135, 242, 244, 245, 251, 256, 258, 259, 260, 261, 262, 264, 270, 276, 278, 562, 563, 586, 588, 589
 Канторович А.Р. 307
 Касьянов М.И. 289, 296, 311, 425, 426
 Каховский Б.В. 346, 347, 348, 350, 352, 353
 Каховский В.Ф. 346, 347, 353
 Качалова Н.К. 26, 36
 Китов Е.П. 119, 121, 122
 Клепиков В.М. 87
 Климанов В.А. 13
 Ключева Г.Н. 444, 470
 Ковалевская В.Б. 494
 Кожевников П.И. 313
 Коишевский Б.А. 433
 Колев Ю.И. 26
 Комарова М.Н. 115
 Кондукторова Т.С. 116
 Коренюк С.Н. 138, 286, 371, 540, 546
 Кореняко В.А. 27, 31
 Корепанов К.И. 139, 289, 504
 Королев В.М. 136
 Королев К.С. 135, 138, 242, 265, 266, 562, 564, 565, 573
- Королькова Е.Ф. 42
 Корякова Л.Н. 118
 Косинцев П.А. 263, 537
 Косяненко В.М. 420, 537, 571, 587
 Краснов Ю.А. 331, 333, 548
 Краснова Е.В. 589
 Красноперов А.А. 445, 491, 492, 494
 Крейтон В.А. 313
 Кренке Н.А. 328, 335
 Кудеяров В.Н. 293
 Кузнецов П.Ф. 341
 Кузнецов С.К. 128, 443, 527
 Кузьмина О.В. 340
 Кузьминых С.В. 106, 107, 134, 136, 137, 139, 172, 201, 207, 228, 250, 259, 262, 270, 283, 284, 296, 301, 302, 488
 Кулемзин А.М. 301
 Кулябина (Соболева) Н.В. 540
 Курманов Р.Г. 13, 293, 300
 Куфтерин В.В. 435
- Лагодовская К.Ф. 288, 289
 Латышев В.В. 88
 Лашук Л.П. 563
 Лебедев А.С. 128
 Ледяйкин В.И. 314, 323, 329, 331
 Леконцева (Шутова) Н.И. 136
 Лепехин И. 410
 Лепихин А.Н. 540
 Лерх П.И. 126
 Лесков А.М. 40
 Лещинская Н.А. 445, 494, 498, 499, 500, 501, 527
 Ли А. 602
 Литвинский Б.А. 301
 Лихачев А.Ф. 126
 Логинова Э.С. 135, 243
 Лузгин В.Е. 135, 242, 243, 245, 254, 278, 562, 563
 Луций Анней Сенека 377
 Лысков О.А. 577, 591
- Мажитов Н.А. 289, 309, 374, 437, 449, 500
 Макаров Л.Д. 136, 527
 Максименко В.Е. 375
 Малахов М.В. 128
 Мамонтов В.И. 87
 Марк Анней Лукан 377
 Марков В.Н. 132, 137, 161, 162, 166, 183, 186, 217, 228, 246, 247, 248, 280, 286
 Марковин В.И. 72
 Мартин Р. 601, 602, 603
 Матвеев В.И. 315
 Матвеева Г.И. 44, 290, 304, 339, 345, 374, 393, 408, 408, 410, 430, 444
 Мачинский А.Д. 87
 Медведев А.П. 315, 318, 321, 324, 327, 330, 331, 375, 420
 Мельничук А.Ф. 138, 250, 259, 540
- Мелюкова А.И. 68, 301
 Мерперт Н.Я. 40
 Миллер В.Ф. 60
 Миронов В.Г. 314, 316, 318, 320, 324, 325, 326, 327, 328, 329, 330, 336, 345
 Митряков А.Е. 471
 Мокрушин В.П. 138, 540, 545, 564
 Монгайт А.Л. 313, 331, 335
 Моргунова Н.Л. 87, 374
 Морозов Ю.А. 288, 300, 308, 424, 433, 444
 Морозова (Сарапулкина) Т.В. 315, 319
 Мошкова М.Г. 44, 89, 90, 91, 106, 108, 111, 273, 289, 290, 306, 375, 376, 489, 523
 Мурыгин А.М. 135, 138, 243, 562
 Мышкин В.Н. 44, 87, 374, 410
 Мясников Н.С. 394, 408
- Наговицын Л.А. 527
 Напольских В.В. 137
 Невоструев К.И. 126, 354
 Немкова В.К. 13
 Нефедов Ф.Д. 43, 126, 288, 300, 433, 443
 Нечвалода А.И. 119, 291
 Никифорова Л.Д. 19, 22
 Новокрещенных Н.Н. 539, 552
 Норцов А.А. 313
- Обломский А.М. 413
 Оборин В.А. 132, 245, 246, 289, 539, 563
 Обыденнов М.Ф. 289, 309, 437, 504
 Овсянников В.В. 288, 289, 301, 303, 304, 307, 308, 309, 310, 311, 424, 436, 437, 438, 445, 504, 505
 Одинцов В.В. 444
 Останина Т.И. 444, 445, 446, 447, 449, 454, 481
 Ошибкина С.В. 136
- Паллас П.С. 126, 300, 433
 Патрушев В.С. 137, 138, 141, 144, 365, 369
 Пахомова О.М. 12
 Пежемский Д.В. 601
 Переводчикова Е.В. 158, 159
 Перерва Е.В. 118
 Перескоков М.Л. 540, 554
 Петренко А.Г. 150, 233, 550
 Пирсон К. 602
 Плано Карпини 49
 Плюснин С.М. 562
 Полесских М.Р. 314, 316
 Поляков Ю.А. 539, 548, 550, 554, 558, 563, 564, 565, 597
 Пономарев П.А. 126, 128, 354, 443
 Порох В.Н. 111
 Прокошев Н.А. 129, 131
 Проходцев И.И. 313
 Проценко А.С. 288

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Пруссак К. 313
 Пряхин А.Д. 315
 Псевдо-Скимн 88, 103
 Пшеничнюк А.Х. 43, 45, 47, 85, 90, 91, 106, 107, 117, 288, 289, 290, 301, 302, 303, 304, 306, 308, 310, 374, 425, 426, 429, 433, 438, 439, 444, 445, 446, 449, 478, 494, 598
 Пясковский Е. 112
 Пятых Г.Г. 374

 Радищев М.А. 313, 323
 Радюш О.А. 392, 398
 Разуваев Ю.Д. 315, 321, 335
 Рау П.Д. 42, 73, 85, 88, 91, 375, 376
 Рафикова Я.В. 289
 Решетников Н.Л. 138
 Ростовцев М.И. 43, 44, 46, 68, 69, 70, 82, 88, 90
 Рубрук Г. 49
 Руденко С.И. 88, 90, 115
 Рыков П.С. 42, 43, 85, 88, 91, 313, 329, 374
 Рычков Н.П. 126, 186, 288
 Рычков П.И. 126
 Рязанов С.В. 111

 Савельев Н.С. 288, 289, 290, 291, 303, 307, 311, 424, 445
 Савельева Э.А. 135, 242, 243, 563, 565, 597
 Садыкова М.Х. 85, 290, 374
 Салугина Н.П. 339, 344, 345, 414
 Сальников К.В. 131, 132, 374, 438
 Сарапулкина Т.В. 326, 345
 Сатаев Р.М. 435
 Сатаев Р.Р. 524
 Сегеда С.П. 118
 Седова М.С. 374
 Семенов В.А. 135, 136, 243, 254
 Сенигова Т.Н. 116
 Сенникова Л.А. 527
 Сергацков И.В. 87, 375
 Сидоров В.В. 320, 333
 Синева И.М. 602
 Симицын И.В. 85, 116
 Скарбовенко В.А. 44, 87, 340, 374
 Скрипкин А.С. 44, 45, 87, 375, 376, 377, 419, 489, 493, 496
 Смирнов А.П. 129, 131, 288, 318, 331, 335, 339, 346, 353, 443, 444, 480, 482, 523, 527, 539
 Смирнов И.Н. 128, 443
 Смирнов К.А. 315, 319, 321, 326, 334, 393
 Смирнов К.Ф. 26, 27, 31, 32, 34, 41, 43, 44, 58, 60, 66, 70, 72, 73, 77, 81, 85, 88, 89, 106, 111, 116, 160, 289, 290, 301, 302, 305, 306, 374, 375
 Смолин В.Ф. 129
 Совцова Н.И. 132
 Соловьев Б.С. 137
 Спицын А.А. 68, 85, 128, 186, 313, 354, 443, 479, 527, 539, 598
 Ставицкий А.В. 315
 Ставицкий В.В. 315, 393, 408, 496, 500
 Стародубцев М.В. 424, 425
 Старостин П.Н. 134, 444, 527
 Сташенков Д.А. 410
 Степаненко В.И. 577, 591
 Степанов П.Д. 392, 562
 Стоколос В.С. 135, 243, 261, 562
 Страбон 100, 101, 104
 Султанов Р.Р. 309, 438
 Сунгатов Ф.А. 447, 448
 Сыма Цянь 104

 Тагиров Ф.М. 504, 505, 508, 509, 510, 511, 513, 517, 523, 524
 Таиров А.Д. 45, 47, 91, 123
 Талицкий М.В. 527
 Тальгрэн А.М. 126, 128, 131, 132, 136, 298
 Теофраст 88
 Теплоухов А.Е. 126, 539
 Теплоухов Ф.А. 126, 539
 Тереножкин А.И. 32, 39, 41
 Терехин В.М. 313
 Терпиловский Р.В. 420
 Тот Т.А. 117
 Третьяков П.Н. 323
 Троицкая Т.Н. 288
 Троттер М. 602
 Трофимова Т.А. 122
 Трубникова Н.В. 313, 318, 323, 331, 339, 353, 395, 396

 Фаттахов Р.Г. 444
 Фаттахов Р.М. 600
 Федоров В.К. 310
 Федоров-Давыдов Г.А. 314
 Фирштейн Б.В. 116, 117
 Фоломеев Б.А. 315, 317, 320, 323, 324, 325, 328, 329, 330
 Фосс М.Е. 335
 Фризен С.Ю. 118, 119

 Халиков А.Х. 42, 131, 132, 134, 136, 138, 141, 158, 172, 212, 246, 346, 359, 365, 369, 371, 372, 392, 394, 444, 527, 566
 Ходжайов Т.К. 122
 Хохлов А.А. 118, 119, 122, 124
 Хреков А.А. 318
 Худяков М.Г. 128, 443, 444, 479, 482, 527, 582

 Цалкин В.И. 331
 Циркин А.В. 314

 Чекалин Ф.Ф. 313
 Челябинов В.П. 315, 319
 Черепнин А.И. 313
 Чернай Л.И. 326
 Черных Е.М. 138, 222, 228, 465, 535
 Чеснокова Н.Н. 138, 243, 562, 564, 589
 Чижевский А.А. 262, 277, 290, 340, 365, 489
 Чиндина Л.А. 580, 592
 Членова Н.Л. 301
 Чтецов В.П. 116
 Чубарова Р.В. 141

 Шаландина В.Т. 15
 Шаров О.В. 500
 Шереф-ад-дин Йезди 49
 Шестаков П.Д. 126
 Шилов В.П. 85, 86, 132
 Шишкин И.В. 126, 186, 354
 Шмидт А.В. 128, 129, 288, 289, 296, 300, 443, 519, 539
 Шокуров А.П. 131, 304, 438
 Шрамко Б.А. 111, 173
 Штукенберг А.А. 126, 128
 Шутова А.В. 527
 Шутова Н.И. 527

 Эвдокс 88
 Эдинг Д.Н. 288, 304

 Юсупов Г.В. 131, 296, 301, 425, 426, 429
 Юсупов Р.М. 117, 291
 Ютина Т.К. 444

 Яблонский Л.Т. 45, 90, 91, 123
 Яминов А.Ф. 307, 308, 309
 Ятайкин Л.М. 15

Указатель географических названий

- 15-й поселок 71, 86
 Абдуллинское I селище 456
 Авилловский II 86
 Адаевское I селище 456
 Адакская I пещера 246, 248, 276, 277, 565, 586, 589, 590, 592, 593, 594, 595, 596
 Адакское I пещерное святилище 248, 276, 277, 565, 586, 589, 590, 592, 593, 594, 595, 596
 Адзэва II, поселение 248
 Адрыг, курган 71, 79
 Ажинов, курганный могильник 86
 Азелинский (Азелино) могильник 443, 527
 Азнаево, могильник 374, 378, 380
 Аймырлыг XXXI 602, 604
 Акаваз I, селище 138
 Акбердино, могильник 289
 Акбердино-1, поселение 292, 298
 Акбердино-2, селище 292, 294, 295, 311, 424, 425
 Акбердино-3, поселение 292, 294, 298, 311
 Акбердино-4, городище 424, 441, Акбердино-4, поселение 297, 311, 424, 441
 Акбердино-5, поселение 192, 292
 Акбердинские курганы 295, 303, 311, 524
 Акбердинское I/Акбердино-1, городище 311, 424, 441
 Акбердинское II/Акбердино-2, городище 292, 293, 298, 424, 433, 441
 Акбердинское III/Акбердино-3, городище 311
 Акжар I-III 86
 Ак-Жар, могильник 116
 Акозинский могильник 7, 131, 141, 151, 152, 153, 155, 156, 157, 158, 159, 168, 181, 182, 235, 237, 239, 355, 357, 358, 360, 364, 366, 369
 Аксай 71
 Аксеновский 69, 71, 73
 Аксютинцы, курган у села 159
 Актанышские II–VI селища 456
 Аландский II, могильник 86
 Аландское, могильник 116
 Алебастровая гора, могильник 43, 86, 115
 Александровка, городище 321
 Алексашино 86
 Алексеевское городище 320, 420
 Алитуб, могильник 86, 98
 Алтаевское IV селище 456
 Алтаевское городище 456
 Алтен-Тау (Алтэн-Тау) городище 138, 188, 189, 197, 205, 215543
 Альт-Веймар (Старая Иванцовка) 71, 86
 Амелин I 86
 Ананьинская дюна 140
 Ананьинский могильник 126, 127, 128, 129, 173, 178, 186, 195, 199, 201, 203, 205, 206, 207, 208, 209, 211, 288, 354, 355, 357, 358, 359, 361, 362
 Ананьинское поселение 243
 Аначевское городище 166, 178, 456
 Ангасяк 477
 Андреевка, могильник 44, 59, 374, 393, 397, 378, 401, 402, 403, 408
 Андреевский I курган/могильник 60, 63, 64, 379, 493, 496, 498
 Андреевский курган 392, 393, 394, 395, 396, 399, 400, 403, 404, 405, 408, 409
 Андреевский, меч, случайная находка, 378
 Андреевское городище 294, 311, 456, 458
 Андреевское селище 294, 394
 Анненское 27, 32
 Анновское I поселение 410
 Антиповка, могильник 86
 Антонов, могильник 86
 Антоновское городище 137
 Антоновцы городище 541
 Аргыжское I, IX городища 225
 Аргыжское городище 138, 219, 220, 221, 222, 225, 226, 227, 229, 231, 232, 233, 235, 239, 240, 527, 528
 Ардинское городище 144, 146, 148, 150, 151
 Архангельское поселение 171
 Архара, могильник 86
 Архаринский 71
 Атамановы Кости, могильник 527, 528
 Афонинский (Афонино) могильник 444, 475, 477, 478, 479, 500
 Афонинское селище 457
 Ахтияльский клад 466
 Ахунское I городище 314, 328
 Багарамыж-1, селище 292, 424, 441
 Багарамыжское городище 292
 Баевский могильник 527, 528
 Баженовский могильник 374
 Баженовский, курган 378, 381
 Базар-Тюбе, могильник 86
 Базяковский II 134
 Баишевское поселение 293
 Балабинский могильник 86, 98
 Балкин 71
 Балтачевское городище 456
 Балягнюр II поселение 248
 Балягнюр III поселение 248
 Балягнюр V поселение 248
 Барановка, могильник 71, 86
 Барановские III–VII 465
 Барановское I селище 457, 461, 465
 Барановское III поселение 198, 199, 202, 457, 470, 471
 Барановское III селище 457, 461
 Барановское IV селище 457
 Барановское поселение 443
 Барановское селище 468
 Барбастау 86
 Барсуковские I, II селища 456
 Барышников хут. 43, 50, 51, 55, 60, 66
 Басинские дюны 35
 Баскуль I, II селища 456
 Батаевка, могильник 86
 Бахтияровка, могильник 86
 Бачки-Таусское селище 456
 Бачулинское селище 456
 Башкирское стойло, могильник 86
 Башкултаевское городище 541
 Белая гора, городище 339, 341
 Белоглазовское городище 219, 226, 227
 Белозерское поселение 35
 Белокаменка, могильник 86, 98
 Белый Яр 48, 61
 Бердия, могильник 86
 Береговское селище 456

- Бережновка I–II, могильник 69
 Бережновка/Бережновка I, могильник 35, 71, 86, 98
 Березки I, могильник 49, 53, 55, 60, 63, 66, 67, 302
 Берёзки, четыре кургана савроматского времени у с. 44
 Березниковское I городище 326
 Березниковское II городище 326
 Березняки, деревня 42
 Березняки, курганный могильник 374, 378, 379
 Березовогривский II могильник 134, 162, 172
 Березовское селище 410, 411, 416, 420
 Бикбуловское I селище 456
 Бикбуловское городище 456, 461
 Биктимировский I, II и III грунтовые могильники 292, 309, 435, 438, 440, 494
 Биктимировский могильник 289, 291, 301, 303, 439, 441, 442, 523, 599, 601
 Биктимировское городище 292, 293, 298, 311, 424, 435, 441
 Билярск 42, 177, 180
 Бирский могильник 447, 448, 449, 453, 494
 Бирское «Чертово городище» 126, 164, 288, 293, 311, 424, 435, 441
 Бирское I, II городище 292
 Бирское II селище 294, 311
 Бирское поселение 136, 293, 295
 Бис-Оба, могильник 43, 62, 106, 107, 108
 Бичевник I, поселение 595, 596
 Бичкин Булук 71, 86
 Бишунгарово 85, 86, 99, 103, 291, 306, 310, 436, 437, 439
 Благословенский, курган 43, 57, 107, 109
 Ближний Крутенький, городище 344
 «Близнецы», могильник 85, 86, 106, 116
 Блохино-1, селище 292, 424, 433, 441
 Блохинское селище 425
 Блюменфельд (Цветочное) 68, 71, 75, 81, 107
 Боаро (Бородаевка) 71
 Бобровка I, курганный могильник 44
 Бобья-Уча 478
 Богородское городище 146, 226
 Бол. Емаша 466
 Болгарка I 86
 Болгарское VIII селище 543
 Болгары IV, IX, X 543
 Болдырево, могильник 43
 Болдыревский I могильник 50, 51, 65
 Болдыревский IV могильник 50, 55, 56, 64
 Болхуны, поселение 35
 Большая Ивановка, могильник 86
 Большая Рязань (Стенькин городок), городище 410, 411
 Большеалгашинское городище 394, 401
 Больше-Никольское I городище 370
 Большетаябинская находка 394
 Большефроловская находка 394
 Большеянгильдинское городище 394
 Большие Тарханы 181
 Большой Гусинец, поселение 243, 248
 Борань 146
 Боргангель I, поселение 243, 248, 252, 253, 256, 261, 262, 263, 278, 281, 282, 283
 Боргангель II, поселение 243, 248, 253, 256, 261, 263, 282, 283, 285
 Бородаевка, могильник 35, 71, 86
 Борок, поселение 410
 Боярка 478
 Боярский «Арай» могильник 602, 604
 Боярское городище 457, 459
 Боярское селище 457, 470
 Бродовский могильник 550, 556, 558
 Брусяны II, селище 341
 Буйское городище 136, 219, 220, 221, 226, 227, 229, 231, 232, 233, 235, 239, 240, 527, 528, 532, 533, 534, 535, 536, 538, 637
 Буляк I–VI селища 456, 468
 Бурактал, могильник 86
 Бурковский могильник 550, 556, 558
 Бурлинские курганы 311, 439, 441
 Бурнюшское III, IV селище 456
 Бурнюшское городище 454, 456
 Буруктай, могильник 116
 Бутырское городище 541, 543, 544, 555, 557
 Быково, могильник 35, 71, 86, 98, 116
 Быргында/Быргындинский I могильник 478
 Быргындинская II стоянка 195
 Быргындинская стоянка 194
 Быргындинское I селище 457, 465
 Быргындинское II городище (Каменный Лог) 192, 196, 197, 198, 200, 205, 457, 459
 Быргындинское IV селище 461, 465
 Быргындинское IV, V поселение 457, 470
 Быргындинское IX, X селище 465
 Быргындинское VI селище 465
 Быргындинское X поселение 457
 Варзи-Пельгинское городище 457
 Варламов, могильник 86
 Васильсурское II городище 142, 143, 144, 146, 226, 227, 296
 Ватажка, поселение 150, 151
 Ваша I, городище 320
 Вёкса I, поселение 150, 151
 Венгеловка 86, 96
 Вендинга стоянка 243, 248
 Верблюжки Горки, курганная группа 27, 28, 29, 30, 36, 37
 Верный-1 селище 292
 Вертячий, могильник 71, 86
 Верхне-Аульная в г. Уфа, погребение 301
 Верхнее Погромное 71
 Верхне-Ирьякский (Верхний Ирьяк) могильник 540, 545, 552, 559
 Верхнемалиновское (Большое) городище 191, 457
 Верхне-Малиновское (Малое) городище 466
 Верхнесанзяново, находки 378
 Верхне-Троицкое селище 456
 Верхнеяблочный, могильник 71, 86
 Верхний Балыклей, могильник 86
 Верхний Ирьяк I селище 543
 Верхний Рубежный, могильник 86
 Вершинятовское городище 527, 528
 Веселый кут 2 поселение 248
 Веселый, могильник 86
 Веселый, находка 378
 Весляна IV поселение 243, 248, 262, 263, 275, 279, 282, 283
 Веськово I селище 333
 Ветошниково-1 и -6 поселение 289, 292
 Визенмиллер (Луговое) 71
 Виловатовский/ Виловатое I, курганный могильник 86, 87, 99, 374, 378, 379, 385, 389, 390
 Виловатое, поселение 35, 86
 Винновка, с. 52, 54, 341
 Вис I, поселение 242, 243, 248, 262, 264, 265, 271, 283, 562, 564, 565, 566, 567, 569, 572, 576, 577, 578, 579, 584
 Вис II, поселение 242, 243, 248, 271, 562, 563, 565, 566, 567, 569, 570, 573, 578, 580, 584
 Вис III поселение 242, 248, 566
 Вис VI поселение/стоянка 243, 248
 Висимская дача 205, 214
 Вишневая Балка, могильник 86
 Вишневка, могильник 71, 76
 Волжский, могильник 71, 86
 Волково-1, селище 292
 Волковцы, курганы 159, 160
 Володарка, могильник 86
 Волоковая, поселение 565
 Воргольское городище 321, 333
 Воробьевский могильник 439, 527, 528, 530
 Воронки, селище 167, 288, 292, 294, 296, 297, 303, 311, 425
 Воскресенка 341

- Воскресенское (Табынск-2) городище 298, 427
 Воскресенское городище 292, 311, 424, 425, 441
 Воскресенское, находка 378
 Восточный Маныч, могильник 69, 71, 86
 Вылыс-Том 2, поселение 248
 Высочино, могильник 86, 93
 Вышегородское городище 326
 Вязовский могильник 393
 Вятский (Мошкарровский), могильник 201
 Вятское (Мошкарвовское верхнее) городище 459, 460
 Вятское городище 457
 Галановский могильник 292, 303, 309, 311, 435, 437, 439, 441
 Галановское II городище 454
 Галкинское городище 126, 129, 205, 296
 Гаревское костыше 539, 557, 560
 Гашунский 71
 Гвардейцы I, могильник 51, 67, 374, 378, 379, 381, 383, 384, 385, 386, 387, 388, 389, 391
 Гвардейцы с. 44, 86, 87, 99
 Генеральский, могильник 86
 Герасимовка I, могильник 374, 378, 380, 384, 385, 387, 388
 Герасимовка, курган 159, 379
 Глебовское городище 326
 Глинище, могильник 157
 Гляденовское костыше-гороодище 197, 205, 539, 540, 542, 544, 546, 547, 548, 549, 550, 551, 552, 553, 554, 555, 556, 557, 560, 575, 580
 Гляденовское поселение 201
 Горбатый мост, курган 43, 86
 Горная Пролейка 71, 74
 Городец/ Городецкое городище 313, 320, 323, 324, 326, 329, 331, 339, 334
 Городищенский могильник 527, 528, 532
 Горское городище 219
 Горюхалихинское городище 541, 551, 557, 558
 Госцирк, селище 292
 Грахань 164, 165, 169, 171, 177, 223, 231, 240
 Гремячанское поселение/ селище 201, 205, 357, 365, 544, 550
 Гремячанское святилище 197, 199, 550, 552
 Гремячключинский могильник 201, 206, 209, 211
 Гремячий ключ, городище 162, 164, 165, 166, 167, 169, 171, 354
 Грехневское I поселение 222, 225, 226, 227, 232, 235
 Гришкин Лог 602
 Гува 71
 Гулькинский могильник 131, 168, 172, 183
 Гулюковские I–IV селища 457
 Гулюковское городище 457, 458, 461
 Гумаровский могильник 107, 111
 Давыдовское городище 327, 328
 Девлетгильдинское городище 395
 Девлетгильдинское местонахождение 394
 ДЕД 3 19
 ДЕД 7, скважина 19, 22
 Дежневское селище 292, 298, 311, 324, 441
 Дербешкинское II селище 456
 Дербешкинское городище (Керменчук) 456, 458
 Деркул, могильник 86
 Деуковский II могильник 464, 471, 523
 Деуковский III могильник 464
 Деуковское I селище 457
 Деуковское II, Па / Деуково II, селища 457, 464, 476, 477
 Деуковское III селище 457, 464
 Деуковское IV селище 457, 463
 Джангала, могильник 86
 Джуджыдыяг, могильник 565, 571, 575, 579, 580, 582, 584
 Джуджыдыяг, поселение 248, 565
 Джуджыдыяг, святилище 242, 248, 562, 564, 565, 568, 571, 572, 573, 575, 576, 578, 579, 584, 590, 592
 Диюр I, местонахождение 248
 Дмитриевка, могильник 86
 Долматовское городище 328, 394
 Дон, поселение 248, 565, 584
 Донгулюк, могильник 103
 Донской могильник 98
 Досанг, поселение 35
 Дресвадор, стоянка 248
 Дубики, городище 321, 333, 334
 Дубовской, могильник 86
 Дубровка, могильник 478
 Дубровский могильник 475, 602
 Дубровское I селище 457
 Дудкино I, селище 298, 311
 Дудкино II, селище 298, 311
 Дусай-Кичуйские I, II селища 456
 Дусай-Кичуйское I поселение 456
 Дынь-нюр, поселение 248
 Дьяковское городище 313, 328, 333, 335
 Дьяконовское городище 326
 Дэрестуйский могильник 308
 Дюкер 71
 Дюртюлинское городище 456
 Ежовка, могильник 86
 Ежовское селище 457
 Екатерининское городище 325, 327, 328
 Елабужское «Чортово» городище 126, 186
 Елбулак-Тамак, курган 43, 55, 56
 Елва II, поселение 248
 Елва III, поселение 248
 Елва V, поселение 248
 Елва, поселение 248, 257
 Еловское I поселение 190
 Еловское селище 289, 366
 Елшинское городище 326
 Ерзовка, курганный могильник 86
 Ерзовское селище 366, 370
 Жанаба 3, могильник 86
 Жарсуат, могильник 86, 109
 Желановское селище 457, 470
 Железный Мар, курган 42
 Желтухин, могильник 86
 Журов, курган 80, 86, 159
 Журовка, курган 80, 159
 Жусандыой, могильник 119
 Жутово, курган 71, 72, 75, 86, 98, 99
 Заборное озеро I поселение 457
 Заборье, могильник 475, 478
 Задельная гора, городище 136, 163, 345
 Заканальный могильник 86
 Залазнинский могильник 138, 201, 203, 205, 208
 Заливский могильник 86
 Заозерский могильник 138, 203
 Заосиново/Заосиновские I, IV, V могильники 544, 545, 550
 Заосиновское V селище 366, 370, 371
 Заосиновское/ Заосиново I, поселение 197, 201, 205, 215, 370, 545
 Запань, местонахождение 248
 Заплавное, могильник 35, 71, 86
 Заречье поселение, местонахождение 565
 Заханата 35, 71, 76, 77, 79, 86
 Захар Калма/Захар-Калма, поселение 35, 341
 Заюрчимское I селище/поселение 190, 193, 197, 199, 201, 205, 215, 359, 366, 370, 371, 547, 550
 Заюрчимское II поселение 547
 Заюрчимское VI поселение/селище 205, 267, 555, 557
 Зеельман (Ровное) 71
 Зинино-1, селище 292, 293, 298, 424
 Золотая Падь II, поселение 456, 472
 Золотой курган 80
 Зуевключевский II могильник 201, 208
 Зуевключевское I городище 136, 138, 186, 188, 193, 194, 196, 200, 202, 205, 214, 215, 454, 457, 459, 464, 465, 466, 467, 468, 470, 471, 472, 473
 Зуевключевское I поселение 201
 Зуевключевское II селище 471
 Зуевключевское III (Хижняковское) городище 188, 189, 190, 192, 197, 199, 202, 457, 459
 Зуевключевское IV селище 205,

- 471
 Зуевоключевское I–VIII селища 457, 461, 466
 Зуевский (Зуевоключевской I) могильник 201, 211, 303
 Ибское поселение 138, 243, 248, 263, 271, 281, 562, 565, 567, 568, 569, 572, 573, 576, 578, 579, 580, 583, 584
 Ивановка, могильник 43, 54
 Ивано-Казанскинское-1,2 селище 298, 311, 424, 441
 Игимские IV, VI селища 456
 Игимское I поселение 456
 Ижболдинка, селище 466
 Ижевский могильник 475, 478
 Ижма I, поселение 248
 Измерский VII могильник 162, 175, 181
 Ики-Зегиста 71
 Икский мост I, селище 457
 Икский мост III, селище 457
 Икский/Ик, могильник 443, 444, 466, 468, 475, 476, 479, 486, 491, 492, 493, 496, 498, 502
 Икское I поселение 196, 205
 Икское IV селище 457, 466, 468
 Илекшар I, могильник 27, 29, 30, 36
 Илларионовское селище 456
 Иловатка, могильник 71, 116
 Ильевка, могильник 71, 86
 Ильинское, костище 539, 555
 Ильнешский клад 462, 466
 Ильнешское II городище 457
 Ильнешское II селище 457, 461
 Ильнешское III городище 457
 Ильтуганово, могильник 86
 Ильчебаевское городище 455, 456
 Ильчигулово 27, 32
 Иманлейские I, II селища 457
 Именьковское городище 164, 166
 Иргиз I могильник 374, 378, 381, 382, 386, 387
 Иркуль, село 57, 61
 Ирмяшевские I–III селища 456
 Ирмяшевское/Ирмяш городище 455, 456, 458
 Исенбаевский клад 466, 501
 Исенбаевский могильник 496
 Иссык, курган 307, 309, 310, 312, 441
 Истобенское городище 219
 Исянгулово, находка 378
 Иштуганово, находка 378
 Иштугановский I/Иштуганово I, могильник 374, 378, 380, 383, 384, 387, 388, 390, 391
 Казанка I, городище 134, 142, 143, 145, 146, 148, 150, 151, 161, 162
 Казанка II, городище 142, 143, Казанская стоянка 129, 143, 148, 150, 166
 Казарское, городище 320
 Казыбаба, могильник 118, 122
 Кайбелы, находка 48, 62
 Какры-Куль (Старомуштинское), городище 138, 168, 454, 455, 456
 Калашниковский могильник 550, 556, 558
 Калиновский (Калиновка) могильник 71, 86, 116
 Калиновское городище 190, 289, 366, 371
 Калиновское селище 289
 Калмашинские находки 466
 Калмурзинские I, II селища 456
 Калмыково, могильник 86
 Каменка I/ Каменка 27, 29, 31, 36, 37
 Каменки, могильник 443
 Каменная Коза, городище 136, 339, 341, 343, 344, 345
 Каменный Ключ, клад 501
 Каменный Лог (Быргындинское) городище 131, 136, 192, 196, 197, 198, 200, 205, 457, 459
 Камень II, могильник 99
 Камский Ключ, могильник 501
 Камское селище 457
 Камышинка-1, городище 292, 298, 311, 424, 441
 Камышинка-2, городище 138, 292, 293, 294, 295, 311, 425
 Камышла, находка 53
 Камышлы-Тамак I/Камышлы-Тамакский I могильник 475, 476, 477
 Камышлы-Тамак II, могильник 476, 477
 Камышлы-Тамакский III могильник 447
 Камышлы-Тамакский могильник 499, 523, 599, 601
 Камышлытамакское селище 456
 Канадей, курган 55
 Канинское пещерное святилище 135, 244, 248, 251, 276, 279, 283, 565, 586, 589, 590, 592, 593, 594, 595, 596
 Капитанский 71
 Капитанский бугор, могильник 86
 Кара-Абыз-2, могильник 289, 291, 292, 303, 435, 439, 441
 Кара-Абызское (Кара-Абыз) городище 126, 129, 131, 182, 288, 292, 295, 296, 298, 301, 303, 305, 311, 424, 425, 435, 441, 442
 Карабаевка, могильник 48
 Каракулинские I (Нижнее) и II (Верхнее, Пермьяковское) городища 457
 Каракулинский клад 466, 496, 501
 Каракулинский могильник 128, 138, 201, 214
 Карамышихинское городище 163
 Кара-Оба, могильник 86
 Карасу, могильник 86
 Кара-Тал I, могильник 374, 380
 Каратамак, могильник 475, 478
 Каргашинское городище 313, 319, 324, 317, 336
 Кардаиловский I/Кардаиловский/Кардаилово I/Кардаилово могильник 86, 121, 374, 378, 380, 383, 384, 385, 386, 387, 389, 390
 Карповка/Карповское городище 455, 457
 Карповские I, II селища 457
 Картаель II, поселение 248
 Картаель III, поселение 248
 Картаель V, поселение 565, 586, 595
 Касьяновское городище 171, 178, 183, 292, 293, 296, 298, 301, 311, 424, 429, 441
 Качкинский могильник 550, 556, 558
 Кашанская Шишка, городище 137
 Каширское городище 323, 328
 Кашкара, могильник 374, 378, 380
 Келермесская «младшая» курганная группа 157, 159
 Келермесский 1-й курган 42, 158, 159
 Келермесский могильник 80, 157, 158
 Кереметь, гора 214
 Керес-Нюр, поселение 248, 565
 Кермен Толга 71
 Керменчук I, II селища 456
 Килеевское селище 456
 Киляковка, могильник 86
 Кипчаковский I/ Кипчаково I/ Кипчаковский курганно-грунтовый могильник 458, 475, 476, 485, 486, 498, 501, 504, 505, 507, 508, 509, 510, 512, 513, 514, 515, 516, 517, 518, 522, 523, 524
 Кипчаковское (Минняровское) городище 455, 456, 459, 461, 503, 505, 506, 511, 524
 Кирбинское городище 163
 Кирпичные Сараи, городище 341
 Китостав, поселение 138, 248, 270, 562, 565, 566, 572, 578, 583, 586, 587, 588, 590, 591, 592, 595, 596
 Кичановское IV селище 541
 Климентовская стоянка 330
 Климкинский/Климкинский I/ Климкино, курганный могильник 353, 394, 403, 392, 393, 395, 398, 400, 401, 402, 409, 496, 498, 500
 Климкинское местонахождение 178
 Кляповский могильник 550
 Клястицкое 27, 32
 Княжпогост, местонахождение 562, 565, 573, 582
 Князь-Елгинское селище 456
 Кобяково, городище 420
 Кодач-ди V, поселение 565, 596
 Козловка, курганный могильник 86
 Козьмодемьянский могильник 7, 138, 151, 152, 157, 160, 173, 235,

- 239, 358, 364
 Койсуг 86
 Койсуг «Три брата» 86
 Койю, поселение 565, 586
 Колесниковские I–II городища 457
 Колобовка 86
 Колпачки 86
 Комаровка, погребение 43, 48, 51, 71, 116
 Комсомольский, погребение 71, 73
 Комсомольское 35, 75
 Конарское селище 394
 Кондраковское городище 332, 335
 Концебор III (Ямашор), поселение 248
 Концебор VIII, поселение 248
 Концгорское поселение 190, 193, 250
 Концегорское селище 129, 209, 215
 Коноваловка 35
 Коновалытское селище 543, 547, 555
 Кономошня, стоянка 565
 Константиновка, курган 159
 Конур-Кудук 35
 Коптево, городище 136, 341
 Кордон, могильник 444
 Корольки II/Корольки, поселение 243, 248, 562, 565, 572, 583, 586, 587, 588, 590, 591, 592, 593, 596
 Корольки III, поселение 565, 596
 Коростинские I, II, IV селища 457, 465
 Коростинский клад 465, 466, 496, 498
 Коршак II, поселение 248
 Косика, могильник 86, 98
 Кос-Оба, могильник 86, 121
 Костарево-1, городище 292, 293, 311
 Котловский могильник 128, 131, 201, 203, 205, 206, 211, 212, 213, 215, 288, 354, 357, 358, 359
 Котлубань, могильник 86
 Кошебеевский могильник 288
 Красная деревня, могильник 86
 Красная Котлубань, могильник 86
 Красноармейский, могильник 86
 Краснознаменский могильник 157, 159
 Краснополье, могильник 86
 Красносамарское селище/поселение 341, 344, 345
 Красноселец, могильник 86
 Краснохолмское селище 456
 Красноярский могильник 500, 501, 540, 548, 550, 554, 556, 559
 Красные Пески, могильник 86, 87, 99, 375, 378
 Красный Яр, могильник 56, 60, 212, 378
 Крепость Кондурча II, селище 402
 Крестово-Городище 48, 61
 Кривая Лука, могильник 35, 71, 86
 Кривель I городище 320
 Кривель II городище 320
 Кривоборское городище 219, 527, 528, 537
 Крутоярровка, могильник 86
 Крыловский, курган. 60, 66
 Кряш-Шуран/Кряш-Шуранское городище 455, 457, 461
 Кудашевский могильник 540, 548, 550, 556, 559
 Кудашевское I городище 544
 Куезбашево, находка 378
 Кузбаевское II селище 456
 Кулевские находки 466
 Кулешовка 86
 Кулушевские II, III селища 457
 Кулушевский III островной могильник 457, 463
 Купцын Толга 71
 Куразовское II селище 457
 Курган, поселение 129, 162, 166, 182, 183, 290
 Курино 1, поселение 318
 «Курмантау Верхнее» (Курмантаевское селище) 292
 «Курмантау Нижнее» (Стоянка им. М.И. Касьянова) 292
 «Курмантау Среднее» (Касьяновское городище) 292
 Курмантау/Курман-Тау/Курмантаевское, городище 291, 292, 294, 295, 296, 297, 298, 299, 311, 424, 425, 430, 442
 Курмантау/Курман-Тау/Курмантаевское, селище 292, 294, 295, 296, 297, 298, 310, 311, 312, 424, 425, 426, 427, 428, 429, 430, 441
 Курмантау-7, местонахождение 292
 Курмантау-8/9, производственная площадка 289, 291, 292, 293, 298, 299, 307, 311, 312, 424, 430, 441
 Курпе-Бай 86
 Курьинские II–VI селища 456
 Курья 5, поселение 248
 Кухтинское II селище 457
 Кухтинское городище 457, 464, 466, 467, 470
 Кухтинское селище 466
 Кушманское городище 219
 Кушмурун 27, 30, 32
 Куштау, меч, случайная находка, 378
 Куштиряково, могильник 476
 Куштиряковское I селище 457
 Куштиряковское городище 457
 Кушулевский II/Кушулево II, могильник 476, 492, 523
 Кушулевский III/Кушулево III, могильник 475, 476, 477, 479, 492, 493, 494, 496, 498, 499, 500, 502, 523
 Кушулевский могильник 599
 Кушулевское селище 456
 Кушум I, могильник 86
 Кызыл-Ярское городище 456
 Кырнышские I, II селища 457
 Кырнышские VI, VII селища 457
 Кырнышский IV/Кырныш IV, могильник 463, 475, 476
 Кырнышский могильник 178, 599
 Кырнышское/Кырныш городище 455, 457, 458, 461, 463
 Кыско, поселение 243, 248, 565, 586, 595
 Лабажское, поселение 243, 248
 Лагерное селище 456
 Ларино, находки 27, 32
 Ластва IV, поселение 116, 248, 253, 254, 264
 Ластва X, поселение 248
 Ластва, поселение 244, 246, 250, 256
 Ласва, поселение 542
 Лбище, городище 138, 341, 342, 343, 344, 345, 410, 411, 439
 Лбище, селище 54, 410, 411, 414, 419
 Лебедевка II, могильник 110
 Лебедевка V, могильник 108, 109, 110
 Лебедевка VI, могильник 110, 111
 Лебедевка VII, могильник 108
 Лебедевка, могильник 86, 87, 106, 107, 109, 111, 117, 118, 120
 Лебяжская, стоянка 248
 Лебяжское городище 219
 Лебяжское поселение 242
 Лебяжье, могильник 86
 Левашовка, могильник 86
 Левая Россось, могильник 86
 Лек-Ижман I, поселение 248
 Лекчойди, поселение 248
 Липовка, могильник 43, 52, 86
 Лисаковский могильник 27, 28, 29, 30, 36
 Лиственичная I, поселение 248
 Ломовское II селище 457
 Луговская II стоянка 139
 Луговские стоянки 131
 Луговской могильник 129, 131, 168, 177, 182, 201, 203, 205, 207, 208, 209, 211, 212, 214, 358, 439
 Лыжа, поселение 248, 278, 565
 Лысая Гора, городище 136, 139, 163, 341, 345
 Львовское городище 325, 326
 Любимовка, могильник 43, 50, 52, 56, 65, 86, 116
 Лядинский могильник 288
 Ляпичев, могильник 86
 Лятошинка, могильник 86
 Магаш, селище 311, 424, 441
 Магашлы-Алмандаевские I, III селища 456
 Магнитогорск 27, 30, 32
 Мадькский клад 466
 Мазунино, могильник 443, 478
 Майтубек, могильник 120
 Макан I, курган 27, 28, 29, 30, 36

- Макаровка, могильник 86
 Макарьевское городище 137
 Макеевка, курган 159
 Маклашеевское II городище 134, 146, 163, 164, 165, 171
 Максимов Лог селище 457
 Максимовка 35
 Максютово, могильник 35, 86
 Макшаковское селище 457
 Малахай, городище 138, 143, 144, 146, 150
 Малахайское селище/поселение 143, 145, 148, 150
 Малая Рязань III, селище 341, 344
 Малая Чеганда, урочище 205, 215
 Мало-Кизильский II могильник 374
 Малорязанское селище 340, 344
 Малочегандинские I, II селища 457
 Малый Колпак (Жилинское) городище 292, 295, 424, 441
 Мальковское городище 220
 Мамбет-алы, могильник 86
 Манчиха, городище 136
 Манякское I селище 456
 Мариновка, могильник 86
 Мари-Ямалинское селище 456
 Мартюшевская IV, стоянка 248
 Марушинская находка 231, 235
 Марычевка, находки 42, 52, 56, 60, 65
 Марьевка, меч, случайная находка, 378
 Масадынские I–III селища 456
 Матвеевка, могильник 115
 Матвеевский, могильник 86
 Маядыкское II городище 456
 Маячная Гора, городище 43
 Медведевские I, V–X селища 456
 Медведка/Медведковский могильник 43, 50, 51, 59, 121
 Медвежка, поселение 248
 Медвежская I, поселение 248
 Медвежское II поселение 565, 583, 586, 591, 596
 Между Журавлевкой и Месели, 378
 Межновское селище 189
 Меллятамак V, могильник 477
 Меллятамакские IV (Нарат-Астынское), IX селища 457
 Меллятамакские VIII, XII селища 457
 Меллятамакский I могильник 474, 475, 476, 477, 486, 491
 Мельгуновский курган/могильник 157
 Мензелинские городище и селище 456, 463
 Мензелинский могильник 201, 208, 211, 456
 Мензелинское городище 456, 463
 Мензелинское селище «Подмысенник» 456
 Меркель (Макаровка) 71
 Месели, находки 378
 Мечет-Сай (Мечетсайский), могильник 86, 100, 106, 107, 109, 117, 119
 Миловка, поселение 289
 Миловка-2 и -3, поселение 292
 Миловские селища 425
 Минина Виска I, поселение 243, 248, 565, 581, 586, 595, 596
 Минняровское (Кипчаковское) 455, 459, 461, 503, 505, 506, 511, 524
 Минское городище 143, 145
 Митинский могильник 558
 Михайловская стоянка 292
 Михайловское (Курман-Тау 3) городище 292, 295, 296, 424
 Михайловское городище 292, 296, 424
 Михайловское поселение 292
 Мичачой I/Мича-чой I, поселение 243, 565, 595
 Мичачой III, поселение 243, 248
 Младший Волосовский могильник 7, 128, 151, 155, 355, 357
 Могута, могильник 86
 Мокинский могильник 213, 540, 545, 547, 548, 550, 552, 554, 556, 558, 560
 Мокинское селище 213
 Молгачи, находка 41, 42
 Молчановка 71
 Момылевские I, II, IV селища 457
 Момылевское городище 190, 193, 454, 457, 459, 460, 469
 Мончазинское/Мончазы-1, городище) 292, 293, 294, 295, 311, 425
 Морозов, могильник 86
 Мохонинское городище 541
 Мулдашево 27
 Муллинское I селище 456
 Муновские I–III городища 457
 Муновский (Релка)/Пьяный Бор II (Муново), могильник 128, 201, 209, 211, 212, 354, 357, 476, 477, 494
 Муновское I городище 189, 209, 457
 Муновское II городище 189, 209, 457, 466
 Мурзихинский I могильник 134, 137, 168, 171, 172, 175, 178, 181, 358
 Мурзихинский II могильник 135, 137, 162, 168, 172, 173, 175, 177, 178, 180, 182, 183, 228, 358
 Муромский Городок, городище 138
 Мыелдино, поселение-святилище 242, 243, 244, 248, 251, 256, 259, 266, 269, 271, 283, 562, 565, 567, 568, 571, 572, 573, 576, 579, 580, 581, 582, 584
 Мыльва, стоянка 248
 Мыс Безымянный, мог. 122 на р. Дема, местонахождение 292
 на р. Уршак, местонахождение 292
 Нагавская, могильник 86
 Нагаево-1, городище 292
 Нагаево-1, могильник 292
 Нагаево-2, городище 292
 Нагаевские курганы 292, 304, 311, 441, 524
 Нагаевский могильник 289
 Нагаевское I городище 138
 Нагаевское II городище 138, 293, 311
 Нагайбаково городище 455, 457
 Наговицынское городище 219, 222
 Нартановский/Нартан, могильник 107, 159
 Нежинский, курган 43, 106, 108, 374
 Немчанка 35
 Неприк, курганный могильник 43, 50, 51, 59
 Нерица I, поселение 565
 Нерица XI, местонахождение 565
 Нерицкое, поселение 248
 Нечкинское городище 457
 Нивский/Нива, могильник 475, 478, 500
 Нижнеабакасинское городище 394
 Нижнегареевское селище 456
 Нижнекарачевское II селище 456
 Нижнекожарское местонахождение 394
 Нижнемарьянский III могильник 134
 Нижне-Озерное, могильник 86
 Нижне-Петрушинская, стоянка 248
 Нижний Воргол, городище 321
 Нижняя Орлянка/ Нижняя Орлянка I, могильник 27, 32, 34, 36, 37
 Никольское, могильник 71, 86
 Никульчинское городище 126, 136, 219, 222, 229, 527, 528
 Никульчинское городище 528
 Нимейчой I, поселение 248
 Нимейчой V, поселение 248
 Ниремка 5, поселение 248
 Ниремка I/Ниремка, поселение 248, 565, 584
 Новая Белогорка, могильник 27, 29, 31, 41
 Новая Казанка, поселение 35
 Новая Молчановка 71
 Новая Слобода, находки 48, 61
 Новенький, могильник 86
 Новинки I, VII, VIII, селище 341
 Новинковское V селище 410, 411, 419
 Новинковское селище 340, 344, 345, 411
 Ново-Александровский/Ново-Александровка, могильник 86
 Ново-Александровское/Ново-Александровка, селище 292, 294, 298, 311, 424, 425, 433, 441
 Ново-Биккино, меч, случайная находка 378

- Новобиксентеевские VI, VII поселения 456
- Новобиктовское селище 294, 311
- Ново-Буртюкское I, II селище 456
- Новоиркеньяшское селище 457
- Новокабановское городище 166, 454, 455, 458, 459
- Ново-Кабановское городище 138, 168, 456
- Ново-Киргизовское селище 456
- Ново-Кумакский, могильник 118
- Новомазинское II селище 457
- Новомедведевское I городище 455, 456, 458, 461
- Новомедведевское II городище 455, 456, 458, 461
- Новомелькенское I селище 456
- Новомелькенское II селище 456
- Новомелькенское городище 456, 458, 459, 463
- Новомордовский I могильник 133, 134, 168, 173, 178, 181
- Новомордовский VII и VIIа могильник 134
- Новомордовский VIII могильник 134, 171, 175
- Ново-Мурапталово, могильник 86, 117
- Ново-Мурапталовский V могильник 374, 378, 380
- Ново-Никольский могильник 393
- Ново-Никольское 71
- Новоникольское, могильник 86
- Ново-Орские I и II, могильник 118
- Ново-Орский могильник 108, 118
- Новопавловка, могильник 44, 51, 55, 86
- Новопетропавловка, могильник 118
- Новопшеневское городище 314, 329, 336
- Ново-Сарлинское селище 457
- Ново-Сасыкульский/ Ново-Сасыкуль, могильник 447, 475, 476, 477, 478, 479, 491, 493, 494, 496, 498, 499, 500, 501, 599, 600, 601, 602, 603, 604
- Новоселковское городище 325, 326
- Новоузенск, могильник 86, 93, 94
- Ново-Уфимский (Галановский) могильник 303, 311, 435, 439, 441
- Ново-Уфимский могильник 177, 182, 289, 292, 296, 305, 309, 424, 431, 437, 442, 499
- Ново-Уфимский могильник 292
- Новохуторское II селище 456
- Новошокинское селище 394, 395
- Новые Турбаслы-7, могильник 289, 291, 292, 435, 436
- Новые Турбаслы-7, селище 292, 424, 434
- Новый Бор I, могильник 562, 565, 587, 588, 589, 590, 591, 592, 593, 594, 595
- Новый Кумак, могильник 86, 95, 106, 107, 108, 116, 117
- Новый Путь III, селище 34
- Новый Путь, селище 138
- Новый Рогачик, могильник 86
- Нонбург 5 (Ямный II), поселение 248
- Нонбург, поселение 243
- Норка, могильник 71, 86
- Нур, поселение 33, 35
- Ныргында I могильник 443, 475, 477, 478, 479, 480, 483, 494, 496, 498, 499, 500, 501, 587, 588
- Ныргында II могильник 443, 444, 475, 476, 477, 478, 480, 482, 483, 487, 488, 489, 492, 493, 494, 496, 498, 499, 500, 501, 523
- Ныргындинские I (Ола-Курук, Ильнешское), II, III городища 457
- Ныргындинские I-III, V селища 457
- Ныргындинские могильники 599
- Ныргындинский клад 466
- Ныргындинское I/Ныргындинское городище 202, 200, 205, 459, 464, 465
- Ныргындинское II городище 454, 459, 465, 466
- Ныргындинское III городище 459
- Ныргындинское VI селище 457
- Ныргындинское VII поселение 457
- Ныргындинское поселение 201
- Нытва, поселение 542
- Ожбуйское селище 457
- Озьяг II, поселение 565, 572, 579, 584
- Озьяг III, поселение 565, 584
- Озьяг, поселение 579
- Омарский починок, местонахождение 169, 178
- Опутятское городище 541, 544
- Орск, могильник 86, 93
- Осиновка VI, селище 341
- Осиновый Гай, могильник 86
- Осинское городище 539, 548, 555, 557
- Останинское костище 539
- Осьмушкино, могильник 43, 54
- Оханский могильник 138, 201, 213, 215, 290, 291
- Охлебинино-3/Охлебинино III, городище 292, 298, 311, 424, 441
- Охлебининский могильник 289, 292, 294, 298, 301, 302, 303, 304, 305, 306, 308, 309, 310, 311, 424, 426, 427, 428, 429, 431, 432, 434, 435, 436, 437, 438, 439, 440, 441, 442, 493, 494, 496, 599, 601
- Охлебининское I/Охлебининское-I городище 292, 295, 298, 311, 424, 435, 441
- Охлебининское II/Охлебининское-2 городище 292, 297, 298, 301, 311, 424, 433, 441
- Охлебининское III/Охлебининское-3 городище 292
- Очерский могильник 138
- Ошкинский/Ошки, могильник 443, 444, 450, 453, 501, 527, 528, 529, 531, 532, 533, 535, 536, 538
- Ош-Пандо, городище 352
- Ош-Пандо-Нерь II, селище 341, 344
- Ошутьяльское II поселение 151
- Ошчой II, поселение 248
- Павловская, курган 43
- Падимейская 32, поселение 248
- Падимейская 7, поселение 248
- Паздёровское городище 457
- Пальга, поселение 542
- Пальцино. находка 548
- Палью IV, поселение 248, 565, 595, 596
- Палью V, поселение 270, 565, 583, 590, 591, 595, 596
- Панкрашинское костище 539, 560
- Партизан, могильник 477
- Парчяг, поселение 568, 584
- Парчяг I, поселение 565
- Пекшевское городище 318, 324, 326, 330, 331
- Пеньки, селище 558
- Первомай, могильник 447, 444
- Первомайский могильник 86, 494, 527, 528, 529, 532
- Переволокское городище 340, 341
- Переволочаны, могильник 86, 91, 92, 93, 118, 304, 309, 310, 312, 441
- Перехвальское I городище 328
- Перехвальское II/Перехваль II, городище 321, 328, 332, 335
- Перный/Перный I поселение 138, 242, 244, 245, 246, 248, 257, 259, 270, 283, 572
- Першинский могильник 138, 201, 203, 205, 207, 208, 209, 211, 212
- Першинское II городище 366
- Пестеревские находки 466
- Петровка, местонахождение 53, 178, 183
- Петропавловка, находка 378
- Петропавловский/Петропавловка, курган 60, 64, 86
- Петрунино, могильник 86, 98
- Петухово I-II селище 559
- Петухово, могильник 201
- Пещерское городище 541, 543, 555
- Пидж I, поселение 565, 595
- Пидж II поселение 565, 586, 595
- Пидж IV, поселение 565, 596
- Пидж IX, поселение 248, 565, 595, 596
- Пидж V, поселение 565, 595
- Пидж VI, поселение 565, 566
- Пидж VII, поселение 565, 566, 581, 595
- Пидж VIII, поселение 566
- Пидж X, поселение 565, 595, 596
- Пижемский Гумежек, поселение

- 243, 248, 565, 586, 595
 Пижемское городище 126, 219, 220, 227, 228, 229, 231, 239, 240
 Пижма I, поселение 565, 586, 595
 Пижма II, поселение 243, 248, 564, 565, 586, 590, 591, 595, 596, 581
 Пильнинский I могильник 392, 394, 395, 398, 402, 403, 404, 405, 406, 407, 409, 496, 498
 Пильнинский II могильник 392, 394, 395, 398, 402, 403, 405, 409
 Пипутыньское, поселение 248
 Писаревка, могильник 86
 Писеральские курганы/ Писералы/ Писеральский I могильник 392, 393, 394, 395, 398, 401, 403, 409, 496, 500
 Питерка, могильник 86, 98, 99, 103
 Пителинское городище 169, 178, 183
 Питюяг I, поселение 248, 262, 264, 283
 Питюяг II (Чаркабуж), поселение 248
 Питюяг IV, поселение 248, 264, 280
 Подбобыка (Камень Светик), святилище 540
 Подгорненский, могильник 86
 Подгорно-Байларский могильник 131, 201
 Подгорно-Байларское I городище 456
 Подгорно-Байларское II городище 456, 458, 459, 461, 463
 Подгорно-Байларское II селище 457
 Подгорно-Байларское III стоянка 178
 Подгорно-Байларское поселение; 456
 Подгорское селище 410, 411, 419
 Подты, местонахождение 248
 Пожегдин II, поселение 562, 565, 566, 567, 568, 570, 571, 572, 573, 574, 576, 578, 579, 580, 582, 584
 Покровка 10, могильник 97, 122, 602, 604
 Покровка 8, могильник 117, 121
 Покровка II/Покровка 2, могильник 27, 31, 36, 50, 57, 59, 62, 63, 66, 117
 Покровка, могильник 31, 55, 56, 57, 63, 64, 65, 86, 100, 475, 478
 Поленское городище 326
 Политотдельское, могильник 71, 86
 Половинное I поселение 190, 201, 209, 544
 Полудни II, могильник 27, 32, 33, 34, 36, 37
 Полянский II/Полянский/Полянский 2 могильник 133, 134, 162, 175, 177, 357, 358, 359, 364
 Помоздино I/Помоздино, поселение 565, 571, 572, 579
 Попов, могильник 86
 Поповка, находки 159
 Потемкино 71
 Почапа 420
 Почта-3, курган 307, 309, 310, 312, 441
 Преображенка, курган 43, 59, 60, 66
 Преполовенка/ Преполовенка I/ Преполовенский I, могильник 374, 378, 379
 Приютово, находка 378
 Приют-Шуранское селище 457
 Протасы, могильник 138, 201, 540, 543, 550
 Прохоровка/ Прохоровка I/Про-хоровский/Прохоровка, могильник/ Прохоровские курганы 86, 87, 88, 90, 91, 96, 97, 111, 115, 117, 118, 307
 Прыговский могильник 439
 Пургасовское/Пургасово городище 319, 322
 Пустоморквашинский/Морквашинский могильник 128, 134, 159, 173, 175, 178, 180, 358, 359, 366
 Пьяноборский I/Пьяноборский/ Пьяный Бор I, могильник 288, 476, 477, 493, 494, 496, 498, 499, 501
 Пьяноборское селище 457
 Пьяновка, находки 57, 61
 Пьяновское (Лужковское) кости-ще 539
 Пятилетка, могильник 51, 52, 59, 64, 65, 86, 121
 Разъезд «Правая Белая», могильник 290, 296, 301, 302, 310
 Ревью I, стоянка 248
 Релка, могильник 128, 201, 209, 211, 212, 354, 357
 Ремзавод, могильник 201, 540, 550
 Репьево, могильник 477
 Решаковский, поселение 466
 Ровное, могильник 86, 71
 Ройский Шихан/Ройское городище 219, 227, 231, 233, 240
 Романовка-1, -3, -5 и -6, поселение 289, 292
 Романовский, могильник 86
 Роменские курганы 159
 Россошинский, могильник 86
 Ростиславль, селище 333
 Рсаевское селище 456
 Ружникова, поселение 243, 248, 259, 565, 581, 583, 586, 590, 591, 595
 Русско-Азибейское селище 456
 Русско-Шуганское II поселение 457, 459
 Русско-Шуганское городище 457
 Русско-Шуганское селище 457
 Ручейное селище 292
 Ручной, поселение 248
 Рыбный, могильник 86, 98
 Рысаево, находка 27
 Рысайкино, курган/находка 41, 42
 Рысовский I могильник 201
 Рысовский II могильник 801
 Рысовский комплекс 201
 Рычинское I поселение 457
 Рябинки, городище 320, 321
 Сабуяльское городище 218
 Сазды, могильник 86
 Сазды, поселение 35
 Сазонкин бугор, могильник 71, 75, 81, 86
 Сайгатка, могильник 475, 478
 Сайгатская группа могильников 187
 Сайхин, могильник 86
 Салауз-Муханское селище 457
 Салаушское I селище 457
 Салаушское II селище 457
 Салтанаиха (Шуган-Тай), городище 541
 Самозлейское городище 332
 Сандибей-ю 7, стоянка 248
 Сара-Дин. Оз., поселение 35
 Сарапул I, могильник 478
 Сарепта, могильник 86
 Сарпа. Поселение 35
 Сарсаз-Тралинское селище 457
 Саузовское (Бельский Шихан) го-родище 178, 188, 189, 357, 365
 Свиногорское I/Свиногорское горо-дище 199, 219, 231, 233, 240
 Свиногорское II городище 137, 219
 Святица селище 457
 Себъяг I, поселение 243, 248, 256, 259, 262, 263, 266, 267, 283, 565, 567, 568, 569, 570, 571, 572, 574, 576, 579, 580, 582, 591
 Северный Тагискен, могильник 48
 Севрюкаево II, селище 340, 341, 343
 Севрюкаевское поселение 420
 Севрюкаевское селище 410, 411
 Седью, поселение 248
 Секинеськое I и II городища 164
 Семеновский VI могильник 134
 Семеновское городище 173, 326
 Сергачский могильник 496
 Серёнькино/Серенькино городище 138, 456, 504
 Сержень-Юрт, могильник 112, 359
 Серноводск, находка 41, 54
 Сероглазово, поселение 35
 Сибирское III городище 541
 Сибирское III селище 541
 Сиделькинское II селище 420
 Сидоры, могильник 86
 Сикияльское селище 456
 Силкина, поселение 248
 Симва II, поселение 565, 566, 586
 Симкино-1, селище 292, 294, 311
 Синдорское озеро I, стоянка 248, 262, 264, 278, 281, 283
 Синдорское озеро III, стоянка 248

- Синегорье 2, поселение 243, 248
 Синьял-Яушские «курганы» 395
 Синьял-Яушское местонахождение 394
 Сиухинское селище/поселение 143, 146, 148, 226
 Скатовка, могильник 71, 86
 Скорняковское городище 219, 220, 221, 224, 229, 235, 240, 527, 528, 537
 Скородное городище 320
 Скородум/Скородумское селище/поселение 250, 359, 366, 539, 546, 547, 555
 Скородумский клад 197
 Скородумский могильник 131, 201, 366
 Слудка(?), находка 248, 276
 Смолокурный II, поселение 243, 248
 Смолокурный III, поселение 243, 248
 Смолокурный IV, поселение 243
 Смолокурный V, поселение 243
 Совхоз «Дема», могильник 378
 Совхоз «Демский», могильник 378
 Совхоз Волжский, могильник 86
 Сокол II, городище 163
 Соколовские I–III селища 457
 Соленое Займище, могильник 86
 Солнце III, могильник 86
 Солодка, могильник/находки 159
 Солодовка, могильник 86
 Солоха, курган 160
 Сомовское I городище 146
 Сорочинский I 374, 378, 380, 383, 384, 386, 388, 389, 390
 Сорочьегорское/Сорочьи Горы городище 137, 138, 140, 163, 164, 165, 167, 168, 169, 171, 290, 354
 Сосновый Солонец 341
 Сотчемьель II, стоянка 248, 270
 Софьинское селище 328
 Спасское, курган 44, 59, 64
 Спиридоновка II, могильник 27, 32, 34, 36, 37
 Спорный, могильник 86
 Средняя Ахтуба, могильник 86
 Старая Игра, городище 475
 Старая Мушта, могильник 475, 478
 Старица, могильник 35, 71, 81, 86
 Староардатовский I/Староардатский курган 392, 393, 394, 395, 397, 408, 409
 Староардатовский курган 4 394
 Старо-Буртукское селище 456
 Староваряжское II селище 457
 Староваряжское городище 457, 458, 461
 Старо-Гаревское городище 541, 544
 Старое Бяратино, находка 378
 Старое Кабаново/Старо-Кабаново, могильник 475, 478
 Старо-Кабановское селище 456
 Старо-Киргизово/Старо-Киргизовский могильник 475, 476, 479, 523
 Старокрасноборское селище 456, 472
 Старомайнское городище 183
 Староматвеевское селище 457
 Старо-Матинское селище 456
 Старо-Муштинский могильник 494
 Старомуштинское («Какры-Куль»), городище 454, 455, 458, 459
 Старо-Муштинское I селище 456
 Старонагаевское («Тра-Тау»), городище 294, 311, 424, 425, 441, 454, 455, 456, 458
 Старосемиостровское (Баскуль) поселение 456
 Старосемиостровское селище 456
 Старо-Чекмак II, могильник 476, 457, 466, 469
 Старочекмакские I, II селища 457
 Старо-Чекмакский/ Старо-Чекмак I/Старый Чекмак, могильник 457, 476, 523, 599, 600, 601, 602, 603, 604
 Старо-Янзигитовское селище 456
 Старший Ахмыловский могильник 7, 134, 141, 151, 152, 153, 155, 156, 157, 158, 159, 160, 161, 168, 171, 173, 175, 177, 178, 180, 182, 235, 236, 237, 239, 241, 290, 303, 308, 309, 357, 358, 359, 360, 364, 366, 367, 368, 496
 Старший Шиповский могильник 134, 290, 294, 296, 297, 301, 302, 303, 305, 310
 Старшее Каширское городище 323, 328
 Старые дворища, поселение 243, 248
 Старые Киишки/Старокиишкинский /Старо-Киишкинский могильник 85, 86, 96, 99, 103, 116, 117, 120, 291, 306, 310, 437, 602, 739
 Старый Печеур, находка 56, 60
 Степан Разин 71
 Степановское I/Степановское городище 138, 188, 189, 202, 205, 457
 Степановское II городище 457, 459
 Степановское VIII поселение 457
 Степная IV, могильник 86
 Стерлитамак, находки 378
 Стерлитамакский совхоз, находка 378
 Столетовский, могильник 86
 стоянка им. М.И. Касьянова 136, 289, 292, 311, 312
 Студеновка 3, поселение 318, 332
 Студеный овраг, местонахождение 178, 183
 Субботинское I городище 370
 Суворовский/Суворово, могильник 443, 449, 527
 Сударма I, поселение 243, 248
 Судострой I, поселение 248, 270
 Сулейманова/Сулейменево, могильник 27, 32
 Султануиздаг, курган 122
 Суслы 71
 Сухаревское городище 189, 457, 459, 475
 Суходол, находка 48, 61, 62
 Сухой Берсут, городище 134, 163, 166
 Суюндуково 477
 Сынкулима, поселение 243, 248
 Сын्याвом I/Сын्याвом, поселение 138, 243, 248, 263, 264, 272, 275, 282, 283
 Сын्याвом II, поселение 248
 Сын्याвом III, поселение 248
 Сыньянбурд II, поселение 248
 Сыньянбурд V, поселение 562, 565, 583, 586, 596
 Сыртланово II, могильник 378, 380
 Сэбьэг I, поселение 562
 Табынск-6, селище 424, 425, 441
 Табынское I/Табынское городище 292, 298, 311, 424, 427, 441
 Табынское II (Воскресенское) городище 298, 311, 424, 427
 Тагискен, могильник 47
 Такталачукское I селище 456, 466, 469
 Такталачукское II селище 456
 Такталачукское/Такталачук, городище 455, 456, 458, 461
 Талачево, находки 378
 Талдысай I, могильник 119
 Тамар-Уткуль, могильник 43
 Тамбовка, могильник 86, 99
 Тамьянское II селище 457
 Танаберген II 27, 29, 30, 31
 Танавское городище 326
 Тара-Бутак, могильник 43, 106, 116
 Тарасово/ Тарасовский могильник 47, 443, 444, 445, 449, 450, 451, 453, 475, 476, 477, 478, 479, 482, 489, 490, 491, 493, 494, 495, 496, 497, 498, 499, 500, 501, 502, 534
 Тарасовские VIII–X, XII, XIII селища 457, 475
 Тарасовское поселение 190, 193, 201
 Тарасовское поселение-святилище 205, 471
 Татарско-Азибейские III, V поселения 456
 Татарско-Азибейское (Кулягаш) селище 456
 Татарское Бурнашево 180
 Татарско-Ямалинское I / Тат-Ямалы, городища 456, 458, 455, 461
 Татарско-Ямалинское I селище 456
 Татарско-Ямалинское II селище 456
 Татарско-Ямалинское VI селище 456
 Тат-Ямалинское II городище 455,

- 456, 458, 461
 Таш-Елгинский/Таш-Елга, могильник 134, 201, 290, 296, 301, 302, 305, 310, 357, 358
 Ташмуруновский грот 292, 293, 298, 311, 312
 Тейшебаини, городище 157
 Теньгушевское городище 313, 314, 317, 325, 328, 332, 333, 334, 335, 336
 Терновский могильник 86
 Тетюшский могильник 134, 162, 168, 172, 173, 175, 180, 181, 357, 358, 366
 Тиханкинский клад 400
 Тиханкинское городище I 394, 395, 396
 Тихогорское I городище 186, 187, 189
 Тихогорское II городище 137, 189
 Тлийский могильник 112
 Тляумбетово, находка 378
 Тово-Тумутук, могильник 477
 Тойгузинский I островной могильник 463
 Тойгузинское I/Тойгузино, городище 455, 457, 458, 461
 Тойгузинское II (Юсуф Ошнасы) селище 457
 Тойгузинское II/Тойгузино II, городище 454, 455, 457, 458, 459, 460, 461, 463, 466, 467, 468, 469, 471, 474, 499
 Тойгузинское III селище 457
 Тойгузинское V селище 457, 463
 Тойгузинское местонахождение 463
 Толмоносские I–IV селища 456
 Томниковский могильник 288
 Тонкошуровка могильник 86
 Топыд-нюр I, поселение 248
 Топыд-нюр II, стоянка 243, 248, 253, 254
 Топыд-нюр IV, поселение 248, 565
 Торгун, могильник 86
 Торгунское, могильник 86
 Торновское I городище 344
 Торновское городище 136, 340, 341, 344, 345
 Три Брата, курган 71
 Трикол (Гремучий Ключ), могильник 476, 492
 Троице-Пеленицкое городище 320, 323, 326
 Троицко-Урайское I городище 134, 162, 164, 167, 168, 171
 Трошковский клад 496, 501
 Трошковский могильник 496
 Тряпино, находка 378
 Тугозвонovo, могильник 556
 Тузлуки, могильник 86
 Туировское селище 457
 Тураевский I курганный могильник 475, 478
 Тураевский/Тураево, грунтовый могильник 441, 444, 475, 478, 556
 Турачинское/Турачино, городище 455, 456
 Турбинский клад 215
 Туруннюр II, поселение 248
 Тюкей-Молла, поселение 35
 Тюков городок/ Тюковское городище 323, 324, 325, 326
 Тюм-Тюм, могильник 358, 447, 494
 Тюм-Тюмские находки 235
 у Монумена Дружбы, могильник 292
 «У телевышки», могильник 118
 Убалар, селище 298, 311, 424, 441
 Убеевский могильник 7, 151, 153, 155, 156, 157, 159, 160
 Увак/Увакский могильник 85, 86, 100, 106, 116
 Угдым II, поселение 242, 248, 266, 280, 565, 584
 Угдым III, поселение 242, 248, 256, 262, 263, 265, 266, 565, 573, 580, 582, 584
 Угдым IV, поселение 242, 248
 Уйгарак, могильник 47
 Улан Эрге 71
 Ульские курганы 112
 Ульский курган 159
 Уметбаево/Уметбаевский могильник 86, 109, 374, 378, 380
 Умиление 2, стоянка 335
 Умировское I селище 456
 Умировское городище 455, 458, 503
 Уньинская пещера/пещерное святилище 565, 573, 575, 589, 590, 596
 Уньинский клад 595, 596
 Уразаевское I селище 457
 Уразаевское II селище 457
 Уразаевское селище 456
 Урал-сай, могильник 86, 115
 Урда, поселение 35
 Уркач/ Уркач I, могильник 86, 121
 Уркина Гора, поселение 410, 417
 Урманаево II, могильник 476
 Урманаевский/Урманаево, могильник 476, 478, 479, 492, 523
 Урманаевское I селище 457
 Ус I, поселение 248, 256
 Ус II, поселение 565, 595
 Ус III, стоянка 248
 Усатово, могильник 71, 73, 86
 Усман, могильник 86
 Усогорск II, поселение 248
 Усогорск, местонахождение 565, 595
 Успенка, могильник 86
 Устиново, могильник 201
 Усть-Ашап, городище 544
 Усть-Бельские I–III селища 457
 Усть-Бельское I (Плоское место)/ Усть-Бельское селище 457, 461, 501
 Усть-Ворыква (Кордон), стоянка 248
 Усть-Качка, поселение 215
 Усть-Кедва I, поселение 248
 Усть-Кедва, поселение 565, 568
 Усть-Коин I, стоянка 248
 Усть-Кулом I, поселение 248
 Усть-Кулом III, поселение 248
 Усть-Курьинское поселение 221
 Усть-Лыжа, находка 242, 248, 276, 285
 Усть-Лыжа, поселение 595
 Усть-Мензельское I селище 456
 Усть-Мензельское III селище 456
 Усть-Мензельское городище 457, 458, 459, 463
 Усть-Нечкинские II–III селища 457
 Усть-Нечкинское I городище 188, 189, 198, 454, 457, 459, 460
 Усть-Нечкинское I селище 189, 457
 Усть-Нечкинское II городище 188, 189, 198, 454, 457, 460
 Усть-Нечкинское поселение 193
 Усть-Нибель I, поселение 248
 Усть-Очерский могильник 138, 201
 Усть-Пидж I, поселение 248
 Усть-Сарапульский/Усть-Сарапулка, могильник 444, 475, 478
 Усть-Сарапульское селище 457
 Усть-Сойва, стоянка 248
 Усть-Соплясский клад 562
 Усть-Туйское костыше 539, 555
 Усть-Уньинский клад 562
 Усть-Уфимское городище 292, 298
 Усть-Цильма, находка 248, 276, 279
 Утёвка IV могильник 44
 Утевка IX 27, 31, 32, 33, 34, 36
 Утевка, могильник 86, 87, 99
 Уфа, находки 378
 Уфа, Цыганская поляна, находка 378
 Уфа-2, городище 292
 Уфа-4/Уфа-IV, городище 292, 298, 311, 424, 433, 441
 Уфа-5, городище 292
 Уфимский могильник 126, 131, 288, 292, 294, 303, 308
 Уфимский по ул. Тракторной, могильник 131, 177, 301, 302, 305, 310, 358
 Уфимское «Чоргово»/ Уфа-1, городище 288, 292, 294, 295, 296, 298, 299, 300, 301, 302, 303, 306, 308, 309, 311, 424, 433, 437, 536
 Уязыбашево, могильник 43, 55, 374, 378, 380, 384, 386, 387
 Уяндык II могильник 476
 Уяндыкский I/Уяндык I, могильник 302, 309, 475, 476, 492, 494, 499
 Уяндыкское городище 456, 458
 Федоровка, городище 341
 Федоровская школа, находка 378
 Федотовское городище 539, 543, 555
 Филипповка I/Филипповка/ Филип-

- повский могильник/ курганы 7, 86, 87, 91, 92, 93, 94, 95, 100, 111, 117, 122
 Филипповка II, могильник 91
 Фирсово 309
 Фриденберг (Мирное) 71
 Харьковка, могильник 71, 86
 Харьковки III, могильник 486
 Хасиха 3, местонахождение 565
 Хвалынское 10 городище 320
 Химкомбинат, могильник 35, 86
 Холаш 309
 Хохлацкий 71
 Хошеутово, могильник 71, 76, 78, 80, 81
 Хрящевка, могильник 48, 62, 374, 378
 Худяки/Худяковский могильник 443, 444, 445, 447, 448, 449, 450
 хутор Веселый, могильник 86, 378
 Хутор Истомина/Истомина, курган 43, 374, 378, 379
 хутор Истомина, могильник 43, 374, 378, 379
 хутор Короли, могильник 86
 Хэйбидя-Пэдарское жертвенное место 593, 595
 Цаган Усн, могильник 71, 74
 Царев курган, городище/ поселение 71, 86, 129, 138, 178, 183, 410, 411, 412, 413, 414, 415, 416, 417, 418, 419, 420
 Царевщина, поселение 35
 Целинный, могильник 86
 Цукар-Лиман, курган 42
 Чайка-2, селище 292, 298, 311, 424, 441
 Чандар, могильник 301, 302, 310
 Чандарское городище 293, 311
 Чаплинский могильник 492
 Чардымское II городище 326
 Чардымское IV городище 326
 Чардымское городище 320, 322, 323, 335, 419
 Чаркабож, поселение 248, 250, 257, 268
 Чеганда I, поселение 443
 Чеганда II, городище 469
 Чеганда II, клад 501
 Чеганда II, могильник 443, 445, 475, 476, 477, 478, 479, 482, 483, 492, 493, 494, 496, 498, 499, 500, 501, 515, 523, 598, 601
 Чеганда, клад 496, 501
 Чегандинский 599
 Чегандинский I могильник 496, 598,
 Чегандинское I/ Чеганда I/ Чеганда, городище 454, 457, 459, 463, 464, 466, 467, 468, 470, 599
 Чегандинское III городище (селище) 457
 Челкар, могильник 86
 Чепаниха 475, 478
 Чердынь, находка 213
 Черebaево, могильник 86
 Черепашье городище 137, 162, 163, 165, 169, 172, 290
 Черлакское селище 456
 Черная II, могильник 86, 118
 Черниковское I/ Черниковское селище 292, 294, 295, 297, 298, 311, 324, 441
 Черниковское-2, селище 292
 Черноборская I, поселение 565, 586, 595
 Черноборская IV, поселение 565, 595
 Черновское I городище 547, 548, 558, 560
 Черный Яр, могильник 86
 Чертовицкое III городище 420
 Чертово городище 131, 301
 Чиатав, могильник 477
 Чижевское городище 126, 219, 239
 Чиков, могильник 86
 Чинниковское селище 456
 Чишма-2, селище 292, 298, 311
 Чиялекское II селище 456
 Чкаловский могильник 43, 51, 57, 62, 64, 86, 98
 Чмырева могила, курганы 160
 Чограй, могильник 35, 86
 Чойновты II, поселение 248, 562
 Чойновты III, поселение 565, 566, 581, 586, 587, 590, 591, 592, 593, 595
 Чойновты IV, поселение 243
 Чуддинты I, поселение 565
 Чужьяель, местонахождение 565
 Чужьялово, могильник 478
 Чумарово, могильник 43, 374, 378, 379, 384, 385, 386, 387, 388
 Чумойтло I, могильник 478
 Чурачикский/Чурачикский I могильник 8, 178, 347, 348, 349, 351, 352, 353, 446, 492
 Чус, разрез 21, 22
 Чутайское I городище 219, 220
 Чутайское II городище 219
 Шадринский могильник 439
 Шалавенки, могильник 477
 Шамметовское городище 456, 458
 Шамметовское селище 456
 Шарашлинское селище 456
 Шатмантамак I, могильник 27, 29, 32, 36, 37
 Шебалино, могильник 86
 Шверли, находка 378
 Шевченковский сельсовет, находка 378
 Шевыряловские I, II селища 457
 Шигонское III селище 410, 411, 413, 414
 Шигонское поселение 411, 415
 Шигонское селище 411, 416
 Шидали I, могильник 476, 492
 Шиликтасый, могильник 86
 Шиловка, находка 48, 61, 177, 182
 Шиповский могильник 289, 290, 291, 292, 294, 297, 298, 301, 303, 304, 305, 306, 310, 311, 312, 427, 428, 431, 435, 436, 437, 439, 440, 441, 442, 487, 493, 496, 501, 524, 599, 601
 Шиповское городище 292, 295, 298, 301, 310, 311, 424, 430, 441
 Шиховское I, поселение 248, 272, 283
 Шиховское II, поселение 138, 565
 Шиховское III поселение 589
 Шиховское VI, местонахождение 248, 283
 Шиховской могильник 138, 243, 248, 251, 255, 257, 258, 259, 260, 263, 265, 266, 274, 276, 277, 278, 279, 281, 282, 283, 284, 285, 562, 565, 579, 586, 587, 588, 589, 592, 593, 595, 596
 Шишкинское городище 320, 323, 324, 326, 329, 334
 Шмаковский могильник 439, 665
 Шойнаты 254
 Шойнаты II, поселение 135, 242, 248, 265
 Шойнаты III, поселение 242, 248, 259, 262, 565, 584
 Шомвуква II, поселение 248, 253
 Шульц, могильник 71, 86
 Шунякское селище 456
 Щельябож II, поселение 248
 Щельябож III, поселение 248, 280
 Щельяюр IV, поселение 248
 Эвдык, могильник 71, 86
 Элистинский 71
 Эльтон, могильник 86, 94
 Энгельс 71
 Юг, пос. 205, 214
 Юго-Камское I селище 541
 Юго-Камское II городище 541, 543
 Юго-Камское городище 552
 Юго-Камское костыше 205, 539, 544, 552, 555, 556, 557
 Югомашево, могильник 475, 478
 Южный Тагискен, могильник 47
 Юлдашевский могильник 476, 477, 478, 491, 492, 493, 494, 496, 499, 500, 501
 Юлдашевское (Петер-Тау) городище 164, 454, 455, 456, 458, 459, 475
 Юлуково-2, селище 424, 441
 Юмагузино, находка 378
 Юнар, селище 298, 311
 Юнновское III селище 456
 Юньгинское I городище 457, 460
 Юньгинское II городище 202, 457, 460
 Юракинское городище 326
 Юрматы II, могильник 374, 378, 380, 389
 Юртовские I–III селища 456
 Ябалаковское селище 456

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

Яблоновка, могильник 86	Ягу-яр, поселение 243, 248, 253, 256, 258, 271, 565, 584	Ямаша II селище 457, 460, 461
Ягаткинское городище «Пичке Сърчѐ» 394, 395	Ядмас I, поселение 565	Ямашор, поселение 242, 245, 250, 272
Ягкодж II, поселение 565, 570, 574, 578, 581, 584	Якимковские I, II городища 457, 458	Янада, находка 182
Ягкодж III, местонахождение/поселение 565, 573, 574, 581	Яковлевский могильник 119	Яндашевское местонахождение 394
Ягкоджты, поселение 565, 568, 578, 579, 581, 584	Якупово, могильник 86	Янмурзинский клад 394, 395
Ягодное, могильник 27, 31, 32, 33, 34, 40, 41, 48	Якэ 8 погребение 565, 588, 589	Ясачное III поселение 151
	Якэ 8, местонахождение 562, 589, 590	Ясырев, могильник 86
	Ямаша I селище 457	Ящеринское городище 394, 395

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ

Ранний железный век в Волго-Уралье и на севере Восточной Европы <i>(Кузьминых С.В., Чижевский А.А.)</i>	5
Территориальное деление и природно- географические условия Волго-Уралья в раннем железном веке <i>(Аськеев И.В.)</i>	11
Территориальное деление и природно- географические условия региона на Европейском Северо-Востоке в раннем железном веке <i>(Голубева Ю.В.)</i>	19

Часть первая

Первая фаза раннего железного века Волго-Уралья

Раздел I

Культуры севера степной зоны IX–VII – II вв. до н. э.

Глава 1 Переходный период от бронзового века к железному в степной зоне Волго-Уралья <i>(Таиров А.Д.)</i>	26
Глава 2 Кочевники предсавроматского и савроматского времени <i>(Мышкин В.Н.)</i>	39
Глава 3 Культура кочевников скифской эпохи степей Нижнего Поволжья (вторая пол. VI–IV вв. до н. э.) <i>(Очир-Горяева М.А.)</i>	68
Глава 4 Раннесарматская (прохоровская) культура <i>(Скрипкин А.С.)</i>	85
Глава 5 Цветная и черная металлообработка в степях Волго-Уралья в раннем железном веке	106

Цветная металлообработка у ранних кочевников Южного Приуралья (савромато-сарматская эпоха) <i>(Барцева Т.Б.)</i>	106
---	-----

Технологические характеристики железных изделий второй половины I тыс. до н. э. с территории Южного Приуралья и Поволжья <i>(Завьялов В.И., Терехова Н.Н.)</i>	111
--	-----

Глава 6

Антропология ранних кочевников «савромато-сарматского» облика Волго-Уралья <i>(Китов Е.П., Хохлов А.А.)</i>	115
--	-----

Раздел II

Культуры лесной и лесостепной зоны Волго-Уралья

Глава 1 История изучения и историографии Ананьинской культурно-исторической области. <i>(Чижевский А.А., Черных Е.М.)</i>	126
---	-----

Глава 2 Ананьинская культурно-историческая область. Культура текстильной керамики (акозинско-ахмыловская) <i>(Чижевский А.А., Кузьминых С.В., Патрушев В.С.)</i>	141
--	-----

Глава 3 Ананьинская культурно-историческая область. Постмаклашеевская культура. Памятники белогорского типа <i>(Чижевский А.А., Волкова Е.В.)</i>	162
---	-----

Глава 4 Ананьинская культурно-историческая область. Ананьинская классическая культура (шнуровой керамики) <i>(Чижевский А.А., Черных Е.М., Коренюк С.Н.)</i>	186
--	-----

Глава 5 Ананьинская культурно-историческая область. Вятско-ветлужская культура (гребенчато-шнуровой керамики) <i>(Черных Е.М., Чижевский А.А.)</i>	217
--	-----

Глава 6		Раздел II	
Памятники ананьинского времени на территории Европейского Северо-Востока (<i>Васкул И.О., Ашихмина Л.И.</i>)	242	Культуры лесной и лесостепной зоны Волго-Уралья	423
Глава 7		Глава 1	
Кара-абызская культура. Ранний этап. Гафурийский и убаларский типы (<i>Воробьева С.Л.</i>)	288	Кара-абызская культура III в. до н. э. – II в. н. э. (<i>Воробьева С.Л.</i>)	424
Глава 8		Глава 2	
Городецкая культура (<i>Ставицкий В.В.</i>)	313	Пьяноборская культурно-историческая общность (<i>Голдина Р.Д., Лецинская Н.А.</i>)	443
Глава 9		Глава 3	
Памятники городецкой культуры в Самарском Поволжье (<i>Волкова Е.В.</i>)	339	Пьяноборская культура. Поселенческие памятники (<i>Черных Е.М., Бугров Д.Г.</i>)	454
Глава 10		Глава 4	
Чурачикский могильник (<i>Мясников Н.С.</i>)	346	Могильники Среднего и Нижнего Прикамья (<i>Голдина Р.Д., Бернц В.А.</i>)	475
Глава 11		Глава 5	
Цветная и черная металлургия в лесной и лесостепной зоне Волго-Уралья VIII – IV/III вв. до н. э.	354	Кипчаковский комплекс памятников раннепьяноборского времени (<i>Зубов С.Э., Саттаров Р.Р., Тагиров Ф.М.</i>)	503
Цветная металлургия ананьинской культурно-исторической области и ее изучение (<i>Кузьминых С.В., Сапрыкина И.А.</i>)	354	Глава 6	
Чёрная металлургия в лесной и лесостепной зоне Волго-Уралья в IX – II вв. до н. э. (<i>Завьялов В.И., Терехова Н.Н.</i>)	365	Бассейн р. Вятки на рубеже эр (<i>Лецинская Н.А.</i>)	527
Часть вторая		Глава 7	
Вторая фаза раннего железного века Волго-Уралья		Памятники гляденовской культурно-исторической общности Среднего Прикамья (<i>Коренюк С.Н., Перескоков М.Л.</i>)	539
Раздел I		Глава 8	
Культуры севера степной зоны	373	Памятники гляденовской культурно-исторической общности на территории Европейского Северо-Востока (<i>Васкул И.О.</i>)	562
Глава 1		Глава 9	
Среднесарматская культура (<i>Мышкин В.Н.</i>)	374	Антропология лесной и лесостепной зоны Волго-Уралья (<i>Волкова Е.В., Газимзянов И.Р.</i>)	598
Глава 2		Литература	608
Памятники писеральско-андреевского типа (<i>Зубов С.Э., [Гришаков В.В.], Мясников Н.С.</i>)	392	Список сокращений	657
Глава 3		Именной указатель	659
Памятники позднескифского круга в Среднем Поволжье (<i>Сташенков Д.А.</i>)	410	Указатель географических названий	662

АРХЕОЛОГИЯ ВОЛГО-УРАЛЬЯ

РАННИЙ ЖЕЛЕЗНЫЙ ВЕК

ТОМ III

Утверждено к печати
Институтом археологии им. А.Х. Халикова
Академии наук РТ

Под общей редакцией
Ситдикова А.Г.
Художник
Садыков Р.Р.
Картографы:
Сайфутдинова Г.М., Вафина Г.Х.
Корректор
Першагина И.А.
Оригинал-макет
Асылгараева Г.Ш.

На 1 странице обложки:
бронзовая булавка
раннего железного века
с навершием в виде хищника
из Новомордовского I могильника

Оригинал-макет подготовлен в Институте археологии АН РТ
420012 г. Казань, ул. Бутлерова, 30
Подписано в печать 27.12.2021 г.
Формат 60×84 ¹/₈
Печать офсетная. Усл. печ. л. 78,59
Общий тираж 800 экз. Заказ №
Отпечатано в типографии

16+